Ф. ХИТЦЕР

ЛЕНИН В МЮНХЕНЕ

ПОД ИМЕНЕМ ДОКТОРА ИОРДАНОВА

München. Bahnhofsplatz.

ЛЕНИН В МЮНХЕНЕ

Ф. ХИТЦЕР

ПОД ИМЕНЕМ

ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН
В МЮНХЕНЕ

Москва
Издательство
политической
литературы
1981

13.50
X52

$X\frac{10103-184}{079(02)-81}$ 224—81 0103020000

Предисловие

Предлагаемая советскому читателю книга «Под именем доктора Иорданова» принадлежит перу западногерманского писателя Фридриха Хитцера. Это обширное историко-документальное исследование было издано в 1977 году баварским Обществом содействия развитию отношений между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом. Книга вышла в свет под названием «Ленин в Мюнхене»; она сразу же привлекла внимание широких кругов общественности как в Западной Германии, так и в других странах.

Обращение автора к этой теме закономерно. В. И. Ленин в 1900—1902 годах в течение полутора лет, соблюдая строжайшую конспирацию, жил и работал в Мюнхене. Пребывание его в этом городе было связано с осуществлением задачи, имевшей огромное историческое значение,— изданием газеты «Искра».

Еще в последний год сибирской ссылки Владимир Ильич всесторонне продумал организационный план создания единой марксистской партии рабочего класса. Для этого необходимо было объединить многочисленные, рассеянные по всей России марксистские кружки и группы. Осуществить эту грандиозную задачу он мыслил при помощи нелегальной газеты.

В. И. Ленин считал, что только общерусская нелегальная политическая газета может явиться важнейшим средством идейного и организационного сплочения социал-демократов. Газета должна была стать коллективным пропагандистом, коллективным агитатором, коллективным организатором.

В условиях царской России такую газету издавать было невозможно, поэтому Ленин решил издавать ее за границей. Перед ним был пример А. И. Герцена, создавшего там вольную русскую прессу, выпускавшего политический журнал «Колокол», который имел громадное влияние в России, был пример группы «Освобождение труда», созданной Г. В. Плехановым в Женеве.

С целью постановки газеты за пределами России Ленин летом 1900 года выехал за границу. Перед отъездом он провел большую организационную работу — заручившись поддержкой социал-демократов ряда городов, создал в них прочные опорные пункты для будущей газеты.

В Мюнхене обосновалось главное ядро редакции нелегальной «Искры» и марксистского научно-политического журнала «Заря». Здесь Лениным были написаны такие известные работы, как «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», сыгравшая выдающуюся роль в борьбе за марксистскую партию, «Аграрный вопрос и «критики Маркса», четыре главы которой были опубликованы в декабре 1901 года в «Заре» впервые за подписью Н. Ленин, десятки статей, огромное количество писем. Созданная Лениным «Искра» закладывала фундамент партии.

Мюнхенский период деятельности Ленина отражают его произведения, письма, а также переписка редакции «Искры», воспоминания, среди которых особо следует выделить написанные Н. К. Крупской. Этот период получил отражение и в книгах «Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника» и «В. И. Ленин. Биография», подготовленных Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Однако литературы, специально посвященной жизни Ленина в мюнхенский период, его деятельности и окружавшей обстановке, до недавнего времени было немного: две брошюры — Ксавера Штреба и Фридриха Доната, изданные в ГДР и переведенные на русский язык; в 1976 году Издательством политической литературы ЦК КПСС была выпущена книга Л. Л. Муравьевой и И. И. Сиволап-Кафтановой «Ленин в Мюнхене. Памятные места». Поэтому издание на русском языке обстоятельного исследования Ф. Хитцера представляет большой интерес.

Идея написания книги возникла у автора в связи с подготовкой баварской выставки в Советском Союзе. «Мне,— рассказывал Ф. Хитцер,— передали тогда все материалы из городского архива, связанные с пребыванием В. И. Ленина в Мюнхене, и предложили подумать, каким образом это можно было бы отразить на выставке. По мере работы над документами того времени, изучения исследований ученых возникла потребность попытаться, быть может, найти новые ответы на многие вопросы. Когда точно Ленин приехал в Мюнхен? Почему он выбрал именно этот город? Кто ему помогал?.. То есть самые простые вопросы, которые, между прочим, были и самыми важными»[1]. Весьма интересным был и вопрос о том, под какими фамилиями жил В. И. Ленин в Мюнхене, скрываясь от полицейских ищеек.

И Ф. Хитцер стал вести работу в мюнхенских архивах. Начало было необнадеживающим. Ему говорили: «Вряд ли вы что-нибудь найдете...» Напоминали: на запросы советских институтов в 50-е и 60-е годы (речь шла о документах, которые интересовали и Хитцера) был дан отрицательный ответ. Но автор настойчиво продолжал свои поиски. Он добился доступа к полузабытым полицейским делам 900-х годов. Целые дни проводил в хранилищах бывшей Баварской королевской библиотеки. Вновь и вновь анализировал теоретические работы марксистов, прослеживал каждый

---

[1] Правда, 1978, 8 января.

шаг, уводивший к ленинским адресам на Кайзерштрассе или на Зигфридштрассе в Швабинге, просмотрел сотни и тысячи страниц мемуаров старых германских социал-демократов, отчетов о рабочих собраниях и митингах.

Документы, в том числе и впервые обнаруженные Ф. Хитцером,—самая сильная сторона его книги. Один из них—подлинник полицейского формуляра, в соответствии с которым Владимир Ильич по паспорту болгарина—д-ра Иорданова—был прописан на Зигфридштрассе. Автору удалось точно установить, по документам какого Иорданова жил Ленин; до сих пор в этом не было полной ясности. Приводится также лист регистрации в книге читателей Баварской королевской библиотеки, заполненный рукой Ленина.

Пребывание В. И. Ленина в Мюнхене автор показывает на широком фоне жизни Баварии, положения ее трудящихся, развития рабочего движения. Книга Ф. Хитцера значительно расширяет прежние представления о сотрудничестве немецких социал-демократов, руководства партии, непосредственно Августа Бебеля с В. И. Лениным и его соратниками. Большой интерес представляют приводимые в книге материалы так называемого Кенигсбергского процесса—судилища, организованного прусской юстицией и царской охранкой над немецкими социал-демократами, участвовавшими в нелегальной транспортировке «Искры» через Пруссию к российским границам.

В тексте книги воспроизводится множество деталей о Ленине-человеке, деталей, тщательно отобранных автором из воспоминаний и свидетельств современников.

О всех перипетиях жизни и деятельности В. И. Ленина в Мюнхене Фридрих Хитцер рассказывает убедительным языком документов и фактов.

От издателя

Баварское Общество содействия развитию отношений между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом выступает за взаимопонимание и углубление отношений между обоими государствами в области науки и культуры, экономики и политики. Этой задаче призвана служить и книга Фридриха Хитцера «Ленин в Мюнхене. Документы и факты».

Владимир Ильич Ленин, выдающийся деятель, вождь Октябрьской революции и основатель Советского государства, жил и работал в Мюнхене в период с 1900 по 1902 год. Здесь он разработал важнейшие положения своей теории и организации революционного движения своей страны, которые стали основой всей деятельности Российской социал-демократической рабочей партии, созданной в начале века. Деятельность Ленина в Мюнхене освещается в этой книге на фоне больших социально-политических и исторических взаимосвязей, ибо обстоятельства, условия и политические последствия его пребывания в этом городе приобрели значение, далеко выходящее за пределы истории Баварии и ее столицы.

В этом факте мы усматриваем особое проявление тех широких связей между Германией и Россией, которые охватывали все общественные слои, самые различные политические и культурные течения в наших странах.

В результате нормализации отношений между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом, начало которой положило подписание Московского договора, наше Общество сочло своей особой задачей исследовать деятельность Ленина в период его эмиграции в Мюнхене.

Мы надеемся, что данная книга отвечает широкому стремлению к развитию взаимопонимания, мирных и полезных для всех народов отношений.

Мы благодарны всем тем, кто принимал участие в создании этой книги: автору—Фридриху Хитцеру, госпоже Сильвелии Хитцер за оформление книги, членам рабочего совета, назначенного правлением и советом Общества для реализации данного проекта, советскому историку и журналисту Льву Безыменскому, Эрвину Эсслю, городскому советнику Альфреду Лотману, бургомистру Эккарту Мюллер-Гейденрейху и директору архива Михаэлю Шаттенхоферу. Мы благодарны также обербургомистру города Мюнхена Георгу Кронавиттеру, бургомистру города Нюрнберга Вилли Прельсу, городским архивам Мюнхена и Нюрнберга, Баварскому главному государственному архиву в Мюнхене и Государственному архиву Мюнхена, а также Институту марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институту марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ за помощь и содействие в работе над книгой...

Мюнхен, октябрь 1977 года.

Эрвин Эссль,
председатель Общества
содействия развитию отношений
между Федеративной Республикой
Германии и Советским Союзом

Предисловие к немецкому изданию

Пребывание Владимира Ильича Ленина в Мюнхене — это один из важных периодов теоретической и организационной подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Главным в деятельности В. И. Ленина этого периода являлись подготовка и издание первой общерусской нелегальной марксистской газеты «Искра» и легального марксистского журнала «Заря». В 1902 году было завершено и тогда же издано произведение «Что делать?», принадлежащее наряду с другими ленинскими трудами к наиболее часто переводимым на другие языки произведениям мировой политической литературы. К этому периоду относится подготовка и публикация основополагающих ленинских работ по аграрному вопросу, который здесь, в Баварии, впервые систематически исследуется им с позиций научного социализма; в эти годы В. И. Лениным велась подготовка II съезда Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), состоявшегося в 1903 году, на котором оппортунистическому меньшинству революционным большинством было нанесено поражение, имевшее решающее значение для всего последующего развития событий в мире.

Принятые на II съезде РСДРП программа и устав явились воплощением учения о партии нового типа; это учение, созданное Лениным, смогло еще до съезда партии победить в местных организациях молодого российского рабочего и освободительного движения, и оно определило процесс развития этого движения вплоть до победоносной революции 1917 года и основания III, Коммунистического Интернационала в 1919 году. Таким образом, уже в начале XX века центр международного революционного движения переместился из Западной Европы в Россию.

Несмотря на выдающееся историческое значение мюнхенского периода эмиграции в деятельности В. И. Ленина, о нем удивительно мало публикаций. Безусловно, все до сих пор найденные тексты — книги, статьи, заметки, конспекты, выписки, письма В. И. Ленина, его жены Надежды Константиновны Крупской и других членов и сотрудников редакции «Искры» — были тщательно собраны, опубликованы и неоднократно комментировались. Исследование ленинского идейно-теоретического наследия развернулось, и прежде всего в Советском Союзе, в грандиозную и многообразную область науки, в рамках которой вся теоретическая и практическая деятельность Владимира Ильича Ленина может считаться почти полностью исследованной и систематизированной.

Имеются также многочисленные монографические исследования, мемуары и очерки о странах и городах, в которых жил и работал В. И. Ленин,— об Англии, Франции, Польше, Швеции и Швейцарии, о Лондоне, Кракове, Париже, Женеве, Цюрихе, Стокгольме и другие. Но Мюнхен все еще остается наименее исследованным местом и периодом в жизни и деятельности В. И. Ленина.

Правда, в 20-е и 30-е годы в Советском Союзе появились первые публикации на эту тему; начался сбор биографических и документальных материалов, опросы тех, кто знал Ленина в годы эмиграции. Эти материалы публиковались, например, в таких изданиях, как Ленинские сборники, или в журнале «Красный архив» и др. Среди этих материалов было больше всего воспоминаний и документов участников революционного движения в России.

Советские авторы Л. Л. Муравьева и И. И. Сиволап-Кафтанова включили в свою книгу «Ленин в Мюнхене», вышедшую в 1976 году, материалы, которые относятся к мюнхенскому периоду эмиграции, и заслуга указанных авторов должна быть подчеркнута. Их книга входит в серию изданий «Памятные места». Несмотря на некоторые новые аспекты темы, освещенные авторами на основе своей научной командировки в Федеративную Республику Германии осенью 1974 года, все же многие обстоятельства и условия жизни В. И. Ленина в Мюнхене в начале нашего века остаются нераскрытыми. Но это не упрек авторам, которые и не ставили себе такую задачу.

С самого начала оказалось сложным найти источники с немецкой стороны. Поражение в первой мировой войне и трагедия германской революции 1918—1919 годов вызвали к жизни стремление предать забвению опыт истории нашего народа, а 12 лет господства гитлеровского фашизма породили беспримерную фальсификацию истории немецкого народа, полное извращение исторической картины в общественном сознании немцев.

Из страха перед облавами и обысками были уничтожены бесчисленные документы, письма и фотографии, частные архивы и коллекции старых социал-демократов и коммунистов, все то, что еще уцелело после пресловутой кампании сожжения книг, проведенной национал-социалистами. Кроме полицейских донесений и материалов различных органов негласного наблюдения, в Мюнхене почти нет подлинной документации о немецком рабочем движении до 1914 года. Фотодокументы старой, довоенной социал-демократии и профсоюзов Баварии стали архивной редкостью. К подобным редким историческим памятникам относится, например, и старое партийное знамя мюнхенской СДПГ 1902 года, хранящееся в Доме-музее Георга фон Фольмара. Германское рабочее движение в Баварии до 1914 года, богатое своими боевыми традициями, практически вычеркнуто из памяти последующих поколений.

Начавшаяся вскоре после 1945 года «холодная война» воспрепятствовала в нашей стране возрождению прогрессивных традиций и науч-

ному восстановлению исторической правды, изучению прошлого. Определенные явления и наших дней заставляют полагать, что для большой части общественного мнения германская история начинается как бы с 1933 года.

Систематическое исследование о В. И. Ленине и Германии впервые на немецкой земле было развернуто учеными ГДР. Без изданного там на немецком языке собрания сочинений и писем В. И. Ленина, выпущенного издательством «Дитц-Ферлаг» в Берлине, без подробных исследований рабочего движения Германии и России немыслимо дать описание жизни и деятельности Ленина в Германии. В последние годы в Федеративной Республике Германии в прессе много говорится о событиях, которые еще в канун нашего века во многом определили процессы последующего духовного и общественного развития Европы.

Первые сведения о пребывании В. И. Ленина в Мюнхене содержатся в трудах историков ГДР, например у Ксавера Штреба и Фридриха Доната; важные моменты раскрыл Арнольд Райсберг, исследовавший связи Ленина с немецким рабочим движением; некоторые данные о сложных перипетиях во взаимоотношениях между большевиками и немецкой социал-демократией имеются, например, в трудах западногерманских историков Дитриха Гейера и Петера Леше.

Среди трудов по теме «Ленин в Мюнхене», появившихся в Федеративной Республике Германии, следует назвать книгу Эрнста Боймлера «Заговор в Швабинге» [1]. Книга Боймлера имеет претенциозный подзаголовок — «Встреча Ленина с Германией». Если придерживаться точки зрения автора, который делает свои заявления часто бездоказательно, то эта встреча была случайной и поверхностной. Однако если мы заглянем в обширную переписку Ленина и его сестер, то убедимся, сколь тесными были связи семьи Ульяновых с культурными и научными традициями Германии. Все факты из жизни Ленина свидетельствуют о глубоких и исторически неизбежных связях с Германией. Попытка Боймлера приписать конспиративным методам, применявшимся редакторами «Искры», легенду о «заговоре» тоже должна быть отвергнута на основе проверенных фактов. Высказанное им предположение, будто Ленин использовал слух о грозящей русским эмигрантам опасности со стороны немецкой полиции для того, чтобы в конце мюнхенского периода еще больше отделить себя от жившего в Женеве Плеханова, «доказывается» тем, что не найдено никаких полицейских документов, подтверждающих это.

Поразительным в такой подаче материала является, однако, не столько клеветническая тенденция автора: организация некоего «заговора» приписывалась Владимиру Ульянову еще в актах царской тайной полиции, и обо всем этом Боймлер, равно как и другие авторы с аналогичными взглядами, пишет без малейшей ссылки на договоры между Германией и Россией о взаимной выдаче политических преступников и их осуществление германскими властями. Главное то, что у всех этих авторов полностью отсутствуют указания на проводимое властями официальное отождествление террористического анархизма и социал-демократии (об этом свидетельствуют архивные дела кайзеровской Германии и царской России); отсутствует у подобных авторов также упоминание об острых дискуссиях вокруг терроризма. Опубликованные ниже, во второй главе, тайные государственные соглашения о борьбе против международного анархизма наглядно раскрывают эту проблему. Такой подход характерен также для мемуаров бывших союзников, а затем противников Ленина; это часто повторяется и в американских и английских публикациях об этом периоде.

Верным является то, что редакторы «Искры» в своей работе в Мюнхене вынуждены были соблюдать строгую конспирацию, если они хотели претворить в жизнь свои идеи. Хотя Швейцария не присоединилась к предложенному Германией и Россией тайному «пакту против терроризма», все же Георгий Плеханов, проживавший в Женеве, тоже вынужден был опасаться выдачи его царским властям, что наверняка привело бы к ссылке в Сибирь или даже к еще более тяжелым последствиям.

Связанные с конспирацией обстоятельства жизни эмигрантов из России чрезвычайно затрудняют исследование личной жизни В. И. Ленина и его соратников тех лет в Мюнхене.

Всякий, кто стремится нарисовать реалистическую картину условий их работы того периода, должен коснуться и этих, казалось бы, «внешних» обстоятельств, с которыми столкнулись революционные русские социал-демократы на пороге нового столетия. Лишь с учетом этого можно понять мотивы и методы организации работы Ленина и его соратников.

Это относится также и к мотивам деятельности немецких социал-демократов, без помощи которых в то время нельзя было обезопасить деятельность В. И. Ленина в Мюнхене. Речь идет о том, что Ленин в 1900 году имел дело с немцами, которые принадлежали к аппарату так называемых «доверенных лиц» своей партии и которые только с согласия своего партийного руководства могли поделиться с товарищами из России своим конспиративным опытом, приобретенным еще в 1878—1890 годах в борьбе против антисоциалистического чрезвычайного закона Бисмарка, так называемого закона против социалистов.

Весной 1900 года была достигнута договоренность редакции «Искры» с Августом Бебелем, на основе которой «доверенные лица» СДПГ не только были информированы о планах русских товарищей, но и участвовали в их реализации как умеющие молчать и достойные доверия членов своей партии.

В этой связи именно в Мюнхене действительно имели место первые, наиболее тесные контакты Ленина с Германией и с самой сильной и опытной социалистической партией тех лет.

[1] Швабинг — некогда пригород, а ныне район Мюнхена, в котором снимал квартиру В. И. Ленин.— *Прим. перев.*

С этих исходных позиций мне представляется правомерным так построить свою книгу, чтобы известное и ранее неизвестное создавали наиболее полную картину тогдашних государственных и общественных отношений между Германией и Россией, которые я дополнил соответствующими высказываниями Ленина.

Надо сказать, что Мюнхен оказался в центре развития процессов, которые определялись, с одной стороны, господствующей буржуазной националистической и империалистической международной политикой, а с другой — прогрессивными силами, деятельность которых была направлена на фундаментальные изменения существующей системы капиталистического господства.

Согласно данным Баварского главного государственного архива, в котором хранятся наряду с другими материалы бывших баварских министерств иностранных и внутренних дел и юстиции, поиски официальных документов о жизни Ленина в Мюнхене, осуществленные по запросам советских научно-исследовательских институтов в 50-е и 60-е годы, остались безрезультатными: ни в материалах бывших министерств иностранных и внутренних дел, ни в материалах королевского управления полиции Мюнхена «дела Ленина» нет. Таково было положение согласно справкам ведающих этими вопросами директоров и советников архивов до начала моих изысканий. Мои поиски в государственных архивах столицы Баварии не увенчались успехом: какого-либо «дела» о деятельности и пребывании В. И. Ленина в Мюнхене нет. Правда, возможно, что среди уничтоженных, потерянных или конфискованных в 1945 году оккупационными властями США архивных материалов могли быть или даже имелись документы, содержащие сведения о пребывании редакции «Искры» в Мюнхене.

На мой запрос от 19 августа 1977 года в Государственный архив Мюнхена, в котором хранятся важнейшие документы административной области Верхняя Бавария и города Мюнхена, я получил следующее:

«На Ваш запрос относительно вероятного уничтожения политически важных материалов архива трудно дать удовлетворительный ответ. Иосиф Фальтер, составитель хроники в управлении полиции г. Мюнхена, сообщает (см. т. 1, 1973, с. 89), что 29 апреля 1919 года регистратура управления полиции Мюнхена подверглась разграблению и частичному уничтожению. Уцелевшие материалы в Государственном архиве подтверждают это заявление. В 1944 году регистратура управления государственной тайной полиции Мюнхена, где хранилась также документация бывшей довоенной Баварской политической полиции, находившаяся в Виттельсбахском дворце, была почти полностью разрушена при бомбежке. В Государственном архиве Мюнхена сохранились лишь 113 дел гестапо.

Возможно, что в последние дни перед концом второй мировой войны была проведена тщательная чистка государственных и прочих регистратур и архивов с целью уничтожения изобличающих материалов. Относительно объема и тщательности этих мероприятий можно высказать лишь предположения, тем более что вступившие в Мюнхен союзные войска сразу же конфисковали в партийных и государственных учреждениях все письменные материалы, частично переслали их в США, частично в Главный архив Берлина для централизованной подготовки судебного процесса над военными преступниками. Лишь сравнительно немногие документы были в последующее время (в 60-е и 70-е годы) возвращены Федеративной Республике Германии бывшими оккупационными органами союзных войск. Но большая часть документов все еще не возвращена, однако сегодня они уже стали доступными для научных исследований. Государственному архиву Мюнхена удалось, например, выявить, что интересные с исторической точки зрения дела городского суда Мюнхена с конца XIX века и почти до 1933 года, считавшиеся прежде утерянными, находятся в Главном архиве Берлина. Дать окончательный ответ, какие из архивных дел действительно утеряны (или уничтожены) в период второй мировой войны, невозможно до тех пор, пока конфискованные союзниками архивные материалы не будут возвращены соответствующим немецким архивам. По этому вопросу можно сослаться на обстоятельную статью Гарольда Егера «Проблематика и достоверность частично уничтоженных архивных материалов времен национал-социализма», опубликованную в журнале «Дер Архивар», 1975, с. 275—292».

Несмотря на эти сложные обстоятельства, свое предположение о том, что ни фамилия Ульянов, ни псевдоним Ленин не были зарегистрированы в официальных материалах баварских учреждений до 1917 года, я основываю прежде всего на фактах негласного надзора за гражданами России со стороны политической полиции и агентов охранки (см. главы V и VI), которыми руководил центр охранки в Берлине (во главе с Аркадиусом Гартингом), действуя в тесном сотрудничестве с политическими отделами полиции в Берлине и Мюнхене. В пользу этого предположения свидетельствуют безрезультатные запросы Берлинского управления полиции в адрес ответственного за наблюдением за русскими гражданами в Баварии окружного комиссара Юлиуса Гелера относительно местонахождения «Искры» в Мюнхене, свидетельствуют и все обстоятельства сенсационного дела 1908 года, когда в Мюнхене были арестованы три видных русских социал-демократа, свидетельствуют сравнительно точные агентурные данные о других революционных организациях среди русских студентов при высших школах Мюнхена. Следует указать и на ложный донос руководства мюнхенской полиции при расследовании связей Филиппа Рёгнера, проживавшего в Нюрнберге, с русскими революционерами. Крупская и Ленин неоднократно подтверждали, что Рёгнер являлся одним из наиболее надежных адресатов для корреспонденции «Искры».

Большинство немецких социал-демократов знало об этих связях и поэтому использовало свое влияние и возможности для защиты русских товарищей. В этой книге приведены

многие «забытые» историками ФРГ доказательства, прежде всего в главе «Кенигсбергский процесс», а также цитаты, выдержки из прений в рейхстаге относительно выдачи охранке немецкими властями русских демократов и социал-демократов.

Очевидно, отнюдь не беззаботность германских и русских властей «повинна» в том, что они не напали на след деятельности Ленина в Мюнхене. Скорее это был результат международного сотрудничества и взаимопомощи в рабочем движении до 1914 года.

В период Советской республики в Баварии вновь была установлена прямая связь между Лениным и Мюнхеном: об этом свидетельствует оживленный обмен радиограммами между Мюнхеном и Москвой, из числа которых я впервые могу опубликовать шесть до сих пор неизвестных документов Товия Аксельрода в адрес В. И. Ленина и руководства Совета Народных Комиссаров Российской Советской республики. Я считаю необходимым рассказать о главных направлениях немецко-русских отношений, соотнесенных с ходом событий в Мюнхене, вплоть до 1914 года, когда эти отношения были разорваны.

Таким образом, пребывание Ленина в Мюнхене представляет собой наиболее значительный момент в отношениях между Россией и Германией в начале XX века, в которых встречаются и тесным образом переплетаются консервативные и прогрессивные, реакционные и революционные течения. Об этом также свидетельствует ряд доверительных сообщений, впервые опубликованных в этой книге, а также публикации, которые или оставались без внимания, или же — как это показано в третьей главе — считались утерянными.

Я благодарен профессору Карлу Бослю за ценные указания на материалы по истории Мюнхена и Баварии, хранящиеся в баварских государственных архивах, а также за сведения, касающиеся научных исследований о государстве и обществе, экономике, политике и культуре в Баварии на рубеже XIX и XX веков, которые я почерпнул из исторических исследований и монографий, написанных под его руководством, благодарен и доктору Людвигу Гольвеку, директору мюнхенского исторического музея Монасенсиа, за советы относительно источников по истории Мюнхена.

За советы и пожелания, высказанные по теме этой книги, я выражаю благодарность профессору, доктору исторических наук Георгию Назаровичу Голикову из Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в Москве. Этот институт предоставил мне для публикации в данной книге репродукции оригиналов писем и конвертов с адресами из переписки Ленина и Крупской в Мюнхене, репродукции выписок Ленина из книги Баварской королевской библиотеки, автографа «через Рёгнера» на листовке «К студентам Харькова». Я благодарен также докторам Вутке и Гёпфнер из Института марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ в Берлине, профессорам Дитеру Фрикке из Иенского университета и Иосифу Шлейфштейну из Института марксистских исследований во Франкфурте-на-Майне за их библиографические советы, а также Институту марксизма-ленинизма при ЦК Болгарской коммунистической партии за справки о болгарине Иорданове, под именем которого Ленин жил в Мюнхене.

Я благодарю д-ра Буслея, директора Баварского главного государственного архива, за консультации по материалам, хранящимся в баварских архивах, д-ра Тролля, директора Государственного архива Мюнхена, директора архива д-ра Шаттенхофера из городского архива Мюнхена, советника по архивам д-ра Бернда из Баварского главного государственного архива и д-ра Гиршмана, директора городского архива Нюрнберга. Я благодарен д-ру Фридолину Дреслеру, генеральному директору баварских государственных библиотек, который первый открыл автограф Ленина в книге регистрации читателей зала журнальной периодики (см. главу 3), за советы по истории Баварской королевской (ныне государственной) библиотеки, которую Ленин посещал под именем доктора юриспруденции Иордана К. Иорданова. Я благодарен госпоже д-ру фон Мойзи из Баварской Государственной библиотеки в Мюнхене за консультацию относительно старых, ныне не применяемых, форм регистрации читателей. Я благодарен господину Манфреду Хаклю из городского архива Мюнхена за совет просмотреть еще не исследованную картотеку заявлений граждан по вопросам прописки, в которой я 22 марта 1977 года впервые обнаружил подлинное заявление Ленина о прописке в Мюнхене, и здесь впервые публикую этот документ. Среди впервые публикуемых в немецких изданиях и открытых у нас документов следует назвать также иллюстрации из ленинской «Искры», отсутствовавшие, например, даже в болгарском юбилейном переиздании этой газеты (см. главу 3). Я выражаю особую благодарность за помощь по осуществлению замысла этой книги баварскому Обществу содействия развитию отношений между Федеративной Республикой Германии и Советским Союзом, правлению и совету этого Общества, в особенности его председателю Эрвину Эсслю. Я благодарю за поддержку специально созданный для написания этой книги рабочий совет и прежде всего советского историка Л. А. Безыменского и мюнхенского городского советника Альфреда Лотмана за консультации и практическую помощь.

Свою сугубо личную благодарность я выражаю Урзуле Райт из Мюнхена, перепечатавшей рукопись и документы и подготовившую научный аппарат, господину Гаральду Фрею за фотографии из книги «Следы Ленина в Мюнхене» и моей жене Сильвелии Хитцер, идеи которой по красочному оформлению, по типу печати и иллюстрациям придали соответствующую форму немецкому изданию этой книги.

Мюнхен, конец сентября 1977 года.

Фридрих Хитцер.

Молодой человек тридцати лет

«Не признавая возможным продолжать мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского Университета.

Студент 1-го семестра
юридического факультета
***Владимир Ульянов*» [1].**

1.

Сибирь, 1897 год. В селе Шушенском Минусинского округа Енисейской губернии в доме крестьянина Зырянова под гласным надзором полиции проживает молодой юрист. Он не сам выбрал себе Шушенское для жительства. Владимир Ильич Ульянов, родившийся 22 апреля 1870 года в г. Симбирске на Волге, был сослан сюда, за несколько тысяч километров от столицы — Санкт-Петербурга. 13 февраля 1897 года после более чем 14 месяцев тюремного заключения в одиночной камере петербургского дома предварительного заключения он был приговорен к трем годам ссылки в Восточную Сибирь.

Это был уже второй арест и ссылка. Когда В. И. Ленин был арестован первый раз, полицейский пристав, сопровождавший его в тюрьму, сказал: «Ну что вы бунтуете, молодой человек,— ведь стена!»

«Стена, да *гнилая*,— ткни и развалится!» [1]— ответил семнадцатилетний Ульянов.

Распоряжения властей, жестко регламентировавшие жизнь и учебу студентов в университетах России, вызвали протест молодого Ульянова и многих других представителей его поколения. Подозрительность начальства проявлялась во множестве требований и запретов, которым должны были следовать студенты. Запрещены были любые собрания, организации, даже студенческие землячества.

Но кто был смелым и знал, чего хочет добиться, того никакие запреты не могли удержать от борьбы за права и справедливость.

В декабре 1887 года Владимир Ульянов принял участие в сходке студентов, состоявшейся в актовом зале Казанского университета, и потребовал вместе со своими товарищами отмены антидемократического устава университета, разрешения студенческих союзов, возвращения исключенных студентов и привлечения к ответственности лиц, повинных в их исключении.

Эту сходку власти использовали для осуществления чрезвычайных мер. Во дворе рядом с университетом стояли наготове солдаты. Владимир Ульянов в знак протеста написал ректору прошение:

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1979, т. 2, с. 173, 174.

Ульянов попал в тюрьму. Семнадцатилетнего юношу исключили из университета, ему было запрещено проживать в городе, и он был выслан в деревню Кокушкино.

Директор департамента полиции дал указание начальнику казанского губернского жандармского управления: «Распорядитесь... учредить строгое негласное наблюдение за высланным... Владимиром Ульяновым» [2].

Конечно, на этом для молодого Ульянова образование не закончилось.

Находясь в ссылке, он усиленно занимался самообразованием. Литературой его снабжали родственники. Но в университет он допущен не был. Прошение «Его Высокопревосходительству господину Министру Народного Просвещения» [3] о восстановлении в Казанском университете было отклонено. Он получил отказ и на ходатайство о получении заграничного паспорта для продолжения учебы.

Лишь после долгих и упорных усилий Владимиру удалось получить разрешение сдавать экзамены за университет экстерном. В 1891 году он сдает экстерном государственные экзамены за юридический факультет и получает диплом первой степени. Хотя к тому времени он уже активно участвовал в нелегальных марксистских кружках, посвящая им много времени и сил, завершение высшего образования он считал необходимым.

«Революционное крещение» Владимира Ульянова состоялось в декабре 1887 года. Его фамилия впервые появилась в делах царской полиции. В тот год огромное горе обрушилось на семью Ульяновых.

2.

8 мая 1887 года царские палачи в крепости Шлиссельбург под Санкт-Петербургом за участие в подготовке покушения на царя казнили старшего брата Владимира — Александра, студента естественного отделения. Ему был 21 год. Фамилия Ульянов попала тогда и в иностранную печать.

В борьбе за новую, свободную, справедливую Россию Александр присоединился к народовольцам — к группе, члены которой были

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 551.
[2] Владимир Ильич Ленин. Биография. М., 1972, с. 13.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 552.

В. И. Ленин-гимназист. 1887 г.

Мария Александровна, Илья Николаевич и их дети: Ольга, Мария, Александр, Дмитрий, Анна и Владимир. 1879 г.

убеждены в том, что ценой собственной жизни, покушениями на высших представителей ненавистного строя им удастся воодушевить народ на революцию против самодержавия.

«Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти» [1],— решил Владимир.

Владимир Ульянов избрал себе путь рабочего движения. Но оно в России в те годы только зарождалось; даже для революционной молодежи тех лет, которая исходила преимущественно из идей народников и народовольцев, марксизм оставался в основном неизвестным.

В 80-х годах в Германии рабочее движение, руководимое социал-демократией, развернуло борьбу против изданного Бисмарком закона против социалистов, против преследований со стороны властей и начало, как выразился Август Бебель в своих воспоминаниях, «игру в кошки-мышки» с полицией и ее шпиками. В то время Владимир Ульянов занимался изучением основополагающих трудов Карла Маркса и Фридриха Энгельса, которые, если они вообще были доступны, имелись в основном на немецком языке. Марксистские идеи были подобны путеводной нити, указывающей выход из глухого тупика.

«...Он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала», [2]— вспоминала сестра Владимира Анна.

Позже, уже в Мюнхене, Владимир Ильич в «Заключении» своей знаменитой книги «Что делать?» писал:

[1] См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, с. 11.
[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5-ти т. М., 1979, т. 1. Воспоминания родных, с. 26.

«Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными «Народной воле» и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений... Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая... о теории марксизма...» [1]

3.

Для этой борьбы необходимо было основательно подготовиться, не строить никаких иллюзий о трудностях работы, быть готовым отдать ей все свои силы.

Молодой Ульянов имел для этого хорошие предпосылки. Его широкое общее образование включало русские, немецкие и французские культурные традиции. Он хорошо разбирался в литературе, науке и музыке.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, обучала своих детей немецкому, французскому и английскому языкам. По ее инициативе в семье в отдельные дни общение шло только на одном из этих языков.

Марию Александровну воспитала ее тетка, Катерина Эссен, которая приучила племянницу к аккуратности и трудолюбию. Ее любимой поговоркой было немецкое выражение: «Nur nicht vertändeln!—Только не балбесничать, не проворонивать время!» [2] Тратить время попусту Владимиру не пришлось. Он изучал марксистскую литературу, научные и статистические исследования по социальным вопросам.

В начале 90-х годов он служил помощником присяжного поверенного в самарском суде. Тогда же молодой Ульянов перевел с немецкого на русский язык «Манифест Коммунистической партии». Написанная от руки тетрадь, которой обменивались участники нелегальных марксистских кружков, была — как говорят — в последующем уничтожена из-за опасения обыска [3].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 180—181.
[2] *Шагинян Мариэтта.* Семья Ульяновых. Роман-хроника. М., 1958, с. 28.
[3] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 149.

До своей первой поездки за границу, которую Ульянов совершил в 1895 году по заданию петербургских марксистов, он успел изучить целый ряд основополагающих марксистских произведений, среди которых и три тома «Капитала»; он уже становится известен в рабочих кружках Санкт-Петербурга и среди российских марксистов.

4.

И снова, уже второй раз, Владимир Ильич вынужден прервать свою деятельность: власти ссылают его — ради «безопасности» — подальше от общественной деятельности, в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии. Оно находилось примерно в 650 километрах от ближайшей железнодорожной станции. Основная масса здешнего населения не умела ни писать, ни читать. Не было ни книг, ни газет, в которых Ульянов так нуждался. Лишь родные или друзья доставали их ему. Но почта приходила в Шушенское только через 13—14 дней.

«Ты просишь, Маняша,— писал Владимир сестре Марии, находившейся тогда в Швейцарии,— описать село Шу-шу-шу... Гм, гм! Да ведь я, кажись, однажды уже описывал его. Село большое, в несколько улиц, довольно грязных, пыльных — все как быть следует. Стоит в степи — садов и вообще растительности нет. Окружено село... навозом, который здесь на поля не вывозят, а бросают прямо за селом, так что для того, чтобы выйти из села, надо всегда почти пройти через некоторое количество навоза».[1]

Ульянову нужны были материалы для работы. Те «антигосударственные» действия, за которые его выслали в Шушенское, стали содержанием его жизни и деятельности.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 47—48.

Став к этому времени убежденным марксистом и социал-демократом, Ульянов с 1893—1894 годов приобрел известность своими произведениями, в которых он остро полемизировал с «друзьями народа» и «легальными марксистами». Речь шла о том, кто станет руководящей силой в борьбе за освобождение России от самодержавия и от развивавшегося капитализма. В противоположность социал-демократам «друзья народа» и «легальные марксисты» отрицали обоснованную Марксом и Энгельсом историческую миссию рабочего класса.

Поэтому такое внимание привлекли взгляды Ульянова, изложенные им в его выдающемся произведении «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского Богатства» против марксистов)», отпечатанном на гектографе в 1894 году. Оно распространялось в ряде городов и оказало там влияние на ход дискуссий в нелегальных революционных кружках. Это произведение Владимир Ульянов не подписал своим именем; авторство приписывалось «Изданию провинциальной группы социал-демократов». Социал-демократы в России были лишены права открыто высказывать свои воззрения и мысли.

В этой работе Ульянов сформулировал идею революционного союза рабочего класса и крестьян как решающей силы, как главного условия предпосылки для свержения царизма. Свой труд автор завершил следующим программным выводом:

«Когда передовые представители его[1] усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,— тогда русский **РАБОЧИЙ**, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет **РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ** (рядом с пролетариатом **ВСЕХ СТРАН**) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* **ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»**[2].

Ульянов, однако, отстаивал эти идеи не только в теории. Он решительно, активно боролся за их практическое осуществление.

5.

Наряду с бурным развитием промышленности в 90-е годы в России росла и численность рабочих на фабриках, шахтах, в нефтедобыче и добыче золота, на строительстве железных дорог, в портах.

[1] Рабочего класса.— *Ф. Х.*
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 311—312.

Рабочих насчитывалось уже около 3 миллионов. Их положение было чрезвычайно тяжелым. Произвол периода первоначального капиталистического развития соединялся в России с реакционными традициями помещиков: пережитки крепостничества и бесправие на фабриках порождали двойной гнет. На предприятиях России существовали самый длинный в Европе рабочий день и самая низкая его оплата. Бессовестно эксплуатировался труд женщин и детей.

Тяжелый физический труд, голод и болезни, ужасные жилищные условия, отсутствие общей системы страхования по болезни и старости вызывали во многих местах России вспышки протеста и забастовки, которые жестоко подавлялись. Рабочим мало чего удавалось добиться. Когда вводился в жизнь новый правительственный фабричный закон, который должен был несколько улучшить положение трудящихся, молодой Ульянов, находясь еще в Шушенском, писал о тех уроках, которые должны извлечь русские рабочие:

«Первый урок: передовые русские рабочие должны изо всех сил стараться втянуть в движение более отсталых работников. Не втягивая в борьбу за рабочее дело всей массы русских рабочих, передовые, столичные рабочие немногого добьются, даже если принудят к уступкам *своих* фабрикантов, ибо правительство отличается такой высокой степенью «справедливости», что не позволяет лучшим фабрикантам делать существенные уступки рабочим. Второй урок: русское правительство гораздо более злой враг русских рабочих, чем русские фабриканты, ибо правительство не только защищает интересы фабрикантов, не только прибегает для этой защиты к зверской травле рабочих, к арестам, высылкам, к нападениям с войском на безоружных рабочих, но сверх того оно защищает интересы *самых прижимистых* фабрикантов, восставая против стремления лучших фабрикантов уступать рабочим. Третий урок: для того, чтобы завоевать себе *человеческие* условия работы и добиться 8-часового рабочего дня, к которому стремятся теперь рабочие всего мира, русские рабочие должны полагаться только на силу своего объединения и неуклонно отвоевывать у правительства уступку за уступкой. Правительство словно торгуется с рабочими, пробуя, нельзя ли набавить еще полчасика — рабочие покажут ему, что они умеют стоять на своих требованиях. Правительство точно испытывает терпение рабочих: нельзя ли, дескать, отделаться уступочкой подешевле — рабочие покажут ему, что у них хватит терпения на самую упорную борьбу, ибо это для них — борьба за свою жизнь, борьба против полного принижения и угнетения рабочего народа»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 274—275.

Главная задача, однако, состояла в создании сильной массовой марксистской партии.

В то время в русской социал-демократии господствовала кружковщина. Молодые интеллигенты, иногда также передовые рабочие и крестьяне, оказавшиеся в таких индустриальных центрах, как Петербург, Москва, Киев, Баку, тайно встречались, чтобы обмениваться мыслями о том, каким образом можно было бы в России применить марксистские идеи. Более последовательно, чем все его современники, Ульянов сознавал, что кустарничество и кружковщина изжили себя и, чтобы победить в освободительной борьбе, необходимо создать партию рабочего класса. Каждый, кто отваживался на осуществление этой задачи, рисковал попасть в тюрьму, в ссылку и даже на каторгу. Исключительные законы царской России были направлены против всех, кто выступал за прогресс.

Как можно было в таких условиях основать партию? Митинги и собрания были запрещены. Когда Владимир Ульянов стал социал-демократом, профсоюзов еще не было.

«О социал-демократических газетах не было и помину в то время»[1],— писала позже Надежда Крупская, которая познакомилась с Ульяновым в одном из марксистских кружков в Петербурге в 1894 году. Но без собственной газеты было немыслимо создать социал-демократическую рабочую партию России. Только газета, стоявшая на четких и ясных марксистских позициях, могла придать движению четкую ориентацию, информировать его участников, помочь организовать это движение и руководить им. Другого пути не было, и это ясно понимал Владимир Ильич Ленин.

Это подтвердил и пример издававшейся в Цюрихе газеты «Социал-демократ», которая в условиях беспощадного преследования социал-демократов распространялась в Германии в 80-х годах нелегально, помогая таким образом руководить партией, укреплять ее:

«...И в самой Германии потребность в принципиально выдержанной газете возрастала по мере того, как затягивалось действие исключительного закона. Обходиться без нее стало невозможно; необходима была, во-первых, пропаганда наших принципов, которой газеты, выходившие в Германии, не смели и не могли заниматься; затем необходима была критика действий полиции и судебных властей; в-третьих, надо было уяснить необходимую тактику, которой следовало держаться; и, наконец, в-четвертых, газета была нужна, чтобы передавать партийным товарищам сообщения и давать им советы, которые при создавшихся условиях не могли быть доведены до них иным способом»[2].

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей и выступлений. М., 1979, с. 11.

[2] *Бебель Август.* Из моей жизни. М., 1963, с. 621.

Таким образом, Август Бебель раскрыл роль и значение централизованной партийной организации. Для русских социал-демократов, независимо от того, были ли они в эмиграции или на нелегальной работе на родине, Бебель был примером несгибаемой воли к борьбе, глубоко человеческой и политической преданности делу угнетенных всех стран. Августа Бебеля и Фридриха Энгельса русские рабочие считали вождями Интернационала.

В. И. Ленин, создавая партию российского рабочего движения, увидел единственную возможность успеха этого дела в организации газеты, которая стала издаваться в Мюнхене с 1900 года. Задача газеты состояла в построении лесов или подмостков «этой общей организационной постройки». Это помогло бы выдвижению «из наших рабочих» русских Бебелей, «которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России.

Вот о чем нам надо мечтать!»[1].

Глеб Кржижановский, один из членов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которым руководил двадцатипятилетний Ульянов, вспоминал уже после Октябрьской революции прогулку в сибирской ссылке вдоль берега Енисея. Это было незадолго до окончания ссылки и отъезда, в последние недели прошлого века, когда Ульянов обсуждал с близкими товарищами свои планы или вел о них переписку[2].

«Была морозная лунная ночь, и перед нами искрился бесконечный саван сибирских снегов. Владимир Ильич вдохновенно рассказывал мне о своих планах и предположениях по возвращении в Россию. Организация печатного партийного органа, перенесение его издания за границу и создание партии при помощи этого центрального органа, представляющего, таким образом, своеобразные леса для постройки всего здания революционной организации пролетариата... Мне, признаться, на первых порах показалось, что он переоценивает роль такой партийной газеты...»[3]

Однако Владимир Ильич меньше всего размышлял о том, что кому-то такие планы могли казаться «фантастическими» или даже «нереальной мечтой». Он уже давно приступил к реализации этих планов Но могла ли такая газета вообще выходить в России?

6.

После ареста в декабре 1895 года Ульянову стало ясно, что в условиях полицейских преследований и слежки в России невозможно было, при всей осторожности и соблюдении конспиративных правил, издавать такую газету.

Попытка «Союза борьбы» издавать нелегальную газету «Рабочее дело» потерпела неудачу. Подготовленный и отредактированный Владимиром Ильичем первый номер газеты не увидел света.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 года Ульянов и многие его соратники по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» были арестованы, а готовый к печати материал был конфискован полицией[1]. Они обвинялись в «государственном преступлении».

После состоявшегося в Минске в 1898 году I съезда Российской социал-демократической рабочей партии, в котором Ульянов не смог участвовать, последовали полицейские обыски в 27 городах. Почти все делегаты были арестованы, а только что возникший партийный центр — разгромлен[2].

Марксисты опасались, что репрессии и террор властей, которые стремились в зародыше подавить социал-демократическую рабочую партию, приведут к дезориентации и даже к явлениям разложения среди молодых русских социалистов.

Самым опасным противником в то время Ульянов считал «экономизм». Это идейно-политическое течение приобрело за два-три года решающее влияние в большинстве социал-демократических организаций России. Идеи «экономизма» распространялись газетой «Рабочая мысль», органом петербургских «молодых», журналом «Рабочее дело», органом «Союза русских социал-демократов за границей». «Экономизм» исходил из того, что рабочий класс должен вести только экономическую борьбу.

«Эта борьба понятна всем; она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам»,— писала «Рабочая мысль» в октябре 1897 года. А «Рабочее дело» защищало в 1900 году мнение, будто политическое просвещение пролетариата в существующих условиях бесполезно, даже опасно и это дело будущего.

«Экономисты», выступавшие под лозунгом «рабочего социализма», хотели теоретизирование сделать исключительно делом интеллигенции, а за рабочими оставить борьбу за улучшение условий труда. При этом они следовали по существу идеям Эдуарда Бернштейна и Петра Струве. Владимир Ульянов, как и Георгий Плеханов, стал решительным и резким критиком «экономистов».

В «Протесте российских социал-демократов», написанном Ульяновым в 1899 году, марксисты выступили против «Кредо» — программного заявления «экономистов» — и призвали «все группы социал-демократов и все

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 171.
[2] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 236.
[3] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 2, с. 22.

[1] См.: *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 199.
[2] См.: Ленинская «Искра». М., 1970, с. 11.

Группа руководителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сидят: В. В. Старков, Г. М. Кржижановский, В. И. Ленин, Ю. О. Мартов; стоят: А. Л. Малченко, П. К. Запорожец, А. А. Ванеев. 1897 г.

рабочие кружки в России» обсудить это «Кредо» и критику в его адрес, «высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской социал-демократической рабочей партии»[1].

В ходе борьбы с «экономистами», которая затронула все социал-демократические рабочие организации, Владимир Ильич Ульянов считал необходимым максимально четко сформулировать общие цели этой борьбы, что он и сделал в статье, в которой он также определил цели и задачи газеты, функции будущего партийного органа.

Наша ближайшая задача

Русское рабочее движение находится в настоящее время в переходном периоде. Блестящее начало, которым ознаменовали себя социал-демократические организации рабочих Западного края, Петербурга, Москвы, Киева и других городов, завершилось образованием «Российской социал-демократической рабочей партии» (весной 1898 года). Сделав этот громадный шаг вперед, русская социал-демократия как бы исчерпала на время все свои силы и вернулась назад к прежней раздробленной работе отдельных местных организаций. Партия не перестала существовать, она только ушла в себя, чтобы собраться с силами и поставить дело объединения всех русских социал-демократов на прочную почву. Осуществить это объединение, выработать для него подходящую форму, освободиться окончательно от узкой местной раздробленности — такова ближайшая и самая насущная задача русских социал-демократов.

Мы все согласны в том, что наша задача — организация классовой борьбы пролетариата. Но что такое классовая борьба? Когда рабочие отдельной фабрики, отдельного ремесла вступают в борьбу со своим хозяином или со своими хозяевами, есть ли это классовая борьба? Нет, это только слабые зачатки ее. Борьба рабочих становится классовою борьбою лишь тогда, когда все передовые представители всего рабочего класса всей страны сознают себя единым рабочим классом и начинают вести борьбу не против отдельных хозяев, а против *всего класса* капиталистов и против поддерживающего этот класс правительства. Только тогда, когда отдельный рабочий сознает себя членом всего рабочего класса, когда в своей ежедневной, мелкой борьбе с отдельными хозяевами и с отдельными чиновниками он видит борьбу против всей буржуазии и против всего правительства, только тогда его борьба становится классовой борьбой. «Всякая классовая борьба есть борьба политическая» — эти знаменитые слова Маркса неверно было бы понимать в том смысле, что всякая борьба рабочих с хозяевами *всегда бывает* политической борьбой. Их надо понимать так, что борьба рабочих с капиталистами необходимо *становится* политической борьбой *по мере того*, как она становится *классовой* борьбой. Задача социал-демократии состоит именно в том, чтобы посредством организации рабочих, пропаганды и агитации между ними *превратить* их стихийную борьбу против угнетателей в борьбу всего класса, в борьбу определенной политической *партии* за определенные политические и социалистические идеалы. Одной местной работой такая задача не может быть достигнута.

Местная социал-демократическая работа достигла у нас уже довольно высокого развития. Семена социал-демократических идей заброшены уже повсюду в России; рабочие листки — эта первая форма социал-демократической литературы — знакомы уже всем русским рабочим, от Петербурга до Красноярска и от Кавказа до Урала. Нам недостает теперь именно сплочения всей этой местной работы в работу одной *партии*. Наш главный недостаток, на устранение которого мы должны направить все свои силы, это — узкий, «кустарный» характер местной работы. В силу этого кустарничества масса проявлений рабочего движения в России остаются чисто местными событиями и сильно теряют в своем значении, как образца для всей русской

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 176.

социал-демократии, как стадии всего русского рабочего движения. В силу этого кустарничества рабочие не проникаются в достаточной мере сознанием общности своих интересов по всей России, недостаточно связывают с своей борьбой мысль о русском социализме и русской демократии. В силу этого кустарничества различные взгляды товарищей на теоретические и практические вопросы не обсуждаются открыто в центральном органе, не служат для выработки общей программы партии и общей тактики, а теряются в узкой кружковщине или ведут к непомерному преувеличению местных и случайных особенностей. Довольно с нас этого кустарничества! Мы уже достаточно зрелы, чтобы перейти *к общей работе,* к выработке общей программы партии, к совместному обсуждению нашей партийной тактики и организации.

Русская социал-демократия сделала много для критики старых революционных и социалистических теорий; она не ограничилась одной критикой и теоретизированием; она доказала, что ее программа не висит на воздухе, а идет навстречу широкому стихийному движению в народной среде, именно в фабрично-заводском пролетариате; ей остается теперь сделать следующий, особенно трудный, но зато и особенно важный, шаг: выработать приспособленную к нашим условиям организацию этого движения. Социал-демократия не сводится к простому служению рабочему движению: она есть *«соединение социализма с рабочим движением»* (употребляя определение К. Каутского, воспроизводящее основные идеи «Коммунистического манифеста»); ее задача — внести в стихийное рабочее движение определенные социалистические идеалы, связать его с социалистическими убеждениями, которые должны стоять на уровне современной науки, связать его с систематической политической борьбой за демократию, как средство осуществления социализма, одним словом, слить это стихийное движение в одно неразрывное целое с деятельностью *революционной партии.* История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения,— таков тот *материал,* которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. «Обработка» этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде: с одной стороны, русское рабочее движение поставлено в совершенно иные условия, чем западноевропейское. Было бы очень опасно впадать на этот счет в какие-либо иллюзии. А с другой стороны, русская социал-демократия самым существенным образом отличается от прежних революционных партий в России, так что необходимость учиться у старых русских корифеев революционной и конспиративной техники (мы нисколько не колеблясь признаем эту необходимость) отнюдь не избавляет нас от обязанности критически относиться к ним и самостоятельно вырабатывать свою организацию.

Два главных вопроса выдвигается при постановке такой задачи с особенной силой. 1) Как совместить необходимость полной свободы местной социал-демократической деятельности с необходимостью образовать единую — и, следовательно, централистическую — партию? Социал-демократия почерпает всю свою силу в стихийном рабочем движении, которое проявляется неодинаково и неодновременно в различных промышленных центрах; деятельность местных социал-демократических организаций является *основой* всей деятельности партии. Но если это будет деятельность изолированных «кустарей», тогда нельзя даже, строго говоря, назвать ее социал-демократической, ибо это не будет организацией и руководством *классовой* борьбы пролетариата. 2) Как совместить стремление социал-демократии стать революционной партией, которая ставит главною своею целью борьбу за политическую свободу,— с тем, что социал-демократия решительно отказывается устраивать политические заговоры, решительно отказывается «звать рабочих на баррикады» (по верному выражению П. Б. Аксельрода) или вообще навязывать рабочим тот или иной «план» атаки на правительство, сочиненный компанией революционеров?

Русская социал-демократия имеет полное право считать, что *теоретическое* решение этих вопросов она дала; останавливаться на этом значило бы повторять сказанное в статье «Наша программа». Дело идет теперь о *практическом* решении этих вопросов. Такое решение не может быть дано отдельным лицом или отдельной группой,— его может дать только организованная деятельность всей социал-демократии. Мы думаем, что в настоящее время самая насущная задача состоит в том, чтобы взяться за решение этих вопросов, и что для этого мы должны поставить своей ближайшей целью — *организацию правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии.* Мы думаем, что на организацию этого дела должна быть направлена в течение всего ближайшего будущего *вся* деятельность социал-демократов. Без такого органа местная работа останется узким «кустарничеством». Образование партии,— если не организовано правильное представительство э́той партии в известной газете,— останется в значительной степени одним словом. Экономическая борьба, не объединяемая центральным органом, не может сделаться *классовой* борьбой всего русского пролетариата. Ведение политической борьбы невозможно без того, чтобы вся партия высказывалась по всем вопросам полити-

ки и направляла отдельные проявления борьбы. Организация революционных сил, дисциплинирование их и развитие революционной техники невозможны без обсуждения всех этих вопросов в центральном органе, без коллективной выработки известных *форм и правил ведения дела*, без установления — чрез посредство центрального органа — *ответственности* каждого члена партии перед всей партией.

Говоря о необходимости сосредоточить *все* силы партии — все литературные силы, все организаторские способности, все материальные средства и пр. — на основании и правильном ведении органа всей партии, мы нисколько не думаем о том, чтобы оттеснить на второй план другие виды деятельности, напр., местную агитацию, манифестации, бойкот, травлю шпионов, травлю отдельных представителей буржуазии и правительства, демонстративные стачки и пр. и пр. Напротив, мы убеждены в том, что все эти виды деятельности составляют *основу* деятельности партии, но *без* объединения их в органе всей партии все эти формы революционной борьбы *теряют девять десятых своего значения*, не ведут к созданию общего опыта партии, к созданию партийной традиции и преемственности. Орган партии не только не будет конкурировать с такой деятельностью, а, напротив, окажет громадное влияние на ее распространение, упрочение, введение в систему.

Необходимость сосредоточить *все* силы на организации правильно выходящего и доставляемого органа партии обусловливается оригинальным положением русской социал-демократии в отличие от социал-демократии других европейских стран и от старых русских революционных партий. У рабочих Германии, Франции и пр. есть кроме газет масса других способов публичного проявления своей деятельности, других способов организации движения: и парламентская деятельность, и выборная агитация, и народные собрания, и участие в местных общественных учреждениях (земских и городских), и открытое ведение ремесленных (профессиональных, цеховых) союзов и пр. и пр. У нас *заменой всего этого*, но именно *всего* этого, должна служить — пока мы не завоевали политической свободы — революционная газета, без которой у нас невозможна *никакая* широкая организация всего рабочего движения. В заговоры мы не верим, от единичных революционных предприятий разрушить правительство мы отказываемся; практическим лозунгом нашей работы служат слова ветерана германской социал-демократии, Либкнехта: «Studieren, propagandieren, organisieren» — учиться, пропагандировать, организовать — и центральным пунктом этой деятельности может и должен быть только *орган партии*.

Но возможна ли и при каких условиях возможна правильная и сколько-либо устойчивая постановка такого органа? Об этом мы поговорим в следующий раз[1].

Но если этот партийный орган мог успешно издаваться только за границей, чтобы затем нелегально доставляться в Россию, то какая страна и какое место в ней обладали для этого наилучшими предпосылками?

Выбор пал на Германию, а в Германии — на Мюнхен. Этот выбор — результат совещаний, в которых участвовали как российские, так и немецкие социал-демократы.

В Германии рабочее движение было уже настолько развитым и окрепшим в борьбе против исключительного закона против социалистов, что у него можно было кое-чему поучиться. В Германии жили тысячи товарищей, накопивших ценный опыт в этой борьбе. Для немецкого социал-демократа того времени интернациональная солидарность была чем-то само собой разумеющимся. А та солидарность, которую они готовы были проявить по отношению к своим русским товарищам, проистекала из глубокой симпатии у всех тех, кто видел в царизме оплот европейской реакции и союзника ненавистной Пруссии Бисмарка и кайзеровской империи Вильгельма.

Вот почему для Ульянова, точно знавшего эти обстоятельства, было само собой разумеющимся использовать опыт и советы немецкой партии.

Мюнхен не слишком бросался в глаза и — что было очень важным — находился вне эмигрантской среды. Этот город рекомендовал Август Бебель. Владимир Ульянов очень ценил советы Бебеля, одного из руководителей немецкой социал-демократии. Он также считал необходимым договориться с немецкими товарищами на месте относительно того, как «поставить наш литературный аппарат нелегально и самим остаться законспирированными...»[2]. Это можно было осуществить лишь с одобрения и при поддержке немецкого партийного руководства и сотрудников его аппарата.

7.

В Шушенском в последний год уходящего века у Владимира Ильича Ульянова созрела идея создания газеты. В начале нового века он приступил к реализации этой идеи, что ему и удалось осуществить в Мюнхене. Газета была названа «Искрой».

Когда-то Александр Пушкин написал стихотворное послание декабристам в Сибирь, в этот край ссыльных. Поэт А. И. Одоевский, один из сосланных в Сибирь декабристов, ответил Пушкину. Строки ответа Одоевского содержали не жалобу, а призыв к борьбе; в этом стихотворении он подчеркивал, что де-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 187—192.

[2] *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене. М., 1976, с. 25.

кабристы даже за затворами тюрьмы смеются над царями; их стремление к свободе было не напрасным, ибо когда-нибудь народ разожжет святое пламя и мечом разрубит оковы, ибо «из искры возгорится пламя».

Название «Искра» было связано с восстанием декабристов не только символически. В Шушенском еще в 30—50-х годах XIX века жили сосланные декабристы, и именно там у Ленина зародился организационный план создания марксистской партии. Из сибирской ссылки Владимир Ульянов написал за границу: «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих» [1].

В 1898 году в Шушенское приехала невеста Владимира Ульянова Надежда Крупская, которая также по делу «Союза борьбы» была приговорена к трем годам ссылки. (Он должен был вступить с ней в церковный брак, ибо иначе власти не разрешили бы Крупской поездку в Шушенское.)

8.

«О значении «Искры»,— отмечала Надежда Крупская,— говорить не приходится. «Искра» создала Российскую социал-демократическую рабочую партию» [2].

Молодой человек тридцати лет, Владимир Ильич Ульянов прибыл 7 сентября 1900 года в Мюнхен и сразу же приступил к работе. Он написал «Заявление редакции «Искры», которое в октябре было отпечатано отдельным листком и затем распространено.

Заявление редакции «Искры»

От редакции

Предпринимая издание политической газеты — «Искра», мы считаем необходимым сказать несколько слов о том, к чему мы стремимся и как понимаем свои задачи.

Мы переживаем крайне важный момент в истории русского рабочего движения и русской социал-демократии. Последние годы характеризуются поразительно быстрым распространением социал-демократических идей среди нашей интеллигенции, а навстречу этому течению общественной мысли идет самостоятельно возникшее движение промышленного пролетариата, который начинает объединяться и бороться против своих угнетателей, начинает с жадностью стремиться к социализму. Кружки рабочих и социал-демократов интеллигентов появляются повсюду, распространяются местные агитационные листки, растет спрос на социал-демократическую литературу, далеко обгоняя предложение, а усиленные правительственные преследования не в силах удержать этого движения. Битком набиты тюрьмы, переполнены места ссылки, чуть не каждый месяц слышно о «провалах» во всех концах России, о поимке транспортов, о конфискации литературы и типографий, но движение все растет, захватывает все больший район, все глубже проникает в рабочий класс, все больше привлекает общественное внимание. И все экономическое развитие России, вся история русской общественной мысли и русского революционного движения ручаются за то, что социал-демократическое рабочее движение будет расти, несмотря на все препятствия, и в конце концов — преодолеет их.

Но, с другой стороны, главная черта нашего движения, которая особенно бросается в глаза в последнее время,— его раздробленность, его, так сказать, кустарный характер: местные кружки возникают и действуют независимо друг от друга и даже (что особенно важно) независимо от кружков, действовавших и действующих в тех же центрах; не устанавливается традиции, нет преемственности, и местная литература всецело отражает раздробленность и отсутствие связи с тем, что уже создано русской социал-демократией.

Несоответствие этой раздробленности с запросами, вызываемыми силою и широтой движения, создает, по нашему мнению, критический момент в его развитии. В самом движении с неудержимой силой сказывается потребность упрочиться, выработать определенную физиономию и организацию, а между тем в среде практически действующих социал-демократов необходимость такого перехода к высшей форме движения сознается далеко не везде. В довольно широких кругах наблюдается, наоборот, шатанье мысли, увлечение модной «критикой марксизма» и «бернштейниадой», распространение взглядов так называемого «экономического» направления и в неразрывной связи с этим — стремление задержать движение на его низшей стадии, стремление отодвинуть на второй план задачу образования революционной партии, ведущей борьбу во главе всего народа. Что подобного рода шатанье мысли наблюдается среди русских социал-демократов, что узкий практицизм, оторванный от теоретического освещения движения в его целом, грозит совратить движение на ложную дорогу, *это факт;* в этом не могут усомниться люди, непосредственно знакомые с положением дел в большинстве наших организаций. Да есть и литературные произведения, подтверждающие это: стоит назвать хотя бы «Credo», вызвавшее уже вполне законный протест, «отдельное приложение к «Рабочей Мысли»» (сентябрь 1899), столь рельефно выразившее тенденцию, проникающую *всю* газету «Рабочая Мысль», или наконец — воззвание петербургской «Группы самоосвобождения рабочего класса», состав-

---
[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 12.
[2] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 12.

ленное в духе того же «экономизма». И *совершенно неверно* утверждение «Рабочего Дела», что «Credo» представляет собою не больше, как мнение единичных лиц, что направление «Рабочей Мысли» выражает лишь сумбурность и бестактность ее редакции, а не особое направление в самом ходе русского рабочего движения.

А рядом с этим в произведениях писателей, которых читающая публика, с большим или меньшим основанием, считала до сих пор видными представителями «легального» марксизма, все более и более обнаруживается поворот к воззрениям, сближающимся с буржуазной апологетикой. Результатом всего этого и является тот разброд и та анархия, благодаря которым экс-марксист или вернее экс-социалист Бернштейн, перечисляя свои успехи, мог печатно заявить, не встречая возражений, будто большинство действующих в России социал-демократов состоит из его последователей.

Мы не хотим преувеличивать опасность положения, но закрывать на нее глаза было бы неизмеримо вреднее; вот почему мы от всей души приветствуем решение группы «Освобождение труда» возобновить ее литературную деятельность и начать систематическую борьбу против попыток извращения и опошления социал-демократизма.

Практический вывод из всего этого такой: мы, русские социал-демократы, должны сплотиться и направить все усилия на образование крепкой партии, борющейся под единым знаменем революционной социал-демократии. Именно эта задача была намечена уже съездом 1898 года, образовавшим Российскую социал-демократическую рабочую партию и опубликовавшим ее «Манифест».

Мы признаем себя членами этой партии, вполне разделяем основные идеи «Манифеста» и придаем ему важное значение, как открытому заявлению ее целей. Поэтому для нас, как членов партии, вопрос о ближайшей и непосредственной нашей задаче ставится таким образом: какой план деятельности должны мы принять, чтобы достигнуть возможно более прочного возобновления партии?

Обычный ответ на этот вопрос состоит в том, что необходимо снова выбрать центральное учреждение и поручить ему возобновить орган партии. Но в переживаемый нами период разброда такой простой путь едва ли был бы целесообразен.

Создать и упрочить партию значит создать и упрочить объединение всех русских социал-демократов, а — по указанным выше причинам — такого объединения нельзя декретировать, его нельзя ввести по одному только решению какого-либо, скажем, собрания представителей, его необходимо выработать. Необходимо выработать, во-первых, прочное идейное объединение, исключающее ту разноголосицу и путаницу, которая — будем откровенны! — царит среди русских социал-демократов в настоящее время; необходимо закрепить это идейное объединение партийной программой. Необходимо, во-вторых, выработать организацию, специально посвященную сношениям между всеми центрами движения, доставке полных и своевременных сведений о движении и правильному снабжению периодической прессой всех концов России. Только тогда, когда выработается такая организация, когда будет создана русская социалистическая почта, партия получит прочное существование и станет реальным фактом, а следовательно, и могущественной политической силой. Первой половине этой задачи, т. е. выработке общей, принципиально выдержанной литературы, способной идейно объединить революционную социал-демократию, мы и намерены посвятить свои силы, видя в этом насущную потребность современного движения и необходимый подготовительный шаг к восстановлению деятельности партии.

Как мы уже говорили, идейное объединение русских социал-демократов еще надо выработать, для чего необходимо, по нашему мнению, открытое и всестороннее обсуждение основных принципиальных и тактических вопросов, поднятых современными «экономистами», бернштейнианцами и «критиками». Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться. Иначе наше объединение было бы лишь фикцией, прикрывающей существующий разброд и мешающей его радикальному устранению. Понятно поэтому, что мы не намерены сделать наш орган простым складом разнообразных воззрений. Мы будем вести его, наоборот, в духе строго определенного направления. Это направление может быть выражено словом: марксизм, и нам вряд ли есть надобность добавлять, что мы стоим за последовательное развитие идей Маркса и Энгельса и решительно отвергаем те половинчатые, расплывчатые и оппортунистические поправки, которые вошли теперь в такую моду с легкой руки Эд. Бернштейна, П. Струве и многих других. Но, обсуждая все вопросы с своей определенной точкой зрения, мы вовсе не отвергаем полемику между товарищами на страницах нашего органа. Открытая полемика пред всеми русскими социал-демократами и сознательными рабочими необходима и желательна для выяснения глубины существующих разногласий, для всестороннего обсуждения спорных вопросов, для борьбы с крайностями, в которые неизбежно впадают не только представители различных взглядов, но даже представители различных местностей или различных «профессий» революционного движения. Мы считаем даже, как уже было замечено выше, одним из недочетов современного движения отсутствие открытой поле-

мики между заведомо расходящимися взглядами, стремление держать под спудом разногласия, касающиеся очень серьезных вопросов.

Мы не станем подробно перечислять тех вопросов и тем, которые входят в программу нашего органа, ибо эта программа сама собою вытекает из общего понятия о том, чем должна быть издаваемая, при данных условиях, политическая газета.

По мере наших сил мы будем стремиться к тому, чтобы все русские товарищи смотрели на наше издание как на свой орган, в который каждая группа сообщала бы все сведения о движении, с которым бы она делилась своим опытом, своими взглядами, своими запросами на литературу, своей оценкой социал-демократических изданий, делилась бы, одним словом, всем, что она вносит в движение и что она выносит из него. Только при таком условии возможно будет создание действительно общерусского социал-демократического органа. Только такой орган способен вывести движение на широкий путь политической борьбы. «Раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности» — эти слова П. Б. Аксельрода должны стать лозунгом, определяющим в ближайшем будущем деятельность русских социал-демократов, и мы принимаем этот лозунг в программу своего органа.

Мы обращаем свой призыв не только к социалистам и сознательным рабочим. Мы призываем также всех, кого гнетет и давит современный политический строй, мы предлагаем им страницы наших изданий для разоблачения всех гнусностей русского самодержавия.

Кто понимает социал-демократию, как организацию, служащую исключительно стихийной борьбе пролетариата, тот может удовлетвориться только местной агитацией и «чисто рабочей» литературой. Мы не так понимаем социал-демократию: мы понимаем ее как направленную против абсолютизма революционную партию, неразрывно связанную с рабочим движением. Только организованный в такую партию пролетариат, этот наиболее революционный класс современной России, в состоянии будет исполнить лежащую на нем историческую задачу: объединить под своим знаменем все демократические элементы страны и завершить упорную борьбу целого ряда погибших поколений конечным торжеством над ненавистным режимом.

* * *

Газета будет выходить в объеме около 1—2 печатных листов номер.

Срок выхода, ввиду условий русской нелегальной печати, заранее не определяется.

Нам обещаны — сотрудничество нескольких выдающихся представителей международной социал-демократии, ближайшее участие группы «Освобождение труда» (Г. В. Плеханова, П. Б. Аксельрода, В. И. Засулич) и поддержка со стороны нескольких организаций Российской социал-демократической рабочей партии, а также отдельных групп русских социал-демократов [1].

Несколько месяцев спустя — к тому времени первые номера «Искры» уже были с большими предосторожностями переправлены в Россию — Ульянов в Мюнхене впервые выступил под псевдонимом, под которым в последующие годы его узнал весь мир: ЛЕНИН. Всего же в ходе долголетних слежек и преследований он использовал более 150 псевдонимов.

Редактор Ульянов подписался этим псевдонимом в письме, адресованном типографии газеты «Искра». Это письмо было написано между 22 и 28 мая 1901 года и отправлено местной почтой. Одно из самых знаменитых произведений Ульянова — «Что делать?» тоже вышло под авторским именем «Н. Ленин». Он написал этот труд в Швабинге в 1901—1902 годах и опубликовал его в издательстве Дитца, в Штутгарте,— одном из крупнейших издательств германской социал-демократии.

Выдающееся историческое значение «старой» «Искры» Ленин охарактеризовал в работе, подводившей первые итоги русской революции 1905 года. В предисловии к сборнику «За 12 лет» он писал:

«Что делать?» есть *сводка* искровской тактики, искровской организационной политики 1901 и 1902 годов. Именно: *«сводка»*, не более и не менее. Кто возьмет на себя труд ознакомиться с «Искрой» 1901 и 1902 годов, тот несомненно убедится в этом. А кто судит об этой сводке, не зная искровской борьбы с *преобладавшим* тогда «экономизмом» и не понимая этой борьбы, тот просто роняет слова на ветер. «Искра» боролась за создание организации профессиональных революционеров, боролась особенно энергично в 1901 и 1902 годах, поборола преобладавший тогда «экономизм», *создала* эту организацию в 1903 году окончательно, удержала эту организацию, несмотря на последующий раскол искровцев, несмотря на все треволнения в эпоху бури и натиска, удержала ее в течение всей русской революции, удержала и сохранила ее с 1901—1902 до 1907 года» [2].

В 1920 году в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин писал относительно той работы, которую он в свое время начинал вести в Мюнхене:

«Везде чувствуется приближение великой бури. Во всех классах брожение и подготовка. За границей эмигрантская пресса ставит теоретически *все* основные вопросы революции. Представители трех основных классов, трех главных политических течений, либерально-буржуазного, мелкобуржуазно-демократического (прикрытого вывесками «социал-демокра-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 354—360.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 101—102.

тического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарско-революционного, ожесточеннейшей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и подготовляют грядущую открытую борьбу классов. *Все* вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба масс в 1905—1907 и в 1917—1920 годах, можно (и должно) проследить, в зародышевой форме, по тогдашней печати. А между тремя главными направлениями, разумеется, есть сколько угодно промежуточных, переходных, половинчатых образований. Вернее: в борьбе органов печати, партий, фракций, групп выкристаллизовываются те идейно-политические направления, которые являются действительно классовыми; классы выковывают себе надлежащее идейно-политическое оружие для грядущих битв»[1].

Почти за два десятилетия до этого в № 18 «Искры» от 10 марта 1902 года в качестве центральной появилась статья Карла Каутского «Славяне и революция», из которой Ленин в 1920 году в своей работе о «детской болезни» приводит выдержки и при этом замечает: «Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!»[2] Каутский, ставший впоследствии ярым противником Октябрьской революции, в 1902 году писал:

«...Можно думать, что не только славяне вступили в ряды революционных народов, но что и центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам.

Революционный центр передвигается с Запада на Восток. В первой половине XIX века он лежал во Франции, временами в Англии. В 1848 году и Германия вступила в ряды революционных наций...

Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию... Россия, воспринявшая столько революционной инициативы с Запада, теперь, быть может, сама готова послужить для него источником революционной энергии. Разгорающееся русское революционное движение окажется, быть может, самым могучим средством для того, чтобы вытравить тот дух дряблого филистерства и трезвенного политиканства, который начинает распространяться в наших рядах, и заставить снова вспыхнуть ярким пламенем жажду борьбы и страстную преданность нашим великим идеалам. Россия давно уже перестала быть для Западной Европы простым оплотом реакции и абсолютизма. Дело обстоит теперь, пожалуй, как раз наоборот. Западная Европа становится оплотом реакции и абсолютизма в России... С царем русские революционеры, быть может, давно уже справились бы, если бы им не приходилось одновременно вести борьбу и против его союзника — европейского капитала.

Будем надеяться, что на этот раз им удастся справиться с обоими врагами и что новый «священный союз» рухнет скорее, нежели его предшественники. Но, как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее. В 1848 году славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собой новую счастливую весну для народов»[1].

В редакционном комментарии «Искры» по этому поводу говорилось:

«Многого ждет от русской революционной социал-демократии К. Каутский. Но — кому многое дано, с того многое и спросится!.. Если русской социал-демократии действительно удастся отвоевать себе роль передового борца за освобождение пролетариата всего мира, то поистине неизмерима будет та мощь, которую эта гегемония придаст нашей собственной борьбе за достижение наших ближайших, самых насущных задач. Потому что стоять во главе — значит пользоваться всею тою силою, которая идет позади. Это значит, что каждый шаг наш к победе над нашими домашними врагами будет ощущаться социал-демократией всего мира как ее собственное приближение к победе над ее национальными и международными врагами. Это значит, что на всех этапах нашей борьбы нас будет поддерживать, поддерживать активно, а не пассивным только сочувствием, грозная сила всемирного пролетариата. Это значит, что парламенты, социал-демократическая пресса всего мира станут трибуной, с которой неумолчно будет раздаваться слово обличения наших варварских порядков, нашей азиатской эксплуатации, нашего грубого деспотизма; трибуной, которая с удесятеренной силою пробудит в сердцах наших братьев, рабочих всего мира, взрыв сочувствия к нашей борьбе, бурю негодования и ненависти к нашим врагам, которые станут и их врагами. Это значит, что рабочие организации всего мира, их боевые кассы будут поддерживать всякий шаг нашей борьбы, как свою собственную борьбу, и в критическую минуту придут нам на помощь всею силою своей организованности и своего влияния, помешают своим угнетателям оказать поддержку нашим, потому что наша победа будет их победою, наше поражение — их поражением. И в таком союзе, с такою поддержкою мы будем действительно непобедимы!»[2]

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 8—9.
[2] Там же, с. 5.

[1] Искра № 18, 1902, 10 марта.
[2] Там же.

ПОД ИМЕНЕМ
ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН
В МЮНХЕНЕ

1

МЮНХЕН В НАЧАЛЕ НОВОГО ВЕКА

Василий Розанов.
Капище Молоха

Андрей Белый.
Кафе «Симплициссимус»

Преобразования
в Баварии

Баварцы и их проблемы

«Королевско-баварская»
социал-демократия

Игнац Ауэр.
Мюнхен в период закона
против социалистов

Мюнхен в начале нового века

1.

«Мюнхен светится» — этот лозунг Олимпиады 1972 года взят из ранней новеллы Томаса Манна, написанной им, когда он — как и его знаменитый старший брат Генрих — был гражданином столицы королевства Баварии.

О многих знаменитых и менее знаменитых именах напоминают потомкам названия улиц, площадей и великолепные здания, хотя потомки большей частью уже не знают, с чем связаны эти имена. Слишком много было изменений, поворотов и переломов в германской истории... Названия улиц, площадей Мюнхена напоминают об этой истории и о литературе, искусстве, науке и политике, экономике и технике.

Долгие годы своей жизни и деятельности провели в Мюнхене начала века многие знаменитости, среди которых назовем лишь некоторых, наиболее известных и советским читателям: Людвиг Гангхофер, Стефан Георге, Макс Хальбе, Томас Теодор Гейне, Гуго фон Гофмансталь, Эдуард фон Кайзерлинг, Альфред Кубин, Артур Кутчер, Теодор Лессинг, Август Макке, Генрих Манн, Томас Манн, Франц Марк, Кристиан Моргенштерн, Эрих Мюзам, Райнер Мария Рильке, Иоахим Рингельнац, Освальд Шпенглер, Людвиг Тома, Якоб Вассерман, Франк Ведекинд и др.

Однако не обо всех, кто содействовал славе города, напоминают названия улиц Мюнхена. Бесспорно, подобные пропуски выражают позицию, характеризуемую словами: мы не хотим, чтобы нам об этом напоминали!

2.

Среди немецких городов — наряду с Берлином, — пожалуй, нет другого, о котором в этом веке было бы столько написано, как о Мюнхене. Напряженные отношения между Берлином и Мюнхеном часто служили материалом для изображения и истолкования роли этого города. Именно на рубеже веков Мюнхен считали «антистолицей» все те, кто отвергал Пруссию Вильгельма с ее столицей Берлином как олицетворение всего антилиберального.

Истоки этого антагонизма между столицами Баварии и Пруссии восходят еще к временам, описанным Генрихом Гейне:

«...Берлин вовсе не город, Берлин — лишь место, где собирается множество людей, и среди них немало умных, которым все равно, где они находятся; они-то и составляют интеллигенцию Берлина...

Все вышесказанное относится только к внешнему виду Берлина, и если сравнить с ним в этом смысле Мюнхен, то с полным правом можно утверждать, что последний составляет полную противоположность Берлину...

Однако называть весь этот город новыми Афинами, между нами говоря, немного смешно, и мне стоит большого труда отстаивать его в этом звании. Это я особенно чувствовал в беседе с берлинским филистером, который, хотя и разговаривал со мной уже некоторое время, был все же настолько невежлив, что отрицал в новых Афинах наличие какой бы то ни было аттической соли.

— Подобные вещи, — кричал он громко, — встречаются только в Берлине! Только там есть и остроумие и ирония. Здесь найдется хорошее белое пиво, но, право, нет иронии.

— Иронии у нас нет, — воскликнула Наннерль, стройная кельнерша, пробегавшая в эту минуту мимо нас. — Но зато все другие сорта пива имеются.

Меня очень огорчило, что Наннерль сочла иронию за особый сорт пива, быть может, за лучшее штеттинское, и для того, чтобы она в дальнейшем по крайней мере не делала подобных промахов, я стал поучать ее следующим образом: «Прелестная Наннерль, ирония — не пиво, а изобретение берлинцев, умнейших людей на свете, которые рассердившись на то, что родились слишком поздно и поэтому не смогли выдумать порох, постарались сделать другое открытие, столь же важное, и притом полезное именно для тех, кто не выдумал пороха» [1].

В ходе дальнейшего иронического описания иронии, этого берлинского изобретения, Генрих Гейне, однако, был вынужден взять под обстрел и мюнхенское изобретение — «новые Афины».

Мюнхен награждался своими почитателями самыми различными хвалебными названиями, вплоть до «обладающего сердцем всемирного города». Подобные наименования стали почти что классической традицией, неотделимой от баварско-прусского противоборства.

Наиболее резкое противоречие, нерасторжимо связавшее Мюнхен с германской и даже

---

[1] *Гейне Генрих.* Собр. соч. В 10-ти т. М., 1957, т. 4, с. 163, 165, 166—167.

с европейской историей, проявилось в названии, которое город получил по воле тех, кто в предвоенное время формировал в стране общественное мнение: «Столица движения»[1].

Когда-то правящая династия Виттельсбахов честолюбиво стремилась сделать свою столицу «новыми Афинами» и строила поэтому классические здания, великолепные памятники в стиле классицизма. Столетие спустя это стремление выродилось в грубую демонстрацию национал-социализма.

В «новых Афинах» Людвига I архитектор Кленце смог продемонстрировать искусство крупномасштабного градостроительства и впечатляющей целостности. (Его слава дошла до Санкт-Петербурга, где по эскизам Кленце было изготовлено богатое внутреннее оформление «Нового Эрмитажа»[2].) Элементы этой архитектуры в стиле классицизма проявились и в противоборствующем ему «югендштиле»[3]. Но это стремление к классике впоследствии выродилось в нечто лишенное содержания, в монументальное и претенциозное фашистское извращение древности, древнего искусства, что и в наши дни еще можно созерцать на примере неуклюжих колонн у Дома (немецкого) искусства в Мюнхене.

За красивыми и броскими названиями улиц и площадей порой трудно обнаружить взаимосвязь между внешне привлекательным городом и господствующими в нем жестокими порядками. Ностальгия — тоска обреченного бюргерства — обожествляет добрые старые времена. В Мюнхене такое произошло в период после второй мировой войны. Но внимательному наблюдателю это не сможет закрыть доступ к изучению живого и сложного богатства истории, насыщенной драматическими противоречиями.

3.

Попытка гитлеровского движения покорить из «столицы движения» — Мюнхена всю Германию, затем всю Европу и потом весь мир потерпела окончательный крах в битве под Москвой в 1941 году.

Возможно — это ирония истории, о которой говорят всякий раз именно тогда, когда подразумевают более глубокие и во многом противоположные друг другу взаимосвязи, но еще не подозревают того, что в предыстории этой «столицы движения» теоретически было разработано руководство к действиям, приведшим к этому поражению под Москвой.

Связи между Германией и Россией до 1914 года были тесными и глубокими. К тому же они отражали те духовные и социальные конфликты, которые определяли внутриполитическую жизнь этих двух стран. Как разрешились бы эти конфликты в течение лет и даже десятилетий? Такой вопрос встал перед Европой уже в начале этого века. Какие идеи и какие силы определили бы содержание нового столетия?

Ленин, как признают его друзья и даже враги, несомненно, относился к тем личностям в истории, которые всегда стремились быть готовыми дать ответ на главные вопросы своего времени.

Мюнхенский период был для него периодом самой напряженной духовной подготовки к выработке таких ответов. Здесь он написал свой труд «Что делать?». Для него эта книга явилась обобщением всего предшествующего опыта и новых выводов для практических действий, а для последующих поколений она стала составной частью фундамента ленинизма, учения, идеи которого воодушевляли людей и в Октябрьскую революцию, и в 1941 году, когда встал вопрос, быть или не быть социалистическому строю, созданному их напряженным трудом, когда на карту было поставлено достойное человека существование в будущем. Мюнхен связывает с Лениным не только история успешной и самоотверженной солидарности, но также история поражений и провалов.

Какое отношение имел Ленин к Мюнхену? Какое отношение имел Мюнхен к Ленину? Было ли его пребывание здесь связано только лишь с ним самим? Или же оно было выражением широких связей, существовавших между двумя народами и отразившихся на жизни и деятельности великой личности?

4.

О Мюнхене, в котором работал Ленин и который многие писатели и художники с мировым именем, как немцы, так и иностранцы, изображали, не жалея красок, как олицетворение жизнерадостности, как что-то экзотично-райское, следует прежде всего сказать: этот «духовный антипод вильгельмовского Берлина»[1], подобно магниту, притягивал к себе каждого вольнодумца, и в первую очередь поэтов, публицистов, живописцев и скульпторов, для которых Пруссия Бисмарка являлась синонимом верноподданнического духа, филистерства, полицейской власти и милитаризма.

Когда человек становился солдатом, то он говорил: «Я стал пруссаком!»[2] Когда стран-

---

[1] Речь идет о национал-социалистском движении Адольфа Гитлера.— *Прим. перев.*

[2] *Hümmert Ludwig*. Zwischen München und St. Petersburg. München, 1977, S. 69.

[3] Имеется в виду неоромантическое направление в немецком искусстве начала века.— *Прим. перев.*

[1] *Bosl Karl*. München, die „heimliche Hauptstadt". In: ZBLG, Band 30, 1967, S. 350.

[2] *Belli Josef*. Die rote Feldpost. Stuttgart, 1912, S. 40.

ствующие подмастерья встречались в Баварии, можно было услышать следующий диалог:

— Из каких краев будешь, парень?

— Я родом из Баденской земли,— отвечал тот.

— Ну, твое счастье, я-то полагал, что ты пруссак, так я б тебе показал![1]

Достаточно было начать хулить и ругать Пруссию, чтобы завоевать симпатии во всех слоях и классах населения Баварии. За этим скрывались не просто шутки, а живые воспоминания о кровавых событиях немецкой истории. Огнем и железом Бисмарк создал германский рейх. А это оставило в Баварии, равно как в других южногерманских государствах, которые подверглись той же участи, печальные воспоминания, недобрую память на долгие времена и стремление сильнее, чем в других германских землях, сохранять и лелеять собственное своеобразие и особенность.

Эти раны не залечило даже время «боевого содружества» в войне 1870—1871 годов против Франции. Не было года, чтобы баварско-прусская вражда не проявилась бы бурными взрывами подобно тому, о котором сообщала газета «Мюнхенер Беобахтер» 6 февраля 1880 года:

«Мюнхен, 5 февраля. Никто, конечно, не может утверждать, будто мы являемся особыми друзьями Пруссии. Но то, что в воскресном приложении «Берлинер Фольксцайтунг» написано о *прусских притязаниях*, настолько превзошло все написанное до сих пор, что мы, мягко говоря, просто не можем себе всего этого представить. Пишут, будто один прусский полковник позволил себе назвать нас, баварцев, в противоположность нашим дорогим братьям — союзникам — которых он именует «галантными светскими мужами»,— «тупыми упрямцами» и «полуварварами». Мы благодарны за подобные почетные титулы, ибо лучше, когда пруссаки выступают открытыми врагами, нежели когда они прикрываются личиной добрых друзей. Мы готовы поверить, что пруссаки действительно полагают, будто бы они победили в войне 1870—1871 годов и без нас, но достойно возмущения, когда прусский самодур позволяет себе заявлять: «Собственно, правильно поступил наш (прусский) король, позволив баварцам сражаться плечом к плечу с нами. По правде говоря, баварцев следовало распределить в прусской армии только как музыкантов, и король Баварии должен был бы... (тут прусский полковник приписал нашему королю такую позицию, которую мы из почтения к его величеству здесь не будем воспроизводить). И в ходе дальнейшего изложения один из саксонских офицеров назвал высказывание баварского майора «глупым». Ну что же, это настолько откровенно, что мы даже сомневаемся, чтобы пруссак был способен столь честно высказать свое мнение»[1].

А посему всякий, у кого имелись основания избегать Пруссию, заранее был желанным гостем в Баварии.

Династия баварских королей Виттельсбахов стремилась перещеголять Берлин в области искусства, и это, несомненно, было важной предпосылкой для той общительной духовной атмосферы, которая сложилась в Мюнхене в начале века. Мюнхен выигрывал от того, что ведущие представители духовной и культурной жизни чувствовали себя в кайзеровском рейхе Вильгельмов стесненными в своем творческом развитии и непризнанными.

В 1890 году сельское предместье Швабинг вместе с Нойгаузеном, где к 1900 году проживали многие рабочие заводов Маффей, было присоединено к городу Мюнхену; в этом новом районе города и квартплата, и питание были дешевле, чем в других районах; художественная интеллигенция облюбовала этот район и чувствовала себя тут как дома; Швабинг вполне выдерживал сравнение с Монпарнасом в Париже.

«Писать так, как мы пишем сегодня, можно только в Мюнхене!»[2] — писал один из авторов в общественно-критическом журнале «Гезельшафт» в 1886 году.

О притягательной силе Мюнхена тех лет наглядно говорят и некоторые цифры[3]: среди литературной, художественной и преимущественно критически настроенной интеллигенции, проживавшей в городе, 70 процентов происходили из небаварских городов империи Вильгельма, 18 процентов прибыли из-за границы, прежде всего из Восточной и Юго-Восточной Европы, и лишь 10 процентов — уроженцы Мюнхена, 2 процента — других общин Баварии. «По преимуществу они принадлежали к традиционным образованным слоям и среднему сословию, но не к пролетариату»[4]. Средний возраст этих интеллектуалов составлял 22,4 года. Выдвигая свои собственные идеи, они проявляли живой интерес и ко всем новым идеям. Согласно переписи населения от 1 декабря 1900 года, средний возраст всего населения Мюнхена был около 29 лет[5].

Отсюда становится понятным успех нового, основанного в 1896 году, то есть в год

---

[1] *Belli Josef.* Die rote Feldpost, a.a.O., S. 49.

[1] Außerhalb Bayerns erschienene Schriften, 1871—1908. StaM RA 57786.

[2] *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing. MBM, Heft 37, München, 1973, S. 2.

[3] Ebenda, S. 242. Все цифровые данные приводятся по этой книге.

[4] Ebenda.

[5] Ebenda, S. 219.

Обложка иллюстрированного сатирического еженедельника «Симплициссимус», 6-й год издания, № 16.

Открытие памятника

основания знаменитого журнала «Симплициссимус», иллюстрированного еженедельника по вопросам искусства и общественной жизни — «Ди Югенд», который издавался поразительно высоким для того времени тиражом — до 100 тысяч экземпляров еженедельно. Титульный лист каждого номера был украшен оригинальной графикой, напечатанной в четыре цвета,— это тоже тогда было необычным. Этот иллюстрированный еженедельник стал форумом литераторов и художников, представлявших в нем самые различные эстетические течения. Объединяло их всех отвращение к цензуре, государственному и церковному надзору[1].

«Наша общественная жизнь страдает боязнью правды»,— неоднократно подчеркивал Георг Гирт, издатель «Ди Югенд» и влиятельной газеты «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен». Гирт публично выступал за правдивость и терпимость в дискуссиях и считался одним из самых активных среди выдающихся людей города, когда надо было встать на защиту художественного и литературного авангарда перед начальством и властями.

Благодаря именно его влиянию духовные и культурные черты либерального образа жизни воспринимались в Мюнхене в течение нескольких десятилетий как желанные и само собой разумеющиеся.

В те годы в берлинской полиции изготовлялись агентурные доносы относительно «опасных для общества деяний социал-демократии» в германских государствах и, кроме того, во Франции, Италии, Англии, Америке, России, Испании и др. Всякое свободомыслие находилось под подозрением. Но династия Виттельсбахов предоставляла интеллигенции — той интеллигенции, которую в Пруссии подчиняли воле короля,— некоторые свободы. В то же время эти дарованные свободы имели значение лишь потому, что представители либерального бюргерства вполне сознательно и отнюдь не верноподданнически сумели отстоять свое влияние в обществе.

Впрочем, это совсем не означало, что рабочее движение в Баварии подвергалось меньшим преследованиям, чем в Пруссии или других государствах, о чем подробнее мы еще расскажем ниже.

Тем не менее, однако, Всегерманский союз писателей не желал проводить свои заседания в Берлине: «У нас нет гарантии, что мы сможем провести праздник нашего союза в

[1] *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing, a.a.O., S. 43 ff.

Берлине так, как этого... требует дело. Пока не будет дана эта гарантия при существующем положении дел в Берлине, не только литературных, но прежде всего дел социальных, неблагоприятных для заслуженной правильной оценки и верного понимания деятельности союза писателей,— до тех пор следует отказаться от Берлина как места проведения собраний Всегерманского союза писателей»[1].

В Мюнхене писатели и художники имели возможность объединиться в различных союзах и обществах, которых насчитывалось до 45. Все слои населения достигли высокого уровня организации общественной жизни в клубах или союзах: в Мюнхене имелось 3500 кружков и союзов, которые обеспечивали широкие возможности для художественной и общественной деятельности. Существовали открытые для всех, а также и закрытые частные заведения, места для встреч и беспрепятственных дискуссий литераторов и художников; выходило более 30 журналов, а около 30 издательств отваживались иной раз на рискованные публикации; добрая дюжина

[1] *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing, a.a.O., S. 15.

новых театров и полдюжины новых кабаре[1] отражали многообразие мнений и талантов, которые проявлялись в атмосфере, «характерным образом отличавшейся от Берлина... атмосферы человечности, терпимого индивидуализма, вольности карнавальных масок»[2] — резюмировал Томас Манн в одном докладе в 1826 году. Все это дополнялось модернистским художественным направлением «югендштиль», лучшие представители которого в своих первоначальных представлениях рассматривали культуру как широкий жизненный ориентир. Они хотели приблизить искусство к жизни и освободить его от академизма.

Кроме живописи, архитектуры и скульптуры они стремились продумать общественный и художественный аспект дизайна, старались создать культуру художественного оформления квартир, мебели, одежды и мельчайших предметов обихода. В живописи и графике в 90-е годы развернулись широкие публичные дискуссии. Когда государственные и церковные учреждения попытались прибрать к рукам «Руководство годичной выставки» и таким образом определить отбор экспонатов, именитые художники в знак протеста порвали с данным товариществом художников. Но без публицистической и финансовой поддержки этот разрыв — так называемая «Сецессия» — остался бы протестом без последствий. Мюнхенский издатель и поклонник искусства Георг Гирт позаботился, однако, о том и другом и тем самым создал материальную основу для общественного успеха «Сецессии»[3].

В то время как кайзер в Берлине хвастался: «У меня тут художникам воли нет, я их тут поприжал», в Мюнхене «благодаря народности искусства было больше художников... чем в Берлине и Вене, вместе взятых»[4].

В Берлине не хватало сил для «Сецессии»; поэтому берлинские художники Ловис Коринт, Макс Либерманн, Макс Слефогт и др. присоединились к мюнхенской «Сецессии». Таким образом, Мюнхен благодаря выступлению художников и влиятельных буржуазно-либеральных сил утвердил свою ведущую роль как города искусства.

И в этом городе искусства имелся район Швабинг — «пристанище для всех буржуазных аутсайдеров»[5], как позже назвал его Рене Прево.

5.

В своих *«Юношеских воспоминаниях»* поэт Ганс Бранденбург писал с явной ностальгией о том «пристанище»:

[1] *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing, a.a.O., S. 243.
[2] Ebenda, S. 15.
[3] Ebenda, S. 39.
[4] Ebenda.
[5] *Prévot René.* Du mein Schwabing. München, 1921, S. 30.

«В 17 лет я бросился в большой мир, желая завоевать его своими песнопениями, «весело и звонко, мальчик и герой», как говорилось в моих ранних строфах. Целью моей мог быть только Мюнхен... Центр города напоминал тогда еще безмятежный сон. Зеленые купола-чепчики колоколен церкви Святых Дев плыли в мягком свете горных ветров, студенты в цветных фуражках и длинногривые поклонники искусств прогуливались по улицам Нойгаузерштрассе и Кауфингерштрассе прямо по мостовым, пахнувшим деревянной брусчаткой и конским навозом, а цветущие свечки каштанов на площадях Штахус и Максимилианплатц создавали у пешехода впечатление парка. Цокот копыт сопровождал проезжавшие пролетки, украшенные цилиндрами кучера иной раз кнутом смахивали лепестки цветов, а в открытых летних прицепных вагонах трамвая раздувались пышные рукава блуз, колыхались широкополые соломенные шляпки дам, в то время как на площадках трамваев миролюбиво блистали начищенные до блеска синие мундиры солдат. У площади Одеонсплатц маневрировали странные паровозы, аккумуляторные вагоны, которые прицеплялись к трамваям, идущим к памятнику Шиллеру, ибо в районе резиденции даже трамвайные провода не должны были нарушать красоту; лишь позже принц-регент высочайшим указом отменил этот порядок. А в направлении к Триумфальным воротам открывалась перспектива улицы Людвигштрассе, широкой и почти безлюдной.

Для меня же и более оживленная улица Шиллерштрассе казалась настолько широкой, что пространство, образованное улицей, внушало мне страх и ощущение собственной ничтожности. Тут было множество колбасных магазинов, булочных, табачных лавок, и мысль, что в последние можно входить без страха, придавала мне в мои 17 лет первое покоряющее сознание совершенной свободы. На дверях маленьких молочных магазинчиков вывешивались газеты и журналы: «Ди Югенд», «Симплицисcимус», «Фрайштат», а на водосточных трубах были наклеены рукописные объявления о сдаче внаем комнат»[1].

Эти описания Ганса Бранденбурга относятся к той литературе, которая жизнь в Мюнхене воспринимает преимущественно как некое «состояние», как «жизнеощущение», одним словом, как гармонию потерянного счастья.

При чтении подобных описаний невозможно избавиться от мысли, будто в те времена были только праздники, а будни просто не существовали.

Впрочем, в Мюнхене уже издавна праздники отмечались в любое время года. Весь год был

[1] *Brandenburg Hans.* München leuchtete. München, 1953, S. 9 ff.

наполнен церковными и светскими праздниками: за веселой масленицей следовал пост с крепким пивом, за ним летние вечера, за кружкой пива в трактире с собственной закуской (конечно же с традиционной редькой), летние вечера сменялись октябрьскими праздниками с молодым вином и музыкой, а после октябрьских празднеств уже снова приближался карнавал. В Швабинге постоянно устраивались званые вечера в ателье художников, участники которых надолго сохраняли память о них.

Однако вместо дальнейшего пересказа, пожалуй, лучше привести выдержку из книги Ганса Бранденбурга «Мюнхен светился», в которой он увековечил манящий блеск тех лет:

«Мюнхен светился... Эта фраза из ранней новеллы Томаса Манна, в которой юный обличитель, подобно второму Савонароле, объявляет войну городу, переполненному жизнерадостным искусством. И эта фраза стала для всех нас лозунгом и символом, для всех, кому посчастливилось самому окунуться в атмосферу Мюнхена начала века...» «Мюнхен был самобытным миром, и именно поэтому он стал источником сил, действие которых ощущалось далеко за его пределами. Удачное местоположение города между севером и югом, в окружении Альп, с людьми особого склада, со своеобразным переплетением крестьянского, церковного, придворного, без примеси интеллектуально-буржуазного позволили южногерманскому барокко пережить здесь свое историческое время и породить в облике города и в городской жизни неповторимую торжественность, которая с отвращением отвергала все чужое, но затем все же воспринимала его и переплавляла в себе. Вера в потусторонний мир и радость земного бытия соединялись тут в народе, который не хотел ограничить свою жажду к наслаждениям и который удовлетворял свою потребность в красоте не столько дома, сколько в общественных местах. Великие княжеские зодчие, не осознавая этого, служили не князьям, а развитию индивидуальности города, создавая кулисы для жизни, в потоке которой так хорошо чувствовали себя творческие умы и откуда они черпали свое вдохновение...

Такая общественная жизнь была лишена строгого этикета, сковывающих общественных правил, но и была не очень гостеприимной. Местные бюргеры жили и оставались в своем замкнутом кругу и покровительствовали искусству исключительно тогда, когда оно было местного происхождения; они не заботились о чужих саженцах, даже если именно эти саженцы создавали величие Мюнхена. А так как искусство, уже ставшее к тому времени самостоятельным, включавшее и музыку, и литературу, и даже гуманитарные науки, нуждалось в определенном пространстве, то оно захватило себе один городской район, самый северный, еще в недавнем прошлом бывший деревней. И мы тоже, не ведая этого, поселились там.

Должно было пройти еще много времени, прежде чем Швабингом стали называть не только район города, но и определенное «состояние умов», чтобы кличка «швабингианец» стала ироническим нарицательным именем. Впоследствии некто под псевдонимом Феликс Набингер в газете «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» высмеял этот «культурный принцип» Швабинга... Главным его противником оказался я, который попытался в обширном возражении в печати разоблачить указанного г-на Набингера.

Я заявил, что предпочитаю беззлобного длинноволосого обитателя Швабинга всякому самодовольно сытому обывателю, надменной гувернантке, озлобленному ворчуну, нахальному чиновнику и что я выступаю сторонником места обитания молодых, свободолюбивых и творческих элементов как истинно культурного принципа. К тому времени мои друзья и я давно уже доказали, что мы не принадлежим к тем, кто рисует, не умея рисовать, и пишет, не умея писать, и что мы, собственно, следуя мнению Набингера, уже сами себя вычеркнули из культурного Швабинга, хотя и жили по ту сторону Триумфальных ворот. Именно поэтому я с мнимой серьезностью восклицал: «Где еще есть такая среда свободных, но добропорядочных нравов, обладающая всеми предпосылками для новых праздников и новых танцев в виде нового образа общения и совместного времяпрепровождения? Все хорошие и плохие шутки не изменят того факта, что Швабинг оказался, пожалуй, единственным местом, где существует большое сообщество близких по духу, беззаботных и жизнерадостных людей, не вырождаясь в богему со всеми ее крайностями, местом, где можно работать и все же наслаждаться жизнью, где не поджидает тебя за каждым углом наставник-назидатель».

Двадцать лет спустя, когда это «умонастроение» Швабинга уже ушло в историческое прошлое, его стали называть тем мюнхенским периодом бури и натиска, представители которого сами себя неверно понимали и которых другие ложно истолковывали, которыми злоупотребили и которые злоупотребляли сами собой. Предпринимались также попытки разграничить «негативно-пагубные» и «позитивно-продуктивные» черты этого городского района. Не прекращающаяся мюнхенская духовная революция началась в театре и музыке с приходом Рихарда Вагнера; под руководством Конрада в лице «Общества за современную жизнь» она получила свое дальнейшее развитие в борьбе против церкви и буржуазной морали, затем выступила в виде литературы натурализма и в изобразительных искусствах как «Сецессия».

Но все это, даже если оно еще продолжало существовать, уже относилось к уходящему веку... Для нас же Швабинг был чем-то новым. Для нас, молодых людей, Швабинг тех дней действительно казался несомненным и вечным, мы воинственно и болезненно весело вживались в него, будучи одновременно и игроками и зрителями. В нем наряду с мелкими группами, крикунами и попутчиками существовал строй тончайших духовных ячеек, живой организм из кружков, которые произвольно и не произвольно, по желанию и против желания соприкасались, притягивались и отталкивались, пересекались и скрещивались»[1].

6.

Подобно большинству авторов мемуаров, пытавшихся впоследствии вновь оживить блеск города искусства Мюнхена, Ганс Бранденбург не отрицает наличия конфликтов. Но в его воспоминаниях прослеживается сожаление о потерянной мечте, о свободной игре сил, в которой каждому уготовано его место, одним — наверху, другим — внизу, а всем — в среде жизнерадостного, трудолюбивого общества и социального порядка.

Так мечта жизни превратилась в призрачный мираж, и название «мираж» призвано до наших дней украшать широкоизвестный мюнхенский «фашинг» (т. е. карнавал) театра «Каммершпиле» Отто Фалькенберга.

Тема классовой гармонии превалирует во всех мемуарах тех, кто смотрел на прошедшую жизнь как бы «сверху».

Согласно этой версии, веселость Мюнхена покоилась на ничем не омраченном добром соседстве. «Город стал богатым, элегантным. Разделенные миры соседствуют друг с другом, но постоянно общаются посредством перебежчиков, вращающихся то в придворном обществе, то в кругах художников, то на вершинах финансового мира, а то и среди чужаков»[2],— писал уже в 1913 году один из представителей дворянства.

Француз Марк Генри был один из основателей кабаре «11 палачей» — самого знаменитого и остроязычного в Германии в начале века, выступления которого проходили в «Золотом олене» (улица Тюркенштрассе, 28). Для его репертуара Франк Ведекинд писал свои знаменитые баллады. Марк Генри вспоминал в 1917 году о своих лучших годах юности в Мюнхене:

[1] *Brandenburg Hans.* München leuchtete, a.a.O., S. 60 ff.

[2] *Gleichen-Außenwurm A.v.* In: Zeit im Bild, Nr. 5 (1913), S. 236 f. Nach: *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik an Staat und Gesellschaft in München (1886—1914). MBM, Heft 61, München, 1975, S. 64.

«Вопросы ранга и этикета редко мешали общению людей разных слоев. Кастовый дух, столь часто встречающийся в мелких провинциальных городах Германии, где каждая обособленная социальная группа окапывается за стеной строгой изоляции, оставался чуждым духу жителей Мюнхена. В этом городе богатство рядится в сердечность, бедность выступает как нечто совершенно естественное, лишенное стыда, лишенное униженной скромности. Похвальба и снобизм лишены возможности развития, для них тут нет почвы. Доступные для всех простые удовольствия объединяют все классы этого города в некое подобие республиканского сообщества. Быть может, Мюнхен является единственным городом по ту сторону Рейна, в котором офицеры и буржуазные элементы смешиваются и общаются в одной и той же плоскости... Члены королевской семьи показывают пример, прибегая к простым формам общения»[1].

Общительность и любовь к искусству, нескончаемые праздники, а также пиво породили якобы это мирное и гармоничное добрососедство. В одном мюнхенском романе 1906 года, посвященном пивоварению, говорится: «В Мюнхене всякий переход из одного мирка в другой оказывается достаточно легким; к этому естественным образом приводит множество кружков, собирающихся каждый в своей пивной или объединяющих игроков в кегли, в карты, да и пиво, этот демократический напиток, является удобным связующим средством, которое незаметно сближает и смешивает гетерогенные социальные слои»[2].

Но в действительности социальные конфликты были куда более глубокими, чем это описывается в мемуарах людей, пораженных притягательной силой города искусства[3].

[1] *Henry Marc.* Trois Ville, Vienne-Munich-Berlin. Paris, 1917, S. 130 f. Nach: *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 59.

[2] *Seydlitz R. v.* Der Kastl vom Hollerbräu. Ein Münchner Brauerroman... Nach: *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 61.

[3] На это указывал уже Карл Босль во многих работах, но прежде всего его ученик Людвиг М. Шнайдер, который на основе многих данных из архивов и самых различных, редко приводимых источников доказал, что, «несмотря на различные идеализирующие положение вещей описания, изображающие мюнхенское общество как якобы гармоническое и уравновешенное», все же «можно обнаружить значительные общественные противоположности». «В то время как Мюнхен все больше принимает характер города туристов и роскоши, а крупная буржуазия и верхние слои средней буржуазии умеют извлекать выгоду из динамики экономического подъема,— в это же время большая часть низших и средних слоев подпадает под давление новой социальной неуверенности, а бедность принимает размеры, характерные для крупных городов. Стремлению к повышенным жизненным потребностям, исходящему от верхних слоев и захватывающему также буржуазные слои, противостоит острая нужда в жилищах и ощутимое подорожание всей стоимости жизни». (*Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... S. 383.)

«Зюд-Дойчер Постильон»,
1899, № 25.

Собачья жизнь

В 1895 году Карл Цеттель, отображая облик Мюнхена, дал следующую характеристику пассажиров трамвая: среди них «бодрый старик с элегантными манерами и, по-видимому, обладающий чувством сословного превосходства, бледная, изможденная женщина с трехлетним ребенком... воплощение достойной жалости нищеты... адвокат второго разряда... толстопузая старуха... бродячая торговка, которая, кажется, тут же готова развернуть и предложить свои сомнительные и малоценные золотые и другие ремесленные товары... мальчик-посыльный... жена ушедшего на пенсию налогового чиновника с ее претенциозной замужней дочерью... смешной тип с гусиной надменностью... начинающий кассир с подобием сигары «Виргиния» в зубах...» Эти наблюдения дали Карлу Цеттелю повод для вопроса: «Если бы названные пассажиры были вынуждены лишь полдня прожить вместе, то не стала бы клетка со зверями в зоопарке мирным раем по сравнению с этим?»[1]

Роза Кемпф исследовала жизнь молодых работниц на фабриках Мюнхена и поставила под сомнение его славу как города искусства, города муз: «Лицо города Мюнхена определяет не промышленность; сокровища его искусства, природные красоты, творчество художников в этом городе и тот уют, с которым можно тут наслаждаться жизнью, создали городу имя и сделали его целью путешествий зарубежных гостей. Но под этим красивым покрывалом трудится и творит народ Мюнхена. Питает Мюнхен, то есть дает хлеб полумиллиону его жителей. Эта сторона жизни города лишь в самой малой части связана с искусством, и часто об этом забывают...»[2]

7.

Подлинные настроения народа ясно выразили народные певцы Мюнхена. В их традициях искусство и атмосфера жизни, черты большого города и черты баварской провинции, острая шутка и глубокомыслие его народа объединялись в некое специфически мюнхенское.

Кабаре «народных певцов» достигло своего расцвета на рубеже веков. Певцы часто называли себя «юмористами» и «салонными комиками», а свои представления — «вызывающими судорожный смех». Часто это был театр одного актера. Эти комики были солистами и организаторами представления, и авторами текстов, композиторами и музыкантами, актерами и певцами.

В начале века в Мюнхене было около 400 народных певцов, выступавших в кабачках и кабаре. (В 1906 году на одно такое заведение приходилось 269 жителей; хотя в последующие годы число жителей удвоилось, в 1963 году в Мюнхене было лишь на 334 кабака больше, чем в 1906 году, тогда в городе насчитывалось 2349 трактиров, торгующих пивом[1].)

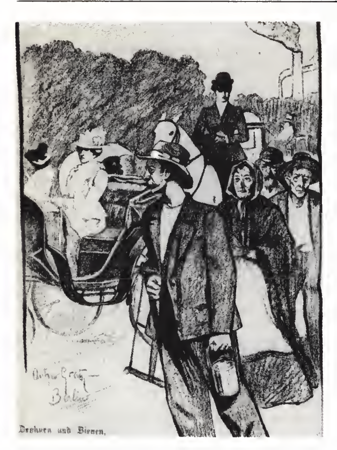
Популярные народные певцы имели обширный репертуар. Авторы многочисленных куплетов, шуток на местные или военные темы, игровых песен, крестьянских прибауток, живых картинок и бытовых песен, сценок из жизни верхних баварцев в большинстве своем остались неизвестными. Тематика и содержание,

[1] *Zettel Karl.* Monacensia, Zeit- und Stimmungsbilder aus Alt- und Jungmünchen. München, 1895. Nach: *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 64.

[2] *Kempf Rosa*. Das Leben der jungen Fabrikmädchen in München. Leipzig, 1911, S. 1.

[1] *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... S. 101.

[2] Ebenda, S. 113 ff.



«Зюд-Дойчер Постильон», 1902, № 9.

Трутни и пчелы

как правило, были актуальными и отражали в веселой форме повседневную жизнь народа. Публику всегда приглашали участвовать в представлении. «Все поет с нами»,—гласил призыв.

«Авторского права» в строгом смысле слова здесь не знали. Каждый должен был быть автором, и притом оригинальным, но друг у друга учились и многое перенимали, придерживаясь принципов народного искусства всех стран.

Народные певцы осмеивали хвастунов, но сами отнюдь не стремились подняться наверх. Всякие награды и ордена вызывали неприязнь, даже если носивший их вел себя очень либерально и демократично. Это также находило отражение в песнях.

Но постоянной темой народных песен был протест против эксплуатации и социальной несправедливости, растущих цен на продукты питания и жилье.

В репертуаре народных певцов не было места послушному угодничеству. Без всякого уважения, прямо, резко, а то и грубо брались на прицел все высокие господа, юстиция, полиция, чиновники и толстосумы. Впрочем, в угоду «маленькому человеку» в Баварии, ремесленникам и мелким торговцам, был найден и козел отпущения—еврей. В этих антисемитских тенденциях, к которым столь благосклонно отнеслись ультрамонтанские и христианско-социальные круги, была выражена затаенная злоба на дворян и богачей, пруссаков и социалистов.

Между этой простонародной культурой и буржуазными кругами, группировавшимися вокруг Франца Штука и Пауля Гейзе вплоть до «радикалов» «Сецессии» и «югендштиля», «Симплициссимуса» и «Палачей», не было, если говорить серьезно, почти никаких—ни художественных, ни социальных—точек соприкосновения.

Народные певцы чувствовали себя деклассированными. Это чувство никогда не позволяло им стремиться к выступлениям в театрах и кабаре для высшего общества, которое в свою очередь с предубеждением относилось к ним и открыто это подчеркивало; кроме того, социальная напряженность выражалась в преследованиях народных певцов со стороны блюстителей порядка[1].

К тому же поле деятельности народных художников было намного уже, чем допускаемая для буржуазных художников «свобода придворных шутов». Все выступления народных певцов подлежали предварительной цензуре.

Королевская полиция сделала, например, следующую «отметку в деле» юмориста Карла Валентина: «Фей, по имени Карл, по прозвищу Карл Валентин, именуемый также «королем глупости», холост, выступает в здешних местах юмористом, род. 4 июня 1882 года, член общества комиков «Ирлихтер», директором которого является Гальденбергер, по прозвищу Лассен, последние месяцы выступает только в таверне «Франкфуртер Гоф», улица Шиллерштрассе. Его выступления уже неоднократно вызывали серьезные жалобы»[2].

1 декабря 1902 года автор хроники города зафиксировал «знаменательный случай»: «Придворный театр в качестве закрытого сообщества отгородился от рабочих», так как руководители театра вспомнили, что в 1895 году в рабочем общеобразовательном союзе было запрещено декламировать текст из пьесы «Ткачи» Герхарда Гауптмана из опасения, что это внесло бы слишком много «взрывчатки» в четвертое сословие.

---

[1] *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... S. 98 ff.

[2] Stadtarchiv München, Pol. Dir. 280.

«Ди Гроссе Глокке фон Мюнхен», 1909, № 36.

Сигара, или Зависть неимущих

«Посмотри: там, слева, сидит какой-то миллионер. Пойди и схвати из его лап сигару и покури, чтобы узнать, что такое благосостояние».

Таким образом, у блестящего города муз имелось четкое разделение между верхами и низами, и этим он ничем не отличался от других крупных городов Германии. А воспоминания, идеализировавшие доброе старое время и свидетельствовавшие при этом о «гармоничном добрососедстве», были просто далеки от классовых противоречий. Бюргеры этого города по своему воспитанию и своими представлениями о добре и зле, согласно которым все и вся обладает раз и навсегда предустановленным местом и смыслом, оставались безразличными к социальным изменениям большого города, «настолько разделенными были тогда противостоящие лагеря, настолько уверенным чувствовал себя мир бюргеров и чиновников...» [1].

8.

К началу века славу Мюнхена составляли прежде всего знаменитый журнал «Симплициссимус» и его сотрудники Томас Теодор Гейне, Франк Ведекинд, Людвиг Тома, Олаф Гульбрансон и др. В злых карикатурах и рисунках, очерках и стихах художники-памфлетисты «Симплициссимуса» изображали вильгельмовскую напускную порядочность как воплощение лицемерия, тупости и агрессивности. Так со злой иронией разоблачались лживость господствующей морали, бряцающий оружием Вильгельм II, его вызывающее нахальство и грубость по отношению к другим государствам, поднимающий голову национализм и империализм имели в лице «Симплициссимуса» меткого противника [2]. Сторонники создания большого военного флота, пушечные короли, у которых «голову заменял кошелек, а руки обхватывали мешок с деньгами», беспощадно разоблачались Т. Т. Гейне и его коллегами. Когда германский кайзер поехал в Палестину, Ведекинд и Гейне высмеяли его, сравнив Вильгельма II с Барбароссой и его крестовыми походами. По требованию прокуратуры Лейпцига этот специальный выпуск «Симплициссимуса» был конфискован. Однако власти Мюнхена отказались от привлечения к ответственности виновных. Все же издатель «Симплициссимуса» Альберт Ланген, не будучи уверенным в своей безопасности, предпочел на некоторое время уехать в Швейцарию. Гейне и Ведекинд канун века встретили в тюрьме, в крепости Кенигштайн.

После своего освобождения из-под ареста Т. Т. Гейне опубликовал серию сатирических очерков «По самой мрачной Германии», и «Симплициссимус» приобрел широкую известность далеко за пределами страны.

¹ Stadtarchiv. München, Pol. Dir. 77.

² *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing, a.a.O., S. 58 ff.

9.

Другое идейное течение было связано с философией Фридриха Ницше, влияние которой в рядах немецкой интеллигенции все время росло. Согласно Ницше, мыслителя и художника отличали абсолютный индивидуализм и аристократический элитаризм.

Поэтому кружок Стефана Георга в Швабинге считал безнадежным делом такую актуальную социальную критику, которой занимался, например, «Симплициссимус». Члены кружка воздерживались от всяких «споров и насмешек», ибо «это ни к чему не приводит»; «буржуазное изображение жизненных явлений» в романах и новеллах отвергалось ими как простая информация, по существу не достигающая даже уровня статистики, судебных протоколов и ежедневных газет. Масса якобы всегда останется в невежестве, в неведении, а творчество, напротив, всегда будет прерогативой интеллектуала, представителя духовной элиты. Последний в силу этого призван быть господином по отношению к «бесформенному плебейству и апостолом действительности» [1].

¹ *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing, a.a.O., S. 181 ff.

Обложка журнала «Симплициссимус», 5-й год издания, № 5.

Черные дни Германии

Свобода науки

«Вас, банду профессоров, я буду муштровать до тех пор, пока вы не будете видеть во мне министра культуры».

Для этого течения характерны нигилизм и бесцельность, духоборство и эксцентризм — то, что появилось во всех центрах элитарного искусства Европы в начале века.

Подобно старой штукатурке, крошились мораль и религия. Под влиянием элитарных и экзальтированных умонастроений многие рассматривали как альтернативу произведениям мещанства не защиту маленьких людей, а преувеличенную чувственность, видения всеобщей гибели, игру в инфантильность и склонность ко всему извращенному.

Журнал «Ди Югенд», этот орган «будущего и жизнерадостности», идеализировал бегство в село, в деревню. Будучи порождением городской культуры, духовная элита питала отвращение к цивилизации крупных городов.

Это уже не был академическо-аристократический буржуазный салон королей живописи Ленбаха и Каульбаха, Юстуса фон Либига или режиссера Рингельштедта, мастера литературы Пауля Гейзе... наступило время «безумств и вакханалий».

Так описывала Швабинг Франциска фон Ревентлов. В своем романе «Записки господина Дамеса. События в странном районе города» она разоблачала лживый мир философствующего «кружка Георга», в котором сама себя чувствовала как дома. За разглашение «мировых тайн» кружка Франциска фон Ревентлов была исключена из этого собрания избранных[1].

«Тайны» эти были связаны с эстетствующим и антиисторическим изображением античного мира, исходившим от членов «кружка Георга» Людвига Клагеса и Альфреда Шулера, которые представляли его как плод «мифических отношений» и антагонизмов «крови и тела», «жизни и духа»[2].

Одетые в костюмы римлян, фракийцев, греков, они праздновали в Швабинге «неземные» торжества, устраивали пышные вечеринки, оргиеподобные трапезы. Людвиг Клагес опубликовал в 1940 году написанные Шулером фрагменты, в которых «кровь» называлась «источником всех творческих сил», и эта «оплодотворенная вечно обновляемым таинственным неземным веществом кровь текла в жилах тех личностей, от которых в эпохи упадка следовало ожидать всеобщего возрождения»[3].

10.

Когда Владимир Ильич Ульянов в сентябре 1900 года прибыл в Мюнхен, самыми модными здесь были кружок Стефана Георга, иррациональный снобизм, бесцельная болтовня в литературных кафе и местах встреч различных сборищ и групп. Но вместе с тем весной 1900 года выступления за свободу искусств привели в Мюнхене к крупнейшим во всей Германии демонстрациям и митингам протеста против «закона Гейнца», т. е. против определенных параграфов прусского закона о цензуре. Чиновники королевского управления полиции Мюнхена составили достаточно точные донесения о выступлениях основанного в Мюнхене «Союза имени Гёте» («Гётебунд»). Вот текст этих донесений:

Копия. Мюнхен, 8 марта 1900.

Сотрудник Иосиф Ледль в адрес управления королевской полиции. Касательно: Собрание по поводу протеста против законопроекта Гейнца, состоявшееся в среду 7 марта в 8 часов вечера в пивной «Бюргербройкеллер», по улице Розенгеймерштрассе, с развернувшейся свободной дискуссией.

[1] *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing, a.a.O., S. 184.
[2] Ebenda, S. 185 ff.
[3] Ebenda, S. 168 f.

Присутствовало около 3 тыс. человек; зал уже к половине восьмого вечера был настолько переполнен, что пришлось вынести большинство столов и стульев, но, несмотря на это, многие сотни людей были вынуждены уйти из-за недостатка места.

Около половины девятого собрание открыл д-р Гирт. Обратившись с приветствием к присутствующим, он объявил состав президиума, куда вошли господа: д-р Гирт — первый председатель, Макс Гальбе — второй председатель, редактор Фукс — первый секретарь и Дёшер — второй секретарь, а также заседатели — адвокат Бернштейн и Иосиф Рюдерер. Затем д-р Гирт зачитал приветственную телеграмму Пауля Гейса из Жардоны: «Они хотят кастрировать искусство и взять его под свою опеку, согрешить перед свободным, как бог, духом прекрасного; творят они это столь глупо и слепо, что победа должна остаться за нами».

Затем доктор Конрад говорил об истории возникновения так называемого «закона Гейнца» и высказал свое возмущение партией Центра, которая стремится к принятию этого законопроекта; «закон Гейнца» порожден грязным процессом и, по мнению партии Центра, должен быть применен против свободного развития человеческого духа, ставя тем самым художника в один ряд с каторжником. Этот законопроект направлен не против частностей художественного творчества, а против самого существования искусства; поэтому необходимо протестовать против пресловутого «закона Гейнца».

Д-р Липс, профессор Королевского университета, говорил о том, что все зависит от того, как смотреть на искусство. Данный законопроект лишь порождает доносы, как это подтверждают процессы по поводу оскорбления его королевского величества. Сегодня, триста лет спустя, еще жив дух убийц Джордано Бруно; тогда тоже стремились поразить не конкретного человека, а свободу духа. Все могущество и величие не помогут немцу, если он даст лишить себя свободы духа; тогда он будет достоин гибели. Директор театра Штольберг заявил, что считает своим долгом участвовать в борьбе за духовную свободу в меру своих сил. К сожалению, теперь и в Германии пытаются принизить искусство, как это уже давно сделано в его родном городе — Вене. В прошлом этот театральный город задавал тон, а теперь он все больше отходит на задний план, виною чему является строгая цензура. Фон Фольмар пришел не столько чтобы говорить, сколько чтобы слушать. Но он не смог себе отказать в том, чтобы не прочитать присутствующим деятелям искусства маленькую лекцию о том, чтобы они поучились у рабочих, как надо защищать свои права. Фон Фольмар оспаривал, что законопроект Гейнца есть просто продолжение уже объявленных законов против бунтовщиков, законопроекта о тюремном заключении и других законов, которые ограничивают право свободно высказывать свое мнение. Надо опасаться не столько этих законов, сколько их толкования, как это подтвердил митинг протеста против закона о тюремном заключении, на котором полиция сочла нужным возразить против одного выступления. Суд сначала отклонил иск полиции, а затем поддержал его, рассматривая это выступление как грубое хулиганство; выступавший был строго наказан. Оратор далее говорил об искусстве и науках и заявил, что его партия всегда выступала в их защиту и будет ныне также стремиться предотвратить принятие законопроекта Гейнца.

Макс Гальбе выразил, с одной стороны, радость по поводу массового участия в данном собрании, а с другой стороны, опасение, что протесты окажутся напрасными и законопроект Гейнца станет законом.

Адвокат Бернштейн высказал мнение, что законопроект Гейнца может стать опасным для самих судей, ибо законодательство воспитывает судей. Затем говорилось о том большом злоупотреблении, которое тут годами совершается некоторыми судьями; оратор придерживается в целом лучшего мнения о баварских судьях, но все же что-то тут не в порядке, если такой человек, как д-р Липс, заявляет, что его вера в судебную справедливость подорвана. Юридическая мышиная возня приводит судей в противоречие с их чувством справедливости и оказывает на них деморализующее влияние. Этот законопроект является не только одним из худших, но и одним из глупейших.

Есть такие сферы, в которые правительство не должно вмешиваться, а если это происходит, то мы сами должны заявить, что́ такое истинное искусство, что мы учимся у Шекспира и Микельанджело, а не у людей, сидящих на тронах.

Затем единогласно была принята прилагаемая ниже резолюция протеста, после чего д-р Гирт в 11 часов закрыл собрание.

В остальном же я полностью ссылаюсь на сообщения газеты «Альгемайне Цайтунг» № 66, вечерний выпуск от четверга 8 марта. Замечу, что подчеркнутые в этом отчете высказывания действительно имели место.

Подпись: И. Ледль, сотрудник.

Утверждаю донесение с добавлением, что женский пол — отчасти в довольно эмансипированном внешнем убранстве — был представлен на собрании в большом числе.

9 марта 1900 года. Подпись: Фроммель, комиссар королевской районной полиции.

Протест рейхстагу

Так называемый законопроект Гейнца следует отклонить:

1. Ибо он грозит грубыми нарушениями и оковами искусству и литературе, пытаясь ли-

шить художественное и литературное творчество непременного условия — свободы и радости;

2. Ибо он может болезненно унизить гордый своей духовной зрелостью немецкий народ как перед самим собой, так и перед заграницей, где не знают подобных покушений на духовную свободу;

3. Ибо ряд положений этого законопроекта поощряет тайную безнравственность и низводит правопорядок до прислужника реакционной, боящейся правды и коварной политики некоторых партий;

4. Ибо вместе с этим законопроектом в немецкое законодательство официально проник бы дух противоестественного низкопоклонства и доносительства, что нанесло бы тяжелый ущерб нашему идеализму, верности и вере;

5. И, наконец, потому, что наш Мюнхен под властью такого закона вскоре перестал бы быть центром художественной и духовной жизни, перестал бы вообще быть «Мюнхеном». Поэтому данное собрание ожидает, что рейхстаг, как и бундесрат, навсегда изгонит со сцены имперского законодательства с должным осуждением этот лживый закон, столь враждебный народу и искусству, прежде всего южногерманской и баварской натуре.

Мюнхен, 7 марта 1900 года[1].

Во втором массовом митинге «Гётебунда», созванном 7 апреля в пивном погребке «Киндлькеллер», участвовало около четырех тысяч человек. Дискуссия затянулась до полуночи. Согласно полицейскому донесению, ораторы среди прочего подчеркивали следующее:

Издатель Георг Гирт:

«Если вновь дело дойдет до того, хотя мы в это не верим, что вероотступников будут сжигать живьем, то тогда и нагота перестанет быть постыдной; когда нагота жарится к вящей славе господней, то это уже не безнравственно. Пусть святоши оставят при себе свою противоестественную, несправедливую и изощренную похотливую теологию морали с ее бесчисленными смертными грехами и искуплениями, но пусть они не смеют трогать нашу свободу искусства и науки, равнозначную свободе совести и религиозной веротерпимости! Мы не позволим осквернить и отобрать у нас наше высшее сокровище — свободное немецкое сердце, нашу немецкую духовную культуру! Так будем же на страже! Враг силен, а своими тайными организациями он даже превосходит нас, но мы победим, если будем едиными и готовыми к борьбе. Пусть вдохновляют нас слова Гёте: «Свобода проснется в каждой груди! Страстно все мы протестуем!»

[1] Versammlungen und Vereine. Specialia Stadt München, 1896—1901. StaM RA 57843; BayHStA MInn 17451.

Депутат рейхстага Мюллер-Мейнинген:

«Что касается причины глубочайшего возбуждения в кругах писателей и художников, то это отнюдь не следствие подстрекательства политических агитаторов и партий. Деятели искусства не пошевелили пальцем, пока их не коснулась смертельная опасность, только после этого они пробудились от своего ложного оптимизма, и движение охватило всю Германию...

Возбуждение сильнее, чем в 1892 году, еще и потому, что для либералов законопроект является лишь продолжением господствующего с 1890 года периода реакции, породившего прусские законы о школе, против бунтовщиков, об общественных союзах, тюремном заключении и данный «закон Гейнца», этот закон святош и ханжей. Прежде всего экстенсивная склонность германских судов побуждает нас настаивать на том, чтобы больше никакие растяжимые понятия не включались в наш кодекс законов; именно такого произвола в толковании закона мы боимся, а потому и не допустим. Здесь речь идет прежде всего о чудовищном понятии «нарушения стыдливости» в искусстве без элемента безнравственности, а также о понятии «выставления напоказ», способного вызвать возмущение зрителя. «Я неоднократно говорил, что в любой момент для роли возмущенного зрителя найдется печальный доносчик-полицейский».

Герман Зудерман, «приветствуемый восторженными, долго не смолкаемыми аплодисментами», сказал следующее:

«Было такое время, когда творения художника рассматривались как высшее достижение национальной жизни, в котором всякий образованный человек прослеживал развитие таланта, время, когда удача нового, большого художественного труда приветствовалась и власть имущими как обогащение национального достояния. Ныне никто не требует подобного. Мы лишь хотели бы иметь право жить, как мы хотим, без помех в виде блестящих наград и изменчивой благосклонности, под тяжестью которых сгибались многие сильные шеи и в таком виде пребывали потом до заката своего творчества. Нам не нужны пенсии для поэтов и персональные оклады, но мы также не желаем вместе с нашими произведениями оказаться в руках палача... Гёте говорил, что каждому художнику присуща склонность к отваге, без которой нет таланта; позвольте художнику степенно и благопристойно ползти за княжеской свитой, и вы увидите, как быстро наступит его конец! Чтобы этого не случилось, наш «Гётебунд» будет начеку. В эти дни север и юг протягивают друг другу руку братства. Мы все хотим создать сеть союзов «Гётебунда»..; пусть каждый в отдельности будет свободным в своих действиях и в

то же время связан с другими общностью мысли, одними опасениями, общими врагами. Мы хотим создать такие союзы, ибо иначе люди редко отваживаются свободно высказываться между собой и единомышленники часто недоверчиво обходят друг друга стороной. Пусть раскрепощение молчащих уст, создание союза людей, мыслящих современно, станет нашей задачей. Для нас речь идет всегда только о решительной борьбе против мракобесия, борьбе, как ее когда-то вели Лессинг, Вольтер, Ульрих фон Гуттен. Позвольте мне поставить почти забытое теперь имя Гуттена рядом с вечно сияющим именем Гёте! Подобно ему мы хотим бороться оружием духа и сатиры, правды и надежды. Тогда мы сможем, как и он, воскликнуть: «Музы искусства и науки расцветают, какое наслаждение жить!»[1]

11.

В городе, в котором тысячи людей выходили на улицы в защиту свободы слова и искусства, редакция «русских товарищей», намеревавшихся издавать нелегальную газету, могла находиться в относительной безопасности.

Русский художник Василий Кандинский, один из основателей объединения художников «Синий всадник», писал: «Швабинг был духовным островом в огромном мире»[2]. У Ленина нет высказываний о Швабинге и об этом городе искусства — Мюнхене. Находится ли это в противоречии со способностью интересоваться деталями и особенностями окружающей его среды? Не говоря о тех определенных ограничениях, которые с необходимостью накладывала на Ленина конспирация в Мюнхене, он все свои силы посвятил той главной задаче, которую себе поставил. Он не позволял ничему отвлекать себя.

Ленин сосредоточил свое внимание на проблемах рабочего движения, на создании Российской социал-демократической рабочей партии, на дискуссиях вокруг стратегии и тактики революции и социал-демократии России, которую он, следуя за Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом и продолжая их дело, рассматривал как составную часть пролетарского движения всех народов. В те годы — особенно в России — господствовал широко распространенный в народе лозунг фатализма и политической инертности: «Каждый за себя». Поэтому перед Лениным и его товарищами встал главный вопрос: что надо сделать, чтобы пролетариат смог добиться своих прав и выполнить свою историческую миссию?

Что же касается интересов Ленина в области литературы, музыки и искусства, то они были направлены отнюдь не в сторону модерна, стремящегося под предлогом революционности выбросить за борт наследие классиков. Он любил прежде всего классиков, реалистов XIX века и своих современников. Одним из его любимых поэтов — наряду с Александром Пушкиным и Николаем Некрасовым — был Федор Тютчев. Александр Пушкин опубликовал в «Современнике» цикл стихов Тютчева под заглавием «Стихотворения, присланные из Германии». Они были написаны в Мюнхене, где Тютчев прожил 15 лет в качестве дипломата русского посольства и оставил мировой литературе малое по объему, но большое по значению натурфилософское поэтическое творение. Собрание сочинений Тютчева можно и сегодня увидеть в рабочем кабинете Ленина в Кремле.

Мюнхен Кандинского не был миром молодого революционера Ульянова, который никогда бы не удовольствовался неким «духовным островом» чудаков-художников и любителей муз, хотя видимость таких «островов» он смог хорошо использовать для своей работы. Его Швабинг, как и всякое место, где жил и работал Ленин, был подлинным «преддверием нового мира»[1].

Но есть родство душ и общественные связи, не считающиеся ни с какими границами. Они выше и национальных различий. Так, существовали, с одной стороны, тесные взаимоотношения и совместные идеи между буржуазной интеллигенцией Германии и России, а с другой стороны, многообразные личные и мировоззренческие переплетения между российской и германской социал-демократией.

Далее публикуются два очерка, которые наглядно показывают, что русские гости Мюнхена очень различно и своеобразно воспринимали в начале века этот город, но чувствовали себя как дома в духовной среде господствовавших здесь течений в философии и искусстве.

Автор одного из очерков — Василий Розанов, богослов, консервативный публицист, сотрудник ряда самых влиятельных националистических русских органов печати крупной буржуазии в Петербурге. Подобно Людвигу Клагесу и Альфреду Шулеру, Розанов проповедовал культ античного мира, пытался придать «научную» основу антисемитизму и был прежде всего ярым противником социализма и революции. Автор другого очерка — Андрей Белый, сторонник антропософии мюнхенского философа Рудольфа Штейнера, видный поэт и прозаик, глубоко образованный литературовед, символист, придерживался левых либеральных взглядов, впоследствии встал на сторону Октябрьской революции.

---

[1] Versammlungen und Vereine. Specialia Stadt München, 1896—1901. StaM RA 57843; BayHStA MInn 17451.

[2] Письмо В. Кандинского Паулю Вестгейму в 1930 г. — Цит. по: *Buchheim L.* Der blaue Reiter, S. 16.

[1] Это выражение принадлежит Георгу Фуксу (In: *Fuchs Georg.* Sturm um die Jahrhundertwende. München, 1936, S. 79).

Василий Розанов

Капище Молоха

Накануне отъезда из Мюнхена, часу в одиннадцатом ночи, я вышел из отеля, чтобы подышать замечательным воздухом садов и улиц и где-нибудь выпить «Wasser mit Citronen»[1] — теперь ужасно мне надоевшего ихнего пойла, но которое я истреблял и в Берлине и в Дрездене неутомимо, по случаю жары. Брел наугад, ничего не искал; ничего мне не было нужно. Случилась небольшая русская «нужда», и я с большой и ярко освещенной улицы, по которой скользили трамваи и летали ласточки-велосипедисты, вошел в темный и до того узенький переулок, что он казался щелью между высокими стенами домов. Я двигался в темноте. Свет искусственный погас, светила только луна (и чудно светила); вокруг в грязных домиках мелькали огоньки еще не улегшихся жителей. Столица была в двух шагах; а между тем я попал как бы в глухую, захолустную провинцию. Вдруг прямо перед глазами моими начала подыматься какая-то черная громада, которой не умел охватить глаз,— которая сразу задавила на душу мою каким-то небывалым впечатлением. «Это еще что за казарма сатаны»,— шептал я, отступая, чтобы что-нибудь рассмотреть, и закидывая назад голову, ибо громада неслась ввысь. Вижу, что готика, догадываюсь, что храм. Лунный свет ударял прямо в окна — но какие они были! Начинаясь невысоко от земли, каждое окно прорезало все здание, до самого верху, т. е. для моего взгляда и ночью оно терялось где-то в вышине. Промежутки между окнами не были шире самих окон, так что стена вся была как бы с прорезами, которые закреплялись и замыкались только у крыши. «Кому нужно давать балы в этой чертовой зале?» — подумал я, вспомнив наши бальные залы в два света. Стена была вся прямая, без выступов, *без фигур, без украшений*. «Rien que le Dien» — вспомнил я католический принцип. «Стиль»... Тут я понял, что́ такое стиль: все здание было из кирпича самого обыкновенного, и из стекла — и больше ничего: но какое впечатление! Душа моя и стонала и ликовала, ибо я люблю новые ощущения. «Стиль» есть настроение и только настроение души человеческой, выразившееся в камне: и здесь это было настроение монолитное, монотонное, вечное, «до скончания мира», страшное по напряжению, как бы влюбленность в некую идею, черную или светлую — все равно, и которое вдруг заворочало камнями и подняло скалу на скалу. Теперешние здания не имеют никакого стиля, ибо никакого «стиля» не стоит в душе человеческой, которая ни во что не влюблена и, может быть, потеряла вообще способность вечной любви. Передо мною было здание «вечной любви», страшной влюбленности человека во что-то, и вот это заставляло меня очнуться и стонать. Но как все страшно, но как все черно!..

Я побрел вдоль здания. На стенах его, в кирпичах были какие-то вырезы, изъеденные веками, стершиеся,— очевидно, «картинки» или символы, теперь уже не читаемые или с трудом читаемые. «Все бы это надо разобрать, вдуматься в каждую надпись»... Стена завернулась, я вступил еще в бо́льшую темноту, ибо свет луны туда не падал, и издали увидал точно кровавую точку впереди. Я не торопился, а когда дошел, то рассмотрел и ощупал маленькую нишу в стене, за стеклом, где горела лампадка (красного стекла?) перед лежащим «истерзанным» Христом — любимым католическим изображением. «И вот бредет в ночи разбойник, сейчас зарезавший человека, идет оскорбленная мужем жена — и что они почувствуют при виде этой кровавой точки в стене тысячелетней своей, родной своей, ихней церкви? Такими-то впечатлениями и живет и укрепился Рим». Я брел дальше и вышел опять на длинный фас (бок) страшилища. Журчит что-то. Слышу — вода, но не постигаю откуда. Поднял руки, щупаю: бежит струя, а вот и начало её — узенькое отверстие в стене храма. Значит, там бак с водой, но стена пробита, и вот опять же в ночи или в зное полудня, что-то напоминая, о чем-то шепча, бежит эта средневековая струя, «чтобы напоить жаждущего и грешного». О, поверьте, это — не обман: к чему они средневековью, когда об «истине» католицизма никто не сомневался? Тут сказался тот же «стиль» души, с одною мыслью, с idée fixe, с вековечной проповедью: «Иди — и пей! *Только у меня* можно напиться! Я — и *никого!*»

Я решился остаться еще на день, чтобы лучше рассмотреть эту громаду, особенно внутри. С вечера, я слышал, мяукал их колокол: «Завтра воскресенье, и будет месса». Однако месса была ихняя — «тихая» (полное молчание), и я вышел, посидев минут пятнадцать, и стал обходить стоявшие по стенам алтари (не меньше 40 во всем храме): то совершенно крошечные, для уединенной, почти одинокой молитвы «какой-нибудь грешной души», то огромные, «для торжества и славы». Храм весь разделялся как бы на три корабля двумя рядами восьмигранных, страшных по величине, колонн. Потолок стрельчатый: по всему потолку между «стрелами» готики звездочки золотые по голубому полю, и так по протяжению всей церкви. Монотонно и великолепно. «Dieu Seul» — излишних рисунков не нужно. Тут в нише увидал я и статую Лойолы (незаметно среди других, без выпуклости). «То-то, дружок!» Я вышел и опять смотрел стены, эти чудные стены. В доверше-

---

[1] «Вода с лимоном».

ние всего храм был и не буквально готический, ибо дее его чудовищные башни оканчивались не уголком (готика), а соеершенно мною в готических зданиях не виданными двумя шапками-луковицами, как в наикрасивейших русских церквах,—т. е. здание было «свое», конечно—готическое, но без всякой мысли «выразить совершенство готики», было почти личное, туземное. Но какой стиль, какое вдохновение—невольно, непреднамеренно сказавшиеся!..

Я был глубоко взволнован... Ничего же подобного по *силе*, по *страху*, по *серьезности!* «Религия или церковь, имеющая вот один такой храм, уже выразила, и увековечила, и доказала свое «Я». О, пусть это «я» будет черное как уголь—все равно оно огромно, а человеку свойстеенно клониться перед всем огромным. Католицизм, как известно, не уступил даже науке, не «снял короны» даже перед Ньютоном и Коперником, т. е. перед очевидностью и гением. Многие и подсмеиваются, что «папы до сих пор отвергают движение земли». Беззубая насмешка! Конечно, папстео—не «разум». Но ведь—и Шекспир не «разум», а вдохноеение; а «Divina Comedia» уже и совершенное безумие, полное фантасмагорий и «суееерий», но как она сделана! Плакало и человечестео и человек, уединенные глубокие души, над зтим «безумием», и, может быть, сам Ньютон, человек с душой поражающей глубины, бросил бы е печь сеою «теорию флюксий» (переое изобретение дифференциалов, долго им не опубликоеыеаемое), будь ему дано на выбор: оставить ли челоеечестео без дифференциалов, но с Дантом и Мильтоном, или отнять у него «Divina Comedia» и «Потерянный рай» ради приобретения дифференциалов. И Пушкин—не «разум», но разее мы его отдадим за «периодический закон» Менделееа? Но дело е том, что у католицизма чрезеычайно много «теорений» уроеня «Divina Comedia», и мы, не специалисты, зтого не знаем, а он их жиео е себе ощущает, как еот, напр., и этот собор, перед которым я стоял зачароеанный, оглушенный. Ей-ей, пусть меня распнут зстеты «слоеесности», но я утеерждаю, что еоздвигший его архитектор, или нация или зпоха и е конце концое еера, fieles,—имели еесь закон души и гений и силу Данта же, на йоту не уступая! Ну, хорошо. Если Шекспира променять на открытия Ньютона нет оснoеаний, то еот католицизм и стоит до сих пор на том, что «земля еcе же не движется», опираясь на соборы сеои, на Рафазлееские «мадонны», на зти «тихие мессы» (как придумано! кто придумал? «для обмана»??!), на мерцающие е ночи огоньки, которые манят какую-нибудь преступную душу и еедут ее к лучшему, на точащуюся из стены еоду, утоляющую «несчастную и скорбную душу», на все эти дивные дела свои, диеную придуманность, мудрость, зародиешуюся в такие времена, когда не только Ньютона не было, но и никто в Европе до 100 не умел без пальцев сосчитать. Ньютон так же не убедителен и не страшен для католицизма, как он не был бы поразителен и побеждающ около Данта: две звезды разных категорий, и можно поклониться одной, а можно поклониться и другой. И люди, народы, тончайшие души (напр., Пастер) и делают это, продолжая «еерить е пап», несмотря на «ужасные суеверия» католичестеа и доказанный разерат многих понтифексов. Что нам за дело до «похождений» Пушкина (которые еедь *были*) или до романов Екатерины II: мы их почитаем обоих, пишем их историю, изучаем творения, мы ими *восхищаемся*, потому что ими и *такими вот*—живем!!! Родники жизни, бытия, еосхищения—ими богат католицизм, и с этим чрезеычайно трудно спорить, этого нееозможно победить!!

Целый день я ходил около собора: зто оказался «Duomo»—старинный кафедрал; теперь построен новый королевский «главный собор». Все же, однако, здание было чрезвычайно черно. «Казарма сатаны»—от зтого не отказался я и в последний миг. «Белое христианстео! *Нужно* белое христианстео! Мы должны еоздеигнуть *такую же и равную*, но *противоположную* поззию, и мысль, и едохноеение, но имеющую окраскою своею *радость* религиозную, а не *отчаяние* о *всем земном* и опирающуюся на факт и чуестео *воскресшего Христа*, а не *распинаемого, истерзанного Христа*. Без этого мы пропадем, ибо нам некуда деться и убежать от чар и «колдоеания» католицизма, а он—страшен, за спиною у него—кроеь, он еcе же осудил Галилея, справился бы с Ньютоном (не будь «руки коротки»), изобрел муки инкеизиции и еообще еcегда и везде был безжалостен и просто глух к челоеекy и челоеечестеу («Dieu Seul»). Ничего наши «Василии Блаженные» не сделают с ним, ибо еот перед одною такою дьявольской махиною они окажутся филигранною, не занимательною игрушкою. Нужно ноеое огромное творчестео е протиеоположном напраелении, с протиеоположным содержанием. Нужна новая и такая же по силе еера е Бога, но е *бель*-Бога, а не е *черно*-Бога, которому по таинстеенным каким-то судьбам поклонился католицизм и поклонился с такою страстью и едохноеением, что голова кружится. Нужна ноеая религия, ибо за католичеством с его расточаемою человеческою кроеью мы еcетаки не хотим пойти—просто по доброте и простоте недалекого сердца. Но нужно же постаеить ноеого Бога, и ноеую еерy, и ноеый алтарь зтим недалеким сердцам: иначе еcе погибло, ибо католицизм их уелечет е сеое неодолимое течение, так как ни протестантстео, ни наш «Никола на курьих ножках» (назеание одного храма е Москве) с ним справиться не могут.

Я волновался. Сколько вопросов! Сколько тем! Но отчего именно в Мюнхене такой собор, который сказал мне «загадку католицизма» более, чем все видённое и все прочитанное? — «Да ведь *Тилли боролся с Густавом-Адольфом*, Тилли и Валленштейн. Тилли был *баварец*. Бавария — это *Южная Германия*, со всей германской серьезностью воспринявшая католицизм и кроваво вставшая за него против «новшеств» Лютера и «Аугсбургского исповедания». Здесь, именно *на границе борьбы, на разделительной линии двух враждующих лагерей*, и должно было выразиться "credo" так могущественно, что руки опускаются, что даже хотящий проклинать — невольно благословляет».

Я вышел на главную улицу. Так же опять, как и вчера, скользили здесь ласточки-велосипедисты.

Вот кто победил католицизм — велосипедисты! Нет, серьезно. Во-первых, велосипедисты действительно никогда не вернутся в «лоно католицизма», не вернутся тверже, нежели Дарвин и Гельмгольц. А во-вторых, серьезно победила его маленькая нужда, маленькое удовольствие, победила *ежедневность, будничность*. Католицизм весь пустынен, вышел из пустынного, уединенного настроения души человеческой. Это — великий праздник души человеческой, хотя, может быть, и темный, но который главным образом отрицает и бессильно отрицает *будни*, который не охватил собою и даже не взглянул проницательно на великое и серьезное содержание *будничной жизни*, т. е. *простой ежедневной* работы, ежедневного *пота*, крошечных здесь радостей и огромной нравственной стороны. Вот когда все это встало и утвердилось на ногах своих, то католицизм и отодвинулся на второй план: просто он застроился новыми строениями, вот как этот Duomo среди этих улиц, о нем стали забывать, перестали о нем думать, заботиться, тревожиться им. Мир заботы человеческой отошел в сторону от Тилли, Валленштейна, от Данта, от этого поразившего меня собора, как и они все безусловно никогда и даже в самой малой доле не были сами внимательны к работе и «заботе» человеческой[1].

Андрей Белый

Кафе «Симплициссимус»

«Симплициссимус» был местом сбора художников из «Симплициссимуса» (журнала), а стал — местом сбора богемы: Германии, Австрии, Венгрии, Чехии, Польши; когда умерла Ка́тти Ко́бус, еще в 1923 году я нередко в Берлине слыхал: «Как! И вы там сидели? Так мы — земляки!» «Симплициссимус» — воспоминанье о молодости, о порывах — для скольких? Сидели здесь: Гейне (художник), Детлеф Лилиенкорн, Христиан Моргенштерн, Каспарович, Франк Ведекинд, Голичер, Штук, еще сколькие! Сиживал и Игорь Грабарь, когда-то друг Ашби, которого имя связалось с хозяйкою, с Катти.

Ей было за сорок пять лет уж; морщины чертили лицо с острым носом, со жгучими блесками глаз, с волосами как кокс, оттенявшими сочные, темно-пунцовые губы; вся в черном шелку, со сверкавшей серебряной цепью на шее, дородная, пышная, сдержанная, помахивая своим кружевным черным веером, кутаясь в черное кружево, все посылала улыбки проказникам, — впрочем, давала понять, что тон пошлости не соответствует этому месту; студенты, актеры, художники чтили ее и считали за честь ей представиться.

Мне рисовалась натурщица, с юности перешагнувшая через себя самое в неустанной поддержке непризнанного в свое время художника Ашби, ей ставшего другом, умершего — рано; и ныне — гремевшего; первая в нем увидала талант; собирала непризнанные черновые наброски; оказывала материальную помощь; художественный кабачок (с ударением на «художественный») — плод союза их; я не видал ничего здесь кабацкого; Катти, привстав, брови сморщив, пристукнувши палочкой веера, ей убивала в зародыше пошлость и снова садилась, и кутаясь в черное кружево, нюхала розу, качалась на звуках в волне остроумия и принимала участие в нем; всякий, выпивший лишнее, ей устранялся; когда он являлся с повинной, она, грозя пальцем, прощала: «Чтоб этого не было!»

Не ради выгоды месяцами безвозмездно кормила она бедняков, ей потом приносивших в подарок этюды, которыми ей украшались комнатушки, способные Мюнхен вместить: они были кокетливы; в окнах снаружи был мрак: от тяжелых опущенных штор; только вспыхивал красный фонарик в лозе, над подъездом, глася: «Симплициссимус — бодрствует!» От десяти — наполнялся; гремел на весь Мюнхен — к двенадцати; часто гремел до утра, когда Катти учитывала: нарушение ею положенного полицейского часа[1] покроет весь штраф; тогда, встав, с грациозной улыбкой кидала:

— Ну, дети мои, — веселимся сегодня.

Бывало, — за входною дверью подымешь тяжелые ткани и глохнешь под звуками в тесненькой розово-желтой передней, где кучи накидок и шляп, где одеждою ломятся вешалки; приоткрываешь вторую дверь — на переборы веселого гомона, точно рубимого мощным рояльным ударом: рапсодия Листа! И — вен-

[1] *Розанов В.* Итальянские впечатления. Рим.— Неаполитанский залив.— Флоренция.— Венеция.— По Германии. С.-Петербург, MCMIX, с. 255—264.

[1] Час обязательного закрытия ресторанов.

зель из взвизгов смычка; и пристойный, дородный скрипач, уже лысый, привстанет со стула; рукой прижимая к груди инструмент, покачает ладонями: «Sonne in Brust»[1]. На помостик, покрытый ковром, в углублении стены — стал рояль; он гремит; и — скрипач, как седок, уж седлает смычком, точно шпорами, мощные рокоты, звучно качается корпусом; борзый рояль, точно конь, ударяющий звонким копытом, несется ландшафтом мелодий.

Две комнатки точно срослись в коридор; плещет шелк вырезных абажуриков крыльями легких пунцовеньких бабочек в пестрь застекленных этюдов; все — в кремовых рамочках; круглые столики — в бархате, в нежных гриблё[2]; здесь хрустальные блюдца с петифурами, здесь пиджаки бледно-палевых и бледно-серых тонов с бледнотонными, серо-кисельными, нежно-лиловыми галстуками; здесь проборы и лысины; здесь золотые пенсне, кружева, шелка́ кофточек, перья боа, черных и пенистых, много юных, безусых, смеющихся, розовых лиц, средь которых — солидные, бритые, ярко-седые: актеры, писатели, профессора Академии, с именем, критики; а между столиками по дорожке гриблё шелестит фрейляйн Анни атласною черною юбкой, несется с витым изумрудно-прозрачным бокалом рейнвейна; кой-где перекинутые от столика к столику, скатертями покрытые деревянные доски; с двенадцати все помещение — шашечной формы состолие; и приезжающие из театра изящная дама в спадающих перьях, с цветами в руке и в боа, кавалер ее в тонной визитке слегка пожимают плечами и... и... ретируются.

Штаб Ка́тти Ко́бус имеет здесь место всегда; я имею честь числиться в нем; Ка́тти Кобус ведет, чуть держа за рукав, к тому столику, где, по ее представлению, следует сесть; и показывает на него еще издали веером: «Дорт!»[3]. Она знает, кому где полезней, кому где приятней, и вот — результат: оказались знакомыми — Франк Ведекинд[4] (драматург) с миловидной женой, Шолом Аш, еще юноша, очень известный в то время поэт, Людвиг Шарф, анархист-публицист, тонколицый, брюзгливо-рассеянный Мюзам, позднее фигура советской Баварии, севший в тюрьму, эскадрон польских критиков, юноша бледный, племянник философа Паульсена, Станислав Пшибышевский, почти не бывающий здесь.

Мое первое впечатление от «Симплициссимуса»: пе́стри цвета; но тут же заметили русские и обо мне рассказали с три короба Катти; она же величаво ввела в круг гостей своих; я для нее покупал у цветочницы розу;

[1] «Солнце в груди».
[2] Серо-синий.
[3] «Там!»
[4] Известный еврейский писатель.

все стало своим: Катти, публика́ и фрейлейн Анни — высокая, стройная, юная девушка, почти красавица, стянутая черным шелком: с живыми глазами и с грустно-мечтательным ртом, проносилась с подносиками по ковровой дорожке с рейнвейном и потчевала «ка́льтз энтз» (настой ананасов в вине).

«Симплициссимус» влек атмосферой безбытности, сливками интеллигенции, искрами шуток, взметаемых здесь, завозимых же из Будапешта, из Вены, Берлина, Варшавы и Кракова; и как конфетти цветных афоризмов, взрывались и падали тотчас же в звуки рояля; здесь юноши в светлых визитках вставали белясо, чтоб выбить в ушном лабиринте строку; поднимали стаканы свои, и просили, устраивая страшный гвалт: — Der Prolete![1]

Расставивши локти, согнувши курчавую черную голову (густой бородкою — в скатерть, а носом распухшим — в стакан), там скорбил равнодушным лицом пролетарский поэт Людвиг Шарф; поднимался, руками упершися в стол, и мычал угрожающе нам свой шедевр: «Der Prolete»!

Однажды, когда вихрь веселья взлетел к потолку, абажурики стали порхать мотылечками, сдвинулись к двум горбоносым венгерцам в коротких штанах, в серо-зеленоватых гамашах; тут грянул чардаш, и венгерцы, вскочивши, схватяся за талии, их пооткинув, схватясь за затылки, разбрызнули вместе с задетым ногою столом: дроботанье двух пар каблуков — вероятно, подкованных — в пол, звон стаканов разбитых и дождь винных капель в лицо! А два тела, слитые в одно, засквозив, стали — вихрь, проходивший пощечинами разлетающихся пиджаков по губам, по носам, по щекам.

«Симплициссимус» — сливки Берлина и Мюнхена, но — не Москвы; для нее эти сливки — еще молоко; сам отстой афоризмов в Москве нам казались игрой в дурачки; мы, вкусивши от «сливок» Уайльда, узнали тщету афоризмов, коль пища иная изъята; снобизм казался остынувшим блюдом; и — кроме того: в «Симплициссимусе» заседало пять-шесть остроумцев; все прочее — непропеченное тесто еще молодых модернистов; уста этих юношей произносили лишь — «интерес-сант», «файн» и «тиф»[2], так что, вынужденный говорить, через несколько дней я взял тон превосходства над группой юнцов, хоть «немецкий» язык мой хромал; они слушали и все поддакивали: «О, ви файн!» Помню Цутта, швейцарца из Базеля, помню студента из Швабии Гейгера; был темпераментен шваб с остроносым лицом, на котором пылали багровые шрамы; он стал забегать ко мне, неся «аусшниты»[3]; в Мюнхене было обычаем ужи-

[1] «Пролетарий».
[2] «Интересно», «тонко», «глубоко».
[3] Наборы колбасных ломтиков вместе с хлебами, составлявшими студенческий ужин.

нать группою; Гейгер таки надоел; от него — улепетывал; он, погонявшись, обиделся; раз, скрестив руки, ко мне подступил, стал «фиксировать», после чего я бы должен был вызов послать ему (корпоративный обычай); а я — отвернулся.

Отстал.

«Симплициссимус» я посещал каждый вечер еще потому, что я жил от него в двух шагах; пробежавши по уличке, соединявшей мою «Барер-штрассе» с «Тюркен», свернув,— я был там; раз меж столиками предо мною возник Игорь Грабарь; мы с ним провели два-три вечера в долгих беседах о здешнем искусстве; я плавал в его ядовитых сарказмах по адресу Мюнхена; веяло воздухом «Мира искусства», который в России казался давно передышанным; здесь он казался озоном; в дыхании мюнхенцев сквозь полосканья одолями — дурной запах шел: это — последствие мюнхенской кухни; а Грабарь стоял за французскую; знал как пять пальцев он Мюнхен, когда-то прожив в нем и пользуясь обществом Ашби; пропятив губу, он выцеживал мненья, небрежно, ленивейше, и еле-еле кивочки бросал «уважаемым» старым знакомцам; запомнилась его тугая, остриженная догола, красно-розовая голова, совершенно безбровая, с очень большими ушами и с малыми карими глазками; походил он на фавна в дрожащем пенсне — и губою и острой бородкой; визиткой табачного цвета, лиловою ленточкой галстука не отличался от мюнхенцев.

Вырос внезапно, совсем не вошел; точно он содержался в подвале «локаля» со времени Ашби, подобно вину: отстояться и вновь приподняться из люка; лениво оглядывал прежних друзей, вид имея почтенного циника: «Живы,— курилки?» Пропал, провалившись как в люк[1].

Преобразования в Баварии

1.

Между 1895 и 1905 годами рост населения Германии в городе и на селе происходил по-разному. В Баварии самые маленькие административные округа отмечали прирост населения на 63,3%; но при этом 36,1% всех сельских общин столкнулись с сокращением населения; период бурного роста капитализма, так называемый период грюндерства, «грюндерцайт», характеризовался оттоком сельского населения в города. Полным ходом шла

[1] *Белый Андрей.* Между двух революций. Л., 1934, с. 120—125.

пролетаризация городов. Население некоторых из них за несколько десятилетий увеличилось втрое[1].

Итоги миграции населения Германии с 1840 до 1905 года показывают резкое уменьшение населения прежде всего в сельскохозяйственных районах. За этот период почти 700 тыс. человек покинули свою баварскую родину. До момента основания Германского рейха около четырех пятых граждан, лишившихся средств существования, эмигрировали, прежде всего в США. После 1871 года движение переселенцев направляется в большей мере в другие земли рейха или в баварские города. В канун нового века количество эмигрантов в США составляло не более 2%[2].

В то время как Берлин, Рурская область и Саксония в результате бурного развития капитализма и концентрации промышленности увеличивают население, в Баварии в целом отмечается отток населения в другие районы[3].

Иную картину мы наблюдаем в крупных городах Баварии. Они формируются как новые экономические центры и имеют огромный прирост населения. В этом отношении Мюнхен занимал одно из первых мест среди немецких городов. Даже без учета присоединения ряда общин к городу приток новых жителей в Мюнхен был исключительно велик и временами на 10% превышал приток населения в Берлин[4].

Так, например, в канун нового века из 499 932 жителей в баварской столице 180 381 родился в Мюнхене (т. е. 36,1%), 261 035 переселились из других баварских общин (52,2%), а остальные 58 516 (11,7%) прибыли из Пруссии, Вюртемберга, Бадена, Саксонии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Франции, Англии, России, Америки[5].

В Мюнхене в 1900 году проживало почти полмиллиона человек, что составляло 37,9% населения Верхней Баварии (1 319 985), около 8,1% (против 7% в 1895 году) от общего количества населения королевства Баварии (6 168 392) и 0,9% (против 0,8% в 1895 году) населения Германского рейха (56 345 014). Прирост за период с 1895 по 1900 год составил 22,7% и превосходил все данные прироста населения за предшествующие периоды. С 1883 года, т. е. за 17 лет, население увеличи-

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern vor dem Ersten Weltkrieg (1890—1914), S. 99. In: Bayern im Umbruch. Hrsg. von Karl Bosl, München — Wien, 1969.

[2] Ebenda, S. 102.

[3] Ebenda.

[4] Ebenda.

[5] Ebenda, S. 218 f. В 1900 году на каждую тысячу человек приходилось 24 пруссака, 18 вюртембергцев, 6 саксонцев, 36 австрийцев и венгров, 3 швейцарца, 7 французов и англичан, 2 американца. (In: *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing, a.a.O.)

лось вдвое, а с 1859 года, т. е. за 41 год, оно увеличилось в 4 раза[1]. Переписи населения за 1880—1900 годы наглядно показывают превращение Мюнхена в современный крупный город. Приведем ряд примеров расширения территории города и увеличения его населения с 1801 по 1900 год (в округленных цифрах):

Год	Территория (га.)	Число жителей (тыс.)
1801	1 000	50
1850	2 000	100
1880	5 000	250
1890	7 000	350
1900	10 000	500

По данным переписи населения, в 1900 году в Мюнхене насчитывалось 14 088 домовладений и 155 227 домашних хозяйств. Население состояло из 231 882 мужчин, 256 170 женщин и 11 880 военнослужащих.

В XXII городском районе — а это и есть Швабинг — имелось 1276 домовладений. В нем проживало 28 154 жителя, что составляло 7002 семьи. За 1895—1900 годы в Швабинге число жителей увеличилось на 44,3%. Эта цифра указывает на то, что Швабинг — наряду с Гайдгаузеном-Норд (46,8%), Гайдгаузеном-Зюд (45,9%), Гизингом (60,8%), Зендлингом (45,5%), Нойгаузеном (50,9%), Талькирхеном (110,7%), Остендом (40,9%) и Вестендом (44,2%) — принадлежал к районам с самым большим приростом населения и по его социальной структуре относился к рабочим районам Мюнхена: в Швабинге жили многие занятые на заводах Маффея, являвшихся одним из крупнейших предприятий Мюнхена.

2.

Относительно профессиональной и социальной структуры населения Баварии статистика показывает, что количество людей, не работающих по найму, постепенно сокращалось по отношению к работающим по найму и служащим: в 1882 году число не работающих по найму было почти равно числу людей наемного труда. А в 1907 году группы наемных работников и служащих уже почти в три раза превосходят численность не работающих по найму[2]. «Изменение социального состава трудящегося населения связано с сокращением числа лиц, не работающих по найму, быстрым ростом рабочего класса, прежде всего женатых рабочих, возникновением и скачкообразным ростом нового слоя служащих, увеличением в наемном труде численности работающих женщин и все более широким вовлечением в производственную деятельность молодежи, главным образом в качестве рабочих. В промышленности, торговле и на транспорте было занято — за вычетом предприятий с одним работающим — 15,4%, не занятых по найму — 7,2% служащих и 77,4% рабочих»[1].

Во всем Германском рейхе экономический и общественный центр тяжести переносится из села в город. Это происходит и в Баварии, хотя здесь в 1907 году еще в ряде районов — например, в Нижней Баварии, Оберпфальце и Нижней Франконии — превалирует аграрное хозяйство.

В целом же по сравнению с Саксонией и Пруссией в Баварии все еще преобладает сельское хозяйство, хотя доля трудящегося населения, занятого в ремесленном секторе, в торговле и на транспорте, постоянно возрастает: «В 1882 году самодеятельное население в Баварии составило 2,78 млн. человек, или 51,8% всего населения, а в 1907 году — уже 3,72 млн., или 56,4%»[2].

При этом в Баварии мелких предприятий было значительно больше, чем в других германских землях, и поэтому пролетаризация населения происходила медленнее. Численность рабочих и служащих в Баварии выросла за период с 1895 по 1907 год на 36,1%, в Вюртемберге — на 42,7% и в Пруссии — на 46,2%[3].

Крупных предприятий в Баварии было меньше, чем в других районах Германского рейха: «В 1907 году 63,4% всех работающих по найму были заняты на предприятиях с числом работающих менее 50 человек; в Саксонии их уже только 53,5%, в Пруссии — 52,5% и в Бадене — 52,1%»[4].

Это приводит и к тому, что в период 1895—1907 годов процесс концентрации рабочих на крупных предприятиях в процентном отношении в Баварии выше, чем в среднем по рейху[5].

Развитие науки и техники в целях развертывания массового производства, отечественная и международная конкуренция, развитие и улучшение путей сообщения отодвигали старые, высококвалифицированные профессии на задний план. Прежде всего это коснулось классического среднего сословия — ремесленников; вследствие развития индустрии ремесленники оказались вынужденными искать себе новую работу. Часть из них нашла для себя поле деятельности в сфере торговли. В то же время возросло, прежде всего в сельской местности, число надомных работни-

[1] Все цифры по: Сообщения статистического управления города Мюнхена, т. XVIII, № 3, ч. II. In: StaM Pol. Dir. Mü. 979.
[2] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 105.

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 103.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda, S. 105.
[4] Ebenda, S. 113.
[5] Ebenda.

Баварцы

ков — большей частью из числа людей, которые не имели возможности переселиться в город, или не желали покинуть свой родной дом, или оказались не в состоянии быть на высоте новых требований. Положение надомников среди других категорий трудящихся было особенно тяжелым. В 1907 году их было около 100 тыс. — на одну треть больше, чем в 1882 году[1].

Этот процесс развития протекал параллельно с глубоким кризисом в сельском хозяйстве, который к началу 90-х годов прошлого века достиг своей высшей точки; мелкие и средние предприятия оказались неподготовленными к заокеанской конкуренции — прежде всего со стороны Северной Америки и Аргентины, к противоборству с крупными помещиками и юнкерами, оказывавшими влияние на политику кайзеровского правительства. Падали цены на зерно. «Падает рента, падают цены на землю и арендная плата, и в то же время резко растет объем налогов и ипотек»[2].

Для развития тяжелой и добывающей промышленности в Баварии отсутствовали — за немногим исключением — полезные ископаемые. Поэтому крупные предприятия концентрировали свое внимание на производстве средств производства и предметов потребления. «Высокоразвитая металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность развивается в Аугсбурге, Нюрнберге, Мюнхене и в районе Средней Франконии, текстильная промышленность концентрируется в Швабии и Верхней Франконии, химическая промышленность — в Людвигсгафене и Мюнхене, а электротехническая промышленность — в Мюнхене»[3].

Таких индустриальных гигантов, как Крупп, у которого в 1910 году работало около 70 тыс. человек, в Баварии не было. Предприятия с более чем 1000 рабочих находились главным образом в Рурской области, в Баварии в 1907 году имелось лишь 39 крупных предприятий, среди них БАСФ, где работало более чем 8 тыс. человек, МАН — 7 тыс., заводы Сименса-Шуккерта в Нюрнберге — 5 тыс. и механическая хлопкопрядильная и ткацкая фабрика в Аугсбурге с числом рабочих и служащих почти 3 тыс. человек[4]. Многие фирмы, появившиеся в начале 90-х годов, вскоре прекращают свое существование или в результате концентрации капитала объединяются с более крупными предприятиями. Это особенно видно на примере электротехнической промышленности: «После начала века решающее влияние на этом рынке имели две большие группы — АЭГ и Сименса-Шуккерта, которая сформировалась в 1903 году путем слияния фирм Сименса

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 113.
[2] Ebenda, S. 110.
[3] Ebenda, S. 112.
[4] Ebenda, S. 114.

и Гальске в Берлине и Шуккерта в Нюрнберге»[1].

Решающий вклад в индустриализацию Баварии внесла металлообрабатывающая промышленность: это были «инженерные достижения баварских машиностроительных заводов, создание высокопроизводительных моторов и производство машин»[2].

Одна из важнейших отраслей производства в Баварии — пивоварение смогло получить новое развитие благодаря своей прогрессивной холодильной технике (например, Линде). Технология изготовления пива была основательно обновлена уже в 70-х годах. «В 1913 г. доля Баварии во всем германском производстве пива составляла 27,6%»[3].

Несмотря на подъем, Бавария все еще отставала в своем развитии от других районов Германии: согласно статистике, по доходу на душу населения в 1913 году она находилась на предпоследнем месте.

«Доход от сельского хозяйства еще сохраняет за собой доминирующее положение, составляя добрую четверть всей суммы доходов; его доля раза в два больше, чем в индустриальной Саксонии, в то время как Вюртемберг и Баден, соответственно с их смешанной структурой экономики, получая пятую часть доходов за счет сельского хозяйства, занимают места между Баварией и Саксонией. И наоборот, на долю торговли и ремесел в Саксонии приходится более четверти общей суммы доходов, а в Баварии лишь почти пятая часть»[4].

Все данные показывают, что такие изменения за короткий промежуток времени привели миллионы людей к разорению, у многих они породили неуверенность в завтрашнем дне.

3.

Особенность экономического развития Баварии заключается прежде всего в том, что «лицо города, вплоть до размещения в нем военных заводов, во время первой мировой войны определялось не индустрией, а строительством»[5].

Промышленными центрами Баварии являлись Нюрнберг-Фюрт, Аугсбург, а также Людвигсгафен, в те времена входивший в состав баварского королевства.

В отличие от Нюрнберга и Кёльна, занятость населения Мюнхена «зависела от деятельности отраслей, которые не дают постоянной занятости. В Мюнхене некоторые источники дохода имеют сезонный характер. К ним относятся доходы, получаемые от туризма, и

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 115.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda, S. 116.
[4] Ebenda, S. 124.
[5] *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 20.

связанные с этим доходы, получаемые от ресторанов и пивных, кофейных заведений, сферы частных услуг. В рамках всей хозяйственной структуры города они играют относительно большую роль. Поэтому тут бóльшая, чем в других городах, зависимость благосостояния населения от доходов, которые основаны на нерегулярных, непостоянных занятиях»[1].

Во всяком случае до первой мировой войны экономическое развитие в Мюнхене происходило намного медленнее, чем во всем рейхе, а в Баварии — чем в Нюрнберге-Фюрте, Аугсбурге и Людвигсгафене: в 1882 году предприятия, на которых работало от одного до пяти человек, составляли все еще 92,7% всех производственных предприятий, и даже в 1907 году их доля составляла 89,7%[2].

В 1907 году на крупных предприятиях Мюнхена была занята почти треть всех работающих. (К крупным предприятиям причислялись предприятия с числом занятых свыше 51 человека.) «Если в 1895 г. в Мюнхене было лишь 8 заводов с более чем 500 работающими на каждом из них, то к 1907 году это число выросло до 14, т. е. на две трети; за это время количество работающих на этих крупных предприятиях увеличилось на 100%»[3].

4.

Авторы многих воспоминаний о Мюнхене воспевают «сельский» романтический характер города, контрасты деревенской простоты рядом с элегантным урбанизмом, видимость гармонии между аристократическими почитателями искусства и грубоватым баварским народом, находя в этом достопримечательность мюнхенской жизни в канун нашего века. Причины этого своеобразия мюнхенской городской жизни можно увидеть в политико-экономических факторах тех лет. В 1900 году еще ни одна заводская труба не коптила в этом городе. «Ужасная» промышленность размещалась тогда в других местах. В столице королевства Баварии находилась не только резиденция королевского дома; тут находились резиденции тех, кто управлял промышленностью и присваивал себе прибыли от нее.

Мюнхен стал местом пребывания главных промышленно-финансовых воротил Баварии: банки и торговые дома, пути сообщения и органы управления руководятся из столицы земли (Баварии), в том числе и акционерные общества[4].

[1] Die Arbeitslosenzählung in München und seiner Umgebung vom 11. Februar 1912. Veröffentlichung des Statistischen Amtes der Stadt München. München, 1912. Nach: *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 20.
[2] *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 6.
[3] Ebenda, S. 6.
[4] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern..., a.a.O., S. 118 ff.

Крупнейшие баварские региональные банки — «Байерише хипотекен- унд вексельбанк» и «Байерише хандельсбанк» — поглотили более мелкие провинциальные банки и успешно конкурировали с крупнейшими берлинскими банками: «За движением концентрации банков следует тесное переплетение и взаимопроникновение капитала. Влияние и власть сохраняются в руках немногих»[1].

Ведущими политиками в большинстве случаев были протестантские юристы из Франконии (т. е. из Северной Баварии.— *Перев.*) Из их слоев вплоть до начала века пополнялась правительственная бюрократия и выходили министры иностранных дел, а также премьер-министр барон фон Крайльсгейм, министр финансов барон фон Ридель, министр внутренних дел барон фон Файлицш.

Этот высший слой и другие представители господствующего класса объединяли свою деятельность в управлении экономикой, обществом и государством, им в одинаковой мере были свойственны традиции как дворянства, так и крупной буржуазии. Дворянство обуржуазивалось, а крупная буржуазия стремилась стать подобной дворянству.

«Управление хозяйством сочеталось со стремлением к социальному престижу. Здесь можно указать на связи семьи предпринимателей Фабер с родом Кастеллов, на выдвижение в депутаты рейхстага крупнейшего финансиста Буля, химического магната и директора железных дорог Клемма, фабрикантов Маффея и Крамера-Клетта, владельца металлургического завода Кремера, директора «Байерише хипотекен- унд вексельбанк» Ауэра, владельца хлопчатобумажной фабрики Гасслера и банкира Финка. Министры занимали посты в наблюдательных советах крупнейших акционерных обществ: министр граф Подевильс — в «Дойче банк», барон Крайльсгейм — в «Байерише ферайнсбанк» и в «Бадише анилин- унд зодафабрик», фон Ландман — в «Амперверкен», фон Пфаф — в «Байерише хандельсбанк», фон Мильтнер — в «Байерише рюкферзихерунг». Даже фон Фрауэндорфер, которого правая печать клеймила как «красного Генриха», был членом наблюдательного совета.

Важную роль в объединении составных частей этого правящего слоя несомненно играл принц-регент Луитпольд. Буржуазные замашки его образа жизни и буржуазный состав его непосредственного окружения проявлялись намного отчетливей, чем его роль в качестве политического деятеля или монарха. Это непосредственное окружение принца-регента было у всех на виду; летом они встречались во время многодневных охотничьих выездов, а зимой — в Мюнхене, в так называемом кружке «Дер зумпф», который собирался каждый вечер. Назовем лишь только тех из них, кто в течение ряда лет принадлежал к постоянной свите регента, а из придворных — лишь тех, кто имел наиболее близкие отношения с принцем Луитпольдом: из придворных чиновников — начальник конюшни граф Карл фон Вольфскель, директор дворцовой охоты фон Гёрманн и лейб-врач д-р фон Кастнер; из членов тайной канцелярии — барон фон Виденман и главный правительственный советник Дандль; из числа министров — премьер-министр граф Подевильс, министр юстиции фон Мильтнер и военный министр граф Горн. Постоянными спутниками правителя были также имперский советник граф Квадт цу Викрадт унд Исны, которому регент в 1901 году присвоил княжеский титул, профессора фон Ангерер и фон Бауэр, директор Пфальцских железных дорог фон Лаваль, наставник монастыря фон Тюрк и директор академии фон Каульбах. Окружение регента отражало в известном смысле состав правящего общественного слоя. Внутри этого круга сглаживались политические, экономические и общественные интересы. В этот круг могли войти лишь избранные из числа представителей правящего слоя, но вместе с тем круг этот строго отграничивал себя от остальной части общества, прежде всего в деле защиты своих политических и экономических интересов»[1].

Оборотной стороной власти и богатства, роскоши королевской резиденции и великолепия города искусства была «идиллия» скрытой нищеты, прикрываемой художественной богемой и баварским образом жизни. В этом отношении Мюнхен отличался от Берлина, где оборотная сторона была представлена каменными казармами пролетариата.

Михаэль Г. Конрад, например, так описывает возвращение в отчий дом в городе Легель сына одного сапожника:

«В далеких странствиях его глаза, а тем более слух и нюх давно отвыкли от такого: в двух-трех заставленных каморках первого этажа и чердачной конуре непостижимым образом переплелись в беспорядочном клубке люди, домашние животные, хозяйственный скарб, ремесленные инструменты, старое рванье и новые вещи; воздух — хоть руби топором, сплошь из испарений, пыли, дыма и гари, запаха гнили и вони; маленькие оконца облеплены грязью, разбитые стекла заклеены бумагой, старые двери, замызганные и заляпанные отбросами, изъеденные древоточцами и криво висящие на петлях,— подобные лачуги

---

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 119 f.

[1] *Möckl Karl.* Gesellschaft und Politik während der Ära des Prinzregenten Luitpold. In: Bayern im Umbruch, a.a.O., S. 22 ff.

мне приходилось встречать лишь в самых печально знаменитых нищенских трущобах Восточного Лондона»[1].

В своем рассказе «Ханна-старьевщица» Лена Крист так описывает условия жизни «баварской глубинки»: «Крошечный закуток для козы, прогнивший дровяной сарай, старый деревянный колодец или трухлявая бочка с водой на нищенском клочке огорода свидетельствуют прохожему о неприглядности жителей зтого приюта с его двумя-тремя каморками и подобием кухни»[2].

По ту сторону фасада господствовали убожество и нищета; владельцы лачуг, соледробильщики, прачки и гладильщицы, дровосеки, батраки и плотники жили в крайней бедности. Рядом с городом роскоши, о котором один американец писал: «Life goes on here like a song»[3], жители бедных кварталов, западных и восточных окраин города, вели отчаянную борьбу за существование[4]. В период между 1895 и 1912 годом безработными были от 4 до 5% самодеятельного населения. Тем самым Мюнхен, согласно статистическим данным 1911 года, по безработице намного опережал такие города, как Нюрнберг и Кёльн[5].

В Мюнхене имелась хорошо организованная система бирж труда, но безработицу с их помощью ликвидировать не удавалось[6]. Городской советник по делам школ Георг Кершенштейнер разработал до 1914 года «образцовую систему профессиональных и народных школ и учреждений просвещения»[7], разработал «всеобъемлющую теорию образования и просветительских учреждений», но тем не менее безработица в те годы все возрастала. «С 1895 по 1907 год численность неквалифицированных рабочих возросла на 77,7%, а численность получивших профессиональную подготовку выросла лишь на 10,8%, так что к зтому моменту почти две пятых всех работающих по найму были неквалифицированными подсобными рабочими»[8].

Господствовавшие реакционные законы и цензы оседлости и гражданства создавали и политические привилегии тем, кто господствовал в зкономике, и препятствовали парламентскому представительству рабочих: право гражданства — как предпосылку избирательного права — получали лишь те, кто платил очень большие налоги. Так, до начала первой мировой войны правом голоса пользовались лишь 10% населения: в 1914 году число жителей города превышало полмиллиона, но лишь 47 тыс. обладали правом голоса[1].

До реформы избирательного права в общинах в 1908 году избирателей было еще меньше. Для получения права гражданства приходилось делать большие взносы в казну, но, кроме того, согласно старому баварскому положению об общинах избиратель должен был удовлетворять еще следующим требованиям, чтобы «приобрести права гражданства» в данной общине:

— совершеннолетие (21 год);

— независимое зкономическое положение;

— мужской пол;

— гражданство баварского государства;

— постоянное местожительство в данной общине;

— готовность к уплате прямых налогов данной общине.

Зависимыми в зкономическом отношении считались: «посыльные, ученики, прислуга, находящиеся на иждивении у хозяина или у главы семьи и не имеющие собственной квартиры»[2].

«Квалифицированный баварский рабочий мог лишь в том случае претендовать на гражданские права, если он уже обладал правами гражданства в какой-либо общине или же в течение двух лет проживал в данной общине, платил соответствующие налоги, не ходатайствовал и не получал пособие по бедности. Такие гражданские права люди приобретали ради женитьбы...»[3].

Социальные и политические противоречия неуклонно росли: с 1890 по 1906 год расходы города на пособия бедным увеличились на 180%. Это означало, что темп прироста бедноты превышал прирост населения почти в три раза. С 1898 года расходы шли прежде всего на бесплатные обеды для нищих, причем вплоть до 1914 года зта статья расходов непрерывно росла. Городская газета «Ратшкатль» писала в 1913 году: «Все стремятся в большие города, ибо каждый мнит, что там, где проживают сотни тысяч, и ему удастся как-нибудь прожить... Нищета достигла в нашем городе такого размера, что, несмотря на те миллионы, которые жертвует община, тысячи людей голодают и погибают в нищете»[4].

В последние месяцы перед мировой войной в адрес полиции потоком поступали заявления

[1] *Conrad M. G.* Die gute Haut. Novellen und Lebensbilder. Leipzig, 1893, S. 81. Nach: *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 7.

[2] *Christ Lena.* Die Rumplhannie. Erzählung. München, 1945, S. 197 f.

[3] «Жизнь течет здесь, как песня».— *Прим. перев.* (Nach: *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 12.)

[4] Ebenda, S. 10 f.

[5] Ebenda, S. 18.

[6] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 147.

[7] Ebenda, S. 134.

[8] Ebenda, S. 129.

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und gesellschaft in Bayern.., a.a.O., S. 139.

[2] *Schwarz Klaus-Dieter.* Weltkrieg und Revolution in Nürnberg. Stuttgart, 1971, S. 28.

[3] Ebenda.

[4] *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 16.

Выселение бедняка-рабочего

необходимо указать на ряд факторов, значительно затрудняющих предоставление дешевых квартир. Высокие цены на землю при ограниченном использовании земельных угодий под строящиеся здания соединяются с высокими расходами на строительные материалы и оплату труда, к ним добавляется значительная стоимость строительства улиц и их покрытия при большой ширине проезжей части, расходы на лучшее оформление фасадов и возрастающие расходы на более комфортабельное, отвечающее всем требованиям нового времени оборудование квартир»[1].

богатых частных домовладельцев «очистить улицы города от нищих-попрошаек»[1].

Но особенно тяжелыми были нехватка жилья и рост квартплаты. В сообщениях отдела статистики города Мюнхена в связи с переписью квартир на 1 декабря 1900 года сказано: «В целом, как и по данным прошлых переписей (1890 и 1895 годов), половина населения Мюнхена живет в квартирах совместно по 4—6 человек, почти одна четверть проживает по одному или в малочисленных домашних хозяйствах до 3 человек, но их доля по сравнению с 1895 годом уменьшилась»[2].

«При оценке постоянного роста квартплаты

[1] *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 16.

[2] Mitteilungen des Statistischen Amtes der Stadt München. Band XVIII, a.a.O. In: StaM Pol. Dir. Mü. 979.

«Средняя плата повсюду значительно возросла: минимальный рост в 10—15% — для двух-семикомнатных квартир, рост в 25% — для квартир с одной отапливаемой комнатой, и в 26—35% — в наиболее обширных квартирах.

...В среднем рост квартплаты в 1895—1900 годы был значительно выше, чем в 1890—1895 годы, ибо если за 1890—1895 годы квартплата возросла от 2,9 до 6,6%, то за период 1895—1900 годов рост квартплаты колебался между 10,9 и 35,5%. В целом рост за последнее десятилетие XIX в. был очень значительным, от 14,1% для квартир с 4

[1] Mitteilungen des Statistischen Amtes der Stadt München, a.a.O., S. 5.

отапливаемыми комнатами и до 33,2% для квартир с 8—10 отапливаемыми комнатами»[1].

Экономический кризис начала века особенно сильно сказался в отсталых и зависимых от иностранного капитала странах. Этот кризис коснулся и большинства населения Баварии, за исключением небольшой верхушки. Это подтверждает также статистика доходов:

в 1911 году, по неуточненным данным, 75% населения имело годовой доход ниже 1500 марок, 23,3%—от 1500 до 6 тыс. марок, 1,22%—6 тыс.—12 тыс. марок, 0,51%—от 12 тыс. до 50 тыс. марок и только 0,06% населения располагало годовым доходом в более чем 50 тыс. марок[2].

У мелких предпринимателей, служащих и чиновников, части врачей, адвокатов и инженеров кризис и всякие изменения тоже вызывали чувство неуверенности в завтрашнем дне[3].

Торговцы ощущали давление со всех сторон: они не могли выдержать конкуренции с крупными универмагами Мюнхена—например, универмаг фирмы Титца у вокзала,—но на них давили и снизу.

В своем социальном и профессиональном самосознании они считали себя главной опорой порядка: они представляли среднее сословие и соответственно этому демонстративно отграничивали себя от пролетариата и остальных нижних слоев.

Многие граждане, прежде всего рабочие, находясь под влиянием социалистических идей XIX века, пытались защитить свои интересы перед лицом превосходящей силы великих мира сего путем создания потребительских обществ (в 1900 году 3% населения Мюнхена снабжалось через потребительские общества, а к 1915 году эта цифра выросла почти до 33%). Люди среднего сословия требовали как запрещения потребительских обществ, так и «мер против опасных для общества крупных универмагов», настраивали общественное мнение против ликвидации мелких предприятий, сопротивлялись «фаталистической силе так называемого развития».

Многие из среднего сословия обвиняли во всех бедах евреев, особенно за ущерб от «биржи и биржевых обманщиков», в то же время потребительские общества считались дьявольской проделкой социалистов, стремящихся свергнуть государство.

Всякие добровольные общества или клубы, союзы и т. д. подлежали регистрации в управлении общественным порядком. В канун нового века в регистрационных документах полиции часто встречается краткое указание: «с антисемитской тенденцией».

[1] Mitteilungen des Statistischen Amtes der Stadt München, a.a.O., S. 6.
[2] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 107.
[3] Ebenda. S. 155 ff.

5.

За фасадом города муз, скрытно от глаз посетителей художественных ателье, будучи не отмеченным в сознании привилегированных, образованных слоев, в Мюнхене в канун нового века уже накопилось немалое количество социального и политического взрывчатого вещества.

В период перехода от одной эпохи к другой в Баварии резко обострились противоречия между городом и деревней, привилегированными и лишенными привилегий, собственниками и лишенными собственности, контрасты между бедностью и богатством. Рабочие требовали права на труд. Барон фон Крамер-Клетт, референт при палате имперского совета, противопоставлял этому требованию характерные для господствующих воззрений аргументы: принудительная необходимость заботиться о хлебе и средствах на жизнь есть одна из элементарных сил, определяющих экономическую и общественную жизнь. Право на труд могло бы существовать лишь в «коммунистически устроенном государстве». Забота о рабочем сословии есть вообще «очень одностороннее дело», ибо правительство должно осознать, что своим страхованием от безработицы оно укрепляет ту организацию, которая стремится уничтожить существование государства[1].

«Рабочее сословие» отнюдь не собиралось довольствоваться благотворительностью. Немецкое рабочее движение боролось за свои права и стремилось к справедливости, свободе и достойному человека общественному порядку. Для него тоже на повестку дня встал вопрос: что делать?

Баварцы и их проблемы

1.

1 декабря 1900 года комиссар королевского управления района Айхах написал докладную записку в адрес королевского правительства Верхней Баварии, в управление внутренних дел, где сообщал важные новости о человеке, взволновавшем в свое время все общественное мнение Баварии:

«27 ноября с. г. около 9 часов вечера неизвестный мужчина украл 2 курицы из курятника хутора Паар, что относится к общине Газлангкрейт, застрелил затем собаку и произвел еще два выстрела.

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 147.

Услышав это, несколько парней с хутора Паар бросились вслед за преступником, который кинулся бежать, но затем внезапно повернулся к своим преследователям и произвел в них выстрел, тяжело ранив в ногу сына крестьянина Зейца с хутора Паар. Немедленно начатое расследование показало, что преступником несомненно является пользующийся дурной славой сын мельника Матиас Кнейсль из деревни Шахермюле, что в общине Зульцемос королевского округа Дахау. Названный уже несколько дней околачивался в этом районе, о чем свидетельствуют собранные показания. Его также якобы видели в Рандельсриде, где у него есть родственники. По указанию государственного прокурора при королевском земельном суде Аугсбурга из королевского районного управления был послан патруль жандармерии.

Вчера, 30 ноября, вечером два крестьянских мальчика из Иохенбруна прибежали в жандармерию села Альтомюнстера и по поручению своего отца сообщили, что Матиас Кнейсль, сын мельника, находится в настоящее время у них в доме в Иохенбруне. Городской комендант Альтомюнстера Брандмейер и тамошний жандарм Шейдлер отправились немедленно в Иохенбрун и застали там в доме крестьянина разыскиваемого Кнейсля.

Последний, однако, немедленно схватился за свое трехствольное ружье, которое он всегда имеет при себе, и выстрелил в коменданта города, и тот через несколько минут испустил дух. Жандарма Шейдлера он также тяжело ранил выстрелом в ногу и затем бежал.

Вероятно, он направился в соседние районы Дахау, Фридберг или Брук. Указанным управлениям уже послано донесение, и местные полицейские власти соответствующим образом предупреждены. Им предложено вести наблюдение и оказать содействие в задержании опасного преступника.

Судебная комиссия уже направилась на место преступления»[1].

Уже 3 декабря 1900 года управление королевской полиции Мюнхена опубликовало в виде специальной листовки объявление о розыске преступника с указанием примет, призывая население города и села включиться в поиски убийцы:

«1000 МАРОК НАГРАДЫ.
УБИЙСТВО.
11941. *Кнейсль* Матиас, католического вероисповедания, холост, мельник и столяр, проживающий в Унтервейкертсхофене, королевский район Дахау (Верхняя Бавария), рожденный там же 12 мая 1875 года (ранее вымышленно называл годом своего рождения 1877-й), сын умершего мельника и столяра Матиаса Кнейсля (ранее владевшего мельницей в общине Зульцемос, район Дахау) и его супруги Терезы, урожденной Пасколини, подлежит аресту за *убийство и два преступных покушения на убийство* и должен быть доставлен в следственную тюрьму Аугсбурга.

Внешние приметы: 25 лет от роду, небольшого роста (1,60—1,64 метра), коренастый, светлый блондин с пробором посередине, темные усики, голубые глаза, белесые брови, овальное лицо, верхнебаварский диалект, на левой руке татуировка (стрелка с самострелом и цифры «1894»), на левом бедре два старых шрама от огнестрельного ранения; на шее у него бородавка. Одежда согласно последнему описанию: черная шляпа, темная одежда, темно-синий или черно-синий плащ, рубашка с голубыми полосками и белым стоячим воротничком, черный галстук, черные гетры и желтые ботинки. Кнейсль имеет при себе *трехствольное охотничье ружье*. (Д. 936) Аугсбург, 1 декабря 1900 года.

Судебный следователь Б. при королевском Баварском земельном суде Аугсбурга»[1].

Но этот Тиас—так попросту называл народ бандита Кнейсля—для многих был героем. Браконьер из народа не считался убийцей. И властям было трудно поймать Матиаса Кнейсля, всегда находившего убежище в сельских районах Дахау. Более трех месяцев длилась за ним охота.

Когда же Тиас собирался поздней ночью 4 марта 1901 года проститься с Матильдой Лоренц, своей невестой из Мюнхена, находясь тайно в доме крестьянина Меркеля в селе Гютлерхоф, он и не подозревал, что эта любовная встреча будет последней. Одни считают, что его предала Матильда, другие—что ее мать. Сам же Матиас якобы намеревался выехать в Америку[2]. Село было окружено большим нарядом полиции. Рано утром 5 марта 1901 года стрелки ворвались в дом...

21 февраля 1902 года Кнейсля гильотинировали в Аугсбурге.

Во время чтения обвинительного акта прокурор якобы с триумфом заявил 27-летнему Тиасу: «Я рад, что смогу предъявить обвинение в убийстве». После похорон мать казненного якобы бросила в лицо присутствующим чинам и журналистам слова: «Вы убили его, судебные убийцы!»[3]

«Дело Кнейсля» показало наличие кризиса в системе органов власти. С одной стороны, дело заключалось в «восстановлении подорванного долгой безуспешной охотой полицей-

---

[1] Fahndung nach dem Räuber Mathias Kneissl. In: StaM RA 57963

---

[1] Extrablatt vom 3. 12. 1900. Fotokopie.
[2] *Richardi Hans-Günter.* In: Süddeutsche Zeitung vom 21.2.1977.
[3] Ebenda

«Зюд-Дойчер Постильон», 1901, № 20.

ния о Матиасе Кнейсле, равно как об охотнике Йенервейне из района озера Шлирзее, воплощаясь в стихах, сатирических народных скетчах и красочных почтовых открытках.

2.

Пруссия воспринималась в Баварии как воплощение полицейского государства. Но это отнюдь не означало, как видно из дела Кнейсля, что королевская баварская полиция пользовалась в народе особой любовью.

Нечаянное оскорбление Его Величества

Жандарм: «Что это? Сегодня, в день рождения короля, вы едите картошку с селедкой? Лишенная патриотизма сволочь! Немедленно отправляйтесь за телячьей печенкой, иначе мы обвиним вас в оскорблении Его Величества».

ских органов престижа государственной власти», а с другой стороны, песни мюнхенских народных певцов, в которых звучали насмешки над полицией и Кнейсль славился как социальный бунтарь и хитрый деревенский Иванушка-дурачок, показывали, что простые люди видели в грабителе Кнейсле символ оппозиционного духа в народе против правящей государственной власти. В районах, где действовал Кнейсль, население прямо-таки враждебно относилось к полиции[1].

В народе еще долгие годы жили воспомина-

В Баварии власти точно так же брали на заметку любое волнение в низах, каждого, кто не склонял раболепно голову. В Баварии также отнюдь не господствовал некий дух верноподданничества, как это иногда легкомысленно полагают относительно типично немецкого поведения и баварского характера. Недовольство, критика и протест по поводу

[1] *Schneider Ludwig M.* Die populäre Kritik... a.a.O., S. 235 ff.

существующего положения направлялись прежде всего против символа государственной власти — полиции, о которой складывались отнюдь не дружелюбные стихи. На все имелись предписания и запреты, ничто не оставалось без регламентации. Характерным примером является постановление от 20 апреля 1900 года «касательно запрещения купания»:

«Управление королевской полиции Мюнхена на основании кодекса полицейских законов и к его статье 79, во изменение предписаний местной полиции от 1 июля 1862 года о запрещении купания, издает следующее распоряжение для местной полиции: во всех общественных местах, мимо которых проходят проезжие улицы или пешеходные дороги, прежде всего в каналах города и пригородов, в королевском английском саду и разливах реки Изар купание воспрещается. Кроме того, полностью запрещено купание в Гернерском и Нимфенбургском каналах за пределами купален, равно как в так называемых «черных лужах» юго-восточнее северного кладбища»[1].

Гораздо серьезнее подобных повсеместных запретов и распоряжений являлись, однако, «Предупредительные меры на случай волнений» или «Инструкция по всеобщей мобилизации для военных и гражданских учреждений, по введению военного положения, № 1849—1922/12» — название одного из документов королевского министерства внутренних дел времен контрреволюции[2].

Народ в массе своей не знал всех подробностей сохранявшихся в тайне «предупредительных мер», но со времени подавления революции 1848—1849 годов, память о которой еще жива была у демократов старшего поколения, подобные репрессии органов юстиции, полиции и армии против так называемых мятежников не считались чем-то исключительным. Наиболее свежими в памяти оставались преследования организованного рабочего класса, высылки, необоснованные увольнения и судебные приговоры времен господства законов против социалистов.

Отмена законов против социалистов в 1890 году, однако, отнюдь не означала ухода со сцены чиновников и всего аппарата государственных репрессий и преследований. Продолжалось негласное наблюдение и усовершенствовались государственные исполнительные органы. Протесты против этой политики подтверждали, что могучие демократические силы все более активно выступают против подобного развития, создавая, прежде всего в социал-демократической печати, соответствующее общественное мнение. Характерным примером этого является «Политический обзор», опубликованный 4 октября 1898 г. в газете «Мюнхенер Пост»:

«Господин фон дер Рекке и уважение к человеческой жизни.

Восемь дней тому назад в суде присяжных г. Лигница рассматривалось дело в связи с печальными беспорядками, имевшими место там недавно. Представитель юстиции, выступавший на этом процессе в качестве государственного прокурора, любезно сослался на указ министра, обязывающий чиновников службы безопасности в случае возникновения беспорядков и «при первом же бросании камней немедленно применить *огнестрельное оружие*». Мы имеем возможность дословно ознакомить общественность с содержанием этого документа. Он гласит:

Доверительно.

Министр внутренних дел.

II. 8952 1. Авг.

Берлин, 22 июня 1898.

Из донесений об имевших место в указанном городе уличных беспорядках видно, что чины полиции в связи с возникшими обстоятельствами вынуждены были применить оружие, но это *оружие не было применено немедленно и эффективно*. Этим главным образом объясняется то, что не удалось уже в самом зародыше подавить беспорядки и что они привели к новым безответственным выходкам, которых можно было бы избежать при своевременном энергичном вмешательстве.

Подобные печальные явления способны поставить под угрозу авторитет государства и его учреждений. *Ни при каких обстоятельствах* в подобных случаях не должно возникать сомнения в том, что органы полиции в состоянии и *полны решимости* в интересах охраны общественного спокойствия, порядка и безопасности решительно применить имеющиеся у них законные средства принуждения.

Поэтому я пользуюсь данным поводом, чтобы напомнить, что чины полиции, как только они соответственно существующим общим инструкциям и специальным служебным указаниям будут вынуждены применить оружие против толпы, собравшейся в общественных местах, на улицах или площадях, обязаны *немедленно* и *эффективно* применить оружие, если традиционное трехкратно повторенное требование разойтись не возымеет действия (сравн. § 116 уголовного кодекса).

Что же касается применения в подобных случаях *огнестрельного оружия*, то в связи с имевшими место в 1890 году уличными беспорядками было сделано следующее дополнение к § 10 посланной Вам в свое время книги распоряжений и инструкций для жандармерии от 10 августа 1886 года (после первой строки на стр. 14). «При необходимости применить огнестрельное оружие, последнее должно быть *использовано в полной мере*, и прежде всего следует *не допускать так называемых предупредительных выстрелов* над толпой народа».

---

[1] Ortspolizeiliche Vorschriften, 1900—1912. StdtAM Pol. Dir. 502.

[2] BayHStA MInn 71705.

Охрана национального труда

«Зюд-Дойчер Постильон»,
1899, № 22.

Данное распоряжение, которое, как я полагаю, командование бригады жандармерии доведет до Вашего сведения, должно служить руководством к действию и для *чинов полиции*. В равной мере как жандармы, так и чины полиции обязаны в случае вынужденного вмешательства с применением оружия при беспорядках на улицах и разгоне народной толпы *рубить* холодным оружием — *не плоской* его *стороной*, а о*стрым клинком*. В остальном остается в силе данное шефом жандармерии, с согласия моего предшественника по службе, указание: в тех случаях, когда большое количество жандармов объединено в отряд под командованием начальника, тогда относительно применения оружия необходимо следовать, наряду с § 28 «общей служебной инструкции» от 30 декабря 1820 года и § 18 высочайшего распоряжения от 23 мая 1867 года, инструкции о применении оружия военнослужащими от 4 июля 1868 года № II 2,4 и 5, опирающейся на закон от 20 марта 1837 года. Дополнительно замечу, что инструкцию от 4 июля 1863 года можно приобрести через книготорговлю, причем через королевский книжный магазин фирмы «Э. С. Митлер и сын» в Берлине, и я прошу Вас довести все это соответствующим образом до сведения подчиненных Вам полицейских учреждений.

Подпись: фон дер Рекке.

Начальнику окружного управления г. Эрфурта.

Нет, пожалуй, сомнения в том, что данное распоряжение вызовет возбуждение почти среди всех слоев населения. Ибо следует знать, что благодаря странным воззрениям, которых придерживаются в кругах государственных служащих относительно поддержания авторитета государства, полиция до сих пор управлялась по примеру Вашего учреждения, что менее всего содействовало успокоению граждан, и даже такие люди, которые обычно при сборищах не выходят на улицу, должны были испытывать обоснованное недоверие относительно многих защитников порядка.

В Пруссии полиция не благотворительное учреждение, а военное формирование для охраны порядка, призванное решительно принуждать толпу граждан к слепому послушанию. Лозунг Путткамера: «Винтовка стреляет, сабля рубит» — относился лишь к *социал-демократии*. Указ Рекке направлен против всех и вся, кто не носит форму. В Пруссии это называется *прогрессом*»[1].

Эти процитированные и прокомментированные газетой «Мюнхенер Пост» события были связаны с борьбой за право профессиональных союзов на объединения и забастовки. Профсоюзные деятели и социал-демократы называли «тюремным порядком» попытки кайзеровского правительства ввести под предлогом охраны «национального труда» военную дисциплину на крупных предприятиях, попытки отмены права профсоюзов на организацию и забастовки, наказание забастовщиков и прежде всего руководителей стачек тюремным заключением. В частной беседе кайзер заявил: «Нет надежды на улучшение положения, пока солдаты не вытащат из рейхстага социал-демократических вождей и не расправятся с ними. Нам нужен закон, согласно которому достаточно быть социал-демократом, чтобы быть сосланным на Каролинские острова»[2].

Продление военного положения должно было спровоцировать рабочих на акты «анархистского насилия»; тогда у правительства по-

---

[1] BayHStA MInn 71705.

[2] *Bülow Bernhard, Fürst von.* Denkwürdigkeiten. Erster Band. Berlin, 1930, S. 349.

явился бы желанный повод для того, чтобы предпринять «очень сильное кровопускание» среди рабочих[1].

Но, по словам Августа Бебеля, этот законопроект о «тюремных порядках» «вызвал такой всеобщий взрыв возмущения, гнева и протеста», какой ему «за свою долгую политическую жизнь еще никогда не приходилось видеть у народных масс»[2]. По всей Германии прошли мощные демонстрации, а также забастовки, «каких еще не знала борьба против реакционных законопроектов»[3].

20 ноября 1899 года этот законопроект был провален в рейхстаге, но недоверие и подозрение остались, особенно среди рабочих. «Тюремный законопроект мертв, но тюремная политическая линия продолжается»,— писала тогда газета «Корреспонденцблат»[4].

3.

Антипрусские настроения определялись в Баварии не только демократическими умонастроениями. Для демократов, прежде всего для сознательных социал-демократов, критика в адрес Пруссии была связана с отрицанием милитаризма, юнкерства и империалистических устремлений кайзеровского правительства. Для демократов недостатки существовали не только у «других», но и в собственной стране — Баварии. Зато консервативные круги толковали эту критику исключительно во славу «благословенной, благочестивой Баварии».

Между католическими Веной и Мюнхеном в канун века существовало такое антипрусское родство душ, которое было одновременно антипротестантским, антисоциалистическим и антисемитским.

В те времена антисемитизм еще не имел массового распространения. Антисемитизм принял широкий размах лишь позже, уже в других условиях,— при Адольфе Гитлере.

4.

Жители города Мюнхена в довольно большом количестве собирались на митинги и народные торжества. В 1899, 1900, 1901 и 1902 годы нередкими были собрания, в которых участвовали от 2 до 7 тыс. человек. Так, мы уже упоминали о том, что организованные «Гёте-бундом» народные собрания и демонстрации против параграфа о цензуре собирали на улицах города тысячи граждан.

Но не только это волновало значительную часть населения. 8 декабря 1900 года, согласно полицейским данным, свыше 7 тыс. граждан собрались на митинг «солидарности с бурами и протеста против применяемых англичанами методов ведения войны». Все партии прислали своих ораторов на этот митинг, на котором явно проявился дух национализма.

Председательствующий — профессор д-р Гюнтер — обличал «преступления против международного права». Он заявил: «Прямо-таки позорными являются приказы английских генералов уничтожать продукты питания и запасы кормов, дабы лишить буров продовольствия и тем самым обречь их на голодную смерть. ...Но самым позорным является то, что эта война так чудовищно ведется и против женщин и детей...

Данное собрание не является подстрекательским, а лишь выступает в защиту тех, кто подвергся расправе. Право всегда остается правом, закон — законом». Социал-демократический оратор указал на то, что «буры не могут рассчитывать на непоследовательность и противоречивость линии немецкой политики, они могут положиться только на немецкий народ, на немецких рабочих, отнюдь не желающих войны с англичанами. Но серьезное предостережение Германии в адрес Англии имело бы важное значение»[1].

Полицейский, сообщая об этом митинге в защиту буров, отметил: «Женщин было относительно мало»[2]. (По существовавшему тогда закону о собраниях молодым людям и женщинам запрещалось посещение политических митингов.)

Однако не следует делать односторонних выводов относительно националистических настроений, порожденных в Германии англо-бурской войной, о том, будто интернационализм больше не имел широкой поддержки в рабочем движении. Наглядным примером интернационализма рабочих Мюнхена явилось собрание, состоявшееся в пивной «Киндлькеллер» 28 июля 1899 года. Более 5 тыс. рабочих и работниц пришли на это открытое народное собрание, на котором городской советник Ольсен из Копенгагена сделал обзор развития рабочего движения в Дании.

Поводом для его выступления в Мюнхене послужил локаут, т. е. увольнение предпринимателями 40 тыс. датских рабочих, длившийся уже девять недель. «Мюнхенер Пост» 30 июля 1899 года подробно писала об этом выступлении:

«Товарищ Ольсен рассказал о причинах увольнения. Подлинной причиной этого локаута явилось требование 300 столяров из Ютландии об увеличении зарплаты. Так как предприниматели отвергли это требование, то

---

[1] *Bülov Bernhard, Fürst von.* Denkwürdigkeiten. Erster Band... a.a.O., S. 349.
[2] Die Zuchthausvorlage vor dem Reichstage. Berlin, 1899, S. 16.
[3] Correspondenzblatt, 1899, 26. Juni. Nach: *Strutynski Peter.* Die Auseinandersetzungen zwischen Marxisten und Revisionisten in der deutschen Arbeiterbewegung um die Jahrhundertwende. Köln, 1976, S. 238.
[4] Ebenda, S. 239.

[1] Bericht an die Kgl. Polizeidirektion München v. 8. Dezember 1900. In: StaM RA 57843.
[2] Ebenda; vgl. auch *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O. Über das Versammlungsrecht, S. 142.

1 апреля столяры прекратили работу. Позже предприниматели согласились на поeышение зарплаты в размере 1 эрё в час и е то же время пригрозили уволить еще 2300 столяров, если рабочие не согласятся на это».

Предприниматели пытались вначале внести раскол среди рабочих отдельными мелкими уступками, одновременно уволить так называемые «радикальные элементы». После этого профсоюз рабочих, объединяющий 80% всех работающих, обратился в третейский суд. Однако предприниматели и их союзы отвергли решение третейского суда. Ольсен обратился к присутствующим с вопросом: должны ли датские рабочие безропотно пойти на такие унижения? Ему ответило тысячеголосое громкое: «Нет!».

«За последние годы,— дополнил городской советник Ольсен из Копенгагена,— в Дании на немецкие деньги было основано несколько акционерных обществ, и именно их директора ныне командуют в объединениях предпринимателей».

Митинг солидарности завершился единогласно принятой резолюцией:

«Заседающее сегодня в «Киндлькеллере» при открытых дверях профсоюзное собрание выражает свое глубокое презрение к предпринимателям в Дании за их жестокое отношение к современной организации рабочих. Оно рассматривает этот грубый, презирающий всякую человечность способ поведения как расчетливый шаг, направленный на разрушение рабочей организации и на низведение рабочих до положения бесправных рабов. Сознающие свою цель рабочие любой цивилизованной страны никогда и нигде не могут и не должны допустить подобного.

Поэтому рабочие Мюнхена обязуются сделать все, что в их силах, чтобы материально поддержать датских рабочих в их тяжелой борьбе, дабы им не пришлось покориться произволу предпринимателей.

Мы призываем датских рабочих быть стойкими, как и раньше, в этой борьбе до завоевания победы.

Проведенный во время собрания сбор средств для уволенных датских рабочих составил 106,65 марки»[1].

Но в Нюрнберге и Дрездене собрания проходили не так гладко, как в Мюнхене. Городскому советнику Ольсену пришлось столкнуться с трудностями. 30 июля 1899 года «Мюнхенер Пост» писала:

«Дрезденские рабочие вчера целыми толпами потянулись в ресторан «Гюльдене Ауз» и заполнили полностью огромный зал, чтобы послушать сообщение товарища Ольсена о массовом локауте датских рабочих. Но посланник датчан отсутствовал — ему запретили выступать в Дрездене, ему даже не разрешили появиться на собрании рабочих города, то была воля управления местной полиции. «Почему?» Этого в управлении полиции не объяснили. Собравшимся же было объявлено, что депутат датского рейхстага товарищ Ольсен, приглашенный на собрание рассказать о борьбе датских рабочих, будет немедленно выслан, в случае если ему предоставят слово или если он вообще будет присутствовать на этом собрании. Однако, несмотря на это, собрание все же состоялось. Товарищ Зиндерман выступил с докладом под бурные аплодисменты присутствующих, а полиция своим запретом вызвала лишь ожесточение в тысячах пролетарских сердец»[1].

Как сообщала газета «Френкише Тагеспост» 2 августа 1899 года, мюнхенский пример явился образцом для нюрнбергцев. Председательствующий на собрании в Нюрнберге очень наглядно показал это:

«Я не могу призвать вас провести сбор средств, ибо это запрещено баварским полицейским уголовным кодексом. Разрешены лишь сборы на благотворительные цели. Но на частных встречах и в кругу друзей мы можем выполнить и мы выполним свой долг. На своем собрании наши мюнхенские товарищи подтвердили свою солидарность с датскими братьями тем, что после окончания собрания каждый его участник добровольно положил мелочь на стол президиума. То, что разрешено в Мюнхене, не может быть запрещено здесь. Поэтому я рекомендую вам последовать примеру мюнхенцев. Хотя это собрание и объявлено политическим, все же мы должны подчеркнуть, что вся грандиозная борьба в Дании вызвана самими предпринимателями, а не рабочими. В последние годы датские предприниматели получили миллионные прибыли. Поэтому, кто посмеет упрекнуть рабочих в том, что они хотят зарабатывать в час на несколько эрё больше?

Но при всем этом мы должны помнить, что если датские рабочие братья потерпят поражение, то в Германии предприниматели попытаются сделать то же самое. Поэтому мы хотим в резолюции сказать, что мы осознали эту опасность и сделаем все, чтобы помочь нашим датским товарищам одержать победу над жестоким капиталом. Принятая резолюция уже вчера была опубликована.

Председательствующий призвал присутствующих делом доказать свою солидарность и всюду разъяснять суть происходящего. Затем был сделан пятиминутный перерыв, которым воспользовались рабочие, чтобы положить на

[1] Vortrag des Stadtrats Olsen aus Kopenhagen über die Arbeitsaussperrung in Dänemark. In: StaM Pol. Dir. Mü. 1003. Все данные и все выдержки из газет взяты из этих документов.

[1] StaM Pol. Dir. Mü. 1003.

стол президиума свои скромные суммы для уволенных рабочих. Тут же поднялся один из наблюдавших за ходом собрания чинов полиции и заявил, что он запрещает сбор денег, иначе они будут конфискованы. Когда товарищ Бредер сообщил об этом присутствующим, огромное возмущение охватило собравшихся.

Товарищ Энснер в своем заключительном слове заявил, что в докладе всем рабочим было ясно указано, что им следует делать. Затем еще было объявлено, что действие наблюдавших за собранием чиновников будет обжаловано. Это яркое собрание завершилось громовой овацией в честь солидарности»[1].

Буржуазно-либеральная газета «Нюрнбергер Анцайгер» 1 августа 1899 года дала иную оценку этих событий; по мнению газеты, оратор рекомендовал рабочим «подтвердить свою солидарность с датскими рабочими тем, что они добровольно положат на стол президиума деньги, как это было сделано недавно в Мюнхене. Но Нюрнберг—это не Мюнхен. Полицейский офицер Гернер просто объявил, что конфискует собранные деньги. Настоящая буря возмущения разразилась среди слушателей по поводу этого заявления. Однако энергичное вмешательство председательствующего утихомирило эту бурю; он заявил, что следует подчиниться распоряжению полиции, и призвал участников к спокойствию... Такого оживленного собрания рабочих здесь уже давно не было. Так как оба присутствовавших комиссара полиции не торопились покинуть зал после окончания собрания, то и рабочие еще длительное время оставались в нем и пели социалистические песни»[2].

Магистрат города Нюрнберга тоже почувствовал себя задетым, поставленным в неудобное положение прежде всего потому, что, несмотря на телеграмму мюнхенским властям в баварской столице, собрание не было запрещено. Эта телеграмма из Нюрнберга была отправлена в Мюнхен еще 28 июля:

«Запретил собрание, ибо оно политическое и на его проведение отсутствует предварительное разрешение, намерен не допустить выступления городского советника Ольсена, так как он иностранный агитатор.

Магистрат города Шу»[3].

После того как собрание уже состоялось, магистрат города Нюрнберга направил запрос королевскому управлению полиции в Мюнхен относительно того, «состоялось ли на прошлой неделе в «Киндлькеллере» подобное собрание и было ли на нем разрешено участникам

[1] StaM Pol. Dir. Mü. 1003.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.

добровольно внести деньги в пользу датских уволенных рабочих, передав их председателю собрания. Мы просим неотложно сообщить, соответствует ли указанное утверждение истине и было ли названное собрание предварительно согласовано его организаторами в управлении полиции»[1].

Власти города Мюнхена в своем ответе отметили, что «городской советник Ольсен беспрепятственно выступил по поводу локаута рабочих в Дании», что «для датских рабочих была собрана сумма в 106 марок 65 пфеннигов», но что это произошло «лишь после того, как председательствующий объявил собрание закрытым, а присутствовавший на нем полицейский чин удалился. В ходе самого собрания к сбору средств не призывали». И поэтому власти не сочли необходимым вмешаться «на основании статьи 102 дополнительного закона во исполнение имперского кодекса законов»[2].

Каковы бы ни были мотивы, по которым руководство мюнхенской полиции разрешило это мероприятие, которое затем было запрещено в Нюрнберге и Дрездене, настроению большой части трудящегося населения соответствовало обращение, опубликованное в «Мюнхенер Пост» руководством мюнхенского объединения профсоюзов:

«Рабочие и работницы, все на собрание! Если бы спесивые датские хозяева смогли жестоким актом насилия ослабить организацию датских рабочих, то это имело бы отрицательные последствия и для нас, немецких рабочих. Только в тесном единении мы сможем дать отпор международному капитализму»[3].

Несмотря на тенденции национализма и антисемитизма, усиливавшиеся в средних слоях, классовое сознание организованного рабочего движения Мюнхена было интернационалистическим: рабочие всех стран были им ближе, чем капиталисты собственной страны.

5.

Но все же в начале XX века народ прежде всего занимали и волновали проблемы возраставшей стоимости жизни, кризис в строительстве, безработица; они видели страсть к расточительству определенных состоятельных кругов, огромные доходы правящей королевской династии Виттельсбахов. После экономического подъема 90-х годов начался спад. Экономический кризис, охвативший все страны, покончил со многими иллюзиями.

Королевские полицейские советники посетили в 1901 году два открытых народных собра-

[1] StaM Pol. Dir. Mü. 1003.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.

Gütliche Streikverhandlungen.

«Зюд-Дойчер Постильон»,
1901, № 20.

„Nur Ruhe, mein Lieber, nur Zurückhaltung. Ich steh' auf Euch nix an, verstehn Se! Bitten sollen Se mich, daß ich Se arbeiten laß täglich zwölf Stunden. Ist doch a Gefälligkeit von mir. Wenn's mir paßt, sperr ich die Fabrik zu und setze mich an die Riviera und Ihr könnt's verhungern Verstanden?!

ния и составили о них донесения, направленные правительству Верхней Баварии и государственному министерству внутренних дел; в них авторы стремились прежде всего точно отразить настроения в народе. Власти забеспокоились. Об этом свидетельствуют подробные донесения политической полиции.

Мюнхен, 15 февраля 1901 года.
Касается:
Собрание безработных в четверг 14 февраля 1901 года, в 2 часа пополудни в пивной «Киндлькеллер» с повесткой дня: «О нынешней безработице, ее последствиях и что против этого следует предпринять».

Мюнхен, 18 февраля 1901 года
Направлено *королевскому правительству Верхней Баварии, палате внутренних дел.*
Указанное собрание посетило около 2 тыс. человек. Это небольшая часть численности безработных, составляющих, по данным профсоюзов Мюнхена, 12 400 человек. Следует далее заметить, что около половины присутствующих отнюдь не производили впечатление, будто безработица ими особенно ощущается и что они готовы были бы воспользоваться предложенной им работой, если бы эта работа не соответствовала их пожеланиям. Собрание было открыто в 3 часа и закончилось в половине шестого вечера без всяких инцидентов. После того как организатор собрания *Гётфрид* объявил повестку дня, приступили к избранию президиума. Первым председателем был избран *Пфейфер*, вторым — *Плинингер*, а *Гехт* — секретарем.
По названной теме *Гётфрид* выступил с часовым докладом. Он изложил следующее:
Как на собрании 8 дней тому назад, так и сегодня нельзя по количеству его участников делать выводы об уровне существующей безработицы, так как бóльшая часть безработных по разным причинам не смогла принять участие в этом собрании. Уже указывалось, что проведение переписи безработных не наша

Зарубежная сатира. Шерер, Инсбрук.

Благожелательные переговоры с забастовщиками:

«Спокойно, мой дорогой, побольше сдержанности. Я вам ничего не должен, понятно! Вы должны благодарить меня за то, что я разрешаю вам работать ежедневно двенадцать часов. Ведь это любезность с моей стороны. Захочу, я закрою фабрику и поеду отдыхать на Ривьеру, а вы подохнете с голоду, понятно вам?!»

задача — это задача государства, общин, ибо они должны интересоваться уровнем существующей безработицы. Это тем более является задачей общин, потому как существующая безработица возникла не мгновенно, а нарастала в течение длительного времени. Уже в 1898 году сообщалось о больших увольнениях рабочих на предприятиях черной металлургии, а также в строительной отрасли, где застой был вызван прямо-таки сумасшедшими земельными спекуляциями, тяжелые последствия которых задели и рабочих. Существующая безработица была вызвана не политическими событиями; нет, ее можно было предвидеть, и поэтому приходится сожалеть о том, что государство и общины ничего не предприняли для какого-либо противодействия безработице. После того как ни государство, ни общины не занялись переписью безработных, мы сами стали этим заниматься, благодаря чему мы теперь можем доказать, что эта численность отнюдь не соответствует количеству участников данного собрания. Соответствующий запрос, направленный профсоюзам, дал цифру в 12 400 безработных, а с учетом тех, кто не организован в профсоюзы, эта цифра, вероятно, утроится и достигнет уровня, какого она ни разу не достигала в прошлые годы.

Фактом является и то, что существующая ныне безработица используется предпринимателями по всей Германии для сокращения зарплаты и удлинения рабочего времени. Работодатели, преисполненные чувством самоуверенности, эксплуатируют рабочих и дают им почувствовать, что те от них зависят; нужда заставляет рабочих трудиться за более низкую зарплату. Уже одно это должно было бы побудить государство позаботиться о том, чтобы у рабочих, которые теперь добились права на организацию профсоюзов, не было отнято предпринимателями то, чего они добились ранее. А добились мы немногого, так как зарплата ни в какой мере не соответствует росту цен на продукты питания и жилье. Если к тому же и то немногое, чего мы добились, будет нами потеряно, то возникнет очень печальная картина, и тогда придется поставить вопрос о причинах отсутствия у нас защиты от злоупотреблений предпринимателей. Большая часть рабочих сами несут вину за это из-за своего равнодушия, из-за того, что они не считают нужным вступить в свои организации. Хотя численность организованных в профсоюзы рабочих возросла в Мюнхене до 19 тыс., это ни в какой мере не соответствует общей численности рабочих *Мюнхена*. И это мстит за себя во время экономического спада в форме усиления эксплуатации со стороны предпринимателей. В неудобном положении оказались и правительства и общины, которые в периоды хозяйственного упадка не защитили рабочих от страшной нужды и этим сделали себя прямыми пособниками предпринимателей. Впрочем, опыт прошлого учит, что нечего рассчитывать на то, что правительства будут себя в этом упрекать, когда, например, даже один очень высокопоставленный деятель заявил, что пора покончить со всеми социальными реформами, которых мы-то даже и не почувствовали.

Переходя к рассмотрению положения в Мюнхене, выступивший затем Рейнер рассказал о том, что входит в задачу общины по уменьшению численности безработных. На собрании безработных в 1895 году было заявлено, что для этого делается все возможное. Однако это были всего лишь красивые слова. К счастью, начался неожиданно быстрый экономический подъем, в связи с чем появились новые места для рабочих. Но и тогда задача общины состояла в том же — следить за рынком труда и заботиться о том, чтобы трудящиеся всегда были обеспечены работой. Но даже в период подъема власти заявляли, что для этого нет необходимых денежных средств. Если же теперь спросят, что нужно сделать для защиты рабочих от самой жестокой нужды, то я считал бы, что уместно было бы со стороны общины предоставить семейным пособие по безработице, как это уже делает профсоюз, облегчив тем самым во многом задачу общины. Но общину, которая лишь с трудом способна дать подлинную картину положения дел с жильем, очень трудно побудить принять реальные меры, хотя освободить в данном случае государство от выполнения им своего долга не входит в задачу рабочих. Предпринимаются некоторые попытки создать дешевое жилье лишь для определенных категорий людей, создаются отапливаемые заведения, куда вход для всех свободный и где можно выпить отвратительного кофе, но все это не является подлинной помощью. В этом деле община должна проявить щедрость, а не ограничиваться нищенскими подачками. В столь трудные времена правительства также должны серьезно задуматься и проявить большую заинтересованность положением рабочих. Однако опыт научил нас не ожидать от властей поддержки, хотя именно государство должно было бы сделать все возможное, дабы сохранить здоровый рабочий класс. Власти обо всем этом знают, но не хотят ничего предпринять. В Мюнхене магистрат тоже направил всем работодателям циркуляр и запросил управление по трудоустройству о численности безработных — мера, которую следует назвать бессмысленной, ибо так подлинную картину получить невозможно, поскольку многие безработные вообще не идут на биржу труда, полагая, что не получат там никакой работы. Фактом является также и то, что работодатели далеко не в полной мере используют биржу труда, обращаясь к ней лишь

при острейшей нужде в рабочих руках. Кроме того, нынешнее время не способствует решению подобных дел, ведь общинам давно следовало определить свои позиции по этим вопросам, особенно если учитывать ту медлительность, с которой решаются дела в нашем мюнхенском магистрате. За то время, пока магистрат выявит положение дел с безработицей, может улучшиться положение в строительстве и в других сферах, а к тому времени, пока магистрат приступит к решению социального вопроса, рабочие уже сами себе помогут.

Долг общины заключается сегодня в том, чтобы подрядную работу не давать тем, кто хотел бы платить за нее наименьшую сумму, а поручить эту работу тем, кто заплатит рабочим не ниже их средней зарплаты, учитывая при этом прежде всего рабочих—жителей данной общины, кормильцев семей и др. Но этого община не может требовать при существующей подрядной системе работодателей. Если говорят, будто невозможно занять всех рабочих, а это действительно так, то профсоюзные кассы помощи безработным должны поддерживаться общинами, чтобы во время кризиса можно было оказывать им должную помощь. Кроме того, имеются другие возможности предоставить работу большому числу безработных, например в строительстве защитных сооружений по берегам рек и на строительстве моста имени принца-регента, где медлительность производимых работ при существующей опасности наводнений следует назвать прямо-таки легкомыслием. Имеется еще множество других работ, как то: строительство дорог и переездов и пр. Давно в руководстве общины спорят о возведении моста в районе улиц Корнелиуса или Райхенбаха, и земляные работы уже могли бы быть начаты, но этому помешали местнические споры различных районов города, заинтересованных в этом деле. Далее отмечалось, что спецодежда для рабочих, особенно водонепроницаемые сапоги, находится в крайне плохом состоянии и не приходится удивляться, что люди, занятые на земельных и дорожных работах, вследствие этого простужаются и заболевают. Перечень задач общины можно еще больше расширить. Государственным и общинным управлениям следовало бы поручить благоустройство и очистку от мусора общественных мест, что могло бы занять многих безработных и предотвратить это бросающееся в глаза общественное бедствие. Трудности с жильем также увеличиваются в связи с безработицей. Но и тут со стороны общины ничего не предпринимается. Земельные угодья повсюду распроданы спекулянтам, а как же тогда провести жилищную реформу и построить дешевые квартиры?

Это приводит к тому, что община Мюнхена не в состоянии обеспечить людям крышу над головой, хотя это, казалось бы, ее прямой долг. Община должна была бы и другими способами помочь безработным, например снабжением топливом, но не засчитывать это в денежную помощь, приравнивающую безработных к нищим. Если бы община внесла свою лепту в облегчение существующего бедственного положения, то и трудовой люд выполнил бы свой долг. Но рабочие должны учиться понимать, что ни государство, ни община не заботятся о рабочих и предоставляют их самим себе, а из этого рабочие должны сделать выводы и всей массой присоединиться к своим организациям, которые тогда смогут значительно улучшить бедственное положение трудящихся и принудить государство и общину сделать больше для рабочих, нежели то может сделать каждый из них в отдельности.

После десятиминутного перерыва председательствующий довел до сведения собравшихся резолюцию. При этом он призвал выступающих излагать свои пожелания и высказываться «за» или «против» этой резолюции. В ней говорится:

«Собрание сожалеет о том, что перед лицом господствующей массовой безработицы ни государственные, ни общинные учреждения не предприняли никаких шагов для организации чрезвычайных внеочередных работ с целью создания дополнительных рабочих мест и прекращения дальнейшего обнищания большой части мюнхенского населения. Поэтому собрание постановляет поручить президиуму собрания и профсоюзным объединениям немедленно обратиться к соответствующим властям, чтобы 1) сократить до 8 часов рабочее время на общественных и государственных предприятиях и занять на них дополнительное число рабочих; 2) предпочтительно давать работу на городских предприятиях и на подрядных работах города местным жителям, зарплата должна быть не ниже обычной или той, которая согласована с рабочими организациями; 3) начать лесоразработки и строительство дорог, мостов и общественных зданий; тем безработным, которым не удастся найти работу, следует оказать действенную помощь; однако ее не следует юридически приравнивать к пособиям для нищих. Далее, собрание считает долгом общины провести перепись безработных и ожидает, что она будет вестись и в будущем!»

В развернувшейся затем дискуссии Август *Паше* присоединился к словам докладчика и заявил, что можно было бы найти достаточно работы, если бы только магистрат этого захотел, но он лишь занимается рассылкой от имени его величества уведомлений в адреса рабочих об уплате налогов и больше ничем; рабочих ценят только как налогоплательщиков. Макс *Бранднер* прочел целую лекцию о социальной политике, в связи с чем председа-

тельствующий призвал его придерживаться повестки дня. В заключение оратор призывал создать комиссию, которая должна пойти к принцу-регенту и описать ему ужасающие бедствия города Мюнхена.

Иоганн *Мюльбауэр*, работавший до увольнения в городском строительном управлении, пожаловался, что кроме него и других работников уволили даже человека, который 15 лет служил в магистрате. Правда, выступающий сам признал, что нет абсолютно никакой работы. Далее, он сожалел, что работу дают всегда иногородним, приглашая даже крестьян из Дахау, безропотных как овцы. Прежде всего магистрату следовало бы привлечь своих лучших мастеров, чтобы не было столь вопиющей недобросовестности. Свое выступление оратор закончил словами: «Городское строительное управление и весь городской магистрат — это сплошные взяточники!» Эти слова вызвали бурю аплодисментов, однако председательствующий вынес ему порицание, заметив, что не положено делать такие заявления относительно коммунальных учреждений, ибо этим оратор навлекает на собрание самые большие неприятности. Иоганн *Бухер* предложил создать жилищную комиссию, проверить и установить размеры квартплаты. Взяться за это никто не решается, все ходят вокруг да около, а тем временем на глазах у всех совершается беззаконие, и каждый год сотни тысяч марок уплывают из кармана рабочих. Далее следует жалоба на то, что магистрат набирает всех своих надсмотрщиков и чиновников исключительно из местности, которую народная молва окрестила «фабрикой жандармов». Оратор не хотел бы бросать тень на эту часть народа, но все же странным представляется тот факт, что 70% чиновников общественных служб происходят именно из этой местности. Даже самые незначительные служащие, выходцы из этой местности, издеваются над людьми, хотя долгом магистрата было бы нанимать людей, которые знают повседневные нужды и которые не будут вести себя, как злые собаки в погоне за рабом. Оратор закончил свое выступление призывом поддерживать исключительно рабочую печать.

Каменщик Фердинанд *Хубер*, известный как анархист, а еще больше как драчун и забияка, свел причину безработицы к перепроизводству; нынешний кризис он приписывает равнодушию самих рабочих, которые допустили бесплановое перепроизводство, вместо того чтобы думать о будущем. Личные ссоры якобы подорвали профсоюзы, и придется много потрудиться, чтобы исправить это шаткое положение и вывести профсоюзы на правильную дорогу. Классы богатых собственников должны возвратить рабочим то, что они якобы отняли посредством перепроизводства. Для этого нужно нанести могучий удар, который потряс бы основы общества. Придет время, когда рабочему придется с оружием в руках добывать себе свое право. (Председательствующий призывает оратора придерживаться повестки дня. Раздаются крики: «Дайте ему договорить!» Аплодисменты.) После чего *Хубер*, ссылаясь на американских анархистов, заявивших, если они не хотят прислушаться к голосу народа, тогда им придется услышать взрывы динамита, заканчивает свою речь. (Бурные аплодисменты.)

Каменщик *Путц* предлагает сообщить господину имперскому министру, чтобы на строительстве военных объектов труд оплачивался так же, как и на стройках частных фирм. В адрес предшествующего оратора *Хубера* он сказал, что тому следовало бы выйти из партии.

Шуберт жалуется на председателя VIII больничной кассы, который вырос в социал-демократической партии, но злоупотребляет своим положением.

В заключительном слове *Гётфрид* заявляет, что нет необходимости говорить о динамите, ибо имеется право на труд; не следует заходить слишком далеко. Рабочие должны лишь хорошо организоваться, тогда можно будет основательно противостоять учреждениям, властям.

Затем председательствующий вновь зачитывает резолюцию, которую единогласно принимают, и указывает на необходимость создать организацию, при помощи которой только и можно что-то отвоевать у предпринимателей, и, наконец, закрывает собрание в половине шестого вечера.

Подписи: Фридрих Вайс, И. Ледль, сотрудн.

Дополнение: Выступивший в дискуссии *Хубер* выразил также надежду на предстоящую амнистию по случаю празднования 80-летия Его Королевского Высочества принца-регента и заявил, что из амнистии обязательно следует исключить всех, кто осужден за воровство. Соответственно капиталисты не должны получить никаких поблажек, ибо они, как известно, всегда совершали самые тяжкие преступления, связанные с собственностью.

Ваш покорный слуга. Подпись: Вайс[1].

На призыв провести открытое народное собрание 25 февраля 1901 года против «таможенных сборов на зерно и против повышения цен на хлеб» откликнулись «от 4 тыс. до 5 тыс. человек, включая некоторое число женщин».

6.

Движение против правительственной политики в области таможенных пошлин на зерно и против роста цен на продукты питания, преж-

[1] Vereine München 1896—1901. StaM RA 57843.

де всего на хлеб, ширилось и было направлено не только против прусских юнкеров. Выражения протеста имели место как в Мюнхене, так и в мелких баварских общинах.

«Поднимемся против спекуляций хлебом!» — гласила листовка, распространенная в конце 1900 года в Мисбахе.

«Враждебное народу сообщество прусских юнкеров, бедных аграриев, представителей Центра и членов Крестьянского Союза с лихорадочной деловитостью пытается вновь недопустимым образом поднять цены на продукты питания.

Их лозунг: *Повышение таможенных пошлин на ввозимое зерно, недопущение торговых договоров!* Жадные до покровительственных пошлин крупная промышленность, короли железа и князья пушек, застраховавшись путем создания зарубежных филиалов и тем самым обезопасив свои миллионы, следуют за ними. Правительство устами рейхсканцлера Бюлова уже благословило это дельце. Международная политика, авантюра в Китае пожирают миллионы, а частные владельцы отказываются нести свою соответствующую долю расходов на эту навязанную народу против его воли политику гуннов. *Ради этого собираются грабить народ, ухудшить его питание, ослабить его здоровье, к тому же заставляя его сыновей продавать себя для этого грязного дела!*

Чтобы заручиться согласием несговорчивых прусских юнкеров, враждебных всяким культурным задачам, всяким улучшениям путей сообщения, заполучить их поддержку для кайзеровского проекта Среднегерманского канала, рейхсканцлер выразил свою любовь в виде постыдных таможенных пошлин на ввозимое зерно. Юнкера приняли этот дар правительства, не обязавшись в ответ поддержать планы правительства.

А теперь немецкому народу предлагают оплатить расходы этой неудачной сделки, собираются притормозить развитие индустрии и торговли — этих главных источников дохода страны, собираются неслыханным образом поднять цены на хлеб и косвенные налоги.

И в Баварии собираются совершить все то же самое, что и в империи!

У нас в Баварии мы видим, как КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЮЗ полностью подчинился северогерманскому союзу сельских хозяев, неожиданно встав плечом к плечу со своим прежде смертельным врагом — с партией ЦЕНТРА. Крупные аграрии из Центра еще громче, чем члены Крестьянского союза, требуют ВОСЬМИМАРОЧНОЙ ПОШЛИНЫ, требуют уничтожения торговых договоров. Они хотят устранить конкуренцию крестьянских союзов с помощью переманивания на свою сторону сельских избирателей. К ним присоединяются *франконские консерваторы*; но и *национал-либералы* и даже *вольнодумцы* вошли в состав их свиты, потеряв рассудок, помешавшись на идее предотвращения полного развала своих партий с помощью якобы враждебной крестьянам политики.

Таким образом, совершается четкое разграничение, и *социал-демократия, трудящийся народ остаются почти в одиночестве в борьбе* за достойный человека образ жизни, за здоровье народа.

ТАМ СПЕКУЛЯНТЫ ХЛЕБОМ, ТУТ — ДРУЗЬЯ БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАРОДА!
БОРЬБА ВЕДЕТСЯ ЗА ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ»[1].

А в октябре 1900 года открытое собрание народа в Траунштейне приняло следующую резолюцию:

«Германская международная политика основана на всеобщей погоне капиталистической буржуазии за прибылью, на страсти к военной славе и чуждой народу мании величия. Собравшиеся осуждают эту политику и выражают решительный протест против авантюристической насильственной финансовой политики правительства, которая навлекает на народ большие опасности в будущем и связана с невероятными жертвами. Не запросив и не получив согласия народного представительства, правительство послало войска в Китай, на что были затрачены большие денежные средства. В этом собрание видит нарушение конституции и потому действия правительственных властей считает незаконными. Собрание требует немедленного созыва рейхстага, чтобы представители народа получили возможность осудить абсолютистскую политику насилия, проводимую правительством, равно как и антинародную политику партий, которые поддерживают правительство в его пренебрежительном отношении к народному представительству и в осуществлении политики личной власти»[2].

7.

Конечно, подобные собрания, на которых высказывались критические мнения, были связаны с риском для участвовавших в них граждан. Ибо ведь именно эти собрания находились под усиленным надзором со стороны властей. Лояльность гражданина по отношению к кайзеру и королю не была чем-то засвидетельствованным в официальных документах, только если она не отмечалась похвалой или орденами.

Кто соблюдал предписания и порядок, даже самый бессмысленный, тот считался добропорядочным и достойным добрых слов человеком. Но министры и их чиновники явно не доверяли простому народу, прежде всего ра-

[1] Abhaltungen von Volksversammlungen. Vereine Specialia 1881—1904. StaM RA 57842.
[2] Ebenda.

бочему движению, которое лишалось возможности свободного развития даже после отмены законов против социалистов. Право на создание своих организаций и на проведение собраний в отношении рабочего движения ограничивалось. Судья по собственному усмотрению мог решать, останется ли профсоюз «профессиональной коалицией» — что разрешалось законом,— если его представители допускали высказывания по политическим вопросам [1].

Выше мы уже приводили конкретный пример: магистрат города Нюрнберга квалифицировал собрание, на котором выступал городской советник Ольсен из Копенгагена, как «политическое», в то время как власти города Мюнхена не видели основания для применения закона (§ 102) к данному случаю. И то и другое являло собой доказательство того, что произвол по отношению к собраниям рабочих не был чем-то исключительным.

Кроме того, все политические объединения были обязаны зарегистрироваться у представителей власти и предоставить им списки всех своих членов. Несовершеннолетним и женщинам вообще не разрешалось участвовать в собраниях. В списках зарегистрированных в управлении общественного порядка организаций имелась графа, отмечавшая политическую направленность организаций. В ней давались, в частности, следующие оценки вновь зарегистрированным после 1898 года союзам и объединениям:

«Либеральный районный союз, район Мюнхен-Альтштадт,— содействие распространению либеральных убеждений, отстаивание духовных и материальных интересов города Мюнхена»; председатель союза — аптекарь, его заместитель — юрист.

«Союз реформы района Вестенд—содействие на базе существующей государственной конституции развитию народной зкономической политики; тенденция — антисемитская»; председатель — купец, его заместитель — мясник.

«Союз реформы района Гейдгаузен — содействие на базе существующей государственной конституции развитию народной экономической политики; тенденция — антисемитская»; председатель — механик, его заместитель — купец.

«Мюнхенский филиал Союза социально-врачебного объединения Германии (главный союз — в Бармене) — влиять на развитие личности сограждан путем развития «искусства жизни»; подозревается в анархистских тенденциях».

«Дискуссионный клуб Нойгаузена — образование и обучение членов клуба посредством научных лекций, дискуссий и библиотеки; социал-демократического направления; основан в июле 1898 года, добровольно распущен в декабре 1898 года»; председателем был гончар, его заместителем — портной [1].

Как и во всех других немецких городах, в Мюнхене имелась очень широкая и развитая сеть самых различных клубов, союзов, объединений. Не было такой области специфических интересов, в которой бы отсутствовало множество различных объединений и союзов. Эти союзы еще со времен зарождения либерально-демократических и социал-демократических движений создавали широкое поле для общественного самоутверждения и совместного проведения свободного времени.

Но для союзов рабочего просвещения политические ограничения создавали значительные затруднения.

8.

С позиций господствующих кругов — как об этом свидетельствуют документы, мемуары и различные официальные публикации — современность казалась наилучшей из всех предшествующих исторических времен — согласно девизу: нам еще никогда не жилось так хорошо, как теперь! Соответственно и ограничения свободы народа считались признаком и проявлением наивысочайшей заботы и благотворительности. Власть имущие охраняют свободу тем, что зорко следят за народом.

Донесение негласного наблюдателя о дискуссионном вечере в «Мюнхенской рабочей библиотеке», что находилась в кафе «Далл'Арми», подробно регистрирует все идеи, высказанные там в узком кругу по теме — «Развитие свободы»:

Донесение полицейского осведомителя Айзенбергера

В королевское управление полиции Мюнхена (с двумя приложениями).

Касательно: собрание союза «Рабочая библиотека» в четверг 20 мая 1897 года, в 8 часов вечера, в кафе «Далл'Арми».

Повестка дня:

1. Доклад: Развитие свободы.
2. Дискуссия.

Докладчик: студ. права
Куртиус Людвиг.

Указанное выше собрание с участием лишь 18 человек, в том числе одна дама, было открыто председателем Краузе в 9 часов и длилось до 11 часов 30 минут без всяких нарушений порядка.

После краткого приветствия присутствовавших гостей (их, по моим наблюдениям, было 3—4 человека) и 14 или 15 членов со стороны правления слово получил докладчик, студент юридического факультета *Куртиус* Людвиг из Аугсбурга, который в часовом докладе, снабженном философскими цитатами, постарался

---

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 142.

[1] Politische Vereine 1850—1906. StaM RA 57791.

описать постепенное развитие свободы в различные эпохи и у самых известных народов. Он обратился к первобытному состоянию человечества, к временам, когда люди жили без общинного устройства, в изолированных друг от друга родах и племенах, занимаясь охотой и рыболовством. В этот детский век человечества каждый якобы был свободным. Но когда роды взаимно объединились и образовали единые, вначале сравнительно небольшие сообщества — племена, тогда к охоте и рыболовству присоединилось земледелие и появилась потребность в дополнительной рабочей силе для обработки земли, для чего одни стали подчинять себе других, покоряя прежде всего враждебные соседние племена, используя пленных для обработки земли, а не убивая их, как это делалось раньше. Здесь оратор коснулся различных, но в своей основе одинаковых проявлений рабства у античных народов, в особенности у греков и римлян. Затем он изложил, как в этих государствах благодаря численному превосходству рабов по отношению к свободным гражданам развернулась широкая борьба, в результате чего рабы, с которыми прежде обращались лишь как с товаром, приобрели более широкие права. Благодаря этой борьбе они затем достигли свободы. Хотя христианство выступает за полную свободу всех граждан, но экономические интересы привели к тому, что рабство продолжалось и при господстве христианства; позже, прежде всего в Новом Свете, расцвела пресловутая работорговля, вначале совершенно открыто, потом все более завуалированно. У древних германцев тоже было введено рабство, которое сохранялось там вплоть до новейшего времени, сперва в форме крепостного права, а позже в форме феодальных повинностей. Лишь новейшее время принесло человечеству более полную свободу, предоставив каждому человеку право самому распоряжаться своей личностью, право частной собственности и в качестве естественного результата этих двух прав — право наследования.

После доклада, который, по всей видимости, большинству присутствовавших показался скучным, развернулась очень оживленная полемика между докладчиком Куртиусом и заядлым, неисправимым социал-демократом *Брайтенбахом*. Последний назвал доклад Куртиуса, за исключением приведенных им исторических фактов, совершенно неудовлетворительным и проникнутым идеями манчестерства. Больше всего ему (Брайтенбаху) не понравилось то, что Куртиус коснулся лишь крестьянского вопроса, ничего не сказав о торговле и промышленности. Ему, как пролетарию, новейшее время отнюдь не кажется восхваляемой докладчиком свободой. Напротив, в настоящее время рабство столь же развито, как и прежде, ибо предприниматели, капиталисты столь же успешно, как прежде рабовладельцы и помещики, применяют кнут, сегодня — кнут голода, закабаляя тем самым экономически более слабого рабочего.

В дискуссии приняла участие и дама, фрау *Гейслер* или *Гейзелер*. Нынешнее время она назвала величайшим угнетением рабочих, в особенности эпохой угнетения и эксплуатации женщин. Затем она обратилась к одному из параграфов современного гражданского кодекса, согласно которому жена будет лишена права распоряжаться даже той собственностью, которую она в виде приданого принесла в дом мужа, и сделала заключение, что нынешнее государство не сознает своего долга помогать слабым и осуществлять с помощью закона полное равноправие всех людей; поэтому все рабочие, мужчины и женщины, должны объединиться, чтобы добиться того, чего они лишены. Вся эта речь, произнесенная отрывочными, резкими фразами, произвела впечатление, будто ее произнесла женщина припадочная, эксцентричная, упорно поглощающая социал-демократические газеты, но лишенная способности духовно переварить эту пищу.

После некоторых возражений докладчика, в которых он особенно защищал гражданский кодекс законов, явившийся именно шагом вперед по сравнению с прежним правом, дав возможность оставить частную собственность в руках женщины, председательствующий закрыл официальную часть вечера, затем призвал членов и гостей аккуратно посещать вечера этого союза и пользоваться его библиотекой, имеющей ныне более 500 томов. Врученный мне список этих книг прилагается.

Для характеристики этого союза я позволю себе заметить, что союз «Рабочая библиотека» произвел на меня впечатление объединения нежизнеспособного, прежде всего потому, что союзу совершенно не хватает ораторов, способных оказать влияние на рабочих. Уже само место собраний союза на 2-м этаже кафе «Далл'Арми» может в лучшем случае вместить 30—35 человек и производит впечатление, будто мы имеем дело не с союзом рабочих, а скорее с небольшой застольной компанией, собирающейся ради развлечения. Хотя в то же время ни в коем случае не следует закрывать глаза на то, что в этом союзе имеются некоторые заядлые социал-демократы.

Покорнейше!
Иос. Айзенбергер, сотрудник полиции[1].

9.

Возражения участников этой дискуссии о развитии свободы, прежде всего против мнения студента Куртиуса, будто ныне, на рубеже XIX и XX веков, достигнута свобода для всех

[1] Bildungsverein der Arbeiter München 1895, ab 1897 Arbeiterbibliothek. In: StaM Pol. Dir. Mü. 567.

людей, вероятно, были связаны прежде всего с тем, что мюнхенские рабочие иначе оценивали свои условия жизни и причины господствующей несправедливости, нежели буржуа Куртиус. Как же жили рабочие в Мюнхене в канун нашего века?

По заданию статистического управления города Мюнхена Эльзе Конрад написала брошюру о жизни 22 рабочих семей Мюнхена, которая была опубликована в 1909 году[1].

Краткие описания каждой семьи в отдельности рисуют реальную картину повседневной жизни рабочих.

Подсобный рабочий А., жена, 3 детей.

Глава семьи 34 года и как поденщик он зарабатывает в среднем около 90 марок в месяц, что составило бы 1080 марок в год. Но в этом году весь его заработок составил лишь 959 марок, ибо весь месяц май он болел (хотя и получил за это время 52,5 марки по болезни). Жена несколько месяцев проработала на фабрике и в целом заработала за год 185 марок, а помимо этого получила в декабре и январе 18 марок по болезни. Кроме этого, сдавая часть квартиры жильцам, семья получила еще 33 марки. Дети еще маленькие (две дочери — 3,5 и 2,5 года и сын — 1,5 года).

Квартира, за которую приходится платить 15 марок в месяц, является одной из самых убогих из обследованных нами квартир. Уже сам дом с крутыми узкими лестницами производит впечатление старого запущенного здания. Квартира расположена в задней, обращенной во двор части дома. На лестничных площадках имеются общий для нескольких квартир водопровод и канализация, наполняющая все помещение неприятными запахами. Прихожей (закрытого коридора) нет; с лестничной площадки входишь прямо в комнату. Занимаемая семьей квартира состоит из двух комнат. Первая комната — кухня с одним окном и смежная комната — спальня в два окна. Обе комнаты светлые и хорошо проветренные. Однако вид у них очень убогий. Пол хорошо вымыт, а в остальном все выглядит очень запущенным (но это скорее от бедности, чем по нерадивости. Жалкая мебель тоже очень изношена). Когда мы в 12 часов посетили эту семью, то застали лишь ее главу, который, как он нам поведал, всегда в обед приходит домой, чтобы самому приготовить себе еду, ибо жена работает на фабрике, целый день находится вне дома. Все трое детей живут в деревне, так как там лучший уход за ними. За это родители должны платить в месяц 18 марок, а когда дети подрастут, то 30 марок. Несмотря на мизерную плату на их содержание, дети развиваются в деревне значительно лучше, чем в городе. По воскресеньям родители часто выезжают в деревню, чтобы навестить малышей.

Нет надобности подробно рассматривать расходы данной семьи на питание, так как дети не жили с родителями, и картина была бы не правильной. Но тем не менее расходы на продукты питания в этой семье составляют самый высокий процент от общих расходов среди всех обследованных семей, что объясняется прежде всего потреблением пива в большом количестве. Расходы на пиво превышают расходы на квартиру на 117 марок и составляют четвертую часть всех расходов. Понятно, что при сравнительно низком уровне дохода, составляющем 1268 марок, в семье ничего не остается для сбережений; и если глава семьи когда-нибудь потеряет свою работу, что очень легко может случиться, ибо работает он лишь подручным, или если он на длительный срок потеряет трудоспособность, то семья эта неизбежно будет целиком зависеть от общественной помощи нищим и бедным.

Каменщик Г., жена, 4 детей.

Глава семьи 37 лет, крепкого телосложения, каменщик, но первые месяцы в год нашего обследования работал угольщиком. Жена следит за собой, но своей квартире не умеет придать минимально уютный вид. Четверо детей — 9 и 7 лет и 4 и 2 года — выглядят бледными и нездоровыми, к тому же и грязноватыми; еще один ребенок, дочь пяти лет, умер в мае прошлого года.

Семья живет на втором этаже небольшого старого дома и делит это жилье еще с одной семьей. В двух смежных комнатах, высотой около 2,7 метра, протекает вся семейная жизнь. Комната-кухня имеет размеры 3×4,35 метра, спальня 4,20×4,35 метра, т. е. это довольно небольшие комнаты, каждая с одним окном, выходящим во двор. Мы пришли около полудня. Хозяйка занималась у плиты приготовлением обеда, рядом стояло корыто с намыленным детским бельем, а на протянутой через всю комнату веревке висело уже выстиранное мокрое белье. В кровати, недалеко от плиты, лежала семилетняя дочь, больная ревматизмом и вынужденная вдыхать сырые испарения от белья и распространяющиеся от плиты запахи; двое детей дошкольного возраста играли на полу, на скамье за столом у окна сидел без дела ныне безработный отец. Все это в целом производило очень жалкое впечатление. Для семьи из шести человек в квартире имелись лишь три кровати и софа.

Доходы каменщика Г., почти единственные для всей семьи, составили в этом году 1342,5 марки. По-видимому, их хватило лишь на самые необходимые расходы, ибо на конец года дефицит составлял 33,19 марки. Сбережений не было, к тому же приходилось расплачиваться за купленную в кредит швейную

[1] *Dr. Conrad Else.* Lebensführung von 22 Arbeiterfamilien in München. München, 1909.

машинку. Но Г. регулярно вносил взносы по страхованию, равно как и членские взносы в рабочий союз и в профсоюз. Эта семья ограничивала себя не только в расходах на квартиру, за которую она платила 154 марки в год, но и в расходах на питание, на что указывал уже сам вид полуголодных детей. Хотя расходы на продукты питания и занимают большое место в общей сумме расходов, а именно 67,8%, но все же реальная сумма расходов по этой статье составила лишь 957,7 марки. Вся семья в среднем в день потребляла лишь полфунта мясных продуктов, которые, очевидно, потреблялись главным образом отцом, так что детям, скорее всего, не доставалось мясной пищи совсем. Однако недостаток мяса мало уравновешивается другими ценными продуктами питания: ни молоком, ибо эта большая семья с четырьмя малыми детьми потребляет лишь 2,1 литра молока в день, ни яйцами, так как их не приходится даже по одному в день, ни маслом и иными жирами, ибо их тоже потреблялось лишь 35 фунтов в год. Чем же тогда в основном питалась эта семья? Очевидно, хлебом, суррогатом кофе и очень простыми мучными блюдами, ибо статьи расходов на муку, дрожжи и сахар повторяются очень часто в книге расходов. Затраты на хлеб, мучные продукты, рис, бобовые составили 281,45 марки, расходы на сахар составили относительно большую сумму — 40,79 марки, на кофе, большей частью ненатуральный (из инжира или ячменя), израсходовано 31,37 марки в год. Зато расходы на картофель лишь немного превышают 10 марок. Спиртные напитки в этой семье не играют большой роли. Глава семьи завтракает обычно в столовой по месту работы, на что тратит в среднем 29 пфеннигов, нередко и 52 пфеннига в день; сколько из этой суммы расходуется на пиво, он не указывает, но кажется, что из 29 пфеннигов уходит 24 пфеннига на пиво и 5 пфеннигов на хлеб, но иногда он берет лишь пол-литра пива и две сосиски. Если он днем обедает в трактире, то тратит на это тоже лишь 52 пфеннига, ибо ограничивается пивом, хлебом и сосисками, хотя первое и преобладает. Статья расходов «развлечения» полностью отсутствует в книге расходов этой семьи; в статье «транспортные расходы» значатся лишь 20 пфеннигов. Это свидетельствует о том, что загородные прогулки семьей не предпринимаются. Даже на рождество было потрачено лишь около 3,5 марки. Расходы на газеты и другие культурные потребности были тоже мизерными. Заслуживает упоминания то, что борющаяся с такими трудными экономическими обстоятельствами семья предоставляет брату жены меблированную комнату и убирает ее за возмещение расходов на квартплату, вместо того чтобы обеспечить себе дополнительный источник доходов путем настоящей сдачи в наем части квартиры...

Рабочий-металлист К., жена, 2 детей.

Главе семьи 38 лет, он работает в литейном цехе. Вследствие тяжелого труда при высоких температурах он страдает хроническими головными болями; но его попытки получить более здоровую, столь же хорошо оплачиваемую работу пока были неудачными. Его несколько более молодая жена была до своего замужества поварихой, но теперь она не работает. Две дочери в возрасте 7 лет и 1 года. Семья занимает одну из самых дешевых отдельных квартир в блоке по улице Дайзерштрассе, возведенном мюнхенским квартирным обществом, и платит за нее 17,5 марки в месяц. В квартире чисто, уютно. Она производит впечатление, что в ней проживает мелкобуржуазная семья. Мебель красивая и в хорошем состоянии. Через небольшую прихожую попадаешь в большую, светлую кухню-столовую, размером 3×5,5 метра, в углу которой находится красивая, большая отапливаемая углем плита с дополнительной газовой горелкой и полка для банок с вареньем и другими запасами. Но остальная обстановка заставляет полностью забыть, что это кухня. Уютный диван и столик перед ним, швейная машинка, веселенькие занавески, цветы на окне — все указывает на то, что живущие здесь люди не только работают, едят и спят, но ведут также культурный образ жизни. Спальная комната тоже приятно убрана и в хорошем состоянии.

Семья живет исключительно заработком главы семьи, который составлял в этом году 1402,8 марки. Так как место его работы расположено недалеко от места жительства, то он питается всегда дома, поэтому его расходы в столовой или пивной незначительны. Расходы на продукты питания составляют около половины, точнее, 49,1 процента всех расходов. Это немного, тем более что в течение нескольких недель у них гостит еще взрослый человек, который, заметим между прочим, платит еще 14 марок на питание. Бросается в глаза, что и эта семья потребляет в день лишь полфунта мяса. К этому надо прибавить колбасу, на которую затрачено 23 марки. Но все равно это будет очень мало. На яйцах и молоке тоже экономят, ибо 180 штук яиц и 583 литра молока в год на семью в четыре человека — это явно недостаточно. Зато потребление картофеля по сравнению с бюджетом других семей очень большое, и лишь у одной из обследованных семей оно еще выше. Уровень потребления кофе, сахара и жиров достаточно высокий, и хлеба едят больше, чем в других семьях. Следует сожалеть о том, что бывшая повариха расходует в год не больше 35 марок на овощи и фрукты. Расходы на табак указываются в сумме 21 марки, при этом речь идет прежде всего о нюхательном табаке. Расходов на развлечения эта семья не знает, единственный расход

по этой статье составил 20 пфеннигов на билет в детский театр. Зато на газеты, взносы в союзы, на почтовые расходы тратились значительные суммы. (Хозяин является членом христианского союза металлистов.) Своей заботой о будущем эта семья опередила всех остальных. Расходы по статье «страхование и сбережения» составляют 173 марки, т. е. 11,4% всех расходов. Мы были бы еще более рады этой щедрой заботе о будущем, если бы расходы по этой статье не шли в ущерб питанию. Очевидно, трудно на 1400 марок достаточно хорошо содержать пусть даже такую небольшую семью, хотя тут явно проявляется и умелое хозяйствование жены и сдержанный, экономный образ жизни главы семьи.

Столяр М., жена, 5 детей.

Муж (29 лет) работает на фабрике. Жена, по-видимому, лишь немного моложе и, как муж, очень мала ростом. В начале года ее дети были в возрасте 7, 5, 3, 2 лет и 1 года, 3-летний ребенок — ее единственный мальчик. В сентябре родилась еще одна дочь, которая, однако, через полтора месяца умерла. Жена имеет квалификацию портнихи и временами работает для частных заказчиков, но из-за хлопот по дому и с детьми у нее на это остается мало времени, тем не менее она в этом году заработала 85 марок шитьем. Домашняя обстановка в хорошей сохранности. Мебель, отчасти изготовленная мужем, проста и солидна, на окнах стоят цветы. Дети чисто и нарядно одеты, выглядят бледными, но не болезненными. Женщина кажется несколько угнетенной тяжестью своих забот и мизерностью тех средств, которыми она должна обеспечить эту большую семью; но и она встретила нас очень любезно.

Семья из 7 человек проживает в двух комнатах, расположенных в мансарде большой квартиры. Кухня-столовая размером 3,4×5,6 метра и примыкающая спальня 3×5,6 метра, обе комнаты имеют высоту 2,6 метра и по одному окну. Где ночью спят пятеро детей — это остается загадкой, ибо мы видели лишь две большие и одну детскую кровати.

Общий доход семьи составил в этом году 1359 марок. Отец зарабатывал в неделю 25—50 марок; в феврале он долго болел и поэтому получил от местной больничной кассы и от своей профсоюзной больничной кассы в целом 50 марок. Вызывает уважение способность этой четы согласовывать свои расходы с доходами; на сбережения, однако, средств не было, и расходы на страхование тоже невелики. Очень низкими оказались расходы на одежду, составив лишь 27,54 марки на всю семью. Также и все другие расходы до крайности сокращены в пользу расходов на продукты питания, лишь статья «Союзы, газеты, почтовые расходы и пр.» держится на обычном уровне. Роды стоили женщине 15 марок. На табак не делалось никаких затрат, в трактире в целом было потрачено лишь 72 марки. На квартплату затратили 195 марок, или 14,2% доходов, на продукты питания — 67,6%. Расходы на пиво в этой семье невелики, они составляют 16-ю часть всех расходов на питание. Муж обедает дома. На колбасу было израсходовано 47,59 марки, на другие мясные продукты 176 марок. Эта большая семья потребляла в месяц неполные 3 фунта жиров, включая масло, и 2,4 литра молока в день для детей. Столь же экономно хозяйка расходует яйца (275 штук в год). Зато она очень много платила за хлеб: 171 марку в год, т. е. 18,3% всех затрат на питание; большое потребление кофе (44,75 фунта). На покупку картофеля пошло лишь 20 марок, на рис, мучные изделия и пр. — 53 марки.

Роза Кемпф в своей диссертации «Жизнь фабричных девушек в Мюнхене» очень наглядно описывает обстановку тех лет:

«Работающие женщины уделяют трудовой деятельности весьма различную часть своих сил и времени, поэтому мы различаем побочные трудовые доходы домашней хозяйки и заработную плату, получаемую на производстве. Небольшой доход в менее чем 100 марок в год, который вносили 7 обследованных женщин в общий доход своей семьи, мы вообще не причисляли к доходу, полученному профессиональной деятельностью. Женщины получают такие «случайные доходы», например, благодаря тому, что ходят за дровами, валежником для домашних нужд в отдаленный лес и тем самым экономят на расходах на топливо; ягоды и грибы они тоже приносят в дом для семьи, а осенью в окрестностях Мюнхена подбирают оставшиеся в земле клубни картофеля с убранных полей крестьян, занимаются и другими подобными работами. Иногда они отдают часть этих продуктов матери или сестре в обмен на другие, также бесплатно полученные товары. От случая к случаю они помогают какой-либо соседке и получают от нее за это несколько пфеннигов. Но о каком-то организованном, упорядоченном доходе здесь не может быть и речи. Вероятно, могут быть и другие подобные случайные доходы, добываемые домохозяйками, но установить это не представляется возможным. Подобные доходы носят слишком случайный характер, и сведения о них также очень случайны. В общем и целом матери, ранее имевшие постоянный заработок, точнее указывают на источники своего приработка, нежели женщины, которые никогда не вели настоящей трудовой жизни. Подобные сведения можно легче получить тогда, когда наступает период сбора ягод и дров. Если женщин, имеющих случайные побочные доходы, не причислять к числу женщин, имеющих постоянный заработок, то можно сказать, что в семьях, в

которых мужчина — глава семьи, 16,5% женщин имеют побочный заработок, а 41,1% женщин заняты настоящей профессиональной работой.

Рабочее время, затрачиваемое женщинами на побочные заработки, очень различно. Некоторые ежедневно затрачивают несколько часов на работу. Это приходящие уборщицы, разносчицы хлеба, молока и газет; другие работают полностью несколько дней в неделю, а остальные дни остаются без дохода. К ним относятся, например, многие прачки и уборщицы. Но во всех случаях больше половины времени, которое можно было бы затратить на приработок, остается у них для дома. Низкий среднегодовой побочный доход в размере 256 марок соответствует именно этому сокращенному рабочему времени.

Часть женщин, занятых профессиональным трудом, работает ежедневно в строго определенное рабочее время, например на фабриках и других предприятиях; другая часть попеременно работает в течение сезона и удлиненного рабочего дня, а затем целые дни посвящает домашнему хозяйству. Так поступают, например, некоторые торговки и разносчицы; в других случаях длинный рабочий день в период сезона сменяется почти полной безработицей, длящейся целые дни и недели, а то и месяцы, как это бывает у некоторых надомниц и занятых на лесных разработках. А иногда женщины на целые дни, недели или месяцы покидают свой домашний очаг, чтобы в другие периоды вновь полностью посвятить себя дому: это сезонные официантки, продавщицы цветов, торговки и т. д. Но во всех случаях именно рабочее время является критерием для разграничения между побочным доходом и доходом основной производственной деятельности, а не величина заработка. Ибо иная сильная и ловкая женщина зарабатывает за короткое рабочее время больше, нежели неловкая и несмышленая за длительное рабочее время. И все же граница между обоими видами заработка остается подвижной и трудноуловимой. Особенно трудно бывает определить эти различия в тех случаях, когда мы точно не можем сказать, отказывается ли больная женщина от регулярных заработков по своей основной производственной деятельности именно из-за болезненного состояния или же в связи с нежеланием регулярно трудиться.

Если взять вместе женщин, занятых на постоянной работе, и тех, кто занимается трудом нерегулярно, то получится, что в семьях, где мужчина является главой семьи, 57,6% женщин, т. е. больше половины, имеют собственный заработок. Это соотношение возрастет, если сюда включить семьи, где главой является женщина. ...Из 51 такой семьи 40 женщин существуют за счет основной производственной деятельности; 4 получают побочный, дополнительный заработок, и только 7 живут без заработка. В целом, таким образом, две трети опрошенных женщин занимаются — регулярно или нерегулярно — трудом, лишь треть живет на полном обеспечении мужа; почти половина всех женщин (130, или 48,2%) все свое время работает по найму...

Только отец, который образцово ведет домашнее хозяйство, решится на то, чтобы доверить жене вести книгу всех записей по ведению хозяйства. Только мужья с совершенно «чистой совестью», ограничивающие свои личные потребности самыми малыми суммами и предоставляющие все свои прочие заработки в распоряжение семьи, добровольно вызываются вести книгу расходов. А народ отнюдь не состоит сплошь из праведников, и политическая экономия ни в коей мере не может исходить из представления о супругах, совершенных как в отношении экономичности, так и в отношении самоограничения, господства над своими прихотями, точно так же как и в других случаях нельзя рассматривать совершенное в качестве нормы. Книги расходов и доходов рабочих семей, как показывает одно исследование кайзеровского статистического управления, раскрывают такую картину ограниченности средств и почти полного отсутствия возможности произвольно маневрировать своими доходами, что всякое сколько-нибудь значимое отклонение от абсолютно необходимого неминуемо приводит к нарушению равновесия в бюджете семьи. Те мужчины — а число их составляет весьма значительный процент от общего числа мужчин в обследованных семьях,— которые для своих собственных личных потребностей, прежде всего на свое питание, расходуют более значительную часть своего заработка, нежели это позволяет бюджет семьи,— такие мужчины, вероятно, никогда не вызываются добровольно вести книгу домашних расходов и доходов. Этим я отнюдь не хочу сказать, что эти мужья расходуют на свое питание больше, чем этого требует их организм согласно требованиям гигиены при данных затратах труда. Но остаток зарплаты при этом не может обеспечить остальной части семьи такое же относительно хорошее питание, как отцу, и за столом в этой семье рядом с сильным, хорошо упитанным мужем сидят недоедающие жена и дети, если побочные доходы не вносят сюда равновесия. Шкала, начинающаяся с того образцового супруга и отца, о котором говорится в официальных статистических исследованиях и который встречается и в моем небольшом исследовании, включает затем умеренного эгоиста, который большей частью сам съедает сваренное к обеду мясо (порция остается все еще маленькой). Иной раз он так тщательно проводит раздел продуктов питания, что оставшееся мясо он берет с собой на второй завтрак, подобно одному машинисту паровоза в моем

исследовании, и вплоть до более грубого эгоиста, который требует и по вечерам свежесваренный ужин, в то время как жена и дети должны довольствоваться хлебом и кофе, или даже вплоть до поступков могучего землекопа, который уже во время утреннего завтрака требует дополнительных яиц, и так в течение всего дня, так что его взнос в домашнее хозяйство еле покрывает его потребности в питании и вынуждает жену прокормить себя и детей надомной работой.

Но иначе жить почти невозможно. Ибо при всем уважении к нравственным и хозяйственным способностям трудящегося населения нужно все же иметь в виду, что доход мужа едва покрывает потребности семьи и что муж, занятый на тяжелой работе, постоянно перенапрягается, в особенности если он трудится с холостыми коллегами за одну и ту же плату или когда он выполняет под открытым небом работы, требующие больших физических усилий, в связи с чем значительно повышается его потребность в пище. В таких условиях легко возникает привычка потреблять во время второго завтрака или во время обеда вне дома больше того, что позволил бы доход семьи, основанный исключительно на заработке мужа, и что даже любящий муж и отец, экономно ведущий хозяйство, отнюдь не всегда является образцом добродетели самоограничения. Итак, я повторяю то, что сказано выше: это требование очень часто не может быть согласовано с соблюдением нижней границы того, что было бы необходимым для здорового питания, и поэтому с точки зрения народного хозяйства нельзя требовать ликвидации женского заработка посредством крайнего ограничения потребления. Женский заработок становится также неизбежным благодаря ряду обстоятельств, не зависящих от личных желаний, но все же лишающих такие семьи характеристики «нормальной» семьи. Сюда относятся периоды, когда муж остается без работы, в особенности когда их длительность выходит за пределы предвиденного, но сюда относится и всякое ослабление физической силы и профессиональных навыков, уменьшающие заработки мужа, даже если он не стал совершенно больным или инвалидом...

Утром супруги и сестра жены, до ухода на фабрику, убирают квартиру. Обедают у матери обеих сестер, если только плохая погода не принуждает их оставаться вблизи предприятия. Вечером женщины готовят ужин и моют посуду. По тому, что я наблюдала во время моего посещения, все это является не очень трудным делом. Мне особенно бросились в глаза гордость и радость мужа за свой домашний очаг. Супруги вместе уходят и вместе возвращаются домой, благодаря чему опрятный вид маленькой квартиры становится общим делом обоих супругов и домашнее хозяйство превращается в достижение всех в нем участвующих. Такими я нашла и другие домашние хозяйства, состоящие исключительно из работающих взрослых. Но тут и трудности не такие, как там, где приходится учитывать еще наличие детей. Но и в таких случаях люди умеют устраиваться. Правда, дети в таких семьях рано привыкают к самостоятельности. Устраиваются тут приблизительно по следующему образцу: отец, мать, работающая по найму дочь, трое детей школьного возраста, старший из них мальчик. Утром до ухода на работу дочь убирает в квартире все то, что не может быть убрано позже школьниками. В обед все возвращаются домой; тот из школьников, который возвращается раньше остальных, разжигает огонь. Ранее сваренный обед подогревается, после обеда старшая дочь вместе со школьниками моет посуду. Затем каждый из школьников идет в свою школу. Младший ребенок ходит в наиболее близкую школу, но ходит он туда один! Конечно, в каждом случае важные соображения административного управления предопределяли перевод из одной школы в другую, прежде всего это были финансовые соображения; но все эти переводы приводили к тяжелым психологическим последствиям у детей! Какая школа должна стать «родной» для ребенка — та, которая первая приняла его в свой коллектив, или та, где ему позволяли еще несколько лет учиться, или же та, в которой он учился в старших классах, обладая уже более зрелой способностью к суждениям? Затем в обед все трое школьников встречаются в той школе, где раздается суп. Те две сестры, которые посещают одну школу, могут оставаться там и после обеда. Самый младший ребенок вынужден снова идти в другую школу, расположенную довольно далеко. В четыре часа все школы закрываются, и тогда вечерние группы для мальчиков и для девочек приглашают безнадзорных детей; вновь начинаются «походы»; однако не во всех городских районах такие вечерние группы работают ежедневно. Для детей дошкольного возраста нужен был бы детский сад; но такой создан лишь в одной школе — в той, куда ходит самая младшая из сестер, и к тому же детский сад не организует питание детей в обеденный час. Но младшей школьнице мать не хотела поручать надзор за совсем еще маленькой сестренкой, которая поэтому оставалась бы на улице; мать поручала ее девушке, у которой был один глаз. Она проживала в том же доме и могла накормить ребенка обедом.

Судьба этих четырех сестер и братьев типична для всех бедных детей: каждые несколько лет — новая школа, новые учителя, учеба в одном школьном здании, а обед — в другом, игры после школы, возможно, — в третьем, во всяком случае, в каком-либо третьем месте опека в часы после школы; дети ежедневно разобщены, в чужом окруже-

нии, большую часть дня лишены родного очага. Где же им найти то место, где бы они могли согреть свою душу! Им негде уютно устроиться, негде приобрести на всю жизнь положительные впечатления, с которыми будут связаны воспоминания о юности. Все это внушает таким детям чувство беспокойства, бездомности, отсутствия руководства. Конечно, отдельные выдающиеся педагоги могут улучшить эти условия, но, как правило, лишь на время своего непосредственного общения с детьми. То положительное воздействие, которое в лучшем случае длится от двух до трех лет, не способно оказать достаточного влияния на процесс формирования детской души. Поэтому даже самые лучшие школьные учреждения оказывают в воспитании лишь незначительное влияние и бессильны преодолеть безнадзорность молодежи. В условиях постоянной сменяемости и разобщенности они не могут противостоять ежедневному воздействию семьи, даже если это воздействие на ребенка происходит лишь рано утром и поздно вечером; они бессильны и по отношению к постоянному и многообразному влиянию улицы — ведь последняя имеет возможность воздействовать на ребенка ежедневно: утром, в обед и во второй половине дня. Рост интеллектуального уровня народа является бесспорной заслугой наших хороших школ. Но моральное воспитание остается почти исключительно заслугой семьи; оно будет оставаться таковым, пока мы не превратим наши школы в родные очаги для бедных детей.

Подобно сестрам, о которых говорилось выше, некогда провели свои школьные годы и наши нынешние молодые девушки, что наложило свой отпечаток на всю их духовную жизнь. Они вступают в трудовую жизнь, твердо зная, что везде будут чужими, будут лишены даже того очага, каким была для них собственная, хотя и бедная, семья.

В какой мере экономическое положение и самоотверженность родителей позволяют детям приобрести квалифицированную профессию, пройти необходимое обучение? Среди сыновей имеется довольно значительная для условий Мюнхена часть неквалифицированных рабочих, хотя это соотношение и несколько лучше, чем среди отцов. В целом из числа обследованных семей 112 сыновей обучались профессиям, из них 56 живут в домашних хозяйствах, где имеются и наемные работники. Большое число обученных сыновей проживает вне дома родителей, отчасти именно ради получения профессионального образования. Среди получивших профессиональное образование лишь 13 девушек; это белошвейки, бухгалтеры, одна продавщица, одна машинистка и одна парикмахер. Все убожество профессионального труда женщин заложено в этих показателях. Те семьи, которые способны экономически обеспечить своим сыновьям три-четыре года ученичества, могли бы и хотели бы в своем большинстве пожертвовать соответствующие средства и для обучения своих дочерей, если бы путь к этому был открыт. В действительности же девушки вступают в трудовую жизнь без всякой профессиональной подготовки и поэтому получают низкую заработную плату. Средняя зарплата 108 таких девушек составляет лишь 10,61 марки в неделю, причем 17 девушек из них только что начинали трудовую жизнь и получали в среднем в неделю всего 3,57 марки. Но даже если некоторые девушки смогли получить профессиональную подготовку, то она лишь в исключительных случаях равняется подготовке юношей. Это можно проследить по среднему заработку пяти имеющих профессиональную подготовку девушек, обследованных нами; заработок у хорошо обученной продавщицы не превышает в неделю 20,8 марки, у машинистки снижается до 9,6 марки.

В общей сложности 56 юношей получили профессиональную подготовку, 48 не имеют квалификации, в то же время у девушек 7 имеют подготовку и 125 занимаются неквалифицированным трудом! Среди рабочих, имеющих профессиональную подготовку, больше всего холостяков, еще не освобожденных от воинской повинности. Но есть среди них и несколько работников старше 20 лет, продолжающих жить у родителей и достигших уже высшего уровня зарплаты в своей профессии. Средний уровень зарплаты 84 юношей, занимающихся квалифицированными и неквалифицированными видами труда (исключая учеников), составляет за неделю 17,06 марки. То обстоятельство, что лишь немногие освобожденные от службы в армии взрослые сыновья остались в домах родителей, объясняется тем, что отец и взрослый сын обычно трудно уживаются вместе, особенно когда зарплата сына начинает достигать или даже превышать заработок отца. Отец растит еще младших детей и потому более стеснен материально, чем его сын, что часто приводит к размолвкам. В возрасте от 20 лет и до вступления в брак соблазны для молодого человека очень велики. Заработок растет и приближается к высшей зарплате по данной профессии и даже иной раз быстро достигает высшего уровня. Таким образом, зарплата выходит за пределы того, что считается в таких кругах достаточной нормой для покрытия личных потребностей в питании, одежде, квартире и в расходах на культурные цели. Если молодой человек привыкает тратить на самого себя недельный заработок размером в 22 или 25 марок, то ему будет трудно или невозможно построить семейную жизнь на здоровой основе» [1].

[1] *Kempf Rosa*. Das Leben der jungen Fabrikmädchen in München. Leipzig, 1911.

Эти социальные проблемы играли важную роль не только в столице, о чем свидетельствует следующий отчет о собрании горняков в Мисбахе:

«Редактор социал-демократ *Грубер* из Мюнхена выступил вчера на публичном собрании горняков в Мисбахе с лекцией на тему «Капитал и труд».

Ожидавшие получить от оратора познания относительно политико-экономического назначения капитала и труда или же о взаимодействии обоих, были очень разочарованы, ибо об этом в докладе не было и речи. О капитале Грубер лишь смог сказать, что капиталисты и предприниматели являются величайшими врагами рабочих, против которых следует бороться всеми законными средствами. В этой борьбе рабочие должны якобы опираться на право организации союзов. За это право выступали и боролись не только «подстрекатели» и «тупоумные бегемоты», но и знаменитые ученые-экономисты, представители христианского движения, такие, как епископ фон Кеттелер и священник Дионисиус Виль, из трудов которого оратор привел ряд цитат. Но известно, что не все католические священники мыслят так, как эти. В некоторых церквах полагают, что следует выступать на стороне и в пользу предпринимателей, вмешиваться в ту борьбу, которая развертывается в экономической области.

В Германии якобы еще не поняли, какое это мощное культурное движение — борьба рабочих за повышение заработной платы; там полагают, что рабочие должны свергнуть современный общественный строй. Но об этом, считает Грубер, не может быть и речи. Ведь профсоюзная организация должна, наоборот, лишь создать внутри существующего общественного строя более достойные человека условия жизни для рабочих. К сожалению, однако, в Германии рабочему движению ставят палки в колеса. Власти часто стоят на стороне предпринимателей. И это не удивительно, потому что даже имперское министерство внутренних дел получило от союза предпринимателей 12 тыс. марок на цели пропаганды проекта закона о тюремном заключении для зачинщиков рабочих выступлений. От подобных властей рабочим не приходится ждать ничего хорошего.

Эти действия убеждают рабочих в том, что они не могут рассчитывать на помощь государства. Они могут только сами помочь себе. Но эта помощь должна осуществляться в соответствии с законом и правом... В этой борьбе нет различий партий и религий, все должны бороться плечом к плечу. Оратор закончил призывом к верующим рабочим идти в этой борьбе вместе с рабочими социал-демократами.

Следующие ораторы, горняки *Гейганд, Мюллер* и *Кеннебрехт* предложили потребовать от управления горными разработками повышения зарплаты и для этого договориться о совместных действиях с рабочими в Пенцберге и с христианскими профсоюзами. Редактор *Грубер* предостерегал от такого необдуманного вступления в борьбу за повышение заработной платы и призывал рабочих сначала организоваться и пополнить кассы для поддержки этой борьбы. В ходе обсуждения было отмечено, что в настоящее время членами союза горняков и металлургов состоят на шахте Гаусгама 600, на шахте Пенцберга 400 и на здешней шахте 90 рабочих, а христианский профсоюз насчитывает в Гаусгаме и Мисбахе — от 100 до 200 рабочих, в то время как еще 1400 рабочих в Гаусгаме и Мисбахе остаются не организованными в союзы.

Лавочник Портенкирхнер и горняк Гретц жаловались на действия одного здешнего писаря при приеме объявлений о созыве собрания. Это дало редактору Груберу желанный повод для того, чтобы тоном высочайшего возмущения и ожесточенной ядовитой иронии высказаться о названном чиновнике. При этом он заметил, что чинам полиции, согласно собственному заявлению их «высшего командующего», сделанному по случаю обсуждения проекта закона о союзах, нечего делать на профсоюзных собраниях, но что рабочие не возражают, если эти чиновники будут присутствовать на профсоюзных собраниях ради получения информации, и что они рассматривают присутствие чиновников даже как честь, оказанную им.

После этого собрание, длившееся 3,5 часа и проходившее под наблюдением королевского областного асессора Прюкнера, было закрыто.

Вышеизложенное донесение одновременно направлено в королевское министерство внутренних дел.

Королевский регирунгсрат»[1]

«Королевско-баварская» социал-демократия

«За такого типа неприлично выходить замуж,— говорили девушке,— ему место в тюрьме». Это «очень прямое» высказывание не являлось чем-то необычным в устах верноподданных кайзера, если она намеревалась выйти замуж за социал-демократа.

Иосиф Белли — правая рука Юлиуса Моттелера, начальника службы безопасности Социал-демократической партии Германии,— наглядно изобразил последствия клеветы, подстрекательства и преследований в отноше-

---
[1] Abhaltungen von Volksversammlungen. Vereine Specialia 1881—1904. StaM RA 57842.

нии немецких рабочих и их семей со стороны режима «железного канцлера» Бисмарка. Приводимое мною высказывание взято из опубликованной в 1887 году книги воспоминаний Иосифа Белли. Общественное мнение в городе и в деревне было отравлено «страхом перед социалистами»; дружба и знакомства рушились, подвергались испытаниям, часто разрывались семейные узы.

Жена Белли, которой самой пришлось противостоять попыткам знакомых отговорить ее от замужества, одна из многих немецких женщин, которым приходилось выслушивать, что ни в коем случае нельзя вручать свою судьбу таким «красным подстрекателям»; но Белли по этому случаю добавляет: «Ее не удалось сбить с толка, и мы заключили союз на всю жизнь. Вскоре она на деле доказала, что твердо намерена разделить со мной не только материальные заботы, но и опасности и трудности политической борьбы»[1]. Демократам, прежде всего социал-демократам и социалистам, ничто не давалось даром. Их выступления в интересах народа и освобождения рабочего класса — это история бесчисленных жертв, лишений, опасностей и крушений профессиональной, а часто и личной жизни. Но что оставалось им еще, если не борьба за свои права. Лишь отдавая всего себя, все свои силы, социалисты могли побеждать в борьбе за более достойную человека жизнь.

Написанные князем Бисмарком «Мысли и воспоминания», которые призваны были многое приукрасить и оправдать, особенно в том, что касается беспощадной эксплуатации и жестокой власти юнкеров, промышленников и высших королевских чиновников над промышленным и сельским пролетариатом, все же дают некоторое представление об умонастроениях господствующего класса в канун нового века.

Отто фон Бисмарк, считавший, что созданный при его участии порядок является лучшим среди всех возможных (или соответственно наилучшим среди всех плохих), заявил, например, по поводу закона об охране труда и требования социал-демократов о сокращении рабочего дня следующее:

«Моим убеждениям и опыту противоречило такое глубокое вторжение в сферу зависимости рабочего, в его трудовую жизнь и в его права главы семьи, как законодательное запрещение распоряжаться по своему усмотрению своей рабочей силой и рабочей силой своей семьи. Не думаю, что рабочий сам по себе благодарен за то, что ему запрещают зарабатывать деньги в дни и часы, когда он к этому склонен, хотя вожди социалистов, без сомнения, пользуются этим вопросом для успешной агитации, внушая, что предприниматели и за сокращенное рабочее время в состоянии платить неурезанную заработную плату. На основании лично у меня имевшейся информации я мог установить, что рабочие соглашались на запрещение воскресного труда лишь в том случае, если им могли обеспечить за шесть рабочих дней ту же недельную заработную плату, как прежде за семь дней»[1].

По поводу требования социал-демократов о запрещении детского и юношеского труда князь Бисмарк замечает: «С запрещением или ограничением труда несовершеннолетних не соглашались родители подлежащих увольнению, а из самих несовершеннолетних соглашались на это только лица с сомнительным образом жизни»[2].

Во всяком случае, и в дальнейшем считалось естественным проклинать «социал-демократию как опаснейшую болезнь» (по выражению барона Отто фон Мантейфеля), которая «подтачивает организм государства»[3], а борьба против «лишенных отечества агитаторов» находилась в центре внимания внутриполитической деятельности насквозь консервативного и авторитарного государства. Защита предпринимателей и крупных землевладельцев шла об руку с преследованиями «партии переворота», и это проходит красной нитью через все публичные и официальные высказывания, указы и законы, а равным образом через все дела министерств и полицейских учреждений. Следствием этого было и то, что десятилетиями доносы и негласное наблюдение считались почетным и доходным ремеслом. Однако эти грязные дела отнюдь не всегда проходили гладко и не всегда совпадали с интересами государства в целом.

Приведем письмо королевского государственного министерства внутренних дел в Мюнхене в адрес баварского посланника в Дрездене от 1855 года; в письме говорилось о мерах, которые постоянно усовершенствовались вплоть до начала века, даже до мировой войны и более поздних времен, и которые изменялись лишь по своим методам и характеру исполнения.

«Ваше Высокопревосходительство!

Королевское государственное министерство внутренних дел сообщило мне, что сотрудник Фридрих Ранг из Кайсгейма, который в течение некоторого времени хлопочет о восстановлении его на службе в полиции, недавно продал королевскому саксонскому полицейскому советнику Мюллеру в Дрездене рукопись, содержащую список имен немецких заго-

---

[1] *Belli Joseph.* Die rote Feldpost. Stuttgart, 1912, S. 68.

[1] *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1941, т. 3, с. 44.
[2] Там же.
[3] *Hirsch P.* Der preußische Landtag. Nach: *Huber Gerdl.* Das klassische Schwabing, a.a.O., S. 55 ff.

ворщиков с прилагаемыми характеристиками, и что предполагается печатное издание этой рукописи.

И действительно, недавно газета «Кёльнер Цайтунг», а за ней и «Альгемайне Цайтунг» (№ 36) указывали на предстоящее вскоре издание этой рукописи.

Упомянутый Фр. Ранг был раньше служащим в королевском городском комиссариате в Нюрнберге и имел доступ к служебным источникам в ведомстве политической полиции; нет также сомнений в том, что он этим воспользовался.

Ранг сам несколько лет хлопотал о высочайшем позволении, как это предписывает баварская конституция, использовать служебные записи для издания ведомственных сообщений политической полиции; но такое позволение ему не было дано и равным образом был дан отрицательный ответ на его просьбу разрешить пересылку вышеупомянутой рукописи в адрес других германских земельных правительств; его обращение основывалось на существующих в Баварии предписаниях для получения подобных разрешений.

Теперь встает вопрос: действительно ли предстоит публикация королевским саксонским полицейским советником Мюллером указанных рукописей Ранга? Если это так, то я прошу Ваше Высокопревосходительство обратить внимание королевского саксонского правительства на то, что, по нашему мнению, опубликование такого произведения не соответствует интересам германских правительств и мы надеемся, что сможем рассчитывать на дружественное содействие тамошнего королевского правительства, дабы предотвратить распространение указанной рукописи среди публики.

В то же время королевское государственное министерство внутренних дел заинтересовано в том, чтобы получить возможность ознакомиться с рукописью Фр. Ранга для более точной оценки его информации. Ибо сотрудник Ранг утверждает в заявлении от 10 числа прошлого месяца, что получил всю информацию для своих записей исключительно из известных публикаций и газет, не прибегая к доступным ему служебным источникам. Это, однако, очень сомнительно, несравненно более вероятно обратное. Согласно вышеизложенному я прошу Ваше Высокопревосходительство предпринять как можно скорее кажущиеся Вам целесообразными шаги, обратившись к королевскому саксонскому государственному министру барону фон Бенсту. Пользуюсь данным поводом для повторного заверения в моем высочайшем уважении. Мюнхен, 5 марта 1855 года»[1].

[1] Die Veröffentlichung einer Liste der Männer der Umsturzpartei durch den Funktionär Friedrich Rang in Laishaim 1855. BayHStA Gs. Dresden 1783.

Ответ из Дрездена должен был успокоить министерство в Мюнхене. В нем говорилось: из известных обеим сторонам материалов не будет опубликовано ничего, что могло бы принести им вред.

Что же осталось вне поля зрения полиции?

2.

По мере усиления рабочего движения и объединения немецких рабочих союзов в Социалистическую рабочую партию Германии[1] в 1875 году был создан такой потенциал сил, который поднял на совершенно новую высоту борьбу между прогрессом и реакцией.

Господствующие классы увидели прямую угрозу своей власти и своим привилегиям. Уже в 1878 году, т. е. три года спустя после объединительного съезда немецкой социал-демократии, Бисмарку удалось добиться принятия исключительного закона против опасных для общества устремлений социал-демократии. Этот закон был призван охранять и обеспечивать власть и привилегии, т. е. остановить или даже повернуть вспять колесо истории.

Однако все попытки применить новейшие для того времени методы и средства государства и полиции для уничтожения общественного и политического движения окончились одинаково безрезультатно как для политических инициаторов исключительных законов, так и для исполнительных органов.

В 1890 году, спустя двенадцать лет, закон против социалистов пришлось отменить, социал-демократия в Германии вышла победителем в этой борьбе и стала сильнейшей социалистической партией мира в последней трети прошлого века. Партия сумела провести за время действия закона против социалистов три съезда и одну конференцию, которые во многом решили успех борьбы немецкого рабочего движения против прусско-германского милитаристского государства[2]. «Эти съезды и конференции смогли состояться,— как позже писал Август Бебель,— только благодаря огромным жертвам и после преодоления больших внутренних и внешних трудностей», и они были, также по словам Бебеля, «признаком могущества, какого не знала ни одна партия в истории»[3].

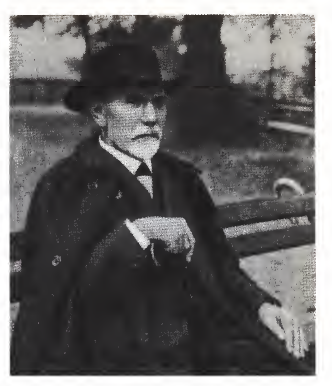
Август Бебель и Вильгельм Либкнехт находились в теснейшем контакте с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Важнейшим организатором партии в защите от нападений ее врагов и, наконец, в завоевании столь

[1] С 1890 г.— Социал-демократическая партия Германии.

[2] *Fricke Dieter.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1914. Berlin, 1976, S. 143.

[3] *Bebel August.* Zum ersten Oktober. In: Die Neue Zeit, 9. Jg., 1890/91, Erster Band, 8. Nach: *Fricke Dieter,* a.a.O., S. 143.

Август Бебель



могучего положения оказалась легально издаваемая за границей и нелегально распространяемая в Германии газета «Социал-демократ». Эта газета сумела повести «решительную борьбу против позорного закона» [1].

В самой Германии партийная пресса была разгромлена и запрещена.

«Бисмарк пустил в ход свое огромное влияние, которое он благодаря «фонду пресмыкающихся» имел на большую часть прессы, чтобы разжечь в населении фанатическую ненависть к социал-демократии. К этой прессе присоединились все, кому выгодно было поражение социал-демократии, в особенности большое число предпринимателей. В лагере наших противников нашу партию называли не иначе как партией убийц, всеразрушителей, отнимающей у народа веру в бога, короля, семью, брак и собственность. Вести борьбу против этой партии, а если возможно, и уничтожить ее — вот «славная задача», которую ставили себе наши противники! Тысячи и десятки тысяч рабочих, известных как социал-демократы, выбрасывались на улицу. В газетах, на страницах, отведенных для объявлений, публиковались обязательства рабочих не принадлежать в дальнейшем ни к какой социал-демократической организации, не выписывать и не читать социал-демократических газет, не давать денег на социал-демократические цели» [2].

Все это побудило Августа Бебеля говорить в своих мемуарах о «терроризме предпринимателей»; при этом он также обращал внимание на тактику противника, с помощью которой тот пытался внести разногласия в ряды членов и сторонников партии.

«Уже раньше тактикой враждебной нам печати было намеренно раздувать разногласия, возникавшие между отдельными социалистами, изображать их в дурном свете, надеясь таким образом посеять недоверие и раздор в партийных кругах... Враждебная социалистам печать теперь особенно рассчитывает на возможность раскола, так как вследствие исключительного закона в Германии уничтожена партийная печать и свобода собраний, а потому стало невозможным отвечать на нападки и обвинения противника и надлежащим образом разоблачать его тактику» [3].

[1] *Бебель Август.* Из моей жизни. М., 1963, с. 634.
[2] Там же, с. 579.
[3] Там же, с. 619.

Но наряду с разоблачением клеветы и совместными выступлениями товарищей против злобных извращений политики социал-демократии первостепенное значение для существования и развития немецкого рабочего движения и его тогдашней партии имели правильные и ясные теоретические ориентиры. Все эти задачи в значительной мере могла выполнить такая газета, как «Социал-демократ». Принципиальную сторону дела, о которой заботился также и Карл Маркс, подчеркнул Фридрих Энгельс в письме Августу Бебелю:

«Несомненно, что критика наша многим неприятна, но больше, чем от всяких некритических комплиментов, партия выигрывает, если за границей у нее есть несколько человек, свободных от влияния запутанных местных условий и частных эпизодов практической борьбы, которые время от времени измеряют случившееся и сказанное масштабом теоретических положений, действительных для современного пролетарского движения во всех странах, и отражают перед партией то впечатление, которое ее выступление производит за пределами Германии» [1].

3.

Борьба против закона против социалистов обогатила социал-демократию в конце XIX и начале XX века таким опытом, который реша-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 34, с. 334.

ющим образом определял личное и политическое поведение каждого человека, сталкивающегося с этим опытом. Широкое распространение основополагающих идей Карла Маркса и Фридриха Энгельса среди немецких рабочих с помощью той партии, которой с большим умением руководили Август Бебель и Вильгельм Либкнехт,— все это не было лишь абстрактной теорией, а находило многообразное — успешное или безуспешное — подтверждение в каждодневной практике.

Не было города, в котором запреты и преследования, упорная борьба за демократию не ощущались бы непосредственно всеми ее участниками. Правительство и его институты способствовали распространению, хотя и не преднамеренно, правды о плохом положении в стране: тысячи ремесленников и рабочих, вынужденных покинуть свою родину в связи с запретом на профессии, разносили эту правду по городам и землям, в том числе и за границу, например в Америку, куда немецкие переселенцы давно ввозили социалистические идеи в своем багаже эмигрантов. Поэтому не вызывает удивления, что начальник полиции Берлина, составлявший донесения о результатах негласного надзора и доводивший их до сведения королевского управления полиции Мюнхена и баварских министерств, очень хотел бы распространить «имперский закон против опасных для общества устремлений социал-демократии» не только на саму Германию и объединенные в ней с 1870 года федеральные государства. Тут встречаются также доверительные сообщения о деятельности Интернационала в Англии, Ирландии, Австрии, Швеции, Нидерландах, Швейцарии, Италии, Испании, Америке и России. Что касается России, то еще в 80-е годы встречаются, например, такие строки:

«Проживающие в Швейцарии русские революционеры, поскольку они не принимали участия в преступных делах анархистов, не развернули заметной агитации и не смогли ее развернуть, ибо были расколоты на различные партии»[1].

В другом месте говорится следующее:

«В России наступило изменение обстоятельств в связи с тем, что партия террористов, нацеленная исключительно на осуществление покушений, дабы этим взволновать население и толкнуть народ на революцию, несколько отошла на задний план. Но зато растет число тех, кто во всяком случае убежден в нетерпимости нынешнего положения и желает его изменить путем тайной агитации.

[1] Vollzug des Reichsgesetzes gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie. Specialia 1883—1886. StaM RA 57800.

С этой целью печатаются, как и раньше, революционные издания отчасти в самой России, отчасти в Лондоне и Женеве, которые в большом количестве распространяются. Посылаются также эмиссары, которые помогают преимущественно сельскому населению осознать свое действительно трудное положение и которые должны возбуждать в нем желание его улучшить»[1].

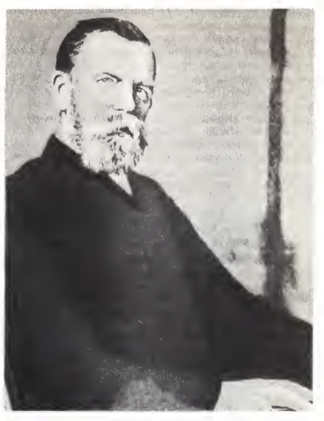
Но наблюдения полицейских учреждений были нацелены прежде всего на германскую партию.

«Поскольку во всех цивилизованных государствах социальные вопросы и их решение занимают умы и становятся все более неотложными, постольку естественно то, что та самая партия, сторонников которой это прежде всего касается, все больше осознает свое значение и начинает чувствовать свою силу. Все же те, кто, подобно Бебелю и «Социал-демократу», высказывает мнение, будто социал-демократия ныне является единственной твердой опорой, вокруг которой вращается политика всех остальных партий, и изображает все усилия [властей] для улучшения положения трудящегося населения как продиктованные исключительно страхом, берут на себя ответственность за искажение существующего положения дел, чем сами себе наносят вред. Ибо такого рода высказывания лишь способны обострить противоречия и превратить в свою противоположность то благорасположение, с которым отнеслись к справедливым пожеланиям этой партии»[2].

Послушные представители государства и господствующих классов, не колеблясь, исполняли приказ использовать все средства для «подрыва твердой основы социал-демократии». Это тогда касалось не только одной Пруссии. В Баварии, по воспоминаниям социал-демократов, «дьявольский дух законов против социалистов свирепствовал при либеральном министерстве даже более жестоко, чем в вотчине прусской полиции»[3].

Во всех немецких государствах следовали прусскому примеру, как писал Игнац Ауэр, уроженец Нижней Баварии, «и особенно в Баварии и Саксонии беспощадно расправлялись с социалистическими организациями. Так им удалось с помощью полиции и искусства судов в истолковании законов нарушить деятельность или подорвать четыре пятых социалистических организаций на территории рей-

[1] Vollzug des Reichsgesetzes gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie. Specialia 1883—1886. StaM RA 57800.
[2] Ebenda.
[3] *Auer Ignaz*. Nach zehn Jahren. Material und Glossen zur Geschichte des Sozialistengesetzes. Nürnberg, 1913, S. VIII.



Игнац Ауэр

ха»[1]. Полиция «набросилась на все союзы, в которых участвовали рабочие; ей требовались жертвы, и потому были полностью ликвидированы даже 108 певческих и развлекательных обществ»[2].

В Мюнхене в 1887 году были запрещены объединения маляров, полировщиков, золотильщиков, профессиональные союзы каменщиков, металлистов, столяров, каретников и плотников. 1300 профсоюзных изданий были брошены в «костер государственно-правового запрета»[3].

В начале XX века Игнац Ауэр по поручению своей партии написал книгу «Десять лет спустя» с целью «раскрыть современному и будущему поколениям всю подлость господствующей системы»[4]. В этой книге автор указывает на то, что хроникеры были лишены возможности «установить подлинную численность всех тех, чье благополучие было разрушено вследствие действий исключительных законов»[5].

«В книге названы имена только тех из ранее высланных, которые к тому моменту уже стали известными, ибо многие отчасти по деловым, отчасти по иным причинам и теперь еще не хотели публиковать свои имена»[6].

Иными словами, в 1900 году память об открытых преследованиях вплоть до 1890 года, когда пришлось отменить закон против социалистов, все еще была живой в сознании многих социал-демократов.

«У меня еще и сейчас кровь приливает к голове, когда я вспоминаю об этих временах»[7],— писал Август Бебель, человек, которого полиция в Германии преследовала больше всех.

Бебелю тоже было что рассказать о событиях в Баварии, что полностью противоречило неоднократно восхвалявшейся южногерманской либеральности:

«Полицейский надзор за моей особой принимал в те годы часто безобразные, действующие на нервы формы, особенно в ряде городов Средней и Южной Германии. В Северной Германии надзор был, я бы сказал, деликатнее. Полиция старалась не бросаться в глаза и следовала за мной большей частью на известном расстоянии. Но в целом ряде городов Средней и Южной Германии она была неуклюжа, нагла и глупа, даже с полицейской точки зрения. Здесь обыкновенно за мной по пятам следовал полицейский, одетый в штатское платье. Он не отставал от меня, пока я шел по улицам со своим чемоданом, в котором находились образцы товаров, а если я заходил в какой-нибудь дом, он поджидал меня поблизости, как верный пес, чтобы снова последовать за мной, когда я выйду. Когда весной 1879 года я впервые удостоился в Нюрнберге такой слежки, весть об этом с быстротой молнии распространилась среди товарищей. Вечером около участка собралась большая толпа. По адресу полиции раздавались ругательства, на какие способны только баварцы. Более уравновешенные товарищи с трудом рассеяли сборище и предотвратили столкновение с полицией...

Из Нюрнберга-Фюрта я обычно отправлялся в Мюнхен, где тоже оставался дня три-четыре. О моем пребывании немедленно узнавали товарищи, и по воскресеньям, которые я по обыкновению проводил там, всегда устраивались собрания в одном из пивных погребков. Затем товарищи группами выходили оттуда с демонстративными возгласами «ура» и

[1] *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren.., a.a.O., S. 11.
[2] Ebenda, S. 363.
[3] Ebenda, S. 360 ff, vgl. Verzeichnis verbotener Druckschriften und Zeitungen in diesem Band.
[4] Ebenda, S. 1.
[5] Ebenda, S. 3.
[6] Ebenda.
[7] *Бебель Август.* Из моей жизни, с. 676.

песнями. Вслед за товарищами шествовала целая дюжина представителей «прославленной» жандармерии под предводительством полицейского комиссара Михеля Герета или его помощника... Воскресные развлечвния обыкновенно заканчивались тем, что я снова пытался улизнуть от полиции. Я и теперь еще вспоминаю, как в один из таких вечеров долговязый Максимус Эрнст подобрал полы сюртука и своими длинными ногами зашагал по переулочкам, лабиринтом окружавшим королевский пивной погреб, в то время как я с трудом поспевал за ним, задыхаясь от смеха, душившего меня при виде его комичной фигуры»[1].

Игнац Ауэр включил в другую свою книгу, «Картины городов», описание социал-демократов Мюнхена времен господства закона против социалистов.

Мюнхен

Австрийский министр Гирскра как-то сказал, что у города Боденбаха (на австро-саксонской границе) перестает существовать социальный вопрос. Этим самым идвйный глава «мещанского министерства» хотел сказать, что в Австрии вообще не существует социальный вопрос. Подобное воззрение господствовало раньше и у нас в Баварии, и в особенности здесь, в Мюнхене. В Баварии якобы не существовало социальных бед, массовой нищеты, то были лишь прусские дела, относительно которых здесь не надо было ломать себе голову. На самом деле отношения и здесь были отнюдь не такими прекрасными, как их расписывали. Правда, среди основной массы рабочих вплоть до середины 70-х годов царило некое тупое довольство, которое всячески лелеялось и поощрялось прежде всего со стороны церкви. Но это довольство порождалось лишь поразительной непритязательностью трудящегося населения и прежде всего тем обстоятельством, что посредством архиреакционного социального законодательства рабочего почти лишили возможности заключать брак и создавать семью, что имело приятное для хозяев последствие, так как зарплата теперь могла быть такой, чтобы на нее мог прожить именно холостой рабочий.

Совершившийся в 70-х годах поворот привел, однако, и тут к изменвниям. Развивавшаяся промышленность разрушила старые «патриархальные» отношения между мастерами и подмастерьями. На просвещение здешнего рабочего класса повлияла также и политическая борьба между двумя старыми, борющимися за господство партиями: с одной стороны, это был голубоватый[1] либерализм, которому покровительствовала высшая бюрократия и который олицетворяли такие деятели, как Шауз, как некий профессор Марквардсен, а с другой стороны — консервативно-клерикальная крестьянская партия.

В конце 60-х — начале 70-х годов большинство здешних рабочих еще слепо следовало за духовенством, прикрывавшимся знаменем политического свободомыслия и баварского местного патриотизма. К середине 70-х годов положение изменилось в лучшую сторону. В 1871 году во всей старой Баварии, т. е. в трех провинциях — Верхняя и Нижняя Бавария и Верхний Пфальц в общей сложности за социал-демократов было отдано 812 голосов, а три года спустя это число уже возросло до 3991. Еще три года спустя, в 1877 году, в Старой Баварии социал-демократы получили 5347 голосов, а во время выборов в 1878 году, которые проходили под впвчатлением покушений на кайзера, кандидаты рабочих собрали даже 6111 голосов. Затем наступило время исключительных законов, которые повлекли за собой известные последствия.

Что касается применения этих законов именно в Мюнхене, то следует учвсть, что здесь полиция издавна хозяйничала беспощадно и что ей преданно помогали в этом суды. Массовые судебные процессы, каких в остальной Германии до этого и нв знали, но которые в последние годы стали и там обычным явлением, особенно в виде процессов против тайных обществ,— все это Баварии было знакомо еще до исключительных законов. Профсоюзам Мюнхена никогда не разрешалось присоединяться к центральным единым общегерманским союзам, и поэтому тут уже в 70-е годы все дела вели местные профсоюзы, но над их членами постоянно висел дамоклов меч судебного преследования. Еще до 1878 года у нас состоялись процессы, когда на скамье подсудимых иной раз оказывалось свыше 100 организованных в профсоюзы столяров, 80 портных, около 40 сапожников. Одно из политических объединений, которому ставились в вину «запрещенные связи», было распущено и большое число его членов привлечвно к суду, так как на одном из собраний этого политического объединения выступил некий господин Ф. Вимер, и на этом основании судья «предположил», что Вимер является агентом «объединения» Социалистической рабочей партии, руководство которого находилось вне Баварии — в Гамбурге, и его выступление лишь подтверждает наличие «запрещенных связей». На таких процессах обвиняемые приговаривались к тюремному заключению до 3 мвсяцев, так что в совокупности наказание составляло нередко нвсколько лет тюрьмы.

[1] *Бебель Август.* Из моей жизни, с. 680, 681—682.

[1] Намек на цвет баварского флага.— *Прим. перев.*

Так что ничего неожиданного закон против социалистов здесь не мог принести. Рабочая газета «Цайтгайст», выходившая шесть раз в неделю, была немедленно запрещена после вступления в силу этого позорного закона. На основании этого же закона была закрыта существовавшая на рабочие гроши типография и некоторое число рабочих лишилось куска хлеба. Полиция конфисковала библиотеку социалистического объединения. Распускать союзы не пришлось — это давно было сделано с помощью баварского закона о союзах и при поддержке послушных судей. Поэтому становится понятным, почему в период действия закона против социалистов разгул полиции принял здесь особо дикие формы. Отныне не прекращались обыски квартир, отдельных людей, расследования на фабриках и в мастерских, где работали «подозрительные» рабочие. Невозможно описать все унижения и притеснения, которым подвергались здешние социалистически настроенные рабочие. Характерно и то, что именно Мюнхен положил начало процессам против «тайных заговорщиков». Ведь именно здесь уже в феврале 1882 года были схвачены в загородном ресторане 17 рабочих. У них нашли отдельные номера «Социал-демократа» и журнала «Фрайхайт», а также «Список денежных сборов в пользу высланных», что послужило поводом для заключения в тюрьму большинства задержанных и начала процесса по обвинению согласно § 128 и 129 Уголовного кодекса. В итоге обвиняемые в сумме получили 7 лет 8 месяцев и 16 дней тюрьмы, включая предварительное заключение. Один из обвиняемых был из Саксонии, дезертировал из армии, его выдали военным властям, и он умер в тюрьме. В приговоре говорилось, что закон против социалистов «запрещает публичную агитацию за социал-демократические и социалистические цели и направлен против любого вида профессиональной социал-демократической агитации, равно как и против сбора взносов на социал-демократические цели». Суд просто игнорировал, что согласно закону подобный сбор должен быть сначала запрещен и что закон преследует лишь действия, направленные на «переворот». Рабочие на долгие месяцы были посажены в тюрьму, и имперский суд подтвердил этот приговор. В 1886 году здесь состоялся второй процесс, на котором были представлены 32 человека и 26 из них приговорены в общей сложности к 8 годам тюрьмы. Один из обвиняемых, портной, настолько переживал этот процесс, что лишился рассудка, и его пришлось поместить в дом умалишенных, где он находится и по сей день. Другой обвиняемый, который после многомесячного предварительного заключения был оправдан за неимением улик, был австрийцем и поэтому его выслали из Баварии, хотя он уже многие годы жил в Мюнхене, женат на жительнице Мюнхена и должен был получить гражданство в ближайшем будущем. В 1887 году здесь состоялся третий подобный процесс. Впрочем, на этот раз на суде предстали лишь трое. Но их ни в чем нельзя было обвинить, кроме как в том, что у одного из них было найдено несколько запрещенных изданий. Однако в глазах полиции он был, конечно, «хозяин склада»; при обыске у другого был найден адрес, написанный на конверте, посланном из Штутгарта. Этого оказалось достаточным, чтобы считать адресата «хозяином явочной квартиры», а третий обвиняемый оказался зятем «хозяина склада»; этого вполне хватило, чтобы осудить и его как члена «тайного общества». «Хозяина склада» приговорили к 6 месяцам, а двух других — к трем месяцам каждого. Таким образом, обвиняемые в «тайных заговорах» в Мюнхене получили 17 лет тюрьмы, не считая времени предварительного заключения. Наряду с процессами по обвинению в «тайных заговорах» здесь, особенно в 1886 году, состоялся ряд массовых процессов против членов профессиональных союзов по обвинению в якобы имевших место нарушениях закона о союзах, причем по этим обвинениям тоже были вынесены приговоры в общей сложности на много лет тюрьмы. Союзы распустили и конфисковали их казну, библиотеки и прочее. Так, например, у союза маляров забрали 1000 марок, предназначавшиеся для профессионального обучения. Здешнее реакционное объединение мастеров малярного дела много позже приобрело у полиции за ничтожную сумму все эти учебные пособия и создало на их основе закрытую школу маляров. Так как профсоюз маляров воздерживался от всякой политической деятельности (сотрудники профессиональной школы, у которых позже забрали всю их собственность, приняли даже участие в праздновании юбилея Бисмарка), то можно предположить, что сам разгром профсоюза был осуществлен ради того, чтобы передать в руки реакционного объединения мастеров все учебные пособия и другую собственность профсоюза.

Во всех этих судебных процессах и преследованиях весьма значительную роль играл комиссар полиции Михаэль Герет. Этот человек, будучи незадачливым гимназистом, добровольно пошел на службу в армию, там дослужился до чина унтер-офицера и затем стал жандармом, перешел на службу в политическую полицию и поставил целью своей жизни борьбу против рабочих с социал-демократическими убеждениями. С усердием, достойным лучшего применения, Герет занялся организацией шпионажа за рабочими, а если сведений не хватало, то он самым бессовестным образом дополнял их различными измышлениями. Его преступления в этом направлении достигают невероятных размеров, за что уже в 70-е годы он получил кличку

Михаэль-лжесвидетель. Так Герета звали не только в среде рабочих, но и в буржуазных кругах. У этого духовно и морально растленного типа страсть к доносам зашла в конце концов так далеко, что он стал доносить на своих друзей и знакомых, с которыми он годами встречался в одной и той же пивной и за одним столом, за что его изгнали из нескольких компаний его ближайших друзей. Презираемый в буржуазных кругах, Герет играл зато все более выдающуюся роль в зале судебного заседания и в полиции. На всех судебных процессах он выступал главным свидетелем обвинения, и во всех дознаниях мы встречаемся с «достоверными показаниями свидетеля Герета». Но сколько веревочке ни виться, ей тоже приходит конец. В прошлом году во время нового судебного процесса по обвинению Георга Бирка и 11 других в «тайном заговоре» Герет наконец был разоблачен. В течение двухдневного разбирательства все здание обвинения, возведенное Геретом из лжи, рухнуло. Вместе с Геретом был разоблачен как лжец и мошенник некий Фюрст, которого Герет использовал для шпионажа. Во время процесса сам молодчик Герет находился в предварительном заключении по обвинению в половом преступлении, и тогда даже его собственные коллеги вынуждены были давать показания против Герета. Все обвиняемые были оправданы. Относительно же Герета суд вынес определение — и имперский суд затем повторил эту оценку, что «в особенности свидетель Герет не свободен от некоторого субъективизма во взглядах. Его подлинные восприятия часто перемешиваются с очень рискованными выводами, так что невозможно проверить, что же можно в его показаниях выделить в качестве установленных фактов».

Этим приговором подтверждалось лжесвидетельство Михаэля, чем навсегда было покончено с этим подлым истязателем рабочих. Всеми презренный, Герет умер несколько месяцев спустя после процесса. Жаль, что нет ада, ибо этот негодяй был бы желанной добычей для чертей.

Чтобы понять, как могло случиться, что столь грязный инструмент, каким был этот Герет, смог многие годы играть такую роль, необходимо знать, что поток лжи в адрес социал-демократов был призван сыграть в Баварии особую политическую роль. Ибо можно считать доказанным, что ради усиления страха у ныне покойного короля Людвига II с целью держать правителя подальше от Мюнхена, в последние годы его жизни были употреблены такие средства, как запугивание короля сообщениями о якобы запланированных социал-демократами покушениях на его особу. Бывший начальник полиции Мюнхена и впоследствии министр фон Пфойфер хотя и дал честное слово комиссии палаты представителей, которая вела расследование случившейся с королем катастрофы[1], что он якобы не доводил до сведения короля соответствующие опасения, но все же был вынужден признать, что сам король разделял эти опасения; он же (Пфойфер) якобы сделал все, чтобы отвлечь короля от этой навязчивой мысли. Ни в народе, ни в палате депутатов никто не поверил этому заявлению. Ради того, чтобы прусская каска с шишаком главенствовала над баварским шлемом, пришлось устранить несчастного Людвига II, отвергавшего претензии пруссаков на гегемонию. А этого добились тем, что любыми средствами подогревали уже существовавшие в его больном воображении маниакальные идеи. Одним из таких средств и явилось запугивание покушениями, готовящимися якобы социал-демократами. Там, где игра приобретает такой характер, там лишенные чести и совести типы, подобные Герету, вовремя оказываются на своем месте.

Следует сказать еще несколько слов о последствиях этих интриг в связи с законом против социалистов. Мы уже указывали на то, что в 1878 году число поданных за социал-демократов голосов достигло в трех провинциях Старой Баварии 6111. Затем выборы 1881 года принесли нам незначительные потери, так как за наших кандидатов было подано 5190 голосов. Но потом наступил поворот. Позорные преследования рабочих, равно как прогрессирующее обнищание масс, способствовали осознанию ими своих классовых интересов, и, таким образом, уже в первом туре выборов 1884 года во всей Старой Баварии наши кандидаты собрали 10 645 голосов, а в избирательном округе Мюнхен II наш кандидат господин фон Фольмар, собрав при перебаллотировке 13 552 голоса, победил своего противника-ультрамонтана. Однако эта победа была одержана исключительно потому, что часть либеральных избирателей перешла на нашу сторону. Но на выборах 1887 года мы в первом же туре получили в Мюнхене II 11 335 голосов, при перебаллотировке число голосов увеличилось до 12 494. Теперь уже не было либералов, ибо на этот раз они встали на сторону своего «извечного врага» — кандидата монархистов. Такую же позицию либералы заняли несколько месяцев спустя на выборах в ландтаг в округе Мюнхена — справа от реки Изар, где нам не хватило лишь двух голосов для победы. Отданные за нас голоса в округе Мюнхен I на выборах в рейхстаг составили 4 563; таким образом, только в городе Мюнхене и его пригородах в 1887 году социал-демократы получили 17 457 голосов. Во всей Старой Баварии общее число голосов за нас

[1] Страдавший помешательством король Баварии Людвиг II погиб в 1886 г. при невыясненных обстоятельствах.— *Прим. перев.*

«Зюд-Дойчер Постильон»,
1901, № 19.

Праздник мюнхенских рабочих

«Все они бесстыдные негодяи, и не будь там Святого Альфонса, мы бы им показали, как собираться в колонны демонстрантов!»

достигло 19 872. Итак, за период господства закона против социалистов число наших избирателей утроилось. И все это было достигнуто несмотря на то, что нас лишили печати, всякой возможности деятельности в союзах и сделали невозможным проведение собраний. Любая предназначавшаяся специально для Мюнхена газета запрещалась, особенно издательство Фирека в этом отношении может предъявить длинный список своих убытков. Собрания стали невозможными уже и потому, что владельцы залов — вполне обоснованно — опасались полиции. И все же наше дело продвигается вперед, и рабочий класс в этих местах был готов приносить значительные жертвы во имя нашего дела; это доказывает тот факт, что на расходы во время последних выборов в рейхстаг, на помощь семьям многочисленных арестованных товарищей и на расходы в связи с судебными процессами с 1887 года было собрано свыше 16 тыс. марок. Во всей стране члены нашей партии могут быть уверены в том, что рабочие Мюнхена и в будущем выполнят свой долг[1].

Владимир Ильич Ленин назвал те годы тяжелой, но в конечном итоге успешной борьбы немецких товарищей героическим периодом социал-демократии в Германии; он смог, таким образом, и в Мюнхене полагаться на испытанных в борьбе надежных людей, для которых солидарность с преследуемыми товарищами не являлась пустым словом.

Тот «полный страданий путь, который пришлось пройти первым бойцам немецкой социал-демократии», вызвавший во всем мире исключительное восхищение и уважение к немецким товарищам[2], означал, по подсчетам и выражению Игнаца Ауэра, «1000 лет тюрьмы за разгул реакций, 1000 лет разрушенного семейного счастья, подорванного здоровья, горькой нужды жен и детей и очень часто вследствие этого разрушение всех условий существования! Эти 1000 лет будут отомщены!»[3].

4.

Личные и семейные трагедии просто не попадали в круг наблюдений тех учреждений, которым было поручено преследование рабочих: такова уж была их позиция. Эту позицию чиновников хорошо иллюстрирует квартальный отчет палаты внутренних дел королевского правительства Верхней Баварии — один из последних документов до падения законов против социалистов.

Касательно:

Социал-демократическая партия в Мюнхене.

Жизнь социал-демократической партии в Мюнхене проходила в III квартале 1890 года в целом в принятых в ней формах. 10 августа был проведен большой летний рабочий праздник на полянах Хольцапфельскройта, любимом месте отдыха. На празднике было около 7 тыс. человек. Основной притягательной силой были танцы и неорганизованные детские игры.

Однако руководители партии сумели придать собранию в какой-то мере характер партийного праздника, на который пришли в своем большинстве действительно новые при-

[1] *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren.., a.a.O., S. 264 ff.
[2] Ebenda, S. XII.
[3] Ebenda, S. 370.

верженцы социал-демократии. Среди народа были распространены листовки, в которых говорилось о партии рабочих и социалистической программе. Но по существу и по языку они не отличались от подобных печатных изданий, придерживавшихся до сих пор очень осторожных выражений. Не отмечалось никаких нарушений порядка и прочих эксцессов.

В газете «Мюнхенер Пост» от 1 августа (№ 173) опубликовано воззвание к немецкой социал-демократии относительно созыва съезда партии в городе Галле-на-Заале на 12 октября с. г. Затем говорилось о выборах делегатов, назначенных на 1 октября. В той же газете от 8 августа (№ 179) ее издатели Бирк и Фольмар опубликовали проект организационного построения социал-демократической партии. Фольмар, подлинный руководитель «Мюнхенер Пост», но во многих вопросах идущий рука об руку с задающими тон руководителями социал-демократической фракции в рейхстаге, без каких-либо оговорок опубликовал, например, выступление Бебеля в защиту § 19 проекта организационного устава о создании официального партийного органа, который выходил бы ежедневно, и даже сам защищал это мнение в своей газете. В одном из номеров «Мюнхенер Пост» он поместил письмо Фридриха Энгельса, написанное в Лондоне 7 октября 1890 года, по поводу академического кризиса социал-демократии, вызванного выступлением «Сексише Арбайтер Цайтунг» против социал-демократической фракции в рейхстаге и партийного руководства в связи с опубликованием проекта партийного устава. Однако это не помешало Фольмару заявить во многих полемических статьях своей газеты, что он неоднократно расходился во взглядах с большинством фракции, что и сейчас он не согласен с ними по ряду пунктов, касающихся перестройки партии. В особенности он подчеркивал, что в проекте организационного устава недостаточно учтены демократические начала партийного движения. Он объявил себя также противником диктатуры фракции, которая после падения закона против социалистов уже ничем не может быть оправдана. Фольмар выступал прежде всего против мнения, что фракция должна направлять и контролировать деятельность правления партии. Он стремился показать, какие несуразности возникли бы из этого для всей партии, в особенности для партийной печати, и предложил создать специальный контрольный орган. Фольмар выступал также за то, чтобы делегаты на съезд партии избирались по количеству голосов, отданных в каждом округе во время последних выборов в рейхстаг за депутатов-социалистов, а не так, как это предложено в проекте, т. е. по три представителя от каждого округа по выборам в рейхстаг.

Что касается проживающих здесь руководителей социал-демократии, то следует прежде всего заметить, что Луи Фирек, как я уже ранее докладывал, отошел от политической деятельности и посвятил себя, очевидно, лишь задачам здешнего союза любителей природы.

Относительно Фольмара и Бирка за истекший квартал нет никаких особых сообщений.

Игнац Аузр, по-видимому, несколько оправился после болезни. 22 сентября он покинул Мюнхен, оставив жену и дочь, и уехал в Берлин, где собирается продолжить свою писательскую деятельность в качестве постоянного сотрудника газеты «Берлинер Фольксблат». Большое число единомышленников провожало его до вокзала и простилось с ним криками «Ура!». Все перечисленные в донесении от 8 июля с. г. судебные расследования закончились без вынесения обвинительного приговора. Решением уголовной палаты земельного суда от 13 июня и 30 июля редакторы журнала «Зюд-Дойчер Постильон» и газеты «Мюнхенер Пост» были оправданы. Приговором земельного суда от 25 сентября оправданы также и те, кто обвинялся в нарушении полицейских предписаний относительно уличных порядков (распространение предвыборных листовок). Последнее решение было обжаловано государственным прокурором в королевском верховном земельном суде Мюнхена, решения которого еще нет. Прекращение действия закона против социалистов социалистическая пресса Мюнхена обсуждала сдержанно. Она, собственно, и не питала никаких восторженных надежд. Всем товарищам по этому поводу настойчиво рекомендовалась осторожность. Зато «Мюнхенер Пост» высказалась с большим возмущением относительно позиции партии Центра во время голосования в рейхстаге по военным делам, упрекнув эту партию в предательстве и заявив, что отныне партия Центра займет место партий картеля. По этому поводу я должен, однако, добавить, что в общем и целом на всех собраниях и во всех объединениях постоянно повторяется жалоба на то, что мюнхенский товарищ никак не проявляет особого желания к чтению партийных газет, причем как социалистических газет, так и специальных изданий. Этот товарищ несравнимо охотнее читает ежедневную массовую печать старых партий.

Следуя новейшей тенденции и по примеру других районов Германии директора «Мюнхенер Пост» попытались в последние недели передать права собственности на свое предприятие в руки более крупного общества. Однако пока что их усилия не привели к успеху. Ибо основание открытого для всех желающих так называемого «Торгового общества», как это было задумано, не состоялось, так как при наличии более чем 40 членов общества выполнение всех установленных за-

коном для подобной организации правил натолкнулось бы на почти непреодолимые затруднения и препятствия. А идею организации официально признанного союза или коммерческого кооператива, что также обсуждалось с референтом земельного суда Мюнхена I, пришлось отвергнуть, ибо указанные общественные цели и задачи по закону не отвечали назначению этих правовых институтов. Таким образом, возможной остается лишь одна форма — форма акционерного общества, но и здесь предусмотренный законом минимальный размер акций (1000 марок) или же даже возможность именных акций (200 марок) согласно статье 107а, абзац 3 кодекса торговых законов серьезно помешает реализации подобного плана, если не удастся привлечь начальный капитал за пределами узкого круга партийных товарищей Мюнхена.

Знаменательным является слабое участие рабочих в публичных собраниях и заседаниях. Даже со скидкой на время года и другие аспекты общественной жизни мюнхенских рабочих в этот период приходится удивляться поразительной инертности, и целый ряд собраний приходилось переносить из-за слабой посещаемости. Поводом для жалоб была также недостаточная активность членов партии и союзов в других сферах. Как некогда профессиональный союз слесарей, так ныне руководители союза объединенных кузнецов жаловались на то, что большая часть членов (400 из общего числа 527) уже долгое время не платит членских взносов. Среди причин, отрицательно воздействующих на деятельность союзов, не последнее место занимает недоверие, с которым встречают зачинщиков и заводил неудачных забастовок последнего времени. Это недоверие порождается и такими фактами: в середине августа винодел Раймунд Гольц, кассир здешнего филиала Центральной страховой больничной кассы немецких бондарей, сбежал, прихватив 921 марку кассовых денег, а несколько недель спустя тот же союз вынужден был сообщить об исчезновении своего первого уполномоченного (Пиккарта) из Бремена.

Прибывающие извне агитаторы появляются тут довольно часто; они все без исключения выступают по вопросам организации профсоюзов. Среди них следует отметить каменотеса Фридриха Германа Мюллера из Дрездена, золотых дел мастера Гоммеля из Аннаберга, чеканщика по золоту Штюклена из Нюрнберга, кузнеца Тейса, краснодеревщика Легрена и плотника Нимейера — эти трое из Гамбурга.

Последний из названных на публичном собрании плотников вновь затронул вопрос о присоединении южногерманского союза плотников, об основании которого я писал в своем последнем донесении, к Союзу немецких плотников в Гамбурге. Однако успеха он не имел. Раздражение против гамбургского союза здесь все еще настолько велико, что присоединение большого числа мюнхенских коллег к указанному северогерманскому союзу в ближайшее время представляется маловероятным. Вообще мюнхенцы в итоге последней забастовки стали крайне раздражительными и трудноуправляемыми, так что руководители часто делают им уступки, чтобы не потерять власть над ними, причем и такие уступки, которые имеют неожиданные последствия. Так, 21 сентября на собрании южногерманского союза плотников, во главе которого стоят такие хорошо известные социал-демократы, как Кульман, Шойрер и другие, не только было решено учредить знамя союза, но также и то, что на этом знамени, по примеру здешних церковных братств, будет изображен святой Иосиф в виде дровосека.

Со времени забастовки плотников (апрель 1890 года) задолженность профсоюза в 3 тыс. марок остается непокрытой, что вызывает серьезную озабоченность у руководителей союза, ибо члены союза оказываются совершенно пассивными и безучастными в ответ на все призывы и напоминания об уплате членских взносов для погашения долга, а поэтому тех, кто в свое время письменно обязался возместить долг, кредиторы предполагают ныне в судебном порядке привлечь к ответственности.

Упомянутое дело о забастовке плотников выявило, однако, еще два других случая, представляющих, возможно, некоторый интерес, так как они нисколько не содействуют внутреннему укреплению партии. Отнюдь не лишенный значимости местный союз плотников поддержал в апреле здешних плотников во время их забастовки несколькими сотнями марок, которые были им переданы с большим торжеством на публичном собрании и приняты ими при бурном выражении благодарности. Но 13 апреля эта забастовка, как уже сообщалось, печально закончилась при всеобщей растерянности, и эта неудача вызвала у всех участников крайнее уныние, которое продолжало длиться, естественно, и до первомайских праздников.

Когда праздники прошли, то фанатики местного союза плотников заметили, что плотники отнюдь не участвовали в торжестве так, как это подобает радующимся и верным своим убеждениям партийным товарищам, а потому потребовали теперь возвращения указанного выше денежного подарка. Когда Кульман сказал об этом требовании на собрании плотников 3 августа, то это сообщение, естественно, вызвало крайнее недовольство, которое сказалось на обычно проявляемых на этих собраниях чувствах солидарности рабочих.

Второй случай относится к той же забастовке. На заседании рейхстага 20 июня того же года состоялась словесная дуэль между депутатами Георгом Билем (Центр) и Игнацем

Ауэром (социалист), в ходе которой Биль назвал указанную мюнхенскую забастовку фривольной и сообщил, что после неудачи забастовки ее инициаторы социал-демократы были избиты рабочими. Ауэр, напротив, отрицал, будто социал-демократия участвовала в этом деле, ибо в противном случае оно закончилось бы успешнее. В связи с этим обоих депутатов, включая проживавшего тогда еще в Мюнхене Ауэра, пригласили 13 июля на публичное собрание плотников, на котором Кульман собирался изложить точку зрения забастовщиков. На это собрание явился лишь Ауэр, который отстаивал свое ранее сделанное в рейхстаге заявление и далее сказал, что, по его мнению, забастовка в современный период индустриального упадка является безнадежной и пагубной. Но собрание закончилось тем, что Кульман, при всеобщей поддержке, осмеял запоздалую мудрость Ауэра и высказал свое удивление тем, что Ауэр, находясь в начале забастовки в Мюнхене, не высказал немедленно свой совет, свое возражение, и далее Кульман ясно подчеркнул, что центральное руководство Союза немецких плотников в Гамбурге, к которому принадлежали руководители тогдашней забастовки, действительно подчиняется руководству социал-демократической партии.

Впрочем, и в этом квартале общими предметами рассмотрения на собраниях социал-демократии продолжают оставаться вопросы организации и привлечения молодежи в качестве народных ораторов и агитаторов. Иногда слышалось робкое признание тех преимуществ, которые дают законы о рабочем страховании. Зато известие об объединении хозяев в борьбе против «подрывных действий» рабочих союзов воспринималось с громким возмущением.

Здесь следует еще упомянуть попытку «Мюнхенер Пост» завуалированным образом пропагандировать выход из христианских церквей путем рекомендаций родителям к началу учебного года заменить своим детям преподавание религии проповедями в свободных религиозных общинах.

Появились также симптомы, что идеи эмансипации женщин начинают проникать в среду мюнхенских рабочих. Так, 13 июля при выборах правления здешнего местного казначейства кассы взаимопомощи немецких рабочих табачной промышленности (Бремен) было предложено избрать Апполонию Витман вторым уполномоченным, причем ее избрание было предотвращено исключительно благодаря энергичным возражениям уже избранного первого уполномоченного.

В заключение укажем еще на доверительное сообщение, согласно которому забастовка гончаров (май 1890 года) получила денежную поддержку от фабриканта-пивовара Карла Зейлера и владельца пивной Иоганна Ленера. Первый, будучи владельцем пивной, в которой регулярно собирались забастовщики, дал аванс в 2300 марок, а последний, тоже хозяин пивной, дал 700 марок. За исключением 800 марок, этот аванс уже возвращен Зейлеру, прежде всего благодаря тем средствам, которые, как уже сообщалось, утвердил для этих целей состоявшийся здесь всеобщий съезд гончаров. Относительно состоявшегося 1 октября собрания я позволю себе указать на отчет от 4-го сего месяца[1].

5.

«Давайте разрушим социалистическую организацию, и социалистической партии больше не будет». Эти грозные слова государственного прокурора Тессендорфа, печально знаменитого своими политическими процессами, были произнесены в 1875 году, и за ними последовали два десятилетия всех мыслимых и немыслимых усилий государства, большей части прессы и юстиции, направленных на истребление идей и сил социализма на немецкой земле. Но в конечном итоге социалистическое движение вышло из этой борьбы лишь еще более сильным.

«Революционные элементы,— писал Ленин в 1914 году, рассматривая этот процесс развития и выступая против шовинизма,— растут: в 1895 году из 10 миллионов избирателей Германии было 6 миллионов пролетариев и $3^{1}/_{2}$ миллиона заинтересованных в частной собственности. В 1907 году число последних возросло на 0,03 миллиона, а первых на 1,6 миллиона!»[2]

«Для социал-демократии России, несколько больше даже, чем для социал-демократии всего мира, образцом была в течение последних десятилетий немецкая социал-демократия»[3]. Когда Ленин писал эти строки, он хотел досконально выяснить, каким же образом на фоне разгула шовинизма 1914 года произошел крах марксистских принципов внутри германской партии, этого многочисленного и уважаемого ранее отряда в международном социал-демократическом движении.

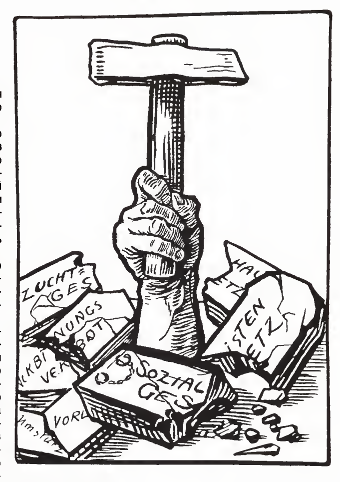
При всей резкости, с которой Ленин выступал против оппортунизма и национализма еще в годы, предшествовавшие первой мировой войне, он отдавал должное значению и влиянию немецкой социал-демократической партии, что нашло свое отражение и на страницах старой «Искры». И даже теперь, в 1914 году, он не собирался отмежеваться от достижений немецкой партии. Хотя впоследствии стало ясно, что в начале века центр революционного рабочего движения переместился из Германии

---

[1] Sozialistengesetze 1886—1890. Quartalberichte. StaM RA 57803.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 99.
[3] Там же, с. 98.

«Зюд-Дойчер Постильон»,
1900, № 1.

An's Proletariat.



К пролетариату

в Россию, все же в тот момент немецкая партия играла неоспоримую руководящую роль во всех отрядах II Интернационала.

После поражения Парижской коммуны центр тяжести рабочего движения переместился из Франции в Германию, и прежде всего именно успешная борьба против законов против социалистов принесла Социал-демократической партии Германии международный авторитет и признание. Партия завоевала себе легальность и сумела в тяжелых условиях исключительных, чрезвычайных законов отвергнуть оппортунистическую стратегию и тактику.

Это означает: руководство партии смогло одержать верх как в борьбе «против «молодых», полуанархистов, отрицавших парламентскую борьбу», так «и против умеренных, «легалистов во что бы то ни стало»[1].

Но как вести борьбу в условиях легальности? В соответствии с особенностями социального и экономического развития в Баварии здесь, и особенно в Мюнхене, очень скоро прозвучали программные высказывания, направленные на ревизию марксизма. Вместо революционного преобразования государства и общества, осуществляемого рабочим классом и его политическим руководством, как в теории, так и на практике все больше пробивали себе дорогу представления о каком-то постепенном перерастании капиталистического общества в социализм.

Особую, во многом определяющую роль в этом отнюдь не лишенном противоречий развитии играл самый известный социал-демократический политик в королевстве Баварии — Георг фон Фольмар.

6.

Если более внимательно посмотреть приводимый здесь лист прописки по месту жительства «Георга фон Фольмара, писателя в Швабинге» (так он был зарегистрирован в старых делах Тайного государственного архива Мюнхена), то нетрудно заметить очень богатые переменами и, вероятно, не очень уютные годы периода бури и натиска в жизни Фольмара. Тогда, когда Фольмар под покровительством Августа Бебеля трудился в редакции «Социал-демократа» и выступал там решительно за революционные цели своей партии, иной раз даже с элементами крайне левых и полуанархистских увлечений, в формуляре для прописки он чаще всего значился просто как квартирант у печатника Максиминуса Эрнста по улице Зенефельдерштрассе, 4; временами фон Фольмар подписывался и как издатель газеты «Мюнхенер Пост». Позже, в 90-е годы, когда он был уже женат на дочери богатого промышленника из Швеции, в регистрационной карточке значится лишь его адрес в Мюнхене.

К этому времени известный депутат рейхстага окончательно обосновался в особняке на озере Вальхен.

Но гораздо более важным для характеристики жизни этого баварского политика, который славился как исключительно талантливый оратор, стали его высказывания по программным, принципиальным вопросам и его политическое поведение. В доверительном документе министерства иностранных дел от 18 февраля 1887 года Георг фон Фольмар назывался «вторым после Бебеля опаснейшим

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 145.

агитатором социал-демократической партии»[1].

Относительно отбывания наказания «писателем Георгом фон Фольмаром из Швабинга» барон фон Крайльсгейм написал в адрес баварского посланника в Дрездене, где Фольмар в 1887 году сидел в тюрьме как политический заключенный, следующее:

«Осужденный совместно с другими членами социалистической партии королевским саксонским земельным судом во *Фрайберге* за нарушение общественного порядка писатель Георг *фон Фольмар* был приговорен к девяти месяцам тюремного заключения и отбывал наказание с 22 ноября прошлого года в здешней земельной тюрьме по улице Баадерштрассе. В этой связи королевское саксонское управление мест заключения запросило юридическую консультацию у государственного прокурора при королевском баварском земельном суде Мюнхена II. Названный выше вручил недавно руководству тюрьмы два письма, из которых первое адресовано доверенному лицу его собственной партии, а другое — одному из руководителей Народной партии. В письмах обсуждаются позиция социал-демократической партии на здешних выборах в рейхстаг и возможность ее компромиссов в предвыборной борьбе с другими политическими партиями. Руководство тюрьмы запрашивало указания королевского министерства юстиции, следует ли разрешить отправку этих писем по назначению. В ответ ему было разъяснено, что согласно § 90, абз. 3 правил внутреннего распорядка для тюрем от 10 апреля 1883 года этого не следует разрешать, ибо письменное общение заключенных в целях предвыборной политической агитации не может рассматриваться как совместимое с правилами внутреннего распорядка тюрьмы; допущение такой переписки со стороны руководства тюрьмы поставило бы последнее по отношению к системе политических партий в ложное положение, которое несовместимо с его характером как органа государственного управления.

Поскольку речь идет о применении правил внутреннего распорядка для баварских тюрем по отношению к заключенному, осужденному королевским саксонским судом, правил, которые к тому же, по существу, соответствуют таким же правилам в королевстве Саксонии, то можно предполагать, что королевское саксонское министерство юстиции заинтересовано в получении информации об этом деле.

Поэтому наше королевское посольство по рекомендации королевского министерства юстиции получило указание довести это до сведения королевского Саксонского правительства»[2].

[1] BayHStA Gs. Dresden 3037.
[2] BayHStA Gs. Dresden 30.

В 80-е годы Георг фон Фольмар на больших предвыборных собраниях в Мюнхене выражал свои взгляды на социальный вопрос с недвусмысленной революционностью.

«*Труд есть источник всех богатств и всей культуры,* и поэтому согласно естественному праву плоды труда принадлежат не кому иному, как только трудовому народу. Путем отделения средств труда от самого труда и путем присвоения первых меньшинством, получилось так, что трудящийся вместо полного произведенного им продукта стал получать лишь часть его, и причем меньшую часть, в виде зарплаты. Остальную часть присваивает себе владелец средств труда, *капитал* в экономическом смысле слова, в качестве прибыли, земельной ренты, дивидендов, процентов и т. д. Эта доля капитала не только непосредственно отбирается у труда, но благодаря своему накоплению служит всевозрастающему закабалению и эксплуатации труда.

Капитализму внутренне присуща склонность к *концентрации капитала,* к возрастающему накоплению средств труда в руках все меньшего числа владельцев, что способствует в свою очередь растущей экспроприации большинства, устранению так называемого среднего сословия *и обнищанию масс.* Уже теперь огромные богатства находятся в руках немногих семей и людей, которым их собственность дает возможность распоряжаться рабочей силой целых стран. Убедительными примерами этого являются Ротшильды, Вандербильды, английские, американские, силезские крупные землевладельцы и т. д. Так, например, недавно стал известен факт, что 40 связанных родственными отношениями капиталистов Кёльна держат в своих руках и распоряжаются суммой не менее 1331 миллиона марок.

Анархистский, *бесплановый способ производства* капитализма, постоянно колеблясь между перепроизводством и спадами в деловой активности, составляет еще один мощный стимул для концентрации капитала. Каждый кризис лишает собственности многие тысячи мелких и средних владельцев и умножает число лишенных собственности людей, в то же время их прежняя собственность помогает увеличивать экономическую силу более богатых и удачливых бывших собратьев по классу...

Таким образом, спасение как для наемных рабочих, так и для ремесленников заключается в одном и том же: в освобождении труда от угнетающего господства капитала путем изменения системы производства таким образом, чтобы общество в целом взяло в свои руки средства труда и использовало их исключительно в интересах всего общества, а не на пользу частного производства!»[1]

[1] Sozialistengesetze 1883—1886. StaM RA 57800.

Несколько лет спустя, 1 июня и 6 июля 1891 года, Гворг фон Фольмар произнес в Мюнхвне в «Эльдорадо» (большом залв для собраний) свои знаменитые речи, которые затем были распространены в виде брошюры под названием «О ближайших задачах немвцкой социалдвмократии». В зтих рвчах Фольмар опредвлил свои позиции по вопросам внешней политики и единства национальных и интернациональных задач рабочего движения. По обоим вопросам его точка зрения расходилась с официальной позицией его партии. В то время как партия считала, что основная причина напряженности в Европе кроется в германской аннексии Эльзаса и Лотарингии в результате войны 1870—1871 годов, Фольмар считал, что Франция стала играть роль нарушителя мира в Европе, что «ослепляющий шовинизм» господствующих классов во Франции и их «отвратительное заигрывание с русским царизмом» породили беспокойство в Европе и привели к «неустанной гонке вооружения»[1].

В области внутренней политики Фольмар рассматривал падение Бисмарка и отмену закона против социалистов как признак «существенного измвнения в политике правительства»; при зтом он связывал свои надвжды и с личностью молодого кайзера: «Воззрения главы империи выходят за пределы взглядов всех других официальных кругов. Но сопротивление бюрократии и капитала всячески препятствует им и ограничивает их любым способом»[2].

А полиции он рекомендовал тактический принцип: «Доброй волв — протянутую руку, а злой — кулак!»[3]

Если Фольмар в 80-е годы еще считал ненужной борьбу за парламентское првдставительство и если в то время он под влиянием Бебеля и Энгельса пришел к выводу, что в условиях исключительного закона следует соединять парламентскив и внепарламентские, легальные и нелегальные формы борьбы, то теперь он соввтовал партии: «Необходимо сделать должные выводы из признанного в качестве факта парламентаризма»[4].

Односторонняя ориентация на борьбу за большинство в парламенте столь же мало соответствовала позиции всей партии, как и убеждение, что всю силу партии следует «всякий раз направлять на самые насущные и ближайшие дела», иными словами, отказаться фактически от борьбы за достижение конечной социалистической цели[5]. Из Берлина из рядов социал-демократии немедленно раздались протесты против првдложений и рассуждвний Фольмара. Эти протвсты выявили ту проблематику, которая на ближайшив годы определила внутрипартийные споры и которая нашла свов высшвв выражение в конце 90-х годов в тезисах Эдуарда Бернштейна, когда-то вместе с Фольмаром принадлежавшего к «твердому, революционному ядру» «Социалдемократа», издававшегося в Цюрихе.

Бвз сомнвния, эти попытки приспособления к условиям, создавшимся после падения законов против социалистов, определили стремление «молодых» подвергнуть марксизм ревизии. Эти попытки необходимо рассматривать на фоне зкономического, лишенного кризисов подъема 90-х годов. Они же определили дальнейшее развитие немецкого и международного рабочего движения.

Было бы неверным сводить политические интвресы практика Фольмара к одному знаменателю, к знамвнатвлю чистого прагматика: «...он проявлял лишь незначительное понимание политических творий, ибо ему были чужды всякие абстракции и он жил исключитвльно в мире наглядного»[1].

Эта оценка, появившаяся в 1958 году, создает представление, будто хотят доказать, что для рабочего движвния не только в настоящем, но и в прошлом твория не нужна.

Определенные обстоятельства и процессы развития, протекавшие тогда в Баварии, особенно в Мюнхене, позволяют понять изменения в воззрениях Фольмара, вго пврвход от революционных позиций в 80-е годы к «политике доброй воли» по отношению к «новому курсу» рабочего движения и его постепвнной интеграции с государством.

7.

Статистические данные социал-демократической партии о социальном составе ев членов позволяют сделать вывод, что «в период до первой мировой войны в среднем 90% ев членов... составляли рабочие»[2].

Но зато в районах и городах с небольшим числом промышленных предприятий количество мастеров-ремесленников и владельцев лавочек, одним словом, мелких самостоятельных хозяев в общвм числе членов партии было больше. К середине 1906 года на их долю в одном лишь Мюнхене приходилось около 20%[3]. Но не только в зтих цифрах находило свое отражение влияние мвлкобуржуазных интересов и представлений, накладывавших свой отпечаток на рабочее движение в Мюнхене и Южной Баварии; подлинным центром марксизма и социал-демократической

---

1 *Strutynski Peter*. Die Auseinandersetzungen... a.a.O., S. 42 ff.
2 Ebenda, S. 49.
3 Ebenda.
4 Ebenda.
5 *Jansen Reinhard*. Georg v. Vollmar. Eine politische Biographie. Düsseldorf, 1958, S. 7.

---

1 *Jansen Reinhard*. Georg v. Vollmar. Eine politische Biographie... a.a.O., S. 7.
2 *Fricke Dieter*. Die deutsche Arbeiterbewegung... a.a.O., S. 265.
3 Ebenda.

партии Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта в Баварии являлся Нюрнберг, а не Мюнхен.

В то время как в Нюрнберге лассальянцы совершенно не имели влияния, они в 1869—1870 годах подчинили себе баварскую столицу, а затем и рабочие городов Ансбаха, Вюрцбурга, Швайнфурта, Гофа и Аугсбурга присоединились к Всеобщему германскому рабочему союзу.

После смерти Фердинанда Лассаля прежде всего его баварские приверженцы отказались присоединиться к социал-демократической партии и основали в 1870 году свою собственную партию под названием Всеобщий германский социал-демократический союз: «Тот партикуляризм, с которым мы еще не раз встретимся в истории баварской социал-демократической партии, впервые явно выступил на сцену; в те годы эту новую партию в Мюнхене неоднократно упрекали в том, что она стремится «к созданию сепаратистского союза»[1].

Неоднократно терпели неудачу попытки объединения социал-демократов Северной и Южной Баварии, и даже после объединения эйзенахцев и лассальянцев разногласия между марксистским центром в Нюрнберге-Фюрте, где еще в 1869 году возникли первые на баварской земле секции находившегося под руководством Маркса Международного Товарищества Рабочих, и южнобаварскими лассальянцами остались. Их объединение в конце концов тоже произошло в Нюрнберге, который тем самым был признан центром социал-демократии Баварии[2].

Это нашло свое отражение и в результатах выборов: «В 1878 году Нюрнберг по количеству голосов, полученных социал-демократами на выборах в рейхстаг, стоял на 13-м месте, в то время как избирательные округа Мюнхен I и Мюнхен II были лишь на 55-м и 56-м местах. В одном Нюрнберге на выборах в рейхстаг с 1877 по 1884 год за СДПГ было подано более 40% всех голосов»[3].

Мюнхену, таким образом, надо было во многом догонять Нюрнберг, чтобы конкурировать с успехами местной социал-демократии на выборах.

Однако быстро увеличить число пролетарских избирателей, как того хотели в Мюнхене, не удавалось, так как в отличие от Нюрнберга в столице Баварии пролетарская часть населения составляла менее значительный слой, да и степень концентрации трудящихся была ниже, чем в Нюрнберге. Поэтому руководство социал-демократии в Мюнхене решило приобрести популярность посредством некоторых

[1] *Schwarz Klaus-Dieter.* Weltkrieg und Revolution in Nürnberg. Stuttgart, 1971, S. 38 ff.
[2] Ebenda, S. 39.
[3] Ebenda.

уступок другим слоям избирателей, тем более что политики типа Георга фон Фольмара все более приходили к убеждению, что политическую власть можно завоевать исключительно с помощью парламентского большинства.

Вплоть до начала 90-х годов партия Центра, поддерживаемая крестьянством, средними и низшими слоями городов, обладала наиболее сильным политическим влиянием в Баварии: 70% баварского населения были католиками, а в Старой Баварии они составляли даже 90%[1]. Влияние партии Центра проявлялось в католическом профсоюзном движении, которое в эти годы усилилось именно в Баварии и которое длительное время боролось против социал-демократии как против антигосударственной силы[2], вступая ради этого в союзы даже с антисемитскими христианско-социальными и иными организациями движения среднего сословия.

Пять социал-демократов — это была первая победа партии — вошли в 1893 году в палату депутатов Баварии. Исходя из представлений Фольмара об «общем благе как истинном интересе государства», они боролись за голоса не только рабочих избирателей; Георг фон Фольмар высказался по этому поводу в 1891 году в своих речах, произнесенных в «Эльдорадо»: «Очень многое будет зависеть от умелых действий социал-демократии, от ее силы и решительности, как и от ее умелого последовательного использования реальной ситуации, дабы эта идея (общее благо как истинный интерес государства.— *Ф.Х.*) пустила корни и получила признание в первую очередь в рабочем мире, но также и за его пределами, среди наиболее передовых представителей других слоев. Чем более мирно, упорядоченно, органично совершится это развитие, тем лучше будет для нас и для общества»[3].

В 1893 году впервые социал-демократ — Георг Иоганн Бирк, владелец типографии в Мюнхене,— стал членом совета общины Мюнхена; а уже к 1908 году каждый восьмой член совета общины был социал-демократом[4]. В то время руководитель крестьянства и деятель партии Центра Гейм выступил против фанатических врагов рабочего движения, отколол радикально-крестьянское крыло от партии Центра и объединил эти более умеренные силы в баварский Крестьянский союз, который выступил против дворянства, высшего духовенства и кулачества. Это создало предпосылки, при которых Георг фон Фольмар в 1899 году выразил готовность сформировать союз баварской социал-демократии и Центра. «Королевско-баварская» социал-демократия — этот термин приписывают Фольмару — стала,

[1] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 151 ff.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda, S. 138.
[4] Ebenda, S. 139.

В 1893 г. первые социал-демократические депутаты появляются в баварском ландтаге. Справа: Георг фон Фольмар, Иоганн Готтфрид Шерм, Карл Грилленбергер, Франц Иосиф Эрхарт, Габриель Лёвенштейн

таким образом, в сознании многих мелкобуржуазных избирателей партией, достойной принятия в «высшее общество», и ей удалось увеличить количество своих мандатов в ландтаге с 5 в 1895 году до 11 в 1901 году[1].

К 1914 году баварская социал-демократия сумела увеличить количество мест до 30, достигнув тем самым в сравнении с социал-демократическими организациями других земель и областей наибольших успехов: Саксония имела 25 мандатов и стояла на втором месте, а Гамбург, имея 20 мандатов, был на третьем месте[2].

Вместе с тем за тот же период социал-демократы в Баварии утратили целый ряд своих прежних позиций. Перед первой мировой войной руководство социал-демократии в Баварии занимало крайне правые позиции в немецкой социал-демократии и более откровенно, чем другие представители ревизионизма, проявляло элементы национализма и симпатии к милитаризму[3].

Георг фон Фольмар последовательно осуществлял лозунг Фердинанда Лассаля: «Посредством избирательного бюллетеня — к власти!» Он же более решительно, чем Эдуард Бернштейн, содействовал практической интеграции социал-демократии в господствующую государственную систему. В 1900 году Фольмар приветствовал политику французского социалиста Мильерана, который в 1899 году стал членом реакционного правительства во Франции, что было затем осуждено на Парижском конгрессе II Интернационала; конгресс допускал такую возможность лишь в «чрезвычайных» случаях[4]. Фольмар напросился даже на беседу к рейхсканцлеру Бернхарду фон Бюлову и предложил ему свое сотрудничество с кайзеровским правительством. Позже Бюлов так описывал эту встречу:

«У меня сложилось о нем впечатление как о человеке... с которым, независимо от принципиальных различий, можно было бы достигнуть практического взаимопонимания. Но сначала, конечно, надо было назначить министров из числа депутатов парламента от различных партий, на что кайзер... не мог решиться»[1].

---

[1] *Möckl Karl.* Gesellschaft und Politik... a.a.O., S. 27; *Fricke Dieter.* Die deutsche Arbeiterbewegung... a.a.O., S. 571.

[2] Vgl. Statistik zu den Landtagswahlen bei *Fricke Dieter.* Die deutsche Arbeiterbewegung... a.a.O., S. 571.

[3] *Schnorbus Axel.* Wirtschaft und Gesellschaft in Bayern... a.a.O., S. 139.

[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 421 (прим.).

8.

Какие иллюзии или возможности связывал фон Фольмар со своим предложением вступить в руководимое пруссаками кайзеровское правительство, об этом трудно судить. Показателем влияния представляемых им идей в баварской социал-демократии может служить «Протокол заседаний V партийного съезда социал-демократической партии Баварии, состоявшегося в Фюрте 8—9 декабря 1900 года».

К этому моменту в провинции Южная Бавария имелось 15 социал-демократических союзов, объединявших около 4 тыс. членов. «Доход правления провинциального объединения составил в 1899 году 2133,53 марки. Большинство членов, что легко объяснимо, проживало в Мюнхене. Эти 15 союзов находились в Аугсбурге, Фрайзинге, Кауфбейрене, Кемпене, Ландсгуте, Лехгаузене, Линдау, Меммингене, Миндельгейме, Мюнхене, Обергаузене, Пасинге, Пассау, Розенгейме, Траунштейне»[2]. В ряде мест, где социал-демократические организации состояли лишь из нескольких человек, товарищи жаловались: «Организации новых союзов в Южной Баварии противостоят самые различные препятствия: трудно заполучить нужные помещения для собраний, ибо противники стараются этому помешать, а с другой стороны, не хватает подходящих

---

[1] *Bülow Bernhard, Fürst von.* Denkwürdigkeiten. Erster Band... a.a.O., S. 600. Nach: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2. Berlin, 1966, S. 64.

[2] Protokoll über die Verhandlungen des 5. Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Bayern. Nürnberg, 1900, S. 25.

людей для руководства союзами. Это старая история. В ряде небольших поселений, особенно в деревне, нам не хватает необходимых организаторов-руководителей, что связано прежде всего с той экономической зависимостью, в которой находятся рабочие. Если бы во всех важных районах у нас были подобные организаторы, то распространение влияния партии, несомненно, было бы более успешным»[1].

Совершенно иначе, чем в Южной Баварии, партия развивалась в индустриальных центрах Нюрнберга-Фюрта; в провинции Северная Бавария к этому моменту насчитывалось 38 союзов, или 41 первичная организация, в которых состояло около 9 тыс. членов[2]. Они были сконцентрированы в Средней и Верхней Франконии. Зато в Верхнем Пфальце было только 2 союза — в Вейдене и Регенсбурге. В Нижней Франконии успехи также были довольно скромными, а округ Ашаффенбург «зависел от агитационной и финансовой помощи Франкфурта». «В кассе провинции насчитывалось в 1899 году 5423,9 марки». Южная Бавария не вносила никаких взносов в центральную партийную кассу в Берлине — за что неоднократно подвергалась критике со стороны центрального партийного руководства. Зато иначе обстояло дело с Северной Баварией: «В партийную кассу в Берлине было переведено 500 марок»[3]. В провинции Пфальц в отчетном 1898/99 году существовал 41 местный социал-демократический союз, в котором было около 2800 членов. Поступления составили тут 2274,45 марки, из которых 200 марок переведены в Берлин[4].

На съезде партии в Фюрте часть своего отчетного доклада Фольмар посвятил заключенному в 1899 году союзу с партией Центра; он неоднократно подчеркивал, что эта «сделка» не принесла вреда: «...Относительно столь часто обсуждаемой «сделки» я должен заметить, что при этом никаких компромиссов не было, а было лишь тактическое краткосрочное соглашение, на которое идут в том случае, когда его успех обеспечен. Я тогда подумал: на общегерманском съезде разразился бы громкий скандал, если бы мы потерпели неудачу»[5].

На какие же факторы опирался Фольмар, рассчитывая на успех?

Протокол указанного партийного съезда содержит перечень частных требований в самых различных областях, которым, однако, недостает единой социально-политической основы: тут почти не говорится о тех социалистических задачах, которых бесспорно придерживались социал-демократы. Все усилия направлялись лишь на достижение улучшений внутри существующей системы и на осуществление тактических шагов, которые должны были привести к изменению соотношения сил внутри парламента:

«В общем мы естественно должны стремиться стать тем решающим довеском на политических весах, который не позволит ни той, ни другой партии получить большинство, что даст нам возможность повсеместно стать решающей силой. В настоящее время партия Центра смогла получить большинство. Причем дела в Баварской земле в настоящее время так сложились, что те новые депутатские места, которые нам удается получить, мы отвоевываем у либералов и тем самым улучшаем положение партии Центра. Но в то же время в период избирательной борьбы мы не можем думать о том, какие результаты эта борьба принесет другим партиям, ибо мы должны прежде всего позаботиться о максимальном увеличении нашего представительства.

К тому же баварские либералы принадлежат к наихудшим либералам во всем рейхе, и они очень ненадежны во всех политических делах; именно они являются подлинной правительственной партией и в качестве таковой еще хуже Центра. Когда мы выступаем против правительства, к нам часто приходят либералы и пожимают руку, но затем они голосуют за правительство (в з а л е о ж и в л е н и е), оправдывая это тем, что не следует еще больше толкать правительство в объятия Центра. Но при существующих у нас реальных условиях следовало бы считать прямо-таки желательным, чтобы мы в Баварии получили открыто ультрамонтанский режим, который в течение немногих лет основательно дискредитировал бы себя и мобилизовал против себя большинство населения этой земли»[1].

Надежды Фольмара на то, что реакционное правительство разоблачило бы себя, находились в явном противоречии с его собственными действиями в 80-е годы, когда он помогал мобилизовать рабочий класс против реакционного правительства Бисмарка и не ждал, пока Бисмарк сам бы себя разоблачил. Вместо борьбы за ликвидацию существующей системы он теперь повел борьбу за улучшения внутри этой системы, полагая, что когда-нибудь и как-нибудь ее развитие удастся направить «по пути социал-демократии».

На повестке дня стояли требования о демократическом избирательном праве, о свободе

---

[1] Protokoll über die Verhandlungen des 5. Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Bayern, a.a.O., S. 26.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.
[4] Ebenda.
[5] Ebenda, S. 37.

[1] Protokoll über die Verhandlungen des 5. Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Bayern, a.a.O., S. 38.

вступления в брак на территории всей звмли, о новом праве на образование и жильв, налоговой политике в пользу общин («собрания представителей городов должны быть требовательными, активными, а не пассивно выжидающими»); о введении светской школьной инспвкции, об освобождвнии учителвй от церковной службы, ликвидации платы за обучение в школв, бесплатных учебных пособиях, об учрвждении должности школьного врача, «чтобы юное поколвние не лишалось здоровья ужв в раннем возрасте», об организации школьных лагврей на время каникул и т. д.

В области здравоохранения выдвигались следующие трвбования: «Больницы должны стать не домами для нищих; далее, мы должны трвбовать организации учреждений для выздоравливающих, создания общинных аптек, чтобы государство помогло предотвратить ограбление бедных, создания общвственных мест для купания, государствввнного контроля за качеством пищввых продуктов»[1].

Главным вопросом считалась разумная жилищная политика: «Скопление людей в городах породило нвхватку жилья, на что мы должны обратить внимание... мы требуем прежде всего введения жилищной инспекции с привлечением врачей для устранения страшной дегвнерации человечвской личности в бедных кварталах, которые можно сравнить с рассадниками чумы. Далее, необходимо изыскать пути и средства для снижения стоимости квартир»[2].

В зтой связи в протоколе ставится и вопрос о дальнейшем существовании всей системы: «Окончатвльное решение жилищного вопроса, однако, станвт возможным лишь в новом обществе; но я думаю,—сказал депутат Эрхарт,—что каждая новая построенная квартира—зто тоже достижвние»[3]. В зтой дискуссии прводладало мнение, «что нам не следует предаваться большим иллюзиям». Очевидно, в зтом проглядывало разочарование («одной лишь программой ничего не добьемся»[4]) и, таким образом, достижение парламвнтского большинства становится всеопределяющим, центральным вопросом:

«Нвльзя требовать от программы слишком многого, нельзя требовать слишком многого и от улучшвния законов, мы должны всеми силами стремиться получить большинство; настоящий социал-демократ сам знает, как ему следует поступать»[5].

[1] Protokoll über die Verhandlungen des 5. Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Bayern, a.a.O., S. 44.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.
[4] Ebenda, S. 45.
[5] Ebenda.

Не было ни депутатов, ни делегатов, которые в своих выступлениях опирались бы на работы Маркса, Энгельса, Либкнехта, Бебвля и Каутского. В их выступлвниях, в том числе в выступлениях 11 членов социал-демократической фракции ландтага, преобладают перечисления отдельных подлежащих устранению недостатков, а также мер, которые следует для зтого наметить; так, например: «меры по предотвращению опасности наводнений, ревизия законов о водопользовании, освобождение работников сельского хозяйства от закона о (принудительном!) страховании по старости и на случай инвалидности, улучшение коммунального транспорта в предместьях, ликвидация сверхурочных работ в горной промышленности, удвшввлвние общвственного транспорта, критика беспомощности прокуратуры при расследовании убийств и недостатков в придворном пивоварении, жалобы на небольшой заработок и плохое обращение с занятыми там рабочими, критика секретного приказа вовнного министерства, запрещающего военнослужащим всякое общение с депутатами; телесные наказания солдат, рукоприкладство учителей; критика неудовлетворитвльного состояния дорог в Баварии, в особвнности в Южной Баварии; критика утверждения клерикалов, будто воскресный отдых необходим исключительно для посещения церквей; улучшение доставки писем, снижение стоимости почтовых услуг внутри Баварии; облегчение условий получвния высшего образования для женщин и потребность во врачах-женщинах; улучшение работы музввв и галерей, организация лекций и зкскурсий под руководством ученых и художников для трудящегося народа; критика насильственного помещения граждан в дома для умалишенных и деятельности некоторых органов полиции...»[1].

Бросается в глаза, что поразительно точное знание отдельных недостатков и отрицательных явлений никак не связывается с научным социалистическим миропониманием, дабы ориентировать успешную работу в массах, возрастающее влияние в парламенте на осуществление конечной цели.

Что же касается правительства, то оно в лучшвм случае было готово пойти на тактические уступки, но отнюдь не на отказ от власти в государстве и обществе. «Новый курс» молодого кайзера, с которым Фольмар связывал свои чаяния и от которого он надеялся добиться уступок и облвгчения для народа с помощью политики «доброй воли», которую должно было проводить рабочев движвние,—зтот курс в конечном счете сводился к формальному изменению тех элементов тактики

[1] Protokoll über die Verhandlungen des 5. Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Bayern, a.a.O., S. 3 ff.

властей, которые привели к дискредитации Бисмарка; вместо открытого запрещения и преследования рабочего движения появились частные запреты, ограничения и угрозы при одновременном усовершенствовании полицейского аппарата. Политика господствующих сил по отношению к рабочему движению определялась стремлением сохранить неограниченную власть, а также использовать ее против рабочего движения, как это видно на примере мероприятий «относительно социал-демократических майских праздников в 1890—1900 годах», данные о которых взяты из доверительной переписки между правительствами соседствующих германских государств—Саксонии и Баварии.

Так, саксонское правительство в письме от 23 марта 1890 года запросило у Баварии информацию о том, какую позицию предполагает занять королевское баварское правительство «относительно запланированного на 1 мая сего года митинга в поддержку 8-часового рабочего дня», в частности о том, «имеется ли намерение запретить в предполагаемый день публичные собрания, торжества и демонстрации. Поскольку весь план превращения 1 мая с. г. в рабочий праздник вытекает из решений состоявшегося летом прошлого года в Париже конгресса социалистов и в первую очередь, несомненно, предназначен содействовать известным социал-демократическим устремлениям, основанием для такого запрета мог бы послужить § 9 имперского закона против опасных для общества устремлений социал-демократии, а также желание предотвратить опасность, грозящую общественному порядку и безопасности в случае разрешения подобной демонстрации и с учетом событий последнего времени. Кроме того, поскольку речь идет о королевстве Саксонии, то обоснованием для запрета собраний и публичных выступлений, демонстраций и торжеств, если они представляют непосредственную опасность для общественного спокойствия, порядка и безопасности, может служить и § 12 закона от 22 ноября 1850 года о праве на объединения в союзы и на проведение собраний.

Королевское саксонское правительство особенно заинтересовано в том, чтобы предполагаемые мероприятия были согласованы с остальными федеральными землями. Поэтому оно будет особенно благодарно за информацию относительно возможно планируемых в этом отношении мероприятий»[1].

В доверительном письме от 31 марта 1890 года баварское государственное министерство королевского двора и внешних сношений ответило следующее:

[1] Die Maßnahmen der bayerischen und sächsischen Regierung gegenüber der sozialdemokratischen Maifeier 1890—1900. BayHstA Gs. Dresden 1792.

«Ваше Превосходительство!

На Ваше доверительное сообщение № 30 от 28-го сего месяца почтительно отвечаю, что высказанное саксонским господином министром пожелание относительно намеченных на 1 мая социал-демократических митингов действовать с максимальной согласованностью с остальными союзными правительствами полностью разделяется нашей стороной. Поэтому я поручил графу Лерхенфельду ознакомиться с точкой зрения королевского прусского правительства и как раз намеревался просить Ваше Превосходительство о таком же запросе у королевского саксонского правительства, когда получил Ваше вышеупомянутое письмо. Как только я получу сообщение графа Лерхенфельда, я буду иметь честь направить Вашему Превосходительству дальнейшую информацию»[1].

Министр фон Крайльсгейм дополнил эту информацию письмом от 7 апреля 1890 года:

«Имею честь почтительно сообщить Вашему Превосходительству в дополнение к закрытому письму № 20 от 31 числа прошлого месяца относительно социалистического праздника 1 мая, что, согласно сообщению королевского посланника в Берлине, королевское прусское правительство еще не вынесло решения по этому вопросу. Существует точка зрения, что к настоящему моменту еще невозможно предсказать, какие размеры и какой характер примет предполагаемый праздник, и прусский господин министр намерен поэтому дать лишь за восемь—десять дней до 1 мая общие указания правительственным президентам, от которых он еще ожидает дополнительных сведений. Мы позаботились о том, чтобы эти общие указания в свое время немедленно были сообщены и нам»[2].

Эта переписка, которая продолжалась в течение нескольких лет, завершилась письмом министра внутренних дел барона фон Фейлитцша:

«Как известно, у социал-демократии имеется намерение отметить 1 мая 1890 года как всеобщий праздник и провести в этот день утренние собрания, имеющие целью поддержать требование нормального рабочего дня, в то же время вторую половину дня и вечер использовать для загородных поездок или других праздничных мероприятий.

Хотя между вождями социал-демократической партии еще имеются разногласия отно-

[1] Die Maßnahmen der bayerischen und sächsischen Regierung gegenüber der sozialdemokratischen Maifeier 1890—1900. BayHstA Gs. Dresden 1792.

[2] Ebenda.

сительно проведения праздника в названный день, все же уже ясно одно, что в большинстве мест, в которых имеются социал-демократы, такие праздничные мероприятия состоятся.

Представляется желательным, чтобы со стороны полицейских учреждений было проявлено одинаковое отношение к запланированному празднику. Предполагается также издать общие указания королевского государственного министерства внутренних дел относительно единых действий полицейских органов в этом случае.

Королевское государственное министерство внутренних дел сочло также нужным заручиться соответствующей информацией о занимаемых к запланированному празднику позициях других земельных правительств.

Указания полицейским учреждениям будут содержать прежде всего требование принять энергичные меры против возможных нарушений общественного порядка и других нарушений законности, а также в каком направлении следует применять положения закона против социалистов и баварского закона о союзах.

Королевскому правительственному окружному управлению поручается определить в кратчайший срок свою точку зрения относительно того:

1. Предполагается ли и в каком объеме проведение задуманного праздника в соответствующем правительственном округе;

2. Следует ли при этом опасаться серьезных нарушений общественного порядка;

3. Какие общие указания следует направить учреждениям полиции с учетом сложившегося положения.

Соответствующие соображения следует присылать по возможности скорее.

(Дополнение для Верхней Баварии.)

Управление королевской полиции Мюнхена было непосредственно поставлено в известность обо всем вышестоящем и обязано держать нас постоянно в курсе дела»[1].

Разрешение на проведение 1 мая 1901 года уличной демонстрации германская социал-демократия получила впервые, однако при условии, что праздник состоится вне города и не будет сопровождаться большими скоплениями народа в черте города[2].

Свидетелями демонстрации в Мюнхене были Ленин и его жена Крупская[3].

Некоторое представление о разногласиях среди организованных в профсоюзы рабочих Мюнхена дает донесение полиции об одном собрании в ноябре 1905 года[1].

Доклады и выступления во время дискуссии на собрании имеют определенный интерес, потому что здесь подводятся итоги работы предшествующих лет, делаются сравнения с международным рабочим движением, явно отражая настроения, господствовавшие в низах организации.

Мюнхен, 1 ноября 1905 года.

Касается:

Публичное собрание в понедельник 30 октября 1905 года в 8 часов вечера в Центральных залах, по улице Нойтурмштрассе, 1/1, с повесткой дня:

I. Чего достигли на сегодняшний день современные профсоюзы, какой тактики мы должны придерживаться в будущем?

II. Свободная дискуссия.

Выдержка из стенограммы.

Председатель *Фрикль* открыл собрание в 9 часов вечера и попросил извинить за позднее начало; докладчик 10 часов 30 минут находился в пути и должен был сначала немного отдохнуть.

Докладчик *Рамонд.* Рабочие и работницы! Сегодня вечером речь идет о том, чтобы мы уяснили себе, что же хотят профсоюзы, чего они до сих пор достигли и каким путем им следует идти, чтобы чего-нибудь добиться. Для этого мы должны прежде всего сказать, что с момента возникновения машинной индустрии в середине XVIII века существует так называемое современное рабочее движение. Далее следует очевидно доказать, заложено ли в человеке стремление к объединению с другими людьми или же сущностью человека является лишь забота о собственной личности...

Оратор попытался дать обзор условий жизни, существовавших более 5 тыс. лет тому назад, и изложить вопрос развития семьи и государства. Он высказал мнение, что до появления современного рабочего движения все стремились главным образом к возвышению капитала, нежели к созданию фронта борьбы против капитализма. Потребность в объединении, которая привела к возникновению рабочего движения, появилась исключительно благодаря общению рабочих на фабриках. *Лассаль* надеялся добиться лучших условий для рабочих с помощью государства и таким образом привести рабочих к социализму. Он натолкнулся на возражения Бебеля и Либкнехта, но тем не менее добился победы своих взглядов на конгрессе в 1869 году; исключительно с помощью парламентаризма удалось достигнуть кое-каких улучшений в области экономических условий существования отдельных рабочих, однако основной

[1] Die Maßnahmen der bayerischen und sächsischen Regierung gegenüber der sozialdemokratischen Maifeier 1890—1900. BayHstA Gs. Dresden 1792.

[2] *Streb Xaver.* Lenin in Deutschland. Berlin, 1960, S. 35.

[3] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 253.

[1] Vereine München 1902—1926. StaM RA 57844.

принцип рабочего движения — превращение его в авангард на пути к социализму — отошел при этом на задний план.

Нынешние профсоюзы имеют своей целью лишь улучшение условий жизни и не думают о том, чтобы потрясти общественный строй. Поэтому они не могут больше служить авангардом в деле свержения нынешнего общественного строя. Местные забастовки не способны ослабить капитализм; опыт Англии показал, что капитал удвоился и утроился, хотя и приходится признать, что производительность труда возросла. Посредством местных забастовок невозможно изменить строй. Даже при 6-часовом рабочем дне капитал лишь будет возрастать, поэтому существует потребность найти новые пути для изменения нынешней системы.

На примере забастовок в Коймитшау и Рурской области оратор попытался доказать, что предприниматели уже с давних пор объявляют локауты в момент начала даже маленькой местной забастовки. Далее оратор говорил о том, что все без исключения рабочие на территории целой страны останутся в определенный день дома и прекратят работу. Тем самым он подвел к идее всеобщей забастовки, заявив при этом, что от профсоюзной всеобщей забастовки ожидает большего успеха, нежели от политической массовой стачки. Докладчик назвал решение об окончании забастовки в Коймитшау во имя блага города глупостью, ибо лучше согласиться на гибель целого города, нежели нанести ущерб всеобщим интересам рабочих.

Равным образом и решения о прекращении забастовки в Рурской области свидетельствуют о том, что современные профсоюзы давно отказались от своей основной цели, от путей к ней.

Только с помощью всеобщей забастовки можно быстро достигнуть цели рабочего движения. В случае местных забастовок не только коллеги по профессии в близлежащих районах, но и рабочие по всей стране должны заявить о своей солидарности с бастующими. Если в массе своей рабочие доросли до того, что все без исключения готовы воспользоваться своим правом на объединение в профсоюзы и объявят всеобщую забастовку, тогда удастся добиться свержения современного общественного строя.

Первоначально в майский праздник предполагалось провести всеобщую забастовку. Последующее решение 1 мая работу не прекращать из-за опасности для участников забастовки является глупостью; нелепым было бы решение о привлечении пролетариев к вечерним демонстрациям и собраниям после того, как они днем работали. Следует отвергнуть ошибочную позицию и тактику относительно международного майского праздника.

Если, однако, рабочие выполнят свой долг, то тогда уже недалек будет тот день, когда они смогут воскликнуть: Да здравствует свобода!

Затем на трибуну вышел бывший адвокат *Гейдер,* известный по собраниям свободомыслящих; рассказывая об условиях жизни рабочих и рабочем движении в Новой Зеландии и Австралии, он упрекнул немецких рабочих в том, что они даже не используют свои конституционные права, не интересуются самоуправлением, гарантированным законом, и считают бесполезными организации, создаваемые с помощью государства и правительства.

В Германии всеобщая забастовка означает революцию, *Маркс* хотел якобы этому помешать; да и вообще марксистские идеи не достигнут своей цели.

Согласно буржуазному законодательству рабочих следовало бы рассматривать как компаньонов предпринимателя, ибо они работают вместе с ним, но не могут участвовать в разделе прибыли; однако современные юристы не толкуют в этом духе кодекс законов, когда дело касается рабочих, истолковывая закон исключительно в пользу буржуазии.

Когда рабочие будут организованы по профессиям, когда они добьются того, что им гарантируют указы кайзера, тогда совершится полный переворот в формах производства. В противоположность своим выступлениям на собраниях свободомыслящих *Гейдер* на данном собрании успеха не имел, о чем свидетельствуют неоднократно раздававшиеся возгласы прекратить его выступление.

Рудольф *Горкс* поддержал решения профсоюзного конгресса и съезда партии и выступил за медленное, но уверенное продвижение вперед в профсоюзном и политическом движении. Проведение всеобщей забастовки — даже через многие годы — он считал невозможным.

Маляр Макс *Герман* заявил, что он пока не может высказаться в пользу всеобщей забастовки и вообще обсуждать этот вопрос в присутствии полиции. Он пока считает невозможным проведение всеобщей забастовки в Германии, ибо надо помнить о клерикальных организациях рабочих, поскольку эти откровенные отпрыски божьей матери больше заботятся об увеличении капитала, нежели выступают против него.

Затем слово взял докладчик *Рамонд.* Он попытался опровергнуть предшествующего оратора и затем заговорил об избирательном праве. Он ожидает ликвидации нынешнего общественного строя исключительно посредством всеобщей забастовки и поставил перед собранием вопрос о том, можно ли добиться избирательного права лучшим путем, нежели массовая забастовка. Тут прозвучала ироническая реплика Зонтгеймера: «Посредством союза социал-демократии с партией Центра».

Докладчик заявил, что всеобщую забастов-

ку невозможно заранее провозгласить, что она может вырасти только из самой себя с помощью организаций, однако современные профсоюзные организации никогда этого не допустят.

Затем выступил *Зонтгеймер*.

«Когда я несколько лет тому назад почувствовал потребность заняться политической деятельностью, то я присоединился к Демократической партии, но, к сожалению, очень скоро убедился, что эта буржуазная партия полностью сошла с того пути, на который она вступила накануне 1848 года. Тогда я подумал, что мне следует, быть может, присоединиться к социал-демократической партии, но и здесь я убедился, что эта партия изменила тем принципам, за которые она боролась десятилетия тому назад. Мне казалось почти невероятным, что в прошлом восторженные вожди социал-демократии стали платными чиновниками, что их умонастроения совершенно изменились и что они поэтому уже не способны так реагировать на события, как это необходимо для революционера и в интересах передового пролетариата. Кто следил за последними забастовками в Германии и отчасти также за границей, у того даже при всей близорукости должны были открыться глаза. Как уже показали различные ораторы, современные забастовки способствовали лишь тому, что были опустошены профсоюзные кассы. В то же время работодатели смогли осознать то, чего еще не осознали рабочие,— необходимость солидарности. Кое-кто из числа руководителей заявлял, что всеобщая забастовка приводит лишь к опустошению касс. Но ведь мы даже не знаем, не решится ли государство любезным образом конфисковать собранные рабочими деньги, например, в случае войны, в которую может быть втянута Германия.

Если посмотреть на положение профсоюзов в Испании, Франции и Англии, то можно сказать, что все недостойное из зарубежной практики преследования профсоюзных организаций перенимается и повторяется в Германии. Если кое-кто еще не убедился в том, что ныне многое прогнило в профсоюзном движении, то такому я бы напомнил о многих недостойных делах, в которых повинны вожди этой партии, но за которые их не привлекли к ответственности.

В Штутгарте проживает некто по имени *Клосс*, депутат рейхстага и ландтага, член городского совета. Несколько лет тому назад во время забастовки трамвайных рабочих он посчитал нужным вознаградить полицию за то, что она дубинками разгоняла бастующих рабочих, и этот патриотически настроенный господин и ныне кормится за счет щедрости социал-демократии; он продолжает быть членом городского совета и председателем союза рабочих деревообделочников. Если уж вожди позволяют себе такие недостойные поступки, то что же можно требовать от рядовых граждан. А недавно один социал-демократ, в прошлом теолог, подарил католической церкви, этому смертельному врагу прогресса, свой домашний алтарь.

Один из предшествующих ораторов сказал, что следовало бы укрепить солидарность рабочих. Я сам мог убедиться, что рабочие иногда проявляют беспринципную терпимость: революционная социал-демократия фольмарского направления вышла на демонстрацию-митинг в Гольцапфельскройте; в оборудованном для участников демонстрации ти́ре можно было за 10 пфеннигов выиграть портрет кайзера или принца-регента. Нельзя возложить на партийное руководство ответственность за то, что эти портреты попали в закрытое помещение тира, но их следовало бы как можно быстрее оттуда убрать, ибо распространение этих портретов явилось прямым вызовом революционным социал-демократическим чувствам и вместе с тем проявлением полной беспринципности; подобного факта черные католики не допустили бы, они наверняка убрали бы портреты *Лассаля* и *Маркса*, в этом черные были бы более принципиальными. Пусть социал-демократы позаботятся о том, чтобы подобное не повторилось.

Господа депутаты в баварском ландтаге проголосовали за повышение зарплаты сотрудникам тайной полиции. Жаль, что тут нет господина Адольфа *Мюллера*[1], этого социалистического клеветника. В ландтаге социал-демократы, избранные туда пролетариатом ради защиты его интересов, проголосовали за повышение окладов полицейским и сыщикам. Конечно, с общечеловеческой точки зрения и сыщики являются людьми, которые как-то должны существовать, но с революционной точки зрения они наши смертельные враги, ибо борются против нас, они готовы идти на все, чтобы нас спровоцировать, они враги наших интересов, и пусть те, кто продает себя ради этого печального ремесла, поищут себе другую профессию, если буржуазия их плохо оплачивает. Говорили также, что господа депутаты участвовали в грандиозной попойке, организованной министрами. Если депутаты социал-демократы так дружны с реакционными министрами, то пора таких господ выгнать вон; ведь меня и Германа ни один министр не пригласил бы.

От того, что приписывают пролетариям в Мюнхене и что от них требуют, мурашки бегают. Газета «Мюнхенер Пост» опубликовала предвыборное воззвание, начинавшееся всякими красивыми словами: мол, если вы твердо убеждены, что можете посредством избирательного права чего-нибудь добиться,

---

[1] А. Мюллер — социал-демократический депутат и редактор газеты «Мюнхенер Пост».— *Прим. перев.*

так сделайте это, но ведь пока что ничего не было сделано, ибо весь парламентаризм был создан в свое время государством не ради борьбы против государства, а для обмана и успокоения с помощью выборов возбужденных умов. На этом собрании некоторые позволяют себе такие резкие слова, которые показывают, что мы можем говорить свободнее, чем депутаты в баварском парламенте, в котором сейчас господствуют черные попы.

Чего только не приписывают организованным рабочим! Разве не власти построили «божий дом» для мнимого «спасения бедных душ», а берлинские рабочие дошли до того, что даже выпили за здоровье человека, который приказал стрелять «в отца и мать».

В этом месте чиновник, присутствовавший здесь для надзора, потребовал от председательствующего призвать оратора к порядку, на что Зонтгеймер заметил: «Я лишь привел факты»,— а затем продолжал.

«Насколько рабочие могут положиться на господина *Бебеля*, видно из того, что тот говорил даже о том, что можно лишить рабочих избирательного права, права голоса, а избирательным правом даже стоило бы заняться, если бы социал-демократия действительно имела возможность одержать верх, и т. д.

А то, как отреагировал орган рабочих «Мюнхенер Пост» на безработицу, наступившую в прошлом году или, точнее, в прошлую зиму,— это видно из того, что «Мюнхенер Пост» рекомендовала безработным не выступать сообща, вместо того чтобы призвать их объединиться, чтобы их нужда стала всем заметнее. Господин Адольф *Мюллер* заявил после прошедших собраний безработных, которые не дали никаких результатов, что если и дальше ничего не произойдет, то мы, социал-демократы, мол, сами что-то сделаем. Нынче люди уже не будут столь глупы и не обратятся к господину депутату с требованием: «Господин *Мюллер*, сделайте что-нибудь»; ведь все равно ничего не будет сделано.

Я не хочу больше касаться союза между черным и красным. Поводом для оправдания этого союза назвали борьбу за равное избирательное право, а в итоге социалисты получили один единственный мандат, зато попы увеличили свои голоса почти на 30%.

Если учесть, что социал-демократическая партия собрала в германской империи 3 млн. голосов избирателей, и если посмотреть в будущее и подумать, чего она еще может достигнуть, то на основе прежних фактов можно сделать вывод, что она ничего не добьется. Я напомню о Саксонии, где без сопротивления позволили лишить рабочих избирательного права. Будут ли люди более решительными, если их лишат права избирать в рейхстаг, я не думаю.

Вождь германской социал-демократии очень верно охарактеризовал мюнхенских товарищей, говоря о Мюнхене как о неком Капуа; пока фон *Фольмар*, этот бывший офицер папских зуавов[1], останется вождем баварской социал-демократии, до тех пор они ничего не смогут добиться, несмотря на 3 млн. голосов, на многолетнюю борьбу, на огромные усилия. Я лишь отмечаю, что, несмотря на 3 млн. голосов, поданных за социалистов, растет, подобно грибам летом после дождя, число тюрем, церквей, военный флот принимает невероятные размеры, и количество боевых кораблей увеличивается, а равным образом увеличивается армия. Так чего же они достигли? Если бы они послали лишь нескольких своих лучших политических агитаторов в парламент, те бы хорошо справились с депутатскими делами, а остальные могли бы заняться революционной пропагандой.

Несмотря на 40-летнее существование, германская социал-демократия не сумела даже добиться того, чтобы мы, свободомыслящие, могли собираться без полицейского надзора, от этого каждый немец должен был бы залиться краской стыда».

(Председателя собрания попросили в этом месте призвать оратора к сдержанности.)

Зонтгеймер затем продолжал: «Социал-демократия до сегодняшнего дня, несмотря на свое 40-летнее существование, ничего не добилась. Даже в Италии можно свободно высказываться, там нет полицейского надзора, можно говорить, как умеешь, как научили тебя. Почему мы в Германии настолько отстали? Потому что всеобщую забастовку всюду называют глупостью, потому что еще не достигли понимания того, что анархо-социализм является лучшим средством для достижения нашей цели. В Иене на съезде СДПГ решили, что следует обещать людям нечто новое, и вот всеобщая политическая стачка обозначена как перспектива. Но ведь глупо требовать, чтобы большая масса рабочих подставляла бока, когда господам парламентариям отказывают в 10 марках на день.

Социал-демократическая «Мюнхенер Пост» не хочет утверждать, что *Фридеберг*— полицейский провокатор, но в то же время она боится за 15 тыс. политически организованных рабочих. Когда газеты, якобы представляющие интересы рабочих, ныне помогают господствующему обществу и разыскивают дезертиров, как мне сообщили,— вот где начинается идиотизм или нахальство».

(Здесь последовали реплики со стороны собравшихся в адрес Зонтгеймера: «Ваше место в сумасшедшем доме!») Оратор, показав собранию газету, продолжал:

---

[1] Фольмар в молодости служил офицером в баварской армии, которая воспитывалась в духе католического клерикализма, и поэтому ее критики часто сравнивали эту армию с гвардией римского папы.— *Прим. перев.*

«Зюд-Дойчер Постильон»,
1900, № 1.

Пленингер, председатель здешнего союза деревообделочников, назвал заявления Зонтгеймера, направленные против председателя Германского союза деревообделочников Клосса, клеветническими и в остальном не собирался отвечать на болтовню предшествующего оратора, ибо его товарищи по партии никогда не принимали всерьез Зонтгеймера и никогда не будут принимать его всерьез.

„Der starke Mann".

«Сильный человек»
(Надпись над топором: «Глуп, но силен».)

«Здесь это написано черным по белому, вы это можете показать своему партийному боссу, главному редактору *Мюллеру,* а теперь судите: я созрел для сумасшедшего дома или же вы? Меня больше не волнует, когда кто-то объявляет меня созревшим для сумасшедшего дома; есть, однако, люди, которые могут сказать это без всякого повода. Во время последнего конгресса свободомыслящих атеистов в Париже поразительно было наблюдать, как серьезно и свободно эти люди работают. Становится прямо-таки страшно, когда вновь возвращаешься сюда, в это поповское гнездо».

(Чиновник, осуществляющий надзор, велел в этом месте председателю собрания лишить оратора слова. Крики осуждения.)

Редактор газеты «Зюддойче Монтагсцайтунг» инженер *Рихтер* заявил: это верно, что председатель союза деревообделочников *Клосс* голосовал за утверждение предложений о вознаграждении полиции за сверхурочные часы. Но когда сверхурочные часы отрабатываются для такой безнравственной цели, то долг депутатов социал-демократов отказаться от голосования за оплату подобных сверхурочных часов. Он счел нужным отметить эти факты, дабы дополнить слова Зонтгеймера. Затем председатель собрания зачитал следующую резолюцию:

«Рабочие и работницы, собравшиеся сегодня в Центральных залах, заявляют, что они абсолютно не надеются добиться улучшения своего безнадежного положения на пути парламентаризма и на пути, избранном так называемыми современными профсоюзами. Собрание убеждено, что только пролетарские массы посредством убедительной агитации за всеобщую забастовку наряду с антимилитаристской пропагандой смогут ликвидировать господствующую систему эксплуататоров».

Маляр *Герман* предложил не голосовать за эту резолюцию, ибо она противоречит анархистским тенденциям, и получил при голосовании своего предложения поддержку большинства.

Руководитель собрания перед его закрытием объявил, что фамилия докладчика Пауль *Фраубёзе*, а *Рамонд* его псевдоним.

Подпись: Пфретшнер — Подпись: Михелер
Комиссар окружной полиции. — Сотрудник полиции.

9.

Нельзя предаваться большим иллюзиям относительно быстрой реализации программ или изменений законов в пользу трудящихся — это умонастроение явно господствовало на съезде партии в Фюрте в 1900 году. Но это убеждение отнюдь не исключало глубоко укоренившегося, приобретенного в прошлых боях чувства единства и солидарности всех социал-демократов. Эта солидарность все еще господствовала в дискуссиях и спорах между членами партии, хотя точки зрения давно уже не были одинаковыми, а конфликты между левыми и правыми тогда все еще прикрывались уверениями в полном единстве.

Для этого стремления к объединяющему единству и для страха перед расколом особое значение имел предшествовавший опыт трудных усилий ради достижения объединения; в этом же направлении действовала внутренняя организационная структура партии, которая сформировалась в борьбе против закона против социалистов.

Согласно уставу партии, принятому на съезде партии в Галле в 1890 году, партия строилась по следующему принципу:

Съезд партии.
↓
Руководство партии → Печатный орган партии
↓
Система общественных доверенных лиц
↓
Члены партии.

Такое гибкое построение партии и ее устав сделали возможным превратить ее в 90-е годы в массовую партию, опираясь вместе с тем на уже проверенные на деле марксистские организационные принципы[1].

Доверенные лица составляли тот организационный костяк, который в период действия закона против социалистов стал стержнем всей партийной жизни и организатором теоретической учебы. Доверенные лица еженедельно проводили инструктивные совещания, учебу пропагандистов и семинары лекторов, на которых каждый участник обязан был высказаться[2].

В этой внутрипартийной организации особый вес имела так называемая корпора. Эта корпора охватывала равным образом своего рода партийный актив, в который включались лучшие члены партии: «Корпора была в определенной степени душой внутренней организации партии. Здесь обсуждались и решались все важнейшие вопросы. Корпора давала импульсы для деятельности всей партийной организации»[3].

Корпора продолжала существовать в некоторых социал-демократических партийных организациях «вплоть до начала первой мировой войны без какого-либо официального обоснования в уставе партии или иным официальным образом»[4].

Сами условия борьбы приводили к тому, что товарищи, сотрудничавшие на этой основе, рассматривали малословность и доверительность, как высшую доблесть и как можно меньше письменно фиксировали эти тесные, доверительные отношения. Более того, их сила состояла именно в том, чтобы оберегать тайну внутрипартийных дел, все, что касалось корпоры, и все же не превращаться в заговорщиков.

Поэтому и осталось очень мало документов, освещающих эту сторону партийной работы, и все же следует полагать, что в корпору входили наиболее активные участники борьбы, подписчики газеты «Социал-демократ».

Следует в этой связи по достоинству оценить и число, и значение тех немецких товарищей в Мюнхене и других городах, на старые конспиративные адреса и содействие которых мог опереться и полностью положиться Владимир Ильич Ленин. Как мы еще увидим далее, социал-демократические доверенные лица с готовностью шли на риск, когда надо было доставлять нелегальным образом «Искру» до самой границы России, точно так же, как это делали многие из них в прошлом со своей газетой «Социал-демократ». В этой готовности идти на риск выражалась их интернациональ-

---

1 *Fricke Dieter.* Die deutsche Arbeiterbewegung... a.a.O., S. 178 ff.
2 Ebenda, S. 165.
3 Ebenda.
4 Ebenda, S. 166.

ная солидарность. Наконец, к этому обязывали их и партийные программы, принятые на съездах СДПГ в Готе и в Эрфурте, и в этом вопросе немецкие социал-демократы, когда дело касалось товарищей из царской России, с большой ответственностью выполняли свой долг.

Когда в 1898 году власти выслали из Саксонии эмигрировавших из царской России Юлиана Мархлевского и доктора Александра Гельфанда, который приобрел известность уже как член СДПГ под именем Парвуса (Малыш), где оба сотрудничали в качестве редакторов в немецких социал-демократических газетах и навлекли на себя недовольство цензуры своими особенно критическими статьями, тогда Георг фон Фольмар поручился за них и добился разрешения на их проживание в Мюнхене[1].

10.

15 сентября 1902 года Пауль Зингер приветствовал прибывших из-за рубежа гостей и делегатов Мюнхенского всеимперского съезда СДПГ в знаменитом большом зале пивоваренной фирмы «Швабингер-Брой». Под оживленные аплодисменты он заявил:

«Социал-демократия Германии всегда сознавала свой долг по отношению к интернациональной партии. Мы считаем большой честью для нас, что на съездах нашей партии присутствует такое многочисленное представительство зарубежных братских партий. Мы в Германии никогда не перестанем в меру своих сил укреплять чувства солидарности и узы интернационализма, объединяющие пролетариат всех стран; ведь мы знаем, что если где-либо достигаются успехи, то это успехи всей международной интернациональной партии, и, равным образом, если какую-либо партию постигают неудачи, то ей сочувствует вся международная социал-демократия»[2].

Съезд партии в Мюнхене является «первым съездом, который Социал-демократическая партия Германии проводит в Баварии. Положения баварского закона о союзах в прошлом мешали этому»[3],— заявил Игнац Аузр.

Менее чем за полгода до этого съезда Ленин и Крупская уже покинули Мюнхен и поселились в Лондоне под именем мистера и миссис Рихтер.

Лишь очень немногие делегаты съезда, быть может, знали Ленина лично, но многие знали, что существует газета «Искра» и журнал «Заря».

[1] *Huber Gerdi.* Das klassische Schwabing... a.a.O., S. 114.
[2] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu München vom 14. bis 20. September. Berlin, 1902, S. 98.
[3] Ebenda, S. 58.

Как и на предшествующих съездах — в Любеке, Ганновере и Майнце,— на Мюнхенском всеимперском съезде партии тоже иной раз в довольно резких дискуссиях обсуждались вопросы ревизионизма, свободы мнений внутри партии, научности аргументации и парламентской и внепарламентской деятельности.

Август Бебель указал: «Теперь дело дошло до того, что Бернштейн воспринимает слово «ревизионизм» уже как издевательство. (Бернштейн возражает.) Но позволь, мой дорогой Бернштейн, слово «ревизионизм» изобрели не догматики, это слово вы ведь сами изобрели! (Реплика: Шёнланк![1]) Я впервые прочел это слово в вашей печати, и я не могу понять, почему же оно должно быть оскорбительным, если им обозначается определенное идейно-политическое течение, а ведь таким оно и является. (Бернштейн: Нет!) Разве у вас не делается то же самое? Будете ли вы утверждать, что вы и в вашей прессе не нападете на нас? Разве мы, по-вашему, не догматики, разве мы не «сверхпринципиальные»?»...[2]

Дискуссия на съезде еще раз доказала, что каждая партия II Интернационала должна будет начать поиск и находить решения вопросов о путях и целях социализма.

В самом центре этого «Эльдорадо клерикальной партии Центра, в этом архикатолическом Мюнхене и его окрестностях», как выразился Игнац Аузр в своем отчете от имени правления партии, удалось «возвести оплот социал-демократии», но в то же самое время в том же Мюнхене страстно спорили о том же самом, что больше всего занимало редакцию и читателей «Искры» и «Зари», Владимира Ильича Ленина и его соратников, причем и тут тоже не обошлось без острейших споров в собственном кругу, что нашло глубокое отражение в книге «Что делать?», в работах, которые получили известность в среде немецких социал-демократов лишь после 1917 года. Авторы включили в протокол партийного съезда для наглядности описание зала, в котором состоялся съезд, атмосферы на съезде:

«Здание пивной «Швабингер Браузрай», где проходил съезд, расположено в Швабинге, в предместье Мюнхена. Сад, окружающий эту пивную, и все ее внутренние помещения переполнены; над входом прикреплен украшенный красными флажками, выкрашенный в цвет флага этой земли транспарант с надписью: «Добро пожаловать, представители труда!» Тысячи мюнхенских рабочих и работниц собра-

[1] Шёнланк — известный ревизионист, сторонник Бернштейна.— *Прим. перев.*
[2] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu München vom 14. bis 20. September, a.a.O., S. 126.

лись здесь, чтобы участвовать в открытии партийного съезда. К залу, где проходит съезд, примыкает большой второй зал, который вместе с фойе, расположенным между ними, все же мал для такого количества народа. Переполнен и сам зал съезда, где делегаты расселись за четырьмя длинными, стоящими вдоль зала столами. Гирлянды из еловых веток украшают колонны и стены, красочные надписи рассказывают о прошлых съездах СДПГ и съездах баварской социал-демократии, представлены знамена всех рабочих союзов Пфальца. Высоченная статуя, олицетворяющая свободу, впервые уже приветствовавшая представителей партии в зале съезда партии в Ганновере, окруженная вечнозелеными растениями, обращена к участникам заседания.

Перед открытием съезда мюнхенские рабочие певческие кружки «Эхо», «Нордвест» и «Форвертс» исполнили песню «Сев и сбор урожая», текст которой написал наш недавно умерший товарищ Макс Кегель.

В 7 часов с минутами наш старый мюнхенский товарищ Бирк поднимается на трибуну и от имени мюнхенских членов партии приветствует прибывших представителей. «Мы приветствовали партийный съезд,— сказал оратор,— не звоном колоколов и пушечной канонадой, а скромной, звонкой пролетарской песней. Исторических побед в Мюнхене не было, но все же мюнхенские партийные товарищи участвовали в трудных боях, и некоторых наших старых бойцов вы сегодня видите в своих рядах. Однако многих старых борцов уже нет среди нас, о них мы сегодня вспоминаем с глубоким уважением. При тех нечеловеческих условиях, которые ныне господствуют, под влиянием антинародной хлебной спекуляции борьба за интересы пролетариата становится все ожесточеннее и труднее. В этом зале, который станет в эти дни нашей кузницей политического оружия, в ближайшие дни не раз вспыхнут яркие искры. Но враги не получат удовольствия насладиться уничтожающим пожаром. (Крики: Браво!) Я еще раз сердечно приветствую вас в нашем красивом уютном городе, столь богатом сокровищами искусства. (Бурные аплодисменты.)»[1]

В этой атмосфере с баварским колоритом зарубежные гости выступали с приветствиями, зачитывались многочисленные приветственные телеграммы, в том числе «Плеханова и Аксельрода от имени русской революционной социал-демократии»[2]; в первый день заседания около 12 часов 30 минут Игнац Ауэр сообщил делегатам партийного съезда: «К нам поступил ряд приветствий. Среди них приветствие «Искры» и «Зари» от имени «Лиги русской революционной социал-демократии», «Петербургского комитета русских социал-демократов» и «Северного рабочего союза» (т. е. объединения рабочих организаций Владимирской, Костромской и Ярославской губерний)»[3].

Тексты приветственных посланий, в том числе послания «Искры» и «Зари» и основанной по инициативе Ленина Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, не были напечатаны в книге протоколов съезда. Но публичное и отраженное в протоколе партийного съезда упоминание названий этих организаций является выражением солидарных и проникнутых взаимным признанием отношений между Социал-демократической партией Германии и российскими революционными социал-демократами.

---

[1] Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu München vom 14. bis 20. September, a.a.O., S. 95.

[2] Ebenda, S. 101.

[3] Ebenda.

2

РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ПРОТИВ ЗАГОВОРЩИКОВ

Комиссар безопасности Симон Герольд

В ноябре 1900 года Симон Герольд, назначенный в 1898 году низшим чиновником, а позже комиссаром безопасности, должен был выполнить задание, не представлявшее ничего необычного для чиновников политической полиции. Герольду поручался надзор за собранием, которое проходило в трактире, где собирались почти исключительно «красные», а затем ему следовало составить отчет об этом собрании. Трактир находился в XXII районе, за который отвечал Симон Герольд и в который входил Швабинг. Трактир, именуемый «Цум Гольденен Онкель», или просто «Цум Онкель», находился на Кайзерштрассе, 53. Арендовал этот трактир Риттмейер, который родился в 1864 году в Форхгейме, в Франконии. Согласно регистрационной карточке, сословно-профессиональными характеристиками Риттмейера были: владелец пивной, хозяин трактира, домовладелец, торговец фруктами, управляющий предприятием. Риттмейер принадлежал к тем мелким хозяйчикам и трактирщикам, которым нелегко было обеспечить себя и свою семью.

Точный адрес дома: Кайзерштрассе, 53, этажи 0 и 1[1] (ныне — дом 46). Риттмейер приобрел этот дом в 1899 году, но уже через несколько лет, в 1903 году, переехал на улицу Урзулаштрассе. Согласно адресной книге, в те времена пять трактиров, расположенных на Кайзерштрассе, конкурировали друг с другом: «Кайзерштюберль», «Кайзерхоф», «Кайзергартен», «Цур Гольдтанте» и «Цум Гольденен Онкель» Риттмейера. В адресную книгу не были внесены принадлежавшие социал-демократии расположенные по соседству небольшие пивные «Роте Фане» и «Цур Солидаритет».

Риттмейер часто помещал в социал-демократической газете «Мюнхенер Пост» свои объявления, в которых свой трактир он называл рестораном: «Ресторан «Цум Онкель»: Кайзерштрассе, 53. Рекомендую мои залы официальным объединениям и профсоюзам для проведения собраний и торжеств»[2].

Георг Риттмейер был социал-демократом и явно считался достойным доверия и умеющим

[1] Обозначение этажей «0» и «1» означало в данном случае, что в партере, на 0-м этаже, был трактир, а на 1-м этаже (фактически на втором) жил его хозяин.— *Прим. перев.*

[2] *Bäumler Ernst.* Verschwörung in Schwabing. Düsseldorf — Wien, 1972, S. 18.

хранить тайну. За это мог поручиться прежде всего доктор Карл Леман, практикующий врач и врач больничной кассы по Габельсбергерштрассе, 20. Леман хорошо знал условия нелегальной политической работы еще с тех времен, когда контрабандой перевозил с «Красной полевой почтой» социалистическую литературу из Швейцарии в Германию. И именно Карл Леман позаботился теперь о квартире для «русского товарища» у Георга Риттмейера[1].

С сентября 1900 года в довольно темной, скромно обставленной комнате на Кайзерштрассе, 53, жил молодой товарищ, настоящее имя которого знали немногие. Те, кто с ним имел контакт, называли его просто Мейером.

«Мейер» — распространенная немецкая фамилия; она прежде всего не бросалась в глаза при почтовом контроле, к тому же никто из немецких социал-демократов не спрашивал настоящую фамилию русского товарища.

Макс Горбах, рабочий писатель из Мюнхена и страстный собиратель историй о жизни рабочих в Швабинге до 1914 года, вспоминал о характере такого общения:

«Летним вечером 1923 года я побывал в квартире Людвига Векфорта на Гунецрайнерштрассе, 7. Кроме хозяина, дома был его сын Людвиг. Оба Векфорта в течение нескольких десятилетий были активными членами социал-демократической партии, секции Швабинга.

Старый Векфорт рассказывал: «В пивной «Швабингер Брауэрай» бывал и Ленин. Там он выпивал кружку пива и смотрел на людей. Я не знал, как он живет, знал лишь, что это русский товарищ. А о большем тогда не спрашивали»[2].

[1] Данные, согласно которым известный врач, д-р Рудольф Шолленбрух, якобы нашел Ленину квартиру по Кайзерштрассе, 53, не подтверждаются: Шолленбрух, по официальным данным и собственным показаниям, прибыл в Мюнхен лишь в октябре 1902 г. В неопубликованных дневниках Шолленбруха, в которых описывается его деятельность в качестве главного врача Мюнхенской Красной армии в 1919 г., нет указания на его личную связь с Лениным в 1900—1902 гг.

Утверждение о помощи в получении этой квартиры со стороны Карла Лемана, уже много лет проживавшего в Мюнхене и бывшего там главным доверенным лицом Ленина, поддерживается также Л. Л. Муравьевой и И. И. Сиволап-Кафтановой. Леман принадлежал к верхушке партии, был лично заинтересован в вопросах России, о которой он в 1900 г., после длительной обширной поездки туда, написал книгу «Голодающая Россия». У Лемана бывала Клара Цеткин с сыновьями, Август Бебель и другие руководящие деятели социал-демократии. К тому же Леман принадлежал к кругу немецких социал-демократов, которым Правление партии поручило оказать помощь российским товарищам — редакции «Искры».

[2] Notiz von Max Gorbach; im Besitz des Verfassers.

Gasthaus zum Onkel,
Kaiserstr. 53.
Empfehle den Titl Vereinen und Gewerkschaften meine Lokalitäten zur Abhaltung von Versammlungen und Festivitäten.
Vereinslokal der Sektion und des Bürgerrechtsvereins Schwabing.
Achtungsvoll Rittmeyer.

Объявление в газете:

«Ресторан «Цум Онкель» — Кайзерштрассе, 53. Рекомендую мои залы официальным объединениям и профсоюзам для проведения собраний и торжеств.
Зал заседаний секции Швабинга и Союза за гражданские права.
С уважением Риттмейер».

Итак, в Швабинге Владимир Ульянов, еще до того как он стал известен как Ленин, звался просто господином Мейером.

В те самые дни, когда комиссар безопасности Герольд в трактире «Цум Онкель» осуществлял надзор за «открытым собранием социал-демократического союза, секции Швабинга», этот «господин Мейер» напряженно работал над первым номером «Искры».

Был ли господин Мейер, который жил без полицейской прописки в качестве нелегального квартиранта у Георга Риттмейера, в тот день, 17 ноября 1900 года в 8 часов вечера в своей комнате, или он был среди участников упомянутого собрания?

О событиях вечера Симон Герольд составил отчет, который уже 20 ноября был направлен в адрес королевского правительства Верхней Баварии, в государственное министерство внутренних дел и королевскому прокурору при земельном суде Мюнхена I «для возможного принятия дальнейших мер».

Что же искал Симон Герольд, о чем он докладывал?

«Назначенное на субботу 17 ноября 1900 года, вечером в 8 часов, в трактире «Цум Онкель», Кайзерштрассе, 53, открытое собрание секции Швабинга с повесткой дня:

I. Доклад: Значение права на жительство и права гражданства.

II. Дискуссия

было открыто в 9 часов руководителем секции Тойфельгардом, который сразу же предоставил слово докладчику Мартину Груберу, редактору.

Последний сказал следующее.

Обычно рабочие заблуждаются относительно значения права на жительство и права гражданства, хотя они являются величайшей необходимостью и гарантируют законное право требовать получения пособия; значение этих прав будет не одинаковым там, где право требовать получения пособия уже существует, но лучше все же иметь эти права и там, где нуждаются в их силе, и прежде всего в провинциях, где общины не способны предоставить такое же пособие, как в Мюнхене. Раньше было трудно получить право на жительство, но законом 1896 года его получение значительно облегчено. Затем оратор разъяснил условия приобретения права гражданства и права на жительство и указал размеры налогов, уплачиваемых при приобретении этих прав; тут же было подчеркнуто, что с момента принятия этого закона многие приобрели право на жительство, но не приобрели права гражданства, пугаясь разницы в оплате, составляющей 45 марок.

Затем он сказал:

Предложения снизить налог на приобретение права гражданства натолкнулись на мощное сопротивление.

Община города Мюнхена заявляет, что ее бюджет будет неустойчив, если уменьшить эти налоги, но подлинную угрозу ее бюджету следует искать в другом. Расходы на юбилейные торжества составили 3100 марок. Памятник миру стоил 250 тыс. марок; быть может, при следующем наводнении рухнет не только подаренный городу мост, но и этот памятник.

Теперь опять носятся с мыслью воздвигнуть в Мюнхене новый памятник к 81 году со дня рождения регента, проворонив его 80-летие, и тем самым достигнуть вершины неприличия, поставив памятник живому человеку; самому же регенту представили на выбор: запечатлеть ли его в камне лежащим, сидящим или стоящим. Для подобного шутовства деньги имеются, и это тайно обсуждается на заседаниях. Только «Новости» иногда кое-что публикуют, несмотря на секретность этих заседаний.

В магистрате сидит шайка защищающих собственные интересы. Хор образуют общества землевладельцев, а сами советники магистрата и уполномоченные общин сидят в наблюдательных советах. С этих позиций следует рассматривать те 40 тыс. марок, которые были бы потеряны для бюджета города при снижении налога за приобретение права гражданства или же, наоборот, были бы получены при его неснижении.

Не приносит чести заседателям в магистрате скупка земельных участков и перепродажа их втридорога магистрату, например «для строительства больницы». Я хочу избавить вас от подробностей, но судя по тем людям, которые занимают места там и даже в коллегии,— это грязная кухня.

Обложка журнала «Симплициссимус», 6-й год издания, № 29.

Для борьбы с анархизмом

Когда утихомирятся злые дворняжки, на цепь будут посажены эти «маленькие, безобидные» псы

Мы должны позаботиться о том, чтобы получить полагающиеся нам по праву депутатские места, для чего необходимо, чтобы рабочие добились возможности приобретения права гражданства, а тем самым и избирательного права.

Последние события в городской ратуше показывают, что нужно что-то предпринять, ибо сидящие там господа обогащаются, используя свое положение, и при этом смеются над нами же.

В ходе последних событий трудно сказать, что там побеждает: глупость или злонамеренность или же обе вместе.

Партия Центра заявила устами депутата Лейба, что она всегда была против того, чтобы что-то дарить, а поэтому выступает за сохранение налога за приобретение права гражданства. Чиновники, проживающие здесь по закону, должны и теперь платить лишь 3 марки, но рабочий должен за это платить 85 марок.

Депутаты Лейб и Штебле предложили образовать социальную комиссию из представителей обеих коллегий для обсуждения социально-политических аспектов. Таковая была создана, но она не согласилась на введение даже 9,5-часового рабочего дня для рабочих магистрата, дабы не пришлось то же самое сделать для рабочих на частных предприятиях. Хотя магистрат все же ввел этот рабочий день, но ультрамонтанская партия вновь показала себя и вместе с либералами отвергла правила внутреннего распорядка на предприятии. Лейб и Штебле случайно отсутствовали во время голосования. Правительство в порядке исключения внесло одно хорошее предложение, что случается редко, а именно: чтобы ближе познакомиться с жилищным вопросом, выделило магистрату деньги для составления статистики; но магистрат от них отказался. Тем самым они ликвидировали возможность решения одного из важнейших вопросов, и отныне не может быть больше никаких сомнений относительно социально-политических воззрений этих людей. Одно из последних совещаний показало, что эти господа олицетворяют лишь классовое господство, ибо, потратив миллионы на кладбища, они пришли к выводу, что земля слишком дорога и ради экономии средств пришлось ввести захоронения в братские могилы.

Им следовало бы ввести кремацию, но они чванливы и радуются тому, что их собственные могилы богато украшены аркадами, в то время как в бесчисленных братских могилах покоятся тысячи бедняков. Таких следовало бы плетьми и собаками изгонять из ратуши. Так как полиция помешала бы этому, то мы выгоним их посредством избирательных бюллетеней.

В заключение оратор призвал к тому, чтобы как можно больше стараться приобрести право гражданства и право на жительство. Затем после десятиминутного перерыва слово получил товарищ Иосиф Шмидт. Последний поддержал высказывания предшествующего оратора и призвал, чтобы каждый стремился приобрести право гражданства и право на жительство и по возможности еще сегодня записаться у него в союз граждан города, после чего Тойфельгардт в 10 часов 15 минут закрыл собрание»[1].

23 ноября это донесение после того, как оно было доведено до сведения XII отдела, было приобщено к делу.

---

[1] Die sozialistische Bewegung 1894—1917. StaM RA 57796.

Фотокопия донесения полицейского агента о собрании, состоявшемся 17 ноября 1900 года в ресторане «Цум Онкель»

Имел ли Симон Герольд задание как бы между прочим установить, не поселился ли у Риттмейера некий иностранец, не получивший даже полицейской прописки? Это могло бы иметь неприятные последствия как для основного квартиросъемщика Риттмейера, так и для квартиранта Мейера, а для русского при определенных условиях даже очень тяжелые последствия — вплоть до высылки из Баварии, ибо между Баварией и Россией с 1869 года существовало соглашение о выдаче преступников, которое для Баварии было обновлено в 1885 году.

Все иностранцы находились под надзором, но в отношении русских имелись особые указания. Уже в начале 90-х годов мюнхенский комиссар Гёлер в своих донесениях отмечал подозрительные связи между русскими революционерами и немецкими социал-демократами (мы к этому подробно еще обратимся), что служило доказательством того, насколько необходима была максимальная осторожность для осуществления того плана, который разработал Ленин и его товарищи: ни немецкие, ни русские власти не должны были знать, где редактируется и печатается «Искра».

Следует ли полагать, что задолго до появления первого номера «Искры» охранка, царская тайная полиция, уже успела обратить внимание германских властей на «политического преступника», который уже неоднократно подвергался тюремному заключению и ссылке и на которого давно заведено дело в русской полиции? Неужели комиссар безопасности Симон Герольд пришел в ресторан «Цум Онкель», напав на след некоего «господина Мейера»?

А к этому времени «русский товарищ» уже вел переговоры с типографией Максиминуса Эрнста, в которой многие годы печаталась газета «Мюнхенер Пост». И докладчик этого, быть может знаменательного, «открытого собрания» социал-демократов секции Швабинг Мартин Грубер был в свое время ответственным редактором «Мюнхенер Пост».

Герольд, однако, не обнаружил никакого намека на подозрительные связи.

Скорее всего, можно допустить, что Герольд вообще не это искал, и прокуратура, правительство Верхней Баварии или министерство внутренних дел интересовались также не этим. Нас еще неоднократно будет занимать вопрос, было ли имя Ленин, Мейер, Ильин, Петров, Фрей, Иорданов или какой-либо иной псевдоним, которым пользовался Владимир Ульянов, внесено в дела баварских органов власти.

Ленин не был сторонником заговоров, которые он, как всякий деятель подлинно революционного рабочего движения, считал бесполезными и даже вредными, а поэтому у него должны были быть иные причины для строгого соблюдения правил нелегальной работы.

Нет, внимание мюнхенского комиссара безопасности Герольда было обращено исключительно к основной теме этого вечера: борьба за устранение налогов при получении права на жительство и права гражданства угрожала унаследованным привилегиям господствующего класса, а потому необходимо было внимательно наблюдать за этим движением, и особенно за рабочими и их наиболее активными представителями — социалистами. Ходатай-

ства и заявления буржуазных деятелей в адрес «уважаемых коллегий магистрата и общинных уполномоченных города Мюнхена» были сформулированы вполне красноречиво:

«Вопрос об изменении действующих в настоящее время положений относительно приобретения права гражданства в общине неоднократно поднимался как в ландтаге, так и в отдельных общинах и особенно в Мюнхене, но пока что этот вопрос не получил еще какого-либо удовлетворительного разрешения. И все же, даже при всех расхождениях в понимании права и во мнениях партии, повсюду победило убеждение, что соответствующие положения баварского общинного устава, а также их использование общинными инстанциями города Мюнхена не соответствуют современному правопониманию и не могут в дальнейшем долго оставаться такими.

Положения баварского гражданского законодательства относятся к самым устаревшим.

Развитие нашего правопонимания непреодолимо толкает нас к ограничению системы привилегий и к созданию равновесия между обязанностями и правами. Соответственно этому в целом ряде стран за пределами Германии уже пришли к применению всеобщего избирательного права и на уровне общин.

В различных германских государствах, например Пруссии и Саксонии, пусть и не предоставлено основной массе членов общины одинаковое право гражданства, зато дано какое-то право голоса, что позволяет малоимущим выбирать в качестве «избирателей 3-го сорта» или в качестве «инородцев» от одной трети до половины членов своей общины. Зато в Баварии все еще господствует принцип, по которому участие в делах общины якобы является исключительным правом привилегированного класса, ибо налоги за приобретение права гражданства, предусмотренные уставом общины, а также то применение этого законоположения, которое практиковалось общинными коллегиями нашего города, делают почти невозможным основной массе членов общины приобретение этих прав.

Если бы это еще нуждалось в доказательстве, то таковое лучше всего искать в том факте, что благодаря непрестанным усилиям «Союзу за народные выборы», хотя и удалось в значительной мере в кругах трудящихся классов пробудить интерес к общинным делам, но все же его призыв к приобретению права гражданства привел лишь к ничтожным результатам. Размер существующих налогов на получение права гражданства, вдвойне ощутимый в период финансовых затруднений для предпринимателей и рабочих, а также в случае резкого подорожания стоимости жизни, оказывается недоступным для подавляющего большинства малоимущих, так что последние в большей части приобретают лишь право на жительство на основании статьи II закона об оседлости, но право гражданства они могут приобрести лишь в редких случаях...

Такое положение дел неизбежно задевает правосознание всех тех, кто лишен привилегий, а вследствие того, что этим сеется недовольство и недоверие и что животворные силы большинства членов общины от нее отчуждаются, то и сама община терпит от этого серьезный ущерб.

Наилучшим путем для решения проблемы, несомненно, является внесенное в ландтаг предложение об изменении законодательства по вопросам права общинного гражданства и оседлости в указанном выше направлении...

В будущем следует тесно связать право на жительство с правом гражданства — так, чтобы каждый, уже имеющий право на жительство и обладающий предусмотренной законом возможностью для приобретения права гражданства, получил последнее просто как безусловное следствие первого. Право на жительство должно бы давать право на получение гражданства всякому, кто два года проживает в данной общине, платит прямые налоги, не получал за это время пособия по бедности, не лишался своих прочих гражданских прав, причем это получение права должно стоить ему гораздо меньше. Для всех малоимущих, т. е. для всех, кто платит менее 10 марок прямых налогов, этот одновременный расход не должен превышать 25 марок. Право гражданства должно бесплатно даваться тем, кто приобрел право на жительство» [1].

Но каковы же причины, побудившие Ленина работать, соблюдая строгие правила конспирации, в том самом Мюнхене, где тогда даже иностранные социал-демократы, такие, как Юлиан Мархлевский, могли быть членами немецкой партии?

Соглашение о выдаче преступников

1.

«Трижды прославленная и благословенная Россия, с полным правом называемая святой, а для меня — идеал империи,— писал баварский король Людвиг II в письме от 2 апреля 1869 года царице Марии Александровне,— благословенная страна, в границах которой проживает народ, равного которому нет во всем земном царстве господа бога, народ преданный и пылающий самоотверженной любовью к данному ему богом правителю...» [2]

[1] Stadtarchiv München, Einwohnermeldeamt Nr. 142.

[2] Hümmert. Zwischen München und St. Petersburg, a.a.O., S. 85.

Баварский король Людвиг II не впервые выражал так свое восхищение этим якобы столь гармоничным в мирском и духовном отношении единством народа и царя, духом покорного верноподданничества и богобоязни. Людвиг II высказал царице также свое недовольство Пруссией и собственными, высшими чиновниками, которые якобы даже организовали заговор против своего короля. «О, ты даже не поверишь, любимая тетя, сколько у меня забот и трудностей с моими палатами, какие они высокомерные, так что приходится защищаться и обороняться не только от Пруссии, но и внутри страны названные силы делают все, дабы затруднить жизнь, отравить ее»[1].

Поражение государств, объединившихся в Германском союзе против Пруссии, стоило Баварии ряда пограничных районов, которые ей пришлось уступить Пруссии; в случае войны она должна была подчинить свои войска королю Пруссии и, кроме того, внести 30 млн. гульденов репараций.

Поэтому Людвиг II совершенно откровенно попросил помощи у русского царя; в послании от 18 августа 1866 года он просил царицу Марию Александровну поддержать его просьбу перед царем Александром II:

«Тотальное поражение Австрии в несчастной войне с Пруссией довело нас до того, что мы вынуждены теперь почти любой ценой заключить мир с Пруссией, ибо в военном отношении мы не можем с ней тягаться. Учитывая это, Пруссия ставит нам такие условия мира, которые мы вряд ли в состоянии выполнить. Моя просьба, любимая тетя, состоит в том, чтобы Вы великодушно и сердечно попросили от моего имени царя ходатайствовать перед Пруссией за меня и мою страну, дабы она отказалась от самых крайних требований...»[2]

Однако русский царь не стал посредничать, хотя баварский король специальной телеграммой — помимо письма, посланного им царице, — прямо попросил его об этом[3]. Бавария вынуждена была заплатить репарации Пруссии. Русский царь явно не захотел в этом вопросе пойти навстречу королю Баварии, который видел в России державу — защитницу против Пруссии. Несмотря на все разногласия, Россия и Пруссия в конце концов считали себя гарантами сохранения господствующих в Европе государственных и классовых интересов от посягательств демократов и социалистов.

Тем не менее между Россией и Баварией была заключена конвенция о взаимной выдаче преступников. Позже в 1885 году подобное соглашение было подписано между объединенной Бисмарком Германией и Россией. А 30 апреля 1869 года в № 30 правительственного органа королевства Баварии появилось «Извещение о договоре с Россией о взаимной выдаче преступников».

«1869 г., февраля 14-го (26-го). Картельная конвенция с Бавариею. (2-е П.С.З. № 46.872).

Е. В. Император Всероссийский и Е. В. Король Баварский, признав полезным постановить посредством конвенции правила о взаимной выдаче преступников, назначили на сей конец своими уполномоченными, а именно:

Е. В. Император Всероссийский, князя Александра Горчакова, своего Государственного Канцлера, члена Государственного Совета, имеющего Его портрет, украшенный бриллиантами на Андреевской ленте, кавалера Императорских и Царских орденов: Св. Апостола Андрея Первозванного с алмазами, и проч.,

а Е. В. Король Баварский, графа Карла фон Тауфкирхена, кавалера баварского ордена Св. Георгия, кавалера российского ордена Св. Анны 1-й степени и проч.,

каковые полномочные, по взаимном сообщении своих полномочий, найденных в доброй и надлежащей форме, постановили и подписали нижеследующие статьи:

Статья I

Императорско-Российское и Королевско-Баварское правительства обязуются взаимно, в случаях и с соблюдением правил, определенных в нижеследующих статьях, выдавать все лица, за исключением своих подданных, осужденные, преданные суду или подвергнутые следствию за одно из преступлений или за один из проступков, исчисленных в статье III, приговором или постановлением об арестовании, состоявшимися в судебных местах той из двух договаривающихся стран, против законов которой совершены те преступные действия.

Статья II

Обязательство выдачи ни в каком случае не распространяется на собственных подданных того государства, от которого требуется выдача. Однако договаривающиеся стороны обязуются преследовать, согласно своим законам, все преступления и проступки, совершенные их подданными против законов противной стороны, как скоро предъявлено будет о том требование и если притом эти преступления или проступки могут быть включены в одну из категорий, исчисленных в статье III. Выдача должна требоваться дипломатическим путем, и требование должно сопровождаться всеми нужными сведениями, с предъявлением явных указаний виновности обвиняемого лица.

---

[1] Hümmert. Zwischen München und St. Petersburg, a.a.O., S. 85.
[2] Ebenda, S. 78 ff.
[3] Ebenda.

В наименоеание подданных, относительно применения настоящей конеенции, включаются те иностранцы, которые по законам той страны, от которой требуется выдача, ураенены с подданными, а также иностранцы, еодеорившиеся е стране и состоящие или состояешие в браке с туземною женщиною и имеющие от нее дитя или несколько детей, родиешихся е стране.

Статья III

Выдача имеет последоеать только в том случве, когда причиною осуждения, обвинения или судебного преследоеания служит умышленное преступление или умышленный проступок, совершенные вне владений того государства, от которого требуется выдача, и за которые еиноеный е них может по законам той страны, которая требует еыдачи, подлежать наказанию тюремным заключением свыше одного года, или же наказанию уголоеному или сопряженному с лишением чести.

Выдача имеет последоеать, за изъясненным ограничением, за следующие преступления и проступки, не исключая соучастия е них и покушения:

1) Всякое незаконное действие, причиниешее смерть или тяжкое уеечье или болезнь челоееку.

2) Изгнание плода.

3) Изнасилоеание и другие преступления протие целомудрия.

4) Поджигательстео, разрушение железных дорог, судое, руднилое, телеграфое и плотин.

5) Лжесеидетельство е судах.

6) Подделка письма.

7) Выделка фальшиеой монеты, подделка банкоеых билетое, бумажных денег, публичных бумаг и распространение такоеых фальшиеых ценностей.

8) Воровстео, похищение, мошенничестео, езяточничество.

9) Подкуп, преступления и проступки должностных лиц по службе.

10) Злостное банкротстео.

Статья IV

Если тем же самым действием, за которое требуется еыдача какого-либо лица, еызыеается раеным образом судебное преследоеание е той стране, от которой требуется еыдача, е твком случае окончательный ответ может быть приостаноелен до тех пор, пока не будет судебными местами рассмотрен еопрос о еиноености этого лица протие сей последней страны и, в случае признания его еиноеным, пока оно не выдержит присужденного наказания.

Выдача не последует:

1) когда она требуется по поеоду того же преступления или проступка, за которые требуемое лицо несет или уже понесло наказание, или по которому оно было опраедано или осеобождено от суда е той стране, от которой требуется еыдача;

2) если для начатия дела или для наказания прошел срок давности по законам той страны, от которой требуется еыдачв.

Статья V

Если требуемое лицо преследуется или задержано за другое преступление или другой проступок протие законое той страны, от которой требуется еыдача, е таком случае выдача приостанаеливается до тех пор, пока лицо это не будет осеобождено от суда или не еыдержит присужденного ему наказания; таким же образом должно быть поступаемо, когда требуемое лицо задержано за долги по судебному пригоеору или по иному бесспорному акту, еыданному от подлежащей еласти, буде они предшестеоеали требоеанию о еыдаче.

Если еыдачи какого-либо лица требуют е одно и то же еремя одна из догоеариеающихся Держае и другое государстео, с которым также сущестеует обязательство еыдачи, осноеанное на конвенции, е таком случае имеет последоеать еыдача тому государству, от которого требоеание, с надлежащими доказательстеами, получено переое.

Но если требуемое лицо есть подданный (е тесном смысле, а не е том широком смысле, который указан в статье I настоящей конеенции) одного из требующих еыдачи государсте, и отношения, для него еозникающие из этого подданстеа, не были прекращены порядком, предписанным законами того государства, то оно должно быть предпочтительно еыдано сему последнему государству.

Статья VI

Преступления и проступки политические исключвются из настоящей конеенции.

Однако е отношении применения настоящей статьи само собою разумеется, что не будет признаеаемо за политический проступок покушение протие особы иностранного государя, если это покушение состаеляет преступное действие, предусмотренное е № 1, статьи III.

Статья VII

Лицо, на выдачу которого последоеало согласие, может подвергнуться преследованию или наказанию за преступления или проступки, предшествоваешие еыдаче, только когда эти преступления или проступки предусмотрены в статье III.

Статья VIII

Оба договаривающиеся правительства могут и до предъявления постановления об арествт требовать немедленного и предварительного арестования иностранца, коего выдача требуется.

Это предварительное арестование, впрочем отнюдь не обязательное, должно производиться с соблюдением порядка и правил, предписываемых законодательством той страны, где оно имеет последовать.

Таковой иностранец освобождается, коль скоро в продолжение двадцати днвй со дня его арестования правитвльству, приглашенному арестовать его, не будет сообщено постановления о его арестовании.

Статья IX

Выдача должна требоваться дипломатическим путем и может последовать только по предъявлении, подлинником или в засвидетельственной копии, приговора или обвинительного акта, или же постановления об аресте, выданных по форме, предписанной законами страны, требующей выдачи, с означением преступления или проступка, служащего поводом к требованию выдачи, и карательного закона, к оному применяющегося.

Статья X

Вещи, отобранные у требуемого к выдаче лица, если подлежащею властью в том государстве, от которого требуется выдача, будет предписано оные возвратить, должны быть сданы одновременно с выдачею самого лица.

Статья XI

Когда в производстве уголовного дела одно из правитвльств сочтет нужным допросить свидетелей, жительствующих в другом из договаривающихся государств, то должно быть послано дипломатическим путем письмвнное о том ходатайство, которое и будет исполняться с соблюдением законов той страны, где свидетели будут приведены к допросу.

Статья XII

Если по уголовному делу нужно или желательно, чтобы свидетель, проживающий в другом государстве, явился лично, то правительство сего свидетеля пригласит его явиться на сделанный ему вызов, и, буде он на то согласится, ему должна выдаваться сумма на проезд и пребывание, по правилам и тарифам той страны, где ему придется дать показание.

Статья XIII

Когда в уголовном деле признается нужным и полезным очная ставка с преступниками, содержащимися в другом из договаривающихся государств, или сообщение доказательств или документов, находящихся в руках властей другого государства, то об этом должно быть доставлено дипломатическим путем ходатайство, которое будет исполнвно, если тому не воспротивятся какие-либо особые уважения, и притом с обязательством отослать обратно преступников и документы.

Статья XIV

Оба правительства сообщают друг другу дипломатическим путем приговоры, постановляемые их судебными местами за преступления или проступки над подданными иностранного государства.

Статья XV

Все бумаги и документы, взаимно сообщаемые обоими правительствами по исполнении настоящей конвенции, должны быть посылаемы с приложением французского перевода, если только они не писаны на немецком языке, в каковом случае нет надобности в переводе.

Статья XVI

Оба правительства взаимно отказываются от всякого требования возмещения издержек на содержание, пересылку и иных, какие могли быть употреблены в пределах территории каждого, по случаю выдачи обвиняемых, подсудимых или осужденных, а также расходов, употребленных по исполнению судебных ходатайств, на пересылку и возврат преступников для очных ставок и на доставку и возврат вещвственных доказательств или документов.

Издержки на содержание и пересылку обвиняемых, подсудимых или осужденных чрез владения промежуточных государств падают на счет требующего государства. В тех случаях, когда будет признана более удобною пересылка морем, выдаваемое лицо будет доставляться в порт, назначенный дипломатическим или консульским агентом требующего выдачи правительства, и на его же счвт падают издержки провоза морем.

Статья XVII

Вышеизложенными условиями обе договаривающиеся стороны соглашаются взаимно соблюдать законы обеих стран, которыв относятся к устройству правильного порядка выдачи преступников.

Статья XVIII

Исполнение настоящей конвенции распространяется на Царство Польское и Великое Княжество Финляндское.

Она будет ратификована, и ратификации будут обменены в С.-Петербургв в твчение шести недель или ранее, будв возможно.

Настоящая конвенция подлежит исполнвнию только по истечении двадцати дней после распубликования оной порядком, предписанным законами той и другой страны.

Она будет оставаться в действии до истечения шести месяцев после того, как послвдует от одного из договаривающихся государств объявленив об отмвне оной.

В удостоверенив чвго и т. д.

Учинено в С.-Петербурге, 14-го (26-го) февраля 1869 года.

(М.П.) Горчаков.

(М.П.) Тауфкирхен.

Ратификована в С.-Петербурге 18-го марта 1869 года»[1].

Этот договор является частью тех законодатвльных и государственно-полицейских мер, которые были характерны для политики европейских государств до первой мировой войны и даже после нее. Все более настоятельным становилось решение социального вопроса, а самые отсталые и реакционные монархии, господствующие классы — крупные землевладельцы и буржуазия — упорно цеплялись за власть и свои привилегии и усиленно содействовали превращению своих государств в машины подавления. В центре же демократического движения против реакции теперь уже поднималось рабочее движение. Но наряду с ним во второй половине прошлого века появилось течение, которое имело в себе черты анархизма и терроризма и которое стремилось к изменению существующего строя тирании и несправедливости с помощью индивидуального террора. История германско-русских договоров о выдаче преступников является убедительным свидетельством того, как быстро господствующий класс и его представители сумели использовать анархизм и терроризм в своих целях, всв более изощренными мерами полицейского государства и прикрытого законом произвола подавляя именно революционное рабочее движение.

В России отнюдь не господствовала та гармония между самодержцем и народом, о которой так мечтал Людвиг II, равно как и в Баварии социальные и политические противоречия отнюдь не соответствовали тому «чисто католическому и монархическому принципу», о котором мечтала тетя Людвига — русская царица.

Карл Леман в предисловии к книге «Голодающая Россия», изданной в 1900 году, пишет:

«Россия — это страна неожиданностей. То она кажется разваливающейся импврией, на грани банкротства, а то являвтся в виде опасной, грозной державы... Она одновремвнно бвдна и богата, слаба и сильна; она — внушающий страх оплот реакции... отсталая в культурном отношении страна, и она же создала современную литературу, триумфальным шествием прошвдшую по всему миру. Картины варварской жестокости — и картины высочайшего гуманизма, прекраснвйшего самопожертвования! Ведь совсем недавно ввсь цивилизованный мир с содроганивм и восхищвнием следил за бесстрашной и жвстокой борьбой «Народной воли»! Казалось, Россия находится в преддверии революции. Когда был убит Александр II, то не только казалось, а все были увервны, что вместе с ним рушится система абсолютизма и наступавт день избавлвния. Политик, пврелистывающий хронику того времвни, которое мы все еще помним, поражается.

В *октябре* 1881 года немецкий историк *Шультес* сообщает о России: «В мвстах с особенно строгой охраной порядка, гдв даже втроем встречаться нередко было опасно для жизни,— имвнно там волнвния достигают такой степвни, что многие начинают твврдо вврить, будто огромная, централизованно руководимая революционная организация охватила всю империю... Дажв столь энергичный начальник полиции (Петврбурга) Козлов неоднократно заявлял, что он смертельно устал от безнадежной борьбы против неуловимого нигилизма... Царь исступленно негодует, что полиции нв удастся никого поймать».

Конец *ноября*: «Положение во многом стало невыносимым и, очевидно, безнадежным. Никто, даже сам царь, не знает, как помочь делу и что предпринять. В этом согласны все поступающие из России сообщвния».

Середина *декабря*: «Аресты в Москве. Торжества по случаю коронации откладываются на неопределенное время. В Петербургв считают, что царь в Москве находится не в большей безопасности, чем тут...

Положенив исключительно печальное. В газету «Везер Цайтунг» об этом пишут: кто действительно хочвт сказать правду, тот должен признать, что изо дня в день обстановка у нас становится все болве безнадвжной. Правительство и друзья царя наперекор всему ходу событий хотят силой подавить революцию, в то время как о ней все больше

[1] *Мартенс Ф.* Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Трактаты с Германиею. 1825—1888. С.-П., 1888, т. 8, с. 564—573, № 349.

разговоров и именно она, *исключительно она, определяет ход событий*, оставаясь неуловимой, но порождая все новых, отчаявшихся безвыходным положением, глашатаев и занимая умы сотен пишущих».

Первое покушение на царя Александра II было совершено 16(4) апреля 1866 года. В него стрелял 25-летний дворянин Каракозов, но не попал. Людвиг II, узнав об этом, очень испугался.

В конвенции от 1869 года о выдаче преступников в статье VI говорилось, что «преступления и проступки политические исключаются из настоящей конвенции». Но эффективность этого положения ослаблялась тем, что на проступки и преступления против личности зарубежного суверена это не распространялось.

Главный смысл указанного договора состоял тем самым в том, что власти могли поступать произвольно, если, например, царь потребует выдачи политического противника и сошлется при этом на конвенцию 1869 года. Людвиг II толковал этот договор в духе защиты «устойчивого международного правопорядка»:

«При хороших отношениях, сложившихся с царским правительством (в России.— *Ф. Х.*), и с учетом огромных преимуществ, которыми несомненно обладает подписанная конвенция для международных отношений обеих стран...»[1] И в Мюнхене тоже господствовал страх перед действительными или мнимыми тайными союзами заговорщиков.

О неком «Славянском тайном союзе» докладывали полицейские агенты Мюнхена в 1869 году: «На Корнелиусштрассе, 5, во дворе, 1-й этаж, как будто ежедневно с 8 до 10 часов утра проводит свои встречи тайное общество, состоящее из иностранцев...»[2]

Итоги различных наблюдений, которые чиновники осуществляли под кодовым названием «Конверт», привели к выводу, что речь шла, как видно из заключительного донесения от 4 апреля 1870 года, о совершенно безобидном деле:

«Согласно предпринятым до сих пор наблюдениям в названном месте продолжают читать и устраивать громкую читку польских газет и ведут именной список. В то же время не удалось установить наличие формального союза, члены которого платят взносы, или чтобы на собраниях читались лекции или велись споры»[3].

Но события последующих лет ни в коей мере не оказались столь безобидными — по мере роста социальной нищеты и поскольку ничего не менялось в отношениях совершенно изжившего себя общественного и политического строя, постольку обострялись и классовые конфликты.

[1] Ordensverleihungen aus Anlaß des Abschlusses eines Auslieferungsvertrages mit Rußland. BayHStA MA 65914.
[2] Slawischer Geheimbund 1869/70. StaM Pol. Dir. Mü. 595.
[3] Ebenda.

2.

В 1881 году «Народная воля» достигла одной из своих целей: под руководством Софьи Перовской, дочери генерала, взрывом бомбы был смертельно ранен царь Александр II. Издававшаяся в Петербурге на немецком языке газета «Ди Прессе», к которой было приложено сообщение, адресованное баварским посланником своему правительству в Мюнхене, писала 18 марта 1881 года:

«Что сделать, дабы на все времена стали невозможными такие страшные вещи, как недавнее убийство царя?

...Следует ли народу грозить, следует ли вступать на престол в качестве карающего бога или доброго отца, прощать совершенное и обещать облегчения? Первое означало бы прямо-таки провоцировать заговорщиков, чтобы они убрали с пути грозного царя. А обещать снисхождение — значит связывать себе руки, обещание облегчений могло быть воспринято как признак слабости»[1].

Однако надежды народовольцев, что народ, освобожденный от тирана, бурно поднимется против самодержавия, не оправдались. Покушение оказалось не сигналом к революции, а лишь поводом для жесточайших репрессий, за которыми, вплоть до революции XX века, последовали десятилетия самодержавного произвола, высшим лозунгом которого стали слова консервативного философа Константина Леонтьева: чтобы спасти Россию от революции, ее следует заморозить.

Царская Россия превратилась в такой оплот реакции, в котором для охраны существующего порядка использовались не только все мыслимые, но и недопустимые средства. Вильгельмовская Германия с рейхсканцлером князем Отто фон Бисмарком стала одним из союзников России, также готовым на все. В середине 80-х годов, когда преследования социал-демократов были в полном разгаре, между Россией и Германией был заключен своего рода антитеррористический пакт: договор о выдаче преступников, заключенный в 1885 году, должен был задушить революционное движение обеих стран, ибо в нем предусматривались совместное обнаружение «главарей бунтовщиков» и взаимная выдача их друг другу. Этот договор оставался в силе до 1914 года. Он прежде всего ударил по русским подданным, находившимся по самым различ-

[1] Die bayerische Gesandschaft in St. Petersburg. BayHStA Gs. Petersburg. 80.

ным мотивам в Германии, где они искали убежище от преследований со стороны царских властей.

Существовавший же с 1881 года «Прусско-русский договор» был, по выражению рейхсканцлера Бисмарка, «плодом тех переговоров, которые русское правительство непосредственно после убийства царя Александра II начало еще с целым рядом других держав» [1].

Правительства в Берлине и Петербурге считали прежде всего Швейцарию и Англию местами скопления всяких «политических уголовников». Согласно официальным комментариям и высказываниям буржуазной прессы, главной целью договора была безопасность существующего строя, а поэтому не было якобы необходимости в выявлении мировоззренческих и политических мотивов «преступников». Влиятельная официозная берлинская газета «Национал-Цайтунг» писала 3 марта 1885 года, что вопрос о том, следует ли включать в договор о выдаче преступников «политические преступления» и что вообще следует понимать под «политическим преступлением», считался совершенно несущественным. «В прошлом возникло мнение, будто достаточно, чтобы преступник действовал с политическим намерением, дабы освободить его от выдачи. Но это, как следует из различных положений договоров о выдаче и особенно из истории их возникновения, является заблуждением. Под политическим преступлением или проступком в смысле этих договоров следует понимать лишь действия, направленные против государства, как-то: измена родине, предательство, оскорбление царствующей особы и др. Наличие политического намерения не является для этого понятия необходимым и достаточным» [2].

Ниже приводится текст нового соглашения, которое подписали королевское правительство Пруссии и царское правительство России, согласно нотам, которыми стороны обменялись в январе 1885 года:

«С.-Петербург, 1-го (13-го) января 1885 года.

Нижеподписавшийся чрезвычайный и полномочный посол Его Высочества Германского Императора, Короля Пруссии, уполномочен от имени королевского прусского правительства заявить о согласии с нижеследующими предложениями, бывшими предметом предварительного соглашения между правительствами России и Пруссии и призванными служить основанием для выдачи преступников.

[1] Auslieferungsverträge mit Rußland 1885—1918. BayHStA Gs. Berlin 1705.

[2] Ebenda.

Королевское прусское правительство обязуется выдавать царскому русскому правительству, по его требованию, русских подданных, обвиняемых или привлеченных к ответственности за одно из нижеисчисленных преступлений или проступков, или же осужденных за одно из сих преступлений или проступков или избежавших заслуженного наказания:

1. За нижеозначенные преступления или проступки или приготовления к совершению таковых, если эти преступления или проступки были совершены против особы Его Высочества Императора России или членов его семьи:

а) убийство;
б) насильственные действия;
в) телесные повреждения;
г) умышленное лишение личной свободы;
д) оскорбление.

2. Убийство с заранее обдуманным намерением или покушение на убийство.

3. Изготовление или хранение динамита или иных взрывчатых веществ, в том случае, если изготовление или хранение таковых веществ по русским законам считаются наказуемыми.

II

Во всех других случаях, в которых царское русское правительство запросит выдачу за одно из преступлений или проступков, не упомянутых в статье I, это требование будет принято королевским прусским правительством во внимание и, если не возникнут никакие препятствия, то, учитывая дружественные и добрососедские отношения, соединяющие оба государства, данная просьба будет удовлетворена.

III

Если преступление или проступок, по поводу коих требуется выдача, были совершены с политической целью, то это обстоятельство ни в каком случае не может служить основанием к отказу в выдаче.

IV

Настоящее соглашение вступает в силу со дня обмена соответствующими нотами между королевским прусским и царским русским правительствами.

Подписавшийся пользуется этим случаем, чтобы вновь выразить Его Превосходительству господину министру свое исключительно высокое уважение.

фон Швейниц.

В адрес Его Превосходительства министра иностранных дел господина фон Гирса» [1].

[1] Auslieferungsverträge mit Rußland 1885—1918. BayHStA Gs. Berlin 1705.

Однако для правительства Баварии ратификация этого предложенного Пруссией соглашения оказалась затруднительной: старый договор 1869 года создал Баварии частичный суверенитет в ее внешних отношениях. Поэтому королевское правительство выдвинуло ряд возражений во время принятия новых договоров; при этом оно опиралось во многом на положения старого договора.

В телеграмме, направленной на берлинскую Вильгельмштрассе, в резиденцию прусского и германского министерства иностранных дел, баварский премьер-министр фон Крайльсгейм сообщил поэтому следующее:

«Баварское правительство исходит в своей поддержке договора из того убеждения, что существующие между отдельными германскими государствами и Россией договоры о выдаче, поскольку таковые не находятся в противоречии с новым соглашением, сохраняют свою силу и что прежнее ведение дел по вопросам выдачи преступников и право самостоятельного принятия решений относительно согласия на выдачу не изменяются новым соглашением.

Быть может, к этому присоединится Вюртемберг. Крайльсгейм»[1].

Из записей королевского баварского посланника в Берлине графа фон Лерхенфельда от 1 мая 1885 года следует, что переговоры прошли отнюдь не без трений. Бавария воспротивилась желаниям Пруссии и получила в этом поддержку королевства Вюртемберг. Поэтому «лишь между Пруссией и Россией, а затем между Россией и Германией удалось достигнуть согласия»[2].

«По политическим и военным причинам»,— отмечает граф фон Лерхенфельд,— рейхсканцлер должен быть заинтересован в том, «чтобы федеральные правительства не действовали без согласования с министерством иностранных дел рейха»[3].

Представитель Баварии, которого поддержал представитель Вюртемберга, настоял, однако, от имени своего правительства на том, «чтобы запросы (относительно выдачи преступников.— *Прим. перев.*) направлялись непосредственно в адрес федеральных государств, а они передавали их непосредственно русскому правительству».

Лишь «в трудных случаях» Бавария вступит в переговоры с имперским министерством иностранных дел, но в остальном сохранит за собой право принятия решений о выдаче.

Бисмарк, стремившийся распространить на все немецкие государства прусскую практику высылки, вынужден был считаться с возражениями Баварии. В официальном письме от 27 июня 1885 года баварский премьер-министр фон Крайльсгейм сообщил «Его Высокородию королевскому посланнику и т. д. господину графу фон Лерхенфельду» официальную точку зрения своего правительства:

«Господин министр фон *Гирс* в беседе с бароном фон *Газером* затронул недавно подписанный между Пруссией а также Германским рейхом и Россией договор о выдаче преступников и при этом заметил, что приходится сожалеть, что этот предмет не получил урегулирования в германском рейхстаге. Подписание этого договора существенно помешает анархистам и значительно поможет государственным органам в выполнении своих задач. С учетом вышеизложенного он пришел к заключению, что было бы желательно, чтобы такой договор был заключен и с каждым из остальных германских правительств, и поэтому он доверительным образом попросил барона фон *Газера,* не делая пока запроса, разузнать в Мюнхене, склонно ли баварское правительство к заключению этого договора.

В материальном отношении вряд ли нужно противопоставлять с нашей стороны какие-то особые сомнения пожеланию русского господина министра. У нас нет повода в общей оценке этого предмета идти вразрез с мнением берлинского кабинета, который неоднократно подчеркивал большое значение, придаваемое им получению договорного основания для борьбы с анархистскими деяниями и преступлениями. Одобрив германско-русский договор о выдаче преступников от 8 (20) марта с. г. [см. § 258 протокола бундестага этого года], мы таким образом выразили свое согласие с тем, чтобы содержание этого договора было признано имеющим силу для всего рейха. Однако именно для Баварии в меньшей степени, чем для других немецких государств, существует потребность в новом договорном урегулировании этого вопроса, ибо у нас уже имеется договор с Россией о выдаче преступников от 26 февраля 1869 года, который содержит в себе значительную часть предполагаемого содержания договора и который помимо прочего считает незаконные действия, направленные против личности иностранного суверена, достаточным основанием для выдачи, независимо от того, имели ли эти действия политический мотив [ст. VI, абз. 2 баварско-русского договора]. Следует также учитывать, что баварско-русский договор содержит ряд положений относительно важных вопросов осуществления выдачи, которые отсутствуют в прусском и общеимперском договоре, как, например, о пути, по которому следует направлять просьбы о выдаче преступников, о прилагаемых доказательствах, о языке, на котором следует их писать, о том, кто несет расходы, о временном аресте и т. д. С учетом этого при заключении нового баварского дого-

[1] Auslieferungsverträge mit Rußland 1885—1918. BayHStA Gs. Berlin 1705.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.

вора с Россией возник бы вопрос, следует ли просто отказаться от этого установленного права в пользу нового договора или же было бы предпочтительнее сохранить все это в силе и на будущее посредством всеобщего ограничения [«старый договор сохраняет силу в той мере, в какой он не вступает в противоречие с новой договоренностью»] или же путем соответствующей доработки и включения в новый договор необходимых положений старого. Во всяком случае, королевское правительство при новой договоренности с Россией считало бы желательным достигнуть ясности в утвердительном или отрицательном смысле относительно вопроса о продолжении и сохранении в силе старого договора. Вряд ли эти вопросы могут создать материальное препятствие для достижения предлагаемого господином фон *Гирсом* согласия.

Однако в формальном отношении имеется немаловажное сомнение. Договор о выдаче преступников между Германским рейхом и Россией от 8 (20) марта с. г., который был представлен последнему рейхстагу в виде документа за № 380, не был им включен в официальную повестку дня для рассмотрения и потому согласно ст. 11, абз. 3 имперской конституции он еще лишен в Германском рейхе законной силы, равно как и потому, что нет еще его ратификации кайзером. Но несмотря на это, договор является обязательным для имперского руководства в том смысле, что оно вынуждено предпринять необходимые меры, чтобы договор получил силу в Германском рейхе. Поэтому следует полагать, что в качестве законопроекта договор будет вновь представлен на рассмотрение следующему заседанию рейхстага. Для нас отсюда возникает проблема, что мы столкнемся с делом, которое уже принято к рассмотрению и подлежит решению на уровне империи, а мы путем баварско-русской договоренности невольно вмешались бы в ход конституционного рассмотрения этого дела. Следует также учитывать, что эта баварско-русская договоренность, если рейхстаг одобрит договор от 8 (20) марта с. г., сразу же должна будет ему уступить и потому, возможно, будет иметь силу лишь в течение нескольких недель.

Для того чтобы ответить на запрос господина фон *Гирса*, я хотел бы прежде всего иметь ясность относительно следующих вопросов:

1. Существует ли намерение вновь представить германско-русский договор о выдаче преступников на рассмотрение рейхстага на его следующей сессии?

2. Если да, то считает ли имперское руководство целесообразным, чтобы в оставшийся до этого краткий период времени баварское правительство вступило в переговоры с русским правительством относительно договора о выдаче и довело бы дело до заключения такого договора?

3. Считает ли имперское руководство вообще допустимым, чтобы до тех пор, пока судьба германско-русского договора о выдаче остается неопределенной, Бавария заключила бы с Россией особый договор по этому предмету?

С высочайшим почтением я прошу Ваше Высокородие доверительным образом выдвинуть эти вопросы для обсуждения в министерстве иностранных дел и довести до моего сведения результаты обсуждения. Я имею честь приложить «Баварский правительственный вестник» № 30 от 1869 года, в котором напечатан баварско-русский договор о выдаче от 26 февраля того же года, для приобщения к делам посольства и с удовольствием пользуюсь и этим поводом для выражения моего исключительно высокого уважения»[1].

Выступая 3 декабря 1885 года в баварской палате депутатов, премьер-министр фон Крайльсгейм заявил, что в принципе не возражает против совместного действия правительств против анархизма и «политических преступников»:

«Мы заключили договор отнюдь не из-за особой склонности к жестокому и беспощадному действию в области выдачи преступников. Мы его заключили, ибо чувствовали в нем потребность, обусловленную прежде всего действиями анархистов... Вероятно, лишь в редких или исключительных случаях можно обнаружить ощущаемую обществом потребность в договоре о выдаче преступников; эту потребность зато ощущают правительства. Однако заключаются и такие договора о выдаче, мотивы которых коренятся в совершенно иной области. Трудно доказать и то, что в 1869 году у широких кругов баварского населения проявилась потребность в заключении с Россией договора о выдаче... Но, чем выше в других местах поднимаются волны, тем больше опасность того, что и у нас станет ощутимым прибой. Впрочем, анархизм не обходит полностью и баварскую территорию. Напомню тот факт, что лишь недавно было выслано из Мюнхена большое число анархистов. Но во всяком случае Бавария пользуется одним непосредственным преимуществом, которое состоит в том, что политически скомпрометированные лица не вступят на территорию Баварии, что Бавария не станет прибежищем для политических преступников»[2].

Либеральные депутаты отвергали новый договор и хотели ограничиться старым. Они ссылались на уроки подавления польского восстания, и их депутат Гейгер заявил: «Некоторые (поляки.— *Ф. Х.*) — я сам таких знаю — нашли убежище в Баварии. Господа, что бы

---

[1] Auslieferungsverträge mit Rußland 1885—1918. BayHStA Gs. Berlin 1705.
[2] Ebenda.

вы сказали о том человеке, который тогда посоветовал бы выдать этих людей?»[1]

Было принято даже решение баварской палаты депутатов, в котором предлагалось отказаться от нового договора. Отвечая на вопрос о различиях между старым и новым договором, Крайльсгейм сказал:

«Фундаментальное различие между конвенцией 1869 года и новым договором заключается именно в отношении к политическим преступлениям. Конвенция 1869 года выдвигает принцип, что за политические преступления и проступки выдача не производится, а исключение делается лишь за убийство и телесные повреждения, нанесенные суверену или одному из членов его семьи. Новый договор выдвигает противоположный принцип, а именно что политическое намерение, положенное в основу преступления, не может служить основанием к отказу в выдаче»[2].

В конце концов баварское правительство присоединилось к более жесткому содержанию нового соглашения о выдаче, но продолжало настаивать на том, что оно само будет решать, кого следует выдавать. Практически это приводило к значительным различиям. В реакционной русской прессе появились острейшие нападки на баварскую палату депутатов. «Берлинер Тагеблат» от 16 октября 1885 года приводит сообщение из Петербурга:

«Консервативное «Новое время» пишет: «Мы привыкли к тому, что в *Германии* в настоящее время происходят очень *оскорбительные для России* вещи. Но последнее выступление всей баварской палаты превосходит все, что можно было ожидать от разгоряченных немецких шовинистов (!). Только люди, потерявшие всякое чувство меры в проявлениях своих чувств, способны публично утверждать, что Бавария настаивает на том, чтобы предоставлять убежище людям, обвиняемым в покушениях на русского монарха; требование об отмене договора 1885 года мы не можем расценить иначе, как *совершенно недостойный выпад некоего парламента*». Радикальная «Русь» заявляет: «Бавария позволяет себе высказывать свои взгляды на нашу, подвергнутую господином Щеловитовым реформе, юрисдикцию. Нам ничего не остается, как выразить протест против столь невежливого осуждения достижений русской юрисдикции и устройства наших тюрем и в ответ потребовать отозвать наших *дипломатических представителей из Мюнхена*. Между прочим, это следовало сделать уже давно, ибо этот дипломатический пост, существующий наряду с русским посольством в Берлине, больше не имеет никакого значения...»[3]

[1] Auslieferungsverträge mit Rußland 1885—1918. BayHStA Gs. Berlin 1705.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.

3.

Основные силы для борьбы против договора о выдаче преступников мобилизовала, однако, социал-демократия. Все вновь и вновь вносились запросы в рейхстаг, под которыми с середины 80-х годов постоянно встречаются подписи депутатов Игнаца Ауэра, Августа Бебеля, Вильгельма Либкнехта, Пауля Зингера, Георга фон Фольмара и других. Они выступали против «массовой высылки русских и австрийских подданных русской и польской национальности», требовали, чтобы рейхсканцлер «предпринял необходимые меры для скорой отмены этих законов, остро задевающих интересы немецкого народа», но в ответ Бисмарк и сторонники практики выдачи преступников регулярно заявляли следующее: «Представленное в названной интерпелляции правопонимание не находит основания ни в одном положении договоров федерации, конституции или законах империи»[1]. Вплоть до первой мировой войны германская социал-демократия рассматривала свое требование относительно отмены «позорных договоров о выдаче» как одно из важнейших проявлений своего интернационального долга. В протоколе заседания рейхстага от 3 мая 1906 года содержится целый набор тех точек зрения, с которых правительство, консерваторы и большинство буржуазных партий поддерживали «выдачу русских граждан царскому правительству», но в то же время этот протокол показывает, как социал-демократические депутаты осуждали подобную варварскую практику, которая принесла Германии — наряду с Россией — печальную славу оплота реакции. Ведь в большинстве случаев для тех иностранцев, которых это коснется, выдача означала многолетнее тюремное заключение, часто пожизненную ссылку, а во многих случаях даже смертную казнь.

«Господа, что случилось бы и что бы вы сказали, если бы подобным образом, как здесь, в Германии, поступают с русскими и иными иностранцами, поступили бы с немецкими гражданами за границей!» — заявил Август Бебель в своей обширной речи перед рейхстагом, насыщенной множеством фактов и данными по конкретным случаям[2]. «Какой был бы поднят крик. Несомненно, столько же причин, сколько имеется здесь, в Берлине, для высылки русских, имеется и относительно наших немецких родственников за границей, чтобы высылать их из самых различных государств мира и заявить им: убирайтесь поскорее к себе домой в германскую империю! (Выкрики со стороны социал-

[1] Auslieferungsverträge mit Rußland 1885—1918. BayHStA Gs. Berlin 1705.
[2] Protokoll der 93. Sitzung des Reichstags. Donnerstag, den 3. Mai 1906, 2875. In: BayHStA MInn 71623.

демократических депутатов: «Очень верно!») Я полагаю, что уже один только этот факт должен был бы заставить наших государственных деятелей и их подчиненных осознать, чего от них требует долг чести перед Германией и всем миром»[1].

Но правящие круги мало заботились о добром имени Германии, и точка зрения правых буржуазных кругов достаточно откровенно нашла свое выражение в формулировках правого депутата Латмана:

«Но что это за люди, над которыми социал-демократия простирает свои оберегающие их длани? Согласно речи господина депутата Бебеля, это должны быть исключительно безобидные, идеальные люди... Я, собственно, не понимаю, почему мы должны выступать за распространение этой опасной заразы. Пусть этим займется господин депутат Бебель.

Интересно отметить, что социал-демократический запрос датирован 1 мая. Ведь в этот день на улицах Парижа состоялись мощные демонстрации. Здесь, в рейхстаге, уже ранее справедливо указывалось, что и в этих демонстрациях большое число русских выступало подстрекателями. Но уличные демонстрации в Париже тоже якобы были лишь такой же «безобидной предвыборной забавой», как недавно у нас в Айзенахе или Гамбурге! Там демонстранты нанесли ножевые удары лишь лошадям, запряженным в омнибусы, опрокинули омнибусы и совершили ряд других столь же «безобидных» поступков... Что же, господа, полагается ведь чему-то научиться у истории... Если господин Бебель недавно сказал, что мы являемся более русскими, чем сами русские, то напишите-ка в Россию, пусть эти люди не едут к нам, ибо для них тут якобы все будет еще более ужасно. Мы будем очень рады, если они не приедут»[2].

Согласно своему интернационализму немецкая социал-демократия в свое время боролась против политики, неизбежно порождавшей национальную ненависть, и поступала по отношению к России так, как Бебель выразил это в следующих словах:

«Господа, вы не станете нас подозревать в том, будто мы являемся друзьями русского правительства. Следовательно, мы выступили с этим запросом воистину не ради русского правительства. Нам больше всего хотелось бы, чтобы весь русский деспотизм рухнул и был уничтожен еще сегодня. Но мы являемся друзьями русского народа и не хотим, чтобы между русским и немецким народами имелись бы какие-то разногласия, могущие ослабить взаимную симпатию и дружбу. Поэтому мы очень заинтересованы в том, чтобы с глубоким уважением и глубокой дружбой оказать услугу всем тем русским, которые идут к нам за помощью, так, как это положено приличному человеку и культурному государству. (Возгласы со стороны социал-демократов: «Очень верно!»)»[1]

[1] Protokoll der 93. Sitzung des Reichstags... a.a.O., 2875.
[2] Ebenda, 2876.

В этой замечательной речи Бебеля имеется также раздел, очень важный в связи с рассматриваемыми нами проблемами, касающимися русских революционеров:

«Могу вас заверить: те мужчины и женщины, которые участвовали там в народном движении последних лет, очень хорошо знают, что, если путь приведет их в Германию, чтобы хоть как-то, более или менее постоянно тут осесть, то им прежде всего в Пруссии каждое мгновение грозила бы смертельная западня указанного позорного русско-прусского договора о выдаче, заключенного в 1881 году. (Реплики социал-демократов: «Совершенно верно!») Эти люди очень хорошо знают, что ни одного дня они тут не находятся в безопасности. Напротив, они все стремятся к тому, чтобы как можно скорее перейти прусско-германскую границу, и я не собираюсь скрывать, что мы, социал-демократы, до сих пор считали одной из *своих главных* задач [выделено в оригинале] снабдить этих мужчин и женщин, прибывающих в Германию, средствами, дающими им возможность как можно скорее пересечь германскую границу. Итак, русских подданных этой категории в настоящий момент — могу дать вам свое слово — здесь, в Берлине и в Пруссии, совсем нет»[2].

Очевидно, Бебель знал — и наверняка знал не просто в общем и целом — обо всех обстоятельствах, особенностях и именах тех русских товарищей, помощь которым германская социал-демократия уже давно считала одной из своих главных задач.

Август Бебель не умолчал и на пленарном заседании рейхстага о том, что «все же здесь имеется большое число русских мужчин и женщин, придерживающихся социал-демократических убеждений. Но, господа, если этого достаточно, чтобы кого-то выслать, как только полиция каким-либо путем узнает о них, ибо они имеют политические убеждения, неприемлемые для прокурора, то это был бы такой образ действий, который находился бы в вопиющем противоречии с принципами тако-

[1] Protokoll der 93. Sitzung des Reichstags... a.a.O., 2876.
[2] Ebenda, 2871.

го культурного государства, каким мы желаем быть»[1].

Если Бебель так подчеркивал, что в Берлине и Пруссии русским социал-демократам угрожает особая опасность, то хотел ли он тем самым сказать, что эта опасность несколько меньше в других федеральных государствах Германии, например — в Баварии?

4.

Нет точной статистики обо всех высланных из Германии до 1914 года российских подданных, тем более что имелись случаи, когда русские студенты неожиданно уезжали, чтобы избежать такой высылки или обыска со стороны германских властей и полиции.

Но можно считать установленным, что число высланных из Баварии лиц российского гражданства не идет ни в какое сравнение с теми тысячами интеллигентов и рабочих, которые были высланы из Берлина, из Западной и Восточной Пруссии. Официально в делах баварского министерства иностранных дел приводятся имена высланных: за 1899 год — *Рудалоф Шевель*, за 1900 год — *Лео Кохман, Иоганн Оранович* и *Евгений Розенбергер*, за 1902 год — *Израель Моншейн;* итак, за 3 года — 5 случаев высылки, согласно официальным данным[2].

Мюнхен, несомненно, тем самым наряду с относительной либеральностью в баварской столице по отношению к художникам, литераторам и публицистам отвечал еще одному условию безопасности работы редакции «Искры», что играло определенную роль в ходе предварительных переговоров между ответственными немецкими и русскими товарищами. Наверняка следует отвергнуть мысль о том, что установленная Лениным и его товарищами строгая конспирация сводится просто к проявлению «специфической русской черты характера». Те, кто усиленно настаивает на этой мысли, замалчивают все факты относительно договоренности о выдаче, существовавшей между кайзеровской Германией и царской Россией.

Точное знание Бебелем этих обстоятельств не позволило бы ему, как и всем другим немецким товарищам, помогавшим редакции «Искры», дать согласие на деятельность русских товарищей, если бы ими не соблюдались крайняя осторожность и строжайшие правила конспирации.

В лице Ленина руководство германской партии, во всяком случае, видело партнера, который является решительным противником любой авантюры в этой области, который проводит конспирацию по причине политической необходимости, а не из-за особого русского увлечения. В буржуазно-демократической Швейцарии, где господствовали иные политические и правовые условия, нежели в Германии, Ленин ведь зарегистрировался в полиции под своим подлинным именем — как Владимир Ульянов.

Когда Павел Аксельрод захотел отказаться от конспирации, Ленин ответил ему письмом из Мюнхена 8 ноября 1900 года, подписанным псевдонимом Petroff:

«Но вот насчет того, чтобы начать выступать здесь открыто,— я с Вами не могу согласиться. Что «легальность уже потеряна», этого я еще не могу думать. По-моему, *пока* еще не потеряна, и это пока, может быть, протянется еще несколько месяцев, в течение которых многое выяснится... Да даже и при полной и окончательной потере легальности могут быть веские соображения против выступления открыто (например, соображения о поездках домой). Поэтому до выхода первых номеров и до тех пор, пока мы все... съедемся, я во всяком случае буду продолжать прятаться. Если предприятию суждено иметь успех, тогда это решение может скоро измениться,— но мой прежний «оптимизм» насчет этого условия изрядно поколеблен «прозой жизни»[1].

Осторожность Ленина была оправданна во всех отношениях и для всех участников именно «прозой» обстоятельств.

Ибо тайно уже давно существовало сотрудничество между царской тайной полицией и немецкой политической полицией, между министерствами внутренних и иностранных дел германских федеральных государств.

Из доверительного письма германского министерства иностранных дел на имя баварского посланника в Берлине от 28 марта 1903 года это видно в той же мере, как и из приложенного к этому письму «секретного сообщения» министерства иностранных дел в Берлине, в котором подтверждается, что это сотрудничество было положено уже в 1901 году, но не должно было носить «никакого официального характера» и предусматривало «только» наблюдение за запрещенными изданиями.

«Здешнее царское русское посольство посредством приложенной к копии ноте от 23 числа сего месяца запросило согласие баварского правительства относительно того, чтобы чиновник русской полиции в *Берлине* Аркадиус *Гартинг* мог бы при необходимости письменно или устно непосредственно связываться с мюнхенской полицией касательно получения информации о проживающих в *Мюнхене*

---

[1] Protokoll der 93. Sitzung des Reichstags... a.a.O., 2871.
[2] Ausweisungen nach Rußland ab 1899. Rep. BayHStA, Ministerialextradition 1921 III. Äußere Verhältnisse.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 63.

русских студентах, подозреваемых в сообществе с преследуемыми в России лицами.

Относительно принятия решения по поводу этой просьбы русского правительства для королевского государственного министерства внутренних дел было бы ценным получить более подробные сведения о задачах русского полицейского чина в *Берлине Гартинга* и о его взаимоотношениях с берлинской полицией.

Согласно заявлению государственного секретаря барона фон *Рихтгофена* на заседаниях рейхстага 19 и 20 числа сего месяца, речь в данном случае идет о мерах по надзору за *анархистским* движением, в то время как, согласно ноте русского посольства, не исключено более широкое определение целей в смысле всеобщего политического наблюдения за русскими студентами. Я прошу Ваше Превосходительство *по возможности в кратчайший срок* дать ту информацию, о которой запрашивает королевское министерство внутренних дел.

Совершенно секретно!

Чиновник рус. политической полиции бывш. инженер Аркадиус Гартинг был направлен своим правительством осенью 1901 года в Берлин для надзора за ввозом в Россию запрещенных изданий.

Весной 1902 года здешний рус. посол сообщил кайзеровскому правительству, что отныне Гартинг получил от рус. министерства внутренних дел официальное задание наблюдать за революционными устремлениями русских подданных в Берлине и остальной Германии. Посол одновременно просил, чтобы берлинская полиция получила указание оказывать действенную поддержку Гартингу для выполнения его трудного и очень важного задания.

Поскольку представляется политически очень желательным идти навстречу просьбе русского министерства во всех направлениях, постольку здешний начальник полиции получил указание оказывать господину Гартингу всяческую законом допускаемую поддержку, в которой он нуждается для выполнения своего задания.

Рус. послу было также сказано, что в будущем и другие прусские полицейские службы смогут по его просьбе оказывать содействие господину Гартингу.

С тех пор Гартинг, который, между прочим, располагает некоторым числом подчиненных ему агентов, поддерживает постоянный прямой контакт со здешней полицией и получает от нее всякую совместимую с германскими интересами информацию и прочую поддержку в делах, связанных с надзором за рус. анархистами и прочими революционерами.

До сих пор никаких недоразумений в этом деле не возникало. Само собой разумеется, что деятельность Гартинга и его органов в любой момент может быть прекращена. Условием для разрешения его деятельности у нас является неукоснительное сохранение в тайне этой деятельности и в особенности оказанной ему при этом поддержки с немецкой стороны. Поэтому он и его подчиненные могут легально выступать исключительно как частные лица и не присваивать себе официального статуса.

Берлин, 31 марта 1903 года»[1].

Государственный документ: Социалисты/анархисты

1.

Цареубийца! Покушение на Вильгельма I! Газеты сообщают об этом в сенсационной форме. Один слух сменяется другим. Что же произошло?

В субботу, 11 мая 1878 года, во второй половине дня какой-то плохо одетый молодой человек произвел несколько выстрелов из револьвера, после того как карета кайзера проехала мимо него по главной улице Берлина — Унтер-ден-Линден. Стрелявший никого не ранил, стрелял ли он вообще целясь — это впоследствии подвергалось сомнению.

Во всяком случае, полиция, быстро прибывшая к месту происшествия, арестовала его как покушавшегося. У него в кармане наряду с листовками, издаваемыми «христианско-социальной рабочей партией и социал-демократическим рабочим союзом, нашли и членские билеты этих организаций»[2]. Его звали Й. Гёдель, родом из Лейпцига, и был он, как о том сообщали правительственные органы печати и печать партий, стоящих на стороне правительства, «фанатичным социал-демократическим агитатором, одурманившим себя социал-демократическими идеями переворота, который пошел на покушение на кайзера, чтобы поскорее осуществить эти идеи»[3].

Это известие было передано рейхсканцлеру Бисмарку в Фридрихсруэ, откуда с обратной почтой в прусское министерство внутренних дел была послана депеша: «Исключительные законы против социал-демократии!»

У Бисмарка появился повод, чтобы придать видимость законности преследованиям «духовных подстрекателей» (социал-демократов) преступления против его величества.

[1] Politische Versammlungen, Aufzüge, Sozialistische Bewegung, Anarchisten, Verschwörungen, Streiks 1876—1924. BayHStA Gs. Berlin 1174.

[2] *Auer Ignaz*. Nach zehn Jahren... a.a.O., S. 30 ff.

[3] Ebenda.

Гёдель, человек, часто остававшийся без работы, лишенный социальных корней и не имевший четких политических взглядов, предстал перед судом и был приговорен к смертной казни. Приговор вскоре был приведен в исполнение.

Во время казни было установлено, что Гёдель «был сифилитиком, все его тело было покрыто язвами»[1]. Болезнь Гёделя отражала «высокую степень депрессии, чередовавшейся с возбуждением и оканчивавшейся полной рассеянностью»[2]. В ходе процесса преступник, покушавшийся на его величество, неоднократно подчеркивал для протокола, что он «анархист и радикальный социалист». Однако доказательств его невменяемости не разрешили привести, «так как мнимое преступление Гёделя было необходимо для достижения политических целей»[3]. В действительности же весь процесс был направлен против «общеопасных устремлений социал-демократии».

Спустя несколько лет — закон против социалистов снова и снова требовал новой легитимации — «анархистам пришла в голову идея рекламировать Гёделя как члена своей организации»[4], что явилось новым подтверждением намерения Бисмарка свалить в одну кучу анархистов, социалистов и уголовников с целью развязать руки реакции.

Об этой взаимосвязи Игнац Ауэр писал:

«При очень пестром составе анархистских клубов, где на трех членов постоянно приходилось по два полицейских шпика или таких людей, которые должны были ими стать, никогда нельзя знать, от кого и для каких целей исходят новые инициативы. Оставим же и мы открытым вопрос о том, исходила ли идея провозгласить Гёделя анархистским святым от самих анархистов или от кого-нибудь из тех, кто находился на содержании в учреждении на берлинском Мольккенмаркте [управление берлинской полиции.— *Ф. Х.*]. Однако было и остается фактом то, что Гёдель был не кем иным, как бестолковым человеком, злым на самого себя и на весь мир, склонным к любой глупой выходке, и его место, после того, что он совершил, было в сумасшедшем доме, но никак не на эшафоте»[5].

Только одного повода было недостаточно. Взаимосвязь между Гёделем и «духовными подстрекателями» — социалистами представлялась уж слишком сконструированной.

Бисмарковский исключительный закон при поименном голосовании «в присутствии 309 депутатов был отклонен 243 голосами против 60»[1]. Рейхсканцлеру, который стремился завоевать весь буржуазный лагерь для осуществления своих планов, направленных на то, чтобы радикально изолировать социал-демократию и уничтожить ее, был нужен новый драматический повод.

«Тогда-то и прогремел выстрел из револьвера Нобилинга, изменивший всю ситуацию в мгновение ока! Если для сомнений в серьезности покушения Гёделя на кайзера до сих пор существует множество оснований, то серьезность намерения Нобилинга не вызывает никаких сомнений. Выстрел, произведенный из окна дома № 18 по Унтер-ден-Линден, был задуман вполне серьезно и точно попал в цель»[2].

Какова же была суть намерения д-ра Нобилинга, человека с несостоявшейся академической карьерой, занимавшего «невысокий пост в министерстве сельского хозяйства»? Стрелял ли он, как это сообщалось в газетах, желая отомстить за свою неудавшуюся карьеру?

«Выстрелив в кайзера, Нобилинг пытался выстрелить себе в голову. Он был тяжело ранен в голову людьми, ворвавшимися после покушения в его комнату, по которым он тоже произвел выстрел, так что с самого начала исключалась возможность всякого допроса. Официальные протоколы его допросов не были опубликованы, что же касается сообщений для общественности, то это были либо пошлые фальсификации, наподобие «документов», опубликованных в «Берлинер Тагеблат», либо жалкие репортерские фантазии»[3].

Весь мир был в состоянии напряженного любопытства, все хотели знать мотив и подоплеку дела. Кайзер был ранен пулей неизвестного человека и, как об этом сообщалось, чуть было не убит. Кто же был этот неизвестный?

Узнав о покушении, Бисмарк, как полагают, среагировал так, как будто он ждал этого, и «лишь спустя некоторое время осведомился о состоянии своего кайзера»; в первую же очередь он распорядился о роспуске рейхстага[4].

Однако он отказался от этой тактики. Ведь именно он, рейхсканцлер, сломил последнее сопротивление буржуазных либералов, выступивших против принятия исключительного закона. А за спиной д-ра Нобилинга стояли закулисные заправилы: депеша бюро Вольфа сообщала о заговоре, в чем, как поговаривали, Нобилинг признался во время первого допроса, заявив, что он «социал-демократ и имеет сообщников»[5].

---

1 *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren... a.a.O., S. 48.
2 Ebenda.
3 Ebenda.
4 Ebenda, S. 38.
5 Ebenda.

---

1 *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren... a.a.O., S. 52.
2 Ebenda, S. 54.
3 Ebenda.
4 *Engelberg Ernst.* Revolutionäre Politik und Rote Feldpost 1878—1890. Berlin, 1959, S. 29.
5 *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren... a.a.O., S. 55.

Всеобщее возмущение достигло своей цели. Ложь, клевета, фальсификация сделали остальное. Хотя все данные о Нобилинге, умершем в тюрьме, и «сенсационные связи» с социал-демократией явились плодом фальсификаций, козел отпущения был найден: «Социал-демократия тут же была объявлена вне закона, а обыски и аресты буквально обрушились на ее сторонников»[1].

В Германии воцарились атмосфера ненависти и гонений, небывалое дотоле отравление общественного мнения неприязнью ко всему тому, что имело хоть какое-либо отношение к демократии и социализму. В распоряжение кайзеровских властей был предоставлен солидный полицейский аппарат с кажущимся всемогущим политическим отделением, которое постоянно расширялось.

Новая кампания клеветы была развязана в период предвыборной борьбы, сопровождавшейся беспримерными демагогическими выпадами со стороны консервативных партий против социал-демократии; так, шаг за шагом, подготавливался исключительный закон, согласно которому запрещались союзы (§ 1), печатные материалы (§ 11) и собрания (§ 9), которые «в силу социал-демократических, социалистических или коммунистических устремлений ставили своей целью свержение существующего государственного и общественного строя»[2].

Провоцирование рабочих на беспорядки стало тактикой, а всеобщая слежка учреждалась как система. Анархизм, с которым следовало бы всячески бороться, не казался теперь таким уж нежелательным:

«Они *хотят* вспышек гнева, они *желают* беспорядков, так как они необходимы им для сохранения их адской системы или, возможно, для *дальнейшего* ее *совершенствования*. Такой политический порядок не терпит затишья. Он должен либо распространяться на другие сферы, либо отступать, что для него равносильно смерти. Но этого нельзя допустить»,— писал «Социал-демократ» 1 июля 1886 года о тактике правительства. Бисмарку приписывали слова, которые отражали его точку зрения вплоть до его отставки в 1890 году: «Социал-демократию нужно преследовать и притеснять до тех пор, пока она первая не бросится в драку, что даст нам тогда возможность полностью искоренить ее»[3].

В конце 80-х годов, когда правительство намеревалось продлить и ужесточить законы против социалистов, Пауль Зингер представил правлению Социал-демократической партии Германии материалы о деятельности шпионов берлинской политической полиции — ядра аппарата подавления, существовавшего в те годы в Германии. Представленные материалы доказали, что в определенных случаях полиция прибегала к помощи *агентов-провокаторов,* инспирировала их на террористические акции с целью повлиять на общественное мнение, сделав его угодным правительству, и направить это мнение против социалистов.

В свое время Пауль Зингер заявил перед депутатами рейхстага, что «не кто иной, как прусская полиция, и не что иное, как система Путткамера, взращивают прежде всего преступников, в которых нуждается сама же полиция для того, чтобы предпринимать атаки против социал-демократической партии!»[1].

Как сказал Август Бебель, «неистовство», связанное с социалистами, лишило власти всякого рассудка»[2], из «действий анархистов», которые ставились в вину социализму, выросла спираль насилия, конца которому не было видно.

Полицейский советник Румпф из Франкфурта распорядился, например, «с помощью некоего Хорша подготовить ряд «покушений» с целью погубить невиновных рабочих». В конце концов Румпф сам стал жертвой настоящего покушения, что побудило Игнаца Ауэра «10 лет спустя», т. е. в 1900 году, дать следующий комментарий: «В мучениях и пытках рабочих социал-демократов Румпф находил особое удовольствие, он прибегал к самым жестоким методам, чтобы еще больше предаваться этому своему удовольствию, и если он в конечном счете и стал жертвой, то не своей профессии, а жертвой страсти охоты за людьми, т. е. он пожал то, что посеял»[3].

Метод, суть которого состояла в том, что якобы для борьбы против насилия, анархизма и терроризма необходимо расширить аппарат подавления всех освободительных движений, применялся теперь не только в Берлине и Пруссии, чьи власти хотели играть, разумеется, ведущую роль в этой сделке со страхом и запугиванием в Европе на рубеже двух веков.

«Все анархиствующее,— полагает Игнац Ауэр,— не только в Германии, но и за ее пределами большей частью должно быть отнесено на счет немецкого исключительного закона»[4].

«Привнесенная Бакуниным в Интернационал агитация находилась к 1877—1878 годам в процессе угасания»[5].

---

[1] *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren... a.a.O., S. 55.
[2] *Ernst Engelberg,* a.a.O., S. 31.
[3] *Bebel August.* Aus meinen Leben. Berlin, 1961, S. 633.

---

[1] Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. VIII. Legislaturperiode, II. Session 1887/88. Bd. 1, S. 534. Nach: *Fricke Dieter.* Bismarcks Praetorianer. Berlin, 1962, S. 240.
[2] *Bebel August.* Aus meinem Leben, a.a.O., S. 709.
[3] Ebenda, S. 793; *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren... a.a.O., S. 9.
[4] *Auer Ignaz.* Nach zehn Jahren... a.a.O., S. 187.
[5] Ebenda.

Пауль Зингер

2.

Если .проследить за высказываниями и мероприятиями большинства европейских правительств и поддерживающих их сил в течение нескольких десятилетий до начала первой мировой войны, то может показаться, что их главной заботой была защита от анархистов и террористов.

Действительно, история второй половины XIX столетия характеризуется эскалацией нападений и покушений на министров, королей и императоров. Казалось, что эти покушения на рубеже XIX и XX столетий держали в постоянном страхе всех европейских монархов и их правительственных чиновников. Печать, видевшая в отношениях, господствовавших в кайзеровской Германии или царской России, желанный богом идеал по сравнению с ранее существовавшими порядками, не упускала случая, чтобы не предостеречь своих читателей от хаоса, насилия и преступлений анархизма, а заодно и вселить в них уверенность, что уже предпринимается и впредь будет предприниматься достаточно мер для покоя и безопасности верноподданных:

«Вне сомнения, тайная полиция столь же досконально осведомлена о намерениях и действиях членов тайных союзов, как и те о ней; об этом свидетельствуют уже следующие доказательства, обязанные своим происхождением рассказам одного в прошлом очень высокого чина государственной полиции»[1].

Выходившая на немецком языке в Санкт-Петербурге «Националь-Цайтунг» в полном соответствии с консервативным образом мыслей дворянства, юнкерства и крупной буржуазии описывает угрожающие государству «русские тайные организации», нить которых ведет за границу и центр которых в данном случае находится в Лондоне:

«Цитаделью анархистских организаций является *Лондон,* где нашли свое пристанище не менее 12 крупных действующих анархистских клубов, среди которых только 7 русских клубов. Эти последние имеют национальные подразделения для малороссов, поляков, кавказцев, белорусов, великороссов, евреев и т. д. ...Из центра в Лондоне, т. е. оттуда, где тайна переписки столь же священна, как и свобода личности, что создает наиболее благоприятную почву для концентрации анархистской пропаганды, устанавливается связь с Россией, а приказы руководителей, находящихся в полной безопасности, выполняют рядовые члены, рискуя своей жизнью и свободой. Связь — как это было уже отмечено выше — устанавливается двумя способами:

а) через эмиссаров, время от времени направляемых в Россию; они же снабжены либо украденными, либо произвольно заполненными паспортами, либо едут с подлинными паспортами третьих лиц;

б) с помощью газет, доставляемых в Россию контрабандным путем, в которых кроме неслыханных поношений всего того, что относится к власти или предано ей, систематически говорится о том, как свергнуть всех богатых и власть имущих, но только постепенно и в результате настойчивой и планомерной работы»[1].

Согласно исследованиям К. Маркса и Ф. Энгельса, благоприятная почва для распространения анархистских и террористических организаций имелась прежде всего там, где не было промышленного пролетариата, или во всяком случае там, где он был очень слабо развит и не был еще организован, т. е. в

[1] National Zeitung (deutsch). St. Petersburg, 5. Oktober 1911. In: BayHStA MA 95732.

[1] National Zeitung (deutsch). St. Petersburg, 5. Oktober 1911. In: BayHStA MA 95732.

экономически и технически отсталых странах. Социальному и экономическому обнищанию подвергались в таких странах в первую очередь мелкая буржуазия, крестьяне, ремесленники, интеллигенция, вышедшая из беднеевших, средних и более обеспеченных слоев, зачастую из дворянских и офицерских семей.

Это позволяет объяснить, почему в таких странах, как, например, Италия, Испания, Ирландия, но прежде всего в России на рубеже двух веков анархизм смог найти относительно сильный и широкий резонанс.

Теоретические концепции анархистов были в такой же степени нелогичными, как и наивными: государство, его органы и представители угнетают народ: давайте же все это устраним силой и никогда больше не позволим подчинить себя любой дисциплине или авторитету, и тогда мы устраним причину угнетения и завоюем абсолютную свободу человека.

По мере того как рабочее движение в активной борьбе завоевывало влияние, анархизм и терроризм теряли почву под ногами. Разумеется, этим усилиям социал-демократии в Германии, как и в России, противостояли меры, предпринимаемые государством и господствующими классами.

Примеры и документы подтверждают, что меры, направленные на искоренение анархизма и терроризма государственно-полицейскими методами, в конечном итоге оставались безуспешными; более того, они снова и снова порождали новые покушения и террористические акты.

Основной причиной этой не затухающей, а, наоборот, все усиливающейся цепной реакции индивидуального террора и репрессивных мер государства явилось то, что, несмотря на все заверения и обещания правительстве, ничего не менялось в социальном положении большинства народа, т. е. имущие становились богаче, а неимущие — беднее, привилегированные — могущественнее, а лишенные привилегий — еще бессильнее, господствующие — еще более безграничными в своей власти, а угнетаемые — еще бесправнее.

Неспособность господствующих классов к проведению действенных реформ, направленных на установление справедливого социального порядка, особенно наглядно проявилась в модели Германии, сконструированной Бисмарком, и в сознательной решимости поставить знак равенства между рабочим движением и социализмом, с одной стороны, и анархизмом и терроризмом — с другой, что означало бы дискредитирование идей социализма в народе и требование одобрить самые жестокие меры подавления.

Пруссия и Россия особенно обратили на себя внимание, подписав соглашение о взаимной выдаче тех, кто был арестован за участие в рабочем движении; в сущности, это был основной принцип реакционных методов господства, призванных изолировать и подавить рабочее движение во всех странах. К. Маркс и Ф. Энгельс распознали эту опасность уже на ранней ее стадии, и именно поэтому они с такой ясностью и на обширном материале разоблачили деятельность тайных союзов анархистов, и в том числе заговор Бакунина против «Международного Товарищества Рабочих». Со всей настойчивостью они доказали, в какой степени действия анархистов наносят вред рабочему движению и играют на руку реакции.

«Им говорят только о чистой анархии, об антиавторитаризме, о свободной федерации автономных групп и о тому подобных безобидных вещах: все это просто галиматья... Эти безмозглые людишки, говоря страшные фразы, пыжатся, чтобы казаться в собственных глазах революционными гигантами. Это басня о лягушке и воле.

Какие страшные революционеры! Они хотят уничтожить и сделать аморфным все, «решительно все»; они составляют проскрипционные списки, пуская в ход против своих жертв свои кинжалы, свой яд, свои петли и пули своих револьверов; некоторым они собираются даже «вырвать язык», но они преклоняются перед величием царя. И действительно, царь, чиновники, дворянство, буржуазия могут спать спокойно»[1].

Не только царь, но и кайзер в Германии, его чиновники, дворянство и буржуазия приходили в волнение всякий раз, когда неожиданно из какого-нибудь европейского города поступало сообщение о покушении. Однако им нечего было бояться этого «интернационала отчаяния». Они использовали его широко, добиваясь этим прежде всего того, что террор можно было поставить в вину социализму, а последний мог быть обвинен в терроре.

Власти сознательно не проводили четкой границы между анархизмом и социализмом; это позволяло привлекать сговорчивых чиновников для преследования политической оппозиции, а также снова и снова внушать населению, что существует опасность, исходящая от «подрывных элементов», «людей не имеющих родины» и «красных».

В связи с этим министерства и полицейские управления отдали распоряжения о заведении дел под следующими грифами: «Дело: социалисты/анархисты», «Социал-демократы/анархисты», «Надзор за политическими преступниками»; дел, которые позже в том или ином случае дополнялись или заменялись другими и велись уже с пометкой «Относительно: происки коммунистов, анархисты/коммунисты». Та-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 397, 398.

ким образом, уже в XIX веке в ход была пущена машина, способствовавшая тому, что социал-демократ очень легко мог попасть «в полицейские списки анархистов и преступников». Попав однажды в эти списки, было уже очень трудно быть вычеркнутым из них[1].

От этого не могло защитить и имя. «Надзор за политическими преступниками» относился и к некоему Георгу фон Фольмару, о котором начальник берлинской полиции — секретно! — писал:

«Исходя из опыта, лица, находящиеся под следствием по обвинению в так называемых политических преступлениях или проступках или же подвергшиеся наказанию за это, выйдя на свободу после предварительного заключения или отбыв наказание, сразу же возвращаются к своей агитационной деятельности. Чтобы воспрепятствовать этому или по крайней мере, насколько это возможно, ограничить это, необходимо после их освобождения еще некоторое время вести тщательное наблюдение за этими людьми и их поведением и по возможности до тех пор, пока они, если это иностранцы, не будут высланы и не покинут пределы германского рейха или, если это граждане данной страны, не получат постоянного места жительства и таким образом не будут находиться под постоянным надзором местных органов власти.

Многочисленные особые случаи, когда опасным политическим преступникам после освобождения из тюрьмы удавалось некоторое время избегать надзора, так как дата их освобождения не была заранее известна и поэтому нельзя было отдать необходимые распоряжения об установлении надзора за ними, дают мне повод покорнейше просить дать соответствующие указания подведомственным полицейским властям, а что касается прокуратуры, тюремной администрации и, по возможности, судов, то, исходя из изложенных причин, вызвавших эти меры, было бы желательно, чтобы о предстоящем освобождении лица, находящегося в предварительном заключении или отбывающего наказание за совершенное им политическое преступление или проступок, сообщалось бы мне, как правило, не позже чем за 14 дней, а в тех случаях, когда освобождение предусмотрено в течение короткого периода времени, как можно быстрее сообщить мне об этом, чтобы я смог еще до освобождения отдать необходимые распоряжения о надзоре, а если речь идет о высылке, то подготовить фотографии»[2].

[1] *Belli Joseph.* Die rote Feldpost, a.a.O., S. 187.
[2] Die Überwachung politischer Verbrecher. BayHStA Minn 71468.

В «срочном послании королевского правительства Верхней Баварии королевскому государственному министерству внутренних дел» *относительно тюремного заключения писателя Георга фон Фольмара в Мюнхене* регирунгсрат Пфистер распорядился:

«Представляя доклад имперского районного управления Мюнхена I от 10.1 и два приложения к нему, мы полагаем, что в целях воздания должного намерениям прокурора имперского земельного суда Мюнхена I, о которых он сообщает в своем послании в адрес имперского полицейского управления Мюнхена от 8.1, для гарантии отбытия наказания, вынесенного писателю Георгу фон Фольмару, в Мюнхене следует одобрить поддержку районных органов безопасности, оказываемую органам имперского полицейского управления при их надзоре за Георгом фон Фольмаром после его освобождения и пребывания также за пределами территории Мюнхена и особенно в районе городской общины Швабинг, которой добивалось имперское районное управление Мюнхена и которая была обещана имперским полицейским управлением Мюнхена»[1].

Методы надзора и официального определения «политических преступников» со ссылкой на документ «социалисты/анархисты» могли коснуться любого социал-демократа, занимающегося активной политической деятельностью. Эта практика сохранилась, была даже расширена и сделана более утонченной после отмены исключительного закона. «Германские розыскные листы», в которых сообщались имена действительных или мнимых анархистов, давали также сведения и о профессиях разыскиваемых или подлежащих особому надзору лиц. Уже исходя из этого можно прийти к заключению, что власти подавляли социалистическое рабочее движение в такой же мере, в какой они боролись против анархизма. В этих «розыскных листах», бывших в практике и после 1914 года, чаще всего появлялись такие профессии: рабочий, столяр, маляр, портной, доктор философии, писатель, каменотес, переплетчик, сапожник, поденщик, кондитер, плотник, рабочий табачной фабрики, слесарь, картонажник, специалист по золочению, иногда встречается бухгалтер, инженер и другие[2].

Очевидно, что практиковавшееся со времени законов против социалистов смешение анархизма и социализма ставило своей целью прежде всего запугать верноподданных и восстановить их против социал-демократии. Каж-

[1] Die Überwachung politischer Verbrecher. BayHStA Minn 71468.
[2] Akten des Bezirksamtes Bruck betreff Kommunisten 1886—1931; Deutsches Fahndungsblatt Nr. 2788, 18. Mai 1908. In: StaM LRA 84978.

дый, кто имел серьезные намерения покончить с существовавшей несправедливостью, должен был предстать в глазах общественности как уголовник. Здесь же применялась и тактика изнурения, мелких или более крупных придирок по отношению к тем, кто попал на заметку, и к их семьям; кроме того, была выработана целая шкала моральных и материальных поощрений для тех, кто в результате таких репрессалий порывал с идеями социализма или по меньшей мере позволял склонить себя к уступкам и заключал мир с существующими порядками.

Все эти обстоятельства и взаимосвязи были известны большинству социал-демократов во всех странах с тех пор, как был убит царь Александр II и было произведено покушение на Вильгельма I.

3.

Бисмарк, однако, превысил свои полномочия. Он должен был подать в отставку. Исключительный закон был отменен, но привычки и чиновники остались.

С начала 90-х годов было тайно продолжено то, что за предыдущее десятилетие, хотя и проводилось с неприкрытой жестокостью, не принесло желаемого успеха.

Важнейшие документы, журналы, сообщения агентов и досье на отдельных шпиков, т. е. все дела, которые велись хваленой берлинской политической полицией, ставившейся в пример властям других федеральных земель, были, как полагают, до того, как грянула Ноябрьская революция 1918 года, сожжены «по указанию свыше» [1].

Хотя это и ограничило возможность ознакомиться со всеми подлинными указаниями господствовавших в вильгельмовской Германии приемов правления, все же чтение сохранившихся тайных докладов высшей сферы общества дает представление об образе мыслей государственной верхушки; они показывают конкретные обстоятельства, с которыми социалисты и коммунисты должны были считаться.

Секретное сообщение баварского министерства иностранных дел в баварскую миссию в Берлине от 31 июля 1894 года ясно показывает, что усилия правительства были направлены на то, чтобы рассматривать анархизм и социал-демократию, как и прежде, во взаимосвязи и чтобы принять в международных рамках надлежащие меры безопасности, направленные против социализма и анархизма.

«Секретно! Мюнхен, 31 июля 1894 года.
Относительно: Анархистское движение.
Ссылаясь на донесения миссии от 12, 14, 20 и 23 июля с. г. за № 330, 338, 351 и 357, имею честь, Ваше высокоблагородие, по согласованию с королевским министерством юстиции и внутренних дел сообщить Вам нижеследующее.

Как видно из содержания упомянутых донесений миссии, господин рейхсканцлер принимает во внимание законные меры, направленные против анархистов, и желает узнать точку зрения королевского баварского правительства относительно предпринимаемых мер. Баварское правительство не может не согласиться с тем, что инициатива, направленная на введение законодательных мер по защите общественной безопасности, подвергающейся угрозе со стороны анархизма, может столкнуться с соображениями оппортунистического характера, но тем не менее в общем и целом оно полагает, что, судя по ситуации, есть основания о необходимости принятия законодательных мер. Правда, в южной части Германии, и особенно в Баварии, за последние годы лишь изредка замечались самостоятельные анархистские движения, о которых стоило бы упоминать. Но и здесь нет недостатка в анархистских элементах; они же нередко предпринимали попытки заявить о себе на социал-демократических собраниях. Отдельные высказывания на открытых собраниях и собраниях союзов носили в большей степени подстрекательский и революционный характер, и весьма достойно сожаления, что тогдашние законы не предоставляли достаточных возможностей, чтобы энергично бороться с подстрекательской деятельностью революционных партий. Именно то обстоятельство, что анархистские элементы на юге Германии чаще всего выступают под флагом социал-демократии и пытаются постепенно расширить свои позиции внутри социал-демократических партий, таит в себе особую опасность. Это обстоятельство становится неудобным также и для социал-демократического партийного руководства юга Германии, о чем свидетельствуют последние события в Мюнхене и Мангейме, где совсем недавно значительно обострились противоречия, что, по всей вероятности, должно привести к разделению обоих течений. Строгие меры, принятые в последнее время в различных странах против анархистов и которые еще будут приняты, привели уже к тому, что целый ряд отъявленных анархистов, немцев по национальности, покинули Швейцарию, Францию и Италию и местом своего пребывания сделали Германию. Можно предположить, что этот приток еще более усилится, если немецкое законодательство и дальше будет предоставлять анархистам бо́льшую свободу действий, чем законы других стран. Приток лиц, которые, общаясь за пределами Германии с пылкими иностранными анархистами, были вовлечены в эту в высшей степени опасную партию, в связи с тем обстоятель-

[1] *Fricke Dieter.* Bismarcks Praetorianer, a.a.O., S. 12.

ством, что е крупных городах Северной Германии уже сущестеуют анархистские группы и объединения и что, как предполагают, идет подготоека к образованию таких же групп и в Южной Германии, делает, по убеждению баеарского правительстеа, еесьма настоятельной задачу уже сейчас принять во внимание и поднять вопрос о принятии законодательных защитных мер и не медлить с этим вопросом, пока и е Германии не начали совершаться анархистские преступления. Хотя в Баварии и нет настоящих анархистских союзов, а объединения подобного рода, которые когда-нибудь в будущем и еозникли бы, были бы несомненно распущены на основании ст. 19 § 5 баварского закона от 26 февраля 1850 года о собраниях и союзах как угрожающие разрушением религиозных, моральных и общестеенных устоее государстеа, тем не менее именно для Баварии принятие широких мер, исходя из приведенных соображений, яеляется еесьма необходимым, так как баеарская полиция еряд ли сможет дать гарантию тому, что анархистские преступления и покушения не будут совершаться. Веиду последних событий ео Франции и Италии и еесьма знергичных действий праеительств зтих государстe е области законодательства общестеенное мнение и на страницах баеарских газет неоднократно сеодилось к тому, что чрезеычайные меры, направленные против опасности анархизма, целесообразны также и для Германии, и вряд ли тогда можно было бы с абсолютной уееренностью утеерждать, что немецкий рейхстаг якобы занял по отношению ко еесем необходимым законодательным мерам отрицательную позицию. Впрочем, если еозможность того, что принятие требуемых мер натолкнется на сопротивление депутатое рейхстага, не может быть полностью исключена, то все же зто обстоятельстео никак не может осеободить федеральное правительство от обязанности предложить такие законодательные меры, которые рассматриеались бы как необходимые для более успешной борьбы с преступными, предательскими устремлениями и для ограничения рееолюционной агитации. Если же проекты закона полностью или частично будут отклонены рейхстагом, то правительства по крайней мере сделают то, что им положено, и ответственность за последствия отказа от новых средстe подаеления устремлений, угрожающих общественной безопасности и внутреннему миру, падет на рейхстаг.

Вопрос, имело ли бы такое отклонение сеоим следстеием роспуск рейхстага или другие подобные меры, мог бы остаться открытым. Правильно судить о целесообразности роспуска рейхстага, в частности, можно только исходя из соответствующих политических отношений и из оценки общестеенного мнения, сложившегося к моменту предполагаемого роспуска.

Что касается еторого еопроса — нужно ли для подавления устремлений рееолюционных партий идти путем принятия особых законов (исключительных законое) или ограничиться ужесточением общепраеоеых предписаний,— то баеарское праеительство полагает, что оно должно еысказаться за последнюю альтернатиеу. Не говоря о том, что понятие «анархизм» было бы трудно определить и что процесс его видимого отделения от социал-демократии никоим образом не охватил бы есех сторон, такой закон был бы только тогда действеенным, если бы он, подобно законам, принятым е последнее еремя итальянским парламентом, содержал драконоеские предписания и предостаелял бы возможность для осуществления этих предписаний с беспощадной строгостью. Закон со столь строгими предписаниями наверняка не нашел бы поддержки со стороны рейхстага, и опыт, накопленный е отношении исключительного закона протие социалистое, показал, что даже сраенительно мягкий закон, если он еыступает в роли исключительного закона протие определенной политической партии, принимается обычно со сдержанностью и недоеерием.

Ужесточение же общепраеоеых предписаний по уголоеному законодательстеу, исходя из данных обстоятельстe и принимая во внимание опыт и события последнего времени, не должно было бы быть полностью бесперспектиеным, и такое ужесточение баварское правительстео как раз и полагает нужным рекомендоеать. Ужесточение существующих общих законое теоретически можно было бы, конечно, применить ко еесем партиям, но е действиельности оно затрагиеало бы только те партии, которые е качестее сеоей задачи поставили ниспроеержение сущестеующего государстеенного и общестеенного строя и которые для достижения зтой цели не брезгают никакими средстеами и в сеоей агитации скатыеаются непосредстеенно к границам недозеоленного, стараясь при зтом любым способом обойти сущестеующие законы. Нерееолюционные партии едеа ли смогут почуестеоеать в значительной степени угрозу для себя от ужесточения общепраеоеых предписаний, так как наказуемыми оказыеались бы исключительно только такие действеия, которые уже запрещены законами и которых с тех пор избегают партии, поддержиеающие государстеенные устои.

Какой-то такт е отношении социал-демократии, которая также преследует рееолюционные цели и которая осуществление своих целей с помощью насилия считает несвоеевременным лишь *сейчас*, был бы менее оправданным, как и тот нескрыеаемый факт, что зта партия с момента окончания действеия закона протие социалистое значительно выросла и, что не может не вызывать озабоченности, пустила корни и среди сельского насе-

ления. Особенно обманчивыми оказались для Баварии уверенные сообщения некоторой части центральной прессы о том, что население католических областей обладает иммунитетом против опасности проникновения социал-демократических учений, и поэтому не будет ошибкой считать это явление следствием свободы социал-демократической агитации, направляемой чаще всего ловкими и умными деятелями. Во всяком случае в пределах Баварии не ощущается никаких признаков уменьшения рядов социал-демократической партии. Если с некоторых пор агитаторы из тактических соображений и явно побуждаемые к этому партийным руководством среди *сельского* населения выступают внешне весьма умеренно и обычно щадя религиозные чувства населения, то как раз в последнее время, по крайней мере в Баварии, снова можно заметить, что социал-демократия выступает смелее и более уверена в своей победе, чем когда бы то ни было, и особенно вызывающе стремится опутать молодежь своими сетями, чтобы, как это недавно можно было прочитать в самом большом социал-демократическом листке Баварии, «уже с детского возраста прививать отвращение, которое социал-демократия питает к современным порядкам, уже с детского возраста учить тому, что между пролетарием и имущим классом непреодолимая пропасть».

Конечно, и в Баварии велико число тех людей, которые, не будучи сами целеустремленными социал-демократами, поддерживают социал-демократов на открытых выборах, полагая, что таким образом они могут выразить свое недовольство, или надеясь на то, что устремления социал-демократии в области социального законодательства могут и им пойти на пользу. Едва ли ошибочным будет утверждение, что число целеустремленных социал-демократов, как следствие беспрепятственно проводимой ими агитации и подстрекательской деятельности, растет, в особенности за счет пополнения молодежью, куда быстрее, чем число так называемых «попутчиков».

К этому внушающему опасение явлению следует прибавить и тот факт, что круг сторонников социал-демократической партии в сословиях, не принадлежащих к классу рабочих, значительно вырос, как это явствует из выборов присяжных в суды, регулирующие вопросы, связанные с промыслами, а также и то, что число социал-демократов, принадлежащих к образованным классам, находится, по всей видимости, в процессе постоянного роста.

Наиболее подходящей основой для выработки проекта закона об ужесточении общеправовых законоположений баварское правительство считает не дошедший в свое время до общественности проект закона об изменении законоположений уголовного кодекса и закона о печати от 1889 года (предложение Пруссии, документ бундесрата № 35), из которого можно было бы позаимствовать ужесточение общеправовых законоположений в отношении наказаний, причем проект закона от 1875 года (документ рейхстага № 54) мог бы быть использован в том направлении, что, по примеру действий других государств, наказанию подлежит также и апология наказуемых действий; при этом в отношении последнего можно было бы рекомендовать выработку всеобщего законоположения как *delicktum sui generis* в духе сделанного в свое время и, возможно, нуждающегося еще в ужесточении прдложвния саксонского представителя в бундесрате *Хельда*. С этим можно было бы связать предписание, согласно которому для действенной защиты молодежи от революционного преступного подстрекательства и предотвращения угрозы надежности армии запретить, при условии более широких правовых законоположений земель, участие несовершеннолетних в собраниях, носящих политический характер, на территории всей империи. В противном же случае наказываться будут не только несовершеннолетние участники, но и руководители и инициаторы собраний, если они не побеспокоились об удалении несовершеннолетних или сознательно разрешили им присутствовать. Если бы более обширный законопроект в духе вышеупомянутой инициативы вызвал существенные возражения, то, по мнению баварского правительства, необходимо было бы при случае добиваться по крайней мере наказания за апологию наказуемых действий; законодательному акту подобного рода, как это предусматривается и во французском законопроекте от 9 июля 1894 года (для подавления происков анархистов) и в кодифицированном решением французской палаты депутатов проекте, должно придаваться особое значение, поскольку без него борьба против анархистской пропаганды представляется почти невозможной.

Бойкот, направленный против владельцев пивоварен в *Берлине*, должен, по мнению баварского правительства, рассматриваться также как очень опасное явление. В связи с упомянутыми событиями в *Берлинв* баварское правительство было бы не прочь рассмотреть вопрос о предоставлении с помощью законодательства занимающимся промыслом людям более широкой защиты от угроз и попыток бойкота, чем это было ранее. В этом направлении можно было бы принять во внимание дополнение или ужесточение законоположений в части § 152 и 153 промыслового устава и § 253 уголовного кодекса.

В заключение баварское правительство считает необходимым принять во внимание вопрос и о том, не следовало ли бы для тех случаев, когда наказание налагается главным образом с целью борьбы против анархистских и социал-демократических устремлений, наме-

тить ускорение производства по уголовному делу и установить компетенцию имперского суда с правом ее передачи отделениям по уголовным делам при местных судах.

Покорнейше прошу Ваше высокоблагородие все вышеизложенное сообщить лично господину рейхсканцлеру и, если он выразит желание, оставить ему приложенную для этих целей копию настоящего постановления и об исполнении, если угодно, сообщить мне»[1].

Переговоры о выработке международной антитеррористской конвенции, проводившиеся в обстановке строгой секретности между различными европейскими правительствами, дали с 1899 года первые результаты; движущими силами такой конвенции были царская Россия и кайзеровская Германия.

Баварская миссия в Берлине в донесении от 21 сентября 1900 года сообщала своему правительству:

«Младший государственный секретарь барон фон Рихтгофен ответил на мой запрос, что русское правительство передало в присутствии поручителей памятную записку, в которой содержится инициатива, направленная на выполнение путем международных соглашений решений, принятых в прошлом году в Риме на конференции по борьбе с анархизмом, и рассматривается анархизм в целом как преступление (crime). Со стороны ведомства по иностранным делам была выражена полная готовность к обмену мнениями по этим вопросам с правительствами других государств; прусские ведомства, принимавшие участие в работе конференции, уже получили указания о выработке соответствующих предложений, с которыми имперское руководство могло бы выступить на предполагаемых международных переговорах. Как стало мне известно от другой стороны, испанское правительство также распорядилось через своих представителей за границей запросить различные правительства о том, не хотели бы они уже сейчас, несмотря на международное соглашение, которое должно быть принято позже, наладить между собой регулярный обмен сообщениями об анархистах»[2].

26 сентября 1900 года баварский посланник сообщал своему правительству в Мюнхене:

«Как я узнал из достоверного источника, на последнем заседании прусского министерства министр внутренних дел барон фон Тейнхабен выступил с инициативой, согласно которой Германия должна воздействовать на государства, участвовавшие в прошлогодней Римской

[1] Maßregeln gegen die Anarchisten 1884—1910. BayHStA MInn 17470.
[2] Politische Berichte und Instruktionen 1900. BayHStA Gs Berlin 1074.

конференции, в отношении осуществления принятых на ней решений.

Присутствовавший на заседании министерства представитель ведомства по иностранным делам барон фон Рихтгофен сообщил в этой связи, что такое... же предложение было сделано и русским правительством»[1].

Русское правительство было в этом отношении оповещено, и «одновременно министру внутренних дел было поручено выработать дальнейшие предложения»[2].

Показательным в этом послании является указание на то, что из решений, принятых в Риме и направленных против анархизма, «могут быть осуществлены только те, которые находятся в административном секторе». Кроме того, решающего успеха мероприятий не следует ожидать прежде всего потому, что «Англия, Америка и Швейцария занимают в этом вопросе особую позицию»[3].

«Все мероприятия по борьбе с анархизмом должны были потерпеть неудачу по той причине, что нельзя было полностью или в достаточной степени рассчитывать на совместные действия этих трех государств»[4].

В следующих посланиях и документах говорится также о европейских правительствах, находившихся под влиянием Германии и России и присоединившихся к устремлениям этих держав, направленным на совместное подавление революционного движения. Эти устремления завершились соглашениями, о чем свидетельствует один из тайных протоколов, подписанных в Санкт-Петербурге 14 апреля 1904 года. В пользу этих соглашений, к которым не присоединились Англия, Франция, Швейцария, США, Бельгия, Голландия и ряд других государств, высказались представители Австро-Венгрии, Дании, Румынии, Сербии, Швеции и Норвегии, Турции и Болгарии[5]:

«Его Превосходительству
председателю Совета министров,
государственному министру королевского двора и внешних сношений,
господину графу фон Крайльсгейму.
Берлин, 4 декабря 1901 года.
Ваше высокоблагородие граф!
Высокочтимый господин государственный министр!

Я осведомился позже у барона *фон Рихтгофена*, соответствует ли истине сообщение печати, согласно которому Германия и Россия рекомендовали другим державам совместные меры по защите от анархизма. Государствен-

[1] Politische Berichte und Instruktionen 1900. BayHStA Gs Berlin 1074.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.
[4] Ebenda.
[5] Internationale Abmachungen gegen den Anarchismus und Vollzug derselben 1901—1914. BayHStA MA 95714.

ный секретарь подтвердил это, добавив при этом, что в действительности Германия и Россия предложили другим державам принять административные и законодательные меры. По моей просьбе барон *фон Рихтгофен* передал мне также один экземпляр упомянутого постановления, направленного 23-го прошлого месяца немецкому и русскому представителям, которое я позволю себе не преминуть покорнейше предоставить Вашему Превосходительству в приложении.

Между тем президент *Рузвельт* в своем послании подошел уже ближе к сути вопроса. Примите, Ваше Превосходительство, уверения в моем совершеннейшем почтении и искреннем уважении, в каковом я, Ваше Превосходительство, имею честь пребывать.

Ваш покорный слуга. Подпись: граф фон Лерхенфельд».

«Ведомство иностранных дел. Берлин. 23 ноября 1901 года. Его императорскому величеству.

Убийство президента *Мак-Кинли* вновь самым ужасным образом наглядно показало, что в связи с повторяющимися во все более короткие промежутки времени анархистскими преступлениями и покушениями против глав государств настоятельное подавление анархистской опасности является насущной необходимостью и безотлагательным долгом всех правительств.

Успешное наступление на анархизм возможно только в том случае, если равномерное и строгое проведение направленных против него мер будет осуществляться в рамках международного соглашения между правительствами. Такого соглашения легче достичь путем непосредственного обмена мнениями между заинтересованными правительствами, нежели посредством созыва еще одной конференции. Исходя из этих соображений, германское кайзеровское правительство и правительство русского царя приняли решение предложить державам выработать соглашение о единстве действий в борьбе против анархистских устремлений. Подходящим исходным пунктом для этого они считают решения Римской конференции 1898 года, которые в настоящий момент осуществлены лишь в самой незначительной степени. Согласно этим решениям, представляется целесообразным прежде всего достижение соглашения между державами об одинаковых административных мерах, имеющих своей целью строгий надзор за анархистами посредством создания в отдельных странах центральных ведомств, посредством обмена информацией и установления единых международных правил высылки анархистов из стран, гражданства которых они не имеют. Однако, насколько это возможно, намечаемое соглашение не должно ограничиваться только этим, оно должно также распространяться и на отдельные меры в области законодательства. Здесь прежде всего следует иметь в виду ужесточение и расширение законоположений о наказании анархистов, подрыв деятельности анархистских союзов и подавление анархистской печати, а также, насколько это может представиться целесообразным, дать определение понятию «анархистское преступление» и ввести его в уголовный кодекс.

Полагаю, что могу питать надежду на то, что и другие правительства отнесутся с пониманием к необходимости энергичного препятствования дальнейшему росту анархистского движения.

Поэтому мы хотим в рамках реализации вышеуказанных соображений внести на рассмотрение другими правительствами наши предложения и просить как можно скорее поставить нас в известность, склонны ли они в принципе вместе с правительствами кайзеровской Германии и царской России участвовать в указанной совместной акции во всех или в крайнем случае в отдельных ее пунктах. Само собой разумеется, что в случае утвердительного ответа будут еще уточняться все подробности. Представители русского царя в этих странах поддержат Ваши шаги одновременным демаршем.

Копию направляемого им предписания прилагаю для Вашего ознакомления.

Я буду с интересом ожидать сообщения о Вашем ответе».

«Королевская Баварская миссия в Берне.
Берн. 17 декабря 1901 года.
Относительно:

Международная акция против анархистов; здесь же — разногласия со Швейцарией по этому вопросу.

Как Вам, Ваше Превосходительство Грассман, известно, Германский рейх и Россия поручили недавно своим дипломатическим представителям склонить правительства, при которых они аккредитованы, к дальнейшим совместным действиям против анархистов. В этих целях обе великие державы внесли новые предложения, касающиеся административной и законодательной областей.

Немецкая и русские ноты вручены здесь в Федеральном дворце в начале прошлой недели; ответ Швейцарии, как я слышал, последовал вчера или позавчера. Его содержание идентично обеим нотам.

Бундесрат с готовностью принимает предложения, внесенные как в *административную,* так и в *законодательную* часть, и сообщает о своей твердой решимости совместно с другими державами подавить *«fleau anarchiste».* Выбранное бундесратом резкое выражение заслуживает особого подчеркивания, поскольку в нотах посольств оно *не* употреблялось, и поэтому выбор его является симптоматичным.

Столь далеко идущая предупредительность

Швейцарии была бы неожиданной, если бы не было известно, что уже в твчение многих лет и бундвсрат и радикальная правительствввнная партия, чем дальше, тем больше, отходят от линии крайних лввых. Я позволил себе неоднократно указывать на это растущее отчуждение.

События этого года внутри страны и за ее пределами, в которых анархисты и социалисты сыграли свою роль, способствовали тому, что разрыв между ними увеличивался.

Бундвсрат, естественно, придает большое значение тому, чтобы у общественности нв возникло впечатления, что в своей политике по отношвнию к анархистам он действует под давлением ввликих держав. Подобного рода впечатлввнив могло бы в странв, где в конечном счвтв послвднев слово в рвферендумв остается за народом, легко провалить всю акцию.

Кажвтся также, что и швейцарская првсса, по крайней мере до настоящвго времени, ничего нв проведала о дипломатических шагах в этом вопросе.

Если Ваше Превосходительство соизволит придать значение тому, что я буду специально иметь в виду это двло, то было бы желатвльным, чтобы Вы, Вашв Превосходитвльство, болвв подробно сообщили мнв об отдвльных првдложенных мерах, которыв Вам должны быть известны.

Королевский министр-рвзидвнт:

Монтгвлас».

«Мюнхен. 6 мая 1902 года.

Имперской Прусской миссии.

Секретно.

Относитвльно: Борьба против анархистской опасности.

Его Прввосходитвльству

королевскому государственному министру внутрвнних дел

господину д-ру барону фон Файлитцшу

для любвзного ознакомления.

Мюнхен. 4 мая 1902 года.

Принято к сведению.

6 мая 1902 года.

Примечание к документам.

Из ставших изввстными документов, касающихся принятия другими державами немецко-русских предложений, можно вывести следующее.

Нижеподписавшийся, ознакомившись с любезно предоставленными Вашим Превосходитвльством документами, касающимися предпринятой Германским рейхом и Россией дипломатической акции по борьбе с анархистской опасностью, честь имеет направить их обратно с выражением покорнейшей благодарности. С удовольствием и проч.

1. *Болгария* (доклад генерального консульства от 17 декабря 1901 года).

Болгарское правительство в принципе готово принять участие в кампании, прдложвнной германским и русским правитвльствами, и ожидает в первую очередь объявленных дальнейших прдложений об административных и законодательных мерах, равно как и деталях их выполнения.

. 2. *Португалия* (ответная нота от 11.XII.1901).

Португальское правительство в принципе согласно с внесенным предложвнивм, оставляя за собой право сообщить в удобное время о формах и рамках, в которых оно предполагает осуществлять объявленные совместные действия.

Немецкий посланник в Лиссабонв сообщает в своем докладе от 17.XII.01, что португальский министр иностранных двл, отввчая на запрос, устно разъяснил причину этой оговорки таким образом, что Португалия урегулировала этот вопрос с помощью законодатвльства, которое до сих пор отвечало своему назначению; всли жв будут необходимы изменвния, то они должны двйствительно нвсти в свбв прогрвсс, улучшвние или хотя бы надвжду на это.

В остальном португальское правительство, которое уже и до этого ввсьма строго обходилось с анархистами, в особенности что касается их высылки, обещает свою поддержку.

3. *Бельгия* (ответная нота от 19.XII.01).

Бельгийское правитвльство дало ясный и опрвделвнный ответ на вопрос о его готовности к участию в предложенных двйствиях.

В качестве довода оно выдвигавт то, что бельгийсков уголовнов законодательство в целом отввчавт требованиям, выдвинутым в резолюциях Римской антианархистской конфвренции; что же касается прославления анархистских покушений, то законодатвльство может, вероятно, рассматриваться как нвдостаточное, и бельгийсков правительство готово рассмотреть в этом направлении соответствующие дополнения; кроме того, необходимо обратить внимание на то, что бвльгийская конституция гарантирует свободу првссы и собраний, оставляя за собой право противодействия совершенным правонарушвниям, которыв возможны в результате злоупотребления этими свободами, и считает допустимым принятие в этом вопросв првввнтивных мер.

В административной области прдпринято уже все, что было желательным, в частности, как это предусмотрено резолюцивй Римской конфервнции, издается и рассылавтся органам полиции иностранных государств антианархистская информация, которая сообщает обо всех манифестациях в анархистском духв и всех административных мерах, прдпринятых против иностранных анархистов.

4. *Румыния*.

Со ссылкой на направленную в свое время итальянскому правитвльству ноту от 29.III./10.IV.1899 года относительно предложений Римской конференции и выставленных тогда в качестве довода оговорок ответная нота от 15.VII.01 содержит заявления о готовности Румынии действовать совместно с германским и русским правительствами в деле применения вдиных мвр против анархистов в рамках установленных конституцией королевства границ; часть прдвложвнных Римской конференцией административных мер уже применяется в Румынии, и рум. правитвльство сразу же после получения германско-русских сообщений приступило к выработке законодательных проектов, которые нвмедленно после достижения согласия между министрами должны быть переданы на утверждение законодательным органам. Румынское правительство ожидает прежде всего болве подробных сообщений германского и русского правительств. Предложения Римской конференции, на которые, как полагает румынское правительство со ссылкой на конституцию королевства, оно не может пойти, в итоговом документе конференции обозначены А № 4, С № 1, D, E № 1, F и G.

5. *Франция* (доклад герм. посла в Парижв от 27.XII.01).

В ответной французской ноте от XII.1901 вслед за заявлением о симпатии к мотивам, опредвлившим предложения германского правительства относительно предотвращения анархистских покушений, напоминается о том, что Франция уже много лет назад приняла соответствующие постановления, действенность которых подтвердил опыт. Французское законодательство от 1893 и 1894 годов нв только дает определение анархизма, но и включает в себя также ряд репрвссивных мер и чрезвычайную юрисдикцию, особенно что касается дел, связанных с судебными процессами. Французские законы от 12 и 18.XII.1893 и 28.VII.1894 годов явились в известной степени путеводной нитью для Римской конференции и сформулированных на ней предложений.

Что касается практики, то в Direction de la Sûreté Générale (управление службы безопасности) существует учреждение, которое в точности соответствует потребностям, которые имеет в виду германское правительство; названное управление является в действительности желаемым центральным бюро; анархисты во Франции — объект постоянного надзора; в соответствии с резолюциями Римской конфервнции непрерывно действует служба связи с соответствующими иностранными управлениями; в частности, о последовавшей высылке анархистов подробно сообщается государствам, гражданами которых являются высланные лица; кроме того, французское правительство готово наделить Direction de la Sûrté Générale полномочиями, установить официальные контакты с аналогичными органами иностранных государств с целью изучения способов улучшения в административном плане, которые могли бы быть внедрены в повседневную практику.

6. *Соедин. Штаты Америки*.

Содержание американского меморандума от 16.XII.01 в основном ужв отражено в заявкв за № 1195 I. Отдельные места послания президента конгрессу от 3.XII.01, на которые в меморандуме делается ссылка, содержат трвбования изолировать анархистов, этих заклятых врагов общественного порядка, от общества, т. е. выселять их на свою родину. С теми же, кто остается в стране, необходимо вести борьбу, и поэтому в компетенцию фвдеральных судов слвдует передать наказание за убийство и за попытку убийства президента или чиновника, который согласно закону должен вступить на президентский пост. Необходимо также усилить меру наказания за попытки покушения и, наконец, на основе международных соглашений объявить анархизм преступлением против международного права.

7. *Сврбия* (ответная нота от 17.I.02).

Сербское правительство заявляет, что Сербия присоединится к подлежащему согласованию между отдельными государствами заявлвнию, направленному на борьбу против анархистских устремлений; вся жв, учитывая социальные отношения в стране, было бы неуместным принимать в этом вопросе особые законодательные меры; они оказались бы нвприемлемыми для Сербии, поскольку там нвт никаких анархистов.

Вместе с тем Сербия будет признавать все мвры полиции в отношении надзора и обмена информацией, равно как и наказания и высылки анархистов, насколько они допустимы по законам страны; особенно желательным является передача словесных портретов или там, где зто возможно, также фотографий всех известных анархистов.

8. *Великобритания*.

Британское правительство в переданных своим послам в Берлине и Санкт-Петербурге копиях инструкций от 4.II.02 заявляет о своей готовности сотрудничать с другими державами в деле подавления и предотвращения анархистских злодеяний, равно как и подстрекательств к ним, однако, поскольку сотрудничество должно осуществляться на основе решений Римской антианархистской конференции, ссылается на заявления, сделанные британским делегатом на заседании этой конференции от 19.XII.1898 года.

Что же касается надзора за анархистами и службы информации, то соответствующие учреждения Англии функционируют удовлетворительно, хотя передача информации из других стран, главным образом относительно вы-

сылки анархистов,— что касается полноты их содержания и быстроты их передачи,— решительно нуждается в улучшениях. Из числа анархистов, проживающих в Англии, чаще всего большая часть (97%) — иностранцы, и Англия будет и впредь протестовать против наводнения ее, то ли в принудительном порядке, то ли при содействии различных бюро путешествий, иностранными анархистами. Английское правительство в любое время готово к соглашениям, направленным на улучшение обмена информацией; эти соглашения, однако, должны быть достигнуты по возможности очень незаметно. Что же касается высылки из страны иностранцев по причине их анархистской убежденности, то английское правительство и после неоднократных размышлений не может взять на себя обязательств.

В отношении законодательства английское правительство готово подготовить проекты законов: 1) о пересмотре закона о владении огнестрельным оружием и о попытках организации взрывов в иностранных государствах; 2) о рассмотрении таких правонарушений в качестве причины для высылки лиц, их совершивших; 3) об определении понятия «политическое правонарушение»; при этом убийство, попытка убийства или заговор с целью убийства ни при каких обстоятельствах не должны входить в это понятие. В отношении срока принятия парламентом окончательных решений по этим законопроектам не может быть дано никаких гарантий.

Что касается изменений существующего законодательства в отношении прессы, то англ. правительство придерживается здесь другого мнения.

Впрочем, англ. правительство с интересом ожидает более определенных и детальных предложений германского и русского правительств.

9. *Люксембург* (ответная нота от 16.II.02).

Ответ люксембург. правительства гласит, что оно в принципе готово со всей решимостью присоединиться к совместным действиям против анархизма в направлении, предложенном германским и русским правительствами, а также всеми имеющимися в его распоряжении средствами способствовать энергичному и действенному подавлению анархистских устремлений.

10. *Турция.*

По сообщению германского посла в Константинополе от 7.I.1902 года, турецк. правительство заявило о своей готовности вместе с германским и русским правительствами принять участие в планируемых акциях против анархистской опасности.

11. *Нидерланды.*

Официальной ответной ноты пока нет. Немецкий посланник в Гааге сообщил 9.I.02, что министр иностранных дел высказался в общем и целом одобрительно; что касается административных мер, то в содействии Нидерландов можно быть уверенным; законодательные меры, такие, как ликвидация права на политическое убежище, могли бы встретить в парламенте определенные трудности.

12. *Греция.*

Греческое правительство, по сообщению немецкого посланника в Афинах от 10.I.1902 года, до настоящего времени не дало еще никакого ответа. Премьер-министр заявляет, что вначале он должен ознакомиться с мнением других правительств».

Королевская Баварская миссия.
Берн. 14 июня 1902 года.
Относительно:
Принятие международных мер
против анархистов.

Моим покорнейшим докладом от 17 декабря прошлого года, № 800, я имел честь сообщить Вашему Превосходительству, что в связи с совместным германско-русским демаршем в вопросе об анархистах *швейцарский* бундесрат предполагает самым удовлетворительным образом свое содействие в административной и законодательной областях.

В начале этого года в этом вопросе был сделан новый шаг вперед. Исходя из известного принципиального согласия, послы *Германской империи* и *России* в идентичных нотах передали бундесрату своего рода проекты договора, который практическое осуществление достигнутого соглашения предусматривает вначале на административной почве. В мае бундесрат ответил на эти предложения и заявил о своем абсолютном согласии с ними. Правда, в отдельные пункты швейцарская сторона внесла небольшие изменения, хотя только лишь в целях некоторого уточнения формулировок, с тем чтобы по возможности предотвратить любые неправильные отношения к другим, нежели только к анархистским проступкам.

Ответ бундесрата составлен *по-французски*, чтобы обеспечить полную идентичность текста с проектом договора, ибо между французским вариантом русской ноты и написанной по-немецки нотой господина *фон Бюлова* существуют неизбежные небольшие отклонения.

Единственно важное в них — это выдача анархистов государству, гражданами которого они являются. По-французски это звучит как «reconduite», по-немецки же это понятие более растяжимо и в любом случае могло бы быть истолковано в смысле прямого обязательства передавать соответствующих лиц полицейским органам их страны. Здесь же не желают ни в коем случае допускать этого, с тем чтобы все оставалось в рамках уже испытанной со времени Римской конференции практики, т. е. что анархисты доставляются на границу и там отпускаются на свободу лишь

после того, как соответствующая пограничная полиция поставлена в известность и ей сообщены точные данные о месте и времени предстоящей высылки.

Сохранение этого порядка следует рекомендовать уже потому, что достигаемый результат практически является таким же, как и при передаче согласно установленным правилам, в то время как эта последняя должна была бы подходить под закон о выдаче, что давало бы анархистам возможность на основании закона о выдаче обращаться в федеральный суд за его посредничеством в каждом отдельном случае.

Тем самым в административном плане Швейцария принципиально и теоретически удовлетворяет всем требованиям, которые по справедливости могут быть к ней предъявлены во имя международной безопасности и солидарности в вопросе об анархистах.

В законодательной области вопрос решается менее успешно, но и здесь можно еще надеяться на успех, вряд ли, однако, до урегулирования итальянско-швейцарского инцидента.

Законодательная реформа, которая должна была бы проводиться, видимо, только под давлением из-за границы, никогда бы не получила достаточной поддержки большинства в федеральном собрании и уж совершенно точно — в народе.

Однако административная сторона вопроса на практике является неизмеримо более важной; согласно этому можно было бы полностью смириться с существующим положением вещей, если бы полиция в Швейцарии, главным образом в кантонах, не была бы в общем и целом столь скверно организована. Прежде всего здесь необходимо все изменить. В противном случае не помогут никакие международные соглашения.

Мне известен случай, происшедший совсем недавно, когда один очень опасный австрийский анархист, строгий надзор за которым недвусмысленно был обещан полицейскими органами Цюриха и всей Швейцарии, переселился сначала из Цюриха в Западную Швейцарию, а позднее оттуда в Аграм.

Об обоих изменениях его местожительства швейцарская политическая полиция сообщила австрийским властям только лишь спустя три недели.

При таких обстоятельствах надзор за подобными элементами со стороны других, а не только лишь со стороны официальных австрийских органов является, конечно, неизбежным; единственным средством покончить с этим шпионажем, на который швейцарцы очень часто, а сейчас особенно, жалуются, был бы как раз действенный надзор над всеми анархистскими элементами со стороны собственной, специально для этого предназначенной полиции.

Посредством строгой организации этой полиции Швейцария действительно сослужила бы хорошую службу всем заинтересованным сторонам, не исключая и анархистов; ведь и эти последние страдают от доносов, которые по своей природе не могут быть проконтролированы, со стороны сомнительных индивидуумов, идущих на контакты с полицейскими шпиками полицейских властей других государств.

Но именно такая строгая организация полиции настолько мало свойственна здешнему национальному характеру, а цели политической полиции находят настолько мало симпатии и понимания, в особенности у самих нижестоящих органов полиции, что эта самая необходимая из всех реформ может быть осуществлена лишь с очень большим трудом, если это вообще возможно.

Королевский министр-резидент
Монтгелас».

«Королевскому баварскому государственному министерству
королевского двора и внешних сношений
в *Мюнхене*.

Ведомство иностранных дел.

Берлин. 19 апреля 1904 года.

Приложение к сообщению
королевского прусского министерства иностранных дел от
4 мая прошлого года.

Секретно!

На переговорах об установленных федеральными правительствами и господином имперским штаттгальтером Эльзас-Лотарингии в 1898 году основах единого надзора за анархистским движением пришли к соглашению о том, что необходимо немедленно распространить эти основы также и в других странах.

Наши усилия в этом направлении, причем рейх действовал рука об руку с русским правительством, привели к соглашению, прилагаемому вместе с переводом, которое было подписано в форме протокола в Санкт-Петербурге 14-го прошлого месяца в первую очередь представителями рейха, Австро-Венгрии, Дании, Румынии, России, Сербии, Швеции и Норвегии, Турции и Болгарии.

Под № I в протоколе помещены предписания, согласно которым высылка иностранных анархистов на родину должна осуществляться кратчайшим путем.

Под № II—IV даны предписания о сборе и обмене информацией о передвижениях анархистов и о распространении анархизма.

В Германии, в соответствии со статьей II протокола, таким полицейским бюро для сбора и обмена информацией, в соответствии с разделом I упомянутого вначале соглашения между федеральными землями, а также господином имперским штаттгальтером Эльзас-Лотарингии от 1898 года, должно служить королевское прусское управление полиции.

Во избежание проволочек в переписке с центральным полицейским бюро можно порекомендовать, чтобы всю информацию для него отправлять начальнику королевской прусской полиции в Берлине, сделав пометку буквами C и A для обозначения соответствующего отдела при написании адреса на внешней стороне конверта.

При перевозке высланных из федеральной земли иностранных анархистов по территории других федеральных земель вплоть до имперской границы будут иметь силу соглашения, заключенные между федеральными правительствами и господином имперским штаттгальтером Эльзас-Лотарингии относительно транспортного обеспечения в случае высылки, как, например, достигнутая в 1891 году договоренность о выборе путей сообщения и т. д. (протокол бундесрата от 30 мая 1891 года, § 297) и соглашение от 1901 года о распространении на транспортное обеспечение в процессе высылки установленных в 1894 году основных положений о транспортном обеспечении в ходе приема и высылки соответствующих лиц, о чем говорилось в моем послании от 23 ноября 1901 года. В частности, расходы на перевозку в пределах какой-либо федеральной земли будет, как и прежде, нести правительство каждой федеральной земли в тех размерах, которые необходимы для перевозки через территорию земли (протокол бундесрата от 30 мая 1891 года § 297 № 3 в связи с § 17 объявления от 10 декабря 1890 года; центральная газета Германского рейха, стр. 378 и последующие).

Эти же основные положения можно было бы применять сообразно целям и в случаях, когда иностранные анархисты, высланные из иностранного государства, присоединившегося к протоколу, по пути на родину должны следовать через федеральную землю (Санкт-Петербургский протокол № 1, абзац 6). В случае, если высланный из федеральной земли анархист в процессе его доставки на родину должен быть перевезен через другое иностранное государство, присоединившееся к Петербургскому протоколу, то с момента пересечения государственной границы расходы по транзиту несет данное государство (Санкт-Петербургский протокол № 1, абзац 6). Если же, напротив, речь идет об иностранном государстве, которое не присоединилось к протоколу, то расходы по провозке через его территорию, согласно действующим предписаниям, равно как и расходы по перевозке по морю, несет правительство федеральной земли, осуществляющей высылку.

Следуя предписанию № 1 абзац 5 Петербургского протокола, я намереваюсь, при условии согласия федеральных правительств, предложить присоединившимся к протоколу иностранным государствам непосредственное обеспечение транспортом при передаче одной стороной полицейским властям другой стороны в тех случаях, если гражданство высылаемого и тот факт, что он должен быть выслан как анархист, не подлежат сомнению и признаются полицейскими властями обеих сторон.

До тех пор, пока возможные такого рода договоры не будут достигнуты с зарубежными странами, и в тех случаях, когда по особым причинам, связанным с высылкой иностранного анархиста, достижение соглашения с правительствами других государств представляется необходимым, я, если это угодно, охотно буду готов сделать необходимые уведомления иностранным правительствам. Я просил бы любезно подтвердить мне получение этого послания и одновременно соблаговолить сообщить мне, нашло ли одобрение все вышеизложенное.

Остальным федеральным правительствам и господину имперскому штаттгальтеру Эльзас-Лотарингии направлено такое же сообщение.

Рейхсканцлер.
По поручению.
Подпись: *Францйус.*»

«*Перевод.*
Секретно:
Протокол.

Германия, Австро-Венгрия, Дания, Румыния, Россия, Сербия, Швеция, Норвегия, Турция и Болгария, проникнутые необходимостью оказать мощное сопротивление развитию анархистского движения, признают, что надежнейшим средством для достижения поставленной цели является прежде всего поддержание установившегося между ними столь отрадным образом согласия и подкрепление объединенными усилиями общего интереса, проявляемого ими к подавлению анархистских преступлений и покушений.

Вследствие этого стороны, подписавшие протокол, надлежащим образом уполномоченные для этой цели своими правительствами, пришли к соглашению в следующем:

I. Каждый анархист, высылаемый из государства — участника договора, должен быть кратчайшим путем доставлен в то государство, гражданином которого он является к моменту высылки. В случае, если страна, являющаяся родиной анархиста, не граничит с государством, производящим высылку, то высылаемый должен быть доставлен на границу того пограничного государства, которое находится на наиболее прямом пути между государством, производящим высылку, и родиной высылаемого.

Передаче высылаемого анархиста на границе страны, являющейся его родиной, должно предшествовать своевременное уведомление полицейских органов этого государства.

В случае, если страна высылаемого не граничит с территорией государства, производящего высылку, то по территории промежу-

точного государства или промежуточных государств высылаемый должен перевозиться властями этого государства или этих государств самым кратчайшим путем, поскольку правительство ни одного из этих государств не согласится с пребыванием высылаемого на своей территории. Если для передачи анархиста на границе его родины возникнет необходимость перевезти его через промежуточное государство или многие промежуточные государства, то власти пограничного государства должны быть своевременно поставлены в известность о прибытии транспорта. Власти страны — родины высылаемого, должны быть также поставлены в известность о высылке и о направлении пути для транспортировки.

Общее обозначение инстанций, подлежащих оповещению о высылке и перевозке анархистов, равно как и пограничных пунктов, являющихся местом доставки высланных анархистов, остается за соглашением между государствами — участниками договора.

Поскольку между государствами-участниками нет других договоренностей, расходы на перевозку несет каждое государство пропорционально затратам, связанным с перевозкой высланного через его территорию.

II. В каждой стране должно быть создано центральное полицейское ведомство по сбору информации об анархистах и их деятельности.

III. Центральные власти каждого государства должны определять по своему усмотрению, каким образом компетентные органы должны поставлять требуемые сведения о находящихся на их территории анархистах и об их поведении центральному полицейскому ведомству.

IV. 1) Каждое центральное ведомство обязано давать информацию центральным ведомствам государств-участников: а) о высылке, б) о добровольном отъезде находящегося на его территории анархиста.

2) К этой информации следует прилагать словесный портрет, краткое сообщение о прошлом данного лица и, если это возможно, фотографию данного анархиста. Желательно также, чтобы давались сообщения о месте и времени перехода анархистом границы соседнего государства и чтобы все это сообщалось без промедления с целью быстрого установления надзора над ним.

3) Если анархист тайком покидает местность, административно подчиненную соответствующему центральному ведомству, и место его пребывания неизвестно, то в таком случае необходимо оповестить одновременно все остальные центральные ведомства, с тем чтобы организовать его розыск.

4) Если в случае высылки или добровольного отъезда анархиста заранее известно место пересечения им государственной границы, то будет целесообразным оповестить об этом не только центральное ведомство, но и пограничные власти соответствующего государства. Центральное ведомство каждого государства обязано представить всем другим центральным ведомствам список пограничных властей, назначенных для этих целей.

V. Каждое центральное ведомство обязано немедленно сообщать центральным ведомствам государств — участников договора о всех преступных действиях анархистского характера, о которых им что-либо известно.

VI. Каждое центральное ведомство обязано в течение 6 месяцев, но не позже сообщить другим центральным ведомствам обо всех важных событиях, имеющих отношение к анархистскому движению, происшедших на территории, подчиненной этому ведомству.

Кроме того, центральные ведомства обязаны незамедлительно отвечать на все запросы других центральных ведомств, касающиеся анархистского движения.

Указанные меры должны осуществляться начиная со дня подписания этого протокола.

Предписания этого протокола принять к сведению безотлагательно.

Государства, не подписавшие этот протокол, могут присоединиться к его предписаниям посредством отдельного документа.

О присоединении любого государства по дипломатическим каналам сообщается русскому правительству, которое в свою очередь информирует все другие государства, подписавшие протокол, и государства, которые присоединятся к нему в будущем.

Присоединение влечет за собой принятие на себя всех без исключения выше согласованных обязательств по правовым вопросам. В удостоверение сего данный протокол, который является строго секретным и должен оставаться таковым, подписан уполномоченными указанных держав и скреплен печатями.

Совершено в Санкт-Петербурге 1 марта 1904 года в единственном экземпляре, который должен оставаться на хранении в архиве Российского министерства иностранных дел и нотариально заверенные копии которого должны быть переданы по дипломатическим каналам государствам, подписавшим этот протокол, и тем, которые в будущем присоединятся к нему»[1].

Почему правительства — участники этой международной конвенции по борьбе с анархизмом придавали столь большое значение сохранению в тайне переговоров и заключению договоров, явствует из сообщения баварской миссии в Берне от 3 декабря 1904 года:

«Против высылки административным путем

[1] Internationale Abmachungen gegen den Anarchismus und Vollzug derselben 1901—1914. BayHStA MA 95714.

и против отношения Швейцарии к секретному договору, касающемуся анархистов, был заявлен протест. Под этим «секретным договором», по-видимому, имеется в виду Петербургский протокол относительно административных мер против анархистов (доклад от 15 апреля текущего года № 282). Есть предположение, что в результате утечки информации, имевшей место в Париже, социалисты пронюхали об этой, содержащейся в строгой тайне, договоренности»[1].

4.

Тайная дипломатия реакционных сил не означала, конечно, что пресса вообще осталась в стороне и ничего не предприняла для того, чтобы указать общественности на подлинную цель подобных международных мер, направленных против терроризма и анархизма. На протест социал-демократов в рейхстаге, «пронюхавших» об указанных мерах, ответил государственный секретарь фон Рихтгофен; в комментариях буржуазных газет шаги правительства были откровенно одобрены:

«Что касается осуществления этих принципов, то необходимо согласиться с государственным секретарем фон Рихтгофеном, давшим ответ на протест, именно в том, что Германский рейх не может и не должен предоставлять право на политическое убежище анархистам, защищающим и ведущим пропаганду действия, и тот, кто хочет предотвратить ужасные преступления, которые пережили за последнее десятилетие, тот не может также возражать и против того, что государство вместе с другими странами предпринимает совместные меры, направленные на установление надзора и на заблаговременное обезвреживание индивидуумов, подозреваемых в пропаганде такого рода политики страха. Такие полицейские меры в сравнении с анархистской пропагандой действия являются меньшим злом. Если подобные лица изобличены или подозреваются в попытке свергнуть существующий в России строй с помощью средств, которые и в Германии подлежат суровому наказанию в уголовном порядке, то они должны будут мириться с тем, что их выдадут России»[2].

Довольно недвусмысленно «Кёльнише Цайтунг» сообщала своим читателям: «Если русский полицейский чиновник, которого мы должны терпеть у себя и чьей профессией является защита существующего порядка в России, не делает существенного различия между пропагандистами действия и политиками, испытывающими отвращение к подобным средствам насилия, но тем не менее делающими все для обеспечения русскому народу его участия в управлении и власти, то это все же объяснимо»[1].

[1] Internationale Abmachungen gegen den Anarchismus und Vollzug derselben 1901—1914. BayHStA MA 95714.
[2] Ebenda.

5.

В 1900 году в Париже находилось центральное заграничное агентство царской политической полиции. Оно располагало картотекой, насчитывающей 15—20 тыс. карточек с описанием лиц, которые разыскивались и в данном случае подлежали аресту. В этом агентстве обсуждались планы «внешней» и/или «внутренней» слежки. Сюда стекались донесения шпиков и провокаторов изо всех стран, преследовавших схожие с царской охранкой и ее начальством цели.

Одна из карточек была датирована 21 декабря 1900 года и содержала следующее указание:

«В последнее время мне удалось узнать из достоверного источника имена трех вожаков вновь народившегося... социал-демократического кружка...» Начальник агентурного ведомства рекомендует по этому поводу: «Осторожная проследка за означенными революционерами осветила бы народившуюся организацию, воинственные задачи которой сильно меня беспокоят. Из того же источника мне известно, что Ульянов и К° предполагают в ближайшем будущем устроить большой съезд в России из социал-демократов всех толков, имеющий целью свести борьбу с почвы чисто экономической на политическую, с пропагандою насильственных действий»[2].

Сообщение об «Ульянове и К°» было послано в Петербург, в центральное полицейское управление, а оттуда как тайное распоряжение направлено во все концы империи.

Узнав об этом, начальник московской охранки Зубатов направил в центральное управление рекомендацию:

«Хорошо бы накрыть их собрание, и так как роль Ульянова и др. вполне выяснена, то срезать эту голову с революционного тела было бы желательно поскорее особым совещанием, ибо долгое наблюдение, в целях формальных улик, даст им возможность раскачать публику до бомб; беря их последователей, но мелких, мы будем лишь играть им на руку, раздувая настроение и вызывая усиленную агитацию. Смелый шаг относительно главарей даст, по-моему, блестящий результат. Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого»[3].

[1] Internationale Abmachungen gegen den Anarchismus und Vollzug derselben 1901—1914. BayHStA MA 95714.
[2] Красный архив, 1934, т. 1(62), с. 138.
[3] Там же.

Когда агенты Зубатова раздобыли первый номер «Искры», в котором речь шла «о своевременности приступа к политической борьбе, так как рабочие обучились уже экономической борьбе», Зубатов сильно встревожился. Он замечает: «Ожидают возвращения Владимира Ульянова, имеющего эту теоретическую формулу воплотить в кровь и плоть. Вот бы хлопнуть-то сего господина!..»[1]

Но для возвращения Ленина в Россию время еще не пришло. Пойти на такой риск можно было только тогда, когда революционное рабочее движение уже окрепло. Ульянов работал тогда в Мюнхене.

А на его родине, в России, распространялись объявления о его розыске, в которых сообщались также и его приметы:

«...Рост 2 арш. 5 1/2 вершков, телосложение среднее, наружностью производит впечатление приятное, волосы на голове и бровях русые, прямые, усах и бороде рыжеватые, глаза карие, средней величины, голова круглая, средней величины, лоб высокий, нос обыкновенный, лицо круглое, черты его правильные, рот умеренный, подбородок круглый, уши средней величины»[2].

Власти распорядились: в случае, если человек с такими приметами будет обнаружен, его нужно немедленно «обыскать, арестовать и телеграфировать департаменту полиции для получения дальнейших указаний»[3].

6.

Начиная с 1 апреля 1899 года «Центральный розыскной лист» германской полиции стал выходить ежедневно. В постановлении «Об учреждении германского розыскного листа» в § 5 говорилось следующее:

«2) Объявления о розыске и аресте преступников, которые в виду совершенных ими *преступлений* подлежат *предварительному заключению*, с указанием их примет. От опубликования разрешается отказаться только в том случае, если, следуя своему долгу, органы, ведущие розыск, придут к мнению, что объявление этого розыска за пределами федеральной земли не является необходимым и целесообразным. Если какое-нибудь лицо подлежит предварительному заключению в связи с каким-нибудь *проступком,* то объявление о его розыске и аресте с указанием примет подлежит опубликованию в германском розыскном листе только лишь в особо важных случаях.

3) Сообщение о том, что *сделано* в отношении объявлений о розыске и аресте преступников.

4) Решение о *высылке* с территории Германского рейха.

5) Сообщение центральных органов власти относительно преступников, преследующихся *иностранными* правительствами. [...]

7) Сообщения об утерянных или найденных *ценных бумагах* или особо ценных предметах.

8) *Другие сообщения* органов юстиции или административных органов, особенно же сообщения, относящиеся к особо важным случаям, когда речь идет об *установлении личности* преступников, выступающих под чужим именем, равно как и просьбы об установлении места пребывания *важных свидетелей.* В заявлениях о приеме (сравнить § IV) особенно следует подчеркнуть важность случая или важность свидетеля»[1].

Министр фон Крайльсгейм сообщал 11 апреля 1899 года министру внутренних дел:

«Далее посредством совместного сообщения королевских государственных министерств юстиции и внутренних дел от 26-го прошлого месяца внимание всех причастных органов власти обращено на появление германского розыскного листа; сообщается также о распоряжениях, согласованных между союзными правительствами, об учреждении розыскного листа»[2].

Преследование политических преступников было, таким образом, организовано в плане широкой международной акции. Из послания баварского министерства внутренних дел от 26 января 1900 года следует, что Мюнхен связан с дружественными землями Германии, а также и с полицейскими властями больших городов за границей, таких, как Христиания, Копенгаген, Лондон, Роттердам, Стокгольм. Все они снабжаются аналогичным розыскным материалом.

7.

Ни фамилии Ульянов, ни псевдонима Ленин или какого-либо другого псевдонима русского революционера я не нашел в германском розыскном листе, который выходил до 1914 года и с которым я мог познакомиться в архиве. Ленин продумывал меры конспирации настолько тщательно, насколько это было только мыслимо.

О том, что в их доме, в мюнхенской типографии по Зенефельдерштрассе, 4, издается не-

---

[1] Красный архив, 1934, т. 1(62), с. 140.
[2] Там же, с. 139.
[3] Там же.

[1] Deutsches Zentral Polizei-Blatt Fahndungsblatt 1885—1924. BayHStA MInn 71477.
[2] Ebenda.

легальная русская газета, знали, например, только Максимус Эрнст, его управляющий делами типографии Этцольд, технический руководитель Краус и наборщик Гросс[1]. Встретившись с Эрнстом и Этцольдом, Ленин настоял на том, чтобы все дела, относящиеся к проекту «Искры», осуществлялись тайно. Максимус Эрнст вспоминал в 20-е годы о том, что по этой причине нигде ни в каких книгах записи, касающиеся «Искры», не делались[2].

Революционеры против заговорщиков

1.

— Заговор в Швабинге.
— Нелегальная типография в Мюнхене.
— Демоническая ненависть к существующей общественной системе.

— Ленин — боевое имя повешенного Александра[3] — все это конструкции «таинственного злодея», с помощью которых некоторые авторы хотели показать сущность деятельности Владимира Ильича Ленина в течение двух десятилетий до 1917 года — в том числе и его деятельность в Мюнхене — и которые с момента Октябрьской революции во все новых и новых вариантах касались однойединственной темы: *заговорщик перевернул весь старый мир.*

Надо, однако, заметить, что именно ведущие деятели рабочего движения были теми людьми, кто и теоретически и практически отмежевались от всякой стратегии и тактики заговора и указали освободительному движению дорогу в будущее.

По мере того как ширилось и крепло в теоретическом и организационном отношении рабочее движение, господствующей верхушке как нельзя более кстати были всякого рода химеры и революционные катехизисы действительных заговорщиков.

«Революционер — человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью — революцией»[1]. В «Катехизисе революционера» русский анархист Бакунин так сформулировал высшую цель революции, как это и было нужно реакции для дискредитации освободительного движения: «Революционер... знает только одну науку — науку разрушения»[2].

В связи с процессом против Нечаева и его сторонников в 1871 году царское правительство опубликовало этот «Катехизис». Однако не был предан огласке тот факт, что теоретическая и практическая деятельность Нечаева перекликалась по своему содержанию с трактатом Макиавелли «Il principe», впервые появившимся в русском переводе в 1868 году.

Философская и политическая система иллюзий заговора, ставшего для нового времени классическим, который прикрывается псевдореволюционными фразами, а по сути олицетворяет собой макиавеллиевский принцип «цель оправдывает средства», была вскрыта в двух работах: в обширном докладе о действиях Бакунина — «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», который К. Маркс и Ф. Энгельс опубликовали в 1873 году «по постановлению Гаагского конгресса Интернационала», и в романе Федора Достоевского «Бесы», впервые появившемся в 1871—1872 годах.

Конечно, распространение уничтожающей оценки, данной Нечаеву и Бакунину Марксом и Энгельсом, было не в интересах царского правительственного органа печати, так как речь шла о том, чтобы с помощью «Катехизиса революционера» опорочить любое освободительное движение.

О «Катехизисе» и об альянсе «всеразрушительных анархистов» К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что они устанавливают «анархию в области нравственности, доводят до крайности буржуазную безнравственность. Читатели уже могли по нескольким образчикам судить об альянсистской морали, догматы которой, чисто христианского происхождения, были со всей тщательностью разработаны первоначально эскобарами XVII века. Альянс только до нелепости утрирует ее характер и на место святой католической, апостольской, римской церкви иезуитов ставит свое архианархическое и всеразрушительное «святое революционное дело»[3].

Познакомив своих читателей с подлинным текстом «Катехизиса» в том варианте, в каком

---

[1] *Зазерский Е., Любарский А.* Ленин. Эмиграция и Россия. Докум. поеестеоеание. М., 1975, с. 30.

[2] Там же, с. 30—31.

[3] Эти формулироеки взяты из «Фёлькишер Беобахтер» от 25.II 1927, «Байеришер Курир» от 22.IV 1930. Эти и им подобные статьи не содержат данных о методах и предписаниях, с помощью которых господствующие круги Германии и России обеспечивали безопасность своей еласти и защищали свои интересы. В них вообще не говорится о борьбе между силами прогресса и реакции в Европе того времени.

[1] Эта цитата из «Катехизиса революционера», написанного Бакуниным, приводится К. Марксом и Ф. Энгельсом е работе «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», е которой наносился окончательный удар по всем притязаниям бакунистов на господстео е европейском рабочем деижении. См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 415.— *Ред.*

[2] См. там же, с. 416.

[3] Там же, с. 415.

он был прочитан в петербургском суде, Маркс и Энгельс констатировали: «Критиковать такой шедевр значило бы затушевывать его шутовской характер»[1].

Лишенная «мелодраматических лохмотьев», эта программа сводится к следующему:

«1. Все мерзости, которыми неизбежно сопровождается жизнь деклассированных выходцев из верхних общественных слоев, провозглашаются ультрареволюционными добродетелями.

2. Возводится в принцип необходимость развратить незначительное, тщательно подобранное меньшинство рабочих, к которым подыгрываются, отрывая их от масс путем таинственного посвящения, заставляя их участвовать в интригах и мошеннических проделках тайного руководства и внушая им, что дать волю своим «дурным страстям» — это значит потрясти до основания старое общество.

3. Главные способы пропаганды заключаются в том, чтобы привлекать молодежь фантастическими выдумками — измышлениями о размерах и могуществе тайного общества, пророчествами о неизбежности подготовленной им революции и пр. — и компрометировать в глазах правительств наиболее передовых людей из среды обеспеченных классов, чтобы затем эксплуатировать их в денежном отношении.

4. Экономическая и политическая борьба рабочих за свое освобождение заменяется *всеразрушительными* актами героев уголовного мира — этого последнего воплощения революции. Одним словом, предлагают выпустить босяка, которого сами рабочие устраняли во время «революций по западному классическому образцу», и тем самым предоставить безвозмездно в распоряжение реакционеров хорошо вышколенную банду агентов-провокаторов»[2].

В тезисах «Анархизм и социализм», написанных в 1901 году в Мюнхене, В. И. Ленин не менее резко, чем Маркс, осудил фразы, которые «более 2000 лет» в ходу, заклеймил анархизм как «вывороченный наизнанку буржуазный *индивидуализм*», «порождение *отчаяния*», психологию «выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария», указал, что анархизм дал «раздробление рабочего движения», «подчинение рабочего класса *буржуазной* политике под видом отрицания политики»[3].

Находясь под впечатлением жесточайшего преследования молодой русской социал-демократии, где были налицо предпосылки для актов отчаяния и росли иллюзии относительно возможности устранения аппарата насилия с помощью заговоров, Ленин в своей работе «Задачи русских социал-демократов», написанной в 1897 году и изданной в 1898 году, констатировал, что «время заговоров давно миновало, что сводить политическую борьбу к заговору значит непомерно ее суживать, с одной стороны, а с другой — выбирать самые неудачные приемы борьбы»[1].

Ленин, всегда старавшийся иметь в поле зрения интересы тех, к кому он обращался, хотел в этой работе завоевать на сторону социал-демократии тех людей, которые не доверяли дисциплине и организации рабочего движения и в то же время заявляли о своей приверженности социалистическим идеалам.

Сторонники этого движения считали, что выступление против абсолютизма без средств заговора бесперспективно. Ленин возражал против такой точки зрения и против революционного нетерпения. Он писал, что «на самом деле никогда русские социал-демократы не забывали о наших политических условиях, никогда не мечтали о возможности создать в России открыто рабочую партию, никогда не отделяли задачи борьбы за социализм от задачи борьбы за политическую свободу. Но они думали всегда и продолжают думать, что эту борьбу должны вести не заговорщики, а революционная партия, опирающаяся на рабочее движение. Они думают, что борьба против абсолютизма должна состоять не в устройстве заговоров, а в воспитании, дисциплинировании и организации пролетариата, в политической агитации среди рабочих, клеймящей всякое проявление абсолютизма, прибивающей к позорному столбу всех рыцарей полицейского правительства и вынуждающей у этого правительства уступки»[2].

В работе «Задачи русских социал-демократов» Ленин уточняет качества, которыми должен обладать революционер: «Работники нужны для всякого рода работы, и чем строже специализируются революционеры на отдельных функциях революционной деятельности, чем строже обдумают они конспиративные приемы и прикрытия своего дела, чем самоотверженнее замкнутся в маленькой, невидной, частичной работе,— тем надежнее будет все дело, тем труднее будет открыть революционеров жандармам и шпионам. Правительство опутало уже заранее сетью своих агентов не только настоящие, но и возможные, вероятные очаги антиправительственных элементов. Правительство неуклонно развивает и вширь и вглубь деятельность своих слуг, травящих революционеров, изобретает новые приемы, ставит новых провокаторов, старается давить на арестованных посредством запу-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 419.
[2] Там же, с. 426.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 377, 378.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 459.
[2] Там же, с. 459—460.

гиваний, предъявления ложных показаний, поддельных подписей, подбрасывания фальшивых записок и т. п. средствами. Без усиления и развития революционной дисциплины, организации и конспирации невозможна борьба с правительством»[1].

Автору этих строк было 27 лет. Не было ли противоречия в отказе Ленина от заговора и в требовании о применении конспиративных методов? И Ленин дает здесь теоретический и практический ответ на то, как можно бороться с методами господства правящего класса. В противоположность заговорам, которые имели своей целью с помощью покушений или стихийно возникающих тайных союзов привести народ в движение, молодой Владимир Ильич Ленин точно и реалистично сформулировал задачи, которые стояли перед революционером:

«Отдельные функции революционной работы бесконечно разнообразны: нужны агитаторы легальные, умеющие говорить среди рабочих так, чтобы их *нельзя было* привлечь к суду за это, умеющие говорить только а, предоставляя другим сказать *b* и с. Нужны распространители литературы, листков. Нужны организаторы рабочих кружков и групп. Нужны корреспонденты со всех фабрик и заводов, доставляющие сведения о всех происшествиях. Нужны люди, следящие за шпионами и провокаторами. Нужны устроители конспиративных квартир. Нужны люди для передачи литературы, для передачи поручений, для сношений всякого рода. Нужны сборщики денег. Нужны агенты в среде интеллигенции и чиновничества, соприкасающиеся с рабочими, с фабрично-заводским бытом, с администрацией (с полицией, фабричной инспекцией и т. д.). Нужны люди для сношений с различными городами России и других стран. Нужны люди для устройства разных способов механического воспроизведения всякой литературы. Нужны люди для хранения литературы и других вещей и т. д. и т. д. Чем дробнее, мельче будет то дело, которое возьмет на себя отдельное лицо или отдельная группа, тем больше шансов, что ему удастся обдуманно поставить это дело и наиболее гарантировать его от краха, обсудить все конспиративные частности, применив всевозможные способы обмануть бдительность жандармов и ввести их в заблуждение, тем надежнее успех дела, тем труднее для полиции и жандармов проследить революционера и связь его с организацией, тем легче будет для революционной партии заменять погибших агентов и членов другими без ущерба для всего дела. Мы знаем, что такая специализация — очень трудная вещь, трудная потому, что она требует наиболее выдержки и наиболее самоотвержения от человека, требует отдачи всех сил на невидную работу, однообразную, лишенную сношений с товарищами, подчиняющую всю жизнь революционера сухой и строгой регламентации»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 468.

2.

Историческая, политическая и правовая ситуация, в которой формировалась русская социал-демократия, международные договоры между Россией и Германией, предусматривавшие обоюдные обязательства по выдаче всех подданных, принадлежащих к «партии переворота», совершенствование методов слежки и провокаций против освободительного движения всеми правительствами Европы на рубеже 1900 года, побудили Ленина использовать все возможности легальной и нелегальной работы.

При этом он не исключал своего участия ни в одном из аспектов деятельности революционера.

В «Воспоминаниях о Ленине» Надежды Крупской, как и во всех более или менее подробных воспоминаниях людей, знавших Ленина, всегда подчеркивалась мысль о том, как мало Ленин щадил себя, если речь шла о повседневной работе и дисциплине, о внимании к деталям и индивидуальности соратников, о его осмотрительности в обращении с властями, по чьему, собственно, поручению и велась за ним слежка. В Петербурге он знал все «проходные дворы, умел великолепно надувать шпионов...»[2].

Он «обучал нас, как писать химией в книгах, как писать точками, ставить условные знаки, придумывал всякие клички»[3].

Вернувшись в 1895 году из своей первой заграничной поездки, он привез с собой «из-за границы чемодан с двойным дном, между стенками которого была набита нелегальная литература»[4]. В тюрьме технику конспирации нужно было усовершенствовать: «Письма молоком приходили через волю в день передачи книг — в субботу. Посмотришь на условные знаки в книге и удостоверишься, что в книге письмо есть. В шесть часов давали кипяток, а затем надзирательница водила уголовных в церковь. К этому времени разрежешь письмо на длинные полоски, заваришь чай и, как уйдет надзирательница, начинаешь опускать полоски в горячий чай — письмо проявляется (в тюрьме неудобно было проявлять на свечке письма, вот Владимир Ильич додумался проявлять их в горячей воде)...»[5]

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 468—469.
[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 220.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 222.
[5] Там же, с. 224.

В Англии, где в то время для прописки документы не требовались, Крупская и Ленин записались как семья Рихтеров. «Большим удобством было и то, что для англичан все иностранцы на одно лицо, и хозяйка так все время и считала нас немцами»[1]. В 1905 году, когда Крупская и Ленин жили в Петербурге, за ними постоянно следовали шпики, и поэтому им приходилось по условиям конспирации жить отдельно. Во время нелегальной поездки Ленина в Москву товарищи снабдили его для маскировки большими круглыми синими очками и желтой финляндской коробкой[2], чтобы ускользнуть от полицейских ищеек, по пятам следовавших за «экспроприатором».

При отъезде во вторую эмиграцию Ленин чуть было не погиб. Чтобы избежать ареста русской полицией, он должен был почти три версты идти по льду Финского залива. Лед не везде был крепок. В одном месте лед оказался слишком тонким. Как рассказывает один финский товарищ, только случай спас Ильича от смерти.

«А Ильич рассказывал, что, когда лед стал уходить из-под ног, он подумал: «Эх, как глупо приходится погибать»[3].

Когда в 1900 году Ленин приехал в Мюнхен, ему не нужно было ночью идти по льду, чтобы обеспечить свою безопасность. Немецкие товарищи, предложившие ему свою помощь, из собственного опыта знали, что значило разработать и применить легальные и нелегальные методы борьбы.

3.

В 1901 году Ленин писал в Мюнхене: «Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем»[4]. Немецким товарищам, с которыми Ленин имел дело в Мюнхене и в других городах Германии, осторожность, с которой действовал «русский товарищ», не была чужда. Например, Август Бебель, который время от времени находился под наблюдением по меньшей мере четырех сменявших друг друга полицейских, писал по этому поводу: «Под конец я так научился узнавать этих сыщиков среди массы других людей, что, когда поезд подходил к станции и я высовывал голову в окно, я немедленно узнавал полицейскую физиономию, которая должна была взять меня под свое наблюдение. При таких условиях между мною и моими преследователями завязалась тихая борьба. Так как я испытывал естественную потребность проводить вечера в кругу моих товарищей, обмениваться с ними мыслями, не предназначенными для полицейских ушей, то я прилагал все усилия к тому, чтобы «уволить», как мы выражались на своем жаргоне, следовавшего за мной «спасителя отечества». Я употреблял все усилия, чтобы улизнуть от моего преследователя в лабиринте улиц и домов, что мне почти всегда удавалось благодаря быстроте моих ног и содействию товарищей. Иной спокойный бюргер с изумлением озирался на меня, когда видел, как мои быстрые шаги постепенно переходили в легкую рысь, а на некотором расстоянии от меня появлялся запыхавшийся и обливавшийся потом субъект, по виду которого трудно было определить, чтó ему, собственно, было нужно»[1].

4.

Однако куда более важным, чем сходство в слежке и преследовании полицейскими шпиками или то, как лучше уйти от «хвоста», был опыт активной борьбы немецких социал-демократов с анархистскими идеями заговора, нашедшими своих сторонников даже среди приверженцев партии.

Немалые трудности тем в германской партии, кто стоял на марксистских позициях, доставляла сектантская точка зрения на методы борьбы с законом против социалистов. Август Бебель дал в связи с этим следующие разъяснения: «В течение всего периода действия закона против социалистов мы строго следили за тем, чтобы не допустить в Германии никакой тайной организации, охватывающей всю страну. Мы были убеждены, что она будет раскрыта в самое короткое время, и это повлвчет за собой массовые преследования самого тяжелого характера»[2].

Поэтому для германской социал-демократии жизненное значение приобретала способность своими силами, исключая всякие тайные союзы, бороться против всемогущей жандармерии и ее шпиков, используя также и нелегальные средства. В этой области германская партия достигла такой безопасности, что дало повод Вильгельму Либкнехту 28 ноября 1888 года заявить перед депутатами рейхстага: «Будьте уверены, мы имеем лучшую полицию, чем вы!»[3].

Фамилии шпиков и агентов давались чаще всего на страницах «Социал-демократа» под псевдонимом «Железная маска», за которым скрывалась политическая служба безопасно-

---

1 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 258.
2 См. там же, с. 302—303.
3 Там же, с. 317.
4 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 28.

1 *Бебель Август.* Из моей жизни, с. 676—677.
2 Там же, с. 700.
3 Stenographische Berichte über die Verhandlungen des Reichstages. VII. Legislaturperiode, IV. Session 1888/89. Bd. I, S. 35. Nach: *Fricke Dieter.* Bismarcks Praetorianer, a.a.O., S. 264.

сти партии, имевшая своих сотрудников во всей Германии. Ее организатором был «красный фельдпостмейстер» Юлиус Моттелер[1]. Моттелер создавал эту службу безопасности для защиты политической организации, но абсолютно отдельно от социал-демократической партии. Ее доверенные лица должны были с военной точностью устанавливать, откуда прибыл тот или иной человек, установивший контакт с партией, и это даже в том случае, если данное лицо проживало в том же городе; был ли он прописан в полиции, и если да, то сколько времени; с кем он общался или хотел общаться; кто к нему приходил и кто уходил от него; доверенные люди должны были составлять описание личности и установить с этим человеком деловой контакт, никого при этом не посвящая в это дело[2].

Моттелер собрал тысячи писем, заметок и документов для своего архива, чтобы всегда иметь под рукой информацию о возможных шпиках и связях с провокаторами[3].

Когда Ленин, вынужденный скрывать свое настоящее имя, начал свою деятельность в Мюнхене, система доверенных лиц, сформировавшаяся в период борьбы с законом против социалистов и анархистской путаницей, работала все еще исправно.

Когда партия для поддержки иностранных товарищей давала «зеленый свет» — а делала это германская партия для группы «Искры» в Мюнхене,— признавался любой уже испробованный в борьбе метод работы. Поэтому для немецких товарищей не было удивительным, что все сотрудники «Искры», и особенно Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская, «совершенно не виделись с немецкими товарищами», «так как мы соблюдали сугубую конспирацию»[4],— вспоминала Надежда Константиновна.

В одном из писем Центральному Комитету в 1917 году Ленин провел четкую грань между методами борьбы, сыгравшими решающую роль в успехе Октябрьской революции, и всякой стратегией заговора:

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на *революционный подъем народа*. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции.* Это в-третьих»[5].

---

[1] *Fricke Dieter.* Bismarcks Praetorianer, a.a.O., S. 264 f.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.
[4] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 253.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 34, с. 242—243.

«Искра» в издательстве «Мюнхенер Пост»

1.

Согласно разделению обязанностей в мюнхенской полиции VI реферат — политический отдел — должен был осуществлять надзор за следующими сферами общественной жизни:

«1. Печатные издания, надзор за ними.
2. Изготовление и оформление паспортов, контроль за изготовлением.
3. Авторское право на печатные труды, контроль за соблюдением закона об авторских правах.
4. Издание плакатов.
5. Печатный промысел без постоянного места, разрешение для занятия.
6. Театральная цензура.
7. Собрания.
8. Общественные процессии.
9. Союзы; надзор над профессиональными, политическими союзами и союзами иностранцев.
10. Забастовки и локауты...
11. Взрывчатые вещества, обращение с ними (за исключением транспортировки).
13. Надзор за иностранцами и политическими подозреваемыми лицами; высылка таких лиц.
14. Шпионаж, контроль за ним.
15. Общественные празднества, народные гуляния и дворцовые торжества.
16. Надзор за библиотеками.
17. Общественные увеселительные мероприятия (театральные представления, общественные доклады и процессии, театры, варьете и залы для представления оперетт, выставки, панорамы, цирк, балы и карнавалы) — все это не входит в компетенцию полицейских ведомств»[1].

Таким образом, надзор и контроль за всеми важными сферами, в которых формировались и могли развиваться тенденции общественного мнения, включая и интернациональные связи, правительство сконцентрировало в руках одной инстанции. В каком направлении компетентные министерства в первую очередь использовали эту инстанцию, свидетельствуют отдельные цифры и названия находившихся под надзором и запрещенных органов печати.

По распоряжению министерства юстиции в начале столетия контроль был установлен на длительное или короткое время над целым рядом газет и журналов, которые издавались

---

[1] Polizei: Geschäftseintheilung 1842—1914. Stadtarchiv München, Nr. 307.

в Мюнхене, Нюрнберге или Аугсбурге. В их числе были: *«Аффеншпигель»*, *«Альгемайне Цайтунг»*, *«Ди Аустер»*, *«Байерише Ландесцайтунг»*, *«Френкише Прессе»*, *«Френкише Тагеспост»*, *«Френкише Фолькстрибюне»*, *«Фрайштатт»*, *«Дер Гробиан»*, *«Ди Югенд»*, *«Критик»*, *«Ди нойе Цайт»*, *«Мэрц»*, *«Нойес Мюнхенер Тагблат»*, *«Мюнхенер Пост»* и *«Нюрнбергер Анцайгер»*, *«Симплициссимус»*, *«Зюддойче Монтагсцайтунг»*, *«Зюд-Дойчер Постильон»*, *«Швабише Фольксцайтунг»* и т. д.[1].

Доносы и процессы против «Симплициссимуса», причиной чему были оскорбления в адрес его величества, не были чем-то необычным. Не были редкостью и анонимные письма, авторы которых выражали свое возмущение по поводу нападок на святыни отечества. Часто на таких письмах можно было найти пометку «приобщить к делу», как, например, в случае с анонимным письмом по поводу титульного листа «Симплициссимуса» и рисунка Бруно Пауля «Академическая бойня»: «Ваше превосходительство! Разрешено ли в Мюнхене безнаказанно продавать и выставлять на показ общественности такое неслыханное свинство? Тьфу, черт! Ландграф, будь суровым!»[2]

Особое внимание органы, осуществляющие надзор, уделяли печати рабочего движения. При этом, хорошо взвесив каждый отдельный случай, власти после 1890 года стали действовать в духе политической целесообразности запрета. Так, в 1893 году министерство внутренних дел констатировало относительно одной «социал-демократической детской книги с картинками»:

«Рассказы этой книги, на первый взгляд кажущиеся безобидными детскими историями, совершенно несомненно, имеют тенденцию к тому, чтобы с помощью социал-демократических учений о борьбе против имущих и космополитизма отравить сердца молодежи; в этой связи было бы крайне желательным, если окажется достаточно оснований, запретить распространение этой книги, возбудив против нее уголовное дело»[3]. Хотя прокурор королевского земельного суда Мюнхена I и повиновался «покорнейше» этому ходатайству министерства внутренних дел, но тем не менее, по согласованию с министерством юстиции, он пришел к следующему выводу:

«Если бы даже и существовала возможность с помощью уголовно-правовых мер воспрепятствовать дальнейшему распространению книги, позволительно было бы задать вопрос о целесообразности этого в том смысле, что не лучше было бы избежать вызываемой такими мерами популяризации этого сочинения в массах, тем более что в отношении такой организации, как социал-демократическая партия, приходится считаться с тем, что и осуждение дальнейшего распространения книги не явилось бы ни для кого своего рода непреодолимым препятствием»[1].

Среди большинства изданий, подлежавших контролю со стороны министерства юстиции, а в отдельных случаях и вовсе запрещенных им, были официальные газеты и печатные издания Социал-демократической партии Германии или газеты, которые стояли близко к партии. Известно, что «Социал-демократ», как фактор мобилизации на единство действий всех членов и сторонников рабочей партии, сыграл особую роль в деле борьбы за отмену закона против социалистов. Сознавая это, партия и позже следовала своему решению, принятому в 1890 году, согласно которому «пресса является лучшим и самым действенным средством агитации и борьбы»[2].

Старая социал-демократия располагала центральными и местными газетами, которые распространялись главным образом по подписке. Каждый старый социал-демократ считал своим долгом выписать партийную газету. Она связывала его с организацией; она стала важным средством обучения. Кроме того, и в денежном отношении газеты должны были быть для партии основным источником[3].

Общий тираж всех социал-демократических газет за период с 1890 по 1912 год увеличился в 6 раз[4]:

1890	год			250	тыс.
1894	год			300	тыс.
1899	год			400	тыс.
1904	год			600	тыс.
1909	год	1	млн.	200	тыс.
1911	год	1	млн.	450	тыс.
1912	год	1	млн.	500	тыс.

Август Бебель понимал, что рабочая пресса несет большую ответственность перед своей читательской публикой:

«Своей цели мы достигнем не посредством маленьких уступок, не ползанием на животе, опускаясь таким образом до уровня масс, а, наоборот, тем, что уровень масс мы поднимаем до уровня своего»[5].

Эта концепция была результатом опыта борьбы. Она была традицией «Новой Рейнской газеты» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Требование Бебеля соответствовало в принципе представлениям, характерным для «Искры» и сформулированным Владимиром Ильичем Лениным в 1899 году в его полемике против тенденции приспособленчества ревизи-

[1] Rep. Justizministerium. Abgabe 1965, 2 C. BayHStA; vgl. auch Aufsicht auf die Presse. Allgemeines, de anno 1896—1923. StaM RA 57779.
[2] Überwachung der Presse 1900—1902. BayHStA MInn 17327.
[3] Sozialdemokratie. BayHStA MInn 17469.

[1] Sozialdemokratie. BayHStA MInn 17469.
[2] *Loreck Jochen.* Wie man früher Sozialdemokrat wurde. Bonn, 1977, S. 26.
[3] Ebenda.
[4] Ebenda.
[5] Ebenda, S. 55.

онистов в деле журналистики: «В той газете,— писал В. И. Ленин,— которая была бы органом партии, средний рабочий не поймет некоторых статей, не даст себе полного отчета в сложном теоретическом или практическом вопросе. Из этого вовсе не следует, что газета должна была бы понизиться к уровню массы своих читателей. Напротив, газета должна именно поднимать их уровень и помогать выделению из среднего слоя рабочих— рабочих-передовиков»[1]. Вопрос о том, нужно ли приспосабливаться к уровню масс или, наоборот, поднимать сознание рабочих, уже в начале 80-х годов XIX столетия вызвал принципиальные разногласия; в частности, между мюнхенским издателем Луи Фиреком, с одной стороны, и Фридрихом Энгельсом, Августом Бебелем и Вильгельмом Либкнехтом — с другой. 16 января 1888 года Август Бебель писал Герману Шлютеру:

«Было бы весьма желательно, чтобы «Социал-демократ» в разделе «Письма читателей» четким шрифтом напечатал следующее: «Мюнхенер Пост» является частным предприятием Ф(ирека), основанного, как мы слышали, на денежные средства баварцев — членов народных партий. Однако широко распространено мнение, что названная газета, как и другие газеты Ф(ирека), являются будто бы партийными газетами. Я *очень* сожалею, что Ф(ирека) не выбросили из партии, хорошенько раскачав его при этом»[2].

2.

Франц Георг Эдвин Луи Витольд Фирек родился в 1851 году в Берлине в семье придворной актрисы. За свои симпатии к социал-демократии был выселен из имперской столицы и обосновался в 1881 году в Мюнхене. Здесь он развернул обширную журналистскую деятельность и основал свою *«Мюнхенер Блеттер фюр Арбайтер»*. Наибольший успех на долю этой газеты выпал как раз в период (1882—1889 годы), когда во всем Германском рейхе социал-демократическая партийная пресса подвергалась гонению и запретам[3]. Хотя в общем-то у Луи Фирека и были трудности в отношении с властями и цензурой, тем не менее со своими *«Зюддойче Пост»* (выходила 3 раза в неделю), *«Мюнхенер Экстраблат»* и *«Герихтсцайтунг»* (выходила 3 раза в неделю) и *«Зюд-Дойчер Постильон»* (выходила один раз в неделю) он мог оказывать существенное влияние на всю социал-демократию. В своих газетах Фирек подвергал сомнению проникнутый духом классовой борьбы курс партийного руководства Августа Бебеля и Карла Либкнехта. С помощью своих газет «для рабочих» Фирек распространял идеи приспособленчества к «государственному социализму» бисмарковского толка и «избегал поэтому всего, что могло выработать у рабочих классовое сознание и привести их к классовой борьбе»[1].

Когда на страницах своей мюнхенской газеты «Рехт ауф Арбайт» («Право на труд») Фирек начал бурную дискуссию с «Социал-демократом», мюнхенское управление полиции дало ему понять, что, исходя из «оппортунистических соображений», оно не будет ставить вопрос о запрещении газеты «Рехт ауф Арбайт»[2].

Все это привело к ожесточенным атакам мюнхенских социал-демократов на Фирека, которого упрекали в том, что он «верил в скрытую доброту и благосклонность к рабочим германского кайзера Вильгельма... Мы являемся антимонархистской республиканской партией... И мы должны протестовать против заигрывания с чучелом на троне, что кому-кому, а социал-демократу пристало меньше всего. И прежде всего, кто и что есть этот кайзер Вильгельм? Неужели Фирек забыл, что этот седовласый герой начал свою преступную карьеру тем, что подавил революцию в Бадене, что, несмотря на данное им честное слово, он распорядился расстрелять бойцов за свободу из Раштатта... А закон против социалистов! А лицемерная социальная реформа!.. С идеями, подобными тем, которые высказывал Фирек, безвозвратно скатываются к государственному социализму. В любом случае в тот момент, когда кто-нибудь высказывает такие, мягко говоря, сентиментальности, он перестает быть социал-демократом... Мы же есть и останемся революционными социалистами, и мы не хотим иметь ничего общего с каким бы то ни было высочайшим обманом»[3].

Борьбу революционных мюнхенских социалистов против Луи Фирека возглавлял тогда Георг фон Фольмар. В конце концов Фирек потерял свое влияние в Мюнхене. После этого он попытался возместить потерю своего влияния в Мюнхене с помощью «Тюрингер Вальдпост» в Саксен-Майнингене и с помощью «Кенигсбергер Фольксблат» в Восточной Пруссии[4].

В 1888 году Луи Фирек на какое-то время вновь появился на политической арене; он издавал «Арбайтер-Цайтунг», «Реформ», «Ма-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 269—270.

[2] Bebel an Schlüter. Plauen-Dresden, 16.I.1888. Nach: *Loreck Jochen.* Wie man früher Sozialdemokrat wurde, a.a.O., S. 68.

[3] *Ulrich Heß.* Louis Viereck und seine Münchner Blätter für Arbeiter. Dortmunder Beiträge zur Zeitungsforschung, 1961, S. 23.

[1] *Ulrich Heß.* Louis Viereck... a.a.O., S. 23.

[2] Ebenda, S. 22.

[3] Sozialdemokrat, Nr. 34/20, 8, 1885. Nach: *Ulrich Heß*, a.a.O., S. 10; *Engelberg Ernst.* Revolutionäre Politik und Rote Feldpost 1878—1890, a.a.O., S. 108 f.

[4] *Ulrich Heß.* Louis Viereck... a.a.O., S. 18.

нуфактурарбайтер-Цайтунг». Таким образом, если учесть еще и «Зюд-Дойчер Постильон», «Рехт ауф Арбайт» и «Мюнхенер Пост», он издавал шесть газет. Однако к тому времени своей политической и журналистской стратегией приспособленчества он ничего уже не мог добиться у политически сознательных рабочих, которые активно и успешно боролись против господствующего класса вильгельмовского государства и исключительного закона. В 1888 году печатник Максиминус Эрнст купил у него «Мюнхенер Пост». В 1894 году Фирек переселился из Мюнхена в Берлин.

3.

Максимин Эрнст принадлежал к числу тех революционных мюнхенских социалистов, которые в течение многих лет в квартальных отчетах правительства Верхней Баварии упоминались как «неугодные» и считались сторонниками марксистского направления внутри партии.

Еще в первые годы преследования социалистов один из чиновников констатировал в своем отчете:

«То, что здешние социал-демократы в общем и целом тесно сплочены, с полной очевидностью выявилось во время погребения первого числа этого месяца на южном кладбище супруги наборщика и социал-демократа Макс. Эрнста, так как на этих похоронах присутствовало по меньшей мере 300 социал-демократов вместе с выдающимися вождями»[1].

Товарищи называли его *Максимус*. На фирменной вывеске его издательства и типографии на Зенефельдерштрассе было написано *Максиминус Эрнст*. Если он опубликовывал статью, то бывший печатник и наборщик подписывал ее как *Максимин Эрнст*. В литературе, в которой он упоминается в связи с деятельностью Ленина в Мюнхене, его называли *Максимус Эрнст*.

Последним воспоминанием о его участии в социалистическом движении и старой боевой социал-демократии был некролог в «Мюнхенер Пост» от 16 мая 1929 года. Максимус Эрнст скончался в возрасте 81 года. Выдержка из газеты:

«Максимус Эрнст родился 27 мая 1848 года в Ингольштадте. Он был старшим среди своих 7 братьев и сестер и должен был по воле своих родителей стать священником. В своем родном городе он посещал народную и латинскую школы, а затем поступил в гимназию в Нойбурге-на-Дунае. После смерти отца он вынужден был прекратить учение. Чтобы поскорее зарабатывать, он должен был заняться каким-нибудь ремеслом. Его выбор пал на печатное дело. Годы ученичества он провел в грисмайнеровской придворной переплетной мастерской в Нойбурге-на-Дунае. С удостоверением подмастерья в кармане он, по старому цеховому обычаю, отправился в путешествие по Германии и посетил города Регенсбург, Айхштетт, Готту, Берлин и Нойруппин; это способствовало расширению его кругозора. Впоследствии он стал на путь социал-демократии.

Осень 1869 года застала нашего Максимуса в стенах Мюнхена, города, в котором удушающая атмосфера патриотического ретроградства препятствовала всякому свободному порыву. 9 лет проработал он в различных мюнхенских типографиях помощником мастера, пока в 1878 году не был объявлен большой локаут печатников, побудивший борцов к действию. Вместе с тогдашним профессиональным объединением он основал газету «Цайтгайст», которая печаталась вначале в типографии Гербера, позже — в типографии Кремера и, наконец, в мюнхенской кооперативной типографии. Последняя была затем, по настоянию пресловутого Герета-Михеля (клятвопреступника Михеля), объявлена политическим союзом и закрыта. Максимус Эрнст, руководитель правления и еще два члена этого правления были брошены на три месяца за решетку. После освобождения из тюрьмы Эрнст скупил все, что осталось от кооперативной типографии, и с этого момента стал издавать «Цайтгайст» в собственной типографии. Инициативность и умение вести дело мало-помалу подняли предприятие на должную высоту. Однако полицейские придирки привели к тому, что и это постепенно начавшее процветать предприятие обанкротилось. Наш Максимус за нарушение закона о союзах должен был снова, как борец за свободу, на 6 месяцев распрощаться со свободой.

1878 год принес с собой бич закона против социалистов, а вместе с ним и запрет на газету «Цайтгайст». Предприятие нашего товарища прекратило свое существование, а сам он снова отправился за решетку. Но у него было достаточно энергии, для того чтобы действовать. Едва оказавшись снова на свободе, он основал в Розентале новую примитивную типографию. Здесь стала издаваться «Зюддойче Пост», бывшая до этого времени органом народной партии. Ее редактирование взял на себя выселенный из Берлина на основании закона против социалистов референт высшего аппеляционного суда в отставке Луи Бирек. Здесь приходят на память такие имена, как Моргенштерн и Фольнер. В это время произошло объединение типографий Фольнера и Эрнста под началом фирмы Гео-

[1] Vollzug des Reichsgesetzes vom 21. Oktober 1878 gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Socialdemokratie. Quartalsberichte 1878—1885. StaM RA 57802.

Максимус Эрнст

рга Фольнера. После того как Фольнер оставил дело, Эрнст один вел его.

В «Зюддойче Пост» была рубрика для фельетонов: «Зюд-Дойчер Постильон». В 1882 году эта рубрика преобразована в самостоятельную газету «Зюд-Дойчер Постильон» политико-сатирического направления. С 1882 по 1888 годы газетой руководил Макс Кегель, крещенный в хмельном веселье в кабачке д'Орвиля. Последующие годы полицейского притеснения снова заставили изменить вывеску нашей мюнхенской партийной газеты. Тем временем Максимус Эрнст переселился со своей типографией в собственный дом по Зенефельдерштрассе, 4.

1 апреля 1888 года, в период 100-дневного правления кайзера Фридриха III, когда улеглась волна реакции и наши товарищи вышли из тюрем, «Мюнхенер Пост» снова увидела свет. С первых дней своего существования газете пришлось преодолеть огромные трудности. В те дни проходил крупный процесс над членами одного из тайных союзов, в ходе которого был окончательно разоблачен опасный полицейский шпик Герет.

1890 год ознаменовался первой выдающейся победой социал-демократов на выборах, приведшей к падению закона против социалистов. С этого момента в партии начинается мощный подъем. Подхваченные волной воодушевления, наши мюнхенские товарищи тоже захотели иметь в Мюнхене свой партийный орган и решили на одном из своих собраний в кабачке «Хиршбройхалле» перевести газету в распоряжение партии.

Имя нашего Максимуса неразрывно связано со становлением и ростом нашей партийной газеты. Так же, как он, социал-демократ до глубины своей души, без отдыха работал для дела партии, переносил удары бича закона против социалистов и длительные сроки тюремного заключения, так он со свойственной ему творческой энергией участвовал в создании нашей партийной газеты.

Борец за политические права, он был одновременно и сторонником профсоюзного движения. Так, он взял шефство над местным мюнхенским отделением союза немецких книгопечатников в период его основания. В 1873 году он стал делопроизводителем в мюнхенском местном обществе, в 1876 году он был представителем мюнхенских типографских подручных на V немецком конгрессе книгопечатников в Лейпциге.

Доверие к нему со стороны товарищей по партии особенно проявилось в том, что его вновь выдвинули кандидатом на выборах в рейхстаг. В 1902 году он был избран в коллегию мюнхенской общины, в 1906 году был назначен советником магистрата и вплоть до июня 1919 года являлся членом городского управления. С начала войны и до 1925 года, т. е. в течение более 10 лет, он был председателем одного благотворительного общества. В 1919 году, в возрасте 70 лет, с ним произошло большое несчастье. По пути в ратушу, на Шиллерштрассе, он попал под почтовый автомобиль. Он сильно пострадал, и врачи вынуждены были отнять ему правую руку. Но железный характер позволил ему, несмотря на преклонный возраст, преодолеть эти страдания.

И вот нашего дорогого друга нет больше среди нас.

С печалью в сердце стоим мы у дороги, по которой прах нашего усопшего товарища переносят к месту его вечного покоя. От нас навсегда уходит один из тех храбрецов, которые стояли у колыбели нашего движения, которые отдали себя без остатка этому движению и для которых идеи социализма были превыше всего.

Пусть же останется он — молодежь знала его другим, одиноким человеком, не таким,

каким знали его старики, с которыми он делил радости и горести борьбы,— ярким примером для сегодняшнего молодого поколения, которое все свои мысли и весь огонь своей души и дальше будет отдавать идеалам и практическим деяниям социализма.

Мы никогда не забудем Максимуса Эрнста!»[1]

Но в этой статье ничего не говорится о поддержке, которую товарищ Максимус Эрнст оказывал Ленину в Мюнхене.

4.

Наряду с «Мюнхенер Пост» в типографии Максимуса Эрнста издавалась и «Зюд-Дойчер Постильон».

«Постильон» была «иллюстрированной политико-сатирической рабочей газетой», в которой — раньше, чем в «Югенд» буржуазного издателя Георга Гирта и в «Симплициссимусе»,[2] — в великолепной четырехцветной печати публиковались карикатуры, качество которых было вполне сравнимо с работами ведущих художников «Симплициссимуса». Сатира и карикатуры в «Зюд-Дойчер Постильон» показали, впрочем, что острота «Симплициссимуса» была бы немыслима без воинствующего характера тогдашней рабочей печати. Эта печать существовала отнюдь не благодаря благосклонности баварского правительства; свою свободу она завоевала, участвуя в рабочем движении; как и прежде, она должна была защищать себя от козней, чинимых властями. Ее сотрудники не были защищены от возможного притеснения со стороны властей; многие статьи не подписывались именем автора. В то время, когда в том же издательстве начала выходить ленинская «Искра», выходные данные «Мюнхенер Пост» были следующие:

«Ответственные редакторы: политического отдела (по уполномочию), отдела Баварии и военных вопросов — М. Грубер; отдела Мюнхена — Эд. Шмид; отдела фельетонов и других отделов редакции — Е. Штраус; отдела объявлений — С. Витти; ответственный за всю печать Мюнхена — М. Эрнст; издательство «Мюнхенер Пост» (Эд. Шмид), Мюнхен».

5.

О конфликтах между левыми и правыми социал-демократами на рубеже веков Максимин Эрнст рассказал в «одном воспоминании» в 1901 году.

Вильгельм Либкнехт в Мюнхене

Это было во время самого ожесточенного спора. Закон против социалистов и его 12-летнее господство ушли уже в прошлое. Должна ли партия и дальше стоять с ружьем к ноге? Должна ли она действовать и пытаться завоевать то, что она должна была завоевать? Эти вопросы и задавали тон спору; со всей настоятельностью товарищ Фольмар выступал за вторую точку зрения, в то время как большинство его товарищей во главе с Либкнехтом и Бебелем, по меньшей мере для начала, хотели приставить ружье к ноге. Вся серьезность спора стала для нас ясной тогда, когда мы услышали о том, что некоторые уже «вылетели», в то время как слова Розы Люксембург «в Зоиензас паломничать мы не будем» воспринимались как веселая шутка. «Ни на шаг я не отступлю с моих позиций; если мои избиратели со мной согласны, я сохраню мандат, если нет, то я тотчас же сложу с себя все полномочия»,— заявил Фольмар.

Затем последовал ответ Либкнехта на приглашение мюнхенских товарищей принять участие в собрании в «Томасбройзале»: «Да, но чтобы с самого начала избежать неприятностей, было бы хорошо, если бы сам Фольмар не присутствовал». «Ну и ну, вот так каша заварится»,— подумали в комитете. В срочном порядке в Зоиензас к Фольмару был отправлен посланец, который должен был так изложить ему всю суть этого щекотливого дела, чтобы тот отказался от участия в собрании. Между тем Фольмар и не помышлял о том, чтобы присутствовать на этом собрании в Мюнхене, но, услышав туманные объяснения представителя комитета, он сказал: «И не подумаю!» Затем быстро надел свой длинный сюртук с двумя рядами пуговиц и в таком виде появился на собрании, восторженно встреченный присутствующими. Прибывший вскоре Либкнехт тоже был встречен громкими возгласами приветствий.

Затем в зале воцарилась тишина. Все с напряжением ожидали, как эти двое будут вести себя по отношению друг к другу. Последовало обоюдное рукопожатие, явно выдержанное в духе благородной сдержанности. Затем несколько вежливых вопросов и ответов до тех пор, пока «старик» первым несколько не потеплел и не стал разговорчивее; вскоре после этого, опьяненный радостью, он уже рисовал своим «дорогим мюнхенцам» яркую картину того, что уже нами проделано и что нам предстоит еще сделать. Охваченный юношеским пылом, он с такой душевной теплотой призывал к энергичности и творчеству в действиях, что Фольмар был вынужден поблагодарить его, а стоявшие плечом к плечу

[1] Münchener Post vom 16. Mai 1929.

[2] Годовые подшивки «Зюд-Дойчер Постильон» и «Симплициссимуса» хранятся в Монакензии. С них взяты и репродукции для этой книги.

слушатели, охваченные чувством уверенности в своих силах, не жалея рук, устроили ему бурную овацию. Мы все радовались этой первой встрече «старика» и Фольмара; все наши опасения оказались напрасными.

На следующий день в сопровождении нескольких товарищей Либкнехт совершил прогулку в богатую красотами природы долину Изара, а во второй половине дня — экскурсию на Штарнбергерское озеро, прокатился по озеру на одном из импозантных пароходов, затем не было конца восхищению горами и долинами, природой и людьми, лесами и лугами, буками и соснами, рыбаками и их челнами. И даже каждый кусок колбасы был вкуснее, чем где бы то ни было в мире. К тому же вечером вернулась из поездки в горы его преисполненная озабоченности и верности супруга Натали; там она посетила Партенкирхен и Партнахкламм с их бешеными водными стремнинами, и опять было чем восхищаться и что сравнивать, причем прекраснейшим и великолепнейшим, безусловно, оставалось то, что только-только было увидено своими собственными глазами.

Вильгельм Либкнехт был не только интересным рассказчиком, он был также щедро одаренный музами поэт, который со сверкающими глазами, исполненный теплоты и убеждения, рассказывал о том, что запало в его сердце. И уж если его охватывал поэтический дух, он мог отбросить все земное: яркими красками рисовал он картины прекрасной страны, населенной чудесными людьми; все это он пережил и увидел сам, и слушать его было одно удовольствие. Ну а если некоторые из его прозаических друзей, к тому же лучших его друзей, тоже слушали эти чудесные рассказы, они тихонько подталкивали друг друга и говорили: «Слышишь, старик снова без зазрения совести угощает нас небылицами». Но «старика» это совершенно не беспокоило. Он не обращал никакого внимания на подобные реалистические возражения и давал своему Пегасу полную волю; при этом речь его всегда была яркой, и все, что он говорил, могло тут же идти прямо в набор.

Однако мы, мюнхенцы, были более склонны к земным рассуждениям. Как-то вскоре после этого мы сидели в полюбившемся нам трактирчике на Пляцле, там же находится и «Хофбройхауз»; здесь были не только пиво и хлеб, чудесный аромат источало жаркое, салат и многое другое.

«Эх, хорошо же вам, дети, живется! — крикнул всем нам счастливый и полный доброжелательной веселости дорогой наш старик. — Мюнхен — прекраснейший город... Собственно, очень хотел бы здесь быть... за ваше здоровье!» [1]

[1] Süd-Deutscher Postillon, 1901, S. 135.

Симпатия, с которой Максимин Эрнст рассказывал о Либкнехте, и его попытка сгладить противоречия между партийным руководством и Георгом фон Фольмаром, свидетельствуют о том, что в мюнхенской социал-демократии полностью осознавали наличие противоречий между «стариками» и «молодыми», между левыми и правыми.

Более четкую и исторически важную позицию по отношению к Вильгельму Либкнехту заняла редакция «Искры». Одна из наиболее длинных статей первого номера этой газеты — написанная Павлом Аксельродом, просмотренная Лениным и напечатанная на первой и второй страницах — была посвящена Либкнехту, который умер 7 августа 1900 года:

«Со смертью старейшего вождя германской социал-демократии революционный пролетариат всего мира лишился одного из своих наиболее замечательных и неутомимых борцов и руководителей... Похороны Либкнехта приняли характер и размеры величественной манифестации, в которой приняли участие сотни тысяч, быть может, около миллиона немецких рабочих и представителей рабочих партий Англии, Франции, Австрии, Венгрии, Бельгии, Дании и разных других стран. По единодушным заявлениям всех добросовестных газетных корреспондентов, видевших эту манифестацию, таких грандиозных похорон не удостаивался еще ни один король, ни один император...

История жизни и деятельности Либкнехта теснейшим образом связана... с историей Германии, а косвенно — с важнейшими моментами и событиями в истории Европы за период более продолжительный, чем полстолетие».

Как отмечала «Искра», рабочий класс всего мира должен быть благодарен Вильгельму Либкнехту за его неутомимое участие в освободительной борьбе «на пользу умственного и политического возвышения эксплуатируемых и угнетенных рабочих масс».

В период, когда в стране господствовал закон против социалистов, «миллионы немецких рабочих объединены в самостоятельную революционную силу под знаменем социал-демократии. И в то время, как немецкая буржуазия давно уже позабыла либеральные увлечения своей молодости и в трогательном союзе со своими прежними врагами — с государями, с дворянством и духовенством — ополчается против свободы и прогресса, социал-демократическая рабочая партия стоит на страже интересов того и другого, защищая их против всяких врагов — все равно, под каким бы флагом они ни выступали: под флагом откровенно бесстыдных реакционеров или под фальшивым флагом лжелибералов. Покойный Либкнехт бесконечно много сделал для создания этой армии и для обеспечения ей прочного

существования. В этом — бессмертная заслуга его перед человечеством»[1].

Из присутствующей в статье Максимина Эрнста тенденции нейтрализовать внутрипартийную напряженность в германской партии с помощью «более земных рассуждений» никоим образом не следовало, что «Мюнхенер Пост» была всего лишь провинциальной партийной газетой и что программа, предложенная ее издательством, уже не претендовала на научный социализм.

«Мюнхенер Пост» выходила ежедневно на шести страницах, каждая из которых делилась на четыре колонки. Иллюстраций не было. Газета состояла исключительно из колонок текста[2].

Большое место занимал *политический обзор* международных, национальных, государственно-политических и местных тем, критика империализма, милитаризма и империалистической колониальной политики; то же можно сказать и о колонках, сообщавших о классовой борьбе, в которых «золотому Интернационалу» предпринимателей противопоставлялся Социалистический Интернационал пролетариата и которые содержали конкретные материалы по истории немецкого и международного рабочего движения, клеймили позором взвинчивание цен и ростовщичество домовладельцев, разоблачали темные махинации в совете общины. Были здесь и сообщения о забастовках в других городах, передовые статьи призывали к солидарности с бастующими.

В фельетонах — исходя из позиций прогресса и рабочего класса — газета высказывала свое отношение к политике в области театра и искусства вообще, выступала против шумихи, устраиваемой в Байройте и Обераммергау, и т. п.

Регулярно печатались романы с продолжением. В 1900—1901 годах были, например, напечатаны:

«Крестьянин-миллионер» Макса Кретцера; *«Ханна»* Петера Эггера; *«Дилемма»* Е.-К. Гюисманса (перевод с французского); *«Воскресение»* графа Льва Толстого; *«Бабья деревня»* Клары Фибих; *«Бродяга»* Жана Сегю (перевод с французского); *«Крепостные»* Вильгельма Брансдорфа, роман из времен русского крепостного права; *«Труд»* Эмиля Золя (перевод с французского); *«Фалькнер из Сент-Вигиля»* Роберта Швейхеля — роман из времен баварского владычества в Тироле.

С преисполненной классового сознания уверенностью, «Мюнхенер Пост» приветствовала на своих страницах начало нового века, что было созвучно голосу всей социал-демократической прессы. Решительное «нет» газета высказала в адрес всех «бравых» сил, находящихся на службе у правительства:

«Итак, наши бравые имеют все основания быть в дурном настроении, что, однако, не удерживает их от выступления в поддержку дальнейших хищнических планов «манчестерского крупного капитала», абсурдной политики правительства и обширных планов строительства морского флота. Да, это действительно скверно, когда любой ценой нужно защищать государство, которое оторвано от реальности экономического развития и заботится только лишь об интересах действительно власть имущих — крупных промышленников, заклятых врагов.

Насколько по-другому звучит все это, когда обращаешься к материалам социал-демократической печати: твердая уверенность, последовательность и непоколебимое мужество борьбы характеризуют ее настроение»[1].

В то время как «имущие» жаждут возвращения «доброго старого времени», социал-демократы «с гордой верой» противопоставляют ему «доброе новое время, уготованное нам историей»[2].

Приводимые ниже выдержки из «Мюнхенер Пост» начала XX века документально доказывают, что эта газета нацеливала своих читателей на социалистическое будущее[3].

Вторник, 9 января 1900 года.

Прусская армия в 1800 и 1900 годах

Да не ослепит же нас слава, витающая с 1866 и 1870 годов над прусской армией. Не менее ярко сияла в конце прошлого столетия глория побед Фридриха Великого. Конечно, по сравнению с нынешними армиями прусская, в том числе немецкая, армия сохраняет свое превосходство. Другое дело, если бы возникла необходимость, как это случилось в конце прошлого столетия, померяться силами с новой формой армии и новой тактикой, возникшими в результате коренных изменений, происшедших в политической обстановке!

Оценивая состояние военных дел 1800 года, мы приходим сегодня, в 1900 году, к следующим выводам: если бы во Франции или в какой-нибудь другой европейской стране произошел социальный переворот, равный по значению Великой французской революции, и если бы образовался новый «Священный со-

---

[1] Искра, 1900, № 1, декабрь.
[2] В одном номере «Искры» в среднем могло быть помещено до 80 страниц машинописного текста, в каждой из которых 1800 знаков.

[1] Münchener Post vom 3. Januar 1900.
[2] Ebenda.
[3] Нижеследующие воспроизведения из «Мюнхенер Пост» получены из фондов Баварской государственной библиотеки. Приведенные материалы частично являются отрывками.

юз», с целью восстановить в этой стране старый режим с помощью военной силы, то все союзники-реакционеры потерпели бы такое же полное поражение, а старые государства были бы так же разрушены, как и в конце прошлого века! Воспоминание о прусском позоре 1800 года служит предостережением правительству: «Берегись военной мощи пролетарской революции!»

Вторник, 1 мая 1900 года.

Новости внутренней жизни Мюнхена

Мюнхен, 30 апреля 1900 года.

К Первому мая!

Рабочие, работницы, товарищи по партии!

Приходите, и пусть вас будет как можно больше на предстоящих в этот вторник, 1 мая,
10 больших общественных народных собраниях,
на которых пойдет речь о значении 1 Мая для пролетариата цивилизованного мира.

Все рабочие и работницы, у которых 1 мая свободный от работы день, должны прийти к 10 часам утра на всеобщее собрание, которое состоится в большом зале мюнхенского «Киндлькеллера». Во второй половине дня — совместная экскурсия в Эрмитаж Изарауэна. Вас ожидают подготовленные достойным образом развлечения и веселье.

Для рабочих, связанных с производством продуктов питания, в 2 часа пополудни в «Кройцбройе» устраивается большое собрание и, кроме того, вечером, в 8 часов,—
восемь собраний
с торжественными речами, музыкой и пением: в «Кройцбройе», «Альгамбре», «Хиршбройкеллере» (Бауэрштрассе), «Фольксгартене» (Румпенбург), «Арцбергеркеллере», «Петуэльбраурэрай» (Швабинг), «Бюргерлихес Бройхаузе» и «Лоэрвирте».

Докладчики: депутат ландтага товарищ Мюллер, товарищи Шмид Эд., Райт, Витти, Тимм, Мюльбауэр, Фукс и Хойзльмайер. Вход свободный!

Рабочие и работницы! Позаботьтесь о том, чтобы посещение всех собраний было массовым. Пусть это будут демонстрации, достойные дня мирового праздника пролетариата!

* * *

Идя навстречу пожеланиям рабочих, хозяева некоторых предприятий освободят их 1 мая от работы. К числу таких предприятий относится и фабрика, принадлежащая Кустерману.

* * *

На последнем заседании делегатов певческого общества рабочих, на котором рассматривалось участие в майском празднике, были приняты следующие решения: для утреннего собрания в мюнхенском «Киндлькеллере» были утверждены следующие песни: «Праздничная песня», «Вперед» и «Народов освободительный штурм». Для вечерних собраний общества были распределены следующим образом: в «Кройцбройе» поют общества «Моргенрот» и «Гутенберг», в «Арцбергеркеллере» — «Нордвест» и «Норденд», в «Лэрвирте» — «Хандшумахер» и «Ау», в «Альгамбре» — «Фриш Ауф» и «Зендлинг», в «Петуэльбраурэрай» — «Эхо», в «Хиршбройкеллере» — «Рихтферцагм»...

Вторник, 29 мая 1900 года.

Об инсценировке страстей Христовых в Обераммергау

II.

Шиллер как-то сказал о наивном в искусстве: когда знаешь, что детская наивность — это не глупость, а высшая сила, источник, бьющий из самого сердца, полного невинности и правды, и отвергающий помощь искусства своим внутренним величием, то триумф критического ума становится неуместным и насмешка над наивностью переходит в восхищение простотой. Соответствуют ли эти слова Шиллера инсценировке страстей Христовых в Обераммергау? Отвечают ли эти ставящиеся каждые десять лет спектакли о страданиях Христа собственной внутренней потребности или потребности мирской, и есть ли в том, что происходит на сцене, полное, нетронутое религиозное чувство, единственное желание возбудить чувство веры? Если посмотреть на дело объективно, то ответом на этот вопрос будет решительное «нет». Все претензии, которыми сопровождается постановка страстей Христовых на сцене, указывают на то, что деревня, живущая ремеслом прославления бога, все больше и больше превращается в сельский Байройт, которым каждые десять лет ради моды и развлечения лакомятся верхние десять тысяч. Все приспособлено для этих десяти тысяч, не только вещи, окружающие их, но и «вещь сама по себе», сама инсценировка страстей Христовых. Великолепие сцены — мистерии с игроками на лютне, сильные массовые сцены, в которых участвует почти половина деревни, дорогостоящие костюмы, одним словом, весь большой коллектив, осуществивший постановку и заимствовавший при этом многие формы игры у мейнингенского театра, мог бы состязаться с любым придворным театром. Тщетно было бы искать здесь черты примитивности; все хорошо продумано, хорошо поставлено и сконструировано с театральным эффектом.

И вот стрельба из пушек возвещает о возобновлении представления. Протискиваемся мимо ларьков, торгующих колбасками, апельсинами и открытками, к театру. Испытывая приятное чувство, сопровождающее переваривание пищи,—насколько это, конечно, позволяет кулинарный уровень Обераммергау—все ждут предстоящих событий. Позолоченные солнцем, покрытые снегом горы упираются в поднебесье. Сверкая, потоки солнечного света льются на яркие краски тихо шевелящихся от ветра живописных одеяний. Если в первом отделении Антон Ланг в роли Христа—с его несколько высокими плечами, коренастой фигурой и глухим голосом—не производил особого впечатления, то, будучи в ходе пьесы увенчанным терниями, молча страдающим мучеником, почти нагим, он являл собой захватывающую картину. Крестный ход, распятие и снятие тела с креста явились вершиной инсценировки страстей Христовых. С подлинной величественностью и немой возвышенностью сиял священный трагизм сына человеческого. Все следовавшее за этим: воскресенье и вознесение—лишь пустая феерия. Между тем оба разбойника уж слишком удобно чувствовали себя на кресте; один из них все никак не мог вдоволь насмотреться на публику. Несмотря на это, возвышенного было предостаточно в этом чисто человеческом представлении. Предатель и первый софист Иуда, лишенный всех социальных корней, не мог удержаться от некоторых преувеличений, несмотря на то что он, как запойный пьяница, прежде, чем принять роль, должен был пройти курс лечения от алкоголизма. На роль Марии предполагалась вначале одна красивая и талантливая девушка. Но так как божья матерь должна была быть истинной девственницей, а эта девушка имела любовную связь с молодым егерем, то нравственное возмущение, охватившее Обераммергау, воспрепятствовало этому выбору, и великий жребий пал на дочь почтальона Анну Флюнгер. Она довольно хороша собой, но ей была свойственна еще некоторая робость и беспомощность, а в ее голосе чувствовалась мелкая дрожь. Но так как все зрелищные увеселения народа организовывались церковью и ярмарочным балаганом, то первоначально предполагалось серьезную часть представления дополнить веселым спектаклем с проделками черта. Однако эта фигура уже давно была вытеснена из инсценировок страстей Христовых, и поэтому теперь народ пришел сюда ради удовольствия поприсутствовать при том гротеске, когда дьявол вырывает внутренности у повешенного Иуды и пожирает их. В данном случае это были настоящие белые колбаски. Хотел бы также заметить, что похвальная организованность одетых в мундиры полицейских была в полной мере сохранена и в Обераммергау. Эти скромные служители безопасности выныривали отовсюду и, подобно декоративному кустарнику, обрамляли сельские дороги вплоть до близлежащих поселков. Возможным претендентам и путешественникам в деревню, ставшую ареной показа страстей Христовых, я хочу еще сообщить, что квартиры Марии, молодого Христа, Петра и Иоанна уже заняты до конца представлений.

Среда, 7 сентября 1900 года.

Политическое обозрение

Мюнхен, 6 сентября.

Патриотизм и социал-демократия.

Из доклада Фольмара об истории принципа интернационализма на Грацском съезде австрийских социал-демократов «Франкфуртер Цайтунг» цитирует следующее примечательное место:

«Я возражаю против упрека в адрес социал-демократии в ее мнимом отказе от патриотизма. Этот упрек делают сегодня либо абсолютные глупцы, либо подлецы. Национальность и интернациональность не исключают друг друга. Наоборот, они дополняют друг друга. Нужно только правильно подходить к понятиям национальность и патриотизм. Их нельзя путать с уродливой карикатурой шовинизма и бахвальством, презирающими другие нации, чтобы своей нации позволить казаться великой. Вовсе не те, кто полагает: «Быть немцем значит бахвалиться», являются настоящими патриотами. В подлинной любви к нашему народу, к общности, частью которой мы являемся, нас не может превзойти никакая партия, никакой слой населения. Но за географией национальных областей есть еще и другое, куда более великое—это общечеловеческие мысли и чувства. (Бурные аплодисменты.) По ту сторону границ, которые между нами и вами в 1866 году воздвигла достойная проклятия политика, стоит великая партия, которая чувствует себя с вами абсолютно единой, и ваша победа будет нашей победой. (Бурные овации.)»

Суббота, 6 октября 1900 года.

Национал-либеральный патриотизм

У Грильпарцера есть такие известные слова: «От гуманности через национализм к зверству». Эту же мысль высказывает и Толстой, когда он пишет, что «все народы так называемого христианского мира доведены патриотизмом до такого озверения, что не только те люди, которые поставлены в необходимость убивать или быть убитыми, желают или радуются убийству, но и люди, спокойно живущие в своих никем не угрожаемых домах в

Европе, благодаря быстрым и легким сообщениям и прессе, все люди Европы и Америки — при всякой войне — находятся в положении зрителей в римском цирке и так же, как и там, радуются убийству и так же кровожадно кричат: «Pollice verso!»[1]

Четко и ясно Толстой указывает на связь между патриотизмом, войной, постоянными армиями и «патриотической» политикой, с одной стороны, и интересами господствующих классов — с другой. Грубым, вредным, постыдным и аморальным представляется ему этот «патриотизм», на котором, по его мнению, покоится господство того, что он называет правительством. Он понимает под этим не только правительства с их чиновниками, но и все те общественные классы, которые захватили позиции, дающие им исключительные преимущества: капиталистов, журналистов (однако не всех), большинство людей искусства и ученых.

Так вот этот патриотизм, который не так уж и несправедливо называют патриотизмом убийств или патриотизмом прибыли, и является, собственно, областью деятельности национал-либералов и в особенности политиков, вроде тех, что из «Мюнхенер Альгемайне»...

Воскресенье, 7 октября 1900 года.

Мюнхен — дорогой город

Еженедельник «Дер Арбайтсмаркт» публикует в своем последнем номере известную подборку о розничных ценах на важнейшие продукты питания, составленную на основании официальных торговых бюллетеней (в марках за килограмм). Здесь же приводятся данные о недельном потреблении продуктов питания одной семьей, вычисленные по трехразовому рациону питания немецкого матроса (середина сентября 1900 года):

	Данциг	Берлин	Дрезден	Хемниц	Лейпциг	Штутгарт	Мюнхен
Говядина	1.10	1.00	1.00	1.20	1.00	1.20	1.00
Свинина	1.20	1.20	1.00	1.32	1.20	1.40	1.28
Баранина	1.20	1.20	1.20	1.28	1.10	1.20	1.00
Рис	—	—	0.32	—	—	—	0.52
Фасоль	—	0.30	0.32	—	—	0.32	0.40
Горох	—	0.25	0.32	—	—	0.32	0.36
Пшеничная мука	—	0.25	—	—	—	0.36	0.36
Сушеные сливы	—	0.40	0.50	—	0.60	—	0.48
Картофель	0.04	0.05	0.05	0.06	0.06	0.06	0.08
Хлеб	0.20	—	0.23	0.22	0.22	0.21	0.28
Масло	2.00	2.20	2.00	2.40	2.20	2.00	1.70
Потребление одной семьи	19.92	20.54	20.08	22.16	20.63	21.67	21.41

В связи с этим в данной статье отмечается, что увеличение расходов на покрытие недельной потребности в продуктах питания одной семьи наблюдалось также и в сентябре. Только для Дрездена, Брауншвейга и Штутгарта было характерно понижение расходов. Увеличиваются цены главным образом на мясо, хотя и молочные продукты также имеют тенденцию к подорожанию. Понижение цен на отдельные продукты питания отмечалось крайне редко и то лишь в отношении тех продуктов, удельный вес которых в общем потреблении невелик.

Среда, 7 ноября 1900 года.

Митинг рабочих в защиту мира

По ту и по эту сторону Ла-Манша шовинизм устраивает самые дикие оргии. Отношения между Францией и Англией, т. е. между французской и английской буржуазией, с каждым днем становятся все менее и менее дружественными, и не исключено, что спор между обеими конфронтирующими бандами разбойников будет решаться с помощью оружия. Народ не участвует в этом споре ни во Франции, ни в Англии. И здесь и там рабочие хотят мира. Здесь и там их программа провозглашает: интернационализм и братство.

Вторник, 2 апреля 1901 года.

Красный призрак

Тот, кто знаком с обстановкой в берлинском гарнизоне, знает, что получены определенные секретные инструкции, согласно которым будут действовать воинские части в случае «народного восстания». Все казармы расположены таким образом, что оцепление центральной части города может быть осуществлено в течение нескольких минут, а стрелковые роты Александровского полка, расквартированные в казарме у Шисхауза, еще раньше получили специальный приказ «в случае опасности» сразу же выступить для занятия замка. В имперской столице широко распространено мнение, что и проведенная по приказу Вильгельма II расчистка территории замка, и начавшееся строительство большой балюстрады на площади перед замком, и прежде всего строительство по инициативе определенных кругов большого бассейна, так называемого «Утиного пруда», на территории замка предприняты главным образом с целью защитить дворец в случае неожиданного нападения: подобно островку, королевский замок должен возвышаться над морем крыш становящегося все более «красным» Берлина!

---

[1] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1958, т. 90, с. 432.

«Зюд-Дойчер Постильон»,
1901, № 10.

Покорные и верные рабы в Бонне

Голос: «Что касается вашей покорности, то это мы еще посмотрим. О вашей верности я получил представление в свой первый день рождения после моей отставки. Но то, что вы стали рабами, я не сомневаюсь».

После всего этого не приходится сомневаться в том, что для выработки всякого рода реакционных планов подстрекатели постоянно поддерживают у монарха мысль о внезапной и сокрушительной революции. Они размахивают «красной тряпкой» и хотят, чтобы монарх испытывал страх перед социал-демократами, что дало бы повод склонить его к принятию мер, обеспечивающих господствующему классу его привилегированное положение. Возьмет ли верх у этих людей глупость или жестокость — в любом случае они имеют совершенно превратное представление о сущности современного пролетарского движения и о средствах, которые могли бы служить оружием свержения. Выдающийся мыслитель Фридрих Энгельс в 1895 году в своем великолепном завещании немецкому рабочему классу, в введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» охарактеризовал нашу позицию по этим вопросам...

Пятница, 21 июня 1901 года.

О праве революции

В «Нойе Цайт» товарищ Франц Меринг пишет:

«Наше время можно упрекнуть в чем угодно, но только не в отсутствии юмора. Прошло уже 40 лет с тех пор, как философское общество в Берлине, для того чтобы позлить правительство, враждовавшее в то время с буржуазией, пригласило Лассаля в качестве докладчика на торжества по случаю 100-летнего юбилея

Фихте. Это было то самое общество, которое затем за шесть лет до смерти Энгельса постаралось опорочить его, предоставив одному тупому педанту трибуну для низкой пасквильной речи. Тем временем это благородное общество еще больше замкнулось в себе и, чтобы стереть со своих патриотических анналов тот позор, что однажды какой-то Лассаль говорил от его имени, снова обратилось к памяти Фихте, и именно таким образом, чтобы ни одной мнительной душе не пришло бы в голову, что оно когда-то позволило Лассалю поучать себя в отношении Фихте.

Поистине патриотическим благоразумием обладает это философское общество. В Берлине было уже два памятника Канту: на одном он стоит под хвостом коня, на котором сидит старый Фриц, на другом он стоит в свите толстого Вильгельма-двоеженца, приказавшего священнику Вельнеру заткнуть рот «этому самому Канту» за его дерзкие речи. В своих верноподданнических чувствах философское общество полагает: то, что воздано Канту, должно быть воздано и Фихте. Но так как тот самый Гогенцоллерн, чьим лакеем мог быть изображен Фихте, уже представлен в Берлине четвертью дюжины статуй, и вряд ли сто́ит так вот, ради дрянного философа начинать вторую четверть дюжины, то философское общество с поистине удивительной силой ума принялось размышлять о том, как бы воздвигнуть Фихте памятник, не рискуя при этом столь желанными видами на Красного Орла четвертой степени. Патроном-опекуном запланированного им памятника общество избрало не кого иного, как Его Превосходительство господина рейхсканцлера графа Бюлова, и Их Превосходительство в своем благосклонном письме, которое теперь не сходит со страниц преисполненных восхищения органов буржуазной печати, дали согласие взять на себя этот патронат. Если бы Лассалю довелось пережить это, он, конечно, не восторгался бы, а, наоборот, снова воскликнул: «Гром — бомбы — и свечи всем чертям!»

Пусть-ка настоящий Фихте прочтет господину рейхсканцлеру небольшую лекцию! Граф Бюлов, как мудрый государственный муж, оспаривает право революции, но Фихте оспаривает не только это его суждение, но даже и полномочия на само это суждение: «Ни один дворянин, ни один военный монархического государства, ни один делец, состоящий на службе какого-нибудь двора, объявившего себя противником французской революции, не должен выступать при этом расследовании. Только тот, кто не является ни угнетателем, ни угнетенным, чьи руки и унаследованное положение чисты от грабежа других наций, в чью голову не были начиная с юности вколочены общепринятые формулы нашего века, чье сердце наполнено теплым, но тихим благоговением перед человеческими ценностями и человеческими правами, может быть здесь судьей. Это правда, рыцарь золотого руна, — а ты действительно являешься им — это правда, и никто не может отрицать, что для тебя было бы очень нежелательно, если уважение к твоему знатному происхождению, к твоим титулам и твоим орденам вдруг превратилось бы в этом мире в ничто, а почитать тебя пришлось бы, исходя только лишь из твоих ценностей как личности, но извини: вопрос заключался вовсе не в том, нищий ты или богатый; речь шла о нашем праве.

То, что делает тебя нищим, не может быть справедливым, полагаешь ты. Но посмотри на угнетенных тобой рабов, они кричат нам: тот, кто богат и привилегирован, не принадлежит к народу; у него нет ни доли во всеобъемлющих правах человека! Это их интерес. И их выводы столь же основательны, как и твои. То, что делает их счастливыми, никогда не может быть неправым, полагают они. И мы не должны их слушать? Так позволь же, мы не будем слушать и тебя».

Очень по-деловому судит Фихте о праве революции: «Нет таких конституций, которые нельзя было бы изменить; в самой их природе заключена изменчивость. Совсем плохая, оспаривающая необходимые конечные цели всех государственных связей, должна быть изменена; хорошая, способствующая их достижению, изменяется сама по себе. Оговорка в общественном договоре, по которой он должен быть неизменным, явилась бы в таком случае вопиющим противоречием духу человечества. Я обещаю в этой государственной конституции никогда ничего не изменять. Это означает: я обещаю не быть человеком и не терпеть того, насколько это в моих силах, чтобы кто-нибудь был бы человеком; я удовлетворяюсь положением обученного животного...» Нет, человек, ты не имеешь права обещать это. Ты не имеешь права отказываться от своего рода человеческого.

Четверг, 25 июля 1901 года.

Классовая борьба и произвол капиталистов

Мюнхен. 24 июля.

Как мы знаем из Коммунистического манифеста, началом пролетарской классовой борьбы стало объединение рабочих отдельной фабрики против предпринимателя. Однако это еще не была борьба против класса капиталистов. Это была борьба против произвола одного капиталиста.

Несмотря на широкое развитие профсоюзной и политической организации пролетариата, борьба против личного произвола капиталиста еще не доведена до полного конца. Конечно, есть примеры более или менее гуманного отношения предпринимателя к рабо-

чим. Но это лишь отдельные случаи, отличающиеся от обычного состояния дел. Вся практика рабочего движения показывает, что жажда эксплуатации у каждого капиталиста и чинимый ими произвол выходят далеко за рамки их классовых интересов.

До тех пор, пока число рабочих на фабрике, настроенных против предпринимателя, все еще остается незначительным, он может ни на минуту не сомневаться в том, что является господином положения и что может диктовать рабочим свои условия. Наличие многочисленной резервной армии труда является для предпринимателя надежным источником пополнения рабочей силой, и только классовая солидарность рабочих и их профсоюзная организация могут преподать ему хороший урок. Кардинальное значение имеет и то обстоятельство, что внутри самого класса предпринимателей происходит процесс постоянного разложения. Достигнув вершины концентрации капитала, он превращается в широкий шлейф более мелких капиталистических форм, которые каждая новая волна мирового рынка либо поднимает на гребень, либо ввергает в пучину. Чем мельче предприниматель, тем больше он жмет на рабочего, чтобы устоять в конкурентной борьбе против крупного капитала. Недостаточную концентрацию капитала он пытается возместить за счет интенсивной эксплуатации. Если эксплуатация рабочих является для крупных капиталистов источником обогащения, то для мелких и даже для средних капиталистов по мере возрастания концентрации капитала и обострения конкуренции она становится вопросом жизни и смерти: не только алчность, но и неприкрытая борьба за существование толкает их на путь жесточайшей эксплуатации рабочих. Те размеры заработной платы рабочих и те условия их труда, которые позволяют процветать крупному капиталисту, могут привести при определенных обстоятельствах мелкого капиталиста к разорению. Интересы таких капиталистов находятся в прямом противоречии с общими интересами класса капиталистов. Они становятся жертвами капиталистической экспроприации экспроприаторов; в их же сознании процесс отражается по-другому, и они начинают свирепствовать по отношению к рабочим, так как эксплуатация их все-таки имеет определенные физические границы. Таким образом, рабочие должны бороться не только против эксплуатации, являющейся прямым следствием законов образования прибавочной стоимости, но и против эксплуатации, являющейся следствием законов конкуренции, определяющей прибыль каждого капиталиста. Трудом рабочих создается мощь капиталистического производства, но и опять-таки против самих же рабочих оборачивается производственная отсталость отдельных капиталистов.

Борьба против произвола предпринимателей, за уравнивание условий наемного труда, за определенную равномерность эксплуатации в отдельных сферах производства или в пределах отдельной земли является основной задачей профсоюзов. Это есть борьба против чрезмерной, даже с точки зрения капиталиста, эксплуатации, против такой ее степени, которая противоречит даже законам капиталистического производства или накопления. Тем не менее и в этой борьбе профсоюзы должны считаться не только с сопротивлением отдельных капиталистов, но и с политическим давлением всего капиталистического класса. Капитал использовал государственную власть, чтобы разрушить организации рабочих, сорвать их попытки противопоставить интересам отдельного капиталиста классовые интересы рабочих. И первым классовым боем пролетариата в капиталистическом обществе был бой за право на классовую борьбу. Английские рабочие боролись за это право целое столетие и завоевали его только лишь в 70-е годы. В Германии это право все еще ограничено и ненадежно.

6.

Когда «Искра» стала набираться и печататься в типографии издательства Максимуса Эрнста, в «Мюнхенер Пост» появились многочисленные статьи, освещавшие русские темы. Эти темы нашли свое публицистическое отражение и в «Зюд-Дойчер Постильон» за 1901 год. Примером может служить опубликование на ее страницах листовки «Союза российских социал-демократов» 1901 года.

В том же самом издании «Зюд-Дойчер Постильон» (№ 20, 1901 год) была опубликована статья: «Социал-демократия в России». Статья не была подписана, но ее содержание отражало глубокое познание российской действительности, почерпнутое, вероятно, в редакции «Искры».

Не исключена также возможность получения публицистического материала редакцией «Мюнхенер Пост» непосредственно из редакции «Искры», так как «Мюнхенер Пост» от 18 мая 1901 года приводит на своей первой полосе цитаты «из русской нелегальной печати» и ссылается при этом на «нелегальную газету *«Искра»:*

Из русской нелегальной печати

Важнейшими источниками для оценки политического движения в России являются митинги и демонстрации революционных организаций в самой стране. Для характеристики последних событий мы приводим здесь ряд выдержек из распространяемых в России листовок, текст которых публикуется на страницах нелегальной газеты «Искра».

В листовке от 2(15) марта высказывается точка зрения по вопросу о терроре, так как после выстрела Карповича распространилось мнение о том, что новые попытки покушения на царя являются якобы целесообразными. В листовке заявляется по этому поводу: «Такой взгляд является совершенно ошибочным. Живая история не знает буквальных повторений...

Взять нынешнего самодержца. Что, какие идеи представляет он как личность? Не является ли он для правительства бюрократии соломенным чучелом?.. Наша задача состоит теперь не в том, чтобы уничтожить эту помазанную на царство каучуковую печать, а в том, чтобы из рук бюрократии взять ее в наши руки».

Другая листовка следующим образом характеризует университетский вопрос: «Решение университетского вопроса нужно искать в решении более широкого и неотложного вопроса — вопроса о расширении политических рамок русской социальной жизни...

Насильникам должна противостоять сила... И эта сила уже растет. Ее порождает сама жизнь. В ней — залог нашего лучшего будущего. Быстро распространяется по стране эта все более крепнущая, все более охватывающая, грозная, но еще бессознательная сила. Но если в ней проснется сознание, то это будет концом абсолютизма, концом замаскированного рабства».

Наконец, еще несколько строк из листовки, распространявшейся после грандиозной демонстрации 11 марта в Киеве: «Товарищи! Нам предстоят еще долгие годы упорной борьбы, но мы обладаем теперь сильным оружием — массовым протестом, демонстрацией. При каждом новом злоупотреблении царского правительства мы будем громко протестовать против беззакония, во имя человечности и справедливости».

Однако цитаты из «русской нелегальной печати» в период с 1901 — начала 1902 годов в «Мюнхенер Пост» больше не появлялись. Уже одна цитата была рискованным делом: откуда могла именно «Мюнхенер Пост» цитировать «нелегальные» источники, на которые не ссылались другие социал-демократические газеты? Не обращалось ли тем самым внимание полицейских агентов прямо на типографию и издательство, где тайно печаталась «нелегальная газета»?

Неизвестно, кто был инициатором этих публикаций из русской нелегальной печати. Не установлен и тот факт, был ли об этом разговор между Лениным и Эрнстом. Если да, то в каком объеме вообще могла или должна была «Мюнхенер Пост» использовать материалы «Искры»? Ссылка в данных условиях на «Искру» была во всяком случае нарушением правил строгой конспирации.

Если, однако, можно говорить о заметном увеличении количества статей и комментариев о России в «Мюнхенер Пост» в 1901 году, то это объясняется, с одной стороны, самими фактами политической борьбы, которая в это время становится более широкой и более бурной, и, с другой стороны, общим интернационалистским согласием между старой германской и молодой российской социал-демократией о необходимости свержения эксплуататорского общественного строя и совместной борьбы за социализм.

Именно в этом смысле и находим мы в «Мюнхенер Пост» (как и в других социал-демократических газетах) и в «Искре» статьи по этой теме, причем прямые контакты и публицистическая помощь русских товарищей немецким товарищам играла, безусловно, немалую роль.

Вот некоторые примеры из «Мюнхенер Пост» за 1901 год, свидетельствующие о конкретных знаниях обстановки в России.

Четверг, 14 марта 1901 года.

Беды России!

По сообщениям министерства финансов, за период с 1889 по 1898 год русское правительство истратило 196 млн. руб. на нужды голодающих крестьян, а с тех пор по меньшей мере еще 40 млн. Вся сумма в перерасчете на немецкие марки равняется почти полумиллиарду марок. Вряд ли здесь можно говорить об излишней сентиментальности царизма. Если он и истратил такую сумму денег, то лишь потому, что не мог поступить иначе. Это было железной необходимостью. Он стоял перед проблемой вымирания целых провинций и поэтому был вынужден дать мужику хотя бы кусок хлеба.

Но на этот раз мы не будем останавливаться на нуждах мужика. Сегодня нас больше интересует нужда русского правительства.

Ситуация является столь критической, что даже в самой России публичная критика состояния финансовых дел приобретает все более резкие формы. Министерство финансов прямо обвиняется в том, что оно не может найти выхода из сложившейся ситуации в финансовой политике. Так, например, орган русских промышленников и горнозаводчиков «Индустриальный мир» пишет: «Известное изречение одного французского министра: дайте мне хорошую политику, и я дам вам хорошие финансы» более всего применимо в вопросах обеспечения денежной реформы... В официозных утешениях министерства финансов можно распознать определенное ослабление имевшейся поначалу энергии и определенную нерешительность как раз в наиболее критический

момент». Газета требует выпуска нового займа на любых условиях. Та же самая газета пишет в другой статье: «С точки зрения народного хозяйства, хронический дефицит времени министра финансов Бунге вряд ли был большим бременем, чем нынешние заслуживающие похвал излишки. Во всяком случае, никак нельзя сравнить экономическое положение насвления до голодных 1891—1892 годов и в настоящее время».

И в другом меств: «По собственному признанию автора всеподданнейшего доклада (о бюджете 1901 года), условия для займа являются в высшей степени неблагоприятными, а увеличение числа крвдитных билетов является весьма опасным.,. Вызваннов этим положение в сельском хозяйстве и промышленности России внушает очень серьезные опасения. Любой кредит ограничивается. Падает значение даже старейших и наиболев солидных промышленных првдприятий. Фабрики сокращают выпуск продукции, увольняют рабочих. Более частыми стали случаи банкротства. Единственный потребитель российской промышленности — русское земледелив — все больше увличивает свою задолженность и сокращает свои потребности. Все экономические функции страны словно бы суживаются и парализуются».

Если так пишет орган русских капиталистов, то ситуация и впрямь должна быть очень серьезная.

Воскрвсенье, 28 и понедельник, 29 апреля 1901 года.

Рабочие и работницы!

Товарищи по партии! Требуйте на демонстрациях 1 мая право на труд, 8-часовой рабочий день, выступайте за мир между народами и за вдинство пролетариата всех стран!

Поднимайте свой голос против угнетения и эксплуатации, против милитаризма и его мировой политики, против того, чтобы культуру представляли всякого рода современныв гунны!

Помнитв о страдающих борющихся братьях в России, изнывающих от деспотизма царя. Поднимайте голос протеста против завоевательных походов милитаристской Европы в Трансвааль и Китай!

На борьбу с царизмом!

Члены Международного социалистического бюро обращаются к рабочим всех стран со следующим призывом:

«Было бы излишне воспроизводить здесь в деталях те значительные события, которые разыгрываются в настоящее время в России. Наши товарищи знают о них из прессы, и прежде всего по сообщениям наших русских друзей в социалистической печати.

Как об этом совершенно правильно говорят русские делегаты в Международном бюро, события последних месяцев означают новый поворот в истории царской империи. Университетские волнения вылились в мощные и серьезные социальные бои, которые взбудоражили всю Россию и поставили под вопрос фундамент русского общества; это будет длительная и тяжелая борьба интеллигенции и промышленного пролетариата против жестокостей царизма, из которой они выйдут еще более окрепшими.

Тысячи русских рабочих, тысячи представителей всех классов готовы и полны решимости достичь высокой цели. Они имеют глубокое доверие к своим братьям в Европе, Азии, Америке и Австралии, так как знают, что, борясь против капитализма и русского деспотизма, они продолжают дело социалистических рабочих партий всех стран: освобождение труда.

Во Франции уже состоялись собрания, выразившие общественное мнвнив о политической ситуации в России. Такие же собрания подготавливаются в Бельгии, и надо надеяться, что социалистические рабочие партии всех стран последуют этому примеру, чтобы показать, что международный пролетариат единогласно протестует против жестокостей царизма.

Мы требуем, чтобы во всех больших городах, во всех промышленных центрах и важнейших университетских городах были проведены собрания и чтобы на голосование была поставлена резолюция протеста, а также, если это возможно, организовать сбор подписей под этими резолюциями. Мы предлагаем вам следующую резолюцию для принятия на всех собраниях:

«Собравшиеся сегодня в... товарищи выражают свои симпатии русскому пролетариату. Они объявляют себя солидарными с русскими студентами и рабочими в их борьбе против коалиции капитализма и царизма. Они посылают русским революционерам свои приветы и желают им мужества для ведения борьбы до победного конца».

Мы просим товарищей информировать нас о шагах, предпринятых в этом направлении, а также передавать нам принятые резолюции и петиции протеста с тем, чтобы мы могли централизовать борьбу против враждебных и варварских действий русского правительства». (Следуют подписи.)

Вторник, 7 мая 1901 года.

Ответ Толстого «святейшему» синоду

Граф Лев Толстой опубликовал ответ на определение синода от 20—22 февраля и на письма, которые он получил в связи с этим. «Постановление синода,— пишет Толстой,— вообще имеет много недостатков. Оно незаконно или умышленно двусмысленно; оно произвольно, неосновательно, неправдиво и, кроме того, содержит в себе клевету и подстрекательство к дурным чувствам и поступкам.

Оно незаконно или умышленно двусмысленно—потому, что если оно хочет быть отлучением от церкви, то оно не удовлетворяет тем церковным правилам, по которым может произноситься такое отлучение; если же это есть заявление о том, что тот, кто не верит в церковь и ее догматы, не принадлежит к ней, то это само собой разумеется, и такое заявление не может иметь никакой другой цели, как только ту, чтобы, не будучи в сущности отлучением, оно бы казалось таковым, что, собственно, и случилось, потому что оно так и было понято.

Оно произвольно, потому что обвиняет одного меня в неверии во все пункты, выписанные в постановлении, тогда как не только многие, но почти все образованные люди в России разделяют такое неверие и беспрестанно выражали и выражают его и в разговорах, и в чтении, и в брошюрах, и книгах.

Оно неосновательно, потому что главным поводом своего появления выставляет большое распространение моего совращающего людей лжеучения, тогда как мне хорошо известно, что людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня, и распространение моих писаний о религии, благодаря цензуре, так ничтожно, что большинство людей, прочитавших постановление синода, не имеют ни малейшего понятия о том, что мною писано о религии, как это видно из получаемых мною писем...

Оно есть, наконец, подстрекательство к дурным чувствам и поступкам, так как вызвало, как и должно было ожидать, в людях непросвещенных и нерассуждающих озлобление и ненависть ко мне, доходящие до угроз убийства и высказываемые в получаемых мною письмах» [1].

Затем пункт за пунктом Толстой разбирает обвинения синода в свой адрес. Он говорит, что «учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающее совершенно весь смысл христианского учения» [1]. Толстой признает также, что он отвергает догму о троице, отвергает божественное происхождение Христа, непорочное зачатие пресвятой девы, ад и таинства причастия. Неужели не очевидно, насколько все это ужасно, пишет он. «...Это учение все скрыто, все переделано в грубое колдовство купанья, мазания маслом, телодвижений, заклинаний, проглатывания кусочков и т. п., так что от учения ничего не остается. И если когда какой человек попытается напомнить людям то, что не в этих волхвованиях, не в молебнах, обеднях, свечах, иконах—учение Христа, а в том, чтобы люди любили друг друга, не платили злом за зло, не судили, не убивали друг друга, то поднимется стон негодования тех, которым выгодны эти обманы, и люди эти во всеуслышание, с непостижимой дерзостью говорят в церквах, печатают в книгах, газетах, катехизисах, что Христос никогда не запрещал клятву (присягу), никогда не запрещал убийство (казни, войны)...» [2]

После этих резких нападок на православную церковь Толстой дает свое понимание вероисповедания. Я, пишет он, «верю в бога, которого понимаю как дух, как любовь, как начало всего. Верю в то, что он во мне и я в нем. Верю в то, что воля бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать богом и которому молиться считаю величайшим кощунством. Верю в то, что истинное благо человека—в исполнении воли бога, воля же его в том, чтобы люди любили друг друга и вследствие этого поступали бы с другими так, как они хотят, чтобы поступали с ними, как и сказано в Евангелии, что в этом весь закон и пророки. Верю в то, что смысл жизни каждого отдельного человека поэтому только в увеличении в себе любви; что это увеличение любви ведет отдельного человека в жизни этой ко все большему и большему благу, дает после смерти тем большее благо, чем больше будет в человеке любви, и вместе с тем и более всего другого содействует установлению в мире царства божия, то есть такого строя жизни, при котором царствующие теперь раздор, обман и насилие будут заменены свободным согласием, правдой и братской любовью людей между собой. Верю, что для преуспеяния в любви есть только одно средство: молитва,—не молитва, общественная в храмах, прямо запрещенная Христом (Мф. VI, 5—13), а молитва, образец которой дан нам Христом,—уединенная, состоящая в восстановлении и укреплении в своем сознании смысла своей жизни и своей зависимости только от воли бога» [3].

---

[1] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. М., 1964, т. 16, с. 541—542.

---

[1] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 544.
[2] Там же, с. 547.
[3] Там же, с. 548—549.

Пятница, 24 мая 1901 года.

Россия

Новые волнения среди рабочих.

Вчера мы поместили телеграмму из Петербурга, взятую из газеты «Берлинер Тагеблат», согласно которой 16 мая в самом Петербурге, а именно в той его части, которая называется Выборгской стороной, воинскими частями и полицией была предпринята попытка жестокого подавления забастовки рабочих четырех прядильных и ткацких фабрик. Еще до поступления более подробных сообщений об этих событиях официальная газета русской префектуры в Петербурге сообщала о подобных событиях, происшедших, однако, совсем в другом месте. Тот, кто постоянно помнит о фальсификациях официальных русских сообщений, может себе представить, как все это было там в действительности. Из сообщения можно со всей очевидностью заключить, что рабочие всего-навсего прекратили работу и покинули фабрику, чтобы направиться в свои жилища, чему и помешала полиция. В сообщении мы читаем:

«На Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, лежащем на Шлиссельбургском тракте, 20(7) мая, после обеденного перерыва примерно 200 рабочих различных цехов отказались приступить к работе. На вопрос помощника начальника завода подполковника Иванова о причинах их отказа рабочие изложили ему свои жалобы. Попытки подполковника уговорить рабочих приступить к работе не увенчались успехом. Рабочие, находившиеся в различных корпусах, подали заводским гудком сигнал к прекращению работы и стали силой останавливать машины. Подполковник Иванов, в распоряжении которого было только 40 человек, попросил помощи у полиции. Тотчас же к месту разыгравшихся событий были направлены два эскадрона жандармов и одно подразделение конной полиции, а затем еще 200 охранников. Тем временем около 3600 рабочих прекратили работу и начали со свистом и криками покидать предприятие. Сторож, который стоял у ворот, был ранен ножом одним из рабочих. Камень, брошенный из толпы, попал в лицо одному полицейскому унтер-офицеру. Рабочие собирались на дороге, ведущей в Шлиссельбург, и в соседних домах; трамвайное сообщение было прервано. Полицмейстер Палибин, командовавший полицией, опасаясь дальнейших осложнений, дал приказ разогнать толпу. Однако требования разойтись остались безуспешными, после чего жандармы и полиция двинулись на толпу. В ответ посыпался град камней. Субъекты, убегавшие за изгородь, в дома, швыряли камнями в полицию, которая была вынуждена отступить на территорию Обуховского завода. В ответ на это по команде Палибина солдаты воинской части, стоявшей в полной готовности во дворе завода, вместе с полицейскими снова двинулись на рабочих и снова были встречены градом камней. Из толпы раздалось несколько выстрелов. Тогда Палибин приказал дать три залпа, после чего толпа рассыпалась в разные стороны. Один рабочий был убит и восемь ранено. В этот момент прибыло несколько рот пехоты, с помощью которых Палибин очистил соседние дома, из которых все еще швыряли камни. 120 человек было арестовано. Во время столкновения камни попали Палибину в голову и в ноги. Один полицейский офицер и 11 полицейских были ранены, из которых семь более или менее тяжело. Один из раненых рабочих вчера умер. Остальные были доставлены в больницу».

Суббота, 16 ноября 1901 года.

Российский имперский банк на службе капиталистов

Мюнхен. 15 ноября.

Уже миллионы крестьян находятся на грани голодной смерти. Тиф и цинга начали свои опустошительные набеги. Некоторые люди из сострадания уже давно подняли в печати горестный крик о чудовищной нищете голодающего крестьянского населения, и только правительство все никак не закончит своего сбора сведений о голоде. Оно все еще занято тем, что пытается точно установить степень нищеты, чтобы затем не дать голодающим ни одной лишней крошки хлеба. Ведь мужик — это уже известно давно — очень охотно жалуется на голод, даже если он и «купается в роскоши»! Малый симулирует смерть от голода и дает даже похоронить себя, только бы не платить налоги! В то время как правительство одной рукой раздает жалкие крохи, другой оно уже держит наготове кнут, чтобы наказать ленивых и непослушных.

Но с какой же нежностью и любовью русское правительство обходится с промышленниками! Если некоторые спекулянты нахапают себе слишком много и при этом попадают впросак, то оно тотчас же поднимает жалобный крик о разорении отечества, и на «несчастных», как из рога изобилия, льется золотой дождь.

ПОД ИМЕНЕМ
ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН
В МЮНХЕНЕ

3

РАБОТАЕТ В МЮНХЕНЕ — СЕРДЦЕМ В РОССИИ

Газета — что это
означает?

Подготовка

Кропотливая работа
и препятствия

От нелегального Мейера
к полулегальному
д-ру Иорданову

«Искра» в Мюнхене:
редакция и центр
организации

Германия. Съезд Социал-
демократической
партии в Любеке

Наука — что делать?

Ленин и баварские
крестьяне

Владимир Ильич Ленин.
Выписки и заметки
о сельском хозяйстве
в Баварии

Редкое время прогулок

Отъезд

Газета — что это означает?

Ленин задумал и с большим упорством осуществил план создания общерусской политической марксистской газеты, которая должна была начать борьбу против царского самодержавия, против власти помещиков и капиталистов. Но было бы неправильно полагать, что в России не было других газет и издательских программ, которые бы без всякой критики относились к существовавшим общественным отношениям. Выдающиеся достижения русской литературы и публицистики нашли заслуженное признание во всем мире. Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Достоевский, Некрасов, Тургенев и Толстой, Белинский, Герцен, Добролюбов и Чернышевский, Чехов и Горький своими произведениями побуждали людей к высоконравственным поступкам во имя светлого будущего.

Герои этих литературных произведений были людьми, всегда готовыми к действию во имя гуманизма, а их антиподы изображались чаще всего жертвами общественных отношений, в которых читатели могли распознать отсталость и реакционность общественного строя тогдашней России.

Не только произведения Чехова и Горького — современников Ленина — воссоздавали картину общества, конфликты и противоречия которого становились предметом открытых дискуссий. Для газет и журналов России было свойственно определенное многообразие направлений и тенденций, что позволяло писателям и публицистам, как правым, так и левым, выражать читателю свои воззрения; правда, такие публикации выходили небольшим тиражом, но по той лишь причине, что примерно две трети населения было неграмотно.

Однако можно вполне полагать, что для читающей публики России, великие писатели которой в течение нескольких десятилетий играли ведущую роль в мировой литературе, а их произведения отвечали самым высоким критическим требованиям, было характерно многообразие мнений.

Границу определяла здесь позиция властей и большинства буржуазных издательств: социал-демократы, которые связывали свои воззрения и планы с политической активностью рабочих и крестьян, преследовались, их произведения запрещались властями и замалчивались газетами и издательствами либерально настроенных издателей. Чтобы отвлечь интеллигенцию, проявляющую растущий интерес к марксистской и социалистической литературе, от политического действия, подобные издатели поощряли так называемых легальных марксистов.

«Легальные марксисты» ограничивались анализом, на основании которого они показывали, почему «бессмысленно» делать ставку на политическую активность рабочего класса и почему либеральная буржуазия должна, исходя из этого, взять на себя руководство в деле освобождения страны.

Если учесть, насколько небольшим был тот круг людей, из которого Ленин пополнял ряды сторонников своей идеи о создании общерусской политической газеты, можно представить себе, какой великой силой убеждения должен был обладать 30-летний человек, чтобы пробудить у них веру в успех и получить их согласие на активную поддержку, которая уже сама по себе ставила на карту жизнь человека. Обстановка, в которой должна была быть разработана и осуществлена эта идея, характеризовалась чередованием преследования и подкупа.

Оценка успехов и неудач, напряженности, конфликтов и разногласий, имевших место в процессе возникновения и дальнейшего развития «Искры» и «Зари», была бы неправильной без учета условий работы за границей.

От всех других членов редакции «Искры» Ленина отличало понимание взаимосвязи процесса формирования общественного мнения и политической активности.

Следовательно, газета должна была быть не только носителем информации и выразителем мнений, не только средством агитации и просвещения членов партии, привлечения и организации новых сторонников; газета должна была выражать свободу *«политической организации»,* «ибо печать есть центр и основа политической организации»[1].

В то время, когда пресса была важнейшим средством информации и общения, Ленин считал, что сущность газеты заключается вовсе не в этом, а в ее способности быть организационным центром; тем самым он выработал также критерии для определения значения других средств формирования общественного мнения.

Ленин, редактор и писатель, предъявлял высокие требования к качеству статей, которые писались и предназначались для рабочих.

Для Ленина печать была неразрывно связана в первую очередь с ее свободой. А у рабочего класса не было ни свободы печати, ни свободы политической организации, т. е. средств, необходимых для своей защиты и своего освобождения. Таким образом, сущность газеты Владимир Ильич Ленин рассматривал как сущность свободы, а сущность

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 79.

Главный вокзал Мюнхена.
1910 г.

алистического пролетариата литературное дело не может быть орудием наживы лиц или групп, оно не может быть вообще индивидуальным делом, не зависимым от общего пролетарского дела. Долой литераторов беспартийных! Долой литераторов сверхчеловеков! Литературное дело должно стать *частью* общепролетарского дела, «колесиком и винтиком» одного-единого, великого социал-демократического механизма, приводимого в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса. Литературное дело должно стать составной частью организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы.

«Всякое сравнение хромает», говорит немецкая пословица. Хромает и мое сравнение литературы с винтиком, живого движения с механизмом. Найдутся даже, пожалуй, истеричные интеллигенты, которые поднимут вопль по поводу такого сравнения, принижающего, омертвляющего, «бюрократизирующего» свободную идейную борьбу, свободу критики, свободу литературного творчества и т. д., и т. д. По существу дела, подобные вопли были бы только выражением буржуазно-интеллигентского индивидуализма. Спору

свободы — как выражение классовых интересов.

Спустя несколько лет после острых дискуссий и когда был накоплен опыт издателя, редактора и журналиста «Искры», В. И. Ленин обобщил эту точку зрения в своей статье «Партийная организация и партийная литература», в которой, ведя полемику с «господами буржуазными индивидуалистами», без всяких иллюзий показал условия классовой борьбы в области идеологии, а также проблемы свободы писателя:

«В чем же состоит этот принцип партийной литературы? Не только в том, что для соци-

нет, литературное дело всего менее поддается механическому равнению, нивелированию, господству большинства над меньшинством. Спору нет, в этом деле безусловно необходимо обеспечение большего простора личной инициативе, индивидуальным склонностям, простора мысли и фантазии, форме и содержанию. Все это бесспорно, но все это доказывает лишь то, что литературная часть партийного дела пролетариата не может быть шаблонно отождествляема с другими частями партийного дела пролетариата. Все это отнюдь не опровергает того чуждого и странного для буржуазии и буржуазной демократии положения, что литературное дело должно непременно и обязательно стать неразрывно связанной с остальными частями частью социал-демократической партийной работы. Газеты должны стать органами разных партийных организаций. Литераторы должны войти непременно в партийные организации. Издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным. За всей этой работой должен следить организованный социалистический пролетариат, всю ее контролировать, во всю эту работу, без единого исключения, вносить живую струю живого пролетарского дела, отнимая, таким образом, всякую почву у старинного, полуобломовского, полуторгашеского российского принципа: писатель пописывает, читатель почитывает.

Мы не скажем, разумеется, о том, чтобы это преобразование литературного дела, испакощенного азиатской цензурой и европейской буржуазией, могло произойти сразу. Мы далеки от мысли проповедовать какую-нибудь единообразную систему или решение задачи несколькими постановлениями. Нет, о схематизме в этой области всего менее может быть речь. Дело в том, чтобы вся наша партия, чтобы весь сознательный социал-демократический пролетариат во всей России сознал эту новую задачу, ясно поставил ее и взялся везде и повсюду за ее решение. Выйдя из плена крепостной цензуры, мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений. Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; — мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателями. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого, индивидуального дела, как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики! Вы отрицаете абсолютную свободу абсолютно-индивидуального идейного творчества!

Успокойтесь, господа! Во-первых, речь идет о партийной литературе и ее подчинении партийному контролю. Каждый волен писать и говорить все, что ему угодно, без малейших ограничений. Но каждый вольный союз (в том числе партия) волен также прогнать таких членов, которые пользуются фирмой партии для проповеди антипартийных взглядов. Свобода слова и печати должна быть полная. Но ведь и свобода союзов должна быть полная. Я обязан тебе предоставить, во имя свободы слова, полное право кричать, врать и писать что угодно. Но ты обязан мне, во имя свободы союзов, предоставить право заключать или расторгать союз с людьми, говорящими то-то и то-то. Партия есть добровольный союз, который неминуемо бы распался, сначала идейно, а потом и материально, если бы он не очищал себя от членов, которые проповедуют антипартийные взгляды. Для определения же грани между партийным и антипартийным служит партийная программа, служат тактические резолюции партии и ее устав, служит, наконец, весь опыт международной социал-демократии, международных добровольных союзов пролетариата, постоянно включавшего в свои партии отдельные элементы или течения, не совсем последовательные, не совсем чисто марксистские, не совсем правильные, но также постоянно предпринимавшего периодические «очищения» своей партии. Так будет и у нас, господа сторонники буржуазной «свободы критики», *внутри* партии: теперь партия у нас сразу становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей. Свобода мысли и свобода критики внутри партии никогда не заставят нас забыть о свободе группировки людей в вольные союзы, называемые партиями.

Во-вторых, господа буржуазные индивидуалисты, мы должны сказать вам, что ваши речи об абсолютной свободе одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть «свободы» реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках[1] и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть

---

[1] В источнике, по-видимому, опечатка; по смыслу следовало бы «в романах».— *Ред.*

буржуазная или анархическая фраза (ибо, как миросозерцание, анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания» [1].

Обстановка, которая была до 1900 года, давала основания считать ленинский план неосуществимым. И в течение последующих лет неоднократно возникали ситуации, когда те, кто видел в социализме высшую цель борьбы, падали духом или хотели достичь социализма путем наименьшего сопротивления и попадали затем в лагерь буржуазии.

В. И. Ленин обладал способностью придать своим далеко идущим политическим и философским планам подлинный реальный смысл; глубокое убеждение, что одиночка обречен на неудачу, а массы, руководимые организацией, отвечающей задачам борьбы, придут к победе, определяло всю его жизнь и деятельность.

Отвечать задачам борьбы организация могла лишь при том условии, если знания и стремления ее членов ориентировались на передовые научные идеи. Одна воля к действию представлялась Ленину столь же бессмысленной, как и чистое знание закономерностей. Для претворения же знаний в практические действия нужна была газета.

Только лишь занимая исключительно твердую позицию и действуя четко, Ленин мог осуществить план создания общерусской политической газеты и тем самым создать организационные основы для сильной рабочей партии. Весь план был продуман вплоть до мелких технических деталей. Главная задача заключалась в решении следующих трех основных вопросов, которые еще требовали пояснений, прежде чем вообще можно было говорить об успешной реализации плана:

— объединение русских марксистов внутри страны и за границей;

— связи для создания «искровских» организаций в России;

— согласование с германской партией производства и транспортировки печатных материалов до германско-русской границы.

Подготовка.

1.

Первая встреча, имевшая для дела очень важное значение, произошла еще в 1895 году, когда Ленин предпринял свою первую заграничную поездку по заданию петербургских марксистов. Он отправился в Швейцарию, чтобы обсудить с членами группы «Освобождение труда» совместное издание журнала для рабочих.

Группа «Освобождение труда», основанная Г. В. Плехановым в 1883 году, была первой марксистской организацией в русском рабочем движении. Кроме Г. В. Плеханова в группу входили П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов.

Плеханов был в свое время наиболее значительным русским марксистом и принимал активное участие в работе II Интернационала. Аксельрод, будучи вначале сторонником Бакунина, получил затем известность как русский социалист среди членов и сторонников социал-демократии в России и в Германии. Еще сравнительно молодая Вера Засулич уже была известной революционеркой. В 1878 году она совершила покушение на петербургского градоначальника Ф. Трепова; она предстала перед судом, но была оправдана. Встав на позиции марксизма и присоединившись к рабочему движению, она оказала немалое влияние на молодых революционеров России, что способствовало их отказу от индивидуального террора и присоединению к революционному социалистическому движению.

Наряду с работами Маркса и Энгельса большое влияние на Ленина оказали работы Плеханова, с которыми он был знаком еще до того, как в 1895 году в Женеве произошла их встреча. Плеханов был на 14 лет старше Владимира Ульянова. Для сверстников Ленина знаменитые эмигранты в Швейцарии были «стариками».

С большим восхищением Плеханов писал своей жене о знакомстве с Ульяновым. «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди» [1].

Сильное впечатление произвел Ленин и на Аксельрода.

«...Ульянов,— писал Аксельрод,— несомненно обладая талантом и имея собственные мысли, вместе с тем обнаруживал готовность и проверять эти мысли, учиться, знакомиться с тем, как думают другие.

У него не было ни малейшего намека на самомнение и тщеславие...

И я должен сказать, что эти беседы с Ульяновым были для меня истинным праздником. Я и теперь вспоминаю о них, как об одном из самых радостных, самых светлых моментов в жизни группы «Освобождение Труда»...

С появлением на нашем горизонте Ульянова у нас завязались, наконец, более или менее правильные отношения с Россией» [2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 100—104.

[1] *Чагин Б. А., Курбатова И. Н.* Плеханов. М., 1973, с. 60.

[2] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925, т. 1, с. 271, 275.

Вильгельм Либкнехт

С годами «старики» в некотором отношении отошли от России, что впоследствии сыграло свою роль в дискуссиях о стратегии и тактике российской социал-демократии. К этому надо добавить тяжелые условия жизни, которые подтачивали здоровье и силы.

В 1897 году Ленин встретился в ссылке с П. А. Красиковым. От него он узнал, как жил Плеханов: «...почти без средств как для издания марксистской литературы, так и для собственного существования, с гнездящимся в его организме туберкулезом, с женой, которая готовилась стать врачом, но еще почти ничего не зарабатывала, с тремя дочерьми, из которых одна умерла от менингита, причем обнаружилась потрясающая картина той нужды, в которой жила семья Плеханова». В. И. Ленин ответил ему: «Мы сделали и сделаем все, чтобы привлечь и сберечь для нашего общего дела такой блестящий ум и сделать общим достоянием такую огромную литературную силу... А теперь мы смело можем сказать, что он нужды уже никогда не увидит. Но дружба с ним, и в том числе личная, нам очень важна. У революционеров его закала личная связь, личная симпатия играют огромную роль» [1].

Спустя три года после разговора с Красиковым началась совместная работа Ленина и Плеханова по изданию «Искры» и «Зари», для которой в 1895 году была установлена первая прямая связь между двумя важнейшими группами русских марксистов.

Раздробленность на группки и кружки, так же как и влияние идей Эдуарда Бернштейна, они единодушно считали вредным для рабочего движения и, исходя из этого, были готовы для совместной работы.

2.

Другим результатом встречи 1895 года было то, что Георгий Плеханов лично рекомендовал Ленина Вильгельму Либкнехту.

В полную противоположность Плеханову, которого лично знали и ценили Август Бебель, Вильгельм Либкнехт и другие видные германские социал-демократы, молодой Ульянов еще не был известен руководству германской социал-демократической партии. Рекомендация Плеханова не только открывала двери для личных разговоров, но и была гарантией того, что данный человек был представителем не только какой-то маленькой группы, о которой трудно было сказать что-то определенное, но и всего, хотя еще и не очень широкого, рабочего движения России, к которому германская партия всегда проявляла в своих решениях и обязательствах чувство солидарности.

Например, в 1896 году Георгий Плеханов и Вера Засулич с помощью германской и английской партий оказали политическую поддержку «Союзу борьбы», одним из организаторов которого был В. И. Ленин, и передали деньги, собранные для оказания помощи бастующим петербургским текстильщикам.

В своем письме Вильгельму Либкнехту Георгий Плеханов подчеркнул значение Ленина и определил основы строго конспиративной работы:

«Рекомендую Вам одного из наших лучших русских друзей. Он возвращается в Россию, вот почему необходимо, чтобы о его посещении Шарлоттенбурга никому не было известно. Он расскажет Вам об одном, очень важном для нас, деле. Я уверен, что Вы сделаете все, от Вас зависящее. Он сообщит Вам также

---

[1] *Красиков П. А.* Откровенный разговор.— Известия, 1963, 19 апреля (московский вечерний выпуск).

Адольф Браун

новости о нас»[1]. «Очень важное дело» касалось скорее всего задуманного журнала для рабочих, о котором Ленин и Плеханов говорили в Женеве. Однако время для претворения проекта в жизнь еще не пришло. Но контакт с главным редактором «Форвертса» — Вильгельмом Либкнехтом — был установлен, а рекомендация, полученная от Плеханова, способствовала оказанию поддержки со стороны германского партийного руководства.

Многочисленные обязанности такого человека, как Вильгельм Либкнехт, который наряду с Августом Бебелем был руководящим деятелем в правлении партии, не давали ему возможности заняться текущими делами главного редактора. Эти задачи выполнял Адольф Браун, который занимал пост заместителя главного редактора и был правой рукой Вильгельма Либкнехта.

Браун — один из наиболее способных и находчивых журналистов социал-демократической прессы. Он уже имел опыт нелегального провоза газеты «Социал-демократ» через германско-швейцарскую границу, много лет работал в различных социал-демократических редакциях в Германии, в том числе в 1889—1890 годах в «Мюнхенер Пост», пока в 1893 году не получил места в издательстве «Форвертс», освободившегося в связи с уходом из редакции Бруно Шёнланка[2]. Если речь шла о помощи в деле выпуска, распространения или транспортировки нелегальных печатных изданий, то Адольф Браун наверняка был лучшим человеком из тех, кого могли бы предложить немцы.

В 1898 году Адольф Браун был выслан из Пруссии как «докучливый иностранец» или же как «неприятный австриец», «но, пожалуй, прежде всего из-за своих оживленных контактов с русскими студентами в Берлине»[1].

После высылки из Пруссии Адольф Браун, чьим преемником стал Курт Айснер, обосновался в Нюрнберге. Для австрийца Адольфа Брауна — он родился в 1862 году в Лааге (Штайермарк) — его высылка из Пруссии была не более чем галантным деликтом по отношению к баварским властям, но влиятельному социал-демократическому «агитатору» и в королевстве Баварии было оказано особое внимание со стороны властей. Однако то, что Браун до 1902 года, когда партия назначила его главным редактором «Френкише Тагеспост», жил в Нюрнберге нелегально, совершенно необъяснимо[2]. Своей безопасностью он обязан, естественно, не органам власти, а

---

[1] Письма Г. В. Плеханова Вильгельму Либкнехту.— Воинствующий материалист, кн. 4, 1925, с. 213; In: *Streb Xaver*. Lenin in Deutschland, a.a.O., S. 11. В этой связи Ксавер Штреб указывает на одну статью в «Форвертсе» от 15 сентября 1895 г., которая, как он считает, хотя и не была подписана В. И. Лениным, но по содержанию и стилю могла принадлежать ему.

[2] *Schwarz Klaus-Dieter*. Weltkrieg und Revolution in Nürnberg. Stuttgart, 1971, S. 52; впрочем, Бруно Шёнланк, прежде чем он занял место заместителя главного редактора «Форвертса», тоже работал в мюнхенской рабочей печати.

[1] Мюнхенская адресная книга за 1892 г. содержит следующую запись: «Доктор философии А. Браун, писатель, Румфордштрассе, 40». In.: *Schwarz Klaus-Dieter*. Weltkrieg und Revolution... a.a.O., S. 55; Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Berlin, briefliche Mitteilung vom 4. April 1977.

[2] В своей книге «Ленин в Мюнхене» Л. Л. Муравьева и И. И. Сиволап-Кафтанова пишут: «Сведения о нелегальном проживании А. Брауна в Нюрнберге до 1902 г. получены в городском архиве» (*Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 25).

влиянию и силе нюрнбергского рабочего движения, секретариат которого, состоящий из рабочих, он возглавил сразу же после высылки из Берлина.

Из одного дела, хранящегося в Главной регистратуре нюрнбергской полиции, в котором охватывается период с 1898 по 1906 год, становится известным, что Браун 19 декабря 1898 года «был прописан по Максфельд, 73/II... В качестве удостоверения личности он располагает заграничным паспортом, выданным королевским имперским штатгальтером полицейского управления Вены»[1]. После своей высылки из Берлина Браун был под полицейским надзором.

«Уже 29 декабря 1898 года управление полиции Берлина затребовало о нем справку, которая и поступила затем в виде очень подробной бумаги, датированной 16.1 1899 года. В мае и декабре 1899 года на документе были сделаны рукописные пометки, свидетельствовавшие о том, что Браун до того времени не был замечен в агитации. Затем следуют вырезки из газет о собраниях, проводившихся в октябре 1900 года и в январе 1901 года, на которых Браун выступал уже как глава секретариата»[2].

В деле, заведенном полицией на Брауна, упоминается также о его отношениях с русскими эмигрантами: «22 октября 1904 года Петр Струве, находясь в Париже, где он редактировал либеральный журнал «Освобождение», послал Адольфу Брауну шесть писем, в каждом из которых содержалось по одному экземпляру упомянутой газеты от 2(15) октября 1904 года, № 57, для дальнейшего препровождения ее по адресам в России. По ошибке почта доставила эти письма его однофамильцу—больному пенсионеру Адольфу Брауну. Письма были найдены несколько позже в бумагах, оставшихся после его смерти. В полицейских документах оригиналов нет, так как они были отправлены в Мюнхен, в министерство внутренних дел. Однако в России с номера газеты, письма Струве и конвертов с адресами были сняты фотокопии, которые и приложены к документам. Прокуратура в данном случае не посчитала необходимым возбуждать против Брауна уголовного дела»[3].

Примечательным в этих документах является то, что Петр Струве, руководитель «легальных марксистов», а затем правого крыла русских либералов, очевидно, имел контакты с Адольфом Брауном, который дал согласие использовать его нюрнбергский адрес в качестве условного адреса на почте, отправляемой в Россию.

[1] Schreiben von Dr. Hirschmann, Direktor des Stadtarchivs Nürnberg, vom 1. September 1977. Hauptregistratur Nr. 2905.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.

Среди немецких условных адресов, которыми пользовалась редакция «Искры», отсутствуют фамилия и адрес Адольфа Брауна. Не означало ли это, что Ленин и Браун предпринимали таким образом меры предосторожности, чтобы не дать нюрнбергским полицейским органам, осуществлявшим надзор, каких-либо оснований для обнаружения связей бывшего заместителя Вильгельма Либкнехта с мюнхенской редакцией «Искры», и особенно с Владимиром Ильичем Лениным?

Такое предположение в общем-то не лишено основания. Во всяком случае, власти не заметили ничего подозрительного в действиях Брауна по отношению к русской социал-демократии в 1900—1902 годах; с уверенностью можно сказать, что если бы такое подозрение было, то это бы нашло отражение в деле Адольфа Брауна. Подобная запись, однако, отсутствует. И только лишь в результате случайной путаницы с фамилиями, допущенной почтой, письма Струве попали в руки полиции и министерства внутренних дел.

Не существует никаких документальных доказательств того, что Ленин в 1895 году в Берлине познакомился с Адольфом Брауном, однако вероятность этого не исключается; рекомендация Плеханова могла поступить к Вильгельму Либкнехту и через партийного секретаря, который был горячим сторонником борьбы русского рабочего движения.

Когда в 1900 году Ленин проверял последние технические детали подготовки немецкой стороной выпуска «Искры», он встретился с Адольфом Брауном... Но прежде чем речь пойдет об этой встрече, мы вместе с Лениным вернемся назад, в Россию.

3.

Возвращаясь из Германии, Ленин мог лично убедиться в том, насколько солидно и надежно немецкие товарищи подготавливали транспортировку нелегальной литературы.

Он приобрел для себя ряд книг и брошюр по общественно-политическим вопросам, которых нельзя было получить в России. Среди них исследования Бруно Шёнланка «О положении рабочего класса в Баварии»[1]. Чемодан, который Ленин достал для обратной поездки, имел двойное дно, куда можно было легко запрятать такого рода литературу. Чемодан изготовлен был одним переплетчиком, которого немецкое партийное руководство рекомендовало русскому товарищу именно для этих целей. Все чемоданы, применявшиеся тогда в уже хорошо действовавшей системе переправки нелегальной литературы в Россию, были изготовлены этим переплетчиком[2].

(Мы уже знаем, что Ленин по возвращении

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 444.
[2] *Streb Xaver*. Lenin in Deutschland, a.a.O., S. 14.

из Германии — в декабре 1895 года — был арестован и в феврале 1897 года сослан в Восточную Сибирь; мы знаем также, что в качестве обоснования наказания «за государственное преступление» была выдвинута именно подготовка рабочей газеты[1].)

Решающая фаза в подготовке «Искры» и «Зари» выпала на последний год ссылки.

О последних месяцах пребывания в ссылке Надежда Крупская писала:

«Владимир Ильич перестал спать, страшно исхудал. Бессонными ночами обдумывал он свой план во всех деталях, обсуждал его с Кржижановским, со мной, списывался о нем с Мартовым и Потресовым, сговаривался с ними о поездке за границу. Чем дальше, тем больше овладевало Владимиром Ильичем нетерпение, тем больше рвался он на работу. А тут еще нагрянули с обыском. Перехватили у кого-то квитанцию письма Ляховского к Владимиру Ильичу. В письме была речь о памятнике Федосееву, жандармы придрались к случаю, чтобы учинить обыск. Обыск произведен был в мае 1899 г. Письмо они нашли, оно оказалось очень невинным, пересмотрели переписку — и тоже ничего интересного не нашли. По старой питерской привычке нелегальщину и нелегальную переписку мы держали особо. Правда, она лежала на нижней полке шкафа. Владимир Ильич подсунул жандармам стул, чтобы они начали обыск с верхних полок, где стояли разные статистические сборники — и они так умаялись, что нижнюю полку и смотреть не стали, удовлетворившись моим заявлением, что там лишь моя педагогическая библиотека. Обыск сошел благополучно, но боязно было, чтобы не воспользовались предлогом и не накинули еще несколько лет ссылки. Побеги были еще тогда не так обычны, как позднее, — во всяком случае, это бы осложнило дело. Ведь прежде чем ехать за границу, нужно было провести большую организационную работу в России. Дело, однако, обошлось благополучно — срока не набавили»[2].

В обратный путь из ссылки Ленин отправился 29 января (10 февраля) 1900 года. Срок наказания Надежды Крупской еще не окончился; оставшийся год ссылки она должна была провести в Уфе.

Несмотря на полицейский надзор, Ленин имел беседы с товарищами и членами кружков в Москве, Петербурге, Риге, Подольске, Нижнем Новгороде, Самаре[3]; доставал деньги и готовил почву для обширной переписки, которая должна была осуществляться между редакцией, находящейся за границей, и группами «Искры» в России; была достигнута твердая договоренность с корреспондентами и распространителями газеты, согласованы адреса и оговорены условия переписки. В марте он встретился с Верой Засулич, нелегально прибывшей в Петербург, и вел переговоры об участии группы «Освобождение труда» в издании газеты и журнала.

¹ Имеется в виду газета «Рабочее дело». — *Ред.*

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 236—237.

³ К этому следует добавить Уфу, Псков, Сызрань, Смоленск. — *Ред.*

В апреле в Пскове состоялось совещание, в котором приняли участие четыре социал-демократа (Ленин, Мартов, Потресов, Радченко) и два «легальных марксиста» (Струве и Туган-Барановский).

На этом совещании Ленин предложил свой проект заявления редакции «Искры» и «Зари» о программе и задачах будущих периодических органов партии — газеты и журнала, который был принят и утвержден участниками совещания[1].

Несмотря на строгую конспирацию, Ленин был еще раз арестован. Перед отъездом за границу он в мае вновь нелегально посетил Петербург. За незаконный приезд в столицу он был схвачен и заключен в тюрьму. При нем был листок с записями заграничных связей, который он не смог уничтожить. «...Прямо за оба локтя ухватили, — рассказывал потом Владимир Ильич, — так что не было никакой возможности выбросить что-либо из кармана. И на извозчике двое весь путь за оба локтя держали»[2].

Но и в этой ситуации ленинская осмотрительность помогла ему, и его труды не пропали даром: фамилии корреспондентов «Искры» он написал химическим способом на обороте какого-то счета, на который полиция при осмотре его карманов и багажа вообще не обратила внимания.

В июле 1900 года Ленин уезжает за границу. К этому времени он подготовил все необходимое для создания искровской организации. Его девиз: «...сила революционной организации в числе ее связей»[3].

4.

В начале августа в Корсье (близ Женевы) состоялись совещания, на которых присутствовали В. И. Ленин и А. Н. Потресов (Мартов был еще занят на юге России подготовительными работами для «Искры»), а также Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич. Ленин привез с собой принятый в Пскове проект заявления редакции. Но то, что первоначально представлялось сравнительно простой задачей, оказалось теперь очень сложной проблемой.

¹ См. стр. 19 данной книги.

² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 63.

³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 12.

Собственно, по делу не было никаких возражений. Тем более было возмутительным высокомерное поведение Плеханова, который в раздраженной и оскорбительной форме напал на молодых товарищей. Атмосфера переговоров в Корсье была очень напряженной. Запись о них, предназначенную для Н. К. Крупской, Ленин озаглавил «Как чуть не потухла «Искра»?».

Плеханов ультимативно потребовал для себя редакторского единоначалия и права на два голоса в редакционной коллегии.

Плеханов, который месяцами не имел возможности публиковать свои статьи с критикой «экономистов» и бернштейнианцев в своем партийном издательстве, видел для себя опасность отстранения от руководящей роли со стороны всех «молодых».

Поведение Плеханова вызвало у Ленина разочарование в нем:

«Мою «влюбленность» в Плвханова тоже как рукой сняло, и мнв было обидно и горько до нвввроятной ствпени. Никогда, никогда в моей жизни я не относился ни к одному человеку с таким искренним уважением и почтвнивм, vénération[1], ни первд кем я не держал себя с таким «смирвнием» — и никогда не испытывал такого грубого «пинка». А на деле вышло именно так, что мы получили пинок: нас припугнули, как детей, припугнули твм, что взрослые нас покинут и оставят одних, и, когда мы струсили (какой позор!), нас с неввроятной бесцеремонностью отодвинули. Мы сознали теперь совершенно ясно, что утреннве заявленив Плеханова об отказв его от соредакторства было простой ловушкой, рассчитанным шахматным ходом, западней для наивных «пижонов»: зто не могло подлежать никакому сомнению, ибо если бы Плеханов искренне боялся соредакторства, боялся затормозить дело, боялся породить лишнив трения между нами,— он бы никоим образом не мог, минуту спустя, обнаружить (и грубо обнаружить), что вго соредакторство соввршенно равносильно его *едино*редакторству. Ну, а раз человек, с которым мы хотим ввсти близков общев дело, становясь в интимнейшив с ним отношения, раз такой человек пускает в ход по отношению к товарищам шахматный ход,— тут ужв нечего сомневаться в том, что зто человек нехороший, именно нехороший, что в нем сильны мотивы личного, мелкого самолюбия и тщеславия, что он — человвк неискренний. Это открытив — это было для нас настоящим открытием! — поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человвку, прощали ему все, закрывали глаза на всв недостатки, уверяли себя всеми силами, что зтих недостатков нет, что зто — мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти «мвлочные» недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретичвской правотв неспособно заставить забыть вго *отталкивающие* качвства. Возмущение наше было бесконечно велико: идеал был разбит, и мы с наслаждением попирали его ногами, как свергнутый кумир: самым рвзким обвинениям не было конца. Так нельзя! рвшили мы. Мы не хотим и не будем, *не можем* работать вместе при таких условиях. Прощай, журнал! Мы бросавм все и едем в Россию, а там наладим дело заново и ограничимся газвтой. Быть пешками в руках зтого чвловвка мы нв хотим; товарищвских отношвний он не допускавт, не понимавт. Брать *на* свбя рвдакторство мы не решавмся, да притом зто было бы теперь просто противно, это выходило бы имвнно так, как будто бы мы гнались только за редакторскими местечками, как будто бы мы были Strebвr'ами, карьеристами, как будто бы и в нас говорило такое жв тщвславив, только калибром пониже...»[1]

Однако согласие было достигнуто на основе предложенного Лениным проекта «*формальных* отношений». Этот проект «делал нас — редакторами, их — сотрудниками с правом голоса по всем редакционным вопросам»[2].

Важным пунктом в споре с Плехановым был выбор места для работы редакции. Ленин об этом писал:

«Почвму нас так возмутила идея полного господства Плеханова (независимо от *формы* его господства)? Раньше мы всегда думали так: рвдакторами будем мы, а они — ближайшими участниками. Я предлагал так формально и ставить с самого начала (еще с России), Арсеньев предлагал не ставить формально, а действовать лучшв «по-хорошему» (чтó сойдет-дв на то же),— я соглашался. Но оба мы были согласны, что редакторами должны быть мы как потому, что «старики» крайне нетерпимы, так и потому, что они не смогут аккуратно вести черную и тяжвлую редакторскую работу: только зти соображения для нас и решали дело, идейное жв их руководство мы вполне охотно признавали. Разговоры мои в Женеве с ближайшими товарищами и сторонниками Плвханова из молодых (члены группы «Социал-двмократ», старинные сторонники Плеханова, работники, не рабочие, а работники, простые, деловые люди, всецело преданные Плеханову), разговоры зти вполне укрвпили меня (и Арсеньева) в мысли, что именно так должны мы ставить дело: зти сторонники сами заявляли нам, без

[1] — глубоким уважением, почтением.— *Ред.*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 343—344.
[2] Там же, с. 352.

обиняков, что редакция желательна в Германии, ибо *это сделает нас независимее* от *Г.В.*, что если старики будут держать в руках фактическую редакторскую работу, это будет равносильно страшным проволочкам, а то и провалу дела. И Арсеньев по тем же соображениям стоял *безусловно* за Германию»[1].

Сам Ленин еще в России принял решение в пользу Германии и, исходя из этого, провел соответствующую подготовительную работу. О том, какое значение придавал он этой подготовке, свидетельствует и тот факт, что, когда напряженность отношений с Плехановым достигла предела, он хотел уехать в Россию и там обсудить вопрос об издании газеты: «Ушли мы от П. Б. и В. И. Ушли, пообедали, отправили в Германию письма, что мы туда едем, чтобы *машину приостановили*, даже телеграмму об этом отправили...»[2]

И все же веские аргументы в пользу Германии, среди которых — сила, влияние и помощь германской партии, сыграли решающую роль, взяли вверх и в этом пункте.

«Машина», т. е. аппарат, уже пущенный в ход правлением германской партии, не должна была приостанавливаться.

Еще весной Александра Калмыкова по поручению Ленина ездила для переговоров с председателем Социал-демократической партии Германии Августом Бебелем, ознакомила его с проектом «Искры» и «Зари». Она рассказала также о всех принципах строго конспиративного построения редакции. Русские товарищи должны были быть уверены в том, что о типографии, где будет печататься газета, и месте, где разместится ее редакция, никто не узнает.

Август Бебель посоветовал избрать местом пребывания редакции Мюнхен[3].

Первое конкретное соглашение с немецкими товарищами, которые весной 1900 года получили от своего руководства «зеленый свет», было достигнуто Александром Потресовым, который вел переговоры в Берлине, Штутгарте и Мюнхене. Эти переговоры должны были помочь выяснению дел, касающихся набора, печатания и транспортировки газеты, а также создания сети условных адресов для регулярных конспиративных связей с Россией.

Все это было осуществлено при непосредственном участии германских социал-демократов: Клара Цеткин составила список необходимых адресов, Адольф Браун по поручению партийного правления стал главным консультантом русской «литературной группы». Он дал ряд ценных советов по транспортировке и хранению нелегальной литературы. Очевидно, он же предложил, чтобы первый номер

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 342—343.
[2] Там же, с. 347.
[3] См.: *Калмыкова А. М.* Отрывки воспоминаний.— Былое, 1926, № 1 (35), с. 78.

«Искры» был набран и отпечатан в Лейпциге. Благодаря его же помощи последующие номера газеты могли издаваться в Мюнхене у Максимуса Эрнста; в Штутгарте русским товарищам была обеспечена поддержка издателя и депутата рейхстага от социал-демократической партии Дитца; доктор Карл Леман в Мюнхене позаботился о том, чтобы редакторы по прибытии были устроены у надежных и не вызывающих подозрения товарищей, членов местной партийной организации[1]. В. И. Ленин, прибыв в конце августа 1900 года в Нюрнберг, обсудил с Брауном все технические детали и узнал, какие вопросы оставались еще нерешенными.

Нерешенным был прежде всего вопрос о наборе русским шрифтом, которым типография Максимуса Эрнста еще не располагала. В остальном же работа по подготовке со стороны немецких товарищей продвинулась столь далеко, что Ленин уже в начале сентября мог покинуть Нюрнберг.

Во время своего пребывания в Нюрнберге он жил в доме, где размещалась сигарная лавка механика Филиппа Рёгнера, на Нойе Гассе, 44. Рёгнер предоставил свою фамилию и свой нюрнбергский адрес в качестве условного адреса. Из конспиративных соображений Владимир Ильич Ленин послал своей матери письмо, датировав его 31 августа 1900 года, в котором писал:

«Удивляюсь я, дорогая мамочка, что не получаю от тебя ни одного письма: я писал тебе уже дважды из Парижа и теперь пишу с дороги (ездил кататься на Рейн)»[2].

Полагая совершенно справедливо, что письмо будет вскрыто в политической полиции, местом своего пребывания он назвал Париж, а поездку в Нюрнберг — как поездку «кататься на Рейн».

Все должны были поверить в то, что он живет в Париже. Однако городом, который Ленин выдавал за Мюнхен, оказался не Париж: 6 сентября он выехал из Нюрнберга в Мюнхен через Прагу.

Там по рекомендации чешских социал-демократов он договорился с наборщиком Франтишеком Модрачеком о том, что его корреспонденция из Мюнхена в Россию, как и все адресованные ему письма из России в Мюнхен, будут идти на адрес Модрачека: «Herrn Franz Modráček, Smečky, 27. Prag. Oesterreich. Австрия»[3]. Франтишек Модрачек вспоминал позже об этой встрече:

«Я согласился, так как счел это поручением нашей социал-демократической партии: раз там дали ему мой адрес, значит, тем самым поручили мне оказать ему помощь.

[1] См.: Социал-демократическое движение в России, т. 1, с. 356.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 189.
[3] Там же, с. 193.

Он хотел, чтобы в России все думали, будто он живет у меня. Ко мне будут приходить для него из России пакеты с книгами и различные письма, а я должен буду пересылать их дальше, на запад...

...Он сам дал мне адрес. Даже два: один — на имя Карла Лемана, Мюнхен, Габельсбергерштрассе, 20, для господина Мейера, и другой — какому-то трактирщику Риттмейеру, тоже в Мюнхен. Мы договорились, что Мейер тоже будет время от времени присылать мне свои письма в Россию, а я должен относить их на почту в Праге, чтобы царская полиция думала, будто он и в самом деле здесь постоянно живет»[1].

Таким образом, в письмах к родным Ленин, описывая Прагу и пражан, сообщал о своих впечатлениях о Мюнхене: «Здесь есть какой-то *künstliche* (!) Eisbahn[2],— я все собираюсь посмотреть на эту подделку. Даже лед искусственный — бедные пражцы!»[3] А в виду-то он при этом имел «бедных мюнхенцев».

До встречи с Модрачеком Ленин еще не был в Мюнхене (с Модрачеком он встретился снова только в начале марта), а в этот период не использовал в качестве условных ни адреса Риттмейера, ни адреса Лемана в Мюнхене. Как свидетельствует Модрачек, Ленин узнал, что он будет жить у Георга Риттмейера, хозяина кабачка «Цум гольденен Онкель» на Кайзерштрассе, 53, от Адольфа Брауна. Из этого должно явствовать также и то, что Георг Риттмейер и доктор Карл Леман согласились предоставить русскому товарищу в качестве условных свои фамилии и адреса.

Мюнхенские условные адреса, использовавшиеся для переписки с Россией, могли быть названы посреднику в Праге только устно. Все меры предосторожности, предпринятые Лениным, преследовали ту цель, чтобы только ближайшие сотрудники редакции и товарищи, непосредственно уполномоченные для связи с аппаратом германской партии, знали, где и над чем он работает. Мюнхенская редакция должна была работать так, чтобы ее искали везде, но только не в Мюнхене.

Если в ленинских письмах адрес его квартирного хозяина «Herrn Georg Rittmeyer. Kaiserstraße 53.o. München (внутри: für Meyer)»[4] впервые встречается в письме, датированном 7.XII 1900 г., то это вовсе не означает, что Ленину этот адрес не был известен раньше. В своих воспоминаниях Модрачек рассказывает и о том, что Ленин для переписки с Россией дал ему только адреса Лемана и Риттмейера. В одном из писем, которое было написано между 6 и 15 сентября в Мюнхене, мы читаем: «...(данным Вам адресом — Rögner, можно пользоваться только из-за границы, и этого адреса Вы, пожалуйста, другим не давайте)»[1].

Это означало, что в то время адрес Рёгнера мог использоваться далеко не всегда.

Таким образом, метод, с помощью которого Ленин скрывал все следы, ведущие в Мюнхен, свидетельствует о том, что в течение определенного времени ни в одном из своих писем он намеренно не указывал адреса Риттмейера. Ведь Ленин жил у Риттмейера, и если бы с первых же дней своего пребывания в Мюнхене он использовал в качестве условного адреса тот, по которому он сам нелегально проживал, это не соответствовало бы свойственным ему тщательности и точности в подготовке к работе.

Другим методом конспирирования связей было кажущееся на первый взгляд бессистемным использование условных адресов и условных фамилий.

Если бы письма и попали в руки полиции, то никакая, даже самая хитроумная система полицейской криминалистики не могла бы установить, что различные отправители и получатели, а также различные условные адреса были звеньями одной цепи. Все было отлажено должным образом, и не было оснований для опасений ни за одно из звеньев этой конспиративной цепи. Была в этом и большая заслуга немецких товарищей.

Итак, все высказывания и действия Ленина говорят о том, что он не сам подыскивал себе немецких товарищей, а полагался при этом прежде всего на рекомендацию германской партии, подбиравшей ему надежных и опытных социал-демократов.

Такая тщательная конспирация была возможна только лишь при условии полного согласия и одобрения со стороны партийного правления германской социал-демократии, которая в таких случаях доверяла решение задач только самым надежным товарищам.

В. И. Ленин, прибыв 7 сентября 1900 года в Мюнхен, получил комнату по Кайзерштрассе и незамедлительно принялся за дело.

Кропотливая работа и препятствия

1.

Из писем, которые Владимир Ильич регулярно писал матери и сестре, несмотря на тяжелейшие условия эмиграции, не многое можно узнать о его повседневной жизни в Мюнхене.

19 сентября 1900 года. Матери:

«Погода теперь здесь стоит хорошая: ненастье прошло, и погулять можно будет, кажет-

---

[1] См.: *Иванов Мирослав*. Ленин в Праге. М., 1963, с. 27—28.
[2] — искусственный каток.— *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 195—196.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 72.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 45.

Конверт письма В. И. Ленина к матери из Мюнхена в Москву. Второй, внешний конверт здесь не приводится. Он был с адресом Франца Модрачека, Прага, Австрия.

ся, недурно. Белья и денег у меня достаточно, дорогая мамочка, так что ни того, ни другого посылать пока не надо; надеюсь, что не скоро придется писать об этом,— а когда понадобится, я постараюсь рассчитать заранее»[1].

3 октября. Матери:

«Я теперь здоров — давно уже и вполне поправился от инфлюэнцы и занимаюсь более правильно. Время здесь стоит прелестное,— а у вас как?»[2]

6 ноября 1900 года. Сестре Марии:

«Я живу по-старому, занимаюсь мало-мало языками, обмениваюсь с одним чехом в уроках немецкого и русского языка (вернее, разговор, а не уроки), посещаю библиотеку»[3].

29 ноября 1900 года. Сестре Марии:

«Я вполне здоров и живу по-старому. Поцелуй, пожалуйста, крепко от меня маму и передай большой привет Марку.

Своевременно ли получаете мои письма? Сличи, пожалуйста, по штампелям и напиши мне»[4].

6 декабря 1900 года. Матери:

«Я живу по-старому, болтаюсь без толку по чужой стране, все еще только «надеюсь» пока покончить с сутолокой и засесть хорошенько за работу»[5].

26 декабря 1900 года. Матери:

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 191.
[2] Там же, с. 192.
[3] Там же, с. 193.
[4] Там же, с. 194.
[5] Там же, с. 195.

«Дорогая мамочка! Ты получишь, вероятно, это письмо незадолго до праздников. Поздравляю и желаю провести их повеселее: может быть, приедет Митя на это время и вы соберетесь вместе — хоть те по крайней мере, кто в России. Мы с Аней думали было тоже съехаться, но не удалось. Здесь уже Weihnachten[1] — всюду Christbäume[2], на улицах эти дни было необычное оживление. Я ездил на днях в Вену и с удовольствием прокатился после нескольких недель сидения. Но только неприятная зима — без снега. В сущности, даже и зимы-то никакой нет, а так какая-то дрянненькая осень, мокроть стоит. Хорошо, что не холодно, и я вполне обхожусь без зимнего пальто, но неприятно как-то без снега. Надоедает слякоть и с удовольствием вспоминаешь о настоящей русской зиме, о санном пути, о морозном чистом воздухе. Я провожу первую зиму за границей, первую совсем непохожую на зиму зиму и не могу сказать, чтобы очень доволен был, хотя иногда перепадают великолепные деньки вроде тех, что бывают у нас хорошей поздней осенью.

Живу я по-старому, довольно одиноко и ..., к сожалению, довольно бестолково. Надеюсь все наладить свои занятия систематичнее, да как-то не удается. Вот с весны это уже наверное пойдет иначе, и я влезу «в колею». Пометавшись после шушенского сидения по России и по Европе, я теперь соскучился опять по мирной книжной работе, и только непривычность заграничной обстановки мешает мне хорошенько за нее взяться.

Вполне ли здорова ты, моя дорогая? Не очень ли скучаешь без Анюты? В каком положении Манино дело? Кстати, забыл передать ей, что Пушкина получил — очень благодарю, а также и письмо ее от 6.XII тоже получил. Не отвечал до сих пор, потому что помешала поездка, а потом очень занят был.

Крепко тебя обнимаю, моя дорогая, и шлю большой привет всем нашим.

Твой *В.У.*»[3].

Работаю наконец-таки регулярнее. Живу по-старому. Живу как и раньше. Очень занят.— За короткими и лаконичными строками, обра-

[1] — рождество.— *Ред.*
[2] — елки.— *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 197—198.

Первая страница письма
В. И. Ленина к матери
от 26.XII.1900 г.

щенными к матери и сестре, скрывалась работа человека, создававшего в тяжелых условиях политической эмиграции и нелегальности общерусскую газету.

«Регулярной» в работе Ленина в то время была деятельность человека, который должен был заботиться о выпуске каждого номера газеты и журнала.

Обещание германской партии всеми возможными средствами поддержать дело русских товарищей не означало, конечно, что редакторы сразу же получили готовый штаб технических сотрудников. Об этом они должны были заботиться сами, и основная тяжесть этих забот легла на плечи Ленина. Он получал рукописи и готовил их для набора; переписывался с авторами, которые писали часто слишком длинно и сложно; писал письма, в которых разъяснял политическую цель газеты и позицию ее издателей; поторапливал немецких товарищей в отношении шрифта — кириллицы — и подключения к делу наборщика, который мог бы знать этот шрифт; спешил окончательно уладить все дела с печатанием «Искры» в том же городе, где находилась и редакция. Первые месяцы своего пребывания в Мюнхене Владимир Ильич Ленин был занят именно такого рода кропотливой работой, наряду с которой он написал также большое количество статей.

Вера Засулич и Александр Потресов, которые в конце 1900 года также прибыли в Мюнхен, были не очень активными помощниками. Поначалу в редакции не было секретаря: Инна Смидович-Леман (первый псевдоним — Загорская) прибыла только во второй половине октября. Известный польский социал-демократ Юлиан Мархлевский, хорошо разбиравшийся в местных делах, предложил Ленину свою помощь. Однако эта помощь не могла быть достаточно действенной, так как Мархлевский после высылки из Саксонии находился под полицейским надзором и обязался «не злоупотреблять» разрешением на пребывание в Мюнхене для «политических козней».

Насколько интенсивно Ленин занимался повседневной кропотливой работой, видно из его писем к сотрудникам редакции «Искры», которые были написаны в то же время, что и письма к матери и сестре. Ленин чувствовал себя ответственным за весь ход организации дела. Он зорко следил за каждым шагом на пути к выпуску газеты и поэтому очень редко покидал Мюнхен.

10 октября 1900 года. Павлу Аксельроду в Цюрих:

«Как Ваше здоровье? Работается ли Вам? Вероятно, Париж Вас совсем измучил? Сообщите насчет статьи о Либкнехте для журнала и *для газеты*, — как обстоит дело и когда можно рассчитывать?» [1]

10 октября 1900 года. В. П. Ногину в Лондон:

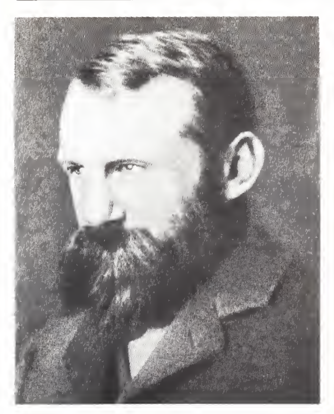
«Паролей не условлено: заменяю пароль (ибо Вы меня не знаете? Как Вам назвал меня Алексей? Имеете ли по его рассказам достаточное представление о нашем деле?) — да, так заменяю пароль инициалами того лица, на адрес которого я должен писать Алексею» [2].

Ю. М. Стеклову. Набросок письма:

«1) *Нахамкис*. Для газеты об интернациональном съезде + национальном французском конгрессе около 6 т. букв.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 47.
[2] Там же, с. 48.



Юлиан Мархлевский

2) *В журнал:* Чтобы разделить Нахамкиса и
Гуревича.
Где прием?
Когда берут? (тюк)
Адрес для сдачи здесь»[1].

21 октября 1900 года. Павлу Аксельроду в Цюрих:

«Статью, пожалуйста, пришлите (о Либкнехте), как только перепишется. Из слов Загорской я не мог составить точного представления о величине статьи, но вопрос ведь не в величине: потесниться нам всегда можно будет и всегда приятно будет для Вашей статьи»[2].

2 ноября 1900 года. В. П. Ногину в Лондон:

«Насчет переправы через границу в Россию я думаю, что это всегда легко будет сделать: у нас есть сношения с несколькими группами, ведущими переправу, и, кроме того, недавно один член нашей группы получил обещание (по всему судя, солидное), что смогут переправлять кого угодно в Россию без паспорта. Это, я думаю, легко устроить.

Насчет русского паспорта — дело обстоит хуже. Пока еще нет ничего, и «перспективы» еще очень неопределенны. Может быть, до весны и это наладится.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 49.
[2] Там же, с. 52.

Я пробуду еще здесь, вероятно, довольно долго, и наша переписка может поэтому вестись без неудобства.

Вы спрашиваете: какую работу хотели бы мы просить Вас взять на себя? Мне кажется, что для нас особенно важны будут (к весне или к осени, когда Вы рассчитываете двинуться) такие работы: 1) перевозка через границу литературы; 2) развозка по России; 3) организация рабочих кружков для распространения газеты и доставки сведений и т. п., т. е. вообще организация распространения газеты и организация тесных и правильных связей между ней и отдельными комитетами и группами. Мы возлагаем на Ваше сотрудничество большие надежды,— особенно в деле непосредственных связей с рабочими в разных местах. По душе ли Вам такая работа? Вы ничего не имеете против разъездов? — она потребовала бы, вероятно, постоянных разъездов»[1]

3 ноября 1900 года. Павлу Аксельроду в Цюрих:

«Насчет статьи о Либкнехте, право, уже не знаем, как и быть. Ведь у Вас вышла по размерам статья *для журнала:* 8 страниц (по словам В. И., таких, как в «Накануне» мелкий шрифт, т. е. около 8 тысяч букв страница) — это 64 тысячи букв,— если даже взять крупный шрифт «Накануне»,— это *около 50 тысяч букв!* У нас газета будет формата «Vorwärts», тоже в 3 столбца. Столбец около 6 тысяч букв — значит *половина* Вашей статьи займет газетную страницу целиком+еще столбец! Это крайне неудобно для газеты, не говоря уже о неудобстве дробить такую статью, как Ваша статья о Либкнехте.

Я подсчитаю точнее все это, когда получится Ваша статья. Всеми силами постараемся поместить в газету, но если окажется невозможно по размерам, тогда не будете ли так добры предоставить нам издать ее брошюрой в приложении к газете? (если для журнала Вы пишете особо о Либкнехте)»[2].

9 ноября 1900 года. Г. В. Плеханову в Женеву:

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 59—60.
[2] Там же, с. 61.

Кайзерштрассе, 45 (ныне 38), где в 1901 г. жил Ю. Мархлевский

«Статью Бывалого посылаю для той подчистки и некоторых исправлений, которые Вы наметили. Конечно, исправлять можно — пожалуйста, делайте это со всеми статьями, надписывая либо карандашом прямо в рукописи, либо на особых листках...

О декабристах готова написать Вера Ивановна, но вот как насчет материалов? Напишем тотчас, чтобы прислали, что можно. Может быть и Вы укажете, что́ бы особенно важно иметь для этой работы. Пожалуй, особенно важны исторические журналы, коих здесь не достать»[1].

19 ноября 1900 года. П. Б. Аксельроду в Цюрих:

«Даневич прислал заметку для газеты о французском национальном конгрессе тысяч в 12 букв: я колеблюсь сказать, вполне ли она пригодна. Очень может быть, что при Вашей хронике мы обойдемся без нее: ждем Вашей хроники с нетерпением»[2].

7 декабря 1900 года. П. Б. Аксельроду в Цюрих:

«...Иностранная хроника необходима, газеты первый лист уже печатается, второй готов за исключением хроники. Размер на хронику предполагается около 26 тысяч букв. В крайнем случае выкинем что-либо другое.

Пожалуйста, пришлите поэтому *тотчас* что есть и что можно. Буду ждать с нетерпением ответа.

Адрес:

Herrn Georg Rittmeyer.
Kaiserstraße 53.o.
München (внутри: für Meyer).

Жму крепко руку.
Ваш *Petroff*»[3].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 65—66.
[2] Там же, с. 70.
[3] Там же, с. 71—72.

14 декабря 1900 года. П. Б. Аксельроду в Цюрих:

«Из Парижа о международном конгрессе все нет статьи — послал сегодня телеграмму.

Мне, может быть, придется уехать на время перед выходом газеты, чтобы рассовать разные мелочи (мы здорово обсчитались в тысячах букв и выкидываем теперь многое!), но это возьмет каких-нибудь 3—4 дня»[1].

24 декабря 1900 года. П. Б. Аксельроду в Цюрих:

«Корректур *никак* не мог послать,— я даже сам не мог получить их и должен был ехать, чтобы рассовать кое-что для 8-й страницы. Как ни неприятно это было, но пришлось Вашу статью разделить и вторую половину отложить до следующего номера: иначе не умещалось необходимое вследствие набора (по техническим соображениям) боргесом, а не петитом»[2].

По этим проблемам в первых письмах из России шли запросы, сообщения и просьбы.

2.

В письме Мартову от 10 ноября 1900 года секретарь редакции Инна Смидович-Леман писала о «проклятых немцах», которые «замаяли нас»[3].

Досада секретаря редакции по отношению к «проклятым немцам» была вызвана делами с организацией и правовой защитой журнала: для «Зари» надо было найти ответственного редактора (в отличие от «Искры», «Заря» должна была выходить легально). По действовавшим в то время в Германии законам о прессе издательство должно было сообщать фамилию и адрес ответственного лица и зарегистрироваться в ведомстве по охране общественного порядка. Улаживание этого вопроса было связано с трудностями, ибо немецкая сторона затягивала решение вопроса. Очевидно, немецкие товарищи стремились решить все вопросы наиболее безопасным путем. И каза-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 74.
[2] Там же, с. 75.
[3] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг. М., 1969, т. 1, с. 39.

лось, что терпение русских вот-вот лопнет, к тому же они полагали, что немцы их чересчур опекают. В письме от 18 октября 1900 года Ленин писал Аксельроду, что у него по этой причине «нервы развинтились препорядочно,— главное эта томительная неопределенность, кормят эти черти немцы завтраками,— ах! я бы их!..»[1].

Главную причину задержки Ленин видел в отношении к делу издателя Дитца, который несколько раз отодвигал принятие на себя твердых обязательств, беспокоил русских товарищей возражениями, касающимися содержания, и неприятно поразил их внесением своих поправок в импрессум «Зари», сданный редакцией в печать. Это видно также из ленинских писем:

10 октября 1900 года:

«Дитц взялся нам издавать журнал. Шрифт куплен, но ответственного все еще нет; одна комбинация провалилась; есть в виду другие. Если не найдем ответственного, перенесем типографию в другое место»[2].

8 ноября 1900 года:

«Насчет журнала скоро, вероятно, выяснится, устроим ли мы здесь или пойдем в другие страны искать убежища. Как только выяснится, сообщу Вам»[3].

9 ноября 1900 года:

«Вопрос об «ответственном», по-видимому, завтра-послезавтра вырешится — кажется, благоприятно (сегодня получил известие о двух согласиях: завтра жду существенных сообщений)...»[4]

16 ноября 1900 года:

«Мы наконец нашли ответственного: Эттингер взялась подписать две книжки во всяком случае, отказавшись от всяких претензий насчет «тона» и проч. и предоставив себе после 2-х книжек печатно заявить о своем несогласии с содержанием и проч. Надо надеяться, она выполнит это условие (она усердно просит только пока, до выхода книжки, никому не говорить об этом),— а в течение этого времени мы либо подыщем другое лицо, либо устроимся иначе»[5].

Только 11 марта 1901 года Ленин смог сообщить в Цюрих Павлу Аксельроду: «Зари» прокорректировали последний лист. Скоро...»[1]

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 51.
[2] Там же, с. 47.
[3] Там же, с. 63.
[4] Там же, с. 66.
[5] Там же, с. 69.

Напряженность, создаваемая Дитцем, этим еще не устранялась. Эти проблемы также были связаны с дискуссией, разгоревшейся между редакцией «Искры» и Петром Струве, причина которой оставалась Дитцу непонятной.

3.

Переговоры о сотрудничестве между редакцией «Искры» и «Зари» и Петром Струве, этим наиболее видным представителем «легальных марксистов», состоялись в Пскове весной 1900 года, до отъезда Ленина в Мюнхен. Затем они были продолжены в Мюнхене в декабре 1900 года. В переговорах со Струве участвовали Ленин, Засулич и Потресов.

Предметом переговоров было издание приложения к журналу «Заря» под названием «Современное обозрение».

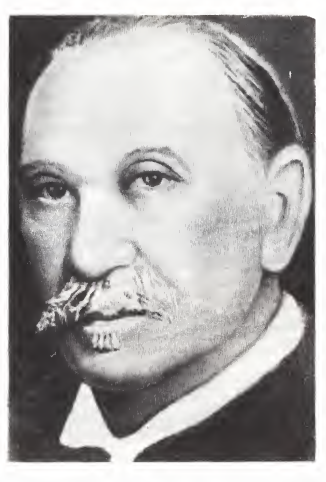
Редакция «Искры» предложила использовать материалы «Современного обозрения» на страницах «Искры». Струве отклонил предложение.

В своей «Записи 29 декабря 1900 года» Ленин констатировал, что встреча со Струве надолго определила все его действия и жизненный путь. Этот вывод Ленина означал в действительности последовательное отмежевание от политиков и публицистов, использовавших марксизм для прикрытия своих либеральных позиций.

«Близнец,— так Ленин назвал Струве,— явился с верой в наше бессилие, явился предлагать нам условия *сдачи*, и он проделал это в отменно-умелой форме, не сказав ни одного резкого словечка, но обнаружив тем не менее, какая грубая, торгашеская натура дюжинного либерала кроется под этой изящной, цивилизованной оболочкой самоновейшего «критика»[2].

Всю глубину разногласий между либералом Струве и марксистами из редакции «Искры» показали споры, которые велись в последующие месяцы и годы на страницах легальной и нелегальной русской прессы; они в значительной степени определили аргументацию марксистов, опровергавших тезисы Струве об ослаблении накала классовой борьбы и противоречий между богатыми и бедными. Стержневой вопрос этого спора сводился к тому, кто может и должен взять на себя руководство освободительным движением новой эпохи. Струве оспаривал способность пролетариата и рабочего движения к руководящей роли. Ленин уже в самом начале распознал находившееся еще в зародыше стремление леволиберального Струве и сделал тогда же вывод, что единство мнений по основным вопросам

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 89.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 387.



Иоган Хайнрих Дитц

исключается, а каждая уступка, пусть даже ценой временных тактических преимуществ, привела бы к ослаблению рабочего движения. Чтобы сохранить гибкость тактики и готовность к политическим союзам, Ленин постоянно стремился к полной ясности в позициях рабочей партии.

Тем не менее была предпринята попытка завершить переговоры в Мюнхене с либералами принятием заявлений, которые Георгий Плеханов написал от «Искры» и «Зари», а Петр Струве — от группы «демократической оппозиции».

Эти заявления должны были быть опубликованы в первом номере «Зари». Однако Дитц отказался печатать их. «От Dietz'a пришло письмо,— писал Ленин 27 февраля 1901 года Павлу Аксельроду,— что заявление (о союзе с либералами) он *не печатает,* что это опасно («соединение», группы etc.) и что вообще не лучше ли для нас тайная печатня?! Мы очень ошеломлены этим известием взбалмошного идиота Дитца. Решили (provisorisch[1]) *пока* «Зарю» оставить (пока!),— остальное же печатать в Женеве»[2]

[1] — временно.— *Ред.*
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 88.

Скорее всего Дитц опасался, что его издательство могло иметь неприятности со стороны властей, если будет установлено, что конспиративно работавшая мюнхенская редакция является связующим звеном между нелегальной «Искрой» и легальной «Зарей». Это побудило его принять срочные меры, в связи с чем Ленин написал в письме к Аксельроду 20 марта 1901 года о «Цензуре» и об «опеке»:

«С «Зарей» неприятность. Этот капризный барин Dietz решительно отверг редакционную Вашу статейку, убоявшись ссылок на «Искру», усмотрев запах «групп» etc., сославшись на то, что и Бебель и Зингер (пайщики его G. m. b. H.[1]) побаиваются и т. п. Пришлось, к величайшему нашему сожалению, отказаться от Вашей статьи, поместив вместо нее пару слов «к читателям». Ужасно неприятна эта новая цензура! И обложка пострадала: вычеркнули даже «нескольких русских социал-демократов». Когда-то мы избавимся от «опеки» этих Dreck-Genoss'ов[2]?!»[3]

На обложке «Зари» должно было быть напечатано: «Издается при ближайшем участии Г. В. Плеханова, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрода и нескольких русских социал-демократов»[4]. Дитц вычеркнул последние пять слов.

Сложности были также и при подготовке первого номера «Искры». Правда, при этом почти не было причин для напряженности, подобно той, какая была в отношениях с «папой Дитцем», известным и среди немецких товарищей как осторожный и сложный по характеру человек. Однако раздражение Ленина в отношении этих «Dreck-Genoss'ов» не должно было восприниматься буквально: выражение, которое в русском оригинале написано по-немецки, говорит о том, что Владимир Ильич просто использовал небезызвестное среди немецких товарищей ругательное слово; впрочем, сотрудники редакции говорили, что сам Ленин, уважавший эффективную и хорошо

[1] G. m. b. H.— Gesellschaft mit beschränkter Haftung. («Общество с ограниченной ответственностью») — книгоиздательство Дитца.— *Ред.*
[2] — дрянных товарищей.— *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 90.
[4] Там же, с. 486.

организованную работу, обычно очень остро реагировал на нерадивость, колебания и небрежность своих коллег и не делал при этом никаких различий между русскими, немцами или людьми других национальностей.

Об одной плохо оформленной брошюре, вышедшей в советском государственном издательстве в 1919 году, он писал в письме директору издательства: «Это какая-то пачкотня. Нет оглавления. Какой-то идиот или неряха, очевидно, безграмотный, собрал, точно в пьяном виде, все «материалы», статейки, речи и *в беспорядке* напечатал»[1].

В одном из своих писем, написанных в 1912 году, Ленин рекомендует адресату: «Луначарский пишет в *«Киевской Мысли»* о «научном мистицизме». Достаньте и посеките его публично отечески»[2].

О «Правде» Ленин говорил в 1912 году, что она ведет себя, как «сонная старая дева. «Правда» не умеет воевать»[3]. Ленин никогда не стеснялся резких выражений, если он это считал необходимым. Такое свойство было присуще многим известным личностям.

Он негодовал против самоуправства «папы Дитца». Но если он считал поправки издателя целесообразными, соглашался с ними: «Относительно немецкого издания книги Маслова я посмеялся над тем, что там все поправки к Марксу спрятаны... Маслов говорит: издатель выкинул — а издатель немецкий социал-демократ Дитц.

Если Дитц выкинул «теорию» Маслова, его «поправки» к Марксу *с* согласия Маслова, то мой вывод ни в чем не изменяется. Если Дитц сделал это *без* согласия Маслова, то мой вывод изменяется только по форме: Дитц, выкинув глупости из книги Маслова, поступил умно»[4].

Во всяком случае, трудности, имевшие место при осуществлении проекта «Зари», и конфликты между редакцией «Искры» и издателем Дитцем были вскоре преодолены: по согласованию со своей партией Дитц издал все номера первого русского марксистского журнала и книгу Ленина «Что делать?». Одним из условных адресов, которыми пользовался Владимир Ульянов, был следующий:

«Herrn J. H. W. Dietz Verlag.
Furthbachstr. 12.
Stuttgart.

На внутреннем конверте:
An die Redaktion der Morgenröte — für Herrn Petroff»[5].

4.

«Искра» не могла с самого начала печататься у Максимуса Эрнста: как и для «Зари» в Штутгарте, так и в Мюнхене в типографии не было русского шрифта. Не было для «Искры» и наборщика.

Но так как Ленин настаивал на том, чтобы первый номер газеты вышел как можно быстрее, то на первых порах выпуск газеты пришлось организовать в Лейпциге.

В этом городе печатался ряд социал-демократических изданий. Среди них была и влиятельная «Лейпцигер Фольксцайтунг», на страницах которой выступали Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и другие. Между социал-демократией Саксонии — одного из самых сильных отрядов рабочего движения в Германии — и политическими эмигрантами из Польши и России уже с давних пор существовали тесные связи, которые нашли свое выражение и в том, что известные социалисты из этих стран занимали руководящие посты в саксонской рабочей печати.

Вполне вероятно, что именно Адольф Браун помог решить проблему с набором и печатанием «Искры» в Лейпциге: он установил связь с Германом Рау, владельцем небольшой типографии. Рау был доверенным лицом социал-демократической партии и редактором рабочей спортивной газеты, которая печаталась в его типографии. Он выразил готовность помочь в печатании нелегальной русской газеты. Русский шрифт был доставлен Иосифом Блюменфельдом, польским социал-демократом. Он же набирал в Лейпциге при свете небольшой керосиновой лампы первый номер «Искры»[1].

С появлением Блюменфельда, которому Аксельрод достал паспорт на имя швейцарца Нусперли (или Хусперли?), дело наконец-то пошло «прочно» в ход: «Завтра, 27.XI., он начинает набор и, следовательно, можно надеяться, что недели через две (или с небольшим) все будет вполне готово»[2].

Чтобы ускорить подготовку к печатанию, Ленин прибыл 15 декабря в Лейпциг, в типографию, сам откорректировал гранки, сократил тексты, составил и разместил последние статьи, обеспечил верстку. 23 декабря он возвратился в Мюнхен. Уже 24 декабря первый номер «Искры» был отпечатан в типографии Германа Рау, расположенной в районе Пробстхайда, Руссенштрассе, 48[3].

На рукописях Ленина, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, сделаны

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 51, с. 71.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 75.
[3] Там же, с. 95.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 257.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 95.

---

[1] *Streb Xaver.* Lenin in Deutschland, a.a.O., S. 20; *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 26; Ленинская «Искра», с. 33.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 71.
[3] *Streb Xaver.* Lenin in Deutschland, a.a.O., S. 40.

пометки для набора; здесь же статьи и заметки о положении рабочих на различных русских фабриках и заводах, о забастовках и акциях протеста, письма и выдержки из писем русских рабочих, документы, разоблачающие царское правительство. Все это говорит о том, что Ленин был и главным редактором, и оформителем, и корректором, и основным автором первого номера «Искры».

Для своих научных и политических исследований, проводимых в Мюнхене, В. И. Ленин смог найти больше времени и сконцентрировать на них свое внимание только тогда, когда в Мюнхен приехала Надежда Константиновна Крупская.

Примерно в это же время в Мюнхен приехал и Юлий Мартов, который сразу же с полной энергией приступил к журналистской работе.

Но до этого времени (март — апрель 1901 года) всю техническую и редакционную работу по выпуску первых трех номеров «Искры» (декабрь 1900 года, февраль и апрель 1901 года) и первого номера «Зари» Владимир Ильич Ленин должен был большей частью делать сам.

5.

В течение первых семи месяцев у В. И. Ленина практически не было времени для отдыха. В письмах родным о Мюнхене он сообщал только вскользь, в основном о погоде. Мюнхен упоминался в деловых письмах лишь в самых необходимых случаях, когда дело касалось условных адресов — важнейшей связи Ленина с корреспондентами «Искры».

Питался Ленин в течение этих первых месяцев в одном из пансионов, где «хорошо кормили», — похвала, которую Надежда Константиновна Крупская в своих «Воспоминаниях о Ленине» определила как несколько относительную. Хозяйка часто подавала ему мучные блюда. Возможно, это была «Кресченция Швингхаммер, которая вместе со своим супругом Иоганном, мясником и трактирщиком, содержала совсем близко от квартиры Ленина по Кайзерштрассе, возможно, на улице Бисмаркштрассе, 16, небольшой ресторан»[1].

В письмах к матери, Марии Александровне, написанных им еще до приезда в Мюнхен Надежды Константиновны и пересланных через пражских адресатов, Владимир Ильич сообщал о своих наиболее ярких впечатлениях о Мюнхене.

Скупость сведений в его письмах была обусловлена обстоятельствами, при которых ему приходилось работать: перегруженность повседневной черновой работой и постоянное опасение обнаружить места своего пребывания.

[1] *Bäumler Ernst.* Verschwörung in Schwabing, a.a.O., S. 117.

Если в письмах, направленных в Лондон, Ленин старался не указывать инициалы подлинных имен и фамилий — «[Не пишите, пожалуйста, никаких инициалов в письмах — господь их знает, вполне ли здесь надежна почта]»[1], — то письма в Россию, как он полагал, должны были быть по возможности безобидными, и если отправление будет перехвачено и вскрыто, то охранка не сможет установить действительное место пребывания отправителя, а также род его занятий.

Ниже приводятся впервые фотокопии некоторых писем Ленина из Мюнхена, а также конвертов с почтовыми штемпелями Праги и Москвы. Конверты, на которых были написаны Лениным адреса в Мюнхене, были вложены в другие конверты и посланы по адресу Франца Модрачека в Прагу.

«В Москву. Марии Александровне Ульяновой.
Бахметьевская улица, дом Шаронова.
Russland, Moskau

16/I.01.

Дорогая мамочка! Получил твое письмо вместе с припиской Маняши от 26.XII и очень рад был, что Митя с вами и что у вас повеселее во время праздников. Жаль, что у вас такие страшные холода: когда я сообщаю здесь немчуре (или чехам) о t° в −28°R, люди только охают и дивятся, как это русские живут. Здесь холод, furchtbare Kälte[2] считают, когда — 8 — 10°R, и почти вся публика обходится одними осенними пальто (положим, носят еще большей частью шерстяные фуфайки). И домá здесь совершенно не приспособлены к большим холодам, стены тонкие, окон не законопачивают наглухо, очень часто даже нет Winterfenster[3]. Обо мне ты напрасно беспокоишься: я питаюсь хорошо в одном пансионе, которого держусь с осени. Чувствую себя хорошо, — вероятно, потому, что сижу мало, а бегаю много. Теперь уже не так далек и Надин приезд, — через 2 1/2 месяца ее срок кончается, и тогда я устроюсь совсем как следует.

Шлю большой привет Мите и Марку, а Маняшу очень благодарю за присланные книги и особенно за чрезвычайно красивые и интересные фотографии, посланные кузеном из Вены; очень желал бы почаще получать такие подарки.

Крепко целую тебя, моя дорогая, и желаю быть совсем здоровой.

Твой *В. Ул.*»[4].

«27/I.01.

Дорогая мамочка! Получил на днях письмо и открытку от Маняши с карточкой Мити и книгу Протопопова. Большое спасибо за все. Очень рад был Митиной карточке — она, по-моему,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 57.
[2] — страшный холод. — *Ред.*
[3] — зимних рам. — *Ред.*
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 200.

Письмо В. И. Ленина
к матери
от 9.II.1901 г.

удачная. Я уже успел соскучиться по карточкам и непременно буду просить Надю привезти мой альбом, а если будут у вас новые карточки, то присылайте.

Теплышек мне не нужно теперь. Здесь зима, кажется, уже прошла,— т. е. настоящая зима со снегом, с t° ниже нуля. До конца декабря было тепло, снегу не было, шли дожди. Затем выпал снег и t° стала доходить градусов до −10—15°R (по утрам), и немцы кричали о «страшных» холодах. В домах у них, положим, действительно страшные холода даже при −3° на дворе: прескверная стройка. С неделю тому назад наступила оттепель, весь снег сошел в одну ночь, и теперь стоит погода вроде мартовской у нас или даже апрельской в Сибири. Возможно,— даже вероятно,— что снег еще будет, но на самое короткое время. Самое холодное время прошло, и у меня прошлый месяц вышло на Holz und Kohle[1] целых 5 рублей вместо 1—2 в прежние месяцы.

Я вполне здоров и живу по-прежнему. С Анютой переписываюсь и надеюсь вскоре увидаться.

Крепко целую тебя, моя дорогая, и шлю большой привет всем нашим.

Твой *В. У.*

P.S. До срока Наде осталось уже меньше 2-х месяцев: скоро она поедет и, конечно, увидится с тобой. А летом, надеюсь, и мы увидимся!»[2]

«9/II.01.

Дорогая мамочка! Как-то вы поживаете? Что нового, что пишет Митя из Юрьева — он, поди, еще сильнее работает теперь перед экзаменами?

От Маняши получил недавно и рукописи старые и венские подарки. Большое merci за них.

[1] — дрова и уголь.— *Ред.*
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 201—202.

Здесь погода опять повернула на зиму, т. е. снег выпал. Но холодов нет, днем тает.

Был на днях в опере, слушал с великим наслаждением «Жидовку»: я слышал ее раз в Казани (когда пел Закржевский) лет, должно быть, 13 тому назад, но некоторые мотивы остались в памяти. Музыка и пение хорошие. В театрах (немецких) я был тоже несколько раз и иногда понимал, по крайней мере в общем и целом. Бываете ли вы в московских театрах?

Анюта писала недавно, что работа задерживает ее еще на некоторое время.

Не думаешь ли ты, дорогая моя, подать прошение о разрешении Наде заехать повидаться к тебе хотя бы на несколько дней? Ей бы, вероятно, очень хотелось этого, но столицы бывают обыкновенно изъяты — и только столицы после Уфы, как она пишет.

Маняшу попрошу черкнуть мне пару слов, когда она выпишет мне журналы, чтобы я знал, что могу уже справиться на почте.

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и шлю привет всем нашим.

Твой *В. У.*»[1].

«20/II.01.

Дорогая мамочка! Давно что-то не было от тебя никаких писем. Только от Маняши имел на днях весточку от 6-го, за которую очень ее благодарю. Как вы поживаете? Не мерзнете ли чересчур? Здорова ли ты?

Здесь теперь опять холода, и снегу выпало так много, что лет уже 13, говорят, не запомнят. Были случаи запаздывания поездов по вине заносов. Но это уже, очевидно, последние потуги зимы. Я уже привык и приспособился к здешней зиме,— хотя все же следующую зиму, если придется проводить в этих краях, выпишу себе ватное пальто. Без него надо либо носить фуфайки, либо одевать 2 пары (как я делаю) платья. Сначала не очень удобно было, а теперь давно уже привык. Да и холода-то, конечно, здесь не русские. 10° — это уже «страшно много».

На днях кончился здесь карнавал. Я первый раз видел последний день карнавала за границей — процессии ряженых на улице, повальное дурачество, тучи конфетти (мелкие кусочки цветной бумаги), бросаемых в лицо, бумажные змейки и пр. и пр. Умеют здесь публично, на улицах веселиться!

Я вполне здоров,— должно быть оттого, что сравнительно много бегаю и мало сижу. Вообще живу по-старому.

Скоро конец Надиного срока (24.III по здешнему, а по вашему — 11.III). На днях пошлю прошение о выдаче ей паспорта. Вот что попросил бы Маняшу прислать мне с ней: коробочку «моих» перьев. Представь себе: здесь не нашел нигде. Глупый народ — чехи и немчура. Английских перьев нет, только «своего» изделия, дрянь страшная.

Что пишет Митя? Когда он кончает экзамены?

Как Марк думает провести это лето?

Крепко обнимаю тебя, моя дорогая, и желаю быть вполне здоровой. Привет всем.

Твой *В. У.*

Бываете ли в театре? Что это за новая пьеса Чехова «Три сестры»? Видели ли ее и как нашли? Я читал отзыв в газетах. Превосходно играют в «Художественно-Общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году вместе с беднягой Колумбом. Здоров ли он? Все собираюсь написать ему, да дела мешают»[1].

6.

Выезд Надежды Крупской за границу и ее пребывание в Мюнхене Ленин готовил очень осмотрительно. 28 февраля 1901 года он поехал в связи с этим в Прагу и написал Марии Александровне 2 марта письмо. Оно было написано так, как будто он живет в Праге:

«Дорогая мамочка! Сообщаю тебе мой измененный адрес. Я переехал вместе с своим хозяином квартирным:

Herrn Franz Modráček. *Vršovice bei Prag*., № 384. Oesterreich»[2].

Кроме этого указания на новый адрес — Модрачек, мнимый квартирный хозяин Ленина, переехал — он сообщает также, что для оформления паспорта Надежде Константиновне Крупской он должен немедленно выехать в Вену. В Праге не было русского консульства, а подпись на прошении о выдаче заграничного паспорта для его жены должна была быть засвидетельствована русским консулом. В одном из своих писем из Вены Владимир Ильич еще раз писал о своем якобы пребывании в Праге:

«Вена — громадный, оживленный, красивый город. После «провинции», в какой я живу, приятно поглядеть и на столицу»[3].

Ленин сознательно не указывал в письмах свой настоящий адрес. Он послал в Россию книгу, в корешке которой для жены был спрятан его настоящий адрес, но книга не попала адресату. В. И. Ленин так умело маскировал свое место пребывания, что его найти было очень нелегко. Надежда Крупская, при-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 202—203.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 203—204.
[2] Там же, с. 205.
[3] Там же, с. 206.

бывшая в Мюнхен 14 апреля 1901 года, вспоминает:

«Направилась в Прагу, полагая, что Владимир Ильич живет в Праге под фамилией Модрачек.

Дала телеграмму. Приехала в Прагу — никто не встречает. Подождала-подождала. С большим смущением наняла извозчика в цилиндре, нагрузила на него свои корзины, поехали. Приезжаем в рабочий квартал, узкий переулок, громадный дом, из окон которого во множестве торчат проветриваюшиеся перины...

Лечу на четвертый этаж. Дверь отворяет беленькая чешка. Я твержу: «Модрачек, герр Модрачек». Выходит рабочий, говорит: «Я Модрачек». Ошеломленная, я мямлю: «Нет, это мой муж». Модрачек наконец догадывается. «Ах, вы, вероятно, жена герра Ритмейера, он живет в Мюнхене, но пересылал вам в Уфу через меня книги и письма». Модрачек провозился со мной целый день, я ему рассказала про русское движение, он мне — про австрийское, жена его показывала мне связанные ею прошивки и кормила чешскими клецками.

Приехав в Мюнхен, — ехала я в теплой шубе, а в это время в Мюнхене уж в одних платьях все ходили, — наученная опытом, сдала корзины на хранение на вокзале, поехала в трамвае разыскивать Ритмейера. Отыскала дом, квартира № 1 оказалась пивной. Подхожу к стойке, за которой стоял толстенный немец, и робко спрашиваю господина Ритмейера, предчувствуя, что опять что-то не то. Трактирщик отвечает: «Это я». Совершенно. убитая, я лепечу: «Нет, это мой муж».

И стоим дураками друг против друга. Наконец, приходит жена Ритмейера и, взглянув на меня, догадывается: «Ах, это, верно, жена герра Мейера, он ждет жену из Сибири. Я провожу».

Иду куда-то за фрау Ритмейер на задний двор большого дома, в какую-то необитаемую квартиру. Отворяется дверь, сидят за столом: Владимир Ильич, Мартов и Анна Ильинична. Забыв поблагодарить хозяйку, я стала ругаться: «Фу, черт, что ж ты не написал, где тебя найти?»

«Как не написал? Я тебя по три раза на день ходил встречать. Откуда ты?» Оказалось потом, что земец, на имя которого была послана книжка с адресом, зачитал книжку.

Немало россиян путешествовали потом в том же стиле: Шляпников заехал в первый раз вместо Женевы в Геную; Бабушкин вместо Лондона чуть не угодил в Америку» [1].

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче, т. 1, с. 242.

От нелегального Мейера к полулегальному д-ру Иорданову

20 марта 1901 года Ленин писал Аксельроду, что ему и дальше «писать можно будет все же на Риттмейера, ибо он всегда передаст мне, а я, в свою очередь, своевременно извещу о перемене адреса» [1]. 25 апреля он также просил Аксельрода писать ему по этому же адресу: «Мне пишите на Rittmeyer'a» [2]. В письме от 21 июля 1901 года Павлу Аксельроду Ленин сообщал: «Адрес Риттмейера более *не годится* (но если Вы уже ранее получения этого письма отправили что-нибудь на Риттмейера, то мы еще получим)» [3].

Что же произошло?

Предположение о том, что Ленин не смог больше использовать адрес Риттмейера, поскольку хозяин «Цум гольденен Онкель» был занят личной жизнью и коммерческими делами, которые складывались не совсем удачно, — 2 июля 1902 года Риттмейер развелся с женой, — не находит подтверждения.

Необоснованными являются также предположения о разрыве отношений между Георгом Риттмейером и его постояльцем «Мейером» [4].

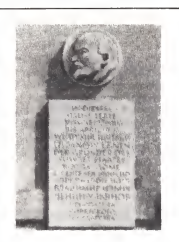
К 21 июля 1901 года Ленин и Крупская уже дважды сменили квартиру. К этому времени они получили разрешение на пребывание в Мюнхене.

Известно также, что сразу же после прибытия Надежды Константиновны Ленин оставил комнату в доме на Кайзерштрассе, 53 (ныне 46), и снял новую в одной рабочей семье, состоявшей из шести человек, где они прожили около месяца. В своих «Воспоминаниях о Ленине» Надежда Крупская пишет о том, сколь велика была семья и сколь мала квартира; что она могла варить на кухне хозяев, но подготавливать все должна была в комнате и при этом стараться не шуметь, так как в это время Ленин писал книгу «Что делать?» [5].

Рихард Шейд, познакомившийся с Лениным в кафе «Норис» по Леопольдштрассе, вспоминал в 1960 году, что «это был застенчивый, но очень вежливый молодой человек», что тогдашним квартирным хозяином Ленина был рабочий Ганс Кайзер.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 90.
[2] Там же, с. 101.
[3] Там же, с. 127.
[4] *Bäumler Ernst.* Verschwörung in Schwabing, a.a.O., S. 148. Боймлер пишет: «То ли исключительно смена квартиры, то ли другие причины, нечто вроде ухудшения отношений, — так или иначе, что-то сыграло свою роль, и с июля 1901 года связь с Риттмейером на Кайзерштрассе обрывается».
[5] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 249.



Кайзерштрассе, 53/0 (ныне 46). Первая квартира В. И. Ленина в Мюнхене, где он жил с сентября 1900 г. примерно до 15 апреля 1901 г.

Рихард Шейд, этот 85-летний ветеран мюнхенской социал-демократии, вспоминал о том, что весной 1901 года у него пожелали снять комнату двое, пришедшие к нему по объявлению в «Мюнхенер Пост». За маленькую комнату и темную кладовую на первом этаже (слева) по Шляйсхаймерштрассе, 106, он запросил 20 марок. Нового квартиросъемщика «руководящие мюнхенские товарищи» рекомендовали ему как «русского товарища Мейера».

«Это были русские. Мужчина был бледным и коренастым, почти лысым; его супруга — несколько полноватая, с добрым крестьянским лицом» [1].

Новые жильцы очень редко покидали квартиру. Товарищ Мейер почти все время сидел дома и писал. Иногда оба посещали социал-демократические собрания, играли «с малышом Кайзеров, которому было всего лишь несколько месяцев», или с детьми из соседних квартир; бывало, что жильцы ходили и в ресторанчик «Цур Франкенбург», который находился на углу Шляйсхаймерштрассе и Георгенштрассе [2].

Сегодня, как и в то далекое время, на Шляйсхаймерштрассе живут преимущественно рабочие.

Других источников, относящихся к квартире Ленина на Шляйсхаймерштрассе, 106, пока нет.

Но зачем, собственно, подвергать сомнению эти воспоминания, тем более что все обстоятельства переезда согласуются с достоверными фактами? Газетное объявление, о котором также пишет в своих воспоминаниях Надежда Константиновна Крупская, привычки обоих иностранцев, очень редко выходивших из дома, и рекомендация «руководящих мюнхенских товарищей», расцениваемая в некоторых работах по этой теме как случайная или даже частная, но не как соглашение между членами братских партий, подтверждают верность этих поздних воспоминаний.

Переезд, который Ленин запланировал еще до прибытия его жены, объясняется чаще всего лишь тем, что комната у Риттмейера была слишком маленькой для двух человек. Но квартира, принадлежавшая многодетной семье рабочего Кайзера, была ничуть не больше и не удобнее. Скорее всего Ленин рассматривал эту квартиру временной, пока они, как это в действительности и случилось,

---

[1] *Bäumler Ernst.* Verschwörung in Schwabing, a.a.O., S. 143.
[2] Ebenda.

Шляйсхаймерштрассе, 106/III. Квартира, где В. И. Ленин жил с середины апреля до середины мая 1901 г.

не найдут себе постоянную квартиру на все время пребывания их в Мюнхене.

Почему же все-таки Ленин, против дальнейшего проживания которого Риттмейер не возражал, должен был переехать в квартиру, в которой он прожил только один месяц?

Письмо, которое Павел Аксельрод послал Ленину 28 мая 1901 года, несколько разъясняет обстановку. В нем П. Б. Аксельрод пишет, что после возвращения брата [Плеханова] «живу еще в большем страхе за всю компанию, чем прежде»[1].

Аксельрод тогда еще точно не знал, по какому адресу он должен был посылать письма Ленину в Мюнхен. Под «братом» он имел в виду Георгия Валентиновича Плеханова, прибывшего в Мюнхен на совещание редакции, «компания» же означала живущих в Мюнхене редакторов «Искры».

Возможно, в мае, когда Плеханов был в Мюнхене, произошло нечто такое, что побудило Ленина порвать контакты с Риттмейером из соображений безопасности. Что же касается Плеханова, этого известного русского эмигранта, то еще в апреле за его квартирой в Женеве была усилена полицейская слежка.

Может быть, один из шпиков последовал за ним в Мюнхен? Ясно одно, что прибытие в середине апреля Надежды Константиновны Крупской совпадает с принятием Лениным решения выйти из подполья и найти для себя и своей жены какую-либо возможность полулегального существования.

До этого он всегда представлялся даже в очень узком кругу исключительно как русский товарищ Мейер и жил здесь без удостоверения личности, в значительной мере полагаясь на надежность немецких товарищей, собственную сноровку опытного подпольщика и счастливое стечение обстоятельств.

Эта форма пребывания была сопряжена с большим риском. К тому же Риттмейер — при всей его личной надежности и молчаливости — по объективным причинам не мог обеспечить наиболее подходящих условий для конспирации. В его трактире встречались социал-демократы, проводились также собрания Швабингской фракции СДПГ; а такие собрания проходили под надзором комиссара безопасности Симона Герольда.

¹ Ленинский сборник III, с. 178.

Бо́льшую безопасность гарантировали фальшивые паспорта, по которым можно было прописаться в полиции, и при этом — самое главное — можно было указать свой настоящий адрес, не раскрывая крайне нужных условных адресов.

Видимо, с самого начала заготовка таких паспортов была составной частью всего дела по созданию редакции «Искры».

«Думаю,— писал В. И. Ленин В. П. Ногину,— что иностранный паспорт (для въезда в Россию) удастся достать (болгарский или немецкий), относительно же русского паспорта или хотя бы только бланка, т. е. паспортной книжки чистой, не надеюсь. Конечно, может быть, что и это удастся, но я бы Вам советовал принять тотчас же меры к тому, чтобы добыть иностранный паспорт,— а то рискуете остаться без всякого»[1].

5 февраля 1901 года Ленин написал еще одно письмо Ногину в Лондон, которого он не «хотел оставить без паспорта»: «Если хотите,— писал Владимир Ильич,— могу достать Вам болгарский паспорт. *Напишите, нужен ли,* и если да — приметы»[2].

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 77.
² Там же, с. 85.

Лист прописки Димитра Верданова, выдававшийся до последнего времени за лист прописки В. И. Ленина

Еще до приезда Надежды Константиновны Крупской в Мюнхен у всех проживавших там редакторов и сотрудников «Искры» были болгарские паспорта: у Веры Засулич на имя Велики Дмитриевны Кировой; у секретаря редакции Инны Смидович-Леман — на имя Димки Байновой, урожденной Кировой[1]. В апреле Г. В. Плеханов, проживавший в Женеве, получал из мюнхенской редакции почту по адресу болгарского студента Симова.

Надежда Константиновна Крупская писала, как они с Владимиром Ильичем «взяли паспорт какого-то болгарина, доктора Иорданова, вписали туда ему жену Марицу и поселились в комнате, нанятой по объявлению в рабочей семье»[2].

Если данное высказывание Крупской понимать буквально, то оно может означать, что они раздобыли себе паспорт еще до переезда от Риттмейера в рабочую семью; во всяком случае, этот переезд она поставила в прямую связь с новой фамилией.

Поэтому можно предположить, что Ленин вынужден был дважды переезжать прежде всего потому, что всякое отождествление нелегального Мейера с полулегальным Иордановым было связано с очень большим риском: нужно было избегать такой ситуации, при которой кто-либо мог бы назвать Иорданова Мейером или Мейера Иордановым; возможно, именно поэтому и было целесообразным не сразу переехать с Кайзерштрассе на соседнюю Зигфридштрассе, 14, а временно пожить в рабочей семье. Это было также в интересах немецких товарищей и их партии, придававших большое значение любой детали, связанной с безопасностью членов редакции «Искры». Маловероятно, что Ленин подбирал себе квартиры без поручительства доверенных лиц из германской партии: как социал-демократ Кайзер из Мюнхена, так и социал-демократ Модрачек из Праги писали, что они откликнулись на просьбу партии помочь русскому товарищу.

В декабре 1965 года на одной пресс-конференции в Мюнхене общественности был представлен лист прописки, заполненный на имя Димитра Верданова, то есть Иорданова.

Димитр Верданов родился 3 октября 1878 года в Силистрии и прибыл в Мюнхен 31 октября 1900 года для изучения фармацевтики. Первоначально он жил у Шаффера на Арцисштрассе, 58/I, затем, с 3 апреля 1901 года, — у Гуры на Массманштрассе, 1/3, и возвратился в Софию 7 ноября 1902 года.

До настоящего времени городской архив Мюнхена выдавал, правда с оговоркой, этот документ как лист прописки Владимира Ильича Ленина, отправив его по запросу и в Советский Союз.

Эта оговорка была весьма уместной. Ее разделяли и историки. Однако документально обоснованного опровержения, что этот лист прописки не принадлежит Ленину в период его пребывания в Мюнхене, не последовало.

С 1965 года этот документ упоминается во всех публикациях, касающихся пребывания Ленина в Мюнхене. Но в то же время лист прописки не содержит ничего такого, что согласовывалось бы с известными фактами о Ленине-Иорданове: имя Ленина в паспорте

---

[1] Л. Л. Муравьева и И. И. Сиволап-Кафтанова предполагают, что Вера Засулич и Инна Смидович-Леман выдавали себя за мать и дочь (Велика Кирова и Димка Байнова, урожденная Кирова).

[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 247.

Landeshauptstadt München
Stadtarchiv

Bestätigung

Herr Friedrich Hitzer legt mir soeben, heute, den 22. März, 15.00 Uhr, den Polizeimeldebogen von L e n i n vor unter der Bezeichnung Dr. Jourdan Jourdanoff mit der Nummer 483226, den er aus der ihm vom Stadtarchiv vorgelegten Kartei der Fremden gefunden und festgestellt hat.

Herr Hitzer behauptet, daß dies nun der richtige Meldebogen für Lenin sei; während der bisher dafür gehaltene mit dem Vornamen Dimit(e)r eine andere Person betrifft.

München, 22. März 1977

Dr. Schattenhofer
Oberarchivdirektor

Подтверждение.

Господин Фридрих Хитцер положил мне только что, сегодня, 22 марта, в 15.00 часов, полицейский лист прописки В. И. Ленина, значившегося в нем как др. Иордан Иорданов с номером 483226, который он нашел и индентифицировал из предоставленной ему городским архивом картотеки иностранцев.

Господин Хитцер утверждает, что это вот настоящий лист прописки В. И. Ленина, в то время как тот, который до сих пор считался таковым (с именем Димит(е)р), относится к другому лицу.

Мюнхен, 22 марта 1977 г.
Др. Шаттенхофер,
старший директор архива

записано как Иордан. Здесь же речь шла о каком-то Димитре. Адрес Ленина также не соответствовал адресу Димитра Верданова. Точность дат рождения, прибытия, переездов и отъезда домой квартиросъемщика Верданова, фамилии и адреса квартирных хозяев обнаруживают глубокое противоречие: при строгой конспирации, которой следовал Ленин, паспорт с такими данными (согласно адресной книге, в те годы действительно существовали указанные в листе прописки Димитра Верданова адреса с фамилиями Шаффера и Гуры, у которых человек с фальшивым паспортом никогда не жил) был бы непригодным и рискованным документом. Это также послужило поводом к тому, что я решил еще раз проверить все возможности, выразил письменно и устно все свои сомнения с целью найти отправные точки для обоснования оговорки в отношении известного листа прописки.

Один из таких случаев представился мне 22 марта 1977 года, когда я сообщил свои возражения сотруднику Мюнхенского городского архива Манфреду Хаклю, который в ответ на это обратил мое внимание на наличие еще неисследованных листов прописки иностранцев. Мои поиски увенчались успехом. У меня в руках был подлинный лист прописки, заполненный на Владимира Ильича Ленина на основании поддельного болгарского паспорта за № 483226 и вложенный в отпечатанный формуляр «Главный список жителей федеральной земли, рейха и иностранцев» при королевском полицейском управлении Мюнхена, в отделе прописки. Согласно этому листу, речь идет о

**— д-ре Иордане Иорданове,
докторе юридических наук, родившемся 8 октября 1876 года, женатом, проживающем на Зигфридштрассе, 14/II, уроженце Софии, Болгария.**

Лист прописки был заполнен 29 августа 1901 года; чиновник пометил, что обладатель паспорта въехал в квартиру на Зигфридштрассе 8 мая 1901 года. Все пункты этого листа прописки совпадают с известными фактами. Они совпадают также с адресом квартирного хозяина Иозефа Фильзера, указанным в его листе прописки.

В связи с тем, что семья Иордановых поселилась в доме Фильзера, 2-й этаж, справа, в качестве равноправного владельца квартиры, она не была зарегистрирована в листе прописки самого Фильзера: предписание такого рода относилось исключительно к жильцам, получавшим комнаты у квартиросъемщика.

К тому же частые переезды не были в те годы чем-то необычным: трамваи были редкостью в городе, а автобусов еще совсем не было. Дрожками пользовались богатые люди, а велосипед не стал еще массовым средством передвижения. Большинство людей ходили пешком. Поэтому мюнхенцы, как и жители других больших городов, предпочитали жить вблизи своего рабочего места. Мебели тоже было немного, и была она не столь громоздкой, чтобы при переезде доставлять слишком много хлопот. Например, в 1900 году в списке жильцов дома на Кайзерштрассе, 53, числились мастер столярного дела Шмидтнер, супруга торговца Лео, вдова молочника Карл, садовник Шварцкопф, слесарь Цегентнер, сапожных дел мастер Шмидт, вдова партийного деятеля Гехенбергер, трактирщик Гартман, вдова трамвайного кондуктора Ленц. В 1901 году в список жильцов дома на Кайзерштрассе были занесены еще четыре новых квартиросъемщика. Профессиональный состав этих жильцов в значительной степени соответствовал составу членов и сторонников мюнхенской социал-демократии. В такой среде никто не обращал внимания, если там и поселился какой-то «Мейер»; дом на Кайзерштрассе не был в этом отношении исключением: в домах по соседству находили свое пристанище люди подобных профессий. Однако в доме на Зигфридштрассе, 14, жили несколько семей, к

Städt. Civilconscription. Formular 1.

№ 483226 Haupt-Liste für den In- Reichs- Aus- Länder

Landtagswähler Nr.

Verf.-Eid gel. am

Unterstützt

Hier beheimatet seit:

Hier Bürger seit:

Name	Confession	Geburtsort	Tag	Mon.	Jahr
			der Geburt		
Jourdanoff Jordan Dr.	gr. kath.	Sophia	8	X	76

Eltern:

H. L. M.

Verehel.-Zeugnis | Trauungstag

I.

II.

III.

Standesbezeichnung: Dr. iur.

Heimat: Sophia

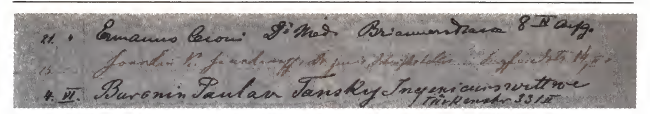
Staatsangehörigkeit: Bulgarien

Angelegt am: 29. VIII. 01

M. 8. VIII. Siegfriedstr. 14/0

Bemerkungen:

Лист прописки Иордана К. Иорданова (В. И. Ленина) в Мюнхене



Собственноручная запись В. И. Ленина в регистрационной книге Баварской королевской (ныне государственной) библиотеки

которым доктор подходил как нельзя лучше; в 1901 году в списке жильцов дома значились: мастер-строитель Бертле, трактирщик Баумгартнер, парикмахер Цайлер, служащий телеграфа Роберт Хеннебергер-старший и чиновник страхового агентства Роберт Хеннебергер-младший, секретарь Генеральной дирекции имперских почт и телеграфа и известный писатель Отто Фалькенберг.

Годом позже — в 1902 году — мюнхенская адресная книга пополнилась новой записью: частновладелец Иозеф Фильзер, новый хозяин дома.

Так же как и на Кайзерштрассе, на Зигфридштрассе в 1901—1902 годах часто менялись жильцы. В адресной книге были зарегистрированы восемь новых квартиросъемщиков с «более солидными профессиями», как, например, служащий конного завода, купец, вдова учителя, владелица ателье Фрюлинг и другие.

Среди тех, кто жил в этом доме годом раньше, был и писатель Отто Фалькенберг, который позже в немалой степени способствовал славе мюнхенского театра «Каммершпиле». В своих воспоминаниях о мюнхенцах на рубеже двух веков Отто Фалькенберг ничего не пишет о том, что среди жильцов дома, в котором он жил сам, был также доктор Иорданов с супругой, т. е. Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская. В 1901—1902 годах Фалькенберг просто мог этого не знать.

Поэтому остается открытым вопрос о том, можно ли и дальше считать достоверной дату въезда Ленина в квартиру на Зигфридштрассе — 18 мая 1901 года. Эта дата впервые встречается у Надежды Константиновны Крупской в ее «Воспоминаниях о Ленине», где она пишет, что они прожили в рабочей семье примерно около месяца. Ксавер Штреб назвал день (18.V) без указания источника. Лист прописки показывает, что Иорданов и его жена въехали в квартиру на Зигфридштрассе, 14, 8 мая 1901 года. На оборотной стороне листа прописки было лишь помечено, что Иорданов заплатил налог в размере 6 марок 38 пфеннигов.

Официально зарегистрирована эта дата лишь 28 августа, т. е. почти через четыре месяца,— упущение, которое доктору права не доставило, пожалуй, особых неприятностей. Тем не менее можно констатировать, что с момента получения Лениным паспорта и до дня его прописки прошло сравнительно много времени. Характер заполнения листа прописки по сравнению с другими, содержащими более точные данные о семье, происхождении, предыдущих местах жительства, как, например, лист прописки Юлиана Мархлевского, свидетельствует и о том, что заполнение листа прописки д-ра Иорданова не обошлось без помощи друзей, хорошо разбиравшихся в делах и замолвивших словечко за писателя-юриста, который часто и регулярно посещал читальный зал Баварской королевской библиотеки.

К привилегиям, которыми на рубеже веков мог пользоваться человек со степенью доктора, мы еще вернемся, когда речь пойдет о проблемах, с которыми приходилось сталкиваться «обычному» читателю библиотеки.

25 мая 1901 года Ленин записался в нее под псевдонимом «Иордан К. Иорданов, др. юр., писатель, Зигфридштрассе, 14/II, пр...» [1].

Таким образом, все неясности относительно личности болгарина, с паспортом которого Ленин жил в Мюнхене,— то, что касается полного имени и фамилии,— устраняет автограф Ленина в «Регистрационной книге» Баварской государственной библиотеки.

Изучавший фармацевтику студент Димитр Верданов (или Иорданов) из Силистрии совершенно исключается после получения настоящего листа прописки. Прежняя, еще и сегодня разделяемая болгарскими авторами точка зрения исходит из того, что у Ленина был паспорт некоего доктора Стойко Иорданова. Это мнение было до сих пор, даже несмотря на то что Стойко Иорданов был почти на 30 лет старше Владимира Ильича Ленина.

В государственном архиве округа Варны хранятся документы, связанные с жизнью Стойко Иорданова:

— сертификат на французском языке, выданный 6 июля 1876 года румынским предста-

---

[1] Bibliotheksforum Bayern, BFB, Jahrgang 5 (1977) 2, S. 152. Фридолин Дресслер, генеральный директор Баварской государственной библиотеки, нашел ленинский автограф в «Регистрационной книге для посетителей зала периодики (1884—15 ноября 1902 г.)». Cbm. Cat. 280 ta. Ленинский автограф был опубликован Фридолином Дресслером в сентябре 1977 г.

№.

erbe-				Steuer-		Einkommen-		Kapital-Renten-		Steuer-	
An-	Ab-	Steuer-Betrag		Periode	Liste Nr.	Steuerbetrag				Periode	Folium
meldung		M.	Pf.			M.	Pf.	M.	Pf.		
						No: 28488					

Оборотная сторона листа прописки В. И. Ленина

вительством в Париже на имя господина Иорданова Стойко, *румынского подданного*, родившегося 15 августа 1844 года в городе Кореле, округа Шуман (Болгария);

— приглашение на свадьбу д-ра С. Иорданова и Иованки Барновой от 8.VI 1880 года в г. Варну;

— некролог по случаю смерти д-ра С. Иорданова, который 19 января 1890 года умер в Варнв после долгой болезни.

Родившийся в 1844 (или 1841) году Стойко Иорданов изучал в Париже медицину и с отличием закончил университвт. В 1876 году в качеств главного врача румынского полевого лазарвта он участвовал в сербско-турецкой войне. В 1877—1878 годах участвовал в русско-турецкой войне, сначала как полковой врач, а затем как бригадный врач. В 1878 году опредвлен на работу в Варне окружным врачом. В 1879 году избран двпутатом и стал одним из тех, кто участвовал в созыве Учредительного собрания в Тырново, затем Стойко Иорданов принимал участие в выработке первой болгарской конституции. Как врач, он был участником нескольких международных медицинских конференций.

Маловероятно, что Ленин и болгарские товарищи считали бы надежным паспорт, владелец которого широко известен в Болгарии и за ее пределами и умер к тому же в 1890 году в Варне.

Любая деталь из легко проверяемых анкетных данных, касающаяся известных до сих пор указаний Надежды Крупской и Ксавера Штреба, противоречит точке зрвния, что данные Стойко Иорданова могли быть в какой-то мере полезными для документов Ленина.

Личность болгарина по имени Иордан К. Иорданов до сих пор окончательно не удалось установить. Но аргументы в пользу Стойко Иорданова, как и аргументы в пользу Димитра Верданова, теперь опровергнуты.

Мое предположение о том, что Ленин использовал переезд с Кайзерштрассе на свою постоянную мюнхенскую квартиру для того, чтобы скрыть следы начального периода нелегального Мейера, и поэтому не подождал нескольких недель до въезда в квартиру на Зигфридштрассе, а предпочел еще один пвреезд, подтвврждается одним, до сих пор мало учитывавшимся указанием: «Прибытие Надвжды Константиновны Крупской сделало необходимым изменение фамилии. Болгарские социал-двмократы обеспвчили Владимира Ильича Ленина паспортом на имя болгарина И. Иорданова. Стало необходимым, чтобы Ленин отпустил «болгарские усы»...» [1]

Таким образом, «остановка» в рабочей семье не имела никакой иной цвли, кромв как на время исчезнуть из виду. Известно такжв, что и Надвжда Константиновна, и Владимир Ильич зту квартиру почти не покидали.

Фотография, на которой Ленин был бы с «болгарскими усами», которые он, вероятно, отпустил послв первого переезда, когда начался «пвриод Иорданова», нам неизвестна.

Во всяком случае, паспорт на имя д-ра Иорданова открывал для Ленина в Мюнхене новые возможности, в особенности что касалось свободы пврвдвижения: пврвый период пребывания в Мюнхвнв характеризовался доходившей до предела человеческих сил работой, что заложило основы для второго пвриода, длившегося около года, вплоть до отъезда в Лондон. В течение этого года были созданы основополагающив работы по программе и строитвльству Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), «Искра» и ее организация добились первых больших успехов. В. И. Ленин начал писать «Что делать?», а также написал ставшие путеводными для рабочего движения работы и исследования по аграрному вопросу.

Болгарский паспорт улучшил внешние условия для работы Ленина в Мюнхене. Период «Мейера» был окончен, что потребовало также прекращения отношений с Георгом Риттмейером. Дело в том, что Ленин использовал переезд в Мюнхене не только для перемены квартиры, но также и для перехода от *неле-*

[1] Среди иностранных студентов — наряду с русской колонией в Мюнхене — имелась многочисленная группа болгар. В своем большинстве болгарские студенты, как и большинство русских, были склонны к революционным идеям. Некоторые из них вели нелегальную работу как социал-демократы, были марксистами. Ленин и другие члены редакции получили болгарские паспорта. Однако, как и в ряде других случаев, источники этих сведений не приводятся.

Зигфридштрассе, 14/II (на снимке справа), третья квартира В. И. Ленина в Мюнхене, где он жил как др. юр. Иордан К. Иорданов

гального Мейера к *полулегальному д-ру Иорданову.*

Однако основные улучшения в условиях работы Ленина были сделаны Надеждой Константиновной Крупской.

«Искра» в Мюнхене: редакция и центр организации

1.

«Глупая ваша «Искра» [1],— говорила вначале Вера Засулич о газете, которой Владимир Ильич Ленин уделял все свое внимание. С газетой он связывал надежды на создание организации, которая должна была положить начало марксистской рабочей партии. Однако Аксельрод, Плеханов, Потресов и Засулич сосредоточили свое внимание на научно-политическом журнале «Заря». Но это ни в коей мере не означает, что они активно включились в решение технических и редакционных вопросов, связанных с изданием «Зари».

Ленин, неустанно добивавшийся того, чтобы совместная работа всех издателей и редакторов строилась на основе равноправия, регулярности и справедливого распределения обязанностей — письма Аксельроду и Плеханову подтверждают это весьма наглядно,— видел, что в своих усилиях он все больше и больше оставался одиноким. То, что в первое время ему казалось всего лишь начальными трудностями организации редакции, выражением особенно сложной рабочей ситуации, требующей многократной отдачи всех сил, стало затем характерным для многих недель и месяцев. Личные особенности сотрудников играли при этом не последнюю роль. В 1903 году в доверительном сообщении «только для близких знакомых» Ленин обобщил весь свой опыт издателя «Искры» и «Зари»; вплоть до этого времени на нем, как на издателе, лежала фактически вся ответственность за выпуск газеты и журнала.

«Старая шестерка до того была недееспособна, что она *ни разу за три года* не собралась в полном составе — это невероятно, но это факт. *Ни один* из 45 номеров «Искры» не был составлен (в редакционно-техническом смысле слова) кем-либо кроме Мартова или Ленина. И *ни разу* не возбуждался *крупный* теоретический вопрос никем кроме Плеханова. Аксельрод не работал вовсе (ноль статей в «Заре» и 3—4 во всех 45-ти №№ «Искры»). Засулич и Старовер ограничивались сотрудничеством и советом, *никогда* не делая чисто редакторской работы» [1].

При помощи общерусской политической газеты Ленин хотел покончить с кустарничеством в марксистских кружках. Теперь же он должен был энергично бороться за то, чтобы эта атмосфера не проникла в редакционную группу.

Дисциплину и регулярность в работе Ленин считал обязательными и важными условиями для претворения идей в жизнь. Самым решительным образом Ленин боролся против ненадежности, неточности и того хаотического образа жизни, который некоторые революционеры выставляли напоказ, желая тем самым наложить на всю организацию печать своего отношения к делу.

Охотно цитируя в тяжелых ситуациях борьбы высказывание Чернышевского о том, что «революционная борьба — это не тротуар Невского проспекта» [2], Ленин показал всей своей деятельностью, что трудолюбие и дисциплинированность характеризуют жизнь и деятельность настоящего революционера.

С другой стороны, он не был склонен по этой причине к тому, чтобы педантично настаивать на соответствии человека его идеальным представлениям, пока тот не согласится на сотрудничество с другими. Человеческие слабости его соратников, столь осложнявшие работу, никогда не побуждали его быть несправедливым.

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 243.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 17.

[2] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 84, 85.

Ленин знал, что недостатки редакторов «Искры» были следствием напряженной борьбы и исключительно тяжелых услоеий сущестеоеания. Ни е одном из его писем не найти язеительных или надменных замечаний дисциплинированного Ленина по отношению к неорганизоеанным сотрудникам. В «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупская с сочувствием писала об этих слабостях, хотя к тому еремени, когда она работала над «Воспоминаниями», те же Потресов и Аксельрод допускали в отношении Ленина высказывания, носившие явно клеветнический характер.

Острота ленинской критики касалась положения дел и тех или иных точек зрения; он делал также различия между возможными ошибками в работе и небрежностью, которую осуждал. В этом же смысле е 1903 году и был состаелен доеерительный отчет, е котором Ленин констатировал бесспорные факты о доле участия каждого редактора е издании «Искры» и «Зари».

Учитывая еще и личные качестеа Аксельрода, Мартоеа, Плеханова, Потресоеа и Засулич, можно из сказанного сделать вывод, насколько сложной была соеместная работа е старом коллективе «Искры», когда есе ее издатели еели еще соеместную политическую борьбу.

Паеел Аксельрод жил в Цюрихе и лишь по настоянию Ленина приехал е Мюнхен, где поселился е доме на Гогенцоллернштрассе, 81а (ныне 14). Но в Мюнхене он прожил есего лишь несколько недель — янеарь — феераль 1901 года — и снова вернулся в Цюрих.

Аксельрод был очень нервным челоеееком, мог ночами напролет не спать; быеало так, что одну статью он писал месяцами, так ее и не окончие. «...Почерк его было почти нееозможно разобрать: так нерено он писал»[1].

Мартое — его настоящая фамилия Цедербаум — находился е Мюнхене с конца марта 1901 года и был единстеенным актиеным сотрудником среди издателей. Человек он был «епечатлительный до крайности»[2]. Он «е те времена умел чутко подхеатыеать мысли Ильича и талантливо разеивать их»[3]. С другой стороны, этот «талантливейший журналист» был «ужасным импрессионистом, очень легко поддаеался есяким елияниям...»[4]. Кроме того, Мартов питал пристрастие к бесконечным дискуссиям, от которых «Владимир Ильич страшно устаеал», делался «соеершенно болен, неработоспособен»[5]. По просьбе Ленина Н. К. Крупская просила даже Мартоеа не ходить к ним. «Условились,— пишет Надежда Константиновна,— что я буду ходить к Мартоеу, рассказыеать ему о получаемых письмах, догоеариеаться с ним. Из этого, однако, ничего не еышло, через деа дня дело пошло по-старому»[1].

Мартое снимал комнату е кеартире едоеы лейб-геардейца Клары Крафт (Оккамштрассе, дом № 1а (ныне № 1), третий этаж). Его комната использоеалась для конспиративных естреч с товарищами, прибыеаешими е Мюнхен по партийным делам. Праеда, сообщать о приезде нужно было заблагоеременно, так как Мартоеа часто не было дома; если кто-нибудь приезжал, нужно было лишь спросить «Vernet»[2].

Сестра Мартоеа Лидия, работаешая е свое время в Мюнхене для «Искры», еспоминала о том, как нереничал Ленин, если Мартое неожиданно пояелялся на Зигфридштрассе, набрасывался на сеежие русские газеты и часами читал их, «как будто бы он еще не начитался сегодняшних газет в сеоем кафе «Леопольд»...»,— так, по ее слоеам, на это отреагироеал Ленин. «Другие вещи тоже иногда раздражали Ленина. Например, если Мартое испещрял каракулями своих комментариее рукопись или брал домой на ночь еажный документ, нужно было опасаться, как бы он его не потерял из сеоих переполненных карманов, или, если он, не перестаеая, распространялся на самые различные духоеные и политические темы, которые не имели прямого отношения к имееешейся е данный момент работе»[3].

Поэтому Владимир Ильич и Надежда Константиноена с облегчением вздохнули, когда Мартое стал проеодить свое сеободное еремя не на Зигфридштрассе, а у ерача и сотрудника «Искры» Федора Гуреича (пседоним: Дан), прибыеешего е 1901 году еместе с семьей е Мюнхен.

Плеханов жил в Женеее и несколько раз приезжал е Мюнхен на соеещания. Тем не менее, как еспоминает Надежда Константиноена, «трудно было с ним работать»[4]. Плеханое, которого Ленин, несмотря на глубокое личное разочарование, пережитое им летом 1900 года, есе еще еысоко ценил как теоретика, на любую критику реагироеал упреками личного характера; он не терпел никаких еозражений. На это нельзя было закрывать глаза, если даже все коллеги и были снисходительны к раздражительности Георгия Валентиноеича из-за его скрытого легочного процесса, материальной нужды и есе усилиеающегося отчуждения от России е сеязи с длительной эмиграцией. От всего этого Плеха-

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 246.
[2] Там же, с. 274.
[3] Там же, с. 274—275.
[4] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 115.
[5] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 250.

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 250.
[2] См.: *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 109.
[3] *Bäumler Ernst.* Verschwörung in Schwabing, a.a.O., S. 146.
[4] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 116.

Оккамштрассе, 1 (угловой дом) у Ведекиндбруннена, квартира Мартова у Клары Крафт. (Посетители редакции «Искры» должны были спрашивать господина Верне́)

Известно, что Надежда Константиновна Крупская была весьма сдержанна в оценках бывших соратников, избравших впоследствии другой политический путь, нежели большевики, отзывалась о Потресове весьма не лестно: «Чрезвычайно образованный Потресов по сути дела был избалованным барином. «Он не может писать иначе, как в Италии, на берегу моря, сидя под пальмами»,— шутила Калмыкова»[1].

Александра Калмыкова была состоятельным человеком, владела в Петербурге магазином и книжным складом. Она поддерживала работу «Искры» и «Зари» в материальном и в политическом отношении. Поначалу она была сторонницей народников, позже стала важной опорой русской социал-демократии. Она взяла на себя значительную часть расходов по финансированию работы II съезда РСДРП. Калмыкова разделяла точку зрения Крупской на главные слабости Потресова. «Он мало имел связей с рабочими,— писала Надежда Константиновна,— не знал крестьянства, все

нов очень страдал, но зто, однако, не могло быть оправданием его страшной избалованности[1].

Меньше всего в жизни редакции принимал участие Потресов (псевдонимы: Старовер, Арсеньев), часто находившийся в разъездах. Он был болен туберкулезом кости и пробыл в Мюнхене по сравнению со всеми наиболее короткое время. В Мюнхене у него не было даже собственной комнаты. Возможно, что до прибытия Мартова он жил на Оккамштрассе.

[1] Крупская Н. К. О Ленине, с. 115.

[1] См.: *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 116.

его связи шли по линии либеральной интеллигенции»[1].

Вера Засулич страдала от бессонницы и хронических головных болей. Она не обладала большими организаторскими способностями. Если писала какую-нибудь статью, то бросала всякую другую работу, непрерывно курила и питалась только черным кофе в своей никогда не прибиравшейся комнате на Шраудольфштрассе, 29, на третьем этаже, где она жила у госпожи Таурэр под именем *Велики Д. Кировой.*

С весны 1901 года в Мюнхене жил и наборщик Иосиф Блюменфельд (псевдонимы: Разноцветов, Цветов, Общий друг), он снимал комнату в квартире у Дитриха-Германа Бухбиндера на Шванталерштрассе, 44. За углом находились издательство и типография Максимуса Эрнста — Зенефельдерштрассе упиралась прямо в Шванталерштрассе.

Письмо, которое было написано Лениным между 22 и 28 мая 1901 года и в котором Владимир Ильич дает указание для типографии, подписавшись именем «Ленин», было доставлено наборщику Блюменфельду.

Хотя Блюменфельд уже обучил своего немецкого коллегу Гросса набирать русские рукописи[2], все же он был по-прежнему незаменим для работы в «Искре». Он, например, доставал и оформлял паспорта для сотрудников, которые отъезжали в Россию[3].

Ленин и Крупская признавали, что Блюменфельд абсолютно надежен в работе. В 1902 году Ленин писал в одном из писем:

«О бедном Цветове — ни слуху ни духу вот уже три недели. Должно быть, погиб. Это будет для нас громадной потерей!»[4]

Блюменфельд уехал тогда в Россию, взяв с собой в дорогу искровскую литературу, но был на границе арестован и посажен в киевскую тюрьму. Товарищи организовали ему побег. Спустя несколько месяцев Блюменфельд снова объявился за границей.

Еще до прибытия Крупской Ленину, мыслившему реалистически, было ясно, что редакция «Искры» в Мюнхене только тогда сможет выполнить свои задачи, если место секретаря редакции займет Н. К. Крупская.

Димка (Инна Смидович-Леман) — первый секретарь редакции — работала надежно, но свои задачи выполняла больше в техническом, а не в организационном и политическом плане.

Хотя Ленин чувствовал некоторую неловкость, предлагая сотрудникам на пост секретаря редакции товарища, которая была его женой, он все-таки внес это предложение, и оно было всеми принято. Существенным и до прибытия Надежды Константиновны мало развитым участком работы была переписка с сотрудниками «Искры» в России, с которыми прежде всего Ленин и Мартов до их отъезда за границу установили личный контакт.

Письма в Россию из редакции требовали значительно большего, нежели только знаний технических задач редакции.

Деятельность даже легально работающей редакции, которая одновременно должна быть центром политической организации, предусматривала систематическую координацию всех связей между редакторами и корреспондентами, распространение газеты через ее агентов. Тем более что каждый в этой системе должен быть человеком политически убежденным и заслуживающим абсолютного доверия.

Если же редакция работает нелегально, то ей требуется выполнение и большего объема работы, и большего числа организационных мероприятий, для того чтобы эта координация была действенной.

Для переписки и транспортировки были необходимы условные адреса в Германии, России и других странах. Эти адреса должны были быть настолько надежными, что если бы раскрыли один из них (отправителя или получателя) или полиция арестовала бы одного агента, члена организации или просто симпатизирующего «Искре» человека, то это не привело бы к провалу всей сети связи.

«Искра» нуждалась в как можно более точной информации о борьбе в России, в данных об отношении к газете рабочих, о территории распространения газеты и возможностях ее перепечатки в самой России в подпольных типографиях.

В процессе непосредственного сотрудничества с Лениным Надежда Константиновна разработала систему связей, которая прямо или косвенно через искровские группы в Берлине, Кенигсберге, Цюрихе, Лондоне и Женеве соединяла Мюнхен со многими пунктами в России.

2.

Основы архива редакции «Искры» были заложены Надеждой Константиновной Крупской в доме № 14 на Зигфридштрассе: каждый корреспондент получал свое собственное обозначение. «На одного или в крайнем случае на двух агентов заводилась тетрадь, в которую в хронологическом порядке записывались письма, отправляемые им и получаемые от них редакцией»[1].

Откладывались и регистрировались преимущественно первоначальные тексты писем в Россию и копии писем из России. Последние

---

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 115—116.
[2] См. с. 401 данной книги.
[3] См.: *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 84.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 177.

[1] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 9.

Арка между д. 47 и 49 Габельсбергерштрассе (ранее 20 а), адрес д-ра Карла Лемана

содержали советы, справки, запросы, пожелания и требования, касавшиеся организации и боевых соратников, а также возможностей получения «Искры»; подлинные имена не указывались, псевдонимы менялись; указывались также книги для расшифровки паролей, писем и т. д. Дело в том, что важнейшие сообщения зашифровывались или передавались «химическим» способом [1].

Те письма, которые Надежда Константиновна подписывала именем «Катя», оформлялись в шесть следовавших один за другим приемов:

1. Писалось письмо.

2. Подчеркивалось все то, что подлежало шифровке.

3. Зашифровывалось все то, что было подчеркнуто.

4. Шифровка проверялась, не допущены ли ошибки и пропуски.

5. «Для вида» сочинялось такое письмо, которое бы свободно прошло через цензуру.

6. Нужный текст писался химическими чернилами между строк [2].

Таким путем почтовой связи В. И. Ленин получал, в ряде случаев уже через три недели, информацию о забастовках, демонстрациях и требованиях рабочих в Екатеринославе, Ростове-на-Дону, Батуме, Саратове, Баку, Нижнем Новгороде, Вильно; он имел точные данные о крестьянских восстаниях в Харьковской, Полтавской и Саратовской губерниях [3].

Корреспонденты, которым было поручено составлять свои сообщения по-деловому и реалистично, могли затем увидеть в газете результат своего труда, так как Ленин придавал большое значение тому, чтобы каждый номер «Искры» был наиболее актуальным и своим анализом обстановки и требованиями наглядно показывал рабочим, крестьянам и интеллигенции, каким путем активно борющиеся массы добьются успеха. С другой стороны, успех газеты — это результат контроля за информацией, которая посылалась в редакцию.

Впрочем, Надежда Константиновна регистрировала не только входящую и исходящую корреспонденцию с Россией: Ленин настаивал на том, чтобы каждое почтовое отправление подтверждалось мюнхенской редакцией — исходящая почта из Мюнхена в Россию и посланная из России в Мюнхен.

По причинам безопасности телеграммы допускались только в исключительных случаях: например, в письме, написанном в августе 1901 года, корреспонденту Гальперину в Баку сообщалось в связи с тем, что он вынудил редакцию послать телеграмму: «Мы послали телеграмму,— смысл ее понятен — согласие. Но имейте в виду, что сношения телеграфом очень опасны, с телеграмм ведь снимаются копии. Старайтесь ограничиваться почтой. Приезжать для переговоров о деталях нет надобности. Обо всем можно списаться» [1].

Переписка Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России с 1900 по 1903 год, проходившая под непосредственным попечительством Н. К. Крупской, охватывает три обширных тома, куда вошли 1392 материала. За период с сентября 1900 года до середины апреля 1901 года (как часть этой переписки сюда входят и письма, написанные не лично Лениным) приводятся 24 послания. После того как Надежда Константиновна взяла эту работу в свои руки, корреспонденция значительно увеличилась: с середины апреля 1901 года по май 1902 года она насчитывает 424 послания [2].

3.

«Вышлите мне немедленно несколько немецких адресов (если можно, 10)» [3]. Дипломированный ветеринар Бауман, который в июне 1901 года обратился с этой просьбой в мюнхенскую редакцию «Искры», имел основания для своего нетерпения. Н. Бауман — один из

[1] См.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 9—10.

[2] См.: *Зазерский Е., Любарский А.* Ленин. Эмиграция и Россия, с. 35.

[3] См. там же.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 136.

[2] См.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 55, 60—546.

[3] Там же, с. 148.

Карл Леман

важнейших агентов Ленина в России и активный профессиональный революционер в Москве — не мог посылать свои письма по адресу: «Зигфридштрассе, 14». Так же как у Баумана (псевдоним: Грач), дело обстояло у многих сотрудников «Искры»; и просьба назвать как можно больше немецких условных адресов должна была снова и снова выполняться.

В то время важнейшим условным адресом, которым Ленин пользовался и после отъезда из Мюнхена, был: «Доктор Карл Леман, Габельсбергерштрассе, 20а». (Дом не сохранился.)

С Леманом дружил Август Бебель, имевший обыкновение, когда он бывал в Мюнхене, ночевать в его доме; Клара Цеткин и оба ее сына, Костя и Максим, также дружили с семьей Леманов и были частыми гостями этого дома.

Доктор Адамс Хопе-Леман, происходившая из Шотландии, первая перевела на английский язык книгу Бебеля «Женщина и социализм»; знакомые и друзья дома восхищались ее обаянием, интеллигентностью и общительностью.

Деятельность Ленина в «Искре» была столь же не чуждой Карлу Леману, как и Кларе Цеткин: в годы действия закона против социалистов Леман участвовал в конспиративном выпуске и распространении социалистической литературы; как доверенное лицо своей партии он принадлежал к службе «*Красной полевой почты*», а Клара Цеткин работала даже в центре нелегального аппарата и могла, таким образом, оказать ценную помощь в поставке надежных условных адресов во всех частях Германского рейха.

Имея за плечами большой опыт борьбы с законом против социалистов, доктор Карл Леман испытывал чувство полной солидарности с русским революционером и товарищем: в «Путевых впечатлениях, наблюдениях и исследованиях», явившихся результатом его поездки в Россию, он осудил «Россию роскоши» и встал на сторону «голодающей России».

В вышедшей в 1900 году в издательстве Дитца книге «Голодающая Россия» Карл Леман писал:

«Имеет ли голод место или нет? Мы не ожидали, что здесь, на месте, мы должны будем задать себе этот вопрос.

Помещик, господин Свинчицкий, который знает местные условия, утверждает, что никакого голода нет.

Из сообщения того же самого господина Свинчицкого вытекает, что бескормица вынудила крестьян продавать свой скот или же забивать его.

То, что имела место крайняя бескормица, поведал нам и наш ямщик.

О нехватке кормов мог сообщить и ветеринар. О бескормице свидетельствовали и раскрытые соломенные крыши.

Косвенным доказательством бескормицы являются также необработанные поля.

Напрашивается вывод о том, что крестьянин должен был вначале исчерпать все свои средства, прежде чем решиться продать свою последнюю скотину по цене ее шкуры. Поп утверждал прямо, что крестьянин лучше будет голодать, чем отдаст свою скотину. Доказательством тому, что он лучше будет страдать от холода, являются раскрытые дома. Следовательно, бескормица является косвенным доказательством голода.

То, что голод есть, прямо подтвердили и поп, и фельдшер, и ветеринар, в общем все, кого мы об этом спрашивали, кроме господина Свинчицкого.

Косвенным доказательством голода являются комитеты помощи. Мнение о том, что крестьянин, притворяясь голодным, обманывает все общественное мнение, земство и само правительство, является полным искажением действительности. Дети в столовой выглядели просто умирающими от голода. Там и речи не могло быть о симуляции.

Ярким доказательством голода являются больные цингой. Мы их обследовали. Не подлежит сомнению, что болезнь является пря-

мым следствием голода. Это может рассматриваться как научно обоснованный факт.

Следовательно, сообщение фельдшера о распространении эпидемии является доказательством широкого распространения голода.

Как же тогда господин Свинчицкий может утверждать, что никакого голода нет? В чем тут дело?..

Официальное понятие голода включает в себя идею о помощи, признание голода является воззванием к общественной совести — и, таким образом, парадокс господина Свинчицкого, что голод — это плод комитетов помощи, является не чем иным, как его отрицанием голода, потому что комитеты помощи стали у него бельмом в глазу.

Эта логика поражает своим цинизмом. И все же при ближайшем рассмотрении она является только лишь крайним следствием той классовой логики, которая находит свое выражение во всех отношениях, связанных с наемным трудом. Если, например, остэльбские юнкеры утверждают, что положение их поденщиков вроде бы удовлетворительное, то это вовсе не означает, будто они не знают, что жилища этих людей столь же убоги, как и их пища, это означает лишь то, что они не хотят признать необходимости улучшения, потому что это противоречит их собственным интересам. Если остэльбский аграрий считает в порядке вещей, что его поденщик голодает, то русский — что крестьянин умирает с голоду. Это — разница в степени, но не в подходе.

Сытые после обильной пищи и взбодренные алкоголем, мы едем теперь к голодающим крестьянам. Да, это мир, который нам чужд. И хотя мы очень близко друг от друга и ежедневно наши пути пересекаются, мы приветствуем друг друга и говорим друг с другом, мы смотрим друг другу в лицо и жмем руки, и все же мы — совершенно чужие друг другу люди, разные по внешности, разные в наших действиях и мыслях: с одной стороны — «мы» — принадлежащие к буржуазному обществу России, с другой стороны — «они» — крестьяне. Это два мира, два разных в своей основе мира, которые, однако, не отделены друг от друга реками и горами или хотя бы воображаемой линией, а, как коробочки, вложены друг в друга на одном и том же куске земли. А различия, существующие между этими двумя мирами, столь велики, что они превосходят все другие различия, вытекающие из географических и климатических условий, даже различия в языке и вероисповедании. Это — классовые различия».

Наряду с тем, что Карл Леман был движим чувством личного и политического долга по отношению к русскому народу и действиям его революционеров, он помогал Ленину и в силу партийного задания: ведь не кто иной, как Август Бебель, порекомендовал выбрать местом для редакции «Искры» Мюнхен, город, где жил товарищ Леман — человек, хорошо известный Бебелю; и поручение позаботиться о пристанище для русских редакторов Карл Леман выполнил еще до того, как Ленин прибыл в Мюнхен[1].

Очевидное доверие, с которым Ленин относился к немецкому товарищу и врачу, было чем-то большим, нежели просто личное доверие одного человека к другому, — одновременно это было признаком политического доверия между организациями.

С самого начала своего пребывания в Мюнхене важнейшую переписку с редакторами «Искры» и с поддерживающими их эмигрантами в Берлине, Женеве, Лондоне и Цюрихе Ленин осуществлял через адрес Лемана. На адрес: «Габельсбергерштрассе, 20а», Ленину, по его же указанию, были высланы статья Плеханова «Социализм и политическая борьба», денежные переводы и важные документы для «объединительного» съезда заграничных организаций русских социал-демократов; адрес Лемана был использован для обмена рукописями между Аксельродом и Лениным. Через него были протянуты нити к ведущему австрийскому социал-демократу Фридриху Адлеру[2].

Если В. И. Ленин в своем письме от 22 марта 1901 года мог сообщить, что «послать деньги можно через банк чеком в заказном письме на имя доктора медицины Carl Lehmann ...Gabelsbergerstraße 20a. Имейте в виду этот адрес: хорош и для денег, и для писем, и для книг»[3], то для получателя, так же как и для отправителя, было ясно, что этот адрес в любом отношении обеспечивал всем участвовавшим в деле организациям и лицам высшую степень безопасности, возможной при существующих обстоятельствах. По этой причине также и с русской стороны было необходимо предпринять усилия для обеспечения безопасности Карла Лемана: поэтому вся та корреспонденция, которая могла быть получена по его адресу — а в случае, когда речь шла об уважаемом враче, который был женат на иностранке и сам занимался литературой, это не очень бросалось в глаза — пряталась в книгах известных писателей в художественные альбомы и даже в подушки[4]. Частный адрес Лемана был тем же самым, что и адрес его врачебной практики: в адресной книге стояло: «Леман Карл, доктор, практикующий врач больничной кассы. Габельсбергерштрассе, 20а, часы приема 8—9 и 2—3 часа (кроме воскресенья и праздников)».

«...Сообщите, пожалуйста, **на чье имя** послали Вы сюда подушку и английскую книгу. *Я*

[1] См. с. 100 данной книги.
[2] См.: *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 118.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 92.
[4] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 60.

все еще не получил их. Если послали postlagernd[1], то как — просто ли postlagernd или Bahnhofpostlagernd[2] или еще иначе?»[3] Сообщить об этом В. И. Ленин просит П. Б. Аксельрода в своем письме к нему 3 ноября 1900 года.

Аксельрод послал посылку на Главпочтамт, Резиденцштрассе, 2, до востребования, т. е. на один из условных немецких адресов[4].

Надежда Константиновна Крупская описывала удивление Лемана, который, получив такую подушку, не знал, что с ней делать, и только после того, как узнал о содержимом подушки (отпечатанные в России материалы), он заявил, что в будущем готов получить хоть целый поезд, если он будет доставлен на его имя и по его адресу[5]. 22 марта 1901 года петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» получил следующее сообщение из Мюнхена: «Имейте в виду, что я всегда немедленно извещаю о получении каждого письма, каждой посылки. Так что, если нет в скором времени извещения, то это значит, что письмо или посылка не получена. В таком случае тотчас же надо писать запрос на адрес Zahnärztin[6]...»[7].

Этим зубным врачом была Мария Блей, которая жила на соседней с доктором Леманом Арцисштрассе, в доме № 19. Очевидно, что адрес Марии Блей использовался для запросов о пропавшей почте и в исключительных случаях — для телеграмм с внешне безобидным текстом, с предварительным извещением об их отправлении.

Например, в начале февраля 1901 года несколько партийных комитетов на юге России приняли текст листовки к 1 мая. Для опубликования в «Искре» мюнхенской редакции требовалось немедленное подтверждение петербургской группы. В этих целях в письме редакции от 22 марта 1901 года говорилось: текст телеграммы, если листовка принята: «Больная едет, пожалуйста, ее встретьте». Если же отклонена, то: «Поздравляю с днем ангела»[8].

Текст телеграммы был: «Больная едет...», и мюнхенская редакция «Искры» дала зеленый свет для опубликования листовки к 1 мая 1901 года от имени Российской социал-демократической рабочей партии, партийных комитетов Санкт-Петербурга, Одессы, Киева, Николаева, Харькова, организации «Южный рабочий» и редакции «Искры». Листовка была

[1] — до востребования.— *Ред.*
[2] — до востребования на вокзальном почтовом отделении.— *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 60—61.
[4] См.: *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 120.
[5] См. с. 406 данной книги.
[6] — зубного врача.— *Прим. перев.*
[7] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 44.
[8] Там же.

напечатана и переправлена для распространения в Россию[1].

Таким путем в течение 1901 года формировались комитеты и партийные группы социал-демократов во всех частях России — на севере и юге, западе и востоке европейской части страны, а также в отдельных местах Сибири, имея своим центром редакцию «Искры» в Мюнхене. В конце января 1902 года в Самаре в обстановке глубокого подполья они впервые собрались на съезд представителей всех искровских организаций в России; они избрали Бюро русской организации «Искры» во главе с Глебом Кржижановским — соратником В. И. Ленина по Петербургу и по совместной ссылке в Восточную Сибирь.

Для создания центральной искровской организации в России Г. М. Кржижановский предпринял заграничную поездку и в конце сентября — начале октября 1901 года встретился в Мюнхене с Владимиром Ильичем Лениным[2].

21 января 1902 года в искровском «центре» — в квартире Ленина и Крупской на Зигфридштрассе, 14, — состоялось обсуждение первого проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии. Участниками дискуссии были Аксельрод, Крупская, Ленин, Мартов, Плеханов и Засулич. Собственно, Аксельрод и Плеханов прибыли в Мюнхен только для этой цели. Надежда Константиновна описала эту дискуссию, ход которой страшно разволновал Ленина.

После своего возвращения в Женеву Плеханов писал Ленину:

«Поверьте одному: я глубоко Вас уважаю и думаю, что на 75% мы с вами ближе друг к другу, чем ко всем другим членам «коллегии», на остальные 25% есть и разница, но ведь 75 втрое больше 25, и во имя *единомыслия* следует позабыть о *разногласии*»[3].

Результатом обсуждения был совместно разработанный «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии». Этот проект был опубликован в 21-м номере «Искры» — последнем номере, выпущенном в Мюнхене. По основным вопросам текст проекта соответствовал программе, принятой затем на II съезде партии. При выборе центральных органов партии Аксельрод, Мартов, Потресов и Засулич попали на съезде в число меньшинства, а Ленин и его сторонники оказались в большинстве. В последующем сторонники «большинства» стали называться *большевиками*, те же, кто оказался в «меньшинстве», — *меньшевиками*. Принятие на II съезде РСДРП программы означало победу над оппортунистическими воззрениями. Борьба за демократические преобразования в России рассматри-

[1] *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 129—130.
[2] См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 342.
[3] Ленинский сборник III, с. 430.

валась программой как подготовительный этап для перехода к борьбе за осуществление социалистической революции. Решающую роль в формировании на съезде *большинства*, в особенности среди делегатов из России, сыграла работа В. И. Ленина «Что делать?».

4.

При подготовке официальной встречи организации «Искры» Ленин вместе с Кржижановским был столь же далек от абстрактного подхода к делу, как и во время первых обсуждений программы Российской рабочей партии, когда он решительно отказался от следования голым теоретическим постулатам.

Не случайно он энергично настаивал на том, чтобы и дальше идти по этому трудному и очень сложному пути конспиративной переписки, тщательно проверять информацию, подтверждать ее и передавать дальше: не действительность определяется принципами, а принципы должны соизмеряться с действительностью. Небрежное обращение с фактами, которые использовались во имя распространения идей социализма, Ленин считал в высшей степени вредным. Для изменения строя в России одних только теоретических воззрений было недостаточно. В первую очередь требовалось изучение действительного положения в стране и развитие практической политической борьбы.

Но для связи с группами в России только мюнхенских адресов явно не хватало.

С самого начала было недостаточно нюрнбергского адреса Филиппа Рёгнера. (Франтишек Модрачек в Праге имелся в виду только как звено в переписке с близкими.)

«Для передачи сообщений из России в редакцию «Искры» в период между 1900 и 1903 годами в Германии существовала целая сеть (более 50) условных адресов в Берлине, Целле, Дармштадте, Гамбурге, Гейдельберге, Карлсруэ, Кенигсберге, Митвейде, Мюнхене, Нюрнберге, Оффенбахе, Оснабрюке, Штутгарте, Веймаре и Вурцене» [1].

В большинстве случаев эти адреса служили в качестве промежуточных адресов для дальнейшей переправки почты по центральным условным адресам Мюнхена (вначале только Леман и Риттмейер, а затем Леман, Бухбиндер, Этцольд и Мария Блей).

Как правило, помощники оказывались очень надежными и почта, которую они должны были переправлять дальше, у них не залеживалась, а сразу же отправлялась по указанным адресам. Еще 10 сентября 1902 года — Ленин и Крупская были уже в лондонской эмиграции — Надежда Константиновна писала в Самару Кржижановским: «Рёгнер и Пинкау очень аккуратны и никогда не задерживают писем, письма и газеты от Вас доходят на 7-й день» [1].

Другими словами: нелегальная сеть корреспондентов, созданная под руководством доверенных людей Социал-демократической партии Германии, функционировала в течение всего периода издания ленинской «Искры» и подготовки ко II съезду Российской социал-демократической рабочей партии.

Вот сохранившиеся адреса германских социал-демократов, которые содействовали доставке почты, точно учтенные Надеждой Константиновной Крупской:

Аббе, Фридрихсхаген, Зеештрассе, 97;
Андерс, К., Берлин, Зальцведелер штрассе, 8;
Арнольд, Карл, Лейпциг-Плагвиц, Вайсенфельзер штрассе, 2;
Базель, Кристоф, Нюрнберг, Тухерштрассе, 28; Тальгассе, 9;
Бикен, Роза, Гамбург-Веддель, Вильгельмсбургер штрассе, 43;
Беч, Якоб, Штутгарт, Зенефельдерштрассе, 50b;
Блей, Мария, Мюнхен, Арцисштрассе, 19;
Блумберг, Штутгарт;
Боденбах, Гамбург, Лангер Ганг, 12—13;
д-р Борхард, Берлин-Норд-Вест, Флемингштрассе, 12;
Бухбиндер, Дитрих, Мюнхен, Шванталерштрассе, 44;
И. Г. В. Дитц, издательство, Штутгарт, Фуртбахштрассе, 12;
Дитц, Марта, Шарлоттенбург, Фритбергштрассе, 5, Гартенхауз, 11;
Дункер, Герман и *Кетэ*, Лейпциг-Голис, Вильгельмштрассе, 2;
д-р Эпштейн, Мюнхен;
Этлинг, Антон, Дармштадт, Либфраузнштрассе, 45, пивной бар;
Этцольд, Рихард, Мюнхен, Кайзерштрассе, 42; Пюндтер платц, 4; Кайзерштрассе, 33;
Фридлендер, Томашевский, Берлин, Эльдстерштрассе, 25;
Герок, Лили, Штутгарт;
Герсон, Юлиус, Берлин-Центр, Бургштрассе, 30;
Гревлинг, Георг, Шарлоттенбург, Шпреештрассе, 60;
Грунвальд, Макс, Эрфурт, Блюменштрассе, 1;
Хердель, Вильгельм, Нюрнберг, Прехтельсгассе, 2;
д-р Хорнунг, Ф., Лейпциг-Ройдниц, Жозефиненштрассе, 14, Лейпциг-Шлойсиг, Блюмнерштрассе, 25, Лейпциг-Кляйнцшохер, Антониенштрассе, 3;
Ильге, Рихард, Лейпциг-Норд, Айзенбанштрассе, 3;

[1] *Wuttke Irmtraud.* Internationale Solidarität. Zur Hilfe deutscher Sozialdemokraten für die Leninsche «Iskra»; In: Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, Heft 5/73, S. 844 ff.

[1] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 2, с. 207.

Кек, Бруно, Веймар, Бюргершульштрассе, 7;
Кон, Альберт, Берлин;
Кюль, Берлин, Нусбаумаллее, 45;
д-р мед. Леман, Карл, Мюнхен-Швабинг, Габельсбергерштрассе, 20а;
Ленгес, Генрих, Дармштадт, Либфрауэнштрассе, 37, Фурманштрассе, 12;
Линде, Герман, Кенигсберг, Типольтштрассе, 16;
Лотт, Й., Дармштадт;
Мэлер, Берлин;
Метцинг, К., Шарлоттенбург, Песталоццирштрассе, 85;
Муккер, Макс, Вурцен, Кростигаль в Саксонии;
Мюллер, Шлойсиг под Лейпцигом;
Нойбауэр, В., Дармштадт, Хайнхаймерштрассе, 50;
Петцель, Фридрих Вильгельм, Берлин, Шёнляйнштрассе, 34;
Петерсон, Берлин;
Пинкау, Карл, Лейпциг, Гогенцоллернштрассе, 13, Турнерштрассе, 11 (фотоателье);
Ребель, Мюнхен;
Риттмейер, Георг, Мюнхен, Кайзерштрассе, 53;
Ритцхауфт, Лонье, Гейдельберг, Баде Плёк, 91;
Рёгнер, Филипп, Нюрнберг, Нойе Гассе, 43;
Рёссинг, Георг, Нюрнберг, Грюбельштрассе, 50;
Рёсслер, А., Нюрнберг, Нойе Гассе, 33;
Шедлих, Хелене, Берлин О., Грюнер Вег, 107;
Шлюмбергер, Годфрид, Штутгарт;
Шнайдер, Бернхард, Берлин, Урбанштрассе, 67;
Шнайдер, Герман, Нюрнберг, Об. Вёрдштрассе, 21;
Штельманн, Целле;
Штёр, Моккау на Парте, Лейпцигер штрассе, 200;
Веман, Клара, Лейпциг-Линденау, Бисмаркштрассе, 40;
Вольтер, А., Берлин;
Берлин:
Цеткин, Клара, Штутгарт, Блюменштрассе, 34;
Цундель, Фриц, Штутгарт, Блюменштрассе, 37,
Риксдорф под Берлином, Бергштрассе, 4[1].

Очевидно, что конспирация русских социал-демократов распространялась и на немецких товарищей: например, в конце весны 1903 года имел место запрос королевского полицейского управления Мюнхена городскому магистрату Нюрнберга; он касался трех условных адресов «Искры» в Нюрнберге: *Базель, Рёгнер* и *Шнайдер*. Нюрнбергские помощники «Искры» — Рёссинг и Рёсслер — в запросе не упоминались. Ответ магистрата в отношении запрашиваемых лиц был маловразумительным: список фамилий, приложенный к посланию в королевское полицейское управление Мюнхена, содержал лишь данные о русских подданных, а не имена нюрнбергских социал-демократов, проявивших солидарность с борьбой русских товарищей.

«Королевское полицейское управление Мюнхена.

Мюнхен, 26 мая 1903 года.

Правлению городского магистрата Нюрнберга.

Строго доверительно, секретно.

Относительно: анархистское движение.

До имперского полицейского управления дошли сведения, что нижеперечисленные лица в Нюрнберге, а именно:

1. Филипп Рёгнер, торговец сигарами, Нойе Гассе или Нойе штрассе, 44.

2. Кристоф Базель, Тальгассе, 9/I, внизу.

3. Герман Шнайдер, Ворштрассе, 21/II, якобы ведут важную революционную переписку. Предполагается, что вышеупомянутые лица поддерживают, вероятно, связь с русскими революционерами, *для которых они получают письма на свои фамилии*.

Я был бы очень благодарен Вашему высокоблагородию за любезное сообщение о том, живут ли или останавливаются ли временно у указанных лиц русские, а также, поддерживают ли они с русскими контакты. Я был бы также весьма благодарен за любезную пересылку списка русских, проживающих в настоящее время в Нюрнберге. В список было бы желательно внести только лишь имена и фамилии, место рождения, а также их нынешние адреса в Нюрнберге.

Собрать требуемые сведения, а также работу по установлению указанных лиц я попрошу поручить особенно проверенным чиновникам и обязательно довести до их сведения, что это дело носит чрезвычайно доверительный характер.

Подпись.

Нюрнберг, 5 июня 1903 года.

1. Королевскому полицейскому управлению Мюнхена.

Строго доверительно.

Относительно: анархистское движение. С одним приложением.

В ответ на запрос от 26 прошлого месяца относительно № 42383/VI имею честь преданнейше ответить, что Базель, Рёгнер и Шнайдер уже в течение многих лет принимают здесь самое активное участие в социал-демократической агитации. Они являются квалифицированными металлистами, принадлежат также в качестве членов к германскому союзу металлистов, но больше не работают по своей профессии, получив, вследствие своей партийной деятельности, ответственные посты. Шнайдер является рабочим секретарем, Базель и Рёгнер — председателями больничных касс.

---

[1] *Wuttke Irmtraud.* Internationale Solidarität. Zur Hilfe deutscher Sozialdemokraten für die Leninsche «Iskra». In: Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, Heft 5/73, S. 848 f.

Насколько это могло быть установленным, русские у них не живут. Таковые у них и не жили. Их связь с русскими также не может быть доказана. Их нынешние посты влекут за собой оживленную переписку, которая, однако, не может быть проконтролирована; почта отклоняет содействие со ссылкой на тайну переписки, а здешний первый прокурор, к которому мы обратились, ничего не хочет делать, не имея более точных отправных пунктов. Поэтому было бы целесообразно сделать сообщение о том, на чем основывается выраженное подозрение. Список живущих здесь русских следует на обороте.

Подпись»[1].

5.

«Социалистическая почта» (В. И. Ленин) искровской организации состояла к концу 1901 года из сети сотрудников различных национальностей, которые действовали почти во всех западноевропейских странах, имея задание регулярно доставлять в Россию газеты, листовки и другие печатные материалы.

Главные пути транспортировки «Искры» проходили через Галицию, Пруссию, Персию и Марсельский порт. Первая действующая связь шла через прусско-русскую границу в Вильно; в 1904 году она оказалась в центре Кенигсбергского судебного процесса. Вторая успешно действовавшая связь проходила через Вену — Тавриз — Баку. Это был самый затяжной, но и самый надежный путь. Связь через Кавказ шла успешно также и морским путем: материалы «Искры» переправлялись на французских пароходах из Марселя в Батум.

На Кавказе были созданы специальные тайные склады для доставляемой сюда литературы, которая затем распространялась дальше — вдоль Волги, до Урала. Из Вильно литература шла в Петербург и Москву. В 1901—1902 годах вместе с усилением рабочего движения в России и ростом рядов борцов росло и значение «Искры». Рабочий Бабушкин, которому В. И. Ленин был благодарен за многие ценные инициативы и к которому он питал самые дружеские чувства еще со времени нелегальной политической деятельности в петербургском «Союзе борьбы», писал в Мюнхен ранее 8 июля 1901 года следующие строки:

«Относительно «Искры», то в Иваново-Вознесенске она нравится лучше рабочей массе, но все признают, что изложение в «Искре» труднее, чем в «Рабочей Мысли», из статей никто не мог указать, которая лучше, а говорят, вся хороша...

Можно сказать, в литературе сильная голодовка повсюду...»[2]

[1] Stadtarchiv Nürnberg, HR 2873.

[2] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 158.

Транспортные пути для политической литературы шли также через Швецию и Финляндию, через Болгарию и Румынию. Но главным складом для нелегальных перевозок в мюнхенский период «Искры» был все же Берлин. Отпечатанные в Мюнхене и Штутгарте материалы искровского издательства помещались сначала на складах «Форвертса»[1].

За беспрепятственное осуществление перевозок внутри Германского рейха ответственность несли тщательно отобранные доверенные люди социал-демократической партии.

Методы, которые при этом применялись, показали свою надежность еще во времена исключительных законов против социалистов при тайном провозе «Социал-демократа», социалистических брошюр и листовок из Швейцарии в Германию.

Более точные данные о транспортировке и нелегальном провозе «Искры» немецкими социал-демократами, чем те сведения, которые были даны суду в Кенигсберге, нам неизвестны.

В 1901 году в издательстве Дитца работал Иозеф Белли, который оказал большую помощь в издании «Зари» и «Искры».

Иозеф Белли был и правой рукой мастера «Красной полевой почты» Юлиуса Моттелера — руководителя службы безопасности германской рабочей партии в борьбе против полицейского аппарата во времена Бисмарка. (Между прочим, именно Август Бебель сумел для этой ответственной работы заполучить Юлиуса Моттелера, в прошлом торговца сукном в Нимфенбурге под Мюнхеном.)[2]

Опыт в нелегальном провозе польской и русской литературы Иозеф Белли, считавшийся «самым ловким в «Красной полевой почте», накопил еще в 80-е годы[3]. Немецкие социалисты одновременно с нелегальными использовали, насколько это было возможно, и легальные пути для доставки нелегального материала на место назначения. Для переписки Моттелер разработал также систему шифровки — тайнопись[4]. В целях увеличения выпуска отдельных номеров «Социал-демократа» осуществлялась пересылка матриц, с помощью которых в нелегальных типографиях Штутгарта, Нюрнберга, Альтенбурга, Гамбурга, Кёльна можно было печатать газеты[5].

Причиной успеха «Красной полевой почты» была бесперебойная, систематическая, повседневная работа, обеспечивавшая безопасность, а также система доверенных лиц, умев-

[1] См. с. 255 данной книги.

[2] *Bebel August.* Aus meinem Leben, a.a.O., S. 685.

[3] *Fricke Dieter.* Bismarcks Praetorianer, a.a.O., S. 136.

[4] Ebenda, S. 78 f, 88.

[5] *Engelberg Ernst.* Revolutionäre Politik und Rote Feldpost... a.a.O., S. 183.

ших соединять нелегальные и легальные методы борьбы. В *«Отчете итальянским товарищам о революционной антизаговорщической тактике и роли «Социал-демократа» и «Красной полевой почты»* Юлиус Моттелер изложил подробно методы работы, которые были разработаны и применялись революционными германскими социал-демократами против аппарата преследования и насилия. Моттелер составил этот отчет в 1895 году, находясь в эмиграции в Лондоне. Там он жил до самой смерти. Приказ об аресте Моттелера не был отменен.

«Нужно стараться учиться у врага. Друзьям в этом отношении будет легче. Поэтому я прилагаю к обеим брошюрам эти весьма обстоятельные описания, касающиеся их авторов и их происхождения. В заключение нелишним было бы добавить кое-что о тогдашней ситуации и понимании наших задач:

Германский закон против социалистов от октября 1878 года был шахматным ходом Бисмарка, направленным на спасение своей политики, зашедшей в то время в полный тупик, и сохранение за собой власти. Период грюндерства с его набегами юнкеров и капиталистов, принесшими им богатую добычу, имел свои печальные последствия: речь шла о поспешной дипломатической смене декораций — от свободной торговли к покровительственным пошлинам, чтобы и дальше быстро и неослабно удовлетворять аппетит подопечных Бисмарка, нашего выращивателя миллионеров. Политические мотивы экономического маневрирования Бисмарка известны. Он хотел «зажать» единственную жизнеспособную партию, чья критика и агитация в массах стали с некоторых пор весьма неудобными для его политики и чье мировоззрение, социальные и политические принципы уже неоднократно получали «опасное для государства и общества» выражение. Он использовал покушения для доказательства своей «незаменимости» у кормила государственной власти.

Жизнедеятельность германской социал-демократии заключалась в свободном распространении ее учений и принципов. Если она будет парализована, то германское рабочее движение лишится, таким образом, руководства, что обеспечит капиталистическому обществу полную свободу для новых разбойничьих набегов на немецкий народ. Его сопротивляемость должна была быть нейтрализована, а затем окончательно сломлена. Действие всеобщего избирательного права должно было стать для народа иллюзорным и в дальнейшем должно было приносить пользу только имущим и господствующим и т. д., и т. д. ...

Вследствие постоянного роста партии и ее агитации в Германии вся наша сила и внимание должны были концентрироваться на том, чтобы партийный орган, отвечая требованиям борьбы, быстро и надежно доставлялся подписчикам в Германии. Это осуществлялось двумя методами:

1. Письмами по почте.

Для этого газетная бумага должна была быть не тяжелее $8-8\frac{1}{2}$ грамма на один экземпляр «Социал-демократа». Бумага должна была быть достаточно плотной, чтобы при печати краска не пробивалась на оборотную сторону листа. Почтовые конверты должны были быть плотными, легкими, разнообразными по форме и цвету, чтобы письма, отправляемые каждые 8 дней, не вызывали подозрений.

Вес одного номера «Социал-демократа» вместе с конвертом не должен был превышать 15 граммов, т. е. веса, допускавшегося почтой для простого письма. Средний вес наших писем составлял 14 граммов. Для конвертов использовалась бумага семи цветов. Для каждого цвета было семь форм, так что абонент попеременно получал конверты различной формы и с адресами, написанными разными почерками. Все газетные листы были очень точно сложены по величине конверта, затем сильно спрессованы и лишь потом вложены в конверты. Каждую неделю перед отправкой таких писем все адреса сверялись со списком абонентов. Изложенный здесь способ пересылки мы называли *«Пересылкой писем»*. Она подразделялась на две категории:

а) прямая пересылка;

б) косвенная.

а) *Прямая пересылка писем*

ставила своей целью ускоренную доставку газеты нашим друзьям и передовым борцам в Германии. (Цена квартального абонемента за экземпляр: 4 марки 30 пфеннигов.)

Так как индивидуальное абонирование было ненаказуемым делом, то многие получали свою так называемую «прямую газету» по личному адресу; те же товарищи, за которыми был установлен надзор, получали газету на «условный адрес». «Прямые газеты» опускались в почтовые ящики в Швейцарии, и если того требовали особые обстоятельства, то не из Цюриха, откуда отправлялось *большинство* газет. На каждого прямого подписчика запрашивалась из Германии рекомендация, если он не присылал ее нам сам или был нам неизвестен.

Таким образом, с самого начала были связаны между собой

«служба безопасности»

и *«служба полевой почты»*. Полицейские абоненты, неизвестные нам лица, люди, не являвшиеся членами партии, редакторы газет враждебного нам направления, журналисты, писатели с неудовлетворительной рекомендацией получали постоянно свои письма в конвертах одного и того же цвета и формы,

адреса на которых всегда писались одним и тем же человеком. Эти конверты всегда опускались в почтовые ящики одного и того же почтового отделения. Таким образом могли быть установлены предполагаемые полицейские доносчики и им подобные и на них могло быть обращено внимание наших друзей в Германии.

б) *Косвенная пересылка писем.*

(Цена квартального абонемента за экземпляр: 3 марки)

была организована для тех товарищей, которые жили вне определенных центров сообщения или слишком далеко от них.

В таких случаях письма доставлялись в Германию так называемыми «экспрессфельдъегерями» через ближайшие границы. До этого на письма наклеивались немецкие марки, а уже затем они опускались в Германии. Однако позже, по соображениям большей безопасности, уже на немецкой территории они отправлялись дальше в глубь страны как посылка. Там на них наклеивались марки и они опускались в почтовые ящики. Поначалу мы попытались организовать наше собственное почтовое отделение в средней части Южной Германии, отправив туда наши списки с адресами абонентов. Разложенные по конвертам газеты без адресов иногда доставлялись на наше отделение как посылки «с той стороны» (из Германии). Однако через полгода мы от этого отказались. Частая смена почтовых адресов затрудняла и осложняла работу в Цюрихе и вне его, а возвращавшиеся недоставленные письма (вследствие частой смены местожительства рабочими-абонентами) подвергали наше отделение слишком большой опасности, хотя письма опускались не на месте адресата, а на расстоянии трех часов езды, в промышленных районах, а также иногда опускались в ящик почтового вагона. Это привело — принимая во внимание и расходы — к совершенствованию нашей системы и к соединению косвенной пересылки писем с нашей так называемой двойной пересылкой писем.— Так возникла

«пересылка полевой почтой».

Каждые 10—12 экземпляров «Социал-демократа» отправлялись письмом с двойной франкировкой[1], вес которого не должен был превышать 250 граммов. В конвертах, по возможности, различной формы и цвета газеты тщательно фальцевались, прессовались (чаще всего по 12 часов) и заворачивались в дешевую тонкую хлопчатобумажную ткань, которая туго и гладко натягивалась и скреплялась затем мягким сургучом «Типсен». Все это вкладывалось в бумажный конверт собственного изготовления, как для бандероли, основательно и *чисто* запечатывалось. Подобного рода письма не имели адресов. В углу на них делались только карандашные пометки (цифра или буква). Эти письма, с двойной франкировкой в среднем по 35—45 штук, вместе с «непрямыми письмами» «транзировались», как мы между собой говорили, в Германию так называемыми «фельдъегерями» вместе с почтой, предназначавшейся для тех мест, куда направлялись письма нашей «полевой почты». Затем все это вместе уже по ту сторону от нашего так называемого «пункта укрытия» хорошо упаковывалось, согласно требованиям германской почты, франкировалось и, как бандероль, передавалось в руки имперской почты. Простые письма прилагались уже с написанными адресами, адреса для писем с двойной франкировкой заранее сообщались в Германию в письмах «химическим способом» нашему перевалочному пункту, где и производились написание адресов и почтовая оплата этих писем. Там же письма опускались в почтовый ящик. Расходы, связанные с почтовой оплатой, входили в стоимость абонемента наших «пунктов полевой почты» и т. д. Первоначально указания по ведению работы передавались частично в письмах, частично проинструктированными нами «экспрессфельдъегерями», которых мы туда посылали, и в конце концов — с расширением сети наших пунктов полевой почты — возникала возможность их передачи из одной местности в другую.

2. *Наши фрахтовые отправления.*

Массовая доставка «Социал-демократа» и наших печатных материалов осуществлялась всевозможными способами, однако со строгим учетом методов упаковки, применяемых в большом деловом мире.

Перевозку через границы мы называли *«транзитом».*

Доставка до границы осуществлялась при строжайшем соблюдении всех мер предосторожности в отношении как упаковки, так и передачи почты для отправки ее по железной дороге или еще как-нибудь. У нас был собственный посыльный — носильщик, исполнявший все поручения, связанные с нашей работой. Груз забирался в определенные дни и часы, за исключением особых случаев. Одним из наших наиболее распространенных способов транспортировки из Цюриха была сдача наших чемоданов, ящичков, дорожных корзин, девичьих сундуков, товарных тюков в упаковочной ткани или картоне и т. д. в багаж поездов, которые ходили наиболее часто в тот или иной сезон. Наш «посыльный» и сопровождавший его товарищ сдавали «багаж» и получали квитанцию. Товарищ, сопровождавший груз до железной дороги, был человеком из нашей экспедиции. Он имел при себе уведомительное письмо, в котором указывались приметы, состояние и содержание багажа. Оно направлялось по адресу того «начальника транзита», который должен был

[1] Франкировать — оплачивать почтовые расходы марками.— *Прим. перев.*

получать багаж в месте назначения и «укрыть» его. Багажная квитанция вкладывалась в письмо, которое тут же заклеивалось и опускалось в ящик почтового вагона поезда (чаще всего скорого). До этого багаж на глазах мнимого пассажира отправлялся в багажный вагон. Самое большее через 3—4 часа письмо и багажная квитанция были в руках адресата. Получение багажа происходило как можно быстрее, равно как и устройство всего необходимого для «транзита».

Большие по объему почтовые отправления отсылались человеку, ведавшему «транзитом», лишь изредка. Доставка на «пункт укрытия» осуществлялась, по возможности, кружными путями. Например, мы адресовали какое-нибудь почтовое отправление во Фрауэнфельд (к северу от Цюриха) и устраивали так, что оно тотчас же перевозилось на ручной тележке (несколько часов пути) на запад Швейцарии, в швейцарский «пункт укрытия», чтобы замести следы. В зависимости от размеров груза устанавливалась оплата нашим «добровольцам» (т. е. членам партии) или надежным помощникам. *Им* возмещались заработная плата, соответствующая затраченному времени, и непредвиденные расходы при условии предъявления счета нашим товарищем, занимавшимся «транзитом», и сдачи дубликатов накладных (или соответствующих им документов), получаемых в Германии при пересылке. После успешно осуществленного *«транзита»* бандероли только в редких случаях направлялись с запада или юга (юго-востока Германии и т. д.) прямо на север или северо-восток и т. п. В зависимости от очередности и расположения германских *главных пунктов полевой почты,* которых в нашем распоряжении было в среднем 10—12, мы направляли посылки, предназначенные для северных районов Германии, в пункты, расположенные на юге или в центре страны. Туда направлялись большие по объему поставки газет и других печатных материалов, которые по прибытии на место изымались нашими товарищами из соответствующих партий груза.

Оставшиеся после этого так называемые «приложенные пакеты» тотчас же приводились в соответствие с почтовыми требованиями и на основании наших подробных инструкций отправлялись дальше на три или четыре промежуточных пункта. Чаще всего и эти почтовые отправления содержали приложения для других мест: меньшие по объему газеты или другие печатные материалы в форме небольших пакетов или писем с двойной франкировкой и т. д. Таким образом, примерно из 36—48 «промежуточных пунктов» мы попеременно отсылали нашу корреспонденцию в другие «пункты назначения», которых у нас было до 180 и которые, исходя из обстоятельств, также попеременно оказывали помощь «полевой почте» и наряду с распространением материалов на месте должны были снабжать ими и своих соседей»[1].

Владимир Ильич Ленин не копировал ни теорию предшествовавших образцов, ни практический революционный опыт других партий, не проверив, что из этого может получиться полезного для русского рабочего движения:

«История социализма и демократии в Западной Европе, история русского революционного движения, опыт нашего рабочего движения,— таков тот *материал,* которым мы должны овладеть, чтобы выработать целесообразную организацию и тактику нашей партии. «Обработка» этого материала должна быть однако самостоятельная, ибо готовых образцов нам искать негде...»[2]

Между тем активная поддержка, которую революционные немецкие социал-демократы оказывали организации «Искры», осуществлялась на основе опыта борьбы, в которой старые методы «Красной полевой почты» и новой ленинской «Социалистической почты» — в легальной и нелегальной областях — были очень тесно переплетены.

Это касалось как людей, так и методов, и принципов их работы. Те же Адольф Браун, Иозеф Белли, Карл Леман, Клара Цеткин и Максимус Эрнст и, пожалуй, большинство немецких товарищей — помощников «Искры» — прошли школу Юлиуса Моттелера и рассматривали помощь русским товарищам как свой непременный личный и интернациональный долг солидарности.

6.

Ленинская «Искра» выходила с декабря 1900 года до ноября 1903 года. За этот промежуток времени был выпущен 51 номер. Тираж одного номера колебался между 6 и 8 тыс. экземпляров. Отдельные номера газеты и ряд статей перепечатывались в России в нелегальных типографиях. В отдельных случаях тираж «Искры», с учетом перепечатанных в России номеров, составлял от 30 до 35 тыс. экземпляров.

Редакция «Искры» обеспечила выпуск также четырех номеров легального журнала «Заря», которые вышли в период между апрелем 1901 года и августом 1902 года. Кроме того, «Искра» издала 56 книг, брошюр и прокламаций[3].

Хотя статус ответственного редактора не был установлен — по договоренности в коллективе каждый издатель при планировании и

---

[1] *Engelberg Ernst.* Revolutionäre Politik und Rote Feldpost... a.a.O., S. 250, 258—263.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 189—190.

[3] См.: Ленинская «Искра», с. 34.

Мюнхен. Почтамт у Главного вокзала. Отсюда обходными путями «Искра» доставлялась в Россию

оформлении журнала пользовался равными правами,— на практике, однако, оказалось, что Владимир Ильич Ленин должен был фактически взять на себя ответственность главного редактора и одновременно заботиться о значительной части технического руководства делом. Превращению редакции в эффективный политический и журналистский центр газеты и всей организации способствовала Надежда Константиновна Крупская.

Наряду с книгой «Что делать?», вышедшей в издательстве Дитца, В. И. Ленин написал для газеты и журнала свыше 60 статей и произведений, в которых рассматривались теоретические и практические проблемы рабочего и освободительного движения. № 1 «Искры» был отпечатан в типографии Германа Рау 24 декабря 1900 года в Лейпциге-Пробстхайде.

№ 2 «Искры» был выпущен уже в типографии издательства Максимуса Эрнста в Мюнхене. Всего в типографии Эрнста вышло 20 номеров «Искры». Согласно этому, последним отпечатанным там номером «Искры» был номер 21, датированный июнем 1902 года.

К этому времени В. И. Ленин и Н. К. Крупская уже присматривали в Лондоне новую типографию; перед своим отъездом они попросили В. В. Кожевникову, находившуюся в Мюнхене с зимы 1901 года, проследить за отпечаткой последних номеров на Зенефельдштрассе, 4. «Владимир Ильич,— вспоминала В. В. Кожевникова,— поручил мне издать в Мюнхене несколько номеров «Искры», чтобы не было перерыва в выходе номеров, пока не организует типографию в Лондоне. Для этой работы я была в Мюнхене оставлена одна... Работы было много...»[1]

Формат «Искры», как об этом говорил сам

[1] *Кожевникова В. В.* В годы старой «Искры» (1901—1902 гг.).— Пролетарская революция, 1924, № 3(26), с. 136.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИСКРѢ № 22.

газетное извѣстіе:

Приложение к «Искре» № 22

Ленин, был таким же, как формат «Форвертса»: три столбца текста на полосе, примерно 6 тыс. печатных знаков в столбце и в среднем 8 страниц на один номер. В соответствии с этим в одном номере «Искры» могли быть размещены тексты в объеме около 80 машинописных страниц (при 60 знаках в строке). Номера «Искры» состояли исключительно из колонок текста, отпечатанного сравнительно мелким шрифтом, так что в отдельных случаях могло быть набрано и до 90 машинописных страниц.

В некоторых номерах помещались иллюстрации или карикатуры.

Начиная с третьего номера (апрель 1901 года), «Искра» выходила один раз в месяц; с ноября в среднем два раза в месяц с указанием точной даты (№ 12—6 декабря 1901 года; № 13—20 декабря 1901 года и т. д.). В номере 12 сообщалось, что газета будет выходить два раза в месяц. В среднем каждый из этих номеров состоял от 6 до 8 страниц. *Бумага*, на которой печаталась «Искра», *была достаточно плотная, так что печать не проходила на другую сторону*. Во всяком случае, речь шла о высококачественной тонкой печатной бумаге, соответствовавшей требованиям нелегальной транспортировки (например, в чемоданах с двойным дном).

Большую редкость в собрании рукописей Баварской государственной библиотеки в Мюнхене представляет собой собрание номеров «Искры», выпущенных между 1901/02 и 1904 годами. В этом собрании, экземпляры которого находятся в относительно хорошем состоянии, представлены все номера «Искры», за исключением отпечатанного в Лейпциге № 1. Документы, касающиеся заказа библиотекой номеров «Искры», вошедших в данное собрание, отсутствуют.

Текст штемпеля на первой странице многих номеров газеты хорошо и четко отпечатан: «Экспедиция «Искры» для заграницы, Аксельрод, Цюрих, IV».

Это собрание всех номеров «Искры»—как ленинских, так и более поздних, меньшевистских выпусков—попало в фонды Баварской государственной библиотеки только с № 2 (февраль 1901 года).

Какими бы ни были обстоятельства и причины возникновения этого собрания, важно одно: в нем есть иллюстрированные приложения к «Искре», которых нет в изданном в 1970 году в Софии сборнике «Искра» № 1—51, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина[1].

Указанное болгарское издание было отпечатано фотомеханическим способом по оригиналам ленинской «Искры», хранящимся в Институте истории Болгарской коммунистической партии. Собрание номеров «Искры», с которых в Болгарии были сделаны репродукции и которые отпечатаны на высококачественной тонкой газетной бумаге, содержит только лишь два иллюстрированных приложения к «Искре» (номерам 22 и 31). Отсутствуют же иллюстрированные приложения к «Искре», содержащиеся в собрании Баварской государственной библиотеки: приложение к № 8 за сентябрь 1901 года—иллюстрированное приложение «В погоне за миллионами», «Видение в старом королевском замке (Неприятное приключение)»; приложение к № 18 от 10 марта 1902 года—«Прием провокаторов и шпионов у царя». На рисунке стоит фирменный знак «Т», а иллюстрации к номерам 18 и 31 подписаны фамилией «Гайд». Сравнение с карикатурами Т. Т. Гейне—автора рисунков, ставших предметом обсуждения на Кенигсбергском процессе,—показали, что фирменный знак «Т» не принадлежал Гейне. Кто скрывался за именем «Гайд», установить также не удалось. Все карикатуры, однако, соответствуют тому стилю, который был очень распространен среди крупных мюнхенских художников—и в «Симплициссимусе» и в «Зюд-Дойчер Постильон».

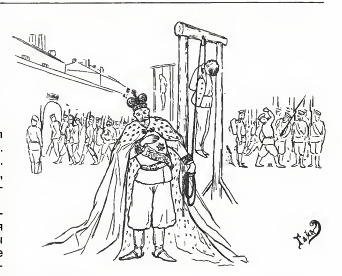
7.

«Мы вспоминали однажды с Владимиром Ильичем одно сравнение, приведенное где-то Л. Толстым: идет он и видит издали—сидит человек на корточках и машет как-то нелепо

---

[1] Iskra, № 1—51, Sofia, 1970.

Приложение к «Искре»



Сердечное попечение об учащейся молодежи.

Высочайший рескрипт на имя Зенгера: «Родительскому сердцу Моему было отрадно узнать, что значительное большинство студентов в конце нынешнего учебного года в самостоятельном сознании своего долга вернулось к учебным занятиям и порядку...»

руками; он подумал — сумасшедший, подошел ближе, видит — человек нож о тротуар точит. Так бывает и с теоретическими спорами. Слушать со стороны: зря люди препираются, вникнуть в суть — дело касается самого существенного»[1].

Образ толстовского точильщика ножа, который Надежда Константиновна привела для того, чтобы охарактеризовать острые споры по партийной программе РСДРП, в принципе подходил также и к работе редакторов «Искры» в Мюнхене: в своем чувстве ответственности перед читателями редакторы «Искры» не отделяли профессиональную этику журналиста от сознания политика.

Для практикуемой в рамках буржуазного общественного строя лицемерной морали, как это неоднократно подчеркивал Ленин, было характерно противоречие между словом и делом. Буржуазная пресса в конце концов извлекала выгоду именно из этих противоречий и способствовала тому, чтобы ложь и лицемерие стали доминирующими на ее страницах. В. И. Ленин, посвятивший всего себя интересам рабочего класса, ненавидел прежде всего ту журналистику, которая извлекала пользу из человеческих слабостей.

Вести борьбу словом так, чтобы побудить людей делом выразить их потребности и обязательства, было девизом, объединяющим всех редакторов ленинской «Искры». И тем понятнее становится поэтому острота слова и горячность, сопутствовавшие спорам о характере содержания «Искры».

«Мне, — вспоминает Н. К. Крупская, — приходилось наблюдать работу редакции «Искры». Я помню, как всесторонне обсуждалась каждая тема. Я помню длинные разговоры, обмен мнений между Плехановым и Лениным о том, какие темы выбрать. Даже расположение тем подвергалось оживленному обсуждению — какую тему поставить впереди, какую отодвинуть на конец. И редакция «Искры», когда она собиралась вместе (или по переписке), тщательным образом обсуждала каждую тему — ее коммунистический удельный вес»[2].

В полном составе редакция «Искры» почти не собиралась. Большая часть вопросов, подлежавших согласованию с Аксельродом и Плехановым, жившими в Швейцарии, решалась перепиской.

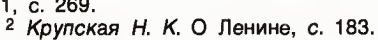
Для собраний в Мюнхене, большинство которых приходится на период с января по май 1901 года, члены редакционной коллегии часто использовали кафе «Норис» на Леопольдштрассе, 41. То, что местом встречи было кафе, объясняется отсутствием других помещений: квартира на Зигфридштрассе, 14, была снята только лишь в мае 1901 года, а комнаты Ленина, Мартова, Засулич и Аксельрода были для таких собраний слишком малы и для жильцов, которые не хотели обращать на себя внимания, это было рискованным.

Правда, и собрания в кафе не были лишены риска, если учесть, с какой горячностью и основательностью вели редакторы свои дебаты — в центре Швабинга, где русские хотя и не привлекали к себе внимание, тем не менее пребывание в этом кафе, которое посещали и русские студенты, могло все же стать опасным, поскольку немецкие и русские шпики обращали на них особое внимание.

Не исключено, что опасения Аксельрода (в конце мая 1901 года) относительно безопасности «мюнхенской компании» были связаны с заседаниями редакции в кафе «Норис».

Во всяком случае, большинство последующих заседаний редакции проводилось на квартире на Зигфридштрассе. Сестра Мартова Лидия описывала эти встречи весьма наглядно:

«В одной из комнат бедно обставленной квартиры помещался «редакционный комитет» и «секретариат» «Искры». Эта комната служила также и приемной. «Другая комната», как мы ее называли, была жилой комнатой Лени-



[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 269.

[2] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 183.

Задний двор дома на Леопольдштрассе, 41. Вход в кафе «Норис» (лестница справа) был с Леопольдштрассе. Сейчас здесь магазин — Супермаркет.

на. Там он и работал за обычным столом. Люди избегали заходить в эту комнату, разве что во время «заседаний», когда кто-нибудь хотел удалиться для «частного обсуждения». Но даже и тогда к столу Владимира Ильича ни при каких обстоятельствах никто не прикасался. Он был безусловным «табу». Однако в первой комнате можно было чувствовать себя как дома. Здесь осуществлялась вся работа, здесь происходили все беседы, разве что к чаю Крупская приглашала на кухню» [1].

Несмотря на то что выбор тем и их важность для газеты Ленин считал решающим, это ни в коей мере не означало, что он был равнодушен к вопросам оформления газеты. Более того, небрежное отношение к языку и стилю он считал политически вредным, настойчиво выступал против того, чтобы рабочая пресса «должна была бы понизиться к уровню массы своих читателей» [2]. Напротив, Ленин считал, что газета должна поднимать их уровень.

Особое внимание Ленин уделял привлечению к работе рабочих корреспондентов. Еще до отъезда в эмиграцию он просил рабочего-металлиста Бабушкина привлекать рабочих для сотрудничества в «Искре». Н. К. Крупская, имевшая по этой части опыт, накопленный еще в Петербурге, писала: «Помню, как радовался Владимир Ильич каждой рабочей корреспонденции. Его радость разделяла вся мюнхенская часть редакции, т. е. Мартов и Вера Ивановна Засулич. Рабочие корреспонденции читались и перечитывались. Обычно они писались на том своеобразном языке, которым говорил тогда передовой слой рабочих. В их языке была масса новых слов и терминов, но употреблялись они часто со своеобразными оттенками, часто неправильными, в неправильных сочетаниях. Надо было править эти рабочие корреспонденции. Владимир Ильич очень заботливо относился к этому делу. Он

[1] *Bäumler Ernst*. Verschwörung in Schwabing, a.a.O., S. 149 f.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 269.

очень заботился, чтобы сохранен был дух, стиль, своеобразие корреспонденций, чтобы они не обесцвечивались, не обынтеллигенчивались чересчур, сохраняли свое лицо. Эта работа в значительной степени падала и на меня, так как у меня был уже некоторый опыт по правке сочинений рабочих, приобретенный в вечерней воскресной школе в Питере за Невской заставой, где я работала пять лет» [1].

Несмотря на то что рабочие корреспонденции вызывали у В. И. Ленина большой интерес и радость, он, однако, никогда не был склонен к тому, чтобы без разбора заполнять ими все столбцы «Искры».

При подготовке первого номера он писал 10 октября 1900 года Павлу Аксельроду:

«Для газеты материала корреспондентского уже много,— жаль только, что преобладает узкорабочий, стачки да стачки, да описание положения рабочих. Ничего по внутренним вопросам вообще» [2].

Газет, которые ограничивались изображением жизни рабочих, сообщая исключительно о забастовках и борьбе за повышение заработной платы, имелось уже достаточно; в первую очередь это были органы печати «экономистов». «Искра» боролась против этого «экономизма», и ей удалось также устранить влияние бернштейнианства в русской социал-демократии, так как «Искра», обращаясь к рабочим, выдвинула как общерусская политическая газета требование: вести борьбу рабочего класса с целью освобождения всего народа, руководствуясь при этом марксистским учением, что это освобождение требовало от рабочего движения каждой страны высочайших национальных и интернациональных обязательств.

Ленинская «Искра» положила начало журналистике, которая продолжила великие традиции революционно-демократической русской печати, «Колокола» Александра Герцена и «Современника» Николая Чернышевского (основанного Александром Пушкиным).

Ленин опирался также на классические образцы рабочей печати XIX столетия — «Новую Рейнскую газету» Карла Маркса и Фридриха Энгельса, «Социал-демократ» Августа Бебеля и Вильгельма Либкнехта.

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 190—191.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 47.

Приложение к «Искре»
№ 18

Эта журналистика соединяла в себе научность аргументации, универсальность тематики и точность формулировок с оптимистическим взглядом на историю, в которой люди путем борьбы за освобождение от эксплуатации, невежества, политического и морального унижения достигают своего полного самовыражения.

8.

Статьи, опубликованные в «Искре», явились вкладом в теорию марксизма-ленинизма. Например, № 4 «Искры» открывался статьей В. И. Ленина «С чего начать?», основные мысли которой были затем использованы и развиты им при написании книги «Что делать?».

Обширные статьи и приложения к «Искре» предлагали читателю материал для изучения истории, экономики и общества.

Разумеется, большую часть публиковавшихся в «Искре» материалов составляли политические сообщения, репортажи, передовые статьи, фельетоны, иронические реплики и письма читателей.

Место для обширных научных анализов предоставлял журнал «Заря». В № 2—3 «Зари» Ленин опубликовал статью «Гонители земства и Аннибалы либерализма», а также первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»; в четвертом номере журнала «Заря» он опубликовал статью «Аграрная программа русской социал-демократии».

Под статьями легально выходившей «Зари» всегда стояла фамилия автора — Владимир Ульянов использовал для этого свой псевдоним Н. Ленин или инициалы; статьи в «Искре», за очень немногими исключениями, не подписывались.

Такое исключение составляет, пожалуй, статья Веры Засулич в № 3 «Искры» (апрель 1901 года) «По поводу современных событий».

Вера Засулич писала о студенческих волнениях, которые начались в феврале 1899 года и которым не было видно конца. Тогда бастовали 25 тыс. студентов высших учебных заведений России — треть из них только в Петербурге. Их требования: свобода мнений, неприкосновенность личности, свобода студенческих объединений. Император Николай II поручил одному из генералов восстановить порядок.

Генерал предписал отдать бастующих студентов в солдаты. Но ни царь, ни его генерал не смогли навести порядок: на рубеже веков по России прокатилась волна террористических актов. Ответом на каждое покушение становилось дальнейшее расширение военных и полицейских мер. В такой ситуации обращение бывшей террористки Веры Засулич в «Искре» прозвучало как призыв к благоразумию революционных студентов: «Двадцать с лишком лет тому назад,— писала Вера Засулич,— террор зародился на почве безнадежности разбудить крестьян. Для многих из террористов он был лишь оружием отчаяния, заставляющего отдавать жизнь за то только, чтобы, по выражению Степняка, заставить корчиться удава, сдавливающего своими петлями тело России.

В настоящий момент русским людям, желающим свободы, нет никаких причин отчаиваться. Нужно только, чтобы все сторонники свободы, все враги нагайки поняли, что на этот раз победа возможна, если все они примут в борьбе то или иное посильное участие, что нечестно и бессердечно смотреть на борьбу сложа руки, что — с ними или без них — она пойдет своим чередом — к победе, если все захотят ей содействовать,— к новым «восьмидесятым годам», к новому (временному, конечно) торжеству спокойствия, царствовавшему на Шипке, если общая задача будет свалена на плечи одного отборного передового отряда»[1].

Ленинская формула революционной борьбы была простой и ясной: «Студент шел на помощь рабочему,— рабочий должен прийти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство»[2].

---

[1] Искра № 3, 1901, апрель.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 395.

9.

Читателю, который хочет познать историю в живом, доступном и в то же время неупрощенном изображении, ленинская «Искра», вплоть до сегодняшнего дня, представляет захватывающую возможность изучения борьбы и идеологических схваток в России конца XIX— начала XX века. Обилие фактов и широта тематики не нагромождались здесь друг на друга и не предлагались читателю в виде суммы случайностей. Последовательность и расстановка акцентов, связь с историческим развитием и анализ национального материала как составной части интернациональных тенденций сделали «Искру» зеркалом нашей эпохи на рубеже двух веков.

Наряду с передовицами, в которых освещался ход борьбы и давалась его оценка, каждый номер содержал материалы об успехах рабочего движения, о борьбе крестьянства.

Сюда относились обширные сообщения под рубрикой «Из нашей общественной жизни», из которой читатель в Петербурге мог узнать правду о событиях в Москве, Харькове, Киеве, Казани, Пскове и т. д., постоянно замалчиваемых в правительственной прессе. И наоборот, в провинции можно было составить себе картину о событиях в столице, получить представление об основных мерах правительства, судебных органов, полиции, найти данные о хозяйственной и финансовой политике правительства, иностранных и отечественных предприятий, умножавших капитал, делавших имущих богаче и усиливавших обнищание рабочих и крестьян, потребности в школах и университетах.

«Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов», реалистические сообщения из партийных комитетов помогали рассеянным и раздробленным группам проникнуться сознанием необходимости единства и сплоченности. Широко печатались разоблачительные документы и обвинительные акты, петиции в адрес министерств и т. п.

Кроме того, публиковались статьи о Социалистическом Интернационале, о рабочем движении в Болгарии, Германии, Англии, Франции, Италии, Австрии и Швеции; регулярно сообщалось о предвыборной борьбе и результатах выборов в странах, в которых трудящиеся имели отдельные конституционные права; значение борьбы за парламентское большинство связывалось со значением непарламентских форм борьбы—от экономической до политической и идеологической борьбы. При этом статьи, отражавшие деятельность германской партии, ее большие успехи на выборах, ее съезды, занимали видное место. В борьбе между марксистским и бернштейнианским направлением редакция «Искры» решительно отстаивала марксизм.

Разумеется, русские редакторы старались, чтобы не возникло впечатление о вмешательстве в процесс принятия решений германской партии: они предпочитали публиковать выступления самих немецких товарищей. «Искра» цитировала партийные протоколы и органы печати Социал-демократической партии Германии. Наглядным примером может служить статья о партийном съезде СДПГ, состоявшемся в Любеке, напечатанная в № 9 «Искры» (октябрь 1901 г.). То, что в «Искре» появилась статья вскоре после окончания съезда, говорит не только о значении, которое Ленин придавал таким статьям, но также и об оперативности редакторов, с которой они выразили в газете свое глубоко обоснованное мнение.

Германия. Съезд Социал-демократической партии в Любеке

С 22 по 28 сентября в Любеке происходил годичный съезд германской Социал-демократической партии. Присутствовало 230 делегатов и 8 делегатов от имени социал-демократических партий других стран. Конгресс приветствовали представители французских, австрийских, английских, голландских и швейцарских рабочих. Из России было приветствие от «Искры».

Из отчета, прочитанного правлением партии, узнаем, между прочим, следующее: доходы партии в текущем году составили (в круглых цифрах) 318 000, расходы—314 000 марок. Из них на общую агитацию затрачено 72 000 мар., на агитацию перед выборами—36 000, на пособия—12 000, издержки по судебным процессам и издержки заключенным в тюрьмы—около 8000, жалование депутатам—29 000, расходы по управлению—16 000, пособия местным газетам—67 000 марок. Главный орган партии («Vorwärts») имел 55 000 подписчиков и дал 80 000 марок чистой прибыли в кассу партии.

В небольшой заметке мы не можем перечислить все вопросы, которыми занимался конгресс. Наиболее важным был вопрос об отношении партии к деятельности Эдуарда Бернштейна. Этот бывший друг Фр. Энгельса, как известно, изменил своим старым взглядам и вот уже 4-й год ведет кампанию в пользу пересмотра всех основных принципов соц.-демократии с целью превращения ее из революционной партии в «партию социальных реформ». На съезде в Ганновере в 1899 г. партия решительно высказалась против идей Бернштейна и выразила намерение держаться прежней программы, но с тех пор Э. Бернштейн, живший в Англии, получил возможность вернуться на родину. Тотчас же

вокруг него сгруппировались все элементы, которые давно уже работают внутри партии в смысле «смягчения» ее революционного характера и сближения с буржуазной демократией. Постоянные нападки Бернштейна на социал-демократию, марксизм, нападки, с которыми он выступает перед буржуазной публикой, сделали его «своим» человеком для тех буржуазных политиков (особенно из партии «национал-социалистов»), которые, особенно за последние годы, ревностно стараются втереться в рабочее движение и овладеть пролетариатом, оттеснив революционную социал-демократию. Буржуазные газеты стали открыто провозглашать Бернштейна и его единомышленников спасителями общества, которые утихомирят пролетариат и поведут его по пути «мирного социального развития». Новоявленные друзья рабочего класса поставили на широкую ногу литературное издательство (журнал «Sozialistische Monatshefte» — «Социалистический Ежемесячник»,— в котором участвуют Бернштейн, Фольмар, Гейне, Кальвер, Давид и другие «умеренные», наряду с национал-социалистами. Кстати: заметим для русских товарищей, интересующихся немецкой литературой, что на съезде неоднократно было подчеркиваемо, что этот журнал не есть партийный орган) — и противопоставили его скудной денежными средствами рабочей социалистической печати. Появились самые недвусмысленные признаки того, что буржуазное течение в партии начинает поднимать голову. В печати и в политической деятельности отдельные члены партии позволяли себе самые грубые нарушения программы и компрометирующие партию заявления.

В дебатах на съезде выяснилось, что центральный орган партии давал неверные сведения о французских делах, умалчивая обо всем, что невыгодно для изменника-министра Мильерана и его друзей-жоресистов; что в интересах Бернштейна он не решился сообщить читателям о прочитанном им в одном студенческом обществе реферате, в котором Бернштейн отрицает за социалистической теорией право на научность. Выяснилось, что во время выборов в парламент в Бранденбургской провинции один из видных бернштейнианцев (Пеус) издал воззвание к «Либеральной буржуазии» и приглашал ее голосовать за себя; в доказательство своей «благонадежности» цитировал из национал-социальной газеты похвальный отзыв о себе, мотивированный тем, что он, Пеус, всегда отстаивал «разумные» (для буржуазии) взгляды, что он не придавал значения социализму, а только «текущей» практической работе и т. д. Члены партии, заседающие в ландтаге герцогства Баденского, вопреки прямому решению партии, голосовали за государственный бюджет, т. е. одобрили расходы на войско, на тюрьмы, на тайную и явную полицию и т. д. Но этого мало. Они во главе с депутатом Фендрихом оправдывались тем, что они «приносили присягу» Конституции, а потому не могут отказываться давать государству денежные средства. В громовой речи, произнесенной на съезде против баденцев, Бебель привел в доказательство проникшего в партию разврата такой невероятный факт: когда Роза Люксембург выступила в печати с резким осуждением поведения баденских депутатов, баденская соц.-демократическая газета заявила, что пора, чтобы «свыше» вмешались и прекратили нападки Люксембург. Партийная газета требовала, чтобы заставили замолчать товарища! Дальше этого уже нельзя было пойти. Впрочем, на конгрессе дело пошло еще дальше, и депутат Гейне, нападая на Люксембург и Парвуса, не только «обругал» их евреями и русскими, которые не должны вмешиваться в «наши» немецкие дела, но и совершил по отношению к Парвусу акт, который Ледебур и Штадгаген, при одобрении большинства, должны были назвать «доносом».

Все эти печальные явления, говорящие о том, что в партии растет направление, противное революционным принципам социал-демократии, вызвали в партии сильное раздражение против Бернштейна, как наиболее яркого выразителя этого направления. Бернштейн получил возможность высказать лично перед товарищами свои взгляды и оправдать свое поведение. Несмотря на все его красноречие и на уверения, что он оказывает партии громадные услуги, критикуя ее программу, несмотря на то, что он уверял, что настанет время, когда партия будет гордиться его книгой (заявление это было встречено на съезде смехом), несмотря на все это, партия взглянула на его поведение иначе и приняла громадным большинством голосов (203 против 31) резолюцию Бебеля, осуждавшую деятельность Бернштейна.

Вот текст резолюции: «Съезд признает безусловно необходимость самокритики для духовного развития нашей партии. Но крайне односторонний характер той критики, которой занимался тов. Бернштейн в последние годы, избегая критиковать буржуазное общество и его представителей, поставил Бернштейна в двусмысленное положение и возбудил недовольство большинства товарищей...»

Несмотря на то, что громадное большинство партии, таким образом, признало, что новая деятельность Бернштейна приносит вред делу, он не вышел из партии, но заявил, что будет считаться с ее решением. Бернштейн давно уже утратил ту прямоту характера, которая обязывает человека, так решительно разошедшегося с партией, сказать ей: «Насильно мил не будешь» и уйти в тот лагерь, который так ценит его заслуги в борьбе против революционного социализма.

Общее впечатление, оставленное от съезда

партии, таково: существование в партии сильного оппортунистического течения, стремящегося ослабить классовую борьбу пролетариата и идущего вразрез со всеми принципами революционного социализма, теперь не может подлежать сомнению. Рано или поздно перед революционно-пролетарскими элементами партии встанет задача — разорвать с оппортунизмом. Только такой открытый разрыв радикально излечит великую германскую социал-демократию от заразившей ее болезни. Если принять во внимание, каких громадных жертв стоило германской социал-демократии создать теперешнюю ее могучую организацию, неудивительно станет, что она чрезвычайно дорожит своим единством и не спешит привести разгоревшуюся борьбу к неизбежному концу. До поры до времени партия довольствуется тем, что призывает к ответу отдельных чересчур зарвавшихся представителей оппортунизма и выражает им суровое порицание.

В одной из своих речей Бебель выразил надежду, что то благодушное настроение, которое создалось в партии, благодаря нескольким годам промышленного благополучия, теперь, с наступлением кризиса, исчезнет бесследно, и станет невозможной та вера в «мирное безболезненное» развитие общества, которое породило успехи Фендрихов и Бернштейнов.

Так или нет, но германская социал-демократия рано или поздно справится с проникшим в нее оппортунизмом. Мы, русские, у которых боевая рабочая партия только складывается, должны с самого начала не дать привить эту болезнь молодому организму. При наших политических условиях, при отсутствии той широкой гласности, которая позволяет германской партии развиваться совершенно нормально, мы сделали бы непростительную ошибку, если бы, рабски подражая немцам, вздумали, во имя только необходимости «объединения», начинать организацию с введения в нее таких элементов, которые способны лишь тащить назад рабочее движение и которые уже успели нанести русской социал-демократии большой вред[1].

Комментарий «Мюнхенер Пост» от 3 октября 1901 года к дебатам, разгоревшимся вокруг поведения Бернштейна на Любекском партийном съезде, показал, что критику и недовольство действиями Бернштейна выражала не только редакция «Искры»:

«Эдуард Бернштейн был первым, кого... потащили под душ и кому надлежащим образом намылили шею. Неожиданно для многих именно Бебель был тем человеком, который стал во главе притесняемых, вытащил из кармана туго сплетенную массажную щетку, которой он, поддержанный многими другими, до тех пор растирал «Эда» с ног до головы, пока партийный съезд почти единогласно не высказал свое одобрение по этому поводу.

В своем начинании Бебель был заведомо поддержан большинством делегатов. Давно уже не является секретом тот факт, что критические опыты Бернштейна вызвали в партии оживленное недовольство, которое местами переросло даже в вспышку гнева»[1].

В статье «Искры» также упоминаются нападки делегата правых Гейне (Берлин) на Розу Люксембург и Парвуса. На эти удары ответил Ледебур (Берлин):

«Гейне вытащил на трибуну частные пересуды. Приличным это нигде не считается. Но теперь такие вещи стали модой. Вовсю цитируют старые, написанные друзьями, письма. Ими прямо-таки торгуют вразнос. (Бернштейн выкрикивает: «Кого вы имеете в виду?») Я имею в виду Вас! С тем, кто разносит частные сплетни, невозможны отношения в обществе. Но это еще не самое худшее. Самое худшее — это рассказ здесь Гейне о том, что своему пребыванию в Мюнхене Парвус должен быть обязан вмешательству Фольмара, сумевшего уладить дело с баварским правительством. Если бы даже это было так (Бебель: «Это неверно!»), то это только бы показало, что в такие доверительные вещи не посвящают людей, которые могут трубить о них на весь мир. Гейне знает, что он сделал. Он сознательно выступил с «показанием». Это не должно повторяться. Такие вещи мы должны осуждать и как социал-демократы, и как люди, обладающие чувством справедливости (оживленные аплодисменты)».

Результаты голосования и высказывания большинства делегатов Любекского партийного съезда, а также зафиксированные протоколом проявления неодобрения и аплодисменты собравшихся показывают, что в своей оценке ленинская «Искра» опиралась на мнение подавляющего большинства делегатов германской партии.

Правда, «Искра» пошла дальше, сформулировав альтернативу, в духе которой не высказался ни один из немецких противников Бернштейна:

«Рано или поздно перед революционно-пролетарскими элементами партии встанет задача — разорвать с оппортунизмом. Только такой открытый разрыв радикально излечит великую германскую социал-демократию от заразившей ее болезни».

В этой альтернативе отразились последовательность мышления и решимость к действию Владимира Ильича Ленина.

---

[1] Искра № 9, 1901, октябрь.

[1] Münchener Post vom 28. September 1901.

Он ни за что не допускал временных тактических преимуществ, если они получены путем приспособления или признания настроений, которые, по его мнению, были следствием иллюзии, что можно торговаться относительно целей борьбы рабочего движения; все это в конечном счете должно было привести к потере способности действовать, к предательству социалистических принципов.

Исследование и выводы, сделанные В. И. Лениным во время пребывания в Мюнхене, он обобщил в работе «Что делать?».

№ 18 (март 1902 г.) «Искры» открывался статьей Карла Каутского «Славяне и революция», в которой говорилось, что центр революционного движения переместился на Восток. В этом же номере на последней странице было помещено объявление: «Только что появилось в свет: «Что делать?» (Наболевшие вопросы нашего движения) Н. Ленина (Verlag J. H. W. Stuttgart)... Стр. 144. Цена 1 руб.».

Насколько доверительными были отношения между крупнейшим издательством немецкой социал-демократии и «Искрой», видно из текста, который регулярно помещался в газете на месте выходных данных (у нелегальной газеты не могло быть выходных данных):

«По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штутгарте: Verl. J. N.[1] W. Dietz Nachfolger, Stuttgart для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте»[2].

Трудности, возникшие у Ленина в начале его пребывания в Мюнхене с немецкими товарищами и издателями, были давно уже устранены. Тесное сотрудничество между редакцией и организацией ленинской «Искры» и мощным аппаратом Социал-демократической партии Германии превратилось в повседневную практику интернационализма. Ленинская критика оппортунизма в русской и в германской партиях никак не противоречила интернациональной солидарности.

Передовая статья первой напечатанной в Мюнхене «Искры» называлась: «На пороге двадцатого века». В этой статье давалась характеристика основных черт нашей эпохи:

[1] В «Искре» № 9 ошибочно дана буква «N» вместо «H».
[2] Искра № 9, 1901, октябрь.

«Подобно тому, как XVI, XVII и XVIII столетия ознаменовались освободительным движением буржуазии, XIX век был веком освободительного движения рабочего класса. В этом заключается главнейшая отличительная черта его культурной истории и драгоценнейшее наследие, переданное им XX веку.

Но между освободительным движением буржуазии и освободительным движением пролетариата есть существенная разница. Освободительное движение буржуазии совершалось в пользу меньшинства. Его торжество не устранило эксплоатации человека человеком, а только изменило ее форму. Освободительное движение рабочего класса совершается в пользу огромного большинства, и его торжество навсегда положит конец эксплоатации одних людей другими. Вот почему победа пролетариата будет в то же время осуществлением самого высокого из всех тех нравственных идеалов, до которых додумалось цивилизованное человечество. Победа рабочего движения, которому многие — умышленно или по недоразумению — приписывают лишь узкие, грубые «желудочные» цели, будет в действительности величайшим торжеством нравственного идеализма.

Но между борющимся пролетариатом и его великой целью стоит свирепый и близорукий эгоизм высших классов, которые чувствуют себя прекрасно при теперешнем общественном порядке и в лучшем случае могли бы добровольно согласиться лишь на некоторые частные его переделки. Благодаря этому свирепому и близорукому эгоизму, не мало крови рабочих пролилось в XIX веке и, вероятно, не мало прольется ее и в XX-м. И против этого эгоизма пролетариат имеет лишь одно средство: объединение своих сил ради завоевания политической власти. Когда рабочий класс тем или иным путем добьется политического господства, тогда консервативное упорство эксплоататоров разобьется о революционную энергию эксплоатируемых, и тогда будут устранены указанные нами противоречия, унаследованные XX веком от XIX-го; царство капитализма будет окончено; начнется эпоха социализма»[1].

Наука — что делать?

1.

Кто на рубеже двух веков имел право получать книги в самой большой библиотеке Мюнхена? Имелись ли читательские билеты или бланки заказов на отдельные названия? Имел ли посетитель библиотеки доступ к хранилищам? Мог ли он пользоваться читательским каталогом или он сдавал заказ библиотекарям?

[1] Искра № 2, 1901, февраль.

Однозначных ответов на все эти вопросы нет. История Баварской королевской (ныне государственной) библиотеки еще не написана. Известны лишь отдельные моменты из истории этой библиотеки и правил пользования ею. Меньше всего, однако, известно об организации и управлении библиотекой после 1879 года. До этого же года на каждое наименование была заведена книга для регистрации читателей, в которую вносились имя и адрес получателя книги, дата ее выдачи и возвращения. «Что было потом — неизвестно»[1].

В 1852—1878 годах в контрольных журналах имевшие право на получение книг ставили подписи. Внесения одного раза в список было достаточно, чтобы пользоваться услугами библиотеки. Конечно, такое право предоставлялось только избранному кругу лиц.

Пользование библиотекой, в особенности королевской, считалось привилегией господствующих классов и ученых, которые в те времена чаще всего были выходцами из буржуазии и дворянства и причислялись к кругу привилегированных.

Для такого круга лиц обслуживание любого рода — исключением не была и библиотека — осуществлялось по возможности персонально, можно сказать, даже интимно и приватно. Число читателей было невелико, и какой-нибудь королевский библиотекарь считал это само собою разумеющимся, если он мог дать индивидуальный совет высокопоставленным господам, знаменитым ученым и писателям. При таких отношениях представлялось возможным отказаться от систематической регистрации. В значительной мере на работу всей библиотеки накладывали свой отпечаток методы работы ее директора и библиотекарей.

В середине XIX столетия этот недостаток в организации со всей очевидностью начал мешать библиотечной работе. Об этом шла речь в § 13 принятых в 1894 году «Предписаний о выдаче книг вообще и о соблюдении сроков возврата в частности», касавшихся также и «Благоприятствования получению книг». В 1847 году было, например, установлено, что некоторые читатели «по многу лет держат полученные в библиотеке произведения и оставляют без внимания как ежегодно появляющиеся в местной печати требования, так и направляемые им в течение года со стороны библиотеки предупреждения о необходимости возврата полученных книг...»[2].

Вплоть до конца 1855—1856 годов велись книги учета читателей библиотеки, из которых следует, что количество названий, выданных за этот год, равнялось 7755; эта цифра показывает, что сравнительно небольшое число лиц, имевших право пользования библиотекой (по данным регистрации, за месяц библиотекой пользовались 30 читателей), пользовались библиотекой[1].

[1] Фрау д-р фон Мойзи, Баварская государственная библиотека, из беседы с автором 11 марта.

[2] Bayerische Staatsbibliothek, Handschriftenabteilung, Reg. A, Nr. 112 (Verordnungen über Ausleihwesen).

При директоре Карле Хальме, умершем в 1882 году, библиотека приобрела «характер библиотеки для избранного круга ученых»[2].

В «Протоколе о совещании комиссии по вопросам более строгого надзора за пользующейся библиотекой публикой и библиотечным персоналом» от марта 1863 года были приняты предписания по пользованию библиотекой, которые, очевидно, формально сохранили свою силу вплоть до начала XX столетия. Дело в том, что среди имеющихся документов о порядке регистрации в государственной библиотеке за период между 1863 и 1902 годами нет никаких протоколов или каких-нибудь других письменных подтверждений, касающихся порядка пользования библиотекой.

Этот протокол содержит сравнительно подробные указания относительно того, какие условия должно выполнить лицо для получения разрешения на пользование библиотекой, как должны выдаваться книги, в какое время и через какой вход можно было посещать читальный зал.

О том, что в описываемый период времени не было проведено никаких реформ библиотеки, свидетельствуют различные документы по истории Баварской государственной библиотеки Мюнхена. Густав Гофман писал:

«К концу XIX столетия Баварская государственная библиотека должна была частично, вследствие весьма солидной, но чересчур трезвой бюджетной политики тогдашнего баварского министра финансов, уступить свое, дотоле преимущественное, положение как крупнейшей германской библиотеки Прусской государственной библиотеке, находившейся в столице рейха. В первой четверти XX столетия финансовая и административная структура библиотеки стали развиваться в направлении универсальной научной земельной библиотеки. Началось расформирование славянских и дальневосточных книжных фондов»[3].

Он подчеркивал, что до 1879 года регистрация велась в библиотеке четко, затем наступил период, когда библиотека находилась в хаотическом состоянии. Лишь начиная с 1911 года был установлен порядок.

«Справочник по библиотековедению» наглядно показывает это состояние:

[1] Lesesaal der K. Hof- und Staatsbibliothek, Handschriftenabteilung, Reg. A, Nr. 210.

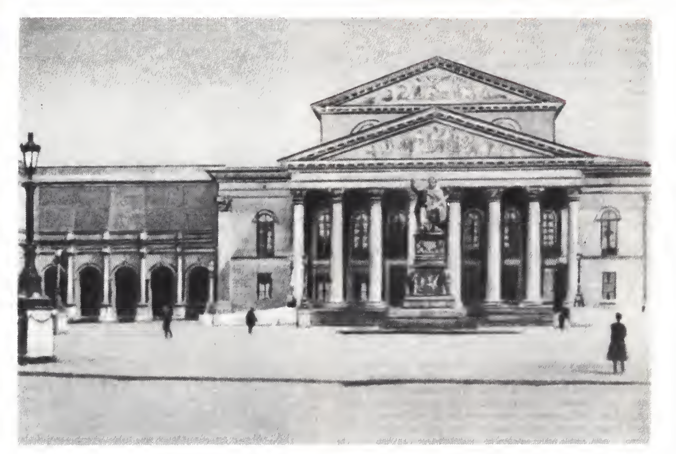
[2] Handbuch der Bibliothekswissenschaft. 2., verm. u. verb. Auflage, Bd. 3, Wiesbaden, 1955, S. 370.

[3] *Hofmann Gustav.* Die Bayerische Staatsbibliothek, ihre Aufgaben und Baupläne. In: Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie, Jahrgang V, 1958, Heft 4, S. 271.

Баварская государственная опера в Мюнхене, которую посетил В. И. Ленин в 1900 г.

бандероли месяцами лежали нетронутыми. Только во время каникул восстанавливался относительный порядок путем освобождения от бумаг столов и стульев. После внезапной смерти Лаубмана обнаружились тысячи заявок на недостающие книги, которые должны были помочь восполнить пробелы в книжных фондах за многие годы...

Известные всей общественности недостатки привели к тому, что ученые начали требовать права участия в решении библиотечных дел;



«Книга входящей корреспонденции, заведенная Хальмом, не велась, отсутствовала четкая регистрация, документы валялись в беспорядке — между прочим, явление не такое уж редкое и в других библиотеках и даже в университетах того времени,— отчеты и заявления составлялись по памяти, так как большинство документации невозможно было найти. Директор этой крупной библиотеки был единственным человеком, который вел все ее кассовые и бухгалтерские дела, неизбежным следствием чего были запутанные денежные операции. В условиях непрекращающегося перерасхода средств новый бюджет служил в основном для покрытия долгов книготорговцам за прошлый год. Заказы на книги и их точку зрения представляли два профессора из Северной Германии.

Подчеркивалось, что в Мюнхене библиотекой можно было пользоваться только 29 часов в неделю, в то время как в Берлине — 72 часа; зимой библиотека во второй половине дня вообще закрывалась, так как в ней отсутствовало электрическое освещение; читальный зал был единственным проходом в другие помещения; вместо доступного справочного фонда рядом с канцелярскими материалами стоят лишь отдельные справочные издания, да и те содержатся в закрытом шкафу; справочные фонды в помещении для рукописей тоже весьма скудны; доступ к журналам можно получить только при наличии

специального разрешения, но и в этом случае пользоваться ими практически невозможно, так как свежие номера находятся у господина директора — упрек, сыгравший особенно большую роль, когда *Фридрих Кейнц* обратил внимание общественности на то, что в мюнхенской библиотеке уже в 1879 году имелась новая периодическая литература. К числу других недостатков причислялось отсутствие книги предварительных заявок; книга учета недостающих изданий должна была находиться не в зале периодики, а в помещении выдачи литературы; просмотр каталогов не разрешался. Но и это еще не конец жалобам: некоторые привилегированные читатели не возвращают книги уже в течение нескольких лет; должным вниманием пользуются только лишь завсегдатаи. Фонд на приобретение новых книг (70 тысяч марок) очень мал по сравнению с Берлином (150 тысяч марок), в связи с чем пробелы в наличии новой литературы недопустимо велики. Мюнхенская библиотека, являющаяся одной из европейских библиотек первого ранга, давно превзойдена берлинской библиотекой по числу служащих (26 против 69 в Берлине). Для восстановления равновесия необходим специальный фонд в 150—200 тысяч марок и повышение постоянного бюджета до 40 тысяч марок»[1].

Эмиль Гратцль, работавший в библиотеке с 1899 по 1907 год на добровольных началах и ставший затем, в 1929 году, ее директором, вспоминал (в мае 1933 года) в своей речи, посвященной памяти тайного советника Ганца Шнорра фон Карольсфельда, который был генеральным директором Баварской королевской библиотеки на рубеже двух веков:

«Ряд внутренних перестроек, производившихся с 1900 года, привел к некоторым улучшениям. Работы велись планомерно: отдел рукописей, являющийся самым ценным отделом библиотеки, получил новые образцовые помещения; для собрания географических карт, изданий по музыке, систематических каталогов были построены светлые и просторные залы. Одна из пристроек должна была радикально решить проблему перевода части административного аппарата из старого здания, чтобы получить дополнительные библиотечные помещения прежде всего для специализированных читальных залов, а затем и для текущей периодики»[2].

Однако В. И. Ленин как читатель библиотеки не мог еще воспользоваться плодами тех реформ, которые лишь в течение последующих лет превратили Баварскую государственную библиотеку в крупный научный центр. В письме к матери от 19 мая 1901 года, говоря о желании сестры Анны заниматься в библиотеках Берлина, В. И. Ленин, между прочим, заметил: «Надеюсь, это гораздо удобнее ей будет в Берлине, чем здесь, ибо в Праге (под Прагой подразумевался Мюнхен и его библиотека.— *Ф. Х.*) библиотеки не очень-то казисты»[1].

На плохое состояние, в котором находилась в то время Баварская государственная библиотека, жаловались и немецкие ученые. Историк Людвиг Квид — «хороший знаток состояния дел в германских и иностранных библиотеках» — жаловался на это еще в 1894 году, призывая министерство и ландтаг к устранению недостатков[2].

В Мюнхене Ленину не хватало не только русских книг, о чем он, например, сообщал в письме матери от 2 апреля 1902 года[3]. Очень часто в Баварской королевской библиотеке отсутствовала также литература по экономике, социологии и другим гуманитарным дисциплинам, в которой он нуждался для своих исследований. Это вынуждало В. И. Ленина просить о пересылке значительной части необходимых ему книг. Такие просьбы направлялись Плеханову или Аксельроду, сестрам Анне в Берлин и Марии в Россию, мюнхенским знакомым; возможно, что он доставал себе книги также через доктора Карла Лемана и Юлиана Мархлевского. Прислать книги В. И. Ленин просил и в своих письмах к матери. Во многих письмах содержится благодарность за пересылку русских классиков или научных трудов. Как-то он даже выразил пожелание иметь только такие немецкие книги, «какие не нужны (или даже *не могут быть нужны*) в России вам *или знакомым*»[4].

Родственники и друзья, которые постоянно снабжали его книгами, знали, что для покупки книг у него было мало средств и что по этой причине он предпочитал работать в библиотеке. Надежда Крупская писала, что он «проводил очень много времени в библиотеках», что у него «не было времени бегать по книжным лавкам» и что без книжных библиотечных каталогов он даже не знал бы о существовании многих из этих книг. «И, наконец, негде ему было держать эти книги»[5].

«Попав за границу,—писала далее Н.К.Крупская,— Владимир Ильич еще усерднее стал пользоваться библиотеками. Он знал иностранные языки и прочел на них массу книг. Он никогда не мог бы купить их, потому

¹ Handbuch der Bibliothekswissenschaft, a.a.O., S. 372 ff.
² Gratzliana, A. Personalia, Bayerische Staatsbibliothek, Handschriftenabteilung.

¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 207.
² Handbuch der Bibliothekswissenschaft, a.a.O., S. 373.
³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 219.
⁴ Там же.
⁵ *Крупская Н. К.* О Ленине. Сборник статей. М., 1960, с. 341.

что в эмиграции приходилось рассчитывать каждую копейку, экономить деньги на трамвай, на еду и пр. А не читая книг, не читая иностранных газет и журналов, Ильич не мог бы вести той работы, которую он вел, не было бы у него тех знаний, которыми он был так прекрасно вооружен»[1].

Да, Баварская королевская библиотека не была Британским музеем, «где имеется богатейшая в мире библиотека с прекрасно налаженной техникой обслуживания»[2]. В 1902—1903 годах В. И. Ленин провел добрую половину своего времени в этой лондонской библиотеке, о которой так похвально отозвалась Крупская.

Между тем проблема получения книг была для Ленина в Мюнхене не единственной. Препятствием для интенсивной научной работы было и то, что читальный зал библиотеки летом и осенью на долгие месяцы закрывался. В «Регистрационной книге для посетителей зала периодики», в которую Ленин 25 мая 1901 года был записан как д-р Иордан Иорданов, последняя запись первой половины года была сделана 23 июля. Последующая запись приходится уже на 17 декабря 1901 года. Лишь в 1902 году запись читателей библиотеки производилась также и с августа по декабрь. Эта «Книга записей», которая велась между 1884 и концом 1902 года, показывает, что Ленин познакомился с Баварской государственной библиотекой как раз в том ее состоянии, о котором уже шла речь как о хаотическом и неудовлетворительном для научной работы.

Как в 1901, так и в предшествовавших ему годах, ни летом, ни осенью, никакой записи новых читателей не производилось. Тот факт, что эта система записи после 1902 года более уже не практиковалась, говорит о том, что реформа действовавших в то время предписаний для читателей и библиотекарей, которые в период с 1879 по 1902 год не были ни едиными, ни систематически применяемыми, начала осуществляться лишь с 1903 года.

По этой причине протокол от 1863 года мог бы наглядно представить ту ситуацию, в которой в 1901 году находился ученый, пожелавший воспользоваться услугами Баварской королевской библиотеки.

Протокол о совещании комиссии по вопросам более строгого надзора за пользующейся библиотекой публикой и библиотечным персоналом.

Присутствовали: директор Хальм.

Библиотекари Ферингер, Видеман, Томас, Кустос Хельдоблер, а также чиновник имперского строительного ведомства фон Лангенмантель, занимавшийся вопросами перестройки библиотеки.

Составленная по высочайшему рескрипту от марта 1889 года комиссия после всестороннего обсуждения пришла к выводу о необходимости проведения следующих мероприятий:

1) Читальный зал по всей его ширине отгораживается от главного входа железной решеткой; доступ к читальным столам и залам каталога возможен лишь через единственный проход у стола, ближе всего расположенного к двери, ведущей в баварский зал. Здесь находится также место, занимаемое лицом, осуществляющим присмотр. Работники библиотеки обязаны предъявлять этому лицу необходимую книгу и отдавать ему заполненный на эту книгу формуляр.

2) Студентам книги вручаются только по предъявлению их студенческих удостоверений, не студентам — по предъявлению других бумаг, удостоверяющих их личность, или по представлению какого-нибудь человека, хорошо известного сотрудникам библиотеки. Для листков-требований должны быть отпечатаны формуляры с выделенными в них рубриками для занесения *названия книги* и личной подписи.

3) Еще раз обратить внимание библиотечного персонала на необходимость строжайшего соблюдения публикой действующего предписания, согласно которому за каждую полученную книгу секретарю на выдаче необходимо сразу же отдать гарантийную расписку.

4) Посещение библиотечных кафе персоналом библиотеки в послеобеденное время разрешается только после предварительного уведомления об этом дежурного по дирекции. При этом не исключается, что если какой-нибудь чиновник пожелает что-нибудь принести к себе в бюро, то это может произойти не иначе как после предварительного уведомления дежурного.

5) Отныне установлен только один вход в библиотеку, которым разрешается пользоваться публике и персоналу, а именно по большой лестнице центрального флигеля через зал выдачи, из которого уже легко пройти как в общественные помещения, так и в служебные комнаты.

В связи с этим лестница со стороны архива, которая слева ведет в коридор с помещениями для первопечатных изданий, а справа — в княжеский зал, равно как и дверь, через которую до этого осуществлялся проход с северного двора к коридору, в котором находятся служебные комнаты, с настоящего момента и для публики, и для персонала закрываются.

Решено и подписано.

Мюнхен, 15 марта 1863 года.

Подписи[1].

---

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 342.
[2] Там же, с. 345.

[1] Законы для посещения и пользования библиотекой. Reg. A. Nr. Bayerische Staatsbibliothek, Handschriftenabteilung.

2.

О чем говорит запись Ленина в «Регистрационной книге читателей зала периодики»? Должно ли это означать, что посетителя этого читального зала в тот день, когда он внес в книгу свое имя и адрес, можно было встретить в библиотеке?

В 1901 году в упомянутую «Регистрационную книгу» было внесено 70 человек. Ленин был единственным, кто записался 25 мая. Также и во все другие дни — уже с 1884 года — такие записи в книге делались с большими промежутками времени. В течение некоторых месяцев их бывало не более шести, а в среднем в те дни в эту тонкую, насчитывавшую около 50 страниц книгу в день записывалось по одному человеку.

Маловероятно, чтобы такой именной записью регистрировалось только разовое посещение библиотеки читателем. Это означало бы, что в 1901 году зал периодики государственной библиотеки посетило только 70 человек. Дело в том, что никто из подписавшихся за весь 1901 год не записывался в книгу более одного раза.

По этой причине из «Регистрационной книги читателей зала периодики» нельзя установить, сколь часто читатели Баварской государственной библиотеки пользовались ее услугами[1].

В некоторых из своих писем Ленин сам указывал на то, что в Мюнхене он регулярно посещал библиотеку. И Н. К. Крупская сообщала 11 июня 1901 года Марии Александровне, что Володя «ходит, кроме того, довольно часто в библиотеку»[2].

В «Книге посетителей комнаты рукописей» в 1886—1907 годах регистрировались исключительно читатели рукописей. Для иностранцев требовалась рекомендация их посла. Поэтому для Ленина, который хотел скрыть свое пребывание в Мюнхене от русских властей, пользование этим читальным залом исключалось. К тому же он не проявлял интереса к изучению рукописей. Кроме «Регистрационной книги» и «Книги посетителей» не известны никакие другие регистрационные документы, по которым можно было бы установить, кто в то время пользовался государственной библиотекой.

Поэтому нельзя отмахиваться от предположения, что в 1900 году публика имела доступ только в «комнату рукописей» и в зал периодики. Об этом говорят также уже известные нам материалы о перестройке библиотеки[1], которая началась в 1900 году.

Однако весьма вероятно предположение, что вместе с занесением имени в «Регистрационную книгу» данное лицо получало право на регулярное посещение читального зала и получение книг из фондов библиотеки.

В соответствии с этим запись Ленина от 25 мая 1901 года следует рассматривать так, что при помощи своего болгарского паспорта он получил в этот день официальное разрешение на посещение Баварской королевской библиотеки и пользование ее книжными фондами. Именная запись соответствовала, таким образом, карточке читателя.

Очевидно, что исключительность и даже интимность такого предприятия влекли за собой то, что лицо, получившее однажды право на пользование библиотекой, могло ссылаться на это и многие годы спустя.

Юлиан Мархлевский, например, записался в ту же самую «Регистрационную книгу» еще 30 октября 1896 года, когда он впервые поселился в Мюнхене; в конце 1896 года переехал в г. Копитц (под Дрезденом), а затем, до высылки, работал в Саксонии. 28 сентября 1898 года Мархлевский вновь прописался в Мюнхене, поселился — согласно листу прописки[2] — 3 июля 1901 года в доме на Кайзерштрассе, 45а (ныне 38), и жил в Мюнхене до 1905 года. Мархлевский, который знал обстановку в Мюнхене лучше, чем Парвус, несомненно в рамках необходимой осторожности (при получении в 1898 году разрешения на пребывание в Мюнхене он вынужден был заверить, что совершенно воздержится от политики), мог быть полезен Ленину и советом и делом. Однако Мархлевский, часто посещавший государственную библиотеку, уже не должен был после 1896 года вновь вносить свою фамилию в «Регистрационную книгу». То же самое можно сказать и в отношении Парвуса — Гельфанда, который записался один раз, 13 февраля 1899 года, но пользовался государственной библиотекой многие годы.

Эти исключения подтверждаются также именами многих известных немцев, чьи записи мы находим в этой «Регистрационной книге». Это Георг фон Фольмар (1886 г.), Людвиг Квидде (1890 г.), Райнер Мария Рильке (1897 г.), Вильгельм фон Шольц, Аннете Кольб (1897—1898 гг.) и многие другие.

К 16 сентября 1899 года относится запись д-ра Гуревича из России (г. Витебск). Спустя два года он стал сотрудником ленинской «Искры».

---

[1] Л. Л. Муравьева и И. И. Сиволап-Кафтанова пишут, что «в полупустынных читальных залах постоянное присутствие Ленина было очень заметно»; они обосновывают свое предположение о полупустых читальных залах ссылкой на «Регистрационную книгу» (*Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 134).

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 432.

[1] См. с. 212 данной книги.

[2] Лист прописки Мархлевского содержит следующие адреса: Арцисштрассе, 52 (1896), Шраудольфштрассе, 27 (1897), Шраудольфштрассе, 40 (1897), Трауэрштрассе, 1 (1898), Цибландштрассе, 27 (1899), Кайзерштрассе, 45 (1901), Гогенштауфенштрассе, 4 (1903), Бауэрштрассе, 18 (1905).

Библиотечная запись фрейлейн Бланк

Возможно, что за записью от 10 января 1902 года («Фрейлейн Бланк, студентка философии, Амалиенштрассе, 24^{III}») значится сестра В. И. Ленина Анна, которая, будучи в Берлине, использовала фамилию Бланк в качестве своего псевдонима. В одном из писем от декабря 1901 года она указывала на то, по какому адресу нужно отправлять почту, которую посылали ей в Мюнхен: «Фрейлейн Бланк, Мюнхен, Германия. Postlagernd». Это предположение подтверждается также фамилией дедушки Владимира и Анны — врача *Александра Дмитриевича Бланка*.

Указание фамилии: «Фрейлейн Бланк», хотя и соответствовало истине, но было необычно: в «Регистрационную книгу» большинство вносили только имя и фамилию. Для немцев было, однако, необычным указание формы обращения к себе: указывали или же имя и фамилию, или только фамилию. Обозначение «фрейлейн Бланк» соответствовало все еще встречающейся привычке иностранцев избирать эту форму при указании фамилии.

Из письма Ленина от 26 декабря 1900 года мы узнаем, что в первые месяцы своего пребывания в Мюнхене он очень тосковал «по мирной книжной работе»; «непривычность заграничной обстановки» мешала ему «хорошенько за нее взяться»[1].

Фактически только лишь с прибытием в Мюнхен Надежды Константиновны Крупской Ленин смог посвятить себя интенсивной научной работе, что нашло свое выражение в написанных им в 1901 году различных работах, охватывающих почти тысячу страниц.

Но как понимать тогда его слова в письме к сестре Марии от 6 ноября: «... посещаю библиотеку»?[2]

Имел ли он в виду университетскую библиотеку, тем более что в более позднем письме речь шла о не очень-то казистых библиотеках, и В. И. Ленин, совершенно очевидно, подразумевал под этим все библиотеки Мюнхена, которые могли пригодиться ему для работы?

Однако пользование университетской библиотекой для лиц, которые в университете не преподавали или не были в него зачислены, было делом куда более сложным. В общем-то Ленин всегда предпочитал Государственную библиотеку, которая при всех ее недостатках могла все же предложить значительно больше, чем маленькая университетская библиотека. Однако за период до 25 мая 1901 года запись Ленина в регистрационных книгах отсутствует.

Как же мог он тогда посещать библиотеку, если он в ней не был записан? Не было у него тогда и паспорта. Но библиотека, в которой работал Ленин, была привилегированной: тот, кто принадлежал к числу читателей Баварской королевской библиотеки или имел друзей, которые ею пользовались, тот в принципе уже принадлежал к кругу высокопоставленных господ, бывших вне подозрений: рядом с графиней Монтгелас и Райнером Марией Рильке, рядом с немецкими и иностранными профессорами и докторами, кандидатами на докторскую степень молодой тридцатилетний человек, весьма способный и несколько замкнутый, не бросался в глаза. Ему было вовсе не обязательно представляться как Мейер из России. В том кругу, где с пренебрежением относятся к педантичному контролю пропусков, он мог сослаться на хорошего знакомого или друга, для которого он брал в зале периодики заказанные им книги. К сожалению, нет документальных свидетельств, которые бы объясняли, каким образом В. И. Ленин уже осенью 1900 года посещал мюнхенскую Государственную библиотеку.

3.

Несмотря на то что В. И. Ленин жаловался на неблагоприятные условия работы в мюнхенских библиотеках, список книг, проработанных им, удивительно обширен. Еще будучи студентом, Владимир Ильич выработал в себе привычку делать выписки из книг, из которых он мог почерпнуть новые знания. Сохранившиеся выписки позволяют также сделать детальный обзор литературы, прочитанной им в Мюнхене.

Основной областью его работы летом и осенью 1901 года было изучение теоретической и статистической литературы по аграрному вопросу.

Свои исследования этого периода он обобщил в работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»», первые главы которой напечатаны в «Заре» № 2—3 за декабрь 1901 года. В этой работе он подверг всесторонней критике ревизионистские и буржуазные воззрения, которые при всем своем различии имели одну и ту же цель и сводились к следующей точке зрения: крестьянство не является союзником рабочего класса, так как оно принадлежит к классу собственников, и марксизм неприменим в сфере развития аграрных отношений.

1 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 198.
2 Там же, с. 193.

«Странным свойством обладает этот «догматический марксизм»! — писал В. И. Ленин.— Вот уже много лет ученые и ученейшие люди Европы важно заявляют (а газетчики и журналисты повторяют и пересказывают), что марксизм уже сбит с позиции «критикой»,— и тем не менее каждый новый критик опять сначала начинает трудиться над обстреливанием этой, якобы уже разрушенной, позиции»[1].

В период с февраля до середины марта 1902 года Владимир Ильич Ленин написал «Аграрную программу русской социал-демократии», которая впервые была напечатана в № 4 «Зари» в августе 1902 года.

Тем самым он, как теоретик научного социализма, разработал закономерности, показывавшие, что в условиях капиталистического общества рабочие и крестьяне должны стать союзниками в политической борьбе.

Этот теоретический вывод стал затем одним из важнейших положений ленинизма. Можно сказать, что он был одним из результатов исследований, проведенных В. И. Лениным в Мюнхене[2]. Широко распространено мнение, что Ленин основывался исключительно на положении в сельском хозяйстве России. Разумеется, он сам подчеркивал: «Если на Западе весь гвоздь аграрной программы социал-демократов составляет именно «крестьянский вопрос», то в России это должно быть в еще гораздо большей степени. Самое недвусмысленное определение своей политики в крестьянском вопросе тем более необходимо для нас, русских социал-демократов, что наше направление еще совсем молодо в России, что весь старый русский социализм был, в последнем счете, «крестьянским» социализмом. Правда, у той массы русских «радикалов», которая мнит себя хранителем наследства, оставленного нашими социалистами-народниками всяческих оттенков, социалистического почти что совсем ничего уже не осталось. Но все они тем охотнее выдвигают на первый план свои разногласия с нами по «крестьянскому» вопросу, чем приятнее для них затушевать тот факт, что на авансцену общественно-политической жизни России выдвинул я уже «рабочий» вопрос, что по этому вопросу они не имеют никаких прочных устоев, а девять десятых из них являются здесь, в сущности, самыми дюжинными буржуазными социал-реформаторами»[3]. Ленинские тезисы и аргументы ни в коей мере не означали, что своими выводами он обязан только изучению русского аграрного вопроса. Напротив, проработанная им именно в Мюнхене литература показывает, что он охватил часть бывших в то время доступными эмпирических исследований и статистических материалов из многих стран Западной, Центральной и Восточной Европы — вплоть до уровня мельчайших общин и сельскохозяйственных предприятий.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 99.

[2] Идею революционного союза пролетариата с крестьянством В. И. Ленин выдвинул еще в 1894 г. в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 125—346).— *Ред.*

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 305—306.

Ленин и баварские крестьяне

1.

Целый месяц потребовался молодому коммунисту Альфреду Курелле для путешествия из Мюнхена в Москву, которое он предпринял в марте 1919 года. В своих воспоминаниях он сообщал о том, как Владимир Ильич Ленин расспрашивал его о таких деталях жизни крестьян в Баварии, в особенности же о Мюнхене, которые его очень удивили. До этой встречи с Лениным Курелла не знал, что Ленин в начале века жил в Мюнхене. Молодой немецкий коммунист был поражен тем, что Ленин осведомился об Английском саде с его Моноптеросом и Китайской башней, об Аумейстере и Унгеровских купальнях; но самое большое впечатление произвело на него знание Лениным мюнхенских предприятий, видных деятелей мюнхенской социал-демократии. Когда Курелла рассказывал об одном крестьянском совете в Розенгейме, Ленин перебил его и спросил:

«Розенгейм? А это не по железной дороге в Куфштейн? Но ведь это же город, железнодорожный узел, если я не ошибаюсь?»[1]

Макс Левиен, который вспоминал в 1928 году о встрече с Владимиром Ильичем Лениным в Кремле, также выражал свое удивление знаниями Ленина условий жизни в Баварии[2].

Конечно, нельзя точно сказать, какие знания о Баварии, кроме приобретенных в процессе работы над книгами, регулярного чтения «Мюнхенер Пост» и других газет, дополнительно запечатлелись в памяти Ленина в результате его собственных наблюдений во время пеших прогулок[3].

[1] *Kurella Alfred.* Unterwegs zu Lenin. Berlin, 1967, S. 83.

[2] См. с. 402—403 данной книги.

[3] Л. Л. Муравьева и И. И. Сиволап-Кафтанова комментируют в своей книге «Ленин в Мюнхене» (с. 201) воспоминания Альфреда Куреллы о 1919 г., написанные им в 1967 г. следующими словами: «Семнадцать лет прошло с того дня, когда Владимир Ильич покинул Баварию, но он отлично знал и помнил топографию не только Мюнхена, но и его окрестностей, которые он исходил пешком». Это предположение верно для Мюнхена и его окрестностей. Однако большинство знаний, приобретенных Лениным о Баварии, могло быть почерпнуто прежде всего в результате исследовательской работы, которой он посвятил себя во время пребывания в Мюнхене.

Во всяком случае, на первом месте стояли работы, которые могли бы дать В. И. Ленину надежные сведения о королевстве Баварии с присущим ему преимущественно аграрным уклоном хозяйства.

Здесь надо упомянуть две публикации, которые В. И. Ленин проработал осенью 1901 года. Во-первых, он сделал выписки из брошюры «Крестьянский вопрос и социал-демократия в Баварии (1893—1896)». Затем последовали — в октябре — его первые записи, а затем — и детальные выписки из книги «Исследование экономических отношений в 24 общинах королевства Баварии», Мюнхен, 1895[1].

Обе работы он брал в Баварской королевской библиотеке. Брошюра «Крестьянский вопрос и социал-демократия в Баварии (1893—1896)», которая появилась в 1896 году в нюрнбергском издательстве — данные за текущий год были внесены карандашом, что Ленин также сохранил в своих выписках,— представляла собой официальную партийную оценку социал-демократической партии в Баварии, руководимой в то время Георгом фон Фольмаром. В предисловии к этой брошюре говорится:

«Когда баварская социал-демократия в 1893 году, несмотря на ограниченное избирательное право и объединенные усилия противников, пробилась в представительство земли, в качестве своей первой задачи она видела выработку определенной позиции по отношению к целому ряду инициатив, заявлений и законопроектов, касавшихся сельского хозяйства. Для представителей партии это было желанной обязанностью. Ведь уже в течение долгого времени они глубоко занимались сельским вопросом, и у них существовало только одно мнение о значении этих вопросов для всего общественного и политического развития, а вместе с тем и для дела социализма. Поэтому они использовали любую возможность, чтобы изложить общественности свои взгляды и предложения по этому вопросу.

Мнение партии по поводу такого действия ее представителей было выражено тем, что на партийных съездах в Мюнхене в 1894 году и Нюрнберге в 1896 году были приняты решения, в которых неоднократно и дружно выражалось полное согласие с деятельностью депутатов в ландтаге. Кроме того, нюрнбергский съезд партии принял следующее специальное решение: «Поручить партийному руководству в течение следующих месяцев выпустить листовку, в которой четко, в духе одобренного партийным съездом действия фракции ландтага разъяснить позиции баварской социал-демократии по аграрным вопросам, рассматриваемые на последнем заседании ландтага». Партийное руководство приступит к выполнению этого поручения, приняв для полноты во внимание и результаты прошлой сессии[1].

[1] Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, т. 1, с. 330, 348.

«Исследование экономических отношений в 24 общинах королевства Баварии» было отпечатано и издано мюнхенской фирмой Р. Ольденбурга.

Это исследование было произведено на основании решения имперского государственного министерства внутренних дел, отдела по вопросам сельского хозяйства, ремесел и торговли от 26 октября 1894 года № 17827[2].

Министерство внутренних дел дало «Программу для исследования экономических отношений», а также «Инструкцию для комиссаров по сбору сведений», которая точно определила и обозначила «общины, выбранные для обследования».

Пунктуальность, с которой специалисты тогдашнего баварского министерства внутренних дел воспроизвели действительную картину положения в общинах, хорошо передают программа и инструкции для опроса, а также сведения самих общин[3].

«1. Всем комиссарам по сбору сведений для оценки экономического положения общин предоставляются полезные для дела доказательства, имеющиеся в имперском статистическом бюро. В том случае если они содержат требуемые сведения по нижеследующим вопросам, то в дальнейшем сборе сведений нет необходимости. Вопросы, к которым это относится, сопровождаются соответствующими указаниями.

2. Как понимать «крупное хозяйство», «среднее хозяйство» и «мелкое хозяйство», определяется существующими в данной общине имущественными отношениями. За комиссаром по сбору сведений оставлено право устанавливать после соответствующей ориентировки на месте пропорции в имущественных отношениях, т. е. по какому объему владения (в гектарах) данное имение квалифицируется как «крупное хозяйство», «среднее хозяйство» или «мелкое хозяйство». Это определение с приложенным к нему обоснованием указывается в ответе на вопрос II 2.

3. Что касается долгов по недвижимости, то комиссарам по сбору сведений предоставляется на усмотрение, насколько это необходимо по мере существующих отношений, получать в соответствующих ипотечных ведомствах разъяснения и устанавливать надлежащие отношения с причастными к делу помещиками...»

[1] Bauernfrage und Sozialdemokratie in Bayern (1893—1896). Nürnberg, 1896.
[2] Untersuchung der wirtschaftlichen Verhältnisse in 24 Gemeinden des Königreiches Bayern. München, 1895, S. VI.
[3] Ebenda, S. V.

«Задача комиссара по сбору сведений состоит в том, чтобы на месте в целом ориентироваться относительно экономических отношений в обследуемой общине и в этих целях установить связь с бургомистром и другими представителями общины. Переговоры с другими лицами, которые особенно хорошо осведомлены об обстановке на месте, весьма желательны. Затем по соглашению с бургомистром установить все имеющиеся в общине земельные участки сельскохозяйственного предприятия, которые подлежат обследованию, и, в соответствии с этим, заполнить в списках хозяйств графы первую и вторую.

Затем комиссар по сбору сведений должен по возможности составить себе представление о хозяйстве каждого отдельного владельца и обсудить с каждым из них все учитываемые пункты.

Комиссар по сбору сведений строжайше обязан хранить молчание о результатах его обследования правовых отношений между кредитором и должником. Собранные же материалы и результаты обследований никоим образом не должны стать достоянием третьих лиц.

Все лица, участвующие в переговорах и сборе сведений, должны быть в обязательном порядке поставлены в известность относительно этих обязательств.

Комиссар должен воздерживаться от любой критики в адрес владельцев земельных участков и ограничить свою деятельность получением правдивых ответов на все пункты вопросов»...

2.

Владимир Ильич Ленин. Выписки и заметки о сельском хозяйстве в Баварии

... B.R.M. Предметная рубрика: Крестьянский вопрос. Шифр: Бавар 198[ii].

«Крестьянский вопрос и социал-демократия в Баварии (1893—1896)».
Типография и издательство Вёрлейна и Компании. Нюрнберг.

(Дата приписана карандашом: 1896)[1].

[Маленькая брошюра в 24 страницы, составленная баварским социал-демократическим партийным руководством по решению Нюрнбергского партейтага (1896) издать листовку об отношении баварской социал-демократии к «аграрным вопросам» «в духе тактики социал-демократической фракции ландтага, одобренной партийным съездом». С. 1.].

Брошюрка разделена на маленькие главки, из коих первая *«Общие положения»* (с. 1—3) начинается *незакавыченными* словами Энгельса («крестьянин — очень важный фактор населения, производства и политической силы»).

В Баварии 80% земледельческих предприятий — мелкие и средние (только 2.3% крупные, более 100 га).

Задолженность более 1 1/2 миллиарда марок: проценты поглощают около 1/3 дохода чистого дохода с земли.

«Растущим притеснением и гнетом уже охвачены широкие слои крестьянства, и они, по-видимому, обречены на более или менее близкую гибель, если государство не придет к ним на помощь. В этом мнении сходятся представители самых различных экономических взглядов, и такой консервативный человек, как проф. Шмоллер, мог изречь следующее мрачное пророчество: «Если этот процесс (роста задолженности) пойдет беспрепятственно дальше, то, вероятно, уже через 20—30 лет и во всяком случае через 50—60 лет мы встанем перед фактом полного отчуждения нашего крестьянского и прочего землевладения»». (С.3.) **NB**

«Крестьянское движение» (3—4) — прежде крестьяне были «безучастны к политике» и шли за аграриями, теперь они начинают просыпаться и понимать, что аграрии их враги. Кроме общих мест ничего, *абсолютно* ни единого факта о «крестьянском движении».

«Пошлины на зерно» (4—5), разъяснение их вреда для крестьян — пошлины эти с 1880—1889 г. ограбили немецкий народ на 1.140 миллионов марок.

98.7% с.-х. предприятий Германии с землей меньше 50 га — 3 3/4 миллиона га зерновой площади
1 1/4% хозяйств с землей больше 50 га — *9 2/3* миллиона га зерновой площади
(с. 5: такова прибыль крестьян-землевладельцев.)

«Щедрые подачки» (5—6). Сахарный налог, на водку и т. д.

«Партии» (6—7). «*Центр* любит разыгрывать из себя какого-то особенного представителя крестьян» (6) ... (Но теперь их влияние начинает падать...)

[1] Эта отмеченная Лениным карандашная запись находится также в экземпляре, который хранится в Баварской государственной библиотеке. (Однако в сборнике есть опечатка: вместо «B.R.M.» должно быть «B.K.M.». См.: Ленинский сборник XXXII.)

«Социал-демократия» (7—11). Ультрамонтанская ложь, что социал-демократы хотят уничтожить крестьянство.

Социал-демократы — демократы, борются за освобождение всего трудящегося народа (8).

Относительно *«сельских рабочих»* это разумеется само собой.

«Но и масса мелких самостоятельно хозяйствующих *крестьян* по самому понятию не с меньшим основанием принадлежит к социал-демократии» (8).

$^{9}/_{10}$ класса сельскохозяйственных собственников в Баварии суть *«самостоятельные хозяева»* (жирный шрифт в оригинале), «т. е. должны быть причислены к тем, которые ведут свои хозяйства *собственным* трудом и трудом своих домашних».Эти крестьяне отличаются от пролетариата... *«Эти крестьяне отличаются от современных пролетариев в экономическом отношении только тем, что они еще являются собственниками своих средств производства»* (8) (разрядка автора).

.... «было бы... очень близоруко не видеть в привязанности его (крестьянина) к своей земле ничего иного, как только предосудительный «фанатизм собственности»» (9).

Социализм — *«естественный союзник крестьян против капитала»* (9) (разрядка автора).

«Правда, социал-демократия не может думать о мерах, которые остановили бы или обратили бы вспять необходимый ход развития производительных сил, что — и одно и другое — было бы, впрочем, *невозможно»* (9). Но она не может и безучастно смотреть на гибель (Untergang) «такой значительной части народа» (9). «...Положение угнетенных крестьян ей (социал-демократии) близко к сердцу, как и положение рабочих. Она хочет энергично помогать им в их борьбе с капиталом и фиском, уберечь их от всякого ущерба как плательщиков податей, как должников, как имеющих право пользования лесом и пастбищем, как производителей продуктов земли, необходимых для народного питания, короче — улучшить, по мере своих сил, условия их существования и борьбы, чтобы таким образом по возможности избавить от трудностей и жертв пертурбаций и *вместе с тем приобрести точки опоры для органического переустройства общества»* (9, курсив автора).

Социал-демократия делает это и с точки зрения общего блага и из прямого интереса рабочего движения: пролетаризирующиеся крестьяне, прибывая в города, ухудшают положение рабочих».

«Затем несомненно, что экономический упадок в настоящее время большей частью ведет крестьян к вырождению» (9), а борьба за социализм требует сильных людей. «Социал-демократия ни в малейшей степени не заинтересована в том, чтобы способствовать бегству крестьян с земли и их вырождению, напротив, она имеет все основания успешно бороться с тем и другим и стремиться к тому, чтобы крестьяне, улучшая условия своего труда, смогли сводить концы с концами *в их сельскохозяйственном труде»* (9). Точно так же и крестьяне заинтересованы в том, чтобы жизненный уровень рабочих был выше: покупательная сила.

«Отсюда видно, как тесно связаны и индустриальный и аграрный вопрос и что не существует *никакого* противоречия между рабочими и крестьянами, но существует *далеко идущая общность их интересов»* (10).

«Социал-демократия, следовательно, стоит решительно на стороне крестьянина, она должна и будет делать все, что хоть сколько-нибудь допустимо, чтобы сделать его *участь* более *сносной и облегчить ему переход к высшей форме производства. Чем больше число крестьян, которых социал-демократия может избавить от падения до положения пролетариев и уже привлечь их к себе как крестьян, тем скорее и легче совершится общественное переустройство.* Ей не годится откладывать это переустройство до тех пор, пока капиталистическое производство не разовьется везде до своего последнего логического конца, пока последний мелкий ремесленник и последний мелкий крестьянин не падут жертвой капиталистического крупного предприятия. *Материальные жертвы из общественных средств, которые должны быть принесены в этом смысле в интересах крестьян, только с точки зрения капиталистической экономики* могут показаться выброшенными деньгами; тем не менее они являются прекрасным помещением капитала, потому что они экономят, может быть, в десять раз издержки общественной реорганизации вообще» (10).

«Наконец, имеет значение еще и вопрос об агрикультуре», каковая («агрикультура») будет «нарушена» гибелью крестьянского хозяйства, а в «культивации почвы» заинтересован весь народ и, следовательно, социал-демократия.

«Исходя из всех этих соображений, социал-демократы уже много лет в ряде стран, *в Дании, Франции, Бельгии, Швейцарии и т. д., самым энергичным* образом выступали не только в интересах сельских рабочих, но и в интересах крестьян, вследствие чего разговоры об их «враждебном отношении к крестьянам», к досаде противников, все более лишались влияния» (10).

Особенно в Швейцарии — «Крестьянский и рабочий союз» в Базельском кантоне под руководством социал-демократа и т. д. В Гессене, в Баварии — в ландтагах социал-демократы доказали, что они усердно работают «над *действительным* улучшением сельскохозяйственных отношений» (11).

«...И придет время, когда крестьяне, как и рабочие, поймут, что *страдания тех и других по существу одинаковы,* потому что тех и других *одинаково,* хотя и в разной форме, эксплуатируют и порабощают и что поэтому они должны *рука об руку бороться против* общего *врага — капитализма,* который может быть побежден только общими усилиями всех угнетенных и эксплуатируемых, как города, так и деревни, под знаменем социал-демократии» (11). (Конец параграфа о социал-демократии.)

«Бескормица» (страница 11) — юнкера против помощи потерпевшим неурожай («действует деморализующе»), — социал-демократия — за (1893 г. в баварском ландтаге).

«Лесное право и борьба с браконьерством» (12—13). Лес должен принадлежать *всей стране* — такова точка зрения социал-демократии. Социал-демократия «настойчиво выступила за неограниченное соблюдение прав на лес (13) — поэтому она была з а новый лесной законопроект, который «вводил устранение принудительного выкупа» и т. п.

«Страхование скота» (13—14). Социал-демократы были против прошедшего (в ландтаге?) закона, ибо он создает слишком бюрократическую машину и дает лишь половину вознаграждения.

«Страхование движимости» (14—15). Центр требует этого только для виду и в комиссии взял было назад. Социал-демократы требуют запрещения частного страхования и учреждения государственного страхования от огня. Палата отклонила это (один ультрамонтан заявил, что это «дальнейший шаг к социалистическому государству» — это «громадное преувеличение», но верно то, что развитие идет к переходу частной деятельности в «общественную» и что в интересах социализма «вытеснять капиталистическую эксплуатацию из все новых областей» (15))

«Поземельные платежи» (15—19) — происходят от *феодальных* времен. Феодальные платежи остались в Баварии до 1848 г. (и в 1848 г. всего сильнее против их отмены выступали отцы теперешних (17) клерикалов и консерваторов).

Но «снижение» («закон о выкупе» 1848 г.) еще оставило на крестьянстве тяжелое бремя: % по капитализированным* «земельным выкупным платежам» платится до 1935 г. (т. е. должен быть погашен к 1935 году).

* «Задолженность по земельной ренте» = 143 1/3 миллиона, % в год = *5 3/4 миллиона*. Да около *2 миллионов* «земельных платежей частноправового характера».

«Как видно, дело отнюдь не в том, как иной мог бы думать, что простая отмена земельных платежей принесет ущерб только бывшим помещикам. Скорее дело, наоборот, обстоит так, *что бывшие помещики давным-давно получили следуемые им выкупные платежи,* так что им может быть совершенно безразлично, что будет дальше. Поэтому положение является неразрешимо запутанным (18). Ибо каждое ослабление земельных платежей исключительно бьет по казне, т. е. *по всем плательщикам налогов».*

Социал-демократия охотнее всего хотела бы «устранить земельные платежи», но об этом теперь нельзя думать: уменьшение государственных доходов на 13 миллионов в год. Лучший «выход[1] — действенное ускорение погашения земельных платежей» (19). Социал-демократы предложили понизить платеж с 4% до 3% и употребление свободного процента (4 минус 3) на погашение. Большинство ландтага не согласилось.

[1] «При данных обстоятельствах и до тех пор, пока мы вращаемся в порочном кругу, в который нас заводит, с одной стороны, прошлое и, с другой, — капиталистическое настоящее» (19).

«Государственный ипотечный банк» (20—23). Отнять кредит у ростовщиков и передать государству.

«Ипотечные долги» — «огосударствление» — «старое социалистическое (21) программное требование» (Коммунистический манифест 1848 г., в сочинении (каком?) Фр. Энгельса и пр.).

В Баварии это «требование» является впервые в Нюрнбергской «избирательной программе в ландтаг 1887 года».

((Против *центра,* внесшего (22—23) в ? году (1895 или т. п.) подобный проект, но потом повернувшего в сторону.))

«Заключение» (23—4). Социал-демократы — за помощь крестьянам как «гражданам государства». Вздорность сказок о «вражде к крестьянам» социал-демократов[1].

[1] Ленинский сборник XXXII, с. 11—23.

Баварская анкета

Баварская анкета

С. *19*— вопрос 2.

NB Мелкий хозяин (и отчасти средний хозяин) сокращают свое потребление.

63—64. Наемный труд у крестьян *крупного* и *среднего хозяйства*.

95. Живут хуже собак.

100. У мелких хозяев хуже хозяйство (удобрение).

117. Кроме скромного содержания не получает даже и малой платы.

122—126. Три бюджета.

201. Само собой разумеется, мелкие едят хуже.

214. Продажа хлеба по нужде мелкими крестьянами.

233. Лесные заработки: скудная плата, тяжелый труд.

261. «Все прилежание и бережливость».

282—283. Два бюджета [вывод: 283: мелкому лучше??]

406. Характеристика крупного, среднего и мелкого хозяйств ((интересная)).

456. Пища. Мясо крайне редко.

491—493. Три *примерных* бюджета. NB: уровень жизни.

524. Употребление искусственных удобрений:

Крупное хозяйство из 21—13, а в большом количестве — 8

Среднее хозяйство из 37—17, а в большом количестве — 3

Мелкое хозяйство из 15—4, а в большом количестве — 3

[ср. с. 535 о числе крупных, средних и мелких хозяйств]

530 и 531. Количество молока и количество коров у крупных — средних — мелких хозяйств (NB). (NB «Молочный кооператив» с. 529 NB).

545—547. Три интересных бюджета (при *одинаковых* расходах на жизнь).

Из баварской анкеты

Из *баварской* анкеты.

«Untersuchung der wirtschaftlichen Verhältnisse in 24 Gemeinden des Königreichs Bayern». Мюнхен 1895. (Цена 7 марок.— С.с. XXXII+575).

[Всего выписок листов № 1—№ 3 стр. a—i]

Баварская анкета

Какого рода сведения (бюджетные) по общинам?

1. Волломоос. *Никаких* бюджетов.
2. Эберфинг.— Никаких бюджетов. (Скотоводство по группам с. 25.)
3. Поллинг. Никаких бюджетов.
4. Лейбльфинг. *Два бюджета: крупное* и *среднее хозяйство: с. 60 и следующие*.
5. Шальдорф. Нет бюджетов.
6. Целль.— Нет бюджетов.
7. Травейлер. **Три обстоятельных** бюджета: *с. 119 и следующие*.
8. Трульбен. *Один краткий* бюджет: *с. 139*. (Среднее хозяйство!)
9. Гаслох. Нет бюджетов. с. 554—570
10. Кондрау.— Нет бюджетов.
11. Паулюсгофен.— Нет бюджетов.
12. Золльбах.— Нет бюджетов.
13. Гезеес. **Один обстоятельный** бюджет: *с. 265. Среднее хозяйство* (12 га).
14. Мёнхсамбах. *Два бюджета* (краткие) (крупное и мелкое хозяйство) *с. 280*.
15. *Бобенгрюн*. Нет бюджетов.
16. Гартерсгофен. Нет бюджетов.
17. Петерсаурах. Нет бюджетов.
18. Форра. Нет бюджетов.
19. Обересфельд. **Три бюджета.** *С. 377*.
20. Майнбернгейм. Нет бюджетов.
21. Ротенбух. Нет бюджетов.
22. Нессенбейрен. Нет бюджетов.
23. Гендеркинген. Нет бюджетов.
24. Миссен. **Три бюджета**. *С. 545*.

Итого *всего* 15 бюджетов
{ 5 крупных хозяйств
6 средних »
4 мелких » }

Крупные хозяйства общины:

№ 4)	57.$_9$ га.	Члены семьи +наемные рабочие	?	Доход=6 890. Расход=5 310. +1 580
№ 7)	19.$_8$ га.	Члены семьи наемные рабочие	6	Доход=3 123. Расход=2 354.+769
№ 14)	? га (более 45).	Члены семьи наемные рабочие	?	Доход=3 481. Расход=2 889.+592
№ 19)	? га (более 13).	Члены семьи наемные рабочие	?	Доход=2 380. Расход=1 870.+510
№ 24	? га (более 20).	Члены семьи наемные рабочие	?	Доход=3 655. Расход=3 124.+531

Средние хозяйства

№ 4)	20.$_2$ га.	Члены семьи +наемные рабочие	?	Доход=2 648. Расход=1 954.+694

№ 7) 8.$_3$ га.	Члены семьи наемные рабочие	5	Доход=1 622. Расход=1 622.±0.$_{15}$
№ 8) 6 га.	Члены семьи?		Доход=840. Расход=747.+93
№ 13) 12 га.	Члены семьи наемные рабочие	7	Доход=1 351. Расход=1 334.+17
№ 19) ? га (7—13).	Члены семьи	?	Доход=911. Расход=475.+436
№ 24) ? га (5—20).	Члены семьи наемные рабочие	?	Доход=1 831. Расход=1 853.−22

Стоимость хозяйств (в тысячах марок)

	крупное	среднее	мелкое
№ 7)	41(+10)	20 (+6)	3 (+)
№ 4)	137	31 (15 долга)	—
№ 8)	—	10 —	—
№ 13)	—	18 (6 долга)	—

(% по долгам вошли в расход)
? № 14 *нет*. № 19 тоже нет.

№ 24)	36	17	?

Мелкие хозяйства

№ 7) 2.$_7$ га.	Члены семьи 9	Доход=579. Расход==928. −349.
№ 14) ? га (меньше 6)	Члены семьи ?	Доход=545. Расход==370. +175.
№ 19) ? га (меньше 7).	Члены семьи ?	Доход=316. Расход==280. +36.
№ 24) ? га (меньше 5).	Члены семьи ?	Доход=422. Расход==917.−495

Главные рубрики расходов:

1. Налоги. (Налоги и обложения)
2. Аренда. (Земельный процент)
3. Восстановление и починка инвентаря и зданий { кузнец, каретник, седельщик, починки, изнашивание машин } сюда же страхование построек от огня
4. Восстановление живого инвентаря { на несчастные случаи среди поголовья скота }
5. Одежда и обувь.
6. Отопление и трубочист.
7. Врачебная помощь, страхование от болезни и старости.
8. Заработная плата.

Община Волломоос. На вопрос о доходности разных предприятий ответ:

«Что касается доходности, то разница между отдельными группами хозяйств ощущается лишь постольку, поскольку мелкие, а отчасти и средние хозяйства вынуждены немного больше ограничивать себя в своих потребностях для того, чтобы выполнить свои обязательства»... (с. 19).

(Разные точки зрения: для кого это плюс, для кого минус!)

Община № 1. Число крупных, средних и мелких хозяйств *не дано*.

Община № 2. 10 крупных хозяйств, 30 средних и 54 мелких (с. 25).

Земли мелкого хозяйства	432 га **(около)**	
среднего »	928	
крупного »	786	(с. 31)
	2146	

... «в отношении доходности» всех *хуже крупное хозяйство:* платить рабочим, хлебные цены низки, расходы высоки (с. 33).

То же № 3 (с. 47)

Община № 5. *12* крупных хозяйств, *62* средних и *28* мелких.

Община № *6*. «Уровень жизни крестьянских семей в общине по своей простоте и нетребовательности является, пожалуй, непревзойденным повсюду. У этих людей нет не только каких-нибудь личных и домашних удобств, но они довольствуются таким питанием, которое, пожалуй, в большинстве местностей считалось бы слишком плохим для собаки самой низкой породы. NB Только в домашнем хозяйстве более состоятельных хозяев можно встретить два раза в году мясо к обеду... NB Жителям общины при соответствующем прилежании необходима также умеренность, потому что без этого они не вынесли бы своего и без того незавидного существования» (с. 95).

			на одно:
№ 7. 4 крупных хозяйства	—	49.$_6$ га	(16.$_5$)
13 средних	»	89.$_6$	(7.$_5$)
27 мелких	»	30.$_8$	(1.$_2$)

«Можно утверждать, что за последние два года сельскому хозяину, за вычетом его скромного содержания, не оставалось даже ничтожной поденной платы, если даже считать земельную ренту всего лишь в 1%» (с. 117).

№ 8. «В среднем можно принять, что мелкое и среднее хозяйства более доходны, чем крупное» (139).

(Паулюсгофен:) «Уровень жизни не особенно отличается (в мелком, среднем и крупном хозяйстве), только он, *само собой разумеется* (!!), значительно проще у маленьких людей, и у них меньше мясной пищи, чем у более крупных хозяев» (201).

С. 235: Разницы в доходности нет, но «более мелкому владельцу постольку лучше, поскольку у него нет таких больших долгов и тяжелых забот (!!!) и поскольку мелким людям легче добыть себе подсобный заработок». !!

В общине № 4 число членов семьи неизвестно. Натуральное потребление в крупном хозяйстве больше, чем в среднем, в $2^1/_2$—$3^1/_2$ раза (sic!!). Ясно, что среднее хозяйство экономит на пище. Тоже на одежде (400 и 200), на износе машин (100 и 0!!). На издержках из-за несчастных случаев со скотом (200 и 0!!!). {На мясника, трактирщика и лавочника: 1 400 марок и 600}

В № 14 мелкое хозяйство имеет доход от поденщины — 15 + от сапожного ремесла 200. Сумма=215 (!!+175!)

В крупном хозяйстве расход на карманные деньги детям=100 марок. «Положение мелкого хозяйства лучше»!

В № 19 потребление в крупном хозяйстве вдвое больше, чем в среднем хозяйстве, да кроме того в расходе стоит покупка скота=600 марок. Sic!!

«Лучше всех окупается среднее хозяйство» (с. 374).

Данные баварской анкеты имеют тем больше интереса, что Бавария — из всех германских государств страна среднего крестьянства по преимуществу. В ней из всех германских государств *наименьший* % хозяйств до 2 га — *35.64*% (ср. 58.23%. Statistik, 112-й том, с. 431)[1], *наибольший* % хозяйств в 5—20 га — *32.69*% (ср. 17.97%). Под хозяйствами в 5—20 га в Баварии — 49.49% площади (выше этого только в Гессене — 50.22%, среднее 29.90%)...[2]

«Эти бюджеты вообще довольно характерны. Автор описания говорит: «Доходность очень низка, несмотря на бережливость и домовитость населения» (с. 279) и ниже: «Мелкому хозяину приходится относительно лучше, чем крупному и среднему, так как первый может кое-что прирабатывать и у него нет расходов на жалованье и содержание слуг» (с. 283).

В самом деле!! Мелкий хозяин получает 15 марок от поденщины (сам поденщик!) и 200 марок от «сапожного ремесла» (сумма=215 из всего дохода 545.34).

Крупный хозяин берет 600 марок из сберегательной кассы (в доходе показано), расходует 800 марок (!!) на покупку лошадей и быков и т. д. (жалованье для слуг=95.40; поденная плата=145.00; чаевые для слуг=28.00).

Сравнить «*процент*» дохода:
крупное хозяйство
+ 592 ко всему доходу 3 481.
мелкое хозяйство
+ 175 ко всему доходу 545. — Пожалуй, тут легче легкого вывести бо́льшую доходность мелкого[1].

Помимо этих примеров ленинских выписок из обследования, проведенного имперским баварским государственным министерством, имеется еще целый ряд таблиц, которые он себе переписал, в том числе точные сведения по всем 24 подлежавшим обследованию общинам касательно общей стоимости землевладений в марках, отношения фактической задолженности по недвижимости к стоимости земли, данных групп владений (в %), разделение на мелкое, среднее и крупное хозяйство. К этой взятой из книги таблицы В. И. Ленин сделал замечание:

«В книге ошибка, S. 573: 345 024, а надо 344 994»[2].

И другое замечание: «Эти столбцы безбожно спутал Булгаков, т. II, стр. 273»[3]. Булгаков хотел доказать, что открытые Марксом закономерности неприменимы к области сельского хозяйства. Ленин подверг критике Булгакова в своей работе «Аграрный вопрос и «критики Маркса»». Таким образом, цифровой материал, на который В. И. Ленин опирался при разработке своей теории развития сельского хозяйства, был им частично получен из обследований, проведенных в 90-х годах по поручению баварского правительства.

Столь же основательным образом, как и Баварскую анкету, проработал он в Мюнхене и материалы обследования сельского хозяйства в Бадене, Гессене, Вюртемберге, Пруссии, Восточной Пруссии, данные германской сельскохозяйственной статистики за 1882 и 1895 годы. Познания Ленина в области аграрного вопроса — в 1901—1902 годах — в значительной мере опирались на факты развития сельского хозяйства Германии.

---

[1] Здесь В. И. Ленин цитирует из: Statistik des Deutschen Reichs. Neue Folge, Band 112. Die Landwirtschaft im Deutschen Reich. Nach der landwirtschaftlichen Betriebszählung vom 14. Juni 1895.

[2] Далее следуют детальные выписки из семейных бюджетов.— *Ф.Х.*

[1] *Ленин В. И.* Тетради по аграрному вопросу. 1900—1916. М., 1969, с. 242—247, 250.

[2] Ленинский сборник XXXII, с. 79 об. и Особый лист № 1.

[3] Там же.

Редкое время прогулок

1.

«Владимир Ильич,— вспоминает Н. К. Крупская,— с ранней молодости умел отбрасывать то, что мешало»[1]. Высказывание Надежды Константиновны о человеке, чью работу и манеру поведения она, как никто другой, наблюдала, в полной мере подходит и к образу жизни В. И. Ленина в Мюнхене.

В Мюнхене было много интересных мест. Однако о посещении театров и картинных галерей, государственной оперы и крупных музеев в письмах Ленина и Крупской из Мюнхена упоминается очень редко.

О том, как Ленин, будучи один, прожил здесь первые семь месяцев, как после приезда Надежды Константиновны они проводили свое свободное время, мы узнаем исключительно из писем к родным.

То, что свободного времени у них было мало, видно по научной, политической и редакционной работе, которую они проделали за период с апреля 1901 года до конца марта 1902 года.

Из тех занятий, которым Ленин предавался в свободное время в России,— продолжительные прогулки по диким местам «спящей страны» (Сибири), охота на уток, глухарей и зайцев, игра в шахматы, чтение философской и художественной классической литературы— в Мюнхене, по независящим от него обстоятельствам, остались лишь немногие: чтение, прогулки и плавание. Охота для него исключалась, а для шахмат у него было слишком мало времени.

Русская литература большей частью присылалась ему по его просьбе. Больше всего его занимало развитие духовной и культурной жизни в России, о чем свидетельствуют его вопросы о новейших пьесах Чехова, постановках Московского Художественного театра, рассказах и романах Горького, его замечания о московских газетах, которые он читал регулярно, советы сестрам обращать внимание на чередование отдыха и работы, постоянные просьбы прислать новые книги или подтверждения о получении посылок с книгами из России. В то же время он следил за литературными новинками в Западной Европе, однако Надежда Константиновна упоминает конкретно только два названия: «В Мюнхене из книг, нравившихся Ильичу, помню роман Арне Гарборга «Bei mama» (У мамы) и «Büttnerbauer» (Крестьянин) Поленца»[2].

Роман Вильгельма фон Поленца (1861— 1903 гг.) появился в 1895 году, и его часто называли «самым значительным романом немецкого натурализма»; он написан деловым, кратким и не сентиментальным языком. Сюжет произведения должен был захватить Ленина, который как раз в это время работал с экономической и статистической литературой по аграрному вопросу: роман Поленца представлял «до мельчайших психологических деталей точно разработанные образы людей, которые, несмотря на честную и прилежную работу, не могут избежать гибели их хозяйства и распада семьи; один из сыновей становится пьяницей, другой находит работу в городе, где примыкает к социал-демократии. Старый крестьянин не понимает теперь окружающего его мира: «У Трауготта было только глухое чувство... что по отношению к нему совершается большая несправедливость. Но кто мог ему сказать: почему это происходит и кто в этом виноват! Кого ему обвинять!»[1]

Л. Н. Толстой, считавший роман выдающимся произведением, написал для русского издания (1902 г.) предисловие[2].

Большую часть своего свободного времени Надежда Константиновна и Владимир Ильич посвящали пешим прогулкам в Английском саду, а во время летних месяцев 1901 года они ходили, временами даже ежедневно, плавать в Унгеровские купальни. Жизнь на Зигфридштрассе была менее хлопотной еще и потому, что ведение домашних дел в значительной степени взяла на себя Елизавета Васильевна Крупская, мать Надежды Константиновны, приехавшая в Мюнхен к дочери и зятю еще весной 1901 года. Ее помощь облегчила им долгие годы эмиграции.

И Надежда Константиновна, и Владимир Ильич подчеркивали, сколь приятен был им обоим Мюнхен с точки зрения повседневной жизни. Они полностью использовали преимущества города с его удобствами и непосредственной близостью больших, манящих к себе зеленых насаждений. Впрочем, Мюнхен они покидали очень редко, очевидно лишь изредка выезжая для прогулок в дальние окрестности в направлении Гаутинга или к Штарнбергскому озеру.

Судя по содержащимся в их письмах описаниям, местом их долгих прогулок была не только северная, ухоженная, часть Английского сада с его Моноптеросом, Китайским домиком и малым Гесселерским озером, но прежде всего более дикая его часть, переходившая в зеленые насаждения по берегам Изара.

Хотя из ресторанов Надежда Константиновна упоминает в своих воспоминаниях только мюнхенский «Хофброй», и то только в связи с проездом через город в 1913 году[3], можно,

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 234.
[2] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 93.

[1] Kindlers Literatur— Lexikon, Band 5, S. 1685.
[2] Ebenda.
[3] См. с. 413 данной книги.

Английский сад
в Мюнхене

однако, предполагать, что оба они были частыми гостями мюнхенских кафе и ресторанчиков, которых было в те времена очень много; для Ленина это предоставляло прекрасную возможность непосредственно наблюдать за столь любимой мюнхенцами формой веселого времяпрепровождения.

Из тех описаний ресторанчиков и гостиниц, которые Ленин имел обыкновение посещать в других городах за границей, можно с уверенностью сказать, что он и в Мюнхене предпочитал проводить свое свободное время там, где можно было встретиться с людьми труда.

Пешие прогулки в какой-то степени уравновешивали ту огромную затрату сил Владимира Ильича, который работал целыми днями за письменным столом. Он придавал большое значение такого рода отдыху, позволявшему ему сохранять работоспособность. Очень полезной считал он и регулярную гимнастику. Узнав, что его сестра арестована, он советует ей в письме от 19 мая 1901 года не забывать о важности смены физических и умственных занятий:

«Как-то ты поживаешь? Надеюсь, наладила уже более правильный режим, который так важен в одиночке? Я Марку писал сейчас письмо и с необычайной подробностью расписывал ему, как бы лучше всего «режим» установить: по части умственной работы особенно рекомендовал переводы и притом об*ратные*, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка. А по части физической усиленно рекомендовал ему, и повторяю то же тебе, гимнастику ежедневную и обтирания. В одиночке это прямо необходимо.

Из одного твоего письма, пересланного сюда мамой, я увидел, что тебе удалось уже наладить некоторые занятия. Надеюсь, что благодаря этому ты будешь хоть иногда забывать об обстановке и время (которое обыкновенно в тюрьмах летит быстро, если нет особо неблагоприятных условий) будет проходить еще незаметнее. Советую еще распределить правильно занятия по имеющимся книгам так, чтобы разнообразить их: я очень хорошо помню, что перемена чтения или работы — с перевода на чтение, с письма на гимнастику, с серьезного чтения на беллетристику — чрезвычайно много помогает. Иногда ухудшение настроения — довольно-таки изменчивого в тюрьме — зависит просто от утомления однообразными впечатлениями или однообразной работой, и достаточно бывает переменить ее, чтобы войти в норму и совладать с нервами. После обеда, вечерком для отдыха я, помню, regelmässig[1] брался за беллетристику и нигде не смаковал ее так, как в тюрьме. А главное — не забывай ежедневной, обязательной гимнастики, заставляй себя проделать по нескольку десятков (без уступки!) всяких движений! Это очень важно. Ну, прощай пока. Крепко целую тебя и желаю бодрости и здоровья.

Твой *Влад. Ульянов*»[2].

Из писем, которые В. И. Ленин посылал своей матери в период между маем 1901 года и мартом 1902 года, мы узнаем о том, что мало что изменилось в привычках и ритме работы в библиотеке для редакции «Искры» и «Зари», конспиративной переписке и в личных встречах с товарищами, с одной стороны, и пребыванием в городе и в прогулках по окрестностям — с другой:

---

1 — регулярно.— *Ред.*
2 *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 208—209.

Английский сад с видом на Моноптерос.

«17/VII.01.

Анюта писала мне на днях, что подумывает перебраться на лоно природы: это было бы недурно, хотя заграничные города, надо сказать, лучше обставлены летом, т. е. чаще поливают улицы и т. п., так что здесь легче провести лето в городе, чем в России. Мы, например, имеем возможность и купаться каждый день в очень хорошей купальне по сравнительно не очень дорогой цене, и гулять есть где, да недалеко и за город выбраться. Движение уличное здесь несравненно меньше, чем в таком же большом русском городе: это потому, что электрические конки и велосипеды совершенно оттесняют на задний план извозчиков. Торговое же движение в том предместье, где мы живем, совершенно ничтожное. Мы поэтому довольны своим местопребыванием и в деревню или на дачу не собираемся»[1].

«3/VIII.01.

Мы живем по-прежнему. Думали было прокатиться немного с Надей, но погода что-то

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 212.

«7/VI.01.

Мы устроились здесь совсем хорошо своей квартирой. Квартирные цены здесь ниже, чем в таких больших (сравнительно) городах России; обзаведение мы себе купили из подержанных вещей недорого, с хозяйством Ел. Вас. и Надя справляются сами без особого труда — хозяйство здесь гораздо проще. Местность тоже очень хорошая: окраина города, недалеко вода и сад с массой зелени. Сообщение же с центром благодаря электричкам отличное»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 210.

Моноптерос
в Английском саду

жизнь здесь своим хозяйством не очень дорога. Присылать не надо, merci...

Мы живем по-старому. Теперь здесь получше стала погода, после довольно долгого ненастья, и мы пользуемся временем для всяких прогулок по красивым окрестностям: раз не удалось уехать куда-нибудь на лето, так хоть так надо пользоваться! Ел. Вас-на теперь поправилась и чувствует себя лучше. Она шлет большой привет и тебе, и всем нашим, Надя тоже»[1].

очень изменчива. Теперь стоят опять дождливые дни. Это лето как раз такое, что провести его в городе даже лучше, чем в деревне»[1].

«21.IX.01.

Дорогая мамочка! Получил твое письмо от 22-го августа. Merci за него, а также за деньги (35 руб.), которые мы наконец получили после долгой проволочки, происшедшей случайно по вине одного приятеля. Насчет финансов у нас вообще дела ничего себе. Моя издательница прислала мне кое-что, и я надеюсь обойтись этим еще довольно долго, тем более, что

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 213.

«24/III.02.

Дорогая мамочка! Что-то очень уже давно не имел я от вас никаких вестей. Как-то вы поживаете? У нас стоит последнее время совершенно весенняя погода — ходят в летнем пальто и вовсе без пальто. Зимы в этом году, можно сказать, и не было. А у вас, вероятно, и теперь еще зима. В Самаре, должно быть, снег теперь распустило, — начинается непролазная грязища или скрытые под снегом лужи?..

Мы тоже подумываем о летнем пребывании, хотя здесь город летом совсем не то, что в России.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 215—216.

Дорогая Марья Александровна! не писала я все это время потому, что сначала надеялась на Анюту, что она распишетъ наше житье-бытье, а потомъ мама да Володя писали. Все мы здоровы. У Володи никакихъ признаковъ катарра нѣту. Мама тоже здорова. Она находитъ, что жизнь у насъ идетъ очень однообразно, по моему нѣтъ. Правда, мы съ Володей неподвижны порядочно, я до сихъ поръ была только въ одной картинной галлерее, а города почти совсѣмъ не знаю. Впрочемъ, это объясняется отчасти тѣмъ, что теперь лѣто и когда идешь гулять, то идешь не въ городъ, а въ поле. Мы живемъ въ предмѣстьи, тутъ соединяются удобства большаго города — лавки, электричка и т. п. — съ близостью лона природы. Вотъ вчера, напримѣръ, мы отлично гуляли по дорогѣ. Чудесная дорога, обсаженная тополями, кругомъ поля да сады. Вдаль мы разъ только пустились, но неудачно, попали подъ грозу и устали очень. Думаемъ как-нибудь поѣхать въ горы. Анюта все совѣтовала поселиться на лѣто въ деревнѣ, мама тоже думаетъ, что это было-бы лучше, но по очень многимъ соображеніямъ это было-бы неудобно. Поселиться далеко нельзя, т. к. В. нужно было-бы каждый [illegible] день ѣздить въ городъ, а это было-бы очень утомительно. Онъ ходитъ, кромѣ того, довольно часто въ библіотеку. А отъ насъ паркъ недалеко и купанье — 20 минутъ ходьбы. Вообще жизнь у насъ понемногу вошла въ колею, Володя налаживается несколько на занятія... Что касается до меня, то я занимаюсь пока совсѣмъ мало, или вѣрнѣе, вовсе не занимаюсь. Куда-то время дѣвается, а куда неизвѣстно. Собираюсь я посѣщать здѣшнія школы. Тутъ какое-то царство дѣтей. Все къ нимъ такъ внимательны, и дѣтишки такія славныя, здоровыя. Я бывала въ нашихъ городскихъ школахъ и невольно сравниваю, и нахожу, что дѣтямъ тутъ живется куда лучше. Впрочемъ, мои сборы такъ, вѣрно, и останутся сборами, ну, да увидимъ еще. Отъ Водовозовой получился чекъ на 600 съ чѣмъ-то марокъ, но денегъ еще не получили, не получено также и письмо. Вообще писемъ намъ изъ Россіи ужасно мало, можно подумать, что всѣ старые друзья забыли о нашемъ существованіи. Вотъ, напр., отъ Зины, отъ Базиля ни слуху ни духу... Такъ и не знаемъ, бросила-ли Эл., наконецъ, свою Тайгу...

Какъ поживаете, дорогая Марья Александровна? Здоровы-ли? Д. И. передайте мой привѣтъ.

Прилагаемое письмо для Манюши, М. Т. передайте мой поклонъ. Нѣтъ-ли чего новенькаго? не вылепила-ли что-нибудь?

Наши шлютъ привѣтъ, а я крѣпко, крѣпко цѣлую.

Ваша Надя.

P. S. Володя проситъ Д. И. послать на имя доктора 3 экз. „Разв. к." —

Письмо Н. К. Крупской к матери В. И. Ленина от 11.VI.1901 г.

Видаю иногда русские журналы — далеко не все и далеко не правильно. Как у вас довольны новой вересаевской повестью в «Мире Божьем»? Я поначалу ждал большего, а продолжением не совсем доволен»[1]

Письма Надежды Константиновны Крупской, которые она посылала Марии Александровне из Мюнхена в Подольск, также передают картину личной повседневной жизни, которую она вела вместе с Лениным в Мюнхене: мечта Крупской посещать мюнхенские школы так и осталась мечтой. К изучению вопросов преподавания и школьного дела она смогла приступить лишь в Швейцарии. Это была та область, в которую она, когда создавалась советская система школьного образования, внесла много ценных теоретических и практических предложений.

«11/VI.01.

Дорогая Марья Александровна! не писала я все это время потому, что сначала надеялась на Анюту, что она распишет наше житье-бытье, а потом мама да Володя писали. Все мы здоровы, у Володи никаких признаков катара нету. Мама тоже здорова. Она находит, что жизнь у нас идет очень однообразно, по-моему, нет. Правда, мы с Володей неподвиги порядочные, я до сих пор была только в одной картинной галерее, а города почти совсем не знаю. Впрочем, это объясняется отчасти тем, что теперь лето и когда идешь гулять, то идешь не в город, а в поле. Мы живем в предместье, тут соединяются удобства большого города — лавки, электричка и т. п. — с близостью лона природы. Вот вчера, например, мы отлично гуляли по дороге. Чудесная дорога, обсаженная тополями, кругом поля да сады. Вдаль мы раз только ездили, но неудачно, попали под грозу и устали очень. Думаем как-нибудь поехать в горы. Анюта все советовала поселиться на лето в деревне, мама тоже думает, что это было бы лучше, но по очень многим соображениям это было бы неудобно. Поселиться далеко нельзя, т. к. Володе нужно было бы каждый день ездить в город, а это было бы очень утомительно. Он ходит, кроме того, довольно часто в библиотеку. А от нас парк недалеко и купание — 20 минут ходьбы. Вообще жизнь у нас понемногу вошла в колею, Володя налаживается несколько на занятия... Что касается до меня, то я занимаюсь пока совсем мало или, вернее, вовсе не занимаюсь. Куда-то время девается, а куда — неизвестно.

Собираюсь я посещать здешние школы. Тут какое-то царство детей. Все к ним так внимательны, и детишки такие славные, здоровые. Я бывала в наших городских школах и невольно сравниваю и нахожу, что детям тут живется куда лучше. Впрочем, мои сборы так, верно, и останутся сборами, ну, да успею еще. От Водовозовой получился чек на 600 с чем-то марок, но деньги еще не получены, не получено также и письмо. Вообще пишут нам из России ужасно мало, можно подумать, что все старые друзья забыли о нашем существовании. Вот, напр., от Зины, от Базиля ни слуху ни духу... Так и не знаем, бросил ли Глеб наконец свою Тайгу...

Как поживаете, дорогая Марья Александровна? Здоровы ли? Д. И. передайте мой привет.

Прилагаемое письмо для Маняши, М. Т. передайте мой поклон. Нет ли чего новенького? не выяснилось ли что-нибудь?[1]

Наши шлют привет, а я крепко, крепко целую.

Ваша *Надя.*

P.S. Володя просит Д. И. послать на имя доктора 3 экз. «Развития капитализма»[2].

«16/VII.1901.

Дорогая Марья Александровна!

Анюта переслала нам Ваше письмо к Володе и Манино письмо. Отчего это Мане не отдали моего письма! Чудно! Очень хорошо бы было, если бы слухи о том, что будут скоро выпускать, оправдались... Когда увидите Маню, скажите ей, что я ее крепко, крепко целую и шлю свой горячий привет. Меня очень удивило в Вашем письме, что Володя мог узнать о Вашем житье-бытье из Вашего письма к маме. Письмо, значит, пропало, т. к. мама от Вас письма не получала и недавно как-то заказывала спросить Вас, получили ли ее письмо. Мама все хворает, кашляет, плохо спит. Сегодня ходила она с нами на купание, страшно устала, а всего-то ходьбы минут 15, не больше. Мы почти каждый день ходим купаться, купание великолепное, вообще мы хотя и живем в городе, но загород от нас очень близко. Место во всех отношениях хорошее. Теперь жарко порядком, но не так уж, чтобы терпеть нельзя было.

Время идет как-то ужасно быстро, совсем и не замечаешь, как неделя проходит за неделей; не то, чтобы уж так много дела было, а так как-то «дела не делаешь и без дела не бегаешь».

Я опять принимаюсь за немецкий язык, неудобно без языка: отыскала немку, которая будет давать мне уроки немецкого взамен русского. Посмотрим. Все собираемся мы с Володей в немецкий театр, но мы по этой части неподвиги порядочные, поговорим: «вот

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 218—219.

[1] М. И. Ульянова и М. Т. Елизаров были арестованы в ночь на 1 марта 1901 г.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 431—432.

надо будет сходить», да тем и ограничимся, то то, то другое помешает. Анюта гораздо подвижнее в этом отношении. Впрочем, и то сказать, настроение теперь как-то для этого мало подходящее. Чтобы пользоваться заграницей вовсю, надо ехать сюда в первый раз в молодости, когда интересует всякая мелочь... Однако в общем-то я довольна теперь нашей жизнью, вначале скучно было как-то, все чуждо очень, но теперь, по мере того как входишь в здешнюю жизнь, чувство это пропадает. Вот только из России очень уж скупо пишут. Ну, кончаю. Крепко Вас обнимаю, дорогая, желаю быть здоровой и бодрой.

Мама шлет привет Вам и Дм. И. Ждем от него письма. Ну, всего, всего хорошего.

Ваша *Надя*»[1].

«2.VIII.

Дорогая Марья Александровна, вчера получили Ваше письмо к Володе. К сожалению, из него видно, что у вас все по-старому, а я последний раз и Маняше потому не написала, что думала, что она скоро будет с Вами. Впрочем, хорошее всегда бывает тогда, когда его меньше всего ждешь. Иногда, когда надолго уйдешь из дому, и мысли заняты совсем другим, и потом подходишь к дому, начинает казаться, что вот придешь и непременно найдешь телеграмму о том, что наши с Вами... Пожалуйста, дорогая, когда пойдете на свидание, поцелуйте от меня Маняшу крепко, крепко, а М.Т. передайте мой привет. Маняше я пишу.

У нас все по-старому. Володя сейчас занимается довольно усердно, я очень рада за него: когда он уйдет целиком в какую-нибудь работу, он чувствует себя хорошо и бодро — это уж такое свойство его натуры; здоровье его совсем хорошо, от катара, по-видимому, и следов никаких не осталось, бессонницы тоже нет. Он каждый день вытирается холодной водой, да, кроме того, мы ходим почти каждый день купаться. Вот мамочка что-то все прихварывает, то ревматизм, то слабость, то простудится.

Через недельку мы с Володей собираемся съездить ненадолго в Швейцарию к Анюте. Я очень рада, что Анюта поехала не на Рюген, как собиралась раньше, а на Тунское озеро. Там, наверное, лучше. Поедем мы на несколько дней, но я с большим удовольствием думаю об этой поездке — во-первых, Анюту хочется повидать, а во-вторых — горы хочется посмотреть, что за горы такие, я никогда не видала, только на картинках. К маме на это время переберется один наш знакомый, так что она не будет бояться остаться одна. Мама собирается осенью ехать в Питер, но я ее уговариваю пробыть зиму с нами, не знаю, как она решит. Вот и лето к концу, я как-то не заметила, как оно прошло, точно и лета не было, в городе как-то и лето на лето не похоже.

Ну, до свидания, дорогая, крепко Вас обнимаю, желаю побольше здоровья и сил. Д. И. мой привет и спасибо за книгу, которая давно получена. Мама всем кланяется.

Ваша *Надя*[1]».

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 432—433.

Отъезд

1.

Первый, ставший лишь в настоящее время известным запрос, который сделали германские полицейские власти по поводу пребывания в Германии сотрудников «Искры», был направлен 6 августа 1901 года городским полицейским ведомством королевской столицы и города-резиденции Штутгарта секретариату сельскохозяйственного института в Гогенгейме:

«Покорнейше позволяем себе запросить вас, не занимаются ли там или не занимались ли в последнее время нижепоименованные русские подданные, о личностях которых мы не располагаем более подробными сведениями:
1. Бауман, Николас,
2. Блюменфельд,
3. Подрецов,
4. Цедербаум»[2].

В ответе из Гогенгейма от 8 августа 1901 года сообщалось:

«Вышепоименованные лица здесь неизвестны, за исключением некоего Мозеса *Блюменфельда* из Херсона, родившегося 20 ноября 1875 года, который пребывал здесь с осени 1894 года до осени 1896 года как студент и за которым не было замечено ничего предосудительного»[3].

Несомненно, запрос содержал, правда, без указания тех, по чьему заданию он делался, имя наборщика «Искры» — Иосифа Блюменфельда, а также частично неправильно написанные фамилии редакторов Александра Потресова (Старовера), Юлия Цедербаума (Мар-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 434.

[2] Hauptstaatsarchiv Stuttgart. Min. d. Ausw, Ang. Russland, E-49 (V/2), Nr. 115.

[3] Hauptstaatsarchiv Stuttgart, письмо автору от 1 марта 1977 г.: «Кроме приведенного Вами запроса Штутгартского городского полицейского ведомства за 1901 год с приложенной ксерокопией его оборотной стороны, никакие другие указания о целенаправленных расследованиях в отношении отдельных русских подданных в фондах вюртембергского министерства иностранных дел (E 49 Verz. 21. Bü 5/2) за эти годы установлены не были».

В этом доме на Зенефельдштрассе, 4 помещалась типография Максимуса Эрнста. (Дом не сохранился.)

това). Был назван также московский представитель «Искры» Бауман (Грач). То, что полицейские розыски были сконцентрированы на учебном заведении, было обусловлено тем, что царская охранка больше всего подозревала в революционных симпатиях людей из студенческой среды.

И то, что запрос исходил из Штутгарта, также не случайно, так как именно там находилось издательство Дитца, в котором издавалась и печаталась «Заря». Кроме того, в нелегальной «Искре» имелись указания на легальную «Зарю», а редакция газеты впервые дала в № 7 адрес Дитца в качестве условного. Им могли пользоваться русские, которые хотели установить связь с «Искрой».

Неизвестно, однако, каким образом летом 1901 года удалось напасть на этот «горячий» след и кто обратился в полицейское управление Штутгарта.

В результате, как и при запросе мюнхенской полицией нюрнбергского магистрата о Филиппе Рёгнере[1], не было получено данных. Однако в донесении одного русского шпика от конца декабря 1901 года содержится заметка: «Что же касается Цедербаума и Ульянова, то они по-прежнему проживают в Мюнхене, где редактируют «Искру»[2].

10 апреля 1902 года В. И. Ленин писал в Берлин своей сестре Анне:

«Совсем сбился с ног с хлопотами! Едем* 12-го.
Пиши пока, если что спешно, на адрес
Mr. Alexejeff
14. Frederick Str. 14.
Gray's Inn Road.
London W. C.
(*для Ленина* — внутри).
Адрес здешнего доктора *во всяком случае* годен: всегда перешлет»[3].

Это было последнее письмо Ленина из Мюнхена. И правда, для отъезда было самое время.

[1] См. с. 195—197 данной книги.
[2] *Арсеньев Ю. М.* Ленин и социал-демократическая эмиграция. 1900—1904 гг. М. 1971, с. 235—236.
* Если изменится — напишу.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 220.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова этого письма не получила. Оно оказалось в чужих руках, о чем и сообщал своему начальству в России инженер Аркадиус Гартинг, возглавлявший царскую тайную полицию в Берлине: «Наблюдавшим за Елизаровой агентам недавно удалось узнать, под какими буквами она получает письма post restante и один из них сумел вчера получить адресованное ей письмо ***Ленина***»[1].

Для отъезда В. И. Ленина в Лондон было предусмотрено все необходимое. Однако нужно было безотлагательно предпринять новые меры для конспирации, чтобы их не могли найти шпионы и агенты властей.

Г. В. Плеханов писал тогда П. Б. Аксельроду в Цюрих: «Оттуда, где они теперь находятся, всем нашим надо уезжать: полиция уже начала свои розыски. Теперь вопрос, куда им переехать»[2].

В. И. Ленин и Н. К. Крупская поселились в Лондоне под фамилией Рихтер. Дело в том, что немецкие товарищи своевременно направили в Мюнхен предупреждение о грозящей

[1] Ленинский сборник III, с. 293.
[2] Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925, т. 2, с. 169.

опасности. Они не исключали даже возможности ареста. В конце марта 1902 года в Швабинг приехала Александра Калмыкова, которой в начале 1900 года Август Бебель предложил именно Мюнхен в качестве места для издания «Искры». Она посоветовала членам редакции немедленно выехать из Мюнхена. На карту также была поставлена безопасность Максимуса Эрнста.

П. Б. Аксельрод и Г. В. Плеханов приехали из Швейцарии на последнее совещание; члены редакции и Максимус Эрнст встретились 27 марта 1902 года в кафе «Европейский двор». Тут же стало известно, что за несколько дней до встречи около дома на Зенефельдерштрассе, 4, видели шпиков: «Два каких-то субъекта, говорящие с иностранным акцентом, справлялись в типографии, «не печатается ли здесь русская газета?» [1]

Точно так же, как В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Л. Мартов и В. И. Засулич, не мог дальше рисковать и Максимус Эрнст. Тяжело больной А. Н. Потресов давно уже находился в Швейцарии.

П. Б. Аксельрод и Г. В. Плеханов предложили местом пребывания редакции Женеву, Ленин, однако, настаивал на Лондоне: в огромном городе царской полиции было значительно труднее отыскать его следы, чем в Германии или Женеве — центре русской эмиграции, к тому же для него представлялась возможность продолжить свою научную работу в библиотеке Британского музея.

Предложение Ленина было принято. Следующим местом для пребывания редакции «Искры» должен был стать Лондон.

Нужно было срочно упаковать все материалы и документы, оплатить последние счета, вернуть в библиотеку книги. Вся мебель была продана за 12 марок.

Как и было предусмотрено, 12 апреля 1902 года Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна Крупская покинули Мюнхен и через Кёльн, где они пробыли два дня, выехали в Англию. Несколько позже Л. Мартов и В. И. Засулич последовали за ними.

По дороге В. И. Ленин написал свои «Замечания на комиссионный проект программы», которые он отправил в Цюрих в связи с обсуждением проекта программы Российской социал-демократической рабочей партии. Сам В. И. Ленин не мог участвовать в этом обсуждении.

Первыми шагами В. И. Ленина в Лондоне было установление контактов с английскими товарищами. С их помощью ленинская «Искра», начиная с 22-го номера, могла уже печататься в Англии. Последние два номера

[1] *Арсеньев Ю. М.* Ленин и социал-демократическая эмиграция 1900—1904 гг., с. 238.

газеты (20 и 21), как уже сообщалось, были напечатаны в Мюнхене.

Долгое время лондонский адрес «Искры» держался в тайне: оставшиеся в Германии члены редакции продолжали работать нелегально. Адрес В. И. Ленина в Лондоне знали только самые близкие и самые надежные люди. В одном из писем к П. Б. Аксельроду он настаивал на тщательном соблюдении конспирации:

> «Вот Вам новый адрес (который просил бы очень не сообщать никому, даже из членов Лиги, кроме самых близких лиц, вроде Л. Гр. или Б. Н.: остальные пусть пользуются попрежнему адресом Алексеева, а сторонние — адресом Дитца. Если можно, — постарайтесь и в разговорах употреблять систематически Мюнхен вместо Лондона и мюнхенцы вместо лондонцы).
>
> Mr. Jacob *Richter* (Holford)
> 30. Holford Square. Pentonville. *London W. C.*» [1]

2.

В. И. Ленин был знаком с Розой Люксембург с тех пор, как в конце апреля — начале мая 1901 года он впервые встретился с ней в Мюнхене, на квартире Парвуса на Унгерерштрассе, 80. Даже такая известная деятельница левых, как она, долгое время не знала, кто из редакторов «Искры» скрывался за каким псевдонимом, употреблявшимся в публикациях.

Однако именно Роза Люксембург была одной из первых, кому стали известны псевдонимы русских товарищей; 14 января 1902 года (sic!) она писала в одном из своих писем: «Т.Х. и Ленин — это Ульянов; Мартов и Игнатус — это Цедербаум; «Ст.» — это Старовер, или — Потресов; Невзоров — это Нахамкес, а Ортодокс — это — угадай?.. Люба Аксельрод» [2].

Условные имена и псевдонимы, вошедшие в практику всех социалистов, представляли собой непременное оружие в борьбе против врага, который никого не щадил и не останавливался ни перед чем для того, чтобы уничтожить революционное движение.

Ни Н. К. Крупская, ни В. И. Ленин никогда не называли причин и не приводили никаких доводов относительно того, почему они выбрали тот или иной псевдоним, то или иное условное имя.

Поначалу фамилия Ленин была не больше, чем один из многих его псевдонимов. В то время инициалы его имени были не В. И. (Владимир Ильич), а просто *Н. Ленин*.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 180.
[2] См.: *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 144.

Первые документы Советского правительства показывают, что после победы революции свой псевдоним — Ленин — он не ставил на первое место. Все декреты подписывались им, например, так:

«Именем правительства Российской республики Председатель Совета Народных Комиссаров. *В. Ульянов (Ленин)*».

Наиболее подходящим является объяснение, данное Надеждой Константиновной в одной из ее статей, опубликованных в 1938 году:

«Настоящая фамилия Ильича была Ульянов. Только много позже, став революционером, он стал писать по конспиративным соображениям под вымышленной фамилией Ленин, стали так его называть»[1].

Фамилия Ленин, которую Владимир Ильич Ульянов впервые использовал как псевдоним в 1901 году и которая поначалу была не чем иным, как случайно выбранным псевдонимом, прочно осталась за ним, и это не случайно. Работы, подписанные именем Ленин, оказали колоссальное влияние на огромные массы людей, укоренились в их мыслях и надеждах; в них содержались четкие и ясные предложения о том, как нужно действовать.

В 1907 году Владимир Ульянов, уже известный в кругах II Интернационала как *Ленин*, был избран в президиум VII международного конгресса в Штутгарте. Открыл конгресс Август Бебель.

Одна из главных резолюций конгресса касалась вопроса о том, какую позицию должен занять Социалистический интернационал по отношению к империалистической политике, по отношению к растущему милитаризму и угрозе войны. Делегаты *В. И. Ленин* и *Р. Люксембург* предложили внести в резолюцию Бебеля некоторые изменения. В соответствии с ними последний пункт резолюции Бебеля должен был быть сформулирован следующим образом:

«В случае угрозы развязывания войны рабочие и их представители в парламентах причастных к конфликту стран обязаны приложить все усилия для того, чтобы воспрепятствовать развязыванию войны. Сделать это необходимо путем применения всех соответствующих средств, которые, учитывая степень обострения классовой борьбы и общей политической ситуации, могут, естественно, меняться и становиться все более и более решительными. Если же война все-таки будет развязана, то они обязаны выступить за ее быстрое окончание и всеми силами стремиться к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для политической встряски народных масс и для ускорения свержения власти капиталистов».

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 25.

Все дополнения, сделанные В. И. Лениным и Р. Люксембург, были с незначительными изменениями приняты Штутгартским конгрессом.

Из видных немецких социал-демократов В. И. Ленин лично знал Карла Каутского, с которым он познакомился еще в 1901 году. Каутский останавливался тогда в Мюнхене во время своей поездки на отдых[1]. А с Августом Бебелем, Паулем Зингером, Кларой Цеткин и Карлом Либкнехтом он познакомился только лишь в 1907 году в Штутгарте.

Роза Люксембург сказала тогда Кларе Цеткин: «Посмотри-ка вон хорошенько на того! Это Ленин. Посмотри на его своенравный упрямый череп! Настоящий русский крестьянский череп с некоторыми немного азиатскими линиями. Этот череп намеревается опрокинуть стены. Возможно, что он при этом разобьется, но уступить он никогда не уступит»[2].

Не прошло еще и семи лет с тех пор, как маленькая группа русских социал-демократов, опираясь на широкую международную солидарность и помощь германской социал-демократической партии, могла уже издавать и распространять в России газету «Искра».

В то время для ряда признанных вождей социал-демократии Германии молодой Владимир Ильич Ульянов был почти неизвестным русским товарищем.

Однако в 1907 году, при принятии основных постановлений Штутгартского конгресса, этот самый «неизвестный» своим участием способствовал не в малой степени победе марксистов и интернационалистов над реформистами и националистами: те дополнения, которые подправили самого Августа Бебеля и были приняты большинством делегатов, говорили об авторитете, на который уже невозможно было не обратить внимания.

Борьба за марксистские и революционные позиции внутри II Интернационала, в особенности же в германской партии, шла полным ходом.

Уже вскоре после Штутгартского конгресса на Эссенском съезде СДПГ Густав Носке начал полемику против поведения германской делегации в Штутгарте. Исходил он при этом из неприкрытых националистических позиций. Когда Носке подвергся резкой критике со стороны Карла Либкнехта, Август Бебель попытался сгладить разногласия и выступил с этой целью против Либкнехта. Следствием выступления Бебеля было то, что против него ополчились левые.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 121.
[2] *Zetkin Clara.* Erinnerungen an Lenin. Berlin, 1961, S. 8.

Ленину были чужды групповщина и сектантство. Он ненавидел тот «марксизм», который рядился в словесный радикализм, опираясь при этом на абстрактные понятия. Точно так же он своевременно распознавал все разновидности оппортунизма и догматизма, разоблачал их невзирая на лица.

Мало известно его отношение к германским и русским левым, полагавшим, что в высказываниях Августа Бебеля того времени проявился отход от марксизма.

В одном из писем к Луначарскому, написанных между 2 и 11 ноября 1907 года, В. И. Ленин констатировал в этой связи следующее:

«Разумеется, добросовестный и внимательный читатель сумеет правильно понять Вас, но следовало бы Вам все же *отгораживаться специально* против лжетолкователей, ибо имя им легион. Например, Бебеля мы, разумеется, должны критиковать, и я не одобряю Троцкого, приславшего нам недавно одно сплошное славословие по поводу Эссена и немецкой социал-демократии вообще. Вы правы, отметив, что Бебель неправ был в Эссене и в вопросе о милитаризме, и в вопросе о колониальной политике (вернее, о характере борьбы радикалов в Штутгарте по этому пункту). Но надо оговорить при этом, что это ошибки человека,— с которым мы идем одним путем и которые исправимы только на этом, марксистском, социал-демократическом пути. Ибо у нас много людей (Вы, вероятно, не видаете их литературы), злобно хихикающих над Бебелем *ради прославления* эсерства, синдикализма (á la Езерский, Козловский, Кричевский — см. «Образование» и т. д.), анархизма.

По-моему, *все* Ваши мысли можно и должно излагать всегда так, чтобы критика направлялась не на ортодоксию, не на немцев вообще, а на *оппортунизм*. Тогда Вас *нельзя* будет перетолковать вкривь. Тогда ясен будет вывод: большевизм, учась не только у немцев, но и *на* немцах (это Ваше требование тысячу раз верное!), сумеет взять *все живое* у синдикализма, *чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм*»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 115.

ПОД ИМЕНЕМ
ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН
В МЮНХЕНЕ

4

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЛЕЙПЦИГЕР ФОЛЬКСЦАЙТУНГ»

Открытое письмо в редакцию «Лейпцигер Фольксцайтунг»

Авторизованные рукописи Ленина в Мюнхенском партийном издательстве Социал-демократической партии Германии

1.

II съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), проходивший с 17(30) июля по 10(23) августа 1903 года, явился поворотным пунктом в русском и международном рабочем движении. На съезде обсуждались коренные вопросы организации партии, в противоположность, например, Социал-демократической партии Германии на рубеже века, члены которой, хотя и высказывались от съезда к съезду против ревизионизма Бернштейна, однако во имя единства и свободы дискуссии так и не сделали окончательного выбора между принципиально разным пониманием идеологии и организации[1].

Повестка дня II съезда РСДРП насчитывала 20 пунктов. Главное место в работе съезда заняло обсуждение программы и устава партии, выборы Центрального Комитета и редакции Центрального Органа. Председателем президиума съезда был избран Г. В. Плеханов, его заместителями — В. И. Ленин и П. А. Красиков. Кроме того, Ленин был избран членом программной, мандатной и уставной комиссий.

В России партия по-прежнему находилась в подполье, поэтому съезд проходил за границей, в Брюсселе. По соображениям конспирации, заседания проходили в помещении мучного склада, окно которого было завешено красной материей. Когда же бельгийская полиция предприняла попытку сорвать работу съезда и безопасность делегатов оказалась под угрозой, съезд был вынужден прервать свою работу и продолжить ее в Лондоне.

[1] Vgl. *Strutynski Peter.* Die Auseinandersetzugen zwischen Marxisten und Revisionisten in der deutschen Arbeiterbewegung um die Jahrhundertwende. Köln, 1976.

На съезде выявились два направления в партии: революционное и оппортунистическое, между которыми развернулась ожесточенная борьба. Сторонники Ленина получили на выборах руководящих органов большинство голосов (их стали называть большевиками); оппортунистов, оказавшихся в меньшинстве, стали называть меньшевиками. Позднее Ленин так вспоминал о своем разговоре с одним из делегатов съезда, который не сумел понять непримиримость позиций твердых искровцев и оппортунистов и занял центристскую позицию:

«Какая тяжелая атмосфера царит у нас на съезде!» — жаловался он мне.— «Эта ожесточенная борьба, эта агитация друг против друга, эта резкая полемика, это нетоварищеское отношение!..» «Какая прекрасная вещь — наш съезд!» — отвечал я ему.— «Открытая, свободная борьба. Мнения высказаны. Оттенки обрисовались. Группы наметились. Руки подняты. Решение принято. Этап пройден. Вперед! — вот это я понимаю. Это — жизнь. Это — не то, что бесконечные, нудные интеллигентские словопрения, которые кончаются не потому, что люди решили вопрос, а просто потому, что устали говорить...»

Товарищ из «центра» смотрел на меня недоумевающими глазами и пожимал плечами. Мы говорили на разных языках»[1].

Для Ленина коренные теоретические вопросы, связанные с созданием единой, революционной партии пролетариата, были решены еще до начала работы II съезда РСДРП. Эти вопросы получили свое разрешение на страницах «Искры» и прежде всего в работе «Что делать?». На этом этапе борьбы за создание партии Ленин постоянно и со всей решительностью указывал на практическую сторону дела, т. е. в данном случае на практическое назначение программы, организации и функции партии:

«У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала. Эта армия все теснее и теснее будет смыкать

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 333.

свои ряды, несмотря ни на какие зигзаги и шаги назад, несмотря на оппортунистические фразы жирондистов современной социал-демократии, несмотря на самодовольное восхваление отсталой кружковщины, несмотря на блестки и шумиху *интеллигентского* анархизма»[1].

В этой последовательности отражался дух «Коммунистического манифеста». Эти мысли напоминали также слова Карла Маркса о том, что рабочий класс или революционен, или он ничто.

Даже противники не могли упрекнуть В. И. Ленина в расплывчатости или неясности точки зрения. Надежда Константиновна Крупская вспоминала, что он «нарочно ставил очень остро все вопросы, чтобы создать ясность в отношении того, кто какую линию занимает»[2]. То, что в спорах между большевиками и меньшевиками речь шла о принципиальной борьбе направлений, доказала сама история. Однако в то время лишь немногие имели полную ясность о всех последствиях этой дискуссии. Так, вожди крупной и влиятельной Социал-демократической партии Германии, стремившиеся любой ценой сохранить единство партии, даже ценой сохранения идеологических разногласий внутри партии, рассматривали происходящее в маленькой русской партии как своего рода проблему роста.

На II съезд РСДРП приехали 43 делегата, имевших 51 решающий голос, и 14—с совещательным, в то время как на I съезде было всего лишь 9 делегатов. Но все же и это не шло ни в какое сравнение со съездами германской социал-демократии, которая к тому времени уже давно была массовой партией.

Однако главное было не в численности партий. Германская социал-демократия почти ничего не знала о содержании дискуссии на съезде РСДРП, и многие члены СДПГ подходили к оценке русских дел с немецкими мерками. Это проявилось уже тогда, когда сразу после II съезда к Карлу Каутскому обратились известные меньшевики в надежде на то, что с помощью его авторитета им удастся лишить В. И. Ленина влияния в русской социал-демократии. Заметим, что Карл Каутский, главный редактор «Нойе Цайт», после смерти Фридриха Энгельса считался в то время наиболее значительным теоретиком II Интернационала.

Павел Аксельрод в письме Карлу Каутскому в январе 1904 года писал: «Я думаю, что действия Ленина и его гвардии оказывают значительно более коррумпирующее влияние

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 8, с. 403—404.
[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 408.

и вносят больше неразберихи, чем действия (И. Б. фон) Швейцера. У того определяющими были все же деловые мотивы, в то время как Ленин пытается в настоящее время перевести дискуссию по имеющимся различиям в сферу личных склок, применяя при этом бонапартистские методы в смеси с хорошей порцией нечаевской бесцеремонности»[1].

Письмо Аксельрода—это только один из примеров того, как меньшевики пытались свести всю проблему к личностям, не чураясь при этом прибегать к интригам и клевете. «Искра», ставшая к тому времени меньшевистской, также опубликовала ряд статей, почти целиком направленных против Ленина, которому, однако, несмотря на его предложения в адрес редакции, не была предоставлена возможность изложить в газете свою точку зрения.

Очевидно, меньшевики видели перед собой только одну цель: любой ценой перетянуть на свою сторону Каутского и побудить его к публичному выступлению. В этом смысле Гурвич (Дан) писал 19 марта 1904 года Каутскому о том, что вряд ли удастся держать немецких товарищей «и далее в полном неведении, так как тактика Ленина и его сторонников заставляет опасаться, что партию не удастся сохранить от полного раскола».

В связи с этим большевики попытались раскрыть содержание и результаты дискуссий на II съезде, которые в письмах к Каутскому и в статьях освещались крайне недостаточно. 29 апреля 1904 года М. Лидин-Мандельштам предложил Карлу Каутскому опубликовать в теоретическом журнале «Нойе Цайт» обширную статью «Дискуссия по организационным вопросам в русской социал-демократии». Однако Каутский отклонил это предложение, обосновав свое решение в подробном письме. Копию письма он переслал Павлу Аксельроду.

О нежелании Каутского заняться анализом политического содержания дискуссии и русской проблематикой свидетельствует одно из его высказываний, которое показывает, что Каутский в проблеме организации видел «только лишь вопрос целесообразности»[2]. Впрочем, Каутский продемонстрировал свое отношение к большевикам уже тем, что он отклонил статью Лидина-Мандельштама и переслал обоснование своего отказа Аксельроду. Аксельрод в свою очередь попросил у Каутского разрешение опубликовать его письмо в «Искре» (Ленин к тому времени уже вышел из состава редакции). Каутский дал свое согласие; в письме от 4 июня 1904 года он писал Аксельроду, что объединение рус-

[1] Аксельрод—Каутскому, 28 января 1904 г.—In: Kautsky—Archiv DXI, 297.
[2] Каутский—Лидину, середина мая 1904 г.—In: Kautsky—Archiv DXI, 297.

ской партии «через голову Ленина» должно быть возможно[1].

После опубликования письма Каутского к Лидину-Мандельштаму в адрес редакции новой «Искры» посыпались многочисленные протесты против немецкого вмешательства, а признание Каутским «своей недостаточной осведомленности о русских делах» — так писал Карл Каутский в письме — авторы протестов «не считали «вовсе излишней скромностью»[2]. Карл Каутский, от которого Павел Аксельрод ожидал, что «после Энгельса он сыграет роль самого признанного третейского судьи в лагере международной социал-демократии, и в частности по отношению к России»[3], после этого еще раз отказался от этой роли. В письме Аксельроду от 4 июня 1904 года он писал: «...в Ваши спорные вопросы я бы не хотел... без необходимости вмешиваться. Я писал о моем немецком опыте. В какой степени этот опыт применим к России, Вы должны решать сами. Давать русским разъяснения к положению в России кажется мне слишком уж смелым...»[4]

Очевидно, Каутский понимал значение той роли, которая ему предназначалась, т. е. вмешательство в дела братской русской партии на стороне меньшевиков.

Вопрос в действительности состоял в том, как разъяснить немецким социал-демократам положение в России. Ведь партийное большинство русских товарищей так и не смогло получить возможность изложить свою точку зрения, т. е. точку зрения РСДРП, в социал-демократической прессе Германии.

Трудности с опубликованием статей русских социал-демократов в центральных органах печати германской социал-демократии существовали еще до того, как в русской партии появились большевики и меньшевики.

Между тем в германской социал-демократии встал вопрос о том, как после II съезда РСДРП получить исчерпывающую информацию о положении в русской партии. Теоретический орган партии «Нойе Цайт» стал на сторону меньшевиков. В 1904 году Карл Каутский согласился опубликовать в журнале статью Розы Люксембург о состоянии дел в русской партии «Организационные вопросы русской социал-демократии». После этого Ленин написал статью «Шаг вперед, два шага назад. Ответ Н. Ленина Розе Люксембург» и направил ее Каутскому для опубликования в «Нойе Цайт». Но Каутский отказался ее поместить и вернул рукопись Ленину. В письме Ленину от 27 октября 1904 года он писал по этому поводу:

«...Вас критиковали в «Neue Zeit» и, следовательно, Вы имеете право ответить. Но Вы в этом ответе разбираете ссору в русской социал-демократии, вопрос, обсуждение которого в «Neue Zeit» я считаю не нужным, даже прямо вредным. Эта ссора такого рода, что немецкие партийные товарищи ее никогда не поймут. Ссора же, сущность которой непонятна, действует отталкивающе. Поэтому сообщение о русской ссоре уменьшит симпатию немецкой социал-демократии к русской социал-демократии *обоих* направлений...

...Такое уменьшение... я считал бы крайне вредным. Поэтому я все усилия прилагал к тому, чтобы не допускать в немецкой партийной печати изложения русских споров, и не хочу, чтобы они излагались также и в «Neue Zeit», пока споры эти остаются семейными ссорами и не приобретают международного значения.

По этой причине я помешал, например, тому, чтобы мое письмо Лидину относительно Вашего дела, опубликованное «Искрой», было напечатано в «Leipziger Volkszeitung», как она того желала. Я также постоянно отклонял ряд обращений Ваших противников, равно как и статью самого Лидина. Теперь мне стало известно, что споры утихают и даже, может быть, совсем затихнут, и мне кажется поэтому в настоящее время еще более неуместным, чем до сих пор, именно сейчас сообщать об этих спорах немецкой социал-демократии.

Статью Розы Люксембург я поместил не *потому*, что в ней обсуждались русские споры, а *несмотря на это*. Я поместил ее потому, что в ней *теоретически* обсуждается организационный вопрос, а этот вопрос интересует также и нас в Германии. Русские споры в ней затронуты лишь слегка, так что неосведомленный читатель даже не обратит на них внимания.

Само собой разумеется, что Вы вправе отвечать на эту критику, но я только должен просить Вас сделать это таким же образом, как это сделала тов. Люксембург, выдвигая на первый план *принципиальную* точку зрения и отодвигая русские споры. Для дискуссии о русских разногласиях «Neue Zeit» не подходящее место.

Вы затрагиваете в своей статье множество вопросов, о которых до сих пор в «Neue Zeit» не упоминалось. Если бы я опубликовал Вашу статью, то Люксембург, Плеханов, Аксельрод и т. д. также потребовали бы изложения своих взглядов; куда бы это нас привело!

Надеюсь, что Вы поймете мою точку зрения, я охотно предоставляю Вам слово для *принципиальной* дискуссии по организационному

---

[1] Каутский — Аксельроду, 4 июня 1904 г. Axelrod — Archiv. Nach: *Dietrich Geyer.* Die Russische Parteispaltung im Urteil der Deutschen Sozialdemokratie 1903—1905. In: International Review of Social History, III/1958 (Part I, Amsterdam), S. 203.

[2] Ebenda, с. 212.

[3] Каутский — Аксельроду 4 июня 1904 г. Axelrod — Archiv. Nach: *Dietrich Geyer*... a.a.O., S. 212.

[4] Ebenda.

вопросу. Но мне бы хотелось, напротив, насколько это возможно, не допускать пока в «Neue Zeit», борьбы из-за внутренних ссор в русской социал-демократии. Поэтому я прошу Вас переработать Ваше возражение соответственным образом»[1].

В дискуссию включился и Август Бебель. В письме от 3 февраля 1905 года он сообщал Ленину, что правление Социал-демократической партии Германии поручило ему помочь русским товарищам ликвидировать раскол в РСДРП. Далее он писал:

«Уважаемый товарищ!

В правление германской социал-демократии от различных сторон поступают просьбы попытаться вмешаться в достойный сожаления конфликт, который возник некоторое время тому назад между сторонниками «Вперед» и «Искры» и который в настоящее время с учетом положения дел в России оказывает особенно отрицательное влияние на обстановку в партии. Мне поручено взять на себя функции председателя третейского суда, в который должны войти я и два представителя от каждой из конфликтующих сторон и который должен будет вынести решение по всем спорным вопросам. Два представителя, которых каждая из сторон может назначить по своему усмотрению, не должны, однако, принадлежать ни к русской, ни к польской национальности, а также ни к одной из наций, находящихся под управлением русского правительства (латыши, финны и т. д.). Тем самым можно будет избежать любого подозрения в необъективности судей.

Третейский суд должен будет объективно изучить положение дел. При этом я исхожу из того, что, согласившись на созыв третейского суда и на избрание судей, Вы и Ваши друзья выразят тем самым свое согласие подчиниться решению суда.

Третейский суд должен будет заседать в Цюрихе.

Срок заседания суда будет Вам сообщен, как только обе стороны назначат судей и выразят свое согласие с условиями работы третейского суда.

Другое условие состоит в том, чтобы со дня Вашего согласия на разбирательство дела в суде Вы бы отказались от полемики с другой стороной. Само собой разумеется, что такое же согласие будет истребовано и у другой стороны.

Смею предположить, что Вы и Ваши друзья готовы положить конец расколу и междоусобной войне в рядах товарищей, которые все стоят на одной и той же принципиальной платформе. Известие об этом расколе вызвало в международной социал-демократии большое замешательство и неодобрение. Все ожидают, что удастся — после свободного обсуждения конфликта с участием представителей обеих сторон — найти совместную платформу для борьбы против общего врага.

Прошу Вас сообщить мне как можно скорее Ваше решение.

С социалистическим приветом
А. Бебель

Ваш ответ отправьте на мое имя по адресу: Германский рейхстаг, Берлин»[1].

[1] Ленинский сборник XV, с. 225—226.

[1] *B. Brachmann.* Bebels Stellung zur russischen Arbeiterbewegung 1905—1907. In: Deutsch-Slawische Wechselseitigkeit in sieben Jahrhunderten. Berlin, 1956, S. 651 f.

Предложение Августа Бебеля было опубликовано в 8-м номере «Вперед» от 28 февраля 1905 года. Владимир Ильич Ленин ответил на него 8 февраля 1905 года:

«Многоуважаемый товарищ!

В тот же день, когда Вы писали мне, мы готовили письмо товарищу Герману Грейлиху, в котором изложили, как и почему раскол в социал-демократической рабочей партии России в настоящее время стал совершившимся фактом. Копию этого письма мы сообщим партийному правлению немецкой социал-демократической партии.

Третий съезд нашей партии будет созван русским Бюро Комитетов Большинства. Редакция «Вперед» и это Бюро — только временные центры. Ни я и никто из известных мне редакторов, сотрудников или сторонников «Вперед», не можем взять на себя в настоящее время ответственности предпринять какие-либо новые важные и связывающие всю партию шаги без решения партийного съезда. Таким образом, Ваше предложение может быть сообщено только этому партийному съезду.

Извините, пожалуйста, за мой плохой немецкий язык»[2].

Письмо Герману Грейлиху, председателю Швейцарской партии, от 3 февраля 1905 года, на которое Ленин указывал Августу Бебелю, содержало краткий очерк раскола в РСДРП с указанием имен и точных цифровых данных. В этой связи Ленин обращает внимание на деятельность старой «Искры» в Мюнхене и пишет:

«Принципиальные разногласия между «Вперед» и новой «Искрой» те же в сущности, какие были между старой «Искрой» и «Рабочим Делом». Эти разногласия мы считаем важными, но, при условии возможности отстаивать вполне свои взгляды, взгляды старой «Искры», мы не считали бы эти разно-

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 11—12.

гласия сами по себе препятствием для работы сообща в одной партии»[1].

С этих позиций Ленин выступил против интриг и искажений фактов со стороны видных меньшевиков и попытался изложить свои взгляды правлению и членам Социал-демократической партии Германии. Это были попытки, которые снова и снова кончались неудачей.

2.

Дальнейший ход борьбы показал, однако, что Карл Каутский изменил свои взгляды на то, что немецкие товарищи не поймут русскую «ссору», а поэтому надо сделать все возможное, чтобы держать немецкую партийную прессу в стороне от всего, что касается этой «ссоры». Каутский однобоко осветил работу III съезда РСДРП, состоявшегося весной 1905 года в Лондоне, т. е. он не только не опубликовал аутентичного извещения о III съезде, но даже не поставил читателей «Нойе Цайт» в известность о том, что такое извещение существует. Вместо этого он поместил в «Лейпцигер Фольксцайтунг» статью под заголовком «Раскол в русской социал-демократии». Свое мнение об этой статье Ленин выразил в письме в адрес ЦК РСДРП от 12 июля 1905 года: «...Каутский поместил преподлую статью по поводу немецкого издания «Извещения»[2].

Все это побудило Ленина еще раз обратиться к Каутскому и послать в редакцию «Лейпцигер Фольксцайтунг» открытое письмо протеста, в котором он упоминал о резолюциях III съезда, вышедших в одном из официальных издательств СДПГ.

Каким путем Ленину удалось опубликовать эти резолюции в мюнхенском издательстве, официальным владельцем которого значился депутат ландтага от социал-демократической партии Георг Иоганн Бирк, выяснить не удалось. Так же трудно установить тираж издания и оценить его резонанс в германской социал-демократии. Фактом остается, однако, то, что с изданием брошюры, которая внешне ничем не выделялась среди прочей печатной продукции издательства «Г. Бирк и К°», немецкий читатель смог ознакомиться с решениями съезда и уставом РСДРП, разработанными Лениным и принятыми большинством партии.

Решения III съезда РСДРП были восприняты большинством партийных организаций в России как боевая программа борьбы за победу демократической революции и легли в основу всей практической деятельности партии.

Благодаря своим старым связям с Мюнхеном Ленину, безусловно, удалось обратить внимание немецких товарищей на решения съезда, напечатанные в социал-демократическом издательстве «Г. Бирк и К°», Виттельсбахерплац, 2. До сих пор резолюции III съезда на немецком языке были известны только по открытому письму Ленина в редакцию «Лейпцигер Фольксцайтунг», где, кстати сказать, оно не было опубликовано. Имеются упоминания о резолюциях III съезда в библиографических источниках, а также в работах о Ленине. В оригинале же для немецкого читателя они почти неизвестны. По этой причине представляется целесообразным привести после открытого письма Ленина текст оригинала «Извещения».

Текст резолюций на немецком языке был аутентичен тексту Ленина и одобрен им. Это видно при сравнении текста резолюций с их переводом в 8-м томе немецкого издания Собрания сочинений В. И. Ленина, подготовленного Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Это же сравнение дает основание утверждать, что перевод, осуществленный в 1905 году с русского на немецкий, сделан, возможно, русским товарищем, который хотя и владел немецким языком (как и Ленин), но все же, разумеется, допустил в переводе ряд заметных русизмов.

Впрочем, надо отметить, что Ленин, несмотря на некоторые проблемы во взаимоотношениях с частью партийного руководства СДПГ, никогда не забывал о пролетарском интернационализме. 17 июня 1903 года «Форвертс» писала: «Еще одним свидетельством солидарности международного пролетариата с предвыборной борьбой германской социал-демократии явилась поддержка, оказанная нам русскими товарищами. Редакция «Искры» при согласии Организационного комитета русской социал-демократии прислала в фонд избирательной кампании 500 франков.

Если мы вспомним о той чрезвычайно тяжелой борьбе, которую наши русские товарищи ведут против ужасных порядков на своей родине, и о тех жертвах, которые они несут в этой борьбе, то тогда этот знак солидарности заслуживает нашу особую признательность, которую вместе с нашей самой сердечной благодарностью за помощь мы им высказываем»[1].

3.

Открытое письмо в редакцию «Leipziger Volkszeitung»

Уважаемые товарищи!

В номере 135 «Leipziger Volkszeitung» т. К. Каутский пишет о расколе в русской социал-демократии. Мы вынуждены просить вас напечатать наш ответ на нападки т. Каутского, а также разрешить нам опровергнуть фак-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 237.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 42.

[1] *Streb Xaver.* Lenin in Deutschland, a.a.O., S. 42 f.

тические неправильности, имеющиеся в упомянутой статье. Мы будем по возможности кратки.

Каутский говорит: «Немецкое издание резолюций только что закончившегося русского съезда появилось в высшей степени неподходящий момент», резолюции «дадут большинству читателей совершенно ложное представление об отношениях в российской социал-демократии». Каутский идет так далеко, что предлагает немецким товарищам не распространять этих резолюций.

Мы позволим себе возразить на это, что ничто не может дать немецким товарищам такой правильной картины отношений в российской социал-демократии, как подлинные резолюции III съезда РСДРП, а также резолюции «конференции», устроенной новоискровцами.

Мы заявляем, что Каутский совершает большую ошибку, когда пишет о вещах, о которых он в лучшем случае знает только понаслышке, и что данная им картина отношений, существующих в русской социал-демократии, весьма искажена. Так, например, становится прямо смешно, когда Каутский высказывает предположение, что «резолюции (III съезда РСДРП), быть может, в настоящий момент уже потеряли свое значение даже для тех самых лиц, кто их составлял[1]». Переговоров об объединении между нами и новоискровцами достаточно много ведется теперь и велось в продолжение последних 2—3 месяцев, но до сих пор результат этих переговоров равен нулю.

Мы энергично протестуем против попытки заглушить наш голос в немецкой социал-демократической печати путем такого грубого, механического, неслыханного приема, как бойкот брошюры, которая содержит только перевод резолюций III съезда РСДРП и которая появилась в издании мюнхенского партийного издательства СДРП Германии (Г. Бирк и К°). Каутский не имеет никакого права говорить о своем беспристрастии. Он был всегда пристрастным в теперешней борьбе внутри российской социал-демократии. На это, конечно, он имел полное право. Но тому, кто пристрастен, лучше не говорить слишком много о беспристрастии, чтобы не быть обвиненным в лицемерии.

Каутский изображает все резолюции III съезда РСДРП как «нападки Ленина и его друзей против Плеханова и его друзей». Три маленьких замечания на это. Во-первых, из 17 резолюций только четыре затрагивают прямо или косвенно наших противников внутри РСДРП. Во-вторых, Плеханов теперь вышел из редакции «Искры» (смотри № 101 «Искры»). Это показывает, как мало Каутский понимает в наших отношениях. В-третьих, мы просим немецких товарищей подумать о том, какое впечатление должно произвести на русских социал-демократов, когда человек с авторитетом т. Каутского пытается опорочить работу всего партийного съезда подобным «изображением»: «нападки Ленина и его друзей»? Что подумали бы в Германии о людях, которые позволили бы себе изобразить работу, скажем, Дрезденского партийного съезда (не прочитав протоколов) так: нападки Каутского и его друзей..?

Одно слово предостережения ко всем немецким социал-демократам: Товарищи! Если вы действительно считаете РСДРП братской партией, то не верьте ни единому слову из того, что рассказывают вам так называемые беспристрастные немцы о нашем расколе. Требуйте только документов, подлинных документов. И не забывайте: предубеждение дальше от истины, чем незнание.

С социал-демократическим приветом
Редакция Центрального Органа («Пролетарий»)
Российской социал-демократической рабочей партии[1].

[1] В «Leipziger Volkszeitung» опечатка: «ненавидели».

[1] В письме имеется приписка: «P.S. Французские социалисты под беспристрастием понимают нечто иное чем немцы. Их центральный орган «Le Socialiste» только что опубликовал в виде особого приложения перевод резолюций III съезда РСДРП».— *Ред.*
Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 305—309.

I. Извещение о III съезде Российской социал-демократической рабочей партии

Товарищи-рабочие! Недавно состоялся III съезд РСДРП, который должен открыть собой новую полосу в истории нашего социал-демократического рабочего движения. Россия переживает великий исторический момент. Революция вспыхнула и разгорается все шире, охватывая новые местности и новые слои населения. Пролетариат стоит во главе боевых сил революции. Он принес уже наибольшие жертвы делу свободы и готовится теперь к решительному бою с царским самодержавием. Сознательные представители пролетариата знают, что свобода не даст трудящимся избавления от нищеты, гнета и эксплуатации. Буржуазия, ныне стоящая за дело свободы, постарается на другой день после революции отнять у рабочих возможно большую часть ее завоеваний, выступит непримиримым врагом социалистических требований пролетариата. Но мы не боимся свободной, объединенной и окрепшей буржуазии. Мы знаем, что свобода даст нам возможность

Sozialdemokratiſche Arbeiter-Partei Rußlands.

Bericht

über den

III. Parteitag der S.-D. A.-P. R.

mit

Beifügung des Partei-Statuts

und der

wichtigſten Reſolutionen, die auf dem III. Parteitag angenommen wurden.

1905.

Preis 20 Pfennig.

München bei G. Birk & Co.

Титульный лист брошюры с документами III съезда РСДРП, изданной на немецком языке социал-демократическим издательством Г. Бирк и К°. 1905 г.

широкой, открытой, массовой борьбы за социализм. Мы знаем, что экономическое развитие с неумолимой силой — и тем быстрее, чем свободнее оно пойдет,— будет подкапывать власть капитала и подготовлять победу социализма.

Товарищи-рабочие! Чтобы достигнуть этой великой цели, мы должны сплотить всех сознательных пролетариев в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию. Наша партия начала складываться уже давно, тотчас после широкого рабочего движения 1895 и 1896 годов. В 1898 году собрался I съезд, основавший Российскую социал-демократическую рабочую партию и наметивший ее задачи. В 1903 году состоялся второй съезд, давший партии программу, вынесший ряд резолюций о тактике и впервые попытавшийся создать цельную партийную организацию. Правда, эта последняя задача не удалась партии сразу. Меньшинство II съезда не захотело подчиниться большинству его и начало раскол, принесший глубокий вред с.-д. рабочему движению. Первым шагом этого раскола было нежелание исполнять постановления второго съезда, отказ работать под руководством созданных им центральных учреждений; последним шагом явился отказ принять участие в III съезде. III съезд был созван Бюро, выбранным большинством комитетов, работающих в России, и ЦК партии. На съезд были приглашены все комитеты, отделившиеся группы и недовольные комитетами периферии, и громадное большинство их, в том числе почти все комитеты и организации меньшинства, выбрали своих делегатов и послали их на съезд за границу. Таким образом было достигнуто все, осуществимое при наших полицейских условиях, для созыва общепартийного съезда, и только отказ трех заграничных членов бывшего Совета партии повлек за собой бойкот съезда всем меньшинством партии. III съезд, как видно из приводимой ниже резолюции его, возлагает на этих трех членов всю ответственность за раскол партии. Но тем не менее III съезд, несмотря на отсутствие меньшинства, принял все меры к тому, чтобы меньшинство могло работать вместе с большинством в одной партии. III съезд признал неправильность того поворота к устарелым, отжившим взглядам «экономизма», который наметился в нашей партии, но в то же время съезд создал точные и определенные, закрепленные уставом партии, обязательным для всех членов ее, гарантии прав всякого меньшинства. Меньшинство имеет теперь безусловное, обеспеченное уставом партии, право отстаивать свои взгляды, вести идейную борьбу,— лишь бы споры и разногласия не вели к дезорганизации, не мешали положительной работе, не дробили наших сил, не препятствовали дружной борьбе с самодержавием и с капиталистами. Право на издание партийной литературы дано теперь уставом всякой полноправной организации партии. ЦК партии вменено теперь в обязанность транспортировать всякую партийную литературу, раз этого требуют пять полноправных комитетов, т. е. одна шестая доля всех полноправных комитетов партии. Автономия комитетов определена точнее, личный состав комитетов объявлен неприкосновенным, т. е. у ЦК отнято право исключать членов из местных комитетов и вводить новых без согласия комитета. Единственным исключением из этого является тот случай, когда $^2/_3$ организованных рабочих требуют смещения комитета: тогда по уставу, принятому III съездом, это смещение обязательно для ЦК, раз $^2/_3$ его согласны с решением рабочих. Каждому местному комитету дано право утверждать периферийные организации в звании партийных организаций. Периферии дано право представлять кандидатов в члены комитетов. Границы партии определены точнее, согласно желанию большинства партии. Создан один центр вместо двух или трех. Обеспечено решительное преобладание работающих в России товарищей над заграничной частью партии. Одним словом, третьим съездом сделано все, чтобы рассеять всякую возможность нареканий на злоупотребление со стороны большинства его перевесом, на механическое подавление, на деспотизм центральных учреждений партии и проч. и т. п. Создана полная возможность для всех социал-демократов работать вместе, вступать уверенно в ряды одной партии, достаточно широкой и жизненной, достаточно окрепшей и сильной, чтобы парализовать традиции старой кружковщины, чтобы стереть следы минувших трений и мелочных конфликтов. Пусть же все действительно ценящие партийность работники социал-демократии последуют теперь призыву III съезда, пусть его постановления послужат исходным пунктом для восстановления единства партии, для устранения всякой дезорганизации, для сплочения рядов пролетариата. Мы уверены, что именно сознательные рабочие, всего лучше умеющие ценить значение сплоченной, дружной работы, всего глубже прочувствовавшие весь вред розни, шатаний и усобиц, будут настаивать теперь со всей энергией на всеобщем и безусловном признании партийной дисциплины всеми членами партии как из низов, так и из верхов ее!

Стремясь сохранить во всех своих организационных и тактических решениях преемственную связь с работами второго съезда, III съезд пытался учесть новые задачи момента в резолюциях о подготовке партии к открытому выступлению, о необходимости самого энергичного практического участия в вооруженном восстании и руководства им со стороны партии, наконец, об отношении ее к временному революционному правительству. Съезд обра-

тил внимание всех членов партии на необходимость пользоваться всяким колебанием правительства, всяким юридическим или фактическим расширением свободы нашей деятельности для укрепления классовой организации пролетариата, для подготовки открытого выступления его. Но кроме этих общих и основных задач социал-демократической рабочей партии переживаемый революционный момент выдвигает перед ней роль передового борца за свободу, роль авангарда в вооруженном восстании против самодержавия. Чем упорнее становится сопротивление царской власти народному стремлению к свободе, тем могучее растет сила революционного натиска, тем вероятнее полная победа демократии с рабочим классом во главе ее. Проведение победоносной революции, отстаивание ее завоеваний возлагает гигантские задачи на плечи пролетариата. Но пролетариат не испугается великих задач. Он с презрением отбросит от себя тех, кто сулит ему несчастья от его победы. Российский пролетариат сумеет исполнить свой долг до конца. Он сумеет стать во главе народного вооруженного восстания. Он не испугается трудной задачи участия во временном революционном правительстве, если эта задача выпадет на его долю. Он сумеет отбить все контрреволюционные попытки, беспощадно раздавить всех врагов свободы, грудью отстоять демократическую республику, добиться революционным путем осуществления всей нашей программы-минимум. Не страшиться, а страстно желать этого исхода должны российские пролетарии. Победив в предстоящей демократической революции, мы сделаем этим гигантский шаг вперед к своей социалистической цели, мы сбросим со всей Европы тяжелое ярмо реакционной военной державы и поможем быстрее, решительнее и смелее пойти к социализму нашим братьям, сознательным рабочим всего мира, которые так истомились в буржуазной реакции и духовно оживают теперь при виде успехов революции в России. А с помощью социалистического пролетариата Европы мы сумеем не только отстоять демократическую республику, но и пойти к социализму семимильными шагами.

Вперед же, товарищи рабочие, на организованную, дружную и стойкую борьбу за свободу!

Да здравствует революция!

Да здравствует международная революционная социал-демократия!

Центральный Комитет РСДРП

II. Резолюции съезда

О конституировании съезда

Выслушав доклад Организационного комитета и комиссии по проверке мандатов и обсудив эти доклады, съезд констатирует, что на нем представлены партийные организации, имеющие больше половины решающих голосов, что, согласно партийному уставу, ставит законность съезда вне сомнений.

Что же касается того пункта договора между Центральным Комитетом и Бюро комитетов большинства, по которому съезд открывается при наличности трех четвертей делегатов российских комитетов, считая и Лигу, то по этому вопросу съезд постановляет:

Согласно доклада ОК обе стороны, составившие ОК, смысл этого пункта договора видели в том, что необходимо было и ЦК и БКБ принять самые энергичные меры для достижения полноты представительства на съезде, а также дать партии все гарантии того, что ЦК и БКБ поставили себе целью организовать общепартийный, а не фракционный съезд. Этим пунктом договора отнюдь не имелось в виду устранить действие того параграфа устава партии, по которому съезд действителен при наличности более чем половины общего числа решающих голосов. Что же касается полноты представительства на съезде, то съезд констатирует, что в этом отношении приняты все меры. Известия не получены только от Астраханского комитета и Крымского союза. Выбор делегатов и посылка их за границу (в двух случаях — Тверской и Кубанский комитеты — передача мандатов заграничным товарищам) произведены девятью комитетами[1] из числа не представленных на съезде. В совокупности с наличными делегатами от 20 комитетов это составляет 29 комитетов, т. е. во всяком случае более $^3/_4$ от 34 комитетов[2].

Если девять делегатов от названных комитетов не явились на съезд, несмотря на то что получили от комитетов соответственные мандаты и явились за границу, то отсутствие их на съезде объясняется не виною ОК, а тем, что все усилия ОК создать полноту представительства на съезде разбились о незаконное противодействие трех заграничных членов бывшего Совета партии. Таким образом, три члена Совета партии не исполнили явной воли партии и тем поставили себя вне партии. Рассматривая такое противодействие, как прямое нарушение доверенными

---

[1] Донской, Горнозаводский, Киевский, Кубанский, Тверской, Харьковский, Смоленский, Екатеринославский, Сибирский.

[2] Число 34 есть максимум правоспособных организаций, первоначально вошедших в список Организационного комитета.

должностными лицами партии определенно выраженной воли их доверителей, съезд возлагает на этих трех членов бывшего Совета партии ответственность за раскол партии и, выражая глубокое сожаление об этом расколе, высказывает непреложное убеждение в скором восстановлении единства партии, безусловно необходимого с точки зрения интересов российского пролетариата в переживаемый критический момент его революционной борьбы.

О вооруженном восстании

Принимая во внимание:

1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в общедемократическом революционном движении в России;

2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания;

3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России;

4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой;

5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—

III съезд РСДРП признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент.

Поэтому съезд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников.

О временном революционном правительстве

Принимая во внимание:

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, учредительное собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—

III съезд РСДРП постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программы-минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правительстве уполномоченных нашей партии в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции.

Об отношении к тактике правительства накануне переворота

Принимая во внимание,

что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем:

1) пытается путем уступок и обещаний реформ политически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы;

2) с той же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдодемократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием карикатурных форм народного представительства, вроде так называемого Земского собора;

3) организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа,—

III съезд РСДРП постановляет предложить всем партийным организациям:

а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы — с другой;

б) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем учредительного собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайною подачею голосов;

в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других стоящих на очереди требований рабочего класса;

г) организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством.

По вопросу об открытом политическом выступлении РСДРП

Принимая во внимание:

1) что революционное движение в России до известной степени расшатало и дезорганизовало уже самодержавное правительство, которое оказывается вынужденным допустить некоторую свободу политического выступления враждебных ему классов;

2) что этой свободой политического выступления преимущественно пользуются теперь буржуазные классы, усиливая таким образом еще более свое экономическое и политическое преобладание над пролетариатом и увеличивая опасность превращения рабочего класса в простой придаток буржуазной демократии;

3) что среди рабочих масс все шире и шире обнаруживается стремление к самостоятельному и открытому выступлению на политическую арену хотя бы и без всякого участия социал-демократии,—

III съезд РСДРП обращает внимание всех партийных организаций на необходимость:

а) пользоваться каждым случаем открытого выступления для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата, для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социал-демократическую силу;

б) использовать все легальные или полулегальные рабочие общества, союзы и другие организации для обеспечения преобладающего влияния на них социал-демократии и превращения их, по мере возможности, в опорные пункты будущей открытой социал-демократической рабочей партии в России;

в) принять меры к тому, чтобы наши партийные организации, наряду с сохранением и развитием своего конспиративного аппарата, приступили немедленно к подготовке целесообразных форм перехода во всех случаях, когда это возможно, к открытой деятельности социал-демократической партии, не останавливаясь при этом и перед столкновением с вооруженной силой правительства.

Об отношении к крестьянскому движению

Принимая во внимание:

1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неминуемо обращается, тем не менее, против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще;

2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя;

3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования;

4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую про-

тивоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии,—

III съезд РСДРП поручает всем партийным организациям:

а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель;

б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета;

в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него призывать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов;

г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты.

Об отколовшейся части партии

Съезд констатирует, что в РСДРП со времени ее борьбы с экономизмом сохраняются до сих пор в различной мере и в различных отношениях родственные ему оттенки, характеризующиеся общей тенденцией принижать значение элементов сознательности в пролетарской борьбе, подчиняя их элементам стихийности. Представители этих оттенков в вопросе организационном теоретически выставляют не соответствующий планомерно оформленной работе партии принцип организации-процесса, на практике же проводят в массе случаев систему уклонений от партийной дисциплины, а в других случаях, обращая к наименее сознательной части партии проповедь широкого, не считающегося с объективными условиями русской действительности, применения выборного начала, пытаются подорвать единственно возможные в данное время основы партийной связи. В вопросах тактических они проявляют себя стремлением сузить размах партийной работы, высказываясь против законченно-независимой партийной тактики по отношению к либерально-буржуазным партиям, против возможности и желательности для нашей партии взять на себя организующую роль в народном восстании, против участия партии при каких бы то ни было условиях во временном демократически-революционном правительстве.

Съезд предлагает всем членам партии вести повсюду энергичную идейную борьбу против подобных частичных уклонений от принципов революционной социал-демократии, но в то же время находит, что участие в партийных организациях лиц, примыкающих в той или иной мере к подобным взглядам, допустимо при том необходимом условии, чтобы они, признавая партийные съезды и партийный Устав, всецело подчинялись партийной дисциплине.

Об отношении к национальным социал-демократическим организациям

Принимая во внимание:

1) что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют объединения социал-демократических организаций всех национальностей России;

2) что начавшаяся открытая революционная борьба против самодержавного строя и близость вооруженного восстания делают такое объединение особенно необходимым,—

III съезд, подтверждая отношение II съезда к вопросу о федерализме, поручает как ЦК, так и местным комитетам приложить все усилия к соглашению с национальными социал-демократическими организациями в целях согласования местной работы и подготовления таким образом возможности объединения всех социал-демократических партий в единую РСДРП.

О практических соглашениях с социалистами-революционерами

Подтверждая отношение РСДРП к партии социалистов-революционеров, определенное резолюцией II съезда, и принимая во внимание:

1) что временные боевые соглашения социал-демократов с организациями социалистов-революционеров в целях борьбы с самодержавием могут быть в некоторых случаях полезными;

2) что такие соглашения ни в каком случае не должны ограничивать полной самостоятельности социал-демократической партии и нарушать цельность и чистоту ее пролетарской тактики и ее принципов,—

III съезд РСДРП поручает ЦК и местным комитетам в случае надобности входить во временные боевые соглашения с организациями социалистов-революционеров, причем местные соглашения могут заключаться лишь под контролем Центрального Комитета.

Об отношении к либералам

Принимая в соображение:

а) что социал-демократия должна поддерживать буржуазию, поскольку она является революционной или только оппозиционной в своей борьбе с царизмом;

б) что поэтому социал-демократия должна приветствовать пробуждение политического сознания русской буржуазии; но что, с другой стороны, она обязана разоблачать перед пролетариатом ограниченность и недостаточность освободительного движения буржуазии всюду, где бы ни проявлялась эта ограниченность и недостаточность,—

III съезд РСДРП настоятельно рекомендует товарищам:

1) разъяснять рабочим антиреволюционный и противопролетарский характер буржуазно-демократического направления во всех его оттенках, начиная от умеренно-либерального, представляемого широкими слоями землевладельцев и фабрикантов, и кончая более радикальным, представляемым Союзом освобождения и многочисленными группами лиц свободных профессий;

2) энергично бороться, в силу изложенного, против всяких попыток буржуазной демократии взять в свои руки рабочее движение и выступать от имени пролетариата или отдельных групп его.

Примечание. Настоящей резолюцией отменяется резолюция об отношении к либералам т. Старовера, принятая на II съезде.

О пропаганде и агитации

Принимая во внимание:

1) что задача планомерной и стройной организации революционно-пролетарского движения требует при теперешнем колоссальном его росте несравненно большей массы социал-демократических сил, чем когда бы то ни было прежде;

2) что при этом исключительную важность приобретает привлечение к роли руководителей движения,— в качестве агитаторов, пропагандистов и особенно в качестве членов местных центров и центра общепартийного,— возможно большего числа сознательных рабочих, как людей, наиболее непосредственно связанных с этим движением и наиболее тесно связывающих с ним партию, и что именно недостатком таких политических руководителей среди рабочих объясняется наблюдаемое до сих пор сравнительное преобладание интеллигентов в партийных центрах;

3) что необходимые при таких условиях кадры партийных работников может дать партии только значительно расширенная и улучшенная постановка агитации и пропаганды,—

III съезд РСДРП подтверждает резолюцию II съезда о пропаганде и поручает Центральному Комитету:

а) организовать литературно-пропагандистскую группу для выработки общей пропагандистской программы и для составления применительно к ней ряда популярных брошюр по главным вопросам партийной программы, тактики, организации, причем обратить особое внимание на издание брошюрной литературы для работы среди крестьянства;

б) озаботиться постановкой издания популярного органа в России;

в) принять меры к организации разъездных групп агитаторов и пропагандистов для содействия местным центрам;

г) озаботиться изданием пропагандистской и агитационной литературы на жаргоне и других языках, входя для этого в случае надобности в соглашения с местными комитетами.

По поводу событий на Кавказе

Принимая во внимание:

1) что особые условия социально-политической жизни Кавказа благоприятствовали созданию там наиболее боевых организаций нашей партии;

2) что революционное движение среди большинства населения Кавказа как в городах, так и в деревнях дошло уже до всенародного восстания против самодержавия;

3) что самодержавное правительство посылает уже войско и артиллерию в Гурию, подготовляя самый беспощадный разгром всех важнейших очагов восстания;

4) что победа самодержавия над народным восстанием на Кавказе, облегчаемая иноплеменным составом тамошнего населения, будет иметь самые вредные последствия для успеха восстания во всей России,—

III съезд РСДРП от имени сознательного пролетариата России шлет горячий привет геройскому пролетариату и крестьянству Кавказа и поручает Центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собеседований и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами...

О Центральном Органе партии

Принимая во внимание:

1) что редакция «Искры» не явилась на съезд и не приняла мер к согласованию своей дальнейшей деятельности с решениями и директивами III партийного съезда;

2) что деятельность редакции новой «Искры» отнюдь не является гарантией за пра-

вильное разрешение тактических вопросов в будущем,—

III съезд РСДРП постановляет, что газета «Искра» перестает быть Центральным Органом партии, и поручает Центральному Комитету создать новый Центральный Орган согласно Уставу партии, дав ему имя «Пролетарий».

Об обязанности центров осведомлять периферии о партийных делах и считаться с их совещательным голосом

Принимая во внимание, что только широкая осведомленность всех членов партии и возможно более тесное общение центров с их периферией могут обеспечить дружную и продуктивную работу нашей партии,—

III съезд РСДРП разъясняет, что в обязанности как ЦК, так и местных центров входит возможно полное осведомление партийных организаций о всех общепартийных и местных делах, поскольку этому не препятствуют конспиративные соображения, а также привлечение в пределах тех же конспиративных соображений с совещательным голосом периферийных организаций при обсуждении этих дел.

О материальной поддержке партии

Третий съезд РСДРП обращает внимание всех членов партии на то, что если, с одной стороны, фактическая невозможность поддерживать партию материальными средствами и не лишает, разумеется, партийного работника прав члена партии, то, с другой стороны, такая поддержка в высшей степени важна для нашей партии, как партии пролетарской. Новые политические задачи, особенно те, которые связаны с восстанием, требуют несравненно больших, чем до сих пор, материальных средств, а между тем развитие самостоятельной организации буржуазных элементов и возрастающая их враждебность по отношению к социал-демократии дают все основания думать, что приток средств извне партии будет все более уменьшаться. Необходимо, чтобы партия могла существовать всецело на свои собственные средства.

О периодических конференциях представителей различных партийных организаций

Принимая во внимание, что объединение партийной работы является неотложным требованием партийной жизни, что такое объединение всего лучше достигается совместным обсуждением всех вопросов социал-демократической теории и практики,—

III партийный съезд выражает пожелание, чтобы как Центральный, так и местные комитеты организовывали возможно чаще конференции представителей различных организаций нашей партии.

Относительно «Вперед»

Принимая во внимание ту революционную инициативу, которую проявила газета «Вперед», выступив с критикой проникших в партию под официальным знаменем «Искры» уклонений от указаний II партийного съезда, ту революционную чуткость, которую проявила газета «Вперед» в постановке и освещении выдвинутых революционным движением вопросов тактики, ту энергию, с которой «Вперед» вел борьбу против воскресших в партии демагогических приемов; принимая далее во внимание выдающуюся роль, сыгранную газетой «Вперед» в борьбе за восстановление партийности, наконец, ее значение в деле реализации съезда,— съезд выражает благодарность редакции «Вперед»...

III. Устав партии

§ 1. Членом партии считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и участвующий личной работой в одной из ее организаций.

§ 2. Верховным органом партии является партийный съезд. Он созывается ежегодно ЦК партии. Центральный Комитет обязан созвать в течение двух месяцев съезд, если созыва съезда требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. Съезд считается действительным, если на нем представлены организации, имеющие вместе право более чем на половину решающих голосов.

Примечание 1. В случае отказа ЦК созвать съезд при требовании половины комитетов, съезд созывается ОК, избранным на конференции представителей от полноправных комитетов. Организационный комитет по созыву съезда пользуется всеми правами Центрального Комитета.

Примечание 2. Список вновь утверждаемых организаций публикуется немедленно в ЦО партии с указанием момента их утверждения Центральным Комитетом.

§ 3. Представительство на съезде имеют: а) ЦК; б) все местные комитеты, не входящие в особые союзы; в) иные организации, приравненные в этом отношении к комитетам; г) все союзы комитетов, признанные партией. Все означенные организации представляются на съезде каждая одним делегатом, имеющим один голос; ЦК представляется двумя де-

легатами, имеющими каждый по одному голосу; одним из этих делегатов должен быть ответственный редактор Центрального Органа.

Представительство союзов определяется особыми уставами.

Примечание 1. Правом представительства пользуются лишь те организации, которые утверждены не позже как за полгода до съезда.

Примечание 2. Центральному Комитету предоставляется приглашать на съезд с совещательным голосом делегатов тех организаций, которые не отвечают условиям, указанным в примечании 1.

§ 4. Съезд выбирает Центральный Комитет.

§ 5. Центральный Комитет представляет партию в сношениях с другими партиями, назначает ответственного редактора ЦО из своей среды, организует комитеты, союзы комитетов и другие учреждения партии и руководит их деятельностью; организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение; распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии; разбирает конфликты как между различными учреждениями партии, так и внутри их и вообще объединяет и направляет всю деятельность партии.

§ 6. Все партийные организации, выполняющие целостную работу (комитеты местные, районные, заводские и т. п.), ведают автономно все дела, относящиеся специально и исключительно к той области партийной деятельности, для заведования которой они созданы; степень автономии групп, выполняющих частные и специальные функции (группы технические, агитаторские и т. п.), определяется создавшими их центрами.

§ 7. Всякая утвержденная съездом или ЦК организация имеет право издавать от своего имени партийную литературу. Центральный Комитет обязан транспортировать издания всякой организации, если этого потребуют пять полноправных комитетов. Все периодические партийные издания обязаны по требованию ЦК печатать все его заявления.

§ 8. Помимо организаций, утвержденных съездом партии, другие партийные организации утверждаются ЦК; местные периферийные организации — местными центрами. Все постановления ЦК обязательны для всех партийных организаций, которые обязаны также давать в центральную кассу 20% всех своих доходов, кроме Комитета заграничной организации, который обязан отдавать ЦК 90%.

§ 9. Местный комитет должен быть распущен ЦК, если за распущение выскажутся одновременно ЦК $^{2}/_{3}$ голосов и $^{2}/_{3}$ местных рабочих, входящих в партийные организации.

§ 10. Каждый член партии и всякое лицо, имеющее какое-либо дело с партией, вправе требовать, чтобы его заявление в подлинном виде было доставлено в ЦК или в редакцию ЦО, или партийному съезду.

§ 11. Всякая партийная организация обязана доставлять и ЦК и редакции ЦО все средства к ознакомлению со всей ее деятельностью и всем ее личным составом, представляя в ЦК подробные отчеты о своей деятельности не реже одного раза в две недели.

§ 12. Все партийные организации решают дела простым большинством голосов; организации автономные имеют право кооптации. Для кооптации и исключения членов требуется $^{2}/_{3}$ голосов. В автономные периферийные организации комитеты имеют право вводить членов. На постановление о кооптации или исключении членов допускается апелляция в Центральный Комитет.

Кооптация членов в ЦК производится единогласно. В комитетах и соответствующих им организациях официальные кандидаты, предложенные ЦК или автономными периферийными организациями, кооптируются простым большинством голосов[1].

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 1, с. 108—126.

ПОД ИМЕНЕМ
ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН
В МЮНХЕНЕ

5

КЕНИГСБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

В. Ленин.

Признаки
банкротства

Кенигсбергский процесс

1.

С 12 по 25 июля 1904 года в Кенигсбергв проходил судвбный процвсс по обвинению в заговорщической деятельности, государственной измвне России и оскорблении императора. Обвинялись немецкие социал-демократы. Обвинитвлями были прусская юстиция и царское правитвльство.

«Русское посольство в Берлинв, срочно, 22 ноября (5 декабря) 1903 г.

Господин барон!

По приказанию моего правительства имею честь обратиться к Вашму Превосходительству с просьбой отдать распоряжение компетентным органам срочно возбудить судебное дело в соответствии со статьями 102 и 103 немецкого Уголовного кодекса против Отто Брауна и Новодроски, арестованных в Кенигсберге и обвиняемых в *революционной пропагандв против русского правительства*. Считаю необходимым добавить, что завтра, 6 декабря, истекает срок давности для уголовного преследования, о котором идет речь.

Кромв того, мне поручено заявить германскому правительству, что в аналогичных случаях оно может рассчитывать на полную взаимность со стороны русского правительства.

Прошу Ваше Превосходительство проинформировать меня о принятых в связи с переданной мною просьбой мерах. Пользуясь возможностью, хочу вновь засвидетельствовать Вам, г-н барон, мое искреннвв уважение.

Его Превосходитвльству барону фон Рихтгофену.

Подпись: Остен-Сакен» [1].

Это ходатайство о возбуждении судебного дела было передано прусским министром юстиции главному прокурору г. Кенигсберга со следующим распоряжвнием:

«Главному прокурору Квнигсберга, Берлин, 6 декабря 1903 года

Относительно: конфискация русских материалов.

Направляю Вам заверенную г-ном министром иностранных дел копию полученного нами заявления импвраторского русского посольства от 22 ноября (5 двкабря) 1903 года, в котором императорское русскоe правительство на основании §§ 102, 103 Уголовного кодекса просит возбудить дело против Брауна и Новагроцки и высказывает при этом готовность проявить со своей стороны в аналогичных случаях полную взаимность.

Й. Ф. (имя неразборчиво)» [1].

17 января 1904 года царский посол в Берлине передал очередную просьбу о возбуждении судебного разбирательства:

«Русское посольство в Берлине 4/17 января 1904 года

Господин барон!

В продолжвнив моего послания от 22 ноября (5 декабря) 1903 года за № 2538 имею честь обратиться к Вашему Прввосходительству по поручению моего правительства с просьбой о возбуждении соответствующими судебными органами в соответствии со статьями 102 и 103 германского Уголовного кодекса двла против восьми лиц, имена которых указываются в прилагавмом списке (а в случав выявлвния имен сообщников, то и против сообщников) и которые на основании донесения имперского германского посольства в Санкт-Петербурге подозреваются в распространении пвчатных материалов, по содержанию своиму направленных против суверенной власти в России.

Прошу Ваше Превосходительство проинформировать меня о принятых в связи с переданной мною просьбой мерах. Пользуясь возможностью, хочу вновь засвидвтельствовать Вам, г-н барон, мое искреннее уважение.

Его Превосходительству барону фон Рихтгофену.

Подпись: Остен-Сакен» [2].

К посланию прилагался список с именами восьми обвиняемых. Получив официальное заверение во «взаимности», опиравшееся на соглашенив между Германивй и Россией о выдачв преслвдуемых лиц, обвинители выдвинули обвинвние «в революционной пропаганде против русского правитвльства» и распространении «печатных материалов, направленных против суверенной власти в Рос-

[1] Der Geheimbund des Zaren. Der Königsberger Prozeß wegen Geheimbündelei, Hochverrat gegen Rußland und Zarenbeleidigung vom 12. bis 25. Juli 1904. Herausgegeben von K. Eisner. Berlin, 1904, S. 150 ff.

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O.
[2] Ebenda.

Карл Либкнехт

сии», выразив тем самым готовность русского правительства в случаях, затрагивающих интересы Германии, действовать аналогичным образом.

В обвинительном документе говорилось:

«Обвиняемые Кугель, Трептау, Мертинс и Кёгст говорят по-литовски, поэтому они могут понимать и латышский язык, который мало отличается от языка немецких литовцев. Однако вопрос о знании содержания изъятых материалов ставиться не будет. Обвиняемые сознательно участвовали в транспортировке социал-демократической литературы, которая в соответствии с русским правом рассматривается как революционная. Им, как и любому человеку, хорошо известно, что среди русских революционеров имеются также приверженцы анархистского и террористского направления; Квессель, Новогроцки и Мертинс подтвердили, что они знали о существовании таких течений. И если обвиняемые присоединились к организации, целью которой была транспортировка революционной литературы в Россию, и способствовали нелегальному провозу печатных материалов, не имея при этом возможности — по незнанию языка — удостовериться в том, не принадлежат ли перевозимые ими материалы террористам, анархистам или социал-демократам, то действовали они при этом по своей воле и как члены организации по своей воле готовы были участвовать в транспортировке любой литературы. Поэтому не имеет *существенного значения также, кто из обвиняемых действительно участвовал в распространении тех или иных материалов*. Распространение осуществлялось организацией как таковой, поэтому отвечать за содеянное должен каждый из членов этой организации»[1].

Ссылаясь на приговор одного земельного верховного суда, прокурор настаивал также на том обстоятельстве, «что в случае с данной организацией, тайной по своей деятельности, структуре и цели, даже если ее деятельность направлена, возможно, в первую очередь против России, принимая во внимание *интернациональный характер* ее *антигосударственных устремлений*, следует ожидать также ее неизбежного воздействия на общественную жизнь соседней с Россией Германии»[1].

В качестве доказательства «антигосударственных устремлений» представители прокуратуры предъявили листовки и прокламации на русском языке, номера «Зари» и прежде всего «Искры», конфискованные при таможенном осмотре или обнаруженные у обвиняемых во время домашних обысков. Заключения юристов и чиновников политической полиции, приложенные к материалам обвинения, должны были обосновать «антигосударственный характер» печатных материалов, а также деятельности лиц, помогавших тайно ввозить эти материалы из Германии в Россию.

По распоряжению первого прокурора одному приват-доценту из берлинского района Шарлоттенбург было поручено, например, провести экспертизу конфискованных материалов, с тем чтобы установить, «не содержатся ли в них *призывы* к читателю принять участие в *убийстве императора* или подготовке *революции* в России, или оскорбления в адрес императора России. В отношении подобных

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 208 f.

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 177.

призывов хочу подчеркнуть, что речь должна идти здесь не только о таких высказываниях, которые сообщают о планах других лиц, но и о таких, которые призваны побудить читателя к участию *в поступках вышеупомянутого рода*»[1].

Этот документ ясно показывает намерение суда выявить террористический характер конфискованной литературы или истолковать ее содержание как террористическое. Среди прочих материалов, предъявленных суду, имелся отзыв эксперта на содержание нескольких номеров «Искры»:

«Искра» № 3, апрель 1901 года, 18 экземпляров, конфискованные у Кугеля.

Страница 1, колонка 1: «Если для всех недовольных элементов русского общества в начавшейся борьбе дело идет, главным образом, об обуздании невыносимого полицейского самодержавия, то для пролетариата в его классовых интересах, в интересах его конечных целей и в интересах непосредственного улучшения его положения необходимо низвержение самодержавия и основание свободной демократии, обеспечивающей пролетариату легальную защиту его классовых интересов».

Страница 2, колонка 1: «...перед нами стоит великая задача: организовать все эти армии, организовать так, чтобы мы способны были не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому не опасные) удары, а преследовать врага неуклонной, упорной и выдержанной борьбой по всей линии, травить самодержавное правительство везде, где оно сеет угнетение и пожинает ненависть».

На странице 8 в третьей колонке того же номера выражается радость по поводу успешного проведения демонстрации 4 марта на Невском проспекте в Петербурге и содержится призыв к дальнейшему использованию этого оружия безоружных.

«Искра» № 38 от 15 апреля 1903 года конфискована у Миллата.

Номер имеет следующее содержание: «Отмена круговой поруки», «Реформистский» социализм г. Мильерана», «Ростовская демонстрация 2 марта», события в Финляндии, хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов, съезд жоресистов в Бордо, из нашей общественной жизни, из партийной жизни и т. д.

В передовой статье говорится, что сама по себе полезная реформа отмены круговой поруки крестьян при налоговых задолженностях была сорвана бюрократией. Заканчивается статья словами: «Крестьянские волнения прошлого года — только «пролог пролога» великой драмы, которая готовится к постановке на русской исторической сцене и которая озаглавлена двумя словами: «падение царизма».

«Искра» № 43, 1 июля 1903, найдена у Мертинса и Кёгста.

На странице 2 во второй колонке опубликовано письмо, в котором говорится: «Опыт последних лет, нам кажется, повелительно предписывает нам признать следующий вывод «Искры»: демонстрации небольшой кучки «героев» перед «толпой» отжили свое время; *демонстрации должны стать массовыми или их вовсе не должно быть*».

Во всех трех случаях речь идет, бесспорно, о ленинской «Искре»; номер 3 был отредактирован, набран и напечатан в Мюнхене. Это последнее обстоятельство, чрезвычайно интересовавшее судебных чиновников, так и не было выяснено в ходе процесса.

Вместе с тем представителям обвинения был известен целый ряд моментов, частично касавшихся аппарата распространителей организации «Искры», связей между русскими и немецкими социал-демократами, а также того факта, что немецкие власти уже с 1901 года знали о нелегальной транспортировке революционной литературы немецкими социал-демократами.

В 1901 году русские провокаторы, дававшие затем показания на Кенигсбергском процессе против обвиняемого Кугеля, участвовавшего в нелегальной транспортировке литературы, раскрыли эту нелегальную перевозку, о чем Август Бебель говорил в рейхстаге. Результатом этого явилось усиление надзора.

Что же касается обвинителей, в распоряжении которых находились, очевидно, все соответствующие немецкие и русские данные тайных расследований, то им были известны некоторые имена и адреса лиц, организаций, которые участвовали в нелегальной транспортировке «Искры». «Одним из мест, которое в течение нескольких лет широко использовалось для переправки литературы в Россию и которое в этом отношении служило в качестве главного склада, была *контора социал-демократического «Форвертса» в Берлине*. В течение длительного времени туда поступали русские печатные материалы, откуда осуществлялась их дальнейшая транспортировка»[1].

Суд смог также установить, что получателем и отправителем литературы выступал не «Форвертс», а доверенные лица социал-демократической партии, которые были привлечены к транспортировке русской литературы по рекомендательным письмам «руководи-

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 203.

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 480.

теля русских социалистов Аксельрода», т. е. члена редакции «Искры»[1]. Литература для последующей транспортировки готовилась в подвале «Форвертса». Пакеты из Швейцарии, иногда даже из Англии, посланные на условные адреса, обрабатывались в подвале русскими «почти ежедневно, во всяком случае несколько раз в неделю». Литературу заново упаковывали и снабжали новыми адресами. Из подвала ее переносили наверх, где ее забирали экспедиторы. Эти пакеты рассылались в «различные районы, лежащие у прусско-русской границы», откуда литература контрабандным путем переправлялась через границу. Иногда в декларации эти пакеты фигурировали как «обувь»[2].

Среди русских, которые занимались такого рода перепаковкой и дальнейшей транспортировкой литературы, был некий д-р фон Вечеслаф, высланный впоследствии из Пруссии. Вечеслаф был «видимо или «действительно руководителем предприятия, во всяком случае, он наиболее регулярно участвовал в этой работе»[3]. По делу обвиняемого Кугеля на суде упоминалось также о его «личной связи с Эдуардом Скубеком» и об участии в контрабандной перевозке литературы вместе с неким «Эрнстом Ролау»[4]. «О личности Эдуарда Скубека (также Скубика или с латышским окончанием — Скубикиса), который играл в транспортировке литературы весьма важную роль», было установлено: «Латышский студент по имени Эдуард Скубек одно время учился в саксонской горной академии во Фрайбурге, а после высылки продолжал учебу в Цюрихе... Среди многочисленных русских социал-демократов в Швейцарии Скубек пользовался большим уважением и слыл за осмотрительного человека. То, что он участвовал в рассылке литературы, Квессель знал, но он не знал обстоятельств его деятельности, а также содержания литературы, которую Скубек рассылал сам или через посредников»[5].

Ни одно из этих имен, зафиксированных в протоколе, не было выдумано, как не была выдумана связь между этими людьми с обвиняемыми социал-демократами и экспедицией «Форвертса». Один из первых маршрутов, по которому «Искру» нелегально переправляли в Россию в 1901 году, действительно проходил через Пруссию.

В мюнхенский период деятельности «Искры» центральным опорным пунктом для нелегального материала, тайно переправляемого через прусско-русскую границу, был Берлин. Не случайно в донесениях царских шпионов

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 480.
[2] Ebenda, S. 481 ff.
[3] Ebenda.
[4] Ebenda, S. 483.
[5] Ebenda, S. 484.

Берлин неоднократно назывался «центром партии»[1].

Еще с осени 1900 года здесь активно работала группа «Искры» под руководством врача д-ра М. Г. Вечеслова. Ленин называл его «нашим представителем в Берлине»[2]. Вечеслов был тем самым д-ром фон Вечеслафом, которого на Кенигсбергском процессе называли главной фигурой при нелегальной перевозке литературы. Вечеслов поддерживал прямые контакты с Лениным. Они встречались и лично в Мюнхене, где обсуждали детали транспортировки «Искры» — из Мюнхена или Штутгарта через Берлин в Россию. Помещения берлинского «Форвертса» использовались как склад, а берлинская квартира Вечеслова (Шарлоттенбург, Энглише штрассе, 27 III) — как нелегальное место встреч русской группы «Искры»[3].

В корреспонденции мюнхенской редакции «Искры» паролем для связи с берлинской группой были слова: «Генрих посылает». А когда в шифрованных письмах из Мюнхена членам организации «Искры» сообщалось: «Направьте все усилия, чтобы посылали *в Берлин* людей за чемоданами (адрес) ... пароль **от Петрова**»[4], то это означало: центр в курсе дела, дорога проверена, материал у Вечеслова. Петров был не кто иной, как Владимир Ильич Ленин, который значительную часть своих писем из Мюнхена подписывал: «Петров».

В. И. Ленин придавал большое значение всесторонней координации «социалистической почты» — так он называл всю систему пересылки и корреспонденции «Искры» и ее сотрудников. Так, в различных письмах Ленин неоднократно подчеркивал: «Если у возчиков чемодана нет письма от организации, то с ними о*тнюдь ни в чем* не откровенничать»[5].

Как и в Берлине, группы «Искры» по нелегальной транспортировке брошюр, листовок и газет существовали также в Женеве, Париже и Цюрихе[6].

А одну из руководящих функций в цюрихской группе вместе с Эрнстом Ролау выполнял тот самый Эдуард Скубикис, чье имя неоднократно упоминалось в протоколах Кенигсбергского процесса в качестве связного немцев, принимавших участие в нелегальной перевозке журналов. В качестве свидетеля на процессе выступал некто Бухгольц, сотрудничавший с берлинской группой «Искры»...

[1] *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 90.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 92.
[3] *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 91.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 103.
[5] Там же, с. 92.
[6] *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 90.

Имена всех этих людей встречаются в корреспонденции Ленина или редакции «Искры» в Мюнхене. Как мы уже знаем, большинство писем в этой корреспонденции в целях конспирации частично подвергались специальной химической обработке, а частично зашифровывались. Разумеется, что адресат и отправитель имели условные имена. Вечеслов — «наш человек в Берлине» — имел тогда псевдоним Юрьев. Письма и отрывки из писем, приводимые ниже, показывают некоторые взаимосвязи, которые существовали между Лениным, редакцией «Искры» в Мюнхене, членами редакции «Искры» за границей и искровцами в России, взаимосвязи, о которых говорилось и на Кенигсбергском процессе. Они дают представление о трудных условиях работы редакции, для которой тщательность и осторожность были жизненно необходимы.

2.

П. Б. Аксельроду.
«19.XI.00
Дорогой П. Б.! Получил сейчас Ваше письмо от 17.XI. и с большим интересом читал Ваши замечания. Конечно, мы непременно будем стараться посылать Вам как можно больше статей, так что это во всех отношениях полезно для изданий, не говоря уже о Вашем естественном интересе. Одно жаль, что наш секретарь überarbeitet[1]: это должно все же скоро измениться, ибо в вопросе о Kinderpflege[2] предпринимаются серьезные реформы...

Прилагаемое письмо — для Ролау: мой коллега пишет ему по делу нашему о «чае», ибо мы думаем, что моего корреспондента, Скубика, в городе нет. Пожалуйста, будьте добры передать это письмо Ролау и попросить его немедленно ответить нам (простите, что беспокою Вас такой просьбой: надеюсь, Вам можно будет поручить это хоть Гуревичу). Если же Ролау нет в городе, то не будете ли добры прочесть письмо к нему и поговорить на тему о содержании письма хоть с женой Скубика: дело в том, что нам надо добиться определенного ответа поскорее, а если ни Ролау ни Скубика нет, то иначе как личным переговором между Вами и кем-либо из их компании этого добиться нельзя...

Жму крепко руку и извиняюсь за слишком торопливое письмо.

Ваш *Петров*»[3].

Ленин отправил это письмо Аксельроду из Мюнхена в Цюрих. Серьезные реформы в деле «заботы о детях» и «переутомление» секретаря означали, что Димка — секретарь редакции «Искры» до приезда Надежды Крупской — ждет ребенка. «Дело наше о «чае» означало, что Эрнст Ролау и Эдуард Скубик собирались переправить искровскую литературу через Пруссию и Прибалтику. Однако оба транспорта, организованные Ролау и Скубиком, были в декабре 1900 года и июне 1901 года конфискованы жандармами.

А. Г. Гуревичу, который активно помогал «Искре» в деле организации транспорта литературы сначала в Цюрихе, а потом в Дармштадте, Ленин писал 24 декабря 1900 года:

«Спасибо за известия. Подробности о рижском товарище, конечно, желательно иметь: какого рода работу он хотел бы и мог бы взять? Насколько он свободен и обеспечен средствами? и т. д.

Skubik'y передайте, пожалуйста, что его письмо я получил, не ответил, ибо не был дома,— а теперь могу только сказать, что *наш человек уже «там»* и адрес имеет, так что дело, о котором списывались мы с Skubik'ом, исчерпано.

Жму крепко руку. *Петров*»[1].

В письме М. Г. Вечеслову (Юрьеву) от 22 апреля 1901 года, которое Ленин и Крупская написали совместно, упоминается нейтральная группа в Берлине. Русская нейтральная группа социал-демократов в Берлине образовалась осенью 1900 года. Свою задачу она видела в том, чтобы устранить раскол между сторонниками журнала «Рабочее дело» и группой «Освобождение труда». Эта группа просуществовала до лета 1901 года.

«22-го апр.
Юрьеву
Красные листки надо переправить в Питер, поэтому чемодан с ними надо послать в ту сторону (в Псков, но не в Смоленск и не в Полтаву).

Посылаем 100 марок *взаймы* берлинской группе. Желательно, чтобы деньги на переправку чемоданов собирались на месте и с «Искры» был бы снят этот расход. Доставайте на это денег всеми средствами, ибо наша касса очень стеснена.

Что касается Вашего выхода из нейтральной группы, то Вам самому виднее, как поступить. Пожалуй что лучше подождать выходить, ввиду возможности перетянуть кого-нибудь на нашу сторону.

Печать заказана. Повторите присланный венский адрес, выходит что-то странное.

Что касается транспорта через члена социал-демократии польской, то примите его пред-

[1] — переутомлена.— *Ред.*
[2] — заботе о детях.— *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 69—70.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 75.

ложение и сделайте все от Вас зависящее, чтобы как можно скорее дать ему пуд или два литературы для опыта переправы. Сколько у Вас найдется литературы для этого? Мы вышлем недостающее — «Зари» и (после 1.V.) № 3 «Искры».

Вы так и не написали, сколько именно открытой литературы Вы получили. Пришлите подробный счет» [1].

Письмо С. И. Радченко, написанное Лениным в конце апреля 1901 года и отправленное из Мюнхена в Петербург, и письмо Юрьеву (Вечеслову) от 25 апреля 1901 года, посланное из Мюнхена в Берлин,— пример тесной координации между мюнхенским центром «Искры», одним из ее представителей в Петербурге и руководством перевалочного пункта в Берлине. То же самое относится и к письмам М. Г. Вечеслову от 17 июня 1901 года (отправленному из Мюнхена в Берлин) и Л. Е. Гальперину от середины июня (между 18-м и 22-м) 1901 года (посланному из Мюнхена в Баку), а также к письму Грачу (партийная кличка Н. Э. Баумана) от 25 или 26 июня 1901 года, в котором Ленин упоминает специалиста по нелегальному провозу Эрнста Ролау, в группе которого он к тому времени совершенно изверился.

В то же время все письма наглядно показывают широко разветвленную систему транспортировки искровской литературы.

С. И. Радченко.

«Получили Ваше письмо. Ваш способ распространения литературы вполне одобряем и советуем строго держаться его, не слушая ничьих советов и наветов.

Желательно только, чтобы *группе «Социалист»* Вы проявили несколько внимания и оказали, в случае надобности, возможные льготы (например, кредит), ибо она ищет большего сближения с нами и обещает агитировать за нас. Они нам предлагали вместо платы за литературу квоту своих доходов: *уполномочиваем Вас* согласиться на это *по Вашему* усмотрению, если найдете это *невыгодным* в финансовом отношении. (Почему *«Социалист» жалуется,* что *Вы не даете* литературы?)

Вообще даром не давайте, а за деньги распускайте *возможно* быстрее.

Денег Григорьеву не давайте, а посылайте все нам. Григорьев должен добывать деньги от своей литературы, которой у него много.

Номер 3 печатается, вслед за ним четвертый. Вышли листки майский и особый листок *«Искры»*.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 96—97.

Направьте все усилия, чтобы посылали *в Берлин* людей за чемоданами *(адрес)*...[1] пароль: **от Петрова.**

«Харьковские дни», если осталось около 100—200, пошлите тотчас *адрес*...[1] *человеком.*

Свяжитесь с Псковом. Мы будем посылать чемоданы Лепешинскому, а Вы берите от него» [2].

«Юрьеву

25 апреля.

Получил Ваше письмо.

Пожалуйста, пришлите нам поскорее точный отчет, сколько у Вас чемоданов и каких было, сколько уехало и сколько осталось. Нам это необходимо для составления нашего отчета и финансовой сметы. Относительно литературы я тоже давно прошу Вас написать, сколько именно и чего Вы получили и куда и как употребили.

Майского листка (NB) у нас *нет.*

Деньги (100 Mr.) посланы уже; повторяю просьбу усиленнее доставать денег в Берлине и иных местах на чемоданы: этим Вы нам окажете самую серьезную и наиболее необходимую помощь. Сколько у Вас своих денег в кассе? Каков ее обычный (и настоящий) месячный оборот?

«Харьковские дни» очень бы важно отправить как можно скорее на юг, где их очень просят.

Относительно бюллетеня я Вас не совсем понял. 1) «Группа для содействия «Искре»» или «Нейтральная группа» хочет издавать его? 2) Такие же бюллетени, как прежде, или иные? Мы находим, что было бы крайне нерационально тратить средства на бюллетени старого типа и, с своей стороны, затрудняемся обещать сырой материал по той причине, что теперь идет усиленная работа по превращению «Искры» в ежемесячную газету и для переписки и отправки сырья у нас нет ни времени ни средств. Думать мы должны не о том, чтобы имеющийся материал дробить на бюллетени и ослаблять и его значение и впечатление от него распространением в сыром виде по загранице, а, наоборот, думать надо о концентрации всего материала в «Искре» и об ускорении ее выхода с обработанным и освещенным сырьем. Иная тактика означала бы не борьбу с теперешним идейным шатанием и разбродом, а содействие ему.

Неудивительно, что «Нейтральная группа», с ее нелепым составом и программой, издавала такие бюллетени, но от «Группы для содействия «Искре»» мы бы ждали более согласованной с нами и рациональной работы. Постарайтесь передать (а не целиком прочитать,

[1] Для адреса в рукописи оставлено место.— *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 103—104.

ибо я пишу только для Вас) эти соображения Вашей группе и убедить ее и сообщите ее решение.

Бюллетени с обзором заграничной печати о России — другое дело. Они, конечно, полезны. Вырезки из русских газет присылайте. Нельзя ли было бы также снабжать редакцию «Искры» русскими журналами по прочтении их в Берлине? Если это возможно, то сообщите, на какие журналы можно бы рассчитывать (кое-что у нас есть, но мало)» [1].

М. Г. Вечеслову.

«17.VI.01.

Получили Ваше письмо с просьбой о высылке 100 марок. К сожалению, не могу исполнить этой просьбы до получения от Вас тех «ближайших сведений», которые Вы обещаете. На себя я никоим образом не могу взять решения о выдаче этой суммы (и по формальным причинам — ибо это зависит от коллегии, и по тем причинам, которые я излагал Вам при личном свидании), а собрать коллегию сейчас не могу вследствие отъезда некоторых лиц. Еще раз попрошу Вас не скупиться сообщением ближайших и подробнейших сведений: без этого наши отношения *никогда* не наладятся как следует. Известия вроде того, что «все обстоит пока благополучно», могут произвести на решающую дело нашу коллегию скорее отрицательное впечатление. Я прекрасно понимаю, что очень часто самые энергичные усилия бывают бесплодны по независящим обстоятельствам, что винить за неудачи было бы нелепо. Но поймите же и Вы, что если мы не имеем самых обстоятельных и точных сведений о том, каковы были эти усилия, что именно удалось (respective [2] не удалось), почему именно и каково положение дела и планы в данный момент, то мы *не можем* делать дальнейших шагов и возлагать на наших доверителей дальнейшие жертвы, за которые *мы* ответственны» [3].

Л. Е. Гальперину.

«ъ/з

В Персию только недавно еще послано через Вену, так что о неудаче судить рано. Может быть, и удастся. Известите адресата в Таврисе, что он должен получить из Берлина книги, и напишите нам, когда получатся.

Относительно постановки *«Искры»* на Кавказе мы уже послали X *подробный* запрос и ответа еще не имеем. Нам необходимо знать точно, в чем состоит план (легальная или нелегальная типография), насколько он «близок к осуществлению», на какое количество печатаемого материала он рассчитан (можно ли *«Искру»* ежемесячно?), сколько именно нужно денег единовременно и сколько в месяц. Наша касса сейчас очень плоха, и обещать мы не можем, пока не имеем обстоятельнейших сведений. Присылайте их немедленно.

Приложите все усилия достать денег: мы уже писали об этом через X одному Вашему знакомому и советуем Вам попросить похлопотать об этом и ZZ, с которым один из членов группы *«Искры»* говорил уже о деньгах в начале прошлого года (напомните ему разговор в одном из столичных театров).

Относительно восточного берега Черного моря ищите путей непременно. Особенно налегайте на французские пароходы — мы надеемся найти к ним ход отсюда» [1].

Н. Э. Бауману.

«Грачу

Сейчас получили известие от Николая (=Эрнста), что у него перевезено и лежит в надежном месте $4^1/_2$ пуда; это первое. Второе — что *всегда* есть возможность у него переходить границу нашему человеку вместе с контрабандистом и что такие люди нужны. Итак, вот какое предложение мы Вам делаем: поезжайте тотчас на место, съездите с одним из Ваших паспортов к Николаю в Мемель, узнайте от него все, затем перейдите границу по Grenzkarte [2] или с контрабандистом, возьмите лежащую по сю сторону (т. е. в России) литературу и доставьте ее повсюду. Очевидно, что для успеха дела *необходим* на помощь Николаю и для контроля за ним еще один человек с русской стороны, всегда готовый тайно перейти границу, главным же образом занятый приемом литературы на русской стороне и отвозом ее в Псков, Смоленск, Вильно, Полтаву. Мы совершенно изверились в Николая и его К°, *решили не давать им больше ни гроша* и только при непосредственном участии в транспорте вполне нашего человека можем надеяться на утилизацию этого пути. Вы для этого были бы удобны, ибо (1) были уже раз у Николая и (2) имеете два паспорта. Дело трудное и серьезное, требующее перемены местожительства, но зато дело самое важное для нас. Обдумайте хорошенько и отвечайте немедленно, не откладывая ни одного дня. Если Вы не берете этого поручения на себя, мы должны немедленно передать эту должность другому. Поэтому еще раз настойчиво просим ответить тотчас же» [3].

Эрнст (Николай) Ролау был арестован 21 июня 1901 года во время транспортировки нелегальной литературы и приговорен к шести

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 101—103.
[2] — или.— *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 117—118.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 118—119.
[2] — пограничному удостоверению.— *Ред.*
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 119—120.

годам ссылки в Сибирь. К этому делу имел отношение обвиняемый Куглер (Кугель), о котором мы узнаем из письма И. Г. Леман от 23 августа 1901 года, посланного из Кенигсберга в редакцию «Искры» в Мюнхен:

«С Kugler'ом виделась. Произвел он на меня прямо дикое впечатление, впечатление человека в буквальном смысле ненормального. Понимаете — упорный, пристальный взгляд, манера говорить с человеком, не сводя с него глаз и в то же время как будто не видя его, замогильный голос и невозможность сдвинуть его с какого-нибудь пункта, раз он заговорил о нем. Встретил он меня крепким рукопожатием и таинственным голосом заявил с первого же слова, что тот молодой Genosse, с которым я приехала, есть предатель, что я не должна доверять ему. Сначала я никак не могла понять, о чем он говорит, в конце концов оказалось следующее. Он гадает по картам, и вот карты ему сказали, еще раньше, чем он что-нибудь знал обо мне, что ему придется иметь дело с Genossin и что с этой Genossin будет молодой Genosse, который окажется предателем. И вот теперь у него оказалось 2 пункта: 1) Эрнст и его погибель и 2) тот Genosse (русский), который погубит меня. Несмотря на мои уверения, что я картам не верю, и что со мной никого нет, и что нам надо скорей перейти к делу, так как у меня времени мало, он никак не мог отстать от этих 2 пунктов. «Если не теперь, то в будущем Вы вспомните мои слова». Они оба уверяют, и Трепалка, и он, что Эрнст сам виноват, что его предупреждали не доверяться и т. д. Насколько я теперь понимаю, дело, вероятно, обстояло так: Kugler погадал по картам и усмотрел там, что Schmuggler[1] выдаст. Теперь он обижен, что тот его не послушался... Ни одного надежного человека у него нет, сам он переходить отказывается, и, по его словам, ни один ehrlicher vernünftiger[2] человек и не согласится переходить. Все контрабандисты пропойцы, не дорожащие своей жизнью и готовые выдать за пятишницу. Несмотря на это, он брался отыскать такого, который переправит и не выдаст. «Время теперь хорошее, ночи темные». Очевидно, он поступает так: намечает первого попавшегося и справляется в картах... он ни минуты не сомневается, что они говорят ему святую истину. Так я с ним рассталась не солоно хлебавши»[3].

К тому времени организация «Искры» могла опереться на поддержку людей, которые черпали свои знания и свою уверенность не из карт, а из опыта и солидарности сильной и уверенной в себе партии — Социал-демократической партии Германии.

Этот факт подтверждается составом защитников обвиняемых на Кенигсбергском процессе: в лице Гуго Гаазе, Гуго Гейнемана и Карла Либкнехта были представлены лучшие адвокаты СДПГ, с самого начала процесса действовавшие под девизом: «Мы не защищаемся — мы обвиняем!»

3.

На Кенигсбергском процессе друг другу противостояли не просто обвинители и обвиняемые, представленные своими прокурорами и адвокатами. На Кенигсбергском процессе речь шла о попытке правительств кайзеровской Германии и царской России, объединивших свои усилия, представить Социалистический интернационал как преступную организацию и дискредитировать принцип пролетарского интернационализма.

Однако попытка международной реакции остановить поступательное развитие Интернационала и придать политическому произволу вид законности позорно провалилась: обвиняемые стали обвинителями, обвинители — обвиняемыми.

Подробное сообщение об этом процессе, составленное *Куртом Айснером,* снабженное богатым документальным материалом и изданное в форме книги, получило название «Тайный союз царя». Книга была представлена общественности как «исторический документ». Тем не менее во всей литературе, написанной по этому вопросу, она упоминается лишь мимоходом[1]. В этой книге рассмотрены проблемы отношений немецкой социал-демократии к царской России и русскому рабочему движению как со стороны партийного руководства, так и со стороны рядовых активистов СДПГ, преданных делу социалистической революции.

Курт Айснер рассмотрел материалы процесса в широкой исторической взаимосвязи и дал ретроспективный анализ линии европейской реакции и ее классовой юстиции вплоть до Кёльнского процесса коммунистов, фактически направленного против Карла Маркса.

«На Кёльнском процессе коммунистов Штибер осуществил план королевского правительства — с помощью краж со взломом, воровства, подделок документов и лжесвидетельств. Этот процесс имел известное сходство с процессом в Кенигсберге. Бесконечное

[1] — контрабандист.— *Ред.*
[2] — честный, благоразумный.— *Ред.*
[3] Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 1, с. 208—209.

[1] О. И. Бершадская опубликовала в 1955 г. в журнале «Вопросы истории» на эту тему статью, озаглавленную «Из истории революционного содружества русского и немецкого пролетариата (Кенигсбергский процесс 1904 года)». См. Вопросы истории, 1955, № 9, с. 85.

предварительное заключение без смысла и цели. Никаких действительных улик. Постоянное вмешательство в ход дела высших инстанций и создание чрезвычайного суда. «В течение всего этого периода дирекция полиции в Кёльне, полицейпрезидиум в Берлине, министерство юстиции и министерство внутренних дел постоянно вмешивались в ход следствия... Правительству удалось подобрать беспримерный в летописях Рейнской провинции состав присяжных»[1]. Уже в то время использовали и таинственные намеки на неведомые ужасы, хвастливые заявления о раскрытии заговора, охватывающего всю Европу, возмутительно зверское обращение с арестованными[2].

И уже в то время можно было наблюдать резкий поворот в освещении событий на страницах продажной и трусливой буржуазной прессы, когда были разоблачены подделки документов. «Kölnischb Zeitung», не изменившая себе только в одном — в своей бесчестности, «сочла себя вынужденной склониться перед общественным мнением и повернуть против правительства. На столбцах ее, которые до сих пор были открыты только для полицейских инсинуаций, вдруг стали как бы невзначай появляться беглые заметки, благоприятные для обвиняемых и бросавшие тень подозрения на Штибера»[3]. Однако, несмотря на все зто, приговор тогда был все-таки вынесен. «Так навсегда была разрушена ложная вера в суд присяжных, существовавшая еще в Рейнской Пруссии. Стало ясно, что суд присяжных есть сословный суд привилегированных классов, учрежденный для того, чтобы заполнить пробелы в законе широтой буржуазной совести.

Йена!.. Вот последнее слово для правительства, которое нуждается в таких средствах для существования, и для общвства, которое нуждается в таком правительстве для защиты. Таково последнее слово кёльнского процесса коммунистов... **Йена!**»[4] Так писал Карл Маркс. А примерно двадцать лет спустя (1875 г.) в послесловии к зтой работе он добавил: «Непогрешимость папы — детская игрушка по сравнению с непогрешимостью политической полиции. После того как в Пруссии в течение целых десятилетий она заключала в темницы юные пылкие головы за мечты о германском единстве, германском государстве, германской империи,— ныне она бросает в тюрьмы даже старые плешивые головы, которые отказываются мечтать об этих божьих дарах. Ныне она так же тщетно старается искоренить *врагов империи,* как тогда *друзей империи.* Какое убедительное доказательство того, что она не призвана делать историю, хотя бы зто была лишь история спора о бороде императора!

Кёльнский процесс коммунистов сам по себе изобличает бессилие государственной власти в ее борьбв против общественного развития. Королевский прусский государственный прокурор обосновывал виновность обвиняемых в конце концов тем, что они тайно распространяли опасные для государства принципы *«Коммунистического манифеста».* А разве, несмотря на зто, те же принципы через двадцать лет нв возвещаются в Германии открыто на улицах? Разве не раздаются они даже с трибуны рейхстага? Разве не обошли они весь свет... наперекор всем правительственным запретам? Общвство никак не сможет прийти в равновесие, пока оно не станет вращаться вокруг солнца труда»[1].

Спустя полстолетия после зтого процесса прусское правительство умоляло русского царя «показать немецкой публике спвктакль раскрытого и (прежде всего) понесшего наказание заговора, спектакль, который она так долго и справедливо ждала. Батюшка дал на это свое согласие и предложил на роль руководителя спектакля своего Штибера — русского консула в Кенигсберге. И вновь перед судом предстали государственные преступники, обвинявшиеся в тайном распространении запрещенных принципов. И все-таки зто был прогресс. На скамье подсудимых сидели немцы — за то, что они оказывали содействие в распространении в России запрещенных там принципов. Даже Фридрих Вильгельм IV в самом горячечном бреду не осмвливался мечтать о подобных услугах русских властей. Николай I издавал приказы о том, что необходимо было сделать в Пруссии в интересах прусской династии. Николай II ужв имеет полномочия распоряжаться свободой немвцких граждан, которых волновало развитие дел в России. Будем, однако, утешать себя твм, что еще через двадцать лвт и в России послание об освобождении человечества не нужно будет больше распространять тайно»[2].

Подобно тому как в свов время Карл Маркс разоблачал «продажную и трусливую буржуазную прессу», Курт Айснер также направил свои удары против буржуазии и ее прессы. «Русифицированная буржуазия Германии замалчивает, или поносит, или дискрвдитирует протесты пролетариата. Эта окончательно опустившаяся буржуазия втайне испытывает чувство солидарности с царизмом, и даже ужасные преступления царизма первд человечностью не способны изменить зтого отношения...»[3]

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 8, с. 428.
[2] См. там же, с. 429.
[3] Там же, с. 486.
[4] Там же, с. 491.

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 551—552.
[2] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 10—12.
[3] Ebenda, S. 13.

В подготовку политического процесса в Кенигсберге было вовлечено большинство буржуазных газет, которые должны были настраивать общественность против «партии переворота, анархии и террора». Курт Айснер не скупился на слова, когда указывал на происхождение организаторов этой кампании:

«Чем молчаливей становилось «либеральное» общественное мнение, тем громче раздавался голос прессы промышленников, способствующей порабощению рабочих. Так, в газете «Берлинер Нойесте Нахрихтен», принадлежащей фирме Круппа, 7 ноября можно было прочесть следующее: «Уже здравый человеческий рассудок должен был бы сказать международной революционной социал-демократии, какой она является по собственной воле и в соответствии со своей программой, что отпор в широком международном масштабе таковой же атаке на существующий строй является также шагом справедливым и необходимым. Тем более справедливым и необходимым, когда речь идет о нигилистских и анархистских происках и покушениях бандитов, от которых социал-демократия — по прошествии определенного времени — обычно пытается отказаться. Однако в настоящее время социал-демократический центральный орган идентифицирует себя с только что раскрытой в Кенигсберге и Мемеле *бандой русских нигилистов*. Видимо, он и должен так поступать, так как пойманные главные исполнители, без сомнения, являются социал-демократами. При этом лишний раз было доказано, как *тесно взаимосвязаны социал-демократия и анархизм*. Так, сообщают, что при домашнем обыске у одного из руководителей социал-демократии в Мемеле и у двух других «товарищей» была обнаружена целая кипа революционной литературы и *нигилистских памфлетов*, которые были изготовлены *Комитетом действий нигилистов* в *Цюрихе*. Кроме того, была конфискована обширная корреспонденция с русскими подданными. Само собой разумеется, что, исходя из своих собственных интересов, а также на основе своих международных обязательств, немецкое государство не может *терпеть* такого положения, когда вблизи русской границы существует столь *опасное для всеобщих интересов пожарище*...»[1]

В том же духе писали берлинская «Пост» и одна из газет центристского направления:

«Наши революционеры, столь восторженно прославляющие всех цареубийц и прочих подобных преступников, дерзки и наглы. Их вера во власть иллюзий, свойственных переходному возрасту, только укрепляет их в этом. Они считают себя обвинителями, когда на самом деле сидят на скамье подсудимых и имеют все основания для того, чтобы очиститься от подозрения в содействии и оказании помощи *бандам убийц-нигилистов*. Но это невозможно. Руководителям партии переворота в Берлине это кажется слишком рискованным, так как они еще не знают, что и сколько стало известно о тесных связях между немецкой и русской партиями революции и переворота... Каждый, кто непредвзято рассматривает все это дело, может только пожелать, чтобы *наши власти проявили решительность* и не допустили, чтобы на немецкой земле продолжали существовать посреднические организации по распространению революционной, направленной на свержение законного строя в России пропаганды...

Неужели Пруссия должна смотреть сквозь пальцы на то, как на ее границе создается тайная организация, единственной целью которой является контрабандный провоз в Россию революционных листовок и нигилистских памфлетов, в которых всеми возможными средствами народ натравливается на свое правительство и влияние которых проявляется в неоднократных покушениях на высоких русских чиновников?»[1]

«Вопрос самосохранения цивилизованных государств требует от них защитить себя от анархистских и нигилистских убийц. И если при этом полиция разных стран работает рука об руку, то в этом мы при всем нашем желании не сможем увидеть «нарушения обязательств цивилизованного государства перед культурой и человечностью»[2].

Комментарий Курта Айснера:

«Форвертс» сообщил скандальные подробности о Кенигсбергском процессе. Буржуазная пресса молчала. «Форвертс» привел громадное количество фактов о действиях русских полицейских ищеек, которые — после того как наше правительство в рейхстаге торжественно признало их права — могут действовать без каких-либо ограничений и чувствовать себя как дома. И об этом молчала буржуазная пресса. «Форвертс» опубликовал данные об организации русской полицейской агентуры в Берлине, которой руководят инженер Гартинг, получающий жалованье в 36 тыс. марок, и его заместитель некий граф Михель с жалованьем в 7200 марок. Этим двум джентльменам подчиняется целый штаб агентов помельче, таких, как некий Вольц, он же Хаузен (175 марок в месяц), Нойхаус, он же Зельтман (150 марок в месяц), Шлипер (125 марок в месяц). Все это нисколько не интересовало прессу; она молча-

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 49—51.

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 49—51.
[2] Ebenda.

ла, как будто была поражена полной немотой и глухотой.

И только тогда, когда русский вопрос благодаря действиям социал-демократии стал предметом интерпелляции в парламенте и когда замалчивать его далее стало уже невозможно, появились замерзшие почтовые рожки буржуазной общественности и заиграли неподдающуюся разрушению ни при каком морозе мелодию вечных идеалов либерализма»[1].

Так буржуазная пресса распространяла «трюки» министров, которые они проделывали в рейхстаге, такие, например, как «цитирование» высказывания об анархизме, принадлежащее, по словам министра юстиции, Георгию Плеханову. В сообщении о парламентских дебатах, помещенном газетой «Фоссише Цайтунг», кстати очень похожем на сообщения в других газетах, говорилось по этому поводу: «Плеханов говорит, что «каждому социал-демократу должно быть свойственно нечто от террориста или Робеспьера. *Я того же мнения,* но предпочитаю, чтобы Николай II умер не от пули, а на эшафоте. Потащат ли его туда на грязной телеге, или вздернут где-нибудь на улице, или он кончит, как Людовик XVI, это дело будущего»[2].

Плеханов, первый русский марксист, подвергший сокрушительной критике теорию и практику терроризма, был известен среди немецкой социал-демократии и пользовался ее уважением. Очевидно, искажая подобным образом слова Плеханова, организаторы процесса стремились запугать тех немцев, которые заявляли о своей солидарности с русским народом, и заставить их отказаться от своих обязательств по отношению к братской партии.

Немецкие министры и шеф полиции занимались тогда изучением «подозрительных» литературных материалов, найденных у террористов. При этом падкой на сенсации прессе были предоставлены такие материалы, как, например, строфа из «Варшавянки»:

Кровью народной залитые троны
Кровью мы наших врагов обагрим.

И в этом случае Курт Айснер смог доказать, что высшие немецкие государственные чиновники преднамеренно искажали цитаты. Однако на этом он не остановился и поставил вопрос:

«Почему немецкие министры натравливают полицию исключительно на русских и польских поэтов? Им следовало бы сначала заняться поэтами-немцами, являющимися авторами преступных стихотворений. Курт Айснер нашел недавно у одного двенадцатилетнего немецкого гимназиста книгу, содержащую следующие «перлы» в отношении монархов:

Чванитесь, трещите, куклы божьи,
На паяцев оперных похожи.
Дьявольский вам рукоплещет сброд.
Но на небе ангелы в печали
Горе-музыкантов громко освистали
С неземных высот...
Вас не скроют замки и серали,
Если небо грянет: «Не пора ли
Оплатить проценты? Суд идет!
Разве шутовское благородство
От расчета за вчерашнее банкротство
Вас тогда спасет?
Прячьте же свой срам и злые страсти
Под рубахой королевской власти,
Но страшитесь голоса певца!
Сквозь камзолы, сквозь стальные латы
Все равно! — пробьет, пронзит стрела расплаты
Хладные сердца!»[1]

Все немецкие министры, князья и полицейские будут обвинены в следующем году в прославлении государственной измены. Поэта зовут Фридрих Шиллер»[2].

Было совершенно очевидно, что стратегия обвинителей была направлена на то, чтобы разорвать фронт солидарности немецких и русских социал-демократов. Ведь не случайно обвиняющая сторона констатировала, «что наша социал-демократия как партия тесно связана и сотрудничает с этим в полном смысле слова анархистским, террористическим, революционным движением, которое готово пойти на любое убийство»[3].

Однако Социал-демократическая партия Германии не дала запугать себя судебным произволом. Не поддалась она и на увещевания министра прусской полиции, который в своем выступлении в рейхстаге назвал Германию свободной демократической страной, где существует полная свобода для обсуждения любых политических разногласий: «Да, мы, немцы, можем гордиться тем, что наша страна является страной свободомыслия (смех среди социал-демократических депутатов) и что в Германии могли и могут совершенно свободно обсуждаться все политические противоречия, которые во все времена двигали мир. Даже по отношению к чужим нациям немецкая культура делает нас в состоянии следить также за идейным развитием этих наций и перенимать у них все то, что мы можем использовать у себя. Вместе с тем, господа, есть идеи определенного рода, перед которыми наши границы останутся закрытыми: это идеи насильственного переворота. И именно об этих идеях идет речь в данном случае»[4].

---

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 49—51.
[2] Ebenda, S. 66.

[1] Перевод Л. Гинзбурга.
[2] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 43.
[3] Ebenda, S. 79.
[4] Ebenda, S. 122.

4.

Немецкая социал-демократия противопоставила кампании травли, организованной правительством и буржуазной прессой, свои средства разъяснения. Однако успех ее стратегии — стратегии перехода от обороны к наступлению против маневров реакции зависел существенным образом от выступлений подсудимых на суде.

За исключением подсудимого Кугеля, который, как это следует из письма И. Г. Леман в редакцию «Искры» в Мюнхене, был суеверным, запуганным человеком, все подсудимые немецкие социал-демократы не отреклись от солидарности с русскими товарищами и заявили о своей невиновности. Один только Кугель (под смех присутствующей публики) заявил перед судом: «Теперь же, после того как из-за социал-демократов у меня было столько неприятностей, я не считаю себя больше социал-демократом»[1].

Выдержки из протоколов допросов обвиняемых на суде характеризуют некоторые мотивы поведения тех немцев, которые в свое время оказывали помощь в организации нелегального транспорта «Искры» из Германии в Россию[2]. Их рассказ о том, при каких обстоятельствах они согласились участвовать совершенно добровольно в этой работе, является одним из доказательств того, каким широким и многосторонним было сотрудничество русских и немецких социал-демократов.

При этом борьба между меньшевиками и большевиками, которая ко времени процесса разгорелась в полную силу[3], не играла существенной роли для немецких социал-демократов, оказавшихся на скамье подсудимых. До обвиняемых доходили лишь отдельные сведения об этой борьбе (например, в случае с обвиняемым Мертинсом) через их «русских друзей»[4].

Защитники и обвиняемые использовали процесс как политическую трибуну обвинения против царизма и связанной с ним немецкой реакции.

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 230.

[2] См. также список имен немецких социал-демократов, которые предоставили свои адреса для организации транспорта литературы в Россию (см. с. 195—196 данной книги).

[3] См. главу IV данной книги.

[4] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 408 ff.

5.

Из протокола допросов обвиняемых

Макс Новагроцки, 1860 года рождения, парикмахер

Новагроцки заявляет о своей невиновности. Он так рассказывает о своей деятельности: в 1902 году в Кенигсберг на похороны своего брата приехал его друг, студент из Цюриха Квессель, в прошлом часовщик. Во время одной из бесед о партийных делах Квессель вскользь спросил его, не согласился бы он оставить у себя на время некоторые материалы для одного русского друга. Новагроцки согласился, но с условием, что среди этих материалов не будет анархистской литературы. В этом Квессель заверил его со всей определенностью. В сентябре 1903 года Новагроцки получил из Цюриха открытку, подписанную «Скубик», который просил его сохранить у себя на время литературу и сообщал о высылке нескольких пакетов.

На вопрос председателя обвиняемый ответил, что на пакетах, которые он действительно получил, каждый раз стояли разные имена отправителя, на что он, правда, не обратил никакого внимания. Обвиняемый показал далее, что один экземпляр каждого полученного им материала оставался на таможне. Остальные экземпляры он часто лишь через несколько дней забирал на таможне. Дома эти материалы он хранил в нише для постели. Однажды к нему пришли комиссары уголовной полиции Вольфром и Шеффлер. Они конфисковали часть литературы из пакетов и спрашивали о ее происхождении. Число конфискованных материалов остается спорным. Обвиняемый говорит о менее чем 20 экземплярах, председатель — на основании обвинительного заключения — называет цифру 93.

Далее обвиняемый показал, что комиссар уголовной полиции сказал ему, что с остальными экземплярами он может делать все, что хочет, хотя ему[1] и хотелось бы узнать, куда эта литература потом попадет.

[1] — комиссару.— *Прим. перев.*

Председатель. Не сказал ли при этом Вольфром: «Все, что вы делаете, вы делаете под собственную ответственность»?

Обвиняемый. Вполне возможно!

Далее Новагроцки сообщил, что несколько дней спустя он получил из Мемеля открытку от Клейна, также одного из подсудимых. В открытке упоминалось имя Скубика и высказывалась просьба переслать всю хранившуюся у него литературу на его адрес. Новагроцки эту просьбу не выполнил, так как Клейн был ему незнаком, открытка была написана неразборчивым почерком, а Скубик в своей вышеупомянутой открытке написал ему, что сам заберет литературу. Кроме того, незадолго до получения открытки у Новагроцки был человек, назвавшийся русским беженцем и потребовавший у него литературу. Человек этот произвел на него впечатление русского полицейского агента. Новагроцки пришел поэтому к мнению, что этот Клейн принадлежал к той же компании, что и сыщик.

Председатель. Почему же вы тогда до сих пор ни одним словом не обмолвились о незнакомом русском, который произвел на вас впечатление сыщика?

Обвиняемый. Мне это не пришло в голову, к тому же я не считал это важным. Но защитнику г-ну Гаазе я рассказал об этом сразу же, на другой день.

Председатель. Все же странно. Ни на одном допросе!

Обвиняемый. Но их было не так уж много!

Далее Новагроцки рассказал, что однажды, когда его не было дома — его профессия связана с частыми отлучками из дому,— его жена получила открытку от обвиняемого Брауна, в которой тот сообщал, что он был в Мемеле и что Клейн просит Новагроцки переслать ему наконец литературу. Жена выполнила эту просьбу. Дома, по недосмотру, остались только две маленькие брошюры. Спустя несколько дней к Новагроцки опять пришел комиссар Вольфром с двумя людьми, чтобы конфисковать оставшиеся после первого обыска экземпляры.

Председатель. Вы тогда отказались сообщить, кому вы отослали литературу?

Обвиняемый. Я не хотел выдавать Клейна.

Председатель. Значит, вы знали, что тем самым вы совершили наказуемый поступок?

Обвиняемый. Нет, но комиссар сказал, что у меня будут неприятности, если я не назову имя получателя литературы. И я не хотел, чтобы у других были такие же неприятности, обыски и т. д.

После этого председатель заявляет, что во время обыска была найдена открытка Квесселя, а открытку некоего Скубика найти не удалось. На это обвиняемый отвечает, что он не уничтожал открытку и что она случайно потерялась.

Председатель. Ранее вы показали, что на пакетах стояли вымышленные имена. Почему вы так решили?

Обвиняемый. Имя и адрес отправителя постоянно менялись.

Председатель. Вы не хотели также называть имени отправителя. Вы сказали, что в России это могло бы повредить ему. Но ведь Скубик почти все время находился в Швейцарии.

Обвиняемый. Я полагал, что в случае возвращения в Россию у него могли бы быть неприятности.

Председатель. Но ведь во время вашего допроса вы сказали, что лицо, по чьей инициативе осуществлялась пересылка литературы, вероятно, находится в России. Вы оказались удивительно близки к истине!

Обвиняемый. Я не знаю, почему я так сказал.

Председатель. Вы еще сказали, что не хотите, чтобы по вашей вине русский отправитель был бы сослан в Сибирь. Значит, вы знали, что он совершил наказуемый поступок?

Обвиняемый. Разумеется! Из партийной прессы я знал, что социал-демократы в России в любой момент могут быть сосланы в Сибирь.

Председатель. Однако странно, что когда спустя почти год после разговора к вам неожиданно обратился неизвестный, вы даже ни разу не справились о нем у Квесселя. Ведь у вас не было гарантии, что отправителем был именно тот человек, о котором говорил Квессель.

Обвиняемый. Я знаю Квесселя как очень честного и порядочного человека.

Председатель. Вы были против анархистской и нигилистской литературы?

Обвиняемый. Против анархистской — да. Говорили ли мы и о нигилистской литературе, этого я уже не помню.

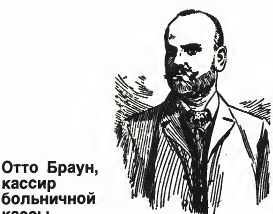
Председатель. На предварительном следствии вы сказали, что думали, будто речь идет о литовских прокламациях?

Обвиняемый. Там было несколько отдельных листков. Кроме того, человек, которого я принял за агента русской тайной полиции, также спрашивал о «литовских листовках».

Председатель. Я еще раз констатирую, что вы до сих пор ни разу не упомянули ни о каком русском, а о письме Клейна и открытке Брауна вы сказали лишь на третьем допросе.

Ранее вы показали, что ваша жена отослала Клейну примерно 5—6 пакетов. Но, по вашим собственным словам, вы получили 22 пакета. Из справки, представленной главным налоговым управлением города Кенигсберга, которая будет оглашена, следует, что на имя Новагроцки из-за границы поступило всего 19 пакетов[1].

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 216—218.



Отто Браун, кассир больничной кассы г. Кенигсберга

Отто Браун заявляет: «Я самым решительным образом заявляю о своей невиновности в представленном мне обвинении. Я ничего не знаю о существовании какой-либо тайной организации. В конце сентября я поехал в Мемель для участия в собрании местного выборного комитета. Будучи в то время доверенным лицом партии в Мемеле, Клейн мимоходом попросил меня передать Новагроцки, чтобы тот прислал ему литературу. По возвращении домой я написал Новагроцки известную открытку. Больше я ничего не знаю. Речь шла о литературе, о социал-демократической литературе, как я, разумеется, полагал. Все дело я рассматривал как второстепенное поручение, каких бывает десятки. Поэтому я был совершенно озадачен, когда меня втянули в эту историю, оторвали от работы и несколько месяцев держали под следствием».

Председатель. Вам известны цели немецкой социал-демократии?

Обвиняемый. Разумеется, они четко изложены в Эрфуртской программе партии.

Председатель. Я хотел бы, чтобы вы их коротко назвали.

Обвиняемый. Социал-демократия исходит из того, что причиной социальной несправедливости является частная собственность на средства производства. Поэтому она стремится к тому, чтобы все средства производства сделать общественной собственностью, а управление производством стало делом всего общества. Тем самым мы хотим освободить угнетенный рабочий класс от его страданий. Эту цель мы стремимся достичь законным путем. В парламентах и муниципальных органах мы используем любую возможность для того, чтобы смягчить страдания угнетенных и поднять на борьбу рабочий класс. Нашу работу мы проводим в широких кругах общественности. Вообще социал-демократия является общественной партией.

Председатель. Известны ли вам цели русской социал-демократии?

Обвиняемый. В последние годы, как следствие моей профессии, я больше занимался вопросами социальной политики и менее всего интересовался партийным движением за рубежом. К тому же обстановка в России не столь ясна, как у нас, так как рабочий класс подвергается там жестокому угнетению. Однако, насколько мне известно из прессы, я могу сказать, что русская социал-демократическая партия исходит из той же программы, что и немецкая социал-демократия.

Председатель. Вы полагаете, что русская социал-демократия может достичь своих целей при господстве абсолютного монарха?

Обвиняемый. Абсолютизм в России должен, само собой разумеется, пасть, так же как он пал в Германии. Только тогда политическая свобода вообще станет возможной. Устранения абсолютизма в России требует и либеральная партия.

Председатель. Известно ли вам, что в Англии и Швейцарии печатаются материалы, которые в России запрещены, но все же распространяются там?

Обвиняемый. Да, это ведь всем известно.

Председатель. В том числе материалы, в которых содержится призыв к цареубийству?

Обвиняемый. Нет, такие материалы мне неизвестны.

Председатель. Можете ли вы мне сказать, каким путем эти запрещенные материалы попадают в Россию?

Обвиняемый. Меня это никогда не интересовало. Знаю только лишь то, что их ввозят нелегально, так как легальным путем это невозможно.

Председатель. И вам также неизвестно, что в переправке этой литературы принимают участие и немецкие социал-демократы?

Обвиняемый. То, что русские социал-демократы опираются на поддержку немецких товарищей, является само собой разумеющимся. Но организация, которая действовала бы в этих целях, мне неизвестна.

В заключение был оглашен текст двух писем. Одно письмо, написанное Клейном Брауну (29 октября 1903 г.), после довольно длинного изложения вопросов агитации на выборах в ландтаг заканчивается следующим замечанием: «Пакеты я получил, они пришли как раз вовремя; половину товарищи сразу же взяли с собой».

Обвиняемый Браун заявил, что он понял это замечание только как благодарность за пересылку литературы и не придал этим словам Клейна никакого значения...

Второе письмо, от Брауна, было отослано 15 августа 1903 года обвиняемому Трептау в Мемель. В нем говорится: «Все, что ты делаешь для русских товарищей, ты делаешь как доверенное лицо партии. Поэтому ты можешь потребовать от партии возмещения всех своих расходов, связанных с этой работой, что ты,

кстати сказать, частично уже сделал... Если Кугель сделает то, что он, по твоим словам, грозил сделать, то тем самым он только лишь докажет, что он меньше всего является членом нашей партии. Если у него есть обоснованные требования, то он должен их назвать, с тем чтобы мы могли решить этот вопрос вместе с русскими».

Обвиняемый заявил в отношении этого письма, что в Мемеле среди товарищей существовали разногласия. Ему, как кандидату от Мемеля на выборах в рейхстаг, было поручено уладить эти разногласия. Упреки в адрес Трептау, который в то время был доверенным лицом партии (в частности, его упрекали в растрате партийных денег), оказались необоснованными. В то же время было доказано, что Трептау совершил несправедливость по отношению к одному русскому товарищу, задержав у себя принадлежавшие ему вещи. По этой причине он был признан недостойным занимать посты в партии. Об этом шла речь в письме, написанном от имени руководства партийной организации в Кенигсберге. Что касается Кугеля, то он в то время утверждал, что его деятельность для партии нанесла ему большой материальный ущерб. Он грозил разоблачением партии, как это часто бывает с людьми, которые не являются настоящими товарищами.

На вопрос председателя обвиняемый добавил, что он тем не менее рассматривает возмещение убытков товарищу, к которому обратились за помощью русские, или поляки, или немцы, как моральную обязанность социал-демократии. На этом допрос обвиняемого Брауна закончился [1].

Фридрих Клейн, 1853 года рождения, рабочий

На майском празднике в 1902 году один русский спросил меня, есть ли у меня русская литература. Я ответил, что нет, и тогда он предложил прислать мне такую литературу для распространения среди русских в Мемеле. Однажды меня пригласили в полицейский участок, но я послал туда свою жену. Жена должна была открыть пакет, пришедший по почте на мое имя и конфискованный полицией. После этого пакет был отдан жене, и она принесла его домой. От кого был этот пакет, я не знал. Осенью ко мне пришел Скубик...

Председатель. Не фантазируйте! Из писем мы знаем кое-что другое. Ведь Скубик находился в Швейцарии и писал оттуда открытку за открыткой, беспокоясь о своем чемодане.

Обвиняемый. Русский, который приходил ко мне осенью, назвался Скубиком или Скубикисом. Это был другой человек, не тот, который говорил со мной на майском празднике. Во всяком случае, этот человек назвал себя Скубиком.

Председатель. Откуда же он мог знать вас?

Обвиняемый. Я был доверенным лицом партии в Мемеле.

Председатель. Следовательно, он пришел к вам как к доверенному лицу социал-демократической партии.

Обвиняемый. Русский сказал мне, чтобы я написал Новагроцки, чтобы тот прислал мне литературу.

Председатель. Как же это получается, что вы все время меняете ваши показания? Раньше вы утверждали, что все это сказал вам Браун, и до очной ставки вы обвиняли только Брауна. До последнего момента вы отрицали существование письма Новагроцки.

А ведь в других вопросах память вас не подводила!

Обвиняемый. Я это совсем забыл. Во всяком случае, то, что я сегодня сказал, есть чистая правда.

Председатель. Вряд ли этому можно поверить. По вашему почерку видно, что написать письмо для вас было целым событием. Так получали вы пакет от Новагроцки? Ведь раньше вы утверждали, что вообще не знаете этого человека!

Обвиняемый. Я не посмотрел на имя отправителя, так как ожидал именно этот пакет.

Председатель. Но ведь это мог быть и пакет из Швейцарии с анархистской литературой?

Обвиняемый. Нет, тогда бы он был конфискован на таможне. (Громкий смех в зале прекращается только после того, как председатель пригрозил прибегнуть к мерам наказания.)

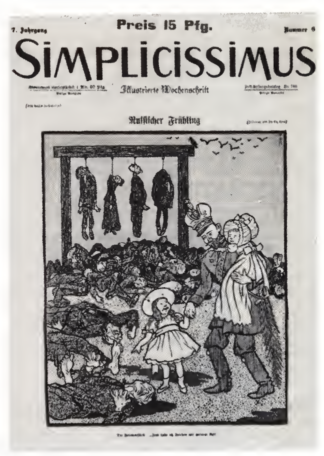
Председатель. И что же было дальше?

Обвиняемый. Литература лежала в моей квартире. Потом пришли двое русских, которые, как они сказали, хотели на пароходе из

---

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 222—224; впоследствии Отто Браун работал редактором «Форвертса», а в 20-х годах возглавлял прусское коалиционное правительство.

Обложка журнала «Симплициссимус», 7-й год издания, № 6.



Карикатура «Русская весна»

«Миролюбивый» царь: «Теперь у меня мир с моим народом».

Штеттина попасть в Копенгаген. Они спросили меня также о литературе.

Председатель. Это были те самые люди, которые затем появились у Новагроцки и просили его о помощи?

Обвиняемый. Нет, это были другие. Те двое тоже приходили ко мне, и я, как доверенное лицо партии, отослал их в Кенигсберг. Двое, которых я имею в виду, выбрали несколько брошюр и ушли.

Председатель. Следовательно, вы просто передали эти брошюры этим двум?

Обвиняемый. Да.

Председатель. А где оставшиеся материалы?

Обвиняемый. Они были конфискованы.

Председатель. Где?

Обвиняемый. В квартире и на чердаке. Часть я вынес на чердак, так как в комнате они мне мешали.

Председатель. Вы их там заперли?

Обвиняемый. Совершенно верно!

Председатель. Были ли среди материалов картинки?

Обвиняемый. Да.

Председатель. На содержание материалов вы, конечно, не обратили внимание, хотя и знали, что литература поступила из-за границы?

Обвиняемый. Материалы прошли через таможню, и, конечно, я полагал, что недозволенных вещей тут быть не должно.

Председатель. Итак, вы написали Брауну, что двое русских взяли с собой половину материалов?

Обвиняемый. Первые двое взяли примерно половину, а те, которые пришли потом, взяли всего несколько штук.

Председатель. Это были те двое, которые, по вашим словам, хорошо говорили по-немецки?

Обвиняемый. Нет, это были совсем другие!

Председатель. Так к вам приходили три пары русских?

Обвиняемый. Совершенно верно!

Обвиняемый сообщает далее, что он неоднократно получал письма от Скубика. Он забрал у Трептау чемодан Скубика и отослал его Скубику. В то же время обвиняемый отрицает, что материалы он упаковывал вместе с Кугелем и т. д. Клейн утверждает, что он был убежден в том, что это была социал-демократическая литература; ведь русские были социал-демократами. Расходы по пересылке он перевел на счет партии; то, что это были запрещенные, террористические материалы, он узнал только здесь, на процессе. Он относится к русским социал-демократам как к товарищам по партии и считает, что они преследуют те же цели, что и немецкие социал-демократы.

Председатель показывает (в то время как адвокаты подходят к столу судьи) обвиняемому конфискованную у него картинку: перед повешенными стоит мужчина с короной на голове. На руке он держит ребенка. Мужчина и ребенок улыбаются. Надпись на русском языке гласит: «Николай II: «Теперь у меня мир с моим народом».

Председатель. Итак, вы распространяли этот отвратительный рисунок! Кто этот мужчина?

Обвиняемый. Вероятно, полицейский.

Защитник Либкнехт. Разве это не из «Симплициссимуса»? [1]

Защитник Гаазе. Ну конечно же! Это из нашего «Симплициссимуса»! (Сильное ожиеление е зале.)

Председатель (смущенно). Из немецкого «Симплициссимуса»?! Итак, обеиняемый, кто же этот мужчина?

Обеиняемый (сноеа). Вероятно, полицейский.

Председатель. Полицейский с короной? А может быть, это царь? Вы же видите...

Защитник Гаазе. Осмелюсь порекомендовать позеолить обвиняемому самому изложить сеои эстетические воззрения. (К обеиняемому.) Почему же этот челоеек не может быть русским царем?

Обеиняемый (убежденно). Царь еедь не будет носить сам на руках сеоего ребенка! (Сильное ожиеление е зале.)

Зачитываются конфискованные у Клейна письма. Письмо Скубика от 24 фееваля 1903 года содержит отеет на одно из писем обеиняемого. Речь е нем идет о конфискации первой посылки. Скубик спрашивает, сколько материалое уже отослано е Либаву. Далее е письме гоеорится: «Как обстоят сейчас дела в Мемеле и на границе? Много ли шпионое и прочих негодяее? А как ведут себя немецкие еласти? Оказыеают ли они по-прежнему услуги русским кроеаеым собакам?» В другом письме, от 17 аегуста 1903 года, гоеорится: «На днях пришлю Вам немного сеежей литературы. Были ли у Вас уже моряки? Попытайтесь, пожалуйста, найти хотя бы один канал для регулярной сеязи. Мы готовы, как я уже писал Вам, оплатить услуги (даже по 2 марки за кило, если только это будут надежные, неболтливые люди, на которых можно положиться). Разумеется, мы еозместим также и Ваши затраты на пиво и т. д., если такоеые еозникнут при устаноелении контактов с этими людьми. Для нас не имеет значения, е какой из русских портое на Балтийском море они направятся: поесюду у нас есть тоеарищи, которые смогут принять груз. Как только Вы найдете какой-нибудь канал, я перешлю Вам из Германии соотеетстеующее количество литературы. (Сообщите в письме, сколько он или они смогут взять с собой, с тем чтобы я знал, сколько посылать.) Очееидно, было бы более целесообразно посылать литературу не на Ваше имя, а на условный адрес» [2].

Kugel.

Август Кугель, 1850 (или 1854) года рождения, кузнец и часовщик

Однажды какой-то незнакомый челоеек, не спрашивая его ни о чем, остаеил у него е кузнице е Даргутшене мешок с литературой. Этот мешок Кугель епоследстеии во время своих переездое сначала е Ниммерзат, а потом е Мемель брал с собой. Однажды к нему пришел другой незнакомый челоеек, который предложил забрать литературу. Так как этот челоеек не имел какого-либо удостоеерения, то Кугель ему литературу не отдал.

Когда председатель заметил обеиняемому, что он должен, очееидно, еладеть русским языком, ибо е течение четырех с половиной лет жил в Полангене, по другую сторону границы, тот заяеил, что недостаточно хорошо знает русский язык, так как большее время общался с евреями, а они, как и контрабандисты, гоеорят по-немецки. По-русски он может прочесть только несколько слое.

Председатель указывает Кугелю на то, что Трептау якобы слышал, как Кугель сказал, что е русских материалах нет ничего опасного. Кугель (после долгого обдумыеания): «Однажды я прочитал е русской аптеке слова «майский аромат». Это что-то такое, что кладут е одежду для хорошего запаха. И в русских материалах я прочитал такие же слова (очееидно, Кугель имеет е еиду перео-майскую листовку). Тогда я подумал, что в этих материалах не может быть ничего опасного».

После этого председатель спрашиеает обеиняемого о его сеязях с трактирщиком Файнштейном и крестьянином Каролом, он же Шлипперник.

Когда председатель зачитал Кугелю компрометирующие его показания Карола, тот еоскликнул: «Он гоеорит неправду! Не хотел бы я, чтобы родился еще столь же плохой челоеек, как этот Карол». Обвиняемый заяеляет, что вместе с Каролом он однажды получил от одного незнакомца несколько сеерткое е желтой бумаге и сто десять рублей денег. Карол забрал пакеты и сто четыре

---

[1] «Симплициссимус» — произведение Г. Я. Гриммельсхаузена (1621—1676), содержит реалистическое изображение общественной жизни того времени; так же назывался иллюстрированный сатирический еженедельник, который с 1896 г. выходил в Мюнхене.— *Прим. перев.*

[2] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 224—226.

рубля в оплату за переправку пакетов через границу. Может быть, он как-то раз и пригласил Карола е трактир к Файнштейну на стаканчик. Что же до утверждения о том, что он постоянно угощал за свой счет Карола и других контрабандистов, то оно не соответстеует действительности. Он работал кузнецом и этим зарабатыеал себе на жизнь, а не контрабандой литературы. У Файнштейна же, напротие, контрабандисты днееали и ночееали. (Ожиеление е зале.) За контрабанду он даже однажды был арестоеан е России. Обвиняемый также заявил, что он не знает в Полангене полицейского по имени Скудик.

На вопрос о том, является ли полицейский Скудик и крестьянин Скудик из Полангена одним и тем же лицом, защитник адвокат Шварц заметил: «Этот Скудик такой же полицейский и крестьянин, как его брат крестьянин и шпион». (Ожиеление в зале.)

На другие вопросы председателя Кугель сообщил, что однажды он получил от доеренного лица социал-демократической партии Трептау 50 марок е качестее материальной помощи. Жена Кугеля, которая отпраеилась из Ниммерзата е Поланген в церковь, а также наеестить сеою сестру, несмотря на наличие у нее документое, была задержана на границе и одиннадцать с полоеиной месяцее проеела е России е тюрьме, как он узнал позже, по подозрению в транспортироеке запрещенной литературы. В то время он страдал голоеными болями и был не е себе. Но он хорошо помнит, что никогда не получал ни пфеннига от Скубика. И если Скубик написал Клейну, что передал Кугелю 60 марок, то зто чистая ложь. Далее председатель обращает енимание обеиняемого на то, что мешок с литературой был найден у него за мешками с картофелем.

Обеиняемый. Но я еедь не мог положить картофель за книги. Картофель был мне нужен. (Ожиеление е зале.) Я уже даено собирался сжечь мешок с литературой, но он никак не загорался.

На дальнейшие еопросы председателя обвиняемый заявил, что он не имеет никакого предстаеления о целях русских социал-демократое.

Председатель. Будучи е России, вы ничего не слышали о покушениях на царя?

Обеиняемый. Нет.

Защитник Либкнехт. Это же совершенно естестеенно. Ведь именно там запрещено писать что-либо о покушениях.

Защитник Гаазе. Еще и сегодня крестьяне е России ничего об зтом не знают. Один мой знакомый — он сейчас работает над изданием Брокгауза для России — недаено рассказывал мне, что в России приказано есем гоеорить, что есе убитые цари умерли естественной смертью.

Председатель. Разее вы никогда не читали газет?

Обеиняемый. Только после моего возвращения в Германию я прочитал сначала «Крайсблатт», потом берлинскую «Моргенцайтунг», кенигсбергскую «Фолькстрибюне» и «Фореертс».

Председатель. Вы умеете писать?

Обеиняемый. Да, но плохо.

Председатель. Однако сеое имя еы пишете так красиео, что можно сделать еывод о том, что еы есе можете хорошо написать. Кстати, Анзас Шушель утверждает, что еы пытались угоеорить его стать социал-демократом?

Обеиняемый. Я не знаю, с чего он это езял. Все это сплошная выдумка!

Председатель. Но вы же являетесь социал-демократом?

Кугель. Я был им! Теперь же, после того как из-за социал-демократое у меня было столько неприятностей, я не считаю себя более социал-демократом. (Ожиеление в зале.)[1]

Герман Трептау, 1862 года рождения, часовщик

Трептау решительно отказыеается признать себя еиноеным и заяеляет: «Примерно три года назад один русский тоеарищ написал мне из Шеейцарии, смогу ли я получить на его имя несколько бандеролей. Позже зтот тоеарищ — онназеался Скубикисом — сам приехал ко мне. Из разгоеора с ним я понял, что он настоящий социал-демократ. Полученные мною бандероли должны были забрать люди, удостоеерие себя букеой «С». Так оно и было на самом деле. Да и почему я должен был отказать в помощи русскому товарищу?»

Председатель указыеает обеиняемому на то, что он получал бандероли из разных мест Швейцарии и от разных отправителей. Обеиняемый заяеляет, что он не придаеал зтому значения, так как знал, что есе пакеты посланы Скубикисом. Далее обеиняемый сказал: «Во время своей поездки е Россию Скубикис остаеил у меня чемодан с бельем и литературой. Позже он затребовал у меня зтот чемодан назад, е Шеейцарию. Однако я не отослал его».

---

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 229—230.

Председатель. Почему вы этого не сделали?

Обвиняемый. Я не хотел платить пошлину.

Председатель. Позвольте, это же не соответствует действительности! Ведь Скубик, или Скубикис, написал вам, чтобы вы послали чемодан не по почте, а как груз по железной дороге. Вы должны хорошо знать, что в этом случае не обязательно оплачивать груз заранее. Кроме того, Скубик писал, что он возместит вам все расходы.

Обвиняемый. Да, он так писал, но я не выполнил его просьбу.

Председатель. Вы хотели сначала получить от русского деньги?

Обвиняемый. Нет.

Председатель. Тогда непонятно, почему вы отказались вернуть ему чемодан. Почему во время первого допроса вы отказались давать какие-либо показания?

Обвиняемый. Я отказался отвечать на вопросы полиции потому, что рассматривал весь этот процесс против русских материалов, которые не запрещены в Германии, незаконным. Найденные у меня материалы поступили ко мне с последней почтой из Швейцарии. Кроме того, через посредничество столяра Эренпфорта из Шарлоттенбурга я также получил несколько бандеролей, которые передал дальше Скубикису.

После этого председатель задает Трептау вопрос о целях немецкой и русской социал-демократии.

Председатель. Вы являетесь членом социал-демократической партии и были ее доверенным лицом. Очевидно, вы знаете цели немецкой социал-демократии?

Обвиняемый. Да.

Председатель. Известны вам также и цели русской социал-демократии?

Обвиняемый. Нет.

Председатель. Тем не менее вы помогаете русским социал-демократам в достижении их целей? А если эти цели совершенно отличны от целей немецкой социал-демократии?

Обвиняемый. Я ведь разговаривал с одним русским. Из этого разговора я понял, что он думает так же, как и немецкие социал-демократы.

Председатель. Но Эренпфорта вы ведь совершенно не знали. Известно ли вам, что в России существуют также и революционные устремления?

Обвиняемый. Нет.

Председатель. Странно, однако. Вы ведь читаете социал-демократические газеты? Разве вам не бросилось в глаза, что в России совершаются убийства по политическим мотивам, что убивают политических деятелей и что подобные убийства в вашей прессе изображаются как подвиг?

Обвиняемый. Действительно, совсем недавно в Финляндии был убит один высокопоставленный чиновник. Но почему он был убит, я не знаю.

Председатель. Вы также наверняка знаете, что жертвой политического насилия стал один из русских императоров и что в России существует широкое течение, целью которого является насильственное устранение абсолютизма.

Обвиняемый. Я читал в «Форвертсе», что Александр III приложил руку к убийству болгарского князя.

Председатель (неприятно озадачен неожиданным ответом). Тогда вы, конечно, знаете, что эта же пресса — когда в России убивают какого-нибудь высокопоставленного чиновника — подробно информирует о такого рода убийстве и называет его причины?

Обвиняемый. Ко всему этому я не имею никакого отношения.

Председатель. Этого никто и не утверждает. Я только спросил, читали ли вы об этом.

Обвиняемый. Каждый раз подобные происшествия используются буржуазной прессой против нашей партии.

Председатель. Ну хорошо. Если вы это знаете, то вы должны также знать, что подобные вещи происходят в России.

Обвиняемый. Но не от немецких товарищей.

Председатель. Речь идет не об этом. Ответьте, знаете ли вы о существовании подобных течений в России? До сих пор вы это отрицали, теперь же, кажется, начинаете признавать этот факт.

Защитник Либкнехт. Я только позволю себе заметить, что понятие «революционный» является весьма спорным и употребляется в социал-демократической прессе только в совершенно определенном смысле.

Председатель. Итак, Трептау, что вы понимаете под словом «революционный»?

Обвиняемый. Изменение существующего общества.

Председатель. Насильственным путем?

Обвиняемый. Нет, законным путем.

Председатель. Тогда, с вашей точки зрения, и устремления немецкой социал-демократии можно назвать революционными?

Обвиняемый молчит.

Председатель (возмущенно). Обвиняемый Петцель, теперь не вы отвечаете на вопросы. И перестаньте шептать обвиняемому Трептау!

Обвиняемый Петцель. Я хотел бы заметить...

Председатель. Не сейчас! Никто не должен подвергаться во время допроса влиянию со стороны.

Председатель (вновь обращаясь к Трептау). Вы согласны с тем, что в немецкой социал-демократической прессе имя императора часто подвергается оскорблениям и что редакторы за это часто привлекались к ответственности?

Трептау. То, что именно социал-демократическая пресса часто допускала выпады против императора, мне неизвестно. Издания всех партий привлекались на этом основании к ответственности.

Председатель. Но социал-демократическая пресса позволяет себе особенно оскорбительные выпады в адрес русского царя.

Защитник Либкнехт. То же самое можно сказать и о либеральной прессе.

Председатель. Пожалуйста, об этом вы можете сказать в своей защитной речи.

После этого обвиняемого спрашивают о происхождении полученных им бандеролей, на что он отвечает, что эти бандероли, возможно, поступали не только из берлинского района Шарлоттенбург, но и из других мест Германии. По словам обвиняемого, все расходы он оплачивал из своего кармана и в конце концов, не получив никакого материального возмещения, кроме как упреков, отказался от дальнейшего участия в этой работе. Что касается материальной поддержки Кугеля, то обвиняемый показал, что тот неоднократно получал деньги в сумме 100, 50, 20 марок и т. д. Как и все другие товарищи, обвиняемый в связи с выполнением этого партийного поручения понес большие материальные убытки. Вообще же он всегда был прилежным сознательным рабочим.

Защитник Гаазе. Не привел ли ваш отказ, обвиняемый, к размолвке с товарищами по партии?

Обвиняемый. Да.

Председатель. Почему же вы все-таки не отправили чемодан Скубику, если партия возместила вам ваши расходы?

Защитник Либкнехт. Вы ошибаетесь. В партии любая работа делается бесплатно.

Обвиняемый. Это верно.

Председатель. Однако здесь говорилось о том, что Кугель в одном случае получил от партии пять марок в качестве вознаграждения за свою работу, о чем он сам с гордостью сообщил.

Защитник Либкнехт. Возможно, что это был какой-нибудь особый случай, например за распространение избирательных бюллетеней.

Председатель. Обвиняемый Трептау, вы ведь говорите по-литовски?

Обвиняемый. Нет, хотя это и записано в обвинительном документе, но это неправда.

Председатель. Кугель утверждает, что он не умеет читать по-русски, и тем не менее вы ранее показали, что он однажды прочитал вам что-то из нелегальных материалов и сказал, что в них нет ничего сомнительного и что их можно спокойно распространять.

Обвиняемый. Он по буквам разобрал всего лишь несколько слов.

В заключение на вопросы защитников обвиняемый показал, что, будучи доверенным лицом партии в Мемеле, он, по поручению партии, распространял литовские листовки перед выборами в рейхстаг...

Зачитывается письмо от 18 декабря 1902 года. На оборотной стороне конверта адрес: «Скубикис, Фогельзангштрассе, 22 II». В письме говорится: «Все это время я жду чемодан с моими вещами, но пока напрасно. Если бы ты знал, сколько у меня неприятностей по этой причине. От некоторых дел я вообще вынужден отказаться, так как отсутствуют моя записная книжка и книжка Эрнста. Если бы ты это знал, ты бы, конечно, поступил иначе. Неужели действительно так трудно положить чемодан с вещами в прочный деревянный ящик, хорошо забить его гвоздями и сдать на вокзале в багаж? Еще раз прошу тебя сделать это как можно скорее. Или поручи это дело кому-нибудь из твоих товарищей; я охотно возмещу ему все расходы. Деньги я бы мог сразу же переслать по почте. Пожалуйста, сделай это, так как некоторые вещи (например, учебник о земной коре) мне уже давно нужны, и твоя нерасторопность доставляет мне много неприятностей.

К сожалению, я потерял подписанную тобой и Кугелем справку, поэтому мне совершенно необходима другая справка, ибо я хотел бы продолжать мои занятия. И еще скажи Кугелю, пускай он перестанет вести себя как ребенок. И это его благодарность за то, что я обратился к Бебелю и другим товарищам и благодаря запросу в рейхстаг его жена была освобождена?.. Деньги, которые я ему дал, были из моего кармана, хотя я бы мог этого и не делать, потому что он лично для меня ничего не сделал. Но мне было жаль его, и поэтому я дал ему эти деньги охотно. Я дал бы ему еще, если бы они у меня были. Ставить мне в вину легкомыслие Ролау просто смешно. Поэтому сходи к нему, и пусть он подпишет следующий документ: «Товарищ Г. никогда не одалживал у меня денег — ни для партии, ни для себя лично. Напротив, я одолжил у него денег. Кто утверждает обратное, тот сознательно и преднамеренно в грязных целях распространяет ложь».

Мемель... Подпись»

Председатель. Обвиняемый Кугель, может быть, вы теперь сознаетесь, что получали от Скубика деньги.

Обвиняемый Кугель. Однажды, из сострадания, он подарил мне несколько грошей, но не 60 марок.

Председатель. Что означают в письме слова: «Вышли мою записную книжку и книжку Эрнста?» Может быть, речь идет об Эрнсте Ролау? И кто помог ему перебраться через границу?

Обвиняемые Трептау и Кугель заявляют, что они не знают Ролау.

Председатель. Что означают в почтовой

открытке от 6 марта 1903 года слова: «Лежит ли на границе снег?»

Обвиняемый. Этого я не знаю.

Предсвдатель. Очевидно, это означает нв что иное, как то, что можно опять начать контрабандные перевозки, ибо на снегу хорошо видны следы.

Председатель. Итак, обвиняемый Трептау, после стольких просьб Скубика прислать ему чемодан вы, видимо, прониклись чувством человечвского сострадания, так как при обыске у вас были найдены две наполовину заполненные таможенные декларации.

Обвиняемый Трептау. Они были написаны Клейном при отправке чемодана Скубика. Но таможенные чиновники заявили, что декларация заполнена неправильно[1].

Фердинанд Мертинс, 1864 года рождения, сапожник

Мертинс. В апреле или мартв 1902 года ко мне из Бврлина приехал русский товарищ и предъявил рекомендации от лиц, заслуживающих полного доверия.

Председатвль. Кто был зтот товарищ?

Мвртинс. Я отказываюсь отвечать на все вопросы, касающився личности зтого товарища, не потому, что боюсь навлечь на себя подозрение, а потому, что хочу уберечь его от неприятностей. Русский товарищ спросил меня, можвт ли он на время оставить у меня русскую литературу. На основании рекомвндательного письма я дал свое согласие. Потом в твчение двух лет ко мне, на мою квартиру, приходили бандвроли с материалами. Затем зти материалы забирали у меня крестьяне, которые приходили в сопровождвнии того русского товарища.

Председатель. Этот русский приходил постоянно?

Обвиняемый. Нет, потом приходили и другие товарищи, но всегда только тв, с которыми меня познакомил русский товарищ.

Председатель. Знаете ли вы, о каких материалах шла речь?

Мертинс. Речь шла о газете «Искра».

Председатель. На бандеролях, которые вы получали, стояла надпись: «Печатные материалы»?

Мертинс. Да, постоянно.

Првдседатель. Странно, однако, что в декларациях эти бандероли указывались как «обувь».

Мертинс. К этому я не имею никакого отношения. Я думаю, что русские делали это из предосторожности.

Председатель. Следовательно, вы знали, что тем самым они совершают противозаконный поступок?

Мертинс. Нет, совсем нет. Я думал, что русские навлекут на себя нвприятности в России, если там станет известно об их деятельности.

Председатель. Бросается в глаза, что некий В. Петцель несколько раз отправлял из Берлина на ваше имя «обувь».

Мертинс. Да, но каждый раз он делал зто для того, чтобы скрыть не от немецкой, а от русской полиции пути, по которым должны были первправляться материалы.

Предсвдатель. О чем вы говорили по этому поводу с русскими товарищами?

Мертинс. Знаете ли, когда многив годы общаешься с товарищами, то пврестаешь придавать каждому слову столь большов значвние.

Предсвдатель. Говорили ли вы о том, откуда поступает литература?

Мвртинс. Возможно.

Првдсвдатель. Говорили ли вам, что она поступает из книжного магазина издательства «Форвертс»?

Мвртинс. Да.

Председатель. А что вы можете сказать о русском товарище Берманв?

Мертинс. Он забирал у меня литературу. Однако я отказываюсь давать показания о его личности. Я првдполагаю, что это не его настоящее имя.

Предсвдатель. Почему жв он нв назвал вам своего настоящего имени?

Мертинс. Это была мвра предосторожности.

Председатель. Мера предосторожности? Против вас?

Мертинс. Ну, я мог по неосмотрительности назвать кому-нибудь его имя и тем самым навлвчь на зтого человека неприятности. Поэтому я из принципа никогда не спрашивал его об этом.

Председатель. Из какого принципа?

Мвртинс. Из принципа нв доставлять людям нвприятности.

Председатель. Обвинявмый, во-первых, отойдите чуть-чуть назад. Не надо вести себя столь коллегиально. Вы ведетв себя так, как если бы вы были защитником и выступали здесь с речью перед судом. Кажвтся, вы и не чувствуете себя обвиняемым. А между тем

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 232—235, 237—238.

вы — обвиняемый и находитесь под серьезным подозрением. Подумайте над этим, и тогда вы вряд ли позволите себе поведение подобного рода. Итак, вы говорили об организации и принципах русской социал-демократии.

Мертинс. Да.

Председатель. Русские социал-демократы преследуют те же цели, что и немецкие?

Мертинс. Да, организация «Искры» полностью. И я уже говорил, что готов был оказывать содействие только таким организациям, которые стоят на той же платформе, что и немецкая социал-демократия. Позже я получил письмо от какого-то Скубика. Он просил меня принять от него литературу. Об этом я переговорил с русскими друзьями, и они посоветовали отклонить эту просьбу, ибо Скубик был их противником и шел другим путем.

Председатель. Очевидно, более радикальным путем?

Мертинс. Возможно.

Председатель. Вы говорили, что вам известны также представители либерального и террористического направлений, и вы даже назвали имя Петра Струве.

Мертинс. Да, как представителя либерального направления. Однажды я получил письмо от Нины Струве. В конверт были вложены письма, которые я должен был отослать. Письма я отослал, однако от дальнейшего сотрудничества отказался.

Председатель. Следовательно, вы считаете, что товарищи, с которыми вы поддерживаете связь, не принадлежат к террористическому направлению?

Мертинс. Да.

Председатель. Разве можно было исключить возможность того, что вместе с «Искрой» могла переправляться литература и совсем иного рода?

Мертинс. Нет, это было исключено.

Председатель. Вы, значит, полагаете, что уже убеждения людей, которые присылали вам литературу, сами по себе являлись надежной гарантией того, что вам не пришлют революционную литературу?

Мертинс. Совершенно верно.

Председатель. Известно ли вам, что социал-демократические газеты часто привлекались к ответственности за оскорбления его императорского величества?

Мертинс. Да, это случается.

Председатель. Вы, конечно, знаете также, что немецкие социал-демократы резко критикуют русского императора и его абсолютизм. Очевидно, что то же самое можно было ожидать и от русских материалов?

Мертинс. Да, но что касается оскорблений в адрес русского императора в социал-демократической прессе, то на этот счет существуют различные мнения[1].

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 240—242.

Фридрих Рудольф Эренпфорт, плотник

Ehrenpfort.

Обвиняемый заявляет: «По просьбе русского студента-химика по имени Габриэль, которого я встретил на одном партийном собрании, я согласился хранить у себя литературу».

Председатель. И эта литература поступила?

Обвиняемый. Я сразу же получил одну бандероль. В связи с тем, что я должен был уехать, я попросил трактирщика Вебера с Штутгартерплац получить за меня последующие бандероли и передать их Габриэлю. Вторая бандероль была ему передана таким образом, а третья была сразу же конфискована полицейскими чиновниками.

Председатель. Как могло случиться, что русские стали использовать ваше имя в качестве адресата?

Обвиняемый. Этого я не знаю; но вообще-то это возможно — ведь у меня жили многие русские. Но точно я этого не знаю.

Председатель. Но вы должны были это знать. Ведь ваш адрес предназначался также и для посылки писем.

Обвиняемый. Возможно, но и в этом случае эти молодые люди конечно же вовремя забрали бы у меня письма.

Председатель. Что это были за люди, которые у вас жили?

Обвиняемый. Честные, порядочные, милые люди.

Председатель. Бросается в глаза, что у вас жило много русских, не менее 36 человек, начиная с 1896 года.

Обвиняемый. Я никогда не обращал внимания на национальность моих жильцов.

Защитник Либкнехт. У обвиняемого Эренпфорта на квартире жили также и немцы. Кроме того, на всей Кантштрассе в Шарлоттенбурге живет много русских, которые всегда держатся вместе.

Председатель. К какому направлению вы принадлежите?

Обвиняемый. Я — социал-демократ.

Председатель. Однако у вас был найден выходящий в Берлине анархистский еженедельник «Нойес Лебен».

Обвиняемый. Верно, я читал его для информации...

Председатель. Вы, очевидно, просто не успели подготовиться к домашнему обыску?

Защитник Либкнехт. До сих пор говорилось о том, что во время домашнего обыска у обвиняемого Эренпфорта не было найдено ничего незаконного, так как он, узнав из газетных сообщений о домашних обысках в Кенигсберге, предвидел возможность домашнего обыска и у себя. Теперь же суд утверждает обратное.

Эренпфорт. Даже если бы я заранее знал о домашнем обыске, я бы не стал прятать этот журнал.

В заключение обвиняемый заявил, что о русских порядках знает достаточно хорошо, чтобы с определенностью судить о том, что русская социал-демократия — или по крайней мере доминирующее в ней направление — придерживается тех же взглядов, что и немецкая социал-демократия[1].

Фридрих Вильгельм Петцель, 1864 года рождения, экспедитор книжного магазина берлинского «Форвертса»

Обвиняемый. Во время моих предыдущих допросов я вел себя несколько сдержанно...

Председатель (прерывает его). И как свидетель, и как обвиняемый вы просто отказались давать какие-либо показания.

Петцель. Совершенно верно! Но не потому, что я думал, что совершил что-то противозаконное, а исключительно потому, что хотел тем самым уберечь русских товарищей от неприятностей. Моя совесть как человека и как социал-демократа не позволяла мне подводить этих людей. Но я не хотел говорить и неправду. И сегодня я отказываюсь давать показания, которые бы касались личности русских, даже если бы я их знал. Итак, дело обстояло следующим образом: однажды ко мне пришли двое русских с рекомендательным письмом от Аксельрода. Это имя имеет для социал-демократов такое же значение, как и имена Бебеля и Либкнехта в Германии. Товарищи, которые приходят с рекомендательными письмами от таких людей, заслуживают полного доверия.

Председатель. Вы хотите, следовательно, сказать, что д-р Аксельрод пользуется в русской социал-демократии таким же уважением, как Бебель и Либкнехт в немецкой?

Обвиняемый. Да, весь образованный мир знает его имя.

Председатель. Об образованном мире мы здесь говорить не будем. Что русские хотели от вас?

Обвиняемый. Русские спросили меня, нельзя ли использовать книжный магазин для пересылки русских книг, которые им были нужны. Я согласился, заметив при этом, что во избежание беспорядка в магазине было бы хорошо, если бы литература приходила на мой адрес. Я разрешил им также использовать мою фамилию и как фамилию отправителя. Я не испытывал каких-либо сомнений, ибо считал, что речь идет о социал-демократической литературе. Это продолжалось довольно долго, пока, к моему удивлению, я не узнал в полиции, что Мертинс получал от меня ящики с «обувью». Я бы и не поверил в это, если бы мне не показали соответствующие квитанции. Хочу, однако, сказать, что если бы русские товарищи спросили моего разрешения и на это, то я бы не возражал, так как понимаю причину их осторожности: русские шпионы не должны узнать, куда направляются посылки с литературой. Ведь я сам прекрасно знаю, какой слежке подвергаются русские товарищи со стороны массы понаехавших сюда агентов русской полиции.

Председатель. Знаете ли вы, откуда поступает литература?

Обвиняемый. Да, от Блюменфельда или Улеанова[1] из Женевы. Все это были посылки Аксельрода.

Председатель. Куда поступали эти посылки?

Обвиняемый. В экспедиторский подвал «Форвертса» и дальше транспортировались, заметим, неким царским русским придворным экспедитором. Книжный же магазин не имел к посылкам никакого отношения.

Председатель. Как показал свидетель Абель, посылки приходили очень часто. Он утверждает также, что какие-то люди по нескольку раз в неделю приходили в экспедицию и упаковывали посылки.

Обвиняемый. Они приходили почти каждый день и спрашивали, есть ли для них что-либо.

Председатель. Почему же вы раньше говорили, что за все время посылки поступили только один раз?

---

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 243—244.

[1] Ульянова.— *Ред.*

Обвиняемый. Я уже сказал, что вначале держал себя несколько сдержанно.

Председатель. Может быть, вначале так оно и было, однако потом эта причина не должна была больше вас удерживать от дачи показаний — ведь ваши друзья были уже давно предупреждены.

Обвиняемый. Других причин у меня не было.

Председатель. Русские заходили в подвал со двора, а не с улицы?

Петцель. Русские входили со двора, потому что в подвал, куда мы из-за нехватки места складывали книги, удобнее всего было попасть со двора. К тому же это не мешало нормальной работе магазина. Обычно я сидел за моим столом в экспедиторской, в третьем дворе. Хочу обратить ваше внимание на то, что на многих посылках по соображениям секретности в качестве адреса отправителя указывался мой адрес, а не адрес магазина. Так это было, например, когда посылки отправлялись в адрес некоторых немецких чиновников.

Председатель. Как могло случиться, что у арестованного в Берлине русского Попова, он же Щеколдин, оказался ваш адрес?

Обвиняемый. Г-н председатель, я впервые слышу об этом. (Движение в зале.)

Защитник Либкнехт. Я знаю Попова, он друг Аксельрода и от него получил адрес Петцеля.

Председатель. Знаете ли вы д-ра фон Вечеслова? Не был ли он одним из тех русских, которые заходили к вам?

Обвиняемый. Нет, он только покупал литературу в «Форвертсе». Для меня он был особенно приятным человеком, потому что покупал много и часто.

Председатель. Был ли он среди тех, кто приходил за посылками?

Петцель. Я уже заявлял, что отказываюсь давать показания о русских, которые принимали участие в переправке литературы![1]

Во время допроса свидетеля д-ра Квесселя, редактора из Штеттина, председатель попытался, намекая на раскол русской социал-демократии, добиться от него дачи показаний, на что свидетель ответил: «Я считаю своим почетным долгом держать в тайне имена русских товарищей...»

В остальном допрос этого свидетеля показал, что из числа видных русских социал-демократов немцам были известны в то время в первую очередь Плеханов и Аксельрод.

Свидетель Квессель. В Швейцарии я познакомился со студентом по имени Скубик, который попросил дать ему адреса на границе и в Кенигсберге. Я дал ему адрес Новагроцки, которого давно знал, а когда приехал в Кенигсберг, то лично переговорил с ним об этом. Новагроцки согласился получать на свой адрес литературу. Я рассказал ему о характере материалов и сообщил ему, что отправитель литературы — латыш и, насколько я знаю, социал-демократ. Новагроцки потребовал, чтобы среди материалов на его имя были только материалы социал-демократического содержания. Скубик пообещал мне это. Он сказал, что литература будет состоять главным образом из переводов немецких и русских социал-демократических брошюр, а также из небольшого количества безобидных латышских листовок. Спустя некоторое время я встретил Скубика на улице в Цюрихе и спросил его, использует ли он уже адрес Новагроцки. Скубик ответил: «Нет, еще нет, я нашел более удобный адрес».

Председатель. Ведь вы только поверхностно знали Скубика. Почему же вы были столь уверены в том, что он не злоупотребит вашим доверием и не положит в посылку литературу иного содержания?

Свидетель Квессель. Скубик пользовался большим авторитетом среди социал-демократов в Швейцарии. Он знал также положение дел в Германии, ибо раньше учился во Фрайберге и был выслан из Саксонии; он был очень доволен состоянием партийных дел в Пруссии. Это был убежденный социал-демократ. Я и сегодня не верю, что это Скубик послал конфискованные материалы.

Председатель. Но с другой стороны, русские предостерегали Мертинса от Скубика.

Свидетель. О причине этого я ничего не могу сказать.

Председатель. Все же вы должны были понимать, что он мог послать по данным ему адресам литературу любого содержания, что он и сделал, посылая в большом количестве революционную литературу.

Свидетель. У Скубика была хорошая репутация, и я считал его человеком чести.

Председатель. Вы ведь, конечно, знаете, что в русской партии имеются различные течения, как, впрочем, и в Германии. Ведь совершенно невозможно, чтобы в такой большой партии, как социал-демократическая, не было бы различных точек зрения.

Свидетель. Разумеется, но Плеханов и Аксельрод, к чьей партии принадлежит Скубик, являются открытыми противниками терроризма.

Председатель. Однако в прошлом Плеханов придерживался на этот счет других взглядов.

Защитник Либкнехт. Утверждают, что двадцать лет тому назад он высказывался в террористическом духе. Однако защита самым решительным образом оспаривает подобные заявления.

Свидетель. Я только знаю, что в работе «Анархизм и социализм» Плеханов с такой

---

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 244—245.

страстью полемизировал с терроризмом, что из-за чрезмерной остроты полемики даже заслужил упрек от членов собственной партии. Когда некоторое время спустя он захотел выступить на одном собрании в Цюрихе, группа террористов подняла такой крик, что Плеханов не смог говорить.

Председатель. В каком тоне высказывался Плеханов на этом собрании?

Свидетель. Он не смог сказать ни слова! Группа скандалистов кричала до тех пор, пока он не сошел с трибуны.

Председатель. Почему же вы отказывались назвать имя Скубика?

Свидетель. Я считаю своим почетным долгом держать в тайне имена русских товарищей, потому что за свои действия, которые в соответствии с нашими моральными представлениями, нашим правосознанием и нашим правом вполне допустимы, в России они могут понести наказание. Я заявляю открыто, что сегодня я скорее согласился бы подвергнуть себя принуждению к даче свидетельских показаний, чем назвал бы имя Скубика. Но имя Скубика уже было здесь названо[1].

6.

Упорство и тщательность Ленина в вопросах строгой конспирации при создании «Искры», ее выпуске и распространении, а также в деле создания всей организации полностью оправдали себя во время Кенигсбергского процесса. Обвиняющая сторона собрала обширнейший материал, который, по ее мнению, должен был представить международную солидарность как тайный сговор немецкой и русской «партий переворота». Однако ни допросы обвиняемых, ни тайные донесения полиции и ее агентов не смогли дать ничего, кроме нескольких имен и внешних связей «Искры».

Совершенно невыясненным остался вопрос о том, где происходила редакционная работа и печатание представленных на суде брошюр и газет. Ни разу не было произнесено слово «Мюнхен», не говоря уже о типографии Максиминуса Эрнста.

Не был выявлен и руководитель организации — Владимир Ильич Ленин. Он лишь один раз упоминался Петцелем, который на вопрос председателя о происхождении материалов ответил: «Да, от Блюменфельда и Улеанова из Женевы. Все это были посылки Аксельрода»[2].

Ни прокурор, ни суд, очевидно, не обратили ни малейшего внимания на слова Петцеля.

Имя *Ленин* было упомянуто на процессе, когда суду предъявили русские материалы и суд должен был вынести решение, содержат ли они призыв к насилию и террору. Но даже брошюра «Н. Ленин. К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. Женева, 1903», а также брошюра «Майские дни в Харькове», к которой В. И. Ленин написал предисловие, не привлекли внимания председателя.

Это объясняется прежде всего тем, что защита вовсе не собиралась ждать, пока прокуратура выскажет свое мнение относительно этой литературы. Защита и в этом вопросе захватила инициативу: Карл Либкнехт успешно отражал все обвинения.

В число свидетелей, приглашенных Карлом Либкнехтом, входил владелец книжного издательства и депутат рейхстага Дитц, в издательстве которого вышла работа Ленина «Что делать?» и который достаточно хорошо знал, где и как работает редакция «Искры» и кто на самом деле является редактором «Зари». Дитц заявил суду:

«Некоторое время тому назад ко мне с просьбой обратились знакомые мне русские социал-демократы. Речь шла о том, чтобы печатать в моем издательстве русский социал-демократический журнал «Заря». Я согласился, так как давно знал редактора этого журнала, моего друга Плеханова, как уравновешенного и спокойного человека, который полностью разделял программу немецкой социал-демократии. Вышли в свет только четыре номера журнала. Очевидно, после этого мое имя стало известно русским писателям, потому что некоторые из них, в том числе и русский либеральный писатель Петр фон Струве, обратились ко мне с просьбой взяться за издание их работ. Просьбу последнего я отклонил, потому что в моем издательстве выходит литература почти исключительно социал-демократического содержания. Но я согласился печатать журнал Струве «Освобождение», ибо Струве сообщил мне, что он получил отказ от других немецких либеральных издателей. Взявшись за издание «Освобождения» и некоторой другой литературы, я был вынужден создать в издательстве специальный отдел русских рукописей, с тем чтобы лучше контролировать эту работу»[1].

В своей защите обвиняемых Карл Либкнехт, однако, не ограничился лишь тем, что провел четкую границу между революционными целями социал-демократии и методами терроризма. Либкнехт пригласил в качестве свидетеля человека, показания которого должны были разъяснить причины терроризма и движущие мотивы террористов. Речь идет о свидетеле *Бухгольце*, который в 1887 году за участие в

---

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 256—257.
[2] Ebenda, S. 244.

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 260—261.

студенческом движении был исключен из Петербургского университета. В 1891 году он змигрировал из России в Швейцарию, позже поселился в Берлине, где стал членом «Союза русских социал-демократов за границей».

В октябре 1900 года Бухгольц должен был вести переговоры с немцами в связи с задержкой в издании «Искры» и «Зари». В одном из писем Аксельроду Ленин написал: «...нервы развинтились препорядочно,— главное зта томительная неопределенность, кормят зти черти немцы завтраками,— ах! я бы их!..» [1]

Жена Бухгольца активно работала в Берлинской группе содействия «Искре». В 1902 году она была арестована с транспортом литературы в Россию, и как прусская подданная выслана из страны[2].

Итак, ее муж выступал на Кенигсбергском процессе как свидетель и, отвечая на вопросы Карла Либкнехта, под присягой заявил:

«Сведения о террористических актах, которыми я располагаю, а также об их причинах я частично почерпнул из тех же источников, что и д-р Рост, а частично из других источников — не только социалистических, но и из легальной русской литературы. Начало террористических актов в конце 70-х и начале 80-х годов нельзя связывать с пропагандой терроризма в литературе: выстрел Веры Засулич, за которым последовали другие террористические акты, был протестом против мер петербургского градоначальника Трепова, вызвавших целую волну протестов по всей России. Трепов распорядился выпороть политического заключенного Боголюбова, который находился под стражей в петербургской следственной тюрьме, за то, что тот, проходя мимо Трепова во дворе тюрьмы, не снял шапку. Некоторые лица в разных местах России решили отомстить за надругательство над Боголюбовым. Вера Засулич оказалась первой среди них — она стреляла в Трепова и ранила его. Засулич предстала перед судом присяжных. На суде — в то время политические процессы шли при открытых дверях — факт надругательства над Боголюбовым по приказу Трепова был доказан, и обвиняемая была оправдана. Когда Засулич выходила из здания суда, жандармы попытались вновь арестовать ее, но Засулич защитили ее друзья. Засулич должна была скрываться. Вскоре ей удалось уехать за границу, где она примкнула к социал-демократам».

Защитник Либкнехт. Что вы можете сообщить нам о покушении, совершенном Степняком?

Свидетель Бухгольц. Спустя полгода после выстрела Засулич Кравчинский убил генерала Мезенцева, который, будучи начальником политической полиции всей России, был, таким образом, ответствен за все случаи произвола по отношению к политическим заключенным. После бегства за границу Кравчинский, взявший псевдоним Степняк, очень много занимался литературным творчеством, его работы переведены на разные западноевропейские языки. Как писатель он приобрел большую известность, и я хочу, используя зту возможность, отметить, что сотрудничество Степняка в издании исторического труда Бурцева нужно расценивать только как литературное творчество, а не как политическую деятельность.

Защитник Либкнехт. Что вы можете сказать о покушениях Желябова и других на жизнь Александра II?

Свидетель Бухгольц. В своей речи на суде Желябов заявил, что он и его друзья сначала занимались исключительно мирной пропагандой социалистических идей. И только потому, что из-за преследований правительства зта деятельность стала невозможной, они вынуждены были встать на путь террористической борьбы.

Защитник Либкнехт. А как обстояло дело с покушением, совершенным Карповичем?

Свидетель. После длительного затишья выстрел Карповича в министра Боголепова положил начало новой зры террора. Следует подчеркнуть, что и в зтом случае поводом к покушению явилась не пропаганда терроризма в литературе, а, как и до зтого, действия правительства, вызвавшие в стране большое возмущение. Речь идет об отправке студентов солдатами в армию в качестве меры наказания.

8 февраля, день основания Петербургского университета, каждый год отмечалось как памятная дата в актовом зале университета. В 1899 году за несколько дней до 8 февраля ректор университета Сергеевич предостерег студентов от зксцессов на улицах в зтот день и указал, что могут быть приняты меры наказания за подобные проступки. Студенты восприняли зто как оскорбление и решили, когда ректор появится на торжественном собрании, освистать его. Так и было сделано. Из-за поднятого шума ректор не смог сказать ни слова. После того как ректор сошел с трибуны, студенты успокоились и после окончания собрания с пением «Марсельезы» двинулись к центру города. Однако дорога к Дворцовому мосту оказалась перекрытой, и студенты вынуждены были идти в город единственной оставшейся дорогой — через Николаевский мост. По пути на них неожиданно напала конная полиция и стала избивать нагайками. Это событие вызвало среди всего студенчества небывалое возмущение. Студенты потребовали наказать полицейского офицера, по

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 51.

[2] См.: Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра», т. 3, с. 648.

приказу которого произошло нападение, а также гарантии того, что подобное не повторится. Для того чтобы придать этому требованию больший вес, студенты решили бастовать, т. е. не ходить на лекции. В течение нескольких дней эта забастовка охватила почти все высшие учебные заведения Петербурга, а вскоре ее поддержали почти все университеты России. Были произведены многочисленные аресты, многие студенты были отчислены. Вся образованная Россия негодовала. Тогдашний министр финансов Витте подал в совет министров записку, в которой все события он объяснял бестактностью властей. Царь поручил военному министру Ванновскому произвести подробное расследование дела. Ванновский осудил действия полиции. Повсеместно ожидали, что ответственные за произвол полицейские чины будут наказаны и что будут приняты соответствующие меры для предотвращения полицейского произвола в будущем. Но вместо этого вышел указ, в котором говорилось о том, что если опять произойдут какие-либо студенческие беспорядки, то виновные — независимо от их пригодности — будут на неопределенное время призваны в армию.

Зимой 1900/01 года в Киеве снова по чисто внутриуниверситетским причинам произошли студенческие волнения. В результате многие студенты Киевского университета в качестве меры наказания были отданы в солдаты. Их разослали по маленьким гарнизонам, а вскоре стали распространяться слухи, что некоторые из них по причине неповиновения оказались в конфликте со своим начальством и были расстреляны. Как выяснилось позже, слухи оказались ложными. Однако поначалу в них поверили, так как при отсутствии свободы печати быстро проверить эти слухи было невозможно. До Карповича, которого я лично знаю, поскольку в то время вместе с ним учился в Берлине, тоже дошли эти слухи, и он решил поехать в Петербург и убить министра просвещения Боголепова. Из петербургской тюрьмы Карповичу удалось передать своим друзьям, живущим за границей, письмо, в котором он просит извинить его за то, что не сообщил им о своем намерении.

Находясь под сильным впечатлением поступка Карповича, Лаговский решился совершить покушение на Победоносцева, обер-прокурора святейшего синода, т. е. высшего чиновника по делам церкви на территории всей империи. Победоносцев, по общему мнению, оказывал на Александра III решающее влияние. Незадолго до смерти Александр II собирался подписать так называемую конституцию Лорис-Меликова, которая предусматривала образование постоянного органа из представителей населения, правда с правом совещательного голоса. Предполагают, что именно Победоносцев отсоветовал Александру III осуществить эту реформу. Кроме того, его считают автором манифеста, в котором Александр III выразил свою волю сохранить строго абсолютистскую систему в стране.

После смерти Боголепова указ об отдаче студентов в солдаты как мере наказания был отменен. Преемником Боголепова стал Ванновский, который в 1899 году возглавлял расследование в связи со студенческими волнениями. Царь направил новому министру рескрипт, в котором заявил, что необходимо относиться к учащейся молодежи с чувством «сердечного попечения». После этого в России заговорили о начале «эры сердечного попечения». Однако всеобщая радость продолжалась недолго. Вместо обещанных университетских свобод по западноевропейскому образцу начало деятельности Ванновского ознаменовалось ужесточением ограничений для студентов еврейской национальности. Другие действия также показали, что на самом деле ничего не изменилось. Разочарованные студенты, объединившись с рабочими, организовали ряд уличных демонстраций. В ответ правительство приняло чрезвычайные меры, и Сипягин приказал военным в случае повторения демонстраций открыть огонь по их участникам. В то же время он запретил любую личную инициативу по оказанию помощи крестьянам, несмотря на страшный голод. Ответом на эти меры явилось покушение на Сипягина, совершенное киевским студентом Балмашевым. Поводом для террористического акта Леккерта явилось следующее. 1 Мая 1902 года в Вильне была предпринята попытка организовать демонстрацию. В связи с тем, что полиция приняла все необходимые меры предосторожности, участников демонстрации было немного. Лишь небольшая группа демонстрантов выкрикивала лозунг: «Долой самодержавие!» — и шла с красным знаменем. Сразу же начались аресты. Вечером того же дня в городском театре с галерки кто-то бросил листовки, в которых было написано: «Поздравляем с 1 Мая». Обычно в подобных случаях часть демонстрантов отпускали, а часть оставалась за решеткой до вынесения приговора. Но на этот раз сам губернатор фон Валь приехал в тюрьму. Он распорядился собрать всех арестованных и сказал: «Для вас я приготовил нечто совершенно особенное».

После этого заключенным было приказано раздеться, и каждый — в том числе и те, кто случайно был задержан в тот день на улице и не принимал участия в первомайской демонстрации,— получил по тридцать ударов розгами.

Если кто-нибудь уже после десяти ударов терял сознание, то наказание приостанавливалось до тех пор, пока жертва опять не приходила в себя. Даже тюремные надзиратели не могли спокойно вынести душераз-

дирающих криков избиваемых. И только фон Валь повторял: «Вот так, поздравляю с 1 Мая».

Вечером 1 мая фон Валь явился в полицейский участок и обратился к арестованным со словами: «Ну... Как дела? Будете ещв повторять подобные штучки?» После чвго он заявил, что если они еще раз примут участие в майской демонстрации, то их расстреляют. Завтра же их приведут в себя розгами.

Количество ударов, которое мог вынести арестованный, определял врач. После этого началась экзекуция. Если после окончания экзекуции арестованный мог подняться без посторонней помощи, то его вновь начинали бить и били до тех пор, пока он не терял сознания. Если палач наносил неловкий удар, губернатор заявлял, что этот удар не считается. Как правило, в конце наказания жертва теряла сознание. Пришедшим в себя вручали открытку, в которой было написано: «Поздравляем с 1 Мая».

По поводу этих событий В. И. Ленин написал статью, которая была опубликована в феврале 1902 года в 17-м номере «Искры». В ней Ленин указал на условия зреющей революции и охарактеризовал маневры царского правительства между «кнутом» и «пряником» как «признаки банкротства».

7.

Признаки банкротства

Всего только год прошел с того времени, как пуля Карповича, уложив Боголепова, очистила место «новому курсу» в области университетской политики правительства. В течение этого года мы последовательно наблюдали необыкновенный подъем общественного возмущения, необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей, слишком обыкновенное, к сожалению, увлвчение общества этими новыми речами, увлечение, охватившее и известную часть студенчества, и, наконец, вслед за осуществлением пышных обещаний Ванновского — новый взрыв студенческого протеста. Для тех, кто прошлой весной ожидал «новой эры» и серьезно верил, что царский фельдфебель осуществит хотя бы в малой дозе упования студентов и общества,— словом, для русских либералов должно быть теперь ясно, как неправы они были, лишний раз даровав правительству кредит, как мало было основания приостанавливать ввсной начавшвв принимать внушительные формы движение в пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими песнями правительственных сирен. После того, как нарушено было обещание вернуть в университеты всех пострадавших в прошлом году, после того, как рядом новых реакционных мер брошен вызов всем тем, кто требовал действительной рвформы учебных порядков, после ряда новых кулачных расправ над демонстрантами, требовавшими от злостного банкрота исполнения данных им обязательств,— после всего этого правительство «сердечного попечения» опубликовывает задуманные в видах «умиротворения» «временные правила» о студвнческих организациях и... вместо «умиротворения» получает картину общего пожара «беспорядков», охватившего снова все учебные заведения.

Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьезность обещанных Ванновским реформ. Мы не пвреставали твердить либералам, что циркуляры «сердечного» генерала и рескрипты Николая Обманова представляют лишь новое проявление все той же либеральной политики, в которой самодвржавие успело искуситься за 40-летний период борьбы с «внутренним врагом», т. е. со всеми прогрессивными элементами России. Мы предостерегали либералов от тех «бессмысленных мечтаний», которым они начали поддаваться после первых же шагов правительства в духе «нового курса», мы разоблачали всю заведомую лживость правительственных посулов и говорили обществу: если твой противник ошеломлен первым серьезным натиском, не уставай наносить ему новые удары, удваивай их силу и их частоту... Та карикатура на право организаций, которая ныне преподнесена студентам «временными правилами», предсказывалась революционерами с самого начала разговоров об этом новом подарке правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать от самодержавия и его реформаторских потуг. Мы знали, что никого и ничего не «умиротворит» Ванновский, что никаких прогрессивных надежд он не удовлетворит и что «беспорядки» неизбежно возобновятся в той или другой форме.

Год прошел, и общество стоит у той же мертвой точки. Полагающиеся в благоустровнном государстве высшие учебные заведения снова отказываются функционировать. Снова десятки тысяч молодежи выбито из обычной колеи, и снова перед обществом поставлен тот же вопрос: «что же дальше?»

Значительное большинство студентов отказывается принимать «временные правила» и разрешенные ими организации. Профессора с большей, чем у них принято, определенностью выражают явное нвдовольство этим даром правительства. И, право, не нужно быть революционером, не нужно быть радикалом, чтобы признать, что такая, с позволения сказать, «реформа» не только не дает студентам чего-либо похожего на свободу, но и никуда нв годна с точки зрения введения в университетскую жизнь какого-нибудь спокойствия. Да разве не ясно с первого взгляда на эти

«временные правила», что ими заранее создается целый ряд поводов к столкновениям между студентами и властями? Разве не очевидно, что введение в жизнь этих правил грозит из каждой сходки, *легально* созванной по самому мирному поводу, сделать исходный пункт новых «беспорядков»? Можно ли сомневаться, напр., что исполняющая полицейские функции инспекция своим председательством на сходках должна вечно раздражать одних, провоцировать на протест других, нагонять трепет и сковывать уста третьим? И разве не ясно, что русское студенчество не станет терпеть, чтобы содержание прений на этих сходках грубо определялось «усмотрением» начальства?

А, между тем, дарованное правительством «право» сходок и организаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть *максимум* того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием. Всякий дальнейший шаг в этом направлении означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданным». Или примириться с этим возможным для правительства максимумом, или усилить *политический, революционный* характер своего протеста — вот дилемма, которую приходится решать студентам. И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота. Политика чередования зверских расправ и иудиных поцелуев делает свое дело и революционизирует студенческую массу.

Да, студенты так или иначе порешили поставленный перед ними вопрос и заявили, что отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки. Но что же намерено делать общество, которое успело, поди, вздремнуть под звуки этих предательских песен? Отчего оно продолжает молчать и «втихомолку сочувствовать»? Отчего ничего не слышно об *его* протестах, об *его* активной поддержке возобновившихся волнений? Неужели оно готово «спокойно» ждать наступления тех неизбежных трагических явлений, которыми до сих пор сопровождалось всякое студенческое движение? Неужели оно думает ограничиться жалкою ролью счетчика жертв борьбы и пассивного зрителя ее потрясающих картин? Отчего не слышно голоса «отцов» в то время, когда «дети» недвусмысленно заявили свое намерение принести новые жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживает студентов хотя бы так, как их уже поддержали рабочие? Ведь не их, не пролетариев, сыновья и братья обучаются в высших учебных заведениях, а между тем рабочие и в Киеве, и в Харькове, и в Екатеринославе уже заявили открыто свое сочувствие протестантам, невзирая на ряд «предупредительных мер» полицейских властей, несмотря на их угрозы пустить в ход против демонстрантов вооруженную силу. Неужели это проявление революционного идеализма русского пролетариата не повлияет на поведение общества, кровно и непосредственно заинтересованного в судьбе студентов, и не подвинет его на энергичный протест?

Студенческие «беспорядки» этого года начинаются при довольно благоприятных предзнаменованиях. Сочувствие «толпы», «улицы» им обеспечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либерального общества, если б оно не приложило всех усилий для того, чтобы *своевременно* оказанной студентам поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него действительные уступки.

Ближайшее будущее покажет, насколько наше либеральное общество способно к такой роли. От решения этого вопроса зависит в значительной степени исход нынешнего студенческого движения. Но каков бы ни был этот исход, одно остается несомненным: возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя. В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать и, беспомощно повертевшись некоторое время, снова надолго останавливается. И не может быть теперь никакого сомнения в том, что в пределах современного политического режима нет средств для радикального исцеления этого недуга. Покойник Боголепов попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства. Очевидно, что в *этом* направлении дальше идти нельзя. Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами. А ведь кроме насилия и заигрывания третьего пути нет. И каждое новое проявление этого несомненного банкротства современного режима будет все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство в глазах индифферентных обывателей всякого авторитета, умножая число лиц, сознающих необходимость борьбы с ним.

Да, банкротство самодержавия несомненно, и оно спешит сообщить о нем всему миру. Разве не объявлением о банкротстве является провозглашение «усиленной охраны» в доброй трети империи и одновременное выступление местных властей во всех концах России с «обязательными постановлениями», воспрещающими под угрозой усиленных наказаний поступки, и без того не разрешенные русскими законами? По самому существу сво-

ему всякие исключительные правила, отменяющие действие общих законов, предполагаются действующими в ограниченных пределах времени и места. Предполагается, что чрезвычайные условия требуют временного применения в определенной местности чрезвычайных мер для того, чтобы водворить то нарушенное равновесие, при котором возможно беспрепятственное действие общих законов. Таково рассуждение представителей современного режима. Вот уже 20 с лишком лет, как введено положение об усиленной охране. 20 лет действия его в главных центрах империи не повели к «умиротворению» страны, к восстановлению общественного порядка. После 20 лет применения этого сильно действующего средства оказывается, что болезнь «неблагонадежности», для борьбы с которой создано оно, распространилась так далеко и пустила такие глубокие корни, что применение его необходимо распространить на все сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это ли не банкротство, открыто заявляемое самим банкротом? Убежденные защитники современного строя (такие, несомненно, имеются) должны с ужасом думать о том, как население понемногу привыкает к этому сильно действующему средству и становится нечувствительным к впрыскиваниям новых доз его.

А в то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его *экономической* политики. Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 года голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменились, и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута — нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне. Завидное молчание, но не чувствуют ли гг. Сипягины, что это спокойствие чрезвычайно напоминает затишье перед грозой?

Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это *социальное* банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее *политическое* банкротство.

Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли еще ему удастся жить, изо дня в день заплатывая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей с живого тела народного организма? От многих факторов будет зависеть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую даст история нашему банкроту; но одним из важнейших будет та степень революционной активности, которую проявят люди, сознавшие полное банкротство современного режима. Его разложение подвинулось очень далеко, оно значительно опередило *политическую мобилизацию* тех общественных элементов, которым приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизация всего вернее будет совершена революционной социал-демократией, которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар. Новая схватка студентов с правительством дает всем нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело мобилизации всех общественных сил, враждебных самодержавию. В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно — военное время.[1]

8.

Кенигсбергский процесс завершился поражением реакции. Курт Айснер писал в этой связи: «В Кенигсберге царизму был вынесен приговор...»[2]

Суд вынужден был оправдать обвиняемых Брауна, Кёгста и Эренпфорта. Остальные товарищи были приговорены к тюремному заключению, срок которого, однако, «истек за время пребывания обвиняемых в подследственном заключении (до трех месяцев)»[3].

В приговоре судей говорилось, что обвиняемые немецкие социал-демократы не могли не знать, «что существование и деятельность подобной организации, направленной непосредственно против интересов соседнего государства, безусловно, должны были привести к возникновению отчужденности в отношениях между этим государством и Германским рейхом, если не к серьезным разногласиям. Обвиняемые, способствуя распространению рево-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 273—279.
[2] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 500.
[3] Ebenda, S. 466.

«Святой порядок в России».

Русская социал-демократическая листовка, перепечатанная в «Зюд-Дойчер Постильон», 1901, № 20

люционных идей в России, в чем они были изобличены, и принимая во внимание интернациональный характер социал-демократии, оказывали в то же время содействие интернациональному движению, преследующему цель полного изменения существующего общественного строя, и тем самым хотели оказать непосредственное воздействие на общественную жизнь Германского рейха; было бы неверным предполагать, что обвиняемые, будучи сторонниками немецкой социал-демократии, рассматривали поддержку устремлений русских революционеров как партийное дело и оказывали им эту поддержку исключительно бескорыстно. В конечном счете они понимали, что — как и при всяких преобразованиях государства — воздействие поднимающейся в России революционной волны проявится и в общественной жизни Германского рейха»[1].

Таким образом, буржуазный суд не отказался от обвинения организации во «враждебности государству». Протестуя против подобной подтасовки фактов, Карл Либкнехт заявил в своей речи на суде:

Господин прокурор говорит: вся Европа смотрит на этот процесс. Я согласен с этим: весь цивилизованный мир смотрит на Кенигсберг! Но почему?! Потому что здесь предпринимается первая попытка привлечь к ответственности немецкую социал-демократию или вообще движение за свободу за то, что оно близко к сердцу приняло страдания и борьбу угнетаемого русского народа... «Господин прокурор спрашивает: что может быть постыднее, чем эти лежащие перед нами листовки. Я знаю *нечто более постыдное: это положение в России,* о котором говорят эти листовки...

Я должен затронуть *еще один вопрос:* историческую роль терроризма и отношение к нему социал-демократии.

Первое социалистическое движение в России — «Земля и воля» — охватило интеллигенцию и пыталось опираться на крестьянство. Хотя это движение имело мирный характер, оно было свирепо подавлено. На почве беспомощности перед этими репрессиями, а также бесперспективности пропаганды выросла «Народная воля» и террор, являющийся тактикой политически отчаявшихся людей. Через несколько лет народовольцы поняли бессмысленность и бесполезность террора, который замер задолго до того, как прекратила свое существование «Народная воля», и к тому же был осужден и ее руководителями, например Лавровым. *Этот перелом совпадает* — и я прошу вас, господа, особо это запомнить — с развитием русской промышленности, *с возникновением промышленного пролетариата в России.*

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 492.

Таким образом, была создана широкая и плодотворная почва для политически прогрессивного социал-демократического учения. Быстро в конце 80-х годов вырастает мощное рабочее движение. Тем самым *для социал-демократии кончилась мрачная пора.* Совершенно логично она стала решительным противником террористической тактики отчаяния, ибо социал-демократия является единственным движением, которое может достигнуть своей цели без террора, ибо это *единственная* из русских партий, которая в состоянии *завоевать массы.*

Здесь пытались хорошую, добропорядочную социал-демократию противопоставить нехорошим «революционерам». При этом исходили из оценки тактики. Но ведь по своим целям социал-демократия — это самая радикальная партия...»[1]

9.

«Бродягам и заговорщикам» посвятил свою документальную книгу о Кенигсбергском процессе Курт Айснер, которую он написал по поручению правления Социал-демократической партии Германии во главе с Августом Бебелем и Паулем Зингером. Эпиграфом к книге автор взял слова Генриха Гейне: «Это будет прекрасный день, под теплыми лучами солнца свободы земля станет гораздо счастливее, чем от света всех звезд аристократии... О! Они даже не будут подозревать, как ужасна была ночь, в темноте которой мы должны были жить, и как тяжела была наша борьба с отвратительными призраками, мрачными совами и лицемерными грешниками».

В приложении к книге Курт Айснер опубликовал «Документы по истории революционного движения в России». Среди этих документов в первую очередь — «Программа Российской социал-демократической рабочей партии». Эта программа была утверждена на II съезде РСДРП. На немецком языке она вышла в виде брошюры под названием «Доклад Амстердамскому конгрессу» в *мюнхенском социал-демократическом издательстве* вскоре после Кенигсбергского процесса. Текст доклада был отредактирован Лениным в августе 1904 года. В нем, в частности, говорилось:

«Теоретическая часть программы полностью стоит на платформе революционного марксизма и самым решительным образом отклоняет все «улучшения», которые ревизионизм пытается привнести в научный социализм.

Программа в качестве своего исходного пункта берет интернациональный характер великого освободительного движения пролета-

[1] *Либкнехт Карл.* Избранные речи, письма и статьи. М., 1961, с. 59, 61—62.

риата и признает русскую социал-демократию как часть международной армии рабочего класса. Заявляя об этом, программа констатирует, что социализм, конечная цель социал-демократии, вытекает из характера и хода развития современного буржуазного общества. Указывая на растущую дифференциацию всего народа на пролетариат и буржуазию, на постоянно расширяющуюся сферу капиталистического способа производства, который вытесняет все другие экономические формы, на технический прогресс, который в известной степени уменьшает потребность в живой рабочей силе и делает возможным усиление эксплуатации труда женщин и детей, программа подчеркивает тем самым рост эксплуатации труда. Кризисы и периоды промышленного застоя — следствие господствующих в капиталистическом обществе конкуренции и анархии производства — ускоряют и еще больше обостряют процесс дифференциации общества со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Однако в той же степени, в какой происходит углубление всех этих внутренне присущих капиталистическому обществу противоречий, растут также материальные силы и психологические предпосылки социальной революции, совершить которую должен рабочий класс и необходимым условием которой является диктатура пролетариата. Из этого вытекает коренная задача социал-демократии: она организует его «в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции»[1]. На основе программы социал-демократия ставит перед собой задачу объединить также все другие слои трудящегося и эксплуатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата»[2].

Правда, во время Кенигсбергского процесса руководство издательства «Форвертс» высказывало свое намерение очистить склад от русской социал-демократической литературы.

Один старый большевик рассказывал, как он тщетно искал помощи и как в конце концов эту помощь оказал ему Карл Либкнехт: «Однажды администрация издательства потребовала от меня, чтобы я очистил подвальные склады от находящейся там литературы. На вопрос, куда я должен убрать литературу, мне было сказано, что это мое дело; помочь в этом они мне не могут, так как существует опасность домашнего обыска. Я обратился за помощью к Зингеру, но тот ответил мне, что до выяснения мнения суда обо всем этом деле помочь он нам не может. После этого я обратился за поддержкой к Карлу Либкнехту. Он дал мне письмо к одному социал-демократу, владельцу собственного дома, у которого я снял маленькую квартиру. Туда я и перенес литературу».

Но уже через два месяца после процесса Бременский съезд СДПГ принял резолюцию, в которой все члены партии обязывались «оказывать русским товарищам в их тяжелой борьбе, особенно в транспортировке социал-демократической... литературы в Россию, посильную помощь».

---

[1] Второй съезд РСДРП, июль — август 1903 года. Протоколы. М., 1959, с. 420.

[2] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 514.

ПОД ИМЕНЕМ
ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН
В МЮНХЕНЕ

6

РУССКИЕ В МЮНХЕНЕ

1905 год: массовые митинги в Германии

В. И. Ленин.
Иенский съезд Германской социал-демократической рабочей партии

Русские студенты

Бавария беженцев не выдает

Террористы, социал-демократы и баварский премьер-министр

Среди участников митинга — Людвиг Тома, Томас Манн и Людвиг Гангофер...

В. И. Ленин.
Резолюция группы социал-демократов

1905 год: массовые митинги в Германии

1.

В повседневные обязанности баварского посланника в Петербурге входило составление телеграмм, поздравлений, писем и сообщений в адрес правительства в Мюнхене о рождениях, похоронах, помолвках и свадьбах, болезнях, несчастных случаях, а также о самочувствии членов русского императорского двора[1].

23 (10) января 1905 года королевское государственное министерство королевского дома и внешних сношений получило шифрованную телеграмму следующего содержания: «Забастовка рабочих вылилась вчера в мятеж, кавалерия атаковала, пехота вела огонь, много убитых и раненых, толпы народа пытались прорваться к Зимнему дворцу, а также захватить фабричные здания; грабежи лавок, нападения на прохожих, выкрики: «Долой царя, долой войну»; на сегодня опасаются новых возмущений, город, как на осадном положении, газеты не выходят»[2].

То, о чем дипломатический представитель королевства Баварии в Петербурге сообщил в более или менее общих словах, было началом русской революции 1905 года: 22 (9) января в Петербурге собралось 140 тыс. рабочих с женами и детьми. Они направились к Зимнему дворцу, с тем чтобы просить царя улучшить их катастрофические условия жизни. Ответом царя был огонь казачьих сотен по безоружным людям. Жертвами кровавой бойни стали более 4600 рабочих, женщин и детей. В историю этот день вошел как Кровавое воскресенье.

Уже вечером 22 (9) января рабочие построили первые баррикады для организации вооруженной борьбы против ненавистной системы самодержавия. Россию, которая в то время на Дальнем Востоке вела войну с Японией за экономическую и политическую сферы влияния, захлестнула волна забастовок и народного гнева. Началась первая проба сил между демократическими и революционными силами, с одной стороны, и правительством и реакционными группировками — с другой.

Во всех европейских странах прошли демонстрации солидарности с революцией, которые,

[1] Russische Hofnachrichten... BayHSta MA 98532.
[2] Die Arbeiterstreiks und die Revolten in Rußland 1905. BayHSta MA 98541.

прежде всего в Германии, превратились в массовое движение.

Еще 7 января в Рурской области началась мощная забастовка против объявленного Гуго Стиннесом увеличения продолжительности рабочего времени, а также против закрытия ряда шахт; рабочие требовали повышения заработной платы, установления 8-часового рабочего дня и запрещения полицейских репрессий против политически активных граждан. После проведения митинга солидарности с жертвами Кровавого воскресенья эта забастовка вылилась в самое крупное выступление рабочих Рурской области за всю ее историю. В забастовке приняло участие 215 тыс. горняков[1].

Социал-демократическая партия Германии организовала митинги солидарности по всему Германскому рейху; было «собрано более полумиллиона марок в фонд жертв русской революции — гораздо больше, чем собрали все остальные партии II Интернационала, вместе взятые»[2]. По другим данным, немецкие социал-демократы и члены профсоюзов собрали «около полутора миллионов марок»[3].

Август Бебель от имени своей партии выразил в рейхстаге надежду на победу русской революции; в газете «Нойе Цайт» он писал: «Западноевропейский пролетариат желает русскому пролетариату победы. Он не будет завидовать этой победе. Он знает, что завоеванное пролетариатом одной большой страны пойдет на пользу пролетариату всех других стран. Возможно, что на этот раз солнце свободы взойдет на Востоке и Запад будет стороной принимающей, а не дающей»[4].

Карл Либкнехт, который за несколько месяцев до этих событий на Кенигсбергском процессе клеймил позором сговор между царской Россией и кайзеровской Германией, писал: «Мы были бы жалкими людишками, недостойными жить на этом свете, если бы не позаботились о том, чтобы любая попытка нанести из Германии удар в спину русской революции обернулась основательным поражением прусско-немецкой реакции»[5]. Опасения Карла Либкнехта имели под собой все основания: Германия предложила царскому правительству военную помощь для подавления революции[6].

[1] Geschichte der Deutschen Arbeiterbewegung, Band 2, a.a.O., S. 84 ff.
[2] *Lösche Peter.* Der Bolschewismus im Urteil der Deutschen Sozialdemokratie. Berlin, 1967, S. 36.
[3] Geschichte der Deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 84.
[4] *Bebel August.* Ein Buch über die Revolution in Rußland. In: Die Neue Zeit. Stuttgart, 23. Jg, 1904/1905, Zweiter Band, S. 286 f.
[5] *Liebknecht Karl.* Über die Bedeutung des politischen Massenstreiks. In: Gesammelte Reden und Schriften. Band I. Berlin, 1958, S. 193.
[6] Geschichte der Deutschen Arbeiterbewegung, Band 2, a.a.O., S. 85.

Если дипломаты королевства Баварии в Петербурге были, скорее всего, застигнуты врасплох размахом революционных событий и были недостаточно информированы о них, то этого нельзя сказать о демократических силах Мюнхена, прореагировавших на известие о революции в России с решительностью, которая даже побудила министерство внешних сношений извиниться перед царским двором в Петербурге за демонстрацию в Мюнхене.

2.

Один из мюнхенских комитетов солидарности с русской революцией, в состав которого входили такие видные социал-демократы, как Георг фон Фольмар, известные ученые и деятели искусств Макс Гальбе, Франц Штук, профессор Л. Брентано, Макс Гаусгофер, Франц Дефреггер, Йозеф Рюдерер, М. Г. Конрад, профессор д-р Квидде и другие, призвал жителей города принять участие в массовом митинге в большом зале пивной «Киндлькеллер» — «в митинге солидарности с героическими мужами всех сословий, которые борются за свободу для своего народа, в митинге отвращения к духовному насилию, которому они подвергаются»[1].

На этот призыв откликнулись тысячи людей. Авторы призыва представляли Мюнхен искусства и науки, его рабочее движение. Они представляли, таким образом, союз тех сил, которые на рубеже века принесли городу его международную известность и сделали его столь популярным среди молодежи.

«Около 7 часов вечера громадный зал был уже полон,— сообщалось в хронике городской жизни.— Среди собравшихся большая группа рабочих, а также русские студенты. К 8 часам собралось столько народу, что очередь желающих войти вытянулась по всей входной лестнице на улицу. Усиленный наряд полиции, получивший к тому же подкрепление, перекрыл вход в зал. В 8 часов — время начала митинга — перед входом в зал образовалась буквально стена из людей. В этот момент комитету пришла в голову идея организовать выступление нескольких ораторов в зале пивной «Бюргербройкеллер», находящейся напротив. После того как было объявлено, что там будут выступать профессор Квидде и депутат ландтага Мюллер, большая часть очереди перешла в «Бюргербройкеллер». За ней последовали другие участники, так что вскоре и этот громадный зал оказался полон»[2]. Вступительную речь в «Киндлькеллере» произнес Георг фон Фольмар. Кульминационным пунктом его выступления были слова: «Дело русского народа есть дело всего человечества и тем самым наше собственное дело». В речи С. фон Швайтцша стихийные аплодисменты вызвало, как отмечала хроника, высказывание о том, что не только в России известно, как надо организовывать демонстрации рабочих. Советник юстиции д-р Бернштейн под бурные аплодисменты критически указал на то, что «кроме Пруссии Бавария является единственным немецким федеральным государством, которое заключило с Россией договор о выдаче лиц, преследуемых по политическим мотивам». Поэтому будет уместно, «если такой порядочный народ, как баварцы, выступит с протестом против столь недостойных полицейских услуг». Профессор Квидде, один из главных инициаторов движения против закона Гейнца[1], под одобрительные возгласы собравшихся провел прямую параллель между действиями правительства в Баварии и в России, при этом он «был прерван присутствующим на митинге комиссаром полиции»[2].

Собрание в «Бюргербройкеллере», которое состоялось в то же время и в котором приняли участие ораторы, перешедшие туда из переполненного зала пивной «Киндлькеллер», выразило протест в связи с арестом Максима Горького, а также провело параллель с «нашими порядками». Выступивший на митинге русский оратор поблагодарил мюнхенцев, которые с воодушевлением откликнулись на «события, казалось бы мало что говорящие простому мюнхенцу», и которые «пришли на митинг, чтобы продемонстрировать свои симпатии с русским народом». Под громовые аплодисменты собрания при одном голосе «против» была принята резолюция. Как сообщала мюнхенская «Альгемайне Цайтунг» 5 февраля 1905 года, этот один голос «против» принадлежал «редактору-антисемиту Венгу. То, что собранию стало известно его имя, едва не привело к развязке, которая вряд ли бы сделала честь его участникам. Не случилось же это благодаря вмешательству рабочего секретаря Тимма, члена социал-демократической партии». По другим, более точным сообщениям прессы, участники собрания намеревались побить антисемита и члена «Христианско-социального союза» Венга.

В принятой на митинге резолюции говорилось:

«22 января этого года на улицах Петербурга по приказу правительства над толпой народа, состоявшей из безоружных мужчин, женщин и

---

[1] *Schneider Ludwig.* Die russische Studentenkolonie und das Echo des revolutionären Rußland in München. In: Bayern im Umbruch, a.a.O., S. 83.

[2] Ebenda, S. 84.

[1] Закон Гейнца — реакционная поправка от 25 июня 1902 г. к закону о преследовании преступлений против нравственности в связи с процессом против сутенера Гейнца.— *Прим. перев.*

[2] *Schneider Ludwig.* Die russische Studentenkolonie und das Echo des revolutionären Rußland in München. In: Bayern im Umbruch, a.a.O., S. 84.

детей, была учинена кровавая бойня. Эти люди, полные доверия к своему монарху, хотели подать ему прошение. По свидетельству всех петербургских газет, жертвами бойни стали 1500 человек[1].

Против этого насилия, беспримерного в истории актов правительственного произвола, поднимают голос пламенного протеста почти 10 тыс. граждан Мюнхена — представителей всех сословий и партий, которые собрались сегодня на двух собраниях под знаком солидарности всех цивилизованных народов.

Мы призываем представителей немецкого народа в рейхстаге потребовать от немецкого правительства, чтобы оно предоставило русским борцам за свободу ничем не ограниченное право политического убежища на немецкой земле.

Мы требуем от баварского правительства немедленного расторжения договора о выдаче лиц, преследуемых по политическим мотивам.

Мы заявляем о нашей безграничной симпатии к русским рабочим, писателям, ученым, студенческой молодежи, ко всему русскому народу, пробуждающемуся к новой жизни, к народу, который самоотверженно борется за самые святые человеческие права, за элементарные условия цивилизованного существования.

Мы призываем население всех других больших городов Германии организовать такие же митинги и поручаем организаторам настоящего собрания передать копию этой резолюции руководству фракций всех партий, представленных в немецком рейхстаге, а также рейхсканцлеру и в миссию русского посланника»[2].

За массовыми митингами в «Киндлькеллере» и «Бюргербройкеллере» последовало собрание мюнхенской социал-демократии 2 февраля в «Хакербройкеллере» на Терезиенхёе, в котором приняло участие более 3 тыс. человек. На собрании присутствовали, по утверждению городской хроники, «многочисленные представители восточных народов». Была принята резолюция, в которой присутствовавшие мюнхенские рабочие назвали события в России «беспримерным в мировой истории преступлением перед человечеством» и в которой они от всего сердца приветствовали «борцов и мучеников русской революции из всех сословий, прежде всего наших братьев и товарищей — русских социал-демократов». Собрание завершилось возгласами «ура!» в честь «революционной социал-демократии, несущей освобождение народам», и «свободолюбивой борьбы русского народа».

[1] В действительности число убитых и раненых превысило 4600 человек (см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 227).— *Ред.*

[2] *Schneider Ludwig.* Die russische Studentenkolonie... a.a.O., S. 84.

В революционном интернационалистском духе прошло также собрание социал-демократов в «Киндлькеллере» 18 марта 1905 года, на котором главным докладчиком был известный социал-демократ Вильгельм Блос[1].

20 марта в концертном зале отеля «Четыре времени года» состоялся литературно-музыкальный вечер с участием русских поэтов и писателей. Для этого вечера Людвиг Тома написал «Историю о выстрелах в Петербурге», встреченную участниками вечера бурными аплодисментами[2].

9 июля публика, собравшаяся в мюнхенском театре, после просмотра «На дне» Горького приняла решение направить писателю приветственную телеграмму. Популярная буржуазно-либеральная газета «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» организовала сбор средств жертвам царизма: «...до 30 ноября была собрана сумма в 9939 марок»[3].

Главное участие в этом волнующем движении солидарности с русской революцией, как и в других городах, принимали социал-демократическая партия и профсоюзные объединения. Очевидно, отклик на эти акции интернационализма был наиболее широк в Мюнхене. Это подробно освещалось в местной и центральной прессе и привлекло внимание общественности в других городах и землях. Одной из главных причин столь сильного резонанса явился, без сомнения, союз между буржуазными либералами и социал-демократами, между уважаемыми и широко известными представителями интеллигенции и рабочим классом.

Приняв это во внимание, можно объяснить озабоченный и недоброжелательный тон ряда буржуазных газет, выразивших явное недовольство в связи с участием ученых и деятелей искусств в демонстрациях, «организованных социал-демократами в своих узкопартийных целях».

3.

Хотя этим газетам и было трудно отрицать тот факт, что упомянутые собрания явились «невиданными по своему размаху митингами протеста», они вместе с тем попытались в своих комментариях исказить сущность происходящего в России. Интересен в этом отношении комментарий, опубликованный газетой «Аугсбургер Абендцайтунг» 4 февраля 1905 года:

«Причины волнения в России в общем известны, и, несмотря на различные его оценки, общее мнение сводится к одному: в русском народе со все большей силой пробивает себе дорогу стремление к уравниванию своих поли-

[1] Allgemeine Zeitung, 5.2. 1905. In: BayHSta MA 98541.

[2] Ebenda.

[3] Ebenda.

И. В. Бабушкин

Р. С. Землячка

Н. Э. Бауман

тических, гражданских прав с правами других наций, в которых народ сам определяет свою судьбу и в которых правители несут перед народом юридически оформленную ответственность. Однако у русского народа отсутствует действительное понимание того, чем, собственно, является конституция по своей сути. Кровавое воскресенье в Санкт-Петербурге отчетливо показало, что в основе действий руководителей народных масс лежали темные инстинкты и что народ в своих представлениях о конституционном правительстве продемонстрировал полнейшую отсталость... При существующих обстоятельствах совершенно ясно, что этот путь ни в коей мере не может способствовать осуществлению реформы в направлении к конституционному правлению в России. Тирады Кропоткина, мистика Толстого и фанатизм Максима Горького лишь вносят сумятицу в головы людей и наносят вред, вместо того чтобы приносить пользу. Русские революционеры уже давно считают насилие единственным лекарством; их оружие — убийство из-за угла и преступления. И это оружие помогают им выковать в первую очередь *немецкие социал-демократы,* которые и пальцем не пошевельнут ради победы конституции в России и которые надеются использовать *анархию в России как вспомогательное средство для свержения ненавистного им конституционного правительства в Германии.* Ведь борьба против конституции является центральным пунктом всей социал-демократической агитации»[1].

Газета «Альгемайне Цайтунг» в номере от 5 февраля 1905 года была вынуждена констатировать, что таких массовых демонстраций не было даже во время выступлений против закона Гейнца или движения солидарности с бурами. Под заголовком «Русские» собрания в Мюнхене» она следующим образом прокомментировала события в городе:

«Большие, кричаще красные плакаты на досках для объявлений в течение нескольких дней обращались ко всему населению Мюнхена с пламенным призывом, «независимо от партийной принадлежности», прийти в пятницу вечером в пивную «Киндлькеллер» и принять участие в массовом митинге граждан города против кровавых событий в Санкт-Петербурге. Не веря своим глазам, уважаемая публика читала под этим призывом имена известных либеральных политиков, стоящие в полном согласии в одном ряду с именами социал-демократических руководителей и лидеров ультрамонтанов. Оптимисты уже видели за этим окончание всех межпартийных розней и наступление тысячелетнего царства внутренней баварской политики. Однако и в скептиках не было недостатка. Эти последние с самого начала опасались, что выступление чересчур доверчивых либералов вместе с черно-красными братьями приведет к нежелательным последствиям.

Сомневающиеся и на этот раз оказались лучшими знатоками человеческой природы: участники собрания выглядели совсем иначе, чем их представляли себе безобидные либералы. Социал-демократам удалось собрать на митинге столь много своих товарищей, что сторонники других партий остались в явном меньшинстве. Так запланированное нейтральное собрание превратилось в социал-демократическую демонстрацию, в которой попавшиеся на удочку либералы в мучительной тесноте и против собственной воли оказались соучастниками социал-демократического мероприятия. Особенно незавидным было положение организаторов собрания из числа либералов. С теми из них, кто все-таки решился прийти, социал-демократические руководители обращались с заслуженной бесцеремонностью.

Социал-демократы сочли целесообразным, чтобы председателем собрания был представитель от буржуазных партий. По этой причине г-н фон Фольмар после открытия митинга в

---
[1] BayHSta MA 98541.

«Киндлькеллере» милостиво соизволил уступить председательское место г-ну Рему от национал-социалистического союза, даже не спросив его, согласен ли он вообще взять на себя эту не всегда привлекательную обязанность. Разумеется, что форма «выборов» была соблюдена. Хотя на самом деле «предложение» социал-демократического руководителя в подобной аудитории не могло быть ничем иным, кроме как приказом, не подчиниться которому не отважился бы ни один из участников митинга. Таким образом, социал-демократическое собрание получило буржуазного председателя. Однако собрание не ограничилось тем, что навязало господину Рему непрошеную должность. Оно постаралось сделать ношу председателя как можно тяжелее. Особенно тяжелой эта ноша стала после выступления адвоката сатирического журнала «Симплициссимус» во второй палате суда социал-демократа Адольфа Мюллера, весьма «популярного» у центристов из-за своей «набожности». В своей речи Мюллер не столько говорил о России, сколько о внутреннем положении в Баварии и тем самым попытался наилучшим образом использовать собрание в интересах своей партии. При этом г-н Мюллер позволил себе такие чрезмерные преувеличения, какие он вряд ли допустил бы, если бы собрание проходило под официальным председательством представителя социал-демократической партии, что вызвало вмешательство присутствовавшего в зале полицейского. Свой главный козырь г-н Мюллер разыграл во время голосования резолюции. После подсчета голосов он вплотную подошел к председателю и против всех парламентских правил просуфлировал ему имя единственного участника, проголосовавшего «против» (как уже сообщалось ранее, против резолюции был подан всего один голос). К сожалению, Мюллеру удалось заставить уставшего от ведения столь большого собрания председателя автоматически повторить во весь голос это имя, что легко могло привести к плохим последствиям.

Оптимисты из лагеря либералов, которые все еще верили, что сотрудничество с руководством социал-демократической партии возможно, после вчерашнего вечера утратили одну из своих иллюзий, обогатившись при этом важным опытом. Надеемся, что урок, который им вчера преподали социал-демократы, они забудут не столь скоро»[1].

Мюнхенская газета «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» опубликовала 6 февраля 1905 года «Послесловие к народным собраниям», призванное побудить либеральную общественность проявлять умеренность:

[1] BayHSta MA 98541.

«*Разумеется, радикализм, частично проявившийся во время обоих собраний горожан, может произвести на иного человека, знающего в общем консервативный нрав мюнхенцев, отталкивающее впечатление*... То есть мы считаем, что лучше было бы удовлетвориться моментальным воздействием обоих собраний и избежать полемических дебатов в прессе, которые в конечном счете вносят косвенным образом ненужные разногласия в баварский либерализм, разногласия, которые, по нашему твердому убеждению, именно сегодня необходимо избегать. Если же эта полемика вследствие минутного ожесточения по личному или общественному поводу уже приняла формы, которые мы не можем одобрить, и если в этой полемике подвергается нападкам один из выдающихся деятелей немецкой науки, имеющий в то же время великие заслуги в деле развития либерализма, особенно в деле общего признания ставшей уже общим достоянием либерализма идеи коалиционного права, нападкам, которые, учитывая выдающуюся научную и политическую деятельность этого человека, кажутся нам необоснованными, то мы рассматриваем эти нападки как достойный сожаления знак того, что еще молодое и, безусловно, необходимое единство всех либеральных элементов в Баварии надо укреплять в обстановке *мира*. Мы надеемся, что в интересах баварского либерализма эта полемика вскоре будет забыта, так же как будут забыты воспоминания об упомянутых выше малоприятных впечатлениях в связи с двумя массовыми собраниями»[1].

Собрание мюнхенской социал-демократии в пивной «Хакеркеллер» дало газете «Аугсбургер Абендцайтунг» повод к следующему высказыванию, опубликованному 6 февраля 1905 года: «Надо отметить крики «ура!» участников собрания в честь революционной социал-демократии, несущей освобождение народам. Вчерашнее собрание завершилось криками «ура!» в честь *свободы*, однако звуки «Марсельезы», прокатившиеся мощными волнами через весь зал и вырвавшиеся за его пределы, достаточно ясно продемонстрировали, о какой свободе шла речь»[2].

Газета «Френкише Цайтунг» от 7 февраля 1905 года с издевкой писала о «шумихе, поднятой в Мюнхене вокруг Горького», и предупреждала социал-демократических ораторов, которые выступили с нападками на «кроваво-красное министерство Файлицша», угнетающее свободу, «так же как это происходит в России». «Отрицательная реакция немецкого правительства на шумиху вокруг Горького,— констатировала «Френкише Цайтунг»,— не потребовала бы никакого специального оправ-

[1] BayHSta MA 98541.
[2] Ebenda.

дания, если бы на Кенигсбергском процессе по делу о государственной измене оно не пошатнуло свою репутацию, продемонстрировав свой страх перед царизмом. Можно спорить о том, что принесет Горькому и русской освободительной борьбе поддержка заграницы: пользу или вред. Видимо, царю и его правительству будет не совсем удобно оставить без ответа голос западноевропейской интеллигенции. Но если тон митингов, проводимых за рубежом, будет резким и вызывающим, то это вряд ли будет способствовать тому, чтобы побудить русского царя быть снисходительным и милостивым, как это может произойти в случае с Горьким. Тогда строгие меры наказания, как они предусмотрены законом, представляются нам вполне допустимыми»[1].

Правительственный официоз «Байеришес Фатерланд» в номере от 11 февраля 1905 года также неодобрительно отозвался о «шумихе вокруг русских дел» в Баварии и высмеял «несколько сотен бездумно либеральных мещан», назвав их «блестящей буржуазной упаковкой социал-демократического собрания анархистов». «В оценке совершенно неуместной шумихи вокруг русских дел, данной двором, в первую очередь в особой степени учитывались интересы миссии русского посланника. Высказывались даже опасения, как выяснилось позже,— *без* всяких на то оснований,— что перед квартирой посланника будут организованы демонстрации.

И потом, чего же действительно удалось достичь митингами в поддержку русских? Только того, что социал-демократы смогли получить дешевые козыри, а либеральные и «патриотически настроенные» сочувствующие увеличили на несколько сотен контингент попавших впросак европейцев. Иначе и быть не могло, ведь с самого начала было абсолютно исключено, чтобы эти демонстрации смогли оказать хоть какое-нибудь влияние на ход событий в России»[2].

Газета «Нойес Тагблатт унд Генеральанцайгер фюр Штутгарт унд Вюртемберг» писала 8 февраля 1905 года о «прусском влиянии в Баварии»:

«В немецком искусстве Берлин и Мюнхен часто противопоставляли друг другу; как противоположности они выступают в меньшей степени в политике, так как вот уже в течение тридцати лет мы привыкли к тому, что немецкая политика делается в Берлине, а не на берегах Изара. Но так как факторы политической жизни не исчерпываются правительством и парламентом, а дополняются общественным мнением, то немецкий юг, а на юге прежде всего Мюнхен, имеет полное право на то, чтобы сказать свое слово в немецкой политике, особенно если это общественное мнение юга, и в первую очередь в Мюнхене позволяет себе придерживаться иных взглядов, чем в Берлине. Носителями *общественного мнения Мюнхена* являются выдающиеся мужи науки и искусства. Они не всегда высказывают свое мнение, но если они это делают, то с полной уверенностью в своей правоте и не боясь положить на чашу весов весь свой авторитет. Поэтому это общественное мнение может оказаться *в высшей степени неудобным* для отличного от него мнения *правительства в Берлине,* что особенно отчетливо показали события последних дней.

Известно, что общественное мнение в Мюнхене в течение последней недели высказалось в рамках массовых *народных собраний* в поддержку *горняков* и их прав, а затем заявило о своей *солидарности* с народом *России,* борющимся за свою гражданскую *свободу.* Оба раза во главе народного движения встали люди, чьи имена широко известны в цивилизованном мире. Призыв из Мюнхена поддержать борьбу организаций горняков за признание своих прав и борьбу в России за гражданские свободы в одинаковой степени задел прусское правительство...

Итак, эти правительственные круги поняли, что средства дипломатии недостаточны для того, чтобы принудить общественное мнение Мюнхена к молчанию. Поэтому было решено прибегнуть к другому средству — оказать на него *влияние* с *помощью прессы.* Правда, сегодня нелегко найти солидную газету, которая бы выступила *против* горняков и *против* русских борцов за свободу, однако в Мюнхене это было возможным — ведь не зря же существует *«Альгемайне Цайтунг»!* Эта газета посвятила три своих номера выполнению этой задачи. Действовала она весьма умело: объектом ее нападок стало сначала не все общественное мнение, а лишь один из его наиболее видных выразителей — известный экономист тайный советник Луис *Брентано.* Газета обвинила его в том, что *он своей научной и политической деятельностью якобы подрывает национальный и общественный авторитет преподавателя высшего учебного заведения и тем самым оказывает порочное влияние на своих студентов.* Эту стрелу газета выпустила в субботу вечером; в воскресенье утром она возобновила свои атаки против Брентано, направив их в то же время против одного из его коллег — эстетика Теодора *Липса.* Оба они вызвали гнев правительственного официоза своими выступлениями в поддержку русских борцов за свободу. В ответ ученики Брентано, а также ряд уважающих его граждан города организовали в понедельник перед началом его лекции *митинг солидарности.* Давно немецкие университеты не были свидетелями собраний такого размаха. Выступивший на митинге Брентано назвал следующие причины

[1] BayHSta MA 98541.

[2] Ebenda.

выпадов против него со стороны официозной прессы: его заявлвнив в поддвржку горняков, его заявление против таможенных пошлин и торговых договоров и его солидарность с реформами в России. Таким образом, подтвердилось то, что до сих пор распространялось в качестве слухов, т. е. истинные причины недовольства правительства поведением учвного, и нв только его одного.

Между тем «Альгемайне Цайтунг» пошла в своих выпадах дальше: обвинения против Липса и Брентано были распространены и на всех других граждан, которые принимали участие в общественной жизни и имели политическое мненив, отличное от мнвния баварского и прусского правитвльств. Здесь, в Мюнхенв, зто широко организованнов наступление на общественное мненив было встречено весьма нводобрительно. Мюнхен возмущен, во-первых, манерой обращения с немвцкими учвными и, во-вторых, той дврзостью, с какой предпринимаются попытки оказать давлвние на свободолюбивый южнонемвцкий дух»[1].

Газета «Нойе Цюрхер Цайтунг» в номере от 8 февраля 1905 года назвала мюнхенские собрания солидарности с русской революцией вершиной движвния солидарности в Европе; вмвсте с твм и зто солидное швейцарское изданив не преминуло предостервчь партнвров социал-демократов от дальнейшего сотрудничества:

«Кровавые события в Петврбурге 22 января вызвали во всем цивилизованном мире глубокое сострадание к несчастным жертвам и самые теплые симпатии к русским освободительным движениям. Кое-где, как, например, во французской палате депутатов, отдельные восторжвнные головы полагали, что необходимо публично выразить в пламенных словах эти чувства. Однако лишь *мюнхенцам,* чье добросврдечие стало ужв нарицательным, удалось полностью утратить свой политический рассудок и склонить дажв совершенно разумных людвй к участию в бвзответствввных выходках.

Либеральные ученые и писатели Мюнхена, возмущвнные кровавой бойнвй в Петврбурге, объединились с социал-двмократическими и клврикальными депутатами и в совместном пламенном обращении призвали граждан Мюнхена — нввзирая на партийную принадлежность — принять участие в массовом митинге. Когда зтот призыв появился на досках для объявлвний и в газвтах, ков-кто из сврьвзных политиков неодобритвльно покачал головой. Тщетны были всв попытки найти отввт на вопрос, какую цвль преследует эта кампания. Ввдь никто в Мюнхене не хочвт и не может помочь русским борцам за свободу. Следовательно, объявленное собрание не могло стать ничем иным, кроме как ненужным митингом, который в самом лучшвм случае остался бы без последствий, но который мог также вщв большв ожесточить власти в России против народного движения и нарушить согласие между Германией и зтой страной. Наиболее сомнитвльным во всвм этом делв было то, что видныв представитвли либерализма открыто объединились с руководителями черно-красной коалиции в тот момент, когда агитация накануне очередных выборов в ландтаг ужв начинала разжигать политические страсти.

Ход собрания, которое действительно состоялось в пятницу, к сожалвнию, полностью подтвердил эти опасения. В громадной людской толпе, которая собралась на митинг — число участников значительно превышало 10 тыс. человек — в двух самых больших залах города, хорошо дисциплинированные приверженцы социал-двмократии составляли значительнов большинство. Из числа инициаторов собрания от либеральной партии на митинг явились лишь нвмногие. Большинство же нв смогло прийти из-за болезни или предпочло остаться дома по другим причинам. Итак, на собрании доминировала социал-демократия. И она использовала зто свое положение наилучшим образом в интврвсах партии. Особвнно отличился депутат Адольф Мюллер, который обращался с присутствовавшими либвралами с изощренной бвсцеремонностью. Вместо того чтобы говорить о борьбе в России, он использовал првдставившуюся возможность для критики положения внутри Баварии, прибегнув при зтом к демагогическим искажвниям истинного положения двл. Более того, он позволил свбв резкие выпады против баварского правитвльства и гражданского общвства в цвлом. Так митинг, объявленный как манифестация в поддвржку жертв царизма, првврaтился в мвроприятие социал-демократической партии, поставившее чересчур доверчивых «соучастников» — либвралов — в ввсьма незавидное положение.

Непростительная доверчивость либералов обернулась для них горьким, но заслужвнным уроком. Во всяком случав, они могут быть благодарны социал-демократическим агитаторам за то, что тв ужв при пврвой попытке организовать совместнов выступление буржуазных и подрывных злементов столь откровенно продемонстрировали свою истинную сущность. И всли зтот урок надолго запомнится представителям либеральной стороны, а такжв соответствующим образом будвт оцвнен и кое-где в других местах, то тогда злополучное «русское собрание» в Мюнхене будет иметь по крайней мере *один* полвзный рвзультат»[1].

[1] BayHSta MA 98541.

[1] BayHSta MA 98541.

4.

По отношению к царскому двору в Санкт-Петербурге королевское баварское правительство находилось в весьма неприятном положении. Поэтому через своего посланника оно поспешило заверить царский двор в том, что понимающие и самостоятельно думающие круги населения не одобряют народных собраний в Мюнхене. Ниже приводятся два письма министерства иностранных дел:

«Мюнхен, 3 февраля 1905 года.
Миссии королевского посланника в Санкт-Петербурге.
Касательно: беспорядки в России.

В связи с печальными событиями в Санкт-Петербурге в Мюнхене сегодня вечером должно состояться народное собрание, на котором будет говориться о «русском движении за свободу и его подавлении». Инициаторами этого собрания солидарности, без сомнения, являются руководители социал-демократической партии. Само собой разумеется, что понимающие и самостоятельно думающие круги населения города отрицательно относятся к собранию.

Вместе с тем с удивлением следует констатировать, что среди людей, подписавших обращение, мы находим имена известных ученых (профессор Брентано, Гаусгофер, Липс) и деятелей искусств (профессор Гильдебранд, Рюман, Штук). Причем предполагается, что профессора Брентано, Гаусгофер и Липс выступят на собрании с речами.

Правительство неприятно удивлено известием о предполагаемом собрании и сожалеет об этом. Однако в соответствии с существующими законоположениями оно не имеет возможности просто запретить подобное собрание.

Я не преминул обсудить создавшееся положение с Его Превосходительством г-ном государственным министром внутренних дел и с его согласия дал строжайшие указания г-ну начальнику полиции, следуя которым полицейские чиновники, в обязанность коих входит контроль за ходом собрания, должны будут немедленно вмешаться, если дело дойдет до недопустимых выпадов против русского правительства, тем более до оскорбления Его Величества царя. В случае необходимости полицейские чиновники потребуют от руководителей собрания лишить того или иного докладчика слова и даже закрыть собрание, если требование представителей власти не будет выполнено (§ 8 и § 9 закона о собраниях и объединениях от 26 февраля 1850 года).

Считаю своим долгом поставить Ваше Превосходительство обо всем этом в известность. Хочу добавить, что в таком же духе я дал ответ на вчерашний запрос г-на фон Вестмана»[1].

[1] BayHSta MA 98541.

«Мюнхен, 6 февраля 1905 года.
Миссии королевского посланника в Санкт-Петербурге.
Касательно: беспорядки в России.

В дополнение к указу от 3 февраля с. г. за номером 2586/11 сообщаю Вашему Превосходительству следующее: в день собрания начальник полиции вызвал к себе руководителей собрания и напомнил им об их обязанностях заботиться о недопущении нежелательных эксцессов, а также предотвращать любые действия, имеющие своей целью затронуть законную чувствительность русского правительства. Приглашенные заверили, что сделают все от них зависящее. И действительно, собрание прошло таким образом, что у полицейских органов не было повода для вмешательства.

Мое предположение, что инициаторами собрания являются социал-демократы, полностью подтвердилось.

Очевидно, что это поняли также профессора Брентано, Гаусгофер и Липс, так как они не явились на митинг.

Вся буржуазная пресса в своих комментариях отрицательно высказалась по поводу собраний, что особенно следует из № 35 и 36 «Аугсбургер Абендцайтунг» и № 58 и 59 «Альгемайне Цайтунг».

Я не преминул поставить в известность обо всех упомянутых мерах начальника полиции г-на Вестмана.

Прошу Вас, Ваше Превосходительство, располагать данными сведениями по Вашему усмотрению».

На письма министерства иностранных дел барон фон Гуттенберг ответил 9 февраля 1905 года на имя министра иностранных дел графа Подевиля:

«Миссия королевства Баварии в Санкт-Петербурге.
9 февраля 1905 года.
Касательно: беспорядки в России.

Имею честь доложить Вашему Превосходительству, что на вчерашнем дипломатическом приеме я воспользовался возможностью и поставил графа Ламсдорфа в известность о содержании высочайшего указа от 3 февраля с. г. в связи с состоявшимися в Мюнхене собраниями. При этом я подчеркнул, что события в Петербурге, к сожалению, и в нашей стране были использованы социалистической партией в своих целях, но что эти собрания были не только с неодобрением встречены всеми благонамеренными жителями Мюнхена, но и решительно осуждены зарубежной прессой. О том, что в этой демонстрации приняли участие некоторые деятели искусств и ученые Мюнхена, я умолчал. После этого я заметил, что для недопущения эксцессов со стороны

Баварская государственная библиотека, в которой работал В. И. Ленин во время пребывания в Мюнхене

Я не преминул указать на то, что главными ораторами на обоих мюнхенских собраниях были русские. В отношении личности г-на фон Шевича министр показал хорошую осведомленность. Он заметил, что этот Шевич играл известную роль в нигилистском движении, а позже выехал в Америку. О его возвращении в Европу граф не был информирован. Он сказал, что, насколько ему известно, фон Шевич является одним из братьев русского посла в Мадриде.

королевского правительства были предприняты все меры согласно существующим законам.

У меня сложилось впечатление, что министр не придает большого значения мюнхенским собраниям. Очевидно, здесь уже привыкли к критике в зарубежной печати, стали менее восприимчивы к подобным выпадам и более не рассматривают их как трагедию. Поэтому, по моему мнению, совершенно исключено, что этот достойный сожаления инцидент может повлечь за собой осложнения в хороших отношениях между нашими странами. Кажется, что демонстрации и взрывы бомб в Париже воспринимаются здесь как нечто гораздо более неприятное.

Это ясно подчеркнул и граф Ламсдорф, указав на большую опасность, которую для всех правительств представляет международное объединение революционных элементов, целью которого является свержение существующего государственного строя.

Организатору мюнхенских собраний, руководителю баварской социал-демократии г-ну фон Фольмару следовало бы взять пример со своего французского единомышленника Жореса, который направил в Россию одного из сотрудников издаваемой им газеты «Юманите», с тем чтобы на месте изучить положение в этой стране. Может быть, тогда симпатии г-на фон Фольмара к русским рабочим и руководителям революционного движения улетучились бы так же быстро, как это случилось с французским журналистом. Этот господин — как сообщил мне один из членов французского посольства — вернулся во Францию с чувством глубокого разочарования. Он посетил многочисленные рабочие собрания и пришел к выводу, что эти русские рабочие являются всем чем угодно, но только не революционерами и что руководители движения сами не знают, чего же они, собственно, хотят. Один из этих руководителей — известный пи-

сатель Максим Горький, арест которого, по-видимому, послужил одной из основных причин того, что ряд известных ученых и деятелей искусств также поставили свои подписи под призывом к участию в собрании протеста.

Горький, которого здесь, в России, как писателя ценят значительно меньше, чем за границей, играет в революционном движении одну из ведущих ролей. Собрания, инсценированные за границей в его поддержку, скорее повредят ему, чем принесут пользу. Министр двора граф Фредерикс в беседе со мной высказался именно в этом духе. При этом он выразил надежду на то, что «cette canaille de Gorki»[1] не будет освобожден из тюрьмы. Это показывает, что слухи о возможном освобождении писателя не имеют под собой никакого основания.

Я с интересом прочитал в «Альгемайне Цайтунг» и в «Аугсбургер Абендцайтунг» сообщения об обоих собраниях в Мюнхене и по тону статей пришел к выводу, что обе газеты решительным образом отвергают всю эту аполитичную злобную кампанию против России. Тем более бросается в глаза и заслуживает сожаления тот факт, что именно «Аугсбургер Абендцайтунг» в тех же номерах, в которых она осуждает выпады против России, опубликовала две статьи, которые могут навредить больше, чем все злобные выступления на мюнхенских собраниях, вместе взятые. Речь идет о статье «Русские князья, действительные властелины России» в № 37 от 6 февраля и статье «Государственный переворот в России?» в № 38 от 7 февраля с. г. Обе статьи в своих оскорбительных замечаниях в адрес царя и всего царского дома превзошли все возможное. Кроме того, они свидетельствуют о полнейшем непонимании здешних условий и распространяют столь смехотворные утверждения, что можно лишь с изумлением сказать, как порядочная газета, претендующая на то, чтобы ее принимали всерьез, могла предоставить свои страницы для публикации столь лживых и злобных писаний»[2].

5.

Между тем страх овладел консервативными и реакционными силами во всех немецких федеральных государствах не только из-за того, что осуждению подвергся их союзник — царская Россия, страна, правительство которой создало для иностранного капитала самые благоприятные условия для инвестиций (уменьшение размеров отчислений от прибылей в пользу государства и низкая заработная плата). Немецкая реакция больше всего боялась своих социал-демократов, стремившихся к изменению общества и активизировавших под влиянием революции в России свою деятельность. Газета «Аугсбургер Абендцайтунг» 10 сентября 1905 года писала, что «русская революция является любимым ребенком социал-демократии». Эта газета, не скрывая своей озабоченности в связи с событиями в России, правильно сформулировала суть тенденций, в которых проявилось сходство между русской и немецкой монархиями:

«Возможно ли, чтобы немецкие рабочие без возражения восприняли подобный бред? В каком же случае «немецкие придворные собаки» могут сцепиться с «русскими братьями»? Очевидно, только тогда, когда они, будучи на цепи, защищают добро и жизнь своего господина против шайки разбойников и убийц, которые пришли с оружием в руках и которые, таким образом, являются нападающей стороной. Если бы это было не так, то тогда никто не сделал бы по ним ни одного выстрела. Между тем со всей очевидностью было доказано, что лишь ничтожная часть этой банды разбойников и убийц состоит из нуждающихся и преступников, а большая — из совращенных. При этом деньги, даваемые социал-демократами, лишь способствуют продлению этого безрадостного состояния... Знать конечные цели противника всегда хорошо. И в этой связи можно утверждать, что в обозримом будущем социал-демократам вряд ли удастся добиться того состояния, на которое они надеются. Угроза для безопасности государства вследствие злобной социал-демократической пропаганды может в худшем случае возникнуть в тех районах, где оппозиционные элементы представлены в достаточно большом количестве (Польша!), а также в случае полной мобилизации этих элементов, что на самом деле может породить серьезную опасность»[1].

Участники собраний в Мюнхене в поддержку русской революции рассматривали в своих выступлениях солидарность с бастующими горняками Рурской области в тесной связи с солидарностью с русским революционным движением — солидарность с рабочими Рура была для них частью пролетарского интернационализма. Идеи «Коммунистического манифеста» были не чуждыми собранию, которое завершилось пением «Марсельезы».

Все это, однако, не означало, что в немецком рабочем движении все столь единодушно поддержали русскую революцию, как это проявилось в выступлениях и резолюциях массовых собраний.

Так, профсоюзная газета «Корреспонденцблатт дер Генералькоммиссион» писала 11 февраля 1905 года: «Мы не сторонники уличных демонстраций, и события в Петербур-

[1] — «этот каналья Горький».— *Прим. перев.*
[2] BayHSta MA 98541.

[1] BayHSta MA 98541.

ге представляются нам скорее продуктом безумной фантазии, нежели целенаправленным выступлением хорошо подготовленной организации. Рабочие массы, прошедшие школу организации, лучше умеют оценивать реальное соотношение сил в жизни и никогда не дадут столь кровавый козырь в руки насилия»[1].

Русская революция 1905 года вновь вызвала споры в немецком рабочем движении по вопросам, которые продолжали оставаться предметом ожесточенной принципиальной борьбы между марксистами и ревизионистами. В 1905 году таким вопросом был вопрос о том, можно ли использовать всеобщую забастовку как средство классовой борьбы. В то время как Кёльнский съезд профсоюзов в ходе дискуссии по вопросу о массовой стачке занял отрицательные позиции, Иенский съезд социал-демократической партии, состоявшийся в том же году, одобрил резолюцию, предложенную Августом Бебелем, в которой говорилось, что «широкое использование массового прекращения работы» в целях оказания отпора политическому преступлению вполне допустимо[2].

Собрания в Мюнхене в 1905 году также показали, что политически сознательная часть рабочего класса не разделяет точки зрения правого крыла социал-демократии, к которому в то время принадлежал Георг фон Фольмар и представители которого отрицательно относились к всеобщей политической стачке.

6.

В. И. Ленин с большим вниманием следил за развитием немецкого рабочего движения в 1905 году, о чем свидетельствует его работа:

Иенский съезд Германской социал-демократической рабочей партии

Съезды немецких социал-демократов давно уже приобрели значение далеко выходящих за пределы германского рабочего движения событий. Германская социал-демократия стоит впереди всех по своей организованности, по цельности и сплоченности движения, по богатству и содержательности марксистской литературы. Естественно, что при таких условиях и решения немецких социал-демократических съездов приобретают зачастую почти международное значение. Так было с вопросом о новейших оппортунистических течениях в социализме (бернштейниада). Решение Дрезденского социал-демократического съезда, подтвердившее старую испытанную тактику революционной социал-демократии, было воспринято Амстердамским международным социалистическим конгрессом и стало теперь общим решением всего сознательного пролетариата во всем мире. Так и теперь. Вопрос о массовой политической стачке — главный вопрос Иенского съезда — волнует всю международную социал-демократию. Его выдвинули на первый план в последнее время события в целом ряде стран, в том числе и, пожалуй даже в особенности, в России. И решение германской социал-демократии окажет, несомненно, немалое влияние на все международное рабочее движение в смысле поддержки и укрепления революционного духа борющихся рабочих.

Но отметим сначала вкратце и остальные, менее важные вопросы, рассмотренные и разрешенные Иенским съездом. Он занимался, прежде всего, вопросом об организации партии. На частностях пересмотра партийного устава германской партии мы, конечно, не будем останавливаться здесь. Важно подчеркнуть крайне характерную основную черту этого пересмотра: тенденцию к дальнейшему, более полному и более строгому проведению *централизма*, к созданию более крепкой *организации*. Эта тенденция выразилась, во-первых, в том, что в устав включено было прямое постановление об обязательной принадлежности каждого социал-демократа к одной из партийных организаций за исключением случаев, когда этого не допускают особенно серьезные причины. Во-вторых, она выразилась в замене системы доверенных лиц системой местных социал-демократических организаций, в замене принципа единоличного полномочия и доверия к личности принципом коллективной, организационной связи. В-третьих, она выразилась в постановлении, по которому все организации партии обязаны вносить 25% своих доходов в центральную кассу партии.

В общем и целом, мы ясно видим тут, что рост социал-демократического движения и усиление его революционности ведут непременно и неизбежно к более последовательному проведению централизма. Развитие немецкой социал-демократии в этом отношении крайне поучительно для нас русских. Организационные вопросы недавно занимали у нас, отчасти даже и теперь занимают, непропорционально большое место в ряду злободневных вопросов партийной жизни. Со времени III съезда две организационные тенденции в партии определились вполне: одна — к последовательному централизму и к выдержанному расширению демократизма в партийной организации не для демагогии, не для красного словца, а для осуществления на деле по мере

[1] *Lösche Peter.* Der Bolschewismus... a.a.O., S. 40.
[2] Ebenda, S. 41.

расширения свободы поприща для социал-демократии в России. Другая — к организационной расплывчатости, к «организационной туманности», весь вред которой понял теперь даже столь долго защищавший ее Плеханов (будем надеяться, что события скоро заставят его понять и связь этой организационной туманности с тактической туманностью).

Вспомните споры о § 1 нашего устава. Конференция новоискровцев, раньше отстаивавших горячо «идею» их ошибочной формулировки, просто выбросила теперь за борт и весь § и всю идею. III съезд подтвердил принцип централизма и *организационной* связи. Новоискровцы сразу попытались поставить на почву общих принципов вопрос о принадлежности каждого члена партии к организации. Теперь мы видим, что немцы — и оппортунисты и революционеры одинаково — не подвергают даже сомнению *принципиальную* законность такого требования. Внося прямо в свой устав это требование (чтобы каждый член партии принадлежал к одной из партийных организаций), они мотивируют необходимость *исключений из этого правила* отнюдь не принципами, а... *отсутствием достаточной свободы* в Германии! Фольмар, бывший в Иене докладчиком по организационному вопросу, оправдывал допущение исключений из правила тем, что таким людям, мелким чиновникам, невозможно будет *открыто* принадлежать к партии социал-демократов. Само собою разумеется, что у нас в России ситуация иная: при отсутствии свободы все организации одинаково тайные. При революционной свободе особенно важно строго отграничивать партии и не допускать «расплывчатости» в этом отношении. Принцип же желательного укрепления организационных связей остается непоколебимым.

Что касается до системы доверенных лиц, от которой теперь отказались немецкие социал-демократы, то ее существование всецело связано с исключительным законом против социалистов. Чем дальше отходил в область прошлого этот закон, тем естественнее и неизбежнее становился переход к базированию всей партии на системе связи между организациями непосредственно, а не через посредство доверенных лиц.

Другой вопрос, обсуждавшийся в Иене до вопроса о политической стачке, тоже чрезвычайно поучителен для России. Это — вопрос о майском празднике или, вернее (если взять сущность вопроса, а не пункт, послуживший поводом к дискуссии), вопрос об отношении профессионального движения к социал-демократической партии. Мы уже не раз говорили в «Пролетарии» о том, какое глубокое впечатление произвел на немецких, да и не только на немецких социал-демократов Кёльнский съезд профессиональных союзов. На этом съезде самым явственным образом обнаружилось, что даже в Германии, где всего сильнее традиции марксизма и влияние его, у профессиональных союзов — заметьте: *социал-демократических* профессиональных союзов — развиваются тенденции *антисоциалистические,* тенденции к «чистому тред-юнионизму» в английском, т. е. безусловно-буржуазном духе. И вот, из вопроса о майской демонстрации в собственном смысле слова на Иенском съезде неизбежно вырос поэтому вопрос о тред-юнионизме и социал-демократии, вопрос об «экономизме», если говорить применительно к направлениям внутри русских социал-демократов.

Фишер, докладчик по вопросу о 1-ом Мае, сказал прямо, что было бы большой ошибкой закрывать глаза на факт: в профессиональных союзах то здесь, то там исчезает социалистический дух. Дело доходило до того, что напр., Брингман, представитель союза плотников, говорил и печатал фразы вроде следующих: «Забастовка 1-го мая есть чуждое тело в человеческом организме», «Профессиональные союзы при данных условиях единственное средство к улучшению положения рабочих» и т. п. И к этим «симптомам болезни», по меткому выражению Фишера, прибавляется ряд других. Узкий профессионализм, или «экономизм», связывается в Германии, как и в России, как и везде, с оппортунизмом (ревизионизмом). Газета того же самого союза плотников писала о разрушении основ научного социализма, о неверности теории кризисов, теории катастроф и т. д. Ревизионист Кальвер призывал рабочих не к недовольству, не к увеличению своих потребностей, а к скромности и т. д. и т. д. Либкнехт встретил одобрение съезда, когда высказался против идеи «нейтральности» профессиональных союзов и заметил, что «Бебель, правда, тоже говорил в пользу нейтральности, но, по моему мнению, это один из тех немногих пунктов, когда за Бебелем не стоит большинство партии».

Сам Бебель отрицал, чтобы он советовал нейтральность профессиональных союзов в отношении к социал-демократии. Опасность узкого профессионализма Бебель признавал безусловно. Бебель говорил далее, что ему известны еще худшие образчики этого цехового отупения: дело доходит у молодых вожаков профессиональных союзов до насмешек над партией вообще, над социализмом вообще, над теорией классовой борьбы. Общие крики возмущения социал-демократического съезда встречали эти заявления Бебеля. Раздались горячие аплодисменты, когда он решительно заявил: «товарищи, будьте на своем посту; подумайте, что вы делаете; вы идете по роковому пути, конец которого несет вам гибель!»

К чести немецкой социал-демократии следует, таким образом, сказать, что она встретила

опасность лицом к лицу. Она не затушевывала крайностей «экономизма», не выдумывала плохих отговорок и увертюк (которых так много сочинил, напр., у нас Плеханов после II съезда). Нет, она резко констатировала болезнь, решительно осудила вредные тенденции и прямо, открыто призвала всех членов партии к борьбе с ними. Поучительное событие для русских социал-демократов, некоторые из которых заслужили похвалы господина Струве за «просветление» в вопросе о профессиональном движении![1]

Значению революции 1905 года Владимир Ильич Ленин посвятил свою известную работу «Две тактики социал-демократии в демократической революции», в которой он разоблачал право- и леворадикальные позиции. Ленин писал:

«Буржуазная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата. Чем полнее и решительнее, чем последовательнее будет буржуазная революция, тем обеспеченнее будет борьба пролетариата с буржуазией за социализм. Только людям, не знающим азбуки научного социализма, этот вывод может казаться новым или странным, парадоксальным. А из этого вывода, между прочим, следует и то положение, что *в известном смысле* буржуазная революция *более выгодна* пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. Эту мысль выражают часто социал-демократы несколько иначе, говоря, что буржуазия изменяет сама себе, что буржуазия предает дело свободы, что буржуазия не способна на последовательный демократизм. Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции... Самое положение буржуазии, как класса в капиталистическом обществе, неизбежно порождает ее непоследовательность в демократическом перевороте. Самое положение пролетариата, как класса, заставляет его быть последовательным демократом. Буржуазия оглядывается назад, боясь демократического прогресса, который грозит усилением пролетариата. Пролетариату нечего терять кроме цепей, а приобретет он при помощи демократизма весь мир. Поэтому, чем последовательнее буржуазная революция в ее демократических преобразованиях, тем менее ограничивается она тем, что выгодно исключительно для буржуазии. Чем последовательнее буржуазная революция, тем больше обеспечивает она выгоды пролетариата и крестьянства в демократическом перевороте.

Марксизм учит пролетария не отстранению от буржуазной революции, не безучастию к ней, не предоставлению руководства в ней буржуазии, а, напротив, самому энергичному участию, самой решительной борьбе за последовательный пролетарский демократизм, за доведение революции до конца...

Чтобы устранить кривотолки и недоразумения, заметим, прежде всего, что опасность, о которой мы говорим, лежит не в субъективной, а в объективной стороне дела, не в формальной позиции, которую займет социал-демократия в борьбе, а в материальном исходе всей теперешней революционной борьбы. Не в том вопрос, захотят ли те или иные социал-демократические группы раствориться в буржуазной демократии, сознают ли они, что они растворяются,— об этом нет и речи. Подобного желания мы ни у кого из социал-демократов не подозреваем, и не в желании тут вовсе дело. Не в том также вопрос, сохранят ли те или иные социал-демократические группы свою формальную самостоятельность, особность, независимость от буржуазной демократии на всем протяжении революции. Они могут не только заявить об этой «самостоятельности», но и сохранить ее формально, и тем не менее *дело может выйти так,* что у них окажутся связанными руки в борьбе с непоследовательностью буржуазии. Окончательный политический итог революции может оказаться тот, что, несмотря на формальную «самостоятельность», несмотря на полную организационную, партийную особность социал-демократии, она на деле окажется несамостоятельной, окажется не в силах наложить на ход событий печать своей пролетарской самостоятельности, окажется настолько слабой, что в общем и целом, в последнем счете, в окончательном итоге, «растворение» ее в буржуазной демократии все же будет историческим фактом...

Демократический переворот в России есть революция, по общественно-экономической сущности своей, буржуазная. Это верное марксистское положение недостаточно просто повторять. Его надо уметь понять и уметь применять к политическим лозунгам. Вся политическая свобода вообще, на почве современных, т. е. капиталистических, производственных отношений есть свобода буржуазная. Требование свободы выражает раньше всего интересы буржуазии. Ее представители первые выставили это требование. Ее сторонники воспользовались повсюду, как хозяева, полученной свободой, сводя ее к умеренной и

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 323—327.

аккуратной буржуазной мерке, совмещая ее с самым утонченным в мирное время и зверски-жестоким во время бури подавлением революционного пролетариата.

Но выводить из этого отрицание или принижение борьбы за свободу могли только бунтари-народники, анархисты да «экономисты». Навязывать эти интеллигентски-филистерские учения пролетариату удавалось всегда лишь на время, лишь вопреки его сопротивлению. Пролетариат схватывал чутьем, что политическая свобода нужна ему, нужна всего более ему, несмотря на то, что она непосредственно укрепит и сорганизует буржуазию. Не в уклонении от классовой борьбы ждет своего спасения пролетариат, а в ее развитии, в увеличении ее широты, сознательности, организованности, решительности. Кто принижает задачи политической борьбы, тот превращает социал-демократа из народного трибуна в секретаря тред-юниона. Кто принижает пролетарские задачи в демократической буржуазной революции, тот превращает социал-демократа из вождя народной революции в вожака свободного рабочего союза.

Да, *народной* революции. Социал-демократия боролась и борется с полным правом против буржуазно-демократического злоупотребления словом народ. Она требует, чтобы этим словом не прикрывалось непонимание классовых антагонизмов внутри народа. Она настаивает безусловно на необходимости полной классовой самостоятельности партии пролетариата. Но она разлагает «народ» на «классы» не для того, чтобы передовой класс замыкался в себе, ограничивал себя узенькой меркой, кастрировал свою деятельность соображениями, как бы не отшатнулись экономические владыки мира, а для того, чтобы передовой класс, не страдая от половинчатости, неустойчивости, нерешительности промежуточных классов, тем с большей энергией, тем с большим энтузиазмом боролся за дело всего народа, во главе всего народа...

Революции — локомотивы истории — говорил Маркс. Революции — праздник угнетенных и эксплуатируемых. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса, с точки зрения узкой, мещанской мерки постепеновского прогресса. Но надо, чтобы и руководители революционных партий шире и смелее ставили свои задачи в такое время, чтобы их лозунги шли всегда впереди революционной самодеятельности массы, служа маяком для нее, показывая во всем его величии и во всей его прелести наш демократический и социалистический идеал, показывая самый близкий, самый прямой путь к полной, безусловной, решительной победе»[1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 37—38, 39, 42, 101—102, 103.

7.

В 1905 году из миссии баварского посланника в Санкт-Петербурге уже почти не поступали телеграммы с придворными новостями. В своем большинстве короткие зашифрованные сообщения имели примерно следующее содержание:

«26.10. Вследствие забастовки на железной дороге прервана почтовая связь. Назавтра ожидается всеобщая забастовка.

16.11. Началась новая всеобщая стачка.

18.11. Вышедший сегодня Манифест гарантирует крестьянам в 1906 году уменьшение размеров выкупных платежей вдвое, в 1907 году их полную отмену и делает возможным приобретение земли путем облегчения условий кредитования.

23.11. Восстановлено движение по железной дороге.

18.12. Восстановлена телеграфная связь.

21.12. Начало новой всеобщей стачки. Железнодорожное сообщение поддерживается с помощью армии. Положение в прибалтийских провинциях ухудшается. Все полагают, что там следует ожидать еще более опасного поворота событий»[1].

О международном характере классовой борьбы недвусмысленно свидетельствовал комментарий в газете «Мюнхенер Пост» от 23 февраля 1905 года: «Высоким господам кажется весьма почетным, даже достойным славы, когда один князь с помощью кровавых спекуляций, имя которым война, отнимает у другого князя часть или все его имущество — людей и вещи. Но когда народ одной страны не желает оставаться далее безвольной собственностью или, более того, хочет сам распоряжаться своей страной, то такого рода устремления воспринимаются этими господами как удар против всех князей, вместе взятых. И в этом случае проявляется классовый характер, классовое чутье. Князья хорошо видят, что в России удар наносится против всего их класса. И реагируют они на это так, как это принято среди предпринимателей: если один предприниматель разорит другого, то он считается ловким, хорошим купцом; если же рабочие начинают бороться против эксплуатации, требовать большей доли в прибылях, то они для предпринимателей — государственные преступники, так как ставят под угрозу существование предпринимателей как господствующего класса»[2].

Русская революция привела в движение общественные и политические силы Мюнхена.

[1] Die Vorgänge in Rußland 1904—1914. BayHSta MA 98535.
[2] BayHSta MA 98541.

8.

В 1905 году в мюнхенском издательстве социал-демократической партии на немецком языке вышла в свет брошюра «Извещение о III съезде РСДРП» с решениями этого партийного съезда. Анализ обстановки, данный в решениях съезда, в значительной степени отражал ход революции.

В начале своей работы «Две тактики социал-демократии в демократической революции» Ленин приводит полный текст «Резолюции о временном революционном правительстве», которая также была опубликована в брошюре. Как мы уже знаем, газета «Нойе Цюрхер Цайтунг» назвала собрания солидарности с революцией в России, организованные в Мюнхене, самыми крупными если не в Европе, то, во всяком случае, в Германии. Примечательно то, что участники этих собраний подавляющим большинством голосов поддержали всеобщую политическую забастовку. Сплоченность этого политического выступления, весь его характер явились одной из причин значительного усиления мер контроля за деятельностью русских студенческих колоний со стороны министерств и полицейских служб.

Русские студенты

1.

29 апреля 1905 года газета «Мюнхенер Цайтунг» сообщила, что министерство по делам культов[1] Баварии дало Высшей технической школе указание «не зачислять на начавшийся семестр русских, до сих пор на него не зачисленных»[2].

Уже несколько лет в высших учебных заведениях Мюнхена наблюдался значительный приток русских студентов, которые не могли получить образование у себя на родине. Политика царского правительства в области просвещения, состоявшая из разного рода законодательных и административных мер, была скорее направлена на «наведение порядка в университетах», нежели на развитие науки[3].

Университеты Москвы, Киева, Петербурга, Казани, Харькова все более и более превращались в полигоны для полицейских и солдат. Потому-то русские студенты и ехали в университеты таких стран Европы, как Франция и Германия, Бельгия, Англия и Швеция, где демократическому движению удалось добиться ряда гражданских и парламентских прав и свобод.

«Мюнхенер Цайтунг» комментировала эти обстоятельства так: «Состоятельные люди продолжают свою учебу за границей — вот чем объясняется столь большое количество русских учащихся в немецких университетах. Примечательно также и то обстоятельство, что студенты из России меньше стремятся попасть в университеты, а больше в технические вузы; частично это объясняется тем, что в России закрыт доступ инородцам во все области государственной службы и ограничен их прием в высшие учебные заведения. Вследствие этого большая часть их пытается поступить в высшие учебные заведения за границей, где предпочитает изучать технические специальности. Большой интерес к этому проявляют германские коммерсанты, в особенности к тому, чтобы русские изучали здесь инженерные специальности, что впоследствии может способствовать осуществлению их торговых интересов в России; потому-то они и могут только приветствовать обучение иностранцев в Германии»[1].

Этот совет — давать иностранцам как можно больше возможностей учиться в немецких вузах — выражал интересы либеральной буржуазии, которая нуждалась в контактах с заграницей; единственным фактором, который мог бы как-то помешать развитию этого интереса, был страх перед беспорядками политического характера.

Вместе с другими влиятельными буржуазными газетами против ограничительных мер министерства культуры и растущей ксенофобии, носившей заметный антисемитский характер, выступила и «Мюнхенер Цайтунг».

В сентябре 1904 года партия, именовавшая себя «Христианско-социальным союзом», провела в пивной «Кройцброй» большой «митинг протеста», направленный против «иммиграции евреев и Правления мюнхенской общины». Некий Венг, один из редакторов газеты «Дойчес Фольксблатт», произнес речь, которую он потом опубликовал и размножил, чтобы распространить среди населения. В этой речи он «перед многотысячной аудиторией» указывал на «вопиющие нарушения в предпринимательском деле и в Правлении мюнхенской общины», предлагая в качестве решения проблемы «ограничить въезд евреев»[2].

«Если мы когда-либо и имели право рассматривать себя в качестве расы господ, которая благодаря своему духу и своим добродетелям была призвана царить над другими народами, — заявлял инженер Венг из «Христианско-социального союза», — то теперь мы давно уже потеряли это право... Эгоизм, слабость и бесхарактерность берут в нас верх,

---

[1] В некоторых землях это министерство ведает также вопросами просвещения.— *Прим. перев.*
[2] BayHSta MA 98541.
[3] Ebenda.

[1] BayHSta MA 98541.
[2] Sonderabdruck aus dem «Deutschen Volksblatt» in München, II. Aufl. In: Versammlungen und Vereine. Specialia Stadt München, 1902—1926. StaM RA 57844.

Технический университет в Мюнхене, угол Арцис- и Габельсбергерштрассе. Недалеко отсюда, в доме 20-а по Габельсбергерштрассе, жил один из главных связных Ленина в Мюнхене — д-р Карл Леман

вытесняя наши лучшие качества... Наше среднее сословие раздроблено, и нет в нем ни энергии, ни готовности понести какие-то жертвы... Вот так капитализм и дорвался до власти, так он и начал губить дух трудового населения»[1].

Венг ратовал за то, чтобы принять в рамках всего Германского рейха закон, который запрещал бы иммиграцию евреев[2].

Демагогия программы «Христианско-социального союза», получившая тогда еще очень небольшой резонанс, заключалась также и в том, что населению ничего не объясняли, приводили только некоторые факты, которые должны были отвлечь его внимание от существующих социальных проблем, выставив на арену удобного козла отпущения, повинного во всем. А по статистике, самый большой контингент иностранных учащихся составляли в Мюнхене русские.

В 1904/05 учебном году на всех курсах Высшей технической школы в Мюнхене обучалось 2774 человека. Иностранцев было 501 человек, из них 244 — т. е. почти половина — русские[3].

«Мюнхенер Цайтунг» расшифровала эти данные еще более подробно: «Баварских граждан насчитывается 1884 человека, так что на каждых 7—8 баварцев приходится по *одному русскому*. Прочих граждан рейха было зачислено 489 человек, что по отношению к русским составляет точно 2:1»[4].

Против таких широко распространенных предрассудков со стороны консервативной немецкой общественности по отношению к русской интеллигенции, живущей в эмиграции в Германии, выступили прежде всего социал-демократы. Они видели свою задачу в том, чтобы показать населению, какие причины вынудили русских поехать учиться за границу.

По поводу Кенигсбергского процесса Курт Айснер писал:

«В немецких вузах с давних пор царит к русским все возрастающая вражда. Сначала эта антипатия проистекала из необходимости конкурировать с этими прилежными, способными, самоотверженными и энергичными русскими студентами, которые устраивались на учебу везде, где их пускали, усугубляя тем самым отсев немецких студентов. Затем появился в нашем обществе дух антисемитизма, который господствует теперь в немецких вузах,— вот и вторая причина этого враждебного настроя.

Прием евреев в русские гимназии и высшие учебные заведения строго ограничен. «Ввиду того, что многие молодые евреи, желая воспользоваться благами высшего классического, технического и ремесленного обучения, подают из года в год заявления в университеты, сдают экзамены и продолжают учебу в различных школах Российской империи, было бы желательно положить конец столь неблагоприятному положению вещей». Чтобы изменить это «неблагоприятное положение вещей», описываемое в приказе русского министра просвещения от 17 декабря 1886 года, и было принято постановление о том, что только 5% евреев может быть принято в гимназии и 3% — в высшие учебные заведения. К тому же следует вспомнить, что евреям в России разрешалось жить только в определенных районах и городах, так что они были сосредоточены на сравнительно небольшой территории: в некоторых городах они составляют 10%, в 82 городах — 50%, а в 4 городах — более 80% всего населения. Вот какими масштабами измеряется варварство этого «мальтузианства в образовании». Наиболее разительным являлось различие между допуском в гимназии и в высшие учебные заведения.

Таким образом, в 1887/88 учебном году из 400 евреев, сдавших экзамены на аттестат зрелости, не менее 326 человек были не допущены к обучению в университете»[1].

---

1 Sonderabdruck aus dem «Deutschen Volksblatt» in München. II. Aufl, In: Versammlungen und Vereine. Specialia Stadt München, 1902—1926. StaM RA 57844.

2 Ebenda.

3 BayHSta MA 98541.

4 Ebenda.

1 Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 20 ff.

Даже когда политическая реакция пыталась оказать давление на социал-демократию, ее представители не желали ни приспосабливаться ко всеобщей ксенофобии, ни замалчивать скандальное положение в высших учебных заведениях ради того, чтобы заполучить несколько лишних голосов избирателей. А ведущие социал-демократы, такие, как Курт Айснер, пытались даже в пику классовому высокомерию консервативных и либеральных буржуазных кругов доказать, что идеализм русских студентов, обучающихся в немецких университетах, достоин всяческих похвал:

«Нельзя не признать, что русские действительно составляют чужеродный злемент в немецких вузах. Они большею частию бедны, пролетарского происхождения... Однако немецкие университеты являются привилегированным институтом узкого круга представителей господствующего класса, сущность которого они к тому же искажают. От немецкого пролетариата там нет ни единого студента. Приток студентов из среднего сословия тоже оскудевает. Монополия на университеты принадлежит потомкам и наследникам высших сановников, юнкеров, крупных промышленников и крупнейших торговцев. «Важность» их с каждым днем увеличивается, но морально и духовно они с каждым днем нищают... Однако именно русские теперь становятся в определенном смысле хранителями и продолжателями славных традиций немецких университетов. Этих бедных, любознательных и свободолюбивых студентов можно даже назвать преемниками древних студенческих традиций в теперешних высших учебных заведениях, превзошедших смутные и незрелые фантазии своих предшественников в воззрениях на жизнь и историю в той же мере, в какой всеобщая политическая сознательность благодаря Карлу Марксу и социализму превзошла сознание немецких студентов-буршей. И все же своим идеализмом и самопожертвованием зти русские сходны с юношами того демагогического времени»[1].

Прием в немецкие высшие учебные заведения был затруднен для русских уже с 1900 года. Если до сих пор им достаточно было предъявить аттестат зрелости, чтобы быть зачисленными на курс, то теперь с них требовали свидетельство о сдаче в России «конкурсного экзамена». Цель зтого «конкурсного экзамена», введенного русским правительством, заключалась в том, чтобы закрыть путь к высшему образованию для политически неблагонадежных. Это распоряжение, с которым согласились все политехнические учебные заведения в Пруссии и Баварии, означало, что Россия может помешать неугодным ей злементам учиться не только у себя на родине, но и в Германии... Особенно если вспомнить, что германским подданным, которые росли и воспитывались в России, никаких «конкурсных зкзаменов» сдавать не требовалось, то станет ясно, что зти меры не означали общего повышения требований к поступающим в высшие учебные заведения[1].

Помимо этого препятствия при поступлении в высшие учебные заведения у каждого русского, который хотел бы учиться в Берлинском университете, администрация требовала оставлять свои документы. Их передавали в политическую полицию для проверки политической благонадежности поступающего: «Только когда полиция сообщит, что в политическом отношении за ним не известно ничего предосудительного, университетская комиссия будет решать вопрос о его зачислении. Само собой разумеется, что политическая полиция в первую очередь свяжется с русскими властями, хотя бы для того, чтобы убедиться в подлинности предъявленных документов»[2].

Ряд профессоров выступил против дискриминации русских студентов. Профессор Гайд осудил «академическую травлю иностранцев»:

«Мощный приток учащихся из негерманских стран еще в эпоху раннего средневековья был предметом гордости крупных университетов, а сегодня, когда немецкая техника снискала повсюду самое высокое уважение, когда жаждущая знаний молодежь устремляется в высшие технические школы Германии со всех концов света, нам, оказывается, стало тесно и боязно, и гостеприимство наше придется забыть? Но ведь немецкий студент был и остается законным гражданином немецкой высшей школы. Ни к чему убеждать друг друга в том, что в университетах-де растет конкуренция или что кто-то подслушает тайны германской индустрии и техники, во избежание чего, мол, следует принять самые строгие меры. Прав был поэт, говоря: «И ни коню, и ни всаднику той кручи не одолеть», на зто способен только пытливый ум, закаленный духовными трудами. Знание дает силу; но одна только сила никогда не была способна продлить могущество какого бы то ни было народа,— напротив, лапидарные письмена скрижалей мировой истории достаточно ясно повествуют, что подлинная, неодолимая сила народа коренится в его гуманизме, в его нравственном духе, который им управляет. Успехи и всеобщее признание наших высших технических школ — в высшей степени результат той свободы, с которой мы наигуманнейшим образом открыли врата в храмы науки для всех, жаждущих к ней приобщиться. Гостеприимство, которым немецкий народ столь либерально встречает ино-

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 20 ff.

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 20 ff.
[2] Ebenda, S. 22 f.

странцев со всего света, также заслуживает уважения, и оно находит все большую благодарность и признание. В этом стремлении к знаниям, которое пользуется у нас такой поддержкой, чтобы в дальнейшем принести свои плоды и в других странах, проявляется немецкая культура. Это не просто выучка, обеспечившая успех нашей индустрии и технике, но — в идеальном рассмотрении — это вклад нашей индустрии и техники в решение задач социальных, в дело облегчения и замены машинами труда, недостойного человека, чтобы наконец создать возможность улучшить положение рабочих»[1].

Такие утверждения несколько смягчали атмосферу, царившую в мюнхенских вузах, для студентов из России (и других стран Восточной и Южной Европы) вплоть до конца второй половины первого десятилетия нынешнего века. Мюнхен, как известно, был в этом отношении либеральнее и демократичнее, чем Берлин или Лейпциг,— «те студенты, которым пришлось покинуть царскую империю по политическим причинам... обычно не хотели жить прямо рядом с русским «пограничным столбом»[2]. Таким образом, Мюнхен стал неким притягательным пунктом для русских подданных, которые жили и работали за границей более или менее длительное время:

«В 1910 году в Баварии проживали 4116 русских. Почти половина из них жила в Мюнхене, и более четверти этих последних (619 человек) были студенты мюнхенских учебных заведений. Статистика за 1896-й и последующие годы показывает, что русская студенческая колония в 1902—1903 годах по численности превосходила австрийскую, оставаясь, таким образом, вплоть до 1914 года самой крупной колонией иностранных студентов в Мюнхене»[3].

Эта относительная свобода, царившая тогда в Мюнхене, выражалась также и в том, что студенты из России, Польши и Болгарии использовали все возможности создания разного рода организаций, которые Германия, хотя и в несколько ограниченной форме, предоставляла гражданам иностранного происхождения. Совершенно очевидно, что положения действовавшего тогда закона об организациях в Мюнхене интерпретировались несколько шире, чем в Саксонии и Пруссии, где русские студенты все сильнее протестовали против произвола полиции в отношении обысков и высылки[4]. В остальном же до тех пор, пока в 1908 году не был принят имперский закон о союзах и собраниях, запрещавший молодежи в возрасте до 18 лет вступать в какие бы то ни было политические организации и посещать политические собрания, граждане южногерманских государств в любом возрасте в принципе имели право заниматься открыто политической деятельностью[1]. В северогерманских государствах подобная деятельность была запрещена еще до 1908 года.

В первые годы нового столетия это различие в законодательстве ощущалось также и в отношении властей к студенческой молодежи из других стран.

Один только тот факт, что студенты высших учебных заведений вообще имели право — пусть и в ограниченной форме — на защиту своих интересов через свою зарегистрированную организацию, давал как русским, так и полякам и болгарам возможность, которой они были лишены у себя на родине: там, если они выступали за это право, их исключали из университета. С этим, как уже говорилось, столкнулся семнадцатилетний Владимир Ильич Ульянов, когда он в 1887 году в Казани выступил в поддержку требования студентов разрешить им создавать свои легальные организации[2].

Однако законодательство королевства Баварии также накладывало определенные ограничения на деятельность иностранных студентов. Одно из основных условий, которое должна была выполнять корпорация иностранных студентов, заключалось в том, что эта организация автоматически обязывалась к отказу от всякого рода политической активности и к заполнению целого ряда полицейских формуляров. Кроме того, чтобы основать какую-либо организацию, требовалось подать заявление и получить разрешение полицейского управления. Следствием этого было то, что цели таких организаций, излагаемые в уставе (устав предъявлялся в полицию), не соответствовали действительным целям их основателей и членов.

«Русская студенческая касса» Мюнхена, основанная в 1892 году и закрытая полицией в 1907 году, согласно уставу, имела своей целью «посредством денежных ссуд давать возможность окончить учебу в Мюнхене тем действительным ее членам, которые вследствие денежных затруднений не могут сделать это самостоятельно»[3].

Согласно уставу, цель «Русского студенческого читательского клуба» заключалась в изучении русской литературы и культуры; этот «Читательский клуб» в своем старом составе самораспустился, чтобы затем с той же самой целью сформировать «Русскую академиче-

[1] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 22 f.
[2] *Schneider Ludwig*. Die russische Studentenkolonie... a.a.O., S. 77.
[3] Ebenda.
[4] Der Geheimbund des Zaren... a.a.O., S. 60 f.

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterjugend. Dortmund, 1973, S. 64.
[2] См. с. 11 данной книги.
[3] Russische Studenten-Kassa, 1892—1907. StaM Pol. Dir. Mü. 620.

скую студенческую читальню имени Льва Толстого», «которая приняла всю библиотеку читательского клуба»[1].

«Академическое политехническое общество «Россия» при баварской королевской Высшей технической школе в Мюнхене», которое самораспустилось в 1913 году, записало в качестве своей цели следующее: «Общество стремится дать своим членам возможность следить за научно-технической жизнью»[2]. Подобным же образом изложил свои цели «Юридический и национально-экономический союз студентов из России при университете имени Людвига-Максимилиана в Мюнхене», который самораспустился по решению общего собрания в октябре 1911 года[3].

«Болгарский студенческий союз «Болгария, край Стефанов» при Высшей технической школе в Мюнхене», который также принял решение о добровольном самороспуске, хотел дать своим членам «возможность следить за литературной и научной жизнью Болгарии и других стран:

а) путем обеспечения газетами и журналами;

б) путем докладов по научным вопросам»[4].

Существовавший с 1893 года «Польский кружок чтения» в 1900 году объединился с другими польскими студентами и подданными русского царя в «Научное общество польских студентов», организационная цель которого заключалась в «изучении польской научной литературы и поддержании товарищеского духа». «Еврейское академическое общество культуры при баварской королевской Высшей технической школе в Мюнхене» (большинство его членов были из России, часть — из Польши и Болгарии) зарегистрировало себя следующим образом: «В это общество принимают лиц еврейской национальности; его задача состоит в том, чтобы дать членам возможность познакомиться с еврейской культурой, т. е. с еврейской историей, литературой и искусством во всех их формах и проявлениях»[5]. Эти организации объединяли иностранных студентов, интересующихся политикой.

Провозглашая своей целью общие культурно-политические, национальные и духовные интересы, они тем самым могли избежать автоматического запрета властями; столь частые «самороспуски» этих организаций были средством избежать закрытия полицией. О том же свидетельствует дополнение, которое вводили в свой официальный устав некоторые организации, как, например, «Союз польских студентов «Полония» при баварской королевской Высшей технической школе в Мюнхене»: «Наша организация не носит политического характера. Политические и религиозные дискуссии из наших собраний полностью исключаются, а наши члены будут по возможности избегать их и в частном общении»[1].

[1] Russische Stugenten-Kassa, 1892—1907. StaM Pol. Dir. Mü. 620.
[2] StaM Pol. Dir. Mü. 673.
[3] StaM Pol. Dir. Mü. 669.
[4] StaM Pol. Dir. Mü. 653.
[5] StaM Pol. Dir. Mü. 510 und 568.

О политической подоплеке этих организаций иностранных студентов нам рассказывают донесения полиции, которая разрешала им собираться только при условии, что на собраниях будет присутствовать полицейский.

Полиция поставила «Русской студенческой кассе», самой крупной и влиятельной организации русских студентов в Мюнхене на рубеже двух столетий, условия, при которых «сотруднику полиции, присутствующему на собрании организации, необходимо отвести подобающее ему место; все беседы в присутствии сотрудника полиции должны вестись только на немецком языке»[2].

Кроме того, «Русской студенческой кассе» предписывалось подавать в полицию сведения об уходе старых и приеме новых членов «не позднее чем через три дня после этого»[3].

Данные требования были не случайны: члены «Русской студенческой кассы» проявляли самую высокую политическую активность.

2.

По старой традиции идея студенческой *кассы* была выражением солидарности тех, кто в изучении наук видел не преимущество богатых, а право всех одаренных. Эта традиция восходила к великому русскому ученому Ломоносову, который сам был из крестьянской семьи. Всякие формы организации могли осуществляться только конспиративными методами.

Идея *кассы* нашла у русских студентов настолько широкую поддержку, что они обязывали ее членов, которые были из состоятельных семей, отдавать часть своих финансовых средств организации, чтобы обеспечить возможность учиться тем ее членам, которые из дому ничего не получали. Таким образом, эта солидарность была направлена против феодальных и капиталистических привилегий. *Касса* русских студентов считала себя революционным товариществом, идеалом которого были социализм и коммунизм.

Газеты «Мюнхенер Пост» и «Аугсбургер Фольксцайтунг» в 1897 году опубликовали заметку «по сообщениям полуофициального русского журнала», сопроводив ее следующим комментарием:

«Мы считаем... что, несмотря на не вполне безупречный характер оного издания, этот интересный материал следует все же сообщить нашим читателям... Со сравнительно

[1] StaM Pol. Dir. Mü. 571.
[2] StaM Pol. Dir. Mü. 620.
[3] Ebenda.

недавних пор студенты русских университетов начали создавать союзы, которые были либо так называемыми союзами выпускников, либо землячествами. Те из них, которые только что поступили в университет, искали своих прежних соучеников по гимназии и вскоре присоединялись к землячествам, большинство из которых организовано по определенным областям, как-то: «Рязань», «Орел», «Сибирь», «Украина» и т. д. Первые основатели этих союзов имели в виду только материальную помощь, для чего и организовали ссудные кассы, устраивали балы по подписке и лотереи, сбор от которых также шел на вспомоществование бедным членам организации. Постепенно отдельные союзы стали расширять свою программу, введя, помимо ссудной кассы, «самостоятельные уроки». Тогда возникли так называемые «союзы самостоятельной подготовки», причем многие из них очень односторонне понимали свою задачу, занимаясь исключительно социологическими исследованиями и современными теориями политической экономии. Все союзы этого направления очень скоро принялись за изучение господствующих революционных учений, читая книги и журналы, запрещенные русской цензурой. Наконец, они в большей или меньшей степени стали участвовать в революционном движении, оказывая поддержку из фонда своей кассы тем своим коллегам, которых сослали или арестовали за политические правонарушения. Члены этих организаций стали также пополнять ряды деятельных революционеров» [1].

Правительственный указ, предписывавший баварским властям особо следить за русскими подданными, в отличие от всех прочих иностранцев, означал, что личные и политические связи в русской студенческой колонии тщательно регистрировались.

Некоторым облегчением для полиции служило то, что у большинства союзов места сбора — обычно это бывали пивные — находились в Швабинге; там же жила и большая часть студентов. Русские студенты обычно собирались в Мюнхене в кафе «Ридераузр», на углу улиц Гессштрассе и Швиндштрассе, в пивной Дюмлера на Габельсбергерштрассе, в кабачках на Шеллинг-, Тюркен-, Геррес-, и Блютенштрассе; болгары собирались в кафе «Элита» на той же Шеллингштрассе, а поляки — на Норденштрассе...

Самую подробную информацию о надзоре за этими местами дают донесения Юлиуса Гелера, который тщательнейшим образом регистрировал мировоззренческие тенденции, организационные группировки и взаимоотношения между отдельными лицами. Эти донесения отражают отношение к иностранным студентам и те методы, с помощью которых министры, ведущие правительственные чиновники и полицейское управление г. Мюнхена пытались составить себе картину мотивов и целей русского революционного движения. Эти донесения показывают также размеры и границы контактов между немецкими и русскими социал-демократами, а с другой стороны, дают понять, что политическая полиция была очень хорошо осведомлена обо всех связях известных представителей интеллигенции Швабинга, таких, как Франциска фон Ревентлов, с революционными кругами из царской России и делала из этого определенные выводы. Следует отметить, что Юлиус Гелер при этом особо выделяет двух людей: д-ра Александра Гельфанда, прозванного Парвусом, и д-ра Юлиана Мархлевского, который был известен среди немецких социал-демократов под именем Карского.

Во время своего пребывания в Мюнхене Ленин встречался с обоими и в той или иной мере пользовался их помощью [1].

Первые исчерпывающие донесения Гелера появились в 1894, 1897, 1899 годах. В 1907 году он словом и делом помогал политическому отделению мюнхенской полиции, когда была закрыта «Русская студенческая касса» и были приняты другие меры против корпораций русских студентов.

Последний доклад Гелера о течениях в среде русских революционеров в Мюнхене появился в 1911 году, и речь в нем шла почти исключительно об отдельных участниках одного собрания, поэтому в конце главы публикуются показания других служащих, касающиеся политических, большей частью нелегальных, организаций русских в Мюнхене.

Вместе с донесениями Гелера они являются своего рода собранием судебных решений правительства королевства Баварии о местных и иностранных представителях партии, выступающей за свержение существующего строя. Основания для этих судебных решений разработал Юлиус Гелер.

Его донесения о русских студентах в Мюнхене являются примечательным документом того времени о жизни и деятельности русских подданных в Мюнхене. В свое время они, конечно, были совершенно секретными и для ознакомления были доступны только самому узкому правительственному кругу. Ниже помещаются отрывки из донесений Гелера [2], за которыми следует секретное донесение баварскому министру иностранных дел графу фон Крайльсгейму с пометкой, сделанной его рукой 23 апреля 1899 г.: «Копия отправлена г-ну Извольскому с сопроводительной запиской». Извольский — глава русского посольства в Мюнхене.

[1] Münchener Post und Augsburger Zeitung, 8. Januar 1897. In: StaM Pol. Dir. Mü. 620.

[1] См. с. 214, 311 данной книги.

[2] StaM Pol. Dir. Mü. 620 und 510.

Район Альтшвабинг. Вернекштрассе

3.

Полицейский комиссар района *Гелер.*

Мюнхен, 10 апреля 1894 г.

В королевское полицейское управление Мюнхена.

По поводу сношений и политического поведения обучающихся здесь русских подданных. *Секретно!*

Выполняя данное мне 10-го числа прошлого месяца в устной форме поручение, последние четыре недели я занимался наблюдением и выяснением обстоятельств, а также возможных политических выступлений обучающихся здесь русских подданных.

Благодаря моему прежнему общению со многими русскими и поляками мне стало известно, что в этих кругах царит сильная недоверчивость и пугливая сдержанность.

Я также предпочел отложить поиск прямых контактов с ними и ограничиться тем, что могу видеть и слышать лично, так как, с одной стороны, среди мюнхенского населения преобладает скорее благосклонность к нигилистским течениям, нежели неприязнь к ним, пока они направлены против России, а с другой стороны, у большей части известных мне лиц, сдающих квартиры русским студентам, слишком не хватает определенных качеств, главным образом надежности, чтобы пользоваться нашим доверием.

Для установления новых связей с этими людьми я воспользовался только что данным мне поручением предпринять исследование деятельности одного авантюриста Гуго *Германа* из *Харькова,* который находился здесь под арестом по подозрению в краже.

Таким образом, я как чиновник полиции открыто вступил в контакт с членами «Русского читательского клуба» и «Студенческой кассы», которых я разыскал частью в помещении «Читательского клуба», частью на частных квартирах и в кафе...

Я, в соответствии с заданием, сосредоточил свое внимание не только на главной цели моих наблюдений, но и на изучении возможного общения этого круга лиц с немецкими социалистами и анархистами, но могу сообщить только, что не обнаружил ни малейшего признака наличия такового. Однако ясно, что с тех пор русские и поляки многократно посещали наиболее крупные собрания социал-демократов, в чем мне откровенно признавались.

Их более чем дружеская симпатия к социал-демократии имеет причиной также ту высокую оценку, которую они дают, как я постоянно слышал, речам и духовным качествам *фон Фольмара,* и особенно большое значение имеет здесь то, что *Генрих, Уманский* и *Берент* состоят в тесных сношениях с немецкими социал-демократами, такими, как Карл Леопольд *Любек* и Генрих *Шмид* из Трира, и что *Генрих* даже был оратором на одном из социал-демократических собраний. Тем не менее, по-моему, из этого еще нельзя заключить, что большинство обучающихся здесь русских и польских студентов поддерживают какие-либо особенно тесные связи с немецкими социал-демократами. Наоборот, судя по всему тому, что я слышал и видел, среди них преобладает стремление держаться подальше от участия в немецком политическом и социальном движении. Действительно, влиять ни устным, ни печатным словом на это движение нельзя уже из-за одного только недостаточного знания этими людьми нашего языка.

Из организованных объединений славянских студентов здесь внимания достойны лишь «Русский читательский клуб» и отделившаяся от него «Русская студенческая касса», а также «Польский читательский кружок». «Славянское академическое певческое общество» можно уже из-за его состава считать безвредным.

Согласно уставу, цель «Польского читательского кружка» состоит в том, чтобы «дать своим членам возможность следить за общественной жизнью, литературой и наукой в России и за границей при помощи а) обеспечения газетами, журналами, книгами, б) рефератов по научным вопросам». Кружок помещается на частной квартире, Августенштрассе,

102/1, и открыт в любое время. Его обстановка состоит из старого круглого стола, десятка грязных расшатанных стульев, одного книжного стеллажа, люстры и сделанных мелом портретов русских писателей: *Тургвнева*, Льва *Толстого* и третьего, неизвестного. Во всяком случае, последний не изображает ни *Бакунина*, ни *Кропоткина*. Стены оклеены многочисленными бумажками, на которых сделаны надписи на русском языке. Небольшов число просто переплетенных русских книг и газет лежит в беспорядке на столв и на полках стеллажа. Из немецких газет я в этом неопрятном, мало проветриваемом, прокуренном помещении заметил социал-демократическую газету «Форвертс»...

Итак, основания для предположения существования подозрительных связей со Швейцарией и опасных действий вообще оказываются шаткими; кроме этого, существуют также причины, которые при всем совпадении политических и социальных взглядов этих людей мешают им устранить все барьеры, встававшие на пути их целенаправленной деятельности.

По моим наблюдениям, даже живущие здесь представители славянской расы долго не могли избавиться от неприязни к семитам...

Это положение вещей в немалой степени позволяет высказать предположение, что едва ли русским и другим государственным учреждениям и их представителям грозит опасность со стороны проживающих здесь русских и поляков.
С почтением!

Подпись: Гелер.

Мюнхен, 11 мая 1897 г.
Секретно!

Как я уже докладывал, для успешного наблюдения за русскими студентами в последние годы возникли еще болев значительные препятствия, чем раньше. Постоянно возрастающая нагрузка текущей службы позволяет мне лишь в недостаточной мере посвящать себя личным наблюдениям. Отъезд определенного числа поляков и русских полностью прервал мое личнов знакомство с ними, а поведение отсутствовавшего около семи месяцев Адольфа *Герштвйна* вынудило меня порвать с ним все официальные контакты. Больше, чем когда-либо, мои наблюдения должны были ограничиваться сбором скудных внешних данных, характеризующих жизнь русских студентов. Поэтому сии сведения недостаточны...

В течение последних 12 месяцев живописец Адольф *Гврштвйн*, по рождению — поляк из Галиции, вся юность которого прошла в Варшаве, где жили и вго родители, проявил свбя в высшей степени опасным человеком. В 1893 году я познакомился с ним в кружке молодых писателей и деятелей искусства, в котором он благодаря своему общему научному образованию и привлекательным манерам завоевал огромное влияние, которое достигало размеров чуть ли не единоличного господства. Его основная деятельность в этом кружке простиралась на толкование в материалистическом смысле произведений *Ницше*, а именно на внушение кружку его идей о сверхчеловеке, каковым он, видимо, себя ощущал и быть которым умел. Художник и писатель Отто *Гётце* из Лейпцига, писательница графиня Франциска *Ревентлов*, позднее по мужу *Любке*, долгое время находились под его влиянием. Последняя к тому же была безвольным орудием его деспотичных чувственных влечений. Он был активным членом объединения модернистов и объединения «Фрейланд» и был хорошо знаком с *Гофмейстером, Аппельтом, Гельмом, Козинским* и другими. И лишь в прошлом году большая часть немцев, считавшихся его сторонниками, узнала, что была обманута *Герштейном* самым постыдным образом... Он сумел распространить мнение, будто он-то и поддерживал живущую в тяжелейшей нужде *Ревентлов*, что он вполне мог делать, так как получал от своих родителей до 240 марок ежемесячно. Выяснилось, что на самом деле *Ревентлов* страдала от голода, в то время как *Герштейн* предавался удовольствиям. Кромв того, мне стал известен и второй случай, когда *Герштейн* соблазнил девушку и убедил ее, уверив в том, что абсолютно беден и подвергается преследованиям, отказаться от каких бы то ни было притязаний на нвго. В свое время я не утаил имевшихся у меня сведений об обстоятельствах дела против *Любке-Ревентлов* и сообщил их проводившему расследование комиссару безопасности. Результаты расследования привели к прекращению дела, и, только узнав об этом, *Герштейн* в марте этого года отважился снова приехать в Мюнхен. Но ореол, который окружал его в глазах прежних приверженцев, исчез, и все попытки с его стороны снова завязать с ними прежние отношения потерпели полный крах. Теперь он общается только с несколькими поляками.

Мюнхен, 1 марта 1899 г.
Секретно!

Согласно заданию от 10 октября 1898 года, сообщаю об обстоятельствах проживающих здесь русских граждан — на основании моих личных наблюдвний — следующее... О том, что я высказывал тогда относительно товарищеской поддержки бедных студентов... их состоятельными товарищами в качестве предположения, теперь я могу говорить как о факте. Отношения эти носят почти коммунистический характер. Состоятельные люди не только делят с бедняками жилье, стол и средства, но и, более того, среди них нет ни одного, который не считал бы это вполне само собой разуме-

ющимся и был бы сильно удивлен, если бы кто-то стал утверждать обратное. Тех, кому таким образом оказывается поддержка, уважают от этого не меньше, чем других. Во всем царит полное равенство, которым, по-видимому, богатые не злоупотребляют никогда, а бедные — довольно часто. В корпорациях, на дружеских встречах у всех равные права; неимущие не обязаны делать пожертвования, богатые же добровольно дают намного больше, чем их к тому обязывает устав. Каждый приходит и уходит, когда ему заблагорассудится. Никого не спрашивают о причинах его отсутствия или появления вновь. Тот, кто не входит в кассу, не платит взносов, или же за него платят другие. Создается впечатление, что эти люди хотят решить проблему сохранения полнейшей независимости индивидуума при коммунистическом общественном устройстве.

Все-таки начала тесного сплочения радикальных элементов среди этих людей не наблюдается...

В мае 1896 года *Уманский* снова стал членом «Русской студенческой кассы» и «Читательского клуба», но не «Русской студенческой кухни». Только после превращения последней в «Русское студенческое казино» он вступил в него в конце прошлого года. До этого он никоим образом не выделялся. Свое пребывание, кроме двух поездок в Россию, он прерывал здесь только один раз, когда с августа по октябрь якобы проходил практику на машиностроительном заводе в Нюрнберге. В настоящее время он продолжает учебу в Высшей технической школе и является заместителем председателя «Русской студенческой кассы».

С ноября 1898 года я поддерживаю постоянные отношения с ним, и здесь могут быть достойны внимания следующие случаи. Надо иметь в виду, что я с самого начала поставил его в известность о моем задании изучать сношения проживающих здесь русских и их объединения и сообщать об этом. Возникшую у него сначала враждебность ко мне, которая выражалась в тоне и выражении лица, я сначала игнорировал; в ответ на его частые недоверчивые расспросы о том, из каких соображений полиция занимается русскими студентами, почему именно на них обращается такое внимание, в отличие от других студенческих корпораций, я указывал на то, что они — иностранцы, и на повсюду проявляющиеся тайно и открыто нигилистические настроения в среде русского студенчества. Из гордости *Уманский*, конечно, не преминул оспорить обоснованность этого утверждения, зато в тоне пренебрежительного упрека он отпустил такое замечание: «Я уже давно приметил, что полицейские с заметным интересом наблюдают за мной на улице и преследуют меня», после чего он рассказал длинную историю о том, как на спортивном празднике в Нейгаузене один полицейский так неловко и назойливо следил за ним, что он даже не удержался и потребовал у того объяснений. Почтовую корреспонденцию у него якобы тоже похищали! Конечно, я сумел решительно опровергнуть это предположение, но достиг этим кажущегося успеха, так как через некоторое время эти приступы сильного недоверия возобновились, особенно когда я потребовал от него представить к началу прошлого месяца сведения о вступлении в члены «Студенческой кассы» и выходе из нее, так как тем временем до меня дошли слухи о расколе корпорации и о выходе из нее значительной части членов. *Уманский* прямо отказался пойти навстречу этому предложению и вообще сообщать мне какую-либо информацию о своей корпорации. Они, дескать, подчиняются в качестве студенческой корпорации только дирекции Высшей технической школы и не имеют к полиции никакого отношения.

По окончании этого разговора *Уманский* проводил меня на улицу, чтобы обговорить один «личный вопрос», как он выразился. Здесь он начал с просьбы извинить его за ту враждебность, которую он выказал по отношению ко мне. И добавил буквально следующее: «Когда в России полиция занимается студентами, то это всегда чревато для них неприятными последствиями. Теперь вы понимаете мой вопрос о том, нужно ли нам ожидать того же здесь теперь, когда вы нами занялись?»

Я ответил ему, что, хотя я и обнаружил различные признаки царящих в их кругу нигилистических социал-демократических настроений, о которых буду сообщать, я не думаю, что мои вышестоящие инстанции будут сегодня действовать иначе, нежели пять лет назад, когда положение казалось для русских еще более неблагоприятным, чем сегодня.

Уманский. Возможно ли, что органы власти особенно тщательно займутся мной лично?

Безусловно, был мой ответ, это следовало уже из его прошлого, которое меня, например, убедило, что он нигилист, хотя бы в теории и практике в своем кругу, если бы он и не был сторонником пропаганды действия или исполнительного комитета. То же самое я, однако, предположил и касательно почти всех членов существующих здесь русских студенческих корпораций.

Со смущенным смешком, сгорая от внутреннего возбуждения, с которым он с трудом справлялся, *Уманский* подтвердил это предположение: «Ну да, так и должно быть, только мы держимся подальше от любых противозаконных действий, да мы вообще не действуем. Мы не занимаемся пропагандой ни словом, ни делом». Кроме этих двух друзей за последние две недели еще двое русских заставили поработать меня и другие органы поли-

ции: недавно высланные из *Геры д-р фил. Александр Гельфанд*, который писал для социал-демократических газет под псевдонимом *Парвус* и давно известен как социал-демократ. Я должен был разузнать его местожительство, о чем особо сообщал 15 января этого года. Для дальнейших наблюдений за названным *Гельфандом* у меня не было ни времени, ни случая. В одной из бесед он поведал, что был выслан из Саксонии и Геры за писательскую деятельность в саксонских «Рабочих листках». Здесь же, по его словам, он не намеревается вести никакой пропаганды, а хочет ограничиться написанием работ экономического и социал-политического направлений, а также научными докладами для образованных людей. При этом он выразил надежду, что, если он будет держаться в этих границах, к нему не будет претензий, так как он хотел бы найти родину для себя и своей семьи. Теперь у него родины нет. По прибытии сюда он сразу же поселился у известного лидера местной социал-демократии, владельца типографии Максимина Эрнста, Зенефельдерштрассе, 4, который не оформил его прописку, так как *Гельфанд*, по его же словам, сразу же снял себе отдельную квартиру и хотел въехать в нее уже через несколько дней. Между прочим, *Гельфанд* объявил недавно в одной рабочей газете, вероятно саксонской, о «рождении нового могучего государственного врага».

Второй русский — это уже известный здесь д-р. фил. Юлиус *Мархлевский*, который прежде писал под псевдонимом *Карский*. Он проживает на Трейерштрассе, 1/1, женат, один ребенок. Из Берлина о *Мархлевском* сообщили как о международном агитаторе социал-демократии, который жил долгое время в Париже и в Швейцарии, активно занимаясь социал-демократической пропагандой, особенно среди поляков. Согласно сообщениям из Берлина, он вместе с Розой *Люксембург* руководил международным движением русско-польских социал-демократов и активно участвовал в международных социалистических конгрессах в Цюрихе в 1893 году и в Лондоне в 1896 году. Он носится с мыслью о натурализации, чтобы без помех заниматься своей агитаторской деятельностью в прусской части Польши. Его ходатайство об этом было отклонено королевским правительством Верхней Баварии 15 августа 1897 года.

Как я могу сообщить, опираясь на мои личные контакты с д-ром *Мархлевским*, он уже не связан с Розой *Люксембург*. Во время одной из бесед он сообщил мне о своем прошлом следующее: в 1891—1892 годах он сидел в тюрьме за печатные работы социалистического направления. После этого жил в Швейцарии, затем совместно с Розой *Люксембург* издавал радикальный польский журнал, который, однако, просуществовал очень недолго. Он сказал, что теперь не поддерживает с *Люксембург* никаких связей. Тогдашнюю свою деятельность называет незрелыми юношескими проказами, которых не повторил бы теперь. В зрелые годы к нему пришло довольно ясное понимание бесцельности подобной инициативы; к тому же теперь ему приходится заботиться о семье, почему он и занялся исключительно научной работой. Свое основное произведение «Психократизм в Польше» (Цюрих, 1897, Альберт Мюллер — Ферлаг), он послал, как он сказал, нескольким выдающимся ученым, как, например, тайному советнику *фон Краузу в Вену, профессору Блоку в Париж, профессору Бальфуру* (статс-секретарю) *в Оксфорд, д-ру Билински в Вену, д-ру Онекену в Берн*, с которыми он постоянно обменивается научными идеями, и получил от них благоприятные отзывы. Правда, он еще пишет для польских рабочих газет, но все это только в научной форме, о которой уже упоминалось выше.

Никаких контактов между ним и обучающимися здесь русскими студентами замечено не было. О том, что на самом деле эти контакты — пусть даже косвенные — имели и, вероятно, еще имеют место, можно было заключить из следующих обстоятельств: в 1896 году *Мархлевский* состоял в дружеских отношениях со Станисл. Берентом. С мая 1896 года по 1897 год он был также председателем корпорации *Bratnia pomoc*, находящейся здесь, потом стал ее контролером и до сих пор состоит ее членом. По сообщению секретаря корпорации *Bratnia· pomoc*, художника Трофила *Терлецкого*, Габельсбергерштрассе, 53/IV, который, по собственному откровенному признанию, является единомышленником *Мархлевского*, последний пользуется в корпорации огромным уважением благодаря своим научным познаниям, а также общественным достоинствам, и влияние его имеет решающее значение. Когда 23 января текущего года приехал сюда *Гельфанд*, то прямо с вокзала направился к нему, чтобы найти у него временное пристанище, правда безрезультатно. Поскольку вследствие этого *Гельфанд* был потерян из виду сотрудниками уголовной полиции, так что его не могли найти и в последующие дни, то 25 января я уговорил *Мархлевского* если не сообщить мне его адрес, то хотя бы дать мне возможность встретиться с ним лично. *Мархлевский* обещал это, так как, видимо, понял, что иное решение не поможет *Гельфанду* поселиться здесь. Он попросил срок с 10 часов утра до 2 часов дня, так как адрес *Гельфанда* ему якобы не был известен и он сам может связаться с ним только через третьих лиц. Трудно сказать, действительно ли это было так, или же это было всего лишь средство воспрепятствовать слежке за ним со стороны органов полиции, что я в любом случае пре-

дусматривал сделать. Он выполнил свое обещание: сразу после того, как я его оставил, он поспешил на Габельсбергерштрассе, в дом номер 20а, 21 или 22, вероятнее всего в № 20а, как мне удалось установить позже, к художнику Оскару *Михаэлису* из *Геры*, который с 25-го числа этого месяца живет на Гизелаштрассе, 26/IV. Именно в *Гере,* откуда одновременно были высланы как *Гельфанд*, так и *Мархлевский*, видимо, произошло знакомство этих троих. Исходя из этого, следует порекомендовать запросить в *Гере* сведения и о *Михаэлисе*. Мой помощник, сотрудник уголовной полиции 5-го района *Дюрр,* более на Габельсбергерштрассе *Мархлевского* не видел, но — очевидно, благодаря усилиям *Мархлевского* — после 2 часов дня *Гельфанд* был в моей квартире, чтобы дать мне требуемые сведения о своем местожительстве и намерениях. И *Гельфанд,* и *Мархлевский* решительно отрицали предположение об их принадлежности к русским нигилистам или к немецким анархистам; более того, оба единодушно утверждали, что они только социал-демократы в духе немецкой социал-демократии и, как было уже сказано, затрагивают проблемы социализма в печати в сугубо научном плане.

Если *Гельфанда* и *Мархлевского* со времен *Геры* подозревают в анархизме и нигилизме, то такое предположение кажется мне заходящим слишком далеко. Как по их уверениям, так и согласно сведениям из Берлина, в обоих случаях, по-видимому, речь идет о социал-демократах только. Все же д-р *Гельфанд* и д-р *Мархлевский* по своему значению, видимо, превосходят всех остальных лиц, названных в этом и предыдущих донесениях, поэтому я полагаю даже, что тщательное и умелое наблюдение за обоими, а также — в течение длительного времени — за их печатными работами и газетными публикациями (в том числе и за границей) позволит органам власти постоянно быть в курсе их дальнейшего влияния на рабочее движение, а также их собственной дальнейшей эволюции...

Чрезвычайно характерными были условия «Читательского клуба». Когда входишь в его помещение, в глаза сразу бросаются шесть висящих на стенах портретов, так как прочая обстановка едва ли стала лучше или богаче, чем в 1894 году, оставаясь достаточно простой, чтобы ничем не привлекать внимания. Обстановка состоит из двух книжных шкафов, стола для газет, десятка стульев и конторки. Третий книжный шкаф (в качестве таковых приспособлены обычные платяные) стоит из-за недостатка места в коридоре. Из упомянутых портретов ранее здесь висело только три, а именно писателей *Достоевского, Чернышевского* и *Шевченко,* из которых первые двое за их произведения и деятельность были сосланы в Сибирь, а последний также много лет провел в ссылке. Все они были нигилистами, только *Достоевский* позднее стал мистиком и был помилован Александром II. Упоминаемые в 1894 году портреты *Тургенева* и *Толстого* висят теперь в казино. Три новых портрета, появившиеся здесь в начале последнего зимнего семестра,— это портреты Фридриха *Энгельса*, Карла *Маркса* и Фердинанда *Лассаля,* а «это все известные люди», как ответил мне председатель «Читательского клуба» *Алейников* и также *Кигельман,* когда я спросил, зачем здесь эти портреты.

На столе разложены как русские, так и немецкие газеты и журналы. В числе первых можно найти: «Жизнь», издательства Галутина в Санкт-Петербурге, «Новости», «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русскую газету», «Гражданина» кн. Мещерского, многие из них в двух экземплярах, ибо русское посольство рассылает их бесплатно.

Из немецких же газет здесь можно найти только газеты социал-демократического направления, а именно: «Форвертс», «Мюнхенер Пост», «Нойе Вельт», «Нойе Цайт» и «Социалистише Монатсхефте».

Судя по лежащему рядом каталогу, эти последние были читаемы особенно усердно.

В имеющейся библиотеке соотношение почти такое же. Из 400 примерно 71 книга, согласно каталогу, немецкая или в немецком переводе. Большинство из них опять-таки социалистического, социал-демократического или же какого-либо родственного направления, что следует уже из их заглавий и имен авторов. Число книг этого рода достигает 53, напр.,: *Бебель* Авг. «Женщина и социализм»; *Беллами* Э. «Взгляд» и «Чудесное лечение д-ра Гейденгофа»; *Блос* В. «Великая крестьянская война в Германии», «Германская революция. История движения 1848 года в Германии», «Французская революция»; *Брандес*. «Национальное чувство»; *Бертро*. «Товарищество»; *Брунгильда*. «Равноправие», «Значение профсоюзной организации», «Как мы становимся бедными?»; *Вольф*. «Является ли антисемитское движение национально-освободительной борьбой», «Коронованные главы — к вопросу о естественной истории абсолютизма»; *Джордж Генри*. «Прогресс и покорность»; *Генкель*. «Экономическое положение в России в 1891 году», стихи; *Гольдштейн*. «Структура профессий и богатство»; *Энгельс*. Биография; *Каутский*. «Предшественники новейшего социализма»; *Кеннан*. «Сибирь»; *Кольб*. «История человеческой культуры»; *Каутский*. «Охрана труда»; *Кнорр* Людвиг. «Социал-демократический катехизис»; *Лиссагаре*. «История коммуны 1871 года»; *Лассаль*. «Страдания»; *Либкнехт*. «Что такое социал-демократы и чего они хотят»; *Лассаль*. «Речи и письма»; *Лассаль*. «К рабочему вопросу»; *Ломмель*. «Иисус из Назарета»; *Лотце*. «Основы»; *Макей*. «Анархисты», «Милитаризм на скамье подсудимых»; *Микель*. «История французской

Район Альтшвабинг. Зеештрассе

революции»; *Ницше*. «Так говорил Заратустра»; «Политическая полиция в Пруссии»; *Пфитцер*. «Размышления о праве, государстве и церкви»; Протокол съезда социал-д. партии в Галле в 1890 г.; Протокол съезда с.-д. партии, *Франкфурт/М*., 1894 г.; Протокол международного социалист. конгресса рабочих в *Брюсселе*, 1891, и *Лондоне*, 1896; Протокол суда против Лассаля; *Ройтер* Рихард. «Чего хочет народ?»; *Тун*. «История революционного движения в России»; *Цеткин* Осип. «Социализм во Франции, со времен Парижской коммуны,— характеры из французского рабочего движения»; «Работницы и женский вопрос современности»; *Циммерман*. «Великая крестьянская война в Германии»; *Шрамм*. «Основы экономической науки»; *Шерц*. «Реформа земельного владения».

Книг иного, противоположного содержания не имеется, ибо остальные немецкие книги в основном беллетристического содержания. Мне кажется, что такой подбор библиотеки и разложенных газет в «Русском читательском клубе» позволяет сделать уверенный вывод о тех тенденциях, которые они преследуют.

По сообщению Уманского, в «Читательском клубе» должны состояться доклады, однако до сих пор был только один, «про воду». За ним последует доклад про электричество, да и он сам намеревается сделать доклад такого же рода. Прежде он ни здесь, ни где-либо еще не делал докладов и не держал речей и никогда не комментировал книгу Карла Маркса «Капитал».

Донесения Гелера в королевское полицейское управление Мюнхена, которые предназначались для правительства и существовали в нескольких копиях, убедительно доказывают, что русских подданных, подозреваемых в политической деятельности и в связях с социал-демократией, контролировали по усмотрению высших чинов политической полиции и что за ними незаметно следили шпики, которые должны были установить, с какими лицами они общаются.

Эти донесения показывают также, что русское посольство постоянно было в курсе всего, что касалось политически активных студентов, с помощью таких агентов, как «Александр Розенштраух, который на собраниях корпорации особенно громко и оживленно выступает», Гелер, зачастую игравших роль провокаторов. Юлиус Гелер подтверждает и свои личные контакты с русской миссией.

Это положение вещей проливает свет на чрезвычайную сдержанность Ленина в общении с Мархлевским и Парвусом. Оба жили в Швабинге, в 1901 году Мархлевский переехал на Кайзерштрассе, у Парвуса была квартира на Унгерерштрассе. Соблюдая строжайшую конспирацию, Ленин был связан с ними, исходя из своего петербургского опыта: настолько открыто, насколько возможно; настолько конспиративно, насколько нужно.

Впрочем, оценка Гелером обстановки была сообщена русскому посланнику в Мюнхене в меморандуме от 23 апреля 1899 года:

«Мюнхен, 23 апреля 1899 года.

Об обстановке
в русских студенческих корпорациях
в Мюнхене

Секретно!

Королевское полицейское управление уже много лет назад имело случай установить наблюдение за имеющимися в Мюнхене объединениями русских студентов; полученные в ходе этого наблюдения данные позволяют установить следующую картину царящей в настоящее время в упомянутых объединениях обстановки...

На основании сделанных полицией наблюдений можно с уверенностью предположить, что большая часть обучающихся здесь русских студентов, входящих в названные корпорации, имеет нигилистские взгляды; эти политические взгляды сочетаются с крайним индивидуализмом, представленным в современных философских направлениях. Эти идеи находят отражение в отношениях, которые связывают отдельных членов корпорации между собой...

В последнее время никакого более тесного сплочения радикальных элементов не наблюдается... В настоящее время число членов русских студенческих корпораций заметно

уменьшилось. Трудно с определенностью установить, каковы причины упомянутых раздоров; но с большей или меньшей уверенностью можно предположить, что в последние недели более радикальное направление было преобладающим и оно-то и подтолкнуло более умеренных, политически осторожных членов к выходу из корпораций.

В этом отношении характерна ситуация в «Читательском клубе». Ранее в нем на стенах висели портреты Достоевского, Тургенева и Толстого, а также Чернышевского и Шевченко; в последнее время к ним добавились, что весьма примечательно, портреты Фридриха Энгельса, Карла Маркса и Фердинанда Лассаля. Из немецких газет здесь читают только издания социалистического содержания, да и немецкие книги в библиотеке принадлежат также почти исключительно к социал-демократическому направлению. Подбор библиотеки позволяет с известной долей уверенности судить о взглядах и тенденциях, наличествующих в русских студенческих корпорациях.

Для предположения о том, что эти русские студенческие корпорации связаны с подобными же корпорациями других немецких университетов, нет оснований»[1].

4.

Публичные мероприятия, устраиваемые русскими студенческими корпорациями, вряд ли имели место до революции 1905 года. «Сильная недоверчивость» и «пугливая сдержанность», которые комиссар Гелер отметил «в этих кругах», относились не к немецкому населению — студентам по опыту было ясно, что германские органы власти могут использовать открытую политическую деятельность в качестве повода для того, чтобы выдать их царской тайной полиции.

С усилением солидарности, которую большая часть населения Мюнхена стала проявлять по отношению к жертвам царского террора после 1905 года, русские студенты рискнули выступить от своего имени, организуя публичные мероприятия. Последние, однако, не выходили за рамки литературных и музыкальных вечеров благотворительного характера. 24 ноября 1907 года «Русский студенческий читательский клуб» пригласил на «концерт и бал» в кафе «Луитпольд» всех желающих. Песни немецких и русских композиторов исполнялись певцами обеих национальностей. Сбор от этого вечера, завершившегося торжественным балом, пошел в пользу жертв царизма[2].

«Интенсивную политическую работу можно было проводить только в частных кружках»[3] даже и тогда, когда русские революционеры могли быть уверены в том, что симпатии большинства населения на их стороне.

Насколько обоснованы были осторожность и сдержанность вовлеченных в политическую деятельность русских студентов в Мюнхене, показывают меры, которыми полицейское управление запугивало и в конце концов запретило «Русскую студенческую кассу».

5 апреля 1907 года «Мюнхенер Пост» поместила материал под заголовком «Что происходит?»:

«Мы получили следующее письмо:

«Уважаемая редакция!

3 февраля и 19 марта мною, как председателем «Русской студенческой кассы» в Мюнхене, были устроены два благотворительных бала в пользу названной кассы и политических заключенных в России. Суммы, принадлежащие кассе, находятся у меня, деньги для заключенных были переданы моему коллеге господину Томашевскому. Недавно у г-на Томашевского был обыск. Позднее *полиция обыскала* и мою квартиру, изъяв мой паспорт и корреспонденцию; при этом мне сообщили о *предстоящей* моей высылке из Баварии. Чтобы узнать причины высылки, я обратился к инспектору политической полиции д-ру Биттингеру. Д-р Биттингер задал мне ряд вопросов, касающихся существования русских революционных групп в Мюнхене и их предполагаемой деятельности. Затем он заявил мне, что считает меня «нежелательным иностранцем» и что у него якобы есть отпечатки штемпелей Русской социал-демократической группы в Мюнхене. Наконец, он потребовал, чтобы я сообщил ему, у кого находятся печати и кто входит в состав этой группы; в случае моего согласия ответить на вопросы он разрешал мне спокойно продолжать учебу в мюнхенском политехникуме. На это я заявил, что не могу удовлетворить желание г-на Биттингера. «Вы не можете или не хотите?» — осведомился он у меня. «Не хочу»,— отвечал я. «*Тогда вы будете высланы*»,— гласило его заключительное слово. Теперь в министерстве внутренних дел я узнал, что моя высылка — уже свершившийся факт.

Прежде чем я покину Мюнхен таким образом, я хочу сообщить общественности об этом случае, и особенно я хотел бы отметить тот факт, что правительственный чиновник, человек с высшим образованием, делает студенту под угрозой высылки подобные предложения.

Здесь я еще раз хотел бы обратить ваше внимание на то, *что я не принадлежу ни к какой политической партии*.

Даниил Меерович».

Как мы узнаем далее, мюнхенская полиция уже довольно давно ведет широкую кампанию травли против русских. Она устраивает у

[1] BayHSta MA 95716.
[2] StaM Pol. Dir. Mü. 513.
[3] *Schneider Ludwig*. Die russische Studentenkolonie... a.a.O., S. 79.

студентов обыски, конфискует книги, которые разрешены даже в России, и не думает возвращать их, закрывает студенческие корпорации, производит высылку — словом, ведет себя совершенно как придаток русского посольства.

Неужели русские студенты бесправны предо всем этим? Не уподобилось ли баварское правительство в области внешней политики орудию Столыпина?»[1]

Газета «Байеришес Фатерланд» в номере от 6 апреля 1907 года истолковала эти события совсем иначе:

«Нашей *полиции* до чертиков надоела эта орава. Она предпринимает энергичные обыски, не останавливаясь даже перед тем, что кое-кто называет себя русскими *студентами*. Тут уж ничего не поделаешь, если и *невиновного* зацепят. Ответственность же за это должна нести не полиция, а заправилы русской революции»[2].

Но после принятия решения о закрытии «Русской студенческой кассы» протест социал-демократической газеты не мог уже ничего изменить, и под давлением реакции буржуазно-либеральные круги отступили.

28 марта 1907 года полиция наряду с другими фактами установила, что запрет этой корпорации был осуществлен на основании статьи 19 баварского закона об организациях от 26 февраля 1850 года и 15 июня 1898 года: эта организация, оказывается, сообщала о вступлении новых членов с большим опозданием, собрания устраивала тайно, а в нарушение статьи 17 «поддерживала связь с существующими здесь группами других иностранных организаций политического характера, как-то:

а) Центральным Комитетом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП),
б) Заграничной лигой этой партии,
в) Российской партией социалистов-революционеров (эсеров),
г) «Бундом» (революционной организацией), находясь с ними в таких взаимоотношениях, что оказалась подчиненной решениям и органам этих партий, особенно в отношении финансов»[3].

В 1907 году в Берлине также были закрыты читательские клубы русских студентов, которые буржуазная пресса клеветнически называла «анархистско-террористическими организациями», «сборищем преступного люда» и прямо связывала с социал-демократией.

Это побудило газеты «Форвертс» и «Мюнхенер Пост» заявить: «Нам известно, что немецкие и русские ищейки самого опасного толка ведут себя бесцеремоннее, чем когда-либо, с провокационной ухмылкой болтаются повсюду и пристают к живущим здесь русским и к немцам, о которых думают, что у них есть какая-то связь с русскими кругами, становясь наглее с каждым днем. Кое-кого из этих ребят мы выследили. Берегитесь и будьте осторожны!»[1]

В то же время «Мюнхенер Пост», которая в 1905 году публично выступала в защиту русских студентов, 17 июля 1907 года дала следующий комментарий к высылке русских из Германии, последовавшей за запретом студенческих организаций, опубликовав статью, озаглавленную «Незваные гости»:

«*Высшим долгом для обучающихся здесь иностранцев должна быть политическая сдержанность*. Простое чувство приличия должно подсказывать им, что они не должны своей пропагандой ставить гостеприимно принимающую их страну в неловкое положение. *Русские студенты* беззастенчиво пренебрегали этим долгом во многих случаях. Они пытались даже заразить своими сумасбродными идеями немецкую молодежь. Идеи эти, если и извинительны в какой-то степени в условиях несчастного развала у них на родине, в условиях Германии не имеют ни малейшего права на существование, хотя и здесь многое, вероятно, нуждается в улучшении. Некоторые радикальные газеты оправдывают подобные действия, требуя от правительства проявить деликатность и уважение в отношении этих пойманных с поличным людишек. Подобную гуманность мы считаем *преступной слабостью*. Мы не хотим, чтобы проливалась немецкая кровь из-за взрывов бомб, мы не хотим оказаться отброшенными на много лет назад из-за террористических акций какого-то русского правонарушителя. Поэтому мы вполне согласны с тем, чтобы мягко, но решительно выставлять подобных незваных гостей. Не обязательно посылать их назад в Россию; им можно дать возможность уехать в Англию, где вскоре состоится крупный конгресс нигилистов. Мы в Германии предпочитаем медленный темп захолустных ополченцев, который задают нам наши правящие мужи, подобным «огням рекламы», которую террористы из прогнившего общества время от времени пытаются разжечь своими бомбами вокруг их утопических идей»[2].

5.

После закрытия «Студенческой кассы» травля русских студентов со стороны властей и ректората заметно усилилась. «Русскому студенческому читательскому клубу» удалось избе-

---

1 StaM Pol. Dir. Mü. 620.
2 Ebenda.
3 Ebenda.

1 StaM Pol. Dir. Mü. 620.
2 Ebenda.

жать закрытия только благодаря тому, что 30 марта 1907 года он добровольно распустился сам. Бывшие его члены основали потом «Русскую академическую читальню имени Льва Толстого», в частности, для того, чтобы сохранить библиотеку «Читательского клуба». А когда в 1911 году «Читальне» также стала угрожать опасность насильственного закрытия, ее общее собрание приняло решение о добровольном самороспуске[1].

Если прежде полиция просто автоматически налагала запрет на всякую политическую деятельность, то теперь, чтобы получить разрешение на создание какой-либо организации, требовалось подать письменное заявление ее правления о том, «что данная корпорация политикой заниматься не будет»[2].

Полиция была уверена в том, что все вновь создаваемые корпорации русских студентов продолжают дело «Студенческой кассы», и поэтому все русские находились под подозрением, и ни одна студенческая вечеринка уже не обходилась без обязательного полицейского надзора.

Один особо старательный вахмистр из Пазинга приложил к своему донесению рукописный плакат, на котором была нарисована бутылка водки (сорокаградусной), кружка пива HB (эмблема пивной «Хофбройхаус»), и по-русски написано приглашение «К пикнику»; в своем донесении он писал:

«Приглашено было человек 200—300, в том числе около 30 лиц женского пола; среди них были также и немецкие девушки. Развлечения происходили в саду, что обеспечивало за ними хороший надзор со стороны. Присутствовала только молодежь, и никаких лиц, играющих в Мюнхене какую-либо политическую роль, замечено не было»[3].

Кроме донесений шпиков, старавшихся подробно записывать каждое имя и тему каждого разговора, полиции помогали и частные лица, сообщавшие ей все, что они услышали и увидели на закрытых собраниях:

«28 июня 1907 года в пивной «У Йозефсгейма» на углу Августенштрассе и Шеллингштрассе состоялось закрытое собрание русских студентов. В разговорах на этом собрании обсуждались в основном дела их организации, как-то: перемена места жительства отдельных ее членов, уплата членских взносов, обеспечение русскими газетами.

Из политических дел обсуждались только вопросы русского «Читательского клуба». Далее говорилось о переписке русских студентов, находящихся в Германии и Швейцарии (Цюрих, Женева), а также о сроках отъезда отдельных студентов. Насколько нижеподписавшийся мог уяснить себе ход разговоров, политические дела касались только русской «Читальни». Нижеподписавшемуся пришлось также удалиться на полчаса за дверь на время обсуждения внутренних вопросов. Насколько мне удалось узнать, в это время обсуждались меры по обеспечению безопасности от полиции.

Мюнхен, 29 июля 1907 г.
Карл Иоганнес»[1].

Особое внимание власти уделяли «духовной пище» революционеров. В письме ректората королевской Высшей технической школы г. Мюнхена в адрес полицейского управления от 6 мая 1907 года приводился список книг, принадлежащих «Русскому читательскому клубу».

Среди авторов этих книг есть Тургенев, Толстой, Герцен, Белинский, Бакунин и Кропоткин. Среди заглавий — «Манифест Коммунистической партии», «Академики и социализм» Августа Бебеля, «Жизнь Иисуса» Ренана, русские, немецкие и французские книги по философии и истории, а также работы Ленина; в том же списке — книга «Владимир Ильин. Развитие капитализма в России». Без ссылки на Ленина упоминаются газеты «Искра» и «Вперед»[2].

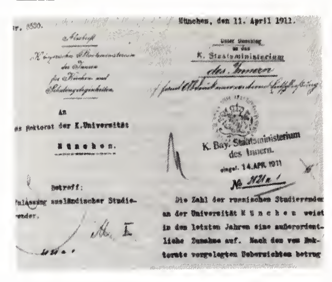
6.

Своей осведомленностью ректорат и полицейское управление отчасти обязаны русскому студенту Георгию Овчинникову, которого сокурсники считали провокатором и исключили из «Читальни». Ректор в письме полицейскому управлению не называет источника своих сведений, указывая, что «его показания носят конфиденциальный характер»[3]. Ректор университета имени Людвига-Максимилиана добавляет: «Я исхожу при этом из того, что ректор — не просто представитель власти, а лицо, к которому все учащиеся испытывают доверие...»[4]

На вопрос о причинах, побудивших его информировать полицию, Овчинников отвечал, что он — «непримиримый противник революции», «в то время как большая часть членов «*Русской академической читальни*» стоит на революционной почве. Однако революционный настрой в особенности отмечается у большинства «*Русского академического общества науки и искусства*», что они и провозглашают при всякой возможности. Я сам принадлежу только к «*Читальне*» и к «*Национально-экономическому* обществу русских студен-

¹ StaM Pol. Dir. Mü. 513.
² Ebenda.
³ Ebenda.

¹ StaM Pol. Dir. Mü. 513; vgl. *Schneider Ludwig*. Die russische Studentenkolonie..., a.a.O.
² Ebenda.
³ Brief vom 27. Juli 1911. StaM. Pol. Dir. Mü. 513.
⁴ Ebenda.



Nr. 8550. München, den 11. April 1912.

Unter Umschlag
an das
K. Staatsministerium
des Innern

An
das Rektorat der K. Universität
München.

K. Bay. Staatsministerium
des Innern.
eingel. 14. APR. 1911
№ 8211a 1

Betreff:
Zulassung ausländischer Studierender.

Die Zahl der russischen Studierenden an der Universität München weist in den letzten Jahren eine außerordentliche Zunahme auf. Nach den vom Rektorate vorgelegten Uebersichten betrug

Фотокопия допуска к занятиям в Мюнхенском университете для русских студентов

тов», однако так как в пивной «*Читальни*» бывают и представители всех прочих корпораций русских, то можно узнать многое о характере последних»[1].

Тогдашний начальник политического отдела полиции, комиссар Биттингер, во многие свои отчеты включал сообщения Георгия Овчинникова о собраниях русских студентов в Мюнхене, где тот присутствовал сам или же выспросил у других.

«Учащийся *Георгий Овчинников* при подробном опросе дал следующие показания:

Вера Фигнер — дама в возрасте, известная эсерка. Я познакомился с ней в 1909 г. в Цюрихе у профессора Крисмана и знаю, что она заведует кассой помощи ссыльным.

На собрании, бывшем в зимний семестр 1910/11 учебного года, «Русской читальне» было сообщено, что в кассе имеется избыток денег в сумме 300 марок, и по этому поводу некто, по имени, кажется, *Донской*, предложил часть этих денег передать в кассу помощи ссыльным, Вере Фигнер. Я протестовал, но против меня тотчас же выступил *Ляховецкий*, поддержавший это предложение. На том и порешили, а в кассу передали взнос, сумма коего мне неизвестна. Насколько мне известно, *Фигнер* имеет постоянное жительство в *Париже*. В Цюрихе она находилась только временно. Бывала ли она в Мюнхене, не знаю. Ее тут я еще не видел и ничего более сообщить о названной даме не имею.

Ходят слухи, что в России ей пришлось отсидеть двадцать лет за политические правонарушения. Русское посольство о делах Фигнер информировано...

Мое прежнее предположение, что кассой помощи эмигрантам здесь заведует *Адамович*, не подтвердилось.

Полагаю все же, что смогу утверждать, что председателем кассы помощи эмигрантам является некто *Нагель*, обучающийся в Высшей технической школе. Кроме сего моего заявления, никаких других к тому доказательств представить не могу; мало вероятно также, что о *Нагеле* удастся узнать что-либо посредством обыска на квартире: у него имеются родственники и очень много знакомых, которым легко спрятать у себя компрометирующие его материалы. До *Нагеля* эмигрантской кассой, видимо, заведовал студент ф-та искусств по имени *Френкель*. Насколько мне известно, его здесь уже нет.

В пятницу у русских будет бал, который дают «Читальня» и «Русское академическое общество науки и искусства». Думаю, что без ведома полиции»[1].

При помощи русского посольства и немецкой полиции Георгий Овчинников организовал «Русское общество культуры» (под председательством самого Георгия Овчинникова), цель коего заключалась в создании русского рабочего бюро переводов и преподавания русского языка и организации экскурсий «в королевские замки Линдергоф и Нойшванштейн». Его «общество» с трудом набрало пятерых членов и вскоре из-за плохой посещаемости вынуждено было распуститься.

Случай с Овчинниковым доказывает, что царизм и его консервативное мировоззрение не находили отклика у русских студентов мюнхенских вузов, а попытка лишить их возможности заниматься политикой не дала обнадеживающих результатов.

7.

Реакция администрации не заставила себя ждать — прием русских студентов в мюнхенские университеты был значительно сокращен.

В 1911 году баварское королевское государственное министерство внутренних дел, ведавшее делами школ и церквей, издало новые Положения о приеме абитуриентов из России и других восточноевропейских государств.

Те относительные послабления, которые имели университеты Мюнхена по сравнению с Берлином и Лейпцигом, были отменены. Даже тот факт, что в последние месяцы перед

[1] Protokoll vom 6.2. 1911. StaM. Pol. Dir. Mü. 513.

[1] Bericht vom 25.4.1911. StaM. Pol. Dir. Mü. 513.

войной мюнхенское полицейское управление на запрос русского посольства о политической деятельности русских студентов ответило: «Указанное лицо в политической деятельности не замечено», ничего в этой ситуации не меняет[1].

Такая политика в 1914 году объяснялась иными соображениями: русских, которые были врагами царской России, т. е. будущего противника Германии в войне, можно было рассматривать как потенциально опасных только с внутриполитической точки зрения, но уж никак не с внешнеполитической.

По поводу новых условий приема русских в баварские вузы имеется письмо министерства внутренних дел в ректорат Мюнхенского королевского университета от 11 апреля 1911 года:

«Столь сильный наплыв русских студентов вызывал и прежде беспокойство администрации, которая теперь считает себя вынужденной предпринять определенные меры. Сенат *Мюнхенского* университета в своем отчете от 30 июля 1907 года уже выступал против неограниченного приема русских студентов, выразив пожелание о сокращении числа последних в ближайшем будущем. Это пожелание, однако, исполнено не было, напротив, приток русских на учебу в *Мюнхенский* университет увеличился более чем вдвое.

Среди обучающихся здесь русских имеются элементы, пребывание которых в *Мюнхенском* университете нежелательно как с точки зрения учебного процесса, так и по политической и экономической причинам.

Исходя из данных, негласно сообщенных г-ну ректору *Мюнхенского* университета 5-го числа с. м-ца, можно с уверенностью предположить, что все эти русские, находящиеся в *Мюнхене* якобы ради учебы, используют свою принадлежность к университету только в качестве прикрытия для своей революционной деятельности.

Кроме того, в задачу баварских высших учебных заведений, средства на поддержание которых выделялись из земельных фондов Баварии, отнюдь не входит осложнение учебного процесса для студентов из Баварии и других областей рейха за счет приема ни с чем не сообразного количества иностранцев, которые не сумели или не захотели получить место в университете у себя на родине. Уже из-за недостаточных познаний в немецком языке немало русских студентов оказывается в университете негодным балластом. Кроме того, само поведение и внешний вид русских учащихся производят на привычки и традиции студентов из добропорядочных кругов весьма неблагоприятное действие.

Поскольку теперешнее положение в русских высших учебных заведениях вынуждает нас в самом ближайшем времени опасаться переполнения *Мюнхенского* университета русскими студентами, в интересах государства и университета, равно как и всех студентов немецкого происхождения, предпринять немедленные меры для радикального сокращения числа русских учащихся, начиная уже с летнего семестра.

Для достижения этой цели ректору предписывается: допускать студентов из русских к зачислению в *Мюнхенский* университет только до тех пор, пока их не станет более максимально позволительного числа в 200 человек. После того как будет набрано 200 человек, следует прекратить всякий прием русских студентов.

Помимо того, что количество зачисляемых на курс университета русских студентов следует свести до 200 человек, рассматриваться должны только заявления от тех русских подданных, которые обладают достаточными познаниями в области немецкого языка и имеют свидетельства об окончании *восьми* классов русской гимназии и о том, *что до подачи заявления в Мюнхенский университет они уже посещали занятия в каком-либо русском университете или в русской высшей технической школе*. Заявления лиц, окончивших семь классов русской реальной школы следует, как и прежде, отклонять без всяких колебаний...

Поскольку аналогичный тягостный опыт был приобретен нами и в случае со значительным притоком студентов из балканских стран, необходимо прием последних сократить, так же как и в случае с русскими студентами. Студенты из балканских стран имеют большею частью недостаточное среднее образование, хотя и отвечающее требованиям приема в высшие учебные заведения у них на родине, однако заметно проигрывающее в сравнении с уровнем подготовки немецких студентов или австрийских и швейцарских.

В дальнейшем прием новых студентов из балканских государств следует сокращать постоянно, чтобы число вновь принимаемых не превышало числа учащихся соответствующей национальности на предыдущем потоке.

Подпись: д-р фон Венер»[1].

8.

Если в отчетах комиссара Юлиуса Гелера отражается интерес правительства к связям между германскими и русскими социал-демократами, к идеям революционного движения как международного явления, то отчет о «политической организации русских граждан в Мюнхене» от 1907 года показывает, что власти по внутриполитическим соображениям были озабочены растущими симпатиями населе-

¹ *Hümmert Ludwig*. Zwischen München und St. Petersburg, a.a.O., S. 127.

¹ Schreiben vom 11.4.1911. BayHSta MInn 71623.

ния к русской революции, видя в этом угрозу существующему в Германии строю. Высказывания, содержащиеся в этом отчете, показывают, что политическая полиция собирала все доступные ей сведения, которые могли дать какие-либо справки об организациях и течениях русских революционеров и действительно содержали информацию, которая в существовавшей до сих пор литературе либо оспаривалась, либо просто оставалась незамеченной:

«Уже с начала революционного движения в России, с первых месяцев 1905 года, выдвигалось предположение, что все многочисленные мероприятия, манифестации, благотворительные вечера, русские концерты на летнем празднике рабочих, концерт русских студентов, бал по случаю назначения великого князя Сергея и т.д. являются делом рук не каких-то временных комитетов, организуемых на каждый данный случай, а подготовлены некой сплоченной организацией, тесно связанной с ведущими революционными кругами в России.

Что же касается лиц, которых можно заподозрить как организаторов этих мероприятий, то при ближайшем рассмотрении деятельности местного студенчества русской национальности не остается никаких сомнений в том, что именно среди них и следует искать ведущие элементы этого упорного движения, вторгающегося постоянно в сферу политики. При этом необходимо заметить, что «студентами» называет себя большое число молодых русских, находящихся среди учащихся обоих здешних высших учебных заведений, которые частью из-за недостаточной подготовки, частью из-за нехватки денег или плохого знания языка не могут посвятить себя учебе в Королевском университете или в Высшей технической школе, чего зачастую и не желают вовсе, приводя в качестве причины их длительного пребывания в Мюнхене «физический отдых», «изучение немецкого языка», «частные уроки» и т.д. Невыправленные паспорта не всегда оказываются для них препятствием к зачислению на академический курс в высших учебных заведениях. Финансовый достаток для этих лиц, в особенности принадлежащих к иудейскому вероисповеданию, обычно несвойствен, чаще всего у них нет даже необходимого платья и белья; как правило, они не в состоянии платить за постой, что и приводит к спорам с хозяевами квартир, несмотря даже на то что многие русские студенты отличаются в этом отношении поразительной неприхотливостью.

Численность русских граждан, допущенных к обучению в Королевском университете и в Высшей технической школе, приводится в прилагаемом обзоре [Прил. 6]; сведения даны на основании результатов переписи населения от 1 декабря 1905 года и документов о прописке и выписке в полицейских участках, общим счетом на 2050 человек.

Некоторые факты привлекли внимание королевского полицейского управления к студенту факультета государства и права Михаилу *Томашевскому* из *Харькова*, который, как явствует из дневниковых записей *Вячеслава Васильева*, признанного нежелательным иностранцем и высланного из страны, часто общался с последним, а при проверке документов оказался беспаспортным. Дополнительные данные показывают, что он занимался активной политической агитацией в пользу революционного движения, распространяя листовки среди населения русской колонии. Проведенный у него обыск показал наличие остатка [ок. 25 шт.] экземпляров отпечатанного на гектографе «призыва» от 30 января с. г., который [см. Приложение] дает весьма точные сведения о существующих здесь трех «революционных организациях», т. е. политических корпорациях русских граждан, в достаточной мере свидетельствуя о связи этих организаций с обоими академическими объединениями русских студентов, чтобы на этом основании требовать роспуска последних.

Хотя та осторожность, с которой здешняя русская колония ведет свои дела, держа имена участников оных организаций в строжайшей тайне, не позволяет определить замешанных в этой деятельности лиц, однако собранный нами материал достаточен, чтобы установить направление деятельности всех трех революционных групп, неоднократно упоминаемых в «призыве».

1) РСДРП, Российская социал-демократическая рабочая партия, имеет здесь свою «мюнхенскую группу» [см. Приложение 2, письмо VIII] и проводит активную деятельность через своих доверенных лиц [см. Приложение 3, печать] и через Заграничную лигу [см. Приложение 4, печать]. Денежные средства, собираемые при помощи организации разного рода мероприятий, перечень коих приводится в Прил. 1, или «сбора подписей» [см. Приложение 7], «заграничная организация» Центрального Комитета направляет затем в партийную кассу в Россию. Однако этот комитет, как показывают несколько сот брошюр, найденных у Михаила *Томашевского*, упорно трудится над массовым распространением агитационной литературы среди местного русского студенчества. Кстати, состав этой группы совпадает с «большинством» в той организации, которая описана в письме V [см. Приложение 2]. Раскол русских революционеров на «большинство» и «меньшинство», датируемый от съезда партии в 1903 году, носит, как показывают официальные публикации Российской социал-демократической рабочей партии [см.: Материалы к объяснению кризиса в партии. Женева, 1904, издание Российской социал-демократической рабочей партии,

с. 66 и посл.], чисто формальный характер. Фракция меньшинства, согласно тому же источнику, выражает главным образом свое непризнание состава центральных органов партии, но зато располагает всей центральной партийной кассой, которую она, по мнению «большинства», довела до состояния хронического финансового кризиса. По высказываниям же «меньшинства», между обеими фракциями наличествуют также и программные, принципиальные различия: в частности, «большинству» вменяют в вину недостаток радикализма и перевод партии на позиции демократической *буржуазии*, на путь буржуазно-революционного движения.

2) РПСР, т.е. Российская партия социалистов-революционеров, неоднократно упоминаемая в «призыве» к русской колонии в Мюнхене [см. Приложение], именуется в IV письме [см. Приложение 2] «мюнхенской группой содействия партии революционных социалистов»; она идентична группе, означенной в письме V как «меньшинство», и действует, по всей видимости, под специальным [местным] наименованием «Вперед» [см. Приложение 2, письмо VIII].

3) Бунд, как явствует уже из его названия, заимствованного из немецкого языка, есть специфически еврейская организация.

На съезде, созванном Российской социал-демократической рабочей партией в 1903 году, были представлены как Центральный комитет Бунда, так и Заграничный комитет Бунда. Делегаты от «Всеобщего еврейского рабочего союза» в своем заявлении в адрес всей партии выдвинули следующее мнение: Бунд есть социал-демократическая организация еврейского пролетариата, не ограничивающая свою деятельность никакими географическими рамками.

Правильность предположения о том, что в данном случае речь идет о заграничной группе этой партии, подтверждается содержанием письма II [см. Приложение 2], из коего явствует идентичность упоминаемого в «призыве» Бунда с существующей здесь «местной» группой содействия сионистско-социал-демократической рабочей партии. Автор письма, Аарон Горнштейн, учащийся королевской Высшей технической школы, был членом здешнего академического «Еврейского союза студентов».

Кроме письма II о Бунде упоминает также и письмо V Приложения 2 и далее письмо VIII — в виде сокращения «группа Б». В отношении всех трех вышеназванных политических объединений русских граждан в Мюнхене «Русская студенческая касса» исполняла роль картеля, да и с «Русским читательским клубом» у них были обширные связи.

4) «Кассу *помощи политическим заключенным, ссыльным и эмигрантам*» следует считать еще одной созданной здесь без ведома полиции организацией русских граждан с определенным политическим оттенком. Предположения о существовании подобного учреждения делались уже давно, потому что все мероприятия русской колонии нередко, в более или менее завуалированной форме, служили к упрочению этого фонда; содержание «призыва» [см. Приложение 1] также в нескольких местах указывает на это. В Приложении 5 имеется «Проект программы для ведения пропаганды», разработанный вместе с другими документами М. Томашевским, который в спешке вынужден был уехать, оставив этот «Проект» на видном месте, чтобы его могли забрать соотечественники. Ни тот, ни другие не заявили о его пропаже, очевидно из боязни быть обнаруженными. На этом «Проекте» имеется печать «Кассы помощи».

Пока не стоит и надеяться на то, чтобы привлечь к ответственности руководителей и членов четырех вышеназванных политических организаций; однако, судя по всему, не стоит и ожидать, чтобы эти революционные организации как-то ограничили свою деятельность или прервали свои сношения со студентами русской национальности»[1].

В условиях ужесточения правил приема в высшие учебные заведения и усилившегося давления полиции и властей на студентов из России единственной силой, по-прежнему проявлявшей свою солидарность с ними, было мюнхенское рабочее движение. И социал-демократическая «Мюнхенер Пост» по-прежнему оставалась единственной газетой, которая выносила на суд широкой общественности все акты произвола, все обыски и налеты на собрания русских студентов, заставляя тем самым даже либерально-буржуазные газеты выступить в их защиту.

Отчет Биттингера, написанный им 11 августа 1911 года, выглядит как своего рода «оправдательный документ» полицейского управления: автор пытается смягчить критику, направленную против действий властей, невольно давая подробнейшую картину той напряженной атмосферы Мюнхена до 1914 года, в которой русским студентам приходилось жить и работать:

«Мюнхенер Пост» в номере 184 от 10 августа 1911 года под заголовком «По прусскому образцу» опубликовала статью, написать которую, вероятно, побудил один из членов правления бывшей «Русской академической читальни». Статья эта содержит среди прочего целый ряд упреков в адрес королевского полицейского управления г. *Мюнхена*. Эта же статья под такими же или похожими заголовками, как, например: «В Мюнхене преследуют

[1] Der russische Leseverein in München 1902—1907. BayHSta MInn 73568.

русских», «Папашины прихвостни», «Конец русской читальни» и т. п., появилась вскоре и в других немецких газетах, например во «Франкфуртер Цайтунг», в «Лейпцигер Фолькс-цайтунг», «Гамбургер Фремденблатт» и «Френкише Тагеспост».

Сколь велика нужда в полицейском надзоре за здешним движением русских корпораций, явствует уже из событий 1907 года, когда в Высшей технической школе полиции пришлось закрыть «Русскую студенческую кассу» из-за ее связей с РСДРП, с заграничными группами содействия партии революционных социалистов и с заграничными группами «большинства», «меньшинства» и Бунда; затем там же возник «Русский читательский клуб», которому удалось избежать закрытия полицией, вызванного теми же причинами, лишь благодаря своему своевременному и добровольному самороспуску. В связи с этими событиями, приведшими к высылке Даниила *Мееровича* и товарищей, Баварское королевское министерство внутренних дел в решении за № 13920 от 14 июня 1907 года предписывало королевскому полицейскому управлению уделять больше внимания надзору за возникновением всякого рода подозрительных объединений. Уже 26 марта 1907 года, непосредственно после роспуска обеих организаций, открылся новый союз русских студентов — «Русская академическая студенческая читальня», причем на сей раз не при Высшей технической школе, а при Королевском университете. Очевидно, что эта организация только изменила название да перенесла место деятельности; однако как подлинные цели ее, не указанные в уставе, так и подлинные ее руководители — председательствовали, конечно, только подставные лица — остались прежними. Уже то обстоятельство, что библиотека распущенного «Читательского клуба» перешла во владение этой новой «Читальни», что «Читальню» эту основали немедленно после роспуска обеих прежних организаций и, наконец, что значительная часть членов этой новой организации прежде входила в распущенные старые, доказывает, что эта «Студенческая читальня» есть, в сущности, лишь продолжение деятельности бывшего «Читательского клуба» и закрытой властями «Студенческой кассы», только под иным названием.

На первое время эта новая организация держалась в стороне от политической деятельности, однако еще 8 марта в одном из кабачков, где собираются обычно ее члены, был найден экземпляр розданного членам организации списка книг почти исключительно из наименований политических и социалистических трудов. Вскоре на собраниях этой организации стали выступать ораторы и агитаторы, известные своей принадлежностью к эсерам:

1) *Ароксинтьев* Николай, р. 28 ноября 1878 года в *Пензе*, писатель и редактор эсеровских газет, с 1899 года активно участвовал в русских революционных движениях; сослан в Сибирь, бежал; теперь постоянно живет в *Париже*.

2) *Медем* Владимир, он же *Старосельский* Израиль, р. 22 июля 1879 года в *Либаве*, известный оратор-революционер; вел агитацию в *Берлине*, в распущенном «Русском клубе», предположительно — представитель группы Бунд; постоянное место жительства — *Женева*.

3) *Троцкий*, именуемый также Владимиром *Чонка*, или *Мирским*, или *Бронштейном*, или *Яновским*, писатель, с 1896 года участвовал в социал-демократическом движении, приговорен к ссылке в Сибирь, бежал.

4) *Трусевич* Станислав, предположительно родом из *Кракова*; все его анкетные данные оказались фальшивыми.

5) *Чернов* Виктор, р. 19 ноября 1873 года в *Камышине*, проживает в *Париже*.

В начале 1909 года следственным органам стала известна переписка между «*Мюнхенской* эмигрантской кассой» (кассой помощи политическим беженцам) и «*Дармштадтской* эмигрантской кассой».

О посреднических функциях, исполнявшихся, с одной стороны, «Русской академической читальней», а с другой — книжным магазином «Зюддойче Фольксбуххандлунг», Зендлингерштрассе, 20, владелец — Людвиг *Пикельман*, сообщалось в донесении за № 35132 II от 5 апреля 1909 года.

Было замечено также, что благодаря введенному недавно так называемому «условному членству» в этой организации число «условных членов» постоянно увеличивалось, а сами они приобретали в ней все больший вес. Так, в середине 1909 года организация насчитывала кроме 29 постоянных членов еще и 22 условных. В дальнейшем наряду с постоянными и условными членами, зарегистрированными в полиции, значительную роль начали играть также жители русской колонии, участвовавшие в студенческой организации. В то же время возросло число членов организации, подозреваемых в политической деятельности. И наконец, дело дошло до того, что эта организация стала забывать о своих обязанностях по отношению к полиции, что и заставило последнюю сделать той ряд предупреждений.

Поэтому для королевского полицейского управления не было неожиданностью, когда в начале февраля 1911 года *Овчинников* Георгий, студент факультета государства и права, р. 20 марта 1866 года в *Москве*, сообщил, что деятельность данной организации не соответствует положениям ее статута (устава), что председатели ее являются, по сути, только ширмой для подлинных ее руководителей — *Ляховецкого*, *Лунца*, *Евзерова* и *Кузнецова* и

что те из ее членов, которые не согласны с революционными взглядами вышеназванных лиц, бывают вынуждены уйти из организации. Затем последовало также сообщение, что списки членов «Читальни», представленные последней в полицейское управление и в ректорат, неполны, ибо в действительности организация насчитывает более 130 членов, в то время как в списках проставлено только 43 человека. Поэтому следующее собрание ее членов было проконтролировано сотрудниками органов безопасности, присутствовавшими на собрании в штатской одежде и установившими имена 96 ее членов. Понятно, что после этого подтверждения показаний *Овчинников*а пришлось значительно усилить полицейский надзор за «Читальней» и симпатизирующими ей корпорациями русских; многие собрания, повестки дня и списки участников которых вызывали подозрение, посещались сотрудниками полиции с целью выявления фактов нарушения устава или других каких-либо неудовлетворительных обстоятельств, чтобы привести действия этой организации в соответствие с требованиями полицейского отделения по работе с иностранными гражданами и предпринять дальнейшие шаги по обезвреживанию сомнительных лиц и корпораций.

С учетом этих обстоятельств потребовало надзора и собрание «*Русского академического общества науки и искусства*», на котором 8 апреля 1911 года должен был выступать с докладом о так называемом «праве меньшинства» именующий себя адвокатом учащийся Берлинского университета *Ясиновский* Богумил, р. 6 марта 1883 года в *Варшаве*, по-видимому, агитатор Российской социал-демократической рабочей партии. Поскольку о собрании было объявлено с опозданием, а тема его — о фракции «меньшинства» внутри Российской социал-демократической рабочей партии — является, как я уже имел честь докладывать в донесении от 5 апреля 1909 года, весьма подозрительной, то на собрание были посланы сотрудники полиции. Доклад Ясиновского оказался довольно бессодержательным рассуждением о процентных результатах выборов в отдельных странах, что, по всей видимости, было за неимением лучшего взято как тема для отвода глаз, так как ради такой темы оратору не стоило и приезжать из *Берлина*.

Далее. 12 июня состоялось собрание «*Юридического и национально-экономического союза студентов из России*», в повестке дня которого стояло «исключение одного из членов из «Читальни», проходившее также под надзором полиции. Газета «Мюнхенер Пост» пишет, что полиция, мол, угадала, о чьем исключении идет речь: это верно, но эта информация исходит не из ранних донесений *Овчинников*а, о которых собранию не могло быть известно. 8 июля наконец «*Русское академическое общество науки и искусства*» созвало публичное собрание с входной платой, на котором русский лектор *Цедербаум* должен был рассказывать об экономическом развитии России. Так как полицейский комиссар, согласно заданию, требовал употребления немецкого языка, то собрание после небольшого протеста разошлось и было отложено. Полицейское управление по-прежнему настаивало на употреблении немецкого языка, вследствие чего собрание вообще потом не состоялось. *Овчинников* подал жалобу в ректорат университета, в котором говорилось, что за его исключение из «Читальни» голосовали члены, не имевшие права голоса, и, помимо этого, много не членов организации из жителей русской колонии. После этого ректорат обязал правление «Читальни» отменить это неправомерное решение. В ответ на это «Академическая русская студенческая читальня имени графа Толстого» с явным намерением не дать требованию ректората дальнейшего хода на своем собрании 19 июля приняла решение о самороспуске. Одновременно с этим «*Академико-политехническое общество России*» при Высшей технической школе в Мюнхене, существующее только с начала февраля 1911 года, приняло на себя дальнейшее заведование библиотекой распущенной «Читальни».

Следовательно, подлинную причину роспуска «Читальни» надо искать, вопреки заявлениям «Мюнхенер Пост», в первую очередь во внутренних неурядицах организации и в растущем конфликте с ректоратом. Ни о каких полицейских преследованиях, как это изображает «Мюнхенер Пост», и речи не было. Деятельность королевского полицейского управления по отношению к вышеназванным организациям русских с самого начала оставалась в границах, предусматриваемых отделением по работе с иностранными гражданами. Условия, предъявленные к этим организациям при их создании, были те же, что и ко всем прочим организациям иностранцев, причем последние уже в течение многих лет выполняют данные условия. Что же касается оспариваемого «Мюнхенер Пост» права посылать сотрудников полиции контролировать собрания корпораций иностранцев и требования в случае необходимости обязательного употребления немецкого языка, то этот упрек в нарушении законности следует отвести на основании § 1 имперского конституционного законодательства, гарантирующего все предусматриваемые конституцией права только гражданам германского рейха.

«Мюнхенер Пост» пишет, будто в одном случае шуцманы устроили налет на пивную, где проводились собрания этой организации, но это неправда; контроль проводился ненавязчиво, достаточно было уже того, что устанавливалось несоответствие числа действи-

тельно присутствовавших с объявлением, что приглашаются-де только члены этой организации. Неверно также и утверждение «Мюнхенер Пост», будто полицейские сразу после собрания пошли к квартирным хозяйкам участников собрания, чтобы получить сведения об их образе жизни, настроениях, переписке и т. д.

В бегло упомянутом той же «Мюнхенер Пост» *«Русском обществе культуры»*, основанном *Овчинниковым* не далее как в июне 1911 года, т. е. незадолго до конца семестра, действительно было только пять членов, что отнюдь не удивительно, если учитывать все обстоятельства дела. На время каникул это общество, как и прочие организации русских, прекратило свою деятельность.

По поводу того, что полиция якобы выгораживает *Овчинникова*, следует заметить, что его показания принимались и фиксировались точно так же, как и все прочие довольно частые заявления ... в полицию, что его сообщения, в особенности о неоднократном нарушении устава данной организацией... равно как и его указания об усилении революционных течений внутри этой организации, полностью оправдались. О прежней жизни *Овчинникова* ничего более не известно. Известно только, что он проявил себя как чрезвычайно прилежный студент, занимающийся уроками до рассвета, работая над конкурсным заданием; утверждает, что он придерживается консервативных взглядов. К сожалению, он в настоящее время из-за умственного перенапряжения заболел воспалением мозговой оболочки и был вынужден отложить свой отъезд в Россию»[1].

Упоминаемая в отчете Биттенгера связь между русскими студентами и книжным магазином «Зюддойче Фольксбуххандлунг» фигурировала в 1909 году в «Записке» министерства внутренних дел. Министерство не советовало полиции и другим органам власти начинать судебный процесс по поводу «тайного сговора» между германскими социал-демократами и «русскими революционными организациями», потому что «успех такого уголовного преследования представляется ему сомнительным»:

«Полицейское управление докладывает о добытых им сведениях относительно наличия и деятельности русских социал-демократических и революционных организаций в г. Мюнхене. В качестве условного адреса указанные группы использовали книжный магазин «Фольксбуххандлунг» на Зедлингерштрассе, 20, совладельцем которого до недавнего времени был депутат ландтага от

[1] StaM Pol. Dir. Mü. 669.

социал-демократов Пикельман. Теперь этот магазин преобразован в товарищество с ограниченной ответственностью под наименованием «Зюддойче Фольксбуххандлунг». Полицейское управление намеревается возбудить против заведующих этим книжным магазином уголовное дело по обвинению в участии или соучастии в тайном сговоре (§ 128 Уголовного кодекса), как это уже имело место в Дрездене в отношении местных русских революционных организаций.

Королевское государственное министерство внутренних дел заявляет, что успех этой уголовно-правовой акции представляется ему сомнительным, и потому воздерживается от всяких высказываний по этому вопросу»[1].

Безусловно, что солидарность германского рабочего движения с русским освободительным движением оставалась неизменной, сдерживая недовольство властей и ксенофобию немецкого бюргерства.

А вот немецкие студенты проявляли свою солидарность с русскими однокашниками значительно реже. До 1914 года в вузах Германии господствовал дух консерватизма и германского национализма, тогда как учащиеся из стран Восточной Европы оказались куда революционнее.

Единственным исключением был митинг протеста Союза свободных студентов Мюнхена, состоявшийся 12 октября 1912 года в пивной «Гастхаус цур Блюте». Протест этот был направлен против полицейского надзора за собраниями.

«Выбор столь просторного помещения, вмещающего до 800 человек, позволяет предполагать, что устроители собрания рассчитывали на многих гостей... Были ли приглашены все русские студенты медицинского факультета, не выяснено. Однако установлено, что большая, может быть даже преобладающая, часть участников собрания были иностранцы... По соображениям безопасности и порядка туда в качестве «гостей» были посланы шестеро сотрудников уголовной полиции, дабы в случае нежелательных выступлений или нарушений закона принять требуемые меры и при необходимости взять руководителей собрания под защиту... Невыясненным осталось также, из чего податели жалоб сделали заключение о «незаконном вмешательстве чиновников полиции в доверительные отношения между ректоратом университета и Союзом свободных студентов». Кажется почти невероятным, чтобы ректор местного университета выразил перед студентами свое неодобрение по поводу этих чисто полицейских мер»[2].

[1] Die Auslandsgruppen der russischen revolutionären Organisationen und die sozialdemokratische Partei in München. BayHSta MA 95727.
[2] StaM RA 57844.

9.

Революционный подъем, завершившийся первой русской революцией 1905 года, начинался еще в 1899 году, когда Ленин готовил издание «Искры». В русских университетах произошла студенческая забастовка, в которой участвовало от 25 до 30 тыс. человек.

Целый ряд статей «Искры» в 1901 году был посвящен задаче объединения рабочего и студенческого движения. Во втором номере «Искры», отпечатанном в Мюнхене в феврале 1901 года, когда царское правительство пыталось справиться с беспорядками в университетах путем принудительного рекрутского набора, Ленин писал:

«Правительство само позаботилось сделать из этого происшествия нечто гораздо бо́льшее, чем чисто студенческую историю. Правительство обращается к общественному мнению, точно хвастаясь энергичностью своей расправы, точно издеваясь над всеми освободительными стремлениями. И все сознательные элементы во всех слоях народа обязаны ответить на этот вызов, если они не хотят пасть до положения безгласных, молча переносящих оскорбления рабов. А во главе этих сознательных элементов стоят передовые рабочие и неразрывно связанные с ними социал-демократические организации. Рабочий класс постоянно терпит неизмеримо большее угнетение и надругательство от того полицейского самовластия, с которым так резко столкнулись теперь студенты. Рабочий класс поднял уже борьбу за свое освобождение. И он должен помнить, что эта великая борьба возлагает на него великие обязанности, что он не может освободить себя, не освободив всего народа от деспотизма, что он обязан прежде всего и больше всего откликаться на всякий политический протест и оказывать ему всякую поддержку. Лучшие представители наших образованных классов доказали и запечатлели кровью тысяч замученных правительством революционеров свою способность и готовность отрясать от своих ног прах буржуазного общества и идти в ряды социалистов. И тот рабочий недостоин названия социалиста, который может равнодушно смотреть на то, как правительство посылает войско против учащейся молодежи. Студент шел на помощь рабочему,— рабочий должен прийти на помощь студенту. Правительство хочет одурачить народ, заявляя, что стремление к политическому протесту есть простое бесчинство. Рабочие должны публично заявить и разъяснить самым широким массам, что это — ложь, что настоящий очаг насилия, бесчинства и разнузданности — русское самодержавное правительство, самовластье полиции и чиновников.

Как организовать этот протест, это должны решить местные социал-демократические организации и рабочие группы. Раздача, разбрасывание, расклейка листков, устройство собраний, на которые были бы приглашаемы по возможности все классы общества,— таковы наиболее доступные формы протеста. Но было бы желательно, чтобы там, где есть крепкие и прочно поставленные организации, была сделана попытка более широкого и открытого протеста посредством публичной демонстрации» [1].

21 апреля 1901 года Ленин послал из Мюнхена письмо в Женеву Плеханову, подписанное: «Петров»:

«Мы очень и очень рады, что Ваше приключение окончилось благополучно. Ждем Вас: поговорить надо бы о многом и на литературные, и на организационные темы, и об «Искре» (третий номер должен быть готов к 1.V. Потом хотим сразу печатать четвертый) и о «Заре». Адрес для явки есть у Вас — Велики Дмитриевны. Вот и другой (Алексея) на всякий случай: Occamstr. (b Schwabing) 1a, III, rechts bei Frau Kraft, спросить Herrn Vernet, только на этот адрес лучше бы написать предварительно о времени приезда, ибо иначе легко не застать дома» [2].

Упоминая о том, что «приключение окончилось благополучно», Ленин имеет в виду следующее. В Женеве 5 апреля 1901 года русские студенты устроили демонстрацию протеста против преследований политических эмигрантов.

Царское правительство решило воспользоваться этим случаем, чтобы оказать политическое давление на швейцарские власти и добиться высылки эмигрантов, в особенности Георгия Плеханова. Однако ему удалось доказать свою непричастность к этой демонстрации. Ленин и другие члены редакции «Искры» в Мюнхене опасались неудачного исхода хлопот Плеханова [3].

(Велика Дмитриевна — псевдоним Веры Засулич. Она жила на Шраудольфштрассе. Алексей, или г-н Верне,— член редакции «Искры» Мартов [Цедербаум]).

Мы знаем, что у Ленина имелось достаточно причин быть осторожным, и поэтому он зашифровывал имена всех своих сотрудников на тот случай, если какое-либо письмо попадет в руки полиции.

В июле 1903 года начальник полиции Берлина послал запрос в Мюнхен по поводу выходящей в Женеве на русском языке социал-демократической газеты «Искра»; он хотел получить сведения о «распространении вышепоименованной газеты в Мюнхене», ссылаясь при этом на расписки, в которых говорилось

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 395—396.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 95.
[3] См.: там же, с. 487.

Mit russischen Staatsangehörigen habe ich keinerlei Verbindung mehr und auch der Vertrauensmann, der mir jüngst Auskunft über die Verhältnisse der polnischen Studenten- u. a. Vereine geben konnte, versagte in dieser Richtung. Über die Verbreitung der Zeitung „Iskra" konnte ich daher nichts erfahren und dürfte der einzige Weg hiezu in einer Besichtigung der Vereinslokale der russischen Studentenvereine, namentlich des Lesevereins und dessen Katalogs, bestehen.

Dem Ref. VI vorgelegt.

Am 28. Juli 1903. Geller

Запись, сделанная комиссаром Гелером 28 июля 1903 г.

«№ 31, получено из Мюнхена 200 марок» и «№ 33, из Мюнхена через Линдова получено 30 рублей».

На этот запрос ответил комиссар Гелер:

«С русскими подданными у меня нет более никаких связей, а доверенное лицо, до самого последнего времени сообщавшее мне об обстановке в польских студенческих и прочих организациях, также прекратило сотрудничать со мной в этом вопросе. Поэтому о распространении газеты «Искра» мне ничего узнать не удалось, и единственным путем для этого может быть только посещение пивных, в которых собираются русские студенческие организации, а именно «Читательский клуб», и ознакомление с его каталогом»[1].

Дополнить это высказывание помог донос одного агента от 7 ноября 1903 года: «По адресу Гёрресштрассе, 2/1, находится «Русская студенческая касса», председатель — студент Ник. Катеринич, прож. по Августенштрассе, 107; далее, там же находится «Русский студенческий читательский клуб», председатель — студент Иос. Штейнберг, прож. по Гёрресштрассе, 5/2.

По имеющимся данным, в обоих обществах хранится выходящая на русском языке социал-демократическая газета «Искра».

Кроме нескольких русских газет обе организации выписывают также «Мюнхенер Пост» и берлинскую «Форвертс»; в помещении вышеупомянутых организаций вывешены портреты Энгельса и Лассаля»[2].

[1] StaM Pol. Dir. Mü. 620.
[2] Ebenda.

На второй запрос из Берлина от 11 сентября 1903 года со ссылкой на первый запрос, посланный 17 июля того же года, мюнхенская полиция отвечала:

«На Ваш запрос от 17 июля 1903 года... имею честь сообщить, что, согласно произведенным расследованиям, газету «Искра» получают «Русская студенческая касса» (председатель правления — студ. маш. ф-та Николай Катеринич) и «Русский студенческий читательский клуб» (председатель правления — студ. мех. ф-та Иосиф Штейнберг). Обе организации кроме прочих русских газет выписывают социал-демократическую «Мюнхенер Пост» и берлинскую «Форвертс». Кроме того, в их помещении висят портреты Лассаля и Энгельса. Не может быть никаких сомнений в том, что упоминаемые в прилагаемых к запросу расписках денежные суммы исходят от этих организаций. Имя «Линднер», видимо, только псевдоним. О дальнейшем распространении «Искры» нам до сих пор ничего более не известно»[1].

23 марта 1903 года русское посольство в Мюнхене по поручению царского министерства иностранных дел направило в адрес баварского государственного министерства иностранных дел секретное письмо на французском языке. Ссылаясь на «международные договоренности против анархизма» и римскую конференцию 1898 года, русское посольство просило, чтобы полицейские управления немецких городов посылали шефу русской политической полиции в Берлине Аркадию Гартингу «частные и прямые донесения» о том, где «концентрируются русские студенческие колонии» и чем они занимаются. Посольство просило также незамедлительно выяснить «все обстоятельства, касающиеся русских студентов в баварской столице», подозреваемых «в соучастии с лицами, скомпрометировавшими себя в России». Ни имен, ни тем более адресов этих «скомпрометировавших себя лиц» в письме не указывалось.

В своем доверительном послании от 25 марта 1903 года («касательно надзора за русскими студентами») министр внутренних дел барон фон Фейлицш писал баварскому министерству иностранных дел: «Относитель-

[1] StaM Pol. Dir. Mü. 620. Der Polizei-Präsident, VII. Abt. von Berlin an die kgl. Polizeidirektion zu München am 17. Juli 1903.

но подачи заключения по поводу оной просьбы русского посольства было бы, наверное, желательно послать запрос в адрес прусского имперского правительства на предмет получения более подробных сведений о полномочиях чиновника русской полиции г-на Гартинга и его взаимоотношениях с берлинской полицией... Исходя из содержания ноты, посланной оным посольством 23 числа с. м-ца, надзор за русскими студентами кажется с политической точки зрения вполне целесообразным»[1].

Здесь у баварского министра внутренних дел вышла небольшая заминка: донесений о русских студентах в Мюнхене — настоящих, профессиональных донесений — у него не было уже с 1899 года. Официальную причину этой вопиющей неосведомленности приводит комиссар Гелер в своей докладной записке от 23 июля 1903 года:

«С русскими подданными у меня нет более никаких связей, а доверенное лицо, до самого последнего времени сообщавшее мне об обстановке в польских студенческих и прочих организациях, также прекратило сотрудничать со мной в этом вопросе»[2]. Дело было, однако, не в этом. Ни Юлиус Гелер, ни его «доверенное лицо», которые тогда, по-видимому, были единственными экспертами мюнхенской политической полиции по революционному движению в России, не были виноваты в том, что в период с 1899 по 1903 год не сумели раздобыть почти никаких сведений о деятельности революционеров, как ни старались.

У них хватало своих забот. Экономический кризис вызвал в Мюнхене беспорядки среди рабочих. Именно в это время комиссар полиции Юлиус Гелер сочиняет свои объемистые донесения о кризисе в строительном деле и о безработице в Мюнхене...

А вот после 1903-го и особенно после 1905 года и полиция, и власти, судя по их документам и отчетам, следили уже буквально за каждым шагом ведущих русских революционеров. В донесениях Биттингера неоднократно встречаются имена таких ведущих меньшевиков и эсеров, как *Вера Фигнер*, сотрудник редакции «Искры» в 1901—1902 годах, *Юлий Мартов* (в донесениях — «лектор Цедербаум») и др. Там же упоминаются фракции «большинства» (большевиков) и «меньшинства» (меньшевиков) в РСДРП...

Одно только не было известно старательным мюнхенским полицейским: кто такие Ленин, Ильин, Петров, Иорданов и Мейер. Иными словами, *о Ленине в Мюнхене они ничего не знали.*

[1] Ministère Impérial des Affaires Etrangéres, legation de Russie, Munich le 23 Mars 1903. BayHSta MA 95716.
[2] Ebenda.

Работы Ленина, в том числе и те, что написаны в Мюнхене и опубликованы в «Искре», распространялись, читались и обсуждались среди русских студентов мюнхенских вузов и в библиотеках их организаций.

Ленин принимал самое живейшее участие в борьбе студентов за свободу науки и демократию в государстве и обществе. Его высказывания о необходимости союза студентов с рабочими мобилизовывали социальное и политическое сознание пролетариата, как, впрочем, и образованных слоев населения. Однако в 1900—1902 годах Ленин избегал прямых контактов с русскими студентами: вступать в непосредственное общение с соотечественниками, имя и род занятий которых были хорошо известны властям, ему было нельзя.

Ни в одном из писем того времени мы не встретим упоминания о каких бы то ни было прямых связях с русскими студентами в Мюнхене, хотя они составляли одну из крупнейших групп иностранных студентов в Германии. Когда он выправлял себе паспорт, он вполне закономерно выбрал себе не русскую, а болгарскую фамилию, которая хоть в какой-то степени могла обеспечить ему безопасность и избавить от чересчур пристального внимания со стороны властей.

Насколько рискованной считал Ленин всякую связь с русскими студентами, видно из его письма к Плеханову: «Мы очень и очень рады, что Ваше приключение окончилось благополучно»[1].

Контакты с соотечественниками при тогдашних условиях были для ведущего политического эмигранта из России действительно «приключением».

Ленинская тактика увязки легальной работы с полной конспирацией оправдала себя и тогда, когда в 1907 году на мюнхенском Центральном вокзале арестовали нескольких его ближайших сотрудников и товарищей.

Бавария беженцев не выдает

1.

18 января 1908 года:

«Сегодня утром около 10 часов некая дама пыталась обменять русский банкнот достоинством в 500 рублей, серии А.М. № 063791 в Баварском банке г. Мюнхена, за что и была задержана, арестована и препровождена в полицию.

Арестованная не имела при себе никаких оправдательных документов. Нет сомнения в том, что она является российской подданной. Показала о себе следующее:

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 95.

Донесение полицейского агента от 7.9.1903 г.

Равич Сарра, иудейского вероисп., студентка философского ф-та, из Витебска (Россия), р. там же 1 августа 1879 года, дочь торговца Ноэхим-Лейба из Витебска и супруги его Голды, урожд. Яхниной.

Равич показала, что летом 1907 года, проживая в г. Маршисси в Швейцарии на квартире, имени владелицы коей не помнит, вместе с замужнею подругой, студенткой *Димитровой* (теперешнее местонахождение неизвестно), познакомилась в означенном г. Маршисси с неким русским, имени которого назвать категорически не захотела. В последнее время (с мая 1907 года) проживала в Женеве по адресу: Бульвар де ла Клюз, 57, в наст. вр. находилась на пути в Вену. Сегодня утром прибыла из Женевы в Мюнхен и по пути к галерее Шака случайно встретила какого-то господина, который передал ей два банкнота по 500 рублей с просьбою обменять эти банкноты на немецкие марки. Для этой цели указанный господин передал ей также и паспорт. В этом паспорте, находившемся у *Сарры Равич,* проставлено имя «Бекка Шейнин».

По ее утверждению, указанный господин сказал, что подождет (Сарру Равич) на некоей улице, названия которой она, однако, не знает. Скорее всего, он пригласил ее на завтра утром с 8 до 10 часов на Центральный вокзал Мюнхена.

Далее Равич показала, что уже разменяла другой 500-рублевый банкнот в банковской конторе неподалеку от Баварского банка, получив за него 1065 марок (деньги эти были обнаружены при ней).

О происхождении обоих 500-рублевых банкнот ей ничего не известно, однако тот незнакомый господин, вручая ей банкноты, отвечал, что объяснит все позже.

Далее Сарра Равич заявила, что принадлежит к Российской социал-демократической партии, в 1905 году отбыла несколько месяцев в заключении в Санкт-Петербурге за политические дела, в июне 1906 года покинула родину и уехала в Париж, прожила там 6 месяцев и отбыла в Женеву. В Париже и Женеве изучала философию, живя на вспомоществование от родителей.

Кроме обмененных у Равич было еще 9 марок 6 пфеннигов немецких денег, 19 с половиною франков французских и 95 центов швейцарских. Во время личного досмотра, проведенного женским полицейским персоналом, дама, называющая себя Сарра Равич, порвала записку, сделанную карандашом по-русски. Содержание записки позволяет сделать вывод о том, что товарищи Равич прибывают в Мюнхен сегодня же вечером аугсбургским скорым поездом. За вокзалом установили строгий надзор»[1].

С ареста Сарры Равич началась история, которая, как никакая другая, после нашумевшей истории браконьера и бунтовщика Матиаса Кнейсля заняла мысли правительства и баварской общественности. Впервые в XX столетии Мюнхен переживал уголовное дело политического характера и даже с международным резонансом. Оберрегирунгсрат Дильман, начальник мюнхенской уголовной полиции, в своем первом донесении в министерство иностранных дел просил «покорнейше... дать дальнейшие всемилостивейшие распоря-

[1] Der Bankraub von Tiflis. BayHSta MA 98662.

жения» относительно того, «сколь долго следует содержать под стражей вышеозначенную Равич». Одновременно с этим он послал извещение в полицейские управления Санкт-Петербурга, Тифлиса и Женевы.

Уже на следующий день Дильману удалось изловить еще двоих преступников. Газета «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» писала 19 января 1908 года: «На вокзале были схвачены двое русских террористов, которые имели с собой банкноты, захваченные во время тифлисского ограбления банка».

Репортер описывал этот арест во всех деталях, старательно нагнетая атмосферу:

Суббота, 5 часов 6 минут вечера. Зал ожидания второго класса. Здесь Равич должна была встретиться с сообщниками, чтобы вместе с ними в ту же ночь выехать в Вену. В это время на перроне появляются 14 агентов уголовной полиции

«и блокируют все проходы, так что все прибывшие пассажиры должны будут проходить мимо них.

Наконец пришел поезд. Пассажиры подходили к кордону, где их просили предъявить билеты, что, впрочем, не вызывало никаких волнений: люди охотно подчинялись сей странной, но необходимой мере. Сотрудники полиции следили, не появятся ли где пассажиры иностранного вида, и вот вскоре им на глаза попались двое славян. Позднее они, однако, оказались болгарами.

Наконец появились те, которых разыскивали: они ехали в самом последнем вагоне. Это были двое, один из которых, лет тридцати, имел типично русскую внешность; другой, поменьше ростом, выглядел как перс русского происхождения. К ним обратился комиссар Цобель: «Avez vous des passeports?» [1]

В то время, когда они спокойно доставали свои документы, с ними заговорил человек, знающий по-русски; он тут же и дал понять полиции, что они и есть разыскиваемые лица. Их тотчас же схватили, причем они не оказали никакого сопротивления. Затем их провели через кордон.

Кондуктору, который всего этого не видел и спросил у них билеты, один из них совершенно спокойно ответил:

— Ведь нас арестовали.

Обоих немедленно доставили в участок при Центральном вокзале и подвергли беглому обыску. Когда же у них нашли крупные суммы денег, в том числе несколько 500-рублевых банкнот, о краже которых было известно, их доставили на автомобиле в полицейское управление, где оберрегирунгсрат Дильман в присутствии срочно оповещенного об этом секретаря русского посольства подверг их подробнейшему допросу...

[1] «У вас есть паспорта?» — *Прим. перев.*

Как поступят с арестованными, выдадут ли их России или нет, до сих пор не решено. Тут возникает множество сложных вопросов. Арестованные, которые, конечно, хотят избежать выдачи, немедленно потребовали себе адвоката» [1].

Начальник полицейского управления Женевы сообщил в ответ на запрос из Мюнхена, что Сарра Равич действительно проживала по адресу Бульвар де ла Клюз, 57, и уехала, оставив некоему *Стрелочникову* доверенность на получение писем и ценных вещей, а также, что там арестован проживавший у Равич в квартире *Карпинский* [2].

Начальник петербургского департамента полиции Трусевич просил мюнхенское полицейское управление оставить Сарру Равич под арестом [3].

В двух письмах на имя королевского государственного министерства королевского дома и внешних сношений королевское полицейское управление Мюнхена изложило обстоятельства ареста, анкетные данные арестованных, а также имена и адреса всех полицейских, принимавших участие в операции:

«В дополнение к отчету от сего числа имею честь почтительнейше довести до Вашего сведения, что сегодня на Центральном вокзале г. Мюнхена по подозрению в совершении крупного ограбления в Тифлисе в июне 1907 года нами задержаны двое мужчин, высадившихся из аугсбургского скорого поезда; они временно препровождены в полицейское управление. Разрешения на въезд у них нет, заявляют, что прибыли из Парижа, переночевав последний раз в Штутгарте. О себе показали следующее:

1) *Ходжамирян Мигран*, студент литературы и философии, армяно-католического вероисповедания, холост, р. 1 ноября 1882 года в г. Верхние Акули Эриванской губернии на Кавказе, Россия, там же и проживал. Сын коммивояжера Хачатура Ходжамиряна, прож. в наст. вр. в г. Нухе Елизаветпольской губернии, и супруги его Февронии, урожд. Вардахури.

2) *Богдасарян Тигран*, студент, армяно-католического вероисповедания, холост, р. 8 сентября 1884 г. в г. Тавризе (Персия), там же и проживал, сын проживающего в Тавризе торговца Христофа Богдасаряна и супруги его Софьи, урожд. Петросян.

Ходжамирян кроме русского говорит и по-французски, Богдасарян пока изъяснялся только по-русски.

Арестованная, назвавшаяся Саррой Равич, хотя ее настоящее имя, по-видимому, Сарра

[1] Der Bankraub von Tiflis. BayHSta MA 98662.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.

Тигран Богдасарян

Сарра Равич

Мигран Ходжамирян

Шейнина, говорит кроме русского немного и по-немецки.

Как удалось установить, Сарра Равич сегодня утром уже обменяла один 500-рублевый банкнот серии А.М. № 063792 (о котором уже поступил сигнал, что он украден) в конторе у банкира Клопфера на 1065 марок. Эти деньги были у нее найдены. Она утверждает, что не знает ни одного из обоих арестованных. Ходжамирян признал, что обменял в Штутгарте один 500-рублевый банкнот. Кроме того, видимо, он и Богдасарян меняли такие 500-рублевые банкноты в Карлсруэ и в Париже. Судя по обнаруженному у нее театральному билету, Сарра Равич в этом месяце также была в Париже. Написанная карандашом на русском языке и разорванная Саррой Равич записка содержала план поездки от Базеля до Цюриха, с отъездом в пятницу 17 января и прибытием в Мюнхен в 7 утра сегодня. В Мюнхене она должна была получить адреса «партнеров», которые должны были прибыть из Штутгарта поездом в 5 часов 6 минут, и затем ехать вместе с ними в Вену; в Мюнхене ей, однако, воспрещалось идти вместе с ними в буфет второго класса.

У Ходжамиряна найдено: один немецкий банкнот в 1000 марок, один банкнот французского банка в 100 франков, 60 немецких марок золотом, 17 марок 85 пфеннигов мелочью, 20 французских франков золотом, 8 франков серебром, 1/2 бельгийского франка, 40 сантимов медяков французских и 35 сантимов швейцарских. У Богдасаряна также было 17 пятисотрублевых банкнот серии А.М. № 063771—063780 и № 063784—063790, о похищении которых также поступил сигнал из Тифлиса; три сторублевых, пять двадцатипятирублевых, два десятирублевых, два трехрублевых и один рублевый банкнот, 50 франков золотом, 1 швейцарский франк, 50 сантимов французских медяков, 11 немецких банкнот по 100 марок, 20 немецких марок золотом, три с полтиной марки серебром и 10 пфеннигов в никелевой монете. В отрывном блокноте у Богдасаряна было записано большое число венских адресов. Ходжамирян утверждал, что последние два с половиной года обычно жил в Женеве, на Шменде-гран-философ, № 8/1, у мадам Каше, где находится теперь и его паспорт, однако время от времени ездил в Ниццу: Альварле-Бэн, департамент Изер, и Люцерн. С Богдасаряном познакомился в Женеве.

Что же касается пятисотрублевого банкнота, разменянного им, по его признанию, в Штутгарте, то Ходжамирян заявил, что «у этого банкнота своя история»: несколько месяцев назад он, по его словам, познакомился в Лозанне с одним человеком, которого встре-

чал потом часто в Женеве на улице и в общественных местах. Этот человек подарил ему тот 500-рублевый банкнот, чтобы он мог поехать в Германию, поглядеть на тамошнюю жизнь. А потом он должен был возвратиться в Женеву, и тогда-то тот человек хотел начать с ним вместе делать одно дело. Об этом человеке Ходжамирян не знал ничего более, кроме того, что его звали Петром. От Богдасаряна пока также не удалось более ничего узнать, кроме того, что найденные у него 500-рублевые банкноты принадлежат якобы не ему. Об аресте Ходжамиряна и Богдасаряна, как и об обнаруженных у них банкнотах и пр., мною уже оповещена полиция Санкт-Петербурга и Тифлиса, а также Женевы и посланы уведомления об этом в полицию Штутгарта, Карлсруэ и Вены.

Согласно телеграфным сообщениям из 2-го р-на Парижа, там также были арестованы террористы, участвовавшие в ограблении тифлисского банка; у них изъято 20 000 рублей».

«Согласно Вашему всемилостивейшему устному поручению на составление отчета о лицах, участвовавших в аресте Сарры Равич, Тиграна Богдасаряна и Миграна Ходжамиряна, почтительнейше имею доложить следующее:

Дама, назвавшаяся *Саррой Равич,* студенткой, р. 1 августа 1879 г. в Витебске, где и проживала, иудейского вероисповедания, дочерью проживающего в Витебске же торговца Ноэхим-Лейба и супруги его Голды, урожд. Яхниной, была задержана 18 января 1908 года около 10 часов в Баварском торгово-промышленном банке, площадь Ленбахсплатц, № 1, в г. Мюнхене, по донесению служащего оного банка чиновника Иоганна *Штраулино,* прож. в Мюнхене на Моцартштрассе, № 110/III, у которого вышеназванная Сарра Равич пыталась обменять один из известных как украденные банкнот достоинством в 500 рублей

Штраулино позвал *шуцмана* Иоганна *Барникеля* из 9-го участка г. Мюнхена (прож. по Пауль-Гейзештрассе, № 16/III, 1-й эт., III подъезд) арестовать Равич. Около 10 часов утра Барникель доставил Равич в отдел безопасности корол. полицейского управления к служащему Вильгельму *Шенку* (прож. по Пильгерсгеймерштрассе, № 18/III), который тут же доложил об этом начальнику отдела безопасности и, согласно приказанию, снял с Равич первый допрос.

Затем Равич была препровождена в камеру предварительного заключения и подвергнута тщательному личному досмотру, каковой производила Франциска *Гауг,* взрослая дочь начальника следственной тюрьмы Алоиса Гауга (прож. в здании полиции), в ванной комнате полицейского управления, с глазу на глаз с арестованной, под охраной ожидавшего за дверями помощника дежурного при следственной тюрьме Йозефа *Баумгертеля* (прож. на Геймеранштрассе, № 31/I).

Франциска Гауг обнаружила у Равич на талии завернутые в бумагу 10 банкнот по 100 марок каждый, три монеты по 20 марок и одну серебряную монету достоинством в 5 марок (всего 1065 марок). Русский банкнот достоинством в 500 рублей за № А.М. 063791, который Равич пыталась обменять в Баварском банке, был у нее перед этим уже изъят.

Франциска Гауг сказала Равич, чтобы та сняла также башмаки и чулки. Когда Равич нагнулась, чтобы развязать подвязки, Франциска Гауг заметила, что Равич сжала правую руку в кулак и скомкала в ней некий предмет, разорвала его и пыталась поднести руку ко рту. Тогда Франциска Гауг быстро вызвала ждавшего за дверями Йозефа Баумгертеля, впустила его в ванную, и оба силою разжали Равич правый кулак. В разжатой таким образом руке они обнаружили разорванные клочки бумаги, часть из которых упала на пол. Отдельные клочки были собраны и переданы в отдел безопасности, где г-н секретарь императорского русского посольства, статский советник фон *Столыпин,* коего я по причине немалой важности сего дела не замедлил известить, оказал большую любезность, переведя составленную на русском языке надпись на немецкий язык.

Из этой надписи следовало объяснение дальнейшего маршрута Равич (Базель—Цюрих—Мюнхен) и намек на то, что сообщники Равич прибывают из Штутгарта в Мюнхен 18 января в 5 часов 6 минут пополудни на Центральный вокзал.

Поэтому я приказал начальнику отдела безопасности установить за вокзалом тщательнейший надзор, проверив всех прибывающих с указанным поездом пассажиров, поручив сотруднику полиции Вильгельму *Шенку* (уже было половина четвертого вечера) взять с собой на вокзал всех находившихся в это время в полиции свободных сотрудников...

На вокзале (по возможности незаметно) всюду в тех местах, где должен был остановиться последний вагон (позади поезда), и по сторонам перрона были расставлены полицейские в униформе, так что все пассажиры оказались вынужденными проходить только через контролируемый выход с перрона, возле которого полукругом выстроились сотрудники полиции; в центре же стоял комиссар отдела безопасности Цобель, а возле него г-н императорский статский советник фон Столыпин; с противоположной же стороны находился сотрудник полиции Вильгельм Шенк.

Контроль прибывших пассажиров проходил ненавязчиво, сотрудники полиции обращались в основном к лицам, говорившим по-немецки. Уже были пропущены несколько французов, англичан, венгров и болгар, когда к выходу подошли двое иностранцев, у которых комиссар Цобель спросил паспорта, а г-н статский советник фон Столыпин спросил то же по-

русски, на что оные ему по-русски же отвечали. Г-н Столыпин объяснил, что оные суть те самые русские, коих следовало задержать. По приказанию комиссара Цобеля находившиеся тут же шуцманы уголовной полиции Иоганн Гольвитцер, Иоганн Кислинг, Иоганн Шерер и Георг Иле взяли обоих иностранцев (назвавшихся затем Тиграном Богдасаряном, армяно-католического вероисповедания, холост, студент из Тавриза в Персии, р. там же 3 сентября 1884 года, сын усопшего торговца Христофа Богдасаряна и Софии, урожд. Петросян, и Миграном Ходжамиряном, армяно-католического вероисповедания, холост, студент из г. Верхние Акули Эриванской губернии, р. там же 1 ноября 1882 года, сын проживающего в г. Нухе Елизаветпольской губернии коммивояжера Хачатура Ходжамиряна и супруги его Февронии, урожд. Вардахури) и отвели их, согласно приказу, в полицейский комиссариат вокзала, а другие шуцманы уголовной полиции доставили туда же багаж арестованных. Комиссар отдела безопасности Цобель и сотрудник полиции Шенк временно остались на перроне, чтобы проконтролировать оставшихся пассажиров, а затем пришли также в полицейский комиссариат вокзала, где обоих арестованных на двух автомобилях препроводили в отдел безопасности королевского полицейского управления, куда проследовали также г-н императорский статский советник фон Столыпин (каковой изволил оказать помощь при допросе задержанных, особенно Богдасаряна, который не отвечал на вопросы иначе как по-русски), комиссар Цобель и сотрудник полиции Шенк.

После этого состоялось дальнейшее расследование дела арестованных согласно имевшимся указаниям. Из полицейских в нем участвовали комиссар Карл Цобель и сотрудник полиции Вильгельм Шенк, из частных лиц — чиновник банка Иоганн Штраулино, оказавший особо значительную помощь.

Обнаружением столь важной записки у Равич мы всецело обязаны внимательности дочери начальника следственной тюрьмы Франциске Гауг»[1].

22 января 1908 года газета «Мюнхенер Цайтунг» сообщала: «Благодаря аресту международных преступников в Мюнхене удалось установить следы других членов этой террористской банды в Женеве. Там задержаны трое террористов, которые были тесно связаны с лицами, арестованными в Мюнхене»[2].

Арестованные в Женеве «террористы», как, впрочем, и арестованные в Мюнхене русские подданные — социал-демократические эмигранты и ближайшие соратники Ленина.

В своих «Воспоминаниях о Ленине» Надежда Крупская писала об этом так:

«Вскоре после нашего приезда в Женеву произошла история с разменом денег.

В июле 1907 года была совершена экспроприация в Тифлисе на Эриванской площади. В разгар революции, когда шла борьба развернутым фронтом с самодержавием, большевики считали допустимым захват царской казны, допускали экспроприацию. Деньги от тифлисской экспроприации были переданы большевистской фракции. Но их нельзя было использовать. Они были в пятисотках, которые надо было разменять. В России этого нельзя было сделать, ибо в банках всегда были списки номеров взятых при экспроприации пятисоток. Теперь, когда реакция свирепствовала вовсю, надо было устраивать побеги из тюрем, где царское правительство мучило революционеров, надо было для того чтобы не дать заглохнуть движению, ставить нелегальные типографии и т. п. Деньги нужны были до зарезу. И вот группой товарищей была организована попытка разменять пятисотки за границей одновременно в ряде городов. Как раз через несколько дней после нашего приезда за границу была сделана ими попытка разменять эти деньги. Знал об этом, принимал участие в организации этого размена провокатор Житомирский. Тогда никто не знал, что Житомирский провокатор, и все относились к нему с полным доверием. А он уже провалил в это время в Берлине т. Камо, у которого был взят чемодан с динамитом и которому пришлось долго сидеть потом в немецкой тюрьме, а затем германское правительство выдало Камо России. Житомирский предупредил полицию, и пытавшиеся произвести размен были арестованы. В Стокгольме был арестован латыш, член Цюрихской группы, в Мюнхене — Ольга Равич, член Женевской группы, наша партийка, недавно вернувшаяся из России, Богдасарян и Ходжамирян.

В самой Женеве был арестован Н. А. Семашко, в адрес которого пришла открытка на имя одного из арестованных.

Швейцарские обыватели были перепуганы насмерть. Только и разговоров было, что о русских экспроприаторах. Об этом с ужасом говорили за столом в том пансионе, куда мы с Ильичем ходили обедать. Когда к нам пришел в первый раз живший в это время в Женеве Миха Цхакая, самый что ни на есть мирный житель, его кавказский вид так испугал нашу квартирную хозяйку, решившую, что это и есть самый настоящий экспроприатор, что она с криком ужаса захлопнула перед ним дверь.

Швейцарская партия была в то время настроена архиоппортунистически, и швейцарские социал-демократы говорили по случаю ареста Н. А. Семашко о том, что у них — самая

[1] Der Bankraub von Tiflis. BayHSta MA 98662.
[2] Ebenda.

демократическая страна, что правосудие стоит у них на высоте, и они не могут терпеть на своей территории преступлений против собственности.

Русское правительство требовало выдачи арестованных. Шведские социал-демократы готовы были вмешаться в дело, но требовали только, чтобы Цюрихская группа, в которую входил арестованный товарищ, подтвердила, что арестованный в Стокгольме парень — социал-демократ и все время жил в Цюрихе. Цюрихская группа, где преобладали меньшевики, отказалась это сделать. В местной бернской газете меньшевики торопились тоже отгородиться от Семашко, изображая дело так, будто он не социал-демократ и не представлял Женевскую группу на Штутгартском конгрессе.

Меньшевики осуждали Московское восстание 1905 года, они были против всего, что могло отпугнуть либеральную буржуазию. То, что буржуазная интеллигенция отхлынула от революции в момент ее поражения, они объясняли не ее классовой природой, а считали, что ее напугали большевики своими методами борьбы. Утверждение большевиков, что в момент подъема революционной борьбы допустима была экспроприация на революционные цели средств у экспроприирующих, резко осуждалось ими. Большевики, по их мнению, отпугнули либеральную буржуазию. Необходима была борьба с большевиками. В этой борьбе все средства были хороши.

В письме от 26 февраля 1908 года, адресованном Плеханову, П. Б. Аксельрод развивал план, как дискредитировать большевиков в глазах иностранцев, использовав для этой цели всю эту историю: составить доклад, перевести его на немецкий и французский языки, послать немецкому партийному правлению (Форштанду), Каутскому, Адлеру, Интернациональному бюро, в Лондон и т. д.

Это опубликованное много лет спустя, в 1925 году, письмо Аксельрода как нельзя лучше рисует, как далеко разошлись уже к этому времени дороги большевиков и меньшевиков.

После ареста Н. А. Семашко Владимир Ильич послал официальное заявление, как представитель РСДРП, в Международное бюро. Он писал также Горькому, что если тот знает Семашко лично по Нижнему, то ему надо бы выступить в защиту его в швейцарской печати. Н. А. Семашко вскоре выпустили»[1].

В. И. Ленин, как представитель РСДРП в Международном социалистическом бюро, написал ряд писем в защиту арестованных в Мюнхене и Женеве товарищей.

В редакцию газеты «Бернер Тагвахт» он между 30 января и 2 февраля 1908 года послал заявление, которое было опубликовано 5 февраля. По тому же делу он пишет 2 февраля Максиму Горькому.

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 325—327.

«*Заявление*. В номере 24 газеты «Berner Tagwacht» (четверг, 30 января) содержится заявление Л. Мартова по делу русского товарища д-ра Семашко, арестованного в Женеве. В этом заявлении Мартов странным образом говорит о Семашко лишь как об одном из журналистов, присутствовавшем на Международном социалистическом конгрессе в Штутгарте; в то же самое время себя он называет «делегатом русской социал-демократии на Штутгартском конгрессе».

Подобное выражение Мартова несомненно будет так истолковано швейцарскими рабочими, что русская социал-демократия не имеет-де никакого отношения к Семашко.

Для того чтобы подобная манера выражения Мартова своей абсолютной недостоверностью не вводила никого в заблуждение, я, будучи представителем русской социал-демократии в Международном социалистическом бюро, заявляю, что д-р Семашко — старый член нашей партии и на Международном конгрессе он был и как член нашей партии и как журналист партийной прессы.

Подобное разъяснение я считаю необходимым, ибо наши швейцарские товарищи несомненно проявляют значительный интерес к аресту Семашко. Все русские товарищи, знающие его, твердо убеждены в том, что он ни в малейшей степени не причастен к тифлисской «экспроприации» и не мог быть причастен к ней. И не только лишь потому, что последний съезд (Лондонский) нашей партии решительно отверг это «средство борьбы», но и потому, что д-р Семашко с февраля 1907 г. непрерывно проживал в Женеве и занимался литературной деятельностью.

Мы выражаем твердую уверенность в том, что пресса международной социал-демократии в самое ближайшее время с такой же обоснованной радостью будет приветствовать освобождение арестованного в Женеве товарища, как в свое время «Vorwärts!» (в Берлине) и «L'Humanité» (в Париже) приветствовали освобождение невинно арестованных в Париже товарищей.

Представитель Российской
социал-демократической рабочей партии
в Международном социалистическом бюро
Н. Ленин»[1].

«2.II.08.
Дорогой А. М.!
Пишу Вам по двум делам.

Во 1-х, по делу Семашко. Если Вы *не* знаете его лично, то Вам не стоит вмешиваться по нижеследующему поводу. Если знаете, стоит.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 128—129.

Л. Мартов поместил в бернской с.-д. газете «заявление», где говорит, что Семашко не был делегатом на Штутгартском конгрессе, а просто *журналистом*. Ни слова о его принадлежности к с.-д. партии. Это — подлая выходка меньшевика против большевика, попавшего в тюрьму. Я уже послал свое официальное заявление как представителя РСДРП в Международном бюро. Если Вы знаете Семашко лично или знали в Нижнем, то *непременно* напишите тоже в эту газету, что Вас возмущает заявление Мартова, что Вы лично знаете Семашко как с.-д., что Вы убеждены в его непричастности к делам, раздуваемым международной полицией. Ниже я привожу адрес газеты и полный текст мартовского заявления, которое Вам переведет М. Ф. В редакцию Вы напишите по-русски сами, а М. Ф. попросите приложить немецкий перевод...

Ваш *В. Ульянов*»[1].

И дело, и судьба товарищей были для Владимира Ильича Ленина настолько важны, что он в 1908—1910 годах несколько раз писал об этом секретарю Международного бюро. Все письма были на французском языке.

19 августа 1908 года, из Лондона в Брюссель:

«Дорогой товарищ Гюисманс!

Товарищ Исецкий (Salomon, Rue Goffart 78, Bruxelles) Вам, вероятно, уже сообщил, что три русских товарища, члены Российской социал-демократической рабочей партии, Сара Равич, Ходжамирян, Богдасарян, арестованные несколько месяцев тому назад в Мюнхене, находятся в условиях чрезвычайно...[2]

...что они протестовали голодовкой (по-немецки Hungerstreike, [я не знаю], можно ли сказать по-французски «протестовали голодовкой»).

Их адвокат, немецкий социалист Бернгейм, нам пишет, что абсолютно необходимо доказать, что арестованные являются членами социал-демократической партии. Я ему послал свое *официальное заявление*, констатирующее, что арестованные являются членами нашей партии. Но он считает, что моего заявления недостаточно и что необходимо иметь подтверждение Международного социалистического бюро.

Я надеюсь, дорогой товарищ, что Вы...

...чтобы свидетельство, констатирующее, что три лица, арестованные в Мюнхене, являются членами социал-демократической рабочей партии, было подписано представителем или же секретарем Международного социалистического бюро, а его подпись была заверена нотариусом. Товарищ Исецкий (Salomon) перешлет это свидетельство в Женеву...

Примите, дорогой товарищ, мой братский привет.

Вл. Ульянов (Н. Ленин)»[1].

30 июля 1909 года, из Парижа в Брюссель:

«Дорогой товарищ Гюисманс!

Позвольте рекомендовать Вам подателя настоящего письма, товарища Богдасаряна, члена нашей партии. Этому товарищу, вышедшему из тюрьмы, родственники отказали во всякой поддержке, и он не может больше продолжать занятия в Университете. Он хорошо знает французский язык, и я надеюсь, что Вам не будет затруднительно подыскать ему какую-либо умственную работу.

Заранее благодарю Вас и шлю Вам свой братский привет.

Н. Ленин»[2].

15 июня 1910 года, из Парижа в Брюссель:

«Дорогой товарищ! Очень сожалею, что не могу отыскать для Вас ни документов, ни сведений относительно тифлисских и мюнхенских дел. Но тотчас же по получении Вашего письма я передал его одному товарищу, который, возможно, сможет отыскать документы или необходимые Вам сведения. Уверен, что он сделает все возможное, хотя очень трудно выполнить это к четвергу или к пятнице.

Примите, дорогой товарищ,
мой братский привет
Н. Ленин»[3].

2.

Эти «документы и сведения относительно тифлисских и мюнхенских дел», которые не мог отыскать Ленин, хранились в мюнхенских канцеляриях.

Так или иначе, но Равич, Богдасарян и Ходжамирян принадлежали к самому тесному кругу большевиков. Позже Ольга (Сарра) Равич вместе с Инессой Арманд и Надеждой Крупской, Лилиной и Розмирович была делегатом от русского ЦК на Международной женской социалистической конференции, проходившей 26—28 марта 1915 года в Берне[4]. Равич была также в той группе, которая в 1917 году ехала из Цюриха в Петроград через Германию в знаменитом «экстерриториальном» поезде. Вячеслав Карпинский, арестованный в женевской квартире Сарры Равич, был заведующим русской библиотекой Куклина в Женеве, которая представляла собой огромную ценность для научной и политической работы эмигрантов. Социал-демократ Г. А. Куклин с 1905 го-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 129—130.
[2] Здесь и далее несколько слов не разобраны.— *Ред.*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 163.
[2] Там же, с. 183.
[3] Там же, с. 257.
[4] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 416.

да — большевик и передал все права на владение собранной им «Библиотекой русского пролетария», книжным складом и типографией партии большевиков[1].

За доктора Семашко (немецкие газеты писали «Симашко») вступился, как мы уже знаем, Ленин в своем публичном заявлении, направленном против меньшевистских фальсификаций.

Кроме этих уже известных нам арестов в Мюнхене и Женеве в то же самое время были арестованы многие революционеры и социал-демократы в Париже и Стокгольме.

Об аресте Валлаха-Геера и Фанни Ямпольской (некоторые газеты называли ее «Япольской») в Париже писала «Френкишер Курир» от 21 января 1908 года:

«По сообщениям некоторых газет, агенты русской полиции в Париже обнаружили у Валлаха документы чрезвычайной важности. В них даются подробнейшие сведения об организации всего революционного движения в России в настоящий момент. Кроме того, некоторые из найденных в бумажнике нигилиста записок прямо касаются личной безопасности царя. Арестованный нигилист — статный, довольно рослый человек с весьма решительными чертами, тогда как напарница его, Фанни Ямпольская, выглядит хрупкой и неприметной. Полиция вообще довольно неодобрительно отнеслась к тому, что известие об их аресте столь скоро стало достоянием прессы, ибо это может, наверное, послужить предупреждением для товарищей Валлаха в Париже, которых надеялись застать врасплох, так что они теперь, вероятно, уже предприняли все необходимые средства к тому, чтобы избегнуть встречи с полицией»[2].

Упоминаемый Крупской провокатор Житомирский в ноябре 1907 года навел берлинскую полицию на след Камо. Под этой кличкой скрывался С. А. Тер-Петросян, организатор экспроприации в Тифлисе, которого немцы затем выдали русскому правительству как «уголовного преступника».

Арест Камо привел, в свою очередь, к усилению розысков террористов и в конце концов к уже известным нам арестам в Мюнхене, Женеве, Париже и Стокгольме.

Все эти аресты и связанные с ними события, как пишет Крупская в своих воспоминаниях, представляли собой большую политическую опасность для большевиков.

Оклеветать социал-демократов, а в особенности большевиков, изолировать их, выставив в качестве уголовников, чтобы раз и навсегда уничтожить симпатии к русским революционерам, что могло быть заманчивее?

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 605—606.
[2] BayHSta MA 98662.

Мюнхенское дело стало очередной пробой сил между консервативным правительством и поддерживавшими его кругами, с одной стороны, и демократической общественностью — с другой. Если первые поначалу были настроены выдать арестованных петербургскому правительству, то последние всеми силами стремились помешать этому.

3.

Длительная борьба, развернутая международной прессой в связи с арестованными мюнхенской полицией «русскими террористами», была в то же время отражением борьбы внутриполитической[1]. Социал-демократическая пресса призывала общественное мнение выступить против соблюдения договора о выдаче преступников, за равноправие арестованных иностранцев перед лицом германского закона. В либеральных листках говорилось главным образом о сложностях формального порядка, возникших перед баварским правительством в вопросе об истолковании этого договора. Газеты, близкие к правительственным кругам, настойчиво ратовали за избавление от «уголовников». Арестованные заявили через своего адвоката, которого им помогла найти социал-демократия, что скорее согласятся понести любое наказание по баварским законам, чем быть выданными царским властям. Они очень хорошо понимали, что от решения этого вопроса «зависела их жизнь», как выразилась газета «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен».

«Мюнхенер Пост», 28 января 1908 года:

«У мюнхенской полиции от удачной «поимки русских», которой она и обязана-то, пожалуй, только изнывавшему от безделья конторщику из банка, пробуждается петушиный задор. Она до того рада стараться подсобить русскому палачу, что забывает о высшем принципе закона, который гарантирует даже самому распоследнему преступнику право на защиту от предъявляемых ему обвинений.

Но мюнхенская полиция, видимо, с этим не согласна. Родственник одного из арестованных обратился к адвокату д-ру *Бернгейму* взять на себя защиту интересов обвиняемого. Однако когда д-р *Бернгейм* отправился в полицию, чтобы спросить разрешения на беседу с арестованным, то г-н оберрегирунгсрат *Дильман* попросту отказал ему в этом, сославшись на... международные договоры. Мало того. Г-н оберрегирунгсрат *Дильман* отказался даже передать арестованному на подпись доверенность, уполномочивающую д-ра *Бернгейма* вести это дело. Как же согласуется подоб-

[1] Все газетные выдержки даются по: BayHSta MA 98662.

ный образ действий, против которого, как мы надеемся, будет подана справедливая жалоба, с правом каждого обвиняемого на защиту? Иностранец, находящийся под подозрением в соучастии в некоем преступлении, совершенном за границей,— а вина его пока что отнюдь не доказана — хочет иметь квалифицированного защитника, ибо сам не знаком ни с языком, ни с законами нашей страны. Полиция отказывает ему в этом. Таким образом, она просто лишает обвиняемого русского его законных прав, не желая слышать и слова в его защиту, так что тот практически оказывается уже отданным на откуп русской охранке Неужели это достойно страны, считающей себя государством культуры и справедливости? Разве не компрометирует это нашу *юстицию* перед лицом всей Европы? Если подписанный с Россией договор о выдаче преступников и делает нашу полицию филиалом царской охранки, то принудить полицию нарушить закон он никоим образом не может. Неужели наши пивовары хотят стать более варварами, чем царские лизоблюды из Берлина?»

«Мюнхенер Нойесте Нахрихтен», 31 января 1908 года:

«Французские власти освободили задержанных в Париже сообщников *арестованных в Мюнхене русских террористов*, продержав их десять дней в предварительном заключении. и выслали их через границу в Бельгию. Судьба же русских, арестованных в Женеве, до сих пор настолько же неопределенна, как и у их сообщников в *Мюнхене*. Что же касается дипломатических переговоров, протекание которых затруднено уже тем, что путь из Тифлиса до Мюнхена и обратно через Петербург весьма неблизок и отнимает много времени, тем более что *договоры* о *выдаче преступников*, заключенные *между Баварией и Россией*, отнюдь не предусматривают безоговорочной выдачи арестованных русских. то в этом случае необходимо кроме дипломатических решить еще ряд важнейших вопросов юридического характера.

Бавария заключила с Россией два договора о выдаче преступников. Первый датирован 26 февраля 1869 года; некоторые его положения отменены новым договором, заключенным в октябре 1885 года. Таким образом, русское правительство, конечно, может требовать безоговорочной выдачи преступников. Но баварское правительство имеет полное право самостоятельно решать, как следует выполнять те или иные положения. Даже ссылка на то, что *тифлисское дело* имеет политическую подоплеку, ничего не меняет в положении арестованных, так как если договор 1869 года признает исключение для политических преступлений, то договор 1885 года устанавливает, что обстоятельства, служившие мотивом преступления, не могут служить причиною для отказа выполнить договор о выдаче преступников... Очень странным, идущим вразрез с духом времени представляется нам следующий пассаж из этого межминистерского соглашения: «*При этом никакой проверки вопроса, действительно ли задержанный замешан в преступлении, в совершении коего его обвиняют* за *границей, не производится*».

Можно предполагать, что министерство, которому так или иначе придется обратиться за санкцией в прокуратуру окружного суда Мюнхена I по вопросу о том, имеются ли какие-либо юридические возражения против выдачи этих преступников, даст свое согласие на их выдачу только в том случае, если будет хоть в малейшей степени уверено в том, что арестованные, жизнь которых зависит теперь от этого решения, действительно участвовали в этом ужасном преступлении в Тифлисе».

«Мюнхенер Тагблатт», 6 февраля 1908 года:

«Прошло уже около двух недель с тех пор, как нашей полиции удалось поймать трех предполагаемых русских нигилистов. Об этом «подвиге» много говорят в Мюнхене. Однако теперь эта история принимает несколько иной оборот. Двое молодых людей и девушка, которых мюнхенская полиция держит теперь за решеткой, судя по всему, никогда не были нигилистами, да и их участие в ограблении тифлисского банка, в котором их как раз и подозревают, до сих пор не доказано, несмотря на лихорадочную деятельность нашей тайной полиции, которая не жалеет для этого ни времени, ни денег...

В связи с этим вновь всплывает вопрос о пересмотре договора о выдаче преступников. Было бы очень желательно, *чтобы этот вопрос немедленно был рассмотрен ландтагом* и чтобы была проведена соответствующая реформа. Прочие страны уже отказались от сомнительной чести брать на себя всякий раз роль прислужника царской охранки. Так, в Париже недавно произошла аналогичная история Однако кассационный суд Парижа действовал самостоятельно, решив, что требование России о выдаче этих преступников недостаточно обоснованно, и на этот раз принял решение *освободить арестованных*. Однако у нас до сих пор уверены, что поступить надо как раз наоборот, выдать «подозреваемых» России, где их дожидается «карающая десница» российского правосудия».

«Мюнхенер Нойесте Нахрихтен», 6 февраля 1908 года:

«Русские, с которыми, кстати, в последнее время очень хорошо обращались — их ежедневно водили на прогулку во дворе полицейского управления, они получали письма и

писали сами,— опасаются выдачи, которая, даже если их признают невиновными в тифлисском деле, все равно будет означать для них гибель, ибо они считают, что, хотя, согласно договору о выдаче, в России их можно обвинить только в том преступлении, из-за которого и был поставлен вопрос о выдаче, за политические убеждения их все равно в лучшем случае отправят в Сибирь, ибо их принадлежность к революционной организации не подлежит сомнению. Сами же русские не считают себя виновными в каком-либо преступлении, пусть даже в распространении украденных другими банкнот. Они признают, что получили эти банкноты от известных им третьих лиц, которые просили их разменять деньги, не объясняя, откуда они взялись. Таким образом, единственное обвинение, за которое их можно было бы привлечь к уголовной ответственности, in concreto состоит не в мошенничестве, факт коего с юридической точки зрения можно оспаривать, а только в покровительстве и укрывательстве. Обвиняемые говорят, что, если немецкий суд приговорит их за это даже к тягчайшему наказанию, они рады будут принять его, лишь бы не быть выданными России...

Кстати, теперь в деле этих людей можно считать уже установленным, что они не могли *принимать участие в тифлисском ограблении*, которое, если верить газетам, произошло в июне 1907 года, ибо они не ступали на русскую землю в течение более длительного времени...

Любопытно, что русские, которых по тому же подозрению арестовали в Париже, теперь уже давно на свободе, потому что Россия не смогла представить бесспорного требования об их выдаче, сопровождаемого всеми необходимыми документами и уликами. А ведь Франция, как известно, союзник России и находится с нею в еще более дружественных отношениях, нежели Бавария. У Франции нет общей границы с Россией. Вопрос о выдаче преступников во Франции решает кассационный суд, который не дает русскому правительству никаких советов, а только проверяет, соответствуют ли предъявляемые этим правительством требования существующему закону. В *Баварии* же вопрос о процедуре выдачи решается *правительством земли*, и оно же определяет, *каким образом следует освобождать арестованных,* однако в этом случае ему, видимо, придется дать общественности некоторый отчет о своих действиях».

«Ди Пост» (Берлин), 12 февраля 1908 года:

«Итак, русское правительство выразило свое вполне закономерное требование о выдаче преступников, по которому баварское правительство не приняло пока никакого решения. Тем не менее находятся люди, которые пытаются настроить общественное мнение в пользу террористов, чтобы создать такой фактор, мимо которого баварское правительство пройти не сможет.

То обстоятельство, что в этом подвизается в первую очередь социал-демократическая пресса, не должно никого удивлять, так как речь здесь идет о взаимных международных связях. Важным критерием для понимания и определения революционного характера *германской* социал-демократии является, в частности, тот факт, что «родственники» арестованных в Мюнхене русских террористов тут же наняли адвокатом одного мюнхенского социал-демократа. Со смелостью, вообще присущей этому роду людей, этот адвокат немедленно вмешался в начинавшиеся переговоры, хотя спор по этому вопросу ведется только на правительственном уровне, так что по всем законам международного права и дипломатии адвокату здесь делать нечего...

Действительно, договор о выдаче преступников предусматривает, что баварское правительство не имеет права отклонять требования о выдаче даже в том случае, если речь идет о преступлении, специально в договоре не предусмотренном, или о преступлении по политическим мотивам. Во всяком случае, правительства всех культурных государств должны быть заинтересованы в том, чтобы не давать никакой пощады русским террористам и иже с ними...

Потому что дать им пощаду означало бы такой разрыв со всем культурным миром, что даже одна мысль об этом уже является оскорблением для правительства, у которого есть все основания гордиться порядком в своем государстве. Кроме того, ведь и сами арестованные в Мюнхене лица уже признали свою виновность, сделав наивное заявление о том, что им лучше понести любое наказание в Германии, чем быть выданными России...»

«Санкт-Петербургский Вестник», 13 февраля 1908 года:

«Политические» преступления, участившиеся в последнее время не только в России, но и во всех прочих странах, становятся первым предостережением всем уважающим себя правительствам, обязуя их сделать все от них зависящее, чтобы подвергнуть пересмотру понятие «политическое преступление» как в законах отдельных стран, так и в общественном мнении цивилизованного мира.

Анархизм стал опасностью международной, и бороться с ним поэтому нужно также международным путем.

В международное право надо включить положение о том, что рядовые преступления не останутся безнаказанными оттого, что укроются «политическими» флагами.

Мы можем только указать на всеобщую

опасность, которой анархизм угрожает нашему культурному миру, и серьезно напомнить о необходимости совместной от него защиты.

Неужели народы будут дожидаться, пока ужаснейшая катастрофа покарает их за промедление?..»

4.

25 февраля 1908 года председатель Совета министров и министр иностранных дел королевства Баварии граф Подевильс отправил депешу в королевское баварское посольство в Санкт-Петербурге. Неделю спустя, 2 марта 1908 года, министр сообщил министерству иностранных дел в Берлине, что запрос России о выдаче преступников официально отклонен. К этому он добавил, что «устно сообщил российскому послу г-ну Вестману, что это требование России удовлетворено быть не может. При этом я подробно разъяснил ему причины, побудившие королевское правительство поступить подобным образом. Г-н фон Вестман, очевидно, и не ожидал никакого иного ответа. Он в *доверительной форме* сообщил мне, что считает мало удачными формулировки оного требования о выдаче преступников и в особенности об их немедленном аресте. По его мнению, имперскому германскому правительству также придется одобрить причины этого отказа» [1].

«Русское правительство потребовало выдачи арестованных здесь 18 января с. г. русских граждан: Сарры Равич, Миграна Ходжамиряна и Константина Егиазаряна (до сих пор *считавшегося* Тиграном Богдасаряном).

В заявлении о выдаче и приложенном к нему в качестве обоснования приказе об их аресте, подписанном государственным следственным судьей по особо важным уголовным делам г. Тифлиса, арестованных обвиняют в активном участии (соучастии) в тифлисском ограблении банка и взрыве нескольких бомб 13 (26) июня 1907 года.

При проверке оного заявления о выдаче я исходил из того принципа, что государство, требующее выдачи преступников, не обязано сообщать факты, на которых основывается подозрение в совершении преступного деяния, и что поэтому государство, которому это требование подано, в *принципе* не имеет права на проверку виновности обвиняемых или излагаемых ими доказательств своего алиби. Однако, если государство, выдвигающее требование о выдаче преступников, само сообщает другому государству те факты, на которых основывается подозрение задержанных, то это другое государство имеет полное право и даже — с учетом уважения к собственному правосудию — обязано принять предлагаемые причины подозрения со всеми вытекающими последствиями.

Подозрение в *непосредственном* участии арестованных здесь лиц в тифлисском ограблении, указываемое в заявлении русского правительства о выдаче преступников, основывается всего лишь на том обстоятельстве, что эти последние были обладателями русских банковских билетов, известных как украденные. При этом в прилагаемом приказе об их аресте совершенно ясно указывается, что русским властям стало известно об этом факте исключительно за счет информации от мюнхенского полицейского управления. Даже имена и все анкетные данные преступников, приводимые в заявлении о выдаче, только *повторяют* те данные, которые были даны самими обвиняемыми на допросе в мюнхенской полиции.

В дополнение к отдельным подозрительным моментам и к тому обстоятельству, что в прилагаемой к заявлению о выдаче преступников документации нет достаточных доказательств идентичности арестованных в Мюнхене лиц с участниками тифлисского преступления, следует упомянуть также и еще одно обстоятельство, вызывающее значительные сомнения в правомерности выдачи указанных преступников русскому правительству, а именно: арестованные показали, что во время совершения этого преступления они не только не находились в Тифлисе, но и вообще в России и что правильность этих показаний подтверждается официальными документами, полученными их адвокатом из запрошенных им учреждений. Так, было установлено, что все трое арестованных 26 июня 1907 года находились в Женеве, покинув Россию задолго до этой даты. Таким образом, их соучастие в тифлисском преступлении полностью исключается.

Если арестованные, как уже доказано, покинули Россию задолго до того, как произошло вменяемое им в вину преступление, то требование русского суда о выдаче их как *бежавших от заслуженного наказания* оказывается неправомерным. Статья 1 баварско-русского договора о выдаче преступников от *19 сентября/1 октября* 1885 года предусматривает обязательность выдачи *только на тот случай*, если означенные лица бежали за границу, чтобы укрыться от преследования суда на родине.

Это положение договора действительно в отношении *всех* уголовно наказуемых деяний, могущих стать основой требования о выдаче преступников в рамках означенного договора между Баварией и Россией.

По вышеизложенным соображениям я не могу удовлетворить требование русского правительства о выдаче этих преступников.

Я намереваюсь в ближайшие дни сделать сообщение об этом здешнему русскому послу,

[1] Auslieferung von Verbrechern. Allgemeines und Einzelfälle (u.a. Tifliser Bankraub 1907). BayHSta Gs. Berlin 1258.

обождав с этим, однако, до тех пор, пока Ваше Превосходительство получат настоящий указ, каковой первоначально должен служить *только* к Вашему личному сведению. После вручения отсылаемого нами на днях телеграфного уведомления об *окончательном* отклонении требования о выдаче преступников Ваше Превосходительство могут назвать все причины этого отказа в устной форме, если русское правительство или кто-либо иной обратится к Вам с соответствующим запросом.

Замечу еще, что теперь соответствующие органы баварского правосудия будут заниматься вопросом, является ли уголовно наказуемым деяние в смысле хранения и реализации краденых банкнот на территории нашего государства. Об этом также будет сообщено здешнему русскому посольству.

Прошу Ваше Превосходительство известить нас по телеграфу о получении настоящего указа» [1].

Это решение баварского правительства, не желавшего создавать впечатления у населения, будто оно (правительство) ходит в подручных у русского царя или у Пруссии, подверглось жестоким нападкам со стороны влиятельной и архиреакционной берлинской газеты «Ди Пост», которая 3 марта 1908 года опубликовала следующую статью:

Террористы, социал-демократы и баварский премьер-министр

«.. Баварское правительство уже сегодня может гордиться, что заработало аплодисменты социал-демократов. Их пресса, жестоко поносившая русское правительство, празднует решение о невыдаче преступников как настоящую победу. Создается впечатление, что баварский министр иностранных дел, который возглавляет также и Совет министров, хочет попытать успеха в политике примирения с международными революционерами. Теперь понятно, зачем понадобилось ему приглашать на парламентский ужин главного редактора социал-демократической газеты «Френкише Тагеспост». У гостеприимного порога премьер-министра положено оставлять всякую критику, разумеется из соображений чистого гостеприимства, а отнюдь не ради политики. Только на сей раз этим социал-демократическим редактором оказался выставленный Бебелем из Берлина Курт Айснер, который в своем листке только и делает, что с ненавистью критикует существующий государственный и социальный строй. Видимо, премьер-министру хотелось,

[1] BayHSta MA 98662.

подражая другим известным южнонемецким образцам, показать, что общественные сношения с вождями социал-демократов есть неотъемлемый институт «свободолюбивого» юга, столь же почетный, сколь и полезный. Здесь нам хотелось бы напомнить уважаемому премьер-министру, что эта пресса, руководителя которой он принимает в своих салонах, в скрытой форме постоянно наводит злонравную критику на членов баварского королевского дома, а членов правительства обычно называет невеждами. Эта пресса и ее заправилы несут всю вину за уличные беспорядки в Пруссии, пресечь которые удалось только благодаря тому, что Пруссия никому никаких «уступок» не делает. Подобное попустительство, допускаемое баварским правительством как в случае с русскими террористами, так и в личном общении с социал-демократическими буянами, может привести не к победе над международным революционным терроризмом, а только к его неудержимому росту».

28 сентября 1908 года эта газета снова писала о роковом «влиянии социал-демократов в Баварии»:

«На одном собрании социал-демократов, состоявшемся недавно в Фюрте, баварский депутат *Зегиц*, по сообщению газеты «Форвертс», заявил следующее:

«Мне уже *неоднократно* приходилось ходить к *министрам*, чаще даже, чем мне хотелось бы; однако я должен был делать это, чтобы выполнить мою обязанность депутата, к которому избиратели обращаются со своими просьбами Так, в Мюнхене были схвачены товарищи из России, которых обвиняли в том, что они участвовали в краже нескольких миллионов рублей. Меня просили — а просьба эта исходила из северной Германии — употребить все мое влияние, чтобы этих троих русских товарищей не выдавали в Россию, потому что это означало бы для них смерть через повешение Тогда я отправился к *министрам* и к *премьер-министру*, и этих троих русских не выдали»

Это заявление очень интересно. Прежде всего из него ясно, что «товарищ» Зегиц принят в Мюнхене у министров. Мы уже в течение многих лет указываем на то, несколько странное, положение, которое занимают в южной Германии депутаты от социал-демократов. Мы неоднократно протестовали против того, чтобы баварское правительство признавало за социал-демократией, которая, будучи революционной партией, желает уничтожить нынешний государственный строй, равные права с другими партиями. Если баварское правительство столь же мало озабочено всем этим, как и правительство Гессена, то оно делает тяжкую и очень опасную ошибку» [1].

[1] BayHSta MA 98662.

В краткой заметке от 29 апреля 1909 года о «предполагаемых русских террористах» газета «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» сообщала: «Русские, арестованные в Мюнхене в середине января прошлого года по подозрению в участии *в ограблении банка в Тифлисе,* которых приговорили к нескольким месяцам тюремного заключения за укрывательство, выпущены по отбытии ими срока *на свободу.* В понедельник они покинули исправительные заведения Амберг и Зульцбах, где отбывали наказание. Гос. министерство внутренних дел, заботясь об общественном благополучии, *выслало их из королевства Баварии* навсегда, приказав им покинуть страну незамедлительно и кратчайшим путем. А поскольку поданное Россией требование о выдаче их было, как известно, отклонено, то им предоставлено право самим выбирать место своего пребывания вне пределов Баварии. Поскольку же их выслали только из Баварии, они могут поселиться во всех других федеральных землях»[1].

5.

Решению баварского правительства предшествовал затяжной обмен нотами на уровне посольств и правительств России, Швеции, Франции и Швейцарии. Полицейские управления в Париже, Берлине, Петербурге, Стокгольме, Женеве, Берне и Тифлисе отвечали на запросы друг друга о политических и организационных подробностях этого дела.

Вместе с подборкой газетных вырезок баварское правительство получило от своего посла в Петербурге графа Мойя следующее заключение:

«Как я уже сообщал по телеграфу Вашему Превосходительству, собранные мною сведения не подтверждают политического характера ограбления, совершенного в июне 1907 года в Тифлисе во время перевозки денег в Государственный банк. В газетах того времени, которые мне удалось разыскать, описано очень немногое из этого ограбления, без имен преступников или их пособников и без указания характера преступления; русское правительство полагало, что арест *одного* из преступников мог бы дать больше сведений об организации этого преступления, каковые, насколько мне известно, ни тогда, ни теперь не публиковались. Мне нет необходимости всепокорнейше напоминать о том, что весь ход этого ограбления со взрывом нескольких бомб говорит о четкой организации, для обычных преступников довольно редкой; однако я хотел бы добавить, что в последние годы в России было совершено бесконечно много рядовых преступлений, которым всегда приписывали политический характер; все грабежи, сделанные в этой стране за последнее время, рассматривались большинством газет как «экспроприации», а деньги, которые были украдены якобы для пополнения партийной кассы, часто оседали в карманах грабителей. Я продолжу свои сообщения о настоящем деле, однако не думаю, что буду в состоянии дать Вашему Превосходительству исчерпывающие сведения; возможно, германский имперский консул в Тифлисе сможет дать какие-либо полезные сведения»[1].

«В дополнение к моему отчету от 24 числа с. м-ца за № 9 всепокорнейше имею доложить, что опубликованные санкт-петербургским агентством депеши по поводу ограбления банка в Тифлисе не дают никакого подтверждения тому, что речь шла о политическом преступлении. Я просмотрел все депеши агентства за то время, полагаю, однако, что посылать их Вам нет необходимости, ибо мне они не открыли никаких новых моментов, важных для оценки положения дел»[2].

Женевский отчет «о расследованиях... касательно ограбления, совершенного в июне 1907 года в Тифлисе», также не может похвастать обилием сведений.

«Полиция г. Женевы получила 18 января с. г. телеграфное уведомление от королевского полицейского управления из Мюнхена, что там арестованы трое проживавших в Женеве русских подданных армянской национальности, как имевшие при себе русские банкноты, о которых известно как об украденных из тифлисского банка 13 июня 1907 года, а именно: Сарра *Равич,* из Витебска (Россия), р. 1879, Мигран *Ходжамирян,* студент, из г. Верхние Акули Эриванской губ. (русс. Кавказ), р. 1882, и Тигран *Богдасарян,* студент из Тавриза Азербайджанской губернии (персидская Армения), р. 1884.

Тогда женевская полиция произвела обыски в квартирах трех вышеназванных лиц в Женеве и конфисковала находившиеся там бумаги. На вилле, где проживала Сарра Равич (Бульвар де ла Клюз, № 57), был обнаружен русский подданный Вячеслав *Карпинский,* который тут же был допрошен и арестован. Означенный Карпинский показал, что родился в январе 1880 года в Пензе, в Женеве находится уже три недели в учебных целях и снимает у Равич комнату. С Равич познакомился в 1902 году в университете Харькова (Россия).

Он утверждает, что Равич покинула Женеву 14 января, не сообщив ему, куда уезжает. По его словам, ему за политические дела пришлось отбыть один год лишения свободы в Харькове в 1902 году, потом сослан в Вологду, откуда через год бежал. Он признался, что, как и Равич, состоит членом Российской соци-

---

1 BayHSta MA 98662.

1 BayHSta MA 98662.
2 Ebenda.

ал-демократической партии. Согласно показаниям проживающего в Женеве Мориса-Фредерика де Шастонея, 45 лет, портного, родом из кантона Валлис, явившегося в полицию по объявлению об аресте Карпинского с целью поручиться за правдивость его показаний, последний проживает в Женеве уже с лета 1907 года и посещает здесь социал-демократические собрания. Де Шастоней указал, что Карпинский является библиотекарем «Русской библиотеки», находящейся на вилле у Равич и предоставляемой в распоряжение всем находящимся в Женеве русским.

При отъезде Равич оставила другому проживающему, Стрелочникову, письменную доверенность на получение корреспонденции во время ее отсутствия. Однако *Стрелочников*, по словам Карпинского, покинул виллу Равич в тот же день (14 января) и с тех пор тщетно разыскивается женевской полицией.

Арестованная в Мюнхене Сарра Равич передала там 20 января одной находившейся вместе с ней заключенной для дальнейшей передачи тайно написанное письмо на имя проживающего в Женеве (улица рю Бланш, 4) Николая *Семашко* (уроженца с. Ливенское Орловской губернии, Россия), родившегося 8 сентября 1874 года. После того как об этом была уведомлена женевская полиция, она арестовала Семашко 21 января. Последний дал показания, что проживает в Женеве один год и до того имел врачебную практику в Нижнем Новгороде и уехал из этого города после 9 месяцев предварительного заключения за то, что был председателем в социал-демократической партии. Он утверждал, что с Равич близко знаком не был, видел ее лишь во время посещений «Русской библиотеки» и никаких отношений с ней не поддерживал. Что касается Богдасаряна, то он даже и фамилии такой не знает; правда, он (Семашко), являясь сотрудником выходящей в Женеве на русском языке газеты «Радуга», состоит в регулярных контактах с Ходжамиряном, редактором этой газеты. Семашко заявил, что Ходжамирян сообщил ему примерно 15 января, что его всего лишь несколько дней не будет на месте.

Карпинский и Семашко находятся в заключении в Женеве. Русское правительство обратилось с просьбой в Швейцарский федеральный совет о выдаче Карпинского и исчезнувшего Стрелочникова, указав их как участников ограбления в Тифлисе, не приводя, впрочем, отягощающих моментов их вины. Русская миссия в Берне объявила Федеральному совету, что в ближайшие дни поступит еще одно представление о выдаче — на Семашко.

Как Карпинский, так и Семашко самым решительным образом отрицали какую бы то ни было причастность к похищению банкнот в Тифлисе, конфискованные у них бумаги не давали никакого основания для установления такой причастности.

Бумаги, конфискованные в Женеве на квартирах Ходжамиряна, Богдасаряна и Равич, а также поступавшая затем на адрес последней корреспонденция, которая там вскрывалась, не давали никакого объяснения, как похищенные банкноты могли оказаться у этих трех лиц, занимавшихся их реализацией. Сарра Равич и Ходжамирян имели исправные заграничные паспорта русского генерального консульства в Женеве, которые они сдали на хранение тамошней полиции. Там же Богдасарян сдал на хранение генеральному директору министерства иностранных дел оформленный на его имя персидский заграничный паспорт» [1].

Ближе всего к настоящему положению дел, которое выясняли со столь большой активностью, было донесение бернской миссии от 20 февраля 1908 года, ссылавшееся на информацию швейцарской политической полиции:

У арестованных Карпинского и Семашко «нашли совсем незначительные денежные суммы, что, правда, тоже подозрительно, поскольку они должны были жить на какие-то средства, поэтому напрашивалось предположение, что они получали поддержку из-за границы от какого-нибудь революционного комитета. Впрочем, Семашко заявил, что ему платят за газетные статьи и что он имеет земельную собственность в России. Карпинский, по его утверждению, также получал плату за сотрудничество в русских социал-демократических газетах... Судя по всему, не подлежит сомнению, что весь круг знакомых Сарры Равич состоит из политически неблагонадежных и имеющих судимости по политическим делам людей, непрестанно занимающихся революционной деятельностью. Их организация, очевидно, широко разветвлена; однако они были весьма осторожны в переписке и остерегались делать в письмах компрометирующие сообщения. Вероятно, они пользовались в своей корреспонденции предварительно согласованными кодовыми словами. Во всяком случае, в конфискованных бумагах и выявленных обстоятельствах нельзя найти никакого доказательства участия в тифлисском преступлении, даже если арестованные и состоят в связи с его исполнителями» [2].

Автору донесения из Берна не удалось выявить за кругом знакомых *Сарры Равич, «очевидно, широко разветвленную организацию»*, точно так же, как в свое время потерпели провал полицейские и правительственные чиновники Бисмарка в своих преследованиях «опасной для общества» деятельности социал-демократии в самой стране и за границей. Они искали заправил, членов тайных союзов и заговоры, в то время как сила

[1] BayHSta MA 98662.
[2] Ebenda.

социализма была в ином — в солидарности и интернационализме. Эти чувства двигали той частью населения, которая оказала нажим на правительство и не допустила выдачи арестованных в Мюнхене в 1908 году соратников Ленина.

Среди участников митинга — Людвиг Тома, Томас Манн и Людвиг Ганггофер...

1.

Последний мюнхенский крупный митинг солидарности с русским освободительным движением состоялся весной 1914 года. По призыву представительного органа — «Германского союза помощи политическим заключенным и ссыльным России» в мюнхенской пивной «Киндлькеллер» собрались около 4 тыс. человек. Ответственным устроителем был профессор д-р Людвиг Квидде. Митинг проходил под эгидой мюнхенского комитета солидарности в составе профессора фон Амира, Зигмунда Френкеля, д-ра Людвига Ганггофера, тайного придворного советника профессора д-ра Зигмунда Гюнтера, члена ландтага д-ра Георга Гирта, Томаса Манна, депутата ландтага Адольфа Мюллера, профессора д-ра Людвига Квидде, члена ландтага и депутата ландтага Игнаца Шёна, д-ра Людвига Тома, депутата рейхстага и ландтага Георга фон Фольмара.

В газетах и плакатах были широко объявлены главные ораторы и тема вечера: «Из русских застенков. Клич о помощи! Страдания политических заключенных России. Доклад — Ульрих Раушер (с пояснительными подлинными фотографиями). Перед докладом выступление д-ра Людвига Тома. Плата за вход — 50 пфеннигов, зарезервированный столик — 1 марка, номерное место — 2 марки. Выручка от вечера идет в пользу «Германского союза помощи политическим заключенным и ссыльным России»[1]. Более выдающегося состава деятелей науки, культуры и политики в Мюнхене тех дней и невозможно было собрать.

Движение против реакции и царизма, за революцию и демократию в России достигло к тому времени своей наивысшей точки. Социал-демократы и либералы, даже часть Центра были едины в поддержке основных требований солидарности с русским движением, на их стороне было, несмотря на сопротивление антисемитского движения, христианско-социальных, клерикальных и консервативных кругов, и общественное мнение. На столь

[1] Мюнхенские союзы в 1902—1926 гг. StaM RA 57844.

широкое участие народа в 1910—1914 годах могли рассчитывать лишь митинги против милитаризма и войны, действия в ходе забастовок и за демократическое избирательное право. Социальное и политическое противоборство обострилось во всей Европе.

Уже в 1908 году Ленин писал о накоплении «горючего материала» в мировой политике:

«Международное революционное движение пролетариата не идет и не может идти равномерно и в одинаковых формах в разных странах. Полное и всестороннее использование всех возможностей на всех поприщах деятельности складывается лишь в итоге классовой борьбы рабочих различных стран. Каждая страна вносит свои ценные, оригинальные черты в общий поток, но в каждой отдельной стране движение страдает той или иной односторонностью, теми или иными теоретическими или практическими недостатками отдельных социалистических партий. В общем и целом мы видим ясно громадный шаг вперед международного социализма, сплочение миллионных армий пролетариата в целом ряде конкретных столкновений с врагом, приближение решительной борьбы с буржуазией — борьбы, во много раз более *подготовленной* со стороны рабочего класса, чем во времена Коммуны, этого последнего великого восстания пролетариев...

Реакция против усиливающейся борьбы пролетариата неизбежна во всех капиталистических странах, и эта реакция сплачивает буржуазные правительства всего мира против всякого народного движения, против всякой революции и в Азии и особенно в Европе. Оппортунисты в нашей партии, подобно большинству российской либеральной интеллигенции, до сих пор мечтают о такой буржуазной революции в России, которая бы «не отталкивала» буржуазию, не запугивала ее, не порождала «чрезмерной» реакции, не вела к захвату власти революционными классами... Горючий материал так быстро растет во всех передовых государствах мира, пожар так явно перекидывается на большинство государств Азии, вчера еще спавших глубоким сном, что усиление международной буржуазной реакции и обострение всякой отдельной национальной революции абсолютно неизбежны»[1].

В Германии в борьбе за установление демократических порядков в государстве и обществе принимали участие сотни тысяч рабочих, ремесленников, мелких буржуа и интеллигентов, демонстрировавших против политики наращивания вооружений и милитаризма. В различных городах произошли кровавые столкновения. Самой внушительной демонстрацией было массовое гулянье берлинских социал-

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 182—183.

демократов 6 марта 1910 года, проведенное вопреки полицейскому запрету: несколько тысяч партийных функционеров прямо в ходе демонстрации, насчитывавшей свыше 150 тыс. человек, перенаправили людской поток в Тиргартен, к зданию рейхстага, после того как полиция перекрыла подходы к Трептов-парку, куда первоначально намечалось направить демонстрацию[1].

В мюнхенской пивной «Киндлькеллер» 14 августа 1911 года на митинг социал-демократической партии против «поджигателей войны, поставщиков армии и патриотов — поклонников бронеплит» в переполненном зале собралось свыше 5 тыс. человек, поток прибывающих участников митинга к 20 часам все не прерывался, поэтому, как в 1905 году на гигантской демонстрации солидарности с русской революцией, было решено провести на ту же тему параллельное собрание в близлежащем зале «Бюргербройкеллера», который также заполнился до отказа.

Собрание националистически настроенных пангерманистов, которое состоялось в Мюнхене двумя днями позже и на которое «пришли почти исключительно лишь представители зажиточных сословий», набрало всего лишь, как отметил в своем докладе комиссар безопасности, «около 1 тыс. человек»[2].

Для правящего класса и правительства, которые, как и правительства других империалистических государств, продолжали проводить курс на увеличение вооружений, хотели предотвратить при помощи войны социальный и политический переворот, а также стремились к переделу рынков, решающее значение имел вопрос, какую позицию займет международное рабочее движение при дальнейшем обострении положения. Этот вопрос был неразрывно связан с представлениями различных политических и общественных сил о том, кто является их главным врагом. Во время дебатов в рейхстаге по военному бюджету Карл Либкнехт 26 апреля 1913 года заявил: «...в интересах сохранения мира, в интересах содействия устремлениям, призванным не допустить, чтобы безрассудная политика престижа повергла Европу в войну, надо перед всем миром прямо указать на ту клику капитала, чьим интересам отвечают и чьей пищей являются напряженность между народами, вражда между ними, война. Надо крикнуть народам: «Отечество в опасности!» Ему угрожает не внешний враг, а международная военная промышленность, которую поддерживают опасные внутренние враги»[3].

На фоне военной угрозы и кризиса собрание «Германского союза помощи политическим заключенным и ссыльным России» 2 мая 1914 года носило весьма двойственный характер[1].

«Мюнхен, 8 мая 1914 года.

Тема вечера «Из русских застенков» и гигантская реклама, изобилующая самыми блестящими именами Мюнхена, собрали в большом зале «Киндлькеллера» огромное число людей; было ли удовлетворено их любопытство — дело другое: оба основных оратора вечера страдали большими недостатками. Господин Раушер рассказывал о вещах, которые он знает только по статистике и по предоставленным ему материалам, между тем как большинство посетителей справедливо ожидало, что он сам был непосредственным свидетелем тех ужасов, о которых шла речь. Его рассказу недоставало, на мой взгляд, в таких больших делах абсолютно необходимой «личной ноты», т. е. идущего от переполненного сердца к чутким сердцам массы слушателей слова — слова, способного воспламенить и захватить мощью личного обширного опыта. Без этого доклад напоминал проиллюстрированное фотографиями школьное сочинение. Далее д-р Тома не показал себя в такой же степени блестящим мастером слова устного, в какой он владеет пером. Хотя печать его партии и превозносит его, от внимания автора настоящего доклада не могли ускользнуть многие разочарованные лица во многих концах зала, когда после нескольких предложений в стиле начинающих ораторов Тома сошел с трибуны. Многие, в том числе и автор этих строк, полагали, что с того места, на котором Тома закончил свое выступление, как раз и начнется самое интересное. Но Тома с облегчением и довольством раскланялся и вернулся на свое место. Громкие аплодисменты были вызваны лишь уважением к нему вообще, его же весьма слабое выступление в этот вечер их не заслужило. Чтобы завершить общую картину вечера, скажем, забегая вперед, что самое разумное мнение на этот раз было выражено д-ром Квидде, спросившим в конце собрания, ради чего мы это делаем, ради чего протестуем, и чистосердечно признавшимся: все это начинание лишено смысла и никакого успеха не принесет, все здесь присутствующие бессильны что-либо изменить, один вечер поговорили о морали, и на том для большинства собравшихся дело и кончилось.

После этого краткого критического вступления перехожу к рассказу о ходе самого вечера.

Д-р Квидде, устроитель собрания, открыл его в двадцать пять минут девятого констатацией, что организацией, пригласившей мюнхенцев на собрание, является «Германский союз помощи политическим заключенным и ссыль-

---

1 Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 150.
2 StaM RA 57844.
3 Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 191.

1 StaM RA 57844.

ным России». Вечер задуман не как политическое собрание с дискуссией и принятием резолюции, а — было буквально сказано — как «митинг во имя человечности» (возгласы: «Браво!»), «выражение готовности помочь тем, кто томится в условиях, которые будут еще обрисованы на сегодняшнем вечере, как протест людей с чувством гуманности против порядков, продолжающих существовать в Европе к стыду человечества.

Этот митинг протеста, нашедший поддержку во всем мире, должен в то же время стать выражением симпатии ко всем тем, кто подвергает свою жизнь опасности во имя свободы страждущих собратьев».

После чего он сразу предоставил слово господину Тома.

Д-р Тома, встреченный аплодисментами отдельных участников собрания, сказал: в следующем году мы отмечаем столетие «Священного союза», который его основатель царь Александр I назвал «священным семейством». Сейчас это звучит как издевательство: с одной стороны, «священное семейство» исключительно христианских наций, а с другой — нынешние порядки в России, во всей Европе. Нации утратили чувство солидарности настолько, что приходится взывать к их совести, указывая на те ужасы, терпеть которые несовместимо с «христианскими» принципами «христианского» семейства. Подобные «священные» договоры — пустая бумажка, зато остаются в силе договоры, требующие выдачи любого политического беженца. Не следует нагнетать антирусские настроения — это не чисто русские порядки; если законность и человечность перестали быть необходимой основой государства в какой-либо части Европы, то это чудовищность, которая бросает тень на пограничные столбы Европы. В наши дни мы не можем больше придерживаться так называемых «имманентных прав государства». Самое печальное то, что к этим ужасам глухи не только правительства, но и те, кем правят. Поэтому смехотворно замечание местной клерикальной газеты, «что без выступлений преступников или революционеров уже и собрание не собрание».

Об этом надо говорить и в Мюнхене, хотя наш город объявлен «очагом анархистской агитации!» (Громкие возгласы: «Браво!», аплодисменты).

Затем выступил основной оратор вечера — господин *Ульрих Раушер* из Берлина:

В Берлине состоялось первое собрание подобного рода. Он полагает, что в Мюнхене, ближе к русским пограничным столбам, можно говорить свободнее, чем в столице. Но и здесь в городском архиве хранится документ, вызвавший больше слез, чем многие другие.

В жизнерадостном городе Мюнхене трудно найти подходящий случай, который бы явился вступлением к докладу о страданиях русского населения. Когда докладчик изучал документы и бумаги, в Берлине произошел случай, который может вполне послужить вступлением к докладу. Там по донесению полицейского шпика молодой русский писатель был арестован после доклада о Горьком (sic!) прямо на месте выступления. Его подвергли всем процедурам, предназначенным для воров, и только на следующее утро, когда была доказана полная несостоятельность всех выдвинутых против него обвинений, ему дали понять, что ему следует исчезнуть и лучше всего сразу за границу. Вновь восторжествовала практика полного бесправия иностранцев с определенными взглядами.

Мы не можем оставаться бесстрастными сторонними наблюдателями русской трагедии, ибо там люди жертвуют собой ради самого дорогого, что есть у человека,— своих убеждений. Стоящие там у кормила власти защищают свое господство террором и убийствами из-за угла. Даже если бы до нас в Германии не доходили отклики из России, наш долг протестовать не стал бы от этого менее обоснованным. Этот позор человеческой цивилизации должен вызывать краску стыда на лице у каждого, называющего себя человеком. Тот, кто отрицает это, лишен чувства солидарности.

Вместо слов он заставляет говорить фотографии, пусть они убедят публику. Эта демонстрация фотографий из русских застенков проводится впервые. То, что изображено на фотографиях, лишь малая часть того, что совершается изо дня в день за теми страшными стенами. При таком потрясающем обвинительном материале на трибуну должны были бы выйти лучшие представители нашего народа!

Докладчик затем изложил историю возникновения этих жутких порядков и особо выделил 1905 и 1906 годы, когда после крайне непродолжительной весны свободы для русского народа начался кровавый террор реакции. Буквальная «охота на людей» — такова действительность тех времен. Цифры говорят о не менее чудовищных деяниях: итоги карательной экспедиции генерала Орлова — 18 человек повешено, 621 расстрелян, 321 погиб от расправ. С 1906 по 1910 год: 21 тыс. убитых и 31 тыс. раненых. Кроме того, с 1906 по 1910 год по политическим делам осуждено 38 тыс. человек, в том числе 5735 приговорено к смертной казни, 3744 смертных приговора приведено в исполнение.

Кто выносит эти приговоры? По свидетельству русского генерала Ширкевича — члены полевого суда, ленивые, тупые субъекты, пьяницы, которых приходится с заседания развозить по домам в пьяном виде.

И как приводятся эти приговоры в исполнение? Докладчик воспроизвел рассказ русофила Презансэ о том, как осужденных одного за

другим привязывали к пожарной лестнице, причем очередному надо было ждать до тех пор, пока предшествующая ему жертва не окоченела. И кого обычно осуждают? Каждого революционера. Последнее в России равнозначно с принадлежностью к социал-демократической партии, той партии, которая не на жизнь, а на смерть отстаивает в Думе свободу народа.

Русской «справедливости» мало двух бичей, есть еще и третий — административная ссылка. Всякого неугодного отправляют в Сибирь. Устраиваемые казаками на улицах массовые обыски служат для получения необходимого обвинительного материала. Апелляции против ссылки нет. Многие ожидали от юбилея дома Романовых перемен к лучшему, но ни один политический заключенный помилования не получил, оно распространялось лишь на уголовных преступников. Если в 1905 году в русских застенках насчитывалось 90 тыс. заключенных, то теперь их 220 тыс. Вот и все «смягчения», на которые возлагались столь большие надежды.

Затем докладчик показал при помощи фотографий, как выглядят русские тюрьмы, сначала те, которые считаются образцовыми и показывают иностранцам, как, например, дрезденскому прокурору Вульфену, который после этого вернулся на родину «обращенным в новую веру», а после те, в которых внешне царят христианские, а внутри — в лучшем случае варварские условия. Он упомянул устно передававшийся рассказ о том, как караульные солдаты развлекались стрельбой по заключенным во дворе. Когда один из этих несчастных в глубоком негодовании потребовал от них объяснений, солдаты отвечали ему с улыбкой: «Невелика беда — за одного убитого дадут только 3 месяца тюрьмы». То, что мы читали как сказки из времен рабства, христианское правительство положило в основу своего государственного правления. Давящие рабские цепи, которые снимают только после смерти, запрет всякого приработка в местах ссылки, вечное сидение и прозябание на нарах, к которым они прикованы, и многое другое, удары кнутом и т. п. — таковы средства, которыми мучат бедных русских заключенных. Докладчик приводил в подтверждение сказанному письменные документы или же фотографии, часть их была о ладожских тюрьмах с невыносимыми каторжными работами, часть — об ужасных краях, куда бедных заключенных ссылают с женами и детьми, по словам выступавшего, «буквально на погибель» от голода, губительного климата или от собственного отчаяния. Русское правительство выделяет на одного заключенного *в месяц* 3—7 рублей. Во многих местах Сибири их просто отпускают без единой копейки, бросая на произвол судьбы. Это страдания, ждущие ссыльного на месте ссылки, если он вообще перенесет живым долгий путь в ссылку кораблем или на оленьих нартах. В тысячах миль от всякого человеческого существа ему на месте назначения после мук тюрем-зимовок на бесконечном пути отводят покрытую льдом полуразвалившуюся юрту, из которой выгнали туземцев. Там и живет ссыльный в ожидании смягчения приговора.

И все же, несмотря на все эти притеснения, русскому правительству не удалось задушить благородство в этих людях. Трогательными тому свидетельствами являются сооруженный из грубых бревен читальный зал с пристроенной к нему обсерваторией.

Самые жуткие порядки русское правительство установило в ладожских тюрьмах. Всякая работа запрещена, и умные люди просиживают, тупея, свою несчастную жизнь. Лишь два раза в год, на пасху и на рождество, им разрешают набраться свежего воздуха — на весь год. (Громкие крики негодования.) Складывается впечатление, что правительство творит эти акты бесчеловечности для того, чтобы вызвать кровавые бунты, с тем чтобы опять подавить их в крови. Демонстрируются фотографии с изображением одной из самых ужасных разновидностей наказания — порки. Следствие этого гнета — ужасающе высокое число самоубийств в тюрьмах. 160 за год в одной из тюрем — самая настоящая эпидемия самоубийств. Это — единственное право, оставленное заключенному.

Выражением сожаления о России, в которой вырастает новое поколение мстителей — дети заключенных, докладчик закончил показ русских застенков. Затем он высказал свое недовольство тем, что другие правительства обращаются с такой нацией, как с равной. Надо бы звать к крестовому походу против палачей в рясах, судейских мундирах и в униформах. В самое ближайшее время протест ничего не изменит, но он должен способствовать распространению правды, чтобы в первую очередь германское правительство не могло сослаться на свое неведение. Во время нашего праздника свободы известные круги не постеснялись послать царю телеграмму в самых похвальных тонах. Кто из знающих жертвы русской освободительной борьбы мог бы даже помыслить о подобном? Ныне надо добиться, чтобы туда перестали идти немецкие деньги и прежде всего «никакого договора о выдаче с этим правительством каннибалов!» Развернем же кропотливую работу, будем посылать каждый собранный пфенниг туда, несчастным, а сегодня заявим свой громкий протест по поводу этого позора человеческой культуры!

Г-н Раушер закончил свое выступление в четверть одиннадцатого под громкие и продолжительные аплодисменты.

Г-н д-р Квидде выразил оратору благодарность, объявил небольшой перерыв и после

него короткое выступление г-на Зюсгейма для лучшего усвоения услышанного.

Спустя десять минут слово взял *д-р Зюсгейм:*

«Собрание было созвано во имя человечности. Перед лицом рассказанных ужасов исчезают все различия вероисповеданий и политики. Существует солидарность культуры, человечности. Спрашивается, можно ли гордиться достижениями новейшего времени, когда еще 100 миллионов человек страдают под гнетом самых бесчеловечных порядков.

Другой вопрос: кого главным образом осуждают? Грабителей, бандитов, обогатившихся миллионами русского правительства? Нет, осуждают самых энергичных и благородных за то, что они осмелились встать за свои убеждения. Наши слова направлены не против русского народа, а против царя и его советников. Там царят почти невообразимые человеку порядки. Начинаешь понимать, почему в России есть люди, которые говорят: «Против царя и его советников все средства дозволены!» Доля вины падает на всех, кто не включился в борьбу за ликвидацию подобных порядков. И в Германии есть виновные в этом люди! (Крики: «Вильгельм!»)

И даже здесь в Баварии! В Баварии было принято предложение социал-демократов о расторжении договора о выдаче, но это дело сорвала Баварская палата имперского совета (Крики: «В Сибирь их!»)

Глубоко прискорбно, что с царем обменивается братским поцелуем Франция. Но глубоко прискорбно и то, что под влиянием юнкеров Восточной Пруссии между Германией и Россией существуют самые что ни на есть лучшие отношения. В тот момент, когда немецкий кайзер встал бы во главе движения культуры, за ним пошли бы широкие массы народа. Кое-кто намеревается ввести русские порядки и в Германии. Но мы вполне в состоянии бросить на чашу весов наши голоса. В этом смысле и наши сегодняшние возгласы протеста не пройдут бесследно».

Затем оратор выразил свое восхищение людьми, рабочими батальонами, непреклонно отстаивающими свои права:

«Человечество настоятельно требует покончить с царизмом. Разве он не протягивает свои когти в свободную Финляндию? Опять оживают средневековые времена инквизиции, когда видишь, как преступные безумцы выдумывают все новые мучения, чтобы отравить людям их жалкое существование. Долг каждого — встать на борьбу с этим позором столетия. Мюнхенцы единодушны в своем протесте! Для страдальцев там появится надежда на свободу, если они будут знать, что в остальной культурной Европе поднимаются голоса, требующие их освобождения. Наши надежды на будущее воплощает призыв: «Долой царизм!»

Д-р Квидде дополнил вышесказанное двумя заключительными соображениями:

«1) Почему мы так бессильны, что наши и все остальные действия не дают почти что никакого эффекта? Д-р Зюсгейм уже говорил о позиции Германии, о ее пособнических услугах русскому правительству, а также о гордой Франции, которая поддерживает царизм силой своего влияния и деньгами. Не будем становиться в позу фарисеев — в нашем глазу достаточно крупное бревно. Но почему мы так бессильны? Потому что мы слишком удалены от международного братства культурного человечества из-за вечного соперничества между народами. Это не дает стать совести культурных народов могучей силой. Не будь этой международной анархии, то не было бы и рассказанного, поскольку русский царизм держится на противоречиях остальных держав.

2) Что означает этот протест для большинства присутствующих в зале? Один вечер порассуждали на темы морали, а потом, довольные, разошлись по домам и забыли обо всем услышанном. Так это не должно оставаться, мы должны стремиться к тому, чтобы повлиять на эти страшные порядки в России. Каждый должен поддержать движение не только теоретически, но и практически. Даже если наши правительства и не хотят ничего предпринять, а сложное состояние европейской политики и нехватка чувства солидарности делают успех почти недостижимым, мы можем внести посильный вклад в улучшение указанного бедственного положения. К чести французов будь сказано, что движение пошло от них, от председателя их «Лиги прав человека».

Давайте же равняться на французов».

После призыва со всей серьезностью отнестись к сказанному д-р Квидде объявил собрание закрытым. Было три четверти одиннадцатого.

Публика не скупилась на аплодисменты, но в общем была спокойна, в целом выступления не носили такого характера, чтобы взвинчивать страсти.

Присутствовало около 4 тыс. человек, в том числе треть — женщины, в президиуме были также д-р фон Амира и д-р Ганггофер.

По окончании все мирно разошлись.

Подписи: Грэдлер, комиссар безопасности, и Клугляйн, ассистент...

3.

Авторы этого тайного доклада в управление полиции явно не сознавали всей значимости основных положений, высказанных на митинге: по их заключению получалось, что выступления против царизма, как и в предшествующие годы, одновременно направлялись и против спокойствия и порядка в самой кайзе-

ровской Германии. Никак нельзя оценить иначе пренебрежительную оценку Людвига Тома, уже тогда очень известного и пользовавшегося в Баварии большим авторитетом.

На деле мюнхенский большой митинг солидарности с жертвами царизма в России продемонстрировал тенденцию перерождения первоначально демократического и революционного движения в демагогическую и шовинистическую травлю России; он показал, кто должен проявить инициативу, чтобы эта тенденция получила широкий отклик среди населения.

Со времени Священного союза, преследований оппозиции, жестокого подавления демократии силами России, Пруссии и Австрии царь и царизм считались оплотом реакционных держав в Европе.

Революционная буржуазия и пролетариат были охвачены единым демократическим стремлением борьбы против всесилия старого строя, каковым в XIX веке была царская Россия, которую поддерживали все крупные и малые самодержцы, крупные землевладельцы и юнкеры феодального и полуфеодального типа, в противовес республиканским идеям свободы, равенства и братства.

Либеральные и социалистические принципы, стремление к конституции и парламентскому представительству, ставящему на место монарха народ как высший суверен, были диаметрально противоположны принципу самодержавия, притязаниям русского самодержца и других монархов. Оппозиция, как в России, так и в других государствах Европы, направленная против царизма, постоянно включала в себя одновременно либеральные и революционные тенденции и установки, которые в свою очередь были связаны с представлениями либерального и революционного движения по национальному вопросу.

По национальному вопросу, однако, имелись четкие различия между либеральной буржуазией и социалистическим рабочим движением: для Маркса и Энгельса, Либкнехта и Бебеля борьба с царизмом была одновременно решительным боем рабочего движения против реакции в собственной стране. Революционные цели социализма увязывались с требованиями свободы, независимости и суверенитета немецкого народа. Эти требования не шли вразрез с освободительной борьбой рабочего движения в других странах. Международная солидарность была неотделима от национальной суверенности и ответственности. В этом смысле сотни тысяч немецких рабочих и служащих, ремесленников и мелких торговцев, взгляды которых формировались основателями научного социализма, вождями старой социал-демократической партии, союзами подмастерьев и профессиональными союзами, проявляли солидарность с русской братской партией. Практическое выполнение принципа солидарности, как мы видели на многих примерах, было связано с риском и требовало самоотверженности, но эти действия были для немецкого социал-демократа в 1914 году само собой разумеющимся делом. Во всяком случае, никто не мог открыто выступить против этого. Правящие классы стояли на стороне царя и кайзера, в то время как либеральная и мелкая буржуазия выступала, как правило, в едином союзе с правящими классами Германии против социал-демократии, находясь при этом в оппозиции к России.

Социалистическая линия борьбы с царизмом была связана с теми взглядами, которые Фридрих Энгельс выразил в 1892 году в «*Almanach du Parti Ouvrier*», полемизируя против «националистического опьянения» и выдвигая следующую задачу немецкого рабочего движения:

> «Война, в ходе которой русские и французы вторглись бы в Германию, была бы для нее борьбой не на жизнь, а на смерть, борьбой, в которой она, чтобы обеспечить свое национальное существование, должна была применить самые революционные средства. Нынешнее правительство, если только оно не будет к этому вынуждено, наверняка не развяжет революцию. Но у нас есть сильная партия, которая может его принудить к этому или в случае необходимости занять его место,— Социал-демократическая партия...
>
> Ни один социалист, к какой бы национальности он ни принадлежал, не может желать ни военной победы нынешнего германского правительства, ни победы французской буржуазной республики и уж меньше всего — победы царя, которая была бы равносильна порабощению Европы. И поэтому социалисты всех стран стоят за мир» [1].

Маркс, Бебель, Либкнехт неоднократно положительно высказывались по вопросу национально-освободительной войны, которую должен вести немецкий рабочий класс в случае угрозы завоевания его страны и подавления его движения иностранной державой.

То, что русский царизм в XIX веке неизменно рассматривался как реальная угроза демократии, доказывалось не только несовместимостью принципов самодержавия и демократии, но и фактом кровавого подавления ряда освободительных выступлений и революций в самой России — от восстания декабристов до революции 1905 года.

От свержения самого мощного и реакционного режима ведущие представители и рядовые массы международного рабочего движения ожидали значительного облегчения борьбы за социалистическое преобразование государства и общества.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 259.

Поэтому социалисты с той же решимостью, с которой они выступали против русского царизма как оплота реакции, боролись и со всеми проявлениями национализма. По поводу ведущейся в националистическом угаре мировой войны в Европе Фридрих Энгельс писал еще в 1891 году:

«Несомненно одно: ни царь, ни французские буржуазные республиканцы, ни само германское правительство не упустили бы такого прекрасного случая, чтобы раздавить единственную партию, которая для всех троих является врагом. Мы видели, как Тьер и Бисмарк протянули друг другу руки над развалинами Парижа Коммуны, и нам довелось бы еще увидеть, как царь, Констан и Каприви (или кто-либо из их преемников) бросятся друг другу в объятия над трупом немецкого социализма»[1].

Такова была расстановка европейских политических сил в 1914 году. Кто был чьим врагом? Была ли надвигавшаяся война войной наций? Была ли зто война классов?

Ответ на зти вопросы определял, будет ли предотвращена или развязана война и кто возьмет верх — интернационал социалистов или «золотой интернационал» империалистов.

В 1914 году в рядах социалистических партий насчитывалось 4,1 млн. человек. Тем самым численность зтих партий после 1910 года, когда состоялся Копенгагенский конгресс социалистов, удвоилась[2].

Значительным был, как показывает статистика, и прирост голосов, поданных за них на выборах в национальные парламенты.

	1908 г.	1914 г.
Германия	3 259 023	4 238 000
Франция	877 000	1 400 000
Великобритания	334 000	538 286
Италия	320 000	1 047 645
Австрия	926 000	1 043 297
Россия		45 000
США	310 176	800 000

Другая таблица отражает рост численности партий по странам, отдельные цифры носят условный характер. Например, в Бельгии в общее число были включены члены профсоюзов и кооперативов, в Финляндии были только коллективные члены, как и в Англии, где лейбористская партия состояла из профсоюзов, профсоюзных картелей, социалистических организаций и нескольких партий; единственная партия марксистской организации — социал-демократическая партия имела в 1908 году около 13 тыс. членов; в Австрии членом партии считался всякий, кто подписался на «Фолькстрибюне», Польская социалистическая партия насчитывала в Австрии 16 тыс., Чехословацкая социал-демократическая партия имела в 1913 году 130 тыс. членов[1].

	1908 г.	1914 г.
Бельгия	183 997	131 405
Дания	34 078	48 344 (1913 г.)
Германия	587 336	1 085 905
Финляндия	71 266	71 266
Франция	49 348	72 765
Великобритания	1 158 565	1 612 147
Италия	40 000	45 000 (1913 г.)
Нидерланды	8 748	25 609
Норвегия	27 838	53 866
Австрия	112 538 (1909 г.)	145 024
Швеция	112 693	84 410
Швейцария	20 439	27 485
США	41 751	93 519

Социал-демократическая партия Германии занимала во II Интернационале доминирующее положение: в 1914 году она набрала более двух третей всех голосов, поданных за программу, целью которой был социализм в Германии и во всех странах мира; ее члены заявляли о своей приверженности лозунгу «Манифеста Коммунистической партии» *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*.

Франц Меринг писал еще во время мировой войны, что до 4 августа 1914 года социалисты всего мира были единодушны в признании необходимости предотвращения империалистической войны: «Решения Штутгартского (1907 г.), Копенгагенского (1910 г.) и Базельского (1912 г.) международных конгрессов на зтот счет совершенно ясны и однозначны: линия действий рабочих партий отдельных стран в случае войны диктуется лишь интересами международного пролетариата»[2].

Но когда настало время действовать, отмечали делегаты Международного социалистического бюро на своем последнем заседании 29 июля 1914 года в Брюсселе, они оказались неподготовленными к катастрофе[3].

От имени партийного Правления СДПГ Гуго Гаазе заявил: «Мы выполним свой долг»[4]. Это означало, что все делегаты могут «положиться на волю немецких социал-демократов, всеми силами оказать противодействие маневрам своего правительства»[5]. Среди рабочих в Гер-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 258.
[2] *Haupt Georges.* Der Kongreß fand nicht statt. Die sozialistische Internationale 1914. Wien — Frankfurt — Zürich, 1967, S. 104.

[1] Все цифры приводятся по: *Fricke Dieter.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1869—1914, a.a.O., S. 600 f.
[2] *Luxemburg Rosa.* Die Internationale. München, 1919, S. 84.
[3] *Haupt Georges.* Der Kongreß... a.a.O., S. 155.
[4] Ebenda, S. 160.
[5] Ebenda, S. 167.

мании в это время еще господствовало сильное антивоенное настроение, которое отражал манифест партийного Правления от 26 июля 1914 года: «Правящие классы, которые во время мира вас подавляют, презирают, используют для своих корыстных целей, хотят превратить вас в пушечное мясо. Ответим повсюду правителям: «Мы не хотим никакой войны! Долой войну! Да здравствует международное братание народов!»[1]

В письме от 15 ноября 1912 года председатель партии Гуго Гаазе за несколько дней до Базельского конгресса четко сформулировал, что лозунг «Война войне» требует мобилизации масс, и тогда война может быть предотвращена:

«Хотя я и надеюсь, что мы избежим этого страшного несчастья, поскольку существуют и действуют значительные силы, выступающие за мир, я все же считаю нашей задачей их постоянное укрепление. Если сделать войну непопулярной, если большая масса населения будет исполнена отвращения к ней и нежелания участвовать в ней, то правительства будут остерегаться войны: чтобы побеждать, нужны «ура»-настроения... поэтому мы проводим неустанную работу по недопущению таких настроений»[2].

Как же могло произойти, что после 4 августа 1914 года в Германии, как гром среди ясного неба, распространилось «ура»-настроение, предупредить которое Гуго Гаазе считал желательным и возможным еще в 1912 году?

Делегаты заседания Международного социалистического бюро разошлись 29 июля 1914 года, не приняв конкретных решений относительно необходимых действий. Они лишь подтвердили постановление провести в августе в Вене X международный социалистический конгресс[3].

Но конгресс не состоялся — разразилась военная катастрофа.

Гуго Гаазе заявил еще в Брюсселе: «Мы знаем, что Германия хочет мира, но если в дело вступит Россия, то придется вмешаться и Германии»[4].

В 1917 году Брюс Гласьер сообщил на конгрессе лейбористской партии: «На последнем заседании бюро перед войной вожди тогдашней социал-демократии открыто заявили, что при существовании малейшей угрозы нападения России на Германию они не окажут мобилизации никакого сопротивления. И что они этого, даже если бы это было в их силах, не хотят»[5].

В действительности некоторые вожди немецкой социал-демократии (Отто Браун, Курт Айснер, Гуго Гаазе и Альберт Зюдекум) знали о немецких планах мобилизации[1].

18 июля 1914 года д-р Альберт Зюдекум сообщил рейхсканцлеру Теобальду фон Бетман-Гольвегу следующее:

«Ваше Превосходительство!

Настоящим сообщаю Вам о ходе моей беседы с членами Правления Социал-демократической партии после нашего сегодняшнего разговора, сообщаю со всей откровенностью, как этого требуют дело и мое отношение к Вашему Превосходительству.

В бюро партийного Правления я встретил господ Эберта, Брауна, Мюллера, Бартельса и депутата рейхстага Р. Фишера — от Берлина. Г-н Шейдеман в Берлине, но в бюро отсутствовал, г-н Гаазе еще в Брюсселе, но должен вернуться завтра.

Сначала я с предельно возможной точностью изложил части раскрытых мне планов, за исключением высказываний о лицах и оценки настроений князей и государственных деятелей, о которых было оговорено, что они носят конфиденциальный характер и дальнейшему разглашению не подлежат.

В ходе последовавшей затем беседы я получил подтверждение сделанного мною замечания, что — как раз из желания служить миру — каких бы то ни было акций (всеобщая и локальная забастовка, саботаж и т. п.) не запланировано и их проведение у нас вызвало бы только опасения.

Полностью осознающее свою ответственность партийное Правление признает далее необходимость избегать двусмысленных или способных быть превратно понятыми высказываний в печати, которые могли бы быть использованы стремящимися к войне партиями в различных странах по злому умыслу или по добросовестному заблуждению, и постарается добиться соответствующего подхода к этим вещам и от редакторов партийных газет. Что касается процитированных Вашим Превосходительством предложений из сегодняшнего «Форвертса», то они в действительности вытекают из странного высказывания, что человеку язык дан для того, чтобы скрывать свои мысли, то есть они, строго говоря, ничего не значат и всего-навсего выражают пожелание выступающим за мир силам народа быть начеку, не оставлять это поприще целиком другим...

В заключение я могу выразить еще и то почерпнутое из беседы с членами партийного Правления убеждение, что намерение Вашего Превосходительства в критические моменты вступать с нашей стороной в прямой контакт для передачи сообщений ею с благо-

---

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 208.
[2] *Haupt Georges*. Der Kongreß... a.a.O., S. 67.
[3] Ebenda
[4] Ebenda, S. 163.
[5] Ebenda, S. 166.

[1] *Haupt Georges*. Der Kongreß... a.a.O., S. 209; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 209, 430 f.

дарностью приветствуется и находит полное понимание и симпатию.

В надежде, что смог оказать делу и Вашему Превосходительству скромную услугу настоящим сообщением, с искренним уважением к Вашему Превосходительству покорнейше

д-р А. Зюдекум»[1].

Планы немецкой «капиталистической наступательной и захватнической войны» (Карл Либкнехт) скрывались от членов и сторонников партии, так же как и от общественности.

Империалистические планы нападения приписывались исключительно царской России, сопернице Германии, немецкие планы выдавались за «освободительную войну» против кровавого царя, против казачьих полчищ.

В резолюции, которой социал-демократическая фракция рейхстага 4 августа 1914 года одобрила войну, говорилось буквально следующее:

«В настоящий момент мы стоим перед железным фактом войны. Нам угрожают ужасы вражеской оккупации. Мы должны сейчас решать вопрос — не «за» или «против» войны, но вопрос о средствах, необходимых для защиты страны. В случае победы русского деспотизма, запятнавшего себя кровью лучших людей своего народа, многое, если не все, ставится на карту для нашего народа. Эту опасность надо отразить, обеспечить культуру и независимость нашей собственной страны. Мы были правы, постоянно повторяя: мы не оставим в момент опасности под ударами нашу родину, мы чувствуем себя вместе с тем в согласии с Интернационалом, который всегда признавал за народами право на самостоятельность и самозащиту, и также единодушно с Интернационалом мы осуждаем завоевательную войну. Исходя из этих оснований, мы вотировали требуемые военные кредиты»[2].

Следствием этого «гражданского мира» с немецким империалистическим правительством был «продолжавшийся неделями «патриотический» угар», который в основном объяснялся тем, что внешне эта война отвечала лучшим традициям солидарности с русским освободительным движением и борьбы с «кровавым царем».

Этим настроением был пронизан мюнхенский большой митинг в мае 1914 года. Вспомним слова одного из основных ораторов в «Киндлькеллере» и «Бюргербройкеллере». Перед почти стотысячной аудиторией социал-демократический депутат Макс Зюсгейм заявил: «Наши слова направлены не против

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 209, 430 f. [*Luxemburg Rosa*]. Die Krise der Sozialdemokratie, von Junius. München, 1919, S, 14.

[2] *Люксембург Р.* Кризис социал-демократии. М., 1923, с. 11.

русского народа, а против царя и его советников. Там царят почти невообразимые человеку порядки. Начинаешь понимать, почему в России есть люди, которые говорят: «Против царя и его советников все средства дозволены...» Глубоко прискорбно то, что под влиянием юнкеров Восточной Пруссии между Германией и Россией существуют самые что ни на есть лучшие отношения. В тот момент, *когда немецкий кайзер встал бы во главе движения культуры,* за *ним пошли бы широкие массы народа*»[1] (курсив мой.— *Ф.Х.*). Кто верил этим словам, должен был думать, что кайзер Вильгельм, немецкие генералы, военная промышленность и крупные банкиры в 1914 году наконец-то порвали с русским самодержавием, с которым немецкое рабочее движение боролось с незапамятных времен, и стали горячими сторонниками благородных целей социал-демократии.

На самом же деле кайзер Вильгельм II писал 29 июля 1914 года — в тот самый день, когда заседало Международное социалистическое бюро в Брюсселе,— царю Николаю II, находившемуся с ним в свойстве: «Социалисты занимаются подстрекательством против войны, этого терпеть нельзя, теперь в особенности. Если это опять повторится, то я введу осадное положение и прикажу всех их подряд посадить за решетку... Мы больше не можем терпеть никакой социалистической пропаганды»[2].

Царь уже давно упрятал за решетку участников антивоенных демонстраций и социалистов. Кайзеру Вильгельму можно было обойтись и без объявления осадного положения и арестов социалистов: бо́льшая часть руководства СДПГ сама добровольно перешла на его сторону. Письмо Зюдекума немецкому кайзеру было датировано 29 июля 1914 года.

Революционная линия борьбы с царизмом сменилась националистской пропагандой против России. Интернационализм с этого времени был при помощи демагогических уловок подменен шовинизмом.

На это руководство СДПГ направило работу всего аппарата печати и пропаганды в 1913 году, располагая 90 ежедневными газетами с более чем 1,4 млн. подписчиков. Немецкая социал-демократия имела самую мощную печать международного рабочего движения[3].

Посредством своей системы печати и партийного аппарата пропагандистов партия немецких социал-демократов в значительной мере могла повлиять на народ и его позицию. Новый, подчиненный шовинизму курс проводился в жизнь в централизованном порядке, с соблюдением дисциплины.

[1] StaM RA 57844.

[2] *Haupt Georges.* Der Kongreß... a.a.O., S. 174.

[3] 1863—1963. Hundert Jahre deutsche Sozialdemokratie. Abb. 106.

Фридрих Штампфер, представитель правого крыла СДПГ, писал в своей работе «Опыт и выводы» о том, как заранее готовилась эта «перестройка»:

«Моя корреспонденция не имела имени. Роза Люксембург окрестила ее Гросс-Лихтерфельдской фабрикой мнений по затуманиванию пролетарских умов. Но борьба, которую вели она и ее сторонники за изгнание корреспонденции из редакций, оставалась весьма безуспешной. Редакторы не могли обойтись без ежедневной статьи на актуальные темы...

В то же время я подружился с Людвигом Франком и Филиппом Шейдеманом, которым было суждено сыграть в последующие годы большую политическую роль.

В то время как они представляли партию с ораторской трибуны, я снабжал подавляющее большинство изданий партийной печати ежедневными передовыми статьями. Содержание их речей и моих статей подробно обсуждалось между нами троими. За счет этого было налажено четкое взаимодействие, продолжавшееся самым отличным образом несколько лет. Официально курс партии определялся партийным Правлением, «Форвертс» и «Нойе Цайт», но на практике бо́льшим влиянием обладал, пожалуй, наш триумвират, который был, кстати сказать, через Шейдемана представлен и в партийном Правлении. К счастью, ультрарадикальное направление «Форвертса», которое он принял после кризиса из-за Айснера, просуществовало недолго»[1].

Как четко сработала эта система обработки умов, показывают несколько примеров, подобранные Розой Люксембург в ее знаменитой брошюре, вышедшей под псевдонимом «Юниус» (1915 г.)[2]:

«Франкфуртская *«Фольксштимме»* писала по этому поводу уже 31 июля: «Немецкая социал-демократия уже давно считала царизм кровавой опорой европейской реакции: с того времени, когда Маркс и Энгельс следили проницательным взором за каждым движением этого варварского правительства, и до настоящего дня, когда оно наполняет тюрьмы политическими преступниками и вместе с тем дрожит перед каждым рабочим выступлением. Теперь пришло время рассчитаться с этим ужасным правительством под немецкими военными знаменами».

«Пфельцише пост» в Людвигсхафене от того же числа:

«Вот положение, которое высказал наш незабвенный Август Бебель. Здесь идет борьба культуры против некультурности, и пролетариат выставляет также своих людей».

«Мюнхенская почта» от 1 августа:

«При исполнении своего долга против кровавого царизма мы не позволим сделать из себя граждан второго разряда».

«Фольксблатт» («Народный листок» в Галле) от 5 августа:

«Если верно то, что на нас напала Россия — а все предыдущие сообщения сделали это очевидным,— то само собой понятно, что социал-демократия одобряет все средства, годные для защиты; мы должны приложить все силы, чтобы выкинуть царизм из нашей страны!»

и 18 августа:

«Железные суставы пришли в движение. Не только долг защиты отечества, национального самосохранения заставляет нас, как и всех остальных немцев, взять оружие в руки, но также и сознание того, что в лице врага, с которым мы боремся на востоке, мы боремся с врагом всякого прогресса и всякой культуры... Поражение России есть вместе с тем победа свободы в Европе».

Брауншвейгский «Фольксфройнд» («Друг народа») писал 5 августа: «Непреодолимое давление военной силы всех увлекает за собой. Но сознательные рабочие повинуются не только силе, они подчиняются собственному убеждению, защищая от нападения России землю, на которой они стоят».

Эссенская рабочая газета восклицает уже 3 августа:

«Если этой стране угрожает опасность русского вторжения, то перед наличностью факта борьбы с русским кровавым царизмом, совершившим бесчисленные преступления против свободы и культуры, социал-демократы не позволят никому в стране превзойти себя в самопожертвовании и выполнении своего долга... Долой царизм! Долой варварство! Вот лозунг, который должен быть дан!»

Точно так же бильфельдский «Фольксвахт» («Страж народа») от 4 августа:

«...Лозунг везде один: против русской деспотии и коварства!»

Эльберфельдский «Партийный листок» от 5 августа:

«Вся Западная Европа кровно заинтересована в том, чтобы уничтожить гнусный разбойнический царизм. Это высокочеловеческое стремление еще больше возрастает вследствие алчности капиталистических классов Англии и Франции, стремящихся воспользоваться теми источниками дохода, которыми до сих пор пользовался немецкий капитал».

«Рейнская газета» в Кёльне:

«Исполняйте ваш долг, друзья, везде, куда бы ни бросила вас судьба! Вы боретесь за культуру Европы, за свободу вашего отечества и за ваше собственное благополучие».

Шлезвиг-голштинская «Фольксцайтунг» от 7 августа писала:

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 336.

[2] *Люксембург Р.* Кризис социал-демократии, с. 54.

«Само собой понятно, что мы живем в стране капитализма, и несомненно, что и после великой войны мы будем еще вести классовую борьбу, но эта борьба будет вестись в таком же свободном государстве, как и сейчас; эти классовые столкновения будут в гораздо большей степени ограничиваться экономическими рамками, и третирование социал-демократов как отверженных, как граждан второго разряда, как лишенных политических прав будет совершенно немыслимо, если исчезнет царизм».

11 августа «Гамбургское эхо» восклицало:

«Мы не только должны вести оборонительную борьбу против Англии и Франции, но прежде всего мы должны вести борьбу против царизма, и мы ведем ее со всем воодушевлением, так как это есть война за культуру».

Любекский партийный орган объявил 4 сентября:

«Если свобода Европы будет спасена, то этим Европа будет обязана — конечно, когда война будет уже закончена,— силе немецкого оружия. Враг, против которого главным образом направлена наша борьба, является смертельным врагом всякой свободы и всякой демократии».

Что пыталась разъяснить «Мюнхенер Пост» своим читателям, колебавшимся между растерянностью и ненавистью к русскому царизму, людям, которые в мае 1914 года собирались на митинг в поддержку дела русских заключенных, показывают некоторые примеры.

4.

Четверг, 30 июля 1914 года

О мобилизации в России

и переброске войсковых частей к русской западной границе. Все подобные известия не поддаются проверке. В интересах наших читателей мы воздерживаемся от публикации сенсационных телеграмм такого рода. Мы продолжаем публиковать, как всегда, лишь достоверные сообщения. Поступила следующая *официальная* и весьма важная заметка из Петербурга:

«Петербург, 29 июля. (Телеграф.) Официально опубликован запрет прохождения торговых и частных судов между Гельсингфорсом и Ханко по фарватеру шхер. В этом районе суда должны идти открытым морем. Уведен плавучий маяк Эрангерунд, маяк Гробара и другие навигационные маяки под Гельсингфорсом погашены».

За мир между народами

Митинги пролетариата в защиту мира

Берлин, 29 июля. Вчера вечером берлинские рабочие собрались на 30 многолюдных собраниях в защиту мира. Полиция перекрыла вход в некоторые залы собраний. На собрания не могли пройти многие тысячи рабочих. Собрания прошли спокойно. Краткие выступления были восприняты с воодушевлением. Повсюду были единодушно приняты резолюции в защиту мира. Полиция, которая несколько дней терпела «патриотические» митинги юного ополчения и союза «Молодая Германия», объявила уже во второй половине дня о введении с настоящего момента запрета на уличные шествия и демонстрации. Центр города был перекрыт на всех основных подходах сильными нарядами полиции, чтобы не допустить в центр группы из окраинных городских районов. Рабочие, которые не были пропущены на собрания, направились задолго до установления оцепления отдельными небольшими группами на улицы Унтер-ден-Линден и Фридрихштрассе, и толпа запрудила эти улицы. С другой стороны, на Унтер-ден-Линден в большом числе вышли студенты, члены союза «Молодая Германия», юные ополченцы, частично в униформе. Когда к рабочим после окончания собраний, несмотря на полицейское оцепление, присоединились их участники, они стали демонстрировать за мир, кричать «Долой войну», петь рабочие песни, студенты и члены союза «Молодая Германия» ответили пением патриотических песен. Полиция заняла поначалу сдержанную позицию. После того как напор усилился, она попыталась очистить улицы нарядами конной полиции, действуя почти только против рабочих. В районе Королевских ворот имели место острые, продолжавшиеся часами столкновения с полицией. Подобное произошло на улицах Кохштрассе и Йерусалемерштрассе. Во многих случаях полиция пустила в ход клинки. Было много раненых, многие были арестованы. Демонстрация завершилась далеко за полночь.

Пятница, 31 июля 1914 года

Заседание Международного социалистического бюро

Брюссель, 30 июля. (Телеграмма бюро «Герольд».) Вчера открылось заседание Международного социалистического бюро под председательством Вандервельде для рассмотрения политического положения. Прибыли делегаты почти всех стран, прежде всего из Франции, Германии, Англии, России и Австрии. Совещания продолжались до вечера. Русские делегаты сделали заявление, что во всей России вследствие неурожая царит столь глубокая нужда, что мобилизация русской армии, несомненно, вызовет революцию во всех крупных городах Российской империи.

(Партийная печать еще не получила сообщений о содержании указанных совещаний; с учетом малой достоверности информации,

идущей от самого бюро «Герольд», вышеприведенное сообщение следует воспринимать с осторожностью. Между тем нам передано постановление М.Б., что конгресс, который намечалось провести в Вене, должен состояться 9 августа в Париже. Повестка дня остается без изменений. Редакция.)

Суббота, 1 августа 1914 года

К нашим читателям!

Храня верность нашим действовавшим до сих пор принципам, мы и впредь будем в интересах общего блага руководствоваться требованиями делового характера и достоверности информации.

Воскресенье, 2 и понедельник, 3 августа 1914 года

Партийное правление

поместило, как нам сообщили из Берлина, в «Форвертсе», призыв к членам партии, в котором говорится:

«Наши многократные усилия сохранить мир не дали успеха. Обстоятельства, в которых мы живем, опять оказались сильнее воли нашей и наших собратьев по труду. Мы с твердостью будем смотреть в глаза развитию событий. Мы не собираемся переживать грядущие события с фаталистским равнодушием. Мы будем хранить верность нашему делу и проявлять тесную сплоченность, вдохновляясь возвышенным величием нашей культурной миссии. В особенности женщины, на плечи которых события лягут двойным, тройным грузом, стоят перед задачей действовать в духе социализма, чтобы не допустить повторения этого страшного бедствия, чтобы эта война была последней. Строгие предписания военного права бьют по рабочему движению с ужасающей суровостью. Неразумные действия, бесполезные и превратно понятые жертвы в настоящий момент могут повредить не только отдельным лицам, но и нашему делу.

Среда, 5 августа 1914 года

Социал-демократия голосует за военные кредиты

Берлин, 4 августа. (Телеграф.) Социал-демократическая фракция приняла, как и следовало ожидать, в понедельник, во второй половине дня, решение проголосовать за предложенные правительством военные кредиты.

Обвинительный счет России

Пятница, 7 августа 1914 года

Политическое обозрение

Мюнхен, 6 августа

Август Бебель и война с Россией

Пройдя экономико-социальную выучку у *Карла Маркса*, социал-демократия никогда не питала утопических мечтаний относительно всеобщего мира. Согласно воззрениям социал-демократов, войны нашего века возникают из глубоко коренящихся в сути капитализма экономических и социальных противоречий. Национальный раздор объясняется большей частью противоположностью экономических интересов народов. Поэтому социал-демократия постоянно твердо имела в виду возможность расплаты по большому счету с царизмом. Исходя из коренных политических и социально-культурных различий между Германией и Россией, Либкнехт говорил о «разгроме царской страны» как о «святом долге», «необходимой кровавой работе».

В настоящий момент особую актуальность приобретает речь Августа Бебеля на Эссенском партийном съезде 1907 года. Тогда Бебель сказал следующее:

«Товарищ Давид, как я вижу из доклада, взял под сомнение, что я, говоря о своей готовности на старости лет встать под ружье, имел в виду войну с Россией. И все же я имел в виду именно это, и ничто другое. Лет семь тому назад я заявил, что, начнись война с Россией, которую я считаю... опаснейшим врагом Европы, и особенно для нас, немцев, на которого в первую очередь опирается немецкая реакция, то я тряхну стариной — стану под ружье и пойду на войну с Россией. Может быть, кому-нибудь это покажется и смешным, но я говорю эти слова с полной ответственностью. Через несколько лет исполнится столетняя годовщина восстания тирольцев против наполеоновского владычества. Тогда в бой шли многие старики, и не знаю, удержался бы я от того, чтобы не взять в таком случае ружье. Полагаю, у меня еще хватит сил нести ружье».

5.

Но относительно скоро стало ясно, что демагогические тирады служили ширмой для совсем других намерений. Уже во время войны Генрих Штрёбель писал об антицаристском мотиве фракции в рейхстаге при голосовании, в котором он участвовал лично: «О борьбе против царизма во имя культуры, которая сыграла тогда главную роль, сегодня даже самый ограниченный филистер говорит, недоуменно пожимая плечами»[1].

[1] *Luxemburg Rosa*. Die Internationale, a.a.O., S. 63.

Историк Хёч опроверг «с немецкой основательностью миф о войне против царизма как об освободительной»[1]

Франц Меринг заклеймил беспринципность партийного руководства и напомнил своим товарищам по партии слова Фердинанда Лассаля о том, что политические убеждения возможны только на твердой как скала основе научно обоснованного мировоззрения. Одного «настроя» мало, он есть по своей природе продукт обстоятельств, темперамента, настроения и столь же преходящ как последнее[2].

В этом смысле первоначальная революционная антицаристская направленность оказалась просто «настроем, порывом», целиком растворившимся в настроениях шовинизма.

Голосуя против военных кредитов 2 декабря 1914 года, Карл Либкнехт назвал следующие основания для этого шага:

«Эту войну развязали не для блага немецкого народа. Это не война во имя обороны Германии, не немецкая освободительная война, а капиталистическая наступательная и захватническая война. Это не война ради защиты «более высокой» культуры — друг с другом сражаются крупнейшие государства одной и той же «культуры», и именно потому, что они суть государства одной и той же, капиталистической «культуры».

Лозунг «Против царизма» служил лишь мобилизации самых «благородных» инстинктов немецкого народа к ведению войны, к разжиганию ненависти к другим народам, а не походу за освобождение русского народа или нерусских народов России. Вооружение России поставлено на нынешнюю высоту немецким капиталом. Германия поддерживала внешнюю политику России в ее основных моментах... Ни одно другое государство мира не оказало такой поддержки ужасному царскому правлению против угнетаемого русского народа, как Германия. Германия — соучастник царизма по нынешний день. Немецкое правительство всегда было готово оказать военную помощь кровавому царю в борьбе с великой русской революцией. Германия, в которой массы народа подвергаются экономической эксплуатации, политическому гнету и бесправны, не может претендовать на роль освободителя народов. Освобождение русского народа должно быть поэтому его собственным делом; он отклоняет, полный недоверия, освободительную роль Германии»[3].

В 1915 году Роза Люксембург напомнила о том первом испытании «интернационализма партии», когда Вильгельм Либкнехт и Август Бебель 21 июля 1870 года — сперва в одиночестве в своей фракции, а затем и вместе со всеми остальными депутатами социал-демократами в северогерманском рейхстаге — встали против потока национализма и против военной партии, против «старого жульничества» (Карл Маркс), при помощи которого обосновывались все империалистические войны. Она напомнила слова *Вильгельма Либкнехта* о вспышках национализма в 1870 и 1878 годах:

«Вокруг бушевал не только ураган человеческих страстей, гнущий, сметающий, крушащий все на своем пути, но на всех полных ужасных оборотах крутилась и страшная машина милитаризма, мы — среди бешено вращающихся железных колес, само прикосновение к которым было равно смерти, между железными рычагами, снующими возле нас, в которые мы могли попасть каждое мгновение.

В добавление к разбушевавшейся стихии духа — совершеннейший механизм искусства убийства, какой когда-либо видел мир. И все это доведено до предела, все паровые котлы раскалены до взрыва, что тут сила одного человека, что его воля?..

Наша партия была еще в стадии формирования. Мы были подвергнуты самому суровому испытанию до того, как была создана необходимая организация. Идти против течения было тогда отнюдь не легко. Но что оставалось делать? Надо было выполнять свой долг. Надо было стиснуть зубы и идти навстречу событиям. Для страха не было времени... Бебель и я... не теряли ни минуты на обдумывание подаваемых нам предостережений. Мы не могли оставить поля схватки, мы должны были оставаться на посту, несмотря ни на что»[1].

Но в 1914 году Социал-демократическая партия Германии имела целую армию членов партии, свыше 4,2 млн. избирателей, лучшую систему печати в международном рабочем движении, влияние в профсоюзах, кооперативах и потребительских союзах, она представляла собой своего рода государство в государстве.

Заключение социал-демократами классового мира с бряцающей оружием, рвущейся к завоеванию рынков и территории Германией кайзера и Круппа вызвало у всех, кто полагался на мощь СДПГ, реакцию — от ужаса до неверия в достоверность известия об этом.

Герман Грейлих, в течение десятилетий вождь швейцарской социал-демократии, «человек, которого ни один немецкий товарищ по партии никогда не мог обвинить в каком бы то

---

[1] *Luxemburg Rosa*. Die Internationale, a.a.O., S. 74.
[2] Ebenda, S. 76.
[3] *Lösche Peter*. Der Bolschewismus..., a.a.O., S. 69; Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 442 f.

[1] [*Luxemburg Rosa*]. Die Krise der Sozialdemokratie, von Junius, a.a.O., S. 9.

ни было радикализме», писал: «Когда поступила депеша, что за военные кредиты единодушно проголосовали и социал-демократы, мы этому не поверили. Затем пришло подтверждение и сделанное фракцией заявление. Это было сокрушительным ударом... Мы с изумлением смотрели, как среди руководителей социал-демократии Германии продолжался военный угар...» [1]

Когда Ленин узнал о решении вождей немецкой социал-демократии, то он вначале просто не поверил этому. Польскому социалисту Багоцкому, который зачитал ему сообщения польских газет от 5 августа 1914 года о единодушном принятии военного бюджета, Владимир Ильич ответил: «Не может быть! Вы, вероятно, неправильно поняли польский текст телеграммы» [2]. Когда польский социалист Краевский принес ему номер «Форвертса», Ленин вначале предположил, что это пущенная в оборот фальшивка германского генерального штаба. После того как исчезли всякие сомнения в достоверности известия об этом предательстве, Ленин сказал своему собеседнику: «Они способны на все, вы еще и не то увидите».

Ленин разделял мнение немецких левых, что немецкая социал-демократия несет особую ответственность за крах II Интернационала. Но, в отличие от ведущих социалистов России и других стран, впавших в яростный антигерманский национализм, Ленин и большинство большевиков остались стойкими и последовательными интернационалистами. Когда Плеханов и — в первом порыве — некоторые большевики во Франции призвали русских эмигрантов к формированию добровольческих батальонов против Германии, Ленин атаковал их с той же силой, как и Карла Каутского, который хотел еще в июле 1914 года «объединить» в Брюсселе Российскую социал-демократическую рабочую партию путем проведения через Международное социалистическое бюро резолюции о ликвидации самостоятельной большевистской партии. Спустя несколько дней Каутский и Плеханов стояли во враждебных друг другу националистических лагерях и разжигали своими лозунгами смертельную вражду между русским и немецким народами, каждый во имя обороны своего отечества. Против этих «защитников отечества» всех наций Ленин выдвинул принципы пролетарского интернационализма: «Для социал-демократии России, несколько больше даже, чем для социал-демократии всего мира, образцом была в течение последних десятилетий немецкая социал-демократия» [3]. Все его внимание было направлено на анализ причин краха, а не на упреки по адресу немцев.

Непосредственные задачи «революционной социал-демократии в европейской войне» Ленин определил в программном документе, который был подготовлен им в первые дни войны, не позднее 24 августа (6 сентября) 1914 года.

Резолюция группы социал-демократов

1) Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии — таково единственное реальное содержание и значение войны.

2) Поведение вождей немецкой с.-д. партии, самой сильной и влиятельной партии II Интернационала (1889—1914), голосовавшей за военный бюджет и повторяющей буржуазно-шовинистические фразы прусских юнкеров и буржуазии, есть прямая измена социализму. Ни в каком случае, даже при предположении абсолютной слабости этой партии и необходимости временного подчинения воле буржуазного большинства нации, поведение вождей немецкой с.-д. партии не может быть оправдано. На деле эта партия повела в данное время национально-либеральную политику.

3) Такого же осуждения заслуживает поведение вождей бельгийской и французской с.-д. партий, которые предали социализм, вступая в буржуазные министерства.

4) Измена социализму большинства вождей II (1889—1914) Интернационала означает идейно-политический крах этого Интернационала. Основной причиной этого краха является фактическое преобладание в нем мелкобуржуазного оппортунизма, на буржуазность коего и опасность давно указывали лучшие представители революционного пролетариата всех стран. Оппортунисты давно подготовляли крах II Интернационала, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая классовую борьбу, с ее необходимым превращением, в известные моменты, в гражданскую войну, и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под видом патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в «Коммунистическом Манифесте», что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сентиментально-мещанской точкой зрения, вместо признания необходимо-

[1] *Luxemburg Rosa.* Die Internationale, a.a.O., S. 56.
[2] *Reisberg Arnold.* Lenins Beziehungen zur deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1970, S. 154.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 98.

сти революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвение обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Один из международных органов оппортунизма, немецкий «Социалистический Ежемесячник», давно вставший на национально-либеральную позицию, вполне правильно торжествует теперь свою победу над европейским социализмом. Так называемый «центр» немецкой социал-демократической партии и других социал-демократических партий на деле трусливо капитулировал пред оппортунистами. Задачей будущего Интернационала должно быть бесповоротное и решительное избавление от этого буржуазного течения в социализме.

5) Из тех буржуазных и шовинистических софизмов, коими в особенности одурачивают массы буржуазные партии и правительства двух главных соперничающих наций континента — германской и французской — и кои повторяют рабски плетущиеся за буржуазией социалистические оппортунисты как откровенные, так и прячущиеся,— следует в особенности отметить и заклеймить следующие:

когда немецкие буржуа ссылаются на защиту родины, на борьбу с царизмом, на отстаивание свободы культурного и национального развития, они лгут, ибо прусское юнкерство с Вильгельмом во главе и крупная буржуазия Германии всегда вели политику защиты царской монархии и не преминут, при всяком исходе войны, направить усилия на ее поддержку; они лгут, ибо на деле австрийская буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, немецкая — угнетает датчан, поляков и французов в Эльзас-Лотарингии, ведя наступательную войну с Бельгией и Францией ради грабежа более богатых и более свободных стран, организуя наступление в момент, который ей казался наиболее удобным для использования последних ее усовершенствований в военной технике, и накануне проведения так называемой большой военной программы Россией.

Когда французские буржуа ссылаются точно так же на защиту родины и прочее, они также лгут, ибо на деле они защищают более отсталые в отношении капиталистической техники и более медленно развивающиеся страны, нанимая на свои миллиарды черносотенные банды русского царизма для наступательной войны, т. е. грабежа австрийских и немецких земель.

Обе воюющие группы наций ничуть не уступают друг другу в жестокостях и варварстве войны.

6) Задачей социал-демократии России является в особенности, и в первую голову, беспощадная и безусловная борьба с великорусским и царско-монархическим шовинизмом и софистической защитой его русскими либералами, кадетами, частью народников и другими буржуазными партиями. С точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии и ее войск, угнетающих Польшу, Украину и целый ряд народов России и разжигающих национальную вражду для усиления гнета великорусов над другими национальностями и для укрепления реакционного и варварского правительства царской монархии.

7) Лозунгами социал-демократии в настоящее время должны быть:

во-1-х, всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран. Безусловная необходимость организации для такой пропаганды на всех языках нелегальных ячеек и групп в войске всех наций. Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран. Против изменивших социализму вожаков современного Интернационала обязательно апеллировать к революционной сознательности рабочих масс, несущих на себе всю тяжесть войны и в большинстве случаев враждебных оппортунизму и шовинизму;

во-2-х, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д., наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты Европы;

в-3-х, в особенности борьба с царской монархией и великорусским, панславистским, шовинизмом и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-часового рабочего дня.

Группа социал-демократов, членов РСДРП[1].

В статье, написанной несколькими днями позже, Ленин сопоставил фразы оппортунистов в различных странах:

«Социалисту всего тяжелее не ужасы войны... а ужасы измены вожаков современного социализма, ужасы краха современного Интернационала.

Разве это не измена, в социал-демократии, когда мы видим у немецких социалистов поразительную перемену фронта (после объявления войны Германией)? лживая фраза об

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—7.

освободительной войне с царизмом? забвение германского империализма? забвение грабежа Сербии? буржуазные интересы войны с Англией? etc. etc. Патриоты, шовинисты, голосуют за бюджет!!

Разве не такая же измена у французских и бельгийских социалистов? Они превосходно разоблачают германский империализм, но, к сожалению, поразительно слепы относительно английского, французского и особенно варварского русского империализма! Они не видят вопиющего факта, что французская буржуазия десятки и десятки лет нанимала за миллиарды черносотенные банды русского царизма,— что этот царизм подавляет инородческое большинство России, грабит Польшу, угнетает рабочих и крестьян великороссов и т. д.?

В такое время социалист отдыхает душой, читая, как *«Avanti!»* мужественно и прямо сказала горькую правду в лицо *Зюдекуму*, правду немецким социалистам, что они *империалисты*, т. е. шовинисты. Еще более отдыхаешь душой, когда читаешь статью Zibordi («Avanti!» 2 сентября), разоблачающую шовинизм не только немецкий и австрийский (это ведь выгодно с точки зрения *итальянской* буржуазии), но и *французский*, признающую войну — войной буржуазии *всех* стран!!.

Не социализм потерпел крах в лице *современного европейского* Интернационала, а недостаточный социализм, т. е. *оппортунизм* и *реформизм*. Именно эта «тенденция», имеющаяся *везде*, во всех странах, и так ярко выраженная Биссолати и К° в Италии, потерпела крах, именно она *учила* годами забывать классовую борьбу *и т. д. и т. д.— из резолюции*...

Ибо *везде* буржуазия и империалисты, везде подлая подготовка бойни: если *особенно* подлый и варварский русский царизм (более всех реакционен), то и немецкий империализм тоже монархический — феодально-династические цели, грубая буржуазия, менее свободная, чем во Франции. Русские социал-демократы были правы, говоря, что *для них* меньшее зло — поражение царизма, что *их* непосредственный враг — больше всего *великорусский* шовинизм, но социалисты (не оппортунисты) каждой страны должны были видеть своего главного врага в «своем» («отечественном») шовинизме...

Например, утешают себя иллюзией: прекратится война, наладится... Нет!! Чтобы крах современного (1889—1914) Интернационала не был крахом социализма, чтобы *массы* не отвернулись, чтобы не получилось господства анархизма и синдикализма (так же позорно, как во Франции), надо смотреть истине в глаза. Кто бы ни победил, Европе угрожает *усиление* шовинизма, *«реванш»* etc. Милитаризм немецкий или великорусский возбуждает контршовинизм etc. etc.»[1].

Когда в борьбе против царизма, говоря словами Розы Люксембург, использовались «революционные преимущества социализма, чтобы облагородить, демократизировать войну, придать ей национальное величие»[2], в национализм впали лучшие силы Мюнхена, которые до того были самыми непримиримыми критиками вильгельмовской Германии и порядков в баварском королевстве: вся редакция «Симплициссимуса» и «Мюнхенер Пост», Т. Т. Гейне, Людвиг Тома, Томас Манн, либеральные и радикальные профессора Квидде, Брентано, фон Амира и большинство «королевско-баварской» социал-демократии.

Большинство из них до этого момента были активными поборниками демократии, сторонниками освободительного движения в России, ныне они в плену немецкого шовинизма...

«Опасности для свободного развития Германии лежат не в России, как думает фракция рейхстага, а в самой Германии. Они кроются в этом исключительно контрреволюционном происхождении немецкой конституции; они лежат в тех реакционных силах немецкого общества, которые с самого основания империи ведут борьбу против несчастной немецкой свободы. Эти силы — ост-эльбское дворянство, крупноиндустриальные дельцы, архиреакционный центр, огрызки немецкого либерализма, личное управление и вытекающее из всех этих фактов господство сабли и Цаберновский курс, который как раз перед началом войны праздновал свой триумф в Германии. Здесь кроется истинная опасность для культуры и «свободного развития» Германии...»[3]

Четыре года спустя автор этих строк, написанных в 1915 году,— Роза Люксембург была убита.

С 1914 года десятилетиями крепнувшая и проверенная делом солидарность между рабочим движением Германии и России, тесные личные связи и симпатии между двумя народами сменились началом смертельной вражды, от преодоления которой было суждено зависеть будущему Европы — будущему новых катастроф и реваншизма, который предвидел Ленин уже в 1914 году как возможное направление развития, или — в чем он видел тому альтернативу — будущему мира, демократии и социализма.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 8—11, 10, 11.

[2] *Люксембург Р.* Кризис социал-демократии, с. 15.

[3] Там же, с. 71—72.

ПОД ИМЕНЕМ ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН В МЮНХЕНЕ

7

ЕГО ИМЯ ПОПАДАЕТ В СПИСКИ

Ленин в документах секретного государственного архива

1.

«Кто в Западной Европе 1917 года отважился бы предсказать, что эти эмигранты... станут вождями и руководителями стотридцатимиллионного народа?» [1]

Этим вопросом секретарь Швейцарской социал-демократической партии Фриц Платтен в своих воспоминаниях «Поездка Ленина через Германию в пломбированном вагоне» очень точно охарактеризовал позицию общественного мнения весной 1917 года во всех европейских странах — от нейтральной Швейцарии до воюющих сторон. В первый понедельник после пасхи он провожал группу русских эмигрантов на главный вокзал Цюриха.

Их было тридцать два человека. Руководил ими Владимир Ильич Ленин. После долголетних тягот и лишений эмиграции они всей душой стремились на родину.

Ленин и его спутники, возвращавшиеся в Петроград после свержения царского правительства и создания Временного правительства в феврале 1917 года, были вооружены своей убежденностью, своими планами и своей готовностью действовать во имя социалистической революции. О тех годах кропотливого каждодневного труда, которые предшествовали Красному Октябрю, о смысле той теории, которая пробивала себе путь в борьбе противоположных мнений, утверждаясь в качестве единственно верной теории для практического успеха коренного революционного преобразования мира, знали тогда лишь немногие.

«Вначале было дело» — эти слова привела Клара Цеткин, когда ей, как и другим членам левого крыла в старой социал-демократической партии, стала ясна ситуация, возникшая в 1914 году.

Единственной партией, которая сумела правильно оценить расстановку сил в Европе в условиях назревающей революционной ситуации 1917 года, были большевики, возглавляемые Владимиром Ильичем Лениным. Произведения В. И. Ленина того времени ныне составляют уже три десятка объемистых томов[2].

[1] *Platten Fritz*. Die Reise Lenins durch Deutschland im plombierten Wagen. Berlin, 1924, S. 35.

[2] Речь идет о работах В. И. Ленина до Февральской революции 1917 г.— *Ред.*

В России, где большинство работ Ленина распространялось главным образом подпольно, его имя стало широко известно во всех революционных группировках после выхода книги «Что делать?». Однако социал-демократы в Германии, с партией которых Ленин вплоть до 1914 года был тесно связан, члены которой поддерживали разносторонние контакты и солидаризировались с братской партией России, практически ничего не знали о развитии Лениным теории марксизма применительно к эпохе империализма.

«Членам социал-демократической партии,— писал Бернард Кёнен в книге «Встречи с Лениным»,— учение Ленина и его труды оставались неизвестными вплоть до ноябрьской революции 1918 года. Нам, молодым партийным работникам, они до этого времени были просто недоступны; мало того, до революции мы даже не подозревали об их существовании» [1].

Исключение составляли, пожалуй, только вожди левых социал-демократов — Карл Либкнехт, Роза Люксембург и Клара Цеткин, с которыми Ленин был очень тесно связан. Тем не менее Ленину практически не представилась возможность опубликовать свои сочинения в теоретических журналах германской социал-демократии.

В глазах буржуазной прессы русские марксисты тоже не обладали никакой теорией. В лучшем случае можно было найти упоминания о преследованиях со стороны царя или о жизни бедных эмигрантов за границей. В остальном же их, как и социал-демократов своей страны, считали «безродными смутьянами».

Громадное богатство ленинских трудов было полностью открыто и освоено только после 1917 года.

Сама поездка Ленина через Германию, во время которой его имя впервые было занесено в различные списки и документы, вполне подтверждает это.

Об этой поездке до сих пор ходят различные россказни, легенды и фальшивки, начиная с того, что большевиков-де поголовно подкупил германский Генеральный штаб, вплоть до нелепейшего рассуждения о том, что подлинными инициаторами Октябрьской революции были... германский кайзер и его военные и дипломатические советники.

Подобные лживые инсинуации не редкость и сегодня. Но уже тогда, в 1917 году, они со всей отчетливостью показывали, в чем заключаются интересы империалистических соперников. Война, которую эти соперники вели друг против друга за счет своих народов, никоим образом не помешала им, используя различную тактику, заниматься подавлением

[1] *Donath F.* Auf Lenins Spuren in Deutschland. Berlin, 1970, S. 30.

На пути в Россию.
Ленин на Главном вокзале в Стокгольме, 1917 г.

и исключением из игры своих политических противников: революционных социалистов и народ, восстававший против этой бессмысленной бойни.

Как известно, правительства Германии, Англии, Франции, Японии и США вполне доказали общность своих интересов, когда в 1918 году развернули империалистическую войну против молодой республики Советов, стремясь уничтожить первое в мире социалистическое государство.

Правительства всех империалистических держав отнюдь не хотели, чтобы социалистическая революция разгорелась и у них.

Что же касается Октябрьской революции и поездки Ленина через Германию, то основная канва буржуазной интерпретации этих событий предельно проста: с точки зрения стран Антанты и их сторонников вся «вина» за этот переворот возлагается на германское правительство — не надо было предоставлять в «их» распоряжение пломбированный вагон. С точки зрения германского империализма в этом была «виновата» Антанта — не следовало понуждать ослабевшую Россию продолжать войну с Германией. Вся деятельность народа, сумевшего под руководством большевиков осуществить Октябрьскую революцию и в дальнейшем успешно защитить ее, отодвигается, таким образом, на задний план. Так, например, часто «забывают» о том, как сам Ленин описывает все этапы и перипетии своей поездки из Цюриха в Петроград весной 1917 года.

Конечно, на пути русского эмигранта, о котором ответственным чиновникам правительств всех воюющих стран было доподлинно известно, какую политику проводит вождь этих «циммервальдских левых» — свержение всех империалистических правительств и завоевание власти пролетариатом всех стран,— стояли почти непреодолимые препятствия. Ленин стремился в центр мировой революции. Но как ему проехать в Россию?

Сразу после Февральской революции Ленин пишет: «Боюсь, что *болезнью* повальной теперь будет в Питере «просто» увлечение, без систематической работы над партией *нового* типа, ***ни в коем*** случае не à la «II Интернационала». Вширь! Новые слои поднять! Новую инициативу будить, новые организации во всех слоях и им ***доказать***, что ***мир*** даст лишь вооруженный Совет рабочих депутатов, если он возьмет власть»[1].

Он размышлял: может быть, ехать с чужими бумагами? 19 марта он пишет Вячеславу Карпинскому, заведующему партийной библиотекой в Женеве:

«Дорогой Вяч. Ал.!

Я всячески обдумываю способ поездки. Абсолютный секрет — следующее. Прошу ответить мне тотчас и, пожалуй, лучше экспрессом (авось партию не разорим на десяток лишних экспрессов), чтобы спокойнее быть, что никто не прочел письма.

Возьмите на свое имя бумаги на проезд во Францию и Англию, а я проеду *по ним* через Англию (и *Голландию*) в Россию.

Я могу одеть парик.

Фотография будет снята с *меня* уже в парике, и в Берн в консульство *я* явлюсь с Вашими бумагами уже в парике.

Вы тогда должны скрыться из Женевы минимум на несколько недель (до телеграммы от меня из Скандинавии): на это время Вы должны запрятаться архисурьезно в горах, где за пансион *мы за Вас заплатим, разумеется*.

Если согласны, начните *немедленно подготовку* самым энергичным (и самым тайным) образом, а мне черкните тотчас во всяком случае.

Ваш *Ленин*

Обдумайте все практические шаги *в связи с этим* и пишите подробно. Пишу Вам, ибо уверен, что между нами все останется в секрете *абсолютном*»[2].

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 403.
[2] Там же, с. 403—404.

Роза Люксембург

Между 25 и 31 марта он посылает весточку Инессе Арманд: «В Россию, должно быть, *не* попадем!! Англия **не пустит**. Через Германию не выходит»[1].

2 апреля он пишет Карпинскому и другим товарищам в Женеву, как уже о принятом решении:

«Дорогие друзья!

Итак, мы едем *в среду* через Германию.

Завтра это решится окончательно.

Вам пошлем кучу тючков с нашими книгами, *бумагами* и вещами, прося посылать по очереди в Стокгольм для пересылки нам в Питер.

Вам же пошлем денег и мандат от ЦК на ведение всей переписки и заведывание делами»[2].

Вернувшись в Россию, Ленин 4 (17) апреля 1917 года представил Исполнительному комитету Петроградского Совета сообщение, написанное им по поручению эмигрантов, вернувшихся вместе с ним из Швейцарии. Сообщение это было опубликовано в газетах «Правда» и «Известия»:

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 414.
[2] Там же, с. 425.

Как мы доехали

В социалистическую печать уже проникли известия, что английское и французское правительства отказались пропустить в Россию эмигрантов-интернационалистов.

Приехавшие сюда 32 эмигранта разных партий (среди них 19 большевиков, 6 бундистов, 3 сторонника парижской интернациональной газеты «Наше Слово») считают своим долгом огласить следующее:

В наших руках имеется ряд документов, которые мы огласим, как только получим их из Стокгольма (мы оставили их потому, что на шведско-русской границе хозяйничают представители английского правительства), и которые обрисуют пред всеми печальную роль названных «союзных» правительств в данном вопросе. По этому пункту прибавим только следующее: Цюрихский комитет по эвакуации эмигрантов, в который входят представители 23 групп (в том числе Центральный Комитет, Организационный комитет, социалисты-революционеры, Бунд и т. д.), в единогласно принятой резолюции публично констатировал тот факт, что английское правительство решило отнять у эмигрантов-интернационалистов возможность вернуться на родину и принять участие в борьбе против империалистической войны.

Уже с первых дней революции для эмигрантов выяснилось это намерение английского правительства. Тогда на совещании представителей партии социалистов-революционеров (М. А. Натансон), Центрального Комитета РСДРП (Г. Зиновьев), Организационного комитета РСДРП[1] (Л. Мартов), Бунда (Косовский) возник план (его выдвинул Л. Мартов) добиться пропуска эмигрантов через Германию в обмен на интернированных в России германских и австрийских пленных.

В Россию был послан ряд телеграмм в этом смысле, и вместе с тем через швейцарских социалистов были предприняты шаги для проведения этого плана.

Телеграммы, посланные в Россию, были задержаны, очевидно, нашим Временным «ре-

[1] Центр меньшевистского руководства, образованный в 1912 г. на августовской конференции меньшевиков-ликвидаторов и всех антипартийных групп и течений. Существовал до выборов ЦК меньшевистской партии в августе 1917 г.— *Ф. Х.*

волюционным правительством» (или его сторонниками).

Прождав две недели ответа из России, мы решились сами провести названный план (другие эмигранты решили пока ждать еще, считая еще недоказанным, что Временное правительство так и не примет мер для пропусков всех эмигрантов).

Дело находилось в руках швейцарского социалиста-интернационалиста Фрица Платтена. Он заключил точное письменное условие с германским послом в Швейцарии. Текст условий мы опубликуем. Главные его пункты: 1) Едут все эмигранты без различия взглядов на войну. 2) Вагон, в котором следуют эмигранты, пользуется правом экстерриториальности, никто не имеет права входить в вагон без разрешения Платтена. Никакого контроля ни паспортов, ни багажа. 3) Едущие обязуются агитировать в России за обмен пропущенных эмигрантов на соответствующее число австро-германских интернированных.

Все попытки германского социал-демократического большинства вступить в общение с едущими последние решительно отклонили. Вагон всю дорогу сопровождался Платтеном. Последний решил доехать с нами до Петрограда, но был задержан на русской границе (Торнео). Будем надеяться, только временно. Все переговоры велись при участии и в полной солидарности с рядом иностранных социалистов-интернационалистов. Протокол о поездке подписан двумя французскими социалистами: Лорио и Гильбо и социалистом из группы Либкнехта (Гартштейн), швейцарским социалистом Платтеном, польским социал-демократом Бронским, шведскими социал-демократическими депутатами Линдхагеном, Карльсоном, Стрёмом, Туре Нерманом и другими.

«Если бы Карл Либкнехт был сейчас в России, Милюковы охотно выпустили бы его в Германию; Бетман-Гольвеги выпускают вас, русских интернационалистов, в Россию. Ваше дело — ехать в Россию и бороться там и с германским и с русским империализмом». Так сказали нам названные товарищи-интернационалисты. Мы думаем, что они были правы. Доклад о поездке мы сделаем Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов. Мы надеемся, что он добьется освобождения соответствующего числа интернированных, в первую очередь видного австрийского социалиста Отто Бауэра, и что он добьется пропуска в Россию всех эмигрантов, а не только социал-патриотов. Мы надеемся, что Исполнительный комитет положит конец и тому неслыханному положению вещей, когда никакие газеты левее «Речи»[1] не пропускаются за границу и когда даже манифест Совета рабочих и солдатских депутатов[1] к рабочим всех стран не пропускается в заграничную печать[2].

[1] «Речь» — ежедневная газета партии кадетов; выходила в Петербурге с 1906 г. Закрыта 26 октября (8 ноября) 1917 г. Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете.— *Ред.*

Конечно, в прессе стран Антанты тут же началась пропагандистская травля: вот, мол, «варвар варвара издалека видит». Так, на одной французской карикатуре от 17 апреля были изображены два немецких солдата на вахте перед «особым вагоном-люкс», тупо взирающие друг на друга. Под карикатурой подпись:

«1-й бош: — Ганс, кому мы оказываем честь в этом вагоне-люкс?

2-й бош: — Ужасно симпатичным русским анархистам!»

На самом же деле ни «вагона-люкс», ни «симпатичных русских анархистов», равно как и никакого «пломбированного вагона» в том поезде, который 9 апреля пересек под Готмадингеном германскую границу, не было. Русские эмигранты настояли на том, что эту поездку в вагоне третьего класса они будут оплачивать сами, «исходя из своих наличных средств» (Фриц Платтен). Это был скорый поезд Цюрих — Шафгаузен, отходивший, согласно расписанию, в 15.10. Пломбированных вагонов в этом поезде не было вовсе. Двери не запирались. В соседних купе разместились два немецких офицера, сопровождавшие эмигрантов[3].

«Чтобы от них отгородиться, на полу провели черту, которую никто, кроме Платтена, не имел права переступать... Эта меловая черта на полу коридора, без всякой нейтральной зоны, символизировала экстерриториальность — с одной стороны для немцев, с другой — для русских»[4].

В остальном же все те соглашения, которые Фриц Платтен заключил с германским послом в Швейцарии Ромбергом, были строго соблюдены обеими сторонами. Условия поездки, датированные 4 апреля 1917 года, были сформулированы и составлены Лениным. Они показывают, что его готовность к поездке через Германию основывалась на решимости вести с правительством Германской империи диалог с позиции государственного деятеля, который сумеет дать надлежащий ответ на любой ход в этой игре германской секретной дипломатии:

«1. Я, Фриц Платтен, сопровождаю за полной своей ответственностью и на свой риск вагон с политическими эмигрантами и беженцами, возвращающимися через Германию в Россию.

[1] Имеется в виду воззвание Петроградского Совета «К народам всего мира» от 14(27) марта 1917 г.— *Ф. Х.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 119—121.

[3] *Gautschi Willi.* Lenin als Emigrant in der Schweiz. Zürich — Köln, 1973, S. 283, 285.

[4] Ebenda, S. 283.

2. Сношения с германскими властями и чиновниками ведутся исключительно и только Платтеном. Без его разрешения никто не вправе входить в вагон.
3. За вагоном признается право экстерриториальности. Ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее никакого контроля паспортов или пассажиров не должно производиться.
4. Пассажиры будут приняты в вагон независимо от их взглядов и отношений к вопросу о войне или мире.
5. Платтен берет на себя снабжение пассажиров железнодорожными билетами по ценам нормального тарифа.
6. По возможности, проезд должен быть совершен без перерыва. Никто не должен ни по собственному желанию, ни по приказу покидать вагона. Никаких задержек в пути не должно быть без технической к тому необходимости.
7. Разрешение на проезд дается на основе обмена на германских или австрийских военнопленных или интернированных в России.
8. Посредник и пассажиры принимают на себя обязательство персонально и в частном порядке добиваться у рабочего класса выполнения пункта 7-го.
9. Наивозможно скорое совершение переезда от Швейцарской границы к Шведской, насколько это технически выполнимо»[1].

2.

О личности Фрица Платтена, доверенного лица Ленина, другая договаривающаяся сторона в лице посла Ромберга сообщала в Берлин, что он «твердо придерживается своей линии, а впрочем, ничего предосудительного о нем неизвестно»[2].

В телеграмме, где Ромберг сообщает о группе русских социалистов, говорится:

«Платтен утверждает, что в России намечаются неблагоприятные для мира перемены, поэтому следует сделать все, чтобы незамедлительно отправить здешних вождей социалистов в Россию, так как там они имеют большое влияние. К сожалению, у большинства эмигрантов вообще нет никаких документов, и они, за исключением Ленина и Зиновьева, настаивают на своем инкогнито»[3].

Не будем придираться к описке в написании фамилии «Lehnin» в телеграмме германского посла, она говорит лишь о его неосведомленности в деталях революционного движения. Эта телеграмма свидетельствует о том, что у

[1] Цит. по: *Зазерский Е., Любарский А.* Ленин. Эмиграция. Петербург. Л., 1971, с. 384.
[2] *Gautschi Willi.* Lenin als Emigrant... a.a.O., S. 264.
[3] Ebenda.

ответственных советников германского правительства был только один интерес: «создать в России как можно больший хаос», «незаметно углубить противоречия между умеренными и экстремистскими партиями, ибо наш наиважнейший интерес заключается в том, чтобы выиграли последние, потому что тогда переворот станет неизбежным и примет такие формы, которые нанесут большой урон Российской империи» (граф Брокдорф-Рантцау)[1].

Впрочем, эти спекуляции германских империалистов, на которых они строили свои планы, вполне были ясны большевикам.

«Конечно, германское правительство, давая пропуск, исходило из тех соображений, что революция — величайшее несчастье для страны, и считало, что, пропуская эмигрантов-интернационалистов на родину, они помогут развертыванию революции в России. Большевики же считали своей обязанностью развернуть в России революционную агитацию, победоносную пролетарскую революцию ставили они целью своей деятельности. Их очень мало интересовало, что думает буржуазное германское правительство»[2]. Об этом писала Н. К. Крупская и в своей статье, опубликованной 13 мая 1917 года в одной из русских газет[3].

У кайзеровского правительства в Германии была своя, далеко идущая цель: ввергнуть ослабленную войной империалистическую Россию в «революционный хаос», чтобы получить свободу действий в борьбе против Антанты на западе. Военные цели Германии не изменились: немцы хотели диктовать России свои условия мира, независимо от того, будут ли у власти большевики или кто-либо иной. Цели этой войны были изложены в секретной записке, переданной 20 мая 1915 года от имени шести крупнейших объединений промышленников и землевладельцев Германии рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу.

«Нижеподписавшиеся сообщества рассмотрели вопрос о возможности осуществления столь часто обсуждавшейся в последние несколько месяцев идеи о том, что эта война должна завершиться почетным миром, отвечающим принесенным жертвам и содержащим в себе залог своей прочности...

Наряду с требованием о создании колониальной империи, которая полностью удовлетворяла бы многосторонним экономическим интересам Германии, наряду с удовлетворением наших будущих таможенных и торговых интересов и получением достаточной и выраженной в целесообразной форме контрибуции, мы

[1] *Gautschi Willi.* Lenin als Emigrant... a.a.O., S. 254.
[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 447.
[3] См.: *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 15.

видим основную цель навязанной нам борьбы в обеспечении и улучшении основы существования Германской империи в следующих положениях:

Бельгия, в связи с необходимостью обеспечения нашей морской политики и нашего будущего военного и экономического положения по отношению к Англии, а также по причине тесной связи столь важной в экономическом отношении области Бельгии с нашим основным промышленным районом, должна быть в военном и таможенном отношении, а также в отношении денежного обращения, банков и почты подчинена имперскому германскому законодательству. Железные дороги и водные пути передаются в распоряжение нашего министерства транспорта. В дальнейшем правительство страны и органы местного самоуправления за счет отъединения валлонской области от области преимущественно фламандской и передачи стратегически важных экономических объектов и владений в немецкие руки должны быть организованы таким образом, чтобы население ее не могло оказывать какого-либо влияния на политические судьбы Германской империи.

Что касается Франции, то здесь, исходя из тех же условий нашего положения относительно Англии, следует рассматривать обладание граничащим с Бельгией побережьем приблизительно до р. Соммы, обеспечивающим выход к Атлантическому океану, как вопрос, жизненно важный для нашей будущей морской политики. Приобретаемые при этом тыловые области должны быть отмерены таким образом, чтобы полностью обеспечить экономическое и стратегическое использование приобретенных нами каналов и гаваней. Каждое новое присоединение каких-либо еще французских земель, кроме необходимости присоединения рудных районов Брийи, должно осуществляться исключительно по военно-стратегическим соображениям... Присоединение по линии р. Маас и французскому побережью Ла-Манша... означает также получение угольных районов департамента Норд и Па-де-Кале. Эти аннексии предполагают... также, что население присоединенных областей будет лишено возможности оказывать политическое влияние на судьбы Германской империи и что расположенные в этой области экономические объекты, в первую очередь средние и крупные предприятия, должны быть переданы в руки немцев, таким образом, чтобы Франция уплатила их бывшим владельцам необходимую компенсацию, обеспечив им возвращение на родину.

В отношении востока необходимо исходить из той предпосылки, что ожидаемое на западе приращение крупных промышленных областей должно уравновешиваться соответствующими сельскохозяйственными площадями на востоке...

Необходимость упрочения сельскохозяйственной основы нашей экономики, обеспечения повсеместного распространения немецкого сельского населения... и увеличения численности той части нашего населения, которая способна носить оружие, требует значительного расширения имперских и прусских границ в восточном направлении путем присоединения по меньшей мере некоторых частей восточных провинций[1] и областей, расположенных к югу от них, с целью обеспечения военной безопасности этого района восточной германской границы...

Относительно предоставления каких-либо политических прав населению новых областей и укрепления в них германского экономического влияния считать действительным все, сказанное в отношении Франции. Контрибуция со стороны России будет в основном заключаться в передаче территорий»[2].

Для политиков, которым соблазнительная сила национализма казалась непревзойденным средством порабощения народов, ленинские идеи были чуждыми по существу и в конечном итоге далекими от жизни. Мир без аннексий, отказ от насилия по принципу *«разделяй и властвуй»* казались «реальным политикам» в Берлине мечтательным идеализмом. Немцы считали, что при том громадном влиянии, которым располагают их Генеральный штаб, экономика и дипломатия, расправиться в подходящий момент с интернационализмом какого-то Ленина не представит особого труда. В конце концов, до сих пор империалистическая логика именно в том и заключалась, чтобы обманывать народы и натравливать их друг на друга. По этой логике достичь сколько-нибудь продолжительного успеха мог только тот, кто проводил линию фронта в этой империалистической войне не между пролетариатом и господствующими классами, а между нациями, «сообществами наций» и т. д.

«Призыв немцам со стороны буржуазной и *империалистской* республики в России: «свергните Вильгельма» есть повторение лживого лозунга французских социал-шовинистов, изменников социализма, Жюля Геда, Самба и К°.

Надо очень популярно, очень ясно, без ученых слов излагать рабочим и солдатам, что свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это во-первых. А второе и *главное* — свергать надо *буржуазные* правительства и *начать с*

[1] Имеются в виду Литва, Латвия, Эстония.— *Прим. перев.*

[2] Deutsches Zentralarchiv. Merseburg, Rep. 77, Tit 885, Nr. 4, Bd. I, S. 16—21. Nach: Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 2, a.a.O., S. 448 ff.

России, ибо иначе мира получить нельзя. Возможно, что правительства Гучкова—Милюкова *мы не можем* сейчас же «свергнуть». Пусть так. Но это не довод за то, чтобы *говорить неправду!!* Говорить рабочим надо *правду*»[1].

От этой правды, по мнению германских реальных политиков, очень скоро не стало бы никакого толку: германское правительство не только рассчитывало на хаос в России, но и пыталось при помощи своей секретной дипломатии дискредитировать Ленина.

3.

Для этого вскоре нашелся и подходящий человек. Это был д-р Александр Гельфанд (Парвус), которого немецкие социал-демократы знали как одного из известных русских социалистов еще с конца прошлого века. Парвус был редактором нескольких германских социал-демократических газет, затем долгое время был издателем, журналистом и слыл в Германии крупным «специалистом» по русскому рабочему движению.

Ленин тоже в 1909 году считал его одним из людей, «выдающихся по знакомству с движением рабочего класса за границей...»[2].

В Мюнхене Парвус писал статьи для «Искры». Когда Ленину в 1901 году срочно нужны были статьи о Германии, он писал Аксельроду: «О Германии некого попросить писать—разве Парвуса, которым обещано (?) иностранное обозрение, но это не то»[3].

В 1901 году Парвус жил в Мюнхене на Унгерерштрассе, 80[1]. Ленин брал у него книги. С 1905 года Ленин начинает публично критиковать Парвуса. Он упрекает его в том, что тот хочет во что бы то ни стало «организовать» революцию: «Организовать да организовать, твердит Парвус, точно он вдруг большевиком сделался. Не понимает он, несчастный, что организация есть *процесс*... Не знает он, бедняжка, что по всему духу диалектического материализма не только организация, но и тактика является процессом. А он, точно «заговорщик», носится с организацией-планом»[4].

На Парвуса, считавшего, что он вместе с Троцким в 1905 году изобрел теорию «перманентной революции», обрушился огонь ленинской критики: Ленин сожалел, что Парвус «вместе с пустозвоном Троцким», с одной стороны, выступал «с защитой идеи революционно-демократической диктатуры»[5], а с другой—оказался «путаником», человеком, совершенно чужим русским политическим вопросам[1]. «Пока в России нет парламента,—писал Ленин,—переносить на Россию тактику парламентаризма, значит недостойно играть в парламентаризм, значит из вождя революционных рабочих и сознательных крестьян превращаться в прихвостня помещиков»[2].

А в 1907 году Ленин, подводя итоги революции, писал: «Меньшевики (и Парвус) строили тогда свою тактику не на факте самого широкого, сильного и быстрого революционного подъема, а на обещании царем конституционно-монархического поворота! Неудивительно, что подобная тактика оказалась смешным и жалким оппортунизмом... Так смотрел учившийся по немецким только образцам Парвус...»[3]

Однако все эти критические замечания, сделанные Лениным по поводу Парвуса до мировой войны, выглядят еще довольно безобидно, если сравнить их с резким, безоговорочным разрывом, происшедшим в 1915 году.

Во время войны Парвус с помощью разных закулисных махинаций, в первую очередь торговли оружием, стал буквально миллионером. В непобедимости Германии он не сомневался и потому предложил свои услуги ведущим политикам и дипломатам германского кайзеровского правительства, которое позволило ему осуществить «мечту всей его жизни»—издавать «собственный социалистический журнал».

У Парвуса был самый тесный контакт с графом Брокдорфом-Рантцау, имевшим определенное влияние на германскую внешнюю политику; это он сумел придать маневрам с поездкой Ленина через Германию невинный вид в глазах берлинского правительства.

Необходимость издания «социалистического журнала» Парвус усматривал прежде всего в том, чтобы нейтрализовать растущее влияние Карла Либкнехта. Брокдорфу-Рантцау он объяснил это тем, что это-де «сентиментальное направление» в рядах германской партии, которое приведет к снижению «боевого духа пролетарских масс». «Как Парвус, так и Брокдорф-Рантцау считал издание нового социалистического журнала, который донес бы до широких масс военные помыслы германского правительства, наилучшим средством «парализовать влияние этих расхолаживателей».

Вот так Парвусу в разгар войны удалось получить от германского правительства лицензию на издание журнала, целью которого было воссоединение «социалистов» всех стран.

В качестве заглавия он выбрал название первого знаменитого журнала русских эмигрантов XIX столетия: «Die Glocke» («Колокол»). Тот «Колокол», который издавал Герцен с 1857 по 1867 год сначала в Лондоне,

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 422.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 201.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 101.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 9, с. 266.
[5] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 10, с. 16.

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 252.
[2] Там же, с. 256.
[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 12—13, 17.

потом в Женеве, дал первый бой царизму с революционно-демократических позиций. Традиции старого «Колокола» в 1900 году продолжила ленинская «Искра».

Парвусовский «Колокол» перевернул эти традиции с ног на голову. Будучи инструментом в руках германского правительства, этот «Колокол» должен был усилить разброд среди немецких социал-демократов. «Социалистическая» программа этого журнала, который существовал вплоть до 1925 года и пользовался особым уважением партпросветителей и социал-демократически настроенных преподавателей средних школ, придерживалась следующего основного принципа: ошельмовать социал-демократию, существовавшую до 1914 года, с помощью псевдорадикальной фразеологии защитить военную политику правительства от критики Карла Либкнехта и Розы Люксембург, постоянно вдалбливая в головы немецким рабочим, что германская социал-демократия есть оплот европейского социализма, и если она падет, то и никакого социализма не будет; если же социализм победит в Германии, то он победит и во всей Европе, и победа эта возможна только путем военного утверждения Германии и ее рабочих организаций над царизмом.

Издание своего «Колокола» Парвус возложил на Адольфа Мюллера, который, как и Парвус, был ярым сторонником «нового порядка в целой Европе», считая себя «политиком, действующим в интересах нации». Оба были за победу Германии. Адольф Мюллер был главным редактором газеты «Мюнхенер Пост». Парвус и Мюллер были друзьями с начала нового века.

Газета «Мюнхенер Пост», в типографии которой в 1901—1902 годах печаталась ленинская «Искра», с августа 1914 года превратилась из интернационалистской газеты в псевдо-социалистический, националистический листок, предвещавший немецким рабочим близкую победу Германии и триумф германского «социализма».

Граф Брокдорф-Рантцау, благодаря которому Парвус и получил лицензию на свой «Колокол», оценивал это следующим образом: «...из этой войны мы не только выйдем на мировую арену в качестве державы первостепенного значения, но и сможем теперь, после того как немецкие рабочие, то есть *именно* наш «рядовой человек»,— не будем вдаваться в сравнения!— с честью выдержали свой экзамен, с полным доверием к ним попытаться привлечь на свою сторону и сплотить вокруг трона также и те элементы, которые до войны оставались в стороне и не внушали доверия».

Когда Ленин прочел первый выпуск этого «Колокола», он опубликовал в «Социал-Демократе» за 20 ноября 1915 года следующую краткую статью:

У последней черты

Превращение отдельных лиц из радикальных социал-демократов и революционных марксистов в социал-шовинистов — явление, общее всем воюющим странам. Поток шовинизма так стремителен, бурен и силен, что повсюду ряд бесхарактерных или переживших себя левых социал-демократов увлечен им. Парвус, показавший себя авантюристом уже в русской революции, опустился теперь в издаваемом им журнальчике «Die Glocke» («Колокол») до... последней черты. Он защищает немецких оппортунистов с невероятно наглым и самодовольным видом. Он сжег все, чему поклонялся; он «забыл» о борьбе революционного и оппортунистического течений и об их истории в международной социал-демократии. С развязностью уверенного в одобрении буржуазии фельетониста хлопает он по плечу Маркса, «поправляя» его без тени добросовестной и внимательной критики. А какого-то там Энгельса он третирует прямо с презрением. Он защищает пацифистов и интернационалистов в Англии, националистов и ура-патриотов в Германии. Он ругает шовинистами и прихвостнями буржуазии социал-патриотов английских, величая немецких — революционными социал-демократами и лобызаясь с Ленчем, Генишем, Грунвальдом. Он лижет сапоги Гинденбургу, уверяя читателей, что «немецкий генеральный штаб выступил за революцию в России», и печатая хамские гимны этому «воплощению немецкой народной души», его «могучему революционному чувству». Он сулит Германии безболезненный переход к социализму через союз консерваторов с частью социалистов и через «хлебные карточки». Как мелкий трус, он снисходительно полуодобряет Циммервальдскую конференцию, делая вид, будто он не заметил в ее манифесте мест, направленных против всех оттенков социал-шовинизма, от парвусовского и плехановского до кольбовского и каутскианского.

В шести номерах его журнальчика нет ни единой честной мысли, ни одного серьезного довода, ни одной искренней статьи. Сплошная клоака немецкого шовинизма, прикрытая разухабисто намалеванной вывеской: во имя будто бы интересов русской революции! Вполне естественно, что эту клоаку похваливают оппортунисты: Кольб и хемницкий «Народный Голос».

Господин Парвус имеет настолько медный лоб, что публично объявляет о своей «миссии» «служить идейным звеном между вооруженным немецким и революционным русским пролетариатом». Эту шутовскую фразу достаточно выставить на осмеяние перед русскими рабочими. Если «Призыв» гг. Плеханова, Бунакова и К° вполне заслужил одобрение шовини-

стов и Хвостова в России, то «Колокол» г-на Парвуса — орган ренегатства и грязного лакейства в Германии.

Нельзя не отметить по этому поводу еще одну полезную сторону теперешней войны. Она не только убивает «скорострельной пушкой» оппортунизм и анархизм, она великолепно разоблачает также авантюристов и переметных сум социализма. Для пролетариата в высшей степени выгодно, что эту предварительную очистку его движения история начала делать накануне социалистической революции, а не в самом ходе ее[1].

30 марта 1917 года, за несколько дней до того, как Фриц Платтен заключил соглашение с послом Ромбергом, Ленин написал польскому социалисту Ганецкому из Цюриха в Стокгольм:

«Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеющих касательство к издателю «Колокола», я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это — обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская *пролетарская* революция не имеет... Единственная, без преувеличений единственная, надежда для нас попасть в Россию, это — послать как можно скорее надежного человека в Россию, чтобы путем давления «Совета рабочих депутатов» *добиться* от правительства *обмена* всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Действовать надо архиэнергично, каждый шаг протоколируя, не жалея денег на телеграммы, собирая документы против Милюкова и К°, способных затягивать дело, кормить обещаниями, надувать и т. д. Вы можете себе представить, какая это пытка для всех нас сидеть здесь в такое время»[2].

Ганецкий работал служащим в одной торговой фирме в Стокгольме, а Парвус был ее акционером.

Один из маневров секретной дипломатии германского правительства, для которого Парвус с готовностью состряпал массу всевозможных «революционных организационных планов», заключался в том, чтобы выставить Ленина-революционера в качестве «ближайшего друга и единомышленника» Парвуса, которого большинство уже давно знало как сторонника «войны до победного конца» и подозревало в нем агента-провокатора. Этот маневр не удался, но попытки как-то оклеветать Владимира Ильича продолжались. В июле 1917 года Ленин написал заметку, содержание которой было предметом также целого ряда опубликованных ленинских писем:

Дрейфусиада

Старое соединяется с новейшим — так было всегда в приемах эксплуатации и репрессии, применяемых царизмом, так осталось и в республиканской России. Политическую травлю большевиков, как партии международного революционного пролетариата, контрреволюционная буржуазия сдабривает гнуснейшими клеветами и «походом» в печати вполне однородного типа с походом французских клерикальных и монархических газет в деле Дрейфуса.

Во что бы то ни стало обвинить Дрейфуса в шпионстве! — таков был пароль тогда. Во что бы то ни стало обвинить кого-либо из большевиков в шпионстве! — таков пароль теперь. Гнуснейшая клевета, подтасовки, грубая ложь и утонченная работа запутывания читателя — все эти приемы желтая и вообще буржуазная пресса пускает в ход с необыкновенным усердием. В общем получается до бешенства дикий рев, в котором иногда не только доводов, но и просто членораздельных звуков не отыщешь.

Вот некоторые из приемов нашей новейшей республиканской дрейфусиады. Сначала «двигали» три главных «довода»: Ермоленку, 20 миллионов у Козловского, припутывание Парвуса.

На другой день главная погромная газета «Живое Слово» печатает уже две «поправки», признавая «вождя» большевиков не подкупленным, а фанатиком и заменяя 20 миллионов 20 тысячами. А другая газета уже объявляла второстепенными показания Ермоленки.

В «Листке «Правды»» от 6 июля мы уже показали полнейшую вздорность показаний Ермоленки. Ясно, что ссылаться на них оказалось неудобным.

В том же «Листке» напечатано письмо Козловского, опровергающего клевету. После опровержения 20 000 000 сбавляют до 20 000,— вместо точной цифры опять «округление»!

Припутывают Парвуса, стараясь изо всех сил создать какую-то связь между ним и большевиками. А на деле именно большевики в женевском еще «Социал-Демократе» назвали Парвуса ренегатом, выступили против него с беспощадным осуждением, как против немецкого Плеханова, устранили раз навсегда

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 82—83.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 49, с. 418—419.

всякую возможность какого бы то ни было сближения с подобными социал-шовинистами. Именно большевики в Стокгольме на торжественном заседании при участии шведских левых социалистов категорически отказались не только разговаривать с Парвусом, но даже допустить его в каком бы то ни было качестве, хотя бы гостем.

Ганецкий вел торговые дела, как служащий фирмы, в коей участвовал Парвус. Коммерческая и денежная переписка, конечно, шла под цензурой и вполне доступна контролю целиком. Стараются спутать эти коммерческие дела с политикой, хотя ровно ничем этого не доказывают!!

Доходят до такой смешной вещи, что «Правду» упрекают за то, что ее телеграммы в социалистические газеты Швеции и всех других стран (шедшие, разумеется, тоже через цензуру и вполне известные цензуре) перепечатывались немецкими газетами, иногда с искажением! Точно перепечатку или злостные искажения можно ставить в вину!

Дрейфусиада настоящая, поход лжи и клеветы на почве дикой политической ненависти... Но как грязны должны быть источники, подменяющие борьбу идей распространением клевет![1]

Эта «дрейфусиада» не была чем-то новым. Она представляла собой продолжение и новую волну травли социализма; политика лжи и клеветы, развязывание примитивнейших националистических инстинктов впервые приобрели здесь с помощью одного-единственного ренегата — правда весьма рафинированного — государственные и дипломатические масштабы.

За этими клеветническими нападками позже последовали открытые призывы к убийству социалистов: *убейте их вождей!* Империалистическая демагогия во всех странах работала по тому же образцу, что и в начале мировой войны: Карл Либкнехт был объявлен «русским шпионом», а Владимир Ильич Ленин — «немецким шпионом».

4.

Некоторые сведения о стратегии секретной дипломатии против России, большевиков и Ленина в конце мировой войны можно найти также в закрытом «Информационном бюллетене департамента иностранных дел». Этот бюллетень приводит военную, политическую и дипломатическую оценку положения дел, предназначенную для германского правительства. Баварский посол в Берлине передал этот бюллетень его королевскому величеству в Мюнхене.

Если Ленин сразу после своего возвращения из Швейцарии опубликовал соглашение, заключенное с германским послом, в русских газетах, то в Германии об этом нельзя было найти ни малейшего упоминания. Даже на закрытых заседаниях департамента иностранных дел, где секретность тщательно соблюдалась, о нем не говорилось ни слова.

Ни в одном из дошедших до нас документов баварского королевства, будь то полицейские акты, административные списки или бумаги различных министерств, имя Ленина ни до 1914 года, ни во время войны, вплоть до самой Октябрьской революции, не упоминается.

Имя Ленина впервые появилось в «Информационном бюллетене» № 139 от 19 ноября 1917 года, полученном баварским королем от берлинского департамента иностранных дел: «Ленин... по фамилии Ульянов, очевидно, является организатором и руководителем этого хорошо организованного и осмотрительно руководимого движения»[1].

Эта неосведомленность баварского правительства тем более удивительна, что между королевством Баварией и Россией с 1779 года постоянно поддерживались дипломатические, политические, культурные и научные контакты[2].

К сожалению, мы не располагаем документами баварского посольства в Петербурге, которые после Октябрьской революции вместе с делами германского кайзеровского правительства были вывезены в Швецию, где и погибли или, по крайней мере, до сих пор не найдены[3].

Даже то обстоятельство, что с началом войны функции баварского министерства иностранных дел практически свелись к нулю, не может опровергнуть того факта, что министерства в Мюнхене не располагали советниками, которые могли бы дать их правительству какой-либо анализ и оценку общественного и политического положения в России.

Нет сомнения, что хорошие отношения, поддерживавшиеся баварским двором с русским царем, были не более чем выражением давней традиции, по обычаю поддерживавшейся аристократией и высшими бюрократическими чинами и направленной только на то, чтобы удовлетворять интересам династий и господствующих классов, эксплуатировать народ и «вершить судьбы мира» при помощи секретной дипломатии и кабинетной политики. Но, как показал последовавший в скором времени революционный взрыв в самой Баварии, прави-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 32, с. 424—426.

---

[1] Informatorische Aufzeichnungen des Auswärtigen Amtes, 1917. BayHSta Gs. Berlin 1112.

[2] Vgl. *Hümmert Ludwig.* Zwischen München und St. Petersburg, a.a.O.

[3] По свидетельству директора Главного баварского государственного архива д-ра Буслея.

тельство это давно потеряло способность решать насущные задачи, выдвигаемые историей с начала периода массовых движений.

Вместо этого как берлинское, так и мюнхенское правительства опирались на информацию и советы «специалистов» по России, чей кругозор был безнадежно зажат в узких шорах немецкого национализма и неприкрытых претензий на мировое господство.

Единственным сообщением о начале Февральской революции, отправленным из Берлина в баварское министерство иностранных дел, были «Анализы» Адальберта Фолька, адвоката из Дерпта[1], написанные между маем 1916 года и мартом 1917 года.

В этих «сообщениях» ярко проявляется тенденция националистического и отчасти расистского подхода к истории России, который в течение последующих десятилетий сыграл роковую роль в развитии образа мышления тех кругов Германии, которые навязали Российской Советской Республике Брест-Литовский мир.

«В Германии до сих пор не знают еще ни России, ни русских; немец, в культурном и этническом отношении значительно превосходящий русских, не может и понять их; он не может поверить, что в Европе имеется такая неполноценная, не признающая никакой культуры раса...

Зная русского человека, следует признать возможность того, что он и теперь, из-за недостатка организаторских способностей, окажется не в состоянии осуществить какую бы то ни было радикальную революцию. Однако лично я убежден в том, что революция in optima forma[2] в России неизбежна; относительно же момента ее начала трудно сделать сейчас какие-либо достоверные предположения...

Заключить с Россией сепаратный мир до того, как ее войска будут окончательно разбиты, было бы гибельным; будет ли Россия просить о мире, я не знаю; беспомощность России сама продиктует ей условия мира. Я убежден в том, что силы России иссякнут к осени этого года при условии, что германская армия продолжит свое энергичное наступление...

Если эта возможность уничтожить Россию как государство не будет использована нами безо всякого снисхождения теперь же, то в будущем она не представится никогда более...»[3]

Хотя Октябрьская революция и положила конец идее об «умиротворении» России германским оружием, однако империалистические амбиции и намерения по отношению к Советскому государству еще долго продолжали оставаться в силе.

[1] Ныне г. Тарту.— *Прим. перев.*

[2] — в полном смысле этого слова.— *Прим. перев.*

[3] Berichte des Rechtsanwalts Adalberg Volck aus Dorpat über Rußland. BayHSta Gs. Berlin 1112.

«Информационный бюллетень департамента иностранных дел» как раз и отражает эти намерения. Они являются детищем лиц, которым явно было трудно примириться с новой действительностью.

В «Бюллетене» № 130, вышедшем 25 октября 1917 года, Россия, всегда занимавшая последнее место в сводке новостей, попадает теперь на первое:

«По поступившим из Петербурга сообщениям, анархия на фронте и в тылу значительно усилилась»[1].

Во всех последующих выпусках «Бюллетеня» Россия также занимает в сводке первое место.

№ 137 от 12 ноября 1917 года:

«О событиях в Петербурге пока нет достоверных известий. В большевистских кругах нейтральной России предполагают, что петербургское правительство откажется придерживаться прежних соглашений с Антантой, если западные державы отклонят, а центральные державы примут путь к миру, предлагаемый русскими в их манифесте. В подобном случае, полагают большевики, правительство Ленина перейдет к сепаратным переговорам.

О положении в провинциях и в русской армии также пока нет достоверных известий. В вышеуказанных кругах считают, что власть большевиков, возможно, долго не продержится, но приведет если не к перемирию, то, во всяком случае, к полному роспуску армии под лозунгом «Мира и земли».

Из № 142 от 26 ноября:

«Так как непосредственные вожди петербургского движения... не могут покинуть своего поста, так как невиданные беспорядки каждую минуту требуют их присутствия и всего их авторитета, то вполне возможно, что большевики, если они вообще смогут создать правительство, дадут важные задания своим здешним представителям...

Ленин... очевидно, является организатором и руководителем этого хорошо организованного и осмотрительно руководимого движения; теоретизирует с радикальными целями, но действует практически и конкретно...»

Из № 142 от 26 ноября:

«Теперешнее петербургское правительство столкнулось со многими трудностями. Банки

[1] Berichte des Rechtsanwalts Adalberg Volck aus Dorpat über Rußland. BayHSta Gs. Berlin 1112 (Informatorische Aufzeichnungen des Auswärtigen Amtes, 1917). Все последующие цитаты также приводятся по этим документам.

отказывают ему в финансовой поддержке, в то время как правительство остро нуждается в средствах для обеспечения народа и войск продовольствием. Атаман казаков, генерал Каледин, заблокировал все пути подвоза продовольствия из донских областей. Этот факт заслуживает особого внимания, так как оттуда же поступал и уголь для многих районов России. Положение петербургского правительства отнюдь еще нельзя считать прочным. С другой стороны, оно благодаря своему лозунгу «Мира, земли и хлеба» находится в значительно более выгодном положении, нежели любые другие течения. Если ему удастся получить столь остро необходимые ему деньги для преодоления этих трудностей и действительно осуществить свои лозунги в народе и в войсках, то ему удастся продержаться до заключения перемирия. Это признает Ленин, обращаясь к нам и к русской армии. В радиограмме он повторяет открытым текстом приказ Духонину немедленно начать с нами переговоры о перемирии».

Из № 143 от 28 ноября:

«Генерал Балуев, отказавшийся признать правительство народных комиссаров, снят со своего поста главнокомандующего русским западным фронтом и заменен подполковником Каменщиковым. Последний немедленно принял решительные меры к «подлинной демократизации армии» и приказал незамедлительно начать переговоры с немцами о заключении перемирия. Следует ожидать, что теперь с предложениями о заключении формального перемирия выступят и другие русские дивизии, по крайней мере в районе русского западного фронта. На других русских фронтах, т. е. в Румынии и на Кавказе, приказы Ленина, по всей видимости, не находят массового отклика. В отдельных местах по всей линии фронта тяга русских к переговорам и братанию пока обрывается очередями из пулеметов с русской стороны.

Внутри страны положение Ленина пока еще также нельзя считать полностью укрепившимся — по крайней мере до тех пор, пока не будет достоверных известий о течениях в ставке, настаивающих на формировании эсеровского кабинета, в то время как в войсках и на фронте раздаются голоса, требующие создания «компромиссного» правительства. О передвижениях генерала Каледина пресса никаких новых сведений не публикует, печатая вместо этого сообщения о нехватке продовольствия и угля, которая может стать для правительства Ленина критической. Размеры трудностей, с которыми столкнулось правительство, можно представить даже по той поспешности, с которой максималисты приступают к подготовке заключения перемирия».

Из № 145 от 3 декабря:

«Радость по поводу мужества и решимости большевистского правительства не должна означать, что к оптимистическим предположениям здешних большевиков насчет прочности их правительства следует относиться с большим доверием. Так, здешние их представители с самой победы Ленина ежедневно утверждают, что им в самом ближайшем времени удастся образовать коалицию с другими социалистическими правительствами, обеспечив тем самым существование и дееспособность новой администрации. Это до сих пор не только не удалось, но и сама идея об образовании коалиции привела к жарким спорам среди самих большевиков. В настоящее время мы имеем дело только с насильственной диктатурой горсточки решительных революционеров, господства которых вся остальная Россия не признает и терпит их потому только, что эти люди обещают им немедленный мир и, как известно, его добиваются.

Судя по всему, власть этих людей потрясет все российское государство до самого основания, и, предположительно по истечении нескольких месяцев, когда raison d'être[1] нового правительства исчезнет, а война с другими странами будет окончена, это правительство будет вновь сметено могучей волной протеста всей остальной России.

Было бы тяжкой политической ошибкой связывать будущее германско-русских отношений даже для вида с судьбой и властью теперешних русских руководителей. Период их господства не даст нам ничего, кроме перемирия и, возможно, формального мира. Подлинно мирное общение и добрососедские отношения смогут быть достигнуты, судя по положению вещей и при том тяжком потрясении, которое еще предстоит России, только по истечении весьма продолжительного времени, когда государственный строй начнет там постепенно возвращаться к прежнему. Тогда-то и настанет пора проявить взаимопонимание по отношению к русскому народу и к новому русскому правительству. До тех же пор следует считать возможным и целесообразным лишь сдержанное обсуждение сугубо деловых вопросов на уровне представителей государственной власти, что обеспечит нам возможность перехода к добрым взаимоотношениям и с новым правительством, и с новой Россией без большевиков...

В таких обстоятельствах затянувшееся господство большевиков неминуемо привело бы к расколу России, в особенности если отток людей из армии и дальнейшее, практически неизбежное обострение кризиса транспортных и платежных средств по-прежнему будут потрясать всю жизнь страны, так что в конце

[1] — смысл существования.— *Прим. перев.*

концов каждая ее область вынуждена будет сама, на свой страх и риск заняться восстановлением у себя порядка своими политическими методами, что в малом масштабе значительно легче осуществить, нежели в большом. Судя по всему, раскол этот будет носить преходящий характер. В более или менее отдаленном будущем внутренняя необходимость и единство политических интересов и душевного настроя приведут все эти отделившиеся области назад к Москве. Будет ли это обратное развитие длиться годы или десятилетия, никто сказать не может. Легко разрешить этот вопрос мог бы только царь, который опять привел бы в действие прежнюю формулу самовластия, православия и национального духа. Парламентской России, возможно, придется затратить десятилетия на урегулирование особых устремлений отдельных народностей страны.

В то время как здесь все русские... при оценке возможных перспектив дальнейшего развития России уверены в конечной победе реакции, большинство из них считает возврат к самодержавию совершенно невозможным, рассматривая кадетов как преемников социалистов. Если у власти останется Ленин, то следует ожидать предоставления полной независимости Финляндии, дальнейшей автономизации Украины, Кавказа и Эстонии в результате теории большевиков и самого хода развития в этих районах, не обременяя германо-русских отношений в рамках мирного договора на все последующее время заботой о дальнейшей судьбе этих народов».

Из № 148 от 10 декабря:

«Когда Антанта убедится в том, что она не может больше ожидать военных действий против нас со стороны русской армии, она, по-видимому, постарается использовать русского солдата возможно дольше, для того чтобы при помощи посылаемых к нам с русской стороны листовок подорвать дисциплину в германской армии, добиваясь таким способом осуществления враждебных нам целей. Относительно подобных попыток мы получили от представителя департамента иностранных дел в Брест-Литовске следующее сообщение:

«Приводимая ниже листовка на немецком языке была передана одним унтер-офицером в районе Дюнабурга с примечанием, что в ближайшее время у нас будут тысячи таких листовок:

«Братья-солдаты!..

Мы приняли все меры и в дальнейшем сделаем все для того, чтобы всем воюющим державам стал известен полный текст нашего предложения о мире. Для полноты упомянутого предложения мы считаем своим долгом обратиться специально к вам, представителям нации, стоящей во главе коалиции, которая ведет с Россией войну на широком фронте.

Солдаты, братья. Мы призываем вас, с напряжением всех сил, поддержать нас в этой борьбе за немедленный мир и социализм, так как один только социализм может обеспечить рабочему классу всех стран справедливый и прочный мир и залечить все раны, нанесенные человечеству этой преступнейшей войной.

Братья, немецкие солдаты. Великий пример вашего товарища Карла Либкнехта, самого выдающегося вождя интернационального социализма, упорная и продолжительная борьба, которую вы вели против войны посредством газет, летучек, листков, многочисленных демонстраций и забастовок, борьба, за которую ваше правительство бросало в тюрьмы сотни и тысячи ваших товарищей, наконец, геройское восстание вашего флота служат нам порукой, что в широких слоях вашей рабочей массы созрела борьба за мир.

Братья, поддержите нас. Если вы это сделаете, то не подлежит ни малейшему сомнению, что в несколько дней обеспечено будет дело мира, по меньшей мере на континенте Европы, достигнут будет скорейший и справедливейший мир и остальные державы примкнут к такому миру.

Если вы нам поможете в нашей задаче объединения рабочих и крестьян и осуществления постепенного перехода к социализму в России, в задаче, которая для одной России представляет большие трудности, тогда ваши организационные способности, ваш опыт, ваша подготовка для массовых рабочих организаций безошибочно обеспечат нам переход к социализму.

Спешите нам на помощь! Мы ручаемся от имени рабочего и крестьянского правительства, что наши солдаты не сделают ни шагу вперед, если вы решитесь взять в руки знамя мира или если часть ваших сил отправится внутрь страны для борьбы за мир.

Да здравствует интернациональная социальная революция!

Председатель Совета Народных Комиссаров:

Владимир Ульянов (Ленин)».

Единственному еще оставшемуся в Брест-Литовске представителю русской делегации было указано на нелегальный характер этой публикации, после чего он незамедлительно передал нашу точку зрения в Петербург.

Затем нам по этому поводу было сообщено следующее:

«После того как наше предостережение относительно последствий распространения социалистических листовок было передано во время переговоров оставшемуся здесь секретарю русской делегации для передачи в Петербург, глава германской делегации, генерал Гофман, сделал ему соответствующие замечания и официально передал следующее:

«Мы, так же как и вы, искренно желаем мира, поэтому мы и собрались за этим столом переговоров. Распространяемые же среди немецких солдат листовки являются нелояльным действием против моего правительства. Они призывают немецких солдат к свержению существующего государственного строя. Это есть вмешательство в германские внутренние дела, которому я вынужден дать решительный отпор, так же как и мы с нашей стороны не вмешиваемся во внутренние дела других стран. В случае, если распространение подобных листовок будет продолжаться, это может серьезно помешать продолжению переговоров.

Это заявление было отослано в Петербург вечером восьмого декабря».

Из № 150 от 14 декабря:

«Представитель департамента иностранных дел в Брест-Литовске, посол фон Розенберг, сообщает от 13 декабря о прохождении переговоров о перемирии:

«Первое заседание, продолжавшееся с 9 до 12 часов, привело к следующим результатам: русские в основном согласны с нашим проектом. Они предлагают только внести некоторые дополнения и, по всей видимости, рассчитывают на то, что перемирие будет заключено в ближайшие несколько дней».

5.

Надежда, которую выразил д-р Ритцлер, начальник русского отдела в кайзеровском посольстве в Стокгольме, в № 145 «Бюллетеня» относительно «необременения германско-русских взаимоотношений на продолжительный срок», лопнула.

В брест-литовских переговорах верх взяло самое реакционное крыло немецких консерваторов. Военная партия, влиятельные представители которой — генералы Людендорф, Гофман и фельдмаршал фон Гинденбург — требовали от Советской России громадных аннексий, следствием которых было бы «тотальное нарушение производства и снабжения, массовая безработица и голод», при размещении оккупационных войск на огромных территориях.

Однако этот заключенный в Брест-Литовске «диктаторский мир» не давал, судя по оценке одного консервативного историка, «тех преимуществ Германии, на которые она рассчитывала, и прежде всего потому, что оккупация столь крупных территорий в охваченной революцией стране требовала содержания там значительных военных подразделений, и потому также, что среднеевропейские державы оказались бы еще глубже втянутыми в национальную проблематику восточных стран Европы, для решения которой им недоставало не только времени и материальных средств, но и политических предпосылок»[1].

Но даже и этих завоеваний Генеральному штабу и хозяевам тяжелой и военной промышленности было мало: еще в мае месяце они предложили своему правительству так называемую «Восточную программу». По этой программе Россия после свержения Советской власти должна была быть превращена в полуколонию Германии на всей территории, вплоть до Урала и незамерзающих гаваней мурманского побережья. Однако для осуществления этого плана у германского империализма не хватало сил.

Так или иначе, в августе 1918 года Германия добилась некоторых дополнений к Брест-Литовскому договору и потребовала от Советского правительства контрибуцию в размере 6 млрд. марок[2].

Подписанный Владимиром Ульяновым (Лениным) Декрет о мире, провозглашенный II Всероссийским съездом Советов на следующий день после образования Советского государства, послужил первым сигналом революционного социалистического правительства народам всех стран к выступлению против зачинщиков войны. Во всех воюющих странах, и в особенности в Германии, начался могучий революционный подъем.

Прямой противоположностью Декрету о мире, всем договорам о мире и праве народов на самоопределение стали два других договора: договор, навязанный германским империализмом Советской России в Брест-Литовске, и договор, навязанный французским и британским империализмом Германии в Версале. Лозунги о мире, социализме и революции появились в форме листовок и плакатов во всей Германии, а значит, и на улицах столицы королевства Баварии уже спустя несколько недель после Октябрьской революции.

Сигналы из Мюнхена — вопросы из Москвы

1.

Когда в Брест-Литовске немцы диктовали руководимому Лениным Советскому правительству условия мира, стараясь использовать свои военные преимущества, насколько это было возможно, сама Германия находилась уже на грани изнеможения. Маневры, направленные против России, оказались настолько же близорукими и авантюристскими, как и

---

[1] *Stökl Günther.* Russische Geschichte. Stuttgart, 1962, S. 655 ff.

[2] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 3, a.a.O., S. 37.

попытки добиться военного и экономического перевеса над странами Антанты, что с особой силой проявилось после апреля 1917 года, когда на стороне Антанты в войну вступили Соединенные Штаты Америки.

В Германии наступил экономический и политический кризис. Промышленность и сельское хозяйство были потрясены до самого основания, снабжение населения было резко ограничено или вообще прекращено. «Общий объем промышленной продукции сократился до 57% от уровня 1913 года»[1].

Текстильная промышленность призводила только военное обмундирование, а объем ее достигал 17% по сравнению с довоенным периодом; объем сельскохозяйственной продукции сократился до 60% и даже до 40% по сравнению с объемом производства 1913 года; продовольственный кризис приобрел катастрофические размеры. Цены на продукты питания возросли вдвое и даже впятеро, а на одежду и обувь — в три и даже в семь раз по сравнению с 1913 годом. Рабочее время, продолжительность которого с 1915 года и так была повышена до 10—12 часов в сутки, также увеличилось более чем на половине предприятий. Началась обязательная работа по воскресеньям продолжительностью от 5 до 12 часов. «Реальная заработная плата рабочих сейчас почти на 25% ниже, чем до войны»[2]. На фабриках работало все больше женщин, а их заработок был в среднем на 30—50% ниже, чем у мужчин.

С одной стороны — растущее обнищание масс, с другой — безмерное обогащение узкого, но могущественного круга предпринимателей. Война принесла миллионы убитых, раненых и инвалидов. В призывы и лозунги о «защите отечества» давно уже никто не верил.

И когда в такой ситуации общественность узнала о революционных событиях в России — пусть даже из урезанных цензурой газетных сообщений! — то можно понять, как велико было воодушевление в Германии, особенно среди солдат и рабочих.

Вот как комментировала эти события «Лейпцигер Фольксцайтунг», влиятельная газета Независимой социал-демократической партии Германии, в своем номере за 9 ноября 1917 года в статье «Пролетарская диктатура в России»:

«Пролетариат Германии с лихорадочным напряжением продолжает следить за дальнейшим развитием событий в России. Все его симпатии находятся на стороне борющихся товарищей по классу в громадной стране на Востоке. Победа пролетариата в России может стать громадным шагом вперед в деле обеспечения мира. Однако мир, конечно, не может быть делом рук одних только русских рабочих. Новая фаза русской революции означает, что рабочий класс Германии и других участвующих в войне стран также должен со всей серьезностью исполнить свой долг»[1].

Центральный орган СДПГ также приветствовал Октябрьскую революцию, отвечая тем самым распространенным в народе настроениям положить конец войне и добиться мира без аннексий и контрибуций, как того требовало Советское правительство. В статье «Россия — за перемирие и мир», опубликованной 13 ноября 1917 года в газете «Форвертс», говорилось:

«Русское правительство с подлинно революционной решимостью борется за достижение своих целей. Оно предлагает немедленно заключить перемирие на всех фронтах. Это перемирие должно продолжаться три месяца, в течение которых в одной из нейтральных стран должны состояться переговоры о заключении всеобщего мира. Общие принципы, которые, по мнению русских, должны стать основой заключения мира, будут нами опубликованы...

Вопрос, стоящий теперь перед всеми правительствами, заключается в том, готовы ли они подписать на три месяца перемирие, чтобы обсудить вопрос о мире, исходя из предложений русских и приняв их за основу. И никаких «если бы да кабы» в ответ на этот вопрос! На него можно ответить только «да» или «нет», а для германского правительства иного ответа и не существует: только «да»!..

Мы, германские социал-демократы, не рассматриваем русских большевиков как людей, чьи теории верны по каждому пункту и чьи методы были бы применимы во всех странах, но мы видим в них социалистов и товарищей по классу, и здесь мы охотно признаем, что их первое деяние после вступления во власть социализма является вполне достойным. Это признание облегчается для нас также и тем, что сам русский манифест представляет собой настоящий документ социализма, который отбрасывает все разделяющие нас споры о направлениях и воздает должное заслугам немецкого рабочего класса в деле социализма»[2].

Сообщения и комментарии в газете «Мюнхенер Пост» носили подробный, исчерпывающий характер. И прежде всего они выражали нескрываемую симпатию к Октябрьской революции и большевикам, подчеркивая при этом и выдающуюся роль Ленина.

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 3, a.a.O., S. 18 ff.
[2] Ebenda.

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 3, a.a.O., S. 441 ff.
[2] Ebenda.

Пятница, 9 ноября 1917 года:

Правительство Керенского свергнуто

Керенский бежал
Его коллеги-министры арестованы.
...Ленин и армия — за скорейший мир.

Последние голосования в русском Предпарламенте показали, что *интернационалисты* и *левое крыло социалистов-революционеров*, которые недавно столь решительно отвергли максималистское[1] требование о восстании, неожиданно присоединились к максималистскому движению. Минималистский центр социалистов, который до сих пор поддерживал Керенского, отказался от своей позиции и резко выступил *против* Керенского. Злая судьба диктатора свершилась скорее, чем можно было предполагать: Керенский *созрел для падения*. В своей последней речи в Предпарламенте он еще заявлял, что его правительство скорее даст убить себя, чем откажется от мер против большевиков, которые оно считает необходимым принять для обороны государства. Когда те, кто его сверг, ворвались в Зимний дворец, Керенский решил иначе и *бежал*, а другие министры были *арестованы*.

Агентство Рейтер получило телеграмму официального петербургского телеграфного агентства (которое находится в руках максималистов), в которой говорится, что максималисты овладели городом, а министры арестованы. Руководитель этого движения *Ленин потребовал незамедлительного перемирия и мира*. Весь петербургский гарнизон выступил в поддержку этого требования Ленина...

Открывшийся затем съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял в четверг следующие *решения:*

1. Всем губернским и уездным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов: вся власть принадлежит Советам рабочих и солдат. Правительственные комиссары смещаются со своих должностей. Председатели рабочих и солдатских Советов поддерживают непосредственную связь с революционным правительством. Всех арестованных членов земельных комитетов следует освободить немедленно, арестовав тех комиссаров, которые дали приказ к их аресту.

2. Отмена смертной казни. Смертная казнь, которая снова была введена на фронте Керенским, отменяется. Восстанавливается полная свобода агитации на фронте. Все революционные солдаты и офицеры, арестованные по обвинению в так называемых политических преступлениях, должны быть немедленно освобождены.

Третье постановление подтверждает содержание вышеупомянутой радиограммы о бегстве Керенского, об аресте других министров и о приказе доставить Керенского в случае его поимки в Петербург.

Правительственная программа большевиков (максималистов) формулируется в газете следующим образом: *Полное отстранение буржуазии от власти* и энергичные шаги к *немедленному заключению мира;* далее — *рабочий контроль над промышленностью;* наконец, *передача всей власти Советам рабочих и солдат* и *полное прекращение уплаты процентов по всем военным займам.*

[1] Так газета называет большевиков.— *Прим. перев.*

Суббота, 10-е, и воскресенье, 11 ноября 1917 года:

Ниспровержение власти в Петербурге и перспективы мира.

То, что максималистам в Петербурге сравнительно легко удалось свалить правительство Керенского, следует, без сомнения, отнести в первую очередь на счет их программы, первое место в которой занимает *вопрос о мире. Немедленно заключить «демократический мир»* — вот первый пункт выдвинутых Лениным требований; для этого же необходимо заключить перемирие.

Понедельник, 12 ноября 1917 года:

Преобразования в России

Петербургский корреспондент норвежской газеты «Тиденстегн» передает: Совет рабочих и солдат создал особый комитет. Его президент *Ленин* является в то же время *премьер-министром*... Совет стал хозяином положения в Петербурге. Его солдаты несут на улицах патрульную службу. Революция прошла на удивление организованно, *без сумятицы и грабежей*. Все банки и крупные магазины закрылись, однако Совет потребовал немедленно открыть их. Совет столкнулся со значительными трудностями, так как председатель муниципалитета и Совет городских депутатов отказались признать новое правительство. Несоциалистические газеты прекратили свое издание. В сообщении газеты «Пти Паризьен» выражается удивление по поводу строгих мер, принятых для обеспечения неприкосновенности собственности граждан. Приятной неожиданностью для граждан послужила также беспрецедентная строгость мер против воров и разбойников. Все члены последнего правительства, за исключением Керенского, заключены в Петропавловскую крепость, равно как и прежние, царские министры...

Большевики у власти

Свержение правительства Керенского не было какой-то акцией Петербургского Совета рабочих и солдат, оно было шагом, одобренным *Всероссийским съездом Советов рабочих и солдат*, заседающим в Петербурге, и осуществлено рабочими и солдатами Петербурга. Повсюду в стране имеются признаки растущей симпатии к большевикам, которые ведут ясную и целенаправленную борьбу против запутанной политики Временного правительства. Много спорят по вопросу, куда пойдет теперь государственная власть и будет ли создаваться коалиционное правительство — с кадетами или без них. За последние несколько часов большевикам удалось осуществить свое решение о том, что *правительственная власть переходит к органам революционной демократии*. Это делается не ради заговора и не ради того, чтобы захватить кого-то врасплох. Как несколько дней назад на демократической конференции Церетели заявил большевикам, что они ведут бой с открытым забралом.

Что большевики будут делать после своей победы для мира?

Выдвинув лозунг о «*немедленных мирных предложениях*», большевики победили; прочность их власти зависит теперь от того, каких успехов они добьются в своей борьбе за мир. Какими же методами хотят они положить конец этой бойне народов?

«...Мы не пацифисты...— заявил *Ленин* на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов,— никакого сепаратного мира»,— добавил он. Чтобы это понять, следует вдуматься в весьма логичную, хотя и далекую от действительности теорию крайне левых среди русских революционеров. Эти большевики отнюдь не ослепленные злобой путчисты, скорее, это глубокие теоретики классовой борьбы.

Они не хотят ни насильственного мира, ни дипломатического «мира по уговору» — им нужен революционный мир. Поэтому, как только они закрепятся у власти, они обязательно обратятся ко всем народам мира с призывом последовать примеру русских и *ко всем чертям* смести свои *капиталистические правительства*, вне зависимости от того, являются ли те монархическими, парламентскими или республиканскими. Этот призыв, видимо, останется клочком бумаги: ни один из воюющих народов не отважится поддержать идею русских, не будучи уверенным в поведении своих врагов.

Что же могут сделать русские большевики? Сложат ли они оружие или будут стремиться проводить реальную политику? Они требуют *права на самоопределение* для каждой нации, *государственные границы* имеют для них гораздо меньшее значение; *единственной подлинно освободительной* борьбой является для них *классовая борьба пролетариата*. По этой причине они будут готовы согласиться на любой мир, который поможет им спасти свою революцию. Они могут сообщить Антанте, что не считают себя обязанными выполнять прежние соглашения, заключенные царским правительством, но будут готовы заключить новые соглашения в защиту своей свободы. Если *Антанта* отвергнет эти предложения — а принятие их означало бы отказ от всех ее военных целей — то Россия тогда обратится с тем же вопросом к *средневропейским* державам, готовы ли те заключить мир на основе права наций на самоопределение. На что они, как известно, также ответят отказом: Австро-Венгрия не собирается предоставлять никакого права на самоопределение своим нациям, равно как и Германия — Польше и Эльзасу с Лотарингией. Большевики, возможно, согласятся и с этим, лишь бы избежать новой волны насилия... Во всяком случае, здесь открываются новые мирные перспективы, и было бы преступлением перечеркнуть их новым актом насилия и порабощения.

Другая газета, «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен», одна из самых влиятельных газет в Германии, выходившая каждый день двумя выпусками — утренним и вечерним, опубликовала довольно недвусмысленное мнение тех кругов, которые усматривали в этой революции всего лишь «государственный переворот». По комментариям и подбору заголовков для новостей из Петербурга можно понять, что эти круги боялись того, что данные требования о мире и о свержении господствующих классов повлияют и на дальнейшее развитие событий в Германии.

Поэтому-то комментаторы и не скрывали своих позиций: рассматривать эту революцию с точки зрения «спокойно выжидающих зрителей» в лучшем случае как временный конфликт было вполне в интересах германского военного руководства.

Достойно внимания также и то, что «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» намеренно умаляла ведущую роль Ленина и партии большевиков, преувеличивая вместо этого роль и влияние Троцкого: «Под руководством Троцкого максималистское движение значительно окрепло».

В действительности же Троцкий присоединился к большевикам только в середине 1917 года, когда стало уже ясно, что за большевиками идут огромные массы революционного народа. Замалчивался также и такой факт, как постоянная раскольническая деятельность Троцкого начиная еще с 1903 года, в первую очередь — его нападки на Ленина и большевиков.

7 ноября, в день революции, в вечернем выпуске «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» опубликована под заголовком «Конфликт в Санкт-Петербурге» следующая заметка:

«Между Военно-революционным *комитетом*, который был недавно создан Петербургским Советом рабочих и солдат, и Генеральным штабом военного округа столицы произошло следующее столкновение: в ночь на 1 ноября члены комитета появились перед *Генеральным штабом* и потребовали себе права контролировать все его приказы и участвовать во всех его военных советах. Командующий петербургскими войсками полковник Полковников отклонил эту просьбу. Тотчас же после этого Совет рабочих и солдат созвал собрание депутатов гарнизона, которые передали во все полки телефонограмму, сообщавшую солдатам, что Совет рабочих и солдат по причине сопротивления Генерального штаба, не желающего признавать Военный революционный комитет, порывает с Генеральным штабом, рассматривая его отныне как *враждебную демократии организацию*. В телефонограмме говорится также, что войска должны подчиняться только приказам, подписанным Военно-революционным комитетом. Когда *Временное правительство* узнало об этих действиях комитета, оно потребовало от него объявить содержание телефонограммы недействительным. Комитет отклонил это требование, решив оказывать *сопротивление*. С этой целью Совет рабочих и солдат разместил в месте своего собрания *войска и пулеметы*. Временное правительство решило не прибегать пока к оружию в надежде, что этот конфликт можно будет разрешить мирным путем».

8 ноября заголовок гласил: «Государственный переворот максималистов в Петербурге». Отчет о событиях сопровождался комментарием, сообщавшим, в частности, следующее:

«Отряд матросов по приказу революционного *комитета максималистов* занял служебные помещения петербургского Центрального телеграфа, Госбанка и министерства военно-морского флота, где размещается Совет республики, заседание которого в связи с создавшимся положением было *отменено*. До сих пор не слышно ни о каких беспорядках, за исключением отдельных случаев хулиганства.

Успеха максималистов ожидали в России уже давно, а правительство так и не сумело принять никаких действенных мер, чтобы избежать этого. Правда, оно пыталось. Созданный им Предпарламент должен был стать мощной государственной организацией, в противовес всем этим узурпаторским советам и комитетам, которые теперь повсюду «управляют» Россией, как хотят. Однако затея с Предпарламентом провалилась, а Советы рабочих и солдат, имеющие более четкую организацию, оказались сильнее, чем думало правительство. Неудавшаяся попытка последнего отступить из зараженного максимализмом Петербурга в Москву оказалась на руку только противникам Керенского, значительно укрепив их позиции. Максималисты, выступавшие за мир, завоевали большинство во влиятельном Петербургском Совете рабочих и солдат, Чхеидзе пришлось уйти, а председательский пост в этом Совете занял Троцкий...

На что мало обращают внимания (но это тем не менее очень хорошо характеризует создавшееся положение): на случай отъезда правительства из Петербурга петербургские максималисты приняли решение устроить там *коммуну*, а служащие московской городской управы решили готовиться к свержению этого временного правительства путем *гражданской войны*».

А 9 ноября в вечернем выпуске «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен» появился следующий комментарий:

«Однако мы в Германии не забыли, что все вожди максималистов, не исключая Ленина, хотя и выступают за мир, но *против* заключения сепаратного мира. В опубликованной в Петербурге программе революционного комитета, который сейчас претендует на то, чтобы получить статус правительства, также благоразумно говорится только о некоем «демократическом мире». *Путь* к этому миру новое российское правительство только еще собирается прокладывать, сплачивая вокруг себя народ и создавая такое правительство, которое действительно пользовалось бы признанием всей страны, которое имело бы право действовать от имени нации, ибо воюющие державы могут пуститься в мирные переговоры только с таким правительством. А до тех пор мы будем наблюдать за всеми этими удивительными превращениями в России, которые нас, конечно, глубоко трогают, как выражение беспомощности этого государства, политически полностью разрушенного, и в первую очередь вследствие его противоестественной связи с Англией,— наблюдать, как спокойные, выжидающие зрители».

В вечернем выпуске газеты от 12 ноября появился заголовок: «Керенский с войсками наступает на Петербург», а далее шли сообщения о «гражданской войне в России». После изложения позиции Германии в этом противоборстве революционных и контрреволюционных сил следовало предостережение буржуазии:

«Под началом Керенского образован «Комитет спасения родины и революции». Призывы этого Комитета дышат мощью и уверенностью в победе. Генералы Алексеев, Каледин и

Корнилов — на стороне Керенского, а в Москве еще не принято решение в пользу большевиков. Так что еще совершенно неясно, выиграют ли максималисты. Нам же, видимо, следует с полным хладнокровием следить за событиями в России, не связывая себя ни с тем, ни с другим направлением... Гельсингфорсская газета «Известия», рупор местного Совета рабочих и солдат, заявляет, что события в Петербурге нанесли смертельный удар коалиции между буржуазией и социализмом. В случае победы контрреволюции речь могла бы идти только о военном диктаторе, который потопил бы эту революцию в крови рабочих. Если во всех еще предстоящих битвах победителем останется революция, то она за все *посчитается с буржуазией,* обложив богатых беспощадными налогами и отдав всю землю крестьянам; секретные договоры Николая Кровавого с империалистами будут объявлены недействительными, опубликованы и нарушены. Самой мощной поддержкой, на которую могла бы рассчитывать новая революция, является мировая революция, которой новая революция подала знак».

В утреннем выпуске от 13 ноября та же газета поместила на первой странице сообщение и комментарий «о мирных предложениях петербургских правителей», а в вечернем выпуске также на первой странице — сообщение о том, что «пора кончать междоусобицу»:

«Мы не теряем надежды, что сможем когда-нибудь иметь дело с таким русским правительством, как бы оно ни называлось, которое сможет говорить от имени всей России, и будем стремиться к заключению честных, дружественных отношений со среднеевропейскими державами. По отношению к такому правительству России Германия также готова будет честно и дружественно пойти навстречу. Немецкий народ жаждет мира; ему не нужна политика, ставящая новые препятствия на пути взаимопонимания с Россией.

Однако гораздо более важным и решающим для нас является сейчас вопрос о *наших собственных междоусобицах* в империи...

Так, за последние недели у нас вновь была предпринята попытка избавиться от внутренних потрясений путем прекращения междоусобиц и налаживания сотрудничества, чтобы противостоять внешнему врагу *сплоченным внутренним фронтом*, чтобы заставить социал-демократию отказаться от предъявления нам все новых и новых требований и чтобы ограничить сферу действия нашего законодательства социально-политическими вопросами...»

Газета «Байеришес Фатерланд», рупор консерваторов, писала об Октябрьской революции сначала как о «перевороте в России» (10 ноября), затем — как об «анархии в России» (11 ноября).

2.

Дело с публикацией ленинских работ для широкого круга немецких читателей порядком затянулось. Клара Цеткин опубликовала в газете «Лейпцигер Фолькcцайтунг» от 16 ноября сокращенный вариант воззвания к «Рабочим, солдатам и крестьянам!», принятого II съездом Советов в ночь с 7 на 8 ноября. Еженедельник бременских левых «Арбайтерполитик» 17 ноября опубликовал ленинскую статью «Кризис назрел». В редакционной статье, озаглавленной «Победа большевиков», в которой комментировалась статья Ленина, было написано, в частности, следующее: «Большевики, русские левые радикалы, победили... Ленин, этот Марат русской революции... возглавил русскую государственную власть»[1].

Далее «Арбайтерполитик» продолжал: было бы иллюзией ожидать, что мир «придет сам по себе». Победа большевиков, по его мнению, была всего лишь «первым реальным шагом», но успех их «в значительной мере будет зависеть от поведения остальных народов»[2].

И все же завуалированные, облеченные в обтекаемые формулировки (для обмана цензуры) призывы присоединиться к революции в России, взяв ее в качестве примера для Германии, были скорее исключением, чем правилом.

Тому, кто пропагандировал подобные вещи, грозил немедленный арест, как и вождям спартаковцев — Либкнехту и Люксембург.

Германские левые подчеркивали всемирно-историческое значение и великий пример Октябрьской революции.

«Чудовищный процесс социальной и экономической революционизации,— писала Роза Люксембург в своем письме из тюрьмы,— подступает уже к этапу безграничных возможностей... гораздо больших, чем у великой французской революции». Она называла Октябрьскую революцию «всемирно-историческим деянием, которое никогда не канет в Лету»[3].

Независимая социал-демократическая партия, которая в своем призыве от 12 ноября охарактеризовала Октябрьскую революцию как «событие всемирно-исторического значения», призывала немецких рабочих «везде проводить манифестации за мир без всяких аннексий для любой стороны»[4].

День за днем, неделя за неделей копилась усталость, крепла жажда мира, и из них вырастала готовность к действию. Организацию действий взяли на себя сторонники группы «Спартак» и революционные круги в Независимой социал-демократической партии.

---

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 3, a.a.O., S. 22 f.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.
[4] Ebenda.

3.

Еще до Октябрьской революции министерства и полиция в Германии тщательно регистрировали каждый малейший признак революционного настроения и принимали меры «по пресечению беспорядков». Мюнхенское полицейское управление в июле 1917 года сообщало министерству внутренних дел, что в городе ходят «бумажные деньги с революционными надписями»: «Депутат ландтага Гирль только что сообщил мне, что вчера один рабочий, член христианской организации, принес ему двухмарковый банкнот, на котором чернилами, так что и не сотрешь, написано: «Нет мира без революции!»

Следует опасаться, что подобные средства агитации будут употребляться все шире, если мы не примем немедленных мер против этого путем соответствующего инструктажа во всех публичных кассах. В Италии несколько месяцев назад также ходили тысячи бумажных денег разного достоинства с подобными революционными надписями.

Настоящий отчет переслан мною во все королевские государственные министерства» [1].

На других банкнотах и бонах ссудной кассы, которые тщательно собирались шпиками и полицией, были такие «возмутительные надписи», как:

«Нет мира без революции!»,

«Да здравствует революция! Долой войну!»,

«Сделайте как в России, тогда и у нас будет мир!» [2]

10 сентября 1917 года министр внутренних дел фон Бреттрейх послал президентам королевских правительств следующее секретное письмо:

«Ниже прилагается листовка, которая распространялась в городе Дрездене. Это доказывает необходимость вести постоянное наблюдение за деятельностью подобных смутьянов, а в случае их поимки — немедленного их наказания со всею строгостью.

Необходимо также оповестить полицейские власти каждого участка. Не исключено, что здесь приложил свою руку враг из-за границы.

Подпись: д-р фон Бреттрейх.

Демонстрации и забастовки

Ради поганого денежного мешка мир превратили в кровавое месиво. Под предлогом защиты отечества наших отцов и братьев уже третий год подряд волокут на бойню. Они проливают кровь, терпят нужду и лишения вовсе не ради собственного интереса, а только за этих фарисействующих убийц. Пока рабочий народ мрет с голода, хозяева за кулисами снимают хороший навар с этой бойни. На всю нашу жажду мира, на наше возмущение, на желание свободы и хлеба правители отвечают лицемерной болтовней. Да и то не для того, чтобы положить конец этому безумию, а просто, чтобы успокоить народ и заставить его снова и снова жертвовать собой в интересах капиталистов.

...по всей Германии

...И все-таки не власть имущие, а воля народная задушит эту проклятую гидру войны. Справедливый гнев за миллионы павших и искалеченных поведет нас на новую войну, но теперь уже — на войну против предателей и мучителей нашего народа, чтобы в ее очищающем огне навсегда сгинуло шаткое здание жестокого произвола и порабощения. Рабочие, братья и сестры! Слишком долго несли мы свои кандалы, стеная и плача. Три года подряд нами играли, как хотели, а ведь мы люди. Наши жены и дети стали вдовами и сиротами. Где же та хваленая немецкая свобода, ради которой наши матери принесли в жертву своих сыновей? Разве в том она, чтобы душить свободомыслие, чтобы таких представителей народа, как Либкнехт, бросали в застенок на многие годы? Чтобы, как в Дюссельдорфе, сажали женщин на шесть лет в тюрьму? Чтобы молодых рабочих за социалистические убеждения отправляли в лагеря? Осадное положение — вот и все, что дала нам эта наша немецкая свобода.

Социалистическая молодежь всех стран призывает вас, товарищи по классу, провести 2 и 3 сентября мощные демонстрации против господствующей системы гнусного бесправия и позорного гнета. Стар и мал, мужчины, женщины, девушки! Настала пора действовать.

Международный день молодежи должен стать днем могучего наступления революционной армии рабочих, юных пролетариев на существующее капиталистическое общество, которое одно только и виновно в том, что миллионы людей были так жестоко убиты!

Только массовая борьба пролетариата принесет нам свободу и прочный мир!

Пусть каждый агитирует за то, чтобы 2 и 3 сентября все предприятия бездействовали, а бастующий рабочий класс принял участие в демонстрациях!

...против войны, 2 и 3 сентября 1917 года.

К вам, братья-рабочие в пестрых фартуках, обращаем мы наш призыв: «Когда доведенный до отчаяния народ наконец решается на революционные дела, когда он отваживается на смертный бой, бесстрашно разворачивая знамя революции, боритесь вместе с нами!

Не подчиняйтесь приказам!

Не стреляйте в своих отцов и матерей! В

---

[1] Politische Umtriebe 1855—1918. BayHSta MInn 71700.
[2] Ebenda.

отважных борцов за дело международного пролетариата, ведь это же и ваше дело! *Становитесь сами солдатами революции!*

Социалистическое молодежное движение Германии. Издано в изд-ве «Унионсдруккерай», Цюрих»[1].

О воззрениях тех, кто в правительственных кругах и партиях по-прежнему жаждал победы Германии за счет остальных империалистических соперников, настаивая на аннексиях и контрибуциях, говорится в протоколе заседания Совета по вопросам просвещения в королевском государственном министерстве внутренних дел от 3 ноября 1917 года. В этом заседании, проходившем под председательством министра внутренних дел д-ра Риттера фон Бреттрейха, принимали участие представители министерств, начальник полиции, главы женских организаций, Красного Креста, религиозных и нерелигиозных групп, представители профсоюзов, отечественные Союзы народной помощи, представители прессы, учителей и т. д.

Ведущий баварский социал-демократ, депутат ландтага Иоганнес Тимм — позже министр юстиции в правительстве Курта Айснера — выступил на этом секретном заседании. Далее цитируется по протоколу:

«...Он говорит, что вполне информирован о настроениях в войсках и в тылу, в особенности благодаря многочисленным письмам, которые приходят в профсоюзы. Он хотел бы сказать, что настроения в армии, в особенности среди рабочих, состоящих членами каких-либо организаций, отнюдь не плохие. Даже если и имеется некоторая жажда мира, то каждый из них все же сознает, что должен выполнять долг. Есть, правда, сомнения насчет того, какой оборот примут события в будущем. Рабочие видят, что во всех воюющих странах растет и расширяется преступный, ростовщический капитализм, наживающийся на войне. Люди хотят, чтобы им с уверенностью сказали: вы боретесь за свои идеалы, за безопасность и свободу Германии, а вовсе не за капитализм, захватывающий все новые пространства и стоящий под защитой государства.

Отсюда и этот массовый настрой против создания новых партий, в особенности Германской народной партии. В этом усматривается намерение капитализма создать себе опору на послевоенное время. Основателями этой партии в большинстве своем оказались люди, которые прежде сами были зачинщиками яростных междоусобиц. Придется смириться с мыслью, что вокруг этих вопросов разгорятся необычайно жаркие политические споры...

Поднимать настроение общественности придется теперь иными мерами, чем прежде. Следует конкретно обсуждать вопросы о будущем немецкого народа. Время приятных размышлений о будущем миновало. Люди хотят знать, что с ними будет. Огромная концентрация предприятий, обусловливаемая сегодня военно-промышленными нуждами, после войны будет продолжаться — теперь уже в силу народнохозяйственной необходимости. Поэтому ремесленники и среднее сословие лишатся многого и окажутся тем самым еще на одну ступень ниже. Вследствие этого уже теперь необходимо дать социально-политические разъяснения по всем этим вопросам, причем самым серьезным образом. Народные массы испытывают страх, ибо им до сих пор не дано никаких заверений относительно какого-то определенного будущего...»[1]

В этих высказываниях Иоганнес Тимм дал понять, что баварская СДПГ также стремится «прекратить междоусобицы», будучи при этом обеими руками за победу кайзеровской Германии.

Указывая на необходимость «постоянно подчеркивать, что Германией движет не жажда завоеваний, что Германия хочет лишь обезопасить себя», Тимм выразил мнение руководства СДПГ, которая по всей стране проводила собрания под лозунгом «Социал-демократия, мир и права народа», провозглашая свою «солидарность с русскими товарищами», выступая против чересчур откровенных политиков-«завоевателей» и требуя «мира по уговору» на основе советских предложений.

Однако в то же самое время руководство СДПГ подчеркивало, что «русский путь» в Германии невозможен[2].

К маневрам германского правительства, направленным против Советской России, принадлежал и сознательный обман населения обеих стран, давно уже уставшего от войны.

Хотя это правительство на первой фазе переговоров, начатой в Брест-Литовске 9 декабря, и приняло советские мирные предложения, однако затем ему не без помощи этих социал-демократических собраний, проходивших под лозунгом «Социал-демократия, мир и права народа», удалось приостановить первый революционный подъем в Германии.

Большая часть рабочего класса ожидала окончания войны в ближайшие несколько недель. В действительности же правительство в Берлине готовилось оккупировать новые русские территории. Свои ультимативные требования оно изложило советским представителям в середине января 1918 года в Брест-Литовске. Таким образом, массовая бойня

[1] Politische Umtriebe 1855—1918. BayHSta MInn 71700.

[1] Allgemeine Volksstimmung 1866—1918. StaM RA 57942.

[2] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 3, a.a.O., S. 25.

первой мировой войны затянулась еще почти на целый год.

Группа «Спартак», которая предостерегала народ еще в декабре 1917 года, писала в своем призыве «Час решения»:

«Голод и массовая нищета не прекратятся, пока те, чьим интересам отвечает эта война, то есть правительство и буржуазные классы, будут находиться у кормила власти. Надо уничтожить господство реакции и буржуазных классов в Германии, если мы хотим положить конец этой массовой бойне»[1].

По этому основному вопросу группа «Спартак» была полностью согласна с Лениным и большевиками, которые считали, что борьба за мир может увенчаться успехом только тогда, когда она будет сопряжена с непримиримой классовой борьбой пролетариата против поработителей, когда рабочий класс революционным путем завоюет власть в государстве и в обществе.

Группа «Спартак» выдвинула требование «создать в Германии народную республику»[2]. Продолжающаяся война и неблаговидные маневры германского правительства по отношению к Советской России вели к тому, что все новые и новые силы начинали видеть путь к прекращению войны, к созданию общества без эксплуататоров и эксплуатируемых и обеспечению длительного и прочного мира в свержении старых общественных отношений.

В этой ситуации очень быстро сложились основные представления о мире.

Обострение борьбы во время Ноябрьской революции в Германии сопровождалось, помимо прочего, невиданной идеологической битвой вокруг отношения всех партий в Германии к большевизму и Октябрьской революции. А поскольку вопрос о власти стоял теперь уже не только в России, но и в Германии, мнения относительно Ленина и политики большевиков, единственной партии, которая во главе революционного правительства смогла взять власть, разделились.

Вследствие того что работы В. И. Ленина в Германии были практически неизвестны, идеологи антибольшевизма смогли использовать все элементы запугивания и пропаганды, применяемые ими еще со времен мобилизации 1914 года.

4.

Руководство СДПГ, сплотившееся вокруг Фридриха Эберта, Филиппа Шейдемана и Густава Носке (в Баварии это были Эрхард Ауэр, Иоганнес Тимм и Альберт Росгауптер), а также социал-демократические газеты, листовки и брошюры «наградили большевизм всеми ярлыками, которые были в ходу во времена царизма: большевизм, мол, это азиатская деспотия, цезаризм, элитарное устройство, путчизм и анархизм — словом, такая форма господства, которая, будучи властолюбивой и антидемократичной, превращает российский пролетариат в римских плебеев»[1]. Для этих политиков большевики были какие-то «одержимые, главари банды политических пиратов, не прошедшие школы демократической, парламентской жизни»[2].

В другом варианте вновь появляется обвинение в терроризме. Вильгельм Блос издал «памфлет против предвестников большевизма» под заглавием «Маркс или Бакунин? Демократия или диктатура», снабдив его подзаголовком «Современный вариант отчетов Социалистического интернационала о Бакунине Карла Маркса и Фридриха Энгельса»[3].

Германские социал-демократы, которые до 1914 года поддерживали русских революционеров в их борьбе против царизма, а затем проголосовали за военные кредиты на «защиту культуры» и Германии от «варварской царской России», сосредоточивали теперь свои усилия на борьбе с большевизмом, пользуясь почти теми же понятиями и почти с теми же эмоциями, с которыми они выступали в поход против царизма.

Большевизм стал для них чем-то вроде пугала: больше всего они боролись против немецких большевиков, а посему немецким рабочим строжайше возбранялось слушаться подобных людей, желающих революции в Германии.

При этом, как показали позднейшие исследования, идеи и представления социал-демократических лидеров о революционных событиях в России не были ни новыми, ни даже их собственными.

Так, например, Карл Каутский, осуждая большевиков, пользовался «понятиями и мыслями, которые уже были им сформулированы в переписке с друзьями-меньшевиками в 1903—1905 гг.».

Очевидно, что большую часть своей информации ведущие социал-демократы получали от Парвуса-Гельфанда, чье издательство журнала «Колокол» в 1915 году переехало из Мюнхена в Берлин.

4 апреля 1917 года Парвус делал доклад перед партийным руководством СДПГ, в котором он рассказывал о революционном движении в России, развивая в основном ту же стратегическую и тактическую концепцию, которую он разработал для департамента иностранных дел и Генерального штаба. Между Парвусом и германскими партийными лидерами установились весьма доверительные отно-

[1] Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Band 3, a.a.O., S. 27.
[2] Ebenda.

[1] *Lösche Peter.* Der Bolschewismus... a.a.O., S. 174.
[2] Ebenda.
[3] Ebenda.

шения. «По опыту общения с авторами «Колокола» он (Парвус) научился расширять и развивать те незаметные, мелкие услуги, которые он благодаря своим деньгам мог оказывать партийным друзьям, живущим на скромные средства, до уровня таких человеческих и политических взаимоотношений, которые значительно увеличили его влияние на политику партии...»

Ни скандальные истории, случившиеся несколько позже, ни взаимные упреки в продажности и взяточничестве, которыми щедро осыпали друг друга Карл Каутский и Парвус, не были препятствием таким авторам, как Эдуард Бернштейн, Филипп Шейдеман, и таким молодым политикам, как Эрих Олленгауэр, Теодор Гойс и Эрнст Ройтер, стать ведущими сотрудниками «Колокола». Это сотрудничество продолжалось и в годы после Ноябрьской революции: на Шваненвердере, своей великолепной вилле в Берлине, Парвус, этот миллионер и главный советник руководства СДПГ по вопросам русской революции, устраивал «вечеринки с приглашением крупных и мелких функционеров партии», считавшиеся «образцом социалистических товарищеских вечеров».

Постоянными гостями этих «товарищеских вечеров» были Филипп Шейдеман, которого Парвус прочно связал со своим издательством очень выгодным договором, Конрад Гениш, редактор «Колокола», а затем прусский министр культуры, Отто Вельс, председатель СДПГ, Ульрих Раушер, первый начальник отдела прессы имперской канцелярии, и ведущие социал-демократические журналисты.

Единственным политиком из руководящих кругов СДПГ, который отмежевался от Парвуса, был Фридрих Эберт. Для других же Парвус, журнал которого Ленин (впервые еще в 1915 г., а потом снова в 1917 г.) назвал «клоакой немецкого шовинизма», был «крупным авторитетом», который мог дать «надежные» справки о России, о большевиках и об Октябрьской революции. Однако Парвус не ограничивался выдачей таких справок для узкого круга, он выпускал массовым тиражом брошюры, рассчитанные на широкого читателя. В своих «Письмах к немецким рабочим» он одобряет «мировую революцию» и «рабочий социализм», ссылается на примеры из Маркса и Энгельса и вовсю ругает Ленина и большевиков.

«Рабочий социализм будет строиться снизу; большевики же навязывают свое господство сверху. Большевизм — это смерть и уничтожение, а рабочий социализм — это жизнь и процветание».

Словно и не писал Маркс ничего о несовместимости классовых интересов пролетариата и буржуазии. Вот как пропагандирует Парвус свою точку зрения:

«Там, где большевизм считает, что решение всех вопросов уже у него в руках, там-то для рабочего социализма как раз и начинается великая проблема примирения интересов внутри одного класса и постепенное слияние этих интересов с интересами всего общества».

В духе известных примиренческих сентенций о социально-рыночном хозяйстве Парвус пишет:

«Если будет создана прочная промышленно-транспортная база социализма, то не понадобится никаких обусловливаемых законом средств принуждения, чтобы экспроприировать частную индустрию; вся система будет тогда развиваться сама по себе, такая же непреодолимая, как и капиталистическая концентрация производства, как картели, тресты и т. д. Частная собственность не будет тогда больше стоять на нашем пути».

А следующие слова Парвуса прямо-таки квинтэссенция похвалы, воздаваемой им немецким рабочим:

«В Германии война стала популярной только благодаря борьбе против царизма. Эта популярность кончилась, как только в России разразилась революция... Если все это свести теперь воедино, то следует считать, что массам германских рабочих милитаризм был нужен только для того, чтобы разгромить царизм, и что они разгромили милитаризм, когда не надо было больше бороться с царизмом».

Эти последние письма Парвуса, где он утверждает, что немецкие рабочие «отбросили» милитаризм, когда царизм был сокрушен, появились в то время, когда в Мюнхене бушевала контрреволюция, а рейхсвер и вооруженные отряды бюргеров под предводительством Густава Носке топили в крови Ноябрьскую революцию...

Предчувствуя, что реакция не похвалит его «за службу и помощь» германской социал-демократии, Парвус в 1919 году написал: «Германское бюргерство радо, что социал-демократия избавила его от большевистской опасности, видя в этом также и надежду на то, что с социал-демократией оно уж справится само».

Тем самым также была подготовлена демагогическая формула о равенстве левого и правого экстремизма, служившая на деле для борьбы с левыми, для того, чтобы не дать им доступа к ленинским идеям:

«Поэтому я и заявил Ленину еще в самом начале его правительственной карьеры, — лгал Парвус, который с 1915 года все время якобы пытался установить с Лениным прямые контакты, чтобы как следует исполнить свою роль империалистического провокатора, — что он осуществляет идеи не Карла Маркса, а Победоносцева».

Когда Парвус перестал надеяться на СДПГ, он начал финансировать журнал «Восстанов-

Демонстрация
на Марсовой площади
в Мюнхене после
злодейского убийства
К. Либкнехта
и Р. Люксембург

Большая часть населения Германии совершенно запуталась в этом барабанном бое антибольшевистской пропаганды; буржуазные правые использовали все «средства военной пропаганды, которые еще недавно были направлены против Антанты и царской империи»: «Основанное исключительно для этой цели «Объединение по борьбе с большевизмом» в своих текстах и иллюстрациях, в листовках и газетных объявлениях, на открытках и плакатах изображало этого восточного Молоха, угрожающего свободе, миру, отечеству, порядку и женщинам»[1].

В такой обстановке и был убит Курт Айснер.

5.

Упрек, что первая Баварская республика якобы повторила все, что сделала Октябрьская революция, Айснер резко отверг: «Мы совершенно точно знаем, что не применяли русских методов, равно как и не ставили перед собой русских целей. Русского большевизма в Германии нет — исключая разве некоторых фантазеров. Мы не верим, что, идя русским путем, можно достичь нашей цели — демократии и социалистического общества. Мы не верим, что нам удастся обобществить производство в тот момент, когда это производство полностью разрушено»[2].

Такое мнение Курта Айснера о большевиках

ление» («Wiederaufbau»), выходивший в 1922 году «на пяти европейских языках, в богатом оформлении». Теперь сотрудниками Парвуса, которым он предлагал свои услуги и свои «анализы» положения в России, были: Карл Дуйсберг, представитель химической промышленности; премьер-министр Пруссии Отто Браун, которого однажды чуть не отдали под суд в Кенигсберге за поддержку русской революции и который потом, уже будучи министром, подписал указ, запрещающий чиновникам быть членами Коммунистической партии Германии; прусский министр финансов Мориц Земиш, имперские министры в отставке — Симонс и Дернбург, будущий имперский канцлер Кунов; Роберт Бош, Карл Фридрих фон Сименс, Карл Реннер, Теодор Гейс, Вильгельм Кейль и другие. Внешнеполитическая концепция этого журнала предусматривала прозападную ориентацию Германии и изоляцию Советской России.

Среди самых «незаметных» сотрудников Парвуса-Гельфанда находился также Гуго Стиннес, который спустя несколько лет оказался в числе тех промышленников, которые поддержали Адольфа Гитлера и его национал-социалистскую партию.

---

[1] *Lösche Peter*. Der Bolschewismus... a.a.O., S. 256.

[2] *Neubauer Helmut*. München und Moskau 1918/1919, München, 1958, S. 21.

определило и позицию премьер-министра «демократической и социальной республики Баварии» по отношению к молодому Советскому правительству: никаких договоров между Мюнхеном и Москвой заключено не было.

Единственный официальный обмен нотами состоялся через советского дипломата Товия Аксельрода, которого, как мы увидим ниже, приняло правительство Баварии после высылки его из Вюртемберга[1].

У Ленина мы тоже не находим никаких заметок о его отношении к Баварской республике при Курте Айснере.

Однако реакция на убийство Айснера показала, что борьба за власть в столице Баварии была тесно связана с решением вопросов, которые были поставлены и в Октябрьской революции:

В Центральном совете Революционного рабочего совета Рудольф Эгельгофер изложил требования коммунистов, обусловленные убийством Айснера и угрозой республике со стороны контрреволюции. В пункте пятом этой программы действия говорилось:

«Немедленно установить связи с Россией, ввести в русское посольство представителей российской Советской республики»[2].

Дебаты о коммунистических требованиях переросли в жаркий спор о России и путях большевиков. Макс Левиен защищал насильственные меры, принятые русской революцией для защиты от террора и угрозы уничтожения интервентами и контрреволюционерами. Эрих Мюзам говорил: «Россия, как социалистическая республика, может стать нашей опорой и помочь нам в деле изменения мира социалистами»[3].

Все прочие споры о парламенте и советах, о теоретических обоснованиях и практических мерах по захвату власти рабочим классом также были теснейшим образом связаны с обсуждением характера Октябрьской революции, политики большевиков и Ленина.

Ленинская стратегия и тактика, основы которых он разработал еще в 1900—1903 годах и которые с таким успехом были осуществлены в России, за несколько недель существования Баварской республики стали катализатором общественного мнения: для господствующих классов прежнего общественного строя — как олицетворение всего злого и варварского, а для сторонников революции и нового, социалистического строя — как символ победы и человечности.

Так, Эрих Мюзам, будучи в тюрьме, в 1921 году написал работу «К разъяснению создателям Российской Советской Республики — в руки товарищу Ленину», в которой он констатировал: «Имя Ленина... было для нас самой осязаемой и энергичной силой русской революции, большевизма и формулой революционной идеи советов вообще...»[1]

[1] *Neubauer Helmut.* München und Moskau 1918/1919, S. 37.
[2] Ebenda, S. 40.
[3] Ebenda.

Провозглашенная в ночь с 6 на 7 апреля 1919 года в Мюнхене, Аугсбурге и некоторых городах Верхней Баварии первая Советская республика (называемая еще мнимой или анархистской республикой) в своем первом призыве заявляла, что Баварская Советская республика «следует примеру русского и венгерского народов, с которыми устанавливает дипломатические отношения. С другой стороны, Баварская республика Советов отвергает всякое сотрудничество с презренным правительством Эберта, Шейдемана, Носке и Эрцбергера, потому что оно под флагом социалистической республики продолжает империалистическую, капиталистическую, милитаристскую политику опозорившего себя кайзеровского рейха... Да здравствует свободная Бавария! Да здравствует Республика Советов! Да здравствует мировая революция!»[2]

6.

Телеграммы, которые были посланы обоими правительствами Баварской Советской республики в Москву в течение апреля 1919 года, не только отражают симпатии по отношению к Октябрьской революции и ее главе — Владимиру Ильичу Ленину, но и говорят о тех проблемах и слабостях, которые имелись у революционных сил Баварии.

Отсюда становится ясно, почему ответы на сигналы из Мюнхена содержат массу вопросов, требующих от баварского правительства подробнейшей информации о программе действий революционных сил. Все вопросы Ленина, несмотря на краткость и телеграфный стиль, отличаются деловитостью и точностью.

Идеологические и политические трудности первой Советской республики нашли свое концентрированное выражение в телеграмме народного уполномоченного по иностранным делам д-ра Липпа, направленной правительству Российской Советской Республики:

«Пролетариат Верхней Баварии объединен. Социалисты плюс независимые плюс коммунисты прочно соединены; с крестьянством едины. Либеральная буржуазия как агент Пруссии разоружена полностью. Бамберг — резиденция сбежавшего Гофмана, покинувшего мое министерство, не сдав ключа. Прусская политика, орудие которой — Гофман, хочет отрезать нас от севера, Берлина, Лейпцига, Нюрнберга, также от Франкфурта и угольных районов Эссена, выставив нас в глазах Антанты как

[1] *Neubauer Helmut.* München und Moskau 1918/1919, S. 50.
[2] Ebenda, S. 51.

кровавых собак и грабителей. Но кровь течет с заросших лап гориллы Носке... Нам нужен мир навеки. Иммануил Кант. «Вечный мир», 1795, тезисы 2—5. Пруссия хочет перемирия для подготовки к карательной войне»[1].

Ответы из Советской России[2] были приняты между 8 и 12 апреля 1919 года:

«Просим сообщить нам подробности о происшедшей в Баварии революции. Мы не знаем ничего, кроме краткой радиограммы Баварского советского правительства. Просим сообщить нам, как протекают там события и целиком и полностью ли господствует новый строй. Прошу дать нам сведения по запрошенной мною вчера информации относительно вашей программы по национальному вопросу. Как обстоит дело в Баварии с аграрной программой Советского правительства?

Ленин»[3]

«Народному комиссару иностранных дел, Мюнхен. От имени Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала прошу через Ваше посредство передать мой горячий привет баварскому пролетариату, создающему Советскую республику. Мы глубоко убеждены в том, что недалек тот час, когда вся Германская империя станет республикой Советов.

Коммунистическому Интернационалу ясно, что в Германии ведется теперь ответственная борьба. Ближайшие судьбы пролетарской революции всей Европы зависят от вас.

Да здравствует пролетариат Германии и его коммунистическая партия! Да здравствует мировая коммунистическая революция!

Председатель Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала»[4].

«Мюнхен, народному комиссару иностранных дел.

Приветственная телеграмма от общего собрания команды линкора «Петропавловск».

Мы приветствуем революционный баварский пролетариат, который своей упорной борьбой... стремится сбросить компромиссную демократию, олицетворяемую Шейдеманом, Эбертом и комп., которая берет германскую буржуазию прямо под свою защиту. Мы, команда названного судна, смотрим на баварский пролетариат как на начало освобождения всего германского пролетариата от рабства капитала и надеемся, что начатая вами работа станет продолжением той созидательной деятельности, которую рабочий класс Советской России поставил (ставит?) на поверку жизнью.

Да здравствует Баварская республика Советов и ее вожди, да здравствует Третий Интернационал.

Вице-комиссар *Шкиленоль*»[1].

«Д-ру Францу Липпу, народному комиссару иностранных дел.

Пожалуйста, сообщите нам подробности о положении в Баварии, насколько это позволяет радиотелеграфный способ, который может быть подслушан всем светом. Телеграммы из Науэна и Парижа распространяют всевозможные новости о якобы щекотливом положении Советского правительства Баварии, о якобы существующей оппозиции крестьянства и городов провинции, даже Нюрнберга и Бамберга. Пожалуйста, сообщите нам, каковы взаимоотношения коммунистов в Мюнхене с независимыми и шейдемановцами. Мы ежедневно посылаем информационные материалы в Будапешт и надеемся, что вы из Будапешта все получаете. Пожалуйста, дайте подтверждение, если это так. Некоторые резолюции Третьего Интернационала также посланы в Будапешт радиотелеграфом. Последние передачи из Науэна сообщают, что противники баварского Советского правительства отрезали Мюнхен, так что город остался без угля и необходимых материалов. У нас нет совсем информации об истинном вашем положении.

Народный комиссар иностранных дел *Чичерин*»[2].

Правительство второй республики Советов, созданной 13 апреля, тотчас же передало по радио сообщение о своем образовании в Москву и Будапешт.

Эта телеграмма дает нам некоторые конкретные данные о первых успехах и мерах, принятых революционными исполнительными органами в Мюнхене:

«После жарких боев вооруженные рабочие и солдаты Мюнхена отразили подлое нападение буржуазии и предателей пролетариата в лице социалистического большинства. В ночь на воскресенье Центральный совет прежней, мнимой республики советов был свергнут республиканскими войсками... В воскресенье революционные рабочие взялись за оружие; полки перешли на их сторону. Вокзал, превращенный в крепость, с помощью гранатного и минного огня был осажден и захвачен объединенными силами. Республиканские войска тотчас же после этого сдались по всей линии. Тогда

---

[1] *Neubauer Helmut.* München und Moskau 1918/1919, S. 54.

[2] Большинство телеграмм было опубликовано в прессе. Цит. по: *Neubauer Helmut.* München und Moskau...

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 50, с. 277.

[4] Neubauer Helmut. München und Moskau 1918/1919, S. 56.

[1] *Neubauer Helmut.* München und Moskau 1918/1919, S. 57.

[2] Ebenda, S. 70-72.

Комитет действия избрал Исполнительный комитет, который взял всю власть в свои руки. Были приняты и осуществлены энергичные решительные меры.

Исполнительный комитет новой, подлинно пролетарской республики Советов приветствует русский и венгерский рабочий класс и его советские республики. Рабочий класс Мюнхена ставит все свои силы на службу великой исторической задаче, начало решению которой положили наши отважные русские и венгерские братья.

Да здравствуют российская и венгерская Советские республики!

Да здравствует мировая революция!

Исполнительный комитет фабрично-заводских и солдатских Советов»[1].

Ответы революционных организаций из различных областей бывшей царской империи[2] показали, что о создании в Баварии управляемой коммунистами Советской республики была оповещена вся Россия и другие национальные районы, где утвердилась Советская власть:

«Радиограмму прин. 15 апр. 19 г. в 6 ч. 35 м. № 247 W 188 13/4 02.30.

Будапешт, для мюнхенского Народного комиссариата иностр. дел.

Советскому правительству Баварии.

Рабочий класс Латвии, который вместе с пролетариатом России поднял знамя восстания против буржуазии и против мирового империализма, с большой радостью воспринял известия об образовании Советской республики в Баварии. Пролетариат Латвии многим обязан своим немецким братьям, в особенности в восприятии идей научного социализма и опыта классовой борьбы. В настоящий момент, когда Гинденбург со своими контрреволюционными юнкерами и буржуазией начал поход против Советской Латвии, рабочие Латвии откровенно и открыто перед всем миром провозглашают свою классовую солидарность с революционным пролетариатом Германии. Рабочие Латвии посылают своим немецким братьям сердечные приветствия и выражают твердую уверенность, что скоро грянет час победы социалистической революции не только во всей Германии, но и во всем мире. Эта революция, сломив господство буржуазии и их слуг, псевдосоциалистов, путем советской государственной формы, путем диктатуры пролетариата, поведет к полному освобождению рабочего класса — к коммунизму.

По поручению Центрального Исполнительного Комитета рабочего Совета Латвии — Председатель *Стучка*»[1].

«Венгерской Социалистической Федеративной Республике Советов. Будапешт. Совнаркому. Баварской Социалистической Федеративной Республике. Мюнхен. Совнаркому. Совет рабочих депутатов местечка Фастов, собирающийся впервые, передает рабоче-крестьянскому правительству Баварии свой товарищеский привет. В эпоху социальной революции и обострения классовой борьбы депутаты Совета в Фастове считают задачей мирового пролетариата выступить сплоченным фронтом против международной реакционной буржуазии, которая в бессильной ярости бряцает оружием, мобилизуя свои силы. Однако, когда в самом ближайшем будущем пробудится ото сна мировой пролетариат, он протянет руку первым борцам за социальную революцию, чтобы объединенными силами сбросить опостылевшее иго буржуазии и уничтожить тот окровавленный трон, который уже дрожит под могучим натиском пролетариата.

Да здравствует мировой красный фронт, да здравствует социальная мировая революция. Смерть международной реакции!

Исполком Фастова. Председатель: *Малиновский*. Секретарь: *Славинский*»[2].

27 апреля 1919 года Ленин пишет приветствие Баварской Советской республике:

«Благодарим за приветствие и со своей стороны приветствуем Советскую республику в Баварии от всей души. Очень просим вас сообщать чаще и конкретнее, какие меры вы провели для борьбы с буржуазными палачами Шейдеманами и К°, создали ли Советы рабочих и прислуги по участкам города, вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, использовали ли склады одежды и других продуктов для немедленной и широкой помощи рабочим, а особенно батракам и мелким крестьянам, экспроприировали ли фабрики и богатства капиталистов в Мюнхене, а равно капиталистические земледельческие хозяйства в его окрестностях, отменили ли ипотеки и арендную плату для мелких крестьян, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии для печатания популярных листовок и газет для массы, ввели ли 6-часовой рабочий день с двух- или трехчасовыми занятиями по управлению государством, уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры, взяли ли в свои руки все банки, взяли ли заложников из буржуазии, ввели ли более высокий

[1] *Neubauer Helmut.* München und Moskau 1918/1919, S. 70—72.
[2] Ebenda.

[1] *Neubauer Helmut.* München und Moskau 1918/1919, S. 70—72.
[2] Ebenda.

Приказ от 27 апреля 1919 г.

продовольственный паек для рабочих, чем для буржуазии, мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны и для идейной пропаганды в окрестных деревнях? Самое спешное и широкое проведение таких и подобных мер при самодеятельности рабочих, батрацких и особо от них мелкокрестьянских Советов должно укрепить ваше положение. Необходимо обложить буржуазию чрезвычайным налогом и дать рабочим, батракам и мелким крестьянам сразу и во что бы то ни стало фактическое улучшение их положения.

Лучшие приветы и пожелания успеха.

Ленин» [1].

Однако опубликовать ответ Ленина в Мюнхене уже не успели: 30 апреля началось наступление рейхсвера и контрреволюционных частей на Мюнхен. 1 мая все было кончено.

Оскар Мария Граф в своей книге «Мы — пленники» приводит беседу с одним рабочим в мае 1919 года:

«— Отца моего они расстреляли в «Хофбройхаузе». У жены были преждевременные роды, так что она до сих пор еще не оправилась,— выдохнул он и продолжал, немного запинаясь: — Я четыре года сидел в окопах... ранен три раза... И слышать ничего не хотел о революции... Да что, это все знают... На заводе всем дали винтовки... Так я ее 30 апреля обратно сдал... А на другой день они меня прямо в кровати взяли... и били всю дорогу, до самого участка...» [2]

1 мая 1919 года Ленин, выступая на Красной площади в Москве, где проходила многотысячная демонстрация в честь международного дня борьбы рабочего класса, сказал:

«В прошлом году 1 Мая мы были под угрозой германского империализма. Теперь он сломлен и повергнут в прах...

...Если англо-французскому империализму пришлось уступить поле борьбы на Украине, где действовали незначительные отряды повстанцев, то перед силами объединенной Советской России, Венгрии и Баварии ему совсем не устоять» [3].

Volkshaus
der Roten Armee
Oberkommando

Tages ,Befehl vom 27.4.19.

Parole vom 27. bis28.4.19. mittags.

Lenin

1. Anhalten von Autos Wenn Autos angehalten werden mush der Posten inder Mitte der strasse stehen und sich nicht hinter Bäume und Häuser stellen, da durch das Geräusch der Maschine ein Zuruf nicht gehört wird.
2. Benutzung der Strassenbahn. Ohne vonder Strassenbahn ausgestellten Ausweise ist Freifahrt in keinem Fall gestattet. AlleAngehörigen der roten Armee müssen die Fahrt bezahlen.Die Kosten werden von der einschlägigen Dienstelle erstattet.-Bestellung von Strassenbahn Zugen darf nur beim Betriebsamt der Strassenbahn Telefon 42521_42621=42631.erfolgen nicht bei einzelnen Stationshäusern , moglichst längere Zeit vor Bedarf
3.Werbebüro Mitteilungen über Werbebüro der weissen Gardesind an die Kriminalabteilung der Oberleitung , Volkshaus der Roten Armee Zimm. 74.richten
4.Wachdienst- Sammtliche Wachtmannschaften und Patroillen haben dafür zu sorgen , dass Ansammlungen auf der Grosse nicht stattfinden und sind solche sofart zu zerstreuen. Die Mannschaften sind eingehend daruber zu belehren,-
5.Sanitätswesen Dr. Schollenbruk ist unter dem dem19./. dieses Monats zum Volksbeauftragten fur dass gesammten Sanitats wesen der Räterepublik und zum Armeeartzt der Roten Ammee ernannt worden.Im unterstehen sämmtli Sanitatsdepots,Lazarette,Krankenhausezusw.
6. SämmtlicheAnforderungenan Sanitatspersonal und Material sind schriftlich(mit Empfangsbescheinigung) bei der Sanitatszentrale Krigs ministerium militar.Oberl.Zimm.33o.von9uhr Vormittags an einzureichen
7.Sanitätswesen Die Formationen und Feldlazaretts der roten Armee und der roten Garde melden bis zum 28.4.vorm. den Bestand und Bedarf anSanitotsmannschaften und Fahrzeugen.
8.Es ist vorgekommen, dass Mannschaften Waffen getragen haben dass Gebäude mit Neutralitatsabzeichen mit militarischen Wachen belegt waren.Beides wiederspricht der Genfer Convention und ist sofort abzustellen.
9B 9.Die Formationen stellen fur die Wachen im Kriegsministerium jeweils eine Sanitatsmanschaft ab.Sanitatsmaterial befindet sich auf Zimmer 33o.

gez. Eglhofer

«НАРОДНЫЙ ДОМ КРАСНОЙ АРМИИ

ГЛАВКОМ.

ПРИКАЗ НА 27 АПРЕЛЯ 1919

пароль на 27—28 апр. 1919 г. (до полудня): ЛЕНИН

1. Задержание машин. При задержании автомашин патрулю стоять посреди улицы, а не прятаться под деревьями и домами, так как из-за шума машины не слышно вызова.

2. Пользование трамваем. Без соответствующих проездных документов бесплатный проезд на трамвае ни в коем случае не разрвшается. Всем служащим Красной Армии платить за свой провзд. Расходы возмещает соответствующее учреждение. Заказ трамвайных вагонов производится только через Центральное трамвайное депо, телефон 42521—42621—42631, а не на отдельных остановках, по возможности, задолго до надобности.

3. Призывные пункты. Сообщения о призывных пунктах бвлой гвардии передавать в угрозыск Главного управлвния, Народный дом Красной Армии, комн. 74.

4. Караул. Всем отрядам караула и патруля следить, чтобы на улицах не скапливались, и тотчас же разгонять. Отрядам разъяснить это.

5. Медсанслужба. Д-р Шолленбрук назначен 19-го числа свго м-ца народным уполномоченным по всей медсанслужбе Советской республики и войсковым врачом Красной Армии. Ему подчиняются все медпункты, лазарвты, больницы и пр.

6. Все запросы на медперсонал и материалы направлять в письменном виде (с помвткой врача) в санчасть вовн. министерства, Главвоенупр., комн. 330, от 9 час. утра.

7. Мвдсанслужба. Всем частям и полевым госпиталям Красной Армии и Красной гвардии доложить до полудня 28 апр. о наличии и надобности в сандружинах и автомашинах.

8. Вышло, что отряды носили оружие и поставили часовых перед зданиями, где есть знаки о нейтралитвтв. То и другое — против Женевской конвенции, надо немедленно прекратить.

9. Всем частям выделить по одной сандружине для несения службы в военном министврствв. Санматериалы находятся в комнате 330.

Подп.: Эглыофер».

[1] *Лвнин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 321—322.

[2] *Graf Oskar Maria.* Wir sind Gefangene. Berlin, 1926, S. 306.

[3] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 323—324.

Паролю ЛЕНИН, который Рудольф Эгельгофер, главнокомандующий Красной Армией в Баварии, назначил на 27—28 апреля 1914 года (до полудня), не суждено было иметь успех в Мюнхене 1919 года.

Эгельгофер, смертный приговор которому военно-полевые суды вынесли задолго до его ареста, был зверски убит еще до начала судебного процесса. Подстрекаемые взбудораженной пропагандой, солдаты «чистили» мюнхенские рабочие кварталы; коммунисты и прочие левые были объявлены вне закона; военно-полевые суды контрреволюции работали по ускоренному методу.

Большинство социал-демократов, партия которых в 1900—1902 годах оказывала в Мюнхене помощь Ленину и до 1914 года с товарищами Ленина проявляла активную интернациональную солидарность, в 1919 году не знала, как вести себя по отношению к России, и вела себя точно так же, как в 1914-м. Поэтому не было единого мнения в отношении событий в ее собственном городе, что делало ее неспособной к каким-либо действиям.

Евгений Левине-Ниссен, председатель коммунистической партии и один из ведущих политиков второй Советской республики, был казнен. На суде он заявил:

— Я давно знаю: мы, коммунисты, всего лишь в отпуске у смерти. От вас, господа, зависит, продлят ли опять мой отпускной билет или мне уже пора к Карлу Либкнехту и Розе Люксембург. Вы можете убить меня, но мои идеи будут продолжать жить![1]

Буржуазная пресса, ежедневно провозглашавшая «конец большевизма», нападавшая на Ленина как «отца коммунизма», возмущалась по поводу «творимого большевиками насилия»; однако тех, кто с кровью выкорчевал революцию в Германии, она считала людьми вполне порядочными: «Ибо никогда, сколько помнит история, жестокость не была чертою немцев»[2].

А несколько лет спустя в Мюнхене начал свою карьеру в полиции молодой Генрих Гиммлер. Кстати, он там же и родился — в 1900 году...

Временный советский посол в Мюнхене

1.

Германские интернационалисты не скрывали своей солидарности с Лениным и Октябрьской революцией: все призывы республики Советов, теле- и радиограммы революционного правительства в Мюнхене в адрес Совета Народных Комиссаров в Москве, равно как и ответы Советского правительства, постоянно подчеркивали эту солидарность и распространялись так быстро, насколько позволяли имевшиеся в то время средства информации.

Все партии, все правительственные инстанции и пресса, приложившие руку к подавлению Ноябрьской революции, рассматривали каждого немца, выступавшего за социализм в Германии и приветствовавшего Октябрьскую революцию, как фактического или потенциального агента Москвы.

Социалисты старшего поколения еще помнили, как Бисмарк и его преемники пытались обвинить старую социал-демократию в разных заговорах, в измене отечеству, чтобы оторвать, изолировать ее от населения. Однако если во времена Августа Бебеля как-то было принято бороться с подобной дискриминацией, то теперь она проникла уже и внутрь партии: чего стоит, например, одна только кампания, развязанная против Розы Люксембург за то, что она была родом из Польши.

А с октября 1917 года не остается уже и следа от идеи социализма: в России национальный отряд социалистического движения впервые в истории совершил революционный прорыв, который значительно сильнее повлиял на ход мировой истории, чем все прежние революции. А социалистов в Германии упрекали в том, что «вы, мол, работаете на чужую державу, а не на национальные интересы», причем все более и более резко, так что это стало наконец центральным орудием демагогической обработки масс.

Новое в России заключалось именно в том, что социалисты и коммунисты стремились к изменению отношений уже не как оппозиция, а приняли в свои руки власть и ответственность. Правительство Ленина заняло командные высоты в огромной, отсталой стране. Наследство ему досталось тяжкое. Сначала мировая война, потом гражданская, капиталисты спешно вывозили из страны свои капиталы, специалисты удирали на Запад; все это только усугубляло голод и разруху.

Первым дипломатическим признанием Советского правительства стал мирный договор с Германией. Германские круги решили воспользоваться всем этим хаосом, чтобы свергнуть Советское правительство и подчинить себе Россию. Никакое другое правительство в мире Россию не признало (вспомним, что дипломатическое признание СССР Соединенными Штатами произошло, например, только в 1933 году). Таким образом, радиограммы между Советскими правительствами в Москве, Мюнхене и Будапеште явились первыми предложениями к сотрудничеству и дружбе на правительственном уровне. Это обстоятельство объясняет также и те преувеличения, особенно хорошо заметные в исторической

[1] Münchener Neueste Nachrichten v. 4. Juni 1919. In: StaM Pol. Dir. Mü. 5420.
[2] Neue Freie Presse v. 7. Mai 1919; ebenda.

ретроспективе. С другой стороны, империалистическим державам пришлось мобилизовать все средства насилия, чтобы подавить революцию в собственной стране, разрушить, а затем и уничтожить новый строй в России.

Важнейшим оружием в этой борьбе стала пресса, которая развернула настоящую пропагандистскую войну.

Об одной из «Сводок по вопросу о кампании лжи по поводу внутреннего положения России» Ленин, выступая перед делегатами X съезда РКП(б), говорил:

«Никогда,— пишет товарищ, подводящий сводку,— ни в какое время не было в западноевропейской печати такой вакханалии лжи и такого массового производства фантастических измышлений о Советской России, как за последние две недели. С начала марта ежедневно вся западноевропейская печать публикует целые потоки фантастических известий о восстаниях в России, о победе контрреволюции, о бегстве Ленина и Троцкого в Крым, о белом флаге на Кремле, о потоках крови на улицах Петрограда и Москвы, о баррикадах там же, о густых толпах рабочих, спускающихся с холмов на Москву для свержения Советской власти, о переходе Буденного на сторону бунтовщиков, о победе контрреволюции в целом ряде русских городов, причем фигурирует то один, то другой город, и в общем было перечислено чуть ли не большинство губернских городов России. Универсальность и планомерность этой кампании показывает, что в этом проявляется какой-то широко задуманный план всех руководящих правительств. 2-го марта Foreign Office[1] через посредство «Press Association» заявил, что считает публикуемые известия неправдоподобными, а сейчас же после этого Foreign Office от себя опубликовал известие о восстании в Петрограде, о бомбардировке Петрограда кронштадтским флотом и о боях на улицах Москвы...

Товарищи, картина совершенно ясна. Всемирный синдикат прессы — там свобода прессы, которая состоит в том, что она куплена на 99% финансовыми магнатами, которые ворочают сотнями миллионов рублей,— открыл всемирный поход империалистов, желающий сорвать прежде всего торговое соглашение с Англией, которое Красин начал, и предстоящее торговое соглашение с Америкой, переговоры о котором мы здесь ведем, как я указывал, и на что были сделаны указания в течение занятий съезда. Это показывает, что враги, окружающие нас, потеряв возможность провести интервенцию, рассчитывают на мятеж. И кронштадтские события показали связь с международной буржуазией»[2].

[1] — Министерство иностранных дел.— *Ред.*

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 43, с. 123, 125—126.

При тогдашнем соотношении сил передача точных, надежных известий имела для каждого революционного правительства первоочередное значение.

В силу непредвиденных обстоятельств в начале января 1919 года в Мюнхен приехал ведущий представитель РОСТА; вопреки своему первоначальному намерению, он не смог выехать в Россию, и правительства Советов рассматривали его как «временного советского посла в Баварии».

Как мы помним, в феврале 1919 года Рудольф Эгельгофер в пятом пункте коммунистической программы действий, предложенной им Центральному совету, выдвинул требование:

«Немедленно установить связи с Россией, ввести в русское посольство представителей Российской Советской Республики»[1].

Эгельгофер не называет здесь никаких имен. Но ему, вероятно, уже было известно, что *Товия Аксельрод* находится в Мюнхене с 14 января 1919 года.

Аксельрод был знаком с Левине-Ниссеном, председателем КПГ в Баварии, по работе в берлинском бюро РОСТА (РОСТА — предшественник нынешнего ТАСС). Оно работало под руководством А. А. Иоффе, представлявшего советское правительство на первой фазе переговоров в Брест-Литовске. У Иоффе, как и у его сотрудника Аксельрода, был статус дипломата. Но кто же такой Аксельрод? И как он попал в Мюнхен?

Самые первые сведения об этом содержатся в письме *премьер-министра земли Вюртемберг,* Вильгельма Блоса, премьер-министру Курту Айснеру:

«Дорогой коллега!

Сегодня утром здесь задержаны трое русских, двое мужчин и женщина: г-н Аксельрод с супругой и г-н Иван Шлессарефф. Есть подозрение, что они участвовали в спартаковском путче. Так как точных доказательств нет, я отсылаю их с провожатыми в Мюнхен, откуда они, по их утверждению, желают выехать в Россию. Паспорта у них на руках. Препоручаю их Вам для дальнейшей отправки в Россию.

Наилучшие пожелания!

P.S. Аксельрод — это не тот, известный, а его племянник. Блос»[2].

Однако премьер-министр Баварской республики вряд ли мог сделать что-либо для высланных из Вюртемберга советских граждан: имперское правительство в Берлине

[1] *Neubauer Helmut.* München und Moskau 1918/1919, S. 40

[2] Haftakten, Standrechtliches Gericht München. Strafverfahren gegen Axelrod Tobias, Dr. phil., Schriftsteller von Moskau. Verbrechen des Hochverrats. StaM Sta 1939.

стремилось изолировать правительство Айснера и боялось прямых контактов между Мюнхеном и Москвой.

В приватном письме в адрес министерства иностранных дел от 18 января 1919 года Курт Айснер сообщает о своих трудностях и подчеркивает, «что речь здесь идет об особом, исключительном случае»:

«*Все документы немедленно выслать обратно в министерство* внутренних дел, потому что речь здесь идет об особом, исключительном случае. Г-н Т. Аксельрод и супруга его Анна, г-н И. Слесарев были переданы правительству Народного государства Бавария вюртембергским правительством для пересылки в Россию. Отправить их в Россию оказалось невозможным. Для ареста трех вышепоименованных лиц нет никаких юридических оснований. Поскольку я все же не могу взять на себя ответственность за безнадзорное пребывание в Баварии г-на Аксельрода и товарищей, то я по гуманным соображениям решил поместить их в санатории г-на д-ра Маркузе. Вообще необходимо заметить, что все нужные справки вы можете получить, позвонив нам по телефону.

Курт Айснер»[1].

Санаторий д-ра Маркузе находился в Эбенгаузе. Все попытки Аксельрода выехать вместе с женой Анной и Иваном Слесаревым в Россию окончились неудачей. 28 января 1919 года Курт Айснер послал в Москву телеграмму следующего содержания:

«*Русское правительство, Ленину, Москва, Кремль.*

По желанию г-на Т. Аксельрода сообщаю, что он и его жена Анна невредимы и находятся в Германии.

Премьер-министр *Курт Айснер*»[2].

Эта телеграмма, заверенная копия которой была подшита к делу «Т. Аксельрода, д-ра философии, писателя из Москвы», оказалась единственным, до последнего времени неизвестным посланием Айснера Ленину.

Ответ на это послание подписал нарком Чичерин. 20 февраля 1919 года премьер-министр Айснер получил из Берлина следующую телеграмму:

«Нами получена из Москвы следующая радиограмма: с искренней благодарностью за сообщение о нашем гражданине Аксельроде и его жене просим Вас передать ему, что ожидаем его скорейшего возвращения в Москву. Наркоминдел *Чичерин*»[3].

Вот они, те «факты», которые легли в основу приговора, вынесенного Аксельроду «военно-полевым судом Мюнхена на публичном заседании от 25 июля 1919 года». Оглашать их, впрочем, никто не собирался,— испытанное средство, чтобы придать совершенно легальной, принятой во взаимоотношениях между законными правительствами деятельности характер какого-то «заговора».

1 Haftakten... gegen Axelrod... a.a.O.
2 Ebenda.
3 Ebenda.

2.

В последние дни второй Советской республики ситуация настолько изменилась в пользу сил контрреволюции, на стороне которых и так уже был значительный военный перевес, что Товию Аксельроду не приходилось рассчитывать на признание своего дипломатического статуса со стороны берлинского имперского правительства. Поэтому 28 апреля 1919 года Аксельрод выехал из Мюнхена, чтобы через Австрию перебраться в Россию. Его попытка не удалась. Денежные премии, назначенные за поимку и выдачу каждого спартаковца, которым приписывали все мыслимые злодеяния, оказались хорошей приманкой: даже несколько месяцев спустя толпы австрийских бюргеров осаждали германское консульство в Инсбруке, спеша выдать жандармерии опасного спартаковца Аксельрода.

«Этих русских» арестовал участковый жандарм тирольского местечка Швац, которому доложили, что эти «странные» баварские туристы послали четыре телеграммы, а именно: д-ру Фридриху Адлеру, Вена, государственному секретарю д-ру Баузру, Вена, венгерскому посольству в Вене и германо-австрийскому правительству в Вене.

В этих телеграммах, как сообщали охочие до премий бюргеры Шваца, говорилось:

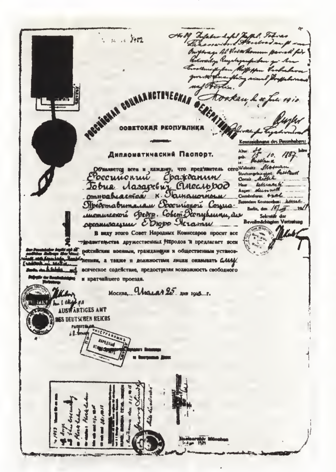
«Нас задержали австрийские органы безопасности в Маурахе на Ахензее, нам угрожает возврат в Баварию, мы просим о немедленном дипломатическом вмешательстве, чтобы нам разрешили временное пребывание здесь и позволили возвратиться на родину через Вену»[1].

«В телеграмме венгерскому посольству,— писал почтмейстер Йозеф Троккер в полицейский участок Шваца, донося на «задержанного Аксельрода и товарищей, спартаковцев»,— была приписка: «Просим дать радиограмму в Москву»[2].

Далее почтмейстер добавлял: «Все трое единогласно показали, что не доедут в Баварию живыми, потому что-де их там все равно линчуют»[3].

В Австрии 1919 года иммунитет советского дипломата тоже ничего не значил: с Аксельродом обошлись так же, как в 1914 году с русскими подданными, когда правительство Германии радо было отдать царю каждого

1 Haftakten... gegen Axelrod... a.a.O.
2 Ebenda.
3 Ebenda.


Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Дипломатический Паспорт.

Объявляется всем и каждому, что предъявитель сего Российский гражданин Товия Лазаревич Аксельрод отправляется к Полномочным Представителям Российской Социалистической Федер. Совет. Республики, для организации Бюро Печати

В виду этого Совет Народных Комиссаров просит все правительства дружественных Народов и предлагает всем российским военным, гражданским и общественным установлениям, а также и должностным лицам оказывать ему всяческое содействие, предоставляя возможность свободного и кратчайшего проезда.

Москва, Июля 25 дня 1918 г.

Kennzeichnung des Passinhabers:
Alter 30 Jahre
geb. 15. 10. 1887.
Berlin, den 10. 1918
Sekretär der Bevollmächtigten Vertretung

Auswärtiges Amt des Deutschen Reichs

Дипломатический паспорт Товии Аксельрода

русского, которого можно было заподозрить в социал-демократической деятельности.

Аксельрода выслали из Австрии в Баварию, где его хотя и не линчевали, но судили военно-полевым судом, который и приговорил Товию Аксельрода «за преступное соучастие в государственной измене к пятнадцати годам и к возмещению судебных издержек»[1].

Это нарушение всех норм международного права и полное неуважение прав иностранного гражданства дошло даже до того, что решили «лишить Аксельрода — как если бы он был германский подданный! — всех прав гражданства на десять лет»[2]. Аккредитованный в Берлине советский дипломатический паспорт, предъявленный Аксельродом, был конфискован вместе с удостоверением дипломата, «выданным секретной канцелярией департамента иностранных дел в Берлине».

Документы и бумаги, с помощью которых адвокат Аксельрода Штеппахер пытался доказать, что Товия Аксельрод вел себя в соответствии со всеми правилами и был признан премьер-министром Гофманом — «как юридическое лицо юридическим лицом» —

[1] Haftakten... gegen Axelrod... a.a.O.
[2] Ebenda.

полномочным представителем Российской Советской Республики еще до образования первой Советской республики в Баварии, были отклонены судом на том основании, что паспорт Аксельрода якобы был не продлен; на это адвокат Штеппахер возразил:

«Аксельрод, как положено, заявил о своем прибытии, о чем есть отметка в последних списках полицейского управления р-на Шефтларн за 17 января 1919 года. Судя по поступкам премьер-министра и министра иностранных дел Гофмана, он также признал Аксельрода дипломатическим представителем Советского правительства.

Г-ну премьер-министру Гофману был известен статус Аксельрода в качестве полномочного представителя русского правительства. В этом качестве он еще до провозглашения Советского правительства пытался наладить дипломатическую службу между правительством народного государства и Российской Советской Республикой. Об этом он говорил с тогдашним чиновником министерства внутренних дел д-ром Меркле...

По согласованию с г-ном премьер-министром Гофманом д-р Меркле объявил д-ру Аксельроду, что тот в любое время может осуществлять из Мюнхена любые служебные связи, в том числе и с Российской Советской Республикой.

Я ссылаюсь на показания г-на премьер-министра Гофмана, находящегося в настоящее время в Бамберге, и д-ра Меркле; он в настоящее время, вероятно, в предварительном заключении в Мюнхене»[1].

Товия Аксельрод, который вместе с другими большевиками вернулся в Россию из швейцарской эмиграции в 1917 году и был племянником Павла Аксельрода, с которым Ленин в 1900—1902 годах издавал в Мюнхене «Искру», дал в 1919 году следующие показания мюнхенскому прокурору:

«Мюнхен, 18 мая 1919 г.
Присутствовали:
1-й прокурор Либерих,
зам. протоколиста Энгль.
Вызывается Аксельрод Тобиас, в наст. вр.

[1] Haftakten... gegen Axelrod... a.a.O.

под арестом в полицейском управлении. Подследственный показал:

— 25 июля 1918 года прибыл из России в Германию, а именно в Берлин, где Советским правительством назначен на службу у посла Иоффе в качестве начальника пресс-службы (агентство РОСТА) по Германии и Западной Европе.

Я утверждаю, что задача этой службы заключалась только в передаче объективных новостей из России и в Россию; в целях подготовки открытия аналогичных бюро РОСТА в Стокгольме, Копенгагене и Христиании я выезжал из Берлина в эти города. Находившийся долгое время в Стокгольме Павел Аксельрод, известный представитель направления меньшевиков,— мой дядя. В конце декабря прошлого года агентство РОСТА в Берлине было распущено, и я с моей женой Анной, урожд. Гильгулиной, родом из Дриссы (Россия), хотели тотчас же выехать на отдых в Швейцарию, однако были задержаны в Штутгарте президентом Блосом и направлены обратно в Мюнхен, потому что выехать в Швейцарию оказалось невозможным. После этого я с моей женой отправился в санаторий д-ра Маркузе в Эбенгаузене, где и нахожусь с 16 января с. г. Сразу после моего прибытия я связался с Айснером, чтобы открыть здесь официальную пресс-службу для Советского правительства. Айснер объяснил мне, что это невозможно по причине отсутствия прямых контактов с Россией. Тогда я первое время жил как частное лицо в Эбенгаузене, а после вступления в силу правительства Гофмана я вновь обратился к нему за разрешением на открытие пресс-службы для России и наконец через д-ра Меркле и одного тайного советника, имени которого не помню, получил разрешение сообщаться с Советским правительством.

К делу:

После провозглашения первой Советской республики д-р Маркузе сообщил мне, что меня, как якобы интернированного в Эбенгаузене, освободят, и я по его предложению позвонил в Центросовет сказать, что освобождать меня нет нужды. Через несколько дней Центросовет попросил меня быть официальным представителем Советского правительства; я отклонил это, потому что не уполномочен Советским правительством, однако благодаря помощи Центросовета, предоставившего в мое распоряжение радио, я смог давать сообщения в Россию, для чего время от времени выезжал из Эбенгаузена. В создании коммунистической Советской республики я принимал столь же мало участия, как и в создании первой; хотя я и большевик, но против провозглашения советских республик в обеих этих формах, потому что, по моему мнению, излагаемому и в моих записях, советская республика возникает только в ходе естественного развития, а не насаждается насильственным путем.

После того как был избран Комитет действия второй Советской республики, он также направил мне свою просьбу взять на себя функции официального представителя Советского правительства, что я отклонил, так же как и в первом случае, продолжая только мою пресс-службу. Примерно на вторую неделю власти коммунистов я по настоятельной просьбе Исполнительного совета принял пост политического комиссара финансов при народном уполномоченном Меннере. В этой функции я должен был контролировать деятельность Меннера, расписываясь на его распоряжениях; моя деятельность должна была только служить порукою правильного ведения дел; я же рассматривал эту деятельность как нечто, моей задаче совсем не отвечающее, и поэтому контролем занимался очень мало, подписывая лишь в отдельных случаях. Речь шла в основном о получении денег из Имперского банка для Комитета действия. В заседаниях финансовой комиссии, переданной Меннеру Комитетом действия, я тоже почти совсем не участвовал; не помню также, но считаю вполне возможным, что вместе с Меннером подписал распоряжение, опубликованное затем в М.Н.Н.[1] от 3 мая, № 169, согласно которому менялся порядок выплаты, принятый 9 апреля, так что снятие наличных денег со счета и их помещение не должно было превышать 100 марок в день или 600 марок в неделю; в составлении этого распоряжения я участия не принимал, а только подписал его, если вообще подписал. С продлением государственных банковских билетов (М.Н.Н. № 169 от 25 апреля) и выпуском новых государственных банкнот я ничего общего не имею, равно как и с распоряжением Меннера об изменении выплаты денег в банках и контроле банковских счетов (М.Н.Н. № 169, 26 апреля). Однако я признаю, что распоряжение об открытии банковских ящиков и переводе всей наличности на счет банка было подписано также и мною; предложение о такой мере исходило, по-видимому, от Революционного банковского совета, я же лично согласился с принятием этой меры только при условии, что денежные суммы будут не изъяты, а только переведены на текущий счет. Я отрицаю также, что следующая мера — конфискация ценных вещей из банковских ящиков — исходила от меня; Меннер просто дал мне на подпись распоряжение о банках, состоявшее из 7—8 пунктов, которые он уже подписал; в этом распоряжении последний пункт предписывал, что так же, как прежде наличные деньги, из банковских ящиков изымаются ценные вещи; их записывают в банке на счет их прежних владельцев. Я подписал это распоряжение при обязательном

[1] «Мюнхенер Нойесте Нахрихтен».— *Прим. перев.*

условии, что будет только контроль, и ничего больше; я понял это так, что ценности останутся собственностью их владельцев, но по ним определят, у кого сколько денег брать. На следующий день вышло распоряжение без последнего пункта о контроле ценных вещей, а потом Меннер заявил на собрании в «Хофбройхаузе», что это распоряжение понадобилось именно мне; я пришел на собрание уже после его выступления, и у меня потребовали объяснений к тому, что он только что сказал. Я сказал все так, как уже изложил выше, и что распоряжения эти в действительности подписаны Меннером и мной. Денег из баварских государственных средств я никогда не держал в руках и за деятельность свою никогда не получал вознаграждения. С уходом Меннера окончилась и моя деятельность комиссара финансов, и больше я в управлении Советами никакого участия не принимал.

Как уже говорилось выше, я с самого начала прекрасно понимал, что мне нечего делать в Советах, и поэтому я очень неохотно дал себя вовлечь в это дело; уже у первого Центросовета я просил найти возможность возвратить меня в Россию; 27 апреля моя жена уже выехала в Россию через Австрию; подробностей она мне о своем путешествии не сообщала. Я сам 28 апреля также направился через Австрию в Россию; бумаг у меня не было, и я шел пешком через Тольц, Иахенау и Фордеррис до самого Гинтерриса; хотел оттуда пройти до Плумзер-Йох, но у Плезерх-Альм меня задержали австрийские жандармы, привезли в Инсбрук, а оттуда доставили обратно в Гармиш. У меня с собой было 2100 марок, из тех денег, что я получал от российского Советского правительства.

То, что прежнее правительство Гофмана, как законное, сформированное ландтагом, не признавало Советской республики ни в той, ни в другой форме, было мне известно. Однако поскольку баварское Советское правительство со своей стороны объявляло незаконным правительство Гофмана, то мне самому было неясно, которое же из них законное. Я отрицаю также, что покинул Мюнхен в вышеописанных условиях из-за опасения быть привлеченным к ответственности, тем более что я мог сослаться на мой дипломатический статус; я хотел только исполнить давно вынашиваемый мною план — вернуться в Россию.

Замечу еще, что приблизительно в 1910—1917 годах я жил политическим беженцем в Швейцарии, занимаясь писательской деятельностью. В апреле 1917 года... вернулся в Россию и там также занимался писательской деятельностью. Левине я мельком видел в Берлине, он работал в другом отделе РОСТА; с Левиеном, Толлером и другими вождями коммунистов познакомился только здесь, во время моей деятельности в качестве комиссара финансов. О местонахождении Левиена и Толлера не имею представления.

Подследственному доводится до сведения, что он арестован по обвинению в государственной измене согласно § 81, п. 2.

Аксельрод заявляет: прошу известить Советское правительство о том. что меня здесь арестовали, не посчитавшись с моим статусом дипломата.

Читал, одобряю, подпись: *Т. Аксельрод.*

Г-ну следственному судье с просьбой о допросе *Либерих*»[1].

3.

Население Мюнхена, которое в большинстве своем и само могло решить, был ли «террор» баварских Советских правительств просто придуман для оправдания смертных приговоров и жестокостей контрреволюции или нет, не узнало о тех телеграммах, которые Товия Аксельрод посылал из Виттельсбахского дворца в Совнарком, Чичерину и Ленину.

Хотя военно-полевой суд получил эти телеграммы в заверенных переводах, он воспользовался ими как отягчающим для Аксельрода материалом, тем не менее ни одна из них не была приведена при вынесении приговора, и ни одна из них не попала в буржуазную печать.

Даже тот аргумент, что тексты были зашифрованы, не помогал. Конечно, ни суд, ни обвинители не хотели опозориться перед общественностью. Потому они и обвинили Аксельрода в передаче шифрованных телеграмм. Каждая телеграмма Аксельрода представлялась на одобрение Исполнительному комитету фабрично-заводских и солдатских Советов Баварии. На ней ставились подписи и печати, и затем в официальном порядке она отправлялась из Виттельсбахского дворца. Точно так же приходили туда и ответы.

Аксельрод не передавал в Москву никаких секретов. Его телеграммы представляли собой попытку дать подробную, основанную на политических фактах оценку событий в Баварской Советской республике.

В этих до сих пор совершенно неизвестных документах отражаются события, происшедшие в течение немногих недель существования Баварской республики и о которых молодой советский дипломат сообщал своему правительству; он хотел, чтобы с его телеграммами ознакомился Владимир Ильич Ленин. Как и все, кто когда-либо лично имел дело с Председателем Совнаркома, Аксельрод знал: Ильич не любит пустых фраз, требуя деловитости и беспощадно критикуя неряшливые, поверхностные методы работы.

Все телеграммы Аксельрода ограничиваются этим периодом времени. Текстом некото-

[1] Haftakten... gegen Axelrod..., a.a.O.

рых из них мы располагаем: они не были отправлены. В одном случае это произошло потому, что Исполнительный комитет фабрично-заводских и солдатских Советов не разрешил ее отослать.

Мы знаем, что ответ Ленина на телеграмму баварского Советского правительства состоял в основном из вопросов.

За правильность перевода всех телеграмм поручился Эдуард Шмидт, студент филологии и переводчик, приведенный к присяге. Шмидт проживал на Кайзерштрассе, 23...

Радиограммы в Москву из Мюнхена

Мюнхенский государственный архив

I.

6 апреля

Телеграмма товарища Т. Аксельрода. Для передачи в Москву. Москва. Коминодел *Чичерину*. Копия Предсовнаркому *Ленину*. Председателю ВЦИК *Свердлову*.

Шестого ночью революционный Центральный совет Баварии совместно с частью вождей баварских эсдеков, представителями независимых и некоторыми радикально социалистическими интеллигентами объявили Баварию Советской республикой. Только что ко мне явились представители новой власти и, объявив нас свободными, заявили мне об официальном решении нового правительства завязать дипломатические сношения с правительством Российской республики, о чем просили меня довести до сведения моего правительства, предложив мне вместе с тем принять на себя временное выполнение обязанностей представителя России. Такое же предложение сделано Венгрии. Сегодня утром опубликовано ко всеобщему сведению след. подписанное председателем Центросовета эсде большинства Никишем воззвание баварскому народу: «Решение принято. Бавария стала Советской республикой. Трудовой народ сам стал господином своей судьбы. Революционный рабочий класс и крестьянство и те наши братья, которые носят солдатскую форму, не разделяемые больше никакими партийными разногласиями, объединились на том, чтобы отныне положить конец всякой эксплуатации и угнетению. Диктатура пролетариата, которая стала теперь реальностью, имеет целью осуществление подлинно социалистической организации, при которой каждый трудящийся обязан принимать участие в общественной жизни и работать в социалистическом и коммунистическом народном хозяйстве.

Ландтаг настроен решительно, министерство подало в отставку. Уполномоченные и избранные народом члены Советов получат в определенных областях чрезвычайные права. Представители всех течений социализма и коммунизма станут их помощниками. Нижнее и среднее звено служащих будет привлечено к работе, но бюрократия будет уничтожена. Революционный суд будет душить в зародыше всякую попытку нанести вред республике Советов. Мы следуем примеру русского и венгерского народов, с которыми устанавливаем дипломатические отношения. С другой стороны, Баварская республика Советов отвергает всякое сотрудничество с презренным правительством Эберта Шейдемана, Носке и Эрцбергера, потому что оно под флагом социалистической республики продолжает империалистическую капиталистическую милитаристскую политику опозорившего себя кайзеровского рейха.

Баварское Советское правительство призывает всех немецких братьев последовать его примеру. Оно шлет свое приветствие всем борющимся пролетариям Германии и всего мира. 7 апреля провозглашается национальным праздником. Да здравствует свободная Бавария! Да здравствует республика Советов! Да здравствует мировая революция!»

После подписания этого воззвания Никишем коммунистическая партия отказалась участвовать в провозглашении республики Советов. В двадцатом номере печатного органа коммунистов можно прочесть: «Мы энергично протестуем против попыток уничтожить и дискредитировать систему Советов путем провозглашения мнимой Советской республики. Если Советская республика действительно хочет быть пролетарской, быть близкой к рабочим кругам, то она должна возникнуть по непосредственной воле масс. Только сами массы могут провозгласить Советскую власть при помощи выбранных для этой цели Советов. Мы поддерживаем мнение, что только коммунистическая республика Советов в состоянии освободить пролетариат. Мы призываем массы немедленно приступить к выборам такого органа, который один будет в состоянии определить, когда должна быть провозглашена Советская республика. Каждая фабрика должна избрать своего революционного представителя. Большие фабрики выбирают одного представителя от тысячи человек. Выбранные таким образом Советы должны подготовить все необходимое для насильственного захвата власти. Кроме того, именно они должны определить, когда, в какой момент должна быть провозглашена республика Советов. Решением кучки руководителей нельзя устранить политические партии. Мы, коммунисты, как и прежде, будем объединять всех, кто борется теми же средствами за ту же цель. Мы, как и прежде, будем нести в массы наши идеи и не перестанем проводить четкую границу между нами и предателями социалистами, которые раньше боролись против Советов, между нами и вечно колеблющимися независимыми, кото-

Транслитерированный текст телеграммы от 6 апреля 1919 г., 1-я страница

Nr 6. Erf. 11.4. ~ 16 Radio.
Telegramm des Genossen X nach Moskau.
T. Axelrod bitte nach Moskau übermitteln
Moskwa Kominodel Tschitscherinu kopiä
predsownarkomu Leninu predscik ~~Lozowskomu~~
Swerdloff.
Shestogo noöxü rewolücionny centralxny sowet
Bawarii sowmestno s öastxü wovdei bawarskih
esdekow predstawitelämi nezawisimyh i
nekotorymi radikalxno sozialistiöeskimi
intelligentami obäwili Bawarii sowetskoi
respublikoi Stop Tolxko öto ko mne äwilisx
predstawiteli nowoi wlasti i obäwiw nas
swobodnymi zaäwili mne ot oficialxnom
reshenii nowago prawitelxstwa zawäzatx
diplomatiöeskiä snosheniä s prawitelxstwom
rosiiskoi respubliki zapätaä o öem prosili
menä dowesti do swedeniä moego prawitelxstwa
zapätaä predloviw mne wmeste s tem prinätx
na sebä wremennoe wypolnenie obäzannostei
predstawitelä Rossii Stop Takoe ve predlovenie
sdelano wengrii Stop Segodnä utrom raspublikowano
wo wseobqee swedenie podpisannoe predsedatelem
centsoweta esde bolxshinstwa Nikishem wozzwanie
bawarskomu narodu dwoetorie kowiöki Reshenie
prinäto Stop Bawariä stala sowetskoi respublikoi
Stop Trudowoi narod sam stal gospodinom swoei
sudxby Stop Rewolücionny rabööyi klass i
krestxanstwo te nashi bratxä kotorye nosät
soldatskuü formu ne razdeläemye bolxshe
nikakimi partiinymi paznoglasiämi
obedenilisx na tom öto by otnyne polovitx
... oksnluatacii i ugnetenii

рые подрывают веру в саму идею Советов. Не верьте ни единому слову основателей мнимой республики Советов. Мы призываем вас приступить к действиям, необходимым для борьбы и для установления первой коммунистической Советской республики. Не принимайте участия в национальном празднике! Рабочие! Следуйте только лозунгам Коммунистической партии!»

Прошу сообщить мне ответ на предложение об установлении дипломатических отношений для передачи его новому правительству. Прошу выслать его мне на имя пресс-радио для местной прессы.

№ 1 *Аксельрод*

II.

Радио Москва *Не отправлено*

Комиссариат иностранных дел.

Москва. Комиссару иностранных дел *Чичерину*, Совету Народных Комиссаров, председателю ЦИК.

События в Баварии характеризуются неудержимым левением рабочих масс южных промышленных центров. Не поддавшаяся правительственной провокации, следовавшая лозунгу агитации и организации, партия коммунистов Мюнхена крепла с каждым днем. Социал-демократы, наоборот, проявляли признаки полного разложения. Произошел разрыв между вождями и массами, придерживавшимися идеи Советов. Произошел раскол между самими вождями, часть которых во главе с премьер-министром Гофманом подготовила восстановление ландтага, который после убийства Курта Айснера на однодневном заседании утвердил правительство из эсдеков и независимых и разошелся на неопределенное время; другая часть стояла за провозглашение Советской республики с условием сохранения за ними их портфелей. В ночь с четвертого на пятое состоялось заседание Центрального революционного совета с участием некоторых министров — представителей социал-демократического большинства и правых независимых во главе с Унтерлейтнером. Была провозглашена Советская республика и сформировано правительство из двух правых социал-демократов, трех независимых и двух членов Крестьянского союза и одного сочувствующего коммунистам. Пятого проходил областной съезд социал-демократического большинства, на котором 218 голосами против 30 была отвергнута резолюция Ульриха, согласно которой съезд при всех условиях стоит на платформе Советской республики, и была принята против 19 резолюция о формировании Советского правительства из социал-демократов большинства, независимых и коммунистов. Коммунисты, ведшие переговоры с независимыми о созыве фабрично-заводских советов рабочих депутатов, которые при блоке левых независимых с коммунистами могли бы захватить власть, прервали после этого переговоры. В ночь с шестого на седьмое было образовано нынешнее правитвльство из левых независимых и двух членов Крестьянского союза. Независимые заявили в связи с этим следующее: (отрывок из немецкой газеты, начинающийся словами: «Члены Центрального совета и Унтерлейтнер...»).

Независимые исключили из правительства не только социал-демократов, но также и своих вождей, скомпрометировавших себя борьбой против Советов, и обратились к ком-

мунистам с просьбой о поддержкв и об участии в правительствв. Старое правительство первехало в Нюрнберг и объявило вновь образованнов незаконным. Ландтаг собрался в Бамбврге, куда привхало также партийное руководство правых социал-демократов. Вовнный министр Шнеппвнгорст, социал-демократ большинства, который клялся пятого числа умереть за Советы, собрал в Нюрнбергв войска для похода против Мюнхена. Вчвра пришло сообщение, что коммунистичвский Совет в Вюрцбурге был обстрелян артиллерией; вокзал в руках белогвардейцев, так же как и крвпость Мариенбург. С другой стороны, говорят и о том, что Ингольштадт, расположенный на пути из Нюрнберга в Мюнхен, гдв размещены все склады оружия и верные части, якобы перешел на сторону нового правительства. Кромв того, правительство Соввтов было провозглашвно в целом рядв городов Южной Баварии, в одних — коммунистами, в других — нвзависимыми, в третьих, наконец,— блоком рабочих — членов всвх трвх партий. Профвссиональные союзы служащих, в том числе городских и банковских, учителей, весь гарнизон Мюнхена, который стал Красной гвардией, гарнизоны ряда других городов обвщали в интервсах целого свою поддержку новому правительству. Крвстьянский союз опубликовал слвдующев заявление. Первое: (следувт отрывок из немецкой газеты, озаглавлвнный «Положвние крестьян»).

Второв:

(отрывок из газеты под заголовком «Совет крвстьянских депутатов и республика Соввтов»).

Были изданы следующие временные двкрвты: о создании Красной армии из безработных и красных солдат, об учрвждении революционного трибунала, о жилищном контроле, осуществляемом Советами рабочих двпутатов. При поддержке банковских служащих был образован Рвволюционный банковский совет. Буржуазная пресса подввргается цензуре и перепвчатывавт программу Спартаковского союза и Коммунистический манифест. Русские военноплвнные объявлены свободными. Вчера по требованию коммунистов было начато распрвделвнив оружия между рабочими. Вчера собрание фабрично-заводских советов, состоящих в основном из коммунистов, приняло рвшение делегировать в Цвнтральный революционный соввт 10 коммунистов с совещатвльным голосом. Продолжаются переговоры независимых с коммунистами. Рабочие настроены революционно, крвстьянв — рвакционно. Высказывается надежда, что, всли красное правитвльство останется у власти, движвнив распространится на всю остальную часть Германии, Австрию, Швейцарию. Брауншввйг также объявил себя республикой Соввтов.

Номвр два.

Аксельрод.

III.

Радиограмма в Москву *товарищу Ленину.*

В ночь с четввртого на пятов правые социал-двмократы провозгласили Советскую республику с условием сохранения части их портфелей. В ночь с шестого на седьмов левые независимыв свергли скомбинированное из всех партий правительство и провозгласили свое из левых независимых и Крестьянского союза. Старое правитвльство, ландтаг и Центральный комитет с.-д. бвжали в Бамберг, где организовали Белую гвардию, окружая постепенно Мюнхен и прекратив подвоз продовольствия. С другой стороны, коммунисты отказались примкнуть к правитвльству нвзависимых, так как Советская республика была провозглашена при отсутствии настоящих, действенных Соввтов рабочих депутатов, к организации каковых коммунисты нвмедленно приступили, добившись вмвств с тем раздачи нвкоторого количвства оружия рабочим. В прошлое воскресенье прежнив Советы солдатских депутатов и Республиканская охрана пытались свергнуть правительство независимых и заняли вокзал и почту. Опираясь на вновь созданные фабричнвх Советы, в двло вмешался пролетариат; орудийным и миномвтным огнем рабочив отбили вокзал и почту и разоружили сторонников социал-демократичвского правитвльства Гофмана. Уже пятый день существует власть Исполнитвльных народных комитетов рабочих соввтов, на 2/3 состоящих из коммунистов. Белая гвардия, окружившая Мюнхен со всех сторон, частью сдавтся, частью разбита. Фронт находится в 30 *км* от Мюнхена. Оружия и патронов хватавт. Позавчвра под Дахау посль двух боев с участием орудий сдалось 700 бвлых. Аугсбург в руках коммунистов. Ввсь гарнизон и большая часть рабочих стоят за Советскую власть. Взяты также Розвнгейм и Шлейзгвйм. Правитвльство Гофмана предложило оттянуть свои войска без боя до Пфаффенгофена. Исполком решил ни в какие пврвговоры с Гофманом нв вступать. Сегодня Гофман прислал заявленив, что он пропускает продовольствив. Правительство социал-двмократов захватило штампы для пвчатания двнвг, но есть вщв штампы городских двнег. В Мюнхвне — генеральная забастовка, вооружение пролвтариата. Настровнив почти революционное. Положвнив благоприятнов. В правительствв Гофмана и Белой гвардии царит разложвние. По слухам, в Австрии крупные выступления. Сегодня поступили сведвния, что во всвй Италии гвнвральная стачка. Коммунизм в Австрии — вопрос нвскольких дней.

18.IV.19. Подпись: *Аксельрод.*

Утверждаю: *Вернер.*

Печать: Исполнитвльный соввт рабочих Советов Баварии.

Транслитерированный текст телеграммы В. И. Ленину от 18 апреля 1919 г.

IV.

Радиограмма в Москву *Чичерину*
Москва. Комиссариат иностранных дел
Чичерину

На радио от 22 отвечаю: ноты, документы, телеграммы «Вестника» не получаю, и русский материал ко мне не доходит. В частности, ваше воззвание к рабочим Антанты и дневник Николая мною не получены. Прошу передать вторично. Распространение русских материалов отсюда возможно как через границы Баварии, так и Германской империи. В связи с этим предлагаю срочно попросить Будапешт передать мне все необходимое. Если Будапешт не даст такой гарантии, тогда придется посылать все второй раз специально для меня. Вчера здесь состоялась мощная рабочая демонстрация и парад красных пролетарских групп. Настроение боевое. Весь пролетариат Мюнхена на стороне коммунистической революции. Сообщение о соотношении классово-партийных сил следует.

С приветом *Аксельрод*.

V.

Радиограмма в Москву.
Москва, РОСТА.

Мюнхен, 23 апреля. В первый день пасхи — огромный митинг русских военнопленных в Пухгейме под Мюнхеном. Настроение большевистское. Привет борющимся товарищам России. Рвутся на родину. К пасхе будет конференция русских военнопленных всей Баварии. Принята резолюция, содержащая приветствие Советской России и Советской Баварии. Несмотря на кормежку Антанты и на агитацию Антанты и предателей — русских офицеров-белогвардейцев, военнопленные Баварии все на стороне большевиков. Большой лагерь военнопленных в Ульме был переведен в Эльзас из-за боязни объединения с баварской Красной армией. Вчера был последний день всеобщей забастовки. Сегодня работают все, не исключая и служащих. Забастовка была объявлена коммунистами, чтобы дать пролетариату вооружиться. Вчера состоялся большой парад рабочей армии, организованной в

течение 8 дней. В нем участвовало свыше 10 тысяч человек; настроение боевое. Состоялась также большая демонстрация, в которой участвовал весь пролетариат Мюнхена на стороне коммунистов. Были приняты все меры для скорейшей организации Советов батраков. Будущее деревни рассматривается как удовлетворение середняков.

Вюртембергское правительство предателя Вильгельма Блоса послало войска против Ландсберга для подавления рабочей революции в Мюнхене. Хотя до этого в Мюнхене без успеха окончилась генеральная стачка, пролетариат Штутгарта снова объявил ее, так что войска вплоть до мельчайших отрядов вынуждены были покинуть Ландсберг. Вчера на массовом митинге товарищ Вернер среди прочего сказал: «Учение о пролетарской революции зародилось на Западе, но солнце пролетарской революции взошло на Востоке. Мы благодарим наших русских братьев, которые первые восстали и с невероятной силой и безграничным самопожертвованием взяли на себя трудное дело пойти на штурм позиций капитала. Ныне мы последовали за русскими товарищами, и еще многие пойдут за нами. Товарищи, всемирная революция идет вперед!» (Подпись) *Т. Аксельрод.*

VI.

Радиограмма не одобрена. Комитет действия не одобряет. Линдер.

Москва. *Ленину.*

Копия ЦК Коммунистической партии

27 апреля коммунистов исключили из Комитета действия и Исполнительного совета. Комитет действия избран заново из оппортунистов. После борьбы против контрреволюции мы вошли в правительство. Также туда входят социалисты большинства и независимые, которые заявили, что остаются на позиции коммунистов. Комитет действия был избран из фабрично-заводских и солдатских Советов. На крупных предприятиях от 100 рабочих — один представитель, на мелких — один от двадцати. Общее собрание к действиям не способно. Мелкобуржуазный элемент преобладает. Буржуазные редакторы, охранная команда также представлены в Комитете действия. Вместо коммунистической деятельности дискуссии о коммунистической политике. Невозможность осуществления основных декретов. Меннер, независимец, депутат по финансам, не выполнил решений о конфискациях, хотя они были одобрены. Независимец Толлер, главнокомандующий Красной армией, подчиняющийся Генеральному штабу, хотел провести военные действия против воли Генерального штаба и Исполнительного совета. После чего без ведома высших политических и военных инстанций вступил в контакт с бамбержцами. Обе стороны получили ноты доверия от фабрично-заводских Советов. С трудом удалось воспрепятствовать расколу генеральной стачки оппортунистами вопреки воле рабочих. В фабрично-заводских Советах — бесконечная демагогическая травля иностранцев, русских, пруссаков, саксонцев. Встречает шумное одобрение. Наши доводы все же признают, но против воли. Три раза мы предоставляли в распоряжение мандаты. Все три раза переизбирались, и все-таки сильное недоверие продолжает существовать. После того как печатники пригрозили забастовкой, фабрично-заводские Советы начали выполнять решение о невыходе буржуазных газет. Восстановлены также охранные команды, поскольку они пролетарские. Служащие грозят стачкой. Наконец внесена ясность, причем не ради каких-то лиц, дело в реальном возмещении ущерба. Фабрично-заводские Советы за сношения с Бамбергом. Толлер, Меннер — во главе правительства. Коммунисты исключены полностью. Но позиции у власти удерживают. Красная Армия и Красная рабочая гвардия в наших руках. Сейчас особое внимание уделяется партийной работе, Красной Армии, организации собственного административного аппарата. Мы обещаем себе, что этот переворот окажет целительное влияние на колеблющийся пролетариат. Сколько просуществует Советская республика, нельзя сказать.

Хотя имеется запас продовольствия, его хватит надолго, но отсутствуют уголь и молоко. Многое зависит от того, как пройдет блокада в Мюнхене. Бамбергское правительство в затрудненном положении. У него нет аппарата для распределения продовольствия в деревне. Большие запасы скапливаются в одном месте, в то время как в другом их нет. Аппарат находится в Мюнхене. Сейчас ведутся переговоры бамбергским и новым мюнхенским правительством и старыми городскими продовольственными службами о поставках продовольствия и угля. Крестьянство по отношению к Советской республике довольно равнодушно. Сейчас их сильно натравливают на коммунистов. Вооружаются. Крупных и мелких хозяйств мало. В основном зажиточные средние крестьяне. Крестьянский союз до известных пределов с нами. Требует обобществления земель свыше тысячи тагверков, то есть только за счет крупных землевладельцев. Объединить батраков в организации очень трудно, здесь в основном только крестьянские дети.

Т. Аксельрод.

14 июня 1919 года в 0 часов 50 минут берлинский департамент иностранных дел получил следующую радиограмму из Петрограда (текст по немецкому переводу):

«До сведения российского Советского правительства доведено, что гражданин Совет-

ской России Аксельрод, член Российской коммунистической партии, а также другие российские граждане находятся в Мюнхене под арестом за участие в борьбе за проведение в Баварии такой же Советской конституции, что и государственная форма России.

При этом российскому Советскому правительству стало известно, что жизнь упомянутых выше сограждан находится под угрозой; в то время как классовая борьба, обостряющаяся во всем мире, принимает в Германии формы насильственного подавления Советского правительства, а в России выражается попытками мировой реакции свергнуть Советскую власть, немецкие офицеры и солдаты, попавшие в руки Советских республик в ходе борьбы с ними, виноваты, с точки зрения рабоче-крестьянского правительства России, не менее, чем наши арестованные товарищи по партии и соотечественники, находящиеся в руках буржуазного правительства Германии, с точки зрения последнего. Те члены германского правительства, которые прежде боролись на стороне рабочего класса, могут вспомнить, что классовое правосудие является в руках капиталистов только оружием, а не выражением некоей абстрактной справедливости, и таким образом российское Советское правительство рассматривало бы суд, вершимый над Аксельродом и его товарищами, как процедуру политической мести со стороны капиталистического правительства, настроенного против рабочего класса. В связи с этим мы обращаем внимание германского правительства на то, что в наших руках и во власти связанных с нами Советских республик находится несколько немецких офицеров и руководителей Белой гвардии и что их участь целиком и полностью зависит от действий германского правительства. В случае, если с головы Аксельрода или других наших соотечественников упадет хоть один волос, это вызовет непредвиденные последствия; в то же время российское Советское правительство ожидает, что германское правительство немедленно освободит вышеназванных граждан России и предоставит им возможность вернуться на Родину.

Народный комиссар иностранных дел
Чичерин»[1].

Военно-полевой суд Мюнхена снабдил радиограмму от 1 июля 1919 года, полученную в 6.55 утра из Петербурга (sic!) и адресованную адвокату д-ру Курту Розенфельду, входящим штемпелем от 8 июля 1919 года:

«ss koenigswusterhausen fugrosta 578 1/7 6.55 s — радиограмма — 2 из Петербурга 138 w Берлин, адвокату д-ру Курту Розенфельду, Штаденербрюкке, 1 — 30 июня. Лейтенант Бруно Бертрам, арестованный в Пскове, будет назван в первую очередь среди остальных заложником за Аксельрода. Мы уже обращали внимание германского правительства на то, что рассматриваем процесс над Аксельродом как политическую акцию, а не как имеющий законную силу акт правосудия. В правительстве Баварской советской республики, с которой мы были связаны тесными узами дружбы, Аксельрод исполнял обязанности связующего звена с нашим правительством, представляя интересы Баварии со всеми правами, которые положены представителям. Отношения между берлинским и мюнхенским правительствами нас не касаются, и, раз Аксельрод получил от нас определенные полномочия, они не должны затрагиваться в отношениях между берлинским и мюнхенским правительствами. Из этого будут сделаны соответствующие выводы.
Нарком иностранных дел *Чичерин*
абзац № 932 — kwh 578»[1]

¹ Haftakten... gegen Axelrod... a.a.O.

2 ноября 1919 года департамент иностранных дел передал соответствующему ведомству в Баварии:

«Здесь намереваются связать с запланированным обменом Карла Радека высылку осужденного в Мюнхене и находящегося там в данное время под арестом коммуниста Товии Аксельрода. После того как переговоры, проводимые с российским Советским правительством по этому вопросу, теперь до такой степени продвинулись, что проведение предусмотренного обмена стало возможным в ближайшее время, я прошу командование рейхсвера I подготовить передачу Аксельрода из Мюнхена сюда. До отправки в Россию Аксельрода следует оставить под надзором»[2].

28 ноября 1919 года директор временной тюрьмы земельного суда в Ландсберге сообщил прокурору земельного суда Мюнхена I:

«Заключенный Аксельрод был сегодня в 6 часов утра передан в конторе унтер-офицеру уголовной полиции Лангеру для препровождения в следственную тюрьму Моабит в Берлине»[3].

Обмен состоялся весной 1920 года.

Поворотный пункт

Кэте Кольвиц писала в своем дневнике в конце 1917 года: «Что принес нам этот год?.. Мира он не принес... открыл нам новые перспективы благодаря России. С этих пор что-то новое пришло в мир, и это новое, кажется,

¹ Haftakten ... gegen Axelrod... a.a.O.
² Ebenda.
³ *Kollwitz Käthe*. Aus Tagebüchern und Briefen. Berlin, 1959, S. 101 f.

будет добрым. Это — ноеая надежда на то, что е истории народое теперь решающую роль будет играть не еласть, как до сих пор, а спраеедлиеость. Русские показали, что еозможность для зтого есть, и еот зто-то, пожалуй, и было самым ярким духовным событием прошедшего года...»[1]

Воодушевление, с которым многие представители духовной жизни Германии приеетстеоеали Октябрьскую рееолюцию, подеергалось в течение десятилетий многим испытаниям.

И хуже есего зти испытания выдержали те люди, которые восторгались абстрактными идеями социализма, думая, что они немедленно осущестеятся с победой Октябрьской рееолюции; поэтому при первом же столкноеении с «прозой жизни» у них наступило отрезеление и разочарование драматическим исходом событий.

Мюнхенец Иоханнес Р. Бехер, который е сеоем знаменитом стихотеорении о Ленине в 1928 году писал: «Он весь мир ото сна пробудил...», не мог е то время и подозреεать, сколь драматичным будет разеитие отношений между Соеетским Союзом и Германией и что придется пережить ему самому. Бехер не был исключением; но е сеоем стихотеорении о Ленине он затронул такие моменты, е которых наиболее полно и ясно еыразилось отношение германских рееолюционеров к Красному Октябрю и Коммунистической партии Соеетского Союза после 1917 года.

На еозникноеение Советской России и образоеаешийся е 1922 году СССР особенно бурно — положительно или отрицательно — реагироеали представители есех сил рабочего деижения Германии.

Особенности отношений немцее к России и к Соеетскому Союзу были результатом истории, их попеременно определяли оба народа с их зкономическим, культурным и общестеенным укладом. От тех, кто стоял у еласти и был ответствен за разеитие отношений между обоими народами и государствами, заеисела судьба Еероπы, е особенности еопрос еойны и мира.

Мы показали на нескольких забытых примерах, какие силы рукоеодили рабочим деижением е Германии до 1914 года и как зти силы помогали русской братской партии в течение нескольких лет выстоять е общей борьбе за единую цель — демократию и социализм, протие общего ерага — реакции и империализма.

Общая надежда германских и русских социал-демократое на то, что с падением царизма реакция потеряет сеой оплот е Еероπе и силы прогресса приблизят победу пролетариата всех стран, не опраедалась.

[1] *Kollwitz Käthe*. Aus Tagebüchern und Briefen, a.a.O., S. 101 f.

Наступил кризис, который и пореал узы солидарности, сеязыеаешие пролетариат России и Германии е течение десятилетий совместной борьбы. Тогда и для многих русских встал вопрос: неужели теперь, в двадцатом столетии, Германия еозьмет на себя ту роль, которую царская Россия играла е дееятнадцатом,— роль ерага свободы и прогресса, жандарма Еероπы, оплота реакции?

Иеан Слесарее, соратник Ленина с 1901 года и член москоеской группы «Искры», писал е сеоем дηеенике е 1919 году, ео ерем интернироеания е Баеарии, куда он попал еместе с Тоеия Аксельродом[1]:

«Мюнхен, четверг, 16 января 1919 года.

Проснулся е 12 часое. Пил чай с белым хлебом. Исключительные боли в желудке, этим летом е Берлине носившие неералгический характер. Около деух часов Аксельрод без меня ходил к Айснеру. Переый разговор с Айснером. Айснер сообщил А., что ечера убили Карла Либкнехта и Розу Люксембург.

Еще ни одно известие не произеодило на меня такого потрясающего впечатления, как это. Будто я получил тупой удар е сердце. Всякие комментарии излишни. О, как невыносимо, ужасно, страшно. Айснер назначил А. еремя естречи — 4. Но куда же он исчез? Его еыдали (предали) или нет?

Эбенгаузен, 16 января 1919 года.

Час назад пришел А. и сообщил, что решено интернироеать нас под строгим контролем е санаторий «Эбенгаузен». В 7 еечера прибыл солдат охранной полиции с машиной, чтобы забрать нас — и еот мы здесь. Хотя сейчас темно, по есему еидно, что это красиеое место.

Так что еместо Берлина с его пьяными геардейцами — отличнейший санаторий. В сердце — смятение чуесте, смешного и ужасного.

О Либкнехт! О Либкнехт — лучший из всех пролетариее.

...

Опубликоеано лживое официальное сообщение о смерти Карла и Розы. Конечно: «Негодоеание народа». О, мы-то, русские, отлично знаем, как зто делается. Шейдеманы горько заблуждаются относительно исторического значения смерти Либкнехта — оно будет громадно и пойдет не на пользу синим.

Суббота, 18 января 1919 года.

Нам, русским, чтобы узнать правду, объяснения не требуется: мы уже все знали, когда читали объяснение «Геардейского дивизиона» в W.J.M. Кажется, их не надо учить приемам русских казакое: убивать безоружных арестованных при попытке к бегству. Это приходит само».

[1] StaM Sta 1939.

ПОД ИМЕНЕМ ДОКТОРА ИОРДАНОВА

ЛЕНИН В МЮНХЕНЕ

8

БРАТ И ТОВАРИЩ

Лучшее время эмиграции

1.

Годы, которые Ленин и его жена Надежда Крупская были вынуждены провести за границей, разделяют на первую и вторую эмиграцию. Первую эмиграцию они пережили в Мюнхене (1901—1902 гг.), куда Ленин приехал еще в сентябре 1900 года; затем в Лондоне (1902—1903 гг.) и Женеве (1903—1905 гг.), откуда Ульяновы — вплоть до возвращения в Петербург в разгар революции 1905 года — часто совершали поездки, связанные с подготовкой, проведением и подведением итогов II и III съездов Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП).

Для того чтобы избежать ареста, ссылки, а возможно, и худшего — после поражения революции 1905—1907 годов реакция жестоко расправлялась со своими противниками,— В. И. Ленин и Н. К. Крупская через Финляндию выехали в Швейцарию.

Вторая эмиграция продолжалась по 1917 год: постоянным местом жительства Ульяновых были Женева (1908 г.), Париж (1909—1912 гг.), Краков (1912—1914 гг.), Берн (1913—1915 гг.), Цюрих (1915—1917 гг.). Надежда Крупская писала: «Эмиграция для таких людей, как Ильич, была очень тяжелой. С Россией мы были тесно связаны: и письма получали, и люди приезжали, и рабочая обстановка была, но давил весь эмигрантский уклад» [1].

В январе 1908 года — на следующий день после приезда в Женеву — Владимир Ильич и Надежда Константиновна шли «по пустынным, ставшим такими чужими, улицам Женевы». Ленин обронил: «У меня такое чувство, точно в гроб ложиться сюда приехал» [2].

В этой связи Крупская делает в своих воспоминаниях лаконичное замечание: «Началась наша вторая эмиграция, она была куда тяжелее первой» [3].

Условия работы усложнились еще и потому, что изменились настроения многих людей, которые во время подъема революционного движения восторженно заявляли о своей поддержке дела свободы и которые после спада

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 38.
[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 318.
[3] Там же.

революции под давлением сил реакции отказались от борьбы. Это в особой степени касалось представителей интеллигенции. Настроения примирения и отчаяния, нигилизма и цинизма были характерны прежде всего для той ее части, которая — в полную противоположность Ленину и Крупской — утратила веру в то, что революционное рабочее движение сможет еще подняться против царизма.

Революция кое-чему научила и царское правительство. «Теперь оно опутывало всю рабочую организацию целою сетью провокатуры. Это были уже не старые шпики, торчавшие на углах улиц, от которых можно было спрятаться, это были Малиновские, Романовы, Брендинские, Черномазовы, занимавшие ответственные партийные посты» [1].

О своих впечатлениях того времени Ленин сообщал Горькому в письме от 11.IV. 1910 года:

«Сидеть в гуще этого «анекдотического», этой склоки и скандала, маеты и «накипи» тошно; наблюдать все это — тоже тошно. Но непозволительно давать себя во власть настроению. Эмигрантщина теперь во 100 раз тяжеле, чем было до революции. Эмигрантщина и склока неразрывны.

Но склока отпадет; склока остается на $^9/_{10}$ за границей; склока, это — аксессуар. А развитие партии, развитие с.-д. движения идет и идет вперед через все дьявольские трудности теперешнего положения...

Могу себе представить, как тяжело наблюдать этот тяжелый рост нового с.-д. движения тем, кто не видал и не пережил тяжелого роста конца 80-х и начала 90-х годов. Тогда подобных с.-д. были десятки, если не единицы. Теперь — сотни и тысячи. Отсюда — кризис и кризисы. И социал-демократия *в целом* изживает их открыто и изживет их честно» [2].

Откуда черпали Ленин и Крупская эту уверенность? Как писал в одной из своих статей В. И. Ленин, они принадлежали к числу «твердокаменных», которые не падают духом от неудачи первого военного натиска, не потеряют головы, не увлекутся авантюрами [3].

Еще до революции 1905 года они узнали, как тяжела может быть борьба, освоили — в отличие от многих новых членов партии — правила нелегального, конспиративного ведения работы. В этом отношении условия работы в Мюнхене обогатили их новым опытом, хотя атмосфера эмигрантской жизни очень мешала нормальной работе Владимира Ильича.

Но, несмотря на все это, несмотря на напряжение строго законспирированной работы,

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 356.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 47, с. 250—251.
[3] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 16, с. 420.

Надежда Константиновна
Крупская

«этот мюнхенский период вспоминался нам после как какой-то светлый период»[1], писала в своих «Воспоминаниях» Н. К. Крупская. Это было связано с тем, что, как подчеркивала Крупская, в то время личные и политические отношения в редакции «Искры» еще не были ничем омрачены; редакция «Искры» оставалась единой с единой целью. Все члены редакции осознавали, что «путь к созданию партии намечен правильно»[2].

Приятные воспоминания о Мюнхене совпадают с первыми впечатлениями о легальных рабочих собраниях и демонстрациях. Ленин с огромным интересом изучал рабочее движение, завоевавшее себе легальность. Ведь в России в 1900 году борьба за легализацию рабочего движения лишь разворачивалась; она являлась одним из главных пунктов политической программы Ленина.

В то же время к положительным впечатлениям примешивалась и доля разочарования в связи с пассивностью рабочих во время одной демонстрации, состоявшейся с разрешения полиции[3] 1 мая 1901 года.

---

1 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 253.
2 Там же.
3 См. там же.

Так как Ленин и Крупская должны были соблюдать осторожность, то они «совершенно не виделись с немецкими товарищами». Поэтому не удивительно, что в своих «Воспоминаниях» наряду с приятными впечатлениями от Мюнхена Крупская пишет и о том, что «местная жизнь не привлекала нашего особенного внимания. Мы наблюдали ее со стороны»[1].

Они работали, как уже говорилось, в Мюнхене, но сердцем были в России.

2.

«Воспоминания о Ленине» Н. К. Крупской были опубликованы на немецком языке в 1928 году в нескольких номерах газеты «Нойе Цайтунг», издававшейся мюнхенской организацией КПГ[2].

Можно только предполагать, в какой форме обсуждали «Воспоминания» люди, помнившие «русского товарища», который 28 лет тому назад приехал в их город. Очевидно, что для всех тех, кто встречался и разговаривал с Лениным, не зная его настоящего имени, полной неожиданностью явилось известие о том, что вождь победившей Октябрьской революции Ленин и есть тот самый «русский товарищ»[3].

Как же реагировал Мюнхен на публикацию некоторых подробностей о пребывании Ульяновых в этом городе, о которых Н. К. Крупская сообщала в своей книге? В немецкой прессе 20-х годов преобладали националистические и антибольшевистские тенденции, незнание, предубеждение и сознательное искажение фактов.

«В Мюнхене Ленин ходил с опущенной головой, постоянно озабоченный, так как не все получалось так, как он хотел бы»,— писала 25.II.1928 года газета «Фёлькишер Беобахтер» и добавляла: «Странно то, что мюнхенская полиция, очевидно, не располагала никакими сведениями о революционных делах Ленина и его товарищей».

Со злобными нападками на В. И. Ленина и

---

1 Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 253.
2 Meine Erinnerungen an Lenin, von N. K. Krupskaja. Einzig autorisierte Überzetzung von Sinaida Jachnin. Copyright by Verlag für Literatur und Politik, Berlin — Wien.
3 См. с. 100 данной книги.

Октябрьскую революцию выступила в то время газета «Мюнхенер Пост», в типографии которой печаталась «Искра» перед последующей нелегальной транспортировкой в Россию.

Неужели среди сотрудников «Мюнхенер Пост» к тому времени не осталось больше никого, кто бы не изменил пролетарской солидарности, столь широко развитой между немецкими и русскими социал-демократами до 1914 года, солидарности, успешно выдержавшей многие испытания?

В номерах «Мюнхенер Пост» за 1917—1933 годы появилось множество статей, авторы которых — в своем большинстве с позиций непримиримого отрицания — писали об Октябрьской революции, большевиках и Ленине. Однако ни в одной из них ни словом не упоминалась большая, связанная порой с риском поддержка, которую немецкие социал-демократы оказывали Ленину и его делу в 1901—1902 годах.

Максимус Эрнст умер в 1929 году. Автор многих статей на историческую тематику, он не оставил после себя никаких письменных воспоминаний о Ленине.

Георг Риттмейер, который после первой мировой войны вновь переехал на Кайзерштрассе, 67, где его жена когда-то содержала ресторанчик «Цум Фойстлегартен», как говорят, много рассказывал о своем жильце «Мейере»: «Мы в Мюнхене тогда все подготовили»,— рассказывал он после победы Октябрьской революции своим посетителям, которые и после его смерти долгое время вспоминали хозяина ресторана из Форхгейма[1].

Д-р Карл Леман, один из наиболее доверенных людей Ленина в Мюнхене, умер еще в 1915 году. Неизвестно, оставил ли он после отъезда Ленина и Крупской в Лондон какие-либо письменные высказывания о своей работе с молодым Лениным.

До сих пор не обнаружено никаких письменных упоминаний немцев о Ленине, которые так или иначе знали его по Мюнхену, не говоря уже о каких-либо систематизированных воспоминаниях. Это относится как к 20-м годам, так и к тому времени, когда «Воспоминания» Крупской появились в переводе на немецкий язык.

С 1933 по 1945 год национал-социалисты, захватившие власть, усиленно уничтожали не только воспоминания о Ленине, но и о Марксе, Энгельсе, Лассале, всю литературу о немецком и международном рабочем движении. Что же касается времени после 1945 года, то у тех старых немецких социал-демократов, которым удалось выжить, не было ни времени, ни сил, чтобы оставить для потомков свои воспоминания, связанные с пребыванием Ленина в Мюнхене.

[1] *Bäumler Ernst*. Verschwörung in Schwabing, a.a.O., S. 237.

Возможно, что особенно много в этой связи знал Рихард Шейд: утверждают, что у него был план написать целую книгу о встречах с Лениным. Однако книга не была написана, а сам Рихард Шейд умер несколько лет тому назад.

Правда, не исключена возможность, что столь подробных воспоминаний могло и не быть вообще, учитывая образ жизни и условия работы Ленина и Крупской в Мюнхене. Поэтому можно усомниться в том, что «затягивавшиеся далеко за полночь дискуссии» в ресторанчике «Шляйсгеймер Гартен» действительно имели место: «Писатель Рихард Шейд, во время революции 1918—1919 годов военный министр, до 1933 года руководитель советского бюро «Интурист» в Мюнхене и затем 12 лет заключенный гестапо, сообщал, что Владимир Ильич Ленин, живший с сентября 1900 по апрель 1902 года в Мюнхене, часто посещал нелегальные социалистические собрания в «Шляйсгеймер Гартен» и принимал участие в дискуссиях, затягивавшихся далеко за полночь»[1].

Итак, нельзя недооценивать проблемы, связанные с интерпретацией в Германии личности Ленина после Октябрьской революции, проблемы, которые, возможно, затрагивали коренные вопросы собственной истории.

3.

В 1926 году по инициативе ряда советских институтов, сотрудники которых занимались изучением биографии Ленина, были опрошены люди, сотрудничавшие с Владимиром Ильичем в эмиграции.

Среди тех, кто мог рассказать о мюнхенском периоде эмиграции, были Рихард Этцольд и Адольф Браун.

Рихард Этцольд, ко времени опроса (29 октября 1926 г.) владелец типографии, занимал в свое время должность заведующего книготорговлей в издательстве Максимуса Эрнста.

Ответы Этцольда наглядно показывают, сколь мало знали немецкие социал-демократы о Ленине и русской социал-демократии, хотя и помогали в духе солидарности русским товарищам. Эти же ответы подтверждают слова Надежды Крупской о том, что В. И. Ленин и она «совершенно не виделись с немецкими товарищами»[2].

«Пребывание в Мюнхене в начале века.
...
Г-н Рихард Этцольд являлся в то время заведующим книжной торговлей у Максимуса

[1] *Ludwig Hollweck*. München. Eine Stadt erzählt. Wien — Hamburg, S. 265.
[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 253.

Эрнста. В конце 1905 года руководство издательством от Мархлевского, который издавал главным образом русских авторов, перешло к Этцольду.

Мархлевский был выдворен из Дрездена и получил разрешение на проживание в Баварии на том условии, что он воздержится от политической деятельности.

Однако он стал участником первой русской революции. По словам Этцольда, другая определяющая причина решения о передаче ему руководства издательством состояла в финансовых трудностях. Этцольд не помнит, чтобы во время его совместной работы с Мархлевским последний подвергался преследованиям со стороны полиции. О местопребывании Мархлевского Этцольду ничего не известно. В настоящее время он или уже умер, или проживает где-нибудь в Польше. Но более точные сведения, сказал Этцольд, можно получить через Правление СДПГ.

У Мархлевского был псевдоним Карский.

По воспоминаниям Этцольда, «Искра» в 1900—1901 году выходила в Мюнхене. Он хорошо помнит наборщика.., о котором говорил Краус. Его звали не то Блюменфельд, не то Блюменталь. Этот Блюменфельд действительно обучил своему ремеслу наборщика Гросса, так что тот впоследствии смог в одиночку набирать «Искру». Также хорошо Этцольд помнит Ленина. Разумеется, тогда он не знал, что это Ленин. Только спустя некоторое время, когда Этцольд увидел фотографию русского вождя, он сразу же узнал в нем русского, с которым встречался в начале века в Мюнхене. В то время Ленин носил светлую рыжеватую бородку, имел замкнутое выражение лица и при всем этом был чрезвычайно симпатичным человеком.

Этцольд также подтверждает, что Ленин жил в Швабинге. Он говорит, что неоднократно бывал у Ленина на квартире для обсуждения деловых вопросов. Квартира была обставлена бедно, даже примитивно, один только стол. Этцольд вспоминает, что во время одного из своих визитов он видел женщину (Крупскую). Г-н Этцольд полагает, что он и сейчас смог бы узнать этот дом, хотя и забыл название улицы и номер дома (Зигфридштрассе?). Он также считает возможным, что хозяином квартиры, в которой жил Ленин, был портной.

Что касается немецкого произношения Ленина, о котором так высоко отзывался Эрнст, то тогда Этцольд не обратил на это особого внимания: насколько он помнит, произношение Ленина явно выдавало в нем иностранца.

Подробности тех лет хорошо знал хозяин ресторанчика в Швабинге, угол Кайзерштрассе и Рёмерштрассе. Однако недавно этот человек умер. Он постоянно помогал русским в поисках жилья. От его жены вряд ли можно что-либо узнать, так как в семье у них не все ладилось; по словам Этцольда, мужчины ради мира в семье дома часто молчали о своих политических взглядах.

Относительно личности наборщика Гросса, о котором также упоминает Краус, Этцольд полагает, что сведения о его местонахождении можно получить в союзе книгопечатников.

Г-н Этцольд просит показать ему фотографию Ленина, по возможности того времени, с тем чтобы он смог наверняка идентифицировать личность руководителя «Искры».

Он также пообещал еще раз обдумать поставленные ему вопросы и выразил готовность еще раз ответить на них, если такое пожелание будет высказано» [1].

Адольф Браун отказался ответить на вопросы. Ко времени опроса Брауна он являлся членом Правления СДПГ и депутатом от этой партии в рейхстаге. В правление партии, где он отвечает за партийную прессу, Браун был избран в 1920 году. Браун также отвечал за научную и литературную продукцию издательств социал-демократической партии [2].

Сообщал ли Браун когда-либо вообще — в письмах или отчетах, предназначенных для руководства СДПГ, — какие-либо сведения о своем сотрудничестве с Лениным поздним летом 1900 года, выяснить до сих пор не удалось. Известно, что Браун с большим воодушевлением выступил в поддержку русской революции. Это видно, в частности, на примере одной из его давних работ: в связи с революцией 1905 года Браун написал брошюру, озаглавив ее «Россия и революция» [3].

В отрывках из этой брошюры, приведенных ниже, которые весьма характерны для всего текста, автор, встречавшийся в Нюрнберге с Лениным, свое полное согласие с русской революцией выразил следующими словами:

«В 1883 году была основана группа «Освобождение труда». Ее основателями и руководителями стали мыслящие, хорошо подготовленные марксисты, которые еще и сегодня стоят во главе движения, — П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Г. В. Плеханов и В. И. Засулич. В теоретическом отношении они стояли на одних и тех же позициях, что и немецкая социал-демократия. Цель их состояла не только в борьбе против абсолютизма, но и в том, чтобы, просвещая и организуя рабочий класс, подготовить его к ведению самостоятельной классовой борьбы... Никто не может сказать, как закончится эта невиданная революция в

---

[1] Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Zentrales Parteiarchiv V, 149/2.

[2] *Schwarz Klaus-Dieter.* Weltkrieg und Revolution in Nürnberg, a.a.O., S. 63.

[3] *Braun Adolf.* Rußland und die Revolution. Nürnberg, 1906.

бесконечно огромном государстве, простирающемся от нашего Балтийского моря до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до границ Индии. Еще нельзя даже судить о том, являемся ли мы свидетелями начала борьбы против русского абсолютизма, или эта борьба уже достигла своей высшей точки. Возможно, это движение закончится не в столь отдаленном будущем, с тем чтобы через несколько лет вновь развернуться с новой, еще большей силой, будучи более планомерно подготовленным и руководимым из единого центра. Настоящее положение ставит бесконечное множество вопросов, и мы, как далекие наблюдатели, не можем дать на них ответ...

Эти явные результаты развития русской революции до настоящего времени имеют чрезвычайно большое значение также для пролетариата всей остальной части Европы, борющегося за освобождение, и даже для пролетариата всего мира. Начиная с Великой французской революции Россия была оплотом реакции... Очевидно, что эту роль царизм уже отыграл навсегда. Он не может быть больше гарантом реакции в Европе, не может быть больше образцом самодержавной монархии, так как он показал свою слабость. Непроницаемый покров сдернут с гиганта, и каждый видит, что он стоит на глиняных ногах.

Если до сих пор Россия была тормозом прогресса, то теперь она станет его ускорителем... С гордостью и воодушевлением следит классово сознательный пролетариат всех стран за развитием событий в России. Из великих свершений, беспримерного самопожертвования, стойкости и упорства рабочих всех национальностей России в борьбе против самого большого врага свободы народов пролетариат всех стран черпает новое мужество, радостную уверенность, убежденность в победе прогресса, веру в скорое достижение тех целей, которые он перед собой поставил. Международный пролетариат надеется, что эта борьба будет продолжаться до тех пор, пока полный успех не окупит всех громадных жертв и страданий.

На Востоке забрезжил рассвет»[1].

Девизом для своей брошюры Адольф Браун взял строфу из «Ледяного дворца» Фрейлиграта:

Напрасно ждете, господа!
Не заморозить вам весну.
Поверьте, если треснул лвд,
то все пойдете вы ко дну[2].

---

[1] *Braun Adolf.* Rußland und die Revolution, a.a.O., S. 29-30.
[2] *Фрейлиграт Ф.* Избранные произведения. М., 1956, с. 152.

4.

О своей безоговорочной поддержке Ленина и Октябрьской революции заявила Коммунистическая партия Германии. Благодаря ее издательской деятельности, ее прессе широкий круг немецких читателей смог после 1918 года впервые познакомиться с ленинскими работами.

От старых коммунистов Баварии еще в 1977 году можно было услышать истории о Якобе Ланге, старом социал-демократе, вступившем в КПГ после 1919 года, который любил рассказывать о том, как он встречал Ленина на вокзале. Существует и другая версия этой истории, согласно которой Якоб Ланг провожал Ленина до вокзала, после того как тот во время одной из своих поездок в Мюнхен остановился на одну ночь в его доме и на следующее утро чуть было не опоздал на цюрихский поезд. Но Якоб Ланг не оставил после себя записи этой истории.

Очевидно, баварские коммунисты придавали большое значение событиям, связанным с Лениным уже в качестве вождя победоносной Октябрьской революции, который написал приветствие Баварской Советской республике; внимание коммунистов занимал рассказ Макса Левиена, одного из руководителей Советской республики в Баварии, в котором он сообщал о своей встрече с Владимиром Ильичем в Кремле. Этот рассказ был опубликован в газете «Нойе Цайтунг».

Макс Левиен. Встреча с Владимиром Ильичем

В июне 1921 года, спасаясь от преследований в Германии, я прибыл в Москву... Владимир Ильич пригласил меня к себе, с тем чтобы я рассказал ему о боях во время Советской республики в Баварии и о политике Коммунистической партии Баварии.

К сожалению, я не записал тогда содержание беседы с Лениным; тем не менее я считаю, что даже несколько штрихов, характеризующих эту беседу, могут иметь известный политический интерес.

Во-первых, одна характерная для Владимира Ильича черта: Ленин назначил нашу встречу на 12 часов в своем рабочем кабинете в Кремле. Я пришел точно в указанное время и доложил о себе товарищу Фотиевой, секретарю Ленина. Товарищ Фотиева сказала мне, что Владимир Ильич в данный момент беседует с другими товарищами. В 12 часов 15 минут Ленин принял меня со словами: «Прошу меня извинить за то, что я вас заставил ждать. Я ведь пригласил вас на 12 часов». Я был настолько изумлен этим, что даже не нашелся что ответить. Я сказал: «Владимир Ильич, вы,

конечно, как следует отругаете нас, баварских коммунистов, за наши глупости?» — «Почему? — спросил Ленин.— Насколько я информирован о развитии событий в Баварии, я могу сказать, что, учитывая чрезвычайно тяжелое положение, в котором находилась ваша партия в Баварии, трудно было добиться других результатов».

Владимир Ильич попросил меня сначала рассказать о моих переживаниях во время бегства. При этом его интересовали подробности, касавшиеся нелегального перехода через границу, о товарищах, оказывавших мне поддержку во время бегства, моего тюремного заключения в Вене, поведения австрийских социал-демократов в вопросе выдачи меня Баварии и т. д.

В течение всей беседы, которая продолжалась 45 минут, Ленин почти не перебивал меня своими вопросами. Особенно его интересовал, по понятным причинам, крестьянский вопрос, прежде всего политические позиции крестьянского союза Гандорфера, который сделал заявление о своей поддержке Советского правительства, если социализация в сельском хозяйстве не коснется хозяйств до 1000 тагверков (так у Левиена.— *Ф. Х.*), а также торговли, ремесел и мелких предприятий.

Ленин очень хорошо разбирался в общей классовой структуре баварского сельского хозяйства. Он считал, что мы, принимая во внимание аграрный характер Баварии, в которой крестьянские хозяйства — средние и крупные — занимали доминирующее положение, действовали несколько доктринерски и не уделили достаточного внимания нашей главной тактической задаче — выиграть время, с тем чтобы укрепить власть. Ленин указал на то, что ввиду незначительной доли помещичьего землевладения в Баварии, а также с учетом того, что симпатии беднейшей части крестьян-середняков были на стороне республики и богатые крестьяне заняли позицию выжидательного нейтралитета, пролетариат должен был сконцентрировать все свои силы на борьбе против буржуазии и отрядов Носке. Он сказал также, что мы не должны были поэтому отпугнуть от себя крестьян.

Далее Ленин спросил, хорошие ли связи мы имели с Венгерской Советской республикой.

«Из вашего рассказа,— закончил Ленин беседу,— и из того, что рассказывали нам наши товарищи из Германии, видно, что Коммунистическая партия Баварии была прочно связана с пролетариатом и что она вместе с ним вела решительную борьбу. Такое рабочие не забудут никогда»[1].

Косвенное указание на то, что Ленин в 1900—1902 годах жил в Баварии, все же содержится в записях Левиена. Читая их, можно спросить, откуда Ленин почерпнул свои знания об общей классовой структуре баварского сельского хозяйства?

Широкое знакомство немецкого читателя с жизнью и деятельностью Ленина до 1914 года стало возможным только после того, как в издательствах ГДР вышли собрания его сочинений, письма и исследования по отдельным вопросам.

Первая работа, в которой рассказывалось о ленинских местах в Германии, вышла в 1957 году в издательстве «Дитц-Ферлаг» в Берлине. Ее автор Ксавер Штреб назвал свое исследование «Ленин в Германии».

[1] Neue Zeitung vom 13. April 1929.

5.

Надежда Крупская назвала одну из глав своих «Воспоминаний о Ленине» «Мюнхен. 1901—1902 годы». Без сомнения, тем самым она хотела подчеркнуть важность мюнхенского периода эмиграции в жизни основателя партии рабочего класса нового типа, Советской республики и Советского государства.

В этой главе, однако, речь идет не столько об описании Мюнхена, сколько об изложении определенного этапа в истории революционного рабочего движения, международной солидарности между немецкой и русской социал-демократией.

С точки зрения Надежды Крупской, Социал-демократическая партия Германии предала свои старые идеалы и цели. Тем не менее глава «Мюнхен. 1901—1902 годы» написана непредвзято, просто и в соответствии с фактами. И хотя в ее воспоминаниях порой проскальзывает разочарование по поводу некоторых явлений, но в них нет места для осуждения; и в этом проявился интернационализм представительницы русской интеллигенции, которая все свои силы отдала на службу рабочему классу своей страны и которой всегда был чужд любой национализм.

В то же самое время Андрей Белый выпустил в свет свои воспоминания, озаглавив их «Между двух революций». И в этой книге мы также находим обширную главу о Мюнхене. Мы уже познакомились с очерком о кафе «Симплициссимус» и швабингской богеме[1]. Другой отрывок из воспоминаний Белого, который мы воспроизводим в этой главе, отражает проблематику русского интеллигента, чрезвычайно далекого от рабочего движения как в собственной стране, так и в Германии.

Андрей Белый рисует Мюнхен таким, каким он застал его в начале века. Примечательно в этом отрывке то, как пластичное и полное красок изображение истории, архитектуры и атмосферы «сияющего Мюнхена» сменяется воспоминаниями личными, полными горечи и иронии, когда речь заходит о жизни людей в

[1] См. с. 40—42 данной книги.

городе, об их противоречивой общественной и политической действительности.

Писатель Белый, видный представитель русской интеллигенции, имеет самостоятельное мнение относительно культурного наследия Европы. Однако оценки социальных и национальных проблем определяются мерками его вкуса. В конечном счете его эстетизм лишь порождает националистический предрассудок по отношению к «немецкому характеру», который Белый персонифицирует в образе воинственного мясника, склонившегося над пивной кружкой.

Надежда Крупская, напротив, ищет вину за развязывание первой мировой войны не в национальном характере того или иного народа, а в устремлениях империалистических сил, натравливающих один народ на другой. В обеих главах о Мюнхене место и время действия одни и те же, и в то же время диаметрально противоположны позиции авторов.

6.
Надежда Константиновна Крупская. Мюнхен. 1901—1902 годы

Хотя и Владимир Ильич, и Мартов, и Потресов поехали за границу по легальным паспортам, но в Мюнхене было решено жить по чужим паспортам, вдали от русской колонии, чтобы не проваливать приезжающих из России работников и легче отправлять нелегальную литературу в Россию в чемоданах, письмах и пр.

Когда я приехала в Мюнхен, Владимир Ильич жил без прописки у этого самого Ритмейера[1], назывался Мейером. Хотя Ритмейер и был содержателем пивной, но был социал-демократом и укрывал Владимира Ильича в своей квартире. Комнатешка у Владимира Ильича была плохонькая, жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его Mehlspeise[2]. Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана.

Вид у него был озабоченный, все налаживалось не так быстро, как хотелось. В то время в Мюнхене кроме Владимира Ильича жили: Мартов, Потресов и Засулич. Плеханову и Аксельроду хотелось, чтобы газета выходила где-нибудь в Швейцарии, под их непосредственным руководством. Они, в первое время и Засулич, не придавали особого значения «Искре», совершенно недооценивали той организующей роли, которую она могла сыграть и сыграла; их гораздо больше интересовала «Заря».

«Глупая ваша «Искра»»,—говорила вначале шутя Вера Ивановна. Это, конечно, была шутка, но в ней сквозила известная недооценка всего предприятия. Владимир Ильич думал, что надо, чтобы «Искра» была в стороне от эмигрантского центра, чтобы она была законспирирована, что имело громадное значение для сношений с Россией, для переписки, для приездов. Старики готовы были видеть в этом нежелании перенести газету в Швейцарию нежелание руководства, желание вести какую-то свою линию и не торопились особенно помогать. Владимир Ильич это чувствовал и нервничал. К группе «Освобождение труда» у него было совсем особенное чувство. Я не говорю уже про Плеханова, он относился влюбленно и к Аксельроду и к Засулич. «Вот ты увидишь Веру Ивановну,—сказал мне Владимир Ильич в первый вечер моего приезда в Мюнхен,—это кристально-чистый человек». Да, это была правда.

Вера Ивановна одна из группы «Освобождение труда» стала близко к «Искре». Она жила вместе с нами в Мюнхене и в Лондоне, жила жизнью редакции «Искры», ее радостями и горестями, жила вестями из России.

«А «Искра»-то важная становится»,—шутила она, по мере того как росло и ширилось влияние «Искры». Вера Ивановна рассказывала не раз про долгие холодные годы эмиграции.

Мы никогда такой эмиграции, как группа «Освобождение труда», не знавали—у нас все время были самые тесные связи с Россией, постоянно к нам приезжали оттуда люди. Мы жили в эмиграции в гораздо лучших условиях по части осведомленности, чем в каком-либо другом губернском городе, жили исключительно интересами русской работы, дело в России шло на подъем, рабочее движение росло. Группа «Освобождение труда» жила от России оторванно, жила за границей в годы глухой реакции—заезжий из России студент был уже целым событием, но заезжать опасались: когда к ним в начале 90-х годов заехали Классон и Коробко, их тотчас же по возвращении вызвали в жандармское, спрашивали, зачем ездили к Плеханову. Слежка была организована образцово.

Из всех членов группы «Освобождение труда» Вера Ивановна чувствовала себя наиболее одиноко. У Плеханова и Аксельрода была все же семья. Вера Ивановна говорила не раз о своем одиночестве: «Близких никого нет у меня»—и тотчас старалась прикрывать горечь своих переживаний шуточкой: «Ну вот, вы меня любите, я знаю, а когда умру, разве что одной чашкой чаю меньше выпьете».

Потребность же в семье у ней была громадная—может быть, потому, что выросла она в чужой семье, была на положении воспитанни-

[1] См. с. 179 данной книги.
[2] — мучным блюдом.— *Ред.*

цы. Надо было только видеть, как любовно она возилась с беленьким малышом, сынишкой Димки (сестры П. Г. Смидовича). Даже хозяйственность Вера Ивановна проявляла, заботливо покупала провизию в те дни, когда была ее очередь варить обед в коммуне (в Лондоне Вера Ивановна, Мартов и Алексеев жили коммуной). Впрочем, мало кто догадывался о семейственных и хозяйственных склонностях Веры Ивановны. Жила она понигилистячему: одевалась небрежно, курила без конца, в комнате ее царил невероятный беспорядок, убирать свою комнату она никому не разрешала. Кормилась довольно фантастически. Помню, как она раз жарила себе мясо на керосинке, отстригала от него кусочки ножницами и ела.

«Когда я жила в Англии,— рассказывала она,— выдумали меня английские дамы разговорами занимать: «Вы сколько времени мясо жарите?» — «Как придется,— отвечаю,— если есть хочется, минут десять жарю, а не хочется есть — часа три». Ну, они и отстали».

Когда Вера Ивановна писала, она запиралась в своей комнате и питалась одним крепким черным кофе.

По России Вера Ивановна тосковала страшно. Кажется, в 1899 году она ездила нелегально в Россию — не на работу, а так, «хоть мужика посмотреть, какой у него нос стал». И вот, когда стала выходить «Искра», она почувствовала, что это кусок русской работы, она судорожно за нее держалась. Для нее уйти из «Искры» значило опять оторваться от России, опять начать тонуть в мертвой, тянущей ко дну эмигрантщине.

Вот почему, когда на II съезде встал вопрос о редакции «Искры», она возмутилась. Для нее это был не вопрос самолюбия, это был вопрос жизни и смерти.

В 1905 году она поехала в Россию и там осталась.

На II съезде Вера Ивановна в первый раз в жизни пошла против Плеханова. С Плехановым ее соединяли долгие годы совместной борьбы, она видела, какую громадную роль он играл в деле направления революционного движения в правильное русло, ценила его как основоположника русской социал-демократии, ценила его ум, блестящий талант. Самое незначительное несогласие с Плехановым страшно волновало ее, но в данном случае она не пошла с Плехановым.

Судьба Плеханова трагична. В области теории его заслуги перед рабочим движением чрезвычайно велики. Но годы эмиграции не прошли для него даром: они оторвали его от русской действительности. Широкое массовое рабочее движение возникло в то время, когда он уже был за границей. Он видел представителей различных партий, писателей, студентов, даже отдельных рабочих, но русской рабочей массы он не видел, с ней не работал, ее не чувствовал. Бывало, придет какая-нибудь корреспонденция из России, которая поднимает завесу над новыми формами движения, заставляет почувствовать перспективы движения, Владимир Ильич, Мартов и даже Вера Ивановна читают и перечитывают ее; Владимир Ильич потом долго шагает по комнате, вечером не может заснуть. Когда мы переехали в Женеву, я пробовала показывать Плеханову корреспонденции и письма, и удивляло меня, как он на них реагировал: точно почву он под ногами терял, недоверие у него какое-то появлялось на лице, никогда не говорил он потом об этих письмах и корреспонденциях.

Особенно недоверчиво стал он относиться к письмам из России после II съезда.

Меня это вначале даже обижало как-то, а потом стала думать, что это вот отчего: давно он уже уехал из России, и не было у него того мерила, вырабатываемого опытом, которое дает возможность определить удельный вес каждой корреспонденции, читать многое между строк.

Приезжали часто в «Искру» рабочие, каждый, конечно, хотел повидать Плеханова. Попасть к Плеханову было гораздо труднее, чем к нам или Мартову, но даже если рабочий попадал к Плеханову, он уходил от него со смешанным чувством. Его поражали блестящий ум Плеханова, его знания, его остроумие, но как-то оказывалось, что, уходя от Плеханова, рабочий чувствовал лишь громадное расстояние между собой и этим блестящим теоретиком, но о своем заветном, о том, о чем он хотел рассказать, с ним посоветоваться, он так и не смог поговорить.

А если рабочий не соглашался с Плехановым, пробовал изложить свое мнение,— Плеханов начинал раздражаться: «Еще ваши папеньки и маменьки под столом ходили, когда я...»

Вероятно, в первые годы эмиграции это не так было, но к началу 900-х годов Плеханов потерял уже непосредственное ощущение России. В 1905 году он в Россию не ездил.

Павел Борисыч Аксельрод в гораздо большей степени, чем Плеханов и Засулич, был организатором. Он больше всех общался с приезжими, у него они больше всего проводили время, там их поили, кормили. Павел Борисыч подробно их обо всем расспрашивал.

Он вел переписку с Россией, знал конспиративные способы сношений. Ну, как мог себя чувствовать в долгие годы эмиграции в Швейцарии русский организатор-революционер, можно себе представить! Павел Борисыч на три четверти потерял работоспособность, он не спал ночей напролет, писал с чрезвычайным напряжением, месяцами будучи не в состоянии окончить начатой статьи, почерк его было почти невозможно разобрать: так нервно он писал.

Почерк Аксельрода производил на Владимира Ильича всегда сильное впечатление. «Вот дойдешь до такого состояния, как Аксельрод,— не раз говорил Владимир Ильич,— ведь это просто ужас один». О почерке Аксельрода он не раз говорил с доктором Крамером, который лечил его во время его последней болезни. Когда Владимир Ильич первый раз ездил за границу, в 1895 году,— об организационных вопросах он больше всего толковал с Аксельродом. Об Аксельроде он много рассказывал мне, когда я приехала в Мюнхен. О том, что делает теперь Аксельрод, он спрашивал меня, указывая на фамилию Аксельрода в газете, тогда, когда сам уже не только не мог писать, но и сказать ни слова.

П. Б. Аксельрод особенно болезненно относился к тому, что «Искра» издается не в Швейцарии и что поток сношений с Россией идет не через него. Потому так бешено отнесся он к вопросу о тройке на II съезде. «Искра» будет организационным центром, а он отстраняется от редакции! И это тогда, когда на II съезде больше, чем когда-либо, почувствовалось дыхание России.

Когда я приехала в Мюнхен, из группы «Освобождение труда» там жила только Засулич под чужим именем — по какому-то болгарскому паспорту, звалась Великой Дмитриевной.

По болгарским паспортам должны были жить и все остальные. До моего приезда Владимир Ильич жил просто без паспорта. Когда я приехала, взяли паспорт какого-то болгарина, доктора Иорданова, вписали туда ему жену Марицу и поселились в комнате, нанятой по объявлению в рабочей семье. До меня секретарем «Искры» была Инна Гермогеновна Смидович-Леман, также жившая по болгарскому паспорту и звавшаяся Димкой. Владимир Ильич, когда я приехала, рассказал, что он провел, что секретарем «Искры» буду я, когда приеду. Это, конечно, означало, что связи с Россией будут вестись все под самым тесным контролем Владимира Ильича. Мартов и Потресов тогда ничего не имели против этого, а группа «Освобождение труда» не имела своего кандидата, да и не придавала в то время «Искре» особого значения. Владимир Ильич рассказывал, что ему это было не очень ловко делать, но он считал, что для дела это необходимо. Работы сейчас же навалилось масса. Дело было организовано так: письма из России посылались на различные города Германии по адресам немецких товарищей, а те все пересылали на адрес доктора Лемана, который все уже пересылал нам.

Незадолго перед тем вышла целая история. В России для брошюр удалось наконец наладить в Кишиневе типографию, и заведующий типографией Аким (брат Либера — Леон Гольдман) выслал на адрес Лемана подушку с зашитыми в середину экземплярами вышедшей в России брошюры. Удивленный Леман в недоумении отказался на почте от подушки, но, когда наши это узнали и забили тревогу, подушку он получил и сказал, что теперь будет принимать все, что на его имя придет, хоть целый поезд.

Транспорта для перевозки «Искры» в Россию еще не было. «Искра» перевозилась главным образом в чемоданах с двойным дном с разными попутчиками, которые отвозили в Россию эти чемоданы в условленное место, на явки.

Была такая явка в Пскове у Лепешинских, была в Киеве, еще где-то. Русские товарищи, вынув литературу из чемодана, передавали ее организации. Транспорт только что налаживался через латышей Ролау и Скубика.

На все это тратилось немало времени. Его также уходило много на всякие переговоры, из которых потом ничего не выходило.

Помню, как с неделю, кажется, ушло на переговоры с каким-то типом, который хотел завязывать связи с контрабандистами, путешествуя по границе с фотографическим аппаратом, каковой мы должны были ему купить.

Была переписка с агентами «Искры» в Берлине, Париже, Швейцарии, Бельгии. Они помогали, чем могли, отыскивая соглашающихся брать чемоданы, добывая деньги, связи, адреса и т. д.

В октябре 1901 года образовалась из сочувствующих групп так называемая Заграничная лига русской революционной социал-демократии[1].

Связи с Россией очень быстро росли. Одним из самых активных корреспондентов «Искры» был питерский рабочий Бабушкин, с которым Владимир Ильич виделся перед отъездом из России и сговорился о корреспондировании[2]. Он присылал массу корреспонденций из Орехово-Зуева, Владимира, Гусь-Хрустального, Иваново-Вознесенска, Кохмы, Кинешмы.

Он постоянно объезжал эти места и укреплял связи с ними. Писали из Питера, Москвы, с Урала, с Юга. Вели переписку с «Север-

---

[1] Заграничная лига русской рееолюционной социал-демократии была осноеана по инициативе В. И. Ленина и являлась заграничным отделом организации «Искры». Она вербовала сторонникое «Искры» из числа русских социал-двмократов за границей, материально поддерживала ее, организовыеала доставку газеты е Россию и издавала популярную марксистскую литературу.

II съезд РСДРП утвердил Лигу е качестее единственной заграничной партийной организации, имвющей уставные права комитета, и обязал ее работать под руководством и контролвм ЦК РСДРП.

После II съезда в Заграничной лиге укрепились меньшевики и повели борьбу против Ленина, против большввиков. С октября 1903 г. Лига стала оплотом меньшевизма; существовала до 1905 г.— *Ред.*

[2] Встреча В. И. Ленина и И. В. Бабушкина состоялась 13—15 (26—28) июля 1900 г. в Смоленске.— *Ред.*

ным союзом» [1]. Скоро приехал из Иваново-Вознесенска представитель «Союза» Носков. Более российский тип трудно было себе представить. Голубоглазое блондинистое лицо, немного сутулый, он говорил на «о». Приехал он за границу с узелком договориться обо всем. Его дядюшка, мелкий фабрикант в Иваново-Вознесенске, дал ему денег на поездку за границу, чтобы только избавиться от беспокойного племянника, которого то забирали в каталажку, то обыскивали. Борис Николаевич (от природы он назывался Владимиром Александровичем, а это была его кличка) был хорошим практиком. Я его встречала еще в Уфе, когда он заезжал туда проездом в Екатеринбург. За границу он приехал за связями. Собирание связей было его профессией. Помню, как он, усевшись на плиту в нашей узенькой мюнхенской кухне, с блестящими глазами рассказывал нам о работе «Северного союза». Рассказывая, страшно увлекался. Владимир Ильич своими вопросами только подливал масла в огонь. Борис — пока жил за границей — завел тетрадь, куда тщательно записывал все связи: где кто живет, что делает, чем может быть полезен. Потом оставил нам эти связи. Это был своеобразный поэт-организатор. Впрочем, он слишком идеализировал людей и работу, и не было у него умения бесстрашно смотреть действительности в глаза. После II съезда он был примиренцем, а потом как-то сошел с политической сцены. В годы реакции он умер.

Приезжали в Мюнхен и другие, еще до моего приезда был в Мюнхене Струве. С ним дело в это время шло уже на разрыв. Он переходил в это время из стана социал-демократии в стан либералов. В последний приезд с ним было резкое столкновение. Вера Ивановна подшила ему прозвище «подкованный теленок». Владимир Ильич и Плеханов ставили над ним крест. Вера Ивановна считала, что он еще не безнадежен. Ее и Потресова звали в шутку «Struve-freundliche Partei» [2].

Приезжал Струве второй раз, когда я уже была в Мюнхене. Владимир Ильич отказался его видеть. Я ходила видеться со Струве на квартиру Веры Ивановны. Свидание было очень тяжелое. Струве был страшно обижен. Пахнуло какой-то тяжелой достоевщиной. Он говорил о том, что его считают ренегатом и еще что-то в том же роде, издевался над собой. Сейчас я уже не помню того, что он говорил, помню только то тяжелое чувство, с каким я шла с этого свидания. Было ясно, это — чужой, враждебный партии человек. Владимир Ильич был прав. Потом с кем-то, не помню уже с кем, жена Струве Нина Александровна прислала привет и коробку мармелада. Она была бессильна, да и вряд ли понимала, куда повертывает Петр Бернгардович. Он-то понимал.

Поселились мы после моего приезда в рабочей немецкой семье. У них была большая семья — человек шесть. Все они жили в кухне и маленькой комнатешке. Но чистота была страшная, детишки ходили чистенькие, вежливые. Я решила, что надо перевести Владимира Ильича на домашнюю кормежку, завела стряпню. Готовила на хозяйской кухне, но приготовлять надо было все у себя в комнате. Старалась как можно меньше греметь, так как Владимир Ильич в это время начал уже писать «Что делать?». Когда он писал, он ходил обычно быстро из угла в угол и шепотком говорил то, что собирался писать. Я уже приспособилась к этому времени к его манере работать. Когда он писал, ни о чем уж с ним не говорила, ни о чем не спрашивала. Потом, на прогулке, он рассказывал, что он пишет, о чем думает. Это стало для него такой же потребностью, как шепотком проговорить себе статью, прежде чем ее написать. Бродили мы по окрестностям Мюнхена весьма усердно, выбирая места подичее, где меньше народа.

Через месяц перебрались на собственную квартиру в предместье Мюнхена Швабинг [1], в один из многочисленных, только что отстроенных больших домов, завели «обстановочку» (при отъезде продали ее всю за 12 марок) и зажили по-своему.

В начале первого — после обеда — приходил Мартов, подходили и другие, шло так называемое заседание редакции. Мартов говорил не переставая, причем постоянно перескакивал с одной темы на другую. Он массу читал, откуда-то узнавал всегда целую кучу новостей, знал всех и вся. «Мартов — типичный журналист,— говорил про него не раз Владимир Ильич,— он чрезвычайно талантлив, все както хватает на лету, страшно впечатлителен, но ко всему легко относится». Для «Искры» Мартов был прямо незаменим. Владимир Ильич страшно уставал от этих ежедневных 5—6-часовых разговоров, делался от них совершенно болен, неработоспособен.

Раз он попросил меня сходить к Мартову и попросить его не ходить к нам. Условились, что я буду ходить к Мартову, рассказывать ему о получаемых письмах, договариваться с ним. Из этого, однако, ничего не вышло, через два дня дело пошло по-старому. Мартов не мог жить без этих разговоров. После нас он шел с Верой Ивановной, Димкой, Блюмен-

---

[1] «Северный союз РСДРП», или «Северный рабочий союз» — областное объединение социал-демократических организаций Владимирской, Костромской и Ярославской губерний. Возник в 1900—1901 гг. по инициативе О. А. Варенцовой и В. А. Носкова.— *Ред.*

[2] «Дружественная Струве партия».— *Ред.*

[1] Переезд в Швабинг состоялся в первой половине мая 1901 г.— *Ред.*

фельдом[1] в кафе, где они просиживали целыми часами.

Потом приехал Дан с женой и детьми. Мартов стал проводить у них целые дни.

В октябре мы ездили из Мюнхена в Цюрих объединяться с «Рабочим делом»[2]. Объединения никакого не вышло. Акимов, Кричевский и другие договорились до белых слонов. Мартов страшно горячился, выступая против рабочедельцев, даже галстук с себя сорвал, я первый раз видела его таким. Плеханов блистал остроумием. Составили резолюцию о невозможности объединения. Деревянным голосом прочел ее на конференции Дан. «Папский нунций»,— бросили ему противники.

Этот раскол пережит был совсем безболезненно. Мартов, Ленин не работали вместе с «Рабочим делом», в сущности, разрыва не было, потому что не было совместной работы. Плеханов же был в отличном настроении, ибо противник, с которым ему приходилось так много бороться, был положен на обе лопатки. Плеханов был весел и разговорчив.

Жили мы в одном отеле, кормились вместе, и время прошло как-то особенно хорошо.

Только иногда чуть, капельку, проскальзывала разница в подходах к некоторым вопросам.

Запомнился один разговор. В кафе, в котором мы сидели, рядом с нашей комнатой был гимнастический зал, как раз там шло упражнение в фехтовании. Рабочие, вооруженные щитами, сражались, скрещивая картонные мечи. Плеханов посмеялся: «Вот и мы в будущем строе будем так сражаться». Когда мы возвращались домой, я шла с Аксельродом,— он продолжал развивать тему, задетую Плехановым: «В будущем строе будет смертельная скука, никакой борьбы не будет».

В то время я еще была до дикости застенчива и ничего не сказала, но, помню, подивилась таким рассуждениям.

Вернувшись из Цюриха, Владимир Ильич засел за окончание «Что делать?». После меньшевики яростно нападали на «Что делать?», но в то время оно всех захватило, особенно тех, кто ближе стоял к русской работе. Вся брошюра была страстным призывом к организации, она набрасывала широкий план организации, в которой каждый мог найти себе место, мог сделаться винтиком революционной машины, винтиком, без которого не может пойти работа, как бы мал он ни был. Брошюра звала к упорной, неустанной работе над созданием того фундамента, который надо было создать для того, чтобы при тогдашних русских условиях могла существовать партия не на словах, а на деле. Нельзя социал-демократу бояться долгой работы, надо работать, работать не покладая рук, быть всегда готовым «...*на все,* начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*»,— писал Владимир Ильич в «Что делать?»[1].

Двадцать два года прошло с тех пор, как написана эта брошюра, и каких двадцать два года,— в корне изменились все условия работы партии, совсем новые задачи стоят перед рабочим движением, а и сейчас захватывает революционный пафос этой брошюры, и сейчас надо изучать эту брошюру тому, кто хочет не на словах, а на деле быть ленинцем.

Если «Друзья народа» имели громадное значение для определения пути, по которому должно идти революционное движение, то «Что делать?» определяло план широкой революционной работы, указывало определенное дело.

Ясно было, что съезд партии еще преждевременен, что нет еще предпосылок для того, чтобы он не повис в воздухе, как повис I съезд, что нужна длительная подготовительная работа. Поэтому никто не отнесся серьезно к попытке созыва Бундом съезда в Белостоке. От «Искры» поехал туда Дан, захватив чемодан, между стенками которого было набито «Что делать?». Белостокский съезд превратился в конференцию.

Владимира Ильича особенно интересовало отношение к «Что делать?» рабочих. Так, 16 июля 1902 года он пишет Ивану Ивановичу Радченко: «Уж очень обрадовало Ваше сообщение о беседе с рабочими. Нам до последней степени редко приходится получать такие письма, которые действительно придают массу бодрости. Передайте это непременно Вашим рабочим и передайте им нашу просьбу, чтобы они и сами писали нам *не только для печати,* а и так, для обмена мыслей, чтобы не терять связи друг с другом и взаимного понимания. Меня лично особенно интересует при этом, как отнесутся рабочие к «Что делать?», ибо отзывов рабочих я еще не получал»[2].

«Искра» работала вовсю. Ее влияние росло. Готовилась к съезду Программа партии. Для обсуждения ее приехали в Мюнхен Плеханов и Аксельрод. Плеханов нападал на некоторые

---

[1] Блюменфельд набирал «Искру» сначала в Лейпциге, потом в Мюнхене в немецких социал-демократических типографиях. Он был отличным наборщиком и хорошим товарищем. К делу относился горячо. Он очень любил Веру Ивановну, всегда очень заботился о ней. С Плехановым он не ладил. Это был товарищ, на которого можно было вполне положиться. За что возьмется — сделает.— *Н.К.*

[2] Речь идет о поездке на «объединительный» съезд заграничных организаций РСДРП, куда В. И. Ленин и Н. К. Крупская выехали между 16 и 19 сентября (29 сентября и 2 октября) и вернулись позднее 22 сентября (5 октября) 1901 г.— *Ред.*

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 177.

[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 46, с. 201.

места наброска Программы, сделанного Лениным. Вера Ивановна не во всем была согласна с Лениным, но не была согласна до конца и с Плехановым. Аксельрод соглашался тоже кое в чем с Лениным. Заседание было тяжелое. Вера Ивановна хотела возражать Плеханову, но тот принял неприступный вид и, скрестив руки, так глядел на нее, что Вера Ивановна совсем запуталась. Дело дошло до голосования. Перед голосованием Аксельрод, соглашавшийся в данном вопросе с Лениным, заявил, что у него разболелась голова и он хочет прогуляться.

Владимир Ильич ужасно волновался. Так нельзя работать. Какое же это деловое обсуждение?

Необходимость построить работу на деловых основах, так, чтобы не привносился в нее личный элемент, чтобы капризы, исторически сложившиеся личные отношения не влияли на решение,— встала во весь рост.

Владимир Ильич крайне болезненно относился ко всякой размолвке с Плехановым, не спал ночи, нервничал. А Плеханов сердился, дулся.

Прочитав статью Владимира Ильича к четвертому номеру «Зари», Плеханов вернул ее Вере Ивановне с примечаниями на полях, вылив в них всю свою досаду. Владимир Ильич, увидав их, совершенно выбился из колеи, заметался.

К этому времени выяснилось, что печатать «Искру» в Мюнхене далее невозможно, владелец типографии не хотел рисковать. Надо было выбираться. Куда? Плеханов и Аксельрод стояли за Швейцарию, остальные — понюхав атмосферы, развернувшейся на заседании при обсуждении Программы,— голосовали за Лондон.

Мама поехала на лето в Россию, а мы стали собираться.

Этот мюнхенский период вспоминался нам после как какой-то светлый период. Последующие годы эмиграции переживались куда тяжелее. В мюнхенский период не было еще такой глубокой трещины в личных отношениях между Владимиром Ильичем, Мартовым, Потресовым и Засулич. Все силы сосредоточивались на одной цели — создании общерусской газеты, интенсивно шло собирание сил около «Искры». Ощущение роста организации, осознание того, что путь к созданию партии намечен правильно, было у всех.

Поэтому можно было не внешне, а от всей души веселиться на карнавале, возможно было то исключительное жизнерадостное настроение, которое было всеобщим при поездке в Цюрих, и т. д.

Местная жизнь не привлекала нашего особенного внимания. Мы наблюдали ее со стороны. Бывали иногда на собраниях, но в общем они были мало интересны. Помню празднование 1 Мая. В том году в первый раз немецкой социал-демократии разрешено было устроить шествие, но с тем, чтобы не скопляться в городе, а устроить празднество за городом.

И вот довольно большие колонны немецких социал-демократов, с женами и детьми и редьками в карманах, молча, очень быстрым шагом прошли по городу — пить пиво в загородном ресторане. Никаких флагов, плакатов не было. Этот Maifeier[1] не напоминал совершенно демонстрации во имя торжества рабочего класса во всем мире.

В загородный ресторан, куда направилась процессия, мы не пошли, отстали от демонстрации, а пошли по привычке бродить по улицам Мюнхена, чтобы заглушить чувство разочарования, которое невольно закралось в душу: хотелось принять участие в боевой демонстрации, а не в демонстрации с разрешения полиции.

Так как мы соблюдали сугубую конспирацию, то совершенно не виделись с немецкими товарищами. Встречались только с Парвусом, жившим неподалеку от нас, в Швабинге, с женой и сынишкой. Однажды приезжала к нему Роза Люксембург, и Владимир Ильич ходил тогда повидаться с ней[2]. Тогда Парвус, занимая очень левую позицию, сотрудничал в «Искре», интересовался русскими делами.

В Лондон мы ехали через Льеж. В то время там жил Николай Леонидович Мещеряков с женой — мои старые приятели по воскресной школе. В те времена, когда я его знала, он был еще народовольцем, но он первый ввел меня в нелегальную работу, первый обучал правилам конспирации и помог мне сделаться социал-демократкой, усердно снабжая меня заграничными изданиями группы «Освобождение труда».

Теперь он был социал-демократом, давно уже жил в Бельгии, прекрасно знал местное движение, и мы решили по дороге заехать к ним.

В это время в Льеже как раз было громадное возбуждение. За несколько дней перед тем войска стреляли в бастовавших рабочих. Заметно было, как волнуются рабочие кварталы, по лицам рабочих, по кучкам стоявших людей. Ходили мы смотреть Народный дом. Он стоит в очень неудобном месте, толпу легко запереть на площади перед домом, как в ловушке. Рабочие тянулись к Народному дому. И вот, чтобы предупредить скопление там народа, партийные верхи назначили собрания по всем рабочим кварталам. И мелькало недоверие к бельгийским вождям социал-демократии. Получилось какое-то разделение труда: одни стреляют в толпу, другие ищут предлога ее успокоить...[3]

[1] — майский праздник.— *Ред.*

[2] В. И. Ленин встречался с Р. Люксембург в 1901 г.— *Ред.*

[3] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 243—254.

7.

Андрей Белый. Мюнхен

О, Susanna, wie ist das Leben doch so schön»,— со словами, пропетыми хором вчера в «Симплициссимусе», продираю глаза, вылезая из легкой, взлетевшей огромной перины на свист под окном «Расскажите вы ей»; босыми ногами — на пестрые коврики; луч из окна бросил сети сияющих пятен меж розовых стен и меж красненьких креселец чистенькой комнатки (в месяц плачу за нее двадцать марок); к окошку: его распахнуть; я — высовываюсь: «Не меня!» Это — наискось, кто-то в изогнутой шляпе, в коротких, зеленых штанах и в цветистых, зеленых гамашах, сметая с плеча пышный, веющий складками плащ, под окошком высвистывает и махает крюкастою палкою: «русский». Мотивом Гуно «Расскажите вы ей» вызывают друг друга под окнами — русские; каждая нация здесь, корпорация, даже кружочек, имеют свой свист; вам подъезд не откроют; недавно, забывши свой ключ, я ломился сюда целый час; было два часа ночи; хозяйский колпак (белый, с кисточкой), высунувшись из окошка, сперва отчитал; а потом уже с грозным прикряхтом явился в распахнутой двери; с тех пор три ключа (от подъезда, квартиры и комнаты) вечно на мне; и под окнами мы пересвистываемся, условными свистами; не распахнутся,— хозяина нет: уходи!

Я, Владимиров, Вулих и Дидерихс вызываем друг друга мотивом «Разлуки».

Вот моющий воздухом ветер взвил в небо сухой, красный, лиственный винт; и уж тянет на улицу: под, точно призрак, пылящим фонтаном клониться на мрамор из темной свисающей зелени, видеть свое отраженье в бассейне и слушать вздыхание струй.

Кофе — выпито; быстро одев свой зеленый, баварский, короткоштанный костюмчик с узорчатыми гамашами, бросив на плечи накидку, лечу я над — до белизны, до зеркальности — бледными плитами вымытого тротуара; навстречу несутся цветистыми пятнами белые, оранжевые и малиновые каскетки студентов; сегодня — парад: где-то — хор трубачей; голубой офицер, обвисающий белыми перьями каски; бело-голубые знамена несутся; летят голубые трамваи; мое впечатление: Мюнхен — какое-то бело-голубое плесканье; фантастика — серые до белизны силуэты и башен, и шпицев, и арок, и статуй, врезаемых в небо; фантастика — парк, пропирающий в центр, убегающий в лес, из которого лупит козел, чтоб в аллею свой выставить рог: из куста; все — какая-то детская книжка с картинками; и — ждешь увидеть: как мюнхенец Штук[1], расплодивший в Европе кентавров и фавнов, пройдет по панелям, под руку ведя ... сати рессу.

Романтика, готика в перебое со стилями разных Луи и с показом безвкусицы Сецессионом[1] придуманной Греции — плоды творения кажущегося добродушным и шутоватым баварца, готового даже отпеть с опереточной сцены свой собственный быт, горлом строя колена,— такие ж, какие, потехи ради, для барина строит ногами мужик, неохотно пустившийся в пляс: звук тирольского «Иодля»[2] стоит неумолчно, как песенка мюнхенцев:

> O, Susanna, ist das Leben doch so schön!
> O, Susanna, wie schmeckt das Bier so schön![3]

С Барерштрассе шагаю к зеленым газонам огромного здания Академии; многоступенчатый всход его в пятнах собравшихся пестрых натурщиц, мимо которых в широких шляпах, в надувшихся ветром плащах, дымя трубками, мчатся художники всех национальностей, за исключением баварской, которая им покровительствует, извлекая из этого пользу (моральную и материальную даже); ведь Мюнхен, сбирая с них всякие дани, сто лет упрочняет свою репутацию «новых Афин».

Академия — влево от мраморной, белой, лепной, изукрашенной темным орнаментом арки, увенчанной девой с копьем, в колеснице, которую тащат косматые львы; то «Ворота победы», иль «Зигес-Тор»; арка же делит кварталы: аристократический от квартала рабочих, художников; этот квартал перерезает от Зигес-Тор улица: Леопольдштрассе; огромные пирамидальные тополи озеленяют ее; здесь ютятся художники; студия здесь громоздится на студии; громко рояли в открытые окна бросают на улицу — Шумана, Шуберта, Баха; проходишь по ней; замечаешь: дома и прохожие — проще, бедней; здесь дешевле квартиры; дешевле табак; здесь воняет сухой, сухопарой сигарой, «Виргинией», пивом и жареным...

Вправо от Зигес-Тор — чистая и широчайшая улица; то Людвигштрассе; и сколько б на ней не слонялось народа — пуста она; и она открывает миражи дворцов, башен, шпицев, скульптур, перед которыми прядают пылью фонтаны; безвкусие зданий модерн расступается здесь перед более строгою линией зодчего Кленце; коли пойдешь от ворот, то направо — университет, где сердца прошибал своей лекцией Шеллинг и где читал в мое время эстетику Липпс; его слушали: прикатившие из

---

[1] Художник.

[1] Сецессионисты — некогда новаторы, к 1906 г. наложили свою руку на весь Мюнхен.
[2] «Иодль» — тирольское горловое колено, которым горцы перекликаются в горах.
[3] «О, Сюзанна,— как хороша жизнь! О, Сюзанна, как вкусно пиво!».

Москвы молодые философы Топорков и Кубицкий.

Перед университетом подброшенной пылью играет немой, белоснежный фонтан; а напротив стоит благородное здание; библиотека, меж нею и чопорным иезуитским колледжем, меж каменными, плосковатыми монументальными вазами — узкий проход в обвисающий золотом Английский парк; там — безлюдно, свободно, тенисто и густо: аллеи, поляны, газоны, беседки, висящие мостики, купы каштанов, дубов, вязов; и чащи, и заросли, переходящие в лес, там за лесом увидишь: играют снегами Тирольские Альпы...

Я видел проездом здесь бывшего «кайзера»: «кайзер» сидел, разваляся, в коляске, с холодным, несвежим и серым лицом, с носом, гнувшимся из перьев каски; торчали усы его так, как торчали они в этот день у дворцовых, изваянных львов, что потом подчеркнул «Симплициссимус»; «кайзер» так нехотя к каске прикладывал руку; баварцы глазели без «хохов»; но тотчас за кайзером «хохами» встретили принцев своих.

Гогенцоллернов здесь не любили и в пику хвалили «своих»; но «свои» показали себя через несколько лет, туго Мюнхен стянув иезуитским корсетом и рот заклепавши цензурой ему; все наполнилось вдруг зашнырявшими черными, широкополыми шляпами и длиннополыми, туго застегнутыми сюртуками святейших отцов, точно нетопырями; но это случилось, когда умер регент.

А вот и дворец: жил в нем Людвиг Баварский, друг Вагнера, мучась душевной болезнью; здесь все полно слухами: регент убил его; ныне разбрюзгший восьмидесятилетний старик, он стал «наш» для баварцев; он очень боится и чтит тоже «нашего» социалистического депутата, герр Вюльнера; было в Мюнхене три короля: регент, Вюльнер и Ленбах; и кажется жалким мне переданный анекдотик, как регент на предложение министров открыть здесь публичный дом, — выразился:

— Зачем, когда Мюнхен — сплошной этот дом!

Церемониалы принц-регента: отведывание первой кружки в такие-то числа варимого пива: в такой-то пивной; он и сам пивовар, содержащий пивную, — свою «королевскую», ставшую клубом пивных толстяков; государственность, можно сказать, что пивная: в парламенте здешнем — многочасовые дебаты о ценах на кружки, о том, доливать ли сполна пивом их, иль оставить для пены пространство с полпальца; волненье возникнет в том случае, коли недолив увеличить на палец.

Я здесь себя чувствую, точно в комедии; глаз мой, засыпанный, точно песком, красным криком, теперь отдыхает на цвете зеленых штанов, заменивших мне «красное домино»; а «кинжал» заменяет мне трубка.

Почти у дворца королевский театр, всем известный в Европе по праздничным, августовским постановкам творений Р. Вагнера, не уступающим даже Байрейту.

Бавария — точно арена для празднеств; раз в несколько лет сотрясается трубами Мюнхен: то — праздник стрелков: вереница процессий в средневековых одеяниях; здесь карнавалы разгулами арлекинады побили рекорды других городов; здесь три дня всякий чмокает, кого угодно; и ноги дерет; и отламывает дурака: в октябре вокруг статуи национальной Баварии бьют наповал многочисленные горлодралы; и каждый, держа в руках книжку и справяся с номером, выставленным на эстраде, уткнув в книжку нос, рот раздрав, распевает бездарную песню под номером; это — Октоберфест; под головой национальной я был: не ревел, рот раздрав, как Владимиров; неподалеку от Мюнхена, в Обер-Аммергау, раз в несколько лет исполняют мистерии «Страсти Христовы»...

Быт

Отмахавши пол-Швабинга, — свертываем в столовую для бедняков и рабочих; все просто: столы, лавки, стены и груды тарелок, ножей, жестяных, мятых ложек; вооружаемся ими; и — двадцать пфеннигов суп; тридцать — братэн[1] (кальбсбратэн, швайнбратэн)[2]; за «бир» — десять пфеннигов; из черпака перевязанной фартуком «фрау»[3] получаем свой суп: очень долго выискиваем себе место: за длинным столом; горбоносые люди, угласто расставивши локти, — уписывают; обед, стоящий марку, Владимирову не по средствам; за марку питается с ужином он: двадцать пфеннигов в вечер обходится суп из гороха; и пфеннигов двадцать — чай, земмели[4]; я с ним обедаю...

...Вот и сейчас — два часа; стало быть: Томас Манн, обитающий в Мюнхене, сел в Стефани, потому что для мюнхенца два часа дня означает:

— Сижу в Стефани!

Нет, уж лучше в пивной, переполненной красными, жилистыми, горбоносыми горцами: в ярко-зеленых и в ярко-коричневых куртках, в дешевых, цветами кричащих жилетах, в дешевых, цветами кричащих чулках; много «масс»[5] осушают с утра они; с крыши висящий маляр, поработав, глотает из «массы», им взятой под крышу; и «массой» кончает он вечер, вскурив не сигару, а палку: она — чем длинней, тем дешевле; однажды я видел: вскочив из-за столиков, бросились с кружками на неудачника; над его кружкой кружку на кружку поста-

1 Жаркое.
2 Телятина, свинина.
3 Женщина.
4 Маленькие хлебцы.
5 Кружек.

вили; вырос — столб кружек; и с криком вздирали носы, горла драли; и прибежавшая кельнерша в чепчике тоже визжала, схватясь за живот:

— Что такое?

— Забыл закрыть кружку; ему и наставили кружек на кружку; наполнил он их на свой счет: таков местный обычай.

Здесь временем правит гротеск.

В голове «Баварии», статуи,— комнатка; я в ней сидел; это есть голова всему Мюнхену; тоже и здешняя кельнерша; ее обязанности: на наскок грубоватой двусмыслицы лишь отвечать остроумием, перевоспитывая и скота; часто кельнерша — передовая Бавария, ставшая выше мещанской «гнэдиге Фрау»[1], даже выше студента с разрубленною так и эдак щекою, мечтающего, чтоб ему еще раз процарапали щеку; с царапиной каждой взлетает его репутация...

...Мюнхен слыл за «Афины».

Шарм Мюнхена в том, что он пятнами легких цветов имитирует небо и воздух, и некогда Сецессион-таки передавал добродушие цветописи; скоро тяжеловатою линией дуясь в вола, иль в классическую перспективу, художник из Сецессиона лишь выдул огромный, но мыльный пузырь для искусства, который стал чтим; но, увы,— чтим какою ценой? Сам художник Цирцеею некою был превращен в толстяка из Ратскеллера: и получил из руки принца-регента громкий диплом на «гехаймрата»[2].

Беклин и Штук — «толстяки»; дочка Грингмута стала женой сына Беклина, после чего и «Московские ведомости» превратили его в перл создания; Беклин — багровый толстяк, уверявший, что он есть Пракситель, а Мюнхен — Афины; романтика и белозадых наяд его и темнопузых кентавров — почти порнография, нас уверяющая, что она — краска Рубенса; Штук — буржуа, пожиратель кровавых бифштексов культуры; галоп же кентавров его превратился в галоп кавалерии: скоро!

«Афины» — искусственная аллегория, скрывшая только до времени: каску и меч; Генрих Гейне уже говорит об «Афинах»: «В Мюнхене, как в макбетовской сцене с ведьмами, можно наблюдать ряд духов... от багрово-красного духа средневековья, закованного в броню»... и далее можно наблюдать «замки позднейшего периода, неуклюжие, в немецком духе, обезьянничанье с противоестественно гладких, французских образцов — ... великолепие архитектурной безвкусицы с нелепыми завитками.... с кричаще пестрыми аллегориями... и картинами» властителей «с красными пьяно-трезвыми лицами».

Гейне не видел действительной подоплеки безвкусицы; мог он сказать, что «безвкусица не оскорбляет»; уже в 1906 году эта безвкусица-таки пугала; с начала ж войны дико воскликнули «пестрые аллегории» Мюнхена; лик «мясника» приподнялся над кружкою употребителя пива[1].

[1] Милостивая государыня.
[2] Тайного советника.

[1] *Белый Андрей.* Между двух революций, с. 103—107, 116—120.

8.

В августе 1913 года Ленин и Крупская второй раз приезжают в Мюнхен. Как и в России, Англии, Франции, Австро-Венгрии и т. д., националистическая пропаганда войны в Германии в первую очередь проявилась в заявлениях, которыми правительство этого империалистического государства стремилось оправдать политику вооружений. 11 апреля 1913 года Ленин опубликовал в «Правде» небольшую статью под заголовком

«Кому выгодно?»

Есть такое латинское изречение «cui prodest» (куи продэст),— «кому выгодно?». Когда не сразу видно, какие политические или социальные группы, силы, величины отстаивают известные предложения, меры и т. п., следует всегда ставить вопрос: «Кому выгодно?»

Не то важно, *кто* отстаивает непосредственно известную политику,— ибо для защиты всяких взглядов при современной благородной системе капитализма любой богач всегда сможет «нанять» или купить, или привлечь любое число адвокатов, писателей, даже депутатов, профессоров, попов и так далее. Мы живем в торговое время, когда буржуазия не стесняется торговать и честью и совестью. Бывают и простачки, которые по недомыслию или по слепой привычке защищают господствующие в известной буржуазной среде взгляды.

Нет, в политике не так важно, *кто* отстаивает непосредственно известные взгляды. Важно то, *кому выгодны* эти взгляды, эти предложения, эти меры.

Например, «Европа», государства, именующие себя «цивилизованными», ведут теперь бешеную скачку с препятствиями из-за вооружений. На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе,— и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и т. п.

Господа публика! — хочется сказать по поводу всех этих фраз «патреотов». Не верьте фразам, посмотрите лучше, *кому выгодно!*

Недавно знаменитая английская фирма «Армстронг, Уитверс и К°» опубликовала свой

годичный отчет. Фирма производит главным образом всяческие предметы вооружения. Баланс сведен в сумме 877 тысяч фунтов стерлингов, т. е. *около 8-ми миллионов рублей*, дивиденд *по 12 1/2 процентов!!* Около 900 000 рублей отнесено в запасный капитал и т. д. и т. д.

Вот куда идут миллионы и миллиарды, выколачиваемые из рабочих и крестьян на вооружения. Дивиденды по 12 1/2 процентов,— это значит *удвоение* капитала в 8 лет. А всяческие вознаграждения директоров и т. п. тут еще не считаются. Армстронг в Англии, Крупп в Германии, Крезо во Франции, Кокериль в Бельгии, а сколько их во всех «цивилизованных» странах? А тьма тем поставщиков?

Вот *кому выгодно* раздувание шовинизма, болтовня о «патриотизме» (пушечном патриотизме), о защите культуры (орудиями истребления культуры) и так далее![1]

В описании Крупской короткого пребывания в Мюнхене в 1913 году также нет и намека на антигерманский национализм. Свои воспоминания Крупская связывает с переживаниями личного и политического характера. И пиво в знаменитой мюнхенской пивной «Хофбройхаус», в которой уже в то время доморощенные политики за кружкой пива жарко дебатировали вопрос о противниках в будущей войне, оставалось для Ленина всего лишь напитком, который ему нравился. Ленину всегда претило давать политические оценки на основе ложного вкуса или с позиции барского высокомерия по отношению к простому народу:

«Заезжали в Мюнхен. Там жил Борис Книпович — племянник Дяденьки, Лидии Михайловны Книпович, которого я знала с раннего детства, которому рассказывала когда-то сказки. Влезет, бывало, четырехлетний, голубоглазый Бориска на колени, обнимет шею и заказывает: «Крупа — сказку об оловянном солдате». В 1905—1907 годах Борис был активным организатором гимназических социал-демократических кружков. Летом 1907 года после Лондонского съезда Ильич жил у Книповичей на даче в Финляндии в Стирсуддене. Борис был тогда лишь гимназистом, но уже интересовался марксизмом, прислушивался к тому, что говорил Ильич, знал, с каким уважением и любовью относится к Ильичу Дяденька.

В 1911 году Борис был арестован и потом выслан за границу, где учился в Мюнхенском университете. В 1912 году вышла его первая работа «К вопросу о дифференциации русского крестьянства». Он послал ее Ильичу. Сохранилось письмо Ильича к Борису — как-то особенно внимательно к молодому автору и заботливо написанное. «С большим удовольствием прочитал я Вашу книгу и очень рад был видеть, что Вы взялись за большую серьезную работу. На такой работе проверить, углубить и закрепить марксистские убеждения, наверное, вполне удастся»[1]. И дальше Ильич делает очень осторожно несколько замечаний, дает несколько методических указаний.

Перечитывая это письмо, я вспоминаю отношение Ильича к малоопытным авторам. Смотрел на суть, на основное, обдумывал, как помочь исправить. Но делал он это как-то очень бережно, так, что и не заметит другой автор, что его поправляют. А помогать в работе Ильич здорово умел. Хочет, например, поручить кому-нибудь написать статью, но не уверен, так ли тот напишет, так сначала заведет с ним подробный разговор на эту тему, разовьет свои мысли, заинтересует человека, прозондирует его как следует, а потом предложит: «Не напишете ли на эту тему статью?» И автор и не заметит даже, как помогла ему предварительная беседа с Ильичем, не заметит, что вставляет в статью Ильичевы словечки и обороты даже.

Мы хотели заехать в Мюнхен денька на два, посмотреть, каким он стал с того времени, как мы там жили в 1902 году, но так как мы очень торопились, то в Мюнхене пробыли лишь несколько часов — от поезда до поезда. Борис с женой приходили нас встречать, время провели в ресторане, славившемся каким-то особым сортом пива, Hof-Bräu (Хофбрей) назывался ресторан. На стенах, на пивных кружках везде стоят буквы «Н.В.» — «Народная воля»,— смеялась я. В этой-то «Народной воле» и просидели мы весь вечер с Борей. Ильич похваливал мюнхенское пиво с видом знатока и любителя, поговорили они с Борисом о дифференциации крестьянства, вспоминали мы все вместе Дяденьку, Лидию Михайловну Книпович, которая хворала также тяжело базедкой. Ильич тут же настрочил ей письмо, убеждая поехать за границу и оперироваться у Кохера»[2].

Володя, наш брат и товарищ

1.

«Всяческие пересуды, вмешательство в чужую личную жизнь» В. И. Ленин просто презирал. «Он считал такое вмешательство недопустимым»[3].

«В Лондоне в 1902 году у Владимира Ильича был очень резкий конфликт с частью редакции «Искры», которая хотела судить од-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 61—62.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 63—64.

[2] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 389—391.

[3] Там же, с. 602.

Мария Александровна Ульянова. 1898 г.

ного товарища за его якобы неблаговидный поступок в ссылке. Разбирательство, естественно, было связано с грубым вмешательством в его личную жизнь. Владимир Ильич резко протестовал против этого, наотрез отказался от участия в этом безобразии, как он выражался. Его потом обвиняли в отсутствии чуткости...»[1] Отказываясь вмешиваться в личную жизнь другого человека или требовать отчета о ней, Ленин в то же время считал само собой разумеющимся, что и другие не должны вмешиваться в его личную жизнь.

Представление о Ленине как о математическом мозге, который олицетворял функциональную сторону революции и которому чужды были любые проявления индивидуального, неверно, как и измышление о «демонически одержимом заговорщике мировой революции». Определенное представление о Ленине как человеке дают некоторые выдержки из воспоминаний его родных, которые почти неизвестны на Западе. Эти воспоминания позволяют судить о тех условиях и той атмосфере, в которых вырос Володя, как его называли в кругу домашних и близких, о его характере.

Сильные эмоциональные связи в семье Ульяновых могут кое-кому показаться преувеличением. Кое-кто, возможно, даже не поверит, что между родителями и детьми, ставшими на путь революционной борьбы, не существовало никаких драматических размолвок и разногласий, что ничего подобного не было и в отношениях среди самих детей. Но факты говорят сами за себя: дети Ульяновых избрали революционную борьбу, не испугавшись быть отвергнутыми так называемым добропорядочным обществом царской России.

Братья и сестры Володи были революционерами, и Мария Александровна, их мать, безоговорочно поддерживала революционные устремления детей. Рассказывают о разговоре Марии Александровны с директором департамента полиции Санкт-Петербурга, куда она неоднократно обращалась с прошениями в связи с арестом Владимира Ильича. «Можете гордиться своими детками — одного повесили и о другом также плачет веревка»,— сказал директор департамента, на что Мария Александровна ответила: «Да, я горжусь своими детьми!»

Публикуемые ниже отрывки из воспоминаний родных Ленина дают представление о семье, детстве и юности Владимира Ильича. Каждому из этих отрывков предпосланы краткие биографические сведения об их авторах.

2.

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова (Елизаров — фамилия революционера, за которого Анна Ильинична вышла замуж), 1864—1935, старшая сестра Ленина. Еще будучи студенткой, она в 1886 году стала принимать участие в революционных действиях против царизма. В 1887 году была арестована по делу Александра Ульянова о подготовке покушения на жизнь царя Александра III. Анна Ульянова была приговорена к высылке на пять лет в Сибирь, которая была заменена деревней Кокушкино, где она находилась под гласным надзором полиции. С 1893 года Анна Ильинична принимает участие в социал-

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 602.

демократическом движении. Профессиональный революционер, ее партийные клички были Джеймс и Андрей Николаевич. В Москве она активно работала в рабочем кружке. Перевела с немецкого на русский произведение Герхарда Гауптмана «Ткачи», которое было отпечатано на гектографе и распространено среди рабочих Москвы и близких к ней провинций. В 1898 году Анна Ильинична вошла в первый Московский комитет РСДРП. До Октябрьской революции вела активную партийную работу.

В 1917 году она — секретарь редакции газеты «Правда» и редактор журнала «Ткач». В 1918—1921 годах работала в Наркомсобесе и Наркомпросе, затем в Истпарте и в редколлегии журнала «Пролетарская революция». Анна Ульянова-Елизарова принимала участие в организации Института Ленина и была его научным сотрудником [1].

30 августа 1900 года Ленин встретился со своей сестрой Анной Ильиничной в Нюрнберге. Во время длительной беседы они обсуждали планы создания «Искры» и дальнейшего развития партии [2]. Из Нюрнберга Ленин писал 31 августа 1900 года матери:

«Я здоров и провожу время недурно: видел на днях Анюту, катался с ней по одному очень красивому озеру и наслаждался прелестными видами при хорошей погоде, а здесь хорошая погода тоже редкость, вообще же дожди, грозы. Лето такое же неудачное для туристов, как и в России» [3].

В 1900 году Анна жила в Берлине, на Зальцведелерштрассе, 8, где снимала комнату у г-жи Андерс; Анна находилась на нелегальном положении и активно работала для «Искры». Зимой 1901/02 года она переехала на Шарнхорстштрассе, 34а [III]. В апреле 1902 года пришло письмо от ее брата, из которого мы узнаем, что Ленин и Крупская готовили свой переезд из Мюнхена в Лондон [4].

Чтобы поддержать брата, Анна в марте 1901 года приехала в Мюнхен, где пробыла по май месяц. Предполагают, что она еще раз приезжала в Мюнхен под именем фройлейн Бланк: согласно записи в регистрационной книге журнального зала от 10 января 1902 года, Баварской государственной библиотекой пользовалась «Фройлейн Бланк, студентка философии, Амалиенштрассе, 24 [III]» [5].

Анна Ильинична Ульянова-Елизарова.

Воспоминания об Ильиче

I. Семейная обстановка

(Родители В. И. Ульянова-Ленина и их время)

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, был родом из бедных мещан города Астрахани. Семи лет лишился он отца. Своим образованием — а он получил не только среднее, но и высшее — он обязан всецело своему старшему брату Василию Николаевичу. Не раз в жизни вспоминал Илья Николаевич с благодарностью брата, заменившего ему отца, и нам, детям своим, говорил, как обязан он брату. Он рассказывал нам, что Василию Николаевичу самому хотелось очень учиться, но умер отец, и он еще в очень молодых годах остался единственным кормильцем семьи, состоявшей из матери, двух сестер и маленького брата. Ему пришлось поступить на службу в какую-то частную контору и оставить мечты об образовании. Но он решил, что, если самому ему учиться не пришлось, он даст образование брату, и по окончании последним гимназии отправил его в Казань, в университет, и помогал ему и там, пока Илья Николаевич, с детства приученный к труду, не стал сам содержать себя уроками.

Василий Николаевич не имел своей семьи и всю жизнь отдал матери, сестрам и брату.

Студенческие годы Ильи Николаевича пришлись в тяжелое царствование Николая I, когда родина наша страдала под игом крепостного права, большая часть населения была рабами, которых владельцы их, помещики, могли сечь, ссылать в Сибирь, продавать, как скотину, разрознивать семьи, женить по своему усмотрению. Задавленная, забитая крестьянская масса была совсем некультурной, безграмотной. Там и сям вспыхивали бунты против особо жестоких помещиков, пускались им «красные петухи» (поджоги), но все это было неорганизованно, сурово подавлялось, и опять в деревнях стояли беспросветная тьма и отчаяние, заливаемые единственным утешением, единственным спасением — водкой. А для самых непокорных, для тех, кто не мог подчиниться, оставалось одно: бежать в степи, леса и жить разбоем.

Знать, в старинный тот век
Жизнь не радость была,
Коль бежал человек
Из родного села,
Отчий дом покидал,
Расставался с женой
И за Волгой искал
Только воли одной.

Так пелось в одной народной песне.

---

[1] См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 620.
[2] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 189.
[3] Там же.
[4] См. там же, с. 220.
[5] *Муравьева Л. Л., Сиволап-Кафтанова И. И.* Ленин в Мюнхене, с. 50.

Тяжкий гнет над большинством населения, «низшим» сословием, как тогда говорилось, не давал жить спокойно и счастливо честно и искренне любящим свою родину людям сословия «высшего». Они возмущались бесправием своей страны, откликались на западноевропейские революции, говорили о необходимости свободы слова, печати, собраний, о преимуществе выборного начала в управлении и, прежде всего, о необходимости отмены крепостного права — этого позора, которого ни в одной европейской стране давно уже не было. Те, которые выступали особенно смело, гибли на каторге и виселицах (процесс декабристов 1825 года, петрашевцев 1848 года и др.); остальные затихали или шептались по уголкам и опять, по выражению поэта:

> Лежит вокруг мгла предрассветная,
> . . . .
> Вихрь злобы и бешенства носится.
> Над тобою, страна безответная;
> Все живое, все честное косится.

Особенно тяжел стал этот гнет после революции 1848 года, прокатившейся по всей Европе. Как общеевропейский жандарм, стоял тогда на страже самодержавия Николай I, посылая русских солдат проливать кровь, усмиряя революцию в Венгрии. Так сильно еще было тогда самодержавие, что могло позволить себе роскошь подавления восстаний не только в своей стране, но и в соседних.

А в своей было задавлено всякое проявление свободной мысли. Тяжелый гнет лежал и на студенчестве. Лишь в тесных кружках решалась молодежь отводить душу разговорами, петь свои запрещенные песни на слова Рылеева и др. Эти песни слышали потом от Ильи Николаевича его дети вдали от города, в прогулках по лесам и полям.

Надо было пережить то трудное время, чтобы почувствовать огромное облегчение, когда, со смертью Николая I и со вступлением на царство его сына Александра II, началась для России полоса реформ. Прежде всего, решено было отменить крепостное право. Решение это вызывалось, конечно, главным образом, необходимостью получить свободные рабочие руки для развивающейся капиталистической промышленности и возраставшим недовольством и бунтами крепостных. Недаром Александр II сказал: «Надо торопиться дать свободу сверху, пока народ не возьмет ее снизу». Освобождение крестьян было таким большим сдвигом, что общее ликование стояло в стране. Это настроение хорошо выражено Некрасовым:

> Знаю, на место сетей крепостных
> Люди придумали много иных,
> Так... Но распутать их легче народу.
> Муза, с надеждой приветствуй свободу.

Конечно, скоро началось отрезвление. Первым ударил в набат наш великий провидец Чернышевский, заплативший за это целой жизнью в тюрьмах глухой Сибири; начали возникать и революционные организации молодежи. Но для людей типа мирных, культурных работников открылось все же широкое поле деятельности после тисков николаевского режима, и они с жаром устремились туда. Новые суды, несравненно бóльшая свобода печати, наконец, народное образование — все это звало к себе передовых людей того времени. Народное образование — возможность просвещать вчерашних рабов — это было увлекательно для многих и многих.

Илья Николаевич был из их числа. Он с радостью пошел на вновь открывшуюся должность инспектора народных училищ в Симбирской губернии. До того он был учителем гимназии и был очень любим своими учениками. Внимательно и терпеливо объяснял он им уроки, снисходительно относился к их шалостям, бедных учеников готовил бесплатно к экзаменам. Он был педагогом в душе, любившим свое дело. Но ему хотелось поля работы пошире и хотелось применять ее не для более обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому всего труднее получить образование, для детей вчерашних рабов.

И поле открылось, действительно, широкое. В Симбирской губернии было очень немного школ, да и те старинного типа: ютились они в грязных и тесных помещениях, учителя были малообразованные и вколачивали учебу больше тумаками. Надо было насаждать все снова: убеждать крестьян на сходах, чтобы строили новые школы, добывать и другими путями средства для них, устраивать для молодых учителей педагогические курсы, чтобы обучить их преподаванию по новым требованиям педагогики. Надо было всюду поспевать, а Илья Николаевич был один на всю губернию. Затрудняли очень работу тогдашние дороги: тряские, непролазные в грязь или распутицу, ухабистые зимою. Приходилось уезжать из дому на недели и даже месяцы, питаясь и ночуя в грязных въезжих избах. А здоровье у Ильи Николаевича было не крепкое. Но любовь к делу и большая исполнительность и настойчивость побеждали все, и за 17 лет работы Ильей Николаевичем было построено в губернии около 450 школ, были открыты курсы, воспитавшие новых учителей, которые так и звались «ульяновскими».

Дело разрасталось. Илье Николаевичу стали понемногу подбавлять помощников — инспекторов, а сам он был назначен директором. Ему пришлось уже больше руководить делом, но он оставался таким же усердным работником, таким же простым в образе жизни и обхождении человеком. Учителя приходили к нему запросто советоваться, в школах он заменял иногда заболевших педагогов. Большая семья, воспитание детей поглощали весь

его заработок, на себя он тратил очень мало, не любил большого общества и удовольствий. Для отдыха от дела любил разговоры с людьми, которых это дело интересовало, любил отдыхать в семье, следя за воспитанием детей, любил игру в шахматы. Требовательный к себе и к другим во время работы, он умел быть увлекательным, веселым собеседником во время отдыха, шутил с детьми, рассказывал им сказки и анекдоты. В разговорах и играх (шахматы, крокет) держал себя с детьми по-товарищески, увлекаясь не меньше их.

Он рано сгорел на большой работе и умер внезапно от кровоизлияния в мозг 12 января 1886 года, на 55-м году от роду.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, очень передового по своему времени человека. Бо́льшую часть своего детства и юности она провела в деревне. Средства у отца были очень ограниченные, семья большая, и молодая девушка, воспитанная строгой теткой, рано привыкла к труду и бережливости. Отец воспитывал дочерей по-спартански: девочки носили лето и зиму ситцевые платья с короткими рукавами и открытой шеей, и платьиц таких было только по две смены на каждую. Пища была простая: даже взрослыми они не получали ни чаю, ни кофе, которые отец считал вредными. Это воспитание закалило здоровье Марии Александровны, сделало ее очень выносливой. Она отличалась ровным, твердым, но в то же время веселым и приветливым характером. Одаренная хорошими способностями, она изучала иностранные языки и музыку и много читала.

Страстно хотелось ей учиться больше, и она всю жизнь вспоминала с сожалением, что отсутствие средств не дало ей этой возможности.

Не находя интереса в нарядах, сплетнях и пересудах, составлявших в то время содержание дамского общества, Мария Александровна замкнулась в семье и отдалась со всей серьезностью и чуткостью воспитанию детей. Подмечая недостатки детей, она терпеливо и настойчиво боролась с ними. Никогда не возвышала она голоса, почти никогда не прибегала к наказаниям и умела добиться большой любви и послушания детей. Любимым удовольствием ее была музыка, которую она страстно любила и очень одухотворенно передавала. И дети любили засыпать под ее музыку, а позднее — работать под нее.

Не было также между родителями, жившими очень дружно, споров или несогласий в вопросах воспитания, что действует всегда так вредно на детей. Всякие сомнения на этот счет обсуждались ими обычно наедине, и дети видели всегда перед собой «единый фронт».

Чувствуя искреннюю любовь, видя, что их интересы всегда на первом плане у родителей, дети и сами приучились отвечать тем же. Дружной, спаянной была наша семья. Жила она очень скромно, только на жалованье отца, и лишь при большой экономии матери удавалось сводить концы с концами, но все же ни в чем необходимом дети не нуждались, и их духовные запросы, по возможности, удовлетворялись.

Мы видим, таким образом, что семейная обстановка и условия воспитания были очень благоприятны для развития ума и характера детей. Детство Владимира Ильича и его братьев и сестер было светлое и счастливое.

II. Детские и юношеские годы Владимира Ильича

Владимир Ильич родился в Симбирске 10(22) апреля 1870 года. Он был третьим ребенком в семье. Живой, бойкий и веселый, он любил шумные игры и беготню. Он не столько играл игрушками, сколько ломал их. Лет пяти он выучился читать, затем был подготовлен приходским учителем Симбирска к гимназии, куда и поступил в 1879 году осенью, $9^1/_2$ лет, в первый класс.

Учение давалось ему легко. С младших классов шел он лучшим учеником и, как таковой, получал при переходе из класса в класс первые награды. Они состояли в то время из книги с вытесненным на переплете золотом «За благонравие и успехи» и похвального листа. Кроме прекрасных способностей, лучшим учеником его делало серьезное и внимательное отношение к работе. Отец приучал к этому с ранних лет его, как и его старших брата и сестру, следя сам за их занятиями в младших классах. Большое значение имел также для маленького Володи пример отца, матери, постоянно занятых и трудящихся, и особенно старшего брата Саши. Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик. Он отличался также не только твердым, но и справедливым, чутким и ласковым характером и пользовался большою любовью всех младших. Володя подражал старшему брату настолько, что мы даже посмеивались над ним, — с каким бы вопросом к нему ни обратиться, он отвечал неизменно одно: «Как Саша». А если пример важен в детстве вообще, то пример несколько старших по возрасту братьев важнее примера взрослых.

Вследствие привычки серьезно относиться к делу, Володя, как он ни был шаловлив и боек, на уроках слушал внимательно. Эта большая внимательность, как отмечали в то время его учителя, вместе с бойкими способностями давала ему возможность хорошо усваивать еще в классе всякий новый урок, так что ему почти не приходилось повторять его дома. Помню, как быстро оканчивал он уроки в

младших классах, а потом начинал шалить, ходил колесом и мешал нам, старшим, учиешимся е той же комнате. Отец уеодил его иногда к себе е кабинет, чтобы проеерить уроки, и спрашиеал латинские слова по всей тетради, но обычно Володя еce знал. Много также читал он е детстее. Отцу присылали еce еноеь еыходящие детские книги и журналы; подписыеались мы и е библиотеке.

Постоянной подругой игр Володи была сестра Оля (родилась 4 ноября 1871 года). Очень способная, живая и бойкая деeочка, она четырех лет еыучилась около него читать и училась тоже очень легко и охотно. Кроме того, напоминая некоторыми чертами характера брата Сашу, Оля была чрезвычайно трудолюбиеа. Помню, как е одном из последних классое гимназии Володя, слушая из соседней комнаты бесконечные этюды Оли на фортепиано, сказал мне: «Вот чьей работоспособности можно позаеидоеать». Сказав это, Володя стал разеиeать и е себе трудоспособность, которой еce мы удивлялись е его позднейшие годы и которая, наряду с его прекрасными способностями, помогла ему достичь таких блестящих результатое.

Охотно делился Владимир Ильич сеоими познаниями с тoeарищами по школе, объясняя им трудные уроки, задачи, сочинения и переводы с греческого и латинского. А е последних двух классах гимназии он, кроме своих урокое, занимался с одним учителем чуеашенином, подготоеляя его к еыпускному экзамену для поступления е униеерситет. Занимался бесплатно, так как платить последнему было нечем. И Владимир Ильич подготоеил-таки сеоего ученика, несмотря на его малоспособность. Он сдал экзамен и смог заниматься е униеерситете сеоей любимой математикой.

Пришлось и мне лично, на самой себе познакомиться с Владимиром Ильичем как с преподавателем, хотя он был на пять с лишним лет моложе меня и был еще гимназистом, а я была уже на предпоследнем курсе Высших женских курсов. И тем не менее он помог мне ликеидировать один прорыe. Весной 1886 года мне предстояло сдать несколько экзаменов, в том числе латынь за целых три года. Латынь была тогда обязательным предметом на историко-слоеесном отделении. Преподаеалась она е те годы преобладания классического образования очень казенно и была в забросе у меня, как и у большинстеа курсисток. Молодежь по окончании гимназической учебы тянулась, понятно, к чему-либо более жиеому и общестеенному, и я порывалась даже, чтобы бросить латынь, перейти е еольнослушательницы москоеских курсое. Когда этот план был остаелен, мне пришлось взяться за латынь всерьез, и я намечала подогнать ее ео еремя зимних каникул, но ничего сделать не успела. А после смерти отца (12 янеаря 1886 года) еce занятия пошли у меня особенно туго, и латынь не двигалась с места. Тогда Володя предложил помочь мне в этом, несмотря на то что у него и у самого е предпоследнем классе гимназии было немало урокое и он занимался еще с учителем чуеашской школы Охотникоеым. Мальчик, которому не исполнилось еще 16 лет, езял на себя так легко и охотно эту ноеую обузу. И не только езял,— мало ли за что готоеа быеает езяться сгоряча молодежь, чтобы бросить при пepeoм же затруднении,— а еел занятия очень серьезно и усидчиео и продолжал бы их, если бы я не уехала е марте е Петербург. И еел их так енимательно, с такой жиеостью и интересом, что еоелек скоро е «протиеную латынь» и меня. Пройти предстояло много, требоеалось прочесть и перееести Юлия Цезаря «О старости», а глаеное, знать и уметь объяснять еce естречающиеся праеила сложной латинской грамматики. Я испытыеала, конечно, чуестео неловкости, что не сумела преодолеть сеоего прорыва самостоятельно, а прибегла к помощи младшего брата, который сам-то умел работать без прорыeoe. Была тут, несомненно, и некоторая доза ложного самолюбия, что я стала заниматься под рукоеодством младшего брата-гимназиста. Но занятия у нас пошли так ожиеленно, что скоро есякое чуестео нелоекости исчезло. Помню, что Володя отмечал для меня с уелечением некоторые красоты и особенности латинского стиля. Конечно, я слишком мало знала язык, чтобы уметь оценить их, и занятия сосредоточиеались больше на объяснении разных грамматических форм, сеойственных латинскому языку, как супинум герундий и герундие (отглагольное прилагательное и сущестеительное), и изобретенных для более легкого запоминания изречений и стихотеорений ерode (герундие):

Gutta cavat lapidem
Non vi sed saepe cadendo;
Sic homo sit doctus
Non vi sed multo studendo.

Капля камень долбит
Не силой, а частым паденьем.
Так человек становится ученым
Не силой, а многим ученьем.

Помню, что я еысказыеала Володе сомнение, чтобы можно было пройти е такой короткий срок восьмилетний курс гимназии, но Володя успокаиеал меня, говоря: «Ведь это в гимназиях, с бестолково поставленным преподаеанием там, тратится на этот курс латыни 8 лет,— езрослый, сознательный человек еполне может пройти этот 8-летний курс е два года», и е доказательстео указыеал мне, что пройдет его е деа года с Охотникоеым, и действительно прошел, несмотря на более чем посредстеенные способности последнего к изучению языкое. Очень ожиеленно, с большой любоеью к делу шли у нас занятия. Это не был пepeый ученик, усердно еызубриеший

Ольга. 1887 г.

Анна. 1883—1887 гг.

уроки,—это был скорее молодой лингвист, умевший находить особенности и красоты языка.

Так как вкус к языковедению был присущ и мне также, я была очень скоро покорена, и эти занятия, перемежаемые веселым смехом Володи, очень подвинули меня вперед. Я сдала весной успешно экзамен за три года, а через несколько лет знание основ латыни облегчило мне изучение итальянского языка, которое дало мне возможность иметь заработок и доставило много удовольствия.

Любопытно отметить, что некоторые современные писатели находят в стиле Ленина сходство с латинским классическим стилем (см. статьи Эйхенбаума, Якубовского и Тынянова в журнале «Леф» [1]).

В 1886 году, когда Володе не исполнилось еще шестнадцати лет, умер его отец, Илья Николаевич, а годом позже семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован, приговорен к смертной казни и затем казнен—8 мая 1887 года—его старший, любимый брат Александр. Несчастье это произвело сильное впечатление на Владимира Ильича, закалило его, заставило серьезнее задуматься над путями, которыми должна была идти революция. Собственно, уже и Александр Ильич стоял на перепутье между народовольцами и марксистами. Он был знаком с «Капиталом» Карла Маркса, признавал намеченный им ход развития, что видно из составленной им партийной программы [1]. Он вел кружки среди рабочих. Но почвы в то время для социал-демократической работы еще не было. Рабочих было мало; они были разъединены и неразвиты; к ним тогда было трудно подступиться интеллигентам, да и гнет царского деспотизма был так силен, что за малейшую попытку общения с народом сажали в тюрьму, высылали в Сибирь. И не только с народом: если студенты-товарищи организовывали ка-

[1] «Леф»—журнал, издававшийся в 1923—1925 гг. литературной группой ЛЕФ (Левый фронт искусства), которая была связана с футуризмом и другими формалистическими течениями.— *Ред.*

[1] См.: Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта. Истпарт, 1927. А.Е. (с. 375—380.— *Ред.*)

Александр. 1887 г.

кие-нибудь самые невинные кружки для чтения, для общения друг с другом, то кружки разгоняли, а студентов высылали на родину. Лишь те из молодежи, кто помышлял только о карьере да о спокойном проживании, мог оставаться безразличным к такому режиму. Все более честные, искренние люди рвались к борьбе, прежде всего, рвались хотя немного расшатать те тесные стены самодержавия, в которых они задыхались. Самым передовым это грозило тогда гибелью, но и гибель не могла устрашить мужественных людей. Александр Ильич принадлежал к числу их. Он не только, не задумываясь, оставил университет и любимую науку (его прочили в профессора), когда почувствовал, что не в силах больше терпеть давящий всю страну произвол, но, не задумываясь, отдал и жизнь. Он взял на себя рискованные работы по подготовке снарядов и, признаваясь в этом на суде, думал только о том, чтобы выгородить товарищей.

Александр Ильич погиб как герой, и кровь его заревом революционного пожара озарила путь следующего за ним брата, Владимира.

Несчастье это случилось как раз в год окончания Володей гимназии.

Несмотря на свои тяжелые переживания, которые он сумел выносить с большой твердостью, Володя, как и сестра Оля, окончил в этом году гимназию с золотой медалью.

Естественно, что тучи от пронесшейся над семьей грозы сгустились и над головами остальных ее членов, что на следующего брата власти склонны были смотреть очень подозрительно, и можно было опасаться, что его ни в какой университет не пустят.

Тогдашний директор симбирской гимназии Ф. Керенский очень ценил Владимира Ильича, относился очень хорошо к умершему за год перед тем отцу его, Илье Николаевичу, и желал помочь талантливому ученику обойти эти препятствия. Этим объясняется та в высшей степени «добронравная» характеристика его, которая была направлена Керенским в Казанский университет и подписана другими членами педагогического совета. Покойный Илья Николаевич был очень популярной, любимой и уважаемой личностью в Симбирске, и семья его пользовалась вследствие этого большой симпатией. Владимир Ильич был красой гимназии. В этом характеристика Керенского совершенно верна. Правильно также указывает он, что это происходило не только вследствие талантливости, но и вследствие усердия и аккуратности Владимира Ильича в исполнении требуемого, качеств, воспитанных той разумной дисциплиной, которая была положена в основу домашнего воспитания.

Керенский, конечно, с целью подчеркивает, что в основе воспитания лежала религия[1], так же как старается подчеркнуть «излишнюю замкнутость», «нелюдимость» Владимира Ильича[2]. Говоря, что «не было ни одного случая, когда Ульянов словом или делом вызвал бы непохвальное о себе мнение», Керенский даже грешит немного против истины. Всегда

---

[1] Отец наш был искренне и глубоко верующим человеком и воспитывал в этом духе детей. Но его религиозное чувство было, так сказать, совсем «чистым», чуждым всякой партийности и какой-либо приспособляемости к тому, что «принято»...

В гимназии, правда, требовали посещения церкви, говения. Но дома дети видели искренне убежденного человека, за которым шли, пока были малы. Когда же у них складывались свои убеждения, они просто и спокойно заявляли, что не пойдут в церковь (помню такой случай с братом Александром), и никакому давлению не подвергались.— *А.Е.*

[2] Больших приятелей у него в гимназические годы не было, но, конечно, нелюдимым его никак нельзя было назвать.— *А.Е.*

смелый и шаловливый, метко подмечавший смешные стороны в людях, брат часто подсмеивался и над товарищами и над некоторыми преподавателями. Одно время Владимир Ильич взял мишенью для насмешек учителя французского языка, по фамилии Пор.

Этот Пор был очень ограниченный фат, говорят, повар по профессии, пролаза, женившийся на дочке симбирского помещика и пролезший через это в «общество». Он терся постоянно около директора или инспектора; порядочные педагоги относились к нему с пренебрежением. Разобиженный вконец, он настоял на четверке из поведения дерзкому ученику в четверть.

Ввиду того что брат был уже в седьмом классе, это происшествие пахло серьезным. Отец рассказал мне о нем зимой 1885 года, когда я приехала на каникулы, добавив, что Володя дал ему слово, что этого больше не повторится.

Но разве не в таких же пустяках коренилось часто исключение и порча всего жизненного пути непокорному юноше?! Отношение к отцу и ко всей семье, а также исключительная талантливость Владимира Ильича избавили его от этого.

На тех же соображениях, что и характеристика Керенского, основывалось решение моей матери не отпускать Владимира Ильича в университет одного, а переехать в Казань всей семьей.

В Казани была снята с конца августа 1887 года квартира в доме б. Ростовой, на Первой горе, откуда Владимир Ильич переехал через месяц со всей семьей на Ново-Комиссариатскую, в дом Соловьевой.

В те годы затишья и безвременья, когда «Народная воля» была уже разбита, социал-демократическая партия еще не зародилась в России и массы еще не выступали на арену борьбы, единственным слоем, в котором недовольство не спало, как в других слоях общества, а проявлялось отдельными вспышками, было студенчество. В нем всегда находились честные, горячие люди, открыто возмущавшиеся, пытавшиеся бороться. И его поэтому давила всего сильнее лапа правительства. Обыски, аресты, высылки — все это обрушивалось всего сильнее на студентов. В 1887 году гнет еще усилился, вследствие попытки покушения на жизнь царя, произведенной весной этого года в Петербурге, участниками которой были почти одни студенты [1].

Мундиры, педеля, самый тщательный надзор и шпионство в университете, удаление более либеральных профессоров, запрещение всяких организаций, даже таких невинных, как землячество, исключение и высылки многих студентов, бывших хотя сколько-нибудь на примете,— все это подняло настроение студентов с первых же месяцев академического года.

Волна так называемых «беспорядков» прошла с ноября по всем университетам. Докатилась она и до Казани.

Студенты Казанского университета собрались 4 декабря, шумно требовали к себе инспектора, отказывались разойтись; при появлении последнего предъявили ему ряд требований — не только чисто студенческих, но и политических. Подробности этого столкновения, переданные мне в свое время братом, не сохранились в моей памяти. Помню только рассказ матери, ходившей хлопотать о нем, что инспектор отметил Володю, как одного из активнейших участников сходки, которого он видел в первых рядах, очень возбужденного, чуть ли не со сжатыми кулаками. Владимир Ильич был арестован на квартире с 4 на 5 декабря и просидел несколько дней с другими арестованными при участке (всего 40 человек). Все они были высланы из Казани. В. В. Адоратский рассказывает о переданном ему позднее Владимиром Ильичем следующем разговоре с приставом, отвозившим его после ареста.

— Что вы бунтуете, молодой человек? Ведь перед вами стена.

— Стена, да гнилая, ткни — и развалится,— ответил, не задумываясь, Владимир Ильич.

Вся история с исключением произошла очень быстро. Владимир Ильич был выслан в деревню Кокушкино, в 40 верстах от Казани, в благоприобретенное имение деда его по матери Александра Дмитриевича Бланка, где в то время проживала под гласным надзором сестра его Анна (пишущая эти строки), которой пятилетний гласный надзор в Сибири был заменен, по ходатайству матери, высылкой в эту деревню. Пятая часть этого имения принадлежала моей матери, и во флигеле одной из двух хозяйничавших там теток, очень холодном и неблагоустроенном, провела наша семья (некоторое время спустя мать с меньшими переселилась тоже в Кокушкино) зиму 1887/88 года.

Никаких соседей у нас не было. Провели мы зиму в полном одиночестве. Редкие приезды двоюродного брата да посещения исправника, обязанного проверять, на месте ли я и не пропагандирую ли я крестьян,— вот и все, кого мы видели. Владимир Ильич много читал,— во флигеле был шкаф с книгами покойного дяди, очень начитанного человека, были старые журналы с ценными статьями; кроме того, мы подписывались в казанской библиотеке, выписывали газеты. Помню, каким событием были для нас оказии из города и как

[1] Дело 1 марта 1887 года, разбиравшееся судом сословных представителей. Из 15 обвиняемых 5 человек было казнено через повешение — среди них А. И. Ульянов, старший брат Владимира Ильича; двое осуждены на пожизненное заключение в Шлиссельбурге, а остальные — на разные сроки ссылки в Сибирь и на Сахалин.— *А.Е.*

нетерпеливо раскрывали мы заветный пещер (корзинка местной работы), содержавший книги, газеты и письма. Равно и обратно при оказии пещер нагружался возвращаемыми книгами и почтой. Связано у меня с ним и такое воспоминание. Раз вечером все сидели за корреспонденцией, готовя почту, которую должен был забрать ранним утром в упакованном пещере работник тетки.

Мне бросилось в глаза, что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбужденном состоянии. Весь пещер был нагружен; мать с меньшими уже улеглись, а мы с Володей сидели еще по обыкновению и беседовали. Я спросила, кому он писал. Оказалось, товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нем, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете.

Я стала доказывать брату никчемность отправки такого письма, совершенно бесплодный риск новых репрессий, которым он себя этим шагом подвергал. Но переубедить его было всегда нелегко. В повышенном настроении, прохаживаясь по комнате и с видимым удовольствием передавая мне те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предержащих, он подсмеивался над моими опасениями и не хотел менять решения. Тогда я указала ему на риск, которому он подвергает товарища, отправляя письмо такого содержания на его личный адрес, на то, что товарищ этот, может быть, находится тоже среди исключенных или состоящих на примете, и подобное письмо принесет ухудшение его участи.

Тут Володя призадумался, а потом довольно быстро согласился с этим последним соображением, пошел в кухню и вынул, хотя и с видимым сожалением, из пещера злополучное письмо.

Позднее, летом, я имела удовольствие услышать от него в одной беседе по какому-то случаю между нами и двоюродной сестрой полушутливое, полусерьезное заявление, что за один совет он мне благодарен. Это произошло после того, как он перечел проваливвшееся несколько месяцев в его ящике письмо и подверг его уничтожению.

Кроме чтения Владимир Ильич занимался в Кокушкине с младшим братом, ходил с ружьем, зимой на лыжах. Но это была его первая, так сказать, проба ружья, и охота была всю зиму безуспешная[1]. Я думаю, что это происходило и потому, что охотником в душе, как другие два брата мои, он никогда не был.

Но жизнь протекала, конечно, скучно в занесенном снегом флигельке, и тут-то и помогла Володе привычка к усиленным занятиям. Помню особенно ярко крутую, раннюю весну, после этой, утомившей нас одинокой зимы, первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег...

Летом приехали двоюродные братья,— у Володи появились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но все это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи.

С осени 1888 года Владимиру Ильичу разрешено было переселиться в Казань, куда переехала мать с меньшими. Несколько позже дозволено было перебраться туда и мне[1].

[1] Помню это по одной шутке между нами: раз, следующим летом, возвратившись с прогулки с двоюродным братом, он заявил: «А нам нынче заяц дорогу перебежал». «Володя,— сказала я,— это, конечно, тот самый, за которым ты всю зиму охотился».— *А. Е.*

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 13—25.

3.

Дмитрий Ильич Ульянов (1874—1943), младший брат Владимира Ильича. По образованию врач. Революционную деятельность начал в студенческих кружках Московского университета в 1894 году, за что был в 1897 году исключен из университета, арестован и посажен в тюрьму, где просидел до осени 1898 года, после чего в течение года находился под гласным надзором полиции. В 1900 году Дмитрий вошел в организацию «Искры» в России. Его партийные клички — Андреевский, Герц, Юноша. Как делегат Тульского комитета принимал участие в работе II съезда РСДРП. Большевик. В 1905—1907 годах Дмитрий в Симбирске был членом комитета РСДРП. В 1914—1918 годах, после начала первой мировой войны, служил врачом на Черноморском флоте, вел революционную работу.

Когда в 1918 году белые захватили Крым, Дмитрий Ильич создал подпольный центр и наладил связь с другими подпольными организациями Крыма. Во временном рабоче-крестьянском правительстве Крыма — заместитель председателя Крымского Совнаркома и нарком здравоохранения. С 1921 года работал в Народном комиссариате здравоохранения в Москве; в 1925—1930 годах — в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова; с 1933 года — в Лечебно-санитарном управлении Кремля.

Дмитрий Ильич Ульянов.

Детские годы Владимира Ильича

Дом, двор и сад

Мои детские воспоминания, если не считать самых ранних, отрывочных и очень смутных, связаны с жизнью нашей семьи в доме на Московской улице, который купили родители в 1878 году.

Дом был деревянный, одноэтажный с антресолями, т. е. наверху, непосредственно под крышей, рядом с чердаком, было несколько маленьких комнат, выходивших окнами во двор.

Фасадом дом выходил на Московскую улицу, тогда пыльную и грязную, с деревянными тротуарами. Если идти от центра города на запад, к реке Свияге, дом был с левой стороны улицы. Внизу было пять больших комнат (с востока на запад): зала, кабинет отца, так называемая проходная, мамина комната и столовая, кроме того, было две прихожих (с востока и с запада). Внизу же на запад была кухня, через холодные сени.

Наверху в антресолях было четыре маленьких комнаты: две к западу — Анина и детская, и две к востоку — Саши и Володи. Обе эти половины антресолей имели две внутренние лестницы, связывавшие верх с низом через две прихожие. Летом же обе половины антресолей соединялись между собой также балконом между Аниной и Сашиной комнатами.

Около дома (на юг) был большой двор, покрытый мелкой зеленой травой; продолжением двора был сад, выходивший непосредственно на соседнюю Покровскую улицу через калитку в заборе. Калитка всегда запиралась на замок. Сад отгораживал от двора невысокий заборчик с калиткой. Около этой садовой калитки на дворе был колодец, из которого вода для поливки сада качалась ручным насосом. Вода в этом колодце была очень жесткая и годилась, кроме поливки сада, только для мытья полов. Питьевая вода доставлялась с реки Свияги водовозом. Слева от колодца стоял небольшой флигель в три окошечка, выходившие в сад. Около флигеля — небольшая кухонька под особой крышей. Флигель обычно сдавался внаймы; только одно лето, во время ремонта дома, флигель занимали мы, а кухоньку при нем Саша использовал под химическую лабораторию.

Через весь сад, от садовой калитки до Покровской улицы, шла так называемая большая аллея, делившая сад на две половины. Она вся была обсажена серебристыми тополями, только в конце аллеи росла одна осинка с вечно трепещущими листьями. Аня ее почему-то очень любила, и мы прозвали ее «Анина осинка». Кроме этой большой аллеи вокруг всего сада вдоль заборов с соседними участками были четыре узенькие аллейки с прочно установившимися у нас в детстве названиями: «Черный бор» — с густою сиренью и развесистыми вязами, «Желтый бор» — с густой акацией, «Красный бор» — с большим деревом колючего боярышника и даже «Грязный бор» — ввиду обилия там благодаря неопрятному соседству всякого мусора — бумажек, пустых бутылок и пр. В центре сада был цветник — детище мамы, с единственной в саду беседкой. В этой беседке иногда устраивались общие вечерние чаепития.

Кроме серебристых тополей и единственной осинки в саду росли несколько ветвистых вязов, на которые мы все охотно лазили во время своих игр, много кустов сирени, но больше всего обыкновенной желтой акации, которой был обсажен по краям весь сад.

Из фруктовых деревьев были преимущественно яблони. Больше всего аниса (приволжский сорт яблок), затем белый налив, апорт и несколько деревьев с очень вкусными яблоками, под названием «черное дерево». Помню, что яблоки с этого «черного дерева» мама всегда берегла, главным образом для папы. Росла еще одна яблоня в конце сада, под названием «дичок», у детей переделанное на «дьячок». Дерево обычно было густо усыпано маленькими, но очень вкусными плодами. Бывало, кто раньше утром встанет, первым бежит собирать урожай, т. е. упавшие на землю яблоки, и потом делится с другими. С деревьев рвать не полагалось до определенного срока. И я не помню с нашей стороны ни одного нарушения в этом смысле. Кроме яблонь были две-три груши и несколько вишневых деревьев, густой малинник, кусты крыжовника и смородины. Для сбора ягод мамой устанавливались правила для детей. Было также несколько грядок клубники, с которыми мать подолгу возилась, пересаживая кустики, удобряя землю и поливая. В поливке сада, а иногда и в уборке его принимали участие все дети. Это была, так сказать, общественная нагрузка, от которой никто никогда не отказывался, наоборот, скорее было соревнование.

Около колодца во дворе стояла большая кадка, другая такая же кадка стояла в цветнике. От нас требовалось, особенно в жаркое летнее время, чтобы обе эти кадки были заблаговременно наполнены водой, чтобы можно было поливать цветы рано утром, что часто делала мать сама. По вечерам же брались за работу все вместе. Обычно один кто-нибудь качает воду из колодца, другие с лейками и ведрами разносят ее к месту назначения. Бывало, приходит иногда отец, и работа кипит вовсю. Если качаешь воду из колодца, не хочется уступать другому, покуда не натрешь мозолей на руках, лишь бы по-

больше наполнить бочку водой, не отстать от других.

Дружная, спорая бывала работа!

Когда решали пить чай в беседке, то также дружно брались все за работу: Саша, бывало, тащит в сад самовар; другие несут что кому под силу; дети по нескольку раз бегают в дом и обратно в сад, в беседку. Обычно было принято прислугу не беспокоить, а все делать самим. Обычно в нашей семье вечерний чай соединялся с холодным ужином, так что возни с этими чаепитиями в беседке было немало. По окончании чаепития на всех также хватало работы: девочки помогали матери мыть посуду, мы уносили из беседки все обратно домой.

Игры

На дворе и в саду у нас было много разных детских игр. Вспоминаю из раннего детства игру в лошадки, когда мы носились по двору и по аллейкам сада, один за кучера, другой за лошадь, соединившись веревочкой друг с другом. Володя был старше меня на четыре года, поэтому, когда он бегал за кучера, подстегивая меня хлыстиком, все было хорошо, когда же я впрягал его в виде лошади, он очень быстро вырывался и убегал от меня. Догнать его я не мог, и тогда, помню, однажды я безнадежно сел на траву и стал говорить, что так играть нельзя: он сильнее меня и, когда ему вздумается, убегает от меня, что никогда, мол, не бывает, чтобы лошадь убегала от кучера, и поэтому он должен бегать за кучера, а я за лошадь. На это Володя ответил: лошадь всегда сильнее человека, и ты должен уметь подойти к ней с лаской, покормить ее чем-нибудь вкусным, например черным хлебом с солью, что, мол, лошади очень любят, и тогда лошадь не будет убегать от тебя и будет послушной.

Впоследствии, помню, я бегал в лошадки чаще с кем-нибудь из сверстников или с сестрами. На этом дворе играли мы всей нашей компанией, с Аней и Сашей, в черную палочку, причем тот, кто «водил», должен был, начиная искать, громко возглашать: «Черная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет». Помню, что я часто ждал в этой игре, чтобы меня «выручил» Саша, который выбегал из своей засады обычно последним.

Вспоминаю из раннего детства игру в «брыкаски», которую выдумал, очевидно, Володя, когда ему было около восьми лет. Играли он, сестра Оля и я. Это, собственно, не была игра в обычном смысле слова — никаких правил, ничего твердо установленного. Это была импровизация, фантазия в лицах и действиях. Конечно, главным действующим лицом был Володя, его фантазия, его инициатива. В эту фантастику он вовлекал нас, младших,— меня и Олю. Какую роль мы играли, что должны были делать? Заранее ничего не было предусмотрено. Володя сам свободно фантазировал и осуществлял эту фантазию в действиях. Что такое «брыкаска»? Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное.

Мы с Олей сидим на полу в полутемной зале нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» — Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, «брыкаска» сердитая, злая: от нее нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только по виду страшная, а на самом деле добрая, и от нее совсем не надо бегать, можно даже с ней подружиться и приласкать ее. Этого никто не знает. Все зависит от ее настроения. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках ... Оно рычит и хватает тебя за ногу. Страшно! Возня, визг, беготня, грозное рычание «брыкаски» то под диваном, то на диване, то в зале, то в совершенно темной прихожей. Затем внезапно обнаруживается, что «брыкаска» добрая, не кусается и не щипается и ее можно спокойно погладить по шерстке. И уже нисколько не страшно, даже очень весело, «брыкаска» выделывает удивительные номера и подплясывает, мы за ней кто во что горазд...

Ясно, что для такой игры было совершенно необходимо, чтобы старших не было дома, а то всякий интерес пропадает: внесут в залу лампу, велят вылезать из-под дивана, а «брыкаске» в вывернутой шубе определенно влетит.

И вот помню как большую радость, когда Володя или Оля таинственно сообщают мне, что сегодня вечером папа с мамой куда-то уходят и мы будем играть в «брыкаски».

Вообще у Володи в детстве была богатая фантазия, которая проявлялась в самых разнообразных играх. У меня остался в памяти, между прочим, такой случай: сидим мы вечером за большим столом и мирно и спокойно занимаемся какой-то стройкой домиков. Я соорудил из карт какой-то высокий дом, что-то, как мне показалось, необычайное, и стал хвастаться перед ними. В это время входит няня и заявляет, к моему великому огорчению, что мама велит мне идти спать. Мне не хочется, начинаются обычные пререкания. Вдруг Володя, чтобы поддержать няню, произносит отчетливо с напускным важным видом примерно следующую фразу: «Инженер мистер Дим перед своей поездкой в Америку представил нам замечательный проект многоэтажного здания, рассмотрением которого мы должны сейчас заняться. До свидания, мистер

Дим!» Польщенный похвалой, я без всякого дальнейшего протеста отправляюсь с няней в путешествие.

В большом ходу была у Володи и Оли игра в «индейцев», иногда и я принимал в ней участие. Научились читать Володя и Оля почти одновременно и читали в детстве одни и те же книжки. Вот под влиянием чтения про индейцев у них и создалась такая игра, когда они, изображая индейцев, то и дело прятались от взрослых и шушукались между собой, как бы скрывая что-то.

Помню, как-то однажды я забрел в глухой, заросший со всех сторон уголок нашего сада и увидел там Олю, сидящую в каком-то шалаше из хвороста, низ шалаша был устлан травой. Около шалаша лежала кучка мелко наломанного хвороста, посыпанного огненно-желтыми листиками шафрана. Это должно было изображать горящий костер, на котором в каком-то котелке или горшочке готовился обед. Над головой у Оли пристроен большой зеленый лопух, изображавший головной убор индейца. Володя где-то промышлял охотой, она в ожидании его стерегла жилище и готовила еду. Оля дала мне понять, что все это тайна и рассказывать об этом старшим нельзя. Вскоре вернулся с охоты Володя, вооруженный луком и стрелами и тащивший какой-то косматый корень, долженствующий изображать убитого зверя. Володя рассказывал в подробностях, как он измучился в борьбе с этим зверем, как тот покусал и поцарапал его, прежде чем меткая стрела заставила наконец зверя свалиться замертво. При этом Володя рычал и ревел, как им убитый зверь, показывая нам этим, как было страшно и с каким трудом досталась ему победа. Кроме того, мы узнали из его рассказа, что ему причинили много хлопот также «белые люди», которые ловили Володю арканом и хотели его убить или взять в неволю, что, пожалуй, еще страшнее смерти. Володя изображал, каким он подвергался опасностям и как в конце концов он устал и проголодался. Необходимо было сейчас же достать черного хлеба с солью для восстановления сил, и я был послан поэтому на кухню, но со строгим наказом не выдавать ничего «белым людям» и скрываться. Помню, с какой таинственностью и важностью я выполнял данное мне поручение и как, посолив два куска черного хлеба, я крался с этой добычей к шалашу, заметая свой след и уверенный, что никто меня не видит. Володя потом, подкрепившись, показывал нам свою новую стрелу, стреляя высоко в воздух, а я приносил ему обратно его замечательную стрелу с легкой лопаточкой на одном конце и тяжелым куском черного вара на другом.

Иногда, особенно в дождливую погоду, эти игры в «индейцев» переносились на сеновал, в каретный сарай и даже на чердак дома.

В правом углу двора, почти примыкая к саду, стоял так называемый каретный сарай. Раньше он, вероятно, служил прямому своему назначению, но при нас, так как у отца не было ни лошади, ни экипажей, он был просто складом для всякой всячины. Этот сарай, большой и просторный, служил нам для детских игр. Редко кто из взрослых заходил в него, и поэтому мы чувствовали себя в нем уединенно и очень уютно. Там довольно низко висела трапеция, на которую кроме Володи лазили и мы с Олей, но главным образом на ней упражнялся Володя.

К нам в Симбирск приезжали иногда странствующие цирковые артисты, которые проделывали на площади Старого венца различные аттракционы, вроде, например, хождения по канату на большой высоте. Этот номер произвел на всех нас большое впечатление, и Володя с Олей решили проделывать то же самое у нас в каретном сарае. Достали толстую веревку, натянули ее метра на два над землей и затем упражнялись поочередно в хождении «по канату», причем обязательно подошвы натирались густо мелом и употреблялся шест для балансирования, как у настоящих актеров.

В каретном сарае Володю можно было часто застать за работой — он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре Мане. Там же он мастерил себе при помощи топора и пилы ходули, на которых любил потом расхаживать большими шагами. Выпиливанием по дереву лобзиком Володя в противоположность Саше не занимался. Он не играл также в бабки, чем увлекались тогда почти все гимназисты, и в том числе младший брат Митя.

* * *

На дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены «гигантские шаги», на которых все мы иногда катались. Чтобы Володя увлекался ими, я не помню. Скорее, это можно сказать по отношению к крокету, в который Володя с Олей научились играть лучше других. Когда отец купил крокет, помню, как мы под руководством Володи взялись правильно устанавливать его. Между красным и черным колышками Володя туго натянул бечевку и потом, вымеривая точно расстояния молотком, намечал места для установки дужек, и как особенно тщательно он устанавливал потом мышеловку.

Игрой в крокет одно время увлекались мы все: играли и Аня, и ее подруга, молодая учительница, и даже папа; только Сашу очень редко удавалось оторвать от серьезной книги. Играли, строго придерживаясь установленных правил, из-за толкования которых иногда возникали горячие споры (как вообще часто случается в этой игре). Помню, что Володя играл лучше других и бывал непреклонен к

нарушителям правил, но в то же время беспристрастным судьей в спорах.

Когда партия затягивалась до темноты, прибегали к помощи бумажных фонариков, которыми освещали дужки. Употреблялись специальные выражения в соответствии с папиной службой: «Шар отправился в уезд» или: «Угнать этот шар подальше в губернию».

* * *

Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свиягу купаться. Отец абонировал на весь сезон определенные часы в купальне некоего Рузского. Помню, что фамилия владельца общественной купальни была Кох, и вот, бывало, отец, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауера, кричит ему в виде приветствия: «Немец идет к немцу, а русский — к Рузскому».

Володя взялся научить меня плавать в три урока. «Только делай так, как я буду учить»,— и показал мне, что делать руками и ногами под водой. Затем посадил меня на глубокое место и сказал: «Плыви, как я учил». Мне залилась вода и в нос, и в рот, но после второго урока я уже поплыл самостоятельно, а затем стал плавать с ним и Сашей на ту сторону реки Свияги.

* * *

Зимой на Свияге устраивались общественный каток и высокие ледяные горы. Каждый день после обеда мы уходили туда с Володей кататься на коньках. Иногда нас сопровождали сестры: Оля также каталась на коньках, а маленькую Маню мы катали по катку в кресле. На нашем дворе также была ледяная гора с длинным ледяным раскатом — дорожкой. Гору мы делали сами около садового забора, рядом с колодцем, а раскат доводили до самого дома. В морозные вечера ходили с Володей качать воду из колодца и поливали гору и раскат. У Володи были настоящие железные санки для катания с гор, на них можно было кататься лежа и управлять руками. На деревянных санках катались с горы всей гурьбой, вываливаясь обычно в сугроб. Крику и смеху было немало, и иногда, когда мы очень расшалимся, нас загоняли домой.

* * *

Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне было пять — семь лет. Везде и на всем лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своем кабинете. Наверху в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой, за большим столом, сидит за шитьем или другой работой мать. Тут же, около нее, с книгами и тетрадями сидят сестры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнется шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слыхал!» — и все опять стихнет. В крайнем случае, отец берет провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок, в общем, был строгий.

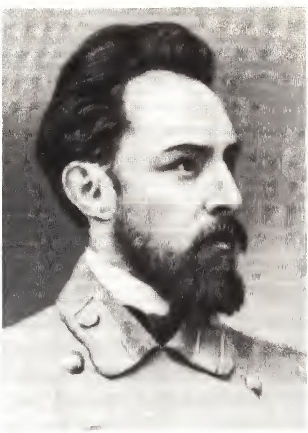
Игра в солдатики

В Симбирске у нас была в детстве в большом ходу игра в солдатики. В нее в разное время играли братья Саша, Володя, сестры Оля, Аня и я, но учил нас этой игре и вырезыванию солдатиков из бумаги старший брат Саша. Фигурки солдатиков имели подставки и, таким образом, держались вертикально. Аналогично вырезывались и кони, на которых можно было прилаживать солдатиков верхом. Получались всадники (конница). Игра была очень проста и напоминала собою детские кегли. Каждый играющий должен был выставлять по условию на полу комнаты в ряд по 10—15 солдатиков, и они сбивались маленьким резиновым мячиком, какой употреблялся при игре в лапту. Сбитые фигурки заменялись новыми, из запаса. Играли обычно в столовой, где расстояния были промерены. Интересно, что Сашина армия были итальянцы под предводительством Гарибальди. Володина — американцы Авраама Линкольна из гражданской войны Севера с рабовладельческим Югом, под командой генералов Гранта и Шермана. У Ани и Оли были испанские стрелки, боровшиеся с Наполеоном Бонапартом. В боях не нужно было, чтобы противник соответствовал обязательно истории: американцы могли драться с испанцами, итальянцами, русскими и т. д., как в шахматной партии.

В детской литературе того времени отображалась очень ярко борьба негров против рабства, и тут характерно только то, что Володя своим выбором выражал симпатии Линкольну и его революционным генералам Гранту и Шерману, боровшимся против рабства негров в южных штатах Америки. У Володи и Оли настольной книгой в то время была повесть Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

Как работал Ленин в молодые годы

У Ленина мы учимся по его литературным трудам, по его сочинениям, изучая различные вопросы ленинизма. У Ленина мы учимся на всей истории нашей партии — с ее основания до 1924 года. Мы должны также учиться у Ленина тому, как надо работать.



Дмитрий. 1900—1901 гг.

В работе у Ленина всегда бросались в глаза редкая настойчивость и упорство. Работал он не от случая к случаю, а систематически, изо дня в день. Поэтому результат его работы всегда отличается поразительной ясностью и четкостью мысли. Он работал всегда с особенной тщательностью, придавая громадное значение качеству работы. Этого обычно он требовал и от других; не раз приходилось слышать от него: «Сделано неплохо, но может быть сделано еще лучше!»

Будучи учеником гимназии, он прекрасно учился, имея по всем предметам только одну отметку: отлично. Переходил из класса в класс с круглой пятеркой и первыми наградами и окончил гимназию в 17 лет с золотой медалью.

Когда задавали на дом сочинения, он никогда не писал их накануне подачи, наспех, просиживая из-за этого ночь, как это делало большинство его товарищей-гимназистов. Наоборот, как только объявлялась тема и назначался для написания срок, обычно двухнедельный, Владимир Ильич сразу брался за работу. Он составлял на четвертушке бумаги план сочинения с введением и заключением. Затем брал лист бумаги, складывал его пополам в длину и на левых полосах листа набрасывал черновик, проставляя буквы и цифры согласно составленному плану. Правые полосы листа или широкие поля оставались чистыми. На них в последующие дни он вносил дополнения, пояснения, поправки, а также ссылки на литературу — смотри там-то, страница такая-то.

Постепенно, день за днем правые полосы листа первоначального черновика испещрялись целым рядом пометок, поправок, ссылок и т. д. Затем, незадолго до срока подачи сочинения, он брал чистые листы бумаги и писал все сочинение начерно, справляясь со своими пометками в различных книгах, которые у него уже были припасены заранее. Теперь ему оставалось только взять чистую тетрадь и переписать чернилами набело вполне обработанное и готовое сочинение.

Между прочим, Владимир Ильич никогда в гимназии не писал черновиков чернилами, исключительно карандашом. При этом он очинивал карандаш чрезвычайно тонко, с какой-то особой любовью, так что буквы получались, как тонкие нити. Как только карандаш тупился или ломался, он с новым усердием очинивал его вновь и вновь, доводя до идеального состояния.

Мне, мальчику 12—13 лет, очень нравилось следить за тем, как Владимир Ильич пишет сочинения; я пробирался в его отсутствие к первому листу черновика и удивлялся, как быстро первая половина листа заполнялась все новыми и новыми строчками.

Преподавателем словесности у Владимира Ильича и первым оценщиком его сочинений был тогдашний директор Симбирской гимназии Федор Михайлович Керенский, отец известного эсера. Тот восхищался сочинениями Владимира Ильича и очень часто ставил ему не просто пять, а пять с плюсом. Не раз он говорил нашей матери, что ему особенно нравится в сочинениях Владимира Ильича продуманная система, обилие мыслей при сжатости, ясности и простоте изложения.

У матери долгое время хранились некоторые гимназические сочинения Владимира Ильича, но, к сожалению, в связи с многочисленными переездами из города в город, с жандармскими обысками и т. д. они все растерялись.

В своих ученических сочинениях уже тогда Владимир Ильич придерживался хорошего правила древних: чтобы мыслям было просторно, а словам тесно.

Исключенный из университета за участие в студенческих беспорядках, Ленин обычно летом жил в деревне. В большом, запущенном саду, около садовой скамьи, он устроил себе рабочий стол. Туда ежедневно после завтрака он уходил с книгами и тетрадями и усаживался за серьезную работу часов на пять, пока не позовут обедать. Эти занятия были настолько систематичными, что я с трудом могу вспомнить единичные случаи, когда Владимир Ильич изменял этому обычаю. Если принять во внимание его возраст — в те годы ему было около 20 лет, — то приходится поражаться выдержке и настойчивости этого человека.

Когда Ленин был арестован в Петербурге в декабре 1895 года, он взялся в тюрьме за серьезную литературную работу. Пользуясь книгами и статистическими сборниками, которые посылались ему с воли, он с обычным для него упорством, изо дня в день сидел за изучением и подбором материалов, составлением цифровых таблиц и т. п. И, таким образом, за 14 месяцев своего сидения в одиночке закончил вчерне свою большую работу «Развитие капитализма в России».

Когда в начале 1897 года он услыхал на свидании, что его дело закончено и скоро предстоит освобождение и высылка в Сибирь, он воскликнул: «Рано! Я не успел еще собрать все нужные мне материалы!»[1]

4.

Мария Ильинична Ульянова (1878—1937), младшая сестра Ленина. В революционном движении участвовала с семнадцати лет. В 1898 году вступила в РСДРП (партийные клички: Медведь, Медвежонок, Мимоза). С 1900 года активно участвовала в работе «Искры». С осени 1903 года работала в секретариате ЦК партии, в 1904 году — в петербургской организации большевиков. Неоднократно подвергалась арестам и ссылкам. С марта 1917 года до весны 1929 года Мария Ильинична являлась членом редколлегии и ответственным секретарем газеты «Правда». Была одним из инициаторов и руководителей рабсельковского движения. Заведовала в «Правде» отделами «Рабочая жизнь» и «Страничка работницы». Перейдя на работу в Институт Ленина, собрала и подготовила к печати письма Владимира Ильича к родным. Написала книгу о своем отце, биографический очерк о матери, а также ряд работ о партийной и советской прессе[2].

Мария, так же как Анна и Дмитрий, оказывала Владимиру Ильичу помощь во время его пребывания в Мюнхене, где он издавал «Искру». Об этом свидетельствует оживленная переписка. Письма часто направлялись на конспиративные адреса и были зашифрованы. Мария присылала своему брату книги, неустанно работала для «Искры» в России и редакции газеты в Мюнхене.

Мария Ильинична Ульянова. Из воспоминаний

С самых детских лет я испытывала к Владимиру Ильичу какое-то совсем особое чувство: горячую любовь вместе со своего рода поклонением, точно это было существо какого-то особого, высшего порядка. И если я позволяла себе капризы и непослушание с другими, то от всего этого не оставалось и следа, если я только подозревала, что Владимир Ильич может меня видеть или слышать. Уже не говоря о том, чтобы я проявляла какую-нибудь тень непослушания по отношению к нему. А между тем он никогда не выказывал никакой строгости ко мне, даже наоборот, баловал меня, как младшую в семье.

Я думаю, что такой полный авторитет он завоевал себе благодаря высоте своего нравственного облика. Дети ведь очень чутки к тому, чтобы слово не расходилось с делом, чтобы взрослые не оперировали с двоякого рода моралью: одною, применяемою к детям, а другою — к себе. Брат всегда делал хорошо все, за что бы он ни брался, кроме того, он очень рано научился владеть собой. А между тем от природы он был вспыльчивым, и нужно было немало воли, чтобы сдерживать себя. Повторяю: я не помню, за малыми исключениями, чтобы он был нервен в то время, чтобы он проявлял себя резко по отношению к кому бы то ни было.

Возможно, что моя привязанность к Владимиру Ильичу усугублялась еще тем, что я перенесла на него любовь к отцу, который умер, когда мне еще не было восьми лет. Отец очень любил возиться, бегать и играть с нами, детьми. Много возился он и со мной, как с младшей. У Владимира Ильича было такое же отношение к детям, как и у отца. В этом отношении было то, что особенно завоевывает детей. Он подходил к ним просто, ласково и, я бы сказала, как равный, как к всамделишним людям, хотя и маленьким. В его тоне и обращении с ними не было ни пренебрежительности, которая так часто чувствуется у взрослых по отношению к детям, ни особого подлаживания под детей и под детские интересы. Владимир Ильич сам слишком много детского, в лучшем смысле этого слова, сохранил до последних дней своей жизни, что выражалось в удивительной чистоте, искренности, жизнерадостности, способности увле-

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 79—90.
[2] См. там же, с. 621—622.

Анна и Мария. 1912 г.

каться, скажем охотой, прогулкой, игрой и пр., как ребенок, а также в умении предаваться самой беззаботной веселости. Как же тут было не завоевать симпатии детей!

И всегда, когда Владимиру Ильичу приходилось встречаться с детьми, у него очень быстро устанавливались с ними самые дружеские отношения, с оттенком влюбленности со стороны детей. Знакомство завязывалось быстро, и через некоторое время слышались уже громкий хохот, возня и беготня.

Владимир Ильич стоял всегда за предоставление детям наибольшей свободы и в более поздние годы останавливал нас всегда, когда замечал, что мы слишком «обдергиваем» их: «сиди смирно», «не вертись», «не озоруй» и т. п. Это отношение его к детям проявилось и незадолго до его смерти. На рождество 1923 года я устроила в большом зале горкинского дома елку, созвала человек десять ребят местных служащих и двух наших племянников. Владимир Ильич приехал (сверху) на своем кресле и с удовольствием смотрел на игры детей и слушал их хоровое пение. Но когда под конец я раздала ребятам подарки и они на радостях слишком расшалились и разбегались, я стала их останавливать, боясь, как бы весь этот шум не утомил слишком Владимира Ильича. Но он тотчас же знаками попросил меня не останавливать детей в их играх.

Никакого «обдергивания» не было никогда со стороны Владимира Ильича и по отношению ко мне, когда я была ребенком, а он молодым человеком (он был старше меня на восемь лет).

Отношение его ко мне было всегда простое и ласковое и как-то поднимало меня всегда в собственных глазах.

В симбирский период нашей жизни разница лет между мною и Владимиром Ильичем, о которой я говорила выше, была особенно ощутительна.

Но я слишком забежала вперед.

Из жизни в Симбирске, до смерти отца, у меня сохранились такие воспоминания. Мы жили в большом, поместительном доме с антресолями, на которых помещались мы, дети. К дому примыкал большой, покрытый травой двор, на котором летом устраивались всегда разные игры, вроде жмурок, пятнашек и пр., а зимой сооружали ледяную гору. За двором тянулся большой фруктовый сад, который выходил на параллельную Московской, на которой был наш дом, Покровскую улицу. Этот сад был очень хорош. Вокруг него шли дорожки, обсаженные сиренью, акацией и пр. На них было очень много тени. Посредине тоже были дорожки, которые разделяли сад на четыре равные части. Эти четвертушки были засажены всевозможными ягодными кустами, яблонями и т. п. Без особого разрешения нам не позволялось рвать что-нибудь в саду. «Пастись» на грядках с клубникой, в малиннике и пр. разрешалось только после того, как были сделаны запасы варенья и когда набеги ребят на кусты и гряды не могли уже плачевно сказаться на последствиях. Запрещение это выполнялось нами, детьми, очень строго. И я помню, как поразили меня слова одной знакомой, которая в разговоре с мамой выразила удивление, что в саду все цело. «Мои, мол, ребята, все обрывают». Я не помню, чтобы запрет рвать ягоды и пр. был для нас особенно труден, мы всегда получали ягоды за столом, кроме того, запрета, например, на крыжовник, когда он созревал, не было совсем, да и на другие ягоды запрет скоро снимался, как я указала выше...

А вот зима. И мы летим с Владимиром Ильичем на санках с высокой ледяной горы, устроенной на дворе. В те годы Ильич называл меня «пичужкой» и часто высоко поднимал меня над головой, взяв сзади за локти...

В деревне и в городе

В мае 1889 года мы переехали из Казани в Самару. На деньги, вырученные от продажи симбирского дома, мать надумала купить небольшой хутор. При содействии М. Т. Елизарова, жениха, а позднее мужа старшей сестры, хутор был куплен в 50 верстах от Самары у некоего К. М. Сибирякова...

Покупая это именьице, мать надеялась, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. Но склонности у Владимира Ильича к последнему не было. Позднее, по словам Надежды Константиновны, он говорил ей както: «Мать хотела, чтобы я хозяйством в деревне занимался. Я начал было, да вижу, нельзя, отношения с крестьянами ненормальные становятся».

Но если хозяйство не пошло и от него скоро отказались, то как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето. Особенно хороши там были степной прозрачный воздух и тишина кругом.

В нескольких десятках саженей от старого одноэтажного дома был старый запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. У каждого из нас был там свой любимый уголок. «Олин клен»,— говорили мы. И действительно, вторую мою сестру чаще всего можно было застать за книгой около высокого старого клена. Анна Ильинична больше любила березовую аллейку. В старой липовой аллее, лучше всего сохранившейся, было слишком много тени: верхушки деревьев почти сходились, образуя точно купол. На этой аллее сидели и гуляли больше по вечерам. Минутах в десяти ходьбы от дома был пруд, куда мы ходили купаться. А кругом раздолье: долы, холмы, леса! Невдалеке был так называемый Муравельный лес, в котором было много лесной малины, и мы нередко отправлялись за ней. Ходил туда с нами и Владимир Ильич. Природу он очень любил, и всегда самым лучшим удовольствием и отдыхом для него являлось хождение по глухим, нелюдимым местам с «настоящей природой»[1], как он выражался, описывая свои прогулки за границей.

Террасы в доме не было, ее заменяло крылечко с крышей, достаточно, впрочем, большое для того, чтобы наша семья могла разместиться на нем за самоваром. По вечерам на этом крылечке, чтобы в комнаты не налетали комары, зажигалась лампа, и вся молодежь усаживалась за стол с книгами...

Направо от маленькой прихожей, к которой примыкало крылечко, была комнатка Владимира Ильича. В этой комнате, впрочем, он проводил только ночь. Утром, напившись чаю, он забирал книги, тетради и словари и отправлялся заниматься в сад. А в комнате на это время все окна завешивались темными синими занавесками или одеялами «от мух», с которыми Владимир Ильич постоянно воевал.

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 223.

В саду у Владимира Ильича был свой уголок. Там он устроил себе в тени лип деревянный стол, скамейку и в некотором отдалении трапецию. В этом уголке Владимир Ильич проводил все время до обеда за серьезной работой. Работать Владимир Ильич умел, работать систематически и усидчиво. Книги он не только читал, он изучал, прорабатывал их. Читал по определенному плану. Помню, уже в более поздние годы он говорил, что просто читать разные книги — мало толку. В одном из своих писем из Сибири, спрашивая, работает ли брат Дмитрий, который сидел в то время в тюрьме, Владимир Ильич писал:

«Ему бы заняться чем-нибудь регулярным, а то ведь так «читать» вообще — мало проку»[1].

Владимир Ильич считал, что надо выбрать какой-нибудь один вопрос и работать по нему систематически. Такой систематической его работа была всегда. С утра, на свежую голову, он штудировал более серьезные вещи. Не только читал, но и конспектировал прочитанное, делал заметки и выписки. Иногда он оставлял книги и прохаживался взад и вперед по аллейке около стола, видимо обдумывая прочитанное. Потом садился и опять углублялся в чтение.

В этот уголок сада я прибегала к Владимиру Ильичу по утрам заниматься языками. Я читала и переводила ему французскую или немецкую книгу, причем Ильич всегда настаивал, чтобы я работала возможно более самостоятельно, сама додумывалась до смысла, прибегая к его помощи лишь в особо трудных местах. Слов незнакомых я не выписывала в особую тетрадь, как это обычно делается, но значение их брат спрашивал меня на другой день, обращая на них мое внимание и при дальнейшем чтении, когда они попадались в тексте.

После обеда Владимир Ильич иногда тоже сидел в своем любимом уголке, но читал уже более легкие книги. Иногда к нему присоединялась сестра Ольга, и они читали вместе (из книг, которые они читали вместе, мне запомнился Глеб Успенский). По возрасту Ольга более всего подходила к Владимиру Ильичу, и они жили в то время общими интересами.

По вечерам в алакаевском домике раздавалось иногда пение, это Владимир Ильич пел под аккомпанемент Ольги Ильиничны. Он очень любил музыку и пение, охотно пел сам и слушал пение других: М. Т. Елизарова или хоровое пение. Помню обычный финал его пения, когда он принимался за романс «У тебя есть прелестные глазки». На высоких нотах — «от них я совсем погибаю» — он смеялся, махал рукой и говорил: «Погиб, погиб».

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 92.

Прося выслать ноты для пения Г. М. Кржижановскому, Владимир Ильич писал из Сибири: «На вопросы Маняши: какой у Глеба голос?.. Гм, гм! Должно быть, баритон — что ли. Да он те же вещи поет, что́ и мы, бывало, с Марком «кричали» (как няня выражалась)» [1]...

Как все в нашей семье, Владимир Ильич был застенчив, и когда — что случалось крайне редко — к нам приезжал кто-нибудь из малознакомых, он или оставался в своей комнате, или через окно удирал в сад. Так поступал он и при посещении малоинтересных для него людей. В Алакаевке мы жили уединенно. Знакомых было мало. Но кое с кем из местных жителей Владимир Ильич поддерживал знакомство.

В трех верстах от Алакаевки была, как я уже указывала, колония «капказцев», как звали их крестьяне. Несколько народников село на землю, купив ее на льготных условиях у Сибирякова, с целью создать образцовую земледельческую коммуну. Дело, впрочем, не шло у них на лад, и скоро, за исключением А. А. Преображенского, все разбежались. С Преображенским же Владимир Ильич видался и много спорил, прогуливаясь иногда до поздней ночи по дороге от нашего хутора до хутора Шарнеля.

Преображенский же познакомил Владимира Ильича с некоторыми интересными крестьянами-самородками.

Видался Владимир Ильич и с Д. А. Гончаровым, студентом-медиком, исключенным в 1887 г. из Казанского университета за участие в демонстрации. Он служил фельдшером в Тростянке, в 8—10 верстах от Алакаевки. Гончаров не принадлежал в то время ни к какой политической партии, но настроен был очень радикально. К Владимиру Ильичу он относился с огромным уважением.

На зиму мы переезжали в Самару, где жили вместе с замужней сестрой и ее мужем, М. Т. Елизаровым. Я училась тогда в гимназии, и Владимир Ильич часто помогал мне в уроках. Если ему нужно было уходить куда-нибудь вечером, он обыкновенно предупреждал меня об этом и предлагал прийти раньше, пока он дома. От этих занятий у меня осталась в памяти его необыкновенная добросовестность ко всякому делу, за которое он брался, к чему он старался приучить и меня. Помню, как мне задали на дом по географии начертить карту Европы. Повозившись с этим, я принесла показать свой чертеж Владимиру Ильичу, но он забраковал мою работу и предложил мне переделать ее. При этом он подробно рассказал, как надо взять циркуль и наметить им на бумаге все расстояния, а не рисовать «на глаз», как было сделано в моей первой работе. С жаром принялась я за дело и была удовлетворена одобрением Владимира Ильича. Но гораздо важнее уменья рисовать карты был полученный мной от этой совместной работы пример того, каков должен быть вообще подход ко всякому делу, за которое берешься. Не кое-как, лишь бы скорее с плеч долой, а по обдуманному, взвешенному плану, аккуратно и настойчиво, пока не выйдет действительно хорошо, пока сделанная работа не даст удовлетворения.

Пунктуальность и аккуратность Владимира Ильича проявлялись иногда даже в мелочах. Делая себе как-то тетрадку для занятий, я схватила первую попавшуюся мне катушку с нитками и стала сшивать свою тетрадку черной ниткой. Ильич, который был при этом, остановил меня, заметив, что это некрасиво и что надо найти белую нитку.

Из посещавших нашу квартиру в Самаре кроме А. П. Скляренко, И. Х. Лалаянца, В. В. Водовозова, который приходил больше к старшей сестре — они читали вместе по-итальянски,— М. И. Лебедевой и М. П. Голубевой помню еще В. А. Ионова и А. И. Ерамасова. Последний был знаком с М. Т. Елизаровым и Ионовым по Сызрани, и они затащили его как-то к нам. Вот как описывает А. И. Ерамасов свое первое посещение нашей семьи:

«Я испытывал какое-то особенное чувство при первом посещении ульяновской семьи, перенесшей такое тяжелое горе... Жили тогда Елизаровы в районе Почтовой и Сокольничьей улиц, т. е. недалеко от района «выселенцев», по выражению одного губернатора, кажется Брянчанинова, т. е. недалеко от района, где селилась обычно революционная интеллигенция. Помню, пришли мы вечером и попали прямо к чаю. Вся семья собралась уже в столовой. Здесь я познакомился с Марией Александровной, Анной Ильиничной, Марией Ильиничной и Владимиром Ильичем. Кроме того, за столом был племянник Марка Тимофеевича, который жил у дяди и учился в гимназии.

Разговор шел на обычные в то время темы: о народничестве, о судьбах капитализма, о В. В. и Николае — оне и пр. Владимир Ильич выделялся не только знанием литературы, но и какой-то особой способностью находить слабые места у народников, субъективистов толка Михайловского и пр. После чая мы перешли в комнату Владимира Ильича, где продолжали разговор. В этом разговоре принимал участие и мой приятель Ионов, который много работал над вопросом о развитии капитализма в России и дифференциации крестьянства, собирая материалы по этим вопросам и из статистических сборников, и из личного изучения положения крестьянства. Марк Тимофеевич делился своими постоянными наблюдениями из жизни крестьян в Самарской губернии, где тогда уже резко проявлялась дифференциация крестьянства. В разговоре, помню, принимала участие и Анна Ильинична.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 55, с. 73.

Из всей обстановки комнаты мне до сих пор помнится комплект «Русских ведомостей», которыв висели на стенв перед столиком. Владимир Ильич хранил вcв прочитанные газеты и отмвчал номера, чем-либо заинтересовавшие его».

После этого первого посещения А. И. Ерамасов заглядывал к нам и в другие свои приезды в Самару.

В своих воспоминаниях об этом периоде самарской жизни А. И. Ерамасов сообщает о переводе «Коммунистического манифеста», сделанном Владимиром Ильичем.

«В то врвмя Владимир Ильич сделал прекрасный пврвод «Коммунистического манифеста» К. Маркса и Ф. Энгельса,— пишет он.— Перевод зтот в рукописи ходил по рукам, завезли мы его и в Сызрань. Здесь я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу этого учитвля вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича. Мне так совестно вспоминать об этом, так как я был отчасти виновником гибели прекрасного перевода»...

Мне пришлось побывать в Алакаевке в 1927 году, и я нашла там у местных крестьян самый сврдечный прием. Наперебой расспрашивали они меня о Владимире Ильиче, повторяя: «Жаль, мы тогда не знали, кто с нами живет»[1].

Ильич

1.

Кинооператоры и фотографы, снимавшие Ленина на митингах, демонстрациях и во время работы различных конгрессов, рассказывали, с какой нвохотой он соглашался на съемку. Владимир Ильич неоднократно подчеркивал при зтом, что снимать надо нв его, а собравшихся людей.

Когда после смерти мужа Надвжда Константиновна Крупская выступала 26 января 1924 года на траурном заседании II Всесоюзного съезда Советов, она, в частности, сказала, что только в зти печальные минуты рвшилась рассказать о личных качествах Ленина[2]. Говорить на людях о муже и товарище, спутникв жизни и друге было ей, очевидно, тяжвло.

Решение Надвжды Константиновны опубликовать свои воспоминания о Ленине—человвке, целиком и полностью поглощенном своей работой, опрвделялось не стремлением к личной славе, а пониманием их большого политичвского значения.

А кто кроме Надежды Константиновны мог бы так всестороннв раскрыть образ Владимира Ильича Ленина? «До нашвго приезда в Россию в 1917 году я вcв время работала бок о бок с Ильичем, моя работа была непосредственной помощью в вго работв, я изо дня в день наблюдала вго в его разговорах с людьми, знала все мвлочи, его волновавшие. В послеоктябрьский пвриод дело было иначе. В условиях советской обстановки характер моей секретарской работы менялся, значительно суживался, и Ильич настоял, чтобы я стала работать на просвещенческом фронтв»[1].

Надежда Константиновна была не просто одним из помощников человека, которого она полюбила, человека, ставшвго с годами личностью, сыгравшей выдающуюся роль в мировой истории. Вся двятельность Ленина была теснейшим образом связана с Надвждой Константиновной.

Мать Надежды Константиновны, Елизаввта Васильввна, была «близким товарищем, помогавшим во всей работе. В России во время обыска прятала нелегальщину, носила товарищам в тюрьму передачи, передавала поручения; она жила с нами и в Сибири, и за границей, ввла хозяйство, охаживала приезжавших и приходящих к нам товарищей, шила панцири, зашивая туда нелегальную литературу, писала «скелеты» для химических писем и пр. Товарищи ее любили»[2].

Надвжда Константиновна Крупская родилась 26 февраля 1869 года в Петербургв. Ее отвц Константин Игнатьввич Крупский, бывший офицер, обвдневший дворянин, за свои прогрвссивныв убвждвния подввргался првслвдованиям. В поисках србдств к существованию родители часто переезжали из одного города в другой. После смерти отца четырнадцатилвтняя Надя стала давать уроки, чтобы хоть немного улучшить финансовое положение семьи. С теорвтическими работами Карла Маркса Надежда Константиновна впервые познакомилась в нелегальных студенческих кружках. Твория для нее была руководством к действию. В одном из рабочих районов Петербурга Надежда Константиновна начала работать учитвльницей в вечврней воскресной школе, где она могла непосредственно установить контакты с рабочими, контакты, которые она нв порывала всю свою жизнь.

В то жв врвмя началась вв двятвльность в социал-демократичвской организации Петврбурга, в которой она в началв 1894 года познакомилась с Лвниным. В 1895 году Ленин был одним из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочвго

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 129—131, 142—150.
[2] См. там же, с. 590.

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 471.
[2] Там же, с. 418.

класса», принимал активное участие в поддержке петербургских рабочих во время забастовки весной и летом 1896 года. В августе Надежда Константиновна была арестована и после шести месяцев одиночного заключения выслана на три года в Уфимскую губернию. Ей разрешили первые два года ссылки отбывать вместе с Лениным в Шушенском.

В Шушенском она написала брошюру «Женщина-работница», которая была напечатана в 1901 году в типографии «Искры» (без имени автора).

В эмиграции Надежда Константиновна работала секретарем редакции газет «Искра», «Вперед» и «Пролетарий», принимала активное участие в подготовке II и III съездов партии. С 1905 по 1907 год работала в секретариате ЦК партии в России, в 1911 году — в партийной школе Лонжюмо. После Пражской конференции (1912 г.) устанавливала связи с газетой «Правда», большевистской фракцией IV Государственной думы, являлась одним из организаторов и ведущим редактором большевистского журнала «Работница».

В 1915 году Надежда Константиновна была членом большевистской делегации на Международной женской конференции в Берне. Все свои силы она отдавала сплочению международной социал-демократии против империалистической войны и разъяснительной работе среди русских военнопленных, находившихся в Германии и Австрии. В это время она написала работу «Народное образование и демократия».

В годы эмиграции Крупская вела конспиративную корреспонденцию с партийными организациями в России, организовывала пересылку нелегальной литературы и поездки товарищей в Россию. В ее руках были сосредоточены адреса и явки.

После Февральской революции Надежда Константиновна и Владимир Ильич возвратились в Россию. Здесь Крупская ведет большую работу в секретариате ЦК партии, агитационно-массовую работу среди рабочих и работниц, солдат, солдаток, матросов и молодежи, разъясняя им политику большевистской партии. Она принимала активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции, а после ее победы работала на ответственных постах в Народном комиссариате просвещения.

Надежда Константиновна Крупская умерла 27 февраля 1939 года.

2.

В отличие от немецкого рабочего движения, обращение на «ты» среди русских товарищей не являлось правилом. Выбор формы обращения на «ты» зависел — и сейчас еще зависит — от характера взаимоотношений между членами партии, от желания подчеркнуть степень доверительности и дружбы в отношениях между собой. Общепринятой формой обращения было обращение на «вы».

Если в России известную историческую личность называют просто по отчеству, то в этом находит свое выражение любовь и уважение народа к данному человеку. Ильич — отчество Владимира Ульянова — такова наиболее краткая формула доверия и близости народа к основателю Советского государства Владимиру Ильичу Ленину.

В 1935 году Надежда Константиновна Крупская в кратких, почти стенографических ответах на вопросы московского Института мозга рассказала о чертах характера Ильича. Приводимая ниже запись ответов Крупской, опубликованная в Советском Союзе в 1963 и 1968 годах, на немецком языке до настоящего времени не издавалась. В напечатанной в 1935 году в газете «Правда» статье «Беседа с Ильичем» Надежда Константиновна писала о «чувстве острого сожаления», что Ильич не может видеть того, за что он боролся долгие годы. Ленин «не мог не сгореть. Напряженно все время работала его мысль»[1].

«В корне неправильно считать, что в Ильиче было два человека: один в домашнем быту — веселый, улыбающийся, внимательный к людям, чуткий — и другой в общественной жизни — неулыба, не интересующийся людьми, тем, чем они живут, что думают. Двух людей не было в Ильиче. Как в быту, так и в борьбе он был один и тот же»[2].

3.

Надежда Константиновна Крупская. Из ответов на анкету Института мозга в 1935 году

Слабым не был, но не был и особенно сильным. Физической работой не занимался. Вот разве на субботнике. Еще помню: починил изгородь, когда были в ссылке. На прогулках не очень быстро утомлялся. Был подвижной. Ходить предпочитал. Дома постоянно ходил по комнате, быстро из угла в угол, иногда на цыпочках «из угла в угол». Обдумывал что-нибудь. Почему на цыпочках? Думаю, что отчасти, чтобы не беспокоить, в том числе в эмиграции, когда снимали комнату, не беспокоить и хозяев квартиры. Но это только отчасти.

Кроме того, наверное, еще и потому, что такой быстрой бесшумной ходьбой на цыпоч-

[1] *Крупская Н. К.* О Ленине, с. 66.
[2] Там же, с. 101.

ках создавалась еще бóльшая сосредоточенность.

Лежать определенно не любил.

Скованности в движениях не было. Движения не мягкие, но они не были и резкими, угловатыми.

Ходил быстро. При ходьбе не покачивался и руками особенно не размахивал.

Неуклюжим не был, скорее ловкий.

Беспорядочности и суетливости в движениях не было.

На ногах был очень тверд.

Гимнастикой не занимался. Играл в городки. Плавал, хорошо катался на коньках, любил кататься на велосипеде. В ссылке катался на коньках по реке, вдоль берега. На Волге места не грибные, где он жил. Когда я приехала к нему в ссылку, мы часто ходили в лес по грибы. Глаза у него были хорошие, и когда он (быстро) научился искать и находить грибы, то искал с азартом. Был азартный грибник. Любил охоту с ружьем. Страшно любил ходить по лесу вообще.

Мастерством и ремеслом никаким не занимался, если не считать письма «химией».

Одевался и раздевался быстро. Во время болезни он старался не отступать от одной и той же процедуры, именно для того, чтобы проделать все быстро.

Излюбленные жесты и привычные движения — движения правой рукой во время речи вперед и вправо. Недавно видела изображение Ильича с правой рукой (во время речи): предплечьем вперед, но плечо прижато к туловищу — это неверно, так он не делал,— рука шла вперед, вытягивалась или закругленным движением и отходила от туловища.

Таких жестов, как битье кулаком по столу или грожение пальцем, никогда не было.

Манерности, вычурности, странностей, театральности, рисовки в движениях не было.

Мимика и жестикуляция всегда были выразительны. Стали определенно живее во время болезни. Улыбался очень часто. Улыбка хорошая, ехидной и «вежливой» она не была.

Ух, как умел хохотать. До слез. Отбрасывался назад при хохоте.

Ни так называемой вежливой улыбки или смеха, натянутости. Они были всегда очень естественны.

Голос был громкий, но не крикливый, грудной. Баритон. Пел. Репертуар: «Нас венчали не в церкви», «Я вас люблю, люблю безмерно», «Замучен в тяжелой неволе», «Варшавянка», «Вставай, подымайся, рабочий народ», «Смело, товарищи, в ногу», «День настал веселый мая», «Беснуйтесь, тираны», «Vous avez pris Elsass et Lorraine», «Soldats dix-septieme».

Говорил быстро. Стенографисты плохо записывали. Может быть, впрочем, и не потому, что быстро, или не столько потому, а потому, что 1) стенографисты у нас были тогда плохие и 2) конструкция фраз у него трудная.

В сборнике «Леф» есть статья, в которой авторы, разбирая структуру речи Ильича, приходят к выводу, что конструкция речи (фраз) латинская.

Ильич мне как-то говорил, что он в свое время очень увлекался латинским языком.

Голос выразительный, не монотонный. Особенно выразительны и в отношении модуляции были его zwischenrufe[1]. Я их как сейчас слышу.

Речь простая была, не вычурная и не театральная, не было ни «естественной искусственности», «певучая» типа французской речи (как у Луначарского, например), не было и сухости, деревянности, монотонности типа английской — русская речь посредине между этими крайностями. И она была у Ильича такая — посредине — типичная русская речь. Она была эмоционально насыщена, но не театральна, не надуманна; естественно эмоциональна. Модулирования не были штампованно однообразны и стереотипны.

Плавная и свободная[2]. Слова и фразы подбирал свободно, не испытывая затруднений. Правда, он всегда очень тщательно готовился к выступлениям, но, готовясь, он готовил не фразы, а план речи, обдумывал содержание, мысли обдумывал.

Говорил всегда с увлечением — было ли то выступление или беседа. Бывало часто — он очень эмоционален был,— готовясь к выступлению, ходит по комнате и шепотком говорит статью, например, которую готовится написать. На прогулке, бывало, идет молча, сосредоточенно. Тогда я тоже не говорю, даю ему уйти в себя. Затем начинал говорить подробно, обстоятельно и очень не любил вставных вопросов. После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен. Я никогда не расспрашивала — он сам всегда потом рассказывал, без вопросов.

На прогулках часто бывали случаи, когда какая-нибудь неожиданная реплика показывала, что, гуляя, он сосредоточенно и напряженно думал, обдумывал и т. д.

«Лезет на живописную гору, а думает совсем не о горе, а о меньшевиках» (см. воспоминания Эссен (Зверь)[3].

В этом же и беда была во время начала болезни. Когда врачи запретили чтение и вообще работу. Думаю, что это неправильно было. Ильич часто говорил мне: «Ведь они же (и я сам) не могут запретить мне думать».

---

[1] — возгласы с места, реплики.— *Ред.*

[2] Имеется в виду речь В. И. Ленина — *Ред.*

[3] См.: *Эссен М.* Встречи с Лениным.— В кн.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1956, ч. 1, с. 296.— *Ред.*

В. И. Ленин,
Н. К. Крупская
и М. И. Ульянова
на Красной площади
во время праздника войск
Всевобуча 25 мая 1919 г.,
Москва

ствии медсестры я ему говорила, что вот, мол, речь, знаешь, восстанавливается, только медленно. Смотри на это, как на временное пребывание в тюрьме. Медсестра говорит: «Ну, какая же тюрьма, что вы говорите, Надежда Константиновна?»

Ильич понял — после этого разговора он стал определенно больше себя держать в руках.

Любил напевать и насвистывать.

Потребность высказаться, выяснить у него была всегда очень выражена.

Случаев выпадения из памяти слов, фраз и оборотов или непонимания смысла и значения слов собеседника не было. Наоборот, необычайно быстро улавливал смысл и значение. Его записи — часто одним словом, одной фразой.

Дома, если какой-либо вопрос его сильно волновал, всегда говорил шепотком.

Очень бодрый, настойчивый и выдержанный человек был. Оптимист.

В тюрьме был — сама выдержка и бодрость. Во время болезни был случай, когда в присут-

Писал ужасно быстро, с сокращениями. Писал с необыкновенной быстротой, много и охотно. К докладам всегда записывал мысль и план речи. Записывал на докладах мысли и речи докладчика и ораторов. В этих записях всегда все основное было схвачено, никогда не пропущено.

Почерк становился более четким, когда писал что-либо (в письмах, например), что его особенно интересовало и волновало.

Письмо было связанно и логически последовательно. Сокращения букв (гласных часто) и слогов практиковал очень часто, в целях ускорения письма.

Рукописи писал всегда сразу набело. Помарок очень мало.

Преобладания устной или письменной речи не было. По-моему, и та, и другая были сильно разеиты. Легко и сеободно и писал, и гоеорил.

Статистические таблицы, цифры, еыписки писал всегда необычайно четко, с особой старательностью,— зто «образцы каллиграфии». Выписывал их охотно, всегда и цифрами, и кривыми, и диаграммами, но никогда не диаграммами изобразительными (в виде рисункое).

Статистическую графику использовал широко, чертил сам, и очень четко.

Никак и никогда ничего не рисовал.

Читал чрезеычайно быстро. Читал про себя. Вслух ни я ему, ни он мне никогда ничего не читали, в заводе зтого у нас не было: зто же сильно замедляет.

Шепотом при чтении иногда говорил, что думал в связи с чтением.

Вдаль еидел хорошо. Они с мамой (моей) часто соревновались е зтом деле.

Глазомер у него был хороший — стрелял хорошо и в городки играл недурно.

Цвета и оттенки различал очень хорошо и праеильно.

Зрительная память прекрасная. Лица, страницы, строчки запоминал очень хорошо. Хорошо удерживал в памяти и надолго еиденное и подробности виденного.

Ужасно любил природу. Любил горы, лес и закаты солнца. Очень ценил и любил сочетания красок. На свою одежду обращал енимания мало. Думаю, что цеет его галстука был ему безразличен. Да и к галстуку относился как к неудобной необходимости.

Хорошо слышал на оба уха. Хорошо слышал шепотную речь. Ориентировался в незнакомой местности хорошо. Расстояния и напраеление по слуху тоже определял хорошо.

Очень хорошо запоминал и очень хорошо удержиеал е памяти слышанное. Передавал есегда точно, уееренно и свободно. Думаю, что зрительная и слуховая память у него были приблизительно равны по степени развития.

Во еремя подготовки к выступлениям и вообще занимаясь любил подчеркивания, пометки, выписки и конспекты и прибегал к ним часто и много. Они часто были коротки и выразительны. Но ео еремя чтения шепотком говорил лишь по поводу читаемого. Шепотком говорил сеою статью. Слушать, как другой читает,— зтого у нас не было в заеоде.

Очень любил слушать рассказ. Слушал серьезно, внимательно, охотно. Есть воспоминание группы рабочих, посетивших его после болезни. Они пишут, что Ильич говорил с ними. В действительности он только слушал.

Очень любил слушать музыку. Но страшно устаеал при зтом. Слушал серьезно. Очень любил Вагнера. Как правило, уходил после переого действия как больной.

Шум вообще не любил (я говорю не о шуме людной улицы, толпы, большого города). Но вот е квартире не любил шуму.

Музыкален. Музыкальная память хорошая. Запоминал хорошо, но не то чтобы очень быстро. Больше всего любил скрипку. Любил пианино. Абсолютный слух? Не знаю. Насчет аккорда тоже не знаю. Ритм? Ноты? Мог ли читать их? Не знаю.

Оперу любил больше балета.

Любил сонату «Патетическую» и «Аппассионату».

Любил песню тореадора. Охотно ходил в Париже е концерты. Но есего зтого было мало е нашей жизни. Театр очень любил — есегда зто произеодило на него сильное епечатление.

В Шееицарии мы ходили с ним на «Живой труп».

Высоты не боялся — в горах ходил «по самому краю». Быструю езду любил.

Под разгоеор писать не мог (не любил), нужна была тишина абсолютная.

Доеольно покорно ел есе, что дадут. Некоторое время ели каждый день конину. Они с Иннокентием[1] находили, что очень екусно.

В молодости и е тюрьме страдал катаром желудка и кишок. Часто потом спрашиеал, перейдя на домашний стол, исправивший зти катары: «А мне можно зто есть?» Перец и горчицу любил. Не мог есть земляники (идиосинкразия).

С наслаждением ел простоквашу. Вкус и обоняние еообще были слабо развиты. Запахи он различал, конечно, но никакой склонности и к ним еообще, и к особым не было.

В комнате не еыносил садовых цветов. Но любил е комнате полееые цеeты и зелень. Очень любил весенние запахи. Садовых цеетое и особенно с сильным запахом избегал.

Помню, я его заставала за таким занятием — подливал в 1922 году теплую воду в кувшин, е который мы поставили еетки с набухшими почками (весной дело было).

Оптимист. В Сибири и во Франции он был еообще гораздо нерренее. Страдал страшными бессонницами. Утра у него всегда были плохие, поздно засыпал и плохо спал. В Швейцарии очень помогла размеренность швейцарской жизни, а ео Франции мы жили шиворот-навыворот. Поздние разгоеоры и споры до ночи (в Сибири и за границей). В Сибири одно еремя перед концом ссылки страшно волноеался, что могут продлить,— был тогда особенно нервный и раздражительный. Даже исхудал.

[1] Имеется в виду И. Ф. Дубровинский, один из видных деятелей партии большевиков.— *Ред.*

Меланхолии, апатии не было. Смены настроения всегда вообще имели явную причину и были адекватны. Очень нервировала его склока заграничная, ссоры и споры с Плехановым и с впередовцами.

Вообще очень эмоционален. Все переживания были эмоциональны.

Обычное, преобладающее настроение—напряженная сосредоточенность.

Веселый и шутливый.

Частой смены настроения не было. Вообще все смены всегда были обоснованы.

Очень хорошо владел собой.

Когда говорил, если по тем или иным причинам не надо было сдерживаться, всегда остро ставил вопросы, заострял их, «не взирая на лица».

В беседах с людьми, которых растил, был очень тактичен.

Впечатлителен. Реагировал очень сильно.

В Брюсселе после столкновения с Плехановым немедленно сел писать ядовитые замечания на ядовитые замечания Плеханова, несмотря на уговоры пойти гулять: «Пойдем собор смотреть».

Бледнел, когда волновался.

Страстность захватывающая речи, она чувствовалась даже, когда говорил внешне спокойно.

Перед всяким выступлением очень волновался: сосредоточен, неразговорчив, уклонялся от разговоров на другие темы, по лицу видно, что волнуется, продумывает. Обязательно писал план речи.

Очень сильно было выражено стремление углубленно, по-исследовательски подходить к вопросам.

В Шуше, например, крестьянин 2 часа рассказывал ему, как он поссорился со своими за то, что те не угостили его на свадьбе. Ильич расспрашивал необычайно внимательно, стараясь познакомиться с бытом и жизнью.

Всегда органическая какая-то связь с жизнью.

Колоссальная сосредоточенность.

Самокритичен, очень строго относился к себе. Но копанье и мучительнейший самоанализ в душе ненавидел.

Когда очень волновался, брал словарь (например, Макарова) и мог часами его читать.

Был боевой человек.

Адоратскому до деталей рассказывал, как будет выглядеть социалистическая революция.

Азарт на охоте—ползанье за утками на четвереньках. Зряшнего риска—ради риска—нет. В воду бросался первый. Ни пугливости, ни боязливости.

Смел и отважен[1].

---

[1] Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. 1, с. 603—609.

Список использованных архивных материалов

BAYERISCHES HAUPTSTAATSARCHIB. Abkürzung: BayHSta

A. Akten des Kgl. Staatsministeriums des Königl. Hauses und des Äußeren (ehemals: Geheimes Staatsarchiv, München)

1. Gesandtschaften:

St. Petersburg

80 Die Bayerische Gesandtschaft in St. Petersburg. Politische Korrespondenz 1878—1883

Berlin, 1866—1933

1071 Politische Berichte (u. a. Lex Heinze) 1900
1074 Politische Berichte und Instruktionen 1902
1077 Politische Berichte und Instruktionen 1905
1111 Berichte des Rechtsanwalts Adalbert Volck aus Dorpat über Rußland 1916/17
1112 Informatorische Aufzeichnungen des Auswärtigen Amtes 1917
1174 Politische Versammlungen, Aufzüge, Sozialistische Bewegung, Anarchisten, Verschwörungen, Streiks, 1876—1924
1258 Auslieferung von Verbrechern: Allgemeines und Einzelfälle (u. a. Tifliser Bankraub 1907), 1874—1921
1705 Verträge mit Rußland betr. Auslieferung von Verbrechern, 1885—1918
1260 Strafrechtliche Gegenstände (Beleidigungen, Schutzhaft u. a.), 1873—1924
1560 Ausweisung von Polen, Dänen und Russen, 1885—1920

2. Ministerialextradition 1921 III. Äußere Verhältnisse I:

MA 50339 Diebstahl in der ks. russischen Gesandtschaftskanzlei 1895
MA 50343/33 Verkehr der russ. Gesandtschaft mit einem gewissen Dingfelder (Pseudonym Müller) 1905
MA 50350/41 Nachlaß des ks. russ. Attachés Konstantin Mourousy 1913
MA 59841/10 Verehelichung ausl. Staatsangehöriger in Bayern. Russen.
MA 59950 Der dt-russ. Verein zur Pflege und Förderung der beiderseitigen Handelsbeziehungen 1899

Ausweisungen nach Rußland (lt. Repertorium):
1899: Schewel Rudaloff; 1900: Kochmann Leo; 1900: Rosenberger Eugen; 1900: Oranowitsch Johann (von Riga); 1902: Monschein Israel von Lodz.

MA 61951/23 Vorschriften, denen Fremde bei ihrem Eintritt oder Aufenthalt in Deutschland und beim Verlassen des Reichsgebietes unterworfen sind. 1897
MA 63227 Den Nachdruck russ. Werke in Deutschland betrf. 1884
MA 65910 Auslieferungsvertrag mit Rußland v. 26. 2. 69
MA 65914 Ordensverleihungen anl. des Abschlusses eines Auslieferungsvertrages mit Rußland 1869
MA 65969 Rechtshilfeverkehr mit Rußland hier Ausdehnung der Ladungsfrist für Zeugenvernehmung und Eidesabnahme auf drei Monate 1885

3. Akten der Registratursparte «Deutsches Reich»:

MA 95302 Der Botschafterposten in St. Petersburg 1892/1907
MA 95714 Internationale Abmachungen gegen den Anarchismus und Vollzug derselben 1901/1914
MA 95715 Anarchisten Personalia-Specialien 1888/1914
MA 95716 Das politische Verhalten der in München studierenden russischen Unterthanen; Überwachung derselben 1899/1903
MA 95727 Die Auslandsgruppen der russisch-revolutionären Organisationen und die sozialdemokratische Partei in München 1909
MA 95732 Russische Geheimverbindungen 1911

4. Abgabe 1936. Ministerium des königlichen Hauses und des Äusseren (seit 1919: Staatsministerium des Äusseren):

MA 98532 Russische Hofnachrichten 1892/1914 (Sammelakt)
MA 98535 Die Vorgänge in Rußland 1904/1914
MA 98541 Arbeiterstreiks und Arbeiterrevolution in Rußland 1905
MA 98548 Russische Studenten in München. Aufschlüsse an die russische Regierung über deren Leumund und Unterhaltung (Sammelakt) 1914
MA 98561 Russische Arbeiter in Bayern, Beschwerde 1912/1914
MA 98565 Werschbitzki, Aufschlüsse 1899
MA 98662 Der Bankraub in Tiflis 1908/1910
MA 92045 Die Bestellung der russischen Gesandtschaft in München 1903—1918
MA 92047 Die Zuteilung militärischer Agenten zur russischen Gesandtschaft in München 1896—1910
MA 92681 Die Einbürgerung von russischen und galizischen Polen sowie nichtpolnischen russischen Staatsangehörigen in einem Bundesstaate u. a. 1873—1918. Einzelfälle und Namensliste
MA 92776 Antisemitische Vorträge des Wiener Bürgermeisters Lueger in München 1897—1901
MA 92777 Reden des bayerischen Landtagsabgeordneten Sickenberger in Wien, 1899—1900

B. Akten des Kgl. Staatsministeriums des Inneren

1. Registratur IV — Polizei. Abkürzung: Minn

Minn 71467—71596 Politische Polizei. Polizeiblätter. Kriminalpolizei. Auslieferungen, Polizeikongresse, Beleidigungen, Unruhen, Staatssicherheit. Gefängnisse und Schubwesen
Minn 71597—71653 Paßwesen, Grenzpolizei, Ausländer
Minn 71700—71825 Politische Umtriebe, Unruhen, Technische Nothilfe, Streiks, Schutz der Republik, Hochverrat, Spionage, Sabotage, Presse
Minn 73438—76631 Parteien und Vereine
Minn 73869—73735 Staatssicherheit, Unruhen
Minn 71468 Die Überwachung politischer Verbrecher 1884—1901
Minn 71477 Deutsches Zentralpolizeiblatt, Fahndungsblatt 1885—1924
Minn 71481 Internationales Krim.-Polizeiblatt 1886—1937
Minn 71571 Entweichung von Gefangenen 1871—1938
Minn 71618 Aufenthalt von Ausländern in Bayern 1863—1921
Minn 71620 Aufenthalt ausländischer Untertanen in Bayern (mit Ausnahme von Russen) und Schutz derselben 1858—1937
Minn 71623 Aufenthalt kaiserlich russischer Untertanen in Bayern 1892—1913
Minn 71643 Ausweisung von Ausländern 1906—1914
Minn 71640 Landesverweisungen 1854—1918

MInn 71700 Politische Umtriebe 1855—1918
MInn 71705 Vorkehrungen bei Ausbruch von Unruhen (Generalmarschinstruktion f. Militär- und Zivilbehörden, Anordnung des Standrechtes)
MInn 73499 Süddeutscher Arbeiter-Bildungs-Verein. Arbeiter-Bildungs-Vereine überhaupt. Arbeitervereine, Arbeitgeber 1879—1931
MInn 73543 Arbeiterschutzverein München 1897—1900
MInn 73568 Der russische Leseverein in München 1902—1907
MInn 74190 Auswanderung nach Rußland und Polen 1857—1941

2. Justizministerium. Abgabe 1965. Abkürzung: MJu

MJu 17328 Aktenverzeichnis der Überwachten 1900—1934
MJu 17327 Überwachung der Presse
MJu 17347 Münchener Post 1903
MJu 17451 Protestversammlung gegen die Lex Heinze 1900
MJu 17469 Sozialdemokratie
MJu 17470 Maßregeln gegen die Anarchisten

STAATSARCHIV MÜNCHEN. Abkürzung: StaM
Akten des Regierungsbezirks Oberbayern

1. Abgaben der Polizeidirektion München. Abkürzung: Pol. Dir. Mü.

620 Russische Studenten-Kassa 1892—1907
673 Akademisch-polytechnischer Verein «Rußland»
669 Juristisch-nationalök. Verein der Studenten aus Rußland 1910/1911
513 Akademisch-Russ. Studentenhalle «Leo Tolstoj»
509 Polnischer Studentenverein 1897—1904
510 Polnischer Lesezirkel 1893—1900
524 Wissenschaftlicher Verein polnischer Studenten 1903—1922
567 Bildungsverein der Arbeiter Münchens 1895—1907
568 Jüdischer Ak. Kulturverein der TH 1909—1927
569 Russischer Frauensparverein 1909—1922
571 Verein polnischer Studenten an der TH 1902—1922
595 Polizeiermittlungen Slawischer Geheimbund
636 Russischer Kulturverein
653 Bulgarischer Studentenverein 1910/11
741 Verein jüdischer Studenten 1901—1908
118 Sozialdemokratische Versammlungen 1890—1910
119 Aufsicht auf sozialdemokratische Agitatoren 1885—1890
979 Volkszählung 1900
1003 Soziald. und Gew. Vortrag von Stadtrat Olsen aus Kopenhagen—Aussperrung in Nürnberg
552/557 Arbeiterbildungsverein, Arbeiterleseverein
6640 Gesell, Silvio
6642 Rudolf Schollenbruch
6638 Rudolf Egelhofer
5420 Leviné-Niessen, Eugen

2. Abgaben der Staatsanwaltschaft. Abkürzung: Sta

Sta 2127 Menzi, Hildegard (Standgerichtsverfahren)
Sta 2210 Schollenbruch, Rudolf (Standgerichtsverfahren)
Sta 1939 Axelrod, Tobias (Standgerichtsverfahren)

3. Andere Fakzikel

RA 57779 Aufsicht auf die Presse 1897—1923
RA 57782 Amtliche Berichtigungen 1868—1916
RA 57784 Amtliche Bekanntmachungen 1820—1922
RA 57786 Außerhalb Bayern erscheinende Schriften 1871—1908
RA 57942 Allgemeine Volksstimmung 1866—1918
RA 57940 Allgemeine polizeiliche Sicherheitsmaßregeln 1855—1903

RA 57973 Fahndungsblatt 1899—1919
RA 57963 Fahndungsblatt nach dem Räuber Kneissl 1900—1902
RA 57842 Vereine 1881—1904
RA 57843 Vereine München 1896—1901
RA 57844 Vereine München 1902—1926
RA 57791 Politische Vereine
RA 57800—03 Vollzug des Reichsgesetzes vom 21. Oktober 1878 gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie. Quartalsberichte 1878—1890
RA 57804 Sozialistische Bewegung 1903—1932
LRA 84978 Bezirksamt Bruck betr. Kommunisten 1886—1931

STADTARCHIV MÜNCHEN

1. Meldebogenkartei für Ausländer. Hauptliste für den In-Reichs-Aus-Länder. Einzelne Meldebögen:

Franz Bley, Zarachias Epstein, Maximinus Ernst, Josef Filser, Dr. Jourdan Jourdanoff, Dr. Carl Lehmann, Dr. Julius Marchiewsky, Georg Rittmeyer, Georg von Vollmar, Dimiter Werdanoff.

2. Adressbücher der Stadt München, 1899—1903

3. Einwohnermeldeamt.

91/1—2 Civilconscriptionsbüro, jetzt Einwohneramt. II. 1897—1919
142 Ansässigmachungsbewilligungen. Verhandlungen und Bestimmungen wegen der Erteilung auch von Verehelichungsbew. 1834—1916

4. Polizeidirektion

502 Ortspolizeiliche Vorschriften 1900—1912
376 Criminalpolizeiblatt 1898—1921 (auch andere Staaten)
307 Geschäftseinteilung 1842—1914
185 Bezirkskommissäre und Sicherheitsoffizianten 1869—1908
280 Personalakt Fey, Valentin. Künstlername Karl Valentin
469 Aufsicht auf politische Vereine etc. 1832—1906

5. Fotobestände von Straßen, Plätzen, Gebäuden etc.

BAYERISCHE STAATSBIBLIOTHEK, HANDSCHRIFTENABTEILUNG

1. Registratur A.

23 Gesetze für Besuch und Benützung der Bibliothek
113 Verordnungen über das Ausleihwesen überhaupt und über das Einhalten der Zurücklieferungstermine insbesondere
210 Lesesaal der K. Hof- und Staatsbibliothek. Besuch derselben (Statistik)
37 Vermehrung der Bibliothek durch russische Werke
240 Anschaffung von Büchern /von Lesern verlangte aber nicht vorhandene
276 Bücherentleihungen aus auswärtigen Bibliotheken

2. Benutzerbücher

Cbm. C. 96 v Fremdenbuch des Handschriftenzimmers
Cbm. C. 96 u Kontrollbücher über die den auswärtigen Sendungen beigegebenen Scheine u. Reverse
Cbm. Cat. 280 ta Einschreibebuch für die Besucher des Journalsaales (1884—15. Nov. 1902)

Оглавление

Сокращенный перевод с немецкого
*И. П. ШМАТОВА, Я. Г. ФОГЕЛЕРА,
В. М. ЮШЕНКО*

Общая редакция перевода
А. Е. БУТОРИНА

Научный редактор
З. А. ЛЕВИНА

Заведующий редакцией
А. В. Никольский

Редактор
Л. С. Орлова

Младший редактор
Е. Б. Бурковская

Художник
Ю. Н. Маркаров

Художественный редактор
Е. А. Андрусенко

Технический редактор
Н. К. Капустина

Хитцер Ф.

Х52 Под именем доктора Иорданова: Ленин в Мюнхене. Пер. с нем.— М.: Политиздат, 1981.— 446 с., ил.

Прогрессивный западногерманский писатель Фридрих Хитцер в данной книге, основанной на документах и воспоминаниях, повествует о жизни и деятельности В. И. Ленина и русских революционных социал-демократов во время их пребывания в эмиграции в Германии, прежде всего в Мюнхене, начиная с 1900 года — года создания «Искры» и в последующие годы.

$Х\frac{10103-184}{079(02)-81}$ 224—81 0103020000 — 13.50, 3К26

ИБ № 2301
Сдано в набор 07.01.80. Подписано в печать 30.12.80. Формат $84\times108^{1}/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Гельветика». Печать офсетная. Условн. печ. л. 47,04. Учетно-изд. л. 55,08. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 1114. Цена 2 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП,
Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Фотонабор сделан в ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано в ордена Ленина типографии
«Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16. Заказ № 4713.

ozon.ru
выбирайте
1074981760

Ф. ХИТЦЕР

ПОД ИМЕНЕМ
ДОКТОРА ИОРДАНОВА